

ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ PROBLEMS OF DETERMINING CRIMES RELATED TO EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, улица Кулаковского, 42, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677013, Россия.
E-mail: arzulana@bk.ru

PAVLOVA Arzulana Akramovna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Faculty of Law, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Kulakovsky Street, 42, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677013, Russia.
E-mail: arzulana@bk.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу факторов, детерминирующих совершение преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, как сложных социально-политических явлений, способных саморазвиваться, когда отсутствует государственная система и стратегия противодействия или она не соответствует заявленным целям и задачам. Являясь формами деструктивной, радикальной деятельности, экстремизм и терроризм различаются в своих проявлениях уровнем и характером насилия. Однако их детерминанты тесно взаимодействуют между собой.

Abstract. The article is devoted to the analysis of factors that determine the commission of crimes related to extremist and terrorist activities as complex socio-political phenomena capable of self-development when there is no state system and strategy for counteraction or it does not correspond to the stated goals and objectives. As forms of destructive, radical activity, extremism and terrorism differ in their manifestations by the level and nature of violence. However, their determinants are closely interrelated.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, детерминанты, экстремистская деятельность, террористическая деятельность.
Keywords: terrorism, extremism, determinants, extremist activity, terrorist activity.

Для цитирования: Павлова А.А. Проблемы детерминации преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 746-750. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_746.

For citation: Pavlova A.A. Problems of determining crimes related to extremist and terrorist activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 746-750. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_746.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Являясь формами деструктивной, радикальной деятельности, экстремизм и терроризм различаются в своих проявлениях уровнем и характером насилия. Но зарождение и развитие этих радикальных проявлений, отразившиеся впоследствии в преступной экстремистской или террористической деятельности, часто обусловлены общими негативными процессами, происходящими в обществе. Более того, экстремистские преступления иногда детерминируют преступления террористического характера.

В этой связи постараемся представить вначале общие детерминанты преступлений экстремистской направленности и террористического характера, затем детерминирующие факторы, более характерные каждой из указанных категорий преступлений, отдельно.

Разделяем также позицию Р.М. Узденова, на основе исследования причинного комплекса экстремизма сформулировавшего вывод, что «универсальной и безотносительной детерминанты рассматриваемого феномена не существует». Он же предложил определенные группы «детерминант, сочетание которых влечет развитие экстремистских воззрений в социуме»:

1. Исторические детерминанты (исторические конфликтные ситуации, затрагивающие межнациональные отношения);
2. Геополитические детерминанты (политическая организация государства, его полиэтничность);
3. Социально-экономические детерминанты (значительное экономическое неравенство, безработица, нищета населения);
4. Молодежный фактор (отсутствие адекватной молодежной политики государства);
5. Социокультурный фактор (различия в культурах, языках, обычаях, религиях этносов);
6. Информационный фактор (некорректная, неэтичная, непрофессиональная деятельность СМИ);
7. Внешнеполитический фактор (деятельность иностранных политических сил в ущерб безопасности России) [1, с.9-10].

Ряд авторов к причинам террористической и экстремистской деятельности относят: идеологические, политические, сепаратистские, этнографические, психологические, религиозные, территориальные, социальные, географические, экономические факторы[2].

Принято также выделять внутренние и внешние факторы, способствующие распространению террористических и экстремистских преступлений в России.

К внутренним условиям и причинам могут быть отнесены:

- межэтнические, межконфессиональные и другие общественные противоречия;
- не всегда эффективная и своевременная работа правоохранительных органов, в т.ч. с коррупцией и организованной преступностью, незаконным оборотом оружия;
- ослабленный контроль за распространением идей национализма, радикализма и экстремизма, в особенности в социальных сетях и

сети Интернет;

- наличие значительного числа людей, побывавших в «горячих точках»;

- экономический кризис, безработица, и, в связи с этим, обостренное чувство несправедливости, незащищенности у подавляющего числа населения.

К внешним причинам, в первую очередь, отнесены: систематические стремления проникновения международных террористических организаций в определенные российские регионы, отсутствие должного контроля за въездом-выездом из России и сохраняющаяся «прозрачность» ее границ; существование нелегального рынка вооружения в сопредельных государствах[3].

Все эти внутренние и внешние факторы в той или иной мере присутствуют в современной России, и продолжают оказывать детерминирующее воздействие на экстремизм и терроризм. Следует, полагаем, добавить к ним сложившуюся политическую обстановку в связи с проведением Россией специальной военной операции на Украине с 22 февраля 2022 г.

С. Н. Фридинский, проанализировав основные факторы, вызывающие появление и развитие экстремистского движения, подразделяет их на три группы: экономические, социально-политические и идеологические.

В первую группу *экономических факторов*, по его мнению, входят следующие тесно связанные детерминанты: экономические кризисы, сопровождающиеся безработицей, обеднением большей части населения и утратой ею своего социального статуса; криминализация определенной части экономики; возникновение значительного социального расслоения в обществе; наличие на той или иной территории определенных запасов природных богатств или выгодное географическое положение, что может вызвать рост сепаратистских настроений и, как следствие, различные экстремистские проявления.

Ко второй группе *социально-политических факторов* он относит: ослабление государственной власти и пассивность ее силовых структур; высокую коррумпированность чиновников; криминализацию общества; содействие экстремистам со стороны представителей зарубежных общественных организаций, направленное на достижение своих собственных целей за счет экономического и политического ослабления государства, территория которого подвержена сепаратистскому движению.

В третью – *идеологическую* группу, по его мнению, следует включить отсутствие в государстве какой-либо общепризнанной идеологической концепции, разделяемой подавляющим большинством населения [4, с. 35].

Названный фактор все более актуализируется в современном информационном обществе, отчасти утратившем прочную идеологическую составляющую, способную укрепить общественные связи и нравственные установки. В таких условиях деструктивная идеология легко проникает через сеть Интернет, оказывает свое разлагающее воздействие, прежде всего, на молодежь. Недостаточная социальная зрелость, возрастающая потребность в самоутверждении, незначительный жизненный опыт, отсутствие или несформированность критического подхода к информации, а также неопределенный социальный статус вкупе с другими дестабилизирующими факторами, выступают детерминантами роста количества молодежных экстремистских преступлений.

Кроме названных трех групп детерминирующих факторов можно назвать *социально-психологические*. Мы уже отмечали, что отношение к экстремистским проявлениям разнится в зависимости от лиц или групп, к кому оно направлено. К примеру, нередко можно наблюдать в сети Интернет «оправдывающие» или даже поддерживающие оценки и комментарии в отношении действий экстремистского характера, если они направлены против представителей этнических или религиозных групп, иных для основной обсуждающей эти акты аудитории. Конечно, среди комментаторов часто присутствуют провокаторы, специально «раздувающие» такие темы. Точно так же отдельные представители религиозных конфессий, прежде всего, пропагандирующих борьбу за «чистый» ислам, не относятся к своим единомышленникам-участникам вооруженных незаконных объединений, как к экстремистам или террористам. А многие представители славянских народов не всегда считают скинхедов экстремистами. В целом можно констатировать, что социально-психологические факторы играют свою детерминирующую роль в обществе, где отсутствует объединяющие идеологические концепции и установки. И эти, разные по сути, детерминанты (идеологические и социально-психологические), присутствуя вместе в определенной общественной ситуации, обуславливают распространению экстремистских проявлений.

С. Н. Фридинский выделяет в качестве детерминант еще и *административно-бюрократические факторы*, выражающиеся, например, в отсутствии контроля за выездами в зарубежные центры влияния или учебные заведения, ведения соответствующей статистики и анализа за ними.

Применительно к молодежному экстремизму, он же считает, что его основными источниками являются «социально-политические факторы: кризис экономической системы; криминализация массовой культуры; социокультурный дефицит; преобладание досуговых ориентации над социально полезными; кризис школьного и семейного воспитания; конфликты семье и в отношениях со сверстниками; деформация системы ценностей; криминальная среда общения; неадекватное восприятие педагогических воздействий; отсутствие жизненных планов» [4, с.35].

Доктор юридических наук А. В. Ростокинский, посвятивший свое диссертационное исследование проявлениям субкультурных конфликтов молодежных объединений, особо выделил в качестве детерминирующего фактора «растущее отчуждение подрастающего поколения от принятия социально значимых решений» [5, с. 25-26]. Пребывание несовершеннолетних в составе субкультурных образований, по его мнению, культивирует такую обособленность от общества, объективно осложняет процесс социализации личности и при воздействии негативных условий социального окружения становится существенным криминогенным фактором для совершения экстремистских преступлений.

На раннем этапе содержанием коллективной практики в таких объединениях являются всевозможные формы «экстремального досуга», группового нарушения обязательных правил, хулиганские действия и т.п. Это, с одной стороны, способствует вовлечению участников в криминальную деятельность.

минальные и паракриминальные формы деятельности, с другой стороны, способствует большей консолидации членов группы, замещению в сознании правовых ценностей ценностными элементами криминальной субкультуры, доминированию в сознании участника групповых норм и правил[5, с. 26].

Он же подчеркивает, что важнейшим общесоциальным фактором среди представителей таких молодежных объединений является общий рост социальной напряженности и борьбы, которая всегда приобретает идеологическую окраску, поскольку каждому члену требуется «обосновать собственные преимущественные права перед окружающими». В результате таких конфликтов сохраняются лишь наиболее дисциплинированные, агрессивные и идейно примитивные группировки. Автор заключает, что «вовлечение субкультурных объединений в обостряющиеся социальные конфликты ведет к распространению среди их участников крайних националистических, религиозных, расистских и нацистских взглядов и очень часто выражается в совершении преступлений, направленных как против порядка управления, государственной власти, конституционного строя, так и преступлений экстремистской направленности»[5].

Идеология экстремизма представляет опасность не столько вследствие ее агрессивности, а также безальтернативности взглядов ее приверженцев, сколько потому, что абсолютно деструктивна в своем разрушительном воздействии на молодежь.

Выше обозначенные детерминирующие факторы носят универсальный характер как для экстремизма, так и для терроризма.

Что касается детерминант преступлений террористического характера, то здесь в большей степени играют роль глобализационные процессы, происходящие в мире. Немалую роль в этом играют современные цифровые технологии. Для России - это те явления и процессы, что, прежде всего, связаны с внешнеполитической обстановкой в связи проводимой СВО на Украине и консолидацией в этой связи стран «западного мира» против нашего государства. Они несут непосредственные угрозы международной и национальной безопасности. Мы наблюдаем определенное «стирание» границ между внутригосударственным и международным государственным терроризмом. В таких условиях террор приобретает качества инструмента отдельных государств, используемого в целях подавления и устрашения населения, общества, политического руководства, развязывания вооружённых конфликтов и сопровождается информационной войной, потоком дезинформации. Все эти атаки развязываются на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности общества и государства.

З.Ш. Матчановой еще в 2015 г были выделены факторы, способные оказывать негативное влияние на распространение терроризма в современной России:

- структурный кризис государства и его институтов;
- падение авторитета власти и закона;
- несовершенство законодательства;
- ослабление правоохранительных органов, специальных служб, армии;
- попытки вмешательства со стороны иностранных государств в целях продвижения своих интересов;
- социально-экономическое неравенство;
- падение уровня жизни;
- безработица;
- социальная неустроенность и тревога, страхи, испытываемые значительной частью населения;
- маргинализация отдельных социальных групп;
- нетерпимость, ксенофобия (этническая, религиозная, идеологическая и проч.);
- распространение религиозного экстремизма;
- усиление сепаратистских настроений;
- иное[6].

Верно отмечает Ю.А. Балашов, что в таких условиях «складываются благоприятные условия для так называемого этнополитического менеджмента, предполагающего возможность использования заинтересованными государствами террористических организаций и движений для воздействия на обстановку с целью проникновения их влияния в тот или иной стратегически важный регион» [7].

Еще в «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» были описаны универсальные угрозы для всего мира, обозначенные как *основные тенденции современного терроризма*. Они не потеряли актуальности, а даже приобрели, в свете сложившейся политической обстановки, острую злободневность. Такими тенденциями, в соответствии с Концепцией, являются:

- увеличение количества террористических актов и пострадавших от них лиц;
- расширение географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора;
- усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов на возникновение и распространение терроризма;
- повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой;
- усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в том числе транснациональной;
- повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащённости террористических организаций;

- стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения;
- попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств;
- разработка новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших¹.

Основными *внутренними факторами*, обуславливающими возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации либо способствующими ему причинами и условиями, в соответствии с Концепцией являются:

- межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия;
- наличие условий для деятельности экстремистски настроенных лиц и объединений;
- недостаточная эффективность правоохранных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму;
- ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропагандой насилия и жестокости в едином информационном пространстве Российской Федерации;
- недостаточно эффективная борьба с организованной преступностью и коррупцией, незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Основными *внешними факторами*, способствующими возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации, в соответствии с Концепцией являются:

- попытки проникновения международных террористических организаций в отдельные регионы Российской Федерации;
- наличие очагов террористической активности вблизи государственной границы Российской Федерации и границ её союзников;
- наличие в иностранных государствах лагерей подготовки боевиков для международных террористических и экстремистских организаций, в том числе антироссийской направленности, а также теологических учебных заведений, распространяющих идеологию религиозного экстремизма;
- финансовая поддержка террористических и экстремистских организаций, действующих на территории Российской Федерации, со стороны международных террористических и экстремистских организаций;
- стремление ряда иностранных государств, в том числе в рамках осуществления антитеррористической деятельности, ослабить Российскую Федерацию и её позицию в мире, установить свое политическое, экономическое или иное влияние в отдельных субъектах Российской Федерации;
- распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и средства массовой информации;
- заинтересованность субъектов террористической деятельности в широком освещении своей деятельности в средствах массовой информации в целях получения наибольшего общественного резонанса;
- отсутствие в международном сообществе единого подхода к определению причин возникновения и распространения терроризма и его движущих сил, наличие двойных стандартов в правоприменительной практике в области борьбы с терроризмом;
- отсутствие единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровнях.

Если внутренние факторы являются проблемой того государства, в котором они проявляются, то внешние факторы работают как против отдельно взятой страны, так и против всего человечества, против всего сообщества государств, не способных преодолеть имеющиеся между ними разногласия [8].

Особо необходимо, на наш взгляд, остановиться на детерминантах, обуславливающих использование террористов-смертников для совершения терактов. Еще относительно недавно привлечение смертников-одиночек было широким и считалось «эффективным оружием» у организаторов терактов. В. А. Соснин называет причины этого: «эффективность давления на противника; больший урон противнику; большее психологическое воздействие на общество; формирование героического образа «мученика», поддерживаемого религиозной или светской идеологией; материальная помощь семьям погибших террористов-смертников как от террористических организаций, так и от сочувствующих лиц в исламских государствах; нахождение террористами-самоубийцами новой, более позитивной идентичности»[9]. При вербовке и подготовке исполнителей таких терактов широко используются приёмы зомбирования и тщательно подбираются кандидаты. Это обычно психически неустойчивые молодые лица, женщины, находящиеся в зависимом положении или несовершеннолетние. Обучение и тренировки исполнителей осуществляется, как правило, за пределами России.

Вместе с тем, исследования последних лет показывают тенденцию к снижению использования таких одиночек-смертников и связано это, в первую очередь, с развитием новых технологических возможностей для террористических объединений и трансформаций терроризма в цифровом пространстве. Современные технологии позволяют менять стратегию и тактику организации терактов, когда достижение целей акции возможно меньшими усилиями и затратами на его подготовку. Например, с применением относительно недорогих роботизированных и/или беспилотных устройств (БПЛА).

Таким образом, и экстремизм, и терроризм представляют собой сложные социально-политические явления. Они способны саморазвиваться, когда отсутствует государственная система и стратегия противодействия или она не соответствует заявленным целям и задачам. Но

¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

главное, если эта система не основана стратегически на учете и анализе всех причин, условий и криминогенных факторов. Эти факторы выступают в качестве детерминант, обуславливающих появление и распространение экстремизма и терроризма. Все детерминанты экстремизма и терроризма тесно взаимодействуют между собой. Отсутствие одного или нескольких из них уже становится препятствием распространению радикальных настроений и снижает воздействие деструктивной идеологии на граждан.

Изучение детерминант рассматриваемых видов преступности позволяет сделать вывод, что решающим фактором распространения экстремизма, и терроризма является идеологический. Воздействуя на потенциально уязвимых индивидов, формируя в них убеждение в правоте собственных действий, идеология толкает экстремистов и террористов на совершение жесточайших преступлений. При этом они способны совершать необъяснимые в обычных условиях действия, готовы к самопожертвованию и, не дорожа своей жизнью, легко преодолевают естественные нравственные преграды, становятся орудием насилия в руках своих лидеров или кураторов.

Силу деструктивной идеологии нельзя недооценивать. Воздействие экстремистской и террористической идеологии в цифровом обществе многократно увеличивается. Её распространению и расширению масштабов охвата способствует именно современное информационное пространство, его доступность и неконтролируемость. Расширение информационно-коммуникационного, цифрового пространства следует рассматривать как самостоятельный детерминирующий фактор, взаимодействующий и усиливающий влияние иных детерминант. В настоящее время исследователи выделяют самостоятельный - информационный вид экстремизма и терроризма. Осуществляется он по всем известным направлениям деятельности экстремистских и террористических объединений, но решает, прежде всего, задачи распространения деструктивной идеологии.

Список литературы:

1. Узденов Р.М. Экстремизм: Криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008.
2. Антонян Ю.М., Смирнов В.В. Терроризм сегодня. – М.: ВНИИ МВД России, 2000. 128 с.; Афанасьев Н.Н., Кипятков Г.М., Спичек А.А. Современный терроризм: идеология и практика. М., 1998. 248 с.
3. Епхивев О.М., Брциева З.Г., Моисеев А.В. Преступления террористического характера: состояние, динамика и особенности проявления в современной России // Российский следователь. 2017. № 16. С. 21 - 24.
4. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2011.
5. Ростокин А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Автореф. дис. ...доктора юрид. наук. М., 2008.
6. Матчанова З.Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ: дис. ...канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2015.
7. Балашов Ю.А. Проблема разделённых этносов и угроза терроризма и политического экстремизма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 227–231
8. Богматсера Э.В., Ильичев И.Е. Терроризм: истоки, понятие, угрозы // Теория и история государства и права. 2018. № 3. С.13-29
9. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4). С. 52–55.

References:

1. Uzdénov R.M. Extremism: Criminological and criminal law problems of counteraction: Abstract of the dissertation. ...kand. jurid. M., 2008.
2. Antonyan Yu.M., Smirnov V.V. Terrorism today. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 128 p.; Afanasyev N.N., Kipyatkov G.M., Matchek A.A. Modern terrorism: ideology and practice. Moscow, 1998. 248 p.
3. Ephiev O.M., Brtsieva Z.G., Moiseev A.V. Crimes of a terrorist nature: state, dynamics and features of manifestation in modern Russia // A Russian investigator. 2017. No. 16. P. 21-24.
4. Fridinsky S.N. Countering extremist activity (extremism) in Russia (socio-legal and criminological research): Abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. M., 2011.
5. Rostokinsky A.V. Extremist crimes as manifestations of subcultural conflicts of youth associations: criminal law and criminological problems: Abstract of the dissertation. ...doctors. jurid. nauk. M., 2008.
6. Matchanova Z.S. Factors of the spread of terrorism in modern Russia: criminological analysis: dis. ...kand. jurid. sciences'. – St. Petersburg, 2015.
7. Balashov Yu.A. The problem of divided ethnic groups and the threat of terrorism and political extremism // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2008. No. 5. pp. 227-231
8. Bogmatsera E.V., Ilyichev I.E. Terrorism: origins, concept, threats // Theory and history of the State and law. 2018. No. 3. pp.13-29
9. Sosnin V.A. Modern terrorism and the problem of motivation of suicide bombers // National Psychological Journal. 2010. No. 2 (4). pp. 52-55.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ CRIMES COMMITTED WHILE INTOXICATED: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

ОГАРЕВ Даниил Александрович

аспирант Московского государственного лингвистического университета.

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38 стр. 1.

daniil.ogarev@mail.ru

OGAREV Daniil Alexandrovich

graduate student at the Moscow State Linguistic University.

Ostozhenka str., 38, building 1, Moscow, 119034, Russia.

daniil.ogarev@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье рассматривается опыт правового регулирования противодействия преступлениям, совершаемым в состоянии опьянения в Российской Федерации и Республике Беларусь. Сравнивается уголовное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь в области противодействия преступлениям, совершаемым в состоянии опьянения. Приводится статистическая составляющая преступлений, совершенных в состоянии опьянения, сопряженных с употреблением опьяняющих веществ в Республике Беларусь. Целью настоящей статьи являлось выявление теоретически полезных уголовно-правовых мер, применяемых в Республике Беларусь. Посредством сравнения уголовного и административного законодательства выявлены и предложены наиболее эффективные меры, возможные к применению в Российской Федерации в области противодействию преступлениям, совершаемым в состоянии опьянения.

Abstract: This article examines the legal regulation of crimes committed while intoxicated in the Russian Federation and the Republic of Belarus. It compares the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the area of combating crimes committed while intoxicated. It provides a statistical breakdown of crimes committed while intoxicated involving the use or production of intoxicants in the Republic of Belarus. The purpose of this article was to identify theoretically useful criminal law measures applied in the Republic of Belarus. By comparing criminal and administrative legislation, the most effective measures that could be applied in the Russian Federation to combat crimes committed while intoxicated were identified and proposed.

Ключевые слова: Уголовное право, преступление, принудительные меры медицинского характера, опьянение, уголовная ответственность, законодательство, лечебно-трудовой профилакторий.

Key words: Criminal law, crime, compulsory medical measures, intoxication, criminal liability, legislation, medical and labor rehabilitation center.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение

Актуальность темы борьбы с преступлениями, совершенными в состоянии опьянения, не вызывает сомнений ввиду их высокой доли в общей структуре преступности и значительного ущерба, причиняемого личности, обществу и государству. Российская Федерация и Республика Беларусь, являясь Союзным государством с общей историей, культурой и правовыми традициями, сталкиваются со схожими проблемами в этой сфере. Однако выбранные ими пути правового регулирования демонстрируют как общие черты, унаследованные из нашего совместного прошлого, так и различия, сформировавшиеся в последний тридцатилетний период.

Общее историко-правовое наследие

Советский подход характеризовался рядом основополагающих принципов, заложивших основу современного регулирования в обеих странах. Во-первых, это принцип не освобождения от уголовной ответственности в связи с состоянием опьянения. Эта норма, закреплённая в уголовных кодексах всех союзных республик, была направлена на усиление личной ответственности граждан за свои деяния, независимо от их психофизического состояния. Государство рассматривало добровольное опьянение как обстоятельство, отягчающее вину, а не смягчающее её.

Во-вторых, значительную роль сыграл институт принудительных мер медицинского характера (ПММХ). Уголовное законодательство предусматривало возможность назначения судом принудительного лечения от алкоголизма лицам, совершившим преступления [8].

В-третьих, уникальным советским инструментом стала система лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП). ЛТП представляли собой административно-лечебные учреждения, предназначенные для изоляции, лечения и трудового перевоспитания лиц, систематически нарушавших общественный порядок в связи с употреблением алкоголя, но не совершивших уголовных преступлений. Этот институт сочетал в себе элементы принудительной терапии, социальной изоляции и трудовой адаптации.

Сравнительный анализ уголовно-правовых средств противодействия

Уголовные кодексы Российской Федерации и Республики Беларусь демонстрируют как существенное сходство в основных подходах, так и различия.

Исходные позиции законодателей практически идентичны. Статья 23 УК РФ «Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения» гласит: «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением психоактивных

веществ подлежит уголовной ответственности» [1]. Аналогичное положение содержится в статье 30 Уголовного Кодекса Республики Беларусь [3].

Таким образом, в обеих странах состояние опьянения не является основанием для освобождения от уголовной ответственности и ее смягчения. Этот общий принцип подчеркивает отношение к состоянию опьянения как к фактору, детерминирующему противоправное поведение индивида.

Ключевое отличие заключается в законодательном закреплении статуса состояния опьянения.

В Республике Беларусь совершение преступления в состоянии опьянения прямо включено в исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств [3]. При этом законодатель предоставляет суду право «в зависимости от характера преступления не признавать это обстоятельство отягчающим». Тем не менее, исходная установка строга: состояние опьянения по умолчанию отягчает вину. В Российской Федерации перечень отягчающих обстоятельств содержит пункт, рассматривающий как отягчающее обстоятельство привлечение к совершению преступления лица, находящегося в состоянии опьянения, а также содержит специальный пункт, посвященный состоянию опьянения в момент совершения преступления [1]. Суд может признать состояние опьянения лица в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством только по собственной инициативе, в рамках оценки личности виновного и обстоятельств дела.

В обоих государствах сохранился и получил дальнейшее развитие институт принудительного лечения.

В Российской Федерации принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Цели принудительного лечения сформулированы в общем виде: излечение, улучшение психического состояния лица и предупреждение совершения новых преступлений [1].

В Республике Беларусь данный институт описан более подробно и носит целевой характер. Как отмечают исследователи, в Уголовном кодексе Республики Беларусь определены специальные цели применения принудительного лечения к лицам, страдающим от зависимости: «лечение и создание условий, способствующих достижению целей уголовной ответственности» [7]. Это подчеркивает двойственный – медицинский и уголовно-правовой характер этих мер. Как и в Российской Федерации, применяются амбулаторное наблюдение и стационарное лечение. Важной особенностью белорусского законодательства является более тесная интеграция лечения в систему уголовных наказаний. Согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь, суд может обязать осужденного пройти лечение от алкоголизма в качестве альтернативы реальному лишению свободы [3].

Наиболее яркие сходства и различия проявляются в составах, связанных с нарушением правил дорожного движения (ПДД).

Нарушение правил дорожного движения лицом, находящимся в состоянии опьянения:

Уголовный кодекс Республики Беларусь прямо предусматривает состояние опьянения в качестве квалифицирующего признака. Если правонарушение, повлекшее по неосторожности смерть человека или причинение тяжкого вреда здоровью, совершено в состоянии опьянения, наказание существенно ужесточается [3].

Уголовный кодекс Российской Федерации криминализует сам факт управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, ранее подвергавшимся административному взысканию [1]. В отношении преступлений, влекущих последствия, состояние опьянения также является квалифицирующим признаком, что значительно ужесточает санкции [1]. Таким образом, в этой части подходы максимально сблизились, демонстрируя общую тенденцию к ужесточению ответственности.

Административная ответственность и уникальная практика Республики Беларусь в области применения лечебно-трудовых профилакториев

Наибольшее расхождение между двумя правовыми системами наблюдается в сфере административно-правового регулирования, где в Республике Беларусь сохранился и развился уникальный институт лечебно-трудовых профилакториев. Нахождение в состоянии опьянения в общественных местах, согласно статье 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, считается административным правонарушением, наказуемым штрафом или административным арестом на срок до 15 суток [2].

В Республике Беларусь система административных наказаний за правонарушения, связанные с состоянием опьянения, например, распитие алкогольных напитков в общественном месте, более обширна и служит основным «фильтром» для последующего направления в лечебно-трудовые профилактории [6]. В то время как Российская Федерация полностью отказалась от системы лечебно-трудовых профилакториев в 1990-х годах, Республика Беларусь не только сохранила этот институт, но и последовательно модернизировала его, приняв ряд законов, № 104-З от 2010 г. [4], № 150-З от 2014 г. [5], № 301-З от 2023 г. [6], которые ориентировали его на борьбу с алкогольной угрозой.

Лечебно-трудовые профилактории в Республике Беларусь предназначены для принудительной изоляции и медико-социальной адаптации с обязательным привлечением к труду граждан, страдающих хроническим алкоголизмом, поведение которых представляет угрозу общественному порядку. Основаниями являются:

1. Наличие хронической зависимости от психоактивных веществ, подтвержденное медицинским заключением.

2. Систематическое совершение административных правонарушений в состоянии опьянения, важно отметить, что после реформы 2023 года достаточно двух нарушений в год после вынесения официального предупреждения [6].

Процедура многоступенчатая и предполагает судебный порядок, что обеспечивает определенные процессуальные гарантии:

1. Выявление лица, соответствующего критериям посредством мероприятий, проводимых органами внутренних дел. 2. Медицинское освидетельствование для подтверждения наркозависимости и отсутствия противопоказаний. 3. Вынесение официального предупреждения. При повторном нарушении в течение года – подготовка материалов и передача дела в суд. Далее может последовать решение суда о направлении в

лечебно-трудовые профилактории на срок до 2 лет с возможностью досрочного освобождения [6].

Реформа 2023 года ужесточила и одновременно упростила систему направления граждан Республики Беларусь в лечебно-трудовые профилактории. Сократилось количество необходимых для применения направления административных правонарушений, введено новое основание – повторное обращение за медицинской помощью в связи с отравлением психоактивными веществами. Исключены «непрофильные» категории, например, злостные неплательщики алиментов, что сфокусировало институт исключительно на проблеме опьянения и противодействию преступлениям, совершаемым в состоянии опьянения [6].

Статистика показывает, что данный инструмент обладает определенным профилактическим эффектом. Так, в Республике Беларусь в 2024 году доля преступлений, совершённых в состоянии опьянения, составила 16,1% от общего числа (11 813 из 73,2 тыс.), продемонстрировав положительную тенденцию к снижению по сравнению с предыдущими годами (13 661 в 2023 году) [9].

Многие эксперты связывают эту тенденцию с функционированием системы административной профилактики, в частности лечебно-трудовых профилакториев, которые изолируют потенциально опасных лиц на досудебной стадии, разрывая порочный круг «опьянение – правонарушение – арест на 15 суток – новое опьянение». Аналога лечебно-трудовых профилакториев в Российской Федерации нет. Лица, систематически нарушающие общественный порядок в состоянии опьянения, привлекаются только к административной ответственности по статье 20.21 КоАП РФ, что не решает проблему зависимости и не предусматривает длительной изоляции или лечения. Это создаёт вакуум в досудебной профилактике рецидива преступлений, совершаемых в состоянии опьянения.

Заключение

Проведенное сравнительное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на общее историческое наследие и значительное сходство уголовных кодексов, Российская Федерация и Республика Беларусь выбрали разные стратегии борьбы с правонарушениями и преступлениями, совершенными в состоянии алкогольного опьянения.

Российская модель характеризуется большей ориентацией на уголовную репрессию за уже совершенные уголовно-наказуемые деяния, особенно в сфере дорожного движения. Отказ от системы принудительного лечения и изоляции на административном уровне привел к тому, что основная тяжесть борьбы ложится на посткриминальное воздействие. Институт принудительных мер медицинского характера применяется недостаточно активно и, как правило, после совершения тяжкого преступления.

Белорусская модель представляет собой комплексный подход, сочетающий в себе: репрессивную уголовную составляющую, выражающееся в прямом признании состояния опьяненияотячающим обстоятельством, строгих санкциях за нарушения правил дорожного движения, развитой системе принудительного лечения в рамках уголовного судопроизводства, интегрированную с видами наказаний, и уникальный превентивный административный инструмент – систему лечебно-трудовых профилакториев, направленную на досудебную изоляцию и лечение лиц со стойким антисоциальным поведением, связанным с опьянением.

Опыт Республики Беларусь, и в частности практика лечебно-трудовых профилакториев, эволюционирующая в сторону большей специализации на проблеме опьянения, представляет значительный интерес для российского законодателя. В условиях стабильно высокой доли «алкогольных» преступлений в Российской Федерации, возможный возврат алкоголизма как основания для применения принудительных мер медицинского характера и внедрение адаптированных элементов белорусской модели, например, расширение практики назначения судом лечения в качестве альтернативы наказанию и развитие системы административной профилактики с элементами принудительного лечения, могло бы способствовать снижению рецидивизма и решению проблемы на ранней, докриминальной стадии. Однако любой такой шаг должен сопровождаться взвешенным анализом соблюдения конституционных прав граждан и созданием надежных механизмов судебного и общественного контроля.

Список литературы

1. СЗ РФ. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06. 1996 № 63-ФЗ. – 1996.
2. СЗ РФ. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12. 2001 № 195-ФЗ //2021. – 2001. – №. 1. – С. 1.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (ред. от 2023 г.).
4. Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории» (утратил силу).
5. Закон Республики Беларусь от 16.06.2014 № 150-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и об условиях нахождения в них» (утратил силу).
6. Закон Республики Беларусь от 21.07.2023 № 301-З «Об изменении законов по вопросам принудительного лечения и медико-социальной реабилитации».
7. Санташов А. Л., Кашинский М. Ю., Тарабуев Л. Н. Правовые проблемы применения психиатрических мер принудительного характера в России и Республике Беларусь // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. – № 4. – С. 187-196.
8. Козаренко Ю. И. Состояние опьянения: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2014.
9. Статистические данные Генеральной прокуратуры Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://grodnolen.gov.by/genprokuror-uroven-prestupnosti-v-belarusi-dostig-svoego-istoricheskogo-minimuma/>.

References:

1. Federal Law OF the Russian Federation. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06. 1996 № 63-FZ. – 1996.
2. SZ of the Russian Federation. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 //2021. – 2001. – №. 1. – P. 1.
3. Criminal Code of the Republic of Belarus dated 07/09/1999 No. 275-Z (as amended in 2023).
4. Law of the Republic of Belarus dated 01/04/2010 No. 104-Z "On the procedure and conditions for sending citizens to medical and labor dispensaries" (expired).
5. The Law of the Republic of Belarus dated 06/16/2014 No. 150-Z "On Amendments and additions to certain Laws of the Republic of Belarus on the referral of citizens to medical and labor dispensaries and on the conditions of stay in them" (expired).
6. The Law of the Republic of Belarus dated 07/21/2023 No. 301-Z "On Amendments to laws on compulsory treatment and medical and social rehabilitation".
7. Santashov A. L., Kashinsky M. Yu., Tarabuev L. N. Legal problems of the use of psychiatric coercive measures in Russia and the Republic of Belarus. – 2021. – Vol. 5. – No. 4. – pp. 187-196.
8. Kozarenko Yu. I. State of intoxication: criminal law and criminological aspects: dis. kand. jurid. sciences'. Volgograd, 2014.
9. Statistical data of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus [Electronic resource]. – Access mode: <https://grodnolen.gov.by/genprokuror-uroven-prestupnosti-v-belarusi-dostig-svoego-istoricheskogo-minimuma/>.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_754

УДК 343.985:343.85

ЗАДЕРЖАНИЕ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ, ДОМАШНИЙ АРЕСТ, ЗАЛОГ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА DETENTION, IMPRISONMENT, HOUSE ARREST, AND BOND IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL RESTRICTIONS ON HUMAN RIGHTS

ПРЫСЬ Евгений Владимирович

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Института Академии ФСИН России,
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.
e-mail: prys55@mail.ru

PRYS Evgeny Vladimirovich

Candidate of Law, Professor, Honored Professor of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Institute of the
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
e-mail: prys55@mail.ru

Краткая аннотация: Автор статьи обосновывает правомерность ограничения прав и свобод лиц, представляющих угрозу гражданам, обществу и государству. В работе определены место, роль, и значение мер процессуального принуждения как средства защиты от угрозы преступлений в системе мер государственного принуждения. Определены основания ограничения прав и свобод лиц, совершивших преступления, при их задержании, а также основания и порядок применения мер процессуального пресечения. Особое внимание уделено таким институтам, как заключение под стражу, домашний арест и залог. Обобщён практический опыт их применения и рассмотрены решения Конституционного Суда Российской Федерации. Проанализированы также положения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающихся исследуемой проблемы. На основе проведенного исследования сформулированы предложения, направленные на исключения неправомерного применения мер процессуального принуждения.

Abstract: The author of the article substantiates the legality of restricting the rights and freedoms of persons who pose a threat to citizens, society and the state. The paper defines the place, role, and importance of procedural coercion measures as a means of protection against the threat of crimes in the system of state coercion measures. The grounds for restricting the rights and freedoms of persons who have committed crimes during their detention, as well as the grounds and procedure for applying procedural preventive measures, are determined. Special attention is paid to such institutions as detention, house arrest and bail. The practical experience of their application is summarized and the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are considered. The provisions of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation concerning the problem under study are also analyzed. Based on the conducted research, proposals have been formulated aimed at preventing the unlawful use of procedural coercion measures.

Ключевые слова: конституционные ограничения прав и свобод, угрозы общественной безопасности, меры пресечения в уголовном процессе, заключение под стражу, домашний арест, залог, меры процессуального принуждения.

Keywords: constitutional restrictions on rights and freedoms, threats to public safety, preventive measures in criminal proceedings, detention, house arrest, bail, measures of procedural coercion.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Основываясь на истории развития отечественного законодательства, в России, выстроена одна из самых прогрессивных систем законодательной защиты прав и свобод человека и гражданина. Права и свободы в нашей стране широко определены Конституцией Российской Федерации. Вместе с тем, соответствующие положения могут быть ограничены в той степени, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, жизни и здоровья человека, справедливости, прав и свобод других граждан, обеспечения безопасности и обороны страны [1]. Причём ограничения применяются исключительно государственными органами, деятельность которых определяется Конституцией РФ и регулируется федеральным законодательством.

Так, в разделе IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения» на первую классификационную строчку законодатель поставил задержание подозреваемого, которое регламентируется главой 12 УПК РФ. Задержание существенно отличается от иных мер принуждения тем, что носит неотложный характер, так как орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо, не только во время совершения преступления, но и согласно ст. 91 УПК РФ по подозрению в совершении преступлений, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы [2]. Задержание носит внесудебный характер и осуществляется на основании решения органа или должностного лица. Оно применяется на срок не более 48 часов. Такое ограничение предусмотрено статьей 22 Конституции Российской Федерации.

Огромное значение института задержания, как меры процессуального принуждения подтверждается и тем, что оно обстоятельно регламентируется постановлением Пленума Верховного Суда от 27.09.2012 г. №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», в котором говорится, что право на осуществление задержания предоставляется любому гражданину, а для определенной категории работников правоохранительных органов, задержание является служебной обязанностью. Уклонение от выполнения такой обязанности может повлечь ответственность вплоть до уголовной. Такое положение получило закрепление и в законодательстве многих зарубежных стран.

Задержание подозреваемого является одним из самых сложных институтов уголовного судопроизводства. Оно регулируется шестью статьями УПК РФ, в которых законодатель детально разъясняет не только основание и условия задержания, но и порядок их применения. Это

особенно важно, когда с задержанием связано лишение жизни преступника создавшего реальную угрозу убийства, не только лицам, которые осуществляют задержание, но и окружающим людям, что не противоречит нормам международного права [3]. Вместе с тем, при задержании такие крайние меры применяются редко.

После правомерного задержания возбуждается уголовное дело и при наличии предусмотренных статьей 97 УПК РФ оснований, избираются меры процессуального пресечения. В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрено достаточное количество мер пресечения, они строго дифференцированы, поэтому, сегодня, представляется реальная возможность применять к лицу, совершившему преступление те меры, которые могут быть максимально эффективными при выполнении задач поставленных государством перед следствием, дознанием, прокуратурой, судом.

Меры пресечения определяются главой 13 УПК, их восемь. Три из них, такие как, заключение под стражу, домашний арест и залог избираются по решению суда. Заключение под стражу, как в России, так и в зарубежных странах является самой тяжкой формой процессуального воздействия, как впрочем, и ей предшествующее задержание. Причем задержание и заключение под стражу не является уголовным наказанием, но период (время) задержания и содержания под стражей засчитывается в срок лишения свободы [4].

Домашний арест как мера пресечения, представляет практически во всех странах мира альтернативу содержания под стражей. Однако в редакции Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18.04.2018 № 72-ФЗ домашний арест приблизился к институту заключения под стражу. Домашний арест в новой редакции трансформировал в себе более жесткие элементы мер пресечения. Так, частичная изоляция заменена на полную изоляцию, а вместо ограничения за какие-либо действия, имевшие место в предыдущей редакции, законодатель предусмотрел абсолютный запрет на них. Как в теории, так и на практике возникли сложности в понимании и соответственно в применении отдельных важных положений. Например, касающиеся права обвиняемого, находящегося под домашним арестом, покидать пределы жилого помещения для прогулки. Большинство авторов, затронувшие данную проблему пришли к выводу, что лишать и даже ограничивать такие права нецелесообразно, поскольку речь идет о здоровье человека. Об этом недвусмысленно говорится и в решении Конституционного Суда Российской Федерации, а именно, государство обязано заботиться о здоровье лиц, возможности которых в этой части ограничены в связи с избранием в отношении них мер пресечения [5].

Самой гуманной мерой пресечения по действующему законодательству является залог. Это мера регламентируется статьей 106 УПК РФ (2001 г.). Залог состоит во внесении в суд денег, ценностей, акций и облигаций, чтобы обеспечить явку подозреваемого, либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, а также в целях предупреждения совершения им новых преступлений, равно действий препятствующих производству по конкретному уголовному делу. Ходатайствовать о применении залога перед судом, вправе подозреваемый, обвиняемый или при их согласии другое физическое, равно как и юридическое лицо. При этом суд учитывает мнение следствия и органа дознания. Вид и размер залога зависит от характера совершенного преступления, имущественного положения, личности виновного. В случае нарушения подозреваемым, либо обвиняемым обязательств, связанных с внесенным залогом, то он обращается в доход государства по решению суда. В остальных случаях согласно законодательству залог возвращается залогодателю (п.п. 9, 10 ст.106 УПК).

Залог давно известен отечественному законодательству. В Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. впервые была предусмотрена мера пресечения «взятие залога», напоминают О.В. Химичева, О.Р. Гузеев. Цель применения залога, согласно статьи 416 Устава уголовного судопроизводства, воспрепятствование обвиняемому уклониться от следствия. Причём в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. устанавливался верхний предел применения этой меры. Поскольку статья 418 указывала, что «Против обвиняемых в преступлениях и проступках, подвергающих заключению в смирительном доме или крепости с ограничением прав и преимуществ, высшей мерой обеспечения может быть требование залога». Не сложно догадаться, что залоговые суммы были весьма внушительными, указывают авторы цитируемой научной работы, поэтому уйти от тирании судебного произвола удавалось не многим, даже состоятельным преступникам [6].

Использование в отечественном уголовном судопроизводстве принуждения имущественного характера на протяжении последних 100 лет незначительно. Объяснением неиспользования процессуального принуждения имущественного характера служит то, что оно в отечественной теории не определилось как самостоятельное правовое явление из-за политико-идеологических установок, считает И.Б. Тутицин, это привело к тому, полагает автор, что имущественные права не были особым объектом охраны и защиты.

Но в настоящее время, если сравнивать с Советским периодом, отношение к собственности изменилось. Однако количество граждан России совершивших преступления пользующихся залогом как мерой пресечения остаётся быть низкой и составляет около 0,2 %. При этом в таких мегаполисах как в Москве и Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Сочи и некоторых других крупных городах, где материальное положение граждан существенно отличается от жителей других городов, доля подозреваемых, либо обвиняемых ходатайствующих о применении к ним залога как меры пресечения в разы выше. А граждане из большинства регионов, так называемых глубинки, к такой мере пресечения практически не прибегают [7].

Если взять во внимание изменения в УПК РФ, которые были внесены в части применения меры пресечения в виде залога 7 октября 2022 г. и законах более раннего периода, то они на количество случаев применения соответствующей меры пресечения никак не отразились. Поэтому, существующие проблемы совершенствования залога, как весьма важного уголовно-процессуального института в нашей стране, ещё не решались. Вместе с тем, залог по действующему законодательству остается быть самой гуманной мерой пресечения.

В целом же рассмотренные меры пресечения залог, домашний арест, содержание под стражей, являются реально действующими, за-

конными способами ограничения прав и свобод граждан совершивших преступления. Их применение продиктовано жизненной необходимостью, поэтому такие меры пресечения осуществляются только по решению суда, что же касается других мер пресечения, то они при наличии определенных обстоятельств, так же являются эффективными.

В настоящее время в комплексе работает механизм реализации мер пресечения, который определен Российским законодательством. Он в целом обеспечивает правомерность ограничений прав и свобод человека и гражданина. Особую роль в этом играет внутриведомственный уголовно-процессуальный контроль СК РФ, МВД РФ, ФСБ РФ [8], судебный контроль [9], и прокурорский надзор [10]. Заслуживает внимания и общественный контроль, который в последние годы активнее осуществляет свою деятельность по обеспечению законности, соблюдению прав и свобод граждан [11].

Сегодня, в труднейших условиях трансформации мирового сообщества из однополярного в многополярный мир, граждане России принимают решительные меры, направленные на реализацию сохранения и развития социальной среды, экономики, культуры, религии, образования и права, в том числе и сферы уголовного судопроизводства, где меры процессуального принуждения, и в целом предварительного расследования преступлений является реальной основой правосудия, условием защиты прав и свобод человека и гражданина.

Так, с учетом важности института процессуального принуждения как формы реализации конституционного положения об ограничении прав и свобод человека и гражданина, считаем целесообразным:

1. Органам процессуального контроля ФСБ, МВД, СК усилить контроль за производством предварительного расследования подведомственными подразделениями осуществляющим следствие и дознание.
2. Должностным лицам, осуществляющим следствие и (или) дознание повысить ответственность при осуществлении предварительного расследования, особое внимание уделить соблюдению прав и свобод человека и гражданина.
3. Руководителям ведомственных подразделений осуществляющих предварительное расследование более широко и всесторонне к результатам предварительного расследования привлекать СМИ и общественность.
4. Продолжать исследование вопросов особенно связанных с задержанием подозреваемого, содержания под стражей, домашним арестом и залогом.

Вышеуказанные предложения, не носят исчерпывающий характер. Однако они являются необходимыми не только для оптимизации процесса предварительного расследования, но и повышения эффективности органов следствия и дознания в сфере применения мер процессуального принуждения.

Список литературы:

1. Комментарий к ч.3 ст.55 Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (коллектив авторов; с обращением к читателям Президента Российской Федерации В.В. Путина; под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой). – «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М», 2021.
2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный).: Научное издание / Б.Т. Безлепкин 16-е издание — Москва : Проспект, 2023. — 659 с.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163. – С изм. от 24.06.2013.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. (ред. от 11.06.2020).
5. Гапонова, В.Н. Домашний арест обвиняемого (подозреваемого): полная изоляция и право на прогулку / В.Н. Гапонова, В.А. Виноградова // Сборник статей Восточно-Сибирского института МВД России. – Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России; Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России. – С. 43–46.
6. Химичева О.В., Газиев О.Р. О регламентации залога по уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ // Вестник Московского ун-та МВД России. № 7. 2023г. — С.48-50
7. Тутынин И.Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : автореферат дис. ... доктора юридических наук. Москва. 2023. — 62 с.
8. Приказ СК России от 09.01.2017 № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» Зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 28 апреля 2017 года № 46546. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2017. — № 23
9. Верченев В.С. Судебный контроль при применении мер уголовно-процессуального принуждения / В.С. Верченев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 6 (505). — С. 153-155.
10. Гарифуллина А.Л. Прокурорский надзор при применении мер уголовно-процессуального принуждения / А.Л. Гарифуллина. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 8 (403). — С. 86-89.
11. О базовых принципах общественного контроля в Российской Федерации : федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4213.

References:

1. Commentary to Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation (article-by-article): taking into account the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 (collective of authors; with an appeal to readers of the President of the Russian Federation V.V. Putin; ed. Academician of the Russian Academy of Sciences T.Y. Khabrieva). – "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M", 2021.
2. Bezlepkin B.T. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). Scientific edition / B.T. Bezlepkin, 16th edition— Moscow : Prospekt, 2023, 659 p.
3. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, November 4, 1950) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 2. – Art. 163. – As amended. dated 06/24/2013.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 No. 41 "On the practice of courts applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. No. 2. (ed. from 06/11/2020).
5. Gaponova, V.N. House arrest of the accused (suspect): complete isolation and the right to walk / V.N. Gaponova, V.A. Vinogradova // Collection of articles of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Irkutsk: East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Krasnodar: Krasnodar. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 43-46.
6. Khimicheva O.V., Gaziev O.R. On the regulation of bail under the Statute of Criminal Procedure of 1864 and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 7. 2023, pp.48-50
7. Tutynin I.B. Procedural coercion of a property nature in criminal proceedings : abstract of the dissertation... Doctor of Law. Moscow. 2023. — 62 p.
8. The Order of the Investigative Committee of Russia dated 09.01.2017 No. 2 "On the organization of procedural control in the Investigative Committee of the Russian Federation" was registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on April 28, 2017 No. 46546. // Bulletin of Normative acts of federal executive authorities. — 2017. — № 23
9. Verchenev V.S. Judicial control in the application of measures of criminal procedural coercion / V.S. Verchenev. — Text : direct // Young scientist. — 2024. — № 6 (505). — Pp. 153-155.
10. Garifullina A.L. Prosecutorial supervision in the application of measures of criminal procedural coercion / A.L. Garifullina. — Text : direct // Young scientist. — 2022. — № 8 (403). — Pp. 86-89.
11. On the basic principles of public control in the Russian Federation: Federal Law No. 212-FZ of July 21, 2014 (as amended on July 14, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 30 (Part I). – Art. 4213.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ЦЕЛЕМОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО В ПРОЦЕССЕ ЕГО ИСПРАВЛЕНИЯ FEATURES OF ACCOUNTING FOR THE GOAL-ORIENTED SPHERE THE IDENTITY OF THE CONVICTED PERSON IN THE PROCESS OF HIS CORRECTION

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

ШЕРХОВ Рустам Русланович,

кандидат юридических наук.
Россия, г. Москва.
e-mail: sherhov007@mail.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15A Narva str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,

Candidate of Law.
Russia, Moscow.
e-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются особенности учета психологической структуры личности осужденного в процессе осуществления воспитательной работы в исправительном учреждении. В исследовании наиболее подробно подвергается изучению целемотивационная сфера или подструктура личности осужденного, поскольку, именно она отражает особенности побуждений, стремлений, интересов, идеалов, целей и перспектив осужденных, специфику их формирования, деформации, а также создает предпосылки для понимания причин поведения личности. В работе обосновываются мнения авторов о том, что анализ целемотивационной сферы осужденного позволяет обнаруживать различные формы регуляции его поведения, что развитие мотивов осужденных следует выстраивать путем формирования устойчивых, зрелых, сознательно-волевых форм регуляции поведения, а также, что формирование мотивации основывается на развитии у осужденных системы смыслообразующих мотивов. Авторы приходят к выводу о том, что эффективное управление поведением и воспитательная работа с осужденным, предполагает знание сотрудниками исправительного учреждения индивидуальных и типичных особенностей его мотивации, а правильная оценка мотивов поведения и изучение мотивационных структур различных осужденных позволяют оказывать на них дифференцированное воспитательное и управляющее воздействие.

Abstract. The article examines the peculiarities of taking into account the psychological structure of the convict's personality in the process of carrying out educational work in a correctional institution. In the study, the goal-motivation sphere or substructure of the convict's personality is studied in the most detail, since it reflects the characteristics of the motives, aspirations, interests, ideals, goals and prospects of convicts, the specifics of their formation, deformation, and also creates the prerequisites for understanding the causes of personality behavior. The paper substantiates the authors' opinions that the analysis of the goal-motivating sphere of a convict allows us to detect various forms of regulation of his behavior, that the development of convicts' motives should be built by forming stable, mature, conscious-volitional forms of behavior regulation, and also that motivation formation is based on the development of a system of meaning-forming motives in convicts. The authors conclude that effective behavior management and educational work with a convict presupposes that correctional officers know the individual and typical characteristics of his motivation, and a correct assessment of the motives of behavior and the study of the motivational structures of various convicts allow them to have a differentiated educational and managerial impact.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, лишение свободы, осужденные, личность, цель, мотивация, поведение, воспитание, профилактика, исправление.

Key words: penal enforcement system, correctional institutions, imprisonment, convicts, personality, purpose, motivation, behavior, education, prevention, correction.

Статья поступила в редакцию: 20.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Организация воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях (далее – ИУ), ее эффективность, достижение результатов исправления осужденного, предполагает системное рассмотрение основных свойств и образований личности, их взаимосвязи, а также преодоление функциональности при понимании психологии воспитуемого. Нередко недостаточная продуктивность психологического изучения личности осужденного, а также организация педагогических воздействий на него, обусловлена некоторой привязанностью сотрудников ИУ к выделению отдельных, достаточно важных элементов, таких как воля, эмоции, переживания, жизненные планы и установки, действующих якобы вне системы и без взаимной связи друг от друга.

Полагаем, что невозможно сейчас выстроить эффективный педагогический процесс на основе влияния на отдельное какое-нибудь психологическое образование осужденного или планировать воспитательное воздействие по принципу использования постепенности в процессе исполнения наказания. По нашему мнению, вряд ли возможно изначально воспитывать эмоции, потом волю, а затем развивать общественно полезную мотивацию. Личностный подход на основе системности должен включать в себя понимание взаимосвязи и взаимообусловленности всех психологических явлений и объединять их в психологической подструктуре личности. При этом М.Г. Дебольский обосновано отмечает, что разработка индивидуальных программ исполнения наказания осложняется отсутствием научно обоснованной типологии личности осужденных с учетом их криминальной зараженности и основных психологических детерминант совершенного преступления [4, с. 65].

Практическая деятельность сотрудников психологических служб ИУ показывает, что к числу важнейших подструктур личности осуж-

денного, следует относить целемотивационную подструктуру, поскольку она отражает особенности побуждений, стремлений, интересов, идеалов, целей и перспектив осужденных, специфику их формирования, деформации, а также создает предпосылки для понимания причин поведения личности. В данном случае, основными задачами воспитательного воздействия на осужденного выступают:

- изменение целемотивационной сферы;
- выработка у осужденных положительных установок и ориентаций;
- трансформация системы жизненных интересов, стремлений и мировоззрения.

Анализ целемотивационной сферы осужденного позволяет обнаруживать различные формы регуляции его поведения. В целом, незрелость мотивационной сферы осужденных часто заключается в их узкой временной ориентации, то есть стремления жить одним днем, пользоваться тем, что есть или тем, что попадает под руки. Подобная мотивация никак не мобилизует осужденного, а также не создает установки, необходимые для преодоления жизненных трудностей, что в итоге приводит его к ситуативности и импульсивности в действиях и поступках. По мнению Е.Ф. Штефана, деформации системы ценностных ориентаций и мотивационных факторов способствуют усилению агрессии со стороны осужденных, в первую очередь по отношению к представителям администрации ИУ. При этом лица с агрессивным поведением не только существенно затрудняют осуществление исправительного процесса, но и представляют серьезную угрозу с точки зрения обеспечения безопасности [8, с 5].

Представляется, что развитие мотивов осужденных следует выстраивать путем формирования устойчивых, зрелых, сознательно-волевых форм регуляции поведения. В качестве конечного результата этой работы должна выступать выработка жизненной перспективы у осужденных, рассчитанная на достаточно длительный период времени, а также формирование мотивов поведения, соответствующих законопослушному образу жизни. При этом ученые ранее отмечали, что существующая в ИУ тюремная субкультура якобы упорядочивающая неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы, лишь уродливо социализирует личность, стимулируя ее на правонарушения [7, с. 135].

Как правило, формирование мотивации основывается на развитии у осужденных системы смыслообразующих мотивов. В целях активизации мотивов осужденного, перед ним необходимо поставит определенную задачу, достижение которой должно иметь для него значимый личностный смысл. К активным действиям осужденного может побудить не слишком легкая для выполнения задача и не заведомо невыполнимая, а оптимальная задача, которую с приложением определенных усилий, можно выполнить конкретному индивиду. Степень сложности задач по мере достижения их выполнения необходимо наращивать, способствуя тем самым проявлению больших усилий и активности со стороны осужденных. Исследователи отмечают, что возможность условно-досрочного освобождения выступает ключевым стимулом, который дает надежду и мотивацию для исправления лицу, отбывающему наказание [3, с. 123].

Последовательная активизация отдельных позитивных побуждений позволяет упрочить и превратить их в систему устойчивых взглядов и мотивов осужденного. При этом эффективное управление поведением и воспитательная работа с осужденным, предполагает знание сотрудниками ИУ индивидуальных и типичных особенностей его мотивации. Таким образом, верная оценка мотивов поведения, а также изучение мотивационных структур различных осужденных позволяют осуществить дифференцированное воспитательное и управляющее воздействие. В данном случае, следует поддержать точку зрения ученых, которые справедливо отмечают, что существующая система исполнения наказания должна предусматривать дифференцированный подход к осужденным, в котором бы учитывались их психологические особенности, о продуктивных процессах адаптации и саморегуляции напряженных мотивационных состояний [1, с. 4].

Управление поведением осужденных в условиях ИУ основывается на формировании и развитии у них положительных мотивов, например, стремление и желание соблюдать режим, получать образование и профессию, добросовестно трудиться и не допускать нарушений правил внутреннего распорядка. Стимулирование поведения осужденных осуществляется путем поощрений за добросовестный труд, участие в кружковой деятельности, в том числе, поощряется проявление инициативы осужденных, которые проявляют ее в оказании помощи администрации ИУ. Все вышеуказанные проявления способствуют формированию соответствующих мотивов, целей и перспектив у осужденных. При этом ученые справедливо отмечают, что несмотря на множество факторов, оказывающих влияние на исправление осужденных, сам процесс исправления является довольно сложным, он характеризуется множеством связей, однако непосредственное влияние на эффективность исправления оказывают те средства исправления, которые закреплены уголовно-исполнительным законодательством [9, с. 82].

Учитывая изложенное, отметим, что положительная мотивация, ориентация на исправление, добровольное возмещение ущерба от совершенного преступления, основываются, прежде всего, на осознании осужденным своей вины. Для сотрудника ИУ, осуществляющего воспитательное воздействие на осужденного важно, в первую очередь, сформировать мотивы исправления, а в дальнейшем добиться того, чтобы осужденный признал свою вину в совершенном преступлении и раскаялся в содеянном. Таким образом, воспитательная работа с осужденными в рассмотренном нами направлении, должна сопровождаться разоблачением двойной мотивации осужденных, то есть маскировки истинных мотивов и побуждений, а также приспособленчества.

Список литературы:

1. Алгина Н.В., Мухрыгина О.И. Мотивационная система личности осужденного как основа индивидуальной работы в системе исполнения наказания. Вестник Самарской гуманитарной академии. 2012. № 2. С. 3-8.
2. Антонян Ю.М., Колышницина Е.Н. Мотивация поведения осужденных: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2009. - 143 с.
3. Баламут А.Н., Поздняков В.М. Об ориентирах в оценке степени психологической готовности осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания к освобождению. Пенитенциарная наука. 2018. № 4. С. 121-126.
4. Дебольский М. Г. Роль психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания. Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 59-67.

5. Колокольцева О.В., Белюшина И.В. Ценностно-мотивационная сфера личности как основной регулятор жизнедеятельности. БАЗИС. 2023. № 1. С. 90-92.
6. Салахова В.Б. Теоретический анализ подходов к пониманию мотивационной сферы (направленности личности) осужденных в психологической науке и юридической практике. Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 13. С. 27-35.
7. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии: учеб. пособие. Под ред. С.Н. Пономарева. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001. - 536 с.
8. Штефан Е.Ф. Особенности ценностно-мотивационной сферы у осужденных мужчин, склонных к агрессивному поведению. Мир науки. Педагогика и психология. 2023. № 5. С. 1-8.
9. Яворский М.А., Гусева Е.В., Курушин С.А. Особенности мотивации осужденных к трудовой деятельности. Вестник Самарского юридического института. 2023. № 5. С. 80-86.

References:

1. Alginina N.V., Mukhrygina O.I. The motivational system of the convict's personality as the basis of individual work in the system of execution of punishment. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. 2012. No. 2. pp. 3-8.
2. Antonyan Yu.M., Kolyshnitsyna E.N. Motivation of behavior of convicts: a monograph. Moscow: UNITY-DANA. 2009. - 143 p.
3. Balamut A.N., Pozdnyakov V.M. On guidelines for assessing the degree of psychological readiness of convicts with life sentences for release. Penal science. 2018. No. 4. pp. 121-126.
4. Debolsky M. G. The role of the psychological service of the penal system in the realization of the goals of punishment. Applied legal psychology. 2010. No. 2. pp. 59-67.
5. Kolokoltseva O.V., Belyushina I.V. Value-motivational sphere of personality as the main regulator of vital activity. BASE. 2023. No. 1. pp. 90-92.
6. Salakhova V.B. Theoretical analysis of approaches to understanding the motivational sphere (personality orientation) of convicts in psychological science and legal practice. Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2010. No. 13. pp. 27-35.
7. Ushatikov A.I., Kazak B.B. Fundamentals of penitentiary psychology: textbook. stipend. Edited by S.N. Ponomarev. Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2001. 536 p.
8. Stefan E.F. Features of the value-motivational sphere of convicted men who are prone to aggressive behavior. The world of science. Pedagogy and psychology. 2023. No. 5. pp. 1-8.
9. Yavorskiy M.A., Guseva E.V., Kurushin S.A. Peculiarities of convicts' motivation to work. Bulletin of the Samara Law Institute. 2023. No. 5. pp. 80-86.

КВАЛИФИКАЦИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕРЫ ПО ИХ РЕШЕНИЮ QUALIFICATION OF BRIBERY: CURRENT ISSUES AND MEASURES TO ADDRESS THEM

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна

ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1. доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России 394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а» e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna

Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, 119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1. Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia 394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a" e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы квалификации взяточничества, включая как сложности в квалификации, отграничение взяточничества от мошенничества и коммерческого подкупа, так и анализ судебной практики, указывают на необходимость системных изменений. На основании проведенного исследования, автором формулируется вывод, о том, что успешная борьба с взяточничеством требует комплексного подхода и активного взаимодействия различных институтов. Предложенные решения, такие как совершенствование законодательства, позволят снизить риск различных интерпретаций и повысить предсказуемость судебных решений. Внедрение современных методических рекомендаций и алгоритмов действий, а также развитие механизмов общественного контроля и прозрачности, будут способствовать укреплению доверия общества к правовой системе. В совокупности эти меры создадут условия для более эффективной борьбы с коррупцией и укрепления верховенства закона.

Abstract: The article examines individual problems of bribery qualification, including both difficulties in qualification, distinguishing bribery from fraud and commercial bribery, and an analysis of judicial practice, indicating the need for systemic changes. Based on the conducted research, the author formulates the conclusion that the successful fight against bribery requires an integrated approach and active interaction of various institutions. The proposed solutions, such as improving legislation, will reduce the risk of different interpretations and increase the predictability of court decisions. The introduction of modern methodological recommendations and algorithms of actions, as well as the development of mechanisms for public control and transparency, will help strengthen public confidence in the legal system. Taken together, these measures will create conditions for a more effective fight against corruption and strengthening the rule of law.

Ключевые слова: квалификация взяточничества, мошенничество, коммерческий подкуп, судебная практика.

Key words: qualification of bribery, fraud, commercial bribery, judicial practice.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Отсутствие четких и однозначных определений взяточничества в законодательстве может создать множество проблем как для правоприменителей, так и для самих граждан. Во-первых, неясные формулировки могут привести к юридическим коллизиям, когда различные законы или статьи внутри одного закона противоречат друг другу или допускают различные интерпретации. Это затрудняет работу судов и следственных органов, которые должны принимать решения на основе этих законов.

Во-вторых, отсутствие ясности в определениях затрудняет квалификацию преступлений. Это может привести к тому, что одни и те же действия в разных случаях будут оцениваться по-разному, в зависимости от того, как их интерпретирует конкретный судья или следователь. Такая непоследовательность подрывает доверие к правовой системе, так как это граждане и компании не могут быть уверены в том, что их действия будут оценены справедливо и беспристрастно.

Кроме того, нечеткие определения могут быть использованы в коррупционных целях, когда заинтересованные стороны манипулируют формулировками законов для уклонения от ответственности. Это создает благоприятную почву для злоупотреблений и подрывает усилия по борьбе с коррупцией.

Для решения этих проблем необходимо стремиться к унификации и уточнению законодательных актов, касающихся взяточничества. Это включает в себя разработку четких критериев для определения взятки, установление прозрачных процедур расследования и судебного разбирательства, а также обеспечение правовой защиты для тех, кто сообщает о случаях коррупции. Только так можно создать эффективную систему, способную противостоять взяточничеству и защищать интересы общества.

Приведем несколько примеров в рассматриваемой сфере [1, с. 369]:

– неправомерные подарки: в законодательстве может не уточняться, что именно считается взяткой. Например, если государственный служащий получает подарок на значительную сумму от компании, которая может выиграть контракт, возникают вопросы: является ли это взяточничеством, если подарок был в виде «пожертвования». Если законодательство не определяет признаки коррупции и неправомерного влияния, такие случаи могут легко оставаться безнаказанными;

– перекрестные интересы: ситуация, когда судьям, прокурорам или работникам правоохранительных органов предлагаются «благодарности» за принятые решения, также может вызывать споры о том, как квалифицировать действия. Например, если адвокат предлагает деньги или услуги судье в обмен на благоприятное решение, и, если закон не четко определяет, что именно считается взяткой, это может привести к различным трактовкам ситуации;

– неофициальные каналы: в некоторых странах могут существовать неформальные практики, когда взятки передаются в виде «вознаграждений» за услуги. Если закон не четко определяет, что является взяткой, трудно привести такие дела к судебному разбирательству, и они могут рассматриваться как нормальная практика;

– различия в интерпретации: в разных юридических системах или регионах одной страны могут быть различные интерпретации того, что представляет собой взяточничество. Это может привести к ситуации, когда одно и то же действие квалифицируется как преступление в одном суде и не рассматривается как таковое в другом. Например, один прокурор может считать определенное поведение коррупционным, в то время как другой может его не видеть таковым;

– сложные схемы взяточничества: взятки могут передаваться через сложные схемы, такие как использование подставных лиц или компаний для сокрытия истинного намерения. Если законы не предоставляют четкое руководство по определению и распознаванию таких схем, это создаст трудности в их наказании.

Эти примеры иллюстрируют, как отсутствие четких определений может затруднить правоприменение и привести к безнаказанности.

Отграничение взяточничества от мошенничества важно для правильной квалификации преступлений и применения санкций. Несмотря на то, что оба эти преступления связаны с незаконным получением выгоды, они имеют принципиальные различия.

При квалификации преступлений, собранных под общим термином «взяточничество», нередко возникают вопросы, требующие дополнительных разъяснений [2, с. 2].

Во-первых, квалификация преступного деяния требует сопоставления фактических характеристик совершенного действия с признаками составов преступлений, указанных в уголовном законодательстве. Это предполагает определенную юридическую оценку совершенного противоправного деяния. Вопрос квалификации включает как фактические характеристики, так и признаки состава преступления. Для точной квалификации преступлений необходимо уметь различать их друг от друга и отделять от других смежных составов преступлений. Особенно актуальна задача разграничения взяточничества и мошенничества.

Для разрешения данного вопроса в п. 24 Постановления Пленума № 24 от 09.07.2013 [3] определены некоторые критерии, которые помогают разграничить получение взятки и мошенничество. Если должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, получает ценности за действия (или бездействие), входящие в его полномочия или которые оно может совершить, используя свое служебное положение, это следует квалифицировать как получение взятки или коммерческий подкуп. Это верно независимо от намерения совершить указанные действия. Ключевым критерием является то, что действия должны входить в круг полномочий лица. Если же лицо получает ценности за действия (или бездействие), которые оно фактически не может выполнить из-за отсутствия соответствующих полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия, при наличии умысла на получение ценностей, должны квалифицироваться как мошенничество, совершенное с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ).

Примером переквалификации взяточничества в мошенничество может служить Постановление № 44У-57/2018 4У-928/2018 г. Киров [4]. Подсудимый был осужден по двум статьям – ч. 6 ст. 290 УК РФ и ч. 3 ст. 30 ч. 4 ст. 159 УК РФ. Согласно материалам дела, обвиняемый был признан виновным и осужден за то, что, будучи должностным лицом – заместителем начальника отдела по борьбе с преступлениями в сферах налогообложения и защиты доходной части бюджета, он через посредника получил взятку в виде крупной денежной суммы за совершение действий в интересах лиц, представленных взяткодателем, которым мог содействовать благодаря своему служебному положению. Также ему было предъявлено обвинение в покушении на мошенничество с использованием служебного положения в особо крупном размере. Подсудимый утверждает, что не было представлено доказательств того, что он действовал в интересах Свидетеля 1 или использовал свои должностные полномочия для совершения мошенничества. Он считает, что квалификация мошенничества с использованием служебного положения была основана исключительно на его должности. Подсудимый также указывает на ошибочное толкование суда относительно его умысла на получение взятки, так как, не имея возможности изменить меру пресечения для Свидетеля 1, он вводил в заблуждение Свидетеля 2, утверждая обратное. В приговоре отсутствуют доказательства его содействия, в том числе через склонение другого должностного лица, к изменению меры пресечения, а его показания о намерении похитить крупную сумму у Свидетеля 2 не были опровергнуты.

С учетом представленных аргументов суд изменил квалификацию действий Подсудимого с ч. 6 ст. 290 УК РФ на ч. 4 ст. 159 УК РФ. По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 и ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, суд, применив частичное сложение наказаний, в итоге приговорил Подсудимого к 6 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима и наложил штраф в размере 1 200 000 рублей.

В целом, отграничение взяточничества от мошенничества можно представить в Таблице 1.

Таблица 1 – Отграничение взяточничества от мошенничества

Параметр	Взяточничество	Мошенничество
Субъект	Обычно предполагает участие должностного лица, которое использует свое служебное положение для получе-	Может быть совершено любым лицом, независимо от его должностного положения. Здесь не требуется нали-

	ния неправомерной выгоды. Это может быть государственный служащий, чиновник или любое другое лицо, наделенное властными полномочиями.	чие специального субъекта, связанного с использованием служебных полномочий.
Способ получения выгоды	Получение выгоды происходит через злоупотребление служебным положением. Взяткодатель и взякополучатель действуют по взаимному согласию.	Включает обман или злоупотребление доверием для получения выгоды. Мошенник вводит жертву в заблуждение с целью завладения ее имуществом или правами.
Цель преступления	Направлена на получение выгоды за совершение или несовершение определенных действий в рамках служебных полномочий. Это может быть принятие решения, оказание услуги или любое другое действие, связанное с должностными обязанностями.	Преследует цель незаконного обогащения путем обмана. Здесь нет привязки к служебным полномочиям, и действия мошенника направлены на завладение имуществом или денежными средствами жертвы.
Взаимодействие сторон	Обе стороны – взяткодатель и взякополучатель – обычно действуют по взаимному согласию, хотя и с нарушением закона.	Одна сторона (мошенник) обманывает другую сторону (жертву), которая действует под влиянием заблуждения.

Понимание этих различий важно для правильной квалификации действий и обеспечения справедливого правосудия. Это требует от правоохранительных органов тщательного анализа обстоятельств каждого случая и применения соответствующих правовых норм.

На основании ст. 204 УК РФ коммерческий подкуп – это незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействие) в интересах дающего или иных лиц. Предметом подкупа служат деньги, имущество, имущественные права, а также незаконное оказание услуг имущественного характера.

Примером коммерческого подкупа может служить Приговор № 1-292/2024 г. Королев[5]. По материалам дела Подсудимый являлся заместителем генерального директора по управлению персоналом и социальным вопросам АО «Научно-исследовательского института железнодорожного транспорта».

Будучи наделенным право подписывать договоры, подсудимый заключил договор подряда с ООО «АЭ-Сервис» по оказанию услуг по уборке и благоустройству территории АО «ВНИИЖТ» с очисткой в зимний период кровель служебных и административных зданий и сооружений от снега и льда, свесов, удаления сосулек с желобов, водоотводящих устройств на сумму 3 177 154 рубля 80 копеек. При этом у Подсудимого возник преступный умысел, направленный на получение от директора ООО «АЭ-Сервис» (Свидетель 1) (уголовное дело, в отношении которого выделено в отдельное производство), коммерческого подкупа в виде денег в размере 70 000 рублей за беспрепятственное подписание актов выполненных работ по Договору. Свидетель 1 согласился.

Для сокрытия своих махинаций Подсудимый предоставил сведения о банковской карте, на которую необходимо произвести перевод денежных средств. Банковская карта принадлежала Свидетелю 2, неосведомленной о преступных действиях Подсудимого и Свидетеля 1. Однако, за то, что ее картой воспользовались она взяла вознаграждение в размере 5 тысяч рублей.

Подсудимый с предъявленным обвинением согласился, виновным себя признал полностью, в содеянном раскаялся, поддержал свое ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства, заявил, что ходатайство заявлено им добровольно, после консультации с защитником, он осознает характер и последствия заявленного ходатайства.

С учетом представленных аргументов суд изменил квалификацию действий Подсудимого с ч. 6 ст. 290 УК РФ на ч. 4 ст. 159 УК РФ. По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 и ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, суд, применив частичное сложение наказаний, в итоге приговорил Подсудимого к 6 годам лишения свободы в исправительной колонии общего режима и наложил штраф в размере 1 200 000 рублей.

Отграничение взяточничества от коммерческого подкупа – важная задача, поскольку эти преступления, хотя и схожи по своей природе, имеют различные правовые характеристики и применяются в разных контекстах. Основные отличия можно привести в Таблице 2.

Таблица 2 – Отграничение взяточничества от коммерческого подкупа

Параметр	Взяточничество	Коммерческий подкуп
Субъект	Обычно предполагает участие должностного лица, которое использует свое служебное положение для получения неправомерной выгоды. Это может быть государственный служащий, чиновник или любое другое лицо, наделенное властными полномочиями.	Обычно происходит в частном секторе и включает сотрудников коммерческих организаций. Здесь субъектами могут быть менеджеры, директора или любые другие лица, имеющие полномочия принимать решения в интересах компании.
Объект	Нарушает интересы государственной службы и подрывает доверие к государственным институтам.	Затрагивает интересы коммерческой деятельности и может нанести ущерб честной конкуренции и внутренним корпоративным процедурам.
Цель преступления	Направлена на получение выгоды за совершение или несовершение определенных действий в рамках служебных полномочий. Это может быть принятие решения, оказание услуги или любое другое действие, связанное с должностными обязанностями.	Преследует цель получения выгоды за действия или бездействие в интересах коммерческой организации, такие как заключение выгодного контракта или предоставление коммерческой тайны.

Контекст и сфера применения	Применяется в контексте государственных функций и полномочий.	Имеет место в частном секторе, касаясь взаимоотношений между коммерческими структурами.
-----------------------------	---	---

Понимание различий между взяточничеством и коммерческим подкупом важно для правильной квалификации преступлений и применения соответствующих правовых мер. Это требует от правоохранительных органов и судов тщательного анализа обстоятельств каждого случая и применения соответствующих законодательных норм.

Разработка и внедрение четких правовых определений взяточничества и сопутствующих действий. Необходимо также создание методических рекомендаций для правоохранительных органов. Например, необходимо добавить в законодательство понятие «сопутствующие действия» при получении взятки – сопутствующие действия могут включать, но не ограничиваться, такими действиями, как вымогательство, посредничество, подделка документов, сокрытие информации и т.д.

Провести мероприятия по повышению эффективности работы правоохранительных органов, а именно:

Для правоохранительных органов следует разработать подробные методические рекомендации, которые помогут им правильно применять новые определения на практике. Эти рекомендации должны включать алгоритмы действий при расследовании случаев взяточничества, сборе доказательств и взаимодействии с другими государственными органами:

- обозначить основные этапы расследования дел о взяточничестве;
- разработать алгоритмы действий для следователей и оперативных работников в зависимости от характеристик дел;
- определить порядок взаимодействия с другими государственными органами и общественными организациями.

Рассмотрим конкретные меры более подробно.

Обучение и повышение квалификации. Важно проводить регулярное обучение сотрудников правоохранительных органов, чтобы они были в курсе последних изменений в законодательстве и умели применять их на практике. Это может включать семинары, тренинги и обмен опытом с коллегами из других регионов или стран:

- проведение регулярных тренингов и семинаров для сотрудников правоохранительных органов по вопросам выявления, расследования и документирования случаев взяточничества;
- создание онлайн-курсов и инструкций, доступных для сотрудников.

Разработка стандартов использования технологий:

- внедрение технологий для сбора и анализа данных, аудио- и видеозаписи, которые могут использоваться в деле;
- определение порядка использования анонимных заявлений и других инструментов для сообщения о коррупционных действиях.

Составление кейсов. Выделить примеры успешных расследований по взяточничеству как ориентиры для эффективной работы.

Оценка результатов. Определить критерии оценки работы правоохранительных органов, включая количество раскрытых дел, количество привлеченных к ответственности и отзывов граждан, а также статистики по делам о взяточничестве, анализ судебной практики и проведение независимых оценок.

Создание общественного контроля: важно обеспечить прозрачность процессов и возможность общественного контроля за их исполнением. Это поможет повысить доверие граждан к правовой системе и усилить борьбу с коррупцией.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что успешная борьба с взяточничеством требует комплексного подхода и активного взаимодействия различных институтов. Рассмотренные проблемы, включая сложности в квалификации, отграничение взяточничества от мошенничества и коммерческого подкупа, а также анализ судебной практики, указывают на необходимость системных изменений.

Предложенные решения, такие как совершенствование законодательства, направлены на создание более четких и однозначных норм, которые помогут устранить пробелы и противоречия в правоприменении. Это позволит снизить риск различных интерпретаций и повысить предсказуемость судебных решений. Повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов также является важным шагом, который обеспечит более эффективное и профессиональное расследование коррупционных преступлений.

Кроме того, внедрение современных методических рекомендаций и алгоритмов действий, а также развитие механизмов общественного контроля и прозрачности, будут способствовать укреплению доверия общества к правовой системе. В совокупности эти меры создадут условия для более эффективной борьбы с коррупцией и укрепления верховенства закона.

Таким образом, реализация предложенных мер позволит не только улучшить процесс квалификации взяточничества, но и значительно повысить эффективность всей антикоррупционной политики, что в конечном итоге будет способствовать развитию правового государства и повышению доверия граждан к институтам власти.

Список литературы:

1. Курочкина А. О. Актуальные проблемы преступлений, связанные со взяточничеством в России // Вестник науки. 2023. №11 (68). С. 368-372.
2. Машарипова Н.Х. Проблемы квалификации взяточничества // Вестник науки и образования. 2024. № 3 (146)-2. С. 1-3.
3. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025) // Российская газета. 17 октября 2013. № 154.
4. Постановление № 44У-57/2018 4У-928/2018 от 7 ноября 2018 г. по делу № 1-673/2017 Кировский областной суд (Кировская область) // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 27.10.2025).
5. Приговор № 1-292/2024 от 25 июля 2024 г. по делу № 1-292/2024 Королевский городской суд (Московская область) // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.10.2025).

References:

1. Kurochkina A. O. Actual problems of crimes related to bribery in Russia // Bulletin of Science. 2023. No. 11 (68). pp. 368-372.
2. Masharipova N.H. Problems of qualification of bribery // Bulletin of Science and Education. 2024. No. 3 (146)-2. pp. 1-3.
3. On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 No. 24 (as amended on 09.12.2025) // Rossiyskaya Gazeta. October 17, 2013. No. 154.
4. Resolution No. 44U-57/2018 4U-928/2018 of November 7, 2018 in case No. 1-673/2017 Kirov Regional Court (Kirov region) // URL: <https://sudact.ru> (date of appeal: 27.10.2025).
5. Verdict No. 1-292/2024 dated July 25, 2024 in case No. 1-292/2024 Royal City Court (Moscow region) // URL: <https://sudact.ru> (accessed: 28.10.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_764

УДК 343.847

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ЛИЦА, ОСУЖДЕННОГО К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ (ч. 1 ст. 314 УК РФ)

FEATURES OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF MALICIOUS ELUSION BY A PERSON CONDEMNED TO LIMITATION OF FREEDOM (PART 1 OF ARTICLE 314 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

ОШКИНА Анна Ивановна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров

Академия ФСИН России г. Рязань, Российская Федерация.

390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.

e-mail: any.oshkina@yandex.ru

OSHKINA Anna Ivanovna,

Associate Professor at the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training.

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia named after G. N. Ryazan, Russian Federation.

1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.

e-mail: any.oshkina@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассмотрено содержание первоначального этапа расследования злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, особенности и важность задержания подозреваемого. Обозначена необходимость надлежащего взаимодействия с уголовно-исполнительными инспекциями на данном этапе расследования.

Abstract: The article discusses the content of the initial stage of the investigation of malicious evasion of serving a restriction on freedom, the features and importance of detaining a suspect. The need for proper interaction with criminal executive inspections at this stage of the investigation is highlighted.

Ключевые слова: первоначальный этап расследования, злостное уклонение, ограничение свободы, задержание уклоняющегося подозреваемого, расследование, уголовно-исполнительные инспекции.

Keywords: initial stage of investigation, malicious evasion, restriction of freedom, detention of an evading suspect, investigation, penal inspections.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Общезвестно, что первоначальный этап расследования начинается с момента получения информации о совершении преступления и завершается в зависимости от обстоятельств уголовного дела задержанием подозреваемого или принятием следователем решения о привлечении лица в качестве обвиняемого. Следует отметить, что момент окончания первоначального и начало последующего этапа расследования достаточно условный и зависит от сложности расследуемого уголовного дела. Целью первоначального этапа расследования является установление обстоятельств совершенного преступления и лица, его совершившего. Типичными задачами первоначального этапа расследования выступают: сбор доказательств, относящихся к предмету доказывания по конкретному делу, выдвижение и отработка первоначальных версий, задержание подозреваемого, выбор направления расследования, составление плана расследования, в необходимых случаях могут проводиться неотложные следственные действия.

На первоначальном этапе расследования дознаватель приступает к организации и руководству по расследованию уголовного дела. Благодаря грамотной организации расследования уголовного дела обеспечивается быстрота и полнота расследования [1, С.85]. Организация расследования в самом общем виде представляет собой руководство расследованием на основе сформулированной цели, задач, планирования и взаимодействия следователя с другими участниками расследования. На этапе планирования особо решается вопрос о взаимодействии дознавателя с органами дознания, полицией, с сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции, при этом руководящая роль в расследовании остается за дознавателем.

Злостное уклонение от отбывания ограничения свободы является очевидным преступлением, так как известно лицо, уклоняющееся от отбывания, назначенного ему наказания, и известно какие действия он совершил, которые образуют факт злостности уклонения от отбывания ограничения свободы (ст. 58 УИК РФ). Во временном промежутке это простое преступление, где у виновного сформировался умысел на не отбывание назначенного ему наказания.

Процесс организации расследования злостного уклонения от отбывания ограничения свободы начинается с момента проведения предварительной проверки по полученной информации от уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) и продолжается после принятия решения о возбуждении уголовного дела. В соответствии со ст. 151 УПК РФ, расследование состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 314 УК РФ, отнесено к подследственности дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации (ч. 3 ст. 151 УПК РФ).

Первым делом во время проверки установлению подлежит событие преступления, где устанавливаются место, время, способ злостного уклонения от отбывания ограничения свободы. Устанавливается в чем именно (согласно ст. 58 УИК РФ) выразился сам факт злостности уклонения от отбывания наказания, и как это было задокументировано. Из суда или из УИИ запрашивается копия приговора, где указывается, кто

именно осужден, по какой статье УК РФ признан виновным, какое ему назначено наказание. Устанавливается, был ли осужденный поставлен на учет, проходил ли регистрацию, какие нарушения во время отбывания наказания допускал, имеются ли документы об официальном предостережении осужденного о недопустимости нарушения порядка отбывания наказания. Кто конкретно из числа сотрудников УИИ осуществлял контроль за отбыванием наказания осужденным. Сотрудники УИИ, по запросу дознавателя, передают ему личное дело осужденного для изучения. Дознаватель проводит выемку служебных документов, где зафиксирован факт злостного уклонения и в чем именно это выразилось. Факт злостного уклонения от отбывания наказания должен быть задокументирован (рапорт, журнал регистрации явки/неявки в УИИ, справка о посещении объектов для проверки поведения осужденного по месту работы или жительства), ибо исходя из специфики преступления, документы, представленные УИИ, будут одним из основных видов доказательств, подтверждающих событие преступления.

Правильная организация проверочных мероприятий позволяет установить факт злостного уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы и, соответственно, принять обоснованное решение о возбуждении уголовного дела по ч.1 ст. 314 УК РФ. А так как личность виновного в злостном уклонении от отбывания наказания нам известна, то уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица. Согласно п.1, ч.1 ст. 46 УПК РФ, лицо в отношении которого возбуждается уголовное дело признается подозреваемым с момента возбуждения уголовного дела.

Содержанием первоначального этапа расследования выступает производства первоначальных следственных действий (исходя из обстоятельств дела, они одновременно могут быть и неотложными следственными действиями) по обнаружению и закреплению следов преступления. Исходная информация на момент возбуждения уголовного дела позволяет определить сложившуюся следственную ситуацию. Следственная ситуация по данной категории дел характеризуется тем, что личность виновного всегда известна, имеются сведения, характеризующие личность виновного, т.е. по делу имеется подозреваемый. Также всегда известно, в чем выразилось злостное уклонение, где и когда были совершены эти деяния, как правило, имеет место один или два эпизода злостного уклонения от отбывания наказания. Различия ситуации может быть в том, что подозреваемый не скрывается, сотрудничает с дознавателем, в этой ситуации проводить задержание подозреваемого нецелесообразно, или местонахождение подозреваемого неизвестно, он скрылся, во втором случае необходимо объявить розыск подозреваемого, в случае его обнаружения провести задержание.

При расследовании данного вида преступления важное значение отводится задержанию подозреваемого, которое осуществляется сотрудниками органа дознания. Общими тактическими рекомендациями по задержанию подозреваемого являются проведение подготовительных мероприятий перед задержанием, внезапность задержания и производство личного обыска после задержания, в случае необходимости проводится освидетельствование задержанного [4, С.62]. Хотя внезапность задержания может иметь место не всегда, осужденный может быть уведомлен о предстоящем задержании, о чем дознаватель составляет уведомление о задержании. Тактическая задача задержания подозреваемого связана с пресечением его преступной деятельности и последующим изобличением его в совершении преступления. Правовой основой проведения задержания выступают нормы УПК РФ и ФЗ «Об ОРД» [2, С.346]. Целью задержания подозреваемого из числа осужденных является получение информации относительно предмета доказывания и ориентирующей информации по настоящему делу [3, С. 347], пресечь преступную деятельность подозреваемого и возможности избежать им уголовной ответственности. После задержания подозреваемого проводится его проверка на причастность к совершенному преступлению, в случае подтверждения причастности, собираются необходимые доказательства, предъявляется обвинение, избирается мера пресечения.

Таким образом, содержание первоначального этапа расследования злостного уклонения от отбывания ограничения свободы особенно тем, что дознаватель сталкивается с необходимостью изучения и понимания процесса отбывания ограничения свободы, порядка его отбывания и т.д. Ему необходимо должным образом обнаружить, зафиксировать и квалифицировать факт уклонения. Необходимо спланировать и организовать расследования так, чтобы процессуальные действия и меры процессуального принуждения были нужными и эффективными в целях привлечения подозреваемого в качестве обвиняемого, и дальнейшего привлечения его к уголовной ответственности, а также пресечения его противоправной деятельности.

Список литературы:

1. Зеленский В.Д., Куемжиева С.А. Об основных положениях организации первоначального этапа расследования. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.2022. № 6. С. 85.
2. Шурухнов Н. Г. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 346.
3. Шурухнов Н. Г. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 347.
4. Яджин Н. В. Понятие криминалистической операции по задержанию лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Концепт. 2014. № 29. С. 61-65.

References:

1. Zelensky V.D., Kuemzhieva S.A. On the main provisions of the organization of the initial stage of the investigation. Humanities, socio-economic and social sciences.2022. No. 6. p. 85.
2. Shurukhnov N. G. Investigation and prevention of crimes committed by convicts in correctional labor institutions: dissertation of Dr. jurid. M., 1991. p. 346.
3. Shurukhnov N. G. Investigation and prevention of crimes committed by convicts in correctional labor institutions: dissertation of Dr. jurid. Sciences. Moscow, 1991. p. 347.
4. Yajin N. V. The concept of a forensic operation to detain persons suspected of committing crimes. Concept. 2014. No. 29. pp. 61-65.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_766

УДК 343.346.2

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЗНАЧЕНИЕ

OBJECTIVE FEATURES OF CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND OPERATION OF MOTOR VEHICLES: GENERAL CHARACTERISTICS AND SIGNIFICANCE

РУСТАМОВ Рустам Адilович

Старший преподаватель кафедры специальной подготовки
Тюменский институт повышения квалификации МВД России, г. Тюмень, Россия.
625049, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75.
iddq@mail.ru

RUSTAMOV Rustam Adilovich

Senior lecturer at the Department of Special Training
Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia.
75 Amurskaya St., Tyumen, 625049, Russia, Tyumen region.
iddq@mail.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена анализу объективных признаков состава преступления в сфере дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в контексте уголовного законодательства Российской Федерации. Акцентируется внимание на понятии и значении объективных признаков состава преступления, включая деяние, последствия и причинную связь. В работе рассматриваются ключевые элементы объективной стороны составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации в сфере безопасности дорожного движения. В заключение подчеркивается, что комплексный подход к анализу объективных признаков состава нарушений в сфере дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является важным шагом к улучшению правоприменительной практики и снижению уровня преступности в данной сфере.

Abstract. This article analyzes the objective elements of a crime in the area of road traffic and vehicle operation within the context of Russian criminal law. It focuses on the concept and meaning of objective elements of a crime, including the act, consequences, and causation. The paper examines key elements of the objective element of the crimes provided for by the Criminal Code of the Russian Federation in the area of road safety. In conclusion, it is emphasized that a comprehensive approach to analyzing the objective elements of violations in the area of road traffic and vehicle operation is an important step toward improving law enforcement practices and reducing crime in this area.

Ключевые слова: объективные признаки, дорожное движение, дорожно-транспортное происшествие, объективная сторона, деяние.

Keywords: objective signs, traffic, traffic accident, objective side, act.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение

В последние годы в Российской Федерации наблюдается тенденция к уменьшению показателей, отражающих количество совершенных преступлений, связанных с безопасностью дорожного движения и эксплуатацией транспорта. В тоже время они продолжают оказывать значительное отрицательное воздействие на количество погибших и пострадавших в результате ДТП. На дорогах страны ежегодно всё ещё умирает до двадцати тысяч человек. Анализ статистики показывает наличие серьезных проблем в раскрытии и расследовании преступлений этой категории.

В 2024 году статистика дорожно-транспортных происшествий (ДТП) демонстрирует тревожные тенденции. Почти девять из десяти аварий, а именно 88,7%, произошли в результате нарушения Правил дорожного движения (далее – ПДД) водителями транспортных средств. Всего было зарегистрировано 85 460 ДТП, что на 1,2% меньше по сравнению с предыдущим годом. Однако, несмотря на снижение общего числа ДТП, количество пострадавших возросло: 9 051 человек погибли, что на 1,6% больше, чем в 2023 году, а 109 876 человек получили травмы, что на 2,4% меньше.

Уголовное законодательство, содержит ряд норм, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения, которые направлены на превенцию нарушений правил дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств и тяжести последствий от дорожно-транспортных происшествий.

Уголовное право создает механизм реагирования на наиболее грубые нарушения законодательства в сфере безопасности дорожного движения, устанавливая строгие санкции за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации автомобильного транспорта, что способствует повышению уровня безопасности на дорогах. [2, с. 230]

Основная часть

Комплексный подход к правоприменению и формированию общественного сознания способствует значительному снижению числа ДТП и улучшению общей безопасности на дорогах. [3, с. 28-29]

Основы уголовного права в этой сфере включают в себя несколько ключевых элементов.

1. Установление уголовно-правовых запретов. Уголовное право в сфере дорожного движения основывается на нормах Уголовного кодекса Российской Федерации, которые определяют, какие действия по нарушению правил дорожного движения считаются преступлениями.

Например, такие деяния, как повторное, после привлечения к административной ответственности управление транспортным средством в состоянии опьянения, превышение установленной скорости, выезд на полосу встречного движения, лицом, лишенным права управления, причинение тяжкого вреда здоровью или смерти другим участникам дорожного движения, имеют четкие формулировки и закрепление в соответствующих статьях УК РФ.

2. Классификация преступлений в зависимости от степени их общественной опасности. Например, нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств классифицируются в зависимости от последствий: тяжкий вред здоровью, смерть потерпевшего, количества потерпевших; признаков характеризующих субъекта преступления: состояние опьянения, отсутствие или лишение права управления, наличие судимости, его поведения после ДТП. Нарушение правил дорожного движения не повлекших тяжких последствий дифференцируются в зависимости от прецедентности деяний.

3. Меры уголовной ответственности. Уголовное законодательство определяет наказания, которые могут быть применены к правонарушителям, от штрафа до лишения свободы на определенный срок в зависимости от категории преступлений. Достаточно эффективным зарекомендовал себя дополнительный вид наказания - лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

4. Превентивные меры. Основная цель уголовного права в сфере дорожного движения - осуществление превентивных мер, направленных на предотвращение нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, которые включают: правовое воспитание (правовое информирование), усиление наказаний для нарушителей, неотвратимость ответственности.

5. Уголовно-процессуальные аспекты. Процессуальные нормы, регулирующие порядок расследования дорожно-транспортных происшествий, привлечение к ответственности и порядок назначения наказания гарантируют, соблюдения принципа законности и неотвратимости наказания, что означает рассмотрение дел на основе закона и соблюдения прав всех участников процесса [4, с. 30].

Обязательным условием привлечения к уголовной ответственности за дорожно-транспортные преступления является нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств образует деяние в форме действия или бездействия, включающее следующие обязательные элементы: конкретные действия (например, превышение скорости) или невыполнение обязанностей (например, не предоставление преимущества в движении) и конкретное нарушение норм, установленных ПДД РФ (например, проезд на запрещающий (красный) свет, движение по встречной полосе).

Общественная опасность деяния заключается в том, что соответствующее нарушение представляет угрозу для других участников дорожного движения, их жизни или здоровью, либо в целом безопасности дорожного движения.

В некоторых случаях нарушения могут иметь отягчающие или смягчающие обстоятельства. Например, это может быть состояние опьянения водителя, наличие нескольких нарушений в течение определенного периода, или же отсутствие права управления транспортным средством.

Состав нарушений ПДД различается в зависимости от конкретного случая и может квалифицироваться по различным статьям УК РФ. При этом возможна квалификация по совокупности со статьями КоАП РФ.

В рамках объективной стороны состава преступлений в сфере дорожного движения выделяются несколько ключевых признаков, которые являются важными для квалификации действий нарушителя.

Объективные признаки состава правонарушений в области дорожного движения – это факторы, которые позволяют определить наличие правонарушения и его характеристику. [5, с. 67]

Объективная сторона правонарушения: это совокупность внешних признаков, которые указывают на то, что правонарушение было совершено. К ним относятся:

Место совершения правонарушения: например, на дороге, тротуаре, в зоне действия светофора и т.д.

Время совершения правонарушения: может иметь значение для квалификации (день/ночь, условия видимости и т.д.).

Интересно, что наиболее аварийным временем суток в 2024 г. оказался период с 16:00 до 20:00, когда произошло более четверти всех ДТП – 27,1%. Это может быть связано с тем, что в это время на дорогах наблюдается высокая интенсивность движения, особенно в городах, когда люди возвращаются с работы или учебы. В то же время, наиболее тяжелые последствия фиксировались в ночное время, с 23:00 до 07:00, когда в среднем на 100 пострадавших приходилось 14 погибших. [1, с. 10-12]

Способ совершения: например, использование транспортного средства, которое не соответствует требованиям (технически неисправное), или действия, которые привели к аварийной ситуации.

Последствия это результаты правонарушения, которые могут проявляться в виде материального ущерба (повреждение имущества), причинения вреда здоровью или смерти людей. Наличие последствий может влиять на степень ответственности.

Причинную связь – необходимо установить, что действия (или бездействие) водителя непосредственно привели к наступлению последствий.

Преступное деяние посягающее безопасность дорожного движения представляет собой конкретное поведение лица, которое нарушает правила дорожного движения, влияющие на безопасность дорожного движения и может повлечь за собой определенные последствия (вред здоровью, смерть потерпевшего). [6, с. 151] Важно рассмотреть несколько аспектов этого признака:

Деяние – это активное или пассивное действие, совершенное водителем или другим участником дорожного движения. Это может быть как активные действия – управления транспортным средством с нарушением ПДД, так и уклонение от выполнения обязательных действий (например, не предоставление преимущества на дороге). [7, с. 172]

Для материальных составов транспортных преступлений объективная сторона характеризуется также общественно-опасными последствиями в виде материального или физического вреда потерпевшему. Причинная связь между деянием и наступившими последствиями является основой для правовой квалификации действия (бездействия) как преступных.

Общественно опасные последствия в виде тяжкого вреда включают такие повреждения, которые оказывают существенное влияние на здоровье человека по признакам опасности для жизни или и жизнь стойкой утратой трудоспособности.

К признакам тяжкого вреда здоровью относятся:

1. Телесные повреждения: переломы, ушибы головного мозга, повреждения внутренних органов и другие повреждения, которые требуют длительного лечения или влекут утрату органа или его функций.
2. Длительное расстройство здоровья: повреждения требуют длительного или постоянного лечения. Например, хронические заболевания, возникающие вследствие травмы.
3. Инвалидизация: если в результате ДТП пострадавший стал инвалидом, это обязательно рассматривается как тяжкий вред здоровью.
4. Психические расстройства: травмы, приводящие к значительным психологическим последствиям, также могут быть классифицированы как тяжкий вред.

Общественная опасность таких последствий заключается в том, что они:

- Негативно влияют на здоровье и жизнь человека, нанося вред его социальному статусу и способности к труду.
- Вызывают страх и беспокойство общества в целом относительно безопасности на дорогах.
- Увеличивают нагрузку на медицинские и государственные системы в связи с необходимостью лечения пострадавших и компенсаций.

Таким образом, общественно опасные последствия в виде тяжкого вреда здоровью имеют широкие медицинские последствия, и их изучение является важным для разработки мер по предотвращению дорожно-транспортных происшествий.

Их этого следует вывод, что признак "деяние" в сфере дорожного движения охватывает широкий диапазон действий и бездействий участников движения, которые могут повлечь за собой правовые последствия, а также угрозу безопасности как для самих участников, так и для окружающих. [8, с. 144] Причинная связь между деянием в сфере дорожного движения и тяжкими последствиями является важным составным элементом, определяющим степень ответственности виновного за ДТП. Эта связь подразумевает, что конкретное противоправное действие или бездействие некоего лица непосредственно привело к наступлению тяжкого вреда здоровью.

Следует отметить, что могут присутствовать сопутствующие условия – внешние факторы (дорожные условия, действия третьих лиц, чрезвычайных ситуаций), которые могли прервать причинную связь между действием нарушителя и наступившими последствиями. Их наличие может исключить или смягчить ответственности водителя.[9, с. 404].

Заключение

Объективные признаки состава правонарушения в области дорожного движения играют ключевую роль в установлении факта наличия самого правонарушения и определении его вида. Позволяют разграничивать деяние как как административное правонарушение или уголовное преступление в сфере дорожного движения.

Объективные признаки преступления служат основой для сбора и оценки доказательств, без которых невозможно назначение справедливого и объективного наказания.

Список литературы

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2024 год. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024, с. 10-12.
2. Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении. - М., 2011. - С. 230.
3. Чучаев А.И., Пожарский А.Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: монография. - М., 2019. - С. 28, 29.
4. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998; Квалификация следователем преступлений со смешанной противоправностью. Волгоград, 1988. С. 30.
5. Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность: монография. - М.: Юрлитинформ, 2015. - С. 67.
6. Буйленко В.Я. Психологические особенности человека при управлении автомобильным транспортом: учебное пособие / В.Я. Буйленко, С.В. Жанказиев, В.В. Дементенко, Ю.А. Короткова, М.В. Гаврилюк. – М.: МАДИ, 2017. – с. 151.
7. Психологические особенности человека при управлении автомобильным транспортом: учебное пособие / В.Я. Буйленко, С.В. Жанказиев, В.В. Дементенко, Ю.А. Короткова, М.В. Гаврилюк. – М.: МАДИ, 2017. – с. 172.
8. Уголовное право России. Часть Общая: учебник / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2012. С. 144.
9. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Крощаева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 404.

References

1. Road traffic accidents in the Russian Federation in 2024. Information and analytical review. Moscow: Federal State Institution "NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia", 2024, pp. 10-12.
2. Plotnikov A.I. Objective and subjective in crime. Moscow, 2011, p. 230.
3. Chuchayev A.I., Pozharsky A.Yu. Transport crimes: concept, types, characteristics: monograph. Moscow, 2019, pp. 28, 29.
4. Pikurov N. I. Criminal law in Russia the system of inter-industry relations. Volgograd, 1998; Investigator's qualification of crimes with mixed illegality. Volgograd, 1988. p. 30.
5. Korobeev A.I. Transport crimes and transport crime: a monograph. Moscow: YurLitinform, 2015. P. 67.
6. Buylenko V.Ya. Psychological characteristics of a person in management of motor transport: a textbook / V.Ya. Buylenko, S.V. Zhankaziev, V.V. Dementienko, Yu.A. Korotkova, M.V. Gavriluk. – M.: MADI, 2017. – p. 151.
7. Psychological characteristics of a person when driving motor transport: a textbook / V.Ya. Buylenko, S.V. Zhankaziev, V.V. Dementienko, Yu.A. Korotkova, M.V. Gavriluk, Moscow: MADI, 2017, p. 172.
8. Criminal Law of Russia. General part: textbook / ed. by L. L. Kruglikov, M., 2012. P. 144.
9. Criminal law of Russia. General part: textbook / edited by N. M. Kropacheva, B. V. Volzhenkina, V. V. Orekhova. SPb., 2006. p. 404.

**ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ УЧЕТ В СИСТЕМЕ МЕР ПО ПРОФИЛАКТИКЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
PREVENTIVE ACCOUNTING IN THE SYSTEM OF MEASURES TO PREVENT OF-
FENSES AMONG PERSONS CONTAINED IN CRIMINAL EXECUTION INSTITUTIONS**

ОМЕЛИН Виктор Николаевич

главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1
E-mail: v.omelin@mail.ru

ПЬЯНКОВ Матвей Николаевич

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1
старший научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России
Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, стр. 1
кандидат юридических наук
E-mail: matwcha@mail.ru

OMELIN Victor Nikolaevich

Researcher of the Department for the Study of Operational investigative Activities of the Center for the Study of Security Issues
in Institutions of the Penal Correction System of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Moscow, Narvskaya str., 15a, building 1
E-mail: v.omelin@mail.ru

PYANKOV Matvey Nikolaevich.

Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the MFUA,
Moscow, Serpukhov Val str., 17, building 1 Senior Researcher at the Center for the Study of Security Issues
in Institutions of the penal system FKR Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Narvskaya str., 15 a, building 1 Candidate of Law
E-mail: matwcha@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются понятие и значение профилактического учета в системе мер по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Рассматриваются предписания законодательных и ведомственных нормативных правовых актов, закрепляющих данную правовую категорию.

Abstract: the article analyzes the concept and significance of preventive accounting in the system of measures for the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal system. The prescriptions of legislative and departmental regulatory legal acts fixing this legal category are considered.

Ключевые слова: учреждения уголовно-исполнительной системы, профилактический учет, подозреваемые, обвиняемые, осужденные, профилактика правонарушений.

Keywords: institutions of the penal enforcement system, preventive accounting, suspects, accused, convicted, prevention of offenses.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Согласно положениям Федерального закона от 23.06.2016 г. N 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон о профилактике) профилактический учет является одной из форм профилактического воздействия (п. 4 ч. 1 ст. 17). Закон также устанавливает, что профилактический учет вправе осуществлять должностные лица органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации (2 ст. 17).

Отметим, что профилактический учет является базовой формой профилактического воздействия. Во-первых, он одновременно является основой для применения других форм профилактического воздействия. Например, профилактическая беседа (ст. 19 Закона о профилактике) возможна только после постановки лица на профилактический учет. Во-вторых, профилактический учет позволяет субъектам профилактики своевременно принимать меры по выявлению, предотвращению и пресечению возможных правонарушений со стороны подучетных лиц, в том числе путем исключения условий, дающих возможность их совершения.

Исходя из законодательно закрепленных позиций, профилактический учет предназначен для информационного обеспечения деятельности субъектов профилактики правонарушений (ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике). В литературе под информационным обеспечением деятельности субъектов профилактики понимается организация систематизированного свода документированных сведений, необходимых для предоставления своевременной, достоверной и полной информации для реализации аналитических и управленческих процедур, обеспечивающих осуществление полномочий субъектов профилактики правонарушений [2, С. 30].

Законодатель не разъясняет понятие и содержание термина «профилактический учет». Данное положение подтверждает необходимость четкого уяснения данного понятия, его единообразного понимания и применения на основе существующей системы правовых актов.

В настоящее время основным ведомственным нормативным актом, регламентирующим порядок организации и проведения мероприятий по профилактике правонарушений среди осужденных, подозреваемых и обвиняемых, отбывающих наказание и содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, является приказ Минюста Российской Федерации от

20.05.2013 г. № 72 (ред. от 02.11.2018) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [2] (далее - Инструкция по профилактике правонарушений).

В контексте рассматриваемого вопроса особый интерес представляют положения п. 23 упомянутой Инструкции, который устанавливает, что индивидуальная профилактика правонарушений включает в себя работу с лицами, поставленными на профилактический учет. При этом понятие профилактического учета Инструкция не раскрывает.

В научной литературе не существует единого общепризнанного подхода, что именно, следует понимать под профилактическим учетом в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Полагаем, что наличие правильных правовых понятий необходимо для того, чтобы исключить как необоснованное расширение, так и неоправданное сужение их содержания, что, несомненно, имеет большое значение для единообразного понимания и применения на основе существующей системы правовых актов.

Некоторые авторы под профилактическим учетом в учреждениях уголовно-исполнительной системы понимает пофамильную картотеку подлежащих воспитательно-профилактическому воздействию осужденных, состоящую из зарегистрированных в специальном журнале персонифицированных карточек, в которых отражены установочные данные подучетных лиц, основания и дата их постановки на учет, данные о сотрудниках, осуществляющих индивидуальную профилактическую работу, отметки об ознакомлении подучетного лица с содержанием карточки и о его снятии с профилактического учета [3, С. 96].

Полагаем, что упомянутые документы (пофамильная картотека подлежащих воспитательно-профилактическому воздействию осужденных, журнал персонифицированных карточек и пр.) содержат профилактически значимую информацию для обоснованного принятия решения о постановке лиц на профилактический учет в учреждениях уголовно-исполнительных учреждений, но не раскрывают понятие и назначение профилактического учета.

Иной подход в решении данного вопроса предложил С.А. Пономарев. Профилактический учет в системе мер предупреждения пенитенциарной преступности определяется как уголовно-исполнительная мера принудительного характера, заключающаяся в регистрации, сборе, накоплении и использовании в предупредительных целях информации о динамике криминальной активности осужденного в период отбывания наказания [4, С. 137].

Анализируя данное определение, нельзя не обратить внимания на то, что автор справедливо подчеркивает информационную составляющую профилактического учета (сбор, накопление информации), что в полной мере корреспондируется со ст. 21 Закона о профилактике, в которой говорится о предназначении профилактического учета для информационного обеспечения деятельности субъектов профилактики правонарушений. Но вряд ли обоснованно в анализируемом определении акцентировать внимание на криминальной активности только осужденных. Автор не поясняет, что следует понимать под криминальной активностью осужденных. Отметим, что Инструкция по профилактике правонарушений ориентирует на постановку на профилактический учет не только осужденных, но и подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Впрочем С.А. Пономарев далее пишет о подозреваемых и обвиняемых, предлагая новую редакцию п. 24 упомянутой Инструкции, которая устанавливает перечень подозреваемых, обвиняемых, осужденных, которые могут браться на профилактический учет.

В ходе дискуссии высказываются и другие точки зрения на данную проблему. По мнению А.А. Самойловой, профилактический учет - это совокупность правовых, организационных, воспитательных и оперативно-розыскных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению противоправных действий, а также создание алгоритмов, при которых реализация противоправных намерений невозможна или затруднительна, путем проведения профилактических мероприятий с лицами, склонными к совершению правонарушений [5, С. 10].

Кроме положительных оценок, данное определение имеет дискуссионные моменты. Во-первых, в числе отличительных признаков профилактического учета в определении указаны: совокупность правовых, организационных, воспитательных и оперативно-розыскных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению противоправных действий; создание алгоритмов, при которых реализация противоправных намерений невозможна или затруднительна; проведение профилактических мероприятий с лицами, склонными к совершению правонарушений.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что автор по сути отождествляет профилактический учет и индивидуальную профилактическую работу с лицом, поставленным на профилактический учет. За таким широким пониманием теряется сущность профилактического учета. По нашему мнению, профилактический учет и индивидуальная профилактика правонарушений соотносятся как часть и целое.

Во-вторых, не понятно, почему автор пишет только о лицах, склонных к совершению правонарушений. Отметим, что в перечне категорий лиц, подлежащих постановке на профилактический учет (п. 24 Инструкции по профилактике), только в 9 из 16 позиций в их наименованиях содержится термин «склонные» (например, склонные к совершению побега, склонные к употреблению наркотических веществ, склонные к совершению суицида и членовредительству и др.).

Отметим, что кроме лиц, склонных к совершению правонарушений, на профилактический берутся подозреваемые, обвиняемые, осужденные, организующие и провоцирующие групповое противодействие законным требованиям администрации; признанные судом нуждающимися в лечении от наркомании и алкоголизма и др. (п. 24 Инструкции по профилактике правонарушений).

Заслуживает внимания позиция, согласно которой профилактический учет - это процедура выявления, постановки и обеспечения особого контроля со стороны отделов и служб исправительного учреждения за осужденными, намеренными совершить правонарушение или способными негативно влиять на других лиц, а также имеющими медицинские и психологические показания с учетом их отношения к категориям осужденных, перечисленных в п. 24 Инструкции по профилактике [6, С. 163].

Анализ данного определения дает основание сделать вывод, что в числе отличительных признаков профилактического учета указаны

процедура выявления, постановления на профилактический учет осужденных, а также обеспечение особого контроля за подучетными лицами. Иными словами, авторы не различают (отождествляют) профилактический учет и индивидуальную профилактическую работу, что представляется недостаточно убедительным. При этом возникает вопрос: почему речь идет только об осужденных? Как уже отмечалось выше, в соответствии с установленным порядком на профилактический учет могут ставиться не только осужденные, но и подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы.

Следует отметить, что используемое авторами в данном определении словообразование «намерения совершить правонарушение или негативное влияние на других лиц, а также медицинские и психологические показания» заимствовано из п. 8 Инструкции по профилактике. Но в данном случае обращает на себя внимание противоречие между п. 8 и п. 24 упомянутой Инструкции. Дело в том, что в п. 24, который закрепляет перечень подозреваемых, обвиняемых и осужденных, которые берутся на профилактический учет, ведомственный нормодатель не использует словообразование «намерения совершить правонарушение».

Таким образом, с технико-юридической точки зрения усматриваются некоторая несогласованность сформулированных указанных предписаний.

Данное противоречие Инструкции необходимо исправить. В связи с чем представляется целесообразным внести в п. 24 изменения, дополнив следующей категорией подозреваемых, обвиняемых и осужденных, которые берутся на профилактический учет: «намеривающие совершить правонарушение».

Раздел IV «Порядок проведения индивидуальной профилактики правонарушений» упомянутой выше Инструкции по профилактике правонарушений содержит систему нормативных предписаний, детально регламентирующих порядок поставки на профилактический учет подозреваемых, обвиняемых, осужденных и оформление соответствующих при этом служебных документов:

мотивированный рапорт инициатора постановления на профилактический учет на имя начальника учреждения УИС;

материалы служебной проверки сведений, изложенных в рапорте;

материал для рассмотрения на заседании комиссии учреждения УИС, который готовится начальником отряда (воспитателем): справка по личному делу; объяснения подозреваемого обвиняемого и осужденного и иных лиц по поводу ранее совершенных правонарушений; заключение служебной проверки по факту допущенного правонарушения и иные материалы, характеризующие подозреваемого обвиняемого и осужденного подозреваемого обвиняемого и осужденного;

учетная карточка на лицо, поставленное на профилактический учет;

журнал регистрации учетных карточек.

Полагаем что указанные документы, оформляемые сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы, содержат профилактически значимую информацию для обоснованного принятия решения о постановке лица на профилактический учет и последующего проведения индивидуальной профилактической работы.

Подводя итоги, можно предложить следующее определение: профилактической учет в учреждениях уголовно-исполнительной системы - это предусмотренная законом и ведомственным нормативным правовым актом форма профилактического воздействия по сбору, регистрации и использованию информации в отношении подозреваемого, обвиняемого или осужденного, намеренного совершить правонарушение или оказывающего негативное влияние на других лиц, а также имеющего медицинские и психологические показания, с целью последующего проведения целенаправленной и дифференцированной индивидуальной профилактической работы.

Список литературы:

1. Хаметдинова Г.Ф. Профилактический учет: понятие и проблемы правового регулирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 3 (41). 2017. С. 30.
2. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2013 г. № 72 (ред. от 02.11.2018) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы».
3. Егорова Е.В., Исиченко А.П., Фумм А.М. Особенности профилактики преступлений и иных правонарушений в воспитательных колониях: учебно-методическое пособие/ под общ. ред. В.И. Селиверстова. - М.: УСПВРО ФСИН России; НИИ ФСИН России. 2009. С. 96.
4. Пономарев С.А. Профилактический учет в системе мер предупреждения пенитенциарной преступности (результаты теоретико-прикладного исследования) // Вестник Самарского юридического института. 2015. №2 (16). С. 137.
5. Самойлова А.А. Правовое регулирование и оперативно-розыскное обеспечение контроля за лицами, поставленными на профилактический учет в женских исправительных колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М.: НИИ ФСИН России. 2020. С. 10.
6. Сизых В.А., Долгорукий К.И. Актуальность применения понятия «профилактический учет» в приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сборник статей III Международной научно-практической конференции, 10 декабря 2019 г. Могилев / под ред. Н.В. Пантелеевой. - Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова. 2020. С. 163.

References:

1. Khametdinova G.F. Preventive registration: concept and problems of legal regulation // Legal science and law enforcement practice. No. 3 (41). 2017. P. 30.
2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 05/20/2013 No. 72 (as amended on 11/22/2018) "On approval of Instructions for the Prevention of Offenses among Persons held in Institutions of the Penal correction system."- executive system".
3. Egorova E.V., Isichenko A.P., Fumm A.M. Features of Crime and Other Offenses Prevention in Correctional Colonies: Educational and Methodological Guide/ under the general editorship of V.I. Seliverstov. - M.: USPVRRO of the Federal Penitentiary Service of Russia; Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2009. P. 96.
4. Ponomarev S.A. Preventive Registration in the System of Measures to Prevent Penitentiary Crime (Results of a Theoretical and Applied Research) // Bulletin of the Samara Law Institute. 2015. No. 2 (16). Pp. 137.
5. Samoylova A.A. Legal Regulation and Operational and Investigative Support for Monitoring Persons Registered for Preventive Registration in Women's Correctional Colonies: Abstract of Dissertation. ... Candidate of Law. Sciences. - M.: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. P. 10.
6. Sizykh V.A., Dolgorukiy K.I. The relevance of the concept of "preventive registration" in the order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 16.12.2016 No. 295 "On Approval of the Rules of Internal Regulations of Correctional Institutions" // State and Law: Current Problems of Legal Consciousness Formation: Collection of Articles III International Scientific and Practical Conference, December 10, 2019, Mogilev / edited by N.V. Panteleeva. - Mogilev: A.A. Kuleshov Mogilev State University. 2020. P. 163.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_772

УДК 343.3/7

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ, ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

PROBLEMS OF PREVENTION, DETECTION AND SUPPRESSION OF CRIMES OF A TERRORIST NATURE AND EXTREMIST ORIENTATION

ПИЛЮГИНА Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Юриспруденции»
Краснодарского кооперативного института (филиала) АНО ОВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»,
350015, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Центральный округ, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1.
E-mail: pilyugina_tv@mail.ru
SPIN- код: 6882-2637;
AuthorID: 677260
ORCID: 0000-0003-4521-3141

ПОМАЗАН Светлана Витальевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры « Конституционного и административного права» Кубанского государственного университета.
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
E-mail: svetlana_47@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5347-6449

СИДОРЕНКО Таисия Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Философии, истории и права»
Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
350000, Россия, Краснодарский филиал. г. Краснодар, ул. Шоссе Нефтяников 32.
E-mail: taisianik@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6548-2931

PILYUGINA Tatiana Vladimirovna

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence Krasnodar Cooperative Institute
(branch office) ANO OVO of the Central Administrative District of the Russian Federation "Russian University of Cooperation",
168/1 Mitrofan Sedin St., Krasnodar Region, Krasnodar, 350015, Russia.
E-mail: pilyugina_tv@mail.ru
SPIN code: 6882-2637;
AuthorID: 677260
ORCID: 0000-0003-4521-3141

POMAZAN Svetlana Vitalievna

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law,
Kuban State University State University.
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia, Krasnodar Territory.
E-mail: svetlana_47@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5347-6449

SIDORENKO Taisiya Nikolaevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy,
History and Law Krasnodar Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
350000, Russia, Krasnodar branch. Krasnodar, Highway Neftyanikov 32.
E-mail: taisianik@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-6548-2931

Краткая аннотация. В статье рассмотрен анализ категорийного аппарата в области выявления и пресечения преступлений террористического характера и экстремисткой деятельности. Раскрыты основные механизмы противодействия террористической и экстремистской деятельности. Дана характеристика детерминантов влияющих на обеспечение безопасности личности, общества и государства. Проанализирована проблема транснационального терроризма. Выработан механизм мониторинга эффективности профилактики и укрепления толерантного сознания и поведения общества.

Abstract. The article considers the analysis of the categorical apparatus in the field of detection and suppression of crimes of a terrorist nature and extremist activity. The main mechanisms of countering terrorist and extremist activities are revealed. The article describes the determinants affecting the security of the individual, society and the state. The problem of transnational terrorism is analyzed. A mechanism has been developed to monitor the effectiveness of prevention and strengthen the tolerant consciousness and behavior of society.

Ключевые слова. Терроризм, экстремизм, террористическая деятельность, преступления экстремистского характера, меры предупреждения и пресечения преступности.

Keywords. Terrorism, extremism, terrorist activities, crimes of an extremist nature, measures to prevent and suppress crime.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1] в числе основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности указана террористическая и экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации. Основные критерии противодействия затронули ключевые сферы государственной системы, а предлагаемый механизм повышения функцио-

нирования законодательной и правоприменительной деятельности позволяет повысить эффективность деятельности правоохранительных органов в основных направлениях государственной политики, связанной с вопросами миграции, информационной безопасности, повышении правовой культуры молодежной части общества, в рамках образования и культуры толерантности.[2]

Нельзя не отметить, что в последнее десятилетие руководством страны предпринимаются широкие меры, направленные на борьбу с любыми террористическими проявлениями в России. Однако, учитывая, что данный криминальный вызов представляет не только государственную, но и мировую угрозу, проблема противодействия терроризму является не менее актуальной и в настоящее время, поскольку сегодня в средствах массовой информации все чаще стали появляться термины терроризма и экстремизма, ставшими основной угрозой российской государственности.

Безусловно, со стороны авторов проанализирован весь механизм влияния опасности терроризма, и его составной части экстремизма, не менее опасного, пронизывающего все сферы общественной жизни общества и органически сопряженного с опасными преступлениями против жизни и здоровья человека, что позволяет отметить его особенности, поскольку опасность этого явления обусловлена реальной угрозой не только для внутренней, но и внешней безопасности государства.

Констатация современной международной ситуации Запада, позволяет утверждать о его поддержке криминогенной активности с помощью «двойных стандартов» в отношении российского государства, поощряя террористическую и экстремистскую активность недружественных государств, создавая конфронтацию «на фоне диверсионно-террористических посягательств на городские объекты, включая атаки с использованием беспилотных летательных аппаратов».[3]

Это утверждение, к сожалению, подтверждается практическими результатами: из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера 1098 (+29%) преступлений совершены в текущем году, в том числе: 213 (+76%) пресечено на стадии приготовления и покушения, а 223 (-31,6%) произошли за пределами РФ. В январе - декабре 2023 года зарегистрировано 2382 преступления террористического характера, что характерно шестипроцентному росту террористической преступности (+6,7%).[4] Кроме того растет вверх и кривая преступлений экстремистского характера. В 2023 году количество дел об экстремизме выросло на 62% до 430, а в 2024 году число экстремистских преступлений увеличилось на 28,3% до 1719. При этом в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга в 2024 году добавили 3,1 тыс. физических лиц и 80 организаций.[5]

Текущий год не исключение. Темп роста остается высоким. Завершено было расследование 1158 преступлений террористического характера (-0,9 %). 714 (-1,2 %) из них расследовали в органах ФСБ, 418 (+7,5 %) - в Следственном Комитете, а 26 (-54,4 %) в органах МВД.[6]

Присуще и изменение их качественного характера. Выросло число преступлений, квалифицированных как публичное оправдание терроризма, совершенное с использованием информационно-коммуникационных технологий, подпадающих по статью 205 ч.2 УК РФ. Их количество к началу года было зарегистрировано 548 (+11,8 %), из них 282 выявили сотрудники ФСБ, 239 преступлений сотрудниками МВД, семь представителями Следственного Комитета.[7]

Характерно, что основной целью террористов выступают промышленные предприятия, особо охраняемые объекты, приграничные города, демонстрируя потенциальную угрозу нанесения ударов и по массовой жилой застройке. [8].

Безусловно, практически все угрозы интересам и безопасности России имеют международный характер и связаны с терроризмом и трансграничной преступностью. Поэтому поиск путей противодействия терроризму сегодня является первоочередной задачей и имеет особое значение. В связи с чем, проблемы противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях является одной из ключевых задач государства.

Действующее российское законодательство очень четко отражает жесткую антитеррористическую политику, последовательно осуществляемую всеми силовыми структурами государства. В частности, на данный момент в стране создана устойчивая законодательная база противодействия и борьбы с терроризмом, которая основана на нормах международного права, а также на собственном опыте и опыте зарубежных стран. Соответствующие положения нашли отражение в ст. 205¹ Уголовного кодекса Российской Федерации «Содействие террористической деятельности», [9] основной критерий которой связан с понятием «финансирования терроризма», «вербовки», «вооружения» и «подготовки». Эта формулировка с точностью воспроизводит прямое или косвенное соприкосновение отдельных стран, «в частности Великобритании, США и ряда государств — участников Североатлантического Альянса (НАТО), делающие ставку на силовое разрешение противоречий, подталкивая мир к новой гонке вооружений, на фоне усиления антироссийской риторики, активизируя недружественную военную деятельность вблизи российских границ».[10]

Безусловно, современный мир проходит через переломный этап, характеризующийся не только межконфессиональными, межэтническими отношениями, межнациональными конфликтами, меняются взаимоотношения между государствами, по сути, радикальные отрицания существующих общественных норм и правил отдельных личностей и групп, их популяризация становится основным методом целенаправленной террористической и экстремистской активности.[11]

Любое общество на определенном этапе развития диктует своим гражданам характерную динамику сознания и поведения. В особенности этому диктату подвержены дети и молодежь. Их сознание адаптируется согласно общему фону общественной жизни, поэтому в последние годы отмечается активизация ряда экстремистских движений, которые вовлекают в свою деятельность молодых людей. Анализ данных за последние пять лет показывает, что возраст четырех из пяти лиц, преступная деятельность которых пресечена, составляет не более 30 лет. Навязываемая экстремистами система взглядов является привлекательной для молодых людей в силу простоты и однозначности своих постулатов,

обещаний возможности незамедлительно, сей же час, увидеть результат своих пусть и агрессивных действий.[12]

Подчеркивая масштабность распространения таких идеологических воззрений «радикалов», претендует на эффект воздействия «личностной девиации», варьируя эмоционально обусловленное восприятие. В данном случае, моделируя процесс противодействия террористической и экстремистской активности, несмотря на сохранение силовой составляющей, важно кардинально повысить эффективность противодействия идеологии терроризма и экстремизма, поставить надежные барьеры на путях ее проникновения в общественное сознание. В современных условиях эта одна из ключевых задач социума.

Для достижения убеждающего эффекта, по мнению авторов, необходимо использовать технологии информационного контента прямого и опосредованного воздействия на национальные ценностные ориентиры. Так называемый механизм «психологическое воздействие», позволяющий формировать правовую культуру и правосознание общества. [13]

Можно до бесконечности отражать объективную сложность, запутанность, противоречивость делинквентных отношений и их противоправных границ, деятельность не соответствующую установившимся в данном обществе социальным нормам,[14] вычленение в исследовании генетического аспекта позволяет понять процесс взаимодействия экономических, социальных условий жизни людей как причин, с одной стороны, и самой преступности как следствия, с другой. В целом современный мультикультурный характер российского общества, имеет свой своеобразный механизм, позволяющий судить о многовариантности процесса обеспечения национальной безопасности, где угрозы безопасности, создают серьезное социальное напряжение и ставят под сомнение процесс демократизации и устойчивого развития всей России.

Вместе с тем, необходимо четко понимать, что механизм обеспечения безопасности государства от террористических атак и экстремизма, сегодня должен быстро и адекватно реагировать на изменения сложившейся международной обстановки, прогнозировать и своевременно предотвращать криминогенные факторы и террористические атаки. Выдвигая концепцию по противодействию терроризму, прежде всего, необходимо изучение его детерминантов, осуществляя комплексные программы его прогнозирования.

Здесь не помешает и рассмотрение инновационных интеллектуальных подходов, основанных на обработке больших массивов данных и выявлении скрытых закономерностей, демонстрируя успешность прогнозирования террористических атак в разных частях мира.[15]

Безусловно, существующая в России нормативно-правовая база предусматривает возможность применения широкого комплекса мер для предотвращения актов терроризма, а поскольку минимизация и ликвидация последствий терроризма и экстремизма предполагает осуществление материально-правовых, правоприменительных и профилактических инструментов противодействия терроризму, по мнению авторов, таковыми становятся превентивные меры их реализации. Следовательно алгоритм взаимодействия структурных подразделений государства и гражданского общества позволит снизить риск террористической активности и оценить морально-патриотические качества социума. И не зря современная государственная политика России расставляет приоритеты четкого формирования правовой культуры общества, оценивая личную ответственность каждого.

Проведенный анализ показывает, что организация борьбы с терроризмом осуществляется на основе комплексного подхода к анализу причин возникновения и распространения терроризма, к выявлению субъектов террористической деятельности, четкого разграничения функций и зоны ответственности субъектов противодействия терроризму. Проведение мониторинга, в рамках профилактических мероприятий, позволяет обеспечить эффективность координации взаимодействия государства и общества в обеспечении защиты страны от террористических атак и экстремистских идей в рамках обеспечения национальных интересов государства. Важнейшим средством предупреждения становится и международная плодотворная работа членов ШОС, обеспечивая сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, с незаконным оборотом оружия и наркотиков.

Таким образом, Российское государство, в рамках осуществления антитеррористической функции использует все средства и меры экономического, политического и правового характера, рассматривая при этом все аспекты террористической и экстремистской преступности. При этом учитываются и антитеррористические механизмы регионов.

Список литературы.

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации Собрание законодательства Российской Федерации от 2021 г. , № 27 , ст. 5351 (*Часть II*)
2. Указ Президента РФ от 28.12.2024 №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115> (дата обращения: 22.01.2025).
3. Бавсун, М. В., Ильин, И. С. Проблемы профилактики, выявления и пресечения преступлений террористического характера и экстремистской направленности в период предвыборной кампании Президента Российской Федерации (по материалам г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Российский девиантологический журнал, 2024. 4 (2), 287–300.
4. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Сайт crimestat.ru. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 23.11.2025).
5. Аналитические данные Росфинмониторинга - URL: <https://www.fedsfm.ru/opendata>(дата обращения: 23.11.2025 г.)
6. Состояние преступности и результаты расследования преступлений- URL: <https://mvd.ru/opendata> (дата обращения 23.11.2025
7. Информационно-аналитический портал правовой статистики Следственного Комитета РФ - URL:<https://sledcom.ru/references/Analiz>
8. Взрыв дрона на Пискаревском проспекте в Петербурге признали терактом (2024). Ведомости. СевероЗапад. – URL : <https://spb.vedomosti.ru/society/news/2024/03/04/1023505-vzriv-drona-na-piskarevskom-prospekte-v-peterburgepriznali-teraktom> (дата обращения: 23.11.2025 г.)
9. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) - - URL - <https://www.consultant.ru>
10. Беляева Т. Н., Борисов С. В. Противодействие экстремизму (терроризму): приоритетное направление правоохранительной деятельности в аспекте обеспечения национальной безопасности //Труды Академии управления МВД России2020.№4(36)
11. Пилюгина Т.В. Экстремизм: социально-правовой анализ причин возникновения и способов его преодоления // Общество и право 2011.№3 (35)
12. Помазан С. В., Пилюгина Т.В. Преступления, связанные с осуществлением террористической деятельности // Общество и право.2014.№ 4 (30).с.119-122
13. Пилюгина Т.В., Пилюгин Д.С. Проблемы социализации делинквента: правовой анализ / Т.В.Пилюгина, Д.С.Пилюгин // Материалы научно-практической конференции «Закон и порядок» Таганрог, 2011, с.76-79

14. Ипполитов К.Х. *Экономическая безопасность: стратегия возрождения России*. М., 1996; *Экономическая безопасность России (проблемы методологии и организационно-правового обеспечения)* / Под общ. ред. Ю.И. Аболентцева, В.И. Попова. М., 2001.
15. Грибарев С. П., Фролов С. В., Спирин Б. Л. Обзор аналитических возможностей прогнозирования террористических актов // *Культура и безопасность*. 2023. №2.

References.

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 On the National Security Strategy of the Russian Federation Collection of Legislation of the Russian Federation dated 2021, No. 27, art. 5351 (Part II)
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 12/28/2024 No. 1124 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation" [Electronic resource]. – Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115> (date of request: 01/22/2025).
3. Bavsun, M. V., Ilyin, I. S. Problems of prevention, detection and suppression of crimes of a terrorist nature and extremist orientation during the election campaign of the President of the Russian Federation (based on the materials of St. Petersburg and the Leningrad region). *Russian Deviantological Journal*, 2024. 4 (2), 287-300.
4. Information and analytical portal of legal statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation // Website crimestat.ru . URL: http://crimestat.ru/offenses_map (date of request: 11/23/2025).
5. Analytical data of Rosfinmonitoring - URL: <https://www.fedsfm.ru/opendata> (date of access: 11/23/2025)
6. The state of crime and the results of the investigation of crimes- URL: <https://mvd.ru/opendata> (accessed 11/23/2025)
7. Information and analytical portal of legal statistics of the Investigative Committee of the Russian Federation - URL: <https://sledcom.ru/references/Analiz>
8. The explosion of a drone on Piskarevsky Prospekt in St. Petersburg was recognized as a terrorist act (2024). *Vedomosti. Northwest*. – URL : <https://spb.vedomosti.ru/society/news/2024/03/04/1023505-vzriv-drona-na-piskarevskom-prospekte-v-peterburgepriznali-teraktom> (date of application: 11/23/2025)
9. Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 11/17/2025) - - URL - <https://www.consultant.ru>
10. Belyaeva T. N., Borisov S. V. Countering extremism (terrorism): the priority area of law enforcement in the aspect of ensuring national security // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia* 2020. №4(36)
11. Pilyugina T.V. Extremism: a socio-legal analysis of the causes and ways to overcome it. // *Society and Law* 2011. №3 (35)
12. Pomazan S. V., Pilyugina T.V. Crimes related to terrorist activities // *Society and Law*. 2014. № 4 (30). pp.119-122
13. Pilyugina T.V., Pilyugin D.S. Problems of delinquent socialization: a legal analysis / T.V.Pilyugina, D.S.Pilyugin // *Proceedings of the scientific and practical conference "Law and Order"* Taganrog, 2011, pp.76-79
14. Ippolitov K.H. *Economic security: a strategy for the revival of Russia*. Moscow, 1996; *Economic The security of Russia (problems of methodology and organizational and legal support)* / Under the general editorship of Yu.I. Abolentsev, V.I. Popov, Moscow, 2001.
15. Gribarev S. P., Frolov S. V., Spirin B. L. Review of analytical capabilities for forecasting terrorist acts // *Culture and Security*. 2023. №2.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_776

О СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЛИЧНОСТЬ ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ABOUT SOCIAL FACTORS THAT HAVE AN IMPACT ON THE IDENTITY OF THE PERSON SENTENCED TO IMPRISONMENT

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15А, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15A Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена изучению социальных факторов, оказывающих влияние на личность осужденного и его поведение. В статье обосновывается мнение авторов о том, что формирование противоправного поведения личности обычно связывается с дефектами социализации, к числу которых относятся: дефекты в организации воспитания, в понимании и выполнении определенных социальных ролей, в системе общения и поддержания коммуникаций, дефекты индивидуального социального опыта, социального контроля, социальной адаптации. Автор приходит к выводу о том, что на психологию личности осужденного оказывает влияние ряд таких факторов, как лишение свободы и ослабление прежних социальных связей, позиция осужденного в условиях отбывания наказания, социальная среда осужденных, воздействие основных средств исправления, взаимоотношения с администрацией исправительного учреждения. Учет данных факторов может повысить эффективность управленческих воздействий на позицию осужденного в системе исправительного учреждения и оказать положительное влияние на процесс развития его личности.

Abstract. The article is devoted to the study of social factors influencing the personality of a convict and his behavior. The article substantiates the authors' opinion that the formation of illegal personality behavior is usually associated with defects in socialization, which include: defects in the organization of education, in understanding and performing certain social roles, in the system of communication and maintaining communications, defects in individual social experience, social control, and social adaptation. The author comes to the conclusion that the psychology of the convict's personality is influenced by a number of factors such as deprivation of liberty and the weakening of previous social ties, the convict's position in the conditions of serving his sentence, the social environment of convicts, the impact of basic means of correction, and the relationship with the administration of the correctional institution. Taking these factors into account can increase the effectiveness of managerial influences on the convict's position in the correctional institution system and have a positive impact on the development of his personality.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, лишение свободы, осужденный, факторы, личность, администрация, начальник отряда, поведение, воспитательная работа, исправление, профилактика.

Key words: penal enforcement system, correctional institutions, imprisonment, convict, factors, personality, administration, squad leader, behavior, educational work, correction, prevention.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Особенности личности осужденного и возможности управления его поведением относятся к числу основополагающих проблем, с решением которых связана эффективность достижения основных задач, стоящих перед учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания. Как известно, личность осужденного следует отличать от личности правонарушителя и преступника, поскольку она должна рассматриваться в системе специфических отношений и социальных связей, которые вытекают из его правового статуса. Ученые справедливо отмечают, что после вступления приговора в законную силу и до момента окончания отбывания наказания следует говорить не о личности преступника, а о личности осужденного [6, с. 268]. В частности, применение к осужденному уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы, изменяют его социальный статус, а также изменяют социальную роль и правовое положение в период отбывания наказания. Данные изменения не могут не отразиться на социальных и психических качествах личности и ее отношении к основным социальным ценностям. Исследователи достаточно справедливо отмечают, что пенитенциарные учреждения как окружающая среда способствует формированию у осужденного постоянного стрессового состояния, что может вызвать определенные психологические отклонения и привести к срыву [4, с. 107].

В работе с осужденными, прежде всего, личностный подход направлен на достижение одной из основных целей воспитательного воздействия, то есть на трансформацию и переориентацию индивидуальных установок и асоциальной мотивации, а также на формирование общесоциальных установок, потребностей и интересов. Возникающие в связи с этим задачи требуют в процессе их решения поддержки со стороны психологии и педагогики, активного внедрения положительного опыта и прогрессивных форм оказания воспитательного воздействия на осужденных.

В настоящее время, организация исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы требует обязательного учета особенностей личности каждого осужденного, динамики и факторов, оказывающих влияние на ее развитие, а также установление мотивов и целей противоправного поведения. Анализ причин и негативных жизненных условий, способствующих развитию антиобщественной мотивации осужденного, позволяет с психологической и педагогической точки зрения обосновывать необходимость поддержания на высоком уровне системы управления поведением осужденного с помощью методов и средств воспитательного воздействия.

Безусловно, сущность личности, в том числе осужденного, невозможно понять, рассматривая ее вне исторических и социальных влияний, поскольку личность отражает особенности общества, усваивает социальные влияния и активно воздействует на среду жизнедеятельности.

Однако решающим источником развития личности выступает социальное влияние и общественная деятельность личности. Личность всегда является представителем определенной социальной группы, в которой она занимает конкретное положение и соответствующую социальную позицию, при этом направленность ее деятельности может изменяться от общественно полезной деятельности, как у законопослушных граждан до антиобщественной, как у лиц, совершающих противоправные деяния.

Следует отметить, что внутренние психические процессы личности выступают продуктом присвоения внешней практической и предметной деятельности. То есть сознание личности, познавательные процессы и иные свойства формируются в процессе предметной деятельности, с которой они находятся в тесном взаимодействии. При этом противоправная деятельность и влияние отрицательной микросреды способствует возникновению у личности правонарушителя отрицательных свойств и качеств.

Формирование противоправного поведения личности обычно связывается с дефектами социализации, с недостатками в процессе усвоения индивидом знаний социальных норм, правил и привычек поведения, определенного отношения к обществу, к законам, к другим гражданам, к самому себе и вообще, к общественно полезной деятельности. К числу основных дефектов социализации личности относятся:

- дефекты в организации воспитания, связанные с развитием противоправной ориентации и асоциальной мотивации;
- дефекты в понимании и выполнении определенных социальных ролей, приводящие либо к отрицанию роли, либо к непониманию ее социальной значимости и уклонению от ее исполнения;
- дефекты в системе общения и поддержания коммуникаций, приводящие к невозможности удовлетворения потребности в самоутверждении и эмоциональном контакте;
- дефекты индивидуального социального опыта, зависящие от неправильного воспитания, специфики общения, возникающей путем усвоения норм асоциального поведения;
- дефекты социального контроля, обусловленные недостаточной эффективностью деятельности семьи, образовательных и трудовых учреждений, а также деятельностью правоохранительных органов;
- дефекты социальной адаптации, например, отражающие процесс интенсивной миграции и концентрации населения в больших городах.

Проводимый в исправительных учреждениях анализ социальных факторов и обстоятельств жизнедеятельности осужденных позволяет более четко понять детерминацию их возникновения и на этой основе разработать систему педагогических воздействий. В частности, из факта преступного поведения осужденного, за которое он отбывает наказание, возможно извлечь максимум информации о его личности, особенностях его сознания и самосознания, отношения к совершенному преступлению. Например, Н.П. Барабанов, ранее отмечал, что характеристика осужденных позволяет судить о них не только в момент прибытия в исправительное учреждение, но и прогнозировать их действия после освобождения, на этой основе вырабатывать соответствующие профилактические меры [1, с. 57].

Обратим внимание, что на психологию личности осужденного оказывает влияние не только изменение его правового положения, но и целый ряд других факторов. К их числу относятся:

- лишение свободы, и, как следствие ослабление прежних социальных связей;
- позиция осужденного в условиях отбывания наказания, приводящая его к пониманию своего правового статуса и его оценка;
- социальная среда осужденных, обусловленная наличием психологической защищенности отдельных лиц, восприятием отдельных микрогрупп, положительно или отрицательно относящихся к осужденному;
- воздействие основных средств исправления (режима, воспитательной работы, труда и обучения), а также их психолого-педагогическая и правовая обоснованность;
- взаимоотношения с администрацией исправительного учреждения и оценка сотрудников в качестве воспитателей и исполнителей уголовного наказания.

В практической деятельности исправительного учреждения, его сотрудники часто отмечают, что правильное понимание осужденным самого фактора лишения свободы и его воздействия на личность иногда позволяют воспитателям снимать излишнее психическое напряжение у осужденных, то есть управлять их психическими состояниями и использовать факт лишения свободы для вызова чувства раскаяния, осознания своей вины, угрызения совести, а также отрицательного отношения к совершенному преступлению.

Также, наибольшее влияние на психику осужденного оказывает не только сам факт лишения свободы, но и ограничение социальных контактов, ослабление связей с родственниками, бывшими коллегами, близкими друзьями. Для некоторых осужденных сам факт лишения свободы ассоциируется с включением его в среду других правонарушителей, что часто сопровождается переживаниями, восприятием данной среды как враждебной, несущей элемент подавления личности, субъективной незащищенности. По мнению С.А. Хохрина, в исправительном учреждении личность утрачивает социальные связи, у человека возрастает конфликтность, агрессивность, вырабатывается приспособляемость (адаптивность) [7, с. 469].

Находясь в исправительном учреждении, осужденный вступает в определенные отношения с администрацией, с конкретными сотрудниками, с начальником отряда, которые выступают для него в качестве субъектов управления его деятельностью и поведением. При этом управляющее и воспитательное воздействие на личность осужденного признается эффективным при наличии четкой правовой регламентации его поведения и педагогически обоснованного применения дисциплинарных мер за нарушение требований режима. В некоторых случаях, неопределенность и нечеткое понимание осужденным своего социального статуса, а также отсутствие единообразных режимных требований препятству-

ют эффективности управления, что может привести к асоциальным проявлениям со стороны осужденных.

В данном случае, объект воспитательного воздействия становится управляемым, если ему известны и понятны предъявляемые требования к его поведению. Поэтому для осужденных важно создать внутренний, субъективный образ соблюдения исполнительской дисциплины, то есть обозначить и уточнить требования, которые к ним предъявляются. Полагаем, что процесс адаптации осужденного к жизни в условиях исправительного учреждения должен сопровождаться формированием такого образа, в значительной мере определяющего эффективность управления процессом воспитательного воздействия и исправления. При этом исследователи утверждают, что воспитательный процесс, сопровождающийся изменением взглядов и образа жизни взрослого человека, должен быть основан на глубоком учете психологических особенностей отдельных осужденных и их коллективов [5, с. 100]. Все это способствует оздоровлению обстановки, складывающейся в исправительном учреждении, а также правильному построению взаимоотношений осужденных с сотрудниками исправительного учреждения и с другими осужденными. Однако мы полагаем, что недостаточно просто очертить осужденным их круг прав и обязанностей. Еще необходимо довести до них требования, разъяснить целесообразность их исполнения, а далее сформировать внутреннюю готовность к их выполнению. Данное обстоятельство определяет четкость и полноту понимания осужденными своих прав и обязанностей, а также своего положения в системе взаимоотношений.

Учитывая все вышеизложенное, отметим, что в процессе управления поведением осужденных необходимо учитывать ряд факторов, имеющих свои психологические характеристики:

- особенности жизни осужденного до его поступления в исправительное учреждение;
- специфику управления деятельностью и поведением осужденного;
- характер организации управления социальной средой, в которую входит осужденный;
- характер обстоятельств, непосредственно, влияющих на изменение поведения осужденного.

По нашему мнению, именно учет вышеуказанных факторов может повысить эффективность управленческих воздействий на позицию осужденного в системе исправительного учреждения, оказать положительное влияние на процесс развития его личности, ускоряя при этом нужные позитивные изменения и задерживая или останавливая отрицательные.

Список литературы:

1. Барабанов Н.П. Роль начальника исправительно-трудовой колонии в организации борьбы с наркоманией. Рязань, 1995. - 82 с.
2. Казак Б.Б., Ушатиков А.И. Основы пенитенциарной психологии: учебник. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001. - 536 с.
3. Кругликов Л.Л., Батманов А.А. О влиянии на наказание данных, характеризующих личность вне связи с преступлением. Российская юстиция. 2007. № 12. С. 48-52.
4. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых. Психология и право. 2015. № 2. С. 105-116.
5. Салахова В.Б., Хайрудинова Р.И. Личность осужденного в условиях исполнения наказания. Власть. 2015. № 9. С. 99-103.
6. Филиппов Р.А., Филиппова Ю.М. К вопросу о понятии личности осужденного. Ученые записки университета Лесгафта. 2017. № 6. С. 267-270.
7. Хохрин С.А. Личность осужденного, совершившего преступление в период отбывания наказания. Человек: преступление и наказание. 2023. № 3. С. 466-476.

References:

1. Barabanov N.P. The role of the head of the correctional labor colony in organizing the fight against drug addiction. Ryazan, 1995. - 82 p.
2. Kazak B.B., Ushatikov A.I. Fundamentals of penitentiary psychology: textbook. Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2001. 536 p.
3. Kruglikov L.L., Batmanov A.A. On the impact on punishment of data characterizing a person outside of a crime. The Russian justice system. 2007. No. 12. pp. 48-52.
4. Melnikova D.V., Debolsky M.G. Penitentiary stress and the peculiarities of its manifestation in convicts, suspects, and accused. Psychology and law. 2015. No. 2. pp. 105-116.
5. Salakhova V.B., Khairudinova R.I. Personality of the convicted person in the conditions of execution of punishment. Power. 2015. No. 9. pp. 99-103.
6. Filippov R.A., Filippova Yu.M. On the issue of the concept of the convict's personality. Academic notes of Lesgaft University. 2017. No. 6. pp. 267-270.
7. Khokhrin S.A. The identity of a convicted person who committed a crime while serving his sentence. Man: crime and punishment. 2023. No. 3. pp. 466-476.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ РЕАГИРОВАНИЯ НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ SOME ISSUES OF THE MODERN SYSTEM OF RESPONSE TO CRIMINAL BEHAVIOR

СЫЧ Владимир Константинович,

преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений
юридического факультета Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Пожаростина, д. 46.

e-mail: vladimir_1@inbox.ru;

SYCH Vladimir Konstantinovich,

lecturer at the Department of Criminology and Crime Prevention

at the Law Faculty of the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service.

390000 Ryazan, Pozhalostina St., Bldg. 46, Apt. 30.

e-mail: vladimir_1@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются объективные сложности воздействия на преступное поведение. Отмечается, что современная российская система реагирования на преступное поведение, крайне слабо учитывает интересы потерпевшей стороны. Так же рассматривается современное состояние института наказания и иных мер уголовно-правового характера, приводится точка зрения, что современное наименование иных мер уголовно-правового характера не вполне корректно и указывается на возможность переименования их в меры безопасности и предупреждения.

Abstract: The article presents the opinion that the modern system of response to criminal behavior should have three levels of protection: a) measures of prosecutorial supervision: compensation for harm caused by norms; restoration of the rights of victims, society and the state; b) measures of security and (or) respect; c) phenomenon. The current state of the institution of punishment and other measures of a criminal-legal nature is considered, the point of view is given that the current name of other measures of a criminal-legal nature is not entirely correct and the possibility of renaming them as security and prevention measures is indicated.

Ключевые слова: наказание, иные меры уголовно-правового характера, отличительные особенности наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Key words: punishment, other measures of criminal law nature, distinctive features of punishment and other measures of criminal law nature.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Современные проблемы уголовной политики борьбы с преступностью во многом связаны с тем, что наказание и особенно лишение свободы, с его репрессивно-возмездным содержанием не в полной мере соответствует возросшим духовно-нравственным ценностям, нормам и принципам международного права [1, с. 164]. В этом контексте вызывает интерес дискуссия касательно того, что уголовное право имеет в своем арсенале лишь штрафные (карательные) санкции, а восстановительные ему не свойственны и относятся к гражданскому.

Действующее уголовное законодательство в значительной мере подтверждает устоявшуюся на этот счет точку зрения. В санкциях Особенной части УК РФ указывается лишь на принудительно-репрессивные меры.

Справедливости ради стоит отметить, что традиционно советская и постсоветская доктрины уголовного права считали возмещение вреда, причиненного преступлением, вопросами исключительно гражданского права и процесса.

В связи с этим представляет интерес Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г., где были закреплены основные идеи по охране прав лиц, ставших жертвами преступлений, в сфере правосудия [2]. Особая рекомендация правительствам состояла в необходимости включить в законодательную практику как одну из мер наказания реституцию.

В зарубежном уголовном законодательстве, преимущественно в странах Восточной и Северной Европы (Финляндия, Швеция, Дания и др.), закреплены нормы, определяющие правила реституции, которые имеют много общего с аналогичными нормами российского уголовного законодательства (гражданско-правовой иск в уголовном процессе). Другие зарубежные страны определяют механизм возмещения вреда потерпевшему от преступления посредством применения уголовного наказания.

Однако второй путь возмещения вреда потерпевшему, на наш взгляд, достаточно спорный и не отвечает современным реалиям уголовной политики. Известно, что уголовное наказание по своей правовой природе ничего не возмещает потерпевшему или обществу, оно лишено указанных возможностей. Даже такой близкий к реституции институт, как штраф, означающий денежное взыскание с виновного в пользу государства, имеет существенные отличия от механизма возмещения вреда потерпевшему, не говоря уже о лишении свободы и других видах наказания.

Вполне очевидно, что пример из зарубежной законодательной практики возмещения вреда потерпевшему от преступления указывает на серьезную как проблему в отечественной уголовно-правовой науке, так и в практике, потому что в России отсутствует действующая система помощи жертвам преступлений, которая могла бы возместить причиненный преступлением вред [3, с. 6]. На наш взгляд, современная доктрина уголовной политики должна включить в свой предмет и институт реституции. Иными словами, наряду со штрафными карательными санкциями уголовное законодательство должно содержать в своем арсенале и меры уголовно-реституционного, восстановительного характера, которые учитывали бы гораздо шире интересы потерпевшего по сравнению с тем, как это обстоит на настоящий момент.

Следует отметить, что в зарубежном уголовном праве, и прежде всего в европейских государствах, наметилась отчетливая тенденция,

согласно которой наряду с наказанием закрепляются нормы восстановительного правосудия и меры социальной превенции и безопасности. В частности, официальная уголовно-правовая доктрина Германии исходит из двухколейности уголовного права, где меры наказания сочетаются с мерами безопасности.

Такой опыт вполне возможно перенять в отечественную практику, меры восстановительного правосудия могли бы являться самостоятельным институтом уголовного и уголовно-процессуального права, призванными реформировать существующий в данный момент порядок возмещения вреда, причинённого преступлением.

Действующий УК РФ установил виды наказания и иные меры уголовно-правового характера. Хотя в тексте данного нормативно-правового акта дается понятие наказания, но определение иных мер отсутствует. Возникает естественный вопрос: что следует понимать под такими мерами и какова их правовая природа?

Некоторые авторы считают, что иные меры уголовно-правового характера зачастую назначаются для достижения целей наказания [4, с. 26]. С таким мнением весьма трудно согласиться, поскольку это разные уголовно-правовые институты. В этом контексте не лишним будет рассмотреть разграничительные признаки иных мер уголовно-правового характера от наказания: а) могут назначаться решением суда (Постановление о применении принудительных мер медицинского характера), а не только приговором суда; б) могут назначаться не только по факту совершения преступления; в) могут назначаться при отсутствии вины; д) не всегда связаны с ограничением и лишением прав и свобод лица (конфискация имущества, приобретенного преступным путем); е) не влекут судимости.

Если же рассмотреть цели, которые стоят перед иными мерами уголовно-правового характера, то вполне очевидно их превентивная сущность, направленная на лишение возможности совершения новых преступлений. Исходя из этого, по нашему мнению, наименование иные меры уголовно-правового характера мер в действующей редакции не совсем корректно, меры безопасности и (или) предупреждения гораздо более полно отражали бы суть отмеченных мер.

Наша позиция идет несколько вразрез с позицией тех авторов, которые наделяют институт мер безопасности самостоятельностью и параллельностью уголовной ответственности. Отдельные исследователи указанной проблемы предлагали создать межотраслевой кодекс мер безопасности. Нам представляется, что меры безопасности – это институт уголовного права, хотя вполне допустимо, что он может быть и в других его отраслях, например, в административном праве.

Отмеченные меры, на наш взгляд, составляют категорию мер безопасности. К мерам безопасности возможно отнести принудительные меры воспитательного воздействия (передача под надзор родителей или лиц, их замещающих, либо специализированного государственного органа; ограничение досуга или установление специальных требований к поведению несовершеннолетнего; помещение в специализированное воспитательное или воспитательно-лечебное учреждение).

Меры безопасности или, по крайней мере, их основные признаки усматриваются в ряде наказаний в действующем УК РФ: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, смертная казнь.

Неоклассические концепции видят в наказании особую форму реакции со стороны общества на преступное посягательство, преследующую две основные цели, которые были определены развитием учения о наказании в рамках классической школы уголовного права. Этими целями названы воздаяние за совершенное преступление, то есть возмездие за причиненное зло, и предупреждение совершения новых преступлений. Цели, стоящие перед наказанием, обуславливают его характер: так или иначе наказание должно причинять страдание преступнику путем правоограничений. Страдания и мучения, которым он подвергается, должны соответствовать тяжести совершенного им преступления. Однако стоит отметить, что лишения в отношении преступника должны быть установлены в законе и применяться в строгом соответствии с ним. В этом и заключается смысл воздаяния, то есть за причиненное зло общество в лице государства причиняет зло преступнику. Как бы угрожающе оно ни звучало, это суть наказания, закрепленная еще в трудах ученых-классиков. Неоклассицизм стоит на началах справедливого воздаяния за совершенное преступление в строгом соответствии с законом и четко сформулированными видами и размерами наказаний.

В целом же, по результатам исследования В.Н. Орлова, в большинстве случаев авторы, исследующие рассматриваемую проблему к признакам уголовного наказания относят: 1) наказание это правовое последствие; 2) наказание характеризуется с определенным содержанием; 3) наказание имеет определенную форму; 4) наказание обладает характерной сущностью; 5) наказанию присущ определенный порядок и условия применения (назначение и исполнение) и отбывания; 6) наказание порождает определенные последствия; 7) наказание применяется в определенных социальных целях: восстановление социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [5, с. 62].

Наказание может быть представлено в нескольких аспектах: догматическом и социологическом. Догматический аспект исследования характеризует наказание как категорию права. Этот аспект включает в себя законодательные признаки содержания наказания в общем плане и его отдельных видов; перечень его видов, образующих систему санкций, закрепленную в нормах особенной части уголовного законодательства. К.А. Сыч выделяет три уровня функционирования наказания: институционный, правовой дифференциации и судебной индивидуализации [6, с. 54]. Догматическому аспекту наказания, по нашему мнению, соответствует институциональный и правовой дифференциации наказания.

Под наказанием как категорией права (догматический аспект) следует понимать исчерпывающий перечень его законодательных видов, дифференцированных в санкциях Особенной части УК РФ определенными мерами правового применения в зависимости от категории преступления и преследующих цель общего предупреждения преступлений. При характеристике данного аспекта наказания не могут быть включены признаки, которые лежат за скобками его догматического содержания.

Уголовное наказание в социологическом аспекте, являясь правовым явлением, представляет собой назначаемую по приговору суда индивидуальную меру ограничения или лишения прав и свобод виновного в зависимости от характера и обстоятельств совершенного преступления, личности виновного и других факторов совершения преступления. Целями применения наказания являются частное предупреждение преступлений, восстановление авторитета уголовного закона и социальной справедливости, обеспечивающих функционирование уголовно-правового запрета.

Подводя итоги можно сделать следующий вывод, что современная система уголовно-правового реагирования на совершенное преступление или общественно-опасное деяние, подпадающее под признаки статей Особенной части УК, должна включать в себя несколько уровней функционирования: а) меры восстановительного правосудия: возмещение вреда, причиненного преступлением; восстановление прав потерпевших, общества и государства; б) меры безопасности и (или) предупреждения; в) наказание.

Список литературы

1. Борсученко С.А. Деятельность службы пробации как путь к снижению уровня рецидивной преступности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2019. № 4. С.162-165.
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (резолюция 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2016. С.313-316.
3. Сливко Н.К. Уголовно-правовой механизм, обеспечивающий возмещение преступного вреда потерпевшим : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08. Хабаровск, 2022. С. 28
4. Биктимеров Э.Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России. Дис. ...на соис. канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С.206;
5. Орлов В.Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... докт. юрид. наук. М.: МГЮА им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С.605.
6. Сыч К.А. Уголовное наказание и его состав: теоретико-методологические аспекты исследования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2001. С. 63.

References

1. Borsuchenko S.A. Activities of the probation service as a way to reduce the level of recidivism // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2019. No. 4. P. 162-165
2. Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power (UN General Assembly resolution 40/34 of 29 November 1985) // Compendium of United Nations Standards and Norms in Crime Prevention and Criminal Justice. New York, 2016. P.313-316/
3. Slivko N.K. Criminal-legal mechanism ensuring compensation for criminal damage to victims: abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences 12.00.08. Khabarovsk, 2022. P. 28
4. Biktimirov E.L. Other measures of criminal-legal nature and their role in the implementation of the tasks of criminal law in Russia. Dis. ... for co-dissertation. candidate of legal sciences. Saratov, 2009. P. 206.
5. Orlov V.N. Application and serving of criminal punishment: dis. ... Doctor of Law. Moscow: Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin (MSAL), 2015. P.605
6. Sych K.A. Criminal punishment and its composition: theoretical and methodological aspects of the study: author's abstract. dis. ... doctor of law: 12.00.08. Ryazan, 2001. P. 63

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_782

УДК 343.2

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ НАКАЗАНИЯ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF PUNISHMENT IN THE HISTORY OF SOVIET CRIMINAL LEGISLATION

ЮЖАНИН Вячеслав Ефимович

профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.
E-mail: yuzhanin1950@mail.ru.

YUZHANIN Vyacheslav Efimovich

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Ryazan State University named after S.A. Yesenin,
Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.
46 Svobody Street, Ryazan, 390000, Russia, Ryazan region.
E-mail: yuzhanin1950@mail.ru.

Краткая аннотация: в статье рассматривается исторический путь института наказания по законодательству СССР и РСФСР. Акцентируется внимание на подходе к реагированию на совершенное преступление со стороны советского государства с 20-х гг. прошлого века. Отказ законодателя от наказания и замена его мерами социальной защиты, вплоть до УК РСФСР 1960 г., который восставил наказание в его классическом понимании.

Abstract: This article examines the historical development of the institution of punishment under the laws of the USSR and the RSFSR. It focuses on the Soviet state's approach to responding to crimes committed since the 1920s. The legislator's rejection of punishment and its replacement with social protection measures, up to the Criminal Code of the RSFSR of 1960, which restored punishment in its classical sense.

Ключевые слова: уголовное наказание, советское государство, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, меры принудительного воздействия, меры социальной защиты.

Key words: criminal punishment, Soviet state, Guidelines on criminal law of the RSFSR, coercive measures, social protection measures.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., обобщали в себе опыт борьбы с преступностью на раннем этапе развития советского государства, была предпринята попытка определить основные понятия советского уголовного права, для обеспечения деятельности правоохранительных органов Советской власти. Статья 7 Руководящих начал определяла наказание как меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей (преступников).

Рассмотрение наказания лишь как акта общественной защиты связано было прежде всего с тем, что Руководящие начала сводили основную задачу правоохранительной деятельности Советского государства к борьбе со свергнутыми и враждебными классами буржуазии и дворянства. Во введении специально указывалось: «Задаче помочь органам Советской власти выполнить свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата идет навстречу Народный комиссариат юстиции, издавая настоящие Руководящие начала по уголовному праву РСФСР».

Однако преступления совершали не отмеченные категории граждан, но и обычные советские граждане. Стоит отметить, что в Руководящих началах отсутствует декларирование задач по привлечению к ответственности обычных граждан, совершивших те или иные общественно опасные деяния. Задачи наказания были обозначены в довольно общем виде: охранять общественный порядок от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц (п. 8); обезопасить общество от лица, уже совершившего преступление, приспособивая его к данному общественному порядку, или, если он не поддается этому, изолируя его и в исключительных случаях физически уничтожая (п. 9).

Задачами Руководящие начала декларировали ограждение порядка общественного строя от нарушения, а также сокращение личных страданий преступника, а также предполагался выбор конкретного наказания в зависимости от личности преступника и обстоятельств совершения преступления.

Какого-либо исправительного, картельного воздействия или превентивных функций Руководящие начала не предусматривали, относил наказание скорее к мерам охраны достижений социалистической революции. Перечень наказаний состоял из внушительного списка наказаний:

- а) внушение;
- б) выражение общественного порицания;
- в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения);
- г) объявление под бойкотом;
- д) исключение из объединения на время или навсегда;
- е) восстановление, а при невозможности его - возмещение причиненного ущерба;

- ж) отрешение от должности;
- з) воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу;
- и) конфискация всего или части имущества;
- к) лишение политических прав;
- л) объявление врагом революции или народа;
- м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы;
- н) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события;
- о) объявление вне закона;
- п) расстрел;
- р) сочетание вышеназванных видов наказания.

В некоторых аспектах Руководящие проглядывается стремление законодателя заменить понятие наказания понятием репрессии. Это стремление было обусловлено попыткой строить новое уголовное законодательство на диаметрально противоположных принципах, чем те, на которых строилось уголовное право дореволюционной России. Сказалась не только неразработанность марксистской теорией уголовного права основных понятий, но, пожалуй, и общая закономерность развития идеологии путем противопоставления и отрицания основных идеологических понятий предшествующей общественной формации. Этим вызывалось и отрицание, хотя по существу лишь словесное, Руководящими началами вины. Наказание всегда связывалось с понятием вины. Однако Руководящие начала рассматривали наказание лишь как меру обороны, а отсюда был по существу лишь шаг к полному отказу от наказания, что и произошло несколько позднее.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. так же, как Руководящие начала, рассматривал наказание лишь как меру обороны. При этом УК РСФСР 1922 г. полностью сохранил общую гуманную характеристику наказания, содержащуюся в Руководящих началах, указав в ст. 26, что «наказание должно быть целесообразным и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

Перечень мер наказания сократился до 10 видов и включал в себя такие наказания как: изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; принудительные работы без содержания под стражей; условное осуждение; конфискация имущества - полная или частичная; штраф; поражение прав; увольнение от должности; общественное порицание; возложение обязанности загладить вред

УК РСФСР 1922 г. ввел также понятие мер социальной защиты, которые могли как заменять наказания, так и следовать за ним. К таким мерам он отнес: а) помещение в учреждения для умственно или морально дефективных; б) принудительное лечение; в) воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; г) удаление из определенной местности. Введение этих мер как альтернативу наказания в дальнейшем привело к отказу от уголовного наказания и переходу к мерам социальной защиты как средствам обороны достижений социалистической революции.

Подготовленный предшествующим развитием отказ от понятия наказания был осуществлен в 1924 г. Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Здесь отсутствовало понятие «наказание», были только «меры социальной защиты», которые применялись с целями предупреждения преступлений, лишения возможности совершать новые преступления, исправительно-трудового воздействия на осужденных и различались три группы: судебно-исправительного характера, медицинского характера и медико-педагогического характера (ст. 5) преступлений [1, с. 22].

Изданные затем на базе Основных начал УК РСФСР 1926 г. и уголовные кодексы других союзных республик также отказались от понятия наказания. Взяв за основу положения Основных начал уголовного законодательства Союза ССР УК РСФСР 1926 г. имел некоторые отличия. В частности, под целями применения мер социальной защиты УК РСФСР 1926 г. предусматривал предупреждение преступлений со стороны лиц их совершивших, воздействие на других членов общества, приспособление лиц, совершивших преступные действия к условиям общежития в советском государстве. В законе закреплялись цели общей и частной превенции, а также можно сказать в некотором роде исправление осужденного, кроме того устанавливалось, что меры социальной защиты не могут иметь цели причинения нравственных или физических страданий осужденному и не имеют цели кары или преступнику.

Отказ от классического понятия «наказания» и переход к «мерам социальной защиты» был обусловлен стремлением советского государства изменить подход к реагированию на совершенное преступление по сравнению как с дореволюционной Россией, так и соседними капиталистическими странами, система наказания которых базировались на принципах и идеях классической школы уголовного права, основанных на идее возмездия преступнику и искупления им своей вины путем отбытия наказания. И.Я. Ной утверждал, что отказ от термина «наказание» является стремлением подчеркнуть принципиально новый характер советской уголовной репрессии преступлений [2, с. 16].

Хотелось бы отметить, что в ст. 7 УК РСФСР 1926 г. закреплялось, что меры социальной защиты могут применяться помимо лиц, совершивших общественно-опасные деяния, так же к лицам представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности.

То обстоятельство, что закон допускал применение мер социальной защиты к лицам, не совершавшим никаких противоправных действий, было впоследствии использовано для внесудебного применения карательных мер и нарушений законности.

Пленум Верховного Суда СССР еще в Постановлении от 12 июля 1946 г. признал, что применение мер социальной защиты по суду к

лицам, не совершившим преступления, но считающимся общественно опасными, противоречит изданному в 1938 г. Закону о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, а потому и не может применяться судами.

Наше уголовное законодательство вновь вернулось к термину «наказание» впервые в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1934 г. «Об уголовной ответственности за измену Родине». В 1938 г. этот термин появился в таком важном законодательном акте, как Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Возвращение к термину «наказание» было, по существу, правильным.

Не удивительно, что в последующие годы был издан ряд законодательных актов, усиливающих наказание в размерах, не вызываемых действительной необходимостью борьбы с преступностью.

После издания Закона о судостроительстве 1938 г. в продолжение еще двух десятилетий в законодательстве (в Основных началах и изданных на их основе уголовных кодексах) сохранялось понятие мер социальной защиты судебно-исправительного характера. Судебная практика и теория уголовного права говорили о наказании, когда речь в уголовных кодексах шла о мерах социальной защиты судебно-исправительного характера. Многие общесоюзные законы, изданные за эти годы, непосредственно говорили о наказании, а не о мерах социальной защиты. Изданные в декабре 1958 г. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и принятые затем уголовные кодексы союзных республик полностью устранили эту двойственность. Они пользуются понятием наказания. Статья 20 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик определила: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждения совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Принятие УК РСФСР 1960 г. ознаменовало возвращение к идеям и принципам классической школы уголовного права, закрепив в ст. 20, что наказание является не только карой за совершенное преступление, но и имеет своей целью исправление и перевоспитание осужденных, а также общую и специальную превенцию. Данный нормативно-правовой документ окончательно отказался от мер социальной защиты, утвердив понятие и цели наказания в их классическом понимании вплоть до принятия УК РФ в 1996 г.

Рассмотрев ретроспективу развития института наказания по советскому уголовному законодательству, хотелось бы отметить крайне неудачную попытку коренного перелома подхода к уголовно-правовой репрессии, полного отказа от предшествующего механизма реагирования на совершенное общественно опасное деяние, путем замены, как самого института уголовного наказания, так и его целей на меры социальной защиты. Данный «эксперимент» общеизвестно был признан неудачным, что и обусловило возврат к принципам и идеям классической школы уголовного права применительно к институту наказания.

Так же хотелось бы отметить, что данный негативный опыт, по нашему мнению, позволил в 1996 г. при разработке нового уголовного законодательства избежать попыток радикального изменения существующих базовых институтов уголовного права, новый кодекс был разработан на основе преемственности и исторического наследия ранее действовавших нормативно-правовых актов.

Список литературы

1. Игнатов А.Н., Келина С.Г., Ковалев М.И., Кригер Г.Л., Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Стручков Н.А., Шишов О.Ф., Редкол.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. Курс советского уголовного права в 6 т. Т. 3. М. Наука. 1970. – С. 350.
2. Ной И.С. Вопросы наказания в уголовном праве. Изд-во Саратовского государственного университета. 1962. – С. 156.

References

1. Ignatov A.N., Kelina S.G., Kovalev M.I., Krieger G.L., Piontkovsky A.A., Romashkin P.S., Struchkov N.A., Shishov O.F., Editorial team: Piontkovsky A.A., Romashkin P.S., Chkhikvadze V.M. Course of Soviet criminal law in 6 volumes. Volume 3. M. Science. 1970. – P. 350.
2. Noah I.S. Issues of Punishment in Criminal Law. Publishing House of Saratov State University. 1962. – P. 156.

СООТНОШЕНИЕ КАРАТЕЛЬНЫХ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ НАЧАЛ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ CORRELATION BETWEEN PUNITIVE AND RESTORATIVE PRINCIPLES IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

СЕНИНА Елена Николаевна

кандидат юридических наук, директор Института медиации
Российский университет адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева.
105120, Россия, г. Москва, пер. Полуярский Малый дом 3/5.
E-mail: eadvocat8@gmail.com
ORCID: 0009-0001-4648-1458

SENINA Elena Nikolaevna

Candidate of Law, Director of the Institute of Mediation
Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev.
105120, Russia, Moscow, Poluyaroslavsky Lane, Small House 3/5.
E-mail: eadvocat8@gmail.com
ORCID: 0009-0001-4648-1458

Краткая аннотация: В статье исследуются принципы взаимодействия возмездных и восстановительных элементов уголовно-правового регулирования в России через анализ целей наказания, принципов справедливости и гуманизма, а также судебной и пенитенциарной практики. Раскрываются противоречия между возмездием и ресоциализацией, демонстрируется значение восстановительных механизмов в укреплении легитимности уголовно-правового принуждения. Обосновывается вывод о необходимости согласованности карательных и восстановительных подходов как взаимодополняющих направлений уголовной политики, обеспечивающих эффективность наказания и защиту прав личности.

Abstract: The article examines the interaction between retributive and restorative elements of criminal law regulation in Russia through the analysis of the purposes of punishment, as well as the principles of justice and humanism, alongside judicial and penitentiary practice. It reveals the contradictions between retribution and resocialization and demonstrates the importance of restorative mechanisms in strengthening the legitimacy of criminal coercion. The author substantiates the conclusion that punitive and restorative approaches should be harmonized as complementary directions of criminal policy, ensuring both the effectiveness of punishment and the protection of individual rights.

Ключевые слова: уголовное право, карательное начало, восстановительное правосудие, исправление осужденных, возмещение вреда, условно-досрочное освобождение, социальная справедливость.

Keywords: criminal law, punitive principle, restorative justice, rehabilitation of offenders, compensation for harm, parole, social justice.

Статья поступила в редакцию: 26.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Анализ взаимодействия карательных и восстановительных начал в российском уголовном праве неизбежно подводит к вопросам легитимности государственного принуждения, соразмерности возмездия современным стандартам прав человека, соотношения наказания и ресоциализации, а также реальной роли потерпевшего в уголовном процессе. Актуальность данной проблематики обусловлена не только ее устойчивой дискуссионностью в рамках отечественной правовой доктрины, но и очевидной практической противоречивостью. Уголовно-правовая политика сталкивается с конкуренцией публичных и частных интересов, дисбалансами в пенитенциарной системе и различиями судебной практики при применении условно-досрочного освобождения, замене наказания и освобождении от ответственности вследствие заглаживания вреда. Современный курс на гуманизацию ответственности и общественная чувствительность к преступности требуют взвешенного подхода к определению пределов карательного и восстановительного начала, соотнося их с интересами потерпевшего, общества и снижением криминогенных рисков. В этой связи переосмысление карательных и восстановительных начал в контексте целей уголовного закона, принципов справедливости, гуманизма и действующих процессуальных механизмов имеет важное научное и практическое значение.

Первостепенное значение имеет уточнение категориального аппарата, используемого для характеристики соотношения карательного и восстановительного начал. Уголовный кодекс РФ, закрепляя в ч. 2 ст. 43 триаду целей – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений, – формально поддерживает идею воздаяния в рамках соразмерности и одновременно создает правовое пространство для позитивного изменения личности правонарушителя и профилактики. На стадии исполнения наказания акценты смещаются: цель исправления становится центральной для уголовно-исполнительного регулирования, в то время как восстановление социальной справедливости презюмируется достигнутым на стадии назначения наказания. Таким образом, законодатель ориентирует правоприменительную практику на обращение с осужденным, сфокусированное на его настоящем и будущем поведении, а не только на ретроспективе содеянного. Эта развилка, которая подчеркивается в доктрине и вытекает из сопоставления ст. 43 Уголовного кодекса РФ и ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, формирует конструктивную основу для включения восстановительных элементов: если восстановление справедливости институционально достигается вынесением приговора, то последующие решения (об изменении условий отбывания наказания, применении поощрений, условно-досрочном освобождении) должны оцениваться, в первую очередь, через призму потенциала исправления и снижения риска рецидива. Подобная трактовка находит прямую поддержку в научной позиции, согласно которой реальное исправление представляет собой труднодостижимый, но качественный результат исполнения приговора, и именно в этом контексте допустимо предоставление более льгот

ных условий, зависящих от поведения, а не от тяжести первоначального деяния [2, с. 171].

Существенную роль в конкретизации общих начал назначения наказания играет судебное толкование. В Постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» Пленум Верховного Суда РФ настойчиво требует проведения индивидуализации, увязывая принцип справедливости (как соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и данным о личности виновного) с целями, обозначенными в ст. 43 Уголовного кодекса РФ. Суд обязан мотивированно выстраивать баланс между возмездием и исправлением, принимая во внимание как смягчающие, так и отягчающие обстоятельства, а также реальные характеристики личности и ее потенциал для социальной реинтеграции. Эта индивидуализация служит юридическим механизмом для внедрения восстановительных начал в пределах карательной основы: чем более соразмерно назначенное наказание, тем выше доверие к последующим процедурам смягчения режима отбывания и условного освобождения, и, как ни парадоксально, тем прочнее публичная легитимация возмездия как неотъемлемой составляющей справедливости.

С процессуальной точки зрения, системообразующим каналом для реализации восстановительного подхода выступает институт прекращения уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и назначением судебного штрафа. Судебное толкование терминов «возмещение ущерба» и «заглаживание вреда» давно вышло за узкие рамки имущественной компенсации. В правоприменительной практике закреплено, что они включают в себя не только денежную компенсацию материального и/или морального вреда, но и иные формы помощи, а также принесение извинений – все то, что направлено на восстановление нарушенных прав и законных интересов личности, общества и государства (см. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19). Подобная трактовка институционализирует восстановительный потенциал уголовного закона и позволяет легально разрешать конфликт через частно-публичный компромисс при соблюдении установленных законом условий, таких как совершение преступления впервые, полное возмещение вреда и добровольное согласие сторон.

Ключевым механизмом интеграции восстановительного подхода в стадию исполнения наказания выступает условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 зафиксирована логика индивидуальной оценки: Условно-досрочное освобождение представляет собой не простое сокращение срока наказания, а признание судом факта, что для исправления конкретного осужденного отбывание полного срока не является необходимым (при условии отбывания установленной законом его части). Данная конструкция наглядно демонстрирует, как карательное ядро (назначенный судом срок) и восстановительная логика (оценка степени исправления) переплетаются в едином правовом фильтре, обеспечивающем баланс между стабильностью и гибкостью уголовно-правовой репрессии.

Если рассматривать проблему на надинституциональном уровне, отечественная доктрина указывает на системные противоречия, затрудняющие устойчивую интеграцию восстановительных начал в карательную архитектуру уголовного права. Во-первых, пенитенциарная среда сама по себе амбивалентна: она обеспечивает защиту общества посредством изоляции правонарушителя, но при этом порождает риски криминальной и морально-правовой деформации личности. Во-вторых, отмечается устойчивый дисбаланс между карательными и поощрительными средствами в уголовно-исполнительной системе: недостаточная развитость поощрительного инструментария и неоптимальность его применения ведут к снижению общей эффективности исправления, а следовательно, и к эрозии той составляющей восстановления социальной справедливости, которая предполагает возвращение человека к законопослушной жизни [5, с. 11–13]. Этот диагноз указывает на необходимость тонкой перенастройки пенитенциарного режима, где поощрения не отменяют карательную сущность наказания, но создают реальные стимулы для правомерного поведения и снижения рецидива.

Интеграция восстановительных начал в российскую правовую модель опирается также на концепцию исправления как цели наказания, осмысленную не только в нормативно-догматическом ключе, но и как правовое явление, имеющее значимые социальные последствия. Идея «динамической» конструкции наказания, разрабатываемая в монографической литературе, предлагает выход за рамки узкого понимания санкции как ретроспективного воздаяния: наказание предстает и как механизм позитивного регулирования (через превентивную силу санкций), и как процесс индивидуального преобразования правового статуса и поведения конкретного человека [6, с. 4–6]. Такая двойственность создает методологический фундамент для гибридных моделей, в которых карательные меры сочетаются со средствами исправления и оценкой их результативности.

Особое место в восстановительном сегменте занимает фигура потерпевшего. Исследования, посвященные восстановлению его прав и законных интересов, констатируют существенный разрыв между конституционной гарантией доступа к правосудию и фактической компенсацией причиненного вреда. Так, низкий процент реально взысканного ущерба, нежелание многих потерпевших заявлять гражданские иски, распространённый скептицизм в отношении эффективности правоохранительных процедур подрывают доверие к уголовному правосудию как к механизму восстановления справедливости [3, с. 55–64]. Следовательно, восстановление прав потерпевшего – это основа восстановительного подхода, без которого карательное начало остается в значительной степени символическим.

К восстановительным элементам относится и институт реабилитации, действующий в отношении незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию лиц. Его нравственная основа в российской доктрине интерпретируется как форма публичного извинения государства и примирения с гражданином, пострадавшим от судебно-следственной ошибки. Восстановительные нормы в этой сфере включают полное возмещение имущественного, морального и репутационного вреда, восстановление трудовых, социальных и иных прав, а также упрощенные процедуры доказывания [1, с. 14–16]. В сущности, этот институт демонстрирует, как государство распространяет восстановительную

логику с горизонтали «правонарушитель – потерпевший» на вертикаль «власть – гражданин», признавая значимость моральной справедливости и процессуальной экономики в устранении последствий собственных ошибок.

Сравнительно-правовой контекст, как убедительно показано в ряде публикаций, выявляет три основных подхода: карательный, реабилитационный (направленный на ресоциализацию правонарушителя) и восстановительный (ориентированный на возмещение ущерба и примирение сторон). Российская правовая действительность исторически сохраняла карательный уклон, однако накопленная практика и созданные процессуальные механизмы свидетельствуют о возможности постепенной эволюции в сторону парадигмы восстановления нарушенных прав без отказа от возмездия в тех случаях, когда оно необходимо для поддержания правопорядка [4, с. 205–206]. Переходный характер такого состояния является методологическим фактом: речь идет не о замене одной парадигмы другой, а о синтезе, в котором карательное и восстановительное начала не исключают, а взаимно ограничивают и дополняют друг друга.

На стадии исполнения наказания восстановительный потенциал реализуется через систему поощрений как рабочих инструментов исправления. Проблема, однако, заключается в их структурной недостаточности и несистематическом применении: дисбаланс между наказанием и поощрением ведет к эрозии стимулов к исправлению и формализации ресоциализационных практик. Доктринальные предложения сводятся к усилению поощрительного компонента без девальвации карательной сущности наказания: внедрение прозрачных и измеримых критериев изменения условий отбывания наказания; совершенствование учета рецидива после освобождения как ключевого индикатора эффективности; развитие каналов социального сопровождения после освобождения [7, с. 68–72]. Подобные меры не подменяют кару, а оптимизируют ее связь с целью исправления и, как следствие, с обеспечением общественной безопасности.

Важным, хотя часто недооцениваемым аспектом выступает символическая составляющая уголовного правосудия. Восстановительный компонент проявляется не только в компенсации вреда – он трансформирует социальные ожидания: потерпевший получает видимое и ощутимое исправление несправедливости, правонарушитель – понятную и справедливую траекторию возвращения в общество, а общество в целом – ясные сигналы о предсказуемости и гуманизме правовой системы. В этом контексте карательное начало предстает не узаконенным насилием государства, а как строго соразмерной частью общего алгоритма по восстановлению нарушенного социального равновесия.

Обобщая изложенное, можно сформулировать следующие выводы.

1. Взаимодействие карательных и восстановительных начал в уголовном праве направлено на достижение справедливости и эффективность наказания. При грамотной правовой регламентации восстановительные механизмы усиливают карательное начало, придавая наказанию смысл справедливости и стимулируя исправление преступника.
2. Баланс карательного и восстановительного начал проявляется в трех сферах: назначении наказания, уголовном судопроизводстве и исполнении приговора. Верховный Суд РФ выработал достаточные ориентиры для их согласованного применения.
3. Основными проблемами остаются противоречивость пенитенциарной среды и дисбаланс между наказанием и поощрением. Необходимо совершенствовать систему исполнения наказаний, расширяя поощрительные меры и механизмы возмещения вреда, чтобы сделать уголовную ответственность более обоснованной и эффективной.
4. Правоприменительная и правореализационная деятельность должна руководствоваться принципами соразмерности, subsidiarity и прогнозируемости. Эта триада делает уголовно-правовую реакцию государства понятной для всех участников конфликта и способствует снижению процессуальных издержек правосудия.
5. И, наконец, главным ориентиром должен оставаться человек как носитель прав и законных интересов. Потерпевший, осужденный и реабилитированный являются адресатами единой справедливости, объединяющей возмездие и восстановление. Важно обеспечить практическую согласованность этих начал и их восприятие в обществе и профессиональной среде.

Список литературы:

1. Ковтун Н.Н., Ковтун И.С. Нравственная сторона реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Законность и правопорядок. 2022. № 4. С. 14–21.
2. Марков Р.С. Участие в выборах глав субъектов Российской Федерации кандидатов, привлекавшихся к уголовной ответственности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 171–174. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_3_171.
3. Николаев Е.М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве: Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 205 с.
4. Попадаев Е.В., Силкин В.П. От карательного подхода к восстановительному правосудию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 205–210. DOI: 10.36511/2078-5356-2019-4-205-210.
5. Ромашов Р.А. Дисбаланс наказания и поощрения в современном российском уголовно-исполнительном законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 1. С. 11–19.
6. Руденко А.С., Бутенко Т.П., Темирханов М.А. Исправление осужденных как цель уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства: Монография. Рязань: Коняхин А.В., 2018. 112 с.
7. Селиверстов В.И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 2. С. 65–73. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73.

References:

1. Kovtun N.N., Kovtun I.S. Nравstvennaya storona rehabilitatsii v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Zakonnost' i pravoporyadok. 2022. № 4. S. 14–21.
2. Markov R.S. Uchastie v vyborah glav sub'ektov Rossijskoj Federatsii kandidatov, privlekavshikhsya k ugolovnoj otvetstvennosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 3. S. 171–174. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_3_171.
3. Nikolaev E.M. Vosstanovlenie prav i zakonnykh interesov poterpevshikh v ugolovnom sudoproizvodstve: Monografiya. M.: Yurilitinform, 2010. 205 s.
4. Popadenko E.V., Silkin V.P. Ot karatel'nogo podkhoda k vosstanovitel'nomu pravosudiyu // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 4. S. 205–210. DOI: 10.36511/2078-5356-2019-4-205-210.
5. Romashov R.A. Disbalans nakazaniya i pooshchreniya v sovremennom rossijskom ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2016. № 1. S. 11–19.
6. Rudenko A.S., Butenko T.P., Temirkhanov M.A. Ispravlenie osuzhdennykh kak cel' ugolovnogo nakazaniya i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva: Monografiya. – Ryazan': Konyakhin A.V., 2018. 112 s.
7. Seliverstov V.I. Ispravitel'naya doktrina i ee vliyaniye na polozheniye lic, osvobodzhennykh ot otbyvaniya nakazaniya // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2018. T. 4. № 2. S. 65–73. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_788

УДК 343.97

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ СУЩНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF THE NATURE OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION THROUGH A CRIMINOLOGICAL APPROACH

ПЕКАРЕВА Виктория Владимировна,

Магистрант юридического факультета

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

SPIN-код: 8863-0598

PEKAREVA Victoria Vladimirovna,

Master's student of Law Faculty Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

embankment of the Moika River, 48, St. Petersburg, 191186, Russia.

e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

SPIN-code: 8863-0598

Краткая аннотация: Компьютерная преступность формируется под воздействием как общих социально-экономических и психологических факторов, так и уникальных причинно-следственных связей и условий, детерминированных её специфической природой и техническими особенностями. Основная мысль статьи заключается в представлении сущности преступлений, совершаемых в цифровой и информационно-среды, посредством криминологического подхода, что позволяет лучше понять природу и механизмы данного вида преступности. Всё это в совокупности способствует разработке эффективных мер по предотвращению и пресечению. Цель данной работы заключается, используя авторский подход к изложению при выявлении специфических характеристик общественно-опасных деяний в сфере компьютерной информации и их анализе, в актуальном формулировании системного воззрения на данный тип преступности, применяя при исследовании алгоритмы и механизмы криминологии.

Abstract: Computer crime is shaped by both general socio-economic and psychological factors and unique cause-and-effect relationships and conditions determined by its specific nature and technical characteristics. The main idea of the article is to present the essence of crimes committed in the digital and information environment through a criminological approach, which allows for a better understanding of the nature and mechanisms of this type of crime. All this together contributes to the development of effective measures for prevention and suppression. The aim of this work is to use the author's approach to identifying and analysing the specific characteristics of socially dangerous acts in the field of computer information, to formulate a systematic view of this type of crime, applying criminological algorithms and mechanisms in the research.

Ключевые слова: информация, цифровизация, компьютерная преступность, причины, условия, преступления в сфере компьютерной информации, технологии, дистанционно, уголовное законодательство.

Keywords: information, digitisation, computer crime, causes, conditions, crimes in the field of computer information, technology, remote, criminal law.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Для уяснения специфики преступлений не стоит ограничиваться исключительно уголовно-правовой характеристикой. Поэтому необходимо разобраться в качественных и количественных свойствах, обстоятельствах, способствующих совершению подобных противоправных деяний как со стороны внешних категорий — условия и причины, так и внутренних по отношению к самому лицу (мотивы, виктимологическая характеристика личности, цели — любые данные, способные «изобразить» портрет преступника), а также механизме совершения киберпреступлений. Анализ социально-правовых составляющих компьютерных преступлений в контексте текущих общественных отношений и тенденций способствует выработке системы по пресечению, предотвращению, предупреждению, противодействию киберпреступлений на практике и нивелированию несостыковок в научных изысканиях правовой доктрины и законодательного видения. Для достижения этой цели необходимо обратиться к такой пограничной (стык уголовного права и социологии) и сложно устроенной системе научных положений — криминологии, науки, основанной на разносторонних факторах обстоятельств и вовлеченных лиц при изучении преступности как состояния. При криминологическом подходе преступление анализируется, во-первых, в контексте одновременно условий внешней для человека среды и характеристик самого лица; во-вторых, не как одномоментный акт, а как определенный процесс, развертывающийся в пространстве и во времени[7].

Преступления в сфере компьютерной информации заключаются в нарушении законных требований к защите по отношению к состоянию защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства[6]. Подобные деяния преступного характера имеют деструктивное воздействие на информацию различного типа с помощью технических средств, методов, тактик и специальных знаний, умений, либо даже простейших навыков программирования. Новые способы совершения преступлений в цифровом пространстве могут осуществляться с отсутствием временных и государственных границ как с использованием компьютеров и (или) воздействием на него, так и через открытые источники, такие как телекоммуникационную сеть «Интернет», включая социальные сети, специализированные площадки и медиа-ресурсы. Справедливый пример приводит Идрисов Х.В., констатирующий отсутствие эффективного механизма регулирования

правоотношений в сети «Интернет», что уже сейчас оказывает негативное влияние на защиту прав и законных интересов различных граждан, организаций, а порой и интересов государства (например, в области государственных автоматизированных систем, авторских и (или) смежных прав, персональных данных, интернет-торговли и др.)[9].

Значение криминологической характеристики невозможно переоценить, ведь оно на самом деле велико как в теоретическом, так и практическом русле из-за своего подхода к анализу и оценке свойств преступности или отдельных видов, что позволяет предоставлять «картину» обстановки, рекомендации и действенные меры для профилактики и противодействия деяний любого характера, в особенности с такой степенью латентности как у компьютерных преступлений.

Можно обратиться к многофакторным системам алгоритмов представления преступлений при криминологическом анализе и пытаться в каждой изобличить особенные категории, по которым затронуть ту или иную сторону противоправного деяния. Однако это не является чем-то необходимым, поскольку выработался способ последовательного изложения детерминант и признаков в единой основе, имея лишь некоторые расхождения, выводы о которых при сопоставлении научных изысканий каждого из криминологов позволяют констатировать о не существенных, а смежных друг с другом отличиях. Так, С.Н. Абельцев представляет в структуре криминологического анализа следующие неотъемлемые части: 1) характеристика типичной исходной информации; 2) данные о конкретных преступлениях, типичных способах их совершения, когда это связано с механизмом деяния, и их последствиях; 3) сведения о личности преступника, типичных мотивах деяния, что связано со способом совершения преступления, целях, намерениях, потребностях; 4) данные о потерпевшем; 5) иная информация о типичных причинах и условиях преступлений, криминогенных и антикриминогенных факторах, типичных обстоятельствах совершения преступлений[1].

Чтобы не упустить тот или иной признак, благодаря которому можно проследить за характерной особенностью, преступности в сфере компьютерной информации как ни с чем несравнимого социально-правового явления, представлен криминологический подход в виде совокупности блоков, а именно из объективных, субъективных элементов, а также ключевых детерминант.

В первой категории будут проанализированы объективные элементы преступности, а именно количественные и качественные показатели, обстановка совершения противоправного деяния и латентность.

Количественные сведения о преступности складываются из ее состояния, а достоверные показатели можно представить посредством системного подхода к представлению вместе уровня совершаемых преступлений и его динамики[11]. Конкретно, интересуют такие показатели как общее число зарегистрированных преступлений; количество лиц, совершивших преступления, включая осужденных; данные, отражающие структуру преступности; информация о распространенности преступлений; уровень или коэффициент преступности; латентность противоправных деяний; размер ущерба, причиненного в результате преступных действий.

Количественные сведения от МВД России свидетельствуют о высоких показателях со стороны злоумышленников противозаконных активностей, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационными технологиями или в сфере компьютерной информации (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Динамика зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий с 2019 г. по 2024 г.

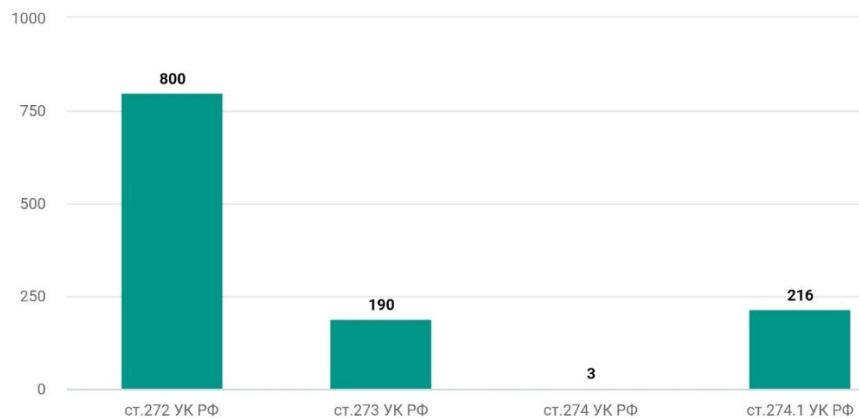
Виды преступлений в информационном пространстве	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ВСЕГО	294 409	510 396	517 722	522 065	676 951	765 365
Тяжкие и особо тяжкие	142 728	267 613	28 8312	272 233	342 637	369 267
с использованием сети «Интернет»	157 036	300 337	351 463	381 112	526 794	649 064
ст.158, ст.159, 159³ УК РФ	234 820	409 729	40 5610	370 837	474 874	485 972
ст.159⁶ УК РФ	687	761	431	334	417	309
С помощью средств связи	116 119	218 739	217 552	212 963	302 865	346 035
ст.228¹ УК РФ	24 677	47 060	51 444	62 209	81 520	94 645
Глава 28 УК РФ	2 883	4 498	6 869	10 027	37 101	105 773

Так, например, проанализируем 2022 год, в котором по России наиболее широкое распространение получили преступные деяния с использованием сети «Интернет» — 381 112, что составило 73,0% от общего числа компьютерных преступлений, более трети (40,8%) компьютерных преступлений совершено с использованием средств мобильной связи – 212 963 (217 552; -2,1%), каждое восьмое (11,9%) совершено с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств (ст.228.1 УК РФ) - 62 209 (51 444; +20,9%) (см.Таблицу 1). Также по итогам 2022 года в России нераскрытыми остались 71,0% от числа зарегистрированных в сфере компьютерной информации, в т. ч. п.1 ч.1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением лица) – 70,6 %, снижение приостановленных (нераскрытых) по пп.1-3 ч.1 ст.208 УПК РФ уголовных дел, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года составило – 4,7 % (с 388 607 до 370 179). Определить точный размер ущерба и количество нарушений в области компьютерных преступлений представляет собой сложную задачу. Однако единственным надежным статистическим инди-

котором является постоянный рост числа таких правонарушений, а также, что особенно важно, увеличение причиняемого ими ущерба. За семь месяцев 2024 года в России зафиксировано 577 тыс. именно IT-преступлений, 437 тыс. из них приходится на кибермошенничество, о чем констатировал замначальника Следственного департамента МВД Даниил Филиппов, выступая на Восточном экономическом форуме. Ущерб от таких преступлений, совершенных в 2024 году, составляет 99 млрд рублей. Сумма ущерба от таких случаев за весь 2023 год составила 156 млрд рублей[13].

Данные, представленные Судебным департаментом Верховного Суда РФ суммарно за компьютерные преступления, констатируют проблему – количество зафиксированных преступлений значительно превышает над численными показателями привлеченных лиц к ответственности (см. график 1).

График 1. Количественные сведения, представленные Судебным департаментом Верховного Суда РФ суммарно за 2021 г., 2022 г., 2023 г., 2024 г. привлеченных лиц к уголовной ответственности по составам из главы 28 УК РФ.

Чувство безнаказанности и процветание анонимности в цифровой среде способствует в совокупности тому, что многие злоумышленники рассчитывают избежать наказания. Затруднения идентификации преступников и привлечении их к ответственности индуцирует ярко выраженный латентный характер. Для понимания того, что относится к указанной характеристике, будем отталкиваться от мнений нескольких правоведов в сочетании. Можно отметить отсутствие общепринятой трактовки данной дефиниции. Так, Афанасьева И.В. и Афолина Ю.С. определяют латентность как «совокупность преступных деяний, которые не были заявлены или зарегистрированы правоохранительными органами, а также деяния, в отношении которых не было принято никаких последующих действий по каким-либо причинам»[3] и А.М. Смирнов, который обозначал, что преступления являются латентными, когда «дело без достаточных на то оснований прекращено судом или виновный оправдан без наличия для этого всех необходимых оснований»[12].

Второй блок при криминологическом подходе к пониманию сущности компьютерных преступлений заключается в характеристике субъективных элементов, а именно данные о личности преступника и виктимологические свойства потерпевшего.

С технической стороны, злоумышленники постоянно улучшают свои методы и приемы, делая их все более убедительными и сложными для распознавания среди официальных запросов. С психологической точки зрения они разрабатывают и испытывают «игры разума», тактики манипуляции. Кевин Митник, опираясь на свой криминальный опыт, отмечал, что никакой технический код не может так обмануть человека, как психологические навыки преступника. Как справедливо констатировал В.В. Бабурин психология киберпреступников обуславливается воздействием на постоянного пользователя интернета рядом криминогенных факторов киберпространства: анонимности, установления одновременно нескольких связей, чрезмерной скорости протекания интернет-общения, которые неизбежно приводят к состоянию тревожности, психическим отклонениям, связанным с интернет-зависимостью, и иным диссоциативным расстройствам личности. Уголовно-правовые признаки, характеризующие личность современных киберпреступников, связаны с использованием ими все более сложных технологий и методов, затрудняющих их выявление и привлечение к ответственности (например, технология искусственного интеллекта)[4].

Криминологическая характеристика лиц, занимающихся преступлениями в области компьютерной информации, включает в себя специфические черты их личности, охватывающие физиологические, социально-демографические и нравственно-психологические аспекты. Современные преступники данного профиля чаще всего представляют собой молодую категорию населения в возрасте от 15 до 45 лет, обладающих чаще всего соответствующим образованием, опытом работы с компьютерными системами и программным обеспечением и (или) необходимым уровнем IT-навыков. Они, как правило, не имели ранее судимости, являются добросовестными работниками, предпочитающими уединенный подход к выполнению своих профессиональных обязанностей. Эти лица характеризуются высоким уровнем интеллекта, необходимыми знаниями в области компьютерной информации и стремлением к дальнейшему развитию в своей профессии, а также к получению новых знаний и навыков. На социально-демографическом уровне такие лица могут иметь разнообразное происхождение, однако большинство из них происходят из семей со средним уровнем достатка или выше. Они, как правило, имеют доступ к компьютерам и интернету с раннего возраста, что формирует у них навыки работы с информационными технологиями и предрасположенность к ним. Несмотря на наличие положительных качеств, они могут испытывать внутренние конфликты, которые подталкивают их к совершению преступлений. Например, стремление к легкому, а главное – быстрому и

беспринципному заработку, желание продемонстрировать свои навыки или протест против существующей системы могут стать катализаторами их противоправных действий. Можно выделить в соответствии с обобщением позицию Иванова П.И. о типах личности «цифрового преступника», которые обусловлены соответствующими мотивами: корыстный, престижный, насильственный и сексуальный[8].

Виктимологическими свойствами личности потерпевшего следует обозначить следующие часто встречающиеся качества у пользователей информационных систем: недостаток фундаментальных знаний о безопасности в интернете; пренебрежение профилактической методической информацией, касающейся распространённых мошеннических схем, способов защиты от них и необходимых систем контроля; легкая восприимчивость к стрессовым ситуациям (особенно в условиях срочности и (или) запугивания), а также склонность принимать убеждения без должной проверки; уязвимость человеческого разума над внушительной социальной ролью человека. В частности, не стоит исключать тех, кто «ведется» на предложения о заработке со стороны злоумышленников на инвестициях, торговой бирже и маркетплейсах. Данный пример, согласно которому люди оказываются втянуты в мошенническую схему из-за желания получения лёгким способом денежных средств, нельзя исключать из внимания при характеристике потерпевшей стороны в силу того, что такие случаи встречаются повсеместно и в огромном количестве.

В третьей группе криминологических категорий анализу подвергнуться детерминанты преступности, а именно причины, обстоятельства (условия), способствующие преступлению. Е.В.Алюков обобщил множество причин, порождающих компьютерную преступность, и объединил в ряд одновременно крупных и базовых групп следующие причины: экономические; социальные; технические; политические; кадровые; организационные; правовые[2].

К основным причинам, иллюстрирующим данные обширные категории, можно отнести: широкое распространение безналичных платежей, например, процветание и набирание оборота такой тенденции как осуществление купли-продажи на интернет-площадках; недостаточная подготовленность правоохранительных органов, что выражается в их неспособности оперативно реагировать на киберпреступления, эффективно проводить расследования в цифровой среде и отсутствие возможности адаптироваться к новым техническим вызовам, а также в некоторых случаях «нежелание» заниматься расследованием потенциально «нераскрытого» преступления; несовершенство законодательства, не исключение варианта избежать наказания или получить более мягкое IT-преступникам; слабо развитый механизм международного сотрудничества между правоохранительными органами и экспертами в различных странах; недостаточная осведомленность населения о рисках, связанных с использованием цифровых технологий; социально-экономическое неравенство, которое наиболее ярко можно проследить в эпоху социальных сетей, преобладание медиа-контента от различных категорий населения и преуспевание развития инфоцыган, что способствует у некоторых групп людей видения в киберпреступлениях способа достижения материального благосостояния; для организаций можно выделить такие причины для благоприятного осуществления кибератак как недостаточные инвестиции в обеспечении информационной безопасности, непроведение аудита и пентеста, слабая инфраструктура и недостаток осведомленности сотрудников о рисках и мерах предосторожности.

При характеристике условий совершения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий следует представить их через субъективные (обусловлено непосредственно социумом, а именно задействованными лицами) и объективные (не зависят от самого преступника и формы его сознания) факторы. К первой группе можно отнести наличие профессиональных навыков в IT-сфере и (или) психологических умений, уловок; низкий уровень правосознаний; ряд психологических качеств, а именно доверчивость, невнимательность, беспечность, мнительность, самонадеянность, жадность и многие другие. Также стоит отметить такой фактор, как повсеместное отсутствие чуткости и понимания в обществе по отношению к социально уязвимым группам, включая людей с инвалидностью и пожилых граждан. Он правда является ключевым, поскольку разновидности мошенничества происходят именно по отношению к таким категориям населениям. В практике правоохранительных органов множество случаев с бабушками и дедушками, которых обманули и втерлись в доверие, завладев их денежными средствами, как контактно, так и бесконтактно.

К объективным условиям киберпреступности относится открытый доступ к информационным системам; принципы работы сети «Интернет» - саморегуляция, автономность и самодостаточность; возможности анонимности на цифровых площадках; наличие различных доступных софтов и языков программирования, позволяющих создавать вредоносные программы, программы-взломщики и иные ПО, используемые для совершения киберпреступлений; несовершенство парольной системы компьютерных технологий для защиты от несанкционированного доступа; слабая защищенность БД, которые позволяют несанкционированно получать доступ к персональным данным абонентов и клиентов; появление технологий «умных» домов и «умных» городов с их бесчисленными камерами видеонаблюдения с доступом в сеть «Интернет»[5], недостаточный уровень защиты информации и осведомленности для достижения необходимых знаний, а также благосостояния значительной группы населения. Также стоит отметить один из способствующих факторов, а именно то, что совершение преступлений возможно везде, где есть доступ к интернету и сотовой связи, даже в условиях лишения свободы и физической немощи, находясь за тысячи километров от места возникновения общественно опасных последствий, то есть принимать решения и действовать совместно без привязки к определенному времени и месту, никогда не встречаясь. Можно быстро менять «маски», создавать «клонов», «ботов», которые могут активно действовать в виртуальном мире, но не существовать в реальности[10].

Компьютерная преступность как предмет научного исследования нуждается в глубоком анализе и внимательной оценке, а также тщательном сопоставлении смежных понятий и разработке эффективных мер противодействия. Необходимо выработать механизмы для выявления тех, кто занимается дестабилизацией информационного пространства, а именно нарушением прав граждан, конфиденциальности, целостности и доступности информации (в том числе с учетом имеющегося «портрета» о данной категории злоумышленников), а также уязвимостей непосредственно в самих системах. Постоянный мониторинг изменений в технологической сфере и своевременная корректировка законодательства

должны быть направлены на соответствие современным вызовам и угрозам. Это можно осуществить с помощью системного подхода, который включает анализ уголовно-правовых и криминологических характеристик, определяющих сущность компьютерных преступлений.

Список литературы:

1. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М., 2000. С. 18-19
2. Алюков Е. В. Причинный комплекс компьютерной преступности в современной России / Е. В. Алюков // Право и правосудие в современном мире : Сборник научных статей молодых исследователей, Санкт-Петербург, 29–30 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2024. – С. 1778-1782. – EDN BLFDXT.
3. Афанасьева И.В. Выявление латентной преступности в России и зарубежных странах / И.В. Афанасьева, Ю.С. Афонина. — EDN TYYOAD // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2015. — № 2. — С. 46–49.
4. Бабурин В. В. Криминологическая характеристика личности киберпреступника в Российской Федерации и Республике Казахстан / В. В. Бабурин, К. О. Карабеков // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2024. — Т. 29, № 1(96). — С. 113-119. — DOI 10.24412/1999-6241-2024-196-113-119. — EDN QCSVIH.
5. Бохан А. П. Причины и условия киберпреступности / А. П. Бохан, Д. А. Туаева // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 5(233). — С. 282-284. — DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_282. — EDN QOFBMP.
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024 г.).
7. Долгова А. И. Криминология : краткий учебный курс / А.И. Долгова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 368 с. — (Краткие учебные курсы юридических наук). - ISBN 978-5-91768-729-2. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2145732> (дата обращения: 11.11.2024). — Режим доступа: по подписке.
8. Иванов П. И. К вопросу о личности «цифрового преступника» / П. И. Иванов // Философия права. — 2024. — № 3(110). — С. 128-135. — EDN GEFDTK.
9. Идрисов Х. В. Информационная безопасность как один из элементов национальной безопасности / Х. В. Идрисов // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. — 2021. — № 2-1. — EDN FITFZG.
10. Калинин И.А. Противодействие преступлениям в сфере информационных технологий : учебник / И. А. Калинин, А. В. Андреев, Д. В. Галиев [и др.]. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025. — 806 с. — ISBN 978-5-16-019807-1. — DOI 10.12737/2138093. — EDN BMPHJT.
11. Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. №4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-i-ee-osnovnye-harakteristiki-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 17.10.2025). — EDN BMPHJT.
12. Смирнов А.М. Уровень (степень) латентности отдельных видов (групп) преступлений / А.М. Смирнов. — EDN YPLKRF // Аллея науки. — 2018. — Т. 5, № 9 (25). — С. 259–262.
13. Ущерб от IT-преступлений. Совкомблог. [Электронный ресурс] URL: <https://journal.sovcombank.ru/news/uscherb-ot-it-prestuplenii-v-2024-godu-sostavil-99-mlrd-rublei> (Дата обращения: 20.10.2025 г.)

References:

1. Abeltsev S.N. The personality of the criminal and the problems of criminal violence. Moscow, 2000. pp. 18-19
2. Alyukov E. V. The causal complex of computer crime in modern Russia / E. V. Alyukov // Law and justice in the modern world : Collection of scientific articles by young researchers, St. Petersburg, March 29-30, 2024. — Saint Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies, LLC, 2024. — pp. 1778-1782. — EDN BLFDXT.
3. Afanasyeva I.V. Detection of latent crime in Russia and foreign countries / I.V. Afanasyeva, Yu.S. Afonina. — EDN TYYOAD // Current issues of combating crime. 2015. No. 2. pp. 46-49.
4. Baburin V. V. Criminological characteristics of the personality of a cybercriminal in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan / V. V. Burin, K. O. Karabekov // Psychopedagogy in law enforcement agencies. — 2024. — Vol. 29, No. 1(96). — pp. 113-119. — DOI 10.24412/1999-6241-2024-196-113-119. — EDN QCSVIH.
5. Bohan A. P. Causes and conditions of cybercrime / A. P. Bohan, D. A. Tuayeva // Agrarian and land law. — 2024. — № 5(233). — Pp. 282-284. — DOI 10.47643/1815-1329_2024_5_282. — EDN QOFBMP.
6. The Information Security Doctrine of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation dated 05.12.2016 No. 646). Access from the ConsultantPlus legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 11/20/2024).
7. Dolgova A. I. Criminology: a short training course / A.I. Dolgova. — 4th ed., revised and add. Moscow : Norma : INFRA-M, 2024. 368 p. (Short training courses in law). - ISBN 978-5-91768-729-2. - Text : electronic. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2145732> (date of request: 11.11.2024). — Access mode: by subscription.
8. Ivanov P. I. On the question of the identity of the "digital criminal" / P. I. Ivanov // Philosophy of Law. — 2024. — № 3(110). — Pp. 128-135. — EDN GEFDTK.
9. Idrisov H. V. Information security as one of the elements of national security / H. V. Idrisov // International Journal of Applied Sciences and Technologies Integral. - 2021. — № 2-1. — EDN FITFZG.
10. Kalinichenko I.A. Countering crimes in the field of information technology : a textbook / I. A. Kalinichenko, A.V. Andreev, D. V. Galiev [et al.]. — Moscow : Limited Liability Company Scientific Publishing Center INFRA-M, 2025. — 806 p. — ISBN 978-5-16-019807-1. — DOI 10.12737/2138093. — EDN BMPHJT.
11. Klishkov V.B., Pasinkov V.V., Stebeneva E.V. Crime and its main characteristics at the present stage // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No.4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-i-ee-osnovnye-harakteristiki-na-sovremennom-etape> (date of request: 10/17/2025).
12. Smirnov A.M. The level (degree) of latency of certain types (groups) of crimes / A.M. Smirnov. — EDN YPLKRF // Alley of Science. — 2018. — Т. 5, No. 9 (25). — pp. 259-262.
13. Damage caused by IT crimes. Sovcombank. [Electronic resource] URL: <https://journal.sovcombank.ru/news/uscherb-ot-it-prestuplenii-v-2024-godu-sostavil-99-mlrd-rublei> (Date of request: 10/20/2025)

О СОЗДАНИИ МОБИЛЬНОГО КРИЗИСНОГО ЦЕНТРА ПО ВОПРОСАМ СЕМЬИ, ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОСТРАДАВШИХ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В СЕМЬЕ И НАСИЛИЯ ON THE CREATION OF A MOBILE CRISIS CENTER FOR FAMILY ISSUES, PROTECTION OF THE RIGHTS OF VICTIMS OF FAMILY ABUSE AND VIOLENCE

ЕФИМОВА Мария Прометеевна

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.
E-mail: prometeevna@mail.ru

EFIMOVA Maria Prometeevna

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov.
Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskogo Street, 42.
E-mail: prometeevna@mail.ru

Краткая аннотация: Семья как базовая ячейка общества выполняет важнейшие социальные функции: репродуктивную, воспитательную, рекреационную, хозяйственно-экономическую и др., играет особую роль в жизни индивида, его защите, становлении личности, удовлетворении духовных потребностей. Семья выступает уникальным социальным институтом, именно в семье закладываются фундаментальные духовно-нравственные ценности, передающиеся следующему поколению. Институт семьи имеет значимый потенциал воздействия на процессы общественного развития, одновременно являясь и социальным регулятором общественно опасного поведения личности. Современное состояние семейного насилия заставляет задуматься об эффективности государственной семейной политики, в частности деятельности, осуществляемой субъектами профилактики общественно опасного поведения в семье.

Abstract: The family as the basic unit of society performs the most important social functions: reproductive, educational, recreational, economic, etc., plays a special role in the life of an individual, his protection, personal development, satisfaction of spiritual needs. The family is a unique social institution, and it is in the family that fundamental spiritual and moral values are laid down, which are passed on to the next generation. The institution of the family has a significant potential to influence the processes of social development, while at the same time being a social regulator of socially dangerous personal behavior. The current state of family violence makes us think about the effectiveness of state family policy, in particular, the activities carried out by subjects of prevention of socially dangerous behavior in the family.

Ключевые слова: семья, жестокое обращение, насилие, профилактика, помощь, кризисная служба.

Keywords: family, abuse, violence, prevention, assistance, crisis service.

Статья поступила в редакцию: 19.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В эпоху глобализации агрессивность, насилие по-прежнему неискоренимы из нашего сознания и продолжают быть атрибутами естественного права человека на выживание вопреки основам гуманизма и взаимоуважения. Вечная гонка за место под солнцем в «обществе потребления» порождает противоречия и в кругу близких; семья как ячейка общества также претерпевает не лучшие времена. Насилие стало обыденным явлением, которое вполне можно назвать способом достижения понимания в современном мире.

С. Ф. Милюков указывает, что известная допустимость насилия в семье обусловлена ее назначением как производственно-бытовой ячейки общества, возникшей на определенном этапе эволюции человечества [1, с.38]. Я. И. Гилинский, исследуя природу социального насилия, отмечает, что насилие – лишь одна из форм онтологически нерасчлененной человеческой деятельности по удовлетворению потребностей [2, с.24]. В. С. Харламов определяет насилие как естественное и необходимое качество общественной жизни. Без насилия невозможен общественный прогресс, который основан на борьбе противоположностей [3, с.116].

Насилие в сфере семейных отношений – это противоправное поведение члена семьи, выражающееся в физическом, психическом и ином воздействии на других участников семейных отношений, часто включающее жестокое обращение, влекущее причинение (создающее угрозу причинения) различного вида вреда, обладающее характерными особенностями, отличающими его от других насильственных посягательств в силу специфики имеющихся отношений между субъектом и жертвой указанных деяний, что оказывает существенное влияние на распространенность исследуемого явления.

Анализ уголовных дел о преступлениях, связанных с насильственными посягательствами в семье, позволил сделать вывод о том, что внутрисемейное насилие носит длительный характер, отличается цикличностью и высокой латентностью, что затрудняет его раннее выявление субъектами профилактики. Реализуемые меры профилактики носят разрозненный характер и направлены на решение, в частности, материальных проблем семьи. Исследование показало, что насилие характерно и для семей, формально относящихся к благополучным, что свидетельствует о несовершенстве механизма раннего выявления семей, нуждающихся в наблюдении со стороны субъектов профилактики [4].

Для оценки сложившейся ситуации был проведен всесторонний анализ действующего законодательства, регламентирующего основы противодействия семейному насилию, судебной и иной правоприменительной практики в целях совершенствования института противодействия общественно опасным посягательствам в семье. Анализ полномочий, функций и задач субъектов профилактики противоправного поведения в

семье выявил проблемы их практической реализации. Отсутствие единого стандарта по оказанию комплексной помощи пострадавшим, рассогласованность действий субъектов межведомственного сотрудничества по вопросам профилактики, дублирование функций органов и учреждений, оказывающих экстренную помощь пострадавшим, отсутствие единой концепции по противодействию насильственным посягательствам в семье приводят к снижению эффективности мер криминологического воздействия.

Анализ деятельности учреждений в России, осуществляющих помощь пострадавшим от семейного насилия и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, показал, что успешное противодействие семейному насилию возможно в консолидации совместных усилий государственных органов и учреждений, органов местного самоуправления с институтами гражданского общества. Необходимо на законодательном уровне урегулировать совместную деятельность указанных субъектов, направленную на профилактику семейного насилия и оказание помощи жертвам.

Исследователи указывают на необходимость принятия единого федерального закона, который будет регламентировать «правовые основы психологической деятельности: обеспечена унификация квалификационных требований; закреплены правовые основы регулирования деятельности психологов и юридических лиц, оказывающих психологическую помощь; определены принципы, виды и формы этой деятельности» [5, с.152]. В связи с этим одним из приоритетных направлений специально-криминологического предупреждения должна стать разработка специальных программ, направленных на борьбу с негативными видами зависимостей (алкогольной, наркотической), детерминирующих совершение некоторых видов преступлений [6, с.544].

Мы отмечаем целесообразность создания Многофункционального кризисного центра по вопросам защиты семьи и детей (МКЦ).

МКЦ – юридическое лицо, выполняющее функции информационно-справочной, организационной, психологической службы по вопросам семьи, защиты прав пострадавших от жестокого обращения в семье и насилия.

Функции МКЦ:

- 1) информационно-разъяснительная работа о направлениях и мерах государственной семейной политики;
- 2) содействие в оказании социальной, юридической и психологической помощи семьям при разрешении семейных конфликтов;
- 3) оказание помощи жертвам семейного насилия с возможностью их временного проживания, дальнейшей реабилитации и социализации;
- 4) взаимодействие с исполнительными органами, организациями, гражданами по вопросам реализации государственной семейной политики, криминологического предупреждения семейного насилия;
- 5) мониторинг количества потенциально криминогенно опасных семей на основании информации, полученной от органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации;
- 6) организация работы рабочих групп по организации оказания помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, при участии органов образования, здравоохранения, территориальных органов МВД России в пределах своей компетенции.

Деятельность МКЦ финансируется за счет бюджетных средств и иных источников.

Предлагаем внедрить комплексный подход уполномоченных органов с обязательным к исполнению алгоритмом. При наличии в семье лица с потенциально опасным поведением межведомственная комиссия, состоящая из представителей правоохранительных органов, органов исполнительной власти, местного самоуправления, принимает решение о постановке такой семьи на учет, официально признавая ее «потенциально криминогенно опасной семьей».

Для работы с такой семьей подключаются:

- участковые уполномоченные полиции (ведут контроль за членами семьи, а также разъяснительную и профилактическую работу);
- инспекторы подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (проводят разъяснительную и профилактическую работу с несовершеннолетними членами семей, контролируют образовательные организации, где обучаются несовершеннолетние члены семьи);
- органы опеки и попечительства (ведут профилактическую работу с семьями, принимают меры по оказанию комплексной помощи несовершеннолетним членам семьи);
- органы образования и специально привлеченные общественные организации (в целях профилактики реализуют просветительскую, культурно-массовую деятельность и т. п.);
- МКЦ оказывают консультативную, психологическую помощь и т. д., содействуют в получении качественной медицинской помощи;
- НКО, волонтеры, например, по организации досуга детей, семей и др.

Как показывает практика, при выявлении положительной динамики «кризисная семья» выпадает из наблюдения. Однако, насилие – это циклическое явление, поэтому необходим постоянный контроль семьи: так «опасный уровень» предполагает постоянное наблюдение, «удовлетворительный уровень» – периодическое наблюдение.

Для предупреждения насильственного поведения необходимо разработать единый стандарт оказания помощи пострадавшим от жестокого обращения в семье и насилия. На данном этапе стоит потребовать в формировании единых стандартов реагирования в подобных ситуациях.

Подводя итог предупредительной деятельности, можно обозначить имеющиеся проблемы социально-экономического, правового характера, низкий уровень либо отсутствие взаимодействия между субъектами профилактики, формализм в работе государственных и муници-

пальных структур, отсутствие «идейных кадров» в указанных органах, отсутствие единого стандарта к оказанию помощи жертвам жестокого обращения в семье и насилия.

Список литературы:

1. Милуков С. Ф. Правомерное насилие в ракурсе глобального кризиса семьи // Криминология вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 1 (56). С. 38-41.
2. Гилинский Я. И. Социальное насилие. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. – 212 с.
3. Харламов В. С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование) : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.08 / Харламов Валентин Станиславович. – Санкт-Петербург, 2018. – 718 с.
4. Ефимова М.П. Криминологический анализ насилия в сфере семейных отношений: теория и практика противодействия : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.4 / Ефимова Мария Прометеевна. – Санкт-Петербург, 2025. – 291 с.
5. Голиченков А. К., Вайпан В. А., Давидян Г. М. О необходимости принятия федерального закона психологической помощи // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 1 (29). – С. 151–157.
6. Кононыкина Т. С., Репецкая А. Л. Противодействие современной женской преступности специально-криминологическими средствами // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 542–549.

References:

1. Milyukov S. F. Legitimate violence in the context of the global family crisis // Criminology of yesterday, today, tomorrow. – 2020. – № 1 (56). Pp. 38-41.
2. Gilinsky Ya. I. Social violence. – 2nd edition, revised and expanded. – St. Petersburg : Aleteya, 2017. 212 p.
3. Kharlamov V. S. Theory and practice of countering criminal violence in the family (systematic criminological and criminal law research) : dissertation for the degree of Doctor of Law : 12.00.08 / Kharlamov Valentin Stanislavovich. – Saint Petersburg, 2018. – 718 p.
4. Efimova M.P. Criminological analysis of violence in the sphere of family relations: theory and practice of counteraction : dissertation for the degree of Candidate of Law sciences : 5.1.4 / Efimova Maria Prometeevna. – St. Petersburg, 2025. – 291 p.
5. Golichenkov A. K., Vaipan V. A., Davidyan G. M. On the need to adopt a federal law on psychological assistance // National Psychological Journal. – 2018. – № 1 (29). – Pp. 151-157.
6. Kononikhina T. S., Repetskaya A. L. Countering modern female criminality by special criminological means // Academic Law Journal. – 2023. – Vol. 24, No. 4. – pp. 542-549.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ИСПАНИИ CRIMES AGAINST PERSONAL CONSTITUTIONAL RIGHTS UNDER SPANISH CRIMINAL LAW

УВАРОВА Наталья Владимировна,

начальник кафедры уголовного права и криминологии ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова, канд. юрид. наук, доцент.
680000, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15

E-mail: skorra@mail.ru

UVAROVA Natalya Vladimirovna

Head of Department criminal law and criminology of the Far Eastern Legal Institute
of the Ministry of the Interior of Russia named after I.F. Shilov, Candidate of Legal Sciences, assistant professor.
Russia, Khabarovsk, lane Barracks, 15

E-mail: skorra@mail.ru

Краткая аннотация: В статье с учетом анализа положений действующего уголовного законодательства Испании выделяются отличительные особенности некоторых преступлений против конституционных прав граждан.

Abstract: The article, taking into account the analysis of the provisions of the current criminal legislation of Spain, highlights the distinctive features of certain crimes against the constitutional rights of citizens.

Ключевые слова: права, уголовная ответственность, преступление, наказание.

Key words: rights, criminal liability, crime, punishment.

Статья поступила в редакцию: 04.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Конституция Испании [2] в главе 2 «Права и свободы» гарантирует гражданам право на равенство перед законом, на жизнь и неприкосновенность, свободу идеологии, религии и вероисповедания, свободу и безопасность, на честь, личную и семейную тайну, собственное имя, право на неприкосновенность жилища, тайну сообщений, право на политические права, на эффективную судебную защиту. Уголовное законодательство Испании охраняет конституционные права граждан от преступных посягательств.

Наряду с конституцией в Испании действуют дополняющие УК законодательные акты, гарантирующие защиту прав граждан: законы о преступлениях, состоящих в посягательствах на свободу слова, собраний и ассоциаций 1980 г., о наказаниях за незаконное подслушивание телефонных переговоров 1984 г. и др. [3].

УК Испании [5] имеет значительное количество черт, отличающих его от большинства УК, действующих на Западе. Например, при защите общественных отношений от преступных посягательств, на первом месте в разделе Особенной части стоят преступления против личности.

Прежде чем перейти к характеристике составов преступлений, которые являются предметом нашего исследования, несколько охарактеризуем некоторые особенности УК Испании. Действующий УК Испании содержит значительную часть деяний, признанных преступлениями, однако ряд положений, как указывалось ранее, регулируются нормами иных источников. Таким образом, УК Испании признается не в полной мере кодифицированным. УК Испании подразделяет деяния на преступления и проступки в зависимости от наказаний, предусмотренных за них. Исходя из такого принципа, преступления делятся на тяжкие и менее тяжкие.

В связи с указанным, структура УК Испании представлена в виде трех книг: Книга I содержит общие положения, которые регулируют нормы, как о преступлениях, так и о проступках; Книга II – закрепляет преступления и наказания за их совершение; Книга III – охватывает нормы, распространяющиеся на проступки. Особенная часть УК Испании делится на разделы, разделы на главы, главы на статьи. Однако, разделы имеют более узкое деление посягательств на виды, по сравнению с УК РФ. Преступления против конституционных прав в УК Испании содержатся в различных разделах, однако имеют приоритетное расположение среди всей совокупности преступлений по УК Испании.

Объективная сторона, как преступлений, так и проступков может быть выражена как действием, так и бездействием.

УК Испании не содержит законодательного определения форм и видов вины. Однако некоторые разъяснения касательно субъективной стороны преступления определены в кодексе. Так, ст. 5 предусмотрено положение о том, что является ненаказуемым деяние, совершенное неумышленно или по неосторожности, а ст. 10 закрепляет положение о том, что преступлениями и проступками являются наказуемые по закону действия и бездействия, совершенные с умыслом или по неосторожности. Кроме того, действия или бездействия, совершенные по неосторожности, наказываются только в случаях, специально предусмотренных законом.

Субъектом преступления по УК Испании признается лишь физическое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Для несовершеннолетних уголовная ответственность устанавливается самостоятельным законом. К уголовной ответственности привлекаются как исполнители, так и соучастники преступлений, однако виды и формы соучастия в УК Испании не закреплены.

Что касается системы наказаний, то УК Испании не содержит смертной казни. Интересно, что кодекс содержит положения о видах, правилах и порядке назначения наказаний, распространяющихся именно на конкретные преступления. Система наказаний построена в соответствии с принципом дифференциации уголовной ответственности [1, с. 337].

Итак, Книга II УК Испании «Преступления и наказания» содержит 24 раздела. По аналогии с УК России, первые разделы относятся к преступлениям против жизни и здоровья, при этом деление на главы в указанных разделах отсутствуют. Однако иные разделы и Книга III делится на разделы, наиболее масштабные – на главы и отделы. Разделы содержат в себе проступки против личности, проступки против собственно

сти, проступки против общих интересов, проступки против общественного порядка, общие положения о проступках [4, с. 134].

Рассмотрим некоторые виды преступлений УК Испании, сопоставимые с преступлениями УК РФ, входящие в систему преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина и являющиеся предметом нашего исследования. Раздел X «Преступления против неприкосновенности частной жизни, права на собственное изображение и неприкосновенности жилища», объединяющий три главы содержит преступления против личных конституционных прав. Глава I. «Раскрытие и распространение тайных сведений» объединяет положения, предусмотренные ст. 197-201, в которых описываются признаки преступлений и наказания за их совершения, а также процессуальные правила применения норм указанной главы.

Несмотря на то, что исходя из названия главы, ее объектом является охрана тайных сведений, предметом преступления, предусмотренного ст. 197 УК Испании являются тайные сведения, а также сведения о частной жизни, телефонные переговоры. Объективная сторона выражена в получении предмета преступления в виде бумаг, писем, сообщений. Способом совершения преступления, согласно диспозиции статьи, является отсутствие осведомленности о деяниях преступника со стороны потерпевшего, использование технических средств. Субъективная сторона выражена прямым умыслом, цель – распространение тайных сведений, нарушение неприкосновенности частной жизни. Субъект – общий.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 197 являются тайные сведения личного или семейного характера, находящиеся, что интересно, в информационных, электронных, телевизионных картотеках. За данное деяние предусмотрено аналогичное наказание для лиц, которые совершили получение, использование или преобразование таких сведений, чем причинили вред обладателю этих сведений.

За распространение полученных сведений в ч. 3 исследуемой статьи предусмотрено повышенное наказание. При этом, размер и вид наказания разнятся в зависимости от того, знал или не знал субъект преступления о незаконности получения тайных сведений.

Квалифицированными составами признаются деяния, совершенные с использованием служебного положения (ч. 4); если сведения личного характера, касаются идеологии, религии, верования, состояние здоровья, происхождения или сексуальной жизни лица (ч. 5); если эти деяния были совершены с целью получения выгоды (ч. 6).

Ст. 198-199 УК Испании регулируют вопросы назначения наказания должностным лицам, совершившим деяние, предусмотренное ст. 197 УК Испании. Ст. 200 содержит норму о том, что в случае получения и распространения сведений о юридических лицах без ведома их представителей, лицо также привлекается к уголовной ответственности в рамках исследуемой главы.

Таким образом, положения главы 1 исследуемого раздела регулируют нормы об ответственности за нарушение неприкосновенности сведений не только о физическом, но и о юридическом лице. Предмет преступлений данной главы шире по сравнению с предметом сопоставимой статьи 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Кроме того, в рассматриваемой главе находится норма, неизвестная отечественному законодательству, о нарушении неприкосновенности сведений о частной жизни, хотя и находящейся в публичных источниках, если это причиняет вред обладателю этих сведений.

Глава II «Преступления против права на неприкосновенность собственного образа» включает ст. 202, в которой содержатся нормы об ответственности и наказании за также ненаказуемые по УК РФ публичное использование образа потерпевшего и о процессуальном порядке возбуждения уголовного дела и прекращения уголовного процесса по указанной статье. Квалифицированным составом преступления является совершение деяния в отношении несовершеннолетнего и недееспособного лица.

Глава III «Нарушение неприкосновенности жилища, помещения юридического лица и открытых учреждений» содержит ст. 203-205. Ст. 203 предусматривает уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности жилища частного лица. Объективная сторона выражена в проникновении или нахождении в чужом жилище. Способ – против воли хозяина жилища. Квалифицирующий признак – применение насилия или угроза применения насилия.

Ст. 204 предусматривает уголовную ответственность за проникновение в помещение юридического лица, служебный кабинет, офис или в помещение открытого коммерческого учреждения. Время совершения преступления, согласно диспозиции статьи – часы закрытия. Квалифицирующий признак – применение насилия или угроза применения насилия. Ст. 205 УК Испании содержит правила назначения наказания должностному лицу, в случае совершения им преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ.

Таким образом, преступления, предусмотренные рассматриваемой главой, содержат более конкретизированные и уточняющие признаки по сравнению с сопоставимыми преступлениями в отечественном законодательстве. Такой опыт может быть полезен при дальнейшем совершенствовании российского уголовного законодательства в исследуемой области.

Уголовное законодательство Испании имеет свои особенности по сравнению с законодательством других стран той же системы права. Представляют интерес, как общие положения применения ее норм, так и специальные, применительно к отдельным видам преступлений. Анализ преступлений против личных конституционных прав позволил прийти к выводу о том, что они предусматриваются различными разделами УК Испании, часть из них закреплены в иных законодательных источниках.

Список литературы:

1. Борсученко С.А. Система наказаний по уголовному кодексу Испании // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 3. С. 336-341.
2. Конституция Королевства Испании 1978 г. URL: <http://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).
3. Основные черты нового уголовного кодекса Испании URL: <http://elective.ru/arts/uri01-c0428-p18608.phtml> (дата обращения: 10.09.2025).
4. Самойлюк Н.В. Преступления против жизни и здоровья по законодательству Испании // право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С. 134-136.
5. Уголовный кодекс Испании 1995 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923> (дата обращения: 10.09.2025).

References:

1. Borsuchenko S.A. The system of punishments under the Spanish Criminal Code // Penal enforcement law. 2017. No. 3. pp. 336-341.
2. Constitution of the Kingdom of Spain, 1978. URL: <http://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (date of reference: 09/10/2025).
3. Main features of the new Spanish Criminal Code URL: <http://elective.ru/arts/uri01-c0428-p18608.phtml> (date of application: 09/10/2025).
4. Samoylyuk N.V. Crimes against life and health according to the legislation of Spain // law and the state: theory and practice. 2020. No. 1 (181). pp. 134-136.
5. Spanish Criminal Code of 1995 URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923> (date of request: 09/10/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_798

УДК 343.4

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ CONTEMPORARY PROBLEMS OF REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

ТОМАЩУК Яна Юрьевна,

кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры уголовно-правовых дисциплин.
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: janatomashuk@yandex.ru

ФРОЛОВА Наталья Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: natalia170884@yandex.ru

ДОРОШКОВ Даниил Сергеевич,

преподаватель кафедры огневой подготовки.
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: doroshkov.y@mail.ru

TOMASHCHUK Yana Yuryevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head of the Department of Criminal Law Disciplines.
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education
"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin."
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: janatomashuk@yandex.ru

FROLOVA Natalya Yuryevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines.
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education
"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin."
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: natalia170884@yandex.ru

DOROSHKOV Daniil Sergeevich

Lecturer, Firearms Training Department. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin."
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
Email: doroshkov.y@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье рассматриваются дискуссионные проблемы миграционной политики в правовом аспекте. Проведены параллели между совершенствованием рынка труда, улучшением демографической составляющей, заселением малочисленных территорий, и отдельными ситуациями, связанными с совершением правонарушений и преступлений мигрантами. Актуальность данной темы обусловлена показателями статистических данных и отдельных ситуации, а контроль, за пребыванием и проживанием иностранных граждан в России – принципиально важное направление политики государства на территории нашей страны.

Abstract: This article examines controversial issues of migration policy in the legal aspect. Parallels are drawn between the improvement of the labor market, the improvement of the demographic component, the settlement of small territories, and individual situations related to the commission of offenses and crimes by migrants. The relevance of this topic is due to the indicators of statistical data and individual situations, and control over the stay and residence of foreign citizens in Russia is a fundamentally important direction of state policy on the territory of our country.

Ключевые слова: миграционная политика, регулирования миграционных процессов, цифровой профиль иностранных граждан.

Keywords: migration policy, regulation of migration processes, digital profile of foreign citizens.

Статья поступила в редакцию: 25.09.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В современное время грамотно проводимая миграционная политика является значимой областью в Российской Федерации, ведь позволяет решить трудности, связанные с нехваткой высококвалифицированных кадров, демографические проблемы, трудности заселения и освоения малонаселенных регионов, а также иные потребности, удовлетворение которых будет зависеть от стратегии в области регулирования миграционных отношений. Данное положение резюмирует Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утвержденная Указом Президента РФ № 622, в которой предусмотрено, что миграционная политика будет способствовать осуществлению не только вышеуказанных задач, но также способствовать «поддержанию межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.» [1].

Таким образом, становится очевидным, что правильная миграционная политика будет способствовать процветанию страны и совер-

шенствованию отдельных сфер развития России. Тем не менее, важно помнить, что миграционные процессы нередко оказывают негативное влияние на уровень правопорядка в стране, ведь, согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте МВД России, в Российской Федерации в последнее время наблюдается негативная тенденция, связанная с высоким количеством правонарушений и преступлений, совершаемых мигрантами. Так, с 2020 по 2022 гг. количество преступлений, совершенных иностранными гражданами, выросло на треть. В 2022 году мигрантами было совершено около 2% от общего числа преступных деяний в Российской Федерации [5].

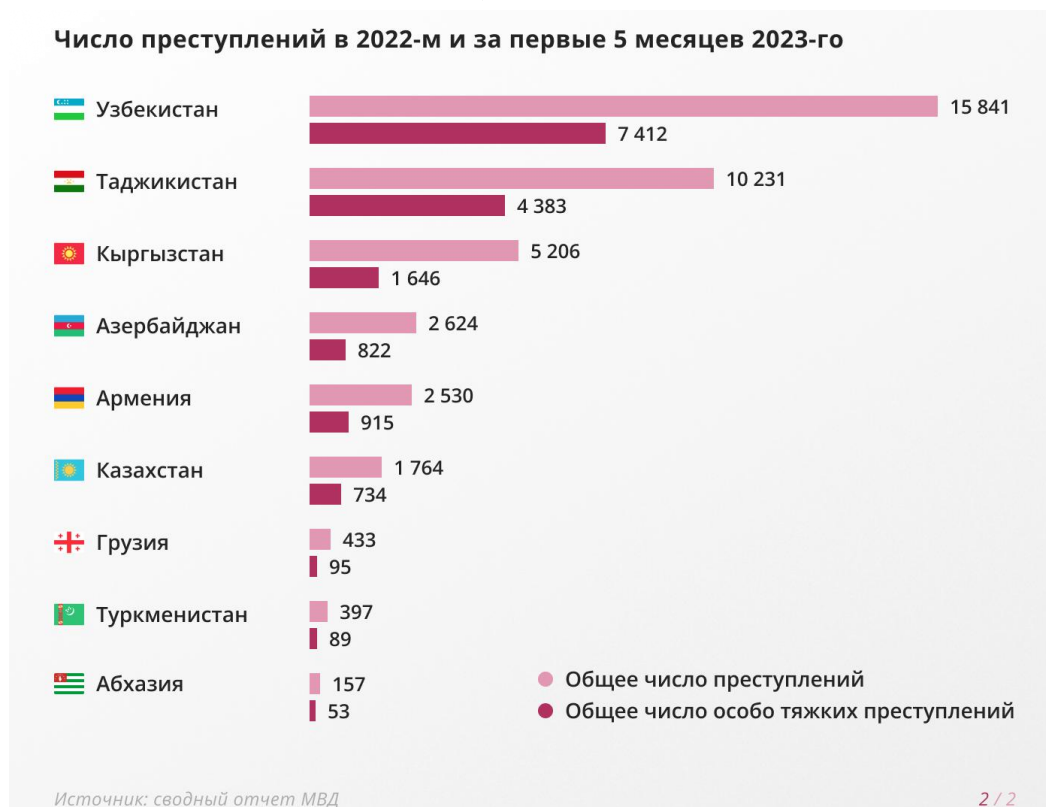

Рис. 1 Территориальная принадлежность мигрантов, совершавших преступления на территории Российской Федерации

Обращаясь к рис. 1, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство лиц, совершивших преступления на территории России – граждане стран, входящих в состав СНГ.

В марте 2024 года Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов указал, что по итогам предыдущего года мигрантами было совершено 21,8 тыс. преступлений [2].

Несмотря на снижение количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами по сравнению в 2022 годом, не может не вызывать опасений диверсии, отдельные нападения на промышленные и иные организации и предприятия, а также вербовка граждан Российской Федерации в социальных сетях и мессенджерах иностранными гражданами в целях совершения преступлений. По данным, представленным министром внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцевым, с начала специальной военной операции, было установлено 438 граждан, причастных к поджогам военкоматов, объектов ж/д транспорта, а также различных административных зданий [5].

Кроме того, нельзя не отметить, что отдельные нарушения закона, совершаемые иностранными гражданами, носят жестокий, изощренный характер, сопровождаются огромным количеством жертв среди мирного населения. В качестве примера следует привести теракт, совершенный 22 марта 2024 года в «Крокус Сити Холл». Четыре иностранных гражданина подожгли концертный зал, устроили взрывы, поджоги и массовую стрельбу в здании. В результате теракта погибли не менее 145 человек; 551 гражданин получил ранение [6]. Данное беспрецедентное преступление стало одним из наиболее крупных терактов в современной России.

Представленная ситуация в значительной степени повлияла на регулирование миграционных процессов в Российской Федерации. В частности, было проведено большое количество заседаний и совещаний государственных органов, были запущены и реализованы многие инновационные проекты, которые на протяжении длительного времени находились в разработке, а именно:

а) МВД России совместно с Минцифры России начал разработку цифрового профиля иностранных граждан, пребывающих или проживающих на территории Российской Федерации, который связан с регистрацией данной категории лиц в онлайн-портале до момента въезда в Россию;

б) Процедура дактилоскопии и фотографирование иностранных граждан, пересекающих границу Российской Федерации, была пересмотрена в направлении усиления контроля. Усиления контроля за данными процессами за короткий срок привело к положительным результа-

там, ведь массив данных был пополнен на 2 млн дополнительных образцов. Их анализ с использованием современных ресурсов позволил раскрыть около 2500 преступных деяний, которые были совершены мигрантами на территории Российской Федерации [4].

в) Накопление биометрических данных было также связано с новшеством, которое заключается в том, что с 2024 года мигранты не имеют возможности приобрести sim-карты для мобильных устройств без биометрии. В продолжение развития данного нововведения от Минцифры России поступило предложение о введении штрафной системы за незаконную продажу sim-карт мигрантам. В частности, штраф в размере до 2 млн рублей в ближайшем будущем будет введен для лиц, осуществивших продажу sim-карт мигрантам, не выполнившим главное условие – не зарегистрированным на сайте Госуслуг [3].

г) В целях обеспечения прозрачности и объективности проведения проверки на знание русского языка, коммерческие учреждения, организующие экзамен по русскому языку для иностранных граждан, были отстранены от осуществления данной деятельности. На данный момент экзамен по русскому языку является основой работы высших учебных заведений, а также других государственных и муниципальных организаций.

Кроме того, изменения коснулись также деятельности сотрудников полиции, а именно – участковых уполномоченных полиции, в обязанности которых с 2024 года входит обязательная проверка иностранных граждан. Данных сотрудников разделили по направлениям: hostels, общежития, управляющие компании, иные организации, в которых будет проводиться дополнительная проверка иностранных граждан, пребывающих и проживающих на территории Российской Федерации.

Таким образом, миграционные процессы, происходящие в Российской Федерации, имеют, с одной стороны, положительные стороны, связанные с совершенствованием рынка труда, улучшением демографической составляющей, заселением малочисленных территорий, и пр., с другой – отдельные ситуации, связанные с совершением правонарушений и преступлений мигрантами. Статистические данные и отдельные ситуации показали, что контроль за пребыванием и проживанием иностранных граждан в России – принципиально важное направление политики государства. Внедрение инновационных проектов регулирования миграционных процессов и дополнительный контроль органов правопорядка за соблюдением мигрантами законодательства Российской Федерации – основа создания в России условий для гармоничного проживания и повышения качества жизни синтеза граждан Российской Федерации и иностранных граждан.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 ноября 2018 г. № 45 ст. 6917.
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации / Интернет-ресурс URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/management/7142f408-7855-4f10-aa4a-2f143930f03b> (дата обращения: 11.05.2024).
3. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации / Интернет-ресурс URL: <https://digital.gov.ru/ru/> (дата обращения: 01.05.2024).
4. Портал правовой статистики / Интернет-ресурс URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 29.03.2024) – Текст: электронный.
5. Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 04.05.2024).
6. Терракт в «Крокус Сити Холле» / Интернет-ресурс URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 09.05.2024).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018 No. 622 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019-2025" // Collection of Legislation of the Russian Federation dated November 5, 2018 No. 45, art. 6917.
2. Prosecutor General's Office of the Russian Federation / Internet resource URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/management/7142f408-7855-4f10-aa4a-2f143930f03b> (date of request: 05/11/2024).
3. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation / Internet resource URL: <https://digital.gov.ru/ru/> (date of access: 01.05.2024).
4. Portal of legal statistics / Internet resource URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (date of access: 03/29/2024) – Text: electronic.
5. Statistics and analytics // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource] // Access mode: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (date of access: 05/04/2024).
6. Terrorist attack in Crocus City Hall / Internet resource URL: <https://ria.ru/> (date of access: 05/09/2024).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ SOME FEATURES OF INSPECTION OF THE INCIDENT SCENE

ШЕВКО Николай Николаевич

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова
680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.
oksy_ment@mail.ru

SHEVKO N. N.,

senior Lecturer of the Department of Special Disciplines
of the far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.
680020, Russia, Khabarovsk, lane 15 Kazarmenny street.
oksy_ment@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается порядок организации и проведения осмотров мест происшествий, задачи, направленные на установление лиц, совершивших преступление, а также на установление причин и условий, способствовавших его совершению, рассматриваются ошибки, некоторые из которых являются неустраняемыми в ходе дальнейшего расследования.

Abstract: The article discusses the procedure for organizing and conducting inspections of accident sites, tasks aimed at identifying the persons who committed the crime, as well as to establish the causes and conditions that contributed to its Commission, and considers errors, some of which are unavoidable in the course of further investigation.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, негативные факторы, преступление, место обнаружения следов, этапы осмотра места происшествия, методы осмотра места происшествия.

Keywords: inspection of the scene, negative factors, crime, location of traces, stages of inspection of the scene, methods of inspection of the scene.

Статья поступила в редакцию: 28.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Осмотр места происшествия – одно из ключевых следственных действий, результаты которого имеют первостепенное значение для огромного круга задач, решение которых направлено на установление лиц, совершивших преступление, а также выявление причин и условий, которые могли способствовать его совершению.

Порядок организации и проведения осмотров мест происшествий (ОМП) регламентирован действующими нормативно-правовыми актами (УПК РФ, Приказы МВД России) и подробно описан в криминалистической литературе.

Тем не менее, анализ материалов уголовных дел показывает, что проведение ОМП зачастую сопровождается целым рядом ошибок, некоторые из которых являются неустраняемыми в ходе дальнейшего расследования.

К негативным факторам, влияющим на качество проведения ОМП, относятся:

- изменение обстановки на месте происшествия до прибытия следственной группы;
- ограниченность времени на проведение осмотра;
- наличие условий, затрудняющих проведение осмотра в полном объеме (непогода; плохая освещенность; угроза жизни, здоровью, личному имуществу участников ОМП; и т.п.);
- недостаточная укомплектованность техническими средствами обнаружения, фиксации и изъятия следов;
- недостаточный опыт работы сотрудников, входящих в состав следственно-оперативной группы (минимальное количество или же вообще полное отсутствие практических навыков использования приемов и методов сбора и исследования доказательственной информации в подобных обстоятельствах);
- отсутствие на местах адаптированной к текущей ситуации и ориентированной на самостоятельное изучение методической литературы, в которой понятным языком и в сжатой форме были бы даны систематизированные сведения по вопросам проведения ОМП.

Под местом происшествия понимается неотложное следственное действие, заключающееся в непосредственном изучении местности(участка) или какого-либо помещения, в пределах которых могут быть обнаружены следы, указывающие на совершение преступления, с последующей фиксацией данных следов, их изъятием, и последующим исследованием, с целью выяснения различных обстоятельств, имеющих значение для дела.

В подобных обстоятельствах необходимо понимание того, что исследуемое событие преступления могло быть совершено как непосредственно на месте обнаружения его следов, так и в ином другом месте [4].

Задачи, решаемые при производстве осмотра места происшествия, можно разделить на две большие группы: общие и частные.

Общие задачи включают в себя:

- 1) получение информации о событии преступления, и ее оценка в зависимости от механизма совершения и сложившейся в результате этого обстановке;
- 2) обработка и оценка полученной информации о лицах – непосредственных участниках расследуемого события, определение их целей и мотивов при совершении деяния;

- 3) установление причинно - следственных связей между обстоятельствами расследуемого события и следами, обнаруженными на месте его происшествия;
- 4) сохранение обстановки на месте происшествия в том виде, в котором она была обнаружена до прибытия следственно-оперативной группы, а также фиксация и сохранение обнаруженных на месте происшествия следов и иных вещественных доказательств;
- 5) установление условий и причин, которые могли повлиять или способствовать совершению преступления, либо могли облегчить его совершение.

Частные задачи осмотра места происшествия неразрывно связаны с задачами общего порядка и характеризуются самим видом преступления. В этой связи уместно разделить частные задачи на две категории:

А) задачи, решение которых направлено на то, чтобы установить характер и механизм расследуемого преступления. При этом приоритетно выяснение ряда обстоятельств, таких как:

1. выявление признаков того, что на месте события преступления имеются признаки, свидетельствующие о его совершении (имело ли место само событие преступления, и нет ли признаков, указывающих на инсценировку данного события);
2. установление механизма преступления и способа его совершения (производится полный анализ наблюдаемой обстановки на месте происшествия, и обнаруженных при этом орудий преступления, и иных предметов и следов);
3. устанавливается место и время совершения преступления;
4. определяется интервал времени, в пределах которого осуществлялись определенного рода действия при совершении преступления или производились действия для совершения самого преступления;
5. устанавливаются пути прихода и ухода преступников на место преступления, а также способ проникновения в закрытые помещения;
6. определение круга похищенных предметов, представляющих интерес для лиц, совершивших деяние (наименование предметов, их количество, возможные габариты, примерный вес, ориентировочная стоимость, возможные приобретенные отличительные признаки);
7. установление мест возможного хранения похищенных предметов или мест их возможного сбыта.

Б) Задачи, направленные на установление круга лиц, совершивших преступление.

Данные задачи сводятся к выявлению следующих обстоятельств:

1. устанавливается круг лиц, которые имели непосредственный контакт с потерпевшим или с похищенными предметами;
2. устанавливается число участников совершения преступления (на их количество, как правило, указывают следы, обнаруженные на месте происшествия: следы рук, ног, обуви, окурки сигарет различных производителей, трудоемкость выполняемых на месте преступления различных действий, объемы и габариты похищенного имущества, и т.д.);
3. устанавливается перечень применяемых технических средств;
4. определяются виды следов на месте происшествия, которые могут быть оставлены преступниками, установление мест их локализации;
5. определяется перечень возможных следов, веществ, микрочастиц и микроволокон, которые в виду осуществляемых действия могли быть унесены преступником с места происшествия как на его теле, так и на одежде, и на обуви: грязь, пыль, краска, горюче-смазочные материалы, опилки, кровь и т.д.);
6. установление повреждений и увечий, которые преступники могли получить в ходе совершения преступления;
7. установление перечня предметов, инструментов, элементов одежды, предметов личного обихода, которые могли быть оставлены преступником на месте происшествия;
8. определение круга лиц, которые могли что-либо видеть и слышать о произошедшем событии.

Данный перечень задач не может быть исчерпывающим. Он может быть конкретизирован, исходя из определенного вида преступления.

Осмотр места происшествия делится на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный.

Подготовительный этап, также принято разделять на стадии:

- а) до выезда на место происшествия;
- б) по прибытии на место происшествия [5].

На стадии до выезда на место происшествия необходимо:

1. уточнить и детализировать информацию, которая поступила руководителю следственно-оперативной группы от сотрудников дежурной части для установления наличия признаков преступления, а также для уяснения обстановки, в которой предстоит осуществлять свою деятельность по поиску и обнаружению, фиксации и изъятию следов на месте происшествия;
2. распорядиться о принятии мер к охране места происшествия по недопущению посторонних лиц и сохранению следов на месте происшествия;
3. иметь в своем распоряжении данные специалистов, помощь которых может потребоваться в ходе дальнейшей работы на месте происшествия;
4. удостовериться в наличии и полной комплектности криминалистического чемодана, работоспособности применяемых для фиксации на месте происшествия средств видеозаписи и фотосъемки, средств связи;

5. осуществить проверку наличия необходимых пишущих принадлежностей и бланков протокола осмотра места происшествия.

На стадии по прибытии на место происшествия до начала осмотра необходимо:

1. осуществить краткий опрос заявителей и очевидцев происшествия для дальнейшего уточнения характера произошедшего и получения дополнительных сведений о личности преступника;

2. предпринять меры по оказанию медицинской помощи потерпевшим, а также организовать преследование преступников по «горячим следам», если данные действия не были осуществлены ранее;

3. с места происшествия удаляются все посторонние лица, не имеющие отношения к расследуемому событию, организовывается охрана места происшествия;

4. установить условные ориентиры на месте происшествия, определить исходную точку осмотра места происшествия и его границы, а также определить метод и способ производства осмотра места происшествия;

5. осуществить фиксацию места происшествия, с применением имеющейся в распоряжении криминалистической техники [4].

При производстве осмотра места происшествия существует возможность ориентироваться на два доступных метода изучения места происшествия. один из них субъективный, другой объективный.

Субъективный метод сконцентрирован на осмотре объектов, которые могли находиться на предполагаемом пути следования преступника, а также изучении участков и территорий местности, где наиболее вероятно обнаружение имеющих значение для расследуемого события следов.

Объективный метод сводится к осмотру места происшествия в полном объеме.

Если при осмотре места происшествия принято решение о применении второго метода, то производство осмотра места происшествия может осуществляться четырьмя способами:

1) концентрическим - перемещение по изучаемой территории места происшествия осуществляется от периферии к центру;

2) эксцентрическим – перемещение в ходе осмотра происходит от центра к периферии;

3) фронтальным - перемещение по месту происшествия осуществляется в рамках условных границ (от одной границы к другой, либо по условным полосам);

4) комбинированным – в данном случае осмотр осуществляется путем сочетания вышеуказанных способов [4].

Выбор метода и способа осмотра места происшествия напрямую связан с обстановкой на месте происшествия.

При этом основное внимание при выборе метода и способа осмотра отводится рельефу местности на месте происшествия, времени года, погодным условиям, которые были в момент совершения преступления и наблюдаются во время производства осмотра места происшествия, и сложившейся на месте следственной ситуации.

Исходя из практического опыта, к использованию субъективного метода осмотра места происшествия наиболее целесообразно прибегать в зимний период времени, поскольку по пути движения преступников остаются наиболее ярко выраженные следы. Также, использование данного метода допустимо в ситуациях, когда преступник задержан на месте совершения преступления.

Во всех иных обстоятельствах наиболее уместно использовать объективный метод и один из способов осмотра места происшествия.

Несмотря на это, не редки случаи, когда к успешному раскрытию преступления приводит сочетание методов производства осмотра места происшествия.

Рабочий этап осмотра места происшествия также можно разделить на две стадии, которые заключаются в общем и детальном осмотре.

При общем осмотре на месте происшествия происходит изучение и фиксация обстановки места происшествия, внешний вид, а также взаимное расположение относительно друг друга следов и объектов, относящихся к событию преступления, осуществляется их фотофиксация, составляются все необходимые чертежи, планы и схемы.

При производстве детального осмотра осуществляются все необходимые поисковые действия, которые сводятся к обнаружению на месте происшествия и на отдельных его объектах следов преступления, тщательным образом исследуются все обнаруженные при этом объекты и иные предметы, и при возникновении необходимости производится их дополнительная фотосъемка.

Заключительный этап осмотра места происшествия можно представить в виде следующего порядка действий: составляется протокол осмотра места происшествия, к нему делаются приложения в виде планов, схем и чертежей, производится упаковка предметов, объектов и иных вещественных доказательств, по которым принято решение об изъятии, принимается решение о принятии мер к сохранению вещественных доказательств, изъятие которых с места происшествия [6]. по неким причинам невозможно, а также принимаются меры к процедуре дактилоскопирования трупа и направлению тела в морг.

Не лишним будет напомнить, что основной формой фиксации такого следственного действия, как осмотр места происшествия, является протокол осмотра места происшествия, который может составляться как по ходу осмотра, так и непосредственно сразу после его окончания.

Составленный протокол должен содержать в себе достаточно полную информацию и иметь возможность наглядно отображать обстановку на месте происшествия, в случае необходимости ее воспроизведения. Также в протоколе должен быть отображен необходимый перечень обстоятельств и сведений, указывающих на обнаружение, фиксацию и изъятие следов, с последующим описанием используемых для этого технических средств, имеющихся в распоряжении специалиста, и указанием условий и порядка их применения.

С учетом требований положений УПК РФ, в котором регламентируется общий порядок составления протокола следственного действия, а также в целях дальнейшего обеспечения возможности решения целого ряда экспертных задач [2] и разрешения поставленных вопросов, можно определить следующий примерный перечень сведений и обстоятельств, который необходимо отразить в протоколе осмотра места происшествия, в части, касающейся обнаруженных следов. При обнаружении следа указывается место и время его обнаружения, определяется характер поверхности, на которой след обнаружен, указывается его расположение относительно окружающих предметов и обстановки. Определяется форма следа, размеры, механизм следообразования, его индивидуальные особенности, способ выявления и последующей фиксации, а также способ его изъятия и упаковки [3].

Если в ходе осмотра места происшествия применялась фотографическая, видео, или звукозаписывающая техника, то эти действия также должны быть отображены в протоколе следственного действия, с указанием наименования, типа, марки и модели устройства. Также при этом в протоколе делается отметка об использовании увеличительной техники, световых устройствах [3] и т.д.

Изъятие и упаковка предметов и объектов на месте происшествия производится так, чтобы в процессе дальнейшей транспортировки и хранения данные предметы и объекты не потеряли своего значения как вещественные доказательства. Упаковка должна обеспечивать сохранность объекта при любых условиях, исключать доступ к содержимому третьих лиц, должна содержать пояснительную надпись с достаточным пояснением по факту дела, и должна быть опечатана биркой или отрезком бумаги с оттиском печати, определяющим принадлежность к органам внутренних дел, с подписью должностного лица – руководителя следственно-оперативной группы, и подписями понятых.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декаб. 2001 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06 июля 2016 г.) // [Электронный ресурс] - электронные данные. - Программа информационной поддержки российской науки и образования справ. правовые системы // «Консультант Плюс»: Высшая школа - 2016. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 апреля 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 16 мая 2001 г. (в ред. от 08 марта 2015 г.) // СЗ РФ. 04 июня 2001 г. № 23. ст. 2291.
4. Осмотр места происшествия: учебное пособие / О. С. Зиберова, О. А. Шелег. - Казань: Бук, 2021. - 101 с.
5. Криминалистика: учеб.-метод. пособие / авт.-сост.: П. П. Мураев, П. П. Фантров, В. И. Внуков [и др.]; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. – 590 с
6. Криминалистика: учебник / Е. Р. Россинская. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. - 464 с.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993: as amended by the laws of the Russian Federation. The Russian Federation on amendments to the Constitution. Of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2014. No. 31, article 4398.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Feder. The law grew. Of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The collection grew. Of the Russian Federation on November 22, 2001: approval. The Federation Council Feder. The collection grew. Of the Russian Federation on December 5, 2001 (with amendments and additions as of July 06, 2016) // [Electronic resource] - electronic data. - Information Support Program for Russian Science and Education reference. legal systems // Consultant Plus: Higher School - 2016. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. On state forensic expertise in the Russian Federation: Feder. The law grew. Federal Law of the Russian Federation No. 73-FZ dated May 31, 2001: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The collection grew. Of the Russian Federation on April 5, 2001: approval. The Federation Council Feder. The collection grew. Of the Russian Federation on May 16, 2001 (as amended dated March 08, 2015) // Federal Law of the Russian Federation. June 04, 2001, No. 23, art. 2291.
4. Inspection of the scene: a textbook / O. S. Ziberova, O. A. Sheleg. - Kazan: Buk, 2021. - 101 p.
5. Criminalistics: textbook.- the method. manual / author-comp.: P. P. Murayev, P. P. Fantrov, V. I. Vnukov [et al.]; Federal State Autonomous Educational Institution the institution is higher. education "Volgogr. gosudarstvennogo unita". Volgograd: Volga Publishing House, 2021. 590 p.
6. Criminalistics: textbook / E. R. Rossinskaya. Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. 464 p.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЭКОЦИДА: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ENVIRONMENTAL CATASTROPHE AS A SIGN OF THE OBJECTIVE SIDE OF ECOCIDE: ANALYSIS AND PROSPECTS OF LEGAL DEFINITION

УГЛОВА Евгения Анатольевна

начальник отдела научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения
Дальневосточного юридического института (филиала)
федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования
«Университет прокуратуры Российской Федерации»,
690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.
E-mail: vladivostok200@mail.ru

UGLOVA Evgeniia Anatolyevna

Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support
of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation
690091, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, st. Sukhanova, no. 8.
E-mail: vladivostok200@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена комплексному исследованию в действующем законодательстве понятия «экологическая катастрофа» как признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 358 УК РФ «Экоцид», а также смежным с ним понятием «экологическое бедствие», «чрезвычайная экологическая ситуация» и т.д. Анализируется доктринальный подход к этому определению в юридической науке и формулируется авторское определение экологической катастрофы, адаптированное для целей уголовно-правового регулирования и предлагаемое для закрепления в примечании к ст. 358 УК РФ.

Abstract: The article is dedicated to a comprehensive study of the concept of 'environmental disaster' in current legislation as an element of the objective side of the crime stipulated in Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation 'Ecocide', as well as related concepts such as 'environmental catastrophe', 'emergency environmental situation', etc. The doctrinal approach to this definition in legal science is analyzed, and the author's definition of an environmental disaster is formulated, adapted for the purposes of criminal law regulation and proposed for inclusion in the note to Article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: экологическая катастрофа, экологический кризис, экоцид, уголовная ответственность, уголовное право, квалификация преступлений, экологическая безопасность, окружающая среда.

Keywords: environmental disaster, environmental crisis, ecocide, criminal liability, criminal law, crime qualification, environmental safety, environment.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Попытки человечества осмыслить значимость для своего существования окружающей среды имеют глубокие исторические корни – от глубокой древности до наших дней. На фоне постоянно возникающих экологических угроз мировое сообщество и каждая отдельно взятая страна предпринимают попытки урегулирования вопросов экологии как путем принятия коллективных актов, регулирующих вопросы охраны окружающей среды, так и разрабатывая собственную нормативную базу на национальном уровне. Российская Федерация, являясь одной из самых прогрессивных мировых держав, уделяет вопросам экологии огромное значение. Право граждан Российской Федерации на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическими правонарушениями закреплено в ст. 42 Конституции Российской Федерации. В одном из базовых для российской правовой системы актов – Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» комфортная и безопасная среда для жизни и экологическое благополучие определены как национальные цели развития Российской Федерации [1]. В этом свете изучение значимости окружающей среды как среды жизни человека приобретает все большую актуальность – вопросы экологии прочно укоренились в практически каждой сфере деятельности человека и, в первую очередь, в экономике, политике и праве. Естественным следствием этого являются попытки государства придать определенность на законодательном уровне базовым понятиям экологии и экологической безопасности.

В настоящей работе, оставив за ее рамками множество иных вопросов экологии, попытаемся исследовать вопрос понятия экологической катастрофы применительно к составу преступления, ответственность за которое установлена ст. 358 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – экоцид – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу.

Следует признать, что вопросы уголовно-правовой оценки экоцида лежат в русле более широкой – экологической – проблематики. Это связано с тем, что данное преступление является самым опасным посягательством на экологическую безопасность, олицетворяя собой угрозу миру и безопасности всего человечества: экоцид как уголовно-наказуемое деяние постепенно вырастает из многочисленных и разнообразных попыток человечества осмыслить значимость окружающей среды, определить и охарактеризовать различные опасности и роль человека в этой сфере, последовательно продвигаясь от разрозненных исследований и описаний отдельных объектов природы к поиску и обоснованию принципов взаимодействия человека с природой.

Анализ использования понятий экологических угроз в современном российском законодательстве и научной литературе показал, что терминология, которая используется для фиксации и описания локальных и глобальных угроз в сфере экологии отличается практически неограниченным многообразием смыслов и языковых форм: экологический кризис, экологические преступления, экоцид, геоцид, биоцид, омницид, экологический терроризм, биотерроризм, экологический экстремизм, эколого-правовой конфликт, экологический активизм (радикализм) и др. Одновременно с этим следует признать, что подавляющее большинство понятий, с помощью которых они дефинируются, являются доктринальными. Они не закреплены в каком-либо нормативном правовом акте, не имеют формально-определенного содержания и, как следствие, порождают множество интерпретаций.

Применительно к настоящему исследованию отметим, что ключевое для ст. 358 УК РФ понятие «экологическая катастрофа» также является оценочным, лежащим за пределами нормативно-правового поля. Вновь мы сталкиваемся с ситуацией, когда нормативные правовые акты (в том числе федерального уровня) используют данное понятие, но ни один из них его не раскрывает. Так, словосочетание «экологическая катастрофа» и его синонимы достаточно активно используются законодателем. Например, УК РФ использует это понятие дважды: в ч. 3 ст. 41 УК РФ при определении обоснованного риска и в ст. 358 УК РФ. Это же понятие используется при перечислении в ст. 28.3 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» обстоятельств, исключающих дисциплинарную ответственность военнослужащих. Оно же используется в п. 5 ч. 3 ст. 67 (проведение патолого-анатомических исследований) Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в ч. 2, 3 ст. 7 (пресечение террористических актов в воздушной среде) Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в ст. 134 (очередность удовлетворения требований кредиторов) Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Одновременно законодатель использует и близкие к экологической катастрофе понятия. Так, в том же УК РФ в примечании к ст. 207.1 УК РФ «публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» законодатель использует несколько иное понятие: «чрезвычайная экологическая ситуация». В примечании к ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (злоупотребление свободой массовой информации) законодатель использует практически равнозначное понятие «экологическая ситуация».

Безусловно, отсутствие единообразного определения самих этих понятий влечет трудности в их констатации и доказательной трактовке признаков, в разграничении со смежными понятиями экологического бедствия, экологического кризиса, экологической катастрофы и т.д. Попытки дать определение «экологической катастрофе» в среде ученых предпринимаются достаточно давно и не без успеха.

Так, например, С.Г. Геворкян и И.С. Геворкян понимают под экологическими катастрофами «развивающиеся мгновенно или с высокой скоростью процессы и внезапно возникающие явления, влекущие особо тяжкие и опасные последствия для среды обитания человека», подразделяя их на «катастрофы природные (или естественные), обусловленные исключительно собственным, внутренним развитием природных процессов, и на катастрофы антропогенные (или техногенные), которые являются следствием деятельности человека» [2].

А.Д. Тимофеев определяет экологическую катастрофу как «состояние разрушения или критическое состояние экосистемы, обусловленное также изменением ее биогенных констант, но до такой степени, что это приводит не к изменению, а к смене экосистемы. В глобальном смысле – к смене, или даже к гибели всей экосистемы Земли, в локальном – к исчезновению локальных экосистем, к их существенному и быстрому изменению» [3].

С.В. Александров считает, что «экологическая катастрофа представляет собой событие природного (связаны с естественными природными явлениями в экосистемах) или техногенного характера (причиной является человеческий фактор), процесс и последствия которой нарушают как естественные экосистемы, так и социально-экономические функции общества», а к ее специфике относит «сокращение способности к природному восстановлению нарушенной экосистемы и переход из статуса поглотителя рисков в статус их накопителя и распространителя» [4].

И. Р. Шидула и А.И. Проскуряков предлагают определить экологическую катастрофу как «трудно обратимое за короткое время неблагоприятное явление, повлекшее за собой разрушение, негативные изменения в отношении компонентов природной среды и(или) природных и(или) природно-антропогенных объектов, возникшее в результате прямого или косвенного воздействия человеческой деятельности, выраженное в поступлении в окружающую среду вещества и(или) энергии и(или) свойства, местоположение и(или) количество которых оказали негативное воздействие и(или) привели к негативным изменениям качества окружающей среды, повлекли за собой разрушение устойчивости видового состава живых организмов и (или) полному или существенному уничтожению либо сокращению их численности или продуктивности. Экологическая катастрофа также может сопровождаться остро неблагоприятными экономическими последствиями, упадком экономического развития определенной территории» [5].

Нетрудно заметить, что перечисленные научные подходы оперируют совершенно различной терминологией, акцентируют внимание на различных признаках экологической катастрофы и, соответственно, по-разному ее понимают. Аналогичный вывод можно сделать в результате анализа научной разработанности таких понятий, как «экологический кризис», «геоцид», «биоцид», «омницид», «эколого-правовой конфликт», «экологический активизм (радикализм)», – все они в высшей степени многозначны, часто пересекаются друг с другом и не позволяют сформировать бесспорное мнение относительно их содержания.

Нельзя не отметить также, что языковыми «соперниками» (синонимами) экологической катастрофы являются «экологическое или стихийное бедствие», «техногенная катастрофа», «чрезвычайная ситуация» и др., которые используются как в нормативных актах, так и в научной

литературе.

Рассматривая виды ответственности за экологические угрозы мы видим, что законодатель предусмотрел все традиционные виды ответственности за нарушения экологических норм, что прямо оговорено в ст. 75 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» предусматривающего имущественную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность. Этому положению корреспондируют соответствующие отраслевые регламенты (ст. 15 ГК РФ, ст. 192 ТК РФ, глава 8 КоАП РФ, глава 26, ст. 358 УК РФ). Кроме этого, ряд ученых, например М.М. Бринчук и В.И. Ивакин обосновывают возможность привлечения к эколого-правовой ответственности за экологические правонарушения [6] [7].

Тем не менее полагаем, что почва, хоть и весьма зыбкая, для рассуждений об экологической катастрофе имеется. Например, Большая российская энциклопедия определяет ее как экстремальную ситуацию, сопровождаемую глубокими, нередко необратимыми изменениями природной среды, разрушением природных экосистем, что приводит к ухудшению условий жизни и массовой гибели живых организмов [8]. В словаре терминов МЧС России [9] экологическая катастрофа трактуется как: 1) природная аномалия (длительная засуха, массовый падеж скота и т.п.), нередко возникающая в результате прямого или косвенного воздействия хозяйственной деятельности человека на природные процессы, приводящая к неблагоприятным экологическим последствиям или даже гибели населения определённого региона; 2) авария технического устройства (атомной электростанции, танкера и т.п.), приведшая к остро неблагоприятным изменениям в природной среде и, как правило, к массовой гибели живых организмов; 3) неравновесное, нестационарное преобразование окружающей среды, следствием которого является потеря устойчивости (потеря равновесия) в результате изменения собственных параметров и(или) быстрого изменения внешних переменных.

Весьма информативным является разграничение в специальной литературе понятий «экологическая катастрофа» и «экологический кризис»: многие ученые обращают внимание на неравнозначность данных понятий, а их отождествление считают вредным заблуждением. Сопоставительный анализ точек зрения по этому вопросу позволяет увидеть главное отличие кризиса от катастрофы: кризис приводит к изменению экосистемы, а катастрофа – к смене экосистемы: «в глобальном смысле – к смене, или даже к гибели всей экосистемы Земли, в локальном – к исчезновению локальных экосистем, к их существенному и быстрому изменению» [10].

Следующий шаг на пути уяснения рассматриваемого понятия помогает сделать классификация экологических катастроф. Она осуществляется по различным критериям. С точки зрения применения уголовной ответственности за экоцид наибольший интерес представляют две классификации. Первая – по масштабу, когда катастрофы подразделяются на локальные и глобальные. При локальной экологической катастрофе происходит разрушение одной или нескольких экосистем. В отличие от этого глобальная экологическая катастрофа – это гипотетическая ситуация, возможная в результате превышения допустимой нагрузки на биосферу под влиянием внешних или внутренних факторов (например, «ядерная зима») [8]. Вторая классификация – по источнику возникновения: природные (возникающие под воздействием сил природы) и антропогенные (возникающие в результате деятельности человека). Важно отметить, что мы разделяем точку зрения о том, что в широком смысле все катастрофы природного характера являются антропогенными. В этом понимании деятельность человека – «человеческий фактор» – выступает как спусковой механизм, приводящий к катастрофическим природным последствиям [3].

В научной литературе уже неоднократно высказывались точки зрения о необходимости определения понятия «экологическая катастрофа» в примечании к ст. 358 УК РФ. Солидаризируясь с мнением А.И. Проскурякова, И.Р. Шидула о том, что «понятие «экологическая катастрофа» должно получить свое легальное определение» [5], считаем допустимым определить понятие экологической катастрофы в Примечании к ст. 358 УК РФ как «экстремальную ситуацию антропогенной природы, влекущую за собой разрушение локальных экосистем либо их резкое и существенное негативное изменение». Ограничение предлагаемого понятия локальной экологической катастрофой продиктовано обычной логикой: при наступлении глобальной катастрофы ни размышлять о ней, ни отвечать за нее, ни реализовывать ответственность будет некому.

Представляется, что единственно разумной логикой на фоне выявленного многообразия взглядов и определений угроз окружающей среде будет являться поиск их «пересечений» в вопросах понимания и нормативного определения этих угроз. В области уголовного права таким полем пересечения являются нормы об экоциде и об экологических преступлениях. Полагаем, что именно они должны быть объектом первоисточенного и самого пристального научного анализа и законодательного определения понятия «экологическая катастрофа».

Проведенное исследование демонстрирует, что отсутствие законодательного определения понятия «экологическая катастрофа» является одной из причин невозможности применения ст. 358 УК РФ на практике поскольку существующая терминологическая неопределенность создает непреодолимые барьеры для квалификации данного преступления. Полагаем, что только преодоление существующего правового вакуума и определение ключевых для экоцида понятий сможет «оживить» статью 358 УК РФ и превратить ее в эффективный инструмент уголовно-правовой защиты окружающей среды.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения 09.11.2025);
2. Геворкян, С. Г. Экоцид как высшая форма антропогенной экологической катастрофы. К постановке проблемы / С. Г. Геворкян, И. С. Геворкян // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2018. – Т. 16, № 3-4. – С. 1.;
3. Тимофеев, А. Д. Семантика понятий "экологический кризис" и "экологическая катастрофа" / А. Д. Тимофеев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2015. – № 176. – С. 130-135;
4. Александров, С. В. Экологическая катастрофа как перманентное явление современного общества / С. В. Александров // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 1-2(103). – С. 37-40;
5. Шидула, И. Р. Уголовно-правовой анализ экоцида: объективные и субъективные признаки, вопросы квалификации / И. Р. Шидула, А. И. Проскуряков // Право: история и современность. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 200-212.

6. Ивакин, В. И. Эколого-правовая ответственность как институт публичного права / В. И. Ивакин // Вековые традиции российского права: история и современность : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 28–29 октября 2022 года / Отв. редактор О.В. Горбач. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. – С. 63-67;
7. Бринчук, М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 39-48;
8. Экологическая катастрофа // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/text/4941826> (дата обращения: 16.11.2025);
9. КАТАСТРОФА ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ - Термины МЧС России - МЧС России URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3449> (дата обращения: 16.11.2025);
10. Болтыров В. Б. Экологические последствия природных и антропогенных катастроф // Известия УГГУ, 2012. № 27-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-posledstviya-prirodnih-i-antropogennyh-katastrof> (дата обращения: 16.11.2025);

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50542> (accessed 11/09/2025);
2. Gevorgyan, S. G. Ecocide as the highest form of anthropogenic ecological disaster. Towards the formulation of the problem / S. G. Gevorgyan, I. S. Gevorgyan // The electronic scientific publication Almanac Space and Time. – 2018. – Vol. 16, No. 3-4. – p. 1.;
3. Timofeev, A.D. Semantics of the concepts "ecological crisis" and "ecological catastrophe" / A.D. Timofeev // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. - 2015. – No. 176. – pp. 130-135;
4. Alexandrov, S. V. Ecological catastrophe as a permanent phenomenon of modern society / S. V. Alexandrov // International Scientific Research Journal. – 2021. – № 1-2(103). – Pp. 37-40;
5. Shikula, I. R. Criminal law analysis of ecocide: objective and subjective signs, qualification issues / I. R. Shikula, A. I. Proskuryakov // Law: history and modernity. – 2024. – Vol. 8, No. 2. – pp. 200-212.
6. Ivakin, V. I. Ecological and legal responsibility as an institution of public law / V. I. Ivakin // Century-old traditions of Russian law: history and modernity : Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, October 28-29, 2022 / Ed The editor is O.V. Gorbach. Irkutsk: Irkutsk State University, 2022. pp. 63-67;
7. Brinchuk, M. M. Ecological and legal responsibility – an independent type of legal responsibility / M. M. Brinchuk // State and law. – 2009. – № 4. – pp. 39-48;
8. Ecological disaster // Great Russian Encyclopedia. URL: <https://old.bigenc.ru/text/4941826> (date of request: 11/16/2025);
9. ENVIRONMENTAL DISASTER - Terms of the Ministry of Emergency Situations of Russia - Ministry of Emergency Situations of Russia URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3449> (date of request: 11/16/2025);
10. Boltyrov V. B. Ecological consequences of natural and anthropogenic disasters // Izvestiya UGGU, 2012. № 27-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-posledstviya-prirodnih-i-antropogennyh-katastrof> (date of request: 11/16/2025);

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ RESTRICTION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF SPEECH TO PREVENT EXTREMIST CRIMES

УСОВА Галина Михайловна,

старший преподаватель кафедры криминалистики

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

E-mail: usova.galina.1979@mail.ru

СИМОНЕНКО Екатерина Ивановна,

доцент кафедры криминалистики Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

E-mail: kejt9@mail.ru

БОРИСОВСКАЯ Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры криминалистики

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

E-mail: borisovskaya_88@mail.ru

USOVA Galina Mikhailovna,

Senior Lecturer of the Department of Criminalistics Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education

"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putin."

308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.

E-mail: usova.galina.1979@mail.ru

SIMONENKO Ekaterina Ivanovna,

Associate Professor of the Department of Criminalistics Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education

"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putin."

308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.

E-mail: kejt9@mail.ru

BORISOVSKAYA Tatiana Nikolaevna,

Senior Lecturer of the Department of Criminalistics Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education

"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putin."

308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.

E-mail: borisovskaya_88@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается основополагающая ценность демократического общества – право на свободу слова, которая гарантируется как Конституцией Российской Федерации, так и международными правовыми актами. Однако абсолютная реализация данного права невозможна, поскольку свобода выражения мнения неизбежно сталкивается с необходимостью защиты иных общественных интересов – безопасности государства, общественного порядка, прав и свобод других лиц.

Abstract: The article discusses the fundamental value of a democratic society – the right to freedom of speech, which is guaranteed both by the Constitution of the Russian Federation and by international legal acts. However, the absolute realization of this right is impossible, as freedom of expression inevitably clashes with the need to protect other public interests, such as the security of the state, public order, and the rights and freedoms of others.

Ключевые слова: экстремизм, свобода слова, демократическое государство, преступления экстремистской направленности, ограничения.

Keywords: extremism, freedom of speech, democratic state, extremist crimes, restrictions.

Статья поступила в редакцию: 22.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Одним из наиболее значимых конституционных прав принято считать право на свободу слова и мысли, которое присуще каждому демократическому государству, в т.ч. и России. Несмотря на то, что данное право закреплено в основном законе страны, в Конституции РФ оно имеет ряд исключений. Запрещается какая-либо цензура, принуждение к высказыванию своего мнения, а также отказ от своих убеждений. Налагается запрет также на распространение отдельных видов информации, в частности это, например, агитация непосредственно в день голосования на избирательном участке или пропаганда экстремистских идеологий.

Одним из наиболее острых и дискуссионных аспектов ограничения свободы слова выступает борьба с преступлениями экстремистской направленности. Современная информационная среда, особенно в условиях распространения цифровых технологий и социальных сетей, создаёт благоприятные условия для распространения идей насилия, вражды и нетерпимости. Это ставит перед государством задачу выработки правовых механизмов, которые позволили бы эффективно противодействовать экстремистской деятельности, не подрывая при этом демократические основы и свободу самовыражения граждан.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» специально подчеркивает, что даже запрет цензуры не является безграничным. [1]

Так, при введении режима военного или чрезвычайного положения право на свободу слова может быть ограничено органами государственной власти в той мере, в какой это необходимо для обеспечения национальной безопасности.

Что же такое свобода слова? Достаточно полно данный термин охарактеризовал М.Я. Муратов, который отметил, что «свобода слова

в юридическом понимании является естественной, юридически признанной и нормативно закрепленной возможностью каждого самостоятельно выбирать вид и меру своего речевого поведения – высказывать идеи, мнения и убеждения. [2, 56]

Следует также обратить внимание на научные труды О.А. Кудряшовой, которая в своей диссертационной работе подняла вопросы ограничения данного право в связи с профилактикой и предотвращением преступлений террористической или экстремистской направленности. По ее мнению, органы государственной власти при ограничении права на свободу слова должны руководствоваться принципом соразмерности, т.е. пригодности и целесообразности ограничения распространения той или иной информации. [3, 9]

Например, принято считать соразмерным запрет на распространение информации, в случае если она оправдывает или призывает к совершению террористических или экстремистских преступлений, а также призывы к совершению насильственных действий по национальным, религиозным, политическим мотивам или насильственному свержению власти. Но нельзя ограничивать право на свободу слова, если автор, например, критикует политику государства или если он не согласен с общепринятыми убеждениями или ценностями. [4, 8]

О.А. Кудряшова обращает внимание на недопустимость блокирования информации «о террористических актах и иных проявлениях экстремизма, о деятельности запрещенных организаций». [5, 10]

Чрезмерное или неоправданное ограничение свободы слова несёт угрозу превращения законных инструментов борьбы с экстремизмом в средство политического давления и цензуры. В связи с этим при применении законодательства об экстремизме необходимо строго разграничивать подлинно экстремистские проявления от законного выражения общественно значимых мнений, в том числе критических высказываний в адрес власти, религии или социальных институтов.

Базовым нормативным актом, определяющим правовые основы противодействия терроризму, выступает Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». [6]

Следует отметить, что данный нормативный правовой акт не регулирует должным образом вопросы, связанные с ограничением права на свободу слова для предотвращения преступлений экстремистской направленности. Данный вопрос также в полной мере не урегулирован ФЗ «О средствах массовой информации». Данный закон лишь устанавливает общее правило, что запрещено использовать средства массовой информации для совершения преступлений, для призыва к совершению преступлений, а также для агитации и оправдания действий террористического или экстремистского характера. [7] Данный нормативный правовой акт помимо вышеуказанных ограничений также устанавливает определенную процедуру при освещении контртеррористических мероприятий, в частности это запрет на упоминание специальных средств, которые будут использоваться для предотвращения террористического акта, а также запрет на распространение иной информации, которая ставит под угрозу успешность выполнения операции. Ограничению в распространении также подлежит и информация о лицах, которые принимают участие в контртеррористических операциях.

Таким образом, проблема установления баланса между необходимостью ограничения свободы слова и обеспечением национальной безопасности приобретает не только юридическое, но и этическое, политическое и социокультурное измерение. Ограничение свободы слова с целью предотвращения преступлений экстремистской направленности является оправданной и необходимой мерой при условии строгого соблюдения принципов законности, соразмерности и недопустимости произвольного вмешательства государства в сферу выражения мнений. В демократическом правовом государстве свобода слова не может рассматриваться как абсолютная – она должна соотноситься с ответственностью за последствия публичных высказываний, способных спровоцировать ненависть, насилие или иные противоправные действия.

Оптимальным направлением развития законодательства и правоприменительной практики является совершенствование критериев отнесения информации к экстремистской, повышение уровня правовой культуры и медийной грамотности граждан, а также обеспечение прозрачности судебного контроля за ограничением свободы слова. Только при соблюдении данных условий возможно достижение устойчивого баланса между защитой безопасности общества и сохранением фундаментальных демократических свобод.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // СПС «Консультант Плюс».
2. Муратов М.Я. Право на свободу слова: история и современность: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Я. Муратов. М., 2002. С. 56.
3. Кудряшова О.А. Ограничение свободы распространения информации в целях противодействия экстремистской деятельности: конституционно-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / О.А. Кудряшова. СПб., 2012. С. 9.
4. Паненков А.А. Система преступлений в сфере компьютерной информации, входящих в структуру террористической деятельности (кибертерроризм) как реальная угроза внешнему и внутреннему контурам национальной безопасности России / А.А. Паненков // Военно-юридический журнал. 2014. № 4. С. 8.
5. Кудряшова О.А. Ограничение свободы распространения информации в целях противодействия экстремистской деятельности: конституционно-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / О.А. Кудряшова. СПб., 2012. С. 10.
6. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // СПС «Консультант Плюс».
7. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» // СПС «Консультант Плюс».

References:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/15/2010 No. 16 (as amended on 02/09/2012) "On the practice of Application by Courts of the Law of the Russian Federation "On Mass Media" // SPS Consultant Plus.
2. Muratov M.Ya. The right to freedom of speech: History and modernity: dissertation. ... kand. jurid. sciences: 12.00.01 / M.Ya. Muratov, M., 2002. p. 56.
3. Kudryashova O.A. Restriction of freedom of information dissemination in order to counter extremist activity: constitutional and legal aspect: abstract. diss. ... kand. jur. sciences: 12.00.02 / O.A. Kudryashova. St. Petersburg, 2012. p. 9.
4. Panenkov A.A. The system of crimes in the field of computer information included in the structure of terrorist activity (cyberterrorism) as a real threat to the external and internal contours of Russia's national security / A.A. Panenkov // Military Law Journal. 2014. No. 4. p. 8.
5. Kudryashova O.A. Restriction of freedom of information dissemination in order to counter extremist activity: constitutional and legal aspect: abstract. diss. ... kand. jur. sciences: 12.00.02 / O.A. Kudryashova. St. Petersburg, 2012. p. 10.
6. Federal Law No. 35-FZ dated 03/06/2006 (as amended on 02/28/2025) "On Countering Terrorism" // SPS Consultant Plus.
7. Law of the Russian Federation dated 12/27/1991 No. 2124-1 (as amended on 11/23/2024) "On Mass Media" // SPS Consultant Plus.

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОБЪЕКТИВНУЮ СТОРОНУ
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 317 УК РФ,
И ПРОБЛЕМЫ ИХ ТОЛКОВАНИЯ
CIRCUMSTANCES CHARACTERIZING THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME
PROVIDED FOR BY ARTICLE 317 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROBLEMS OF THEIR INTERPRETATION**

АГАЕВ Гюлоглан Али оглы,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д.67, лит. А
e-mail: guloglanmvd@gmail.com

ЧИГРИНЕЦ Владислава Сергеевна

преподаватель кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А
e-mail: chigrineczv@mail.ru

AGAYEV Guloglan Ali oglu

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Customs Investigations
of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya St., 67, lit. A
e-mail: guloglanmvd@gmail.com

CHIGRINETZ Vladislava Sergeevna

Lecturer at the Department of Public Law of the St. Petersburg University
State University of Aerospace Instrumentation
190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, lit. A
e-mail: chigrineczv@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 317 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ). Авторы обосновывают позицию, согласно которой действующая законодательная конструкция и формулировка ст. 317 УК РФ являются корректными и не требуют изменений. Аргументируется, что наличие в данной норме одной из самых строгих санкций в уголовном законодательстве РФ исключает целесообразность дополнения данного состава квалифицирующими признаками, аналогичными содержащимся в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Делается вывод о том, что подобное расширение диспозиции статьи не направлено на достижение целей уголовной политики и не повысит эффективность противодействия преступности в указанной сфере.

Abstract: This article examines the objective nature of the crime under Article 317 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the RF Criminal Code). The authors argue that the current legislative structure and wording of Article 317 of the RF Criminal Code are appropriate and do not require amendment. They argue that the inclusion of one of the most severe sanctions in Russian criminal law in this provision precludes the advisability of expanding this offense with qualifying features similar to those contained in Part 2 of Article 105 of the RF Criminal Code. They conclude that such an expansion of the article's provisions is not aimed at achieving criminal policy goals and will not improve the effectiveness of crime prevention in this area.

Ключевые слова: объективная сторона; посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких; квалифицирующих признаков, модификация.

Key words: objective side; attempt on the life of a law enforcement officer, a military serviceman, as well as their relatives; qualifying features, modification.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Установление объективной стороны преступления является фундаментальной задачей уголовно-правовой квалификации. Именно этот элемент состава позволяет идентифицировать внешние признаки противоправного поведения, ограничивая его как от схожих правонарушений, так и от правомерных действий. В своей структуре объективная сторона включает: 1) общественно опасное деяние (действие или бездействие); 2) наступившие общественно опасные последствия; и 3) причинно-следственную связь между ними. При этом, уголовный закон криминализирует не только действия, повлекшие реальный вред (материальные составы), но и те, что создают угрозу причинения такого вреда (составы опасности), а также сами по себе противоправные деяния, независимо от наступления последствий (формальные составы).

Следовательно, анализ объективной стороны преступления требует комплексного подхода и глубокого осмысления, поскольку она обладает не только практической значимостью для единообразного правоприменения, но и теоретико-методологической ценностью, способствуя тем самым совершенствованию механизмов уголовно-правового регулирования.

Объективная сторона рассматриваемого преступления нормативно определена, как «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц по охране обще-

ственного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность»¹.

Под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких в статье 317 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) понимается убийство или покушение на убийство таких лиц. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких, независимо от наступления общественно опасных последствий, охватывается статьей 317 УК РФ и не требует ссылки на часть 3 статьи 30 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 105 УК РФ².

Из разъяснения высшего судебного органа России следует, что объективная сторона данного преступления представляет собой формальный состав, а точнее – его разновидность, так называемый, выделяемый уголовно-правовой наукой «усеченный», то есть, для признания такого преступления оконченным достаточно совершения указанных в диспозиции действий, независимо от наступивших последствий, либо даже не всего объема, а лишь части преступных действий, указанных в диспозиции уголовно-правовой нормы. Проиллюстрируем сказанное небольшим примером. Так, по одному из дел было установлено, что «С., ударил ножом в грудь сотрудника правоохранительного органа с целью похитить оружие и боеприпасы, но при этом причинил непроникающую рану грудной клетки слева, которая была квалифицирована судмедэкспертизой как легкий вред здоровью. В этой связи действия С. были квалифицированы по ст. 317 УК РФ. Несмотря на то, что защитники виновного в своей апелляционной жалобе указали, что С. не желал причинения смерти потерпевшему, Верховный Суд в своем определении указал, что «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка должно квалифицироваться по ст. 317 УК РФ независимо от того, была ли причинена смерть потерпевшему либо она не наступила в силу причин, не зависящих от воли виновного преступление считается оконченным в момент посягательства на жизнь»³.

Необходимо констатировать, что подобное разъяснение высшего судебного органа России получило в доктрине неоднозначную оценку и является предметом научной дискуссии. Например, в доктрине противники усеченного состава отмечают, что: «преступлений без вредных последствий не существует, а их составы, оказывается, могут быть без таковых»⁴. Напротив, Ю.И. Степанов считает, что «состав преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ сформулирован таким образом, что наступление вредных последствий нормой права не предусмотрено, хотя фактически они могут наступить (например, смерть сотрудника). Это позволяет сделать вывод о том, что состав преступления является формальным, то есть преступление считается оконченным именно с момента посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких»⁵.

Как нам представляется, ключевая доктринальная проблема при анализе ст. 317 УК РФ — это коллизия между материальным пониманием преступления и конструкцией его формального состава. Законодатель, не упоминая в диспозиции последствий, криминализирует сам акт посягательства на жизнь правоохранителя. Это ставит перед теорией вопрос: где заключается общественная опасность — в самом действии или всё же в его потенциальных последствиях, которые выводятся за рамки состава? Представляется, что «разрешение этого противоречия лежит в плоскости понимания, что в формальных (усеченных) составах (как в ст. 317 УК РФ) общественно опасное последствие является не обязательным элементом состава, а неотъемлемым свойством самого деяния. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа по своей внутренней природе всегда содержит в себе реальную угрозу нормальному функционированию государственных институтов и общественной безопасности. Таким образом, вред имплицитно присутствует в самом действии, и законодатель, конструируя формальный состав (усеченный), исходит из презумпции его общественной опасности».

Второй проблемный аспект, тесно связанный с предыдущим, заключается в возможности квалификации стадии приготовления к данному преступлению. Утвердительный ответ на данный вопрос представляется обоснованным. Наглядной иллюстрацией может служить гипотетическая ситуация, при которой виновное лицо приобретает оружие с целью последующего посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Поскольку сами по себе указанные действия не образуют объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, они подлежат квалификации по ч. 1 ст. 30 и соответствующей части ст. 317 УК РФ как приготовление к посягательству на жизнь указанных лиц. Между прочим, данная позиция не противоречит п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 УК РФ», согласно которому, если лицо, имея намерение совершить посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности этого сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности либо из мести за такую деятельность, создало лишь условия для совершения данного преступления (например, приобрело, изготовило или приспособило средства, орудия для посягательства, осуществило меры по приисканию соучастников посягательства, вступило с ними в предварительный сговор на совершение этого преступления), но не смогло приступить к выполнению действий, непосредственно направленных на причинение смерти потерпевшему, по не зависящим от этого лица обстоятельствам, то деяние квалифицируется как приготовление к преступлению, предусмотренному ст. 317 УК РФ, со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ⁶.

Кроме того, в правовой литературе можно встретить суждения, что «отсутствие в диспозиции ст. 317 УК РФ квалифицирующих призна-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. № 63. Ст. 2954.

² П.5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2023 г., №8.

³ Определение № 36-АПУ16-4 // Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации № 4. (2016) // [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71471246/> (дата обращения: 05.11.2025).

⁴ См.: Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М. В 5-ти т. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. - Москва: Зерцало-М, 2002. С. 184. С. 184.

⁵ Степанов Ю. И. Некоторые особенности объективной и субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ / Ю. И. Степанов // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова): Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06–07 ноября 2014 года / Санкт-Петербургский университет МВД России, коллектив авторов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. С. 105.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2023 г., №8.

ков, содержащихся в ч. 2 ст. 105 УК РФ необоснованно «уравнивает» ответственность за деяния, порой существенно различающиеся по степени общественной опасности, направленные на посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. При этом, нивелируется принцип справедливости и соразмерности уголовной ответственности и наказания¹. В связи с этим, автор предлагает дополнить упомянутый состав квалифицирующими признаками, содержащимися в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Согласиться с автором можно лишь частично, поскольку посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа при квалифицирующих обстоятельствах, содержащихся в ч. 2 ст. 105 УК РФ, обладает исключительной степенью общественной опасности. С этой позиции, действующая редакция ст. 317 УК РФ в известной степени нивелирует уголовно-правовую оценку таких деяний, приближая её к формальной фикции. Тем более в условиях роста насильственных преступлений против представителей власти налицо дисбаланс между фактической общественной опасностью деяния и его законодательной оценкой. В контексте сказанного, показательным примером является приговор Московского областного суда от 25 ноября 2014 года в отношении Фролова В.М. Из фабулы дела следует, что «подсудимый Фролов В.М. осознавая, что Р. И.Н. и Д.А.С. являются сотрудниками правоохранительного органа и находятся на месте преступления в связи с совершенным им (Фроловым) правонарушением, предпринял активные действия, направленные на посягательство на их жизнь, а именно: взял хранившийся в его автомобиле боеприпас – ручную осколочную гранату Ф-1, выдернул чеку из взрывателя и бросил активированный боеприпас в открытое окно служебного автомобиля, в котором находились сотрудники ОГИБДД УМВД России по г.о. Ж. М. области Р. И.Н. и Д. А.С., после чего сразу отошел от автомобиля и, услышав взрыв, покинул место совершения преступления, не предприняв каких-либо действий по оказанию помощи сотрудникам полиции. Так, Фролова В.М. признали виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального Закона от 28 декабря 2010 года № 398-ФЗ) и ст. 317 УК РФ (в редакции Федерального Закона от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ)².

Данный пример наглядно иллюстрирует ключевую проблему: посягательство на жизнь сотрудников правоохранительного органа и приравненных к ним лиц при наличии квалифицирующих признака, будучи учтенным в статистической отчетности, не получает адекватной уголовно-правовой оценки, что приводит к нивелированию исключительной общественной опасности такого многообъектного посягательства. Вместе с тем, представленная критика не может быть принята в качестве исчерпывающей, поскольку ее автор ограничивается констатацией проблемы, не предлагая конкретных механизмов решения ключевого вопроса — дифференциации санкции. Научная и законодательная ценность любой критики определяется наличием конструктивных предложений. Учитывая, что санкция ст. 317 УК РФ и так является максимально строгой, её дальнейшее усиление невозможно. Альтернативный подход — установление более мягкого наказания за основной состав преступления (ч. 1 ст. 317 УК РФ) для введения квалифицирующих признаков — противоречил бы собственной цели автора по усилению правовой защиты сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная законодательная конструкция ст. 317 УК РФ представляется обоснованной и не требующей реформирования. Установленная в ней санкция, включающая пожизненное лишение свободы и смертную казнь, адекватно отражает повышенную общественную опасность данного деяния. Именно исчерпывающая строгость наказания исключает целесообразность введения в данный состав квалифицирующих признаков по аналогии с ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как это не привело бы к реальному усилению ответственности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. № 63. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. N 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2023 г., №8.
3. Определение № 36-АПУ16-4 // Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации № 4. (2016) // [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71471246/> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М. В 5-ти т. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак.; Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. - Москва : Зерцало-М, 2002. С. 184. – 611 с.
5. Степанов Ю. И. Некоторые особенности объективной и субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ / Ю. И. Степанов // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова): Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06–07 ноября 2014 года / Санкт-Петербургский университет МВД России, коллектив авторов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – С. 103-110.
6. Кузьмин А.В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов. Дисс.... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2016. – 226 с.
7. Приговор Московского областного суда от 25 ноября 2014 года по делу N 2-105/2014 // [Электронный ресурс]: <https://sudrf.cntd.ru/document/423291157> (дата обращения: 05.11.2025).

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 15.10.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1996. No. 63. Art. 2954.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023 N 14 "On certain issues of judicial practice in criminal cases on crimes provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, August 2023, No. 8.
3. Definition No. 36-APU16-4 // Review of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4. (2016) // [Electronic resource]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71471246/> (date of reference: 05.11.2025).
4. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. In 5 volumes. / Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Jurid. fac.; Edited by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. - Moscow : Zertsalo-M, 2002. p. 184. – 611 p.
5. Stepanov Yu. I. Some features of the objective and subjective side of the crime under art. 317 of the Criminal Code of the Russian Federation / Yu. I. Stepanov // Criminal law: yesterday, today, tomorrow (in memory of Professor S.F. Kravtsov): Proceedings of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 06-07, 2014 / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, team of authors. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2014, pp. 103-110.
6. Kuzmin A.V. Criminal and legal protection of the identity of law enforcement officers. Diss.... kand. jurid. sciences'. Stavropol, 2016. – 226 p.
7. The verdict of the Moscow Regional Court of November 25, 2014 in case N 2-105/2014 // [Electronic resource]: <https://sudrf.cntd.ru/document/423291157> (date of request: 05.11.2025).

¹ См.: Кузьмин А.В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов. Дисс.... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2016. С. 162-163.

² Приговор Московского областного суда от 25 ноября 2014 года по делу N 2-105/2014 // [Электронный ресурс]: <https://sudrf.cntd.ru/document/423291157> (дата обращения: 05.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_814

УДК 343.01

О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КАК УГРОЗЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ON THE PROBLEMS OF COUNTERING CUSTOMS CRIMES AS THE THREAT TO ECONOMIC SECURITY

ОЗОЛИНГ Андрей Евгеньевич,

старший преподаватель кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, лит. А.
E-mail: ozol59@mail.ru;

ХАРЧЕНКО Олег Витальевич,

кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, лит. А.
E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com;

OZOLING Andrey Evgen'evich,

senior lecturer of the Department of the Public Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
67, Bolshaya Morskaya street, Saint Petersburg, 190000, Russia.
E-mail: ozol59@mail.ru

KNARCHENKO Oleg Vital'evich,

PhD in Law, professor, professor of the Department of the Public Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
67, Bolshaya Morskaya street, Saint Petersburg, 190000, Russia.
E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com

Краткая аннотация: В статье, на основании криминологического анализа развития международных и отечественных нормативных правовых актов, данных уголовной статистики за период 2021-2025 гг., рассматриваются состояние и актуальные тенденции таможенных преступлений. В качестве проблем, возникающих при противодействии таможенным преступлениям, называются – необходимость наработки и обобщения судебной практики в связи с изменениями в уголовном законодательстве, совершенствование системы учета для определения уровня преступности в сфере экономики, как одного из показателей состояния экономической безопасности.

Abstract: Based on a criminological analysis of the development of international and domestic regulatory legal acts, and criminal statistics data for the period 2021-2025, the article examines the state and current trends in customs crimes. The problems that arise in countering customs crimes include the need to develop and generalize judicial practice in connection with changes in criminal legislation, and improving the accounting system for determining the level of crime in the economic sphere, as one of the indicators of the state of economic security.

Ключевые слова: экономическая безопасность, таможенные органы, орган дознания, показатели преступности, таможенные преступления, криминологический анализ, современные тенденции, противодействие таможенным преступлениям.

Keywords: economic security, customs authorities, body of inquiry, crime indicators, customs crimes, criminological analysis, current trends, counteraction to customs crimes.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Таможенные органы России играют значительную роль по обеспечению экономической безопасности через таможенные компетенции, поскольку контроль логистических процессов и существенных сегментов внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) являются частью таможенного администрирования. Если классифицировать данные компетенции по методам реализации, то представляется возможным выделить регулятивную, фискальную и правоохранительную деятельность. Работа по рассматриваемым направлениям противодействует преступлениям в сфере экономики, в том числе, нарушениям закона в сфере ВЭД. На таможенные органы в качестве одной из функций возложено выявление, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, отнесенных к их компетенции, а также иных связанных с ними преступлений и правонарушений [2].

Руководитель Федеральной таможенной службы (далее – ФТС) В.И. Пикалёв 24 октября 2025 г. на встрече у Президента России В.В. Путина сообщил, что в 2025 г. на 20 процентов выросло количество уголовных дел, отнесенных к исключительной компетенции таможенных органов. Это дела о контрабанде стратегически важных товаров, культурных ценностей, ценных объектов флоры и фауны и многие другие [6].

По сведениям ФТС России на основании материалов оперативных подразделений таможенных органов в 2021 г. было возбуждено 2007 уголовных дел, в 2022 г. – 1810 (-9,8%), в 2023 г. – 1751 (-3,3%), в 2024 г. – 1742 (-0,5%), за 9 месяцев 2025 г. – 1437 (-2,6%). Криминологический анализ рассмотренных статистических показателей показывает, что за период 2021-2024 гг. наблюдается стабильная тенденция сокращения числа возбуждаемых уголовных дел, а при сравнении показателей 2021 и 2024 гг. сокращение составило -13,2%.

В 2024 г. из возбужденных 1742 уголовных дел: по ст. 226.1 УК РФ – 783, по ст. 194 – 276, по ст. 193.1 – 234, по ст. 173.2 – 148, по фактам совершения иных преступлений, производство неотложных следственных действий и дознание по которым отнесено к компетенции таможенных органов – 301 уголовное дело. При этом, на основании материалов оперативных подразделений таможенных органов доначислено денежных средств на сумму более 13,4 млрд руб., взыскано в федеральный бюджет более 7,3 млрд руб.

За 9 месяцев 2025 г. из возбужденных 1437 уголовных дел: по ст. 226.1 УК РФ – 728, по ст. 194 – 230, по ст. 193.1 – 198, по ст. 229.1 – 101, по ст. 173.2 – 73, по ст. 173.1 – 48, по ст. 200.1 – 44, ст. 193 – 8, по ст. 174.1 – 5 и по ст. 189 – 2 [12]. Следует отметить, что доначислено денежных средств на сумму более 14 млрд руб. (+68,7%) и взыскано в федеральный бюджет около 7,2 млрд руб. (+20%) [11].

Таким образом, за 9 месяцев 2025 г. сохраняются тенденции: с одной стороны – сокращения числа возбужденных уголовных дел, а с другой – значительное увеличение показателей доначисления денежных средств (+68,7%) и взыскания в федеральный бюджет (+20%).

По сведениям о состоянии преступности, которые предоставляет МВД России, показатель «число преступлений, выявленных сотрудниками таможенных органов» выглядит следующим образом: в 2021 г. – 1107 (+9,0%), в 2022 г. – 1305 (+17,9%), в 2023 г. – 950 (-27,2%), в 2024 г. – 881 (-7,3%), за 9 месяцев 2025 г. 678 (-6,9%) [10]. Подтверждается отмеченная выше тенденция сокращения числа выявляемых преступлений таможенными органами при сравнении 2021 и 2024 гг. на -20,4%, а также в 2025 г. на -6,9%.

Вместе с тем, сведения публикуемые МВД России, позволяют рассмотреть другие показатели. Криминологический анализ данных о рассматриваемых преступлениях за 2021 и 2024 гг. показывает: увеличение числа расследованных преступлений на +14,5%; увеличение количества уголовных дел, направленных в суд на +22,9%; увеличение выявленных лиц, уголовные дела о которых направлены в суд на +53,6%.

Следовательно, при сокращении числа выявляемых преступлений, увеличились показатели качества проводимой работы, что следует отметить как положительную тенденцию.

Незаконная деятельность в сфере ВЭД – это зачастую организованная, профессиональная, высокотехнологичная, материально обеспеченная активность, использующая фактор коррумпированности, коллизии и лакуны в законодательстве, инерционность в действиях тех, кто ей противостоит [9].

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., в частности отмечается, что на текущий момент наблюдаются факторы, создающие угрозу для экономической безопасности и это вызовы экономического и геополитического свойства [3]. Разумеется, деятельность таможенных органов строится во взаимодействии с другими органами исполнительной власти, которые в рамках своих функций участвуют в реализации отдельных задач или группы задач по обеспечению экономической безопасности. Факторы, влияющие на экономическую безопасность разнообразны.

Так, например, вопросы борьбы с отмыванием денежных средств, полученных незаконным путем, в соответствии с нормами УПК РФ, входит в компетенцию таможенных органов и эффективно решаются во взаимодействии с подразделениями МВД России и Росфинмониторинга, тем более, что такой транснациональный вид преступной деятельности как контрабанда наркотиков предполагает и этап отмывания денежных средств.

Реализация фискальной функции таможни связана с тесным взаимодействием с Федеральной налоговой службой (далее – ФНС России), а регулятивные задачи в сфере логистики и контроля на границах вызывают необходимость эффективного взаимодействия с Минтрансом, Минсельхозом, пограничной службой. Для установления полной информационной картины об участнике ВЭД сотрудниками подразделений административных расследований таможни направляются обращения в Федеральную налоговую службу [4]. В настоящее время между ФТС России и иными государственными организациями заключены более 40 Соглашений о сотрудничестве и взаимодействии.

Несомненно, важнейшим политико-правовым ресурсом России в экономической сфере является функционирование Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) [5]. Большой массив международно-правовых актов, которые используются в ежедневной работе на разных уровнях, кратно расширяет возможности таможенных органов.

А.А. Шкиперов подчеркивает, что институт взаимной административной помощи таможенных органов охватывает два отдельных направления ее осуществления — в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства (таможенный контроль) и предупреждения и пресечения нарушений международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования (правоохранительная деятельность) [13].

Важную роль в борьбе с экономическими преступлениями для России играют международные договоры Российской Федерации о таможенном сотрудничестве и взаимной помощи. В задачи данных соглашений входит – обеспечить оперативное взаимодействие стран участников договоров в рамках борьбы с нарушениями закона, которые рассматривают не только вопросы, связанные с борьбой с контрабандой наркотиков, но и взаимодействие по иным таможенным вопросам, например обмен информацией относительно новых путей и средств нарушения таможенного законодательства.

Очевидно, что в нынешней внешнеполитической обстановке сотрудничество по ряду вопросов с некоторыми странами затруднено, но преимущество подобных документов в том, что они создаются не на день и не на год и эти правовые инструменты все равно будут востребованы. Регулятивные, фискальные и правоохранительные функции таможни в контексте обеспечения экономической безопасности целесообразно рассматривать в комплексе.

Так, Р.А. Лаптев отмечает, что возможность развития инвестиционной деятельности в реальном секторе экономики России в условиях санкционного давления и ужесточения денежно-кредитной политики за счет использования механизмов, предусмотренных особенностями таможенного регулирования [8].

Рассмотрим наиболее актуальные составы таможенных преступлений. Так, уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) является одним из распространенных правонарушений в сфере таможенного дела. В 2021 г. было зарегистрировано 346 рассматриваемых преступлений, в 2024 г. – 276, сокращение на -20,2%; за 9 месяцев 2025 г. – 234, увеличение на +70,8%.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде России в 2021 г. по ст. 194 УК РФ было осуждено 42 человека, в 2024 г. – 64

(+52,4%); за 6 месяцев 2024 г. – 21, а за 6 месяцев 2025 г. – 48 (увеличение в 2,3 раза) [7].

Практика таможенных органов свидетельствует о том, что наиболее часто встречаются попытки ухода от платежей путем искажения сведений в таможенных документах (в том числе представление недействительных документов), либо сокрытие товара. Контрабанда и неуплата таможенных платежей два самостоятельных состава, хотя в практике нередки случаи возбуждения двух дел в отношении одного лица и одной партии товара. Чаще всего речь идет о сырьевых товарах.

При сборе доказательств может возникнуть необходимость в получении информации и документов через правоохранительные органы зарубежных стран, поскольку в этих странах могут находиться участники криминальных группировок, выполнявших финансовые, диспетчерские, экспедиторские функции в подготовке контрабандных операций, направленных на уклонение от уплаты таможенных платежей и в этом случае на помощь приходит комплекс упомянутых выше международных соглашений.

В некоторых зарубежных государствах уклонение от уплаты налогов если они совершены без прямых фальсификаций уголовным преступлением не являются. Следовательно, обращение за помощью в предоставлении информации финансового характера по уголовному делу, возбужденному по ст.194 УК РФ может не найти поддержки. Следовательно, возможно запросить информацию в рамках административного расследования (это проще) и по ее получении уже рассматривать вопрос о наличии признаков состава уголовного преступления. При ввозе ответственность за уплату таможенных платежей также несут лица, которые приобрели во владение или собственность незаконно ввезенные товары или транспортные средства, если в момент приобретения они знали или должны были знать о незаконности ввоза, что надлежащим образом подтверждено на основании закона. Цель и мотивы не влияют на квалификацию рассматриваемого преступления, хотя в отличие от контрабанды корыстный мотив в этом преступлении присутствует почти всегда, но и здесь возможны исключения.

В соответствии с Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ч. 4 ст. 5, ч. 1, 2 ст. 23) таможенные органы как органы валютного контроля вправе проводить проверки соблюдения валютного законодательства и полноты перечисления запрашивать информацию, которая связана с проведением валютных операций [1].

Кроме валютного контроля, и также в функции таможенных органов входит обязанность выявления признаков преступлений, предусмотренных ст. 193, 193.1 УК РФ, и административных нарушений в сфере валютного законодательства. Ст. 193 УК РФ устанавливает ответственность за незачисление и невозвращение денежных средств в Российскую Федерацию или на счета резидента в банках за пределами территории Российской Федерации в нарушение требований валютного законодательства РФ. До 2022 г. непосредственным объектом преступления можно было полагать требования, установленные п.п. 1.2 ч. 1 ст. 19 и ч. 4 ст. 24 173-ФЗ в части обеспечения поступления денежных средств на счета в российских и зарубежных банках. В настоящее время в связи с недружественной политикой ряда зарубежных стран, осложнивших внешнеэкономическую деятельность российских резидентов потребовалось внести изменения в порядок применения отдельных норм валютного законодательства – прежде всего упомянутую выше ст. 19 173 ФЗ в отношении части внешнеторговых контрактов. За определенными исключениями, вызванными изменением отдельных норм прежние подходы к правоприменительной деятельности в отношении нарушений валютного законодательства, сохранились.

В 2021 г. было зарегистрировано 137 преступлений, предусмотренных ст. 193.1 УК РФ, в 2024 г. – 234, увеличение на +70,8%; за 9 месяцев 2025 г. – 198, увеличение на +31,1%.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде России в 2021 г. по ст. 193.1 УК РФ было осуждено 26 человек, в 2024 г. – 34 (+30,8%); за 6 месяцев 2024 г. – 17, а за 6 месяцев 2025 г. – 47 (увеличение в 2,8 раза) [7].

Составы преступления, предусмотренные ст.193 и ст.193.1 УК являются формальными т.е. не требуется наступления общественно-опасных последствий. Таможенные органы осуществляют только неотложные следственные действия в пределах 10 дней. Федеральный закон от 01.04.2020 г. №73-ФЗ внес изменения в уголовное законодательство, в том числе в ст. 193 УК РФ. Принципиально новым стало введение в диспозицию ч. 1 ст. 193 УК РФ административной преюдиции за деяния, предусмотренные ч. 5.2 ст. 15.25 КоАП. В соответствии с этими изменениями возбуждение дела по ч.1 ст.193 УК РФ возможно только если:

- преступление совершено в крупном размере (свыше 100 млн руб.);
- лицо ранее подвергалось административному наказанию по части 5.2 ст.15.25 КоАП.

Валютное законодательство и акты органов валютного контроля публичны и доступны к ознакомлению для любых должностных лиц, которые обязаны в соответствии с занимаемой должностью принимать все меры для его соблюдения, в том числе в рамках конкретного контракта.

Схемы незаконного вывода денежных средств имеют разнообразный характер. Следует выделить некоторые из них:

- перевод денежных средств в качестве оплаты фиктивных услуг по разработке компьютерных программ;
- фактический ввоз товара с образованием у резидента задолженности перед нерезидентом, перевод долга по контракту на несколько организаций-резидентов, имеющих счета в различных банках, после чего каждый из новых должников производит оплату на счет нерезидента;
- использование судебных решений по заведомо «проигрышным» делам, когда заранее по соглашению сторон для разрешения споров выбран зарубежный и «проигрыш» обоюднo заранее согласован;
- дробление сумм контрактов, чтобы избежать возбуждения одного административного дела по ч. 5.2 ст.15.25 КоАП РФ.

Для выработки тактики защиты на случай выявления и пресечения таможенными органами преступления перед заключением контрак-

та могут интенсивно запрашиваться сведения о деловой репутации партнера, а полученные ответы оцениваются на предмет двоякого толкования. Может быть заранее создана некая организация-однодневка, задача которой будет состоять в разовом представлении фиктивного поручительства или несуществующего залога, которые организация-получатель сочтет «надежной» гарантией. В этих случаях для выявления возможного нарушения валютного законодательства важными обстоятельствами являются получение из возможных источников подтверждений незначительности уставного капитала при заключении крупных контрактов, отсутствие по юридическому адресу, незначительный срок деятельности и др.

В связи с этим в ходе проверки в рамках таможенного или валютного контроля должностным лицам таможни следует уделять особое внимание документам, содержащим сведения:

- о выводе денежных средств за рубеж;
- об операциях с уникальным номером контракта (паспортом сделки);
- об операциях по счетам, в том числе с использованием системы «банк-клиент».

Полномочия по возбуждению уголовных дел закреплены за таможенными органами п. 3 ч. 2 ст. 157 УПК РФ если есть необходимость проведения неотложных следственных действий. Однако, следует учитывать, что при наличии признаков преступления по ч. 2,3 ст. 193 УК РФ именно таможенные органы могут оценить вопрос соблюдения сроков исполнения постановления по части 5.2. статьи 15.25 КоАП РФ. Кроме того, если первая информация о возможных нарушениях поступила от отдела валютного контроля, возможно срочное подключение оперативно-розыскного подразделения в целях добывания информации, которая ляжет в доказательную базу. Если сбор информации на объектах валютного контроля и оперативно-розыскные мероприятия проведены в недостаточном объеме, то маловероятно с учетом широты вопросов, требующих исследования и оценки успеть сделать это за десять дней после возбуждения уголовного дела. Неотложные следственные действия дадут результат, если в материалах, переданных в отдел дознания содержатся достаточные данные, полученные в результате оперативных действий и таможенного(валютного) контроля и свидетельствующие о наличии признаков преступления. Кроме того, с учетом трансграничного характера преступления необходимо знать актуальное местонахождение фигурантов по делу и оригиналов документов, важных для процесса доказывания. Это делает необходимым в ряде случаев совместные мероприятия правоохранительных подразделений таможни и органов внутренних дел.

Таможенные органы также вправе возбуждать уголовные дела и производить неотложные следственные действия при наличии признаков преступления, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ: совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида распоряжению денежными средствами или иным имуществом, и легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления.

Однако, данные составы преступлений имеют незначительную статистику и не представляется возможным провести сравнительный анализ. Так, в опубликованных сведениях за 2021-2023 гг. информация не указана. В 2024 г. было зарегистрировано всего два преступления, а за 9 месяцев 2025 г. пять преступлений, предусмотренных ст. 174.1 УК РФ [11]. К числу проблем по противодействию совершения данного таможенного преступления относятся: высокий уровень латентности, использование преступниками современных технологий и сложность расследования [12].

Таким образом, в качестве современных тенденций таможенных преступлений выступают – сокращение числа регистрируемых преступлений, и при этом, увеличение количества уголовных дел, направленных в суд, а также увеличение доначисленных денежных средств и взысканных в федеральный бюджет.

В качестве проблем, возникающих при противодействии таможенным преступлениям, следует отметить – необходимость наработки и обобщения судебной практики в связи с изменениями в уголовном законодательстве, совершенствование системы учета для определения уровня преступности в сфере экономики, как одного из показателей состояния экономической безопасности.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ // – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/\(дата обращения: 10.11.2025\)](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/(дата обращения: 10.11.2025)).
2. Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 (ред. от 15.05.2025) «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382977/\(дата обращения: 10.11.2025\)](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382977/(дата обращения: 10.11.2025)).
3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/\(дата обращения: 10.11.2025\)](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/(дата обращения: 10.11.2025)).
4. Приказ ФТС России от 10.08.2011 № 1634 (ред. от 02.04.2012) «Об утверждении типовых положений о подразделении административных расследований таможни, подразделении административных расследований таможенного поста, подразделении дознания и учетно-регистрационном подразделении таможни» // [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=511827-0&req=doc&base=EXP&n=528391&rnd=jfbdwg#HbwwX2V0t3UlnRBC1\(дата обращения: 10.11.2025\)](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=511827-0&req=doc&base=EXP&n=528391&rnd=jfbdwg#HbwwX2V0t3UlnRBC1(дата обращения: 10.11.2025)).
5. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2023) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/\(дата обращения: 10.11.2025\)](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/(дата обращения: 10.11.2025)).
6. Встреча с руководителем Федеральной таможенной службы Валерием Пикалёвым // – URL: [http://www.kremlin.ru/events/president/news/78285\(дата обращения: 10.11.2025\)](http://www.kremlin.ru/events/president/news/78285(дата обращения: 10.11.2025)).
7. Данные судебной статистики (Форма № 10-а, Форма № 11.1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: [http://www.cdep.ru/?id=79\(дата обращения 10.11.2025\)](http://www.cdep.ru/?id=79(дата обращения 10.11.2025)).
8. Лаптев, Р. А. Таможенные инструменты стимулирования инвестиционной деятельности в России в условиях ужесточения денежно-кредитной политики и санкционного давления / Р. А. Лаптев, В. В. Коварда // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 5. – С. 1-17.
9. Озолинг, А. Е. Таможенный контроль и правоохранительная деятельность / А. Е. Озолинг // Закон. Право. Государство. – 2024. – № 4(44). – С. 105-108.
10. Состояние преступности // Министерство внутренних дел РФ. URL: [https://мвд.рф\(дата обращения: 10.11.2025\)](https://мвд.рф(дата обращения: 10.11.2025)).
11. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы // Федеральная таможенная служба России - URL: [https://customs.gov.ru/\(дата обращения: 10.11.2025\)](https://customs.gov.ru/(дата обращения: 10.11.2025)).

12. Харченко, О. В. Криминологическое исследование преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств / О. В. Харченко // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 1. – С. 26-38.

13. Шкиперов, А. А. Проблемные вопросы осуществления взаимной административной помощи таможенных органов Российской Федерации и таможенных органов государств - членов ЕАЭС и пути их разрешения / А. А. Шкиперов, М. А. Вершкова, А. А. Наку // Таможенное дело. – 2025. – № 3. – С. 7-12.

References:

1. Federal Law "On Currency Regulation and Currency Control" dated October 12, 2003 No. 173-FZ // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458 / (accessed November 10, 2025).
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 23, 2021 No. 636 (as amended on May 15, 2025) "On Approval of the Regulations on the Federal Customs Service, Amendments to the Regulations on the Ministry of Finance of the Russian Federation and Invalidation of Certain Acts and Individual Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382977 / (accessed November 10, 2025).
3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ / (accessed November 10, 2025).
4. Order of the Federal Customs Service of Russia dated August 10, 2011 No. 1634 (as amended on April 02, 2012) "On Approval of Model Regulations on the Administrative Investigations Unit of Customs, the Administrative investigations unit of the Customs post, the Inquiry unit and the Accounting and Registration Unit of Customs" // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=511827-0&req=doc&base=EXP&n=528391&rnd=jfbdWg#HbwvX2V0t3UlnRBC1> (accessed November 10, 2025).
5. The Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on May 29, 2014) (as amended on May 25, 2023) (as amended and supplemented, intro. effective from June 24, 2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 / (accessed November 10, 2025).
6. Meeting with the head of the Federal Customs Service Valery Pikalev // – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78285> (accessed November 10, 2025).
7. Judicial statistics data (Form No. 10-a, Form No. 11.1) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (accessed November 10, 2025).
8. Laptev, R. A. Customs instruments for stimulating investment activity in Russia in the context of tightening monetary policy and sanctions pressure / R. A. Laptev, V. V. Kovarda // Bulletin of Eurasian Science. – 2024. – Vol. 16, No. 5. – P. 1-17.
9. Ozoling, A. E. Customs control and law enforcement activities / A. E. Ozoling // Law. Right. The State. – 2024. – № 4(44). – P. 105-108.
10. The state of crime // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://ministryofinternalaffairs.ru/> (accessed November 10, 2025).
11. Results of law enforcement activities of the Federal Customs Service units // Federal Customs Service of Russia - URL: <https://customs.gov.ru/> / (accessed November 10, 2025).
12. Kharchenko O. V. Criminological investigation of crimes related to money laundering / O. V. Kharchenko // Journal of Legal and Economic Research. - 2022. – No. 1. – P. 26-38.
13. Skipper, A. A. Problematic issues of mutual administrative assistance between the customs authorities of the Russian Federation and the customs authorities of the EAEU Member states and ways to resolve them / A. A. Skipper, M. A. Vershkova, A. A. Naku // Customs business. – 2025. – № 3. – P. 7-12.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ CURRENT PROBLEMS OF PREVENTION OF NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY

АЛИМПИЕВ Сергей Александрович,

Уральский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

e-mail: Alimpuss@mail.ru

ФАЛЬКИНА Татьяна Юрьевна,

Уральский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент
620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62.

e-mail: f.t.u.81@mail.ru

ALIMPIEV Sergey Aleksandrovich,

Ural State University of Economics, Candidate of Law, Associate Professor
620000, Russia, Yekaterinburg, ul. 8 Marta, 62.

e-mail: Alimpuss@mail.ru

FALKINA Tatiana Yurievna,

Ural State University of Economics, Candidate of Law, Associate Professor
620000, Russia, Yekaterinburg, ul. 8 Marta, 62.

e-mail: f.t.u.81@mail.ru

Краткая аннотация: в статье автором исследуется серьезная проблема, которая продолжает вызывать серьезную тревогу в обществе – эта проблема эффективной и своевременной профилактики незаконного нарушения прав и законных интересов детей. Автор вспоминает основные международные документы, в которых упоминается о запрете всякого воздействия на ребенка, углубляется в национальное законодательство, регулирующее отношения в части предупреждения и профилактики домашнего насилия со стороны родителей или законных представителей. Кроме того, в статье исследуется современный государственный механизм, основная задача которого обеспечивать нормальные безопасные условия воспитания и пребывания каждого ребенка в семье, обсуждаются наиболее важные причины и условия, приводящие или могущие привести к негативным противоправным отклонениям в обществе. В результате всестороннего анализа высказываются некоторые предложения, способные изменить ситуацию и сделать атмосферу нахождения детей в семьях более благоприятной и менее опасной.

Abstract: in the article, the author examines a serious problem that continues to cause serious concern in society – the problem of effective and timely prevention of illegal violations of the rights and legitimate interests of children. The author recalls the main international documents, which mention the prohibition of any influence on the child, delves into the national legislation regulating relations regarding the prevention and prevention of domestic violence by parents or legal representatives. In addition, the article examines the modern state mechanism, the main task of which is to ensure normal safe conditions for the upbringing and stay of each child in the family, discusses the most important causes and conditions that lead or may lead to negative illegal deviations in society. As a result of a comprehensive analysis, some proposals are made that can change the situation and make the atmosphere of children in families more favorable and less dangerous.

Ключевые слова: семья, воспитание, обучение, угроза, насилие, предупреждение, органы профилактики, закон, ответственность, преступление, наркотики, ребенок, несовершеннолетний, родители, вред, здоровье, конфликт, детство, досуг, образование.

Keywords: family, upbringing, education, threat, violence, prevention, prevention authorities, law, responsibility, crime, drugs, child, minor, parents, harm, health, conflict, childhood, leisure, education.

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

На сегодняшний день, к сожалению, в Российской Федерации остаются по-прежнему актуальными вопросы правовой защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Напомним, что Конституция России наделяет государство обязательствами по поддержке института семьи, отцовства, материнства и детства. Соответственно, реализация прав детей, обеспечение безопасности несовершеннолетних, создание юридических гарантий, реализации прав ребенка, стимулирование развития личности несовершеннолетнего – являются задачами государственной политики, направленной на благополучие детей¹. Так, главой государства в Национальной стратегии действий в интересах детей, поставлена задача «обеспечения для всех детей безопасного и комфортного семейного окружения, в условиях которого соблюдаются права ребенка и исключены любые формы жестокого обращения с ним»². Кроме того, главой нашего государства поручено обеспечивать профилактику семейного неблагополучия, основанную на раннем выявлении, индивидуализированной и адекватной помощи семье, находящейся в трудной жизненной ситуации, оказываемой на межведомственной основе.

И здесь будет уместно обратиться к нормам международного права, содержащихся в различных нормативных правовых актах. Например, в Конвенции ООН «О правах ребенка», определено, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания. В другом же документе, сказано, что для профилактики опасного противоправного поведения несовершеннолетних следует уделять особое внимание политике предупреждения, способствующей успешной подготовке к жизни в обществе и интеграции всех детей, особенно через семью. При этом каждое общество должно придавать первостепенное значение

¹ Бондаренко О.А. Реализация конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат юридических наук. Челябинск 2012. С. 1.

² О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы: Указ Президента РФ 1 июня 2012 г. № 761.

потребностям и благополучию семьи и всех её членов, а государству нужно стремиться, что бы ребенок находился в условиях стабильной и благополучной семьи. Более того, семьям, нуждающимся в помощи для преодоления внутренней нестабильности или конфликтных ситуаций, должна предоставляться своевременно помощь. И вот для достижения указанных целей, снижения количества неблагополучных семей, жестокости и агрессивности в обществе в России создана разветвленная государственная система профилактики, о которой идет речь в законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹. Закон определяет профилактику правонарушений как реализация социально-экономических, идеологических, культурно-воспитательных и организационно-управленческих мер, с целью оперативного воздействия на причины, условия и факторы, которые приводят или могут привести к правонарушениям или иным негативным социальным проявлениям, снижению количества лиц, склонных к проявлениям жестокости, агрессии по отношению к ребенку.

Реализовать указанные меры призваны специально созданные органы, которые являются неотъемлемыми участниками профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. К числу элементов указанной системы отнесены в том числе органы управления социальной защиты населения и учреждения социального обслуживания. Такие органы функционируют на территории каждого из субъектов России, они могут иметь разные названия, но не зависимо от этого должностные лица этих органов должны непосредственно работать со многими семьями, имеющими несовершеннолетних детей. В контексте обозначенной выше проблемы важно помнить об особой значимости нормального существования семьи, как главного профилактического фактора, когда своевременное выявление даже зарождающихся признаков неблагополучия, ненадлежащего осуществления обязанностей по воспитанию и содержанию детей со стороны их законных представителей, должно быть постоянным предметом работы всех субъектов системы профилактики, с тем, чтобы имелась возможность оперативно отреагировать и «понудить» нерадивых родителей вернуться к благонамеренному образу жизни². Важно оперативно с первых шагов пресекать развитие идей насилия и жестокости в кругу семьи. Дети представляют собой одну из наиболее незащищенных категорий граждан, подверженных риску негативного воздействия со стороны взрослых, что в конечном итоге может привести к серьезным последствиям. Как показывает практика это могут быть различные нарушения психического становления ребенка, возникновении разнообразных форм девиаций, таких как зависимость от наркотиков или алкоголя, а также противоправное поведение. Подобная ситуация может привести к непоправимым результатам – сначала к асоциальному поведению в подростковом возрасте, а позже к совершению преступлений. Все это лишний раз подчеркивает важность и ценность системы профилактики, необходимость приоритетного внимания, направленной на работу с подростками, совершившими правонарушения, и их семьям³.

При этом очевидно, что причинный комплекс, приводящий к нарушению прав ребенка в каждой семье особенный, какие-то причины более сильно проявляют себя, другие менее заметны⁴. Однако на наш взгляд, должен быть реализован определенный алгоритм, комплекс профилактических мер, реализуемых не хаотично, а в определенной последовательности. Анализ закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» позволяет выстроить и предложить мероприятия в рамках ранней профилактики следующим образом:

Выявление семей с неблагополучными условиями воспитания и пребывания ребенка. Важно сказать, что на этом этапе важно наличие тесного взаимодействия различных социальных институтов и служб. Ключевую роль здесь играют образовательные учреждения, органы опеки и попечительства, медицинские организации, а также общественные объединения, между которыми налажена эффективная система обмена информацией в целях оперативного реагирования на сигналы о семейном неблагополучии. Второй этап должен быть связан с комплексным изучением причин и факторов, приведших к сложившейся ситуации в конкретной семье. Это могут быть социально-экономические проблемы, проблемы со здоровьем у членов семьи, конфликты между супругами или родителями и детьми, злоупотребление алкоголем или наркотиками и так далее. Для проведения диагностики в необходимых случаях целесообразно привлекать квалифицированных специалистов: социальных работников, психологов, педагогов, иных специалистов. После того, как причины неблагополучия выявлены, необходимо разработать и реализовать комплекс профилактических мероприятий, направленных на нормализацию микроклимата в семье. Эти мероприятия могут включать консультации психолога, помощь в трудоустройстве, организацию досуга для детей, обучение родителей навыкам эффективного воспитания и общения с детьми, медикаментозное лечение зависимостей и так далее. Важно, чтобы программа профилактических мероприятий была индивидуальной для каждой семьи и учитывала её специфические потребности. В этом состоит суть заключительного этапа в рамках ранней модели профилактики.

В заключении хотелось бы сказать, что деятельность, связанная с соблюдением гарантированных прав и интересов ребенка не перестает быть в центре внимания общества и государства. В этой связи разработка и внедрение комплексных программ, направленных на раннее выявление семей, находящихся в социально опасном положении должны продолжаться. Кроме того требуются дальнейшие усилия в рамках взаимодействия между различными ведомствами: органами опеки и попечительства, образования, здравоохранения, внутренних дел – для оперативного реагирования на случаи пренебрежения интересами детей или проявления всякой жестокости. Также, принципиально важным представляется повышение квалификации специалистов, работающих с несовершеннолетними и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Необходимо обеспечить их знаниями в области детской психологии, педагогики, права и социальной работы и навыками эффективного взаимодействия с детьми и родителями.

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ.

² Андрюченко Т. И. Актуальные вопросы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Форум. 2023. № 1 (30). С. 167.

³ Сарычева А. Р. Вопросы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Наука через призму времени. 2017. № 7 (7). С. 92.

⁴ Бакаев А. А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних: Учебное пособие. - М., 2016. С. 18.

Список литературы:

1. Бондаренко О.А. Реализация конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат юридических наук. Челябинск 2012. С. 1.
2. Андрющенко Т.И. Актуальные вопросы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Форум. 2023. № 1 (30). С. 166-169.
3. Сарычева А.Р. Вопросы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Наука через призму времени. 2017. № 7 (7). С. 90-94.
4. Бакаев А.А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних: Учебное пособие. - М., 2016. С. 140.
5. Ламонова М.А. Актуальные вопросы безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2025. № 3. С. 40-44.
6. Чешуина Н.А. Правовое обеспечение профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Актуальные исследования. 2024. № 10-2 (192). С. 67-69.
7. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы: Указ Президента РФ 1 июня 2012 г. № 761.
8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ.

References:

1. Bondarenko O.A. The realization of the constitutional rights and freedoms of the child in the Russian Federation. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. Chelyabinsk, 2012. p. 1.
2. Andryushchenko T.I. Current issues of prevention of neglect and delinquency among minors. Forum. 2023. No. 1 (30). pp. 166-169.
3. Sarycheva A.R. Issues of prevention of juvenile delinquency. Science through the prism of time. 2017. No. 7 (7). pp. 90-94.
4. Bakaev A.A. The system of prevention of juvenile delinquency: A textbook. - M., 2016. P. 140.
5. Lamonova M.A. Current issues of neglect and homelessness of minors. Scientific Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3. pp. 40-44.
6. Cheshuina N.A. Legal support for the prevention of neglect and homelessness of minors. Current research. 2024. No. 10-2 (192). pp. 67-69.
7. On the National Strategy of Action in the Interests of Children for 2012-2017: Decree of the President of the Russian Federation on June 1, 2012 No. 761.
8. On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ IMPROVING THE MECHANISM FOR PROTECTING CITIZENS RIGHTS AS A KEY AREA OF CONTEMPORARY CRIMINAL POLICY IN RUSSIA

ГРЕВЦОВ Олег Вальтерович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры транспортного права

Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А.Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, 38.

oleg-grevtsov@ya.ru;

GREVTSOV Oleg Valterovich,

candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the department of transport law

of the St. Petersburg state university of civil aviation named after Chief marshal of aviation A.A. Novikov.

38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.

oleg-grevtsov@ya.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения реализации и защиты прав граждан средствами уголовной политики. Анализируется эффективность защиты прав граждан в зависимости от конкретной модели уголовной политики, раскрываются основные направления совершенствования механизма обеспечения реализации и защиты прав граждан в современной России.

Abstract. This article examines the challenges of ensuring the realization and protection of citizens rights through criminal policy. It analyzes the effectiveness of protecting citizens rights depending on the specific criminal policy model and identifies key areas for improving the mechanism for ensuring the realization and protection of citizens rights in modern Russia.

Ключевые слова: уголовная политика, направления и модели уголовной политики, правоохранительный механизм, механизм обеспечения реализации и защиты прав граждан.

Keywords: criminal policy, criminal policy trends and models, law enforcement mechanism, mechanism for ensuring the realization and protection of citizens rights.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В контексте заявленной проблематики следует подчеркнуть, что в теории уголовного права современной России наметилась положительная тенденция к обобщению и анализу важнейших направлений уголовной политики¹. Автор статьи отмечает, что в работах отечественных юристов в последнее время рассматривается ряд моделей уголовной политики, касающихся важнейших направлений её функционирования и развития. Но, в основном, эти работы носят прогностический, а точнее гипотетический характер. Так, Ю. Е. Пермяков предлагает модели уголовной политики, именуемые им «внесудебный террор», «репрессивная модель» и «гуманистическая модель». Согласно его концепции, модели «внесудебного террора» и «репрессивная модель» характерны преимущественно для советской уголовной политики, хотя основы модели «внесудебного террора» заложены в эпоху Ивана Грозного введением такого феномена внесудебной расправы, как опричнина, и воспроизведённого И. В. Сталиным. Суть этих моделей заключается в отказе от принципа законности, от практики субъективного вменения, в наказании как легальном террористическом акте, в опоре на насилие, верховенстве политики по отношению к праву, в оценке правосудия как политического заказа государственной власти, криминализации деяний на основе политических и идеологических пристрастий, в отрицании возможности рассматривать личность преступника в качестве центральной фигуры в судебном разбирательстве. Что касается гуманистической модели уголовной политики. По мнению автора статьи это такая модель, в которой целью уголовной политики является духовное и социальное освобождение человека. Духовное освобождение - освобождение человека от «ложных форм сознания». Социальное освобождение - укрепление независимости человека².

Весьма интересны в контексте заявленной проблематики взгляды М.П. Клейменов. В своих работах он классифицирует модели уголовной политики на «войну», «борьбу», «компромисс», «сотрудничество»³. В его понимании «война» - это максимально жёсткая и непримиримая карательная политика с использованием всех возможных средств в интересах обеспечения контроля над преступностью, в том числе: вынесение заочных приговоров, объявление преступников вне закона, широкое применение смертной казни, сведение к минимуму процедуры назначения наказания, превентивное заключение, привлечение к участию в карательных акциях армейских подразделений и т. п. Эта модель, «характерная черта которой - произвол, апробирована многолетней практикой тоталитаризма как в нашей стране, так и за её пределами»⁴. В данном контексте сам термин «борьба» следует понимать как воздействие на преступность «законными средствами на определённой правовой основе», использование ограничений (принуждения) с соответствующим социологическим и юридическим обоснованием. А понятие «компромисс» предполагает достижение соглашений с преступниками, не охватывающее коррумпированность органов, осуществляющих уголовную политику. Понятие «сотрудничество» олицетворяет осуществление уголовно-политических функций государства представителями криминалитета. Эту модель автор оценивает в качестве «сугубо практической, поэтому признаки её оформления следует искать в реальной действительности»⁵.

¹ Конституция Российской Федерации. М., 2026; Кулапов В.Л., Сенягин И.Н. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. Саратов, 1999. С.95; Кудрявцев В.Н. Законность: содержание и современное состояние // Ежегодник российского права. 2000. С.17; Уголовное право. Особенная часть: Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранов, Д. А. Безбородов [и др.]. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. - 632 с. ISBN: 978-5-91837-015-5 EDN: QRUNFX; Петухов, Н. А., Шеншин, В.М. Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы / Н. А. Петухов, В.М. Шеншин // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. - М.: Академия управления МВД России, 2016. - С. 185-194.

² Пермяков Ю. Е. Введение в основы уголовной политики. Учебное пособие/ Отв. ред. С. А. Шейфер. - Самара: Изд. Самарского ун-та, 1993. С. 73-77; Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект//История государства и права, 2007. № 9.С.4-5; Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158

³ Клейменов М. П. Уголовно-правовое прогнозирование: Автореферат дисс. ... д. ю. н. - Екатеринбург, 1992. С. 23-24; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях//Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.104-110; Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации //В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 24.

Не анализируя в деталях указанные направления уголовной политики¹, следует выделить следующие их общие характерные особенности:

а) отрицание естественного, конкретно-исторического характера и понимания социального процесса, преступности, уголовной политики; б) эклектическое смешение реальных фактов, исторических событий, правовых явлений и норм разных эпох и периодов истории; в) отсутствие чётких критериев конструирования концептуальных моделей уголовной политики, выверенного понятийно-категориального аппарата, выражающего сущность выдвигаемых моделей уголовной политики; г) противоречивость основополагающих теоретических посылок, оценок и суждений; д) односторонность и тенденциозность в оценке исторического прошлого и национальных традиций уголовной политики России; е) недостаток научных фактов и аргументов в обоснование своей позиции². Изложенные позиции, несмотря на, казалось бы, внешние различия в предлагаемых моделях, сходны в их фактически произвольном построении. С одной стороны, эти модели не имеют чёткого (российского) адреса, конкретно-исторического периода развития России; адресованы различным странам. С другой стороны, они удивительно точны в адресате своих посылок в случаях, относящихся к советскому периоду России, сохраняя стабильно критический тон.

В своих работах Ю. Е. Пермяков, анализируя модель внесудебного террора, связывает её только с именами Ивана Грозного и И. В. Сталина. Причиной Ивана IV, «тройки», «особые совещания» и им подобные несудебные репрессивные органы времён культа личности И. В. Сталина, отрицавшие законность, применялись не только в России, их аналоги известны и в других странах, что признаёт и сам автор концепции. Вряд ли причина в принципе отличалась в правовых основаниях от инквизиции, маскировавшейся под религиозно-судебную личину и господствовавшей в западноевропейских странах более двух веков. И можно ли отрывать факты и процедуру таких расправ от конкретных исторических процессов, протекавших в те эпохи? Научно ли не видеть связи сущности, методов и способов уголовной политики того времени с экономикой, политикой и идеологией? Создаётся впечатление, что авторы не желают видеть различия в понятиях «политика» и «уголовная политика», ибо называют уголовной политикой сугубо политические формы борьбы. М. П. Клейменов говорит о политических силах, реализующих уголовную политику, не поясняя, что вне принадлежности к государству и к правовому регулированию уголовная политика как категория уголовного права не имеет смысла. Ю. Е. Пермяков не указывает, что конкретные модели уголовной политики обусловлены экономикой, политикой и идеологией государства, и что таковые будут сохраняться до тех пор, пока не будет изменён исторический тип государства, осуществляющего уголовную политику.

Таким образом, автор статьи констатирует, что направления уголовной политики многообразны, носят разноуровневый, иерархичный, системный характер в силу комплексности, сложности и структурности преступности и причин, её порождающих. Они обусловлены конкретно-историческими экономическими, социально-политическими, духовными процессами данного общества, его противоречиями. Одним из важнейших направлений этой политики, как показывают практика и опыт борьбы с преступностью разных стран, является совершенствование механизма обеспечения реализации и защиты прав граждан³.

С учётом федерального и локального опыта борьбы с преступностью на основе анализа научных разработок можно выделить следующие основные направления совершенствования указанного механизма в современной России:

- организационно-административные меры - создание и укрепление федеральных и региональных правоохранительных органов, органов и служб общественной безопасности, общественных органов и организаций охраны правопорядка и предупреждения преступности;
- расширение и активизация социализаторской, воспитательно-профилактической деятельности среди различных слоёв и групп населения с акцентом на профилактику правонарушений несовершеннолетних⁴;
- строительство и укрепление материальной базы правоохранительной деятельности, в том числе открытие специальных медико-педагогических школ для детей с недостатками психического развития, районных муниципальных центров досуга молодежи, молодёжных центров информационно-правовой и психолого-педагогической помощи⁵;
- трудоустройство незанятых слоёв и групп населения, особенно несовершеннолетних, в том числе путем стимулирования льгот государственным предприятиям и коммерческим структурам, выделяющим квоты рабочих мест для подростков по направлениям комиссий по делам несовершеннолетних;
- создание специальных городских служб социальной скорой помощи «Ребёнок в опасности», приютов кратковременного пребывания в них несовершеннолетних;
- оказание медико-психологической помощи путем создания подростковых наркологических служб, специальных общественных органов по проблемам борьбы с наркоманией, незаконным оборотом и контрабандой наркотиков; упорядочения реализации лекарственных и наркотических средств;
- ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в том числе путем создания центров социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с целью оказания им помощи в трудоустройстве получения жилья, регистрации, обучения новым специальностям;
- организация и реализация системы социализации, информации и морально-психологического воздействия на население, в том числе

¹ Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBVJC.

² Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107; Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве // Мир экономики и права. 2015. № 6. С. 83-87; Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-16; Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (окончание) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3(231). – С. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.

³ Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России // Мир юридической науки. 2013. № 12. С. 4-13; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика // Монография. Санкт-Петербург, 2011; Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С. 227-228; Новокшенов, Д. В. Объективная сторона преступления (начало) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE.

⁴ Чепурнова Н.М. Конституционные основы правосудия в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 1994. С. 19

⁵ Зорина, Е. А. Динамизм и стабильность уголовного закона / Е. А. Зорина, С. И. Вахмистрова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFHTM.

путем: организации широкой правовой пропаганды на федеральном и региональном уровнях; использования средств массовой информации; групповой и индивидуальной профилактической работы.

Таким образом, в завершении рассмотрения заявленной проблематики следует сделать вывод о том, что совершенствование механизма обеспечения реализации и защиты прав граждан осуществляется как единый системный процесс количественных и качественных изменений элементов данного механизма, обуславливающий возвышение уровня или меры их эффективности. Изменения объема, структуры, характера, формы и функций правоотношений, юридических норм, государственно-правовых институтов, средств, методов и гарантий, образующих механизм обеспечения реализации и защиты прав граждан, являются основой направлений функционирования и развития уголовной политики и достижения её целей в современной России¹.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. М., Юридическая литература, 2026
2. Клейменов М. П. Уголовно-правовое прогнозирование: Автореферат дисс. ... д. ю. н. - Екатеринбург, 1992. С. 23-24
3. Кулапов В.Л., Сенякин И.Н. Теория государства и права: Учебно-методическое пособие. Саратов. 1999. С.95
4. Кудрявцев В.Н. Законность: содержание и современное состояние // Ежегодник российского права. 2000. С.17
5. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2007. № 9. С.4-5
6. Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021
7. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158
8. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.104-110
9. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации // В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48
10. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107
11. Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве // Мир экономики и права. 2015. № 6. С. 83-87
12. Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165
13. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России // Мир юридической науки. 2013. № 12. С.4-13
14. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика // Монография. Санкт-Петербург, 2011
15. Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228
16. Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007
17. Лебедев В.М. Наше общее дело – обеспечить применения закона // Законность. 1996. №3. С.11
18. Пермяков Ю. Е. Введение в основы уголовной политики. Учебное пособие/ Отв. ред. С. А. Шейфер- Самара: Изд. Самарского ун-та, 1993. С. 73-77
19. Чепурнова Н.М. Конституционные основы правосудия в Российской Федерации. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов. 1994. С.19
20. Уголовное право. Особенная часть: Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. - 632 с. ISBN: 978-5-91837-015-5 EDN: QRUNFX.
21. Петухов, Н. А., Шеншин, В.М. Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы / Н. А. Петухов, В.М. Шеншин // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. - М.: Академия управления МВД России, 2016. - С. 185-194.
22. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
23. Новокшонов, Д. В. Объективная сторона преступления (начало) / Д. В. Новокшонов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Agrarian and land law. – 2024. – № 2(230). – С. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE.
24. Новокшонов, Д. В. Объективная сторона преступления (окончание) / Д. В. Новокшонов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Agrarian and land law. – 2024. – № 3(231). – С. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.
25. Зорина, Е. А. Динамизм и стабильность уголовного закона / Е. А. Зорина, С. И. Вахмистрова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFTMT.
26. Зорина, Е. А. Новый взгляд на институт освобождения от уголовной ответственности / Е. А. Зорина, Ю. И. Степанов, А. Б. Доильницын // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2019. – № 2(43). – С. 22-26. – EDN BUFZXL.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation. Moscow, Legal Literature, 2026
2. Kleimenov M. P. Criminal law forecasting: Abstract of dissertation, Doctor of Law, Yekaterinburg, 1992. pp. 23-24
3. Kulapov V.L., Senyakin I.N. Theory of the state and law: An educational and methodical manual. Saratov. 1999. P.95
4. Kudryavtsev V.N. Legality: content and current state // Yearbook of Russian Law. 2000. P.17
5. Kainov V.I. The Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of separation of powers: theoretical and legal aspect // History of the State and law. 2007. No. 9. P.4-5
6. Kainov V.I., Safarov R.A. Administrative law of foreign countries. Moscow, 2021
7. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Judicial control over the activities of executive authorities // Legal science: history and modernity. 2019. No. 5. pp.150-158
8. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. The essence and significance of procedural rules governing proceedings on administrative violations // Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. pp.104-110
9. Kainov V.I. Legal acts of the executive authorities of the Russian Federation // In the collection: Hospitable Petersburg-2018. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. 2018. pp. 39-48
10. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Issues of optimization of administrative and legal regulation of the provision of electronic public services // The world of politics and sociology. 2019. No. 7. pp. 97-107
11. Kainov V.I. Development of domestic legislation on administrative proceedings // The world of economics and law. 2015. No. 6. pp. 83-87
12. Kainov V.I., Kapustin A.A. The international aspect of administrative justice (a systematic approach) // The legal field of modern economics. 2015. No. 1. pp. 157-165
13. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some methodological problems of modern jurisprudence in Russia // The world of legal science. 2013. No.12. pp.4-13
14. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Institute of bank secrecy in the Russian Federation: history, theory and practice // monograph. St. Petersburg, 2011
15. Kainov V.I. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (28-2). 2005. pp.227-228
16. Kainov V.I. Administrative responsibility: an album of schemes-an educational and visual aid. Moscow, 2007
17. Lebedev V.M., Our common cause is to ensure the application of the law // Legality. 1996. No. 3. pp.11-
18. Permyakov Yu. E. Introduction to the fundamentals of criminal policy. Textbook/ Ed. by S. A. Shafer- Samara: Publishing House of Samara University, 1993. pp. 73-77
19. Chepurnova N.M. Constitutional foundations of justice in the Russian Federation. The abstract. diss. ...kand. jurid. sciences'. Saratov. 1994. pp.19
20. Criminal law. Special part: A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. - Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. - 632 p. ISBN: 978-5-91837-015-5 EDN: QRUNFX.
21. Petukhov, N. A., Shenshin, V.M. Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects / N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. - pp. 185-194.
22. Criminal the right. General part : textbook / A.V. Nikulenko, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.
23. Novokshonov, D. V. The objective side of the crime (the beginning) / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 2(230). – Pp. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE.
24. Novokshonov, D. V. The objective side of the crime (ending) / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 3(231). – Pp. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.
25. Zorina, E. A. Dynamism and stability of the criminal law / E. A. Zorina, S. I. Vakhmistrova // Right. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 1(66). – Pp. 80-86. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-80-86. – EDN QRFTMT.
26. Zorina, E. A. A new look at the institution of exemption from criminal liability / E. A. Zorina, Yu. I. Stepanov, A. B. Doilnitsyn // Right. Safety. Emergency situations. – 2019. – № 2(43). – Pp. 22-26. – EDN BUFZXL.

¹ Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007; Лебедев В.М. Наше общее дело – обеспечить применения закона // Законность. 1996. №3. С.11

ГЕНЕЗИС СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ НЕРАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ THE GENESIS OF THE SYSTEM OF GUARANTEES OF NON-DISCLOSURE OF PRE-TRIAL DATA IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

ЧЕКМЕНЕВА Татьяна Владимировна,

адъюнкт факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров)
Ордена Трудового Красного Знамени Академии управления МВД России.
Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
e-mail: neco_96@inbox.ru

CHEKMENEVA Tatiana Vladimirovna,

Adjunct of the 3rd Faculty (Training of Scientific and Pedagogical Personnel)
Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Interior Ministry of the Russian Federation.
8 Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh Street, Moscow.
e-mail: neco_96@inbox.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию развития системы гарантий неразглашения данных досудебного производства в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Анализируются исторические этапы формирования правовых норм, регулирующих конфиденциальность предварительного расследования, преимущественно от инквизиционных порядков до современных форм, базирующихся на стандартах законности и уважения прав личности. В работе комплексно рассматриваются нормативно-правовые акты Российской Федерации, вследствие чего уясняются причины и закономерности смещения столь важного баланса публичных и частных интересов «тайны следствия» в ту или иную сторону, проявление их соотношения в правовых предписаниях.

Abstract. This article is devoted to the study of the development of the system of guarantees of non-disclosure of pre-trial data in the Russian criminal procedure legislation. The historical stages of the formation of legal norms governing the confidentiality of preliminary investigations are analyzed, mainly from inquisitorial procedures to modern forms based on standards of legality and respect for individual rights. The work comprehensively examines the normative legal acts of the Russian Federation, as a result of which the causes and patterns of shifting such an important balance of public and private interests of the "secrets of the investigation" in one direction or another, and the manifestation of their relationship in legal regulations, are clarified.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные гарантии; гарантии прав личности; гарантии «правосудия»; неразглашение данных; обеспечение и реализация прав участников; уголовно-процессуальная политика; история уголовного судопроизводства.

Keywords: criminal procedure guarantees; guarantees of individual rights; guarantees of «justice»; non-disclosure of data; ensuring and exercising the rights of participants; criminal procedure policy; history of criminal proceedings.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Неразглашение данных досудебного производства является обязательным требованием в обеспечении эффективности уголовного судопроизводства, защиты прав и законных интересов его участников. Разграничение между «тайной следствия» как общим условием и «гарантиями неразглашения» как конкретными механизмами его обеспечения имеет принципиальное значение.

Генезис системы гарантий неразглашения данных досудебного производства демонстрирует сложный путь развития от преимущественно ведомственной тайны к комплексной системе, призванной защищать как интересы расследования (т.е. публичные интересы государства), так и фундаментальные права личности. Цель статьи – проанализировать историко-правовой аспект формирования гарантий неразглашения данных досудебного производства в российском законодательстве, сравнительные характеристики рассматриваемого нами правового института и его современное состояние. Изучение нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, позволяет выявить общие закономерности и национальные особенности правового регулирования. Заметим, что наша задача в данном случае видится не в выделении собственно временных отрезков в связи с определенными событиями истории России – это было неоднократно реализовано в большинстве научных работ в сфере уголовного процесса – а именно в уяснении причин смещения столь важного баланса публичных и частных интересов «тайны следствия» в ту или иную сторону и проявлении их соотношения в правовых предписаниях. Исследование базируется на методологии историко-правового анализа.

Историческое развитие российского уголовно-процессуального законодательства демонстрирует трансформацию подходов к конфиденциальности досудебного производства. Обращаясь к проблематике неразглашения данных досудебного производства в историческом аспекте отечественного уголовно-процессуального законодательства, подчеркнем, что исследуемый институт прошел значительный путь развития, подвергшись ряду преобразований и эволюционируя на разных этапах становления российского судопроизводства. Согласно точке зрения Е.С. Кузьменко и А.С. Борисова, гласность судопроизводства есть противоположность института неразглашения данных предварительного расследования, баланс которых рождается в их единстве и борьбе [6, с. 44].

Формализацию открытого характера судебного процесса нельзя не отметить в одном из старейших памятников писанного права нашего Отечества, известном как «Русская Правда», 1020 г.¹ Анализируя нормы древнерусского источника права, из самой природы процессуальных

¹ Русская правда XI-XIII века. URL: museumreforms.ru/node/13621 (дата обращения: 02.12.2025).

институтов, описанных в тексте, становится очевидным, что судопроизводство того времени было публичным и гласным, основанным на состязательности и непосредственном участии сторон и общины, несмотря на отсутствие прямого законодательного предписания. Например, в ст. 34 Пространной правды (Правды Русской) говорится о том, что: «Если у кого пропадет конь, оружие или одежда и он объявит о том на торгу (т.е. публично), а после опознает пропажу в своем городе, то взять ему свое наличием, а за ущерб платить ему 3 гривны»¹. Однако, хотим отметить, что ряд авторов допускают наличие элементов «тайны» в рассматриваемый нами период, предполагая, что в ходе предъявления обвинения его сущность скрывалась или не доводилась до «обвиняемого» [7, с. 39]. Такой вывод является спорным, считают Е.С. Кузьменко и А.С. Борисов, ввиду отсутствия форм уголовного судопроизводства и строгого нормативного закрепления следственных и процессуальных действий в древнерусских источниках [6, с. 44].

Дальнейшее исследование исторической ретроспективы отечественного уголовно-процессуального законодательства неизбежно приводит к рассмотрению свода законов Русского царства, утвержденного в 1649 году и вошедшего в историю под наименованием «Соборное уложение»². Несмотря на иные правовые акты, принятые до Соборного уложения (Судебник [11], утвержденный в 1497 году, и Судебник [10] 1550 года), именно этот документ функционировал непрерывно на протяжении почти двух столетий, выполняя ключевую роль основного правового регулятора общественных отношений. Именно в этот период ввиду укрепления государственной власти в России наблюдается постепенное вытеснение открытого (обвинительного) типа уголовного судопроизводства закрытым (розыскным) процессом, обретавшим приоритетное положение в развитии законодательства. Так, например, ст. 7 Главы X Соборного уложения демонстрирует начало реализации розыскных начал уголовного процесса (для того исторического периода), а именно путем производства следственных действий, в нашем понимании, таких как очная ставка («...ставити с очей на очи...»), используя все доступные методы допроса и сбора доказательств («...и роспращивати и сыскивати про посул всякими сыски накрепко...»)³.

Уголовное судопроизводство России при разработке Воинского устава 1716 года⁴ в эпоху правления Петра I несет кардинальные преобразования. Ввиду заимствования элементов из немецких уголовных источников рассматриваемому законодательному акту становится присущ следственный (розыскной) или инквизиционный тип процесса. Процедура расследования приобретает конфиденциальный и документарный характер путем закрытого и канцеляризованного способа рассмотрения уголовных дел. В своих исследованиях А.Ф. Кони указывал на то, что: «Судья допытывается правды и считает за нее то, что слышит от обвиняемого во время пыток. Этого нельзя делать всенародно – и суд уходит в подземелье, в застенки. Отсюда – отсутствие бесполезной защиты, безгласность, письменность и канцелярская тайна» [4, с. 319].

Несмотря на сложившееся в науке уголовного процесса мнение об преимущественно розыском (инквизиционном) типе уголовного судопроизводства в России в рассматриваемый нами период (до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав)), ввиду его фрагментарного исследования, согласиться с этим весьма сложно. «Краткая характеристика периода, предшествующая Великой судебной реформе 1864 года, зачастую сводится к набору нескольких расхожих негативных штампов, в первую очередь штампов об инквизиционной форме судопроизводства, попрании прав личности, о приоритетности теории формальных доказательств» [8, с. 443], считает профессор С.Б. Россинский, с мнением которого мы солидарны. Государственная деятельность того периода хоть и была сакральной, недоступной для общества, но тем ни менее включала в себя принципы, правила и нормы, которые защищали права личности и устанавливали пределы «тайны следствия и правосудия». Примером служит состоящий из 15 томов принятый в 1832 году Свод законов Российской империи. Последний, 15-ый том, именуемый как Свод законов уголовных, содержал в себе положения уголовного и уголовно-процессуального права. По мнению профессора С.Б. Россинского, «писанные» (принцип формальной оценки доказательств) и «неписанные» (законности, публичности, сочетание письменных и устных форм взаимодействия, языка уголовного судопроизводства) принципы уголовного судопроизводства в так называемой « николаевской » России выполняли роль своеобразных « фундаментальных блоков », а в совокупности – цельного правового фундамента для построения « рабочей » системы уголовного судопроизводства Российской империи, обуславливали его форму и содержание, отражали степень правовой защищенности обвиняемых и других вовлекаемых в уголовные дела субъектов [8, с. 444].

Однако, обвиняемый, вследствие проводимой уголовно-процессуальной политики того времени, был лишен ряда прав, направленных на его защиту, ввиду чего был достаточно бесправным объектом в системе отношений государство-личность. Несмотря на имеющиеся правовые положения в Своде законов уголовных, предоставляющие обвиняемым как на досудебных, так и судебных стадиях уголовного судопроизводства в современном толковании «реализовать свои права», (например, «во время предварительного следствия предоставлять обвиняемому все, что может служить к его оправданию», или «судам предписывалось обеспечивать подсудимых всеми возможными средствами к оправданию»), уголовно-процессуальное производство того времени преимущественно содержало в себе инквизиционные «способы и методы» расследования, хоть и не «в чистом виде».

Важной вехой на пути развития законотворчества в нашем государстве явились судебная реформа и введение Устава 1864 года⁵. Устав, хотя и провозглашал принципы гласности и состязательности для судебного разбирательства, тайну предварительного следствия он все же сохранял. Гарантии неразглашения данных предварительного расследования в рассматриваемый период были ориентированы преимущественно на обеспечение эффективности расследования, а не на защиту прав частных лиц от публичной огласки. Центральными постулатами судебной реформы стали прозрачность судебного разбирательства, предоставление подсудимому возможности ознакомиться с доказательства-

¹ Там же.

² Соборное Уложение 1649 года. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 29.11.2025).

³ Соборное Уложение 1649 года. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 04.12.2025).

⁴ Устав воинский. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm> (дата обращения: 05.12.2025).

⁵ Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 29.09.2025).

ми, представленными обвинителем.

Глава 2 раздел 2 книги 2 Устава¹ имела название «Об условиях производства предварительного следствия». Изначально в процессе обсуждения данной главы выдвигалась инициатива распространения принципа гласности, применяемого в судебном производстве, на стадию предварительного следствия. Тем не менее, данное предложение было отклонено ввиду ряда обоснованных аргументов. «Гласность не всегда и не везде применима. Закрытие дверей не может не быть предоставлено усмотрению судебного следователя, т.е., не может не зависеть от его благонамеренности» [2, с. 152]. Вместе с тем, ст. 7 Устава впервые установила норму, сходную с теми правилами, которыми пользуются и нынешние специалисты при определении режима судебного заседания – открыто оно будет проходить или закрыто. Она предусматривала, что «заседания, кроме случаев, указанных в Законе, происходят публично»².

В своем исследовании Е.В. Блинова приходит к выводу о том, что «дореволюционный период следует охарактеризовать как исторический период, в процессе которого происходило формирование общих условий предварительного расследования в целом, так и правил о недопустимости разглашения данных досудебного производства» [1, с. 18]. Действительно, с таким выводом Е.В. Блиновой сложно не согласиться. Именно в этот период, особенно после судебной реформы 1864 года и принятия Устава, происходит институционализация предварительного следствия как самостоятельной стадии процесса. В тот период основной акцент в регулировании неразглашения данных досудебного производства был сделан на обеспечение эффективности самого расследования, предотвращение уничтожения доказательств и оказания давления на участников. Защита же личных прав граждан, таких как презумпция невиновности или неприкосновенность частной жизни, хотя и присутствовала неявно, все же не являлась доминирующей целью и не находила столь подробного законодательного закрепления, как в современном праве.

Принятие Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РСФСР 1922 года³ было прямым следствием глубоких потрясений, вызванных революционными событиями в России. Разрушение старой правовой системы потребовало от новой власти, установившей диктатуру пролетариата, создания кодифицированного уголовно-процессуального инструментария, соответствующего ее классовым и идеологическим задачам. Впервые в 9 главе УПК РСФСР 1922 года закрепил специальную норму, устанавливающую ограничения на публичное распространение сведений, полученных в результате предварительного следствия. Закон позволял обнародовать такую информацию исключительно в объеме, сочтенном целесообразным самим следователем (ст. 118). Впоследствии уголовно-процессуальные акты, принятые в 1923⁴ и 1960⁵ годах, продолжали придерживаться аналогичной концепции, прямо запрещая преждевременное раскрытие материалов предварительного следствия третьим лицам. Норма, регулирующая гласность, в понимании советского законодательства, касалась исключительно открытых судебных разбирательств, тогда как стадия предварительного следствия оставалась закрытой для широкой общественности. Исследуя данную проблему, профессор М.С. Строгович отмечал, что, несмотря на непрозрачность предварительного следствия, собранные доказательства подвергаются обязательной публичной проверке в ходе дальнейшего судебного разбирательства [9, с. 126].

Вместе с тем, следует отметить, что УПК РСФСР 1960 года⁶ содержал в себе ст. 139 (аналог современной статьи 161 УПК РФ). Распространение сведений, полученных в ходе предварительного расследования, разрешалось исключительно с согласия следователя либо прокурора и лишь в таком объеме, который не мог бы воспрепятствовать ходу расследования или нарушить охраняемые законом права граждан. Ответственность за неправомерное распространение указанных данных предусматривалась специальной нормой – ст. 184 Уголовного кодекса РСФСР, вступившего в силу в 1960 году⁷. Однако, в рассматриваемом вопросе, акцент делался на защите государственных интересов и интересов следствия, а не на индивидуальных правах участников процесса. Контроль за соблюдением конфиденциальности осуществлялся преимущественно через дисциплинарную ответственность должностных лиц и прокурорский надзор. Помимо прочего, заметим, что в указанной выше норме (ст. 139 УПК РСФСР 1960 года) был сформирован список субъектов, обязанных давать подписку о сохранении в тайне полученной информации, причем среди них отдельно выделены «другие лица, присутствующие при производстве следственных действий». Современное же регулирование предусматривает предупреждение об уголовной ответственности исключительно тех лиц, которые имеют статус участников уголовного процесса, наделенных соответствующими правами и обязанностями. Профессор В.Н. Кудрявцев подчеркивал, что УПК РСФСР: «обязывал следователя и дознавателя в необходимых случаях предупреждать о недопустимости разглашения полученных сведений не только участников процесса, но и иных лиц, о ходе следствия осведомленных» [3, с. 729]. На наш взгляд, в этой части редакция нормы УПК РСФСР 1960 года представляется более приемлемой.

Принятие УПК РФ в 2001 году открыло новую фазу в совершенствовании механизмов неразглашения данных. Ключевой нормой, регулирующей указанную сферу правоотношений, стала ст. 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования»⁸. Первоначальная редакция ст. 161 УПК РФ продолжала традиции советских правовых актов, устанавливая аналогичный запрет на передачу данных предварительного расследования третьим лицам. Исключение из общего правила составляло получение специального разрешения от представителей прокуратуры, следователя или дознавателя, которые сами определяли объем информации, доступной для определенного круга лиц.

Со временем рассматриваемая нами статья многократно дополнялась и корректировалась в ходе последующих модернизаций зако-

¹ Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 29.09.2025).

² Там же.

³ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР): Постановление ВЦИК от 25.05.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

⁴ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР): Постановление ВЦИК от 15.02.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.

⁷ Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР): Закон РСФСР от 27.10.1960 // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 497.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

нодательства. Дополнительно Федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ¹ внес существенное дополнение в ст. 144 УПК РФ, введя положение, согласно которому участники проверок сообщений о совершении преступлений обязаны соблюдать режим неразглашения данных, относящихся к досудебному производству. Обновления, произведенные Федеральным законом от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ², установили исчерпывающий перечень сведений, которые не подпадают под установленный запрет на публичное распространение, легализуя тем самым расширение границ информационной открытости в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на усовершенствования положений настоящей статьи, пределы доступности информации, полученной в ходе досудебного производства, остаются предметом оживленных дискуссий среди юристов-практиков и теоретиков. До сих пор не урегулированы вопросы круга властных участников уголовно-процессуальных отношений, которые призваны обеспечивать неразглашение данных на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Четко не определен и круг участников, в отношении которых могут применяться правовые средства, обеспечивающие «тайну следствия». Не урегулированы сроки предупреждения субъектов уголовно-процессуальных отношений о неразглашении данных досудебного производства, не определена форма соответствующих процессуальных документов. Процессуальный порядок и оформление решения следователя (дознателя) о разрешении распространения сведений, содержащихся в материалах проверки сообщения о преступлении и в уголовном деле, в том числе в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или иным публичным способом, в УПК РФ отсутствует. Кроме того, приходится констатировать, что ряд норм ст. 161 УПК РФ носят достаточно противоречивый характер. Такими, например, видятся положения, исключающие из «тайны следствия» сведения о нарушении закона органами государственной власти и их должностными лицами. В прямой постановке вопроса это положение означает, что, например, все данные расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности могут быть разглашены без дополнительных условий [5, с. 77].

Таким образом, несмотря на смену эпох и действующих в них парадигм (за исключением периода действия «Русской Правды»), необходимость сохранения института неразглашения данных досудебного производства остается неизменной и признается законодателем как необходимый и эффективный элемент. Историческое развитие рассматриваемого института свидетельствует о необходимости его сохранения, поскольку является важной гарантией достижения назначения уголовного судопроизводства. Наша задача заключается в определении точных пределов необходимости и достаточности данного ограничения. Необходимо провести четкую грань, в каких случаях ограничение доступа к правосудию является объективно необходимым для достижения истинных целей уголовного судопроизводства, а в каких оно становится избыточным, представляя собой пережиток инквизиционных правоотношений. При совершенствовании правовых механизмов обеспечения оптимального баланса между открытостью (транспарентностью) и «тайной следствия» следует учитывать, что излишняя закрытость ведет к злоупотреблениям и подрыву доверия к правосудию, тогда как чрезмерная открытость может скомпрометировать публичные интересы и нарушить права участников процесса. Перспективным направлением совершенствования уголовно-процессуального института, регулирующего требования к неразглашению данных предварительного расследования, на наш взгляд является законодательно закреплённая дифференциация категорий данных досудебного производства, основанием которой будет являться возможность их публичного распространения.

Список литературы:

1. Блинова Е.В. Обеспечение неразглашения данных досудебного производства в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 31 с.
2. Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. М.: Юрист, 1999. 304 с.
3. Комментарий к УК РФ / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. 824 с.
4. Кони А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России: Собр. соч. М., 1967. 729 с.
5. Красильников А.В. К вопросу об уголовно-процессуальных гарантиях неразглашения данных досудебного производства / А.В. Красильников, Т.В. Магомедова // Академическая мысль. 2025. № 1(30). С. 75-78.
6. Кузьменко Е.С. Ретроспективный обзор преобразования институтов гласности и тайны в процессе развития отечественного уголовного судопроизводства / Е.С. Кузьменко, А.С. Борисов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-3. С. 43-49.
7. Пшатов А.В. Исторические предпосылки возникновения и развития принципа гласности уголовного судопроизводства в России (досоветский период) / А.В. Пшатов // Уголовное судопроизводство. 2009. № 3. С. 39-41.
8. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная политика Российской империи в середине XIX века: принципы уголовного судопроизводства / С.Б. Россинский // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19 № 4. С. 440-448.
9. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946. 261 с.
10. Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1768. 101 с.
11. Юшков, С. В. Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника). Саратов: издание Правления Саратовского университета, 1926. 46 с.

References:

1. Blinova E.V. Ensuring non-disclosure of data of pre-trial proceedings in criminal proceedings: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. nauk. M., 2020. 31 p.
2. Gromov N.A. The criminal process of Russia: Textbook. Moscow: Jurist, 1999. 304 p.
3. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / Edited by A.V. Naumov, Moscow, 1996. 824 p.
4. Koni A.F. The history of the development of criminal procedure legislation in Russia: Collected works, Moscow, 1967. 729 p.
5. Krasilnikov A.V. On the issue of criminal procedural guarantees of non-disclosure of pre-trial data / A.V. Krasilnikov, T.V. Magomedova // Academic thought. 2025. No. 1(30). pp. 75-78.
6. Kuzmenko E.S. A retrospective review of the transformation of institutions of transparency and secrecy in the development of domestic criminal justice / E.S. Kuzmenko, A.S. Borisov // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2016. No. 1-3. pp. 43-49.
7. Pshatov A.V. Historical prerequisites for the emergence and development of the principle of transparency of criminal proceedings in Russia (pre-Soviet period) / A.V. Pshatov // Criminal proceedings. 2009. No. 3. pp. 39-41.
8. Rossinsky S.B. Criminal procedure policy of the Russian Empire in the middle of the 19th century: principles of criminal procedure / S.B. Rossinsky // All-Russian Journal of Criminology. 2025. Vol. 19. No. 4. pp. 440-448.
9. Strogovich M.S. Criminal process. M., 1946. 261 C.
10. The judicial code of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich, laws from the Justinian books, additional decrees to the judicial code and the customs regulations of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. In St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences, 1768. 101 p.
11. Yushkov, S. V. The Judicial Code of 1497: (on the external history of the monument). Saratov: Publishing House of the Saratov University Board, 1926. 46 p.

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. № 48.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Российская газета. 2017. № 83.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ СФЕРЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО ON THE ISSUE OF THE VALUE-NORMATIVE SPHERE OF THE CONVICT'S PERSONALITY

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
подполковник внутренней службы, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

SAMOILOVA Anastasia A.,

Candidate of Law, Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Major of Internal Service, Russian Federation, Moscow,
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются особенности ценностно-нормативной сферы или подструктуры личности осужденного как одного из компонентов, осуществляющего правовую и социальную регуляцию поведения осужденного под воздействием среды. В работе анализируются ценностные ориентации осужденных, которые определяют и направляют их интересы в определенные сферы жизнедеятельности, направляют в выборе целей и средств. В структуре ценностно-нормативных ориентаций осужденных, авторы выделяют процесс усвоения правовых норм, включающий в себя несколько аспектов, таких как познавательный, оценочный, мотивационный, поведенческий. В процессе проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что одним из серьезных искажений в ценностно-мотивационной структуре личности осужденных является отклонение от сферы соблюдения правовых норм и социальных ценностей. При этом система социальных отклонений от правовых предписаний поведения у отдельных осужденных может характеризоваться значительной устойчивостью, а также проникать в различные сферы правовых отношений.

Abstract. The article examines the features of the value-normative sphere or substructure of the convict's personality as one of the components that carry out legal and social regulation of the convict's behavior under the influence of the environment. The work analyzes the value orientations of convicts, which determine and direct their interests in certain areas of life, guide them in choosing goals and means. In the structure of the value-normative orientations of convicts, the authors identify the process of assimilation of legal norms, which includes several aspects, such as cognitive, evaluative, motivational, behavioral. In the course of the conducted research, the authors come to the conclusion that one of the serious distortions in the value-motivational structure of the convicts' personality is a deviation from the sphere of observance of legal norms and social values. At the same time, the system of social deviations from the legal prescriptions of behavior in individual convicts can be characterized by significant stability, as well as penetrate into various spheres of legal relations.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, лишение свободы, осужденные, личность, право, социум, ценности, ориентации, поведение, мотивация.

Key words: penal enforcement system, correctional institutions, imprisonment, convicts, personality, law, society, values, orientations, behavior, motivation.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Проведенные ранее исследования свидетельствуют о том, что одной из значимых задач, необходимых для глубокого осмысления особенностей личности осужденного, выступает изучение его ценностно-нормативной сферы. Совершаемые преступниками противоправные деяния часто демонстрируют нам степень конфликтности правонарушителей с законом, правовыми предписаниями, а также пренебрежение к социальным установлениям и правовым запретам.

Психологический анализ рассматриваемого конфликта позволяет нам выявить специфику отношений преступника к нормам права, уточнить источник развития такого отношения и наметить меры, необходимые для переориентации к правовому перевоспитанию осужденного. При этом следует учитывать, что ценностно-нормативные компоненты личности осужденного образуют важнейшие характеристики, без которых невозможно полностью понять истоки противоправного поведения и степень криминальной зараженности осужденного. По мнению С.В. Петрова, анализ системы ценностей способствует пониманию особенностей характера человека, шаблонов его поведения, способов эффективного взаимодействия. При этом он справедливо отмечает, что благодаря наличию необходимых знаний о системе ценностей осужденных, сотрудникам уголовно-исполнительной системы будет проще найти общий язык с ними, спланировать дальнейшую работу, определить возможные перспективы исправления осужденных [5, с. 279].

Процесс восприятия и усвоения правовых и социальных норм, правил поведения, отношения к себе и к другим гражданам в случае неадекватного или асоциального поведения имеет серьезные недостатки и искажения. Как известно, воспитание личности в целом направлено на формирование ценностей, которые значимы и имеют личностный смысл, а также соответствуют ценностям, принятым в обществе. Недостатки

в воспитании и организации позитивных социальных влияний на правонарушителя проецируются в его ценностно-мотивационную сферу. В конечном счете, у лиц с отклоняющимся поведением обнаруживаются свои особые нормативные ценности, правила и эталоны поведения. При этом Э.В. Зауторова достаточно аргументировано указывает, что ценностно-смысловая сфера обуславливает процесс саморегуляции человека, основанный на системе ценностей, значимых отношений, сформировавшихся в ходе жизненного пути, и позволяет адаптироваться к новым условиям существования, то есть придает устойчивость поведению индивида [1, с. 607].

Рассматривая своеобразие процесса усвоения правовых норм следует отметить, что данное обстоятельство приобретает свой смысл в связи с тем, что любое противоправное деяние представляет собой нарушение, поскольку посягает на нормы и правила поведения, установленные законодательством. Усвоение правовых ценностей и норм поведения происходит в тесном единстве с общим процессом социализации, причем частично оно осуществляется стихийно, а частично носит целенаправленный характер, например, в воспитательной работе образовательных учреждений. Исследователи справедливо отмечают, что ценностные ориентации определяют и направляют интересы человека в определенные сферы жизни и деятельности, управляют процессом целеполагания, ориентируют в выборе целей и средств, определяют «границы действия» и жизненную перспективу; задают вектор развития личности, являясь внутренним его источником и механизмом [3, с. 157].

По нашему мнению, процесс усвоения правовых норм осужденными включает в себя несколько аспектов:

- познавательный, включающий в себя знание норм и понимание их значения;
- оценочный, обеспечивающий оценку данных норм как объективных и справедливых;
- мотивационный, ведущий к признанию норм, обязывающих индивида к соответствующему поведению;
- поведенческий, обеспечивающий способность индивида следовать предписаниям различных норм.

При проведении анализа результатов усвоения социальных норм законопослушными гражданами и лицами, совершающими противоправные деяния, обнаруживается существенное различие в степени восприятия этих норм, а также в признании их справедливыми. Данное обстоятельство подтверждено многочисленными исследованиями, в которых, в первую очередь, отмечается массовый характер внутренней солидарности граждан с подавляющим большинством принятых правовых норм и практикой их применения. При этом изучение мотивации правомерного поведения также подтверждает, что ведущими стимулами граждан являются согласие, одобрение, поддержка установленных правил поведения и стойкая привычка их соблюдения и выполнения.

Абсолютно противоположная картина наблюдается при исследовании правосознания различных категорий преступников, осужденных за совершение преступлений к различным срокам лишения свободы. Для данной категории лиц характерно внутреннее непринятие правовых и социальных ценностей, поскольку они проявляют негативное или отчужденное отношение к отдельным элементам правовой системы, а у осужденных повторно совершивших преступления проявляется целенаправленная противоправная ориентация. Следует согласиться с выводом А.А. Истомина, который обоснованно указывает, что система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы находится в тесной и закономерной взаимосвязи с криминологическими характеристиками личности, такими как криминальная направленность, степень общественной опасности и рецидив преступлений, что необходимо учитывать при осуществлении психологической и воспитательной работы с лицами данной категории [2, с. 127].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что одним из серьезных искажений в ценностно-мотивационной структуре личности осужденных является отклонение от сферы соблюдения правовых норм и социальных ценностей. Система этих отклонений может быть различной. При этом система социальных отклонений от правовых предписаний поведения у отдельных осужденных может характеризоваться значительной устойчивостью, а также проникать не только в сферу уголовно-правовых и уголовно-исполнительных отношений, но и в иные правовые сферы.

Отметим, что в организации воспитательной работы с осужденными важнейшими задачами выступают переориентация правовых ценностей осужденного, демонстрация ему целесообразности и необходимости соблюдения правовых норм, а также формирование внутреннего согласия осужденного с содержанием правовых предписаний. Очень важным моментом в данной работе становится перемещение положений данных норм в личностные программы осужденного, прежде всего, путем формирования их понимания в целях личностного осмысления и принятия. Представляется, что данная деятельность у сотрудников исправительных учреждений, исполняющих уголовные наказания, должна составлять одну из важнейших частей в воспитательной работе с осужденными.

Список литературы:

1. Зауторова Э.В. Изучение ценностно-смысловой сферы ВИЧ-инфицированных осужденных. Человек: преступление и наказание. 2024. № 4. С. 603-616.
2. Истомин А.А. Ценностные ориентации осужденных в контексте уголовно-правовой характеристики личности. Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 119-128.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва: Смысл, 1999. - 487 с.
4. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание : учеб.-метод. пособие. М.: НИИ ФСИН России, 2006. - 220 с.
5. Петров С.В. Особенности ценностно-потребностной сферы личности осужденных. Аграрное и земельное право. 2024. № 11. С. 279-280.
6. Русаков С.В. Психологические особенности жизненных планов осужденных. Прикладная юридическая психология. 2023. № 1. С. 71-76.

References:

1. Zautorova E.V. The study of the value-semantic sphere of HIV-infected convicts. Man: crime and punishment. 2024. No. 4. pp. 603-616.
2. Istomin A.A. Value orientations of convicts in the context of criminal-legal personality characteristics. Applied legal psychology. 2010. No. 4. pp. 119-128.
3. Leontiev D.A. Psychology of meaning. The nature, structure and dynamics of semantic reality. Moscow: Smysl, 1999. - 487 p.
4. Mokretsov A.I., Novikov V.V. Personality of the convicted person: social and psychological work with various categories of persons serving sentences : studies.- the method. the manual. Moscow: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2006. 220 p.
5. Petrov S.V. Features of the value-need sphere of the personality of convicts. Agrarian and land law. 2024. No. 11. pp. 279-280.
6. Rusakov S.V. Psychological features of convicts' life plans. Applied legal psychology. 2023. No. 1. pp. 71-76.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF LEGISLATIVE ACTIVITIES

БУРНАЦЕВА Залина Мурзабековна,

кандидат педагогических наук, доцент ЧОУ ВО Владикавказский институт управления,
362025, Россия, Республика Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ, улица Бородинская, д. 14
E-mail: zalina.law@yandex.ru

АБИРОВА Амина Алимовна,

студентка ЧОУ ВО Владикавказский институт управления
362025, Республика Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ, улица Бородинская, д. 14
E-mail: viu-online@mail.ru

BURNATSEVA Zalina Murzabekovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Vladikavkaz Institute of Management,
14 Borodinskaya Street, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, 362025
E-mail: zalina.law@yandex.ru

ABIROVA Amina Alimovna,

student of Vladikavkaz Institute of Management,
14 Borodinskaya Street, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, 362025
E-mail: viu-online@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются духовно-нравственные принципы, лежащие в основе законодательной деятельности. Анализируется роль духовных ценностей, моральных идеалов и этических установок в формировании законодательной политики, разработке правовых норм и обеспечении легитимности закона. Особое внимание уделено российскому правовому контексту, традициям православного этического сознания, гуманистическим ценностям Конституции РФ, а также проблемам морального содержания правотворчества в условиях современного плюрализма. Показано, что без нравственного измерения законодательство рискует утратить общественное доверие и превратиться в инструмент формального управления.

Abstract: The article examines the spiritual and moral principles underlying legislative activity. It analyzes the role of spiritual values, moral ideals, and ethical attitudes in shaping legislative policies, developing legal norms, and ensuring the legitimacy of the law. Special attention is given to the Russian legal context, the traditions of Orthodox ethical consciousness, the humanistic values of the Russian Constitution, and the challenges of moral content in lawmaking in a pluralistic society. The article demonstrates that without a moral dimension, legislation risks losing public trust and becoming a tool for formal governance.

Ключевые слова: духовно-нравственные основы, законодательная деятельность, правотворчество, мораль и право, легитимность закона, гуманизм, этика законодателя, российское законодательство.

Keywords: spiritual and moral foundations, legislative activity, lawmaking, morality and law, legitimacy of the law, humanism, ethics of the legislator, Russian legislation.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Сложность проблем, возникших на современном этапе развития законотворчества, требует активного привлечения к их решению теоретических и практических результатов, накопленных в смежных дисциплинах, исследующих социальные системы и вопросы организации различных видов человеческой деятельности [1]. Многими авторами отмечается недостаточная социальная идентичность российского права и законодательства в аспектах стратегии экономического роста, структурной сбалансированности и системности [2]. Особую актуальность приобретают вопросы соотношения законодательства и правовой традиции, идеологической роли права в национальном и мировом правопорядке, идеи целостности отечественной правовой традиции, ее исторических и духовно-нравственных оснований.

Право в любом обществе формируется не только под воздействием политических и экономических факторов, но и под влиянием глубоких духовно-нравственных устоев, укоренённых в культуре, религии и философии народа. В российской правовой системе духовно-нравственные основы играют особую роль, что обусловлено историческим путём развития нашего государства, влиянием православной христианской традиции и мировоззрения.

Современные вызовы — секуляризация общества, плюрализм ценностей, глобализация — требуют переосмысления взаимосвязи между моралью и правом. Вместе с тем Конституция Российской Федерации и многие правовые акты делают акцент на гуманистические ценности, уважение к достоинству личности, на права и свободы человека, и всё это имеет нравственные корни.

Цель данной статьи — проанализировать истоки и современные проявления духовно-нравственных основ российского права, их роль в законотворчестве.

Уже в «Русской Правде» прослеживаются элементы, выходящие за рамки чисто материального возмездия. Система штрафов не только компенсировала вред, но и имела восстановительный и нравственный характер — стремление к миру, согласию, искуплению вины. Сильное влияние оказывало русское православие, которое стало духовным и идейным фундаментом Руси после крещения в 988 году [3].

Православие принесло с собой византийские правовые традиции, но адаптировало их к национальным условиям. Моральные ценности — милосердие, справедливость, любовь к ближнему — стали ориентирами для правовых норм. В «Кормчих книгах» и «Соборном Уложении» сочетались каноническое право и светские законы, что свидетельствовало о синтезе духовного и правового.

Реформы Петра I привели к секуляризации государства и переходу к европейской модели правления [4]. При этом в новых уставах и военных кодексах сохранились отголоски нравственных установок: долг, верность присяге, служение Отечеству. Эти ценности были связаны с христианской этикой, трансформированной в гражданскую добродетель.

Русская философия права конца XIX - начала XX веков уделяла пристальное внимание взаимосвязи права и морали, рассматривая право не как изолированный институт, а как явление, укорененное в нравственных ценностях общества. В.С. Соловьёв, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев активно обсуждали проблему взаимосвязи права и морали. Они не просто сравнивали право и мораль; они стремились понять, как правовые институты могут служить реализации нравственного идеала, как достичь справедливости, не потеряв при этом человеческое достоинство. В отличие от формального подхода, русская философия права видела в морали не добавление к праву, а его внутреннее основание.

Владимир Соловьёв (1853–1900) — основоположник русской философии права. В своих работах он формулирует центральную идею: право — это внешнее условие морали, но не её содержание [5]. Соловьёв утверждает, что мораль имеет дело с добровольным выполнением нравственного долга, в то время как право опирается на принуждение. Тем не менее, право не может существовать без морали. Оно — необходимый, но недостаточный элемент справедливой общественной жизни. «Право есть мораль в сфере внешней, принудительной, а мораль — право в сфере внутренней, добровольной» — пишет Соловьёв.

Он возражал против кантовского дуализма. Право, по Соловьёву, должно быть проникнуто моралью, но при этом сохранять свою автономию: оно обеспечивает порядок, защиту личности, безопасность. Однако истинное правовое государство возможно только при условии морального преобразования личности и общества. Соловьёв рассматривал право как часть морали, необходимую для упорядочения жизни, но ограниченную в сравнении с нравственным долгом. Он определял право как «минимум нравственности», считая, что правовые нормы должны основываться на моральных принципах, таких как справедливость и сострадание. Он подчеркивал, что право, оторванное от морали, становится формальным и может быть использовано в целях угнетения.

Лев Иванович Петражицкий (1867–1931) развил оригинальную психосоциологическую теорию права, в которой мораль играет центральную роль. Он разграничивал государственное (официальное) право — формализованное, установленное, и право «интуитивное», корнящееся в индивидуальных моральных переживаниях, как более фундаментальное, чем позитивное (законодательное) право. Он считал, что стремление к справедливости и другие моральные чувства являются внутренними побудителями к соблюдению правовых норм. Петражицкий подчёркивал роль «внутреннего права» — личностного морального чувства как источника законопослушания [6].

Павел Новгородцев (1866–1924), представитель школы возрожденного естественного права, акцентировал внимание на нравственных идеалах как основе должного права. Он видел в праве средство реализации идеалов свободы, равенства и братства, утверждая, что право должно служить нравственному прогрессу общества [7].

Общим для русских философов права было убеждение в том, что право не может быть нейтральным по отношению к морали и должно быть направлено на достижение нравственных целей. Эти идеи оказали влияние на развитие российского правосознания и способствовали формированию критического отношения к формалистическому пониманию права.

Православная традиция продолжает оказывать влияние на нравственные основы российского права и сегодня, хотя формально Россия — светское государство в соответствии со ст. 14 Конституции РФ. Однако признание исторической роли православия, а также межконфессионального диалога ведёт к осознанию духовных корней правовых норм.

Ключевыми духовными ценностями, формирующими правосознание следует считать справедливость, милосердие, долг и ответственность перед семьёй, обществом, государством, уважение к личности — как образу Божьему, соборность, согласие и взаимопомощь.

Многие положения Конституции РФ имеют ярко выраженные духовно-нравственные корни, в особенности:

— «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» — этический императив (ст.2).

— уважение семьи, материнства, отцовства, детства (ст.6).

— право на труд, отдых, социальное обеспечение — гуманистическая ориентация (ст. 37).

— возрождение духовно-нравственного воспитания в системе образования (ст. 43), практическим воплощением чего в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) закреплён предмет «Основы религиозных культур и светской этики», включающий модуль «Основы православной культуры», что подчёркивает государственное признание связи духовности и гражданского становления.

Уголовно-правовая политика Российской Федерации также включает элементы восстановительной справедливости: примирение сторон, признание вины, искупление — всё это сближает право с этическим подходом.

Сегодня российское общество сталкивается с кризисом ценностей, вызванным секуляризацией, культурной трансформацией и технологическим прогрессом. Формализация права, бюрократизация, правовой нигилизм — всё это снижает доверие к праву, если оно воспринимается как враждебный, бездуховный инструмент. Однако именно в условиях кризиса возрастает потребность в восстановлении духовно-нравственных ориентиров. Юрист, судья, законодатель, действуя на основе закона, одновременно должен быть носителем правовой этики, стремления к справедливости, уважения к человеку.

Важно подчеркнуть: духовно-нравственные основы не отменяют принципа верховенства права, а обогащают его. Они способствуют формированию правовой культуры, в которой закон не просто соблюдается из страха наказания, но принимается как выражение общечеловеческих ценностей. Духовно-нравственные основы российского права — это не архаичный религиозный пережиток, а живая, развивающаяся часть правовой системы, формирующая её легитимность и устойчивость. Они коренятся в исторической памяти народа, религиозных традициях, фило-

софской мысли и современных правовых реалиях.

Современное право России должно сохранять баланс между светскими формами и духовными содержанием. Без нравственного измерения право рискует стать инструментом власти, а не орудием справедливости. Укрепление духовно-нравственного фундамента — путь к построению не просто правового, но праведного государства, где закон отражает лучшие идеалы человеческого общежития

Законодательная деятельность — ключевой элемент правового государства. Её цель — не просто создание юридических норм, а формирование устойчивого, справедливого и гуманного порядка, способного обеспечить достоинство личности, общественный мир и социальную гармонию. Однако сам процесс правотворчества не может быть нейтральным: он всегда опирается на определённые ценностные установки, включая духовные и нравственные.

Духовно-нравственные основы законодательной деятельности — это система этических принципов, культурных ценностей и мировоззренческих ориентиров, которые определяют миссию закона, критерии его справедливости и легитимности. В условиях глубоких социальных трансформаций, глобализации и культурного плюрализма актуализируется вопрос: на каких духовных и моральных началах должно строиться современное законодательство?

Законодательство, чтобы быть легитимным, должно опираться не только на волю большинства или государственные интересы, но и на нравственные универсалии, признаваемые обществом. Эти принципы, по нашему мнению, включают:

- 1) уважение к достоинству личности — корень большинства прав и свобод (ст. 21 Конституции РФ);
- 2) справедливость — как стремление к балансу интересов, равенства перед законом;
- 3) гуманизм — приоритет жизни, здоровья, свободы, развития личности;
- 4) человеколюбие и милосердие — проявляются в социальных нормах, правах семьи, защите слабых;
- 5) ответственность перед обществом и будущими поколениями — в экологическом, образовательном и семейном законодательстве.

Эти ценности не являются чисто юридическими — они имеют этическое и, зачастую, духовное происхождение. Их можно найти в религиозных традициях (в том числе православии), философии, культурной памяти народа.

Российская Конституция 1993 года открыто декларирует гуманистическую, духовную направленность российской правовой системы в статье 2, где утверждение достоинства, свободы, прав человека обозначены целью правового государства. Эти положения носят не формальный, а нравственно-ориентированный характер. Они предполагают, что любой закон должен проходить «нравственный тест»: способствует ли он укреплению достоинства, свободы, социальной справедливости?

В качестве наиболее ярких примеров влияния духовных ценностей на действующее российское законодательство можно привести следующие.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ предусматривает духовно-нравственное развитие личности как одну из ключевых задач образования [8].

Семейный кодекс РФ [9] закрепляет ценность брака, принимаемого как союз мужчины и женщины, основанного на государственной регистрации брака в органах ЗАГС, заключаемого в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанного на заботе и уважении друг к другу, к детям, который характеризуется добровольностью и совместным бытом, с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению — ценности, коренящиеся в религиозных канонах и моральной традиции.

Уголовный кодекс РФ [10] содержит институты досудебного примирения, освобождения от наказания по мотивам раскаяния и активного раскаяния — что отражает христианские идеи исправления и милосердия.

Природоохранное законодательство включает нормы о долге перед будущими поколениями — экологический аспект нравственной ответственности.

Федеральный закон от 29 июня 2013 г., защищающий детей от информации о привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, вызывающей интерес к ним [11] мотивирован защитой нравственных устоев и традиционных семейных ценностей.

Одной из специфических черт российской правовой культуры является сильное влияние православного мировоззрения, особенно в сфере семейных, биоэтических и образовательных норм. Декларации Русской Православной Церкви влияют на общественные дискуссии по вопросам аборта, эвтаназии, репродуктивных технологий, ЛГБТ-пропаганды [12]. Возникающая при этом дилемма между государственной светскостью и влиянием религиозной морали должна решаться поиском общих этических консенсусов, понятных различным группам общества.

Этический императив законодателя заключается в том, что законодательная власть несёт особую моральную ответственность. Законодатель — не технократ, а хранитель общественных ценностей и его деятельность требует: честности и бескорыстия (законы не должны служить частным интересам), мудрости и благоразумия (способности прогнозировать социальные последствия норм), скромности в правотворчестве (избегание чрезмерной регламентации частной жизни), открытости и диалога (включение граждан, экспертов, церквей и НКО в правотворческий процесс). Этика законодателя — неотъемлемая часть духовно-нравственной основы законодательной деятельности. Без неё закон становится инструментом власти, а не служением справедливости.

Роль моральных ценностей в законотворчестве проявляется в нескольких аспектах:

- в процессе формирования правовых норм, когда моральные ценности служат основой для создания новых законов;
- легитимация в общественном сознании законов, которые соответствуют моральным нормам, что повышает соблюдение законодательства и доверие к правовой системе;

- учет интересов всех слоев населения, особенно тех, кто может быть уязвим, и обеспечение более справедливое распределение ресурсов.

- защита прав человека основана на универсальных моральных принципах, признающих ценность и достоинство каждого человека.

Несмотря на важность моральных аспектов, их интеграция в законодотворчество может сталкиваться с рядом проблем, таких как, различия в моральных представлениях различных групп с разными культурными и религиозными традициями, что может затруднять согласование моральных принципов. Следует отметить, что законодотворчество подвержено влиянию политических и экономических интересов, что может привести к игнорированию моральных аспектов. В некоторых случаях законы принимаются без достаточного обсуждения и учета мнений граждан, что может привести к конфликтам и недовольству.

Духовно-нравственные аспекты играют ключевую роль в законодотворчестве, влияя на формирование правовых норм и общественное восприятие законодательства. Учет моральных ценностей способствует созданию справедливого и устойчивого общества, однако требует постоянного диалога и обсуждения среди различных групп населения. Будущее законодотворчества зависит от способности законодателей интегрировать моральные принципы в свою работу, чтобы создавать законы, которые действительно отражают интересы и ценности общества.

Духовно-нравственные основы законодательной деятельности — не дань традиции, а необходимое условие жизнеспособности правовой системы. Закон, лишенный нравственной глубины, может быть формально корректным, но внутренне нелегитимным. Российское законодательство имеет богатый потенциал для интеграции духовных и этических принципов, опираясь на культурное наследие, Конституцию, философию права и международные гуманистические стандарты. Будущее правового государства зависит не только от совершенства норм, но и от того, насколько они будут пронизаны стремлением к добру, справедливости и человеческому достоинству.

Список литературы:

1. Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Аналитический вестник № 16 (236). Системная организация законодотворчества (серия: актуальные проблемы государственного строительства). - [Электронный ресурс]. - URL: <http://council.gov.ru/activity/analytics/> (дата обращения: 24.10.2025)
2. Синоков, В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции/ В.Н. Синоков// Lex russica. - 2018. - №10. - С.18-29.
3. Ковалев, В. В. Крещение Руси в 988 г. и его значение для формирования особенностей российской цивилизации/ В. В. Ковалев // Caucasian Science Bridge. - 2020, Т. 3. - №4 (10). - С. 24-30.
4. Наумов, А. Е. Святость в эпоху Петра Первого / А. Е. Наумов // Русская агиография : Исследования. Материалы. Публикации / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), Рос. акад. наук ; отв. ред. : Т. Р. Руди, С. А. Семьячко. — Санкт-Петербург, 2011. — Т. 2. — С. 603–610.
5. Соловьев, В.С. Сочинения: в двух томах / В.С. Соловьев ; общ. ред. и сост. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. - Москва: Мысль, 1988. - Т. 2. - 1988. — 822 с.
6. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч./ Л. И. Петражицкий. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 237 с. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://urait.ru/bcode/562407> (дата обращения: 24.10.2025)
7. Новгородцев, П. И. Лекции по философии права. Избранные произведения / П. И. Новгородцев. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 327 с. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://urait.ru/bcode/562407> (дата обращения: 24.10.2025)
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ. - [Электронный ресурс]. - Доступ из ЭБС Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.10.2025).
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025). - [Электронный ресурс]. - Доступ из ЭБС Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.10.2025).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ РФ (ред. от 15.10.2025, с изм. от 15.03.2023). - [Электронный ресурс]. - Доступ из ЭБС Консультант Плюс // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.10.2025).
11. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. N 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» - [Электронный ресурс]. - Доступ из ЭБС КонсультантПлюс // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.10.2025).
12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. - Москва: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2019. — 176 с.

References:

1. The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Analytical Bulletin No. 16 (236). Systematic organization of legislation (series: actual problems of state building). - [Electronic resource]. - URL: <http://council.gov.ru/activity/analytics/> (date of publication: 24.10.2025)
2. Sinyukov, V. N. Legislation in Russia: problems of social integration/ V.N. Sinyukov// Lex russica. - 2018. - No. 10. - pp.18-29.
3. Kovalev, V. V. The Baptism of Rus in 988 and its significance for the formation of the features of Russian civilization / V. V. Kovalev // Caucasian Science Bridge. - 2020, Vol. 3. - №4 (10). - Pp. 24-30.
4. Naumov, A. E. Sanctity in the era of Peter the Great. Naumov // Russian Hagiography : Research. Materials. Publications / In-t rus. lit. (Push-kin. House), Russian Academy of Sciences ; editors : T. R. Rudy, S. A. Semyachko. — St. Petersburg, 2011. — Vol. 2. — pp. 603-610.
5. Solovyov, V.S. Essays: in two volumes / V.S. Solovyov ; general ed. and comp. A. F. Losev and A.V. Gulygi. - Moscow: Mysl, 1988. - Vol. 2. - 1988. — 822 p.
6. Petrazhitzky, L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality in 2 hours / L. I. Petrazhitzky. — Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 237 p. - [Electronic resource]. - URL: <https://urait.ru/bcode/562407> (date of request: 24.10.2025)
7. Novgorodtsev, P. I. Lectures on the philosophy of law. Selected works / P. I. Novgorodtsev. — Moscow: Yurait Publishing House, 2025. — 327 p. - [Electronic resource]. - URL: <https://urait.ru/bcode/562407> (date of request: 24.10.2025)
8. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 N 273-FZ. [Electronic resource]. - Access from EBS Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 24.10.2025).
9. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 N 223-FZ (as amended on 11/23/2024, as amended. dated 10/30/2025). - [Electronic resource]. - Access from EBS Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru/> (date of application: 31.10.2025).
10. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63-FZ of the Russian Federation (ed. from 10/15/2025, as amended. dated 03/15/2023). - [Electronic resource]. - Access from EBS Consultant Plus // URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 10/30/2025).
11. Federal Law No. 135-FZ of June 29, 2013 "On Amendments to Article 5 of the Federal Law "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Protect children from Information that Promotes the Denial of Traditional Family Values" - [Electronic resource]. - Access from EBS ConsultantPlus // URL: <http://www.consultant.ru/> (date of conversion: 24.10.2025).
12. The fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. The fundamentals of the teaching of the Russian Orthodox Church on dignity, freedom and human rights. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2019. 176 p.

НЕОПУБЛИКОВАНИЕ ФИНАНСОВЫМ УПРАВЛЯЮЩИМ СВЕДЕНИЙ О ПРЕДЪЯВЛЕНИИ КРЕДИТОРОМ ТРЕБОВАНИЙ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ NON-PUBLICATION BY THE FINANCIAL MANAGER OF INFORMATION ABOUT THE CREDITOR'S CLAIMS AS A BASIS FOR BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

ТАТАЛИНА Анна Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент высшей школы публичного права

Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск

680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

E – mail: tatalina_anna@mail.ru

TATALINA Anna Vitalievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Higher School of Public Law, Pacific State University, Khabarovsk.

136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.

E – mail: tatalina_anna@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется вопрос наличия события административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ, выразившегося в неопубликовании финансовым управляющим общедоступных сведений о предъявлении кредитором требований и включении их в реестр требований кредиторов гражданина-должника

Abstract: The article examines the issue of the existence of an administrative offense event provided for in Part 3 of Article 14.13 of the Administrative Code of the Russian Federation, which resulted in the non-publication by the financial manager of publicly available information about the creditor's claims and their inclusion in the register of creditors' claims of the debtor citizen

Ключевые слова: финансовый управляющий, арбитражный управляющий, несостоятельность, банкротство гражданина, должник, административная ответственность, неисполнение обязанности, бездействие, противоправность, реестр сведений, реестр требований

Keywords: financial manager, arbitration manager, insolvency, bankruptcy of a citizen, debtor, administrative responsibility, non-fulfillment of duty, inaction, illegality, register of information, register of claims

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Финансовый управляющий – лицо, без которого невозможна ни одна судебная процедура банкротства гражданина. Он является членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих, самостоятельно осуществляет профессиональную деятельность за счет вознаграждения должника, размер которого устанавливается судом. По другому его называют арбитражным управляющим, так как введенный с 1 октября 2015 года институт банкротства граждан многое позаимствовал из института банкротства организаций, в котором, во-первых, значительную роль играет арбитражный управляющий, во-вторых, уполномоченным на рассмотрение дел о признании должника несостоятельным (банкротом) является арбитражный суд. Обязательное участие финансового управляющего в рассмотрении арбитражным судом дела о признании гражданина банкротом обусловлено необходимостью сбора сведений о доходах, расходах, имуществе должника, сделках по отчуждению его имущества, составлением реестра требований кредиторов, проведением собраний кредиторов, осуществлением расчетов с кредиторами, а также рядом других важных полномочий.

Отметим, что цель института банкротства граждан в законодательстве не сформулирована. Соразмерное удовлетворение требований кредиторов является главной целью процедуры банкротства – так неоднократно отмечал в своих актах Конституционный Суд Российской Федерации (например, такая цель приведена в постановлении Конституционного Суда РФ от 31.05.2023 № 28-П) [3]. Представляется, что назначение всех процедур в деле о банкротстве гражданина должно сводиться к восстановлению имущественных прав кредиторов, конечно, при соблюдении прав должника.

Часть 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) устанавливает административную ответственность, в том числе для финансового управляющего, за неисполнение своих обязанностей, предусмотренных законодательством о банкротстве. Финансовый управляющий, являясь профессиональным участником в делах о банкротстве граждан, несет административную ответственность как должностное лицо (размер административного штрафа составляет от 25000 до 50000 рублей) [1].

Отдельная X глава (параграф 1.1) Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) посвящена основаниям, порядку, особенностям реализации института банкротства граждан. В деле о банкротстве гражданина могут применяться всего три процедуры – реструктуризация долгов должника (восстановление платежеспособности должника и погашение задолженности в соответствии с графиком погашения долга), реализация его имущества (продажа имущества должника в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов), а также мировое соглашение (прекращение производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между кредиторами и должником).

Ввиду специфики своей профессиональной деятельности финансовый управляющий обязан знать положения нормативных правовых актов, регламентирующих эту деятельность, предпринимать все зависящие от него меры по соблюдению установленных правил поведения, предвидеть возможность наступления неблагоприятных последствий при неисполнении или ненадлежащем исполнении своих должностных обязанностей. Кроме того, добросовестность и разумность установлены законом в качестве основных принципов осуществления деятельности финансовым управляющим, причем, как в интересах должника и кредиторов, так и общества в целом.

По нашему мнению, требует внимания юридической науки и обобщения правоприменительной практики вопрос о том, образует ли событие административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ, бездействие финансового управляющего, выразившееся в неопубликовании последним сведений о предъявлении кредитором своих имущественных требований к должнику-гражданину, в отношении которого возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве).

В настоящее время в сети Интернет и в газете «Коммерсантъ» публикуется общедоступный Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ). Какие же сведения обязан вносить в этот реестр финансовый управляющий в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина? Ответ на этот вопрос дается в пункте 2 статьи 213.7 Закона о банкротстве, точнее данная норма права закрепляет перечень сведений, подлежащих обязательному опубликованию. К таким сведениям относятся наиболее важные и значимые фактические обстоятельства по делу о банкротстве, в частности, о признании гражданина банкротом, введении и завершении в его отношении процедуры реструктуризации задолженности и (или) реализации его имущества; об утверждении или отстранении финансового управляющего; о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного фиктивного банкротства; о прекращении производства по делу с указанием соответствующих оснований; о проведении торгов по продаже имущества и их итогов; о проведении собраний кредиторов и их решениях; о кредитной организации, в которой открыт счет должника и иные предусмотренные параграфом 1.1 Закона о банкротстве сведения [2].

До 11 августа 2025 года и вступления в силу Федерального закона от 31.07.2025 № 311-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» положения параграфа 1.1 «Реструктуризация долгов гражданина и реализация имущества гражданина» Закона о банкротстве не устанавливали для финансового управляющего обязанность публиковать данные о поступивших (заявленных) требованиях кредиторов, равно как и данные о поданных в суд заявлениях об оспаривании сделок должника (о признании недействительными сделок). В этой связи в системе арбитражных судов Российской Федерации сформировалась неоднозначная судебная практика на предмет законности привлечения финансового управляющего к административной ответственности по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ за неисполнение своих обязанностей. Так, одни суды отказали органу, уполномоченному по контролю за соблюдением законодательства арбитражными управляющими (Федеральная служба государственной регистрации кадастра и картографии и ее территориальные органы) в удовлетворении заявления о привлечении к административной ответственности по мотиву отсутствия события административного правонарушения, выразившегося в неопубликовании в ЕФРСБ сведений о поступивших заявлениях кредиторов, и о включении их требований в реестр требований кредиторов [4, 5]. Более того, в пункте 32.1 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11.10.2023, обозначено, что финансовый управляющий не несет административную ответственность по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ за неразмещение в ЕФРСБ тех сведений, опубликование которых не предписано Законом о банкротстве [6]. В этом обзоре речь идет именно об отсутствии события административного правонарушения ввиду неопубликования финансовым управляющим в деле о банкротстве гражданина-должника сведений относительно поданных в суд заявлениях о включении кредиторской задолженности в реестр требований кредиторов должника и о признании сделок должника недействительными.

При этом имеется и судебная практика по аналогичным делам, в которых судами по-другому применяются нормы Закона о банкротстве, и делается вывод о том, что опубликование сведений о получении требований кредиторов должника при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве гражданина, является обязанностью арбитражного управляющего, за неисполнение которой наступает ответственность по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ.

В августе 2025 года перечень сведений, содержащихся в пункте 2 статьи 213.7 Закона о банкротстве и подлежащих финансовым управляющим опубликованию в ЕФРСБ, расширился, появилась специальная норма, обязывающая финансового управляющего публиковать данные о предъявлении кредиторами требований, их включении судом в реестр требований кредиторов должника, а также о поданных в суд заявлениях об оспаривании сделок должника и принятых по результатам их рассмотрения судебных актах.

Таким образом, в настоящее время Закон о банкротстве прямо закрепляет обязанность финансового управляющего среди многочисленных сведений публиковать в том числе сведения о поданных заявлениях о включении требований в реестр требований должника, об их включении судом в соответствующий реестр, о признании сделок должника недействительными и о принятых судом по ним решениях. По мнению автора, законодательное закрепление в специальных нормах параграфа 1.1 главы X Закона о банкротстве обозначенных обязанностей финансового управляющего положительно повлияет на формирование единообразия судебной практики по делам о привлечении финансового управляющего к административной ответственности за неисполнение обязанностей, предусмотренных Законом о банкротстве. Безусловно, рассматриваемые в настоящей статье сведения должны включаться в общедоступный Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, поскольку обладают значимостью, влияют на соразмерное удовлетворение кредиторами своих имущественных прав, способствуют достижению целей института банкротства граждан.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС КонсультантПлюс;
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс;
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2023 № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 248 и 249, пункта 1 статьи 251 и статьи 271 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 3 статьи 5 и пункта 2 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой общества с ограниченной ответственностью «Предприятие строительных работ энергетики» // СПС КонсультантПлюс;
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.09.2025 № Ф09-3185/25 по делу № А07-38917/2024 // СПС КонсультантПлюс;
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2020 № 309-ЭС19-15908 по делу № А60-65747/2018 // СПС КонсультантПлюс;
6. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023) // СПС КонсультантПлюс;
7. постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.06.2023 № Ф03-1802/2023 по делу № А24-4730/2022 // СПС КонсультантПлюс.

References:

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 06/24/2025) // SPS ConsultantPlus;
2. Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 (as amended on 05/23/2025) "On Insolvency (Bankruptcy)" // SPS ConsultantPlus;
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/31/2023 No. 28-P "On the case of checking the Constitutionality of Articles 248 and 249, paragraph 1 of Article 251 and Article 271 of the Tax Code of the Russian Federation, as well as paragraphs 1 and 3 of Article 5 and paragraph 2 of Article 134 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with by the request of the Supreme Court of the Russian Federation and the complaint of the Limited Liability Company "Energy Construction Works Enterprise" // SPS ConsultantPlus;
4. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 09/23/2025 No. F09-3185/25 in case No. A07-38917/2024 // SPS ConsultantPlus;
5. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/25/2020 No. 309-ES19-15908 in case No. A60-65747/2018 // SPS ConsultantPlus;
6. Review of judicial practice on the participation of an arbitration administrator in a bankruptcy case (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 11.10.2023) // SPS ConsultantPlus;
7. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 06/20/2023 No. F03-1802/2023 in case No. A24-4730/2022 // SPS ConsultantPlus.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_838

УДК 342

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ON THE ISSUE OF TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL LAW

СТЕПАНОВА Альбина Афанасьевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия.
улица Кулаковского, 42, Якутск, Республика Саха (Якутия), 677013, Россия.
aastepanova@mail.ru

STEPANOVA Albina Afanasyevna

PhD in Law, Head of the Department of Constitutional and Municipal law, Faculty of Law, North-Eastern Federal University in Yakutsk, Russia.
Kulakovsky Street, 42, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677013, Russia.
aastepanova@mail.ru

Краткая аннотация: Политико-правовые идеи XVII-XVIII веков оказали огромное влияние на формирование и развитие современных демократических государств. В статье автор размышляет о степени влияния современной конституционно-правовой науки на содержание и формы государственных устройств.

Abstract: The political and legal ideas of the XVII-XVIII centuries had a significant impact on the formation and development of modern democratic states. This article reflects on the extent to which modern constitutional and legal science has influenced the content and form of government structures.

Ключевые слова: конституционно-правовая наука, конституционные поправки, проблемы федерализма, развитие государственности, конституционная ответственность, органы публичной власти.

Keywords: Constitutional and legal science, Constitutional amendments, Problems of federalism, Development of statehood, Constitutional responsibility, Public authorities.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Современная конституционно-правовая наука берет начало с идей XVII-XVIII вв., которые, в свою очередь, восходят к учению древнегреческих философов. Мысли идеологов французской революции, идеи Монтескье стали не просто фундаментом для дальнейших политико-правовых исследований наукой - они стали основой для возникновения и существования многих современных государств. Так, идея разделения властей стала основным принципом организации власти всех современных демократических государств; ранние европейские социальные утопии, французский утопический социализм, в дальнейшем переосмысленный и переработанный Энгельсом и Марксом, стали основой для коммунистической организации общественного устройства во многих странах в XX веке, в том числе, и в нашей стране.

Теории Томаса Гоббса об общественном устройстве как о войне всех против всех (разъединении) и Дж. Локка об общественном договоре (объединении), обосновывающие, что результатом и того и другого (разъединения и объединения как процесса) является всегда государство¹, также оказали значительное влияние на выбор государствами той или иной формы своего устройства. Согласно Гоббсу, государство необходимо для обеспечения порядка и осуществляет в основном регуляторную функцию. По Локку - государство выступает как партнёр, сторона в общественном договоре между народом и государством.

В этом смысле научная мысль оказала значительное влияние на общие принципы организации государственной власти и отношение государства к человеку.

Вместе с тем, современное состояние и развитие государственных форм дает повод для предположения, что в данный исторический момент фундаментальные идеи по поводу организации общественного устройства в определенной мере исчерпаны. Со времён Аристотеля, Полибия и других древнегреческих мыслителей, исследовавших соответствующие вопросы еще две тысячи лет назад, и обосновавших все особенности и характерные черты публичной власти и общественного устройства, в том числе, и через круговорот форм правления, ничего принципиально нового, думается, не придумано. Многие поколения философов и мыслителей нового и новейшего времени черпали и до сих пор черпают мысли и идеи в древнегреческой философии. Современные общественно-политические науки как бы нацелены на выявление, исследование новых черт, обоснование появляющихся новых модификаций давно уже существующих форм государственного устройства.

Означает ли это стагнацию юридической науки? Категорический ответ тут вряд ли уместен. Однако утрата черт фундаментальности, очевидно, бесспорна. Общественно-политические науки становятся прикладными, все более тяготеющими к обслуживанию насущных нужд и потребностей государств и обществ. Многочисленные общественно-политические потрясения и изменения в экономических системах требуют не только обоснования, но и, в той или иной мере - оправдания. Такая трансформация прослеживается и в развитии российской конституционно-правовой науки.

В России обновление государственно-правовых форм началось с ранних 1990-х годов. Столкновение идей о путях развития российской государственности в те годы было весьма существенным. Конституционные идеи А.Д. Сахарова, Р. И. Хасбулатова и идеи Ельцинской конституции имели достаточно четко выраженные противоположные характеристики.

¹ Особняком стоит утопическая теория об отсутствии государства.

Но, как бы ни парадоксально это звучало, с самого начала реализации конституционных реформ государство (в форме своей оборотной стороны – права) во многом идет впереди научной мысли. В течение последних тридцати с лишним лет в большинстве случаев сначала государство инициирует разного рода реформы и меняет законодательство, и лишь следом, постфактум, к уже изменившемуся праву вспыхивает исследовательский интерес. Научная общественность встряхивается и начинает исследовать, анализировать и «препарировать» уже свершившееся. Поэтому можно не только предполагать, но даже и утверждать, что в настоящее время превалирует наука не в ее фундаментальном смысле, а в ее прикладном проявлении.

В 1990-ые гг. государство начало осуществлять демократические перемены, когда общество еще не вполне было готово к ним. Например, принцип формирования представительных органов по партийному принципу был законодательно закреплён, когда, собственно, партий еще не было. Закон о политических партиях был принят гораздо позже, в 2001 г. К тому времени Государственная Дума и иные представительные органы уже несколько лет формировались по пропорциональной избирательной системе, которая предполагает именно партийный принцип распределения мандатов. Участвующие в выборах общественные объединения определялись универсальным термином «избирательные объединения», что в определенной мере позволяло вуалировать отсутствие политических партий в избирательном процессе.

Далее, примером государства как «зачинщика» преобразований может быть законодательное (конституционное) внедрение местного самоуправления в устоявшееся публично-властное пространство. Конституционное установление об осуществлении местного самоуправления на уровне городских и сельских поселений породило небывалый научный интерес к проблемам организации местного самоуправления, и, в частности, к проблеме уровня внедрения самоуправления – районного или сельского (городского). Отсутствие объективных возможностей для реализации всех благих конституционных пожеланий обусловило возникновение ожесточенных споров, разрешение которых потребовало обращения в различные суды вплоть до Конституционного суда РФ. В дальнейшем это привело к тому, что в результате конституционных поправок 2020 г. положения Конституции РФ об организации местного самоуправления довольно значительно изменились. Что, в принципе, представляется вполне обоснованным и правильным – вместо довольно жесткой конкретизации: «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях...» – конституционная норма теперь отсылает к закону: «Местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом» (часть 1 ст. 131 Конституции РФ). Вместе с тем, до сих пор нельзя однозначно утверждать, что все проблемы организации местного самоуправления решены. Принятие в течение двадцати лет трех федеральных законов о местном самоуправлении: в 1995, 2003 и 2025, а также длительные споры при принятии федерального закона в 2025 г. лишь подтверждают существующие проблемы в понимании и определении понятия и форм местного самоуправления. Однако, деление государственного права на конституционное и муниципальное право, как следствие конституционализации местного самоуправления, само по себе является значительным событием в развитии современной российской правовой системы.

После принятия поправок к Конституции в 2020 г. конституционно-правовая наука разворачивается в сторону исследования организации «публичной власти». Разумеется, нельзя отрицать и ранее существовавший исследовательский интерес к вопросам организации и реализации публичной власти, но, стоит заметить, что после принятия конституционных поправок интерес к проблеме значительно повысился.

Поэтому, если проводить условную периодизацию развития конституционно-правовой науки, то можно проследить направления научной мысли по хронологии событий.

В первые годы после принятия Конституции РФ в 1993 г. основной интерес конституционалистов был направлен на проблемы федерализма. В течение как минимум двадцати лет федерализм занимал едва ли не центральное место в конституционно-правовой науке. Фундаментальные труды Умновой И.А., Глигич-Золотаревой М.В., Добрынина Н.А. и др. известны не только конституционалистам.

Одной из главных тем при исследовании федерализма стала тема государственного суверенитета в федеративных государствах. Этому в значительной мере способствовало принятие Деклараций о государственном суверенитете в 1990-1991 гг. Интерес стал затухать после принятия Постановления Конституционного суда РФ в июне 2000 г., которое поставило однозначную точку в характеристике понятия «государственной суверенитет».

Также в рамках исследований проблем федерализма огромное количество научных работ было посвящено вопросам организации государственной власти в субъектах РФ. Рубеж между 1990-ыми и 2000-ыми годами был особенно интересен. Именно в тот период был принят известный Федеральный закон № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти в субъектах РФ». Также было принято не менее известное Постановление Конституционного Суда РФ, согласно которому представление об организации власти в субъектах стало возможным изменять в зависимости от конкретного историко-политического момента: «...федеральный законодатель вправе избирать наиболее эффективные и соразмерные конституционным целям механизмы организации государственной власти, в том числе при наделении полномочиями органы государственной власти и должностных лиц, в отношении которых соответствующий порядок прямо не предусмотрен в Конституции Российской Федерации»¹. Правовую позицию Конституционного суда РФ, безусловно, можно применить и к организации судебной власти в субъектах Российской Федерации. Соответственно, можно объяснить возможность учреждения конституционных (уставных) судов в субъектах РФ и последующее их упразднение. Так, принятый в 1996 г. Федеральный конституционный закон «О судебной системе РФ» устанавливал право субъектов РФ учреждать свои конституционные (уставные) суды (ч. 4 статьи 4 ФКЗ). К 2001 году о создании соответствующих судов было заявлено в законодательстве 44 субъектов РФ. Непосредственно суды функционировали в 15 субъектах Федера-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. N 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с жалобами ряда граждан" // <https://constitution.garant.ru/act/federative/12143978/>

ции, из которых 12 – республики, 2 – области и 1 город федерального значения – Санкт-Петербург [1]. Особенности организации конституционной юстиции в России были таковы, что порождали значительное количество теоретико-практических вопросов, так и не получивших нормативно-правового реагирования. Так, исследователи рассуждали о проблемах определения компетенции конституционных (уставных) судов субъектов, возможности образования единой иерархически-инстанционной судебной системы и т.д. [2]. Однако упразднение конституционных и уставных судов с января 2023 г. в соответствии с требованиями федерального законодательства поставило точку в исследованиях в этой сфере¹. Но в то же время возник интерес к создаваемым (в определенной мере - взамен) в субъектах РФ конституционным (уставным) советам [3].

Следующим направлением для исследований стала тема конституционной ответственности. В том числе, тема ответственности в федеративном государстве. Виноградов В.А., Колосова Н.В., Кондрашев А.А. практически в одно и то же время опубликовали свои известные труды [4]. Нелишним будет заметить, что интерес к соответствующей проблематике был обусловлен демократическими изменениями в стране. В советское время такая тема не могла предметом исследования.

Применительно к проблеме организации федеральных органов власти отметим, что широкая научная общественность не сразу проявила должный интерес к вопросам конституционного статуса Президента РФ. В те годы, когда институт президентства только начинал формироваться в России, конституционно-правовая наука обогатилась лишь одной монографией – Окунькова Л.А. [5]. Труды Хутинаева И.Д. [6] и Сахарова Н.А. [7] были посвящены в целом институту президентства. Даже в настоящее время, несмотря на то, накоплен весьма обширный нормативный и фактический материал, тем не менее, исследования носят, в основном, фрагментарный, нацеленный на рассмотрение конкретных функций и полномочий Президента РФ, характер².

Начиная с 2000-ых гг. в конституционно-правовой науке наблюдается заметное повышение интереса к теоретическим проблемам конституционного права. Если в советский и ранний российский период научные интересы были направлены на довольно широкие темы общетеоретического характера, как-то: предмет, источники конституционного права, разделение властей и иные принципы организации публичной власти, то в последние десятилетия тематика интересов довольно значительно расширяется и становится более разнообразно направленной [8]³. Как заметное явление в науке можно отметить монографию Пряхиной Т.М., посвященную фундаментальной теоретической категории - конституционной доктрине [9]. Также интересны исследования Бондаря Н.С. об аксиологии в конституционном праве [10]. Однако, несмотря на то, что к середине 2000-х годов было подсчитано, что термин «ценности» упоминалось в решениях Конституционного суда РФ не менее 500 раз, тем не менее, до доктринального определения «ценностей» научное сообщество еще не дошло (за 1992-2010 гг. эти термины применялись Конституционным Судом РФ более 500 раз [11]).

Лишь с начала 2020-х гг., после принятия конституционных поправок, то есть, институционализации и конституционализмами «традиционных российских духовно-нравственных ценностей», интерес к проблематике получает новый импульс. В научной литературе отмечается необходимость разработки концепции фундаментальных основ нравственного государства и указывается на запросы общества на духовно-нравственное развитие государства [12].

Относительно новыми темами для исследований являются проблемы правовой идентичности [13], а также верности и лояльности государству [14]. Категории «гражданская верность» или «лояльность к государству» были отражены в правовой позиции Конституционным Судом Российской Федерации применительно к пассивному избирательному праву. Так, в 2007 г. Конституционный Суд РФ принял определение по данному вопросу, в котором указал, что «предусмотренное федеральным законом исключение для граждан Российской Федерации, имеющих гражданство иностранного государства, возможности быть избранными в органы государственной власти обусловлено такой конституционно значимой целью, как необходимость защиты основ конституционного строя. Поскольку гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства, находится в политико-правовой связи одновременно с Российской Федерацией и с соответствующим иностранным государством, значение для него гражданства Российской Федерации как политико-юридического выражения ценности связи с Отечеством активно снижается»⁴.

Таким образом, в развитии науки конституционного права прослеживаются, как минимум, две тенденции. Во-первых, она, как и в целом общественно-политические науки, становится более прикладной, тяготеющей к обслуживанию конкретных нужд и потребностей государства и общества. Одновременно - появление новых трендов в развитии государственных и общественных форм, обуславливающих усложнение способов их реализации, оказывает весьма ощутимое влияние на необходимость появления новых, в том числе, фундаментальных, исследований.

Список литературы

1. Овсянникова Ж.И. Становление конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации. - М. 2001. - С. 35.
2. Несмеянова С.Э. Конституционная юстиция в рамках конституционного права // Конституционное законодательство субъектов Российской Федерации: проблемы совершенствования и использования в преподавании / Под ред. С.А. Авакьяна. - М. 1999. - С. 239; Морщакова Т.Г. Выступление на научно-практической конференции // Государство и право. - 1998. № 2. - С. 114;

¹ Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/data/obrasheniya/08.12.2020>.

² См., к примеру: Авакьян С.А. Библиографии по конституционному и муниципальному праву России (2007-2016 г.). – М. 2018., в котором приводится перечень работ, посвящённых статусу Президента (стр. 316-323).

³ Появление новых потребностей общества порождает необходимость появления новых форм фиксации и регулирования. Однако это не означает, что интерес к фундаментальным темам затухает. Например, О. А. Ежуква предлагает задуматься об определении документов стратегического планирования как источников конституционного права. См.: Ежуква О.А. К вопросу об актуализации источников российского конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2025, № 2. - С. 9-18.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 N 797-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы В.В. на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда РФ". N 2, 2008.

3. Сафина С.Б. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. - С. 41–45; Петров, А.А. Конституционные (уставные) советы как органы правового контроля в субъектах Российской Федерации // В кн.: Конституционализм: универсальное и национальные измерения: монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. - Москва: ИГП РАН, 2022. - С. 218-227; Миронов, Д.Н. Конституционный совет при парламенте субъекта РФ (к вопросу об интеллектуальной модели) / Д.Н. Миронов // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 9. - С. 71–75. 133.; Митусова, И.А. Конституционные советы в субъектах Российской Федерации взамен конституционных (уставных) судов / И.А. Митусова // Право и государство: теория и практика. - 2022. - № 3 (207). - С. 175–176 и др.
4. Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование / - М., 2000. - 287 с.; Колосова Н.М. Конституционная ответственность в РФ. - М. 2000. -192 с.; Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика / - Москва: Юрист, 2006. - 345 с.
5. Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. - М.: Издат. Группа Инфра. - М. - Норма, 1996. -240 с.
6. Хутинаев И.Д. Институт президента и проблемы формы государства / И.Д. Хутинаев; Рос. акад. управления, Центр государства и права. - М., 1994. - 40 с.;
7. Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире / Н. А. Сахаров. - Москва: Юридическая литература, 1994. - 176 с.
8. Ежуква О.А. К вопросу об актуализации источников российского конституционного права// Конституционное и муниципальное право. - 2025, № 2, - С. 9-18.
9. Прякина Т.М. Конституционная доктрина Российской Федерации: монография / Т. М. Прякина; науч. ред. В. О. Лучин. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. - 323 с.
10. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия // Изд-во «Юрист». 2-е изд., доп. - 2014. 182 с.
11. Казанцева О.Л., Рудт Ю.А., М.Н. Воробьева. Конституционные ценности: опыт современный опыт России зарубежных стран. - Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2013. - С. 10-11.
12. Чеботарев Трансформация права в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей// Конституционное и муниципальное право. - 2025. № 2. - С.4-8.
13. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017, № 4; Игнатушко И.В. Российская идентичность и нормы-ценности в Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. - С.12-14; Троицкая А.А. Конституционная идентичность и где она обитает// Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 2023. № 2. - С. 12-23; Шустров Д. Конституционная идентичность и изменение Конституции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 2020. № 4. - С. 21-49.
14. Третьяк И.А. Ценз гражданской верности или лояльности к государству как ограничение избирательных прав граждан в России на современном этапе // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 12. - С. 6-9.

References

1. Ovsepyan Zh.I. The formation of constitutional and statutory courts in the subjects of the Russian Federation. Moscow, 2001, p. 35.
2. Nesmeyanova, S.E. Constitutional justice in the framework of constitutional law // Constitutional legislation of the subjects of the Russian Federation: problems of improvement and use in teaching / Edited by S.A. Avakian, Moscow, 1999, p. 239; Morshchakova T.G. Speech at a scientific and practical conference // State and Law. - 1998. No. 2. - p.114;
3. Safina S.B. Constitutional (statutory) councils in the subjects of the Russian Federation: approaches to definition // Constitutional and municipal law. 2023. No. 5. pp. 41-45; Petrov, A.A. Constitutional (statutory) councils as bodies of legal control in the subjects of the Russian Federation // In: Constitutionalism: universal and national dimensions: monograph / edited by T.A. Vasilyeva, N.V. Varlamova. - Moscow: IGP RAS, 2022. - pp. 218-227; Mironov, D.N. Constitutional Council at the Parliament of the subject of the Russian Federation (on the issue of the intellectual model) / D.N. Mironov // Constitutional and Municipal law. - 2021. - No. 9. - pp. 71-75. 133.; Mitusova, I.A. Constitutional councils in the subjects of the Russian Federation instead of constitutional (statutory) courts / I.A. Mitusova // Law and the State: theory and practice. - 2022. - № 3 (207). - Pp. 175-176 and others .
4. Vinogradov V.A. Constitutional responsibility: issues of theory and legal regulation. Moscow, 2000, 287 p.; Kolosova N.M. Constitutional responsibility in the Russian Federation. Moscow, 2000, 192p.; Kondrashev A.A. Constitutional and legal responsibility in the Russian Federation: theory and practice. Moscow: Yuridist Publ., 2006. 345 p.
5. Okunkov L. A. President of the Russian Federation. The Constitution and Political practice. Moscow: Izdat. Infra Group. - M. - Norma, 1996. -240 p.
6. Khutinaev I.D. Institute of the President and problems of the form of the state / I.D. Khutinaev; Russian Academy of Sciences. Management, Center of State and Law, Moscow, 1994, 40 p.;
7. Sakharov N.A. Institute of the Presidency in the modern world / N. A. Sakharov. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1994. 176 p.
8. Yezhukova O.A. On the issue of updating the sources of Russian constitutional law// Constitutional and municipal law. - 2025, No. 2, pp. 9-18.
9. Pryakhina T.M. Constitutional doctrine of the Russian Federation: a monograph / T. M. Pryakhina; scientific ed. by V. O. Luchin. Moscow: UNITI-DANA: Law and Practice, 2006. 323 p.
10. Bondar N.S. Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice // Lawyer Publishing House. 2nd ed., supplement – 2014. 182 p.
11. Kazantseva O.L., Rudt Yu.A., M.N. Vorobyeva. Constitutional values: experience the modern experience of Russia and foreign countries. Barnaul: Publishing House of Alt. University, 2013. pp. 10-11.
12. Chebotarev Transformation of law in the sphere of preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values// Constitutional and Municipal law. - 2025. No. 2. - pp.4-8.
13. Zorkin V.D. Constitutional identity of Russia: doctrine and practice // Journal of Constitutional Justice. 2017, No. 4; Ignatushko I.V. Russian identity and norms-values in the Constitution of the Russian Federation // Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 5. pp.12-14; Troitskaya A.A. Constitutional identity and where it lives// Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Pravo, 2023. No. 2. - pp. 12-23; Shustrov D. Constitutional identity and Constitutional Amendment // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Pravoe, 2020. No. 4. pp. 21-49.
14. Tretyak I.A. Censorship of civic loyalty or loyalty to the state as a restriction of citizens' electoral rights in Russia at the modern stage // Constitutional and municipal law. 2024. No. 12. - pp. 6-9.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_842

УДК 34

TRADITIONAL SPIRITUAL-MORAL VALUES, INTERPRETATION OF LEGAL NORMS, METHODOLOGY OF LEGAL UNDERSTANDING

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

КИМ Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, кафедра «Конституционное и муниципальное право»
Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, профессор,
улица Кулаковского, 42, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677013, Россия.
dr.kim-kimen@mail.ru

БУБЯКИН Эдуард Егорович,

аспирант Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
улица Кулаковского, 42, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677013, Россия.
bubyakiineduard@gmail.com

KIM Alexander Nikolaevich,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law,
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, professor,
Kulakovsky Street, 42, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677013, Russia.
dr.kim-kimen@mail.ru

BUBYAKIN Eduard Egorovich,

postgraduate student, Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
Kulakovsky Street, 42, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677013, Russia.
bubyakiineduard@gmail.com

Краткая аннотация: Настоящая статья посвящена изучению особенностей интерпретации традиционных духовно-нравственных ценностей в рамках российской юридической науки. Исследование охватывает исторический аспект формирования данных ценностей, анализирует их современное понимание и роль в законодательстве Российской Федерации. Авторы рассматривают трудности, возникающие при переводе морально-философских категорий в правовые конструкции, выделяя специфику юридического восприятия и формулирования традиционно значимых для российского общества норм.

Abstract: This article is devoted to studying the peculiarities of interpreting traditional spiritual-moral values within the framework of Russian legal science. The research covers the historical aspect of forming these values, analyzes their modern understanding and role in the legislation of the Russian Federation. The authors consider difficulties arising when translating moral-philosophical categories into legal constructs, highlighting the specifics of legal perception and formulation of traditionally significant norms for Russian society.

Ключевые слова: Традиционные духовно-нравственные ценности, интерпретация правовых норм, методология правопонимания.
Keywords: Traditional spiritual and moral values, interpretation of legal norms, methodology of legal understanding.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Духовно-нравственные ценности давно являются предметом дискуссий в отечественной и зарубежной теории права. При каждой эпохе смене парадигм в сфере юриспруденции и познании человека духовно-нравственные ценности видоизменяются в соответствии со временем.

В Российской Федерации особый статус духовно-нравственных ценностей зафиксирован в ряде ключевых нормативных актов. Несмотря на признание важной роли этих ценностей, современная теория права сталкивается с рядом проблем, вызванных недостаточной разработанностью понятийного аппарата и отсутствием унифицированного подхода к интерпретации. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин в выступлении, подчеркнул, что «право должно отразить именно общество, с его ценностями, общими закономерностями и особенностями. Причём эти ценности не могут быть абстрактными "свободой, равенством и братством" или "миром во всём мире"» [3]. Традиционные духовно-нравственные ценности должны быть не абстрактными декларациями, а быть именно теми ценностями, которые укоренены в историческом, культурном и духовном опыте российского общества. Традиционные духовно-нравственные ценности, будучи результатом многовекового развития, выступают «нравственным фундаментом» социальной жизни. Они обеспечивают преемственность поколений, формируют устойчивые представления о должном поведении, ответственности и справедливости.

В Российской Федерации 9 ноября 2022 г. Президент Российской Федерации подписал указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ) [2]. Данный Указ является: «определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета "Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти" в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Данный Указ закрепляет понятие «Традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.» Данное понятие тесно переплетается с ключевыми элементами Преамбулы Конституции Российской Федерации [1]. Преамбула Конституции Российской Федерации закладывает основу российской государственности. Именно в ней

отражены ключевые элементы, которые затем получают развитие в нормативных актах о традиционных духовно-нравственных ценностях. Указ фактически конкретизирует те морально-исторические ориентиры, которые уже имплементированы в Преамбулу.

Обращение к многонациональному народу, его общей судьбе и ответственности за Россию перед настоящими и будущими поколениями демонстрирует, что законодатель закрепляет ценности единства, преемственности и исторической памяти. Эти же элементы являются ядром определения традиционных духовно-нравственных ценностей, передаваемых «от поколения к поколению» и формирующих «единое культурное пространство страны».

Упоминание в Преамбуле любви и уважения к Отечеству, веры в добро и справедливость, сохранения государственного единства, стремления к благополучию и процветанию страны полностью коррелирует с содержанием Указа. В основе как конституционного текста, так и концепции традиционных ценностей - признание особой роли исторических, культурных и моральных факторов в формировании правовой системы.

Связь Преамбулы и Указа также проявляется и в том, что они обе опираются на идею единства общества. Конституция задаёт эти ценностные рамки в общем виде, а Указ раскрывает их содержание в виде конкретизированных ориентиров российской идентичности, подчеркивая их нормативное значение для современной правовой политики.

Перечень традиционных ценностей содержится в п. 5 Указа: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.» Перечень традиционных ценностей в п. 5 Указа является исчерпывающим, что придаёт регулированию определённую и задаёт рамки для их последующей правовой и научной интерпретации.

Большинство из понятий перечня относятся к смежным научным отраслям, так, например, «гражданственность» находится на пересечении юриспруденции и социологии, «историческая память» между историей и культурологией и т. д. Подобные понятия обладают двойственным характером, поскольку несут в себе элементы сразу двух или более отраслей науки, и потому их изучение носит комплексный и многоаспектный характер.

Многие понятия, включённые в перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, обладают высокой степенью смысловой близости, что порождает избыточность и дублирование смыслов. Так, категории «коллективизм» и «взаимопомощь» по сути отражают один и тот же социально-нравственный феномен, связанный с приоритетом общих интересов, солидарностью и готовностью личности действовать ради блага группы. В гуманитарных науках эти понятия рассматриваются как взаимодополняющие, однако в юридическом дискурсе такая близость приводит к необходимости их искусственного разграничения, что затрудняет нормативное закрепление и снижает терминологическую точность.

Аналогичная ситуация наблюдается в отношении понятия «служение Отечеству», которое может рассматриваться как форма патриотизма. Патриотизм включает широкий спектр эмоциональных и поведенческих проявлений, а «служение Отечеству» - лишь один из его практических аспектов, связанный с исполнением государственных или общественно значимых обязанностей. Выделение данного понятия в качестве самостоятельной ценности может рассматриваться как неоправданное дробление более общего концепта, что также усложняет систематизацию ценностного ряда.

Особого внимания требует категория «высокие нравственные ценности», поскольку она носит обобщающий характер и фактически включает в себя многие из перечисленных в перечне ориентиров, таких как гуманизм, милосердие, справедливость и взаимное уважение. Эта категория выступает своего рода собирательным понятием, объединяющим различные этические установки, что делает её содержательно объёмной, но одновременно - неопределённой с точки зрения юридико-технических требований. Проблема усугубляется тем, что «высокие нравственные ценности» обладают существенной субъективностью: отсутствуют универсальные и объективные критерии, позволяющие точно измерять степень соответствия поведения личности «высокому нравственному уровню». Оценка всегда опирается на личные убеждения, эмоциональные реакции, культурные нормы и индивидуальные жизненные установки.

Высокий уровень субъективности характерен и для категории «справедливость». Несмотря на её фундаментальную значимость для права, содержание понятия справедливости не является стабильным и универсальным. Оно варьируется в зависимости от контекста. Справедливость может пониматься как равенство возможностей, как пропорциональность ответственности, как воздаяние по заслугам или как восстановление нарушенного баланса. Эта многозначность делает правовое использование категории неизбежно оценочным и открытым для интерпретаций.

Таким образом, анализ отдельных духовно-нравственных категорий показывает, что их включение в нормативные перечни без достаточной методологической проработки приводит к смысловой размытости и трудностям правоприменения. Междисциплинарная природа ценностей, их субъективность и семантические пересечения требуют более точной концептуализации в юридической науке и выработки критериев, позволяющих адаптировать эти понятия к требованиям нормативной систематики.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // «Официальный интернет-портал правовой информации» – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.10.2025).
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. №809 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 28.10.2025).
3. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации Валерия Дмитриевича Зорькина на лекции на Петербургском международном юридическом форуме [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ksrf.ru/information/speech/12929> (дата обращения: 28.10.2025).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // "Official Internet Portal of Legal Information" – URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of application: 10/28/2025).
2. On the approval of the Fundamentals of the State Policy on Conservation and Strengthening traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed 28.10.2025).
3. The official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. Speech by Valery Dmitrievich Zorkin, Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, at a lecture at the St. Petersburg International Legal Forum [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.ksrf.ru/information/speech/12929> (date of request: 28.10.2025).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО РЕБЕНКА В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ: ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ И СОВРЕМЕННАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА DETERMINATION OF THE PLACE OF RESIDENCE OF A MINOR CHILD IN COURT: LEGAL CRITERIA AND MODERN JUDICIAL PRACTICE

ХАРРАСОВ Фидан Фатихович,

исполняющий обязанности заведующего кафедрой естественнонаучных и общетехнических дисциплин филиала Уфимского университета науки и технологий в г. Кумертау (филиал УУНиТ в г. Кумертау), кандидат исторических наук. 453300, Россия, Республика Башкортостан, г. Кумертау, ул. Максима Горького, д. 22 а.
E-mail: harrasov86@mail.ru

НОВИКОВА Оксана Ивановна,

доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат исторических наук, доцент. 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского 131.
E-mail: nov13.1973@mail.ru

KHARRASOV Fidan Fatikhovich,

Acting Head of the Department of Natural Sciences and General Technical Disciplines of the Ufa University of Science and Technology branch in Kumertau (UUNIT branch in Kumertau), Candidate of Historical Sciences. Maxim Gorky str., 22a, Kumertau, Republic of Bashkortostan, 453300, Russia.
E-mail: harrasov86@mail.ru

NOVIKOVA Oksana Ivanovna,

Associate Professor of the Department of State and Law Theory at the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. 131, Dostoevsky St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia.
E-mail: nov13.1973@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается эволюция правового регулирования и практики разрешения споров об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка при раздельном проживании родителей. Автор анализирует ключевые критерии, используемые судами при принятии решений, через призму исторического развития института и современной судебной практики. Особое внимание уделяется проблеме баланса между принципом равенства родительских прав и интересами ребенка, а также вопросам исполнимости судебных актов. На основе анализа сформулированы практические рекомендации для участников споров и предложения по совершенствованию законодательства.

Abstract: The article examines the evolution of legal regulation and practice in resolving disputes regarding the determination of a minor child's place of residence when parents live separately. The author analyzes the key criteria used by courts in making decisions through the lens of the historical development of the institution and modern judicial practice. Particular attention is paid to the problem of balancing the principle of equality of parental rights with the interests of the child, as well as issues of enforceability of court rulings. Based on the analysis, practical recommendations for the parties to disputes and proposals for improving legislation are formulated.

Ключевые слова: место жительства ребенка, интересы ребенка, раздельное проживание родителей, судебный спор, родительские права, опека и попечительство, исполнимость судебного решения.

Keywords: child's place of residence, best interests of the child, separated parents, parental rights, custody and guardianship, enforcement of court decisions.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Распад семьи является одним из наиболее травматичных событий в жизни несовершеннолетнего, порождая комплекс правовых проблем, центральной из которых становится определение его места жительства. В условиях, когда родители не могут достичь соглашения, этот вопрос подлежит разрешению в судебном порядке. Актуальность темы обусловлена не только высокой частотой подобных споров, но и их исключительной социальной значимостью, поскольку от исхода дела напрямую зависит судьба ребенка. Как справедливо отмечает А.Р. Пурге, «споры об определении места жительства ребенка являются в судебной практике самыми сложными, неоднозначными, трудноразрешимыми» [6, с. 74], что осложняется принципом равенства прав родителей и обилием оценочных категорий.

Историко-правовой анализ позволяет проследить трансформацию подхода от безусловного приоритета отцовской власти в дореволюционной России к формированию в советский период системы критериев, фокусирующейся на интересах ребенка. Современное семейное законодательство Российской Федерации, интегрируя международные стандарты, закрепило данный подход, однако его практическая реализация продолжает сталкиваться с рядом сложностей.

В научной литературе проблемы определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей исследуются в различных аспектах. С.И. Реутов в своей работе анализирует действующее законодательство и судебную практику, уделяя особое внимание вопросам защиты прав и интересов детей, возможности решения спора путем заключения соглашения родителей, а также учету мнения ребенка в зависимости от его возраста [7]. Автор вносит предложения по совершенствованию семейного законодательства, в частности, о закреплении правила, согласно которому спор о месте жительства ребенка может разрешаться как в суде, так и в органах опеки и попечительства. В свою

очередь исследователь Е.Е. Леканова в своей статье рассматривает проблему через призму исторического развития института преимущественного права на воспитание [3]. Автор анализирует причины изменения приоритетных субъектов воспитания ребенка в исторической ретроспективе, отмечая, что в дореволюционный период преимущественное право на воспитание принадлежало отцу, в советский период не признавалось ни за одним из родителей, а в постсоветский период часть правоприменителей стала признавать его за матерью, ссылаясь на ст. 6 Декларации о правах ребенка 1959 г. Е.Е. Леканова критикует данную практику, указывая на устаревший характер презумпции преимущественного права матери и необходимость руководствоваться принципом равенства прав обоих родителей, зафиксированным в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ).

В дореволюционный период спор об определении места жительства ребенка регулировался фрагментарно. Свод законов Российской империи 1832 г. содержал лишь отдельные нормы, регулирующие данный вопрос исключительно на случай признания брака недействительным. Преимущественное право на воспитание принадлежало отцу как главе семейства, что соответствовало патриархальному укладу общества [1, с. 298]. Как отмечает Е.Е. Леканова, «в дореволюционный период преимущественное право на воспитание ребенка принадлежало отцу как главе семейства» [3, с. 45].

Кардинальные изменения произошли в советский период. Кодекс законов об актах гражданского состояния 1918 г. и последующие брачно-семейные кодексы закрепили принцип разрешения спора исходя из интересов ребенка. Однако детализированный перечень критериев в законодательстве отсутствовал, что предоставляло судам широкое усмотрение и зачастую приводило к непрофессиональным решениям, когда ребенок по умолчанию оставался с матерью без надлежащей оценки обстоятельств [4, с. 91]. При этом, как подчеркивает Е.Е. Леканова, «советское право не знало никаких презумпций в пользу отца или матери при решении спора о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей» [3, с. 46].

Знаковым событием стало принятие в 1928 г. Положения об органах опеки и попечительства, обязавшего данные органы участвовать в судебных процессах и предоставлять заключения об условиях жизни родителей. Именно с этого момента в правоприменительной практике начала активно формироваться система критериев, ставшая основой для современного законодательства. Суды стали учитывать характер отношений между ребенком и каждым из родителей, их нравственные и личные качества, жилищные и материально-бытовые условия, семейное положение и возможность заниматься воспитанием, мнение ребенка, достигшего определенного возраста, а также его привязанность к братьям и сестрам [4, с. 92-94]. Данная система была имплементирована в Семейный кодекс РФ (п. 3 ст. 65), что придало ей легальный статус и обязательный характер для судов.

Современная судебная практика, отраженная в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.), демонстрирует преемственность сформированных в советский период подходов, но с более глубоким психолого-педагогическим обоснованием принимаемых решений.

При рассмотрении дел суды обязаны учитывать мнение ребенка, достигшего 10 лет, если это не противоречит его интересам (ст. 57, 65 СК РФ). Однако это не означает, что мнение ребенка является определяющим. Как показывает практика, суды могут не согласиться с позицией ребенка, если она сформирована под влиянием одного из родителей, носит сиюминутный характер или противоречит объективным интересам несовершеннолетнего [6]. Для установления истинной привязанности и мотивов ребенка все чаще привлекаются педагоги-психологи, которые проводят специализированные обследования (методика «Моя семья», выявление амбивалентных чувств и т.д.) [4, с. 94]. В Обзоре Верховного Суда РФ особо подчеркивается, что опосредованное выяснение мнения ребенка (только через заключение органа опеки) не соответствует требованиям закона, и ребенок должен быть заслушан непосредственно в суде, с учетом мнения органа опеки о возможном неблагоприятном воздействии такого опроса [5]. При этом, как отмечает А.М. Кузнецова, «привязанность ребенка не может играть решающего значения, поскольку она может быть обусловлена и попустительским отношением к ребенку» [2, с. 76].

Важным аспектом является анализ условий для воспитания и развития. Суды тщательно изучают не только материальное положение и жилищные условия родителей (наличие отдельной комнаты, спального места, условий для занятий), но и их род деятельности, режим работы, социальное поведение. Так, наличие работы с ненормированным графиком или отсутствие постоянного дохода может быть расценено как фактор, ограничивающий возможность полноценного воспитания [6]. При этом, как указано в Обзоре, преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения его требований [5]. А.М. Кузнецова подчеркивает, что «высокий уровень заработка может иметь и обратную сторону – это значит, что родитель допоздна занят на работе и не сможет уделять ребенку достаточного внимания» [2, с. 77].

Одним из наиболее значимых критериев остаются нравственные качества родителей. Учету подлежат характеристики с места работы, жительства, данные из органов внутренних дел (например, о постановке на учет в связи с употреблением алкоголя), свидетельские показания. Суды, как правило, отказывают в передаче ребенка родителю, ведущему аморальный образ жизни, даже при наличии у него благоприятных материальных условий [4, с. 96]. В Обзоре Верховного Суда РФ отмечается, что суды запрашивают характеристики на родителей из информационных центров УВД, наркологических и психоневрологических диспансеров [5].

Существенным аргументом в суде является доказательство того, что ребенок с рождения или в течение длительного времени проживает с одним из родителей, который обеспечивает его стабильное развитие, обучение и лечение, то есть сложившийся порядок воспитания. Смена этой обстановки может рассматриваться как травмирующий фактор. В Обзоре приведены примеры решений, где вышестоящие суды отменяли решения первой инстанции, определившей место жительства с отцом, исходя из сохранения сложившегося жизненного уклада ребенка

с матерью [5].

Одной из наиболее дискуссионных тем в современной практике является вопрос о так называемом «проживании ребенка на два дома», когда отдельно проживающий родитель требует установить график общения, практически равный времени проживания с другим родителем.

Верховный Суд РФ в 2018 году занял четкую позицию по данному вопросу. Было указано, что постоянное чередование места проживания ребенка не позволяет обеспечить стабильность и благоприятные условия для его психического развития, формирует двойственное восприятие реальности и лишает ребенка чувства «настоящего дома» [4, с. 97]. Таким образом, был разрешен правовой конфликт между формальным равенством прав родителей (ст. 61 СК РФ) и интересами ребенка в стабильности. Приоритет был отдан последним.

На практике это означает, что время общения отдельно проживающего родителя (чаще всего отца) по продолжительности, как правило, меньше (например, выходные дни, каникулы), чем время проживания ребенка с основным воспитателем.

Несмотря на детальную регламентацию, на практике, как следует из Обзора Верховного Суда РФ, сохраняются серьезные проблемы. Одной из ключевых проблем является исполнимость судебных решений. Резолютивная часть судебного решения часто ограничивается констатацией факта определения места жительства, не возлагая на родителя прямую обязанность передать ребенка. Это создает почву для злоупотреблений и длительного противодействия исполнению решения [6]. В Обзоре отмечено, что отсутствие такого указания впоследствии приводит к обращению судебных приставов-исполнителей в суд с заявлениями о разъяснении судебного решения [5]. А.Р. Пурге приводит показательный пример, когда «отец ребенка в течение длительного времени препятствовал контактам матери с ребенком... Все это время мать не виделась с сыном. Обращения в федеральную службу судебных приставов, полицию, прокуратуру не принесли результата» [6, с. 7]. В целях защиты прав ребенка представляется целесообразным в обязательном порядке указывать в резолютивной части решения на обязанность родителя, с которым проживает ребенок, передать его другому родителю в установленный срок.

Значительное число конфликтов можно было бы предотвратить, сделав обязательной процедуру досудебного урегулирования, а именно заключения письменного соглашения о месте жительства ребенка и порядке общения с ним. Это не только сократило бы нагрузку на суды, но и способствовало бы поиску компромиссных решений, наилучшим образом отвечающих интересам ребенка. Целесообразно рассмотреть возможность внесения соответствующих изменений в ч. 2 ст. 65 СК РФ. А.М. Кузнецова также поддерживает эту идею, предлагая закрепить правило, согласно которому «соглашение об определении места проживания детей при раздельном проживании родителей все-таки лучше удостоверить в нотариальном порядке с последующей регистрацией соглашения в органах опеки и попечительства» [2, с. 74]. Вместе с тем, как указано в Обзоре, суды не вправе возвращать иски по данным спорам за несоблюдение досудебного порядка, поскольку он законодательством не предусмотрен [5].

Таким образом, современный подход к разрешению споров об определении места жительства ребенка базируется на приоритете его интересов, сформированном в ходе исторического развития семейного права. Заложенная в советский период система критериев была развита и детализирована, что позволяет судам принимать взвешенные решения, что подтверждается практикой, обобщенной Верховным Судом РФ. Однако для повышения эффективности правового регулирования необходима дальнейшая работа, направленная на обеспечение реальной исполнимости судебных актов и стимулирование родителей к досудебному урегулированию столь сложных и значимых для ребенка споров. Только комплексный подход, сочетающий в себе четкие правовые нормы, профессиональную судебную практику и ответственное отношение родителей к своим обязанностям, может гарантировать защиту прав и интересов несовершеннолетнего в условиях распада семьи.

Список литературы:

1. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909. 574 с.
2. Кузнецова А.М. Споры о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей // Вестник магистратуры. 2015. № 9(48). С. 73-79.
3. Леканова Е.Е. Приоритетное право на воспитание: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 4 (161). С. 42-52.
4. Леканова Е.Е. Спор об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1 (158). С. 88-101.
5. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70136426/> (Дата обращения: 22.10.2025).
6. Пурге А.Р. Особенности разрешения споров между родителями об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка в судебном порядке // Политика и Общество. 2016. № 8. С. 73-79.
7. Реутов С.И. Правовые вопросы разрешения споров о месте жительства детей при раздельном проживании родителей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2(8). С. 1-7.
8. Чернова Э.Р. Приоритетные направления государственной семейной политики в Российской Федерации // Здоровое, ответственное родительство – залог счастливого детства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Стерлитамак, 2022. С. 197-203.

References:

1. Zagorovsky A.I. The course of family law. Odessa, 1909. 574 p.
2. Kuznetsova A.M. Disputes about the child's place of residence when parents are separated // Bulletin of the Magistracy. 2015. No. 9(48). pp. 73-79.
3. Lekanova E.E. The priority right to education: history and modernity // Actual problems of Russian law. 2024. No. 4 (161). pp. 42-52.
4. Lekanova E.E. Dispute about determining the place of residence of a child in case of separation of parents: history and modernity // Actual problems of Russian law. 2024. No. 1 (158). pp. 88-101.
5. Review of the practice of court resolution of disputes related to the upbringing of children (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 20, 2011) // Access from references.-the legal system "Garant". URL: <https://base.garant.ru/70136426/> (Date of application: 10/22/2025).
6. Purge A.R. Peculiarities of resolving disputes between parents on determining the place of residence of a minor child in court // Politics and Society. 2016. No. 8. pp. 73-79.
7. Reutov S.I. Legal issues of dispute resolution on the place of residence of children in case of separation of parents // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2010. Issue 2(8). pp. 1-7.
8. Chernova E.R. Priority areas of state family policy in the Russian Federation // Healthy, responsible parenting is the key to a happy childhood: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Sterlitamak, 2022. pp. 197-203.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF THE LEGAL REGIME OF SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS OF LOCAL SIGNIFICANCE

ПАНИНА Мария Александровна,

преподаватель кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВО «СГЮА».

410056, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

E-mail: mariarann@yandex.ru

PANINA Maria Aleksandrovna,

Lecturer of the Department of Land and Environmental Law, Saratov State Law Academy.

104 Chernyshevsky st., Saratov, 410056, Russia.

E-mail: mariarann@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется правовой режим особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) местного значения. Проводится анализ федерального и регионального законодательства в отношении ООПТ местного значения, рассмотрены проблемы правового регулирования данной категории земель.

Abstract: The article examines the legal regime of specially protected natural areas (hereinafter referred to as protected areas) of local significance. The analysis of federal and regional legislation in relation to protected areas of local importance is carried out, the problems of legal regulation of this category of lands are considered.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, местное значение, муниципальное образование, экология, окружающая среда.

Keywords: specially protected natural territories, local importance, municipality, ecology, environment.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Одним из ключевых экологических вызовов современного мира является рост антропогенной нагрузки на окружающую среду, вызванный увеличением числа крупных городских агломераций. Стремительное развитие транспортной инфраструктуры, интенсивная застройка, а также большое количество промышленных выбросов приводят к деградации экосистем и сокращению биоразнообразия, что, в свою очередь, неминуемо приводит к ухудшению жизни населения. Учитывая все названные факторы, особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ) местного значения играют важную экологическую, экономическую и социальную роль. Они не только выступают в качестве «зеленых легких» для населенных пунктов и сохраняют природный каркас территорий, но и являются важным рекреационным ресурсом, выступают в качестве объектов экологического просвещения, обеспечивают население рабочими местами.

На сегодняшний день правовой режим ООПТ местного значения в Российской Федерации недостаточно урегулирован и является фрагментарным, что влечет ряд проблем, связанных с процедурой их создания и управления, бюджетным финансированием и пр. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» закрепляет шесть категорий ООПТ, включая: государственные природные заповедники, в том числе биосферные заповедники; национальные парки; природные парки; государственные природные заказники; памятники природы; дендрологические парки и ботанические сады. Названные категории могут быть отнесены к ООПТ федерального или регионального значения. Однако пункт 3 статьи 2 закрепляет возможность установления иных категорий регионального и местного значения законами субъектов Российской Федерации, не уточняя какие именно ООПТ могут быть созданы на местном или региональном уровнях¹.

Е.А. Николаева и О.Е. Тарасова в своей работе справедливо отмечают, что региональное законодательство, определяя перечень особо охраняемых природных территорий местного значения, имеет существенные отличия от федеральных норм. Существующее многообразие можно рассматривать двояко. С одной стороны, учитываются местные географические, национальные, исторические особенности субъектов Российской Федерации. С другой стороны, отсутствие единого подхода к классификации и систематизации особо охраняемых территорий местного значения приводит к путанице и слепому копированию норм федерального законодательства. Одновременно остается нерешенной проблема терминологического характера. Например, что понимать под «микрзаповедниками» и чем они отличаются от обычных заповедников или каковы критерии соответствия деревьев-долгожителей, пещер, истоков рек, скал и других объектов, отнесенных в региональном законодательстве к особо охраняемым территориям местного значения [5].

Федеральное законодательство об ООПТ только закрепляет возможность создания таких территорий местного значения, делегируя все основные вопросы региональным исполнительным органам и муниципальным образованиям, которые зачастую не обладают нужными ресурсами для детальной разработки эффективных правовых механизмов. Таким образом, законодательство об ООПТ местного значения часто носит рамочный и декларативный характер.

На сегодняшний день на территории Российской Федерации существует множество ООПТ местного значения, к ним можно отнести особо охраняемые водные объекты, природные рекреационные комплексы, природные резерваты, памятники живой природы и ландшафтные

¹ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. 1995. № 12, ст. 1024; 2024, № 51, ст. 7854.

парки, парковые зоны, скверы, природные рекреационные комплексы, охраняемые природные объекты [4].

Федеральное законодательство закрепляет полномочия органов местного самоуправления по созданию ООПТ местного значения на территории земельных участков, являющихся собственностью муниципальных образований, самостоятельно и по согласованию с региональными исполнительными органами власти в отдельных случаях. Также статья 5.2. упомянутого закона относит организацию туризма на ООПТ местного значения, в том числе и вопросы обеспечения безопасности туризма, порядок расчета предельно допустимой рекреационной емкости таких территорий при осуществлении туризма на основании утверждаемых Правительством Российской Федерации Типовых правил¹ к обязанностям органов местного самоуправления, если эти ООПТ находятся в их ведении. Остальные статьи федерального закона, регулирующие общие вопросы организации и охраны ООПТ, также распространяются и на ООПТ местного значения. Однако, федеральное законодательство не учитывает конкретные особенности ООПТ местного значения и не вводит специальные нормы по их созданию, функционированию или охране, делегируя эти полномочия на региональный и местный уровни.

Таким образом, ООПТ местного значения создаются, управляются и ликвидируются по инициативе региональных и местных органов власти, что содержит в себе ряд плюсов и минусов. В статьях 14-16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² осуществление муниципального контроля в области охраны и использования ООПТ местного значения также отнесено к вопросам местного значения городского и сельского поселения, муниципального района, муниципального, городского округа.

К существенному плюсу местного регулирования таких охраняемых территорий можно отнести простоту и легкость создания, которая отвечает вызовам и актуальным экологическим проблемам региона. Решение локальных проблем в данном случае происходит оперативно, не требуя долгого согласования с федеральными органами, что позволяет избежать многих бюрократических механизмов.

ООПТ местного значения часто являются городские леса, небольшие парки и урочища, рощи, которые имеют важнейшее значение для муниципального образования, на территории которых они создаются. Создание ООПТ местного значения, как правило, в отличие от ООПТ федерального и регионального значения направлено на решение экологических проблем конкретных населенных пунктов и непосредственно отражается на уровне жизни местного населения.

Так, названные природные территории напрямую влияют на чистоту воздуха, качество и компоненты почвы, количество вредных выбросов в атмосферу, охрану важнейших для городов рек, озер и других водоемов, животный мир. В отличие от ООПТ федерального и регионального значения местные ООПТ направлены на сохранение не только редких и исчезающих видов растений и животных (чаще всего), но и для сохранения мест обитания обычных видов, которые если и не представляют особой ценности в масштабах всего государства, но имеют важное значение для сохранения биоразнообразия конкретной местности. Отнесение территорий к ООПТ местного значения также позволяет оградить их от захламления и застройки, учитывая проблемы конкретных населенных пунктов.

Рассматриваемые территории имеют важнейшее социальное и экономическое значение для муниципальных образований. Создаются оборудованные экологические тропы, смотровые площадки, места для отдыха и прогулок. Данная инфраструктура предназначена не только для приезжих туристов, а по большей мере создана для повседневного досуга местного населения, а также новых рабочих мест. В этом случае легкость создания и наделения территорий охраняемым статусом также выступает значительным плюсом, поскольку позволяет сделать данную процедуру быстрой и не затянuteй, что очень важно для создания благоприятной социальной среды в регионе. Наличие благоустроенных природных комплексов напрямую повышает качество жизни и влияет на привлекательность конкретного населенного пункта при выборе места проживания.

ООПТ местного значения также выступают важнейшими центрами экологического просвещения, воспитания и культуры. Школьные экскурсии, субботники, образовательные программы, выездные форумы – все это позволяет сформировать бережное и трепетное отношение к природе родного края и города.

Создание ООПТ местного значения по своей сути является одним из главных инструментов, позволяющих сохранить и обустроить природную среду для комфортной повседневной жизни. Целью создания таких ООПТ, в отличие от ООПТ федерального и регионального значения, является не столько решение глобальных экологических проблем, сколько приносит пользу для здоровья, воспитания, экологии конкретных населенных пунктов и их жителей. Правовые режимы ООПТ местного значения, которые вводятся и регулируются «на местах», учитывают и предусматривают все возможные нюансы и потребности таких территорий, а также их значимость для муниципального образования и региона, чего невозможно было бы достигнуть исключительно регулированием на федеральном уровне.

Наряду с существенными плюсами правового режима ООПТ местного значения можно выделить и некоторые минусы. Одним из ключевых минусов является недостаточное правовое регулирование создания, функционирования и, что самое главное, лишения охранного статуса таких территорий. В отличие от ООПТ федерального и регионального значения, их регулированию отведено недостаточно места в федеральном законодательстве, регионы же, в свою очередь, также не всегда детально и добросовестно подходят к этому вопросу.

По подсчетам А.А. Демичева, из 87 субъектов Российской Федерации (не считая Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики) только в законах 56 из них устанавливаются конкретные категории ООПТ местного значения [1]. На основе анализа региональных нормативных правовых актов об ООПТ, в которых называются конкретные категории ООПТ местного значения, в качестве примеров можно

¹ Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2023 № 2230 «Об утверждении Типовых правил организации и осуществления туризма, в том числе обеспечения безопасности туризма на особо охраняемых природных территориях регионального и местного значения» // СЗ РФ. 2023. № 52. ст. 9658.

² Федеральный закон от 06 октября 2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822, СЗ РФ. 2025. № 12, ст. 1200.

выделить следующие виды ООПТ местного значения: биологические станции (Астраханская область); болотные комплексы (Еврейская автономная область, Ярославская область); городские (поселковые) парки культуры и отдыха (Калининградская область); городские леса, городские парки (скверы) (Калужская область) и др. [2]. В Московской области определены следующие категории особо охраняемых природных территорий местного значения: особо охраняемые водные объекты, природные рекреационные комплексы, природные резерваты, памятники живой природы, ландшафтные парки [3].

Например, в Саратовской области действует закон Саратовской области «Об особо охраняемых природных территориях местного значения в Саратовской области»¹, который относит к таким территориям особо охраняемое природное урочище и особо охраняемый природный ландшафт. Данный закон содержит в себе всего 8 статей, что позволяет сделать вывод о необходимости его дополнения и детализации в соответствии с вызовами современного мира. Также в дополнение к действующему региональному закону в 2017 году было принято Постановление Правительства Саратовской области «О порядке согласования решения органа местного самоуправления о создании особо охраняемой природной территории местного значения»², которое устанавливает порядок согласования решения органа местного самоуправления о создании особо охраняемой природной территории местного значения в Саратовской области в случае, если создаваемая особо охраняемая природная территория местного значения будет занимать более чем пять процентов от общей площади земельных участков, находящихся в собственности муниципального образования.

Закон Республики Башкортостан «Об особо охраняемых природных территориях в Республике Башкортостан»³ закрепляет следующие виды ООПТ местного значения: туристско-рекреационные местности, природные резерваты, охраняемые природные комплексы.

Во многих же других регионах вообще нет законодательства о местных ООПТ или в некоторых случаях об ООПТ вообще, что делает правовой режим данных территорий еще более уязвимым, поскольку федеральное законодательство не может учитывать все региональные природные и антропогенные особенности, а также характеристики местных ООПТ при регулировании данного вопроса. Кроме того, во многих муниципальных образованиях отсутствует и регулирование муниципального контроля в рассматриваемой сфере, что обуславливает вывод о том, что вопрос местного значения – осуществление муниципального контроля, предусмотренный Законом № 131-ФЗ, фактически не решается органами местного самоуправления, что следует рассматривать как нарушение законодательства [3].

Данное положение приводит к превышению органами власти и отдельными должностными лицами, ответственными за вопросы регулирования отношений в сфере ООПТ местного значения, своих полномочий, что влечет за собой порчу данных земель и природных комплексов, их незаконную застройку (под предлогом рекреационной деятельности), загрязнение, а в некоторых случаях и лишение охранный статуса.

В итоге приходим к выводу, что ООПТ местного значения являются важным элементом для сохранения и обеспечения благоприятной среды, в том числе и для жизни человека. ООПТ местного значения играют важную социальную, экономическую и экологическую роль в жизни отдельных населенных пунктов и региона в целом: являясь «зелеными легкими» городов, обеспечивая население благоустроенным пространством для отдыха и оздоровления, создавая рабочие места, сохраняя природные экосистемы и ландшафты. В то же время, вопрос правового регулирования ООПТ местного значения стоит достаточно остро и характеризуется значительными недостатками, выражающимися в фрагментарном и неполном регулировании данной категории земель на региональном и местном уровнях, что негативно влияет на их функционирование и сохранение природных ресурсов региона.

Список литературы:

1. Демичев А.А. Памятники садово-паркового искусства как особо охраняемая природная территория местного значения // Экологическое право. 2025. № 1. С. 21-27.
2. Демичев А.А. Особо охраняемые природные территории местного значения: общая характеристика законодательства и категории // Экологическое право. 2024. № 5. С. 8-13.
3. Нарутто С.В., Ряшин М.П. Роль муниципального контроля в развитии комфортной городской среды: монография. М.: НОРМА «ИНФРА-М», 2024. 204 с.
4. Давыдова Н.Ю., Черепова И.С. Нормативно-правовые основы создания и развития особо охраняемых природных территорий местного значения (на примере Оренбургской области) // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 10 В. С. 292-305.
5. Николаева Е.А., Тарасова О.Е. Правовой режим особо охраняемых природных территорий в России и зарубежных странах // Экологическое право. 2023. № 5. С.34-37.

References:

1. Demichev A.A. Monuments of landscape art as a specially protected natural area of local importance // Environmental law. 2025. No. 1. pp. 21-27.
2. Demichev A.A. Specially protected natural territories of local importance: general characteristics of legislation and categories // Ecological law. 2024. No. 5. pp. 8-13.
3. Narutto S.V., Ryashin M.P. The role of municipal control in the development of a comfortable urban environment: monograph. Moscow: NORM "INFRA-M", 2024. 204 p.
4. Davydova N.Yu., Cherepova I.S. Regulatory and legal bases for the creation and development of specially protected natural territories of local importance (on the example of the Orenburg region) // Issues of Russian and international law. 2016. Volume 6. No. 10 V. S. 292-305.
5. Nikolaeva E.A., Tarasova O.E. Legal regime of specially protected natural territories in Russia and foreign countries // Environmental law. 2023. No. 5. pp.34-37.

¹ Закон Саратовской области от 27 декабря 2016 № 171-ЗСО «Об особо охраняемых природных территориях местного значения в Саратовской области» (принят Саратовской областной Думой 26.12.2016) // Собрание законодательства Саратовской области. 2016. № 16.

² Постановление Правительства Саратовской области от 25 августа 2017 № 439-П (ред. от 21.07.2022) «О порядке согласования решения органа местного самоуправления о создании особо охраняемой природной территории местного значения». // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.08.2017 (дата обращения: 10.11.2024).

³ Закон Республики Башкортостан от 31 июля 1995 № 5-з (ред. от 30.06.2025) «Об особо охраняемых природных территориях в Республике Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 1995. № 10 (40), ст. 399. Республика Башкортостан. 2025. № 79(29914).

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE PENALTIES IN THE FIELD OF TRAFFIC

ШАКЛЕИН Сергей Николаевич,

Начальник управления Госавтоинспекции
Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, соискатель ФГКУ «ВНИИ МВД России»
685000, Россия, г. Магадан, ул. Гагарина, д. 39/21.
shaklein83@mail.ru

SHAKLEIN Sergey Nikolaevich,

Head of the State Traffic Inspectorate Department
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, applicant of the NRI of the Ministry of Interior of the Russian
685000, Magadan, Gagarina str., 39/21.
shaklein83@mail.ru

Краткая аннотация: На протяжении длительного времени вопрос повышения эффективности назначения и исполнения административного наказания исследовался научным сообществом, а на законодательном уровне законодатель зачастую лишь ограничивался его ужесточением. Однако наличие дорожной деликтности показывает нам, что требуется проведение комплексных научных исследований в области повышения эффективности административного наказания. Об этом свидетельствует ежегодный рост административных правонарушений, наличие их повторности, несовершенство правовых конструкций административно-юрисдикционных санкций (наличие одного вида наказания за совершение грубого нарушения такого как лишение специального права управления), не позволяющие в полной мере правоприменителю выбрать и назначить индивидуальное, соразмерное и справедливое административное наказание, которое бы оказало надлежащее воспитательное воздействие и привило правовую, нравственную привычку не допускать повторных нарушений правил дорожного движения. Целью административного наказания должно стать воспитание лица, предупреждение совершения им вновь административного правонарушения и повышение правосознания и правовой культуры участников дорожного движения. Необходимо синтезировать знания юриспруденции, социологии, психологии и педагогики и использовать их в поиске путей повышения эффективности административных наказаний.

Abstract: For a long time, the issue of increasing the effectiveness of the appointment and execution of administrative punishment has been studied by the scientific community, and at the legislative level, legislators often limited themselves to tightening it. However, the presence of traffic offences shows us that comprehensive scientific research is required to improve the effectiveness of administrative punishment. This is evidenced by the annual increase in administrative offenses, the presence of their recurrence, the imperfection of the legal structures of administrative and jurisdictional sanctions (the presence of one type of punishment for committing a gross violation such as deprivation of special administrative rights), which do not fully allow the law enforcement officer to choose and appoint an individual, proportionate and fair administrative punishment that would have a proper educational impact and it has instilled a legal and moral habit of preventing repeated violations of traffic rules. The purpose of administrative punishment should be to educate a person, prevent them from committing an administrative offense again, and increase the legal awareness and legal culture of road users. It is necessary to synthesize the knowledge of jurisprudence, sociology, psychology and pedagogy and use it in the search for ways to increase the effectiveness of administrative penalties.

Ключевые слова: административное наказание, цель административного наказания, безопасность дорожного движения, глава 12 КоАП РФ, эффективность административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения, санкции, специально-технические средства, работающие в автоматическом режиме.

Keywords: administrative punishment, purpose of administrative punishment, road safety, Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation, effectiveness of administrative penalties for traffic offenses, sanctions, special equipment operating in automatic mode.

Статья поступила в редакцию: 28.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Несмотря на давность исследования вопроса повышения эффективности административного наказания, данный вопрос остается одним из обсуждаемых не только научным сообществом, но и должностными лицами, осуществляющими административно-юрисдикционную деятельность, и гражданами, не имеющими специального образования.

Объясняется это тем, что за последние пять лет прирост административных правонарушений с 2020 г. по 2024 г. составил с 175 707 344 до 261 835 731 (на 149%)¹. И это только официальная статистика, а сколько совершается латентных административных правонарушений остается только предполагать, на основании того, что самим приходится становиться свидетелями таких правонарушений и получать информацию от других источников, в том числе из средств массовой информации.

Несомненно, большая часть административных правонарушений совершается в области дорожного движения. За последние пять лет увеличение количества административных правонарушений составило с 167 192 664 до 255 123 051² (на 152,6 %).

Такой количество административных правонарушений можно объяснить увеличением специальных технических средств, работающими в автоматическом режиме³ (в 2024 году для контроля (надзора) за дорожным движением использовалось 31970 комплексов)⁴.

Однако такому объяснению можно возразить:

– увеличение количества комплексов происходит уже на протяжении более десяти лет. Только с 2017 года увеличилось на 137% количество комплексов, при этом отмечается рост количества выявленных с их использованием административных правонарушений на 186%⁵;

– с 1 июля 2008 года вступили в силу изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях о введении административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств¹. При этом законодатель заблаговременно, в июле 2007 года,

¹ ЦСИ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». URL: <http://10.5.0.16/csi>.

² Данные формы федерального статистического наблюдения «Сведения о состоянии безопасности дорожного движения» - Форма «№ 1-БДД». Раздел 1. Введена в действие приказом МВД России от 08.02.2018 № 79.

³ Далее – «Комплексы».

⁴ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, С. 131.

⁵ Там же. С. 131.

принял данные изменения, чтобы образовался профилактический период, целью которого является привитие правомерного поведения и соблюдения правил дорожного движения путем самовоспитания, мотивации к законопослушному и безопасному поведению в условиях дорожного движения.

– на сайте Госавтоинспекции имеется информация о местах размещения комплексов, информирующая водителей об их наличии (установки) с целью повышения профилактического эффекта, направленного на исключение угроз и рисков совершения дорожно-транспортных происшествий и, тем самым, недопущения совершения административных правонарушений;

– увеличение количества комплексов привело к маргинализации общества: ответной реакцией общества на это стало приобретение мобильных антирадаров, сигнализирующих о приближении к рубежу контроля, а также технических устройств, препятствующих распознаванию государственных регистрационных номеров автомобилей.

Особую обеспокоенность вызывает повторность административных правонарушений.

Примечательной статистикой служит один из распространенных видов административных правонарушений в области дорожного движения, показывающая растущую повторность, – превышение установленной скорости, являющееся основной и самой распространенной причиной дорожно-транспортных происшествий: в 2021 г. количество совершенных административных правонарушений по ч. 3 ст. 12.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² составило 3 514 733 случаев, а совершенных повторно – 2 530 273 (ч. 6 ст. 12.9 КоАП РФ), рецидивность составила 71,99%; в 2022 г. повторность – 88,27%; в 2023 г. – 95,63%; в 2024 г. – 100,63%³.

Аналогичную динамику повторности демонстрируют административные правонарушения по ч. 1 ст. 12.12 КоАП РФ: в 2018 г. выявлено 1 201 172 административных правонарушений, а повторно совершенных (ч. 3 ст. 12.12 КоАП РФ) – 236 124, что составило 19,66%; в 2019 г. повторность составило 26,63%; в 2020 г. – 26,13%; в 2021 г. – 30,63%; в 2022 г. – 43,02%; в 2023 г. – 38,01%; в 2024 г. – 44,99%⁴.

Относительно выбранных составов административных правонарушений можно возразить, так как отобраны наиболее типичные и многочисленны нарушения. Однако их ценность как раз и заключается в том, что рассматриваемые составы административных правонарушений чаще всего фиксируются автоматическими комплексами, это делается каждый раз, как только вновь совершен противоправный проступок. Польза подобных результатов заключается в их максимальной объективности к реальному состоянию дел в отдельно взятой сфере, нейтрализации латентности, соответствующей административной деликтности. Таким образом, административная деликтность в целом имеет сходную тенденцию с ее частными случаями повторности, а значит, не имеет эффективного государственно-принудительного механизма противодействия рецидивности. Следовательно, современные меры противодействия административным правонарушениям не способны в достаточной мере эффективно влиять на поведение административных делинквентов, предупреждать совершение ими новых административных правонарушений.

Отсюда делается вывод, что принимаемые меры, направленные лишь на ужесточение наказания, увеличение размера штрафа, являются недостаточными. Анализ такой практики показывает, что эти меры носят временный характер, краткосрочный, со стороны населения это больше вызывает неодобрение, а затем – привыкание, после которого законодатель повторяет процедуру с увеличением размера штрафа. Б.В. Россинский в своем исследовании отмечал, что снижение количества нарушений правил дорожного движения и количества ДТП после увеличения размера штрафов происходило примерно до 6 – 9 месяцев, а иногда до одного года и даже несколько дольше [1, с. 11].

Изучая вопросы эффективности норм административно-деликтного права, О.С. Рогачева указала на бесперспективность попыток искоренить правонарушения в области дорожного движения только путем усиления административной ответственности [2, с. 4 – 7].

В.И. Майоров, исследуя эффективность применения административных наказаний, подчеркнул, что ужесточение административно-деликтных санкций не способствует в необходимом объеме решению проблемы, так как для постоянных нарушителей наказание не выполняет превентивной функции и для повышения его эффективности необходимо применять дифференцированный подход [3, с. 45]⁵.

При этом некоторые административно-деликтные санкции не содержат дифференцированного подхода, что невозможным делает для правоприменителя выбор и назначение индивидуального наказания или вовсе не позволяет обеспечить исполнение основополагающего принципа неотвратимости административного наказания. За грубые нарушения⁶ санкция статьи предусматривает только один вид наказания – лишение специального права в виде права управления транспортным средством (в 12 Главе КоАП РФ таких составов насчитывается 11 (ч.ч. 2.1, 4, 5 ст. 12.2, ч.ч. 3, 4, 5, 6 ст. 12.5, ч. 7 ст. 12.9, ч. 3 ст. 12.10, ч. 5 ст. 12.15, ч. 3.1 ст. 12.16 КоАП РФ)). В отношении лица, не имеющего права управления транспортным средством, такое наказание сводит к минимуму воспитательный эффект.

Законодательная практика установления санкций, видов, размеров наказания, должно производиться в комплексе, чтобы у административного делинквента не было возможности избежать административного наказания, иначе это породит безнаказанность и вседозволенность и делает государство слабее, не способным защитить общество от лиц девиантного поведения. К примеру, в отношении лица женского пола, не имеющей права управления транспортным средством, у которой есть дети в возрасте до трех лет, не могут применяться такие виды административного наказания как лишение специального права в виде права управления транспортным средством, административный арест и обязательные работы. Законодателю при построении санкции статьи нужно ориентироваться прежде всего на воспитательную цель наказания. Перманентные изменения (ужесточение) административного наказания не позволяет в полной мере применить индивидуальное воспитательное нака-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002 г. (обращение 15.07.2025).

² Далее – «КоАП РФ».

³ Система информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России [Электронный ресурс] // Сервис обеспечения оперативно-служебной деятельности «Федеральная информационная система Госавтоинспекции МВД России «ФИС ГИБДД-М»». URL: <https://it.mvd.ru>.

⁴ Там же.

⁵ Майоров В. И. «Foresight» – инновационная технология совершенствования в сфере безопасности дорожного движения на основе взаимодействия государства и общества // Труды Академии управления МВД России. 2022. – № 3 (63). – С. 45.

⁶ Указ Президента РФ от 14.11.2025 № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 14.11.2025.

зание, направленное на коррекцию отношения к праву как социальному институту и системе правил поведения, социализации личности.

Санкция статьи должна содержать такой набор наказания, чтобы у правоприменителя была возможность выбора вида и размера наказания, и подобрать такое административное наказание, чтобы оно было индивидуальным, соответствовало соразмерности и справедливости, учитывая обстоятельства правонарушения, особенности социального статуса нарушителя, его материального и психологического состояния.

Ю.И. Полугаев обозначил, что установленные законодателем административные наказания за тот или иной вид административного правонарушения должны быть соразмерны его опасности. Обратное нарушает принципы справедливости и равенства перед законом [4, с. 424].

Перед должностным лицом административно-юрисдикционного органа стоит задача сформировать такое индивидуальное наказание, которое вызовет у виновного лица чувство справедливости понесенного им наказания, укрепит уважение к закону, правоприменителю и послужит стойкой привычкой правомерного поведения, и, что не менее важно, отразится на предупреждении совершения другими лицами правонарушений.

Индивидуальность наказания содержит в себе «значимость» для нарушителя, которая означает меру жизненной необходимости, важности, психологической зависимости (чуткости, ранимости) – чем важнее потребность, тем выше чуткость. К примеру, возникновение репутационных рисков, потеря доверия из-за осуществления административного преследования и придания гласности в части совершенного административного деликта, путем направления сообщения по месту работы (службы). Для такой категории нарушителей значимость статусного положения выше расходов, понесенных в результате наложенных наказаний в виде административных штрафов (готовность оплатить штраф, главное, чтоб не уведомляли по месту работы (службы)). Чем выше значимость закона, тем больше воспитательный и профилактический эффект от его применения, а значит и выше вероятность предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Правоприменитель должен владеть профессиональной чуткостью, иметь так называемый развитый эмоциональный интеллект, поэтому требуются умения, навыки и знания не только в области права, но и в области психологии, социологии и педагогики.

Исследуя вопрос эффективности административных наказаний, А.С. Дугенец отмечает, что «к сожалению, до настоящего времени не имеет четкого организационно-правового разрешения» [5, с. 40-41; 6, с. 155-156], такого же взгляда придерживается и И.В. Максимов [7, с. 131].

На сегодняшний день, как показывает практика формирования административно-деликтных санкций и применения административного наказания, с утверждениями А.С. Дугенца и И.В. Максимова можно смело согласиться.

Стратегией повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года закреплено одно из основных направлений повышения эффективности управления в области обеспечения безопасности дорожного движения: оптимизация ответственности за счет эффективной реализации принципа неотвратимости наказания и обеспечения соразмерности наказания угрозам, создаваемым нарушением, в целях достижения максимального профилактического эффекта¹.

Дорожная деликтность требует принятия незамедлительно новых комплексных решений, поиска путей её снижения в контексте синтеза права, социологии, психологии, педагогики, демографии и экономики, целенаправленных юридико-социальных и юридико-психологических исследований, способствующие выработке конкретной методики и критериев наказания, с помощью которых можно будет эффективно влиять на будущее поведение административного делинквента путем формирования у него стойкого уважения к закону, правоприменителю, нормам права и морали.

Ведущие ученые – административисты неоднократно обращали внимание на необходимость противодействия административной деликтности в более широком контексте, учитывая ежедневный процесс массового вовлечения населения страны в дорожно-транспортное движение в качестве водителя, пассажира, пешехода [8, с. 35], отмечая, что именно социальный характер охватывает данную сферу.

Список литературы:

1. Россинский Б.В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 8 – 17.
2. Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного законодательства: монография. Воронеж, 2011. 356 с.
3. Майоров В.И. «Foresight» – инновационная технология совершенствования в сфере безопасности дорожного движения на основе взаимодействия государства и общества // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 41 – 51.
4. Полугаев Ю.И. Об оптимизации института административного наказания / Ю.И. Полугаев // Актуальные вопросы применения норм административного права («Корневские чтения»): сб. науч. тр. V Международная науч.-практ. конф. М., 2021. 424 с.
5. Дугенец А.С. Правовые средства обеспечения социальной эффективности административных наказаний и совершенствование процесса их применения // Применение административных наказаний органами внутренних дел: сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 40 – 55.
6. Дугенец А.С. О необходимости обеспечения социальной эффективности административных наказаний // Актуальные проблемы предупреждения правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности: сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. (14–15 мая 2009 г.). – Хабаровск: ДВ ЮИ МВД России, 2009. С. 155 – 167.
7. Максимов И.В. Административные наказания: монография. М., 2009. 464 с.
8. Головки В.В., Бекетов О.И., Майоров В.И. Повышение эффективности административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2. (965). С. 34 – 38.

References:

1. Rossinsky B.V. Administrative penalties in the field of traffic and accidents in motor transport // Administrative law and process. 2014. № 5. pp. 8-17.
2. Rogacheva O.S. Effectiveness of the norms of administrative and tort legislation: monograph. Voronezh, 2011. 356 p.
3. Mayorov V.I. "Foresight" is an innovative technology for improving road safety based on interaction between the state and society. // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (63). pp. 41 – 51.
4. Parrots Yu.I. On optimization of the institute of administrative punishment / Yu.I. Popugayev // Actual issues of application of the norms of administrative law ("Korennev readings"): collection of scientific papers of the V International Scientific and Practical Conference, Moscow, 2021. 424 p.
5. Dugenets A.S. Legal means of ensuring the social effectiveness of administrative punishments and improving the process of their application // Application of administrative punishments by internal affairs bodies: collection of scientific papers, Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. pp. 40 – 55.
6. Dugenets A.S. On the need to ensure the social effectiveness of administrative punishments // Actual problems of preventing offenses in the field of public order and public safety: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (May 14-15, 2009). Khabarovsk: DV Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. pp. 155 – 167.
7. Maksimov I.V. Administrative penalties: a monograph. Moscow, 2009. 464 p.
8. Golovko V.V., Beketov O.I., Mayorov V.I. Improving the effectiveness of administrative responsibility for traffic offenses // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2. (965). pp. 34 – 38.

¹ Указ Президента РФ от 14.11.2025 № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 14.11.2025.

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL DUTIES OF RUSSIAN CITIZENS

ХАДИКОВ Ацамаз Казбекович,

кандидат юридических наук, доцент ЧОУ ВО Владикавказский институт управления,
362025, Россия, Республика Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ, улица Бородинская, д. 14
E-mail: viu-online@mail.ru

ГАЗАЛОВ Александр Тотразович,

магистрант ЧОУ ВО Владикавказский институт управления
362025, Республика Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ, улица Бородинская, д. 14
E-mail: viu-online@mail.ru

KNADIKOV Atsamaz Kazbekovich,

Candidate of Law, Associate Professor Vladikavkaz Institute of Management,
14 Borodinskaya Street, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, 362025
E-mail: viu-online@mail.ru

GAZALOV Alexander Totrazovich

master's student Vladikavkaz Institute of Management,
14 Borodinskaya Street, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia, 362025
E-mail: viu-online@mail.ru

Краткая аннотация: Авторы рассматривают духовно-нравственные основания конституционных обязанностей граждан Российской Федерации как взаимосвязь права и нравственности в современном общественно-правовом пространстве. Основное внимание уделяется тому, как совесть, ответственность, солидарность и другие нравственные ценности выступают не только регуляторами поведения, но и важной составной частью конституционного порядка. Духовно-нравственные основы конституционных обязанностей играют ключевую роль в формировании ответственного и патриотического гражданского общества.

Abstract: The authors consider the spiritual and moral foundations of the constitutional duties of citizens of the Russian Federation as the interrelation of law and morality in the modern socio-legal space. The main focus is on how conscience, responsibility, solidarity, and other moral values act not only as regulators of behavior, but also as an important component of the constitutional order. The spiritual and moral foundations of constitutional duties play a key role in the formation of a responsible and patriotic civil society.

Ключевые слова: конституционные обязанности, воинская обязанность, духовно-нравственные основы, гражданское общество, совесть, гражданская ответственность, патриотизм, долг, честь.

Keywords: constitutional duties, military service, spiritual and moral foundations, civil society, conscience, civic responsibility, patriotism, duty, honor.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Конституционные обязанности граждан являются не просто формальным набором предписаний, а тонко связанной с правами моральной и культурной основой функционирования государства. В современной России, где сталкиваются богато разнообразные духовно-нравственные традиции, секулярные и религиозные ценности существуют параллельно и взаимодействуют с правовыми нормами. В настоящее время, с учетом внешнеполитической и внутриполитической обстановки в стране, в значительной степени актуализируется работа по повышению социального статуса конституционных обязанностей, их соблюдению и выполнению. Цель данного исследования заключается в том, чтобы показать, каким образом духовно-нравственные ориентиры формируют смысл и практику конституционных обязанностей, как они соотносятся с правовыми требованиями и какие последствия это имеет для формирования гражданской идентичности, повседневной этики и функционирования институтов власти.

Правовой подход к данной проблеме заключается в анализе концепции конституционных обязанностей как части правового порядка, обеспечивающего баланс между интересами конкретной личности и общества в целом[1]. С философской точки зрения в конституционных обязанностях граждан коренится «этика добродетели», определяющая каким должен быть индивид, этика гражданственности как нравственное основание политической культуры, религиозного долга, коллективное восприятие национальной идентичности, согласование норм права и нравственности. Следует также учитывать, что в российском контексте весьма значимыми являются детерминанты культурно-исторического, мультиконфессионального и внутреннего порядка.

Конституционные обязанности граждан РФ составляют правовой каркас конституционного порядка в личностном измерении. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. в статье 2 определяет, что «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности». В науке конституционного права под конституционными обязанностями понимаются общеобязательные и закрепленные Конституцией РФ правила поведения, конкретизирующиеся в отраслевых нормах права обязательности каждого человека и гражданина и требующие от каждого лица определенного вида и меры личного поведения, за неисполнение которых предусматривается юридическая ответственность. [2]. Таким образом на конституционном уровне формализован ряд обязанностей, адресованных человеку и гражданину, а именно:

- 1) обязанность соблюдения Конституции РФ и законов России (ч. 2 ст. 15);
- 2) уважение прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ);
- 3) недопущение в экономической деятельности монополизации и недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 34);
- 4) обязанность не наносить ущерб окружающей среде (ч. 2 ст. 36);
- 5) обязанность заботиться о детях и их воспитании (ч. 2 ст. 38);
- 6) обязанность трудоспособных детей, достигших 18 лет заботиться о нетрудоспособных родителях (ч. 3 ст. 38);
- 7) обязанность получить основное общее образование и обязанность родителей обеспечить получение детьми основного общего образования (ч. 4 ст. 43);
- 8) обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44);
- 9) обязанность платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57);
- 10) обязанность сохранять природу и окружающую среду (ст. 58);
- 11) защита Отечества и несение военной службы, либо альтернативной, либо гражданской службы (ст. 59).

Вышеперечисленные обязывающие нормы выстраивают правовые рамки поведения граждан и служат точкой синергии между правом и нравственностью: право задает минимум требований, а нравственные ориентиры помогают гражданам выходить за пределы минимального закона, стремясь к добродетели, ответственности и устойчивому сотрудничеству. В дискурсе современной конституционной теории это сочетание обозначается правовой культурой и гражданской ответственностью, где моральные ценности становятся двигателем легитимности и эффективности правопорядка. Этические нормы пронизывают конституционные обязанности, облагораживая их, придавая им высокий гуманистический смысл.

Духовно-нравственные основы конституционных обязанностей в российской действительности выступают как результат взаимодействия нескольких факторов:

- философские традиции добродетели, чести, совести и долга
- гражданская этика солидарности, патриотизма, участия в жизни общества и служения общему благу;
- религиозно-нравственные традиции и ценности милосердия, сострадания, ответственности за ближнего, заботы о слабых и нуждающихся;
- научная рациональность в условиях плюрализма вероисповеданий и глобализации.

Эти источники создают своеобразную «моральную инфраструктуру» конституционных обязанностей: управление личностью через ее совесть и нравственную рефлексию, социальными институтами — посредством правовой регуляции и государственных механизмов, обществом в целом — через культуру сотрудничества и взаимной ответственности. В современных реалиях важной задачей является поддержание гармонии между многовекторной культурной традицией и требованиями современного правопорядка, чтобы духовно-нравственные ценности не растворялись в безличной формальности закона, а становились двигателем правоприменения и гражданской активности.

Взаимодействие права и морали в российской конституционной системе сопровождается определенной несогласованностью и коллизиями, к которым следует отнести:

- противоречие между формальным соблюдением закона и глубокой нравственной мотивацией, так как гражданин может формально исполнять требования закона, но не испытывать внутреннего стремления к общему благу; и с другой стороны высокий уровень правовой культуры не всегда сопровождается соответствующей нравственной ответственностью;
- противоречия в воспитании между правовой грамотностью и усвоением этических норм и навыков толерантности, эмпатии, ответственности за общие решения, готовности действовать в рамках закона не ради страха перед наказанием, но по внутреннему убеждению и совести;
- противоречия между деятельностью государственных органов и их авторитетом в общественном сознании, когда недостаточность транспарентности, справедливости и подотчетности умаляет доверие к ним;
- противоречия между светскостью государства и сотрудничеством с религиозными организациями, взаимодействие которых может служить опорой для общих норм гражданской ответственности;
- противоречия внутри государственной службы между формальной обязанностью работать во благо граждан и ценностной ориентацией чиновников понимать и уважать достоинство граждан, избегать злоупотреблений властью, действовать в интересах общества в целом.

Преодоление расхождения между правовой обязанностью и моральным долгом личности, в первую очередь, является задачей образовательной политики, в том числе развитие курсов по гражданскому образованию, этике взаимодействия и правам граждан в школах, вузах и системе дополнительного образования; внедрение программ по развитию нравственной культуры в рамках дисциплин по обществознанию, истории и праву. Стимулирование гражданской активности и вовлеченности путем создания механизмов, которые поощряют волонтерские практики, взаимодействие граждан и органов власти, участие в общественных обсуждениях и слушаниях; развитие местных общественных советов и об-

щественных палат с акцентом на этические принципы принятия решений.

Следует активно и неформально использовать этические стандарты в государственном управлении, в частности регулярные курсы повышения квалификации в области этики и прав человека, мониторинг конфликтов интересов и прозрачность государственной службы.

Весомая роль принадлежит социальной солидарности и доверию, программам социальной защиты, благотворительным и образовательным проектам, направленным на помощь уязвимым группам; развитию гражданской культуры взаимопомощи и поддержки законности.

Необходимо также усилить роль религиозных и культурных учреждений, развивать сотрудничество в рамках закона для продвижения общественной пользы, благотворительных и образовательных инициатив, обеспечения уважения к религиозной свободе и равенству граждан.

Защита Отечества, воинская обязанность занимает значимое место в системе конституционных обязанностей, что обусловлено ее предназначением – обеспечение государственной безопасности и защита суверенитета страны. Однако, помимо юридических аспектов, данное понятие имеет глубокие духовно-нравственные корни, которые необходимо учитывать для формирования ответственного и патриотичного гражданского сознания[3].

Духовно-нравственные основы воинской обязанности можно рассмотреть через призму следующих категорий: патриотизм как форма любви к Родине, включающая в себя готовность защищать её ценности, культуру и независимость; понятие долга, связанное с обязательствами перед обществом и государством; мужская доблесть, готовность к самопожертвованию во имя общего блага; честь и достоинство, как высокие моральные стандарты; ответственность и сознательность; уважительное отношение к себе и окружающим, четкое следование традициям войскового товарищества, готовность к самопожертвованию[4].

Воспитание граждан, готовых к выполнению воинской обязанности, должно начинаться с раннего возраста. Роль семьи в формировании патриотизма и нравственных норм невозможно переоценить. Передача исторической памяти и нравственных ценностей от поколения к поколению создает прочный фундамент для осознания воинской обязанности. Школы и учебные заведения должны интегрировать изучение истории, культуры и духовных основ, которые формируют патриотическое сознание. Важно прививать молодым людям понимание их роли в защите родины.

Участие в военно-патриотических мероприятиях, волонтерских движениях и общественных организациях способствует повышению гражданской ответственности и развитию нравственных качеств. Важнейшими условиями формирования патриотического поведения являются: определение патриотического идеала, содержательной цели, увлечение позитивной деятельностью; развитие самооценки и самоанализа, требовательности к себе; организация самовоспитания, нравственного отношения к окружающей действительности[5].

Таким образом, духовно-нравственные основы конституционных обязанностей российских граждан представляют собой неотъемлемый фактор устойчивости правового порядка и гражданской идентичности. Их формирование требует системного подхода, объединяющего правовую регуляцию, образовательные программы и культурно-этическое воспитание. В практическом плане государству и обществу следует стремиться к созданию условий, в которых законность и нравственность дополняют друг друга: закон задает минимальный уровень поведения, а нравственные ориентиры будущего гражданина — ориентир к идеалу общественного благосостояния и справедливости. В условиях политического плюрализма, культурного многообразия и вызовов современности такой синергии особенно необходима для сохранения консенсуса по базовым ценностям и доверия к институтам власти.

Список литературы

1. Цалиев, А. М. О конституционных обязанностях человека и гражданина/ А.М. Цалиев // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. — 2020. — № 2. — С. 345–351.
2. Жадан, В. Н. Конституционные обязанности человека и гражданина в России, их реализация/ В.Н. Жадан // Таврический научный обозреватель. — 2017. — № 6. — С. 1–12.
3. Абилова, А.А., Бурнацева, З.М. Понятие и содержание конституционной воинской обязанности гражданина РФ/ А.А. Абилова, З.М. Бурнацева //Бюллетень Владикавказского института управления. - 2025. - № 71. - С. 206-214.
4. Безрукова, Е.А. Мораль как основа для выполнения военнослужащими своего воинского долга/ Е. А. Безрукова// Социально-экономические явления и процессы. - 2011.- № 3–4. —С. 472–475
5. Бурнацева, З.М. Патриотизм как конституционная ценность современного российского общества/ З.М. Бурнацева // Вестник научных трудов молодых ученых, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Сборник статей. - Владикавказ, 2021. - С. 491-493.

References

1. Tsaliyev, A.M. On the constitutional duties of man and citizen/ A.M. Tsaliyev // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2020. No. 2. pp. 345-351.
2. Zhadan, V. N. Constitutional duties of a person and citizen in Russia, their implementation/ V.N. Zhadan // Tavrichesky Scientific Observer. 2017. No. 6. pp. 1-12.
3. Abirova, A.A., Burnatseva, Z.M. The concept and content of constitutional military duty of a citizen of the Russian Federation/ A.A. Abirova, Z.M. Burnatseva //Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management. - 2025. - No. 71. - pp. 206-214.
4. Bezrukova, E.A. Morality as a basis for military personnel to fulfill their military duty / E. A. Bezrukova// Socio-economic phenomena and processes. - 2011.- No. 3-4. —pp. 472-475
5. Burnatseva, Z.M. Patriotism as a constitutional value of modern Russian society/ Z.M. Burnatseva // Bulletin of scientific works of young scientists, postgraduates and undergraduates of the Gorsky State Agrarian University. Collection of articles. Vladikavkaz, 2021. pp. 491-493.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_856

УДК 340.14

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ ИНДЕКСАЦИЕЙ КОНТЕНТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

PROBLEMS OF REGULATION AND MANAGEMENT OF CONTENT INDEXING USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND WAYS TO SOLVE THEM

ФРОЛОВ Руслан Николаевич,

кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и цифровых технологий
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: docent-1976@mail.ru

КОЛКАРЕВА Инна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: innakolkareva@yandex.ru

FROLOV Ruslan Nikolaevich,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Digital Technologies,
Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
E-mail: docent-1976@mail.ru

KOLKAREVA Inna Nikolaevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Corporate and Public Administration
Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
E-mail: innakolkareva@yandex.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов, связанных с ключевыми проблемами регулирования и управления индексированием контента, созданного или оптимизированного с помощью систем искусственного интеллекта (ИИ). Проводится юридический и комплаенс-анализ предложений применения технологии Private Blog Network в качестве перспективного направления использования ИИ в области управления контентом. Авторы выявили и констатировали технологические, правовые и репутационные риски, а также законодательные запреты их применения. Сформулирована концепция многомерной индексации и прозрачно-происходного мета-слоя, позволяющая снизить информационную асимметрию между платформой и пользователем, либо регулятором, облегчая доказывание причинности. Обоснован неизбежный переход от декларативных дискуссий о маркировке ИИ к практическим архитектурным и регуляторным решениям. Предлагаемая концепция «прозрачно-происходного мета-слоя», гибридная модель ответственности, включающая стандарт достоверности, комплаенс и процессуальные презумпции, представляют собой недорогую и технологически реализуемую модель для восстановления доверия, сохранения конкурентного баланса и обеспечения правовой предсказуемости в эпоху умного контента.

Abstract. This article examines current issues related to the key problems of regulating and managing the indexing of content created or optimized using artificial intelligence (AI). A legal and compliance analysis is conducted of proposals for the use of Private Blog Network technology as a promising application of AI in content management. The authors identify and document technological, legal, and reputational risks, as well as legislative prohibitions on their use. The concept of multidimensional indexing and a transparency-origin meta-layer is formulated, which helps reduce information asymmetry between the platform and the user or regulator, facilitating the proof of causality. The inevitable transition from declarative discussions of AI labeling to practical architectural and regulatory solutions is substantiated. The proposed concept of a "transparency-origin meta-layer," a hybrid liability model incorporating a standard of reliability, compliance, and procedural presumptions, represents a low-cost and technologically feasible model for restoring trust, maintaining competitive balance, and ensuring legal predictability in the era of smart content.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, индексация контента, комплаенс, поисковая оптимизация, ранжирование, репутационные риски.

Keywords: Artificial intelligence, content indexing, SEO, compliance, search engine optimization, ranking, reputational risks.

Для цитирования: Фролов Р. Н., Колкарева И. Н. Проблемы регулирования и управления индексацией контента с использованием искусственного интеллекта и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 856-859. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_856.

For citation: Frolov R.N., Kolkareva I.N. Problems of regulation and management of content indexing using artificial intelligence and ways to solve them // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 856-859. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_856.

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В связи с опережающим развитием в настоящее время технологий искусственного интеллекта (ИИ), всё чаще возникают вопросы регулирования и управления контентом, который может быть сгенерирован с использованием подобных технологий. Представляется, что контент, созданный искусственным интеллектом, в недалекой перспективе может почти полностью заместить человеческое творчество. Большинство пользователей наблюдает это явление уже сейчас: сгенерированный текст, изображения, видео и иные формы контента зачастую занимают лидирующие места в поисковых выдачах.

Проблему использования ИИ в случае с индексацией контента можно рассматривать двояко. С одной стороны – это вопросы индексации контента, полученного с использованием ИИ, то есть специального уведомления пользователей при просмотре результатов поисковой выдачи о том, что данная информация, на которую ссылается поисковая машина, получена с использованием ИИ. С другой стороны, использование ИИ для оптимизации алгоритмов поисковой выдачи позволяет совершить качественный рывок по сравнению с традиционным поисковым про-

движением (SEO-продвижение). SEO - это комплекс работ, которые помогают поисковым системам оценить сайт всесторонне и чаще показывать его в ответ на запросы пользователей в выдаче. И в первом и во втором случае возникает необходимость рассмотрения данных вопросов во взаимосвязи технологической и правовой точек зрения.

Стоит ожидать, что технологии ИИ будут в значительной мере влиять на ранжирование контента в поисковых системах, в том числе благодаря более «тонкой» настройке при оптимизации контента. «ИИ не только помогает поисковым системам более точно понимать контент и намерения пользователей, но и изменяет подход к оптимизации»[1]. В этом случае нейронные сети применяются для более глубокого анализа данных, определения контекста запросов и, как следствие, повышения релевантности поисковой выдачи. Таким образом, использование ИИ в качестве инструмента «умного SEO» позволит индексировать действительно важный для конкретного пользователя контент, который представляет реальную ценность, отвечает на сложные вопросы и обеспечивает актуальность информации.

Необходимо отметить, что использование ИИ позволит более эффективно решать вопросы линкбилдинга (link building), то есть не просто наращивания ссылочной массы, а повышения авторитетности сайта у популярных поисковых машин и построения максимально эффективного ссылочного профиля. Вместе с тем, «поисковым системам не важно, каким образом сделан контент. Им важно, насколько содержимое контента соответствует запросам пользователя»[2]. Поэтому ряд специалистов отмечает, что Яндекс и Google «относятся к контенту, созданному с помощью ИИ, вполне нормально»[3]. Более того, сам Яндекс выпустил «Шедеврум»[4], то есть крупнейший российский поисковый сервис сам начал политику внедрения нейросети для пяти видов различных генераций.

Из изложенного выше видно, что большинство разработчиков поисковых машин не придает значения генеративному контенту как чему-то негативному, что требует правовой оценки и профессиональной дискуссии на эту тему. Дело в том, что так называемые AI-детекторы (например, Writer, Copyleaks), целью которых является распознавание генеративного контента, в настоящее время решают поставленные задачи достаточно слабо, зачастую работают некорректно. При современном подходе происхождение контента и использование при его создании ИИ не может давать повод для его пессимизации. Отсюда следует, что для разработчиков поисковых машин необходимо выработать единую нормативно-правовую базу, которая позволила бы определить правила взаимодействия поисковых сервисов с нейросетями как при организации поиска, так и при индексации контента.

С этой точки зрения наиболее перспективным направлением применения ИИ в области управления контентом, представляется технология PBN (Private Blog Network), включающая сеть сайтов-сателлитов, созданных для продвижения основного ресурса. В этом случае ссылочная масса, генерируемая с помощью искусственного интеллекта, позволит представить каждый такой сайт, передающий ссылочный вес основному как отдельный независимый ресурс, чтобы поисковые системы не обнаруживали связи между сайтами. Это открывает новые возможности по продвижению контента без покупки дополнительной ссылочной массы, практически гарантирует полный контроль над ссылками, и заметно улучшает позиции сайта в поисковой выдаче. Но так ли безобидна технология PBN с точки зрения информационного права?

Технология PBN – это устоявшаяся, но запрещенная SEO-практика. Ее цель – искусственно нарастить ссылочный вес продвигаемого ресурса, имитируя естественные рекомендации. Но с позиции юридического и комплаенс-анализа описываемое действие прямо противоречит принципам добросовестной конкуренции и правилам поисковых систем, что несет значительные правовые и репутационные риски.

Во-первых, речь идет о технологическом риске. Поисковые системы (Google, Яндекс и др.) активно борются с манипуляциями, основанными на PBN. Если связь между сайтами-сателлитами и основным ресурсом обнаружена (что является основной задачей поисковых алгоритмов), это приводит к алгоритмическому наказанию основного ресурса (пессимизация, полная деиндексация). Имеет место иллюзия контроля, так как утверждение о гарантированном полном контроле над ссылками ложно, поскольку контроль осуществляется над системой, которая целенаправленно ищет пути выявления таких сетей.

Во-вторых, очевиден риск недобросовестной конкуренции, квалифицируемый как правовой риск. Использование искусственно сгенерированных и контролируемых ссылочных схем для получения несправедливого преимущества в поисковой выдаче может быть квалифицировано как недобросовестная конкуренция в зависимости от юрисдикции и законодательства о защите конкуренции.

В-третьих, формируется репутационный риск (комплаенс-риск). Если факт использования PBN, тем более с привлечением ИИ для создания ложных «независимых» ресурсов, станет публичным – это приведет к немедленной деградации деловой репутации организации, демонстрируя ее готовность к обману пользователей и регуляторов. В любом случае это прямо противоречит любому современному комплаенс-кодексу, требующему честности и прозрачности в маркетинговой деятельности субъектов бизнеса.

В связи с этим авторы считают, что описанная технология (ИИ+PBN) не является перспективным направлением с точки зрения законного, устойчивого и комплаенс-ориентированного управления контентом и SEO. Напротив, она представляет собой высокорисковую стратегию, которая:

1. Нарушает правила ключевых цифровых платформ.
2. Создает угрозу полной потери ранее наработанного ссылочного веса и позиций.
3. Подорывает деловую репутацию, если методы манипуляции становятся общеизвестными.

В рамках управления цифровыми активами и комплаенса, нам видится верным фокусироваться на практике повышения рейтинга веб-сайта в поисковых системах с помощью этических методов, соответствующих правилам Google (White Hat SEO-стратегии). Цель таких стратегий - помочь пользователям качественным контентом, а не попытка обмануть поисковые системы. Они сфокусированы на производстве высококачественного, уникального контента, улучшении пользовательского опыта, обеспечении соблюдения стандартов объяснимого ИИ (Explainable AI) и

прозрачности в работе с данными, а не на попытках обхода систем ранжирования.

Генеративный контент меняет «пространство сигналов», по которым работает ранжирование. Появляется массовая автоматическая генерация релевантных по форме, но не по содержанию материалов; растёт шум «семантически правдоподобных», но фактически недостоверных сигналов. Это разрушает допущение о независимости сигналов и делает классические метрики качества уязвимыми к манипуляции. В качестве классических метрик используют Term Frequency - Inverse Document Frequency, то есть формулу, которая помогает понять, насколько важным является определённое слово для текста с точки зрения поисковых систем.

Появляется «ассиметрия правды», так как платформа и авторы, использующие ИИ, имеют преимущества в скорости и объёме производства контента, а малые издатели и производители контента теряют конкурентоспособность. Рынок SEO трансформируется в гонку моделей, где преимущество получают те, кто лучше интегрировал ИИ в производство и оптимизацию [5].

Оценка полезности контента для конкретного пользователя требует учёта не только семантической релевантности, но и происхождения, достоверности, контекста создания. Это порождает необходимость введения новых измерителей качества в ранжировании.

В такой ситуации считаем возможным обоснование концепции многомерной индексации и прозрачно-происходного мета-слоя. Предлагается ввести и исследовать понятие «прозрачно-происходного мета-слоя» (transparency-provenance meta-layer) - дополнительного слоя метаданных и алгоритмических правил, который сопровождает каждый документ в индексе поисковой системы и реализует следующие функции:

1. Криптографически защищённая привязка прослеживаемых метаданных к контенту (signed provenance tokens), включающая: указание инструмента или модели генерации, идентификатор автора, временные метки, ссылку на источник обучающих данных (в пределах допустимого раскрытия). Термин «provenance», буквально означающее происхождение, используется преимущественно в контексте цифровых активов, документов или метаданных. Этот термин описывает историю происхождения, владение или источник какого-либо ресурса. Это аналог цепочки владения предметом в цифровом мире. Например, цифровой файл имеет свою историю возникновения, изменения и распространения среди пользователей. Метаданные о происхождении помогают отслеживать легитимность файла, безопасность, аутентичность и доверие к нему.

2. Динамический «происходный коэффициент» (provenance score), объединяющий степень автоматизации создания, верифицируемость источников, наличие человека в контуре и историю исправлений. Такой термин мог бы использоваться для обозначения динамически рассчитываемого показателя доверия или надёжности цифрового актива исходя из истории его изменений, количества обработчиков, места хранения и прочих факторов. Чем больше подтверждённых доверенных шагов прохождения, тем выше этот показатель. Коэффициент используется как один из факторов ранжирования и как база для визуальной аннотации в выдаче.

3. Многоуровневая маркировка, а не бинарная метка «ИИ/человек»: например, «полностью сгенерировано автоматом», «генеративный черновик с редактированием человеком», «автоматизированная агрегация источников», «человеко-созданный». Каждому уровню сопоставлены прозрачные требования и процессуальные права пользователя (право на объяснение, апелляцию, запрос логов).

Эта концепция нова тем, что она переводит проблему маркировки ИИ из плоскости декларативных правил в практическую архитектуру индекса, где provenance-информацию можно криптографически верифицировать, использовать в механизмах ранжирования и встраивать в процедуры апелляции.

Технологические механизмы реализации концепции включают:

- встраивание цифровых записей (verifiable credentials), которые подтверждают конкретные утверждения о человеке или организации и подписанных метаданных. В отличие от традиционных бумажных или цифровых свидетельств, их можно независимо проверить мгновенно, не полагаясь на ручные проверки или центральные базы данных. Каждая генерация контента сопровождается цифровым сертификатом происхождения, подписанным ключом владельца модели или процесса. Поисковая машина считывает сертификат и учитывает его параметры при расчёте provenance score.

- модель-карты и реестр происхождения данных. Разработчики моделей обязаны публиковать машиночитаемые карточки моделей (machine readable model cards summary), которые содержат информацию о тренировочных датасетах, метриках предвзятости и частичном реестре источников данных.

Реестр происхождения данных выполняет функцию фиксации версий моделей и проведения публичных аудитов, что позволяет отслеживать изменения и обеспечивать соответствие стандартам качества и этическим нормам.

- контекстуальную объяснимость для ранжирования, которая содержит не только объяснение причин конкретного ранжирования, но и цепочку принятия решения, то есть обозначение какие модельные версии и какие сигналы повлияли на ранжирование этого документа для данного гео/сегмента.

- дифференциальное ранжирование - при высоком provenance-риске (низкая верифицируемость источников) система автоматически уменьшает вес сигнала для «воротного доступа» (кредит, страхование, вакансии) сильнее, чем для информационных запросов; то есть регулирование риска в ранжировании.

Правовое сопровождение внедрения концепции базируется на реализации стандарта заботливости и прозрачного комплаенса, то есть системы мер и процессов, направленных на обеспечение соответствия деятельности компании законодательным требованиям, внутренним политикам и этическим нормам. Платформы и провайдеры ИИ обязаны реализовать стандарт заботливости, который включает верификацию источников, журналирование, обеспечение воспроизводимости параметров ранжирования и наличие процедур апелляции.

Нормативное закрепление может сочетать в себе три элемента, а именно:

1. Обязательные технологические требования (минимальные стандарты истории происхождения, владение или источник какого-либо ресурса; модель-карты; журналирование), закреплённые в административном и гражданском законодательстве.

2. Ответственность в рамках условий модели комплаенса. Платформа защищена от части претензий при условии соблюдения стандартов прозрачности и наличия апелляционных процедур, а при нарушении стандартов реализуется механизм риск-ориентированной ответственности (включая строгую ответственность для ключевых элементов).

3. Процессуальные презумпции, применяемые при отсутствии журналов или неспособности предоставить объяснение. Это даёт право суду применять опровержимые презумпции в пользу истца при доказывании им причинной связи [6, с. 89].

Предлагаемая концепция позволяет снизить информационную асимметрию между платформой и пользователем, либо регулятором, облегчая доказывание причинности. Также стимулирует создание процедур и сертифицированных систем логически выстроенных шагов, задач и действий участия человека в контуре, что уменьшит гонку по количеству генерируемого контента в пользу качества. Внутренне интегрированный динамический «происхожденный коэффициент» создаёт экономический стимул для честной генерации, так как контент с прозрачной генерацией получает преимущество в релевантности и доверии пользователей.

В целом комплексный подход минимизирует риск избыточного регулирования со стороны органов администрирования. А сочетание отраслевых стандартов и минимального государственного требования позволит адаптировать правила под разные секторы.

Целесообразно легитимировать право пострадавшего на техническую справку, то есть право получить краткую техническую справку о факторах ранжирования и специальных метаданных (provenance-теге) в машинно-читаемом и гуманно-читаемом виде. Очевидно и право на репарацию архитектурных мер. А именно, кроме денежных компенсаторных мер - право требовать корректирующие архитектурные решения (аннотирование, перерасчёт по очищенному массиву, восстановление видимости).

Дальнейшее распространение генеративного ИИ делает неизбежным переход от декларативных дискуссий о маркировке ИИ к практическим архитектурным и регуляторным решениям. Предлагаемая концепция «прозрачно-происхожденного мета-слоя», гибридная модель ответственности, включающая стандарт заботливости, комплаенс и процессуальные презумпции, представляют собой недорогую и технологически реализуемую модель для восстановления доверия, сохранения конкурентного баланса и обеспечения правовой предсказуемости в эпоху умного контента. Эти идеи требуют дальнейшей междисциплинарной апробации в пилотных проектах и закрепления в нормативных актах.

Развитие генеративных и аналитических моделей ИИ трансформирует процессы производства и ранжирования контента. Индексация – не нейтральный технический процесс, а источник влияния на доступ к информации, экономические возможности и репутацию субъектов. При этом существующие правовые институты (деликтное право, защита персональных данных, свобода выражения) оказываются недостаточно адаптированными к алгоритмически опосредованному контенту. Необходим системный подход, объединяющий технологию, право и этику.

Список литературы:

1. Наянзин А.А. Основы SEO, методы внутренней и внешней оптимизации // Вестник науки. – 2024. Т. 1. № 7 (76). – С. 116-122.
2. Как поисковики индексируют контент нейросетей? Что ждет Google, Yandex и Bing? // Коллективный блог Хабр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/735698/?ysclid=miumh5p64k12207280> (дата обращения 01.12.2025)
3. Роман Вердыш. SEO-оптимизатор. - URL: <https://romanus.ru/kak-ii-kontent-vliyaet-na-ranzhirovanie-sayta/?ysclid=miumlctjc276876423>
4. Шедеврум: сайт // разработчик: Яндекс. - URL: <https://shdevrum.ai/> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Как искусственный интеллект влияет на SEO и маркетинг: инсайты с Optimization-2025. - URL: <https://pr-cy.ru/news/p/10659-optimization-2025-insights/?ysclid=mje4p3l7zj247055054> (дата обращения 04.12.2025).
6. Зацепина О.Е. Презумпции, фикции и аксиомы: вопросы соотношения // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки. – С. 86-96. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawbulletin.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/4/2021/08/579.pdf> (дата обращения 28.11.2025).
7. Маркировка ИИ-контента - решение с двойным дном // ИД «Коммерсантъ» - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8248546?ysclid=mje6eaw1r493936952> (дата обращения 01.12.2025).

References:

1. Nayanzin, A.A. "SEO Fundamentals: Internal and External Optimization Methods" // Science Herald. 2024. Vol. 1, No. 7 (76). pp. 116-122.
2. How Do Search Engines Index Neural Network Content? What's in Store for Google, Yandex, and Bing? // Habr.ru Collective Blog. [Electronic resource]. Available at: <https://habr.com/ru/articles/735698/?ysclid=miumh5p64k12207280> (accessed 12/01/2025)
3. Roman Verdysh. SEO Optimizer. - URL: <https://romanus.ru/kak-ii-kontent-vliyaet-na-ranzhirovanie-sayta/?ysclid=miumlctjc276876423>
4. Shdevrum: website // developer: Yandex. - URL: <https://shdevrum.ai/> (date of access: 01.12.2025).
5. How artificial intelligence influences SEO and marketing: insights from Optimization-2025. - URL: <https://pr-cy.ru/news/p/10659-optimization-2025-insights/?ysclid=mje4p3l7zj247055054> (date of access: 04.12.2025).
6. Zatssepina O.E. Presumptions, fictions, and axioms: issues of correlation // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Legal Sciences. - Pp. 86-96. [Electronic resource]. - Access mode: <https://lawbulletin.mgpu.ru/wp-content/uploads/sites/4/2021/08/579.pdf> (accessed on November 28, 2025).
7. AI content labeling - a double-edged sword // Kommersant Publishing House - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8248546?ysclid=mje6eaw1r493936952> (date of access: 01.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_860

УДК 340

ПОНЯТИЕ И СОСТАВЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ И ПРАВИЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ THE CONCEPT AND COMPOSITION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF NORMS AND RULES FOR THE PREVENTION AND ELIMINATION OF EMERGENCY SITUATIONS

ПЬЯНУСОВ Александр Викторович

Заведующий кафедрой экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат военных наук, доцент,
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: pyanusev.av@yandex.ru

PYANUSOV Alexander Viktorovich

Head of the Department of Ecology and Life Safety
Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Military Sciences, Associate
Professor, 149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: pyanusev.av@yandex.ru

Краткая аннотация: в представленном исследовании дается анализ административных правонарушений и ответственности за нарушение норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Abstract: The presented study provides an analysis of administrative offenses and responsibility for violations of norms and rules for the prevention and elimination of emergency situations.

Ключевые слова: административные правонарушения; административная ответственность; чрезвычайные ситуации.

Keywords: administrative offenses; administrative responsibility; emergencies.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Административные правонарушения - это нарушения норм и правил, установленных законодательством в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, которые не квалифицируются как преступления и не влекут за собой уголовной ответственности, но могут быть пресечены путем наложения административных мер, установленных законодательством¹.

Как правило, составы административных правонарушений, связанных с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций, включают нарушения требований законодательства об обеспечении безопасности и охране здоровья населения, предотвращении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций², использовании средств защиты населения и территорий³, а также нарушения правил эксплуатации и ремонта объектов, обеспечивающих безопасность жизнедеятельности населения⁴.

За совершение административных правонарушений, связанных с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций, законодательством предусмотрены административные наказания⁵. К ним относятся штрафы, административный арест, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также административное исключение из гражданского оборота на определенный срок специальных технических средств, обеспечивающих безопасность населения.

В случае если административное правонарушение повлекло за собой причинение вреда здоровью граждан, повлекло за собой чрезвычайную ситуацию или привело к иным тяжким последствиям, виновные лица могут нести гражданско-правовую и материальную ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, понимание понятия и составов административных правонарушений, связанных с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций, является важным аспектом для обеспечения безопасности и сохранения жизни и здоровья людей в экстремальных ситуациях.

Согласно статье 1.1 КоАП РФ, административное правонарушение — это незаконное и виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации⁶.

Административные правонарушения, связанные с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций, могут включать в себя

¹ Кайнов, В. И. Историко-правовые аспекты становления института административной юстиции в России / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 3(64). – С. 16-22. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-3-16-22. – EDN QSNZTR.

² Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS.

³ Шеншин, В. М. О процессе реформирования контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования прокуратуры России, Нижний Новгород, 02 июня 2022 года. – Нижний Новгород: КТ "Буки-Веди", 2023. – С. 484-489. – EDN BSPNTI.

⁴ Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZZ.

⁵ Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGO.

⁶ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.04.2023).

нарушения требований, установленных законодательством о гражданской обороне¹, организации предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечении пожарной безопасности и прочих нормативных актов².

Составы административных правонарушений в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций устанавливаются соответствующими нормативными актами. Например, в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» нарушение порядка проведения работ, в том числе земляных и строительных работ, а также других видов деятельности, может быть признано административным правонарушением³. Ответственность за нарушение правил и норм, установленных в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, может быть административной, гражданско-правовой и уголовной.

Органы государственной власти и местного самоуправления несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей по обеспечению предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в соответствии с законодательством. В случае нарушения норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, руководители организаций и должностные лица несут административную ответственность. В некоторых случаях, нарушение может повлечь уголовную ответственность в соответствии с законодательством. Однако, применение мер административной и уголовной ответственности не является единственным мероприятием по обеспечению предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Важную роль играют профилактические меры, такие как обучение населения, разработка планов действий в случае чрезвычайных ситуаций, создание систем оповещения и т.д.

Дополнительный анализ параграфа 1.2 "Понятие и составы административных правонарушений и ответственности за нарушение норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций" позволяет выделить следующие аспекты.

Во-первых, стоит отметить, что административные правонарушения в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций являются одними из наиболее ответственных видов нарушений. Это обусловлено тем, что данные нарушения могут непосредственно привести к угрозе жизни и здоровью людей, а также к нанесению значительного ущерба имуществу граждан и организаций.

Во-вторых, следует отметить, что составы административных правонарушений в данной области достаточно широки и могут включать в себя различные действия и бездействия. Например, к таким действиям относятся нарушение правил пожарной безопасности, несоблюдение требований по обеспечению безопасности на опасных производственных объектах, нарушение правил эксплуатации транспорта в условиях ЧС и т.д.

В-третьих, следует обратить внимание на то, что ответственность за совершение административных правонарушений в данной области может быть наложена как на физических, так и на юридических лиц. При этом, как правило, виновные привлекаются к административной ответственности в виде наложения штрафов, применения административных запретительных мер, а также возложения административной ответственности на организации.

Наконец, стоит отметить, что с учетом серьезности последствий, которые могут возникнуть в случае нарушения норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, необходимо придерживаться принципа строгой ответственности за нарушения в данной области. Это означает, что все субъекты, допустившие административные правонарушения, должны нести соответствующую ответственность, независимо от их профессиональной принадлежности, социального статуса и других факторов. При этом, ответственность за административные правонарушения может быть наложена как на физических, так и на юридических лиц.

Следует отметить, что ответственность за нарушения норм и правил по предупреждению и ликвидации ЧС является особо значимой, так как эти меры направлены на защиту жизни и здоровья людей, сохранение имущества, а также на охрану окружающей среды. Поэтому, государство строго регулирует соблюдение соответствующих норм и правил и применяет меры ответственности в случае их нарушения.

Следует отметить, что вопросы административной ответственности в области предупреждения и ликвидации ЧС постоянно находятся под пристальным вниманием общественности, экспертов и государственных органов. Регулярно проводятся анализы судебной практики и вносятся изменения в законодательство для более эффективного контроля за соблюдением норм и правил в данной области.

В целом, понятие и составы административных правонарушений в области предупреждения и ликвидации ЧС, а также ответственность за их нарушение, представляют собой важный аспект в обеспечении безопасности граждан и государства в целом. В связи с этим, необходимо проявлять максимальную внимательность и дисциплинированность при выполнении требований, предъявляемых к данной сфере деятельности, а также соблюдать законодательство, устанавливающее нормы и правила в данной области.

Административная ответственность за невыполнение требований норм и правил по предупреждению и ликвидации ЧС устанавливается исключительно нормами КоАП РФ, в отличие, например, от административной ответственности за нарушение налогового законодательства, которая регламентируется не только КоАП РФ, но и Налоговым кодексом РФ⁴. При этом, однако, нормы КоАП РФ, регламентирующие ответственность за невыполнение требований, норм и правил по предупреждению и ликвидации ЧС, носят бланкетный характер: для доказывания

¹ Зоков, В. А. Гражданская оборона как составная часть системы национальной безопасности страны / В. А. Зоков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 2(19). – С. 45-51. – EDN YIWLJP; Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN SNAKOE; Одинокоева Е.Ю., Глинская Н.И. Правовой статус Министерства по делам Гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2016. № 2. С. 49.

² Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуанова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

³ Гирько, С. И. Состояние чрезвычайных ситуаций и противопожарной безопасности: взгляд через призму Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 6-13. – EDN QBUPWW.

⁴ Зоков, В. А. Гражданская оборона как составная часть системы национальной безопасности страны / В. А. Зоков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 2(19). – С. 45-51. – EDN YIWLJP; Зоков, В. А. Законодательное обеспечение гражданской обороны / В. А. Зоков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 4(21). – С. 36-41. – EDN YHXLWL.

наличия в деянии признаков объективной стороны административного правонарушения приходится применять нормы значительного массива законодательных и подзаконных актов Правительства РФ и ряда федеральных органов исполнительной власти, включая различные правила, ГОСТы и инструкции специального характера, невыполнение которых признается административным правонарушением. Эти многочисленные нормы содержатся в объемном пакете законодательных и подзаконных актов, что порождает значительные трудности применения ст. 20.6 КоАП РФ судьями (мировыми судьями) судов общей юрисдикции, которые, согласно ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ рассматривают дела по ст. 20.6 КоАП РФ¹.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ) содержит ряд норм, которые устанавливают административную ответственность в области обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях. К ним можно отнести статьи 20.5 и 20.6 КоАП РФ².

Основная цель административной ответственности в данной сфере - это обеспечение безопасности в неординарных условиях, которые связаны с возникновением чрезвычайных ситуаций различного характера, а также введением режима чрезвычайного положения, предполагающего введение комплекса административно-правовых мер с целью создания механизма устранения чрезвычайных ситуаций и минимизации их негативных последствий³.

Таким образом, объектом данных административных правонарушений выступают общественные отношения в сфере реализации правового механизма обеспечения безопасности.

Понятие «безопасность» имеет конституционно-правовую природу и имеет широкое толкование, в связи с тем, что выделяют различные виды безопасности: национальную, информационную, экономическую и другие.

Также, понятие «безопасность» содержит указание на минимальное, обязательное условие безопасности - защищенность указанных объектов. Каким бы ни было состояние конкретного объекта, главный исходный момент его безопасности состоит в защите того, что есть, от разрушения, чтобы создать возможность для его последующего восстановления и развития.

В условиях возникновения чрезвычайных обстоятельств это понятие является более конкретным и законодательство содержит комплекс обязанностей граждан, должностных и юридических лиц, которые направлены на предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций на определенной территории.

Составы административных правонарушений, предусмотренные статьями 20.5 и 20.6 КоАП РФ можно разграничить по объективной стороне. При возникновении чрезвычайных ситуаций может вводиться режим чрезвычайного положения в соответствии с действующим законодательством и тогда административная ответственность будет наступать в соответствии с статьей 20.5 КоАП РФ⁴.

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее - ФКЗ «О чрезвычайном положении»)⁵ чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией РФ и указанным Федеральным конституционным законом на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений. Данный правовой режим является экстраординарным административно-правовым режимом, и допускает установленные законодательством отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Диспозиция ст. 20.5 КоАП РФ является бланкетной и для квалификации административного правонарушения необходимо обратиться к нормам ФКЗ «О чрезвычайном положении».

В связи с этим перечень деяний, образующих объективную сторону, выглядит следующим образом:

- неисполнение требований о полном или частичном приостановлении на конкретной территории полномочий органов исполнительной власти субъекта (субъектов) РФ и органов местного самоуправления; а
- несоблюдение ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности;
- проведение забастовок;
- неисполнение требований о приостановлении деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, а также химически и биологически опасные вещества;
- нарушение режима въезда или выезда, установленного для данной территории и другие.

Следует отметить, что перечень правонарушений может быть достаточно широким, связан с нарушением ограничений и механизма реализации отдельных обеспечительных процедур⁶, которые вводятся в этот период. Кроме того, не является наказуемым по данной статье, нарушение правил комендантского часа.

¹ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.04.2023).

² «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.04.2023).

³ Назарова, И. С. О правовых последствиях выхода российской Федерации из совета Европы: внесение изменений в чрезвычайное законодательство не должно заставить себя долго ждать / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 10. – С. 160-167. – EDN GCKQZO.

⁴ Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуанова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Есеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.

⁵ Шеншин, В. М. О системе оповещения населения в субъекте Российской Федерации при возникновении чрезвычайной ситуации / В. М. Шеншин // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы. Мониторинг, предотвращение и ликвидация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 766-772. – EDN RXSGPS.

⁶ Шеншин, В. М. Правовое регулирование обеспечения МЧС России и Росгвардии национальной безопасности в условиях режима чрезвычайного положения / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 10(279). – С. 77-89. – EDN RHYDDF.

Введение режима чрезвычайного положения является исключительной мерой и осуществляется Президентом РФ¹.

Ответственность может наступать и для физических, и для должностных

Диспозиция ст. 20.6 КоАП РФ тоже является бланкетной. Законодательством определен комплекс мероприятий, направленных на предупреждение и ликвидацию чрезвычайных ситуаций.

Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» возлагает на федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления различные обязанности, направленные на формирование единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Ответственность по данной статье наступает только для должностных лиц различных государственных органов и органов местного самоуправления, не выполняющих требования и нормы, соблюдение которых возложено на них законодательством.

Однако, ст. 19 Закона содержит еще и обязанности граждан Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Так, они обязаны не допускать нарушений производственной и технологической дисциплины, требований экологической безопасности, которые могут привести к возникновению чрезвычайных ситуаций; выполнять установленные правила поведения при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций; при необходимости оказывать содействие в проведении аварийно-спасательных и других неотложных работ и другие. Однако, они не являются субъектами административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.6 КоАП РФ.

Таким образом, в связи с тем, что режим возникновения чрезвычайной ситуации и ее наличия является исключительным, степень общественной опасности деяний, нарушающих требования и нормы по его обеспечению, в связи с этим выше, следует расширить юридический состав ст. 20.6 КоАП РФ с точки зрения субъекта правонарушения и установить в санкции данной нормы административную ответственность для граждан.

Список литературы

1. Кайнов, В. И. Историко-правовые аспекты становления института административной юстиции в России / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 3(64). – С. 16-22. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-3-16-22. – EDN QSNZTR.
2. Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS.
3. Шеншин, В. М. О процессе реформирования контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования прокуратуры России, Нижний Новгород, 02 июня 2022 года. – Нижний Новгород: КТ "Буки-Веди", 2023. – С. 484-489. – EDN BSPNTI.
4. Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZO.
5. Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.
6. Зокоев, В. А. Гражданская оборона как составная часть системы национальной безопасности страны / В. А. Зокоев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 2(19). – С. 45-51. – EDN YIWJLP.
7. Уткин, Н. И. Соблюдение законности и правопорядка как фактор поддержки граждан, участвующих на добровольных началах в защите Государственной границы Российской Федерации / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.
8. Одинокова Е.Ю., Глинская Н.И. Правовой статус Министерства по делам Гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в современной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2016. № 2. С. 49.
9. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуанова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.
10. Гирько, С. И. Состояние чрезвычайных ситуаций и противопожарной безопасности: взгляд через призму Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 6-13. – EDN QBUPWW.
11. Зокоев, В. А. Гражданская оборона как составная часть системы национальной безопасности страны / В. А. Зокоев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 2(19). – С. 45-51. – EDN YIWJLP; Зокоев, В. А. Законодательное обеспечение гражданской обороны / В. А. Зокоев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2013. – № 4(21). – С. 36-41. – EDN YNHNWL.
12. Назарова, И. С. О правовых последствиях выхода российской Федерации из совета Европы: внесение изменений в чрезвычайное законодательство не должно заставить себя долго ждать / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 10. – С. 160-167. – EDN GCKQZO.
13. Шеншин, В. М. Особенности взаимодействия МЧС России и органов местного самоуправления в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин, Н. М. Силуанова // Пожарная безопасность: современные вызовы. Проблемы и пути решения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года / Сост.: А.В. Зыков, Н.В. Федорова, О.Е. Евсеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 141-145. – EDN IBAGYU.
14. Шеншин, В. М. О системе оповещения населения в субъекте Российской Федерации при возникновении чрезвычайной ситуации / В. М. Шеншин // Сервис безопасности в России: опыт, проблемы, перспективы. Мониторинг, предотвращение и ликвидация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2021. – С. 766-772. – EDN RXSGPS.
15. Шеншин, В. М. Правовое регулирование обеспечения МЧС России и Росгвардией национальной безопасности в условиях режима чрезвычайного положения / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 10(279). – С. 77-89. – EDN RHYDDF.

References

1. Kainov, V. I. Historical and legal aspects of the formation of the Institute of administrative justice in Russia / V. I. Kainov // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 3(64). – Pp. 16-22. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-3-16-22. – EDN QSNZTR.
2. Shenshin, V. M. Restriction of human and civil rights and freedoms in an emergency situation and state of emergency / V. M. Shenshin, V. A. Yekushova, E. S. Kuznetsova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 2(319). – Pp. 17-20. – EDN MEPIFS.
3. Shenshin, V. M. On the process of reforming control (supervisory) activities in the Russian Federation in the field of protecting the population and territories from emergency situations / V. M. Shenshin // Current issues of control and supervision in socially significant areas of society and the state : Proceedings of the VII All-Russian Scientific

¹ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 02.04.2023).

and Practical Conference dedicated to the 300th anniversary of the Founding of the Russian Federation. Formation of the Prosecutor's Office of Russia, Nizhny Novgorod, June 02, 2022. Nizhny Novgorod: KT "Buki-Vedi", 2023. pp. 484-489. – EDN BSPNTI.

4. Zokoev, V. A. On the legal regulation of the main activities of the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations / V. A. Zokoev, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1. – pp. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUZZ.

5. Shenshin, V. M. On the issue of reforming control and supervisory activities in the field of protection of the population and territories from emergency situations / V. M. Shenshin // Lex Russica (Russian Law). – 2022. – Vol. 75, No. 8(189). – pp. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.

6. Zokoev, V. A. Civil defense as an integral part of the national security system of the country / V. A. Zokoev // Law. Safety. Emergency situations. – 2013. – № 2(19). – Pp. 45-51. – EDN YIWJLP.

7. Utkin, N. I. Observance of law and order as a factor of support for citizens participating on a voluntary basis in the protection of the State border of the Russian Federation / N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 2. – pp. 179-183. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-2-179-183. – EDN CNAKOE.

8. Odinskova E.Yu., Glinskaya N.I. The legal status of the Ministry of Civil Defense, Emergency Situations and Elimination of Consequences of Natural Disasters in modern Russia // Pravo. Safety. Emergency situations. 2016. No. 2. p. 49.

9. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2022. – № 9(302). – Pp. 111-120. – EDN THPMIA.

10. Girko, S. I. The state of emergency situations and fire safety: a look through the prism of the National Security Strategy of the Russian Federation / S. I. Girko // Right. Safety. Emergency situations. – 2023. – № 4(61). – Pp. 6-13. – EDN QBUPWW.

11. Zokoev, V. A. Civil defense as an integral part of the national security system of the country / V. A. Zokoev // Law. Safety. Emergency situations. – 2013. – № 2(19). – Pp. 45-51. – EDN YIWJLP; Zokoev, V. A. Legislative provision of civil defense / V. A. Zokoev // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2013. – № 4(21). – Pp. 36-41. – EDN YHXHWL.

12. Nazarova, I. S. On the legal consequences of the withdrawal of the Russian Federation from the Council of Europe: amendments to the emergency legislation should not take long / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Legal science: history and modernity. – 2022. – No. 10. – pp. 160-167. – EDN GCKQZO.

13. Shenshin, V. M. Features of interaction between the Ministry of Emergency Situations of Russia and local governments in the field of protection of the population from emergency situations / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // Fire safety: modern challenges. Problems and solutions : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 22, 2021 / Comp.: A.V. Zikov, N.V. Fedorova, O.E. Evseeva. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief, 2021. – pp. 141-145. – EDN IBAGYU.

14. Shenshin, V. M. On the public notification system in a subject of the Russian Federation in case of an emergency / V. M. Shenshin // Security service in Russia: experience, problems, prospects. Monitoring, prevention and elimination of natural and technological emergencies : Proceedings of the International Scientific and practical conference, St. Petersburg, October 28, 2021. – Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 2021. – pp. 766-772. – EDN RXSGPS.

15. Shenshin, V. M. Legal regulation of the provision of the Ministry of Emergency Situations of Russia and the Rosgvardiya of national security in a state of emergency / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2020. – № 10(279). – Pp. 77-89. – EDN RHYDDF.

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ LEGAL MECHANISM FOR COUNTERING EXTREMISM IN RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

КОЛОКОЛОВА Марина Владиславовна

Аспирант Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1,
e-mail: kolokolova.marin@gmail.com

KOLOKOLOVA Marina Vladislavovna

Lomonosov State University,
Russian Federation, 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1,
e-mail: kolokolova.marin@gmail.com

Краткая аннотация. Сегодня – экстремизм представляет собой одну из основных угроз национальной безопасности государства. Вместе с тем экстремизм не новое явление для России. Целью статьи является историко-правовой анализ этапов формирования правового регулирования в сфере противодействия экстремизму: от «государственных преступлений», закрепленных в Судебнике 1497 года, через дифференциацию ответственности в XIX-XX веках, к становлению современной комплексной стратегии противодействия экстремизму.

Abstract. Today, extremism is one of the one of the main threats to the national security of the state. However, extremism is not a new phenomenon in Russia. The purpose of the article is a historical and legal analysis of the stages of the formation of legal regulation in the field of countering extremism: from the "state crimes" enshrined in the Judicial Code of 1497, through the differentiation of responsibility in the XIX-XX centuries, to the formation of a modern comprehensive strategy for countering extremism.

Ключевые слова: антиэкстремистское законодательство, экстремизм, экстремистская деятельность, противодействие экстремизму, меры противодействия экстремистской деятельности, генезис развития законодательства, Стратегия противодействия экстремизму.

Key words: anti-extremist legislation, extremism, extremist activity, countering extremism, measures to counter extremist activity, the genesis of legislative development, Strategy for countering extremism.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Историко-правовой анализ развития противодействия «экстремизму» в российской правовой системе свидетельствует о его постепенной трансформации: от первоначальных политико-социальных аспектов к формированию сложной правовой категории. Данный процесс включает в себя несколько этапов, каждый из которых отражает изменения в правовой парадигме и практике.

Первым этапом является зарождение концепции формирования государственных преступлений, которая восходит к периоду закрепления русского централизованного государства. Фактически, уже в XV веке зарождались правовые инструменты, гарантирующие сохранение государственной целостности и власти, политической стабильности. История формирования понятия «экстремизм» в российском правовом поле отсылает нас к концу XV века. Тогда впервые были закреплены, так называемые, «государственные преступления», к которым, например, Судебник 1497 г. [5] относит «клихое дело» - то есть деяние, которое угрожает государственному строю, правопорядку или интересам господствующего класса. Такой правовой переход важен для понимания роли государства как гаранта целостности и безопасности, и, фактически, законодателем, впервые был выделен такой объект правовой охраны – как государственная безопасность. Таким образом формировались правовые инструменты, подчеркивающие усиление роли государства и режима, с одной стороны, и необходимость предотвращения угроз внутреннего и внешнего характера – с другой.

Следующий этап в формировании «антиэкстремистского» правового механизма приходится на период середины XIX до конца XX века, когда в системе российского права предпринималась попытка дифференцировать ответственность за преступления, мотивированные религиозной, этнической или сословной нетерпимостью. Законодательство стало приобретать более структурированную форму, закрепляя подходы к определению характера указанных преступлений как социально-политического, идеологического явления, представляющего общественную угрозу [10]. Ввиду возрастающей экстремистской активности, уже начиная с конца XX века, «экстремизм» постепенно получает более явное юридическое значение перейдя от сугубо политической категории к многоаспектной сложной правовой категории. Такой переход подразумевает необходимость постоянного отслеживания форм проявления экстремизма, уточнения его признаков, а также разработки правовых инструментов, позволяющих не только своевременно реагировать на новые риски и угрозы безопасности государства и общества, вызванные экстремистскими проявлениями, но и способствующих превенции эскалации экстремистской идеологии.

В этот же период научное сообщество уже исследовало категорию «экстремизм» как динамическое явление, которое обладает многогранностью своего проявления, тенденцией к расширению своих форм, а его крайняя форма – терроризм – уже стал инструментом государственной политики [1].

В период на рубеже 2000-х годов проблема распространения экстремизма стала рассматриваться как явление более сложной и общей природы. Проявления терроризма, распространившиеся на территории России, акцентировали внимание на необходимости создания правовых

мер реагирования на вызовы и угрозы безопасности – с одной стороны – для борьбы с конкретными угрозами терроризма, с другой – регулирования «общего» явления – экстремизма, которое в тот момент не достигало таких масштабов и остроты как терроризм. Как отмечал Касютин Д.Л. формирование современного законодательства о противодействии экстремизму и терроризму прошло несколько этапов [2]. Первым этапом стало первое нормативное закрепление борьбы с терроризмом как с особым явлением, выделяющимся из общей криминальной деятельности, и межведомственного взаимодействия в борьбе с проявлениями фашизма и иными формами политического экстремизма в Российской Федерации [6], а затем, уже на втором этапе (1998-2001 гг.) был принят первый Федеральный закон о борьбе с терроризмом [11], который регламентировал новый порядок противодействия терроризму и послужил основанием для разработки и принятия нормативных актов, регулирующих применение антитеррористических мер.

На фоне стабилизации ситуации в регионах повышенной террористической активности, актуализировались и вопросы необходимости регулирования противодействия распространению идеологии насилия, ненависти, вражды, а также угроз подрыва основ конституционного порядка страны. В результате, было признано, что противодействие экстремистским проявлениям требует не только усиления ответственности за деяния экстремистского характера, но и создания специальных норм, которые позволили бы бороться с распространением идеологии экстремизма. Поиск возможных правовых методов и конструкций регулирования сделал шаг к постепенному переходу разграничения правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму, как двум различным явлениям. Ключевым отражением научных и общественных концепций и тенденций 2000-х годов, стало принятие Федерального закона о противодействии экстремистской деятельности [12], зафиксировавшим основные направления борьбы с экстремизмом и механизмами противодействия ему. Несмотря на правовые шаги в сфере противодействия экстремизму, некоторые исследователи, например, О.В. Костылева отмечали, что реформы в этой области, в частности уголовно-правовые меры, часто были преждевременными [4].

С 2006 г. и до настоящего времени развитие правовой базы продолжает строиться на основах Федерального закона о противодействии экстремистской деятельности [12]. В отличие от ранних периодов, современное «антиэкстремистское законодательство» ориентируется не только на закреплении правовых инструментов, направленных на оперативное предотвращение последствий экстремизму, но и на профилактических, образовательных мерах, направленных на недопущение распространения экстремистской идеологии. Несмотря на то, что научное сообщество ранее неоднократно акцентировало внимание на важности разграничения экстремизма и терроризма, и уже были приняты отдельные законы о противодействии экстремизму и о противодействии терроризму, в 2009 г. как документ стратегического планирования, закрепляющие основные принципы государственной политики была принята только Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.) [3]. Вместе с тем, угрозы экстремистского характера и противодействия им, в указанной Концепции рассматривались исключительно как фактор, обуславливающий возникновение и распространение терроризма в России. В рамках формирования такой политики законодательно подчеркивалась важность и необходимость межведомственного взаимодействия, позволяющее более гибко и всесторонне реагировать на изменения характера и форм экстремистских угроз, что выразилось в образовании Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации и принятии соответствующего Указа Президента Российской Федерации в 2011 году [9]. Вплоть до 2014 г. «антиэкстремистское законодательство» не было полностью самодостаточным, должного внимания со стороны законодателя не уделялось, и фактически основывалось на отраслевом Федеральном законе о противодействии экстремистской деятельности и нормативных правовых актах, посвященных борьбе с терроризмом или нормативных правовых актах общего регулирования, таких как федеральные законы об общественных объединениях, о политических партиях, о безопасности, о некоммерческих организациях и другие.

Несмотря на достаточный долгий путь становления отраслевой специфики, за последнее десятилетие наблюдается устойчивая динамика к регулированию противодействия экстремизму отдельно от терроризма. В 2020 г. была утверждена первая Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [7], закрепившая основные направления и цели государственной политики в данном направлении.

Подтверждая ранее заявленный тезис о том, что экстремизм – явление динамическое, требующее постоянной актуализации методов и способов выявления распространения экстремизма и его пресечения, в конце 2024 года была принята новая Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124). Принятие данной Стратегии – системная актуализация государственного-правового подхода к противодействию одного из наиболее деструктивных явлений, угрожающих основам конституционного строя. С формально-юридической точки зрения, новым является переход от срочной к бессрочной модели стратегического планирования, что свидетельствует о том, что экстремизм рассматривается не как временный вызов, а как перманентная угроза национальной безопасности, требующая постоянного адаптивного реагирования. Новая Стратегия демонстрирует синтез концептуальных основ государственной политики, выражающихся в защите национальной безопасности, сохранению традиционных ценностей, а также учет международной обстановки и действий недружественных государств. Формирование такого комплексного подхода позволяет вести борьбу с экстремизмом не только силами правоохранительной деятельности, но и через укрепление духовно-нравственного, идеологического и патриотического воспитания общества. Стоит отметить, что был существенно расширен и конкретизирован понятийный аппарат, что имеет фундаментальное значение для правоприменения. Характерным также представляется идентификация законодателем нескольких уровней угроз: гибридные угрозы (использование недружественными странами экстремистских организаций как инструмент ведения «борьбы»), прямая угроза деятельности неонацистских формирований и разжигание русофобии, а также угроза идеологического экстремизма. Концептуально, новая Стратегия подчеркивает важность консолидации усилий «государство-общество» как основополагаю-

щий вектор противодействия и нейтрализации экстремизма во всех его формах и проявлениях.

В целом, за последний год (2025 г.) государственная политика была направлена на существенное ужесточение «антиэкстремистского законодательства», в частности, были приняты нормы, устанавливающие административную ответственность за поиск экстремистских материалов в сети «Интернет» [15], ужесточение ответственности за возбуждение ненависти и вражды [13], изменение порядка признания организации экстремистской [14], а также преобразование Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма в Межведомственную комиссию по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности [8].

Таким образом, историко-правовой анализ показывает, что развитие системы мер и нормативных правовых актов, направленных на формирование системы противодействия экстремизму в России, прошло сложный и многогранный путь, отражающий изменение характера угроз, характерных для разных временных промежутков. Этот путь демонстрирует постоянную необходимость адаптации законодательства к новым вызовам, развитию новых форм профилактики и борьбы с проявлениями экстремизма, а также повышению эффективности как межведомственного взаимодействия, так и взаимодействия общества и государства, и общественной осведомленности. Постоянное развитие антиэкстремистского законодательства в России свидетельствует о том, что противодействие экстремизму – стратегическая цель национальной безопасности, требующая системного, комплексного подхода.

Список литературы:

1. Грачев А.С. Политический экстремизм. – М.: Мысль, 1986, С.239.
2. Касютин Д.Л. Реализация конституционно-правового законодательства о противодействии терроризму и экстремистской деятельности в субъектах Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Тверь, 2009. С. 8.
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета, № 198, 20.10.2009.
4. Костылева О.В. Борьба с проявлениями экстремизма мерами уголовного закона: оценка научной обоснованности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008, № 4. С. 106, 118.
5. Судебник 1497 г. – Российская юстиция, № 11, ноябрь 2006 г.
6. Указ Президента Российской Федерации от 23.03.1995 № 310 О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995 г. № 13, ст. 1127.
7. Указ Президента РФ от 29.05.2020 N 344 "Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года" // Собрание законодательства Российской Федерации, 2020, № 22, ст. 3475.
8. Указ Президента Российской Федерации от 23.10.2025 г. № 774 О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма и экстремистской деятельности // // Собрание законодательства Российской Федерации, 2025, № 43, ст. 6389.
9. Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988 "О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, № 31, ст. 4705.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. — Санкт-Петербург : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. — [4], IV, 898, XVII с. : 16 см.; Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. : = Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ.. — Неофиц. изд. — Санкт-Петербург : кн. мар. В.П. Анисимова, 1903. — 253 с. : 14. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, N 40, ст. 591; Уголовный Кодекс РСФСР. редакции 1926 года.//Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1926 г. № 35-92. Отдел первый. — М., Б. г. (391), УК 1960.
11. Федеральный закон "О борьбе с терроризмом" от 25.07.1998 № 130-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 31, ст. 3808.
12. Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 30, ст. 3031.
13. Федеральный закон от 24.06.2025 № 173-ФЗ "О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации, 2025, № 26, ст. 3503.
14. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 215-ФЗ "О внесении изменений в статьи 4 и 16 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" и статьи 1 и 9 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности" // Собрание законодательства Российской Федерации, 2025, № 30, ст. 4364.
15. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" // Собрание законодательства Российской Федерации, 2025, № 31, ст. 4635.

References:

1. Grachev A.S. Political extremism. Moscow: Mysl, 1986, p.239.
2. Kasyutin D.L. Implementation of constitutional and legal legislation on countering terrorism and extremist activity in the subjects of the Russian Federation. Abstract of the dissertation ... kand. jurid. sciences: 12.00.02. Tver, 2009. p. 8.
3. The Concept of countering terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009) // Rossiyskaya Gazeta, No. 198, 20.10.2009.
4. Kostyleva O.V. Combating extremism by measures of the criminal law: assessment of scientific validity // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law. 2008. No. 4. pp. 106, 118.
5. Judicial Code of 1497 – Russian Justice, No. 11, November 2006.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 03/23/1995 No. 310 On Measures to ensure Coordinated Actions of State Authorities in the Fight against Manifestations of Fascism and Other Forms of Political extremism in the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1995, No. 13, art. 1127.
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 344 dated 05/29/2020 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2020, No. 22, art. 3475.
8. Decree of the President of the Russian Federation No. 774 dated 10/23/2025 On the Interdepartmental Commission for Countering the Financing of Terrorism and Extremist Activities // // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2025, No. 43, art. 6389.
9. Decree of the President of the Russian Federation No. 988 dated July 26, 2011 "On the Interdepartmental Commission for Countering Extremism in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2011, No. 31, art. 4705.
10. The Code of Criminal and Correctional Punishments. — St. Petersburg : Type. 2 of the Department of the proper E. I. V. Chancellery, 1845. — [4], IV, 898, XVII p. : 16 cm.; New Criminal Code, highly approved on March 22, 1903 : = New criminal Code, highly approved on March 22, 1903. With adj. prem. alf. decree.. — Neofits. ed. — St. Petersburg : V.P. Anisimov's Book of Magicians, 1903. — 253 p. : 14.. Criminal Code of the RSFSR // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1960, No. 40, Article 591; Criminal Code of the RSFSR the 1926 edition.//Collection of Laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR for 1926, No. 35-92. Department One. — M., B. G. (391), Criminal Code 1960.
11. Federal Law "On Combating Terrorism" dated 07/25/1998 No. 130-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1998, No. 31, art. 3808.
12. Federal Law "On Countering Extremist Activities" dated 07/25/2002 No. 114-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation, 2002, No. 30, art. 3031.
13. Federal Law No. 173-FZ of 06/24/2025 "On Amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2025, No. 26, art. 3503.
14. Federal Law No. 215-FZ of July 23, 2025 "On Amendments to Articles 4 and 16 of the Law Of the Russian Federation "On Mass Media" and Articles 1 and 9 of the Federal Law "On Countering Extremist Activity" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2025, No. 30, art. 4364.
15. Federal Law No. 281-FZ dated 07/31/2025 "On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Federal Law "On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2025, No. 31, art. 4635.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_868

УДК 342.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: РИСКИ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

THE USE OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN PSYCHOLOGICAL PRACTICE: RISKS, LIMITATIONS, AND LEGAL REGULATION ISSUES

ФЕДОРОВИЧ Диана Юрьевна,

доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел
Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
diafed@yandex.ru

FEDOROVICH Diana Y.

Associate Professor of the Department of Organization of the Activities of the Internal Affairs Bodies
of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Phd (Law), doctoral candidate
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8 building 1.
diafed@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена вопросам использования технологии генеративного искусственного интеллекта в психологической практике. В работе рассматриваются риски, связанные с нарушением конфиденциальности данных пациентов, а также поль-
зователей психологических ИИ-платформ, и их безопасность. Обсуждаются проблемы правовой неурегулированности процессов разра-
ботки и использования психологических чат-ботов и приложений на основе генеративного искусственного интеллекта, а также предложе-
ния по их решению.

Abstract: The article is devoted to the issues of using generative artificial intelligence technology in psychological practice. The paper examines
the risks associated with the breach of confidentiality of clients' and users' data on psychological AI platforms, as well as their security. It discusses the
problems of legal uncertainty in the processes of developing and using psychological chatbots and applications based on generative artificial intelligence,
and also offers proposals for addressing these issues.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, виртуальные терапевтические ассистенты, психология, этические
принципы психолога, конфиденциальность, юридическая ответственность.

Key words: generative artificial intelligence, virtual therapeutic assistants, psychology, ethical principles of a psychologist, confidentiality, legal
responsibility.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

«Если краткосрочное воздействие искусственного интеллекта зависит от того,
кто его контролирует, то долгосрочное от того, будет ли вообще возможен такой контроль...
Все мы должны задать себе вопрос о том, что мы можем сделать сейчас,
чтобы повысить шансы на извлечение выгоды и при этом избежать рисков» [9].

Технология искусственного интеллекта (ИИ) быстро развивалась в течение последних нескольких десятилетий, и ее применение ста-
новится все более распространенным в широком спектре как научных областей, так и практических сфер жизни. Уже сегодня ИИ применяется
для освобождения человека от монотонной работы путем автоматического создания программного обеспечения; поддержки в принятии решений;
автоматизации опасных видов работ; поддержки коммуникаций между людьми и др. [2].

Огромный прорыв в развитии обработки естественного языка (NLP) и генеративного искусственного интеллекта привел к созданию
мощных инструментов, таких как ChatGPT. В дополнение к созданию языка, напоминающего язык человека, эти технологии могут обрабатывать и
анализировать огромные объемы текстовых данных, что значительно повышает точность прогностических моделей и аналитических алгоритмов
и позволяет использовать ИИ в научных исследованиях: от выдвижения научных гипотез до выявления сложных закономерностей.

Предназначенное для создания нового контента семейство технологий искусственного интеллекта, известное как «генеративный ИИ»,
способен давать ответы, напоминающие ответы человека (ChatGPT от OpenAI). Благодаря значительно расширенным возможностям генератив-
ный ИИ в настоящее время используется в создании научной и творческой продукции.

Конечно же, генеративный ИИ оказал широкое влияние и на психологию: от анализа больших данных в целях проведения научных ис-
следований до моделирования поведения человека.

Разработано большое количество приложений и программ на основе ChatGPT для мониторинга и диагностики состояния пациентов с
депрессией и имитации диалогов с психологом (виртуальные терапевтические ассистенты). Вместе с тем исследования показывают, что такие
виртуальные терапевтические ассистенты не могут заменить психотерапевта, но позволяют пользователю осознать свое эмоциональное состоя-
ние, купировать панические атаки, повысить психологическую грамотность, а также до обращения к специалисту использовать предложенные
стратегии управления своими состояниями, основанные на методах когнитивно-поведенческой терапии [10].

Расширение функций обработки и классификации больших объемов текстовых данных ИИ способны более эффективно выявлять ос-
новные поведенческие и эмоциональные паттерны. Также использование генеративно-состязательных сетей (GAN) позволяет улучшать текущие

наборы данных и гарантировать точность экспериментальных результатов исследований.

Кроме того, с помощью ИИ создаются виртуальные эксперименты и симуляции, которые существенно расширяют перспективы психологических исследований, снижая этические риски и повышая эффективность сбора данных.

Отмечая значительные научные достижения в области генеративного ИИ и высокий потенциал использования технологий искусственного интеллекта как в практической психологии, так и в научных исследованиях, многие специалисты обращают внимание на возникающие в этой связи этические и правовые проблемы.

Как отмечает доктор психологических наук, профессор РАН Т. Нестик, наряду с очевидными преимуществами психологических чат-ботов, а именно, возможность оперативного получения психологической помощи при ее низкой стоимости, существуют риски их использования. Поскольку психологические характеристики генеративного ИИ отражают определенную эмоциональную культуру, ценности, базовые убеждения и стереотипы, сформированные обучающими выборками и общением с пользователями, это может влиять на его взаимодействие с различными людьми и социальными группами [4].

Среди ограничений следует отметить возможное применение приемов психотерапии, не имеющих доказанной эффективности, отказ от обращения за необходимой помощью к специалистам, получение вводящей в заблуждение или неверной информации о своем психическом здоровье, а также имеющиеся когнитивные искажения генеративного ИИ, способные нанести серьезный ущерб психологическому благополучию населения, а также жизни и здоровью отдельных пользователей.

В настоящее время более миллиона пользователей ChatGPT каждую неделю отправляют сообщения, которые содержат «явные признаки потенциального суицидального планирования или намерения», говорится в сообщении OpenAI [13]. Новейшие исследования показывают, что, несмотря на способность генеративного ИИ моделировать терапевтический диалог, обеспечивать общение 24/7 и помогать с когнитивной поддержкой пациентов, чат-боты могут способствовать возникновению или обострению психотических симптомов: так называемого «психоза искусственного интеллекта» или «психоза ChatGPT», усиливая бредовые или грандиозные мысли, особенно у лиц, уязвимых к психозу, размывая границы реальности и нарушая саморегуляцию [12]. Уже известно о нескольких случаях суицида, совершенного в результате общения или под влиянием виртуальных терапевтических ассистентов [8, 11].

Кроме того, Всемирная организация здравоохранения наряду с новыми возможностями ИИ для изучения психических заболеваний и выработки более эффективных стратегий охраны здоровья указывает на наличие существенных рисков его применения, связанных с недостаточной валидацией данных и их оценкой на предмет возможных погрешностей [5].

Вместе с тем наибольшую обеспокоенность вызывают правовые и этические проблемы использования генеративного искусственного интеллекта специалистами непосредственно в психологической практике, а также пользователями при взаимодействии с виртуальными терапевтическими ассистентами.

В первую очередь необходимо обратить внимание на вопросы конфиденциальности данных пользователей платформ ИИ. В настоящее время законодательно не урегулированы правила хранения и обработки данных, используемых для дальнейшего обучения языковых моделей. Это создает риски утечки как персональных данных клиента при использовании ИИ специалистом, например, для ведения протокола терапии, составления его плана и обобщения ее хода, так и сведений, вводимых самими пользователями при обращении за психологической помощью к чат-ботам и приложениям на основе генеративного ИИ.

В настоящее время отсутствие в законодательстве прямого запрета на использование ИИ-платформами данных пользователей без их согласия, а также правового статуса психологической тайны и ответственности за ее разглашение приводят к назначению разработчикам ИИ-моделей минимальных штрафов или вынесению им оправдательных приговоров за вред, причиненный пользователям [1].

Кроме того, предвзятость, неполнота или неточность информации, используемой для обучения генеративного ИИ, а также присутствие в ней гендерных, расовых и культурных предубеждений может привести к таким последствиям, как неверная интерпретация данных о психическом состоянии пациента или пользователя и получение рекомендаций, способных нанести существенный вред его здоровью и даже жизни.

Эту проблему усугубляет тот факт, что на сегодняшний день вопросы информированного согласия клиента на использование специалистом ИИ-платформ, в том числе для сбора, обобщения и интерпретации данных о нем, закреплены лишь в Этическом кодексе Российского психологического общества, который устанавливает среди прочих принцип осведомленности и добровольного согласия клиента [6].

Принцип осведомленности клиента предполагает, что психолог должен сообщать ему обо всех основных шагах или лечебных действиях. Соблюдение этого принципа требует от специалиста доступной интерпретации хода и результатов диагностики, проводимой с помощью ИИ-модели, что становится возможным лишь при условии прозрачности и объяснимости используемых ИИ-систем. Однако достижение полной прозрачности на данный момент остается нерешаемой технической задачей из-за сложности моделей глубокого обучения.

Понимание процесса принятия решений и механизмов создания ИИ-моделей способно повысить доверие пользователей к системам искусственного интеллекта, а также позволит специалистам контролировать поведение ИИ-моделей с целью предотвращения неверной интерпретации данных, использования недостоверной или ошибочной информации генеративным ИИ.

Таким образом, юридическая наука сталкивается с проблемой разграничения ответственности за действия искусственного интеллекта, поскольку он, будучи сложным и самообучающимся механизмом, способен принимать решения, последствия которых могут иметь правовое значение [3].

Использование технологии генеративного искусственного интеллекта в психологической практике станет возможным лишь при усло-

вии правового закрепления его статуса, требований к разработчикам, касающихся прозрачности алгоритмов и механизмов принятия решений, хранения и обработки данных пользователей, а также ответственности за их нарушение.

При этом вопросы соблюдения этических принципов при использовании ИИ-платформ также требуют правового регулирования и установления границ их ответственного использования психологами, предусматривающих контроль с их стороны за достоверностью получаемых данных и их корректировку с учетом имеющихся у специалиста навыков и знаний.

Необходимо также нормативно закрепить требование к разработчикам психологических чат-ботов и приложений об обязательном информировании пользователей о рисках, связанных с их использованием, и необходимости обращения к специалистам в случае выявления симптомов психических расстройств и рисков суицидального поведения.

Следует констатировать, что интеграция генеративного искусственного интеллекта в психологическую практику уже не вопрос времени, а реальность, требующая правовой и этической регламентации с целью минимизации имеющихся рисков. Решение этой проблемы возможно лишь в междисциплинарном подходе, предусматривающем сотрудничество специалистов в области психологии, права и информационных технологий.

Список литературы:

1. Афанасьев И.В., Афанасьева И.В. Этические и правовые аспекты использования искусственного интеллекта в психологической практике: анализ и пути регулирования // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2025. № 6. С. 293-301. URL: <https://doi.org/10.5930/1994-4683-2025-293-301> (дата обращения: 06.12.2025).
2. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». Минцифры России, 10 октября 2019. М., 2019. Официальный сайт КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335564/ (дата обращения: 06.12.2025).
3. Мурашев П.М. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы // Закон и право. 2025. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-riski-i-vyzovy> (дата обращения: 06.12.2025).
4. Нестик Т. Как технологии генеративного искусственного интеллекта повлияют на психологическую науку и практику. Аналитическое резюме. 14.07.2023. Вып. 7-8 (27). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/kak-tehnologii-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-povlijajut-na-psihologicheskuyu-nauku-i-praktiku#_ftnref4 (дата обращения: 06.12.2025).
5. Роль искусственного интеллекта в исследованиях в области психического здоровья: новое исследование ВОЗ, посвященное возможностям и вызовам, связанным с применением ИИ. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/europe/ru/news/item/06-02-2023-artificial-intelligence-in-mental-health-research--new-who-study-on-applications-and-challenges> (дата обращения: 06.12.2025).
6. Этический кодекс психолога Российского психологического общества. URL: <https://psyrus.ru/doc/ethics.pdf> (дата обращения: 06.12.2025).
7. Bendig E., Erb B., Schulze-Thuesing L., Baumeister H. The Next Generation: Chatbots in Clinical Psychology and Psychotherapy to Foster Mental Health – A Scoping Review. *Verhaltenstherapie*. Vol. 32. No. 1. P. 64–76. URL: <https://doi.org/10.1159/000501812> (дата обращения: 06.12.2025).
8. Bhuiyan J. ChatGPT encouraged Adam Raine's suicidal thoughts. His family's lawyer says OpenAI knew it was broken // The Guardian, 29 Aug 2025. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/aug/29/chatgpt-suicide-openai-sam-altman-adam-raine> (дата обращения: 06.12.2025).
9. Hawking S., Russell S., Tegmark M., Wilczek F. Stephen Hawking: 'Transcendence looks at the implications of artificial intelligence - but are we taking AI seriously enough?'. *The Independent*, 1 May 2014. URL: <http://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-transcendence-looks-at-the-implications-of-artificial-intelligence-but-are-we-taking-9313474.html> (дата обращения: 06.12.2025).
10. Kolenik T., Gams M. Intelligent Cognitive Assistants for Attitude and Behavior Change Support in Mental Health: State-of-the-Art Technical Review. *Electronics*. Vol. 10. No. 11. URL: <https://doi.org/10.3390/electronics10111250> (дата обращения: 06.12.2025).
11. Lovens P.-F. Sans ces Conversations avec le Chatbot Eliza, Mon Mari Serait Toujours. *La Libre*, 28 March 2023. URL: <https://www.lalibre.be/belgique/societe/2023/03/28/sans-ces-conversations-avec-le-chatbot-eliza-mon-mari-serait-toujours-la-LVSLWPC5WRDX7J2RCHNWPDPST24/> (дата обращения: 06.12.2025).
12. Morrin, H., et al. Delusions by Design? How Everyday Ais Might Be Fuelling Psychosis (and What Can Be Done About It). *PsyArXiv*, 10 July 2025. URL: https://doi.org/10.31234/osf.io/cmy7n_v3 (дата обращения: 06.12.2025).
13. Robins-Early N. More than a million people every week show suicidal intent when chatting with ChatGPT, OpenAI estimates // The Guardian, 27 Oct 2025. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2025/oct/27/chatgpt-suicide-self-harm-openai> (дата обращения: 06.12.2025).

References:

1. Afanas'ev I.V., Afanas'eva I.V. Ethical and legal aspects of artificial intelligence use in psychological practice: analysis and regulatory approaches // Scientific notes of P. F. Lesgaft University. 2025. no. 6. pp. 293-301. URL: <https://doi.org/10.5930/1994-4683-2025-293-301> (date of access 06.12.2025).
2. Roadmap for the development of the 'end-to-end' digital technology 'Neurotechnology and Artificial Intelligence'. Ministry of Digital Development of Russia, October 10, 2019. Moscow, 2019. Official website ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335564/ (date of access 06.12.2025).
3. Murashov P.M. Artificial intelligence in criminal proceedings: risks and challenges // Law and Justice. 2025. No.10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-riski-i-vyzovy> (date of access 06.12.2025).
4. Nestik T. How generative artificial intelligence technologies will affect psychological science and practice. Analytical summary. 14.07.2023. Vol. 4. Issues 7-8 (27). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/kak-tehnologii-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-povlijajut-na-psihologicheskuyu-nauku-i-praktiku#_ftnref4 (date of access 06.12.2025).
5. The role of artificial intelligence in mental health research: a new WHO study on the opportunities and challenges associated with the use of AI. Official website of the World Health Organization. URL: <https://www.who.int/europe/ru/news/item/06-02-2023-artificial-intelligence-in-mental-health-research--new-who-study-on-applications-and-challenges> (date of access 06.12.2025).
6. Ethical Code of the Psychologist of the Russian Psychological Society. URL: <https://psyrus.ru/doc/ethics.pdf> (date of access 06.12.2025).
7. Bendig E., Erb B., Schulze-Thuesing L., Baumeister H. The Next Generation: Chatbots in Clinical Psychology and Psychotherapy to Foster Mental Health – A Scoping Review. *Verhaltenstherapie*. Vol. 32. No. 1. P. 64–76. URL: <https://doi.org/10.1159/000501812> (date of access 06.12.2025).
8. Bhuiyan J. ChatGPT encouraged Adam Raine's suicidal thoughts. His family's lawyer says OpenAI knew it was broken // The Guardian, 29 Aug 2025. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/aug/29/chatgpt-suicide-openai-sam-altman-adam-raine> (date of access 06.12.2025).
9. Hawking S., Russell S., Tegmark M., Wilczek F. Stephen Hawking: 'Transcendence looks at the implications of artificial intelligence - but are we taking AI seriously enough?'. *The Independent*, 1 May 2014. URL: <http://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-transcendence-looks-at-the-implications-of-artificial-intelligence-but-are-we-taking-9313474.html> (date of access 06.12.2025).
10. Kolenik T., Gams M. Intelligent Cognitive Assistants for Attitude and Behavior Change Support in Mental Health: State-of-the-Art Technical Review. *Electronics*. Vol. 10. No. 11. URL: <https://doi.org/10.3390/electronics10111250> (date of access 06.12.2025).
11. Lovens P.-F. Sans ces Conversations avec le Chatbot Eliza, Mon Mari Serait Toujours. *La Libre*, 28 March 2023. URL: <https://www.lalibre.be/belgique/societe/2023/03/28/sans-ces-conversations-avec-le-chatbot-eliza-mon-mari-serait-toujours-la-LVSLWPC5WRDX7J2RCHNWPDPST24/> (date of access 06.12.2025).
12. Morrin, H., et al. Delusions by Design? How Everyday Ais Might Be Fuelling Psychosis (and What Can Be Done About It). *PsyArXiv*, 10 July 2025. URL: https://doi.org/10.31234/osf.io/cmy7n_v3 (date of access 06.12.2025).
13. Robins-Early N. More than a million people every week show suicidal intent when chatting with ChatGPT, OpenAI estimates // The Guardian, 27 Oct 2025. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2025/oct/27/chatgpt-suicide-self-harm-openai> (date of access 06.12.2025).

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА РУССКОГО ЯЗЫКА И СВЯЗАННЫХ С НИМ КАТЕГОРИЙ

NEW APPROACHES TO DETERMINING THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND RELATED CATEGORIES

МУСАТОВА Светлана Геннадьевна,

старший преподаватель Высшей школы теории права и частного права, Тихоокеанский государственный университет, 680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136

E-mail: 013089@pnu.edu.ru

MUSATOVA Svetlana Gennadevna,

Senior Lecturer of Graduate School of Theory of Law and Private Law Pacific State University, 136, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russia

E-mail: 013089@pnu.edu.ru

Краткая аннотация: на основе анализа нормативных правовых актов рассмотрены проблемные вопросы правового статуса русского языка. Дана оценка законодательным актам по вопросам регулирования правового статуса государственного языка в контексте современной государственной политики и представлений о правовом статусе русского языка и его значении. Установлены некоторые противоречия в законодательстве, определяющего правовой статус языков и современными государственными стратегиями. В статье обсуждается потребность в едином законодательном акте, который определил бы правовой статус языков на территории Российской Федерации.

Abstract: The article discusses problematic issues of legal status of the Russian language through the analysis of regulatory legal acts. The legislative act of the status of the state language. It takes into account the context of state policy and modern ideas about the Russian language and its significance. There are some contradictions between the legislation on the status of languages and modern state strategies. There is a need for a single law that can define language as a national cultural value.

Ключевые слова: русский язык, государственный язык, языки народов Российской Федерации, родной язык, суверенитет, национальная идентичность, традиционные ценности, правовая культура, языковая политика, культурный (цивилизационный) код.

Keywords: Russian language, state language, the languages of the peoples of the Russian Federation, the native language, sovereignty, national identity, traditional values, legal culture development, language policy, cultural code.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Государственный язык является одним из характерных признаков государственного суверенитета. Язык служит средством государственного и межгосударственного взаимодействия, официального общения, общественной коммуникации, опосредует творчество, культуру и искусство, является способом социального, психологического, коммуникативного, когнитивного развития. Государственный язык рассматривается как официальная связь между государством и населением, оформляющая социальное, информационное, экономическое пространство. Признание языка родным принято воспринимать как одну из форм признания к национальной принадлежности.

Государства, присоединившиеся к международным конвенциям, гарантируют уважение и обеспечение прав, без какой-либо дискриминации, по языковому признаку [1, 2]. Игнорирование проблемы унижения чести и достоинства человека или допущение угроз в силу его приверженности к иной культуре (например, русской) или языку противоречит содержанию международных правовых норм.

В последние годы получили распространение политические и социальные барьеры использования русского языка, манифестации "отмены" русской культуры, игнорирование прав русскоговорящего населения других стран, и иные идеологические деструктивные установки, контрпродуктивные по своей сути традиционной российской духовности и нравственности. Подобные проявления рассматриваются как антироссийская агрессия, поскольку русский язык воспринимается гражданами в качестве формы отождествления себя с принадлежностью к русскому миру, способом сохранения национальной, языковой, религиозной и культурной идентичности.

Создаваемая ситуация приводит к эскалации экстремистских настроений, проявлению идеологии агрессивного национализма и антирусского неонацизма в практике государств, осуществляющих политику дискриминационной направленности [11]. Позиция Российской Федерации по данному вопросу отражена в различных актах, в открытых заявлениях, а также в документах конституционного правосудия [17]. В частности, по вопросу о дальнейшей недопустимости игнорирования фактов массового нарушения права на жизнь, дискриминацию людей с которыми Россию связывают прочные исторические, культурные и человеческие ценности, основанные на общей национальной и языковой принадлежности [17].

Интерес к изучению вопроса о соответствии представлений о правовом статусе русского языка в условиях новых политических вызовов приобретает новую дискуссионность. Так Ежов Д.А. указывает на актуализацию научной проблематики по определению традиционных ценностей в качестве мировоззренческой основы и объекта правовой защиты [20].

Кудинов В.В. считает, что важнейшей мишенью воздействия недружественных стран стал русский язык как основа национальной самоидентификации и целостности Российского государства [21].

Полагаем, что в условиях новых политических реалий возникла потребность в правовой защите языка и языковой культуры, отвечающей современным потребностям общества и принципу государственного единства.

Гипотезой нашего исследования является необходимость признания и удовлетворения потребности в обновленной концепции законо-

дательного регулирования правового статуса русского языка. Такой подход требует создания действующего механизма правовой защиты статуса русского языка через отнесение русского языка, как государственного, так и языков на территории России к категориям культурных ценностей, а также признание их значения в концепции национального самоопределения.

В конституционных нормах правовой статус русского языка в первую очередь определен как государственный по принципу языка государствообразующего народа. Из смысла конституционных норм следует, что язык рассматривается как способ объединения населения в единое политическое сообщество на территории государства из числа лиц, имеющих легитимные основания считать себя гражданами российского государства. Помимо этого Федеральный закон от 01 июня 2005 №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее по тексту ФЗ №53) регулирует применение государственного языка в вопросах федеральной государственной политики, обеспечение понимания общих целей в многонациональном государстве, использование единого знаково-смыслового подхода в разных областях государственного строительства, социальных и иных пространств и агломераций [4]. Напрямую обязывает соблюдать сферы использования государственного языка в деятельности органов публичной власти, в вопросах реализации прямой демократии, организации и проведении избирательных кампаний, судопроизводстве и других случаях, предусмотренных законом. По нашему мнению, статью 3 ФЗ №53 уместно дополнить обязательным использованием государственного языка при оказании государственных услуг и осуществлении цифрового документооборота.

Вместе с тем, анализ ФЗ №53 позволяет заключить, что на этапе создания закона русский язык как государственный рассматривается преимущественно с позиции решения следующих задач: создание элемента правового инструмента реализации гражданских прав и свобод; обеспечение механизма социального диалога; формирование системы взаимоотношения населения с публичными органами; защиты и развития языковой культуры.

ФЗ №53 вместо определения государственного языка использует указание на его свойства, а именно в пункте 4 статьи 1 указано: «является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве» [4].

В своем исследовании Руднев Д.В., Садова Т.С. приводят аргументы о необходимости введения определения базового понятия государственного языка и отсутствие такого считают одним из существенных недостатков ФЗ №53 [22].

Вероятно, в период создания закона его редакция вполне удовлетворяла потребностям, обозначенным в преамбуле этого документа. Как указывает Доровских Е.М.: «На том этапе развития ... необходимо было дать правовое закрепление принципов общегосударственной языковой политики, разрешить проблему соотношения национальных государственных языков, закрепить права и свободы личности в области использования языков, т.е. установить основы правового режима языков; а также закрепить единый общегосударственный язык как признак единого государства» [19].

Таким образом, содержание ФЗ №53 напрямую не соотносит правовой смысл государственного языка с понятиями государственного суверенитета, общегосударственного единства, национальной культуры. Мы исходим из того, что правильное понимание роли государственного и национальных языков является оказывает влияние на массовую правовую культуру и нуждается в четком прямом изложении.

В то же время Закон РФ от 25 октября 1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (далее по тексту ФЗ №1807-1) регламентирует статус языков народов Российской Федерации уже с позиции национального достояния государства. В тексте этого документа созданы несколько логических ссылок к конституционным принципам. Так, в преамбуле установлен запрет пропаганды вражды, пренебрежения к любому языку, создание ограничений и привилегий в использовании языков, допущение противоречий между основными идеями национальной политики, гарантированы условия для сохранения равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации и мультикультурного сообщества [6].

В отношении языков коренных малочисленных народов используется понятие не национального, а родного языка [5]. Государство предоставляет конституционные гарантии в вопросах сохранения и защиты языкового многообразия, этнокультуры самобытности всех народов и этнических общностей [3]. Утверждены нормы языков коренных малочисленных народов России, правила орфографии и пунктуации с целью сбережения этнокультурных особенностей, сохранения и развития языкового многообразия [14, 15]. В целях поддержки и сохранения ценности родных языков провозглашен День языков народов Российской Федерации, 2022-2032 годы объявлены международным десятилетием языков коренных народов.

Исходя из того, что триада законодательных актов о языках посвящена предметам правового регулирования одной группы, мы наблюдаем разные подходы к определению правового статуса языков. Законами сформулированы правовые понятия «государственный язык», «национальный язык» и «родной язык», но не существует единого законодательного акта, включающего и определяющего эти понятия в унифицированном контексте, что как мы полагаем, в новых условиях является необходимым [5, 6, 7].

Не сложилась полноценная правовая позиция обеспечения правовой защиты русского языка как категории культурной ценности, культурного наследия и культурного достояния, несмотря на то, что ФЗ №53 определяет защиту и развитие языковой культуры как одно из целевых направлений правового обеспечения. Между тем в современном обществе существует острая потребность в создании условий достойного восприятия ценности языка как неотъемлемого культурного элемента, объединяющего людей, мыслящих на одном языке. Аналогичную точку зрения в своей работе излагает Дворовских Е.М.: «На современном этапе предметом регулирования должна стать охрана, защита русского языка как культурного, национального достояния Российской Федерации» [19].

Правовое регулирование в области общих вопросов национальной культуры относит языки к категории культурных ценностей, но их значение признает в определенных проявлениях (диалекты, говоры, фольклор, обычаи, обряды, исторические топонимы) наряду с художествен-

ными народными промыслами и ремеслами, и иными элементами народной культурой, при этом не определяет ценность государственного языка [12]. В разрез этому документу в Основых государственной культурной политики в 3 разделе русский язык назван объектом государственной культурной политики и учтен в категории культурного наследия, указана «ключевая, объединяющая роль в историческом сознании многонационального русского народа принадлежит русскому языку, великой русской культуре» [13].

В 2020 году внесены конституционные изменения касающиеся этических, национальных традиционных ценностей. Как пишет Васильева Л.Н. «появляются правовые категории ..., в которых прослеживается задача гарантировать индивидуальные и коллективные права в области языка и культуры, а также как единое целое представлены интересы общества в сочетании с интересами государства по защите и охране такого многообразия как основы существования Российского государства и развития гражданского общества» [18].

В целях обеспечения взаимодействия публичных органов по вопросам реализации единой государственной языковой политики созданы специализированные государственные органы управления [11, 19].

Указ Президента Российской Федерации 09 ноября 2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», ставит задачи усиления мер государственной политики в определении и охране традиционных ценностей, национальных приоритетов [10]. В документе определен фактор влияния правового статуса русского языка на национальную безопасность, сохранение и развития суверенитета и укрепление духа единства многонационального народа страны; формирование и развитие образа общероссийской гражданской идентичности, воспитание высокого уровня нравственности.

Последовательными стратегическими шагом становится принятие Указа Президента Российской Федерации об основах государственной языковой политики Российской Федерации от 11 июля 2025 № 474 (далее в тексте Указ №474) [8].

Концептуальным достоинством документа является провозглашенное сплочение органов публичной власти и институтов гражданского общества по обеспечению правовой защиты языка с позиции определения его места в системе общероссийской гражданской уникальной принадлежности. В тексте Указа № 474 русский язык расценивается как национальное достояние России, обладающее важными свойствами элемента российской и мировой культуры [8]. Такое понимание статуса русского языка символизирует новое отношение к единой культурно-цивилизационной общности Русского мира, включающей объединения многонационального народа России и иных народов, и воспринимается как повод консолидации населения, имеющего легитимные основания считать себя гражданами российского государства (или причисляющих себя к русскоязычным).

Этот вопрос получает стремительное развитие в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2023-2030 годы. В тексте документа используется термин «культурный (цивилизационный) код», как определяющий сферу защиты и сохранения русской культуры, русского языка и истории культурного наследия народов России [7].

То есть, русский язык - оригинальная самостоятельная единица служащая признаком суверенности государства, важный элемент общегосударственной культуры, культуры народов и национальных групп, категорией общей национальной идентичности. Фактически рассматриваем русский язык как форму и способ отражения национальной матрицы сознания людей, проживающих на территории страны.

Разделяем мнение Васильевой Л. Н. по данному вопросу, которая пишет: «поддержка культурной и языковой идентичностей как элементов общегражданской идентичности предполагает развитие мер, скрепляющих такую идентичность ... языка общегражданской нации, общих культурных доминант русского народа, а также сохранение исторической памяти» [18].

Отсутствие законодательной работы по признанию государственного языка символом государственного единства населения влечет за собой разрушение национальной самобытности, дискредитирует уважение к достоинству населения и индивида, ведет к падению уровня доверия к власти.

Безусловно, новые правовые акты обладают характером долговременной перспективы, соответствуют конституционному духу и ожиданиям общества, способствуют межнациональному культурному сотрудничеству, развитию демократизма, укреплению целостности и суверенитета Российской Федерации, национальному самоопределению, как в контексте государства, так и мирового сообщества. Для достижения цели принятые решения должны быть поддержаны законодательскими инициативами и организационными мероприятиями в разнообразных социальных направлениях.

На наш взгляд содержание законодательства о языках имеет некоторые недостатки в части несоответствия тенденциям развития государства, поскольку содержание Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определяет положение дел как требующее безотлагательных мер в организации и обеспечении правовой защиты русского языка как государственного, наряду с поддержкой иных традиционных ценностей [11].

Полагаем, что сегодня русский язык нуждается в уточнении смыслового восприятия через новое понимание формата национальной идентификации и национального достоинства, в обновленных правовых формах защиты как исторически сложившееся, органически необходимое средство единения, общения, выражения чувств, мыслей и воли. Такой подход похож на возрождение ранее ошибочно отвергнутой парадигмы, требующей признание прочных исторических, культурных и человеческих связей.

Проведенное исследование по вопросу о подходах к правовому статусу русского языка и связанным с ним категориям позволяет сформулировать несколько выводов:

1. С учетом стратегических задач и новых политических условий требуется правовая позиция, отражающая переосмысление статуса русского языка, новые гарантии обеспечения его функционального существования мерами правовой защитой.
2. Следует признать, что возникла правовая и политическая целесообразность в принятии законодательного акта, определяющего статус государственного и иных языков на территории Российской Федерации в контексте национального единства.
3. Необходимо определить единую концепцию правовой защиты основ и традиций речевой культуры русского общества.

4. Инициативой для новации нормативных правовых актов может стать определение нового подхода к реализации государственной языковой политики через принятие гарантирующих мер по сохранению всех языков народов России как объектов нематериального культурно-этнографического достояния.

5. Необходимы государственные и региональные программы по сохранению и развитию языковой культуры и связанных с ней категорий.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.
3. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2020).
4. О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 01 июня 2005 №53-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 23. – Ст. 2199.
5. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
6. О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25 октября 1991 № 1807-1 (ред. 13.06.2023) – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 13.06.2023);
7. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2023-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 №738 // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 28. – Ст. 3958.
8. Основы государственной языковой политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 № 474 // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 28. – Ст. 3958.
9. О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации (вместе с "Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации") (ред. от 31.01.2025): Указ Президента Российской Федерации от 22 июля 2024 №716 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 35. Ст. 5325.
10. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
12. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 № 808 (ред. от 17.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52 (часть I). – Ст. 7753.
13. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 24.06.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 46. – Ст. 2615.
14. О порядке утверждения норм языков коренных малочисленных народов Российской Федерации, правил орфографии и пунктуации этих языков: постановление Правительства РФ от 07 октября 2021 №1702 (ред. 08.10.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 42. – Ст. 7115.
15. О Правительственной комиссии по русскому языку (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по русскому языку»): постановление Правительства РФ от 08 августа 2020 № 1197 (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 33. – Ст. 5397.
16. О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера: распоряжения Правительства РФ от 08 мая 2025 №1161-р // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №42. – Ст. 7115.
17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2022 г. № 36-П // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 41. – Ст. 7154;
18. Васильева Л.Н. Языковая политика в интересах поддержания культурной и национальной идентичности российских граждан / Л.Н. Васильева // Журнал российского права. – 2024. – № 4. – С. 23-36.
19. Доровских Е.М.: Русский язык: совершенствование правового регулирования / Е.М. Доровских // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 39-52.
20. Ежов Д.А. Традиционные ценности как объект правовой защиты / Д.А. Ежов // Современное право. – 2024. – № 4. – С. 36 - 39.
21. Кудинов В.В. Государственный язык как элемент национальной самоидентификации и целостности Российского государства (особенности правового регулирования) / В.В. Кудинов // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – №11. – С. 2 - 7.
22. Руднев Д.В., Садова Т.С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона "О государственном языке Российской Федерации") / Д.В. Руднев, Т.С. Садова // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 56 - 66.

References:

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // Rossiyskaya Gazeta. No. 67. 05.04.1995.
2. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 11/20/1989) // Collection of International Treaties of the USSR. – 1993. – Issue XLVI.
3. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020]. – Text : electronic // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of request: 07/31/2020).
4. On the State Language of the Russian Federation: Federal Law No. 53-FZ of June 01, 2005 (as amended on 04/22/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2005. - No. 23. - Art. 2199.
5. On guarantees of the rights of indigenous Small-numbered Peoples of the Russian Federation: Federal Law No. 82-FZ of April 30, 1999 (as amended on 07/13/2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 18. – Art. 2208.
6. On the languages of the peoples of the Russian Federation: The Law of the Russian Federation of October 25, 1991 No. 1807-1 (as amended on 06/13/2023) – Text : electronic // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 13.06.2023);
7. On the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2023-2030: Decree of the President of the Russian Federation dated October 15, 2025 No. 738 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 28. – Article 3958.
8. Fundamentals of the state language policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 474 dated July 11, 2025 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 28. – Article 3958.
9. Russian Russian Federation on the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State Policy in the Field of Support of the Russian Language and the Languages of the Peoples of the Russian Federation (together with the "Regulations on the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State Policy in the field of Support of the Russian Language and the Languages of the Peoples of the Russian Federation") (as amended on 31.01.2025): Decree of the President of the Russian Federation of July 22, 2024 No. 716 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 35. – Article 5325.
10. On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation dated November 09, 2022 No. 809 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 46. – Article 7977.
11. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 02, 2021 No. 400 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (part II). – Art. 5351.
12. On the approval of the Fundamentals of the State Cultural Policy: Decree of the President of the Russian Federation No. 808 dated December 24, 12.2014 (as amended on 07/17/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 52 (part I). 7753.
13. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on Culture (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 09.10.1992 No. 3612-1) (as amended on 06/24/2025) // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs and the Armed Forces of the Russian Federation. – 1992. – No. 46. – Art. 2615.
14. On the procedure for approving the norms of the languages of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation, the rules of spelling and punctuation of these languages: Decree of the Government of the Russian Federation dated October 07, 2021 No. 1702 (as amended on 10/08/2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. Russian Russian Language Commission (together with the "Regulations on the Government Commission on the Russian Language"): Decree of the Government of the Russian Federation dated August 08, 2020 No. 1197 (as amended on 07/01/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 33. – St. 5397.
15. On the Concept of Sustainable development of indigenous small-numbered peoples of the North: Decree of the Government of the Russian Federation dated May 08, 2025 No. 1161-r // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 42. – Art. 7115.
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 2, 2022 No. 36-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 41. – Art. 7154;
17. Vasilyeva L.N. Language policy in the interests of maintaining the cultural and national identity of Russian citizens / L.N. Vasilyeva // Journal of Russian Law. - 2024. – No. 4. – pp. 23-36.
18. Dorovskikh E.M.: Russian language: improvement of legal regulation / E.M. Dorovskikh // Journal of Russian Law. - 2007. – No. 4. – pp. 39-52.
19. Yezhov D.A. Traditional values as an object of legal protection / D.A. Yezhov // Modern law. – 2024. – No. 4. – pp. 36-39.
20. Kudinov V.V. The state language as an element of national self-identification and integrity of the Russian state (features of legal regulation) / V.V. Kudinov // Constitutional and Municipal Law, 2024, No. 11, pp. 2-7.
21. Russian Russian as the state and modern Russian literary language (in the aspect of the implementation of the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation") / D.V. Rudnev, T.S. Sadova // Journal of Russian Law. – 2017. – No. 2. – pp. 56-66.

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ FEATURES OF ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL DRUG TRAFFICKING

МАКСУРОВ Алексей Анатольевич,

кандидат юридических наук, ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова».
150000, Россия, Ярославская обл., г. Ярославль, ул. Советская, 14.

E-mail: alex.maks.yarosl@gmail.com

MAKSUROV Alexey Anatolievich,

Candidate of Legal Sciences, FSBEI HPE "Yaroslavl State University named after. P.G. Demidov."

150000, Russia, Yaroslavl region, Yaroslavl, st. Sovetskaya, 14.

E-mail: alex.maks.yarosl@gmail.com

Краткая аннотация: Вопросы установления обстоятельств совершения преступных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ традиционно актуальны как с теоретических, так и практических позиций. Сложности предварительного расследования данной категории уголовных дел обусловлены способами совершения преступлений в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, противодействием со стороны обвиняемых и иных лиц, а также комплексом других факторов. В статье рассматриваются практические вопросы уголовного преследования по делам о преступлениях указанной категории.

Abstract: The issues of establishing the circumstances of the commission of criminal acts related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances are traditionally relevant from both theoretical and practical positions. The complexity of the preliminary investigation of this category of criminal cases is due to the methods of committing crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, opposition from the accused and other persons, as well as a complex of other factors. The article deals with the practical issues of criminal prosecution in cases of crimes of this category.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, расследование, выявление, доказывание, способ совершения преступления

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, investigation, detection, proof, method of committing a crime

Использование и правовая охрана земель историко-культурного назначения являются современными и актуальными вопросами отечественной, да и мировой, юриспруденции.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. К сожалению, статистические данные о положении с употреблением наркотиков вне медицинских предписаний в России выглядят удручающе. Несмотря на отдельные разногласия в порядке и способах учета наркозависимых между ведомствами (чаще всего, между органами внутренних дел и учреждениями здравоохранения [4, с. 266-268]) в России на 2024 год неизлечимыми наркоманами являются около 2 % трудоспособного населения России репродуктивного возраста (от 15 до 64 лет). Наркотики пробовали или употребляют время от времени около 18 млн. россиян; 8 млн. человек употребляют их постоянно. Россия занимает пятое место в мире по числу учтенных наркоманов на душу населения, хотя данная проблема характерна для всех государств из состава бывшего СССР [5, с. 89-97]. При этом, к сожалению, только 8 – 10 процентов пролеченных зависимых людей навсегда отказываются от наркотиков, тогда как в иных случаях возникает рецидив болезни. Медики свидетельствуют о том, что даже люди с самым крепким здоровьем при регулярном употреблении наркотиков живут не больше десяти лет, тогда как остальные умирают раньше [4, с. 266-268]. Печально и то, что средний возраст страдающих наркозависимостью находится в диапазоне 16-18 лет. По статистике от общего количества страдающих наркоманией 60% - это молодые люди от 16 до 30 лет. Пятая часть – это школьники, принимающие наркотики с 9-13 лет. Выявлены случаи приобщения к наркотикам 6-7-летних детей [4, с. 266-268].

На первый взгляд, число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ имеет некоторую позитивную тенденцию к снижению: после масштабного роста с 2011 по 2016 гг. происходит спад число зарегистрированных преступлений в этой области, что, однако, некоторые ведомственные эксперты связывают с расформированием в 2016 году Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН), что объективно повлекло снижение числа выявленных преступлений данного вида. Отмеченная тенденция, однако, стала характерной и для более поздних периодов [14, с. 102].

Вместе с тем, данная динамика характерна для российской преступности в целом, причем в 2020-2021 гг. она, во многом, объясняется снижением социальной активности населения вследствие пандемии коронавируса. Однако при общей тенденции к уменьшению мы видим, что преступность в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ снижается значительно медленнее (примерно на 10% в год), чем иная общеуголовная преступность, в том числе, число тяжких преступлений [4, с. 266-268]. К сожалению, и анализ причин современного состояния с немедицинским употреблением наркотиков в РФ не внушает исследователям оптимизма, так как потенциальная тенденция к росту, в том числе, в связи с уменьшением благосостояния населения, явно имеет место быть [15, с. 19-28].

Таким образом, проблема борьбы с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ уголовно-правовыми средствами остается актуальной и значимой. Неудивительно, что и высшие должностные лица государства постоянно настраивают правоохранительные органы на борьбу с данными преступлениями. Эффективное расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ сего

дня, таким образом, становится все более и более востребованным российским обществом, тем более, что он давно уже приобрел черты систематической криминальной деятельности, стал стабильной сферой реализации интересов организованной преступности.

Вместе с тем, в криминалистической науке до настоящего времени не выработалась единой криминалистической концепции расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, различным образом понимаются такие криминалистические характеристики незаконного оборота как его субъекты, объект и способы совершения. Присутствуют не всегда обоснованные пути доказывания обстоятельств незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, противоправности действий субъектов криминальной сделки по реализации наркосодержащих веществ. Разрешение отмеченных выше и связанных с ними вопросов и относится к целям исследования в указанной сфере.

Основная часть. При любом доказывании исходным процессуальным ориентиром служит перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по любому уголовному делу, указанный в статье 73 УПК РФ [22, с. 89]. Дополнением к данному перечню служат криминалистические перечни, в рамках которых установлен круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретным видам уголовно-наказуемых деяний, разработанный в виде элемента частной методики расследования преступлений [21, с. 147].

При исследовании и доказывании участия виновного в уголовно-наказуемом обороте наркотических средств и психотропных веществ фактически речь идет, таким образом, о выполнении данным лицом признаков объективной стороны соответствующего состава преступления и, главным образом, о наличии двух групп обстоятельств: 1) установлении факта незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и 2) прямоумышленное участие в этом обороте виновного способами, описанными нами выше.

В первую очередь установлению подлежит само событие преступления, причем в криминалистике понятие «событие преступления» следует рассматривать несколько шире, чем в уголовном праве и процессе, включая в него установление места и времени выполнения субъектами конкретных действий или бездействия, направленных на достижение преступного результата, а также способа совершения преступления [10, с. 18].

Логически возбуждать уголовное дело и начинать расследование в указанной части следует с первоначального установления самого факта незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ; в противном случае о виновности говорить нельзя. То есть, необходимо выяснить, имело ли место непосредственное нарушение требований закона к обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Попутно выясняются субъекты незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: кем продано и кем приобретено средство или вещество, кто его изготовил и перевозил, пересылал, имелись ли посредники и соучастники, признаки организованной преступной деятельности и т.п.

Данный вопрос, в том числе и на первоначальном этапе расследования, в определенной части, применительно к отдельным видам составов преступления, может быть решен не только оперативным, но и следственным путем, например, путем выемки соответствующей документации в медицинском или аптечном учреждении, если речь идет о подделке документов, предоставляющих право на получение наркотических средств и психотропных веществ и проч., анализа этой документации. Важно лишь, чтобы такого рода следственные действия не поставили под угрозу дальнейшую оперативную комбинацию, поэтому, например, лучше проводить широкое с точки зрения персонификации сторон и заявителей изъятие документов, предлог изъятия документов должен быть указан иной и прочее. Чаще же всего, в такой ситуации, при отсутствии возбужденного уголовного дела, следственные действия невозможны, в связи с чем необходимая документация должна быть получена в рамках оперативно-розыскных мероприятий, желательно в копии, чтобы «не вспугнуть» субъектов криминальной сделки.

Важнейшей задачей предварительного расследования будет установление самого объекта преступления (в криминалистическом смысле слова), а именно, того, что (какое вещество или средство) являлось предметом изготовления, перевозки, сбыта и т.п., какова его судьба, в том числе, каков размер средства (вещества), что, в числе прочего, имеет значение и для квалификации уголовно-наказуемого деяния.

Таким образом, по нашему мнению, можно говорить о некотором примерном алгоритме исследования и доказывания участия субъектов незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в преступной деятельности.

В первую очередь установлению подлежит само событие преступления, которое в криминалистике понимается шире, чем в уголовном праве и процессе. Здесь устанавливается сам факт незаконного оборота, рассматриваемой нами в целях расследования преступления и изобличения преступников.

В этих целях незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ должен пониматься с точки зрения юридической технологии как криминальная сделка с точки зрения своей структуры. Соответственно, выясняются как субъекты незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, так и их статусы и способы взаимодействия (кем проявлена инициатива заключения криминальной сделки по сбыту наркотического средства, способны ли стороны исполнить криминальную сделку – то есть, есть ли наркотическое средство в реальной действительности, в противном случае следует вести речь о мошенничестве и т.п.).

Особо тщательному исследованию подлежат объекты незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Органом расследования должна быть установлена четкая взаимосвязь между субъектами незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ по поводу его объектов, а именно, какие конкретно действия совершены ее субъектами.

Необходимо учитывать, однако, что на практике исследование и доказывание участия субъектов незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не растянуто и не разделено во времени, а происходит одновременно, что придает вопросу дополнительную сложность. Также отметим, что ввиду специфики такого вида преступной деятельности как незаконный оборот наркотических средств и психо-

тропных веществ многие подлежащие уяснению вопросы могут быть разрешены на первоначальном этапе расследования исключительно путем производства оперативно-розыскных мероприятий лишь с последующим проведением полноценных следственных действий, в ситуации, когда основные оперативные комбинации уже будут реализованы. Данный же процесс неминуемо нуждается в контроле и надзоре [16, с. 64-67], а также межведомственной координации [19, с. 59-64].

Обязательным элементом состава преступления, подлежащим исследованию при расследовании таких уголовных дел, выступает его субъективная сторона, фундаментальной основой которой является вина.

Вина может выражаться в двух формах: как умысел (прямой или косвенный) и как неосторожность (преступная самонадеянность и преступная небрежность). Анализ изучаемого преступного деяния показывает, что для него характерна умышленная форма вины (хотя, как мы отмечали выше, могут иметь место и ситуации неосторожной вины, что является, скорее, исключением, чем правилом), то есть незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ является умышленным преступлением. Соответственно, должен быть установлен и доказан умысел субъекта незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом, с точки зрения криминалистической характеристики преступления, подлежат установлению 1) виновность лица в совершении преступления, 2) форма его вины и 3) его цели и побуждения (в отдельных случаях, когда закон указывает на наличии или отсутствие цели сбыта. Говорит о корыстных побуждениях). Следует отметить, что само наличие преступных побуждений входит в психологическую характеристику личности и проявляются либо в вине непосредственно, либо в мотивах и целях.

Исходя из диспозиции исследуемых статей, однако, цели и побуждения участника незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ зачастую не входят в уголовно-правовые характеристики его деяния и не значимы для определения полноты состава преступления, в том числе, такого его элемента, как субъективная сторона. Однако мотивы и цели участника незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ значимы с точки зрения криминалистической характеристики преступления, поскольку позволяют выстроить систему следственных версий, использовать модели типичных следственных ситуаций, более эффективно расследовать уголовное дело, создав необходимую доказательственную базу для изобличения преступника.

Разумеется, указанные обстоятельства могут быть установлены, прежде всего, путем допроса обвиняемых, согласившихся давать показания и идущих на контакт со следователем, однако даже в таком случае их показания как существенный фактор, определяющий психическое отношение указанных лиц к содеянному, нельзя абсолютизировать.

В науке отмечается, что субъективное отношение обвиняемого к предъявленному обвинению - это лишь одна из версий, подлежащая проверке в ходе дальнейшего расследования. Версия, высказанная обвиняемым, зависит от мотивов, которыми он руководствуется в период расследования уголовного дела [23, с. 384], а мотивы такого рода могут быть самыми различными и зависеть не только от понимания обвиняемым выгод или невыгод тех или иных своих показаний, но и от личного отношения к иным участникам организованной группы, их поведению во время следствия [11, с. 14].

При отсутствии однозначных и значимых субъективных указаний на этот счет необходимо устанавливать отношение участников организованной группы к своему деянию и самому содеянному следует на основании отдельных объективных обстоятельств, установленных по делу [12, с. 78].

В частности, отношение указанных выше лиц к деянию может быть установлено следственным путем и в рамках оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых затем легализуются в материалы уголовного дела, например, в виде официальной (обращение, запрос, ответ на обращение или жалобу и проч.) и неофициальной (электронной почтой, смс-сообщениями, указаниями в чате мессенджера и т.п.) переписки между ними.

Часть переписки для анализа может быть изъята по аналогу изъятия почтово-телеграфной корреспонденции в порядке, предусмотренном УПК РФ [3, с. 34-37]. Другая же информация из переписки может быть получена путем контроля телефонных переговоров и сообщений участников криминальной сделки [2, с. 66], наблюдения за ними сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, включая элементы аудио- и видео-фиксации, в рамках оперативного эксперимента и проч.

В литературе особо подчеркивается на необходимость, в каждом конкретном случае, устанавливать все звенья в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, а именно производителей, переработчиков, отправителей, перевозчиков, получателей, посредников, сбытчиков, организаторов притонов и немедицинского употребления наркотических средств, для чего используется вся совокупность возможностей, предоставленная правоохрнительным органам законодательством об оперативно-розыскной деятельности [9, с. 101].

В этой связи распространенная сегодня на практике бесконтактность передачи наркотиков («закладки») и анонимность связи между покупателем и сбытчиком, которые общаются посредством сети Интернет и, например, ведут расчеты в криптовалюте, становится не только существенной криминалистической проблемой в сфере доказывания [1, с. 89], но и существенно облегчает сам процесс наркотизации населения, так как посредством глобальной информационной сети приобретать наркотики значительно проще [6, с. 23].

Анализ литературы и судебной практики по указанному вопросу приводит нас к выводу о том, что обстоятельства незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с точки зрения уголовного права относятся большей частью к объективной стороне преступления, однако в криминалистической науке понимаются несколько шире: а именно, в части исследования и доказывания обстоятельств незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ орган расследования устанавливает действия сторон незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ как способы совершения преступления, объективированные применительно к сущностным характери-

стикам события преступления, то есть, ко времени и месту совершения преступления. Другими словами, это реализованные сторонами незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ способы совершения преступления применительно к их пространственным и временным характеристикам.

Обстоятельства такого рода относятся к предмету доказывания, они должны быть указаны и в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении, в связи с чем их значение трудно переоценить.

Первоначально обстоятельства такого рода, как правило, устанавливаются по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий (наблюдение, запрос, наведение справок, оперативный эксперимент, оперативное внедрение и проч.), которые затем в той или иной части, необходимой для формирования доказательственной базы, легализуются в рамках уголовного дела [7, с. 59-61].

Однако часть этих обстоятельств устанавливается непосредственно следователем в ходе осуществления следственных действий, таких как допросы обвиняемых, подозреваемых и свидетелей, обыск и выемка, по результатам экспертных исследований и проч.

Перечень оперативно-розыскных мероприятий установлен законодательством об оперативно-розыскной деятельности, а следственных действий – нормами УПК РФ. Они достаточно разнообразны и применяются на практике в тех или иных сочетаниях и модификациях, в связи с чем какая-либо формализация такого рода познавательных актов вряд ли полезна и целесообразна.

В литературе существует и мнение о том, что в современных условиях какие-либо заявления участников незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ априори сложно считать добровольными, а изобличению преступников может помочь только предшествующее проведение оперативно-розыскного мероприятия «контрольная закупка» и задержание преступника с поличным [8, с. 71], его допрос с учетом психологии наркомана или наркодилера, координатора преступной деятельности [20, с. 89-94]. Однако, к сожалению, такого рода действия сотрудников правоохранительных органов не всегда признаются законными и допустимыми с точки зрения судебной практики, что нередко может быть выяснено лишь специалистом-психологом в ходе проведения аналога процедур медиации в целях склонения задержанного к сотрудничеству со следствием [17, с. 32-39], [18, с. 31]. С другой стороны, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ действительно должен быть выражением вонне непосредственной преступной воли сторон, а не провокацией со стороны правоохранительных органов [24, с. 43-48].

Следователем по результатам изучения всех обстоятельств дела, запроса и получения сведений, характеризующих личность обвиняемых, могут быть обычным следственным путем установлены обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также (в части характеристик личности обвиняемых, например, наличия у них психических заболеваний, исключающих вменяемость и т.п.) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Также в результате установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следователь может воспользоваться своим правом на внесение представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступления. Таким же правом, в соответствии с законодательством о прокуратуре Российской Федерации, обладает и надзирающий прокурор, направляющий уголовное дело в суд с обвинительным заключением. За неисполнение требований по принятию мер к устранению такого рода способствующих делинквентному поведению обстоятельств, законом также предусмотрена ответственность.

Заключение. По результатам исследования полагаем, что рассматриваемая категория дел чаще всего возбуждается по итогам проведения оперативно-розыскных мероприятий, что, означает одновременные действия по установлению требуемых характеристик изъятого предмета на предмет его отнесения к запрещенным или ограниченным в обороте наркотическим или иным веществам (средствам).

Анализ изучаемого преступного деяния показывает, что для него характерна умышленная форма вины. Соответственно, должен быть установлен и доказан умысел субъекта незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. С точки зрения криминалистической характеристики преступления, подлежат установлению 1) виновность лица в совершении преступления, 2) форма его вины и, в ряде случаев, 3) его цели (наличие или отсутствие цели сбыта) и побуждения (корыстные побуждения). Хотя преступные побуждения с точки зрения уголовного закона значимы лишь для отдельных видов преступных деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, наличие преступных побуждений входит в психологическую характеристику личности и проявляются либо в вине непосредственно, либо в мотивах и целях. Соответственно, они значимы с точки зрения криминалистической характеристики преступления, поскольку позволяют выстроить систему следственных версий, использовать модели типичных следственных ситуаций, более эффективно расследовать уголовное дело, создав необходимую доказательственную базу для изобличения преступника.

Применительно к рассматриваемому нами составу подлежит установлению, в чем именно проявляется конкретная вина каждого субъекта незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также форма вины, мотивы и цели совершения преступления каждым из них.

Учитывая ряд объективных обстоятельств, при отсутствии однозначных и значимых субъективных указаний на этот счет необходимо устанавливать отношение участников незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ к своему деянию и самому содеянному следует на основании отдельных объективных обстоятельств, установленных по делу.

Список литературы

1. Агафонов В.В., Чистова Л.Е. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ, а также растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, совершенные с использованием Интернет и электронных средств связи: Учеб. пособие. - М., 2021. – 174 с.
2. Гармаев Ю.П. Должностные преступления в таможенных органах. М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2020. – 438 с.

3. Гармаев Ю.П., Степаненко Р.А. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о преступлениях, связанных с посредничеством во взяточничестве // Российский следователь. 2013. № 11. - С.34 - 37.
4. Грудинин Н.С. Статистические показатели преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып. 1 (838) / 2021. - С.266-278.
5. Жданова Е.В., Малиненко А.А. О результатах борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействия наркомании на территории государств – участников СНГ в 2017 году: аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России. 2018. – 188 с.
6. Земцова С.И. Предмет доказывания при расследовании преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Современное право. 2015. № 4. - С.23-29.
7. Илюшин А.А. Оценка доказательств, полученных в результате ОРМ при выявлении взяточничества // Законность. 2013. № 7. - С. 59 - 61.
8. Калачев Б.Ф., Моднов И.С. Незаконное распространение наркотиков как многофакторная угроза национальной безопасности России. - М., 2018. –322 с.
9. Калачев Б.Ф., Сухачевская М.В., Целинский Б.П. Подпольное производство наркотиков. Теоретические и правовые основы борьбы с незаконным оборотом наркотиков / Сборник научных трудов. - М., 2018. – С.101-118.
10. Крюков В.В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Челябинск. 2011. – 28 с.
11. Кузнецова Ю.В., Тихонов А.К., Громов Н.А. О показаниях обвиняемого в российском уголовном процессе // Следователь. 2004. № 1. - С. 11-19.
12. Максуров А.А. Категория вины как комплексная категория права. Теория и практика юриспруденции - Mauritius: Palmarium Academic Publishing. 2020. – 166 с.
13. Максуров А.А. Контрабанда наркотиков. Учебное пособие - Mauritius: LAP Lambert Academic Publishing. 2022. – 180 с.
14. Максуров А.А. Расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: монография. М.: Русайнс. 2023. – 114 с.
15. Пантюхина Г.А. Наркомания в России в конце XX – начале XXI века: причины возникновения и распространения // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 9 №4/2, 2017. – С.19-28.
16. Постнов А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26-27 ноября 2004 г.). Вып. 6: Ч. 1. 2005. С.64-67.
17. Таланова М.В. К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики // Современное право. 2012. № 10. С.32-39.
18. Таланова М.В. Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. М.: ЭкОнис, 2013. – 540 с.
19. Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов. Владимир. 2002. С.59-64.
20. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г.. М.: РГГУ, 2007. С.89-94.
21. Филатов Т.В. К вопросам об обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию при расследовании взяточничества как проявления коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. - С. 147-156.
22. Филиппов А.Г. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1981. – 302 с.
23. Чухаровский Ю.В. Юридическая психология: Учебник М.: Проспект, 2018. – 644 с.
24. Яни П.С. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. – С.43-48.

References:

1. Agafonov V.V., Chistova L.E. Metodika rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh, sil'nodejstvuyushchih veshchestv, a takzhe rastenij, soderzhashchih narkoticheskie sredstva i psihotropnye veshchestva, libo ih chastej, soderzhashchih narkoticheskie sredstva ili psihotropnye veshchestva, sovershennyye s ispol'zovaniem Internet i elektronnyh sredstv svyazi: Ucheb.posobie. - M., 2021. – 174 s.
2. Garmaev YU.P. Dolzhnostnye prestupleniya v tamozhennykh organah. M.: Izd-vo «YUritinform». 2020. – 438 s.
3. Garmaev YU.P., Stepanenko R.A. Obstoystel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu i dokazyvaniyu po delam o prestupleniyah, svyazannyh s posrednichestvom vo vzyatochnichestve // Rossijskij sledovatel'. 2013. № 11. - S.34 - 37.
4. Grudin N.S. Statisticheskie pokazateli prestupnosti v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv // Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. Vyp. 1 (838) / 2021. – S.266-278.
5. Zhdanova E.V., Malienko A.A. O rezul'tatah bor'by s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv i ih prekursorov i protivodejstviya narkomanii na territorii gosudarstv – uchastnikov SNG v 2017 godu: analiticheskij obzor. M.: VNIi MVD Rossii. 2018. – 188 s.
6. Zemcova S.I. Predmet dokazyvaniya pri rassledovanii prestuplenij, svyazannyh so sbytom narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv i ih analogov, sovershaemyh s ispol'zovaniem elektronnyh ili informacionno-telekommunikacionnyh setej (vkl'yuchaya set' Internet) // Sovremennoe pravo. 2015. № 4. - S.23-29.
7. Ilyushin A.A. Ocenka dokazatel'stv, poluchennyh v rezul'tate ORM pri vyjavlenii vzyatochnichestva // Zakonnost'. 2013. № 7. - S. 59 - 61.
8. Kalachev B.F., Modnov I.S. Nezakonnnoe rasprostranenie narkotikov kak mnogofaktornaya ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii. - M., 2018. –322 s.
9. Kalachev B.F., Suhachevskaya M.V., Celinskij B.P. Podpol'noe proizvodstvo narkotikov. Teoreticheskie i pravovye osnovy bor'by s nezakonnym oborotom narkotikov / Sbornik nauchnyh trudov. - M., 2018. – S.101-118.
10. Kryukov V.V. Metodika rassledovaniya dolzhnostnyh prestuplenij korruptcionnoj napravlenosti. Avtoref.diss.kand.yurid.nauk. Chelyabinsk. 2011. – 28 s.
11. Kuznecova YU.V., Tihonov A.K., Gromov N.A. O pokazaniyah obvin'yаемого v rossijskom ugovol'nom processe // Sledovatel'. 2004. № 1. - S. 11-19.
12. Maksurov A.A. Kategoriya viny kak kompleksnaya kategoriya prava. Teoriya i praktika yurisprudencii - Mauritius: Palmarium Academic Publishing. 2020. – 166 s.
13. Maksurov A.A. Kontrabanda narkotikov. Uchebnoe posobie - Mauritius: LAP Lambert Academic Publishing. 2022. – 180 s.
14. Maksurov A.A. Rassledovanie prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv: monografiya. M.: Rusajns. 2023. – 114 s.
15. Pantyhina G.A. Narkomaniya v Rossii v konce XX – nachale XXI veka: prichiny vozniknoveniya i rasprostraneniya // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. Tom 9 №4/2, 2017. – S.19-28.
16. Postnov A.S. Kontrol' i nadzor kak faktory povysheniya effektivnosti koordinacionnoj praktiki // Rossijskoe pravo v period social'nyh reform. Materialy konferencii studentov, aspirantov, soiskatelej i molodyh uchenykh-yuristov (g. Nizhnij Novgorod, 26-27 noyabrya 2004 g.). Vyp. 6: CH. 1. 2005. S.64-67.
17. Talanova M.V. K voprosu o klassifikacii funkcij mediativnoj yuridicheskoy praktiki // Sovremennoe pravo. 2012. № 10. S.32-39.
18. Talanova M.V. Mediatsiya v prave: yuridicheskaya tekhnologiya mediativnyh procedur. M.: EkOOnis, 2013. – 540 s.
19. Frolov S.E. Principy koordinacionnoj deyatel'nosti // Aktual'nye problemy yurisprudencii: sbornik nauchnyh trudov. Vladimir. 2002. S.59-64.
20. Chernecov V.YU. Psihologicheskij podhod k izucheniyu problem koordinacionnoj yuridicheskoy praktiki // Zakonodatel'stvo i pravoprimenenie v Rossijskoj Federacii. Doklady i soobshcheniya VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 17 aprelya 2007 g.. M.: RGGU, 2007. S.89-94.
21. Filatov T.V. K voprosam ob obstoystel'stvah, podlezhashchih ustanovleniyu pri rassledovanii vzyatochnichestva kak proyavleniya korruptcii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 1. - S. 147-156.
22. Filippov A.G. Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij. M., 1981. – 302 s.
23. Chuharovskij YU.V. Yuridicheskaya psihologiya: Uchebnik M.: Prospekt, 2018. – 644 s.
24. Yani P.S. Provokatsiya vzyatki // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2007. № 1. – S.43-48.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПУБЛИЧНОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ THEORY AND PRACTICE OF PUBLIC CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF CREDIT INSTITUTIONS IN THE FIELD OF COMPLIANCE WITH THE RIGHTS OF CONSUMERS OF FINANCIAL SERVICES

ФОЛОМЕЕВ Сергей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично – правовых дисциплин
Самарский государственный экономический университет.
Россия, 443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, 141
E-mail: cissime@yandex.ru

ТУЛАЕВА Ксения Вадимовна,

магистрант, Самарский государственный экономический университет.
Россия, 443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, 141
E-mail: tulaevaxenia@yandex.ru

FOLOMEEV Sergey Nikolaevich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Departments of Theory of Law and public law disciplines, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: cissime@yandex.ru

TULAEVA Ksenia Vadimovna

Master's student, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: tulaevaxenia@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы осуществления государственного контроля (надзора) за кредитными организациями. Доказывается, что ни контроль органов исполнительной власти, ни надзор Банка России, а также сопутствующие им механизмы наложения штрафных санкций на финансовые организации, не могут обеспечить надлежащую защиту прав граждан в сфере потребительского кредитования. В связи с чем, предлагаются возможные пути решения обозначенной проблематики.

Abstract: The article examines problematic issues of implementing state control (supervision) over credit institutions. It appears that neither the control of executive authorities nor the supervision of the Bank of Russia, as well as the accompanying mechanisms for imposing penalties on financial institutions, can ensure adequate protection of citizens rights in the field of consumer lending. In this regard, possible ways to resolve the identified problem are proposed.

Ключевые слова: потребительский кредит, банковский надзор, защита прав потребителей финансовых услуг.

Key words: consumer credit, banking supervision, protection of the rights of consumers of financial services.

Статья поступила в редакцию: 04.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Финансовый рынок представляет собой многогранное явление, состоящее из внушительного числа экономических и правовых элементов. Финансовому контролю и надзору, отводится особое место в данной области, ведь именно он позволяет составить общую «картину» об уровне законности в финансовых отношениях [1, с. 95]. Но как показывает статистика, уровень кредитного доверия граждан невысок, и составляет всего 20% [2].

Проблематика исследования. Из вышепредставленных данных следует вывод о росте опасений граждан по отношению к организациям, предоставляющим потребительские кредиты (займы). Это заставляет нас задуматься о причинах сформированного общественного мнения, а также об эффективности работы контрольных органов, в призме обеспечения законности в работе субъектов финансовой деятельности. Количество научных исследований, посвященных данному аспекту, крайне скудно, что обуславливает актуальность данной темы. **Объектом** исследования служат правоотношения, сопряженные с вопросами осуществления государственного контроля (надзора), за деятельностью организаций, предоставляющих потребительские кредиты (займы).

Новизна результатов исследования. Основной функционал по контролю за соблюдением прав потребителей финансовых услуг разделен между Федеральной Службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор) и Центральным Банком Российской Федерации (далее – Банк России, ЦБ РФ). Как отмечается в доктрине финансового права, обеспечение прав потребителей финансовых услуг является ведущим направлением деятельности Роспотребнадзора и его территориальных органов [3, с. 33]. Сам Роспотребнадзор отмечает, что в 2024 году, выявил 725 нарушений прав потребителей финансовых услуг, что в 2,4 раза больше, по сравнению с предшествующим периодом [4, с. 132]. Несмотря на констатацию факта увеличения доли допущенных нарушений, динамика работы Роспотребнадзора, в периоды 2016 – 2024 г.г., демонстрирует спорные итоги. В первую очередь, с 2016 – 2024 г.г., количество составленных Роспотребнадзором в отношении банков, протоколов об административных правонарушениях, сократилось на 1824,53%, что объясняется общей тенденцией перехода органов государственного контроля (надзора) к профилактике выявленных нарушений, а не применению «репрессивных»

мер к предпринимателям [4, с. 131]. Но в условиях расширения применения профилактических мер, в действительности, зачастую, права и законные интересы граждан, не защищаются, а нарушенные – не восстанавливаются. И финансовая сфера, в этом смысле, не является исключением.

Это наглядно показывает судебная практика. Так, гражданин обратился в суд к территориальному органу Роспотребнадзора, с требованием об отмене определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, в отношении АО «Газпромбанк» (далее – Банк) [5]. Заявитель полагал, что со стороны Банка, по договору потребительского кредита, ему были «навязаны» дополнительные услуги. Но Роспотребнадзор отказал в возбуждении дела об административном правонарушении ввиду того, что процедура выражения согласия заемщика на их предоставление, была соблюдена. Однако суд удовлетворил заявленные требования, отметив, что административный орган провел не полную проверку по жалобе, не дал оценку отраженных в ней доводов, в связи с чем, принял необоснованное решение об отказе в возбуждении дела. Другие суды, в рамках рассматриваемой категории споров, также приходят к подобным заключениям [6]. Таким образом, фиксируется «поверхностная» работа Роспотребнадзора с обращениями потребителей финансовых услуг, касающихся нарушения банками их прав, как заемщиков. По этой причине, и результаты административной работы государственного органа, претерпели существенное снижение. На наш взгляд, основная проблема состоит в том, что потребители, при нарушении их прав банками, не могут добиться от Роспотребнадзора защиты, или, как минимум, содействия в ней, хотя, это является главным предназначением данного органа. На указанное обстоятельство оказывают влияние и дефекты административно – деликтного права [7]. «Сознательное молчание законодателя» относительно процессуального порядка инициирования административно – деликтного производства и своеобразный подход Роспотребнадзора к работе с обращениями граждан, в совокупности, влекут за собой исключительно неблагоприятные правовые последствия.

Во – первых, заемщики, не могут добиться от государства защиты собственных прав и интересов, хотя живут в правовом государстве (ст.1 Конституции). Во – вторых, при описанных выше фактах, смысл «административной защиты» органов исполнительной власти, теряется. В – третьих, отсутствие каких – либо административных санкций для кредитных организаций, в связи с отказом в возбуждении производства по делу об административном правонарушении, только способствует расширению злоупотреблений банков в потребительском кредитовании. Исходя из вышеизложенного, видны правовые дефекты, влекущие конечную невозможность привлечения банков к установленной законодательством ответственности. Поэтому следует поддержать позицию Семагина И.А. о том, что заемщики остаются недовольны работой Роспотребнадзора, по причине дачи им формальных ответов, на направленные обращения, о допускаемых банками нарушениях [8, с.25]

В обозначенном контексте, Центральный Банк России, активно работает над совершенствованием реализации поведенческого надзора, призванного обеспечить надлежащую правовую защиту интересов заемщиков [9]. Однако его перспективы крайне «туманны», так как действующая нормативно – правовая база, не содержит ни единого упоминания о существовании поведенческого надзора Банка России.

Понимая это, финансовый мегарегулятор, отдает приоритет установлению различных мер ответственности за нарушение финансовыми организациями, прав заемщиков [10, с. 51]. Поэтому в 2025 году, им предложено увеличить размер штрафных санкций до 1% уставного капитала кредитных организаций, за нарушение, банками, прав потребителей финансовых услуг [11]. Примечательно, но такая возможность имеется у Банка России уже сейчас. Поэтому смысл законопроекта нам не совсем понятен.

В настоящий момент, финансовый мегарегулятор, правомочен подвергнуть кредитную организацию штрафу в размере до 0,1% минимального размера уставного капитала, если она допустит нарушение любых положений федерального законодательства, в т.ч. прав заемщиков. Однако как часто он реализует предоставленное ему полномочие? Какой последний банк был подвергнут данной финансово-правовой санкции, именно по обозначенному основанию? Сразу ответ на обозначенные вопросы не находится. Почему же, Банк России, не реализует собственную компетенцию?

Придерживаясь марксистской теории правопонимания, право, всегда обеспечивает защиту интересов «экономически господствующего класса или управляющего класса», коим, выступает предпринимательское сообщество [12, с. 17]. Если право не будет справляться со своим предназначением, существует риск обострения ряда противоречий, детерминированных имеющимся экономическим укладом. В связи с чем, содержание права и его реализация, всегда зависят от конкретных экономических основ жизни общества.

В России, существуют кредитные организации, имеющие в своем составе элементы государственного участия. По состоянию на 2025 год, доля государственного участия в ПАО «Сбербанк» составляет 51%, а в АО «Россельхозбанк» – 100%. При обозначенных обстоятельствах, если Центральный Банк России, реализует предоставленные ему полномочия, касающихся наложения штрафных санкций на подобные банки, в порядке ст. 74 ФЗ № 86, то, фактически, государство, само себя лишит части причитающейся прибыли. Что касается банков, без государственного участия, то следует отметить, что по данным, подготовленным АО «Т – Банк», в 2023 – 2024 годах, такие банки, в общей сумме, заплатили налогов на 200 млрд. рублей [13]. Это сопоставимо, примерно, с общим объемом расходов государственного бюджета, предусмотренного на финансирование культуры [14]. Главный налог, который подлежит взиманию с коммерческих организаций, – налог на прибыль. Но к большому сожалению предпринимателей, согласно п.п.2 ст. 270 Налогового Кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), для целей его расчета, расходы, в виде платежей по возмещению штрафов, не учитываются при определении налоговой базы. Поэтому, уплата штрафа кредитной организацией, наложенным на нее Банком России, в порядке ст. 74 ФЗ № 86, не может расцениваться, в призмe НК РФ, в качестве расхода. Налог от этого меньше не становится. Однако с т.з. предпринимательских отношений, подобное положение дел просто возмутительно: фактически расход произведен (штраф оплачен), а на налогообложении организации это никаким благоприятным образом не отразилось! В случае, если Банк России, будет еще налагать штрафы на банки, то складывающаяся ситуация, как раз и выступит «плацдармом» обострения экономических противоречий.

В связи с этим, крайне необоснованными выглядят сами намерения Банка России принять Закон с повышенными штрафами для кредитных организаций, при нарушении ими прав потребителей финансовых услуг.

Видится, что увеличение размера штрафов, обозначенных в ст. 74 ФЗ № 86, не сможет преобразовать сложившуюся банковскую практику, в области потребительского кредитования. Нашу гипотезу подтверждает и сама поведенческая надзорная деятельность Банка России, ведь в настоящий момент, никакие принудительные меры, финансовый мегарегулятор, к коммерческим банкам, не применяет, а ограничивается только выдачей рекомендаций [15]. Вне зависимости от трансформации сумм финансово – правовых санкций, коренных изменений, в банковском надзоре, наблюдаться не будет.

Достижение цели, в виде обеспечения правопорядка на финансовом рынке, оставляет желать лучшего. Условий тому множество: недостатки правового регулирования, «возведенное в абсолют» юридическое и фактическое неравенство участников заемных отношений, положение коммерческих банков в экономике государства.

Некоторые исследователи полагают, что повышение штрафов, напротив может оказать должное воздействие на банки [16, с. 125]. Иные ученые, например, Е.А. Сурменева, считают, что следует расширять механизмы внеюрисдикционной защиты прав потребителей финансовых услуг, а разрабатывать какие – либо правовые методы воздействия именно на кредитные организации, не стоит [17, с. 284].

Отзыв лицензии на осуществление банковских операций, является наиболее существенной мерой ответственности кредитных организаций. Фактически он означает прекращение существования банка на финансовом рынке. Но за нарушение кредитной организацией требований Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 353 – ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (далее – ФЗ № 353), т.е. прав потребителей финансовых услуг, отзыв лицензии не предусмотрен. Тем не менее, в отношении иных участников финансового рынка, подобная возможность имеется.

К примеру, Федеральным Законом «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» № 151 – ФЗ, предусматривается право Центрального Банка исключить микрофинансовую организацию, за нарушение ею требований ФЗ № 353, из реестра микрофинансовых организаций, т.е. прекратить ее легальную работу на финансовом рынке. И примеры реализации данного полномочия Банка России, существуют. В начале 2025 года, из реестра микрофинансовых организаций было исключено Общество с ограниченной ответственностью МКК «На личное» (г. Самара). И одним из оснований принятого финансовым мегарегулятором решения, стало нарушение компанией требований ФЗ № 353, в части порядка предоставления потребителям дополнительных услуг по заключенным договорам потребительского займа [18].

Но здесь обнаруживается еще одно противоречие. В силу каких причин, законодатель наделил полномочиями Банк России на исключение микрофинансовых организаций, из соответствующего реестра, за нарушение прав потребителей финансовых услуг, а в отношении банков, такой возможности не предусмотрел? Ведь их исключение из реестра, по последствиям, тождественно отзыву лицензии у кредитных организаций. В обоих случаях, субъекты финансового рынка, не могут законно осуществлять финансовые операции. В рамках настоящей работы, мы не будем останавливаться на рассмотрении поставленного вопроса, так как его ответ полностью лежит в призме экономики, а не юриспруденции.

Область применения результатов исследования. Исходя из принципа аналогии Закона, полагаем целесообразным предусмотреть возможность отзыва Банком России лицензии, на осуществление банковских операций у коммерческих банков, в случае неоднократного допущения ими нарушений требований Федерального Закона «О потребительском кредите (займе)» № 353 – ФЗ, при условии, безусловно, корректировки необходимого процессуального порядка реализации данного правомочия. Данная «новелла» позволит устранить, в формально – юридическом смысле, неравенство (на текущее время ничем, с правовой т.з., не обусловленное) между разными участниками финансового рынка. Более того, имеющаяся практика исключения микрофинансовых компаний из соответствующих реестров, в связи с допущенными ими нарушениями прав потребителей финансовых услуг, показывает, на деле, свои благоприятные результаты, поэтому, может быть вполне эффективна, и в отношении кредитных организаций.

Предлагаемое нами основание отзыва лицензии, «негласно» подтолкнет банки к соблюдению положений ФЗ № 353, ведь риск лишиться доступа к финансовому рынку (и не восстановить его), для них, в таком случае, велик, а значит, велика и потеря ожидаемой прибыли, что, как известно, является главным опасением в рыночной системе экономики. В связи с чем, полагаем целесообразным дополнить ч.1 ст. 20 Федерального Закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395 – 1 п. 6.3. следующего содержания:

«Банк России может отозвать у кредитной организации лицензию на осуществление банковских операций в случаях:

«...» неоднократного в течение одного года нарушения требований Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» и (или) неоднократного в течение одного года нарушения требований нормативных актов Банка России, изданных в соответствии с указанным Федеральным законом».

Список литературы

1. Губин Н. П. Теоретические особенности осуществления государственного контроля финансово-кредитных продуктов в Российской Федерации // Финансовые исследования. – 2015. – № 4 (49). – С. 94 – 102.
2. ВЦИОМ: Общественное доверие банковским вкладам продолжает крепнуть, а кредитам – ослабевать. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/pokupki-kredity-sbezheniya-monitoring-12032025> (дата обращения: 24.06.2025).
3. Маслов Д. В., Аралова М.С., Зайцева Н.П. Защита прав потребителей в сфере финансовых услуг в Управлении Роспотребнадзора по Приморскому краю // Здоровье. Медицинская экология. Наука. – 2016. – № 3 (66). – С. 31 – 36.
4. Государственный доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году». URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=30172 (дата обращения: 24.06.2025).
5. Решение Арбитражного Суда Республики Татарстан от 27 февраля 2024 г. по делу № А65 – 36183/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZD5GKhwl1Nv/> (дата обращения: 24.06.2025).

6. Решение Арбитражного Суда Республики Татарстан от 14 декабря 2023 г. по делу № А65 – 22359/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/inR86mtsZFII/> (дата обращения: 24.06.2025).
7. Тулаева К. В. Процессуальный порядок отказа в возбуждении дела об административном правонарушении // Наука, образование, транспорт: актуальные вопросы, приоритеты, векторы взаимодействия: Материалы III Международной научно-методической конференции. Оренбург, 06 – 07 ноября 2024 года. – С. 636 – 640.
8. Семагин И. А. Совершенствование институциональной основы системы защиты прав потребителей банковских услуг // Инновационное развитие экономики. – 2014. – № 6(24). – С. 23 – 27.
9. Защита прав потребителей финансовых услуг. URL: https://cbr.ru/protection_rights/ (дата обращения: 24.06.2025).
10. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (дата обращения: 24.06.2025).
11. ЦБ выступает за повышение штрафов для банков за нарушение прав потребителей. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23584695> (дата обращения: 24.06.2025).
12. Никитина Д. А. Сравнительный анализ нормативистской и марксистской теорий происхождения права // Юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 14 – 18.
13. Налоги для банков. Т-банк посчитал сколько налогов могут заплатить банк за 23-24 год. URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/30letniy_pensioner/09528302-3d50-4cdf-a394-a970d58e8c05/ (дата обращения: 24.06.2025).
14. Бюджет для граждан к Федеральному Закону о Федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/03/main/BDG_2025-2027.pdf (дата обращения: 24.06.2025).
15. Поведенческий надзор: практики и рекомендации. URL: https://cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/ (дата обращения: 24.06.2025).
16. Шкотко М.А. Проблемы защиты прав потребителей финансовых услуг // Образование и право. – 2020. – № 11. – С. 122 – 127.
17. Сурменева Е.А. Критерии эффективности способов защиты прав потребителей финансовых услуг // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 4 (153). – С. 278 – 284.
18. Решения Банка России в отношении Общества с ограниченной ответственностью «Микрокредитная компания «На личное». URL: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/rbr/?inn=1661052271> (дата обращения: 07.07.2025).

References:

1. Gubin N. P. Theoretical features of the implementation of state control over financial and credit products in the Russian Federation // Financial research. – 2015. – No. 4 (49). – P.P. 94 – 102.
2. VTSIOM: Public trust in bank deposits continues to strengthen, while trust in loans continues to weaken. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-kreditny-sberezheniya-monitoring-12032025> (date of access: 24.06.2025).
3. Maslov D. V., Aralova M. S., Zaitseva N. P. Protection of consumer rights in the field of financial services in the Office of Rospotrebnadzor in Primorsky Krai // Health. Medical ecology. Science. – 2016. – No. 3 (66). – P. 31-36.
4. State report «Consumer Rights Protection in the Russian Federation in 2024». URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=30172 (date of access: 24.06.2025).
5. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated February 27, 2024 in case No. A65 – 36183/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZD5GKhwl1Nv/> (date of access: 24.06.2025).
6. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated December 14, 2023 in case No. A65 – 22359/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/inR86mtsZFII/> (date of access: 24.06.2025).
7. Tulueva K. V. Procedural procedure for refusing to initiate a case on an administrative offense // Science, education, transport: current issues, priorities, vectors of interaction: Proceedings of the III International Scientific and Methodological Conference. Orenburg, November 6 – 7, 2024. P.P. 636 – 640.
8. Semagin I. A. Improving the institutional basis of the system for protecting the rights of consumers of banking services // Innovative development of the economy. – 2014. – No. 6 (24). – P.P. 23 – 27.
9. Protection of the rights of consumers of financial services. URL: https://cbr.ru/protection_rights/ (date of access: 24.06.2025).
10. Main directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2025 and the period 2026 and 2027. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (date of access: 24.06.2025).
11. The Central Bank advocates increasing fines for banks for violating consumer rights. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23584695> (accessed June 24, 2025).
12. Nikitina D. A. Comparative analysis of the normativist and Marxist theories of the origin of law // Legal journal. – 2023. – No. 1. – P. 14 – 18.
13. Taxes for banks. T-Bank calculated the taxes banks can expect to pay for 2023-2024. URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/30letniy_pensioner/09528302-3d50-4cdf-a394-a970d58e8c05/ (date of access: 24.06.2025).
14. Budget for citizens to the Federal Law on the Federal Budget for 2025 and for the planning period 2026 and 2027. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/03/main/BDG_2025-2027.pdf (date of access: 24.06.2025).
15. Behavioral supervision: practices and recommendations. URL: https://cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/ (date of access: 24.06.2025).
16. Shkotko M.A. Problems of protecting the rights of consumers of financial services // Education and Law. – 2020. – No. 11. – P.P. 122 – 127.
17. Surmeneva E.A. Criteria for the effectiveness of methods for protecting the rights of consumers of financial services // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – No. 4 (153). – P. 278 – 284.
18. Decisions of the Bank of Russia regarding the Limited Liability Company «Microcredit Company «For Personal Use». URL: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/rbr/?inn=1661052271> (date of access: 24.06.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_884

УДК 34.05

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ РЕЖИМОВ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ: ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОПУСКА В СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF REGULATORY REGIMES FOR THE CIRCULATION OF CIVILIAN WEAPONS: LEGAL MODELS FOR REGULATING ACCESS IN THE COUNTRIES OF SCANDINAVIA

СИВАК Олег Михайлович,

старший инспектор по особым поручениям отдела контроля и анализа эффективности реализации контрольных мероприятий управления анализа, планирования и контроля ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Россия, г. Санкт-Петербург.

yapikmvd82@mail.ru,

ORCID- 0009-0005-3418-6485

ДРОЗД Алексей Олегович,

заместитель начальника кафедры административного права

Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

drozd_ao@mail.ru,

ORCID-0000-0002-8630-9513

SIVAK Oleg M.,

Senior Inspector for Special Assignments of the Department of Control and Analysis of the effectiveness of control measures of the Department of Analysis, Planning and Control of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Russia, St. Petersburg.

yapikmvd82@mail.ru,

ORCID- 0009-0005-3418-6485

DROZD Alexey O.,

Deputy Head of the Department of Administrative Law

at the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

drozd_ao@mail.ru,

ORCID-0000-0002-8630-9513

Краткая аннотация: Введение. Контроль за оборотом огнестрельного оружия остается острой проблемой, вокруг которой ведутся дискуссии о балансе между правом на владение оружием и общественной безопасностью. Национальные режимы регулирования оружия варьируются от либеральных до жестких, что влияет на распространённость оружия и уровень вооружённого насилия. Настоящее исследование сравнивает подходы к контролю над оружием в Скандинавии для выявления правовых особенностей и оценки влияния законодательства на безопасность общества. **Методы.** Проведён сравнительно-правовой анализ законодательства об обороте гражданского оружия в Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии. Изучены возрастные ограничения, лицензирование, проверки благонадёжности, требования к обучению, основания отказа в выдаче лицензии и другие параметры, а также статистические данные об уровне насилия. **Результаты.** Установлено, что во всех этих странах владение оружием рассматривается не как право, а как привилегия при выполнении строгих условий. В Скандинавии распространено охотничье оружие, но действует строгая система лицензирования и запрещено ношение оружия для самообороны. **Выводы.** Владение оружием допускается только для законных целей под постоянным государственным контролем. В Скандинавии уровень вооружённой преступности – один из самых низких в мире. Строгие законодательные ограничения существенно снижают вооружённое насилие и положительно влияют на общественную безопасность.

Abstract. Introduction. Firearms control remains a pressing issue, with ongoing debates about balancing the right to own firearms and public safety. National firearms regulation regimes range from liberal to stringent, affecting the prevalence of firearms and levels of armed violence. This study compares approaches to firearms control in Scandinavia and Australia to identify legal characteristics and evaluate the impact of legislation on public safety. **Methods.** A comparative legal analysis was conducted of the legislation governing civilian firearms in Sweden, Norway, Denmark, Finland. Age restrictions, licensing, background checks, training requirements, grounds for license refusal, and other parameters were examined. Statistical data on levels of violence were also considered. **Results.** The analysis found that in all these countries, firearm ownership is considered not a right but a privilege granted under strict conditions. In Scandinavia, hunting firearms are widespread, but a strict licensing system is in place and carrying weapons for self-defense is prohibited. **Conclusions.** Firearm possession is allowed only for lawful purposes under constant government oversight. In Scandinavia, the rate of armed crime is among the lowest in the world. Strict legislative restrictions significantly reduce armed violence and have a positive impact on public safety.

Ключевые слова: огнестрельное оружие; контроль над оружием; оборот оружия; Скандинавские страны; сравнительное правоведение; международный опыт.

Keywords: firearms; gun control; arms circulation; Scandinavian countries; comparative law; international experience.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение

Анализ правовых режимов регулирования оружейного оборота позволяет выявить не только юридическую специфику данной сферы, но и более широкий социокультурный и политический контекст, определяющий характер применяемых моделей. В этой связи особое значение приобретает изучение того, каким образом государства стремятся достигнуть баланса между индивидуальными правами граждан и приоритетом обеспечения общественной безопасности [1, с. 2–3]. При этом национальные подходы в значительной мере обусловлены историко-правовыми

традициями и ценностными ориентирами: для одних государств ключевым выступает признание и защита прав личности (включая право на владение оружием), тогда как другие отдают предпочтение концепции коллективной безопасности, реализуемой посредством жёсткого нормативного контроля [2, с. 5–6].

Контроль за оборотом гражданского оружия является актуальной проблемой безопасности и общественного здоровья. По оценкам экспертов, ежегодно в мире от огнестрельных происшествий гибнет более 250 000 человек [3, с. 100–127], что привлекает внимание исследователей к вопросам эффективности правового регулирования. В международной литературе (например, исследования D. Netemway, P. Cook, J. Alpers и др.) подчёркивается сильная связь между распространённостью оружия и уровнем насилия: страны с высоким уровнем владения огнестрельным оружием демонстрируют существенно более высокие показатели смертности от насилия. Так, США, с менее чем 5 % мирового населения, владеют почти половиной всех гражданских оружейных единиц и имеют один из самых высоких в развитых странах показателей убийств с применением огнестрельного оружия [2, 353 с.]. Эти данные позволяют обосновать необходимость научного анализа режимов оборота оружия в разных правовых системах для поиска эффективных мер снижения насилия.

В зарубежных исследованиях традиционно выделяют несколько «культурно-правовых» моделей оборота оружия:

- **Англо-американская (либеральная) модель.** Её примером служит практика США (частично Канады, Великобритании). Конституционно гарантированные права на оружие сочетаются здесь с относительно либеральными правилами приобретения. [2, 353 с.].
- **Североевропейская модель.** Ей соответствуют страны Скандинавии и Северной Европы (Швеция, Норвегия, Финляндия и др.). В этих государствах распространено оружие для спортивной и охотничьей деятельности, однако жёстко регламентированы условия его получения и хранения [1, с. 787–803; 2, 353 с.].
- **Австралийская модель.** Характерной чертой стало после резонансного массового убийства 1996 года (Порт-Артур) быстрое введение единой национальной системы контроля. Была проведена масштабная «выкупная» программа изъятия полуавтоматического оружия, введены обязательные лицензии и регистрация всех огнестрельных орудий, и, главное, установлен критерий «*гарантированной нужды*» при выдаче разрешений (для охоты, спорта или сельского хозяйства, но не самообороны) [4]. Закон требовал прохождения обязательных курсов безопасности. Таким образом, австралийская модель иллюстрирует эффективность тотальных запретов и контрольных мер при общенациональном консенсусе [5].
- **Восточноазиатская модель.** Эта модель отмечена крайне жёстким регулированием или запретом гражданского оружия (примеры – Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур) [2, 353 с.]. Так, в Японии большинство видов оружия запрещено, а доступно лишь дробовое ружье или воздушное оружие при непростом порядке лицензирования [6, с. 45–59].

Современная наука фиксирует отсутствие универсальной модели правового регулирования оборота оружия: каждая правовая система формирует собственный баланс между реализацией индивидуальных прав на владение оружием и необходимостью превентивного обеспечения общественной безопасности посредством комплексных ограничений и мер контроля [7, с. 39–51; 8, с. 356–373].

Результаты

Законодательство стран Северной Европы об обороте гражданского оружия имеет много сходств между собой, поэтому их можно рассматривать совокупно как североевропейскую модель. Для неё характерно: относительная распространённость охотничьего оружия среди населения (исторически высокий процент охотников), строгая лицензированная система контроля, отсутствие конституционных прав на оружие и запрет ношения оружия для самообороны [3, с. 100–127].

В Швеции право владения оружием регулируется Законом об оружии 1996 г. (*Vapenlagen 1996:67*). Дополнительные правила изложены в постановлении об оружии, а также в постановлениях Национального полицейского управления о Законе об оружии [9, с. 158–160]. Разрешения выдаёт полиция лицам не моложе 18 лет, имеющим «необходимость владения» – обычно для охоты или спортивной стрельбы. Требуется сдать экзамен на охотничью лицензию либо состоять не менее 6 месяцев в стрелковом клубе и получить от него подтверждение навыков. Решения подразделяются: отдельное на каждую единицу оружия, а также отдельно на каждый глушитель или сменный ствол (калибр). Количественные ограничения на практике: максимум ~6 охотничьих винтовок и 10 пистолетов может иметь частное лицо, либо комбинация до 8 единиц разных типов. Чётко кодифицированного лимита нет, но на практике полиция редко одобряет более этих цифр. Оружие, зарегистрированное для охоты, можно использовать и для спортивной стрельбы, а вот спортивное – для охоты нельзя. Ношение огнестрельного оружия в общественных местах запрещено; разрешение на скрытое ношение может быть выдано полицией только при наличии *особых обстоятельств и доказанной непосредственной угрозы жизни заявителя* – такие случаи крайне редки. Швеция имеет около 2 млн единиц зарегистрированного оружия на ~10 млн населения, в основном охотничьи ружья. Случаи вооружённых преступлений относительно редки и обычно связаны с нелегальным короткоствольным оружием, попадающим из Балканского региона [9, с. 158–160].

В Норвегии закон об оружии (*Lov om skytevåpen*) устанавливает похожие правила. Лицензия на винтовки или дробовики может быть выдана лицу старше 18 лет, «благоразумному и ответственному», при документальном подтверждении необходимости (охота или спорт). На практике сначала надо получить охотничий билет (курсы и экзамен) либо состоять в спортклубе, после чего полиция выдаёт разрешение на приобретение конкретного оружия. Для пистолетов минимальный возраст – 21 год. Требуется стаж в спортивном клубе не менее 6 месяцев, и обычно одна лицензия выдается на один пистолет определённого калибра, максимум несколько штук при активном участии в соревнованиях. Ношение оружия запрещено. Особенностью является требование к хранению: оружие и критические компоненты (затворы) должны храниться по месту

жительства в надёжно запертом сейфе; полиция может проводить инспекции условий хранения, уведомив владельца за 48 часов. Нарушение условий влечёт отзыв лицензии. Норвегия после террористического акта 2011 г. (оружие было приобретено легально преступником) приняла решение запретить с 2021 г. в гражданском обороте все самозарядные винтовки военного образца – владельцы должны были сдать ~2000 винтовок [10]. Таким образом, Норвегия ещё более усилила контроль, несмотря на уже строгую систему.

Дания является одной из наиболее строгих стран ЕС в отношении оружия. Лицензия на охоту или спорт может выдаваться с 16 лет (с письменного согласия родителей), однако самостоятельно приобретать оружие и боеприпасы разрешено с 18 лет. Необходимо успешно пройти письменный тест и практическое испытание по стрельбе, после чего инструктор оценивает пригодность кандидата к владению оружием. Если кандидат не имеет серьёзных судимостей и прошёл обучение, полиция обычно выдаёт охотничью лицензию. Охотничья лицензия позволяет приобрести и владеть неограниченным числом гладкоствольных ружей калибра до 12 с магазином на 2 патрона. Каждое приобретение регистрируется: покупатель уведомляет полицию онлайн о новом оружии. Нарезные винтовки можно приобрести только при наличии отдельного разрешения на винтовку (через полицию), при этом разрешённые калибры оговорены. Полуавтоматические винтовки разрешены, если ограничены 2-зарядным магазином (для охоты в Дании) или если используются для охоты за пределами страны (без ограничения по ёмкости). Перед началом самостоятельной охоты охотник обязан сдать дополнительный тест по стрельбе (из дробовика или винтовки). Для спортивной стрельбы датчанин может использовать дробовики и нарезные винтовки (главным образом болтовые). Полуавтоматические винтовки для спортивной стрельбы не допускаются вообще. Короткоствольное оружие: после минимум 2 лет активного членства в стрелковом клубе спортсмен в возрасте от 21 года может подать заявку на разрешение на пистолет. Полиция тщательно проверяет и, как правило, одобряет до 2 единиц крупнокалиберного (до .45ACP) и несколько единиц малокалиберного (.22) оружия. Конкретные лимиты: разрешено до 6 пистолетов калибра .22; и до 2 единиц более крупного калибра (например, 9×19 мм). Можно иметь дополнительно 2 револьвера того же калибра (к 2 пистолетам). Минимальная длина ствола для пистолетов – 210 мм (чтобы исключить ультракомпактные модели). Разрешение на спортивное оружие действительно 5 лет, после чего продлевается [11, с. 123-168]. Охотничьи лицензии продлеваются каждые 10 лет. На дробовики не требуется индивидуальной лицензии – пока у человека есть действующая охотлицизия, он может владеть любым числом дробовиков, причём даже по истечении лицензии разрешено хранить ранее приобретённые ружья до 10 лет (но без права покупать патроны). Ношение огнестрельного оружия в Дании строго запрещено. Закон, однако, допускает принцип “пропорциональной самообороны”: если на гражданина нападут с оружием, он теоретически имеет право ответить выстрелом из своего зарегистрированного оружия, соразмерно угрозе. На практике же носить оружие нельзя, так что этот принцип применим разве что в пределах жилища при нападении. Полностью автоматическое оружие запрещено (спецразрешения выдаются лишь единицам, работающим на полицию или армию). Незаконное хранение оружия карается тюремным заключением минимум 1 год. Требования к хранению: оружие и патроны должны храниться в сертифицированном сейфе (класс 0 или выше). Полиция имеет право в любое время инспектировать оружие, принадлежащее стрелковому клубу; а вот проверять частные домовладения без ордера нельзя – требуется решение суда [11, с. 123-168].

В Финляндии Закон об оружии 1998 г. устанавливает лицензионный порядок и, в отличие от скандинавских соседей, вплоть до 2011 г. разрешал получение лицензий с 15-летнего возраста (с согласия родителей). После печально известных случаев стрельбы в школах (Йокела 2007, Каухайоки 2008) [12, с. 189-215] Финляндия пересмотрела законодательство: с 2011 г. собственную лицензию могут получать только лица старше 20 лет для короткоствольного оружия и старше 18 – для длинноствольного. Лица 15–17 лет могут использовать оружие на охоте или в тире, но только оформляя его как “совместное владение” с лицензированным взрослым (опекуном). Как и в других странах, заявитель должен обосновать цель – охота, спорт либо коллекционирование. Самооборона не признаётся достаточной причиной для выдачи лицензии. Интересно, что формально в законе Финляндии нет прямо запрещённых типов оружия – всё оружие может быть разрешено, но выдача лицензии на автоматическое оружие для граждан практически не производится, за редкими исключениями (например, экспонаты для музеев). Каждый ствол лицензируется отдельно местной полицией; законом не установлено жёстких лимитов по количеству оружия у одного лица, хотя на практике большое число единиц вызовет повышенное внимание. После событий 2008 г. введено требование: прежде чем получить лицензию на пистолет, человек должен 2 года прозаниматься в стрелковом клубе и использовать клубное оружие, продемонстрировав “непрерывную активность” в стрельбе. Только по прошествии этого срока выдается личное разрешение. Также впервые заявители на пистолет должны пройти проверку психического здоровья у врача. Правоприменительная практика в Финляндии считается достаточно строгой: полиция нередко отказывает или затягивает выдачу лицензий, если сочтёт мотивацию недостаточной. Хранение оружия контролируется: обязательно хранить оружие и патроны раздельно, под замком; к владельцам могут приходиться с проверками.

Скандинавские страны в целом имеют высокий уровень ответственности владельцев и низкий уровень преступности. Так, Швеция и Норвегия фиксируют менее 0,2 убийства с оружием на 100 тыс., Дания – около 0,1 (один из самых низких показателей в мире) [13, с. 88-93; 21]. Общий для них подход – оружие рассматривается не как право, а как инструмент, допускаемый для традиционных целей (спорт, охота) при условии контроля. Хотя законопослушные граждане этих стран могут владеть приличным количеством огнестрельного оружия (особенно охотничьего), массовых злоупотреблений не наблюдается, что эксперты связывают как с жёсткими правовыми мерами, так и с укоренившимися традициями ответственного обращения с оружием [14]. Вместе с тем, и в Скандинавии озабочены нелегальным оборотом: отмечается приток контрабандных пистолетов и автоматов в криминальную среду (например, из стран Балтии и Балкан) [15, с. 43-44]. Ответом становится как усиление полиции, так и дальнейшее ограничение законного сектора (пример – недавний запрет на “штурмовые” винтовки в Норвегии).

Заключение

Проведённый анализ нормативных режимов оборота гражданского оружия в странах Скандинавии позволяет сделать ряд выводов. Ни

одна экстремальная модель контроля над оружием не является универсальной панацеей: либеральный режим обеспечивает гражданам более широкие права на владение оружием, но сопряжён с повышенными рисками для общественной безопасности, тогда как жёсткий режим способен значительно снизить уровень вооружённого насилия, но ценой существенного ограничения прав и увлечений законопослушных граждан. Оптимальное регулирование, очевидно, должно учитывать баланс этих факторов и соответствовать конкретной криминогенной обстановке и культурным особенностям страны. Опыт скандинавских государств показывает, что при правильном подходе законодательство об оружии может спасти жизни и снизить уровень насилия в обществе. Эти страны добились заметных успехов в сдерживании вооружённого насилия, каждый – своим путём, но на основе сходных принципов: всесторонняя проверка и обучение будущих владельцев, жёсткие ограничения на виды оружия и его использование, неукоснительный надзор за соблюдением правил и готовность государства изымать излишки оружия из оборота.

Данный вывод поддерживается множеством исследований: кросс-национальные сравнения фиксируют статистически значимое снижение уровней вооружённой преступности при внедрении строгих мер контроля. Конечно, контроль над оружием – лишь один из инструментов обеспечения безопасности и его эффективность усиливается в комплексе с другими мерами (работа правоохранительных органов, профилактика преступности, социальные программы). Однако международный опыт, рассмотренный в работе, наглядно свидетельствует: грамотно выстроенная система правового регулирования оборота огнестрельного оружия способна предотвратить трагедии и сохранить человеческие жизни.

Список литературы

1. Hurka, S., Knill, C. Does regulation matter? A cross-national analysis of the impact of gun policies on homicide and suicide rates // *Regulation Governance*. – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 787–803.
2. Skiba, R. Gun Control – International Views, Perspectives and Comparisons // *After Midnight Publishing*, 2024. – 353 с.
3. Greenberg, B., Bennett, A., Naveed, A., Petrut, R., Wang, S. M., Vyas, N., Bachari, A., Khan, S., Sue, T. C., Dryburgh, N., Almoli, F., Skidmore, B., Shaver, N., Bui, E. C., Brouwers, M., Moher, D., Little, J., Maggi, J., & Ahmed, N. How firearm legislation impacts firearm mortality internationally: A scoping review // *Health Policy OPEN*. 2024. Т. 7. С. 100-127.
4. Leone, N. A Comparative Analysis of the Politics of Gun Control in the United States and Australia // College Honors Program, College of the Holy Cross. – 2020. – Thesis no. 16.
5. Ramchand, R., Saunders, J. The Effects of the 1996 National Firearms Agreement in Australia on Suicide, Homicide, and Mass Shootings // *RAND Corporation, Essay for Gun Policy in America Initiative*. 15 April 2021.
6. Enomoto T. Giving Up the Gun? Overcoming Myths about Japanese Sword-Hunting and Firearms Control // *The Journal of Research Institute for the History of Global Arms Transfer*. – 2018. – Vol. 2018, № 2. – С. 45–59.
7. Бекетов, О. И., Майле, А. Д., Гоман, О. С., Сургутсков, В. И. Модели правового регулирования оборота гражданского оружия в иностранных государствах (на примере США, Германии и Японии) // *Юридические исследования*. – 2020. – № 11. – С. 39-51.
8. Равнюшкин, А. В. Правовые вопросы оборота огнестрельного оружия в Соединенных Штатах Америки // *Сибирское юридическое обозрение*. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 356–373.
9. Khoshnood, A. The increase of firearm-related violence in Sweden // *Forensic Sciences Research*. – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 158–160.
10. Biddle, C. Navigating National Tragedy: A Comparative Analysis of Political and Public Responses to Mass Shootings in Norway and the United States // *Honours Thesis, Duke University*. – 2024. – Durham, North Carolina; Sociology. – С. 215.
11. Grip, L. Illegal weapons, gangs and violent extremism in Denmark // In: *Triggering Terror: Illicit Gun Markets and Firearms Acquisition of Terrorist Networks in Europe*, ed. Nils Duquet (Project SAFTE). – Brussels: Flemish Peace Institute, 2018. – С. 123–168.
12. Oksanen, A., Nurmi, J., Vuori, M., Räsänen, P. Jokela: The Social Roots of a School Shooting Tragedy in Finland // *School Shootings: International Research, Case Studies and Concepts for Prevention*, ред. N. Böckler, T. Seeger, P. Sitzer W. Heitmeyer. – New York: Springer, 2013. – С. 189–215.
13. Khoshnood, A. Holding Sweden hostage: firearm-related violence // *Forensic Sciences Research*. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 88–93.
14. Krüsselmann, K., Aarten, P., Liem, M. Firearms and Violence in Europe – A Systematic Review // *PLoS ONE*. – 2021. – Т. 16, № 4. – Статья e0248955.
15. Hackenberry, B. Case Study: Norway's Gun Violence Correlation [Журнал: *Susquehanna University Political Review*, Vol. 10, No. 1] – 2019.
16. Duquet, N., Vanden Auweele, D. Targeting Gun Violence Trafficking in Europe // *Project TARGET*. Brussels: Flemish Peace Institute. – 13 December 2021.

References

1. Hurka, S., Knill, C. Does regulation matter? A cross-national analysis of the impact of gun policies on homicide and suicide rates // *Regulation Governance*. – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 787–803.
2. Skiba, R. Gun Control – International Views, Perspectives and Comparisons // *After Midnight Publishing*, 2024. – 353 s.
3. Greenberg, B., Bennett, A., Naveed, A., Petrut, R., Wang, S. M., Vyas, N., Bachari, A., Khan, S., Sue, T. C., Dryburgh, N., Almoli, F., Skidmore, B., Shaver, N., Bui, E. C., Brouwers, M., Moher, D., Little, J., Maggi, J., & Ahmed, N. How firearm legislation impacts firearm mortality internationally: A scoping review // *Health Policy OPEN*. 2024. Т. 7. С. 100-127.
4. Leone, N. A Comparative Analysis of the Politics of Gun Control in the United States and Australia // College Honors Program, College of the Holy Cross. – 2020. – Thesis no. 16.
5. Ramchand, R., Saunders, J. The Effects of the 1996 National Firearms Agreement in Australia on Suicide, Homicide, and Mass Shootings // *RAND Corporation, Essay for Gun Policy in America Initiative*. – Opublikovano: 15 April 2021.
6. Enomoto T. Giving Up the Gun? Overcoming Myths about Japanese Sword-Hunting and Firearms Control // *The Journal of Research Institute for the History of Global Arms Transfer*. – 2018. – Vol. 2018, № 2. – С. 45–59.
7. Beketov, O. I., Majle, A. D., Goman, O. S., Surgutskov, V. I. Modeli pravovogo regulirovaniya oborota grazhdanskogo oruzhiya v inostranny'x gosudarstvax (na primere SShA, Germanii i Yaponii) // *Yuridicheskie issledovaniya*. – 2020. – № 11. – С. 39-51.
8. Ravnuyushkin, A. V. Pravovy'e voprosy oborota ognestrel'nogo oruzhiya v Soedinenny'x Shtatax Ameriki // *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 356–373.
9. Khoshnood, A. The increase of firearm-related violence in Sweden // *Forensic Sciences Research*. – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 158–160.
10. Biddle, C. Navigating National Tragedy: A Comparative Analysis of Political and Public Responses to Mass Shootings in Norway and the United States // *Honours Thesis, Duke University*. – 2024. – Durham, North Carolina; Sociology. C.215.
11. Grip, L. Illegal weapons, gangs and violent extremism in Denmark // In: *Triggering Terror: Illicit Gun Markets and Firearms Acquisition of Terrorist Networks in Europe*, ed. Nils Duquet. – Brussels: Flemish Peace Institute, 2018. – С. 123–168.
12. Oksanen, A., Nurmi, J., Vuori, M., Räsänen, P. Jokela: The Social Roots of a School Shooting Tragedy in Finland // *School Shootings: International Research, Case Studies and Concepts for Prevention*, redaktory' N. Böckler, T. Seeger, P. Sitzer W. Heitmeyer. – New York: Springer, 2013. – С. 189–215.
13. Khoshnood, A. Holding Sweden hostage: firearm related violence // *Forensic Sciences Research*. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 88–93.
14. Krüsselmann, K., Aarten, P., Liem, M. Firearms and Violence in Europe – A Systematic Review // *PLoS ONE*. – 2021. – Т. 16, № 4. – Stat'ya e0248955.
15. Hackenberry, B. Case Study: Norway's Gun Violence Correlation [Zhurnal: *Susquehanna University Political Review*, Vol. 10, No. 1] 2019.
16. Duquet, N., Vanden Auweele, D. Targeting Gun Violence Trafficking in Europe // *Project TARGET*. Brussels: Flemish Peace Institute. – 13 December 2021. – ISBN 978 9464074086; 210 s.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_888

УДК 341.9

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ТРАНСГРАНИЧНОСТИ ЦИФРОВЫХ РЕПУТАЦИОННЫХ СИСТЕМ INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF TORT LIABILITY IN THE CONTEXT OF DIGI- TAL SOVEREIGNTY AND CROSS-BORDER DIGITAL REPUTATION SYSTEMS

КОЛКАРЕВА Инна Николаевна,кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: innakolkareva@yandex.ru**KOLKAREVA Inna Nikolaevna,**Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Corporate and Public Administration
Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
E-mail: innakolkareva@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются актуальные международно-правовые аспекты деликтной ответственности в условиях быстро развивающейся цифровой среды. Особое внимание уделяется вызовам, порождаемым концепцией «цифрового суверенитета» и трансграничным характером цифровых репутационных систем. Анализируется неэффективность традиционных принципов международного частного права, таких как *lex loci delicti commissi* и *lex loci damni*, при определении юрисдикции и применимого права в случаях причинения репутационного вреда в сети «Интернет». Обозначена сложность определения «места причинения вреда», которое из географической категории превращается в многомерную концептуальную задачу. На примере российского законодательства (ст. 1219 ГК РФ) демонстрируются практические трудности и коллизии, возникающие при попытке применения национальных норм к трансграничным цифровым деликтам, подчеркивая, что данная проблема выходит за рамки чисто юридической, приобретая характер геополитической головоломки.

Abstract. This article examines current international legal aspects of tort liability in the rapidly evolving digital environment. Particular attention is paid to the challenges posed by the concept of «digital sovereignty» and the transboundary nature of digital reputation systems. It analyzes the ineffectiveness of traditional principles of private international law, such as *lex loci delicti commissi* and *lex loci damni*, in determining jurisdiction and applicable law in cases of reputational damage caused online. It highlights the complexity of determining the «place of harm», which is evolving from a geographical category into a multidimensional conceptual problem. Using Russian legislation (Article 1219 of the Civil Code of the Russian Federation) as an example, it demonstrates the practical difficulties and conflicts that arise when attempting to apply national norms to transboundary digital torts, emphasizing that this problem goes beyond purely legal considerations, assuming the nature of a geopolitical conundrum.

Ключевые слова: деликтная ответственность, трансграничные цифровые репутационные системы, международное право, применимое право, репутационный вред, цифровой суверенитет, юрисдикция.

Keywords: tort liability, cross-border digital reputation systems, international law, applicable law, reputational harm, digital sovereignty, jurisdiction

Для цитирования: Колкарева И. Н. Международно-правовые аспекты деликтной ответственности в условиях цифрового суверенитета и трансграничности цифровых репутационных систем // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 888-891. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_888.

For citation: Kolkareva I. N. International legal aspects of tort liability in the context of digital sovereignty and cross-border digital reputation systems // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 888-891. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_888.

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Эпоха цифровой трансформации перевернула многие представления о пространстве, времени и взаимодействии. Интернет, задуманный как глобальная сеть, стирающая границы, теперь сталкивается с нарастающим трендом к «цифровому суверенитету», где государства стремятся утвердить контроль над своей частью киберпространства. Параллельно с этим, феномен трансграничных цифровых репутационных систем (социальные сети, агрегаторы отзывов, платформы для контента) сформировал новую реальность, в которой информация, способная нанести непоправимый вред репутации, распространяется со скоростью света, пересекая юрисдикции и культурные барьеры. В этом нетривиальном ландшафте, концепция деликтной ответственности – традиционного столпа частного права, призванного возмещать причиненный вред – сталкивается с фундаментальными вызовами, превращаясь из юридической задачи в геополитическую головоломку.

Деятельность крупнейших цифровых репутационных систем (далее – ЦРС) по своей природе трансгранична, что порождает коллизии юрисдикций и сложности в применении национальных норм о деликтной ответственности. Вопрос о том, право какого государства подлежит применению к спору о вреде, причиненном платформой, зарегистрированной в одной стране, гражданину другой страны, на территории третьей страны, становится центральным.

Традиционное международное частное право при решении вопросов деликтной ответственности опирается на базовые принципы, такие как *lex loci delicti commissi* (закон места совершения деликта) или *lex loci damni* (закон места возникновения вреда). В условиях физического мира эти принципы, хоть и имели свои сложности, но давали относительно четкие ориентиры. Однако, когда речь идет о цифровой репутации, эти категории теряют свою однозначность.

Фактически сложно определить место причинения вреда в ситуации, когда клеветнический пост был опубликован в одной стране, сер-

вер платформы находится в другой, а потенциальные жертвы, чья репутация пострадала, проживают в десятках стран. Определение «места деликта» становится не географической, а концептуальной задачей, требующей учета множества факторов.

Репутационный вред не локализуется в одной точке. Он распространяется по информационному пространству, затрагивая профессиональные, личные, финансовые аспекты жизни человека или организации в разных юрисдикциях.

Цифровой деликт, особенно репутационный, превращает «место» из статичной категории в динамическую, многомерную конструкцию, требующую новых подходов к юрисдикции и выбору применимого права.

В российском праве основная коллизионная привязка для деликтных обязательств закреплена в ст. 1219 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ). Согласно ей, к обязательствам из причинения вреда применяется право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. При этом суд может отступить от этого принципа и применить российское право, если причинитель вреда и потерпевший являются российскими резидентами, или если деятельность по причинению вреда осуществляется в России.

Однако в случае с ЦРС установить «место причинения вреда» крайне сложно. Им может считаться:

- место нахождения серверов, где обрабатываются данные;
- место жительства потерпевшего, где он столкнулся с последствиями;
- юрисдикция регистрации оператора платформы;
- юрисдикция, на рынок которой была направлена деятельность платформы.

Разнообразие подходов создает правовую неопределенность и порождает тактику «форум шоппинга», когда истец выбирает юрисдикцию с наиболее благоприятным для него законодательством и судебной практикой. Для унификации подходов необходима разработка международных конвенций, которые бы устанавливали специальные коллизионные привязки для цифровых деликтов, например, в пользу права страны постоянного места жительства потерпевшего (защита более слабой стороны) или права страны, на территорию которой была целенаправленно направлена деятельность ЦРС.

Вместе с тем имеет место проблема исполнения судебных решений и взаимодействия регуляторов. Даже в случае положительного решения дела в российском суде потерпевший сталкивается с проблемой фактического исполнения решения в отношении иностранного оператора ЦРС, не имеющего активов в России. Процедуры признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений (глава 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [3], глава 31 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [4]) являются длительными, сложными и требуют наличия международного договора о правовой помощи между государствами. В отсутствие таковых с большинством «офшорных» юрисдикций, где часто регистрируются владельцы платформ, решение российского суда может оказаться неисполнимым [11, с. 36].

Ключевую роль в преодолении этого барьера начинают играть механизмы межрегионального и межведомственного взаимодействия регуляторов. Так, положения Регламента Европейского Союза о защите данных (далее - GDPR) предусматривают возможность наложения штрафов на компанию вне зависимости от места ее регистрации, если она обрабатывает данные субъектов из Европейского союза. Формирование аналогичных экстерриториальных практик российскими регуляторами, в первую очередь Роскомнадзором, в рамках защиты прав субъектов персональных данных, является перспективным, но политически сложным направлением. Создание международных меморандумов о взаимопонимании между регуляторными органами разных стран в сфере цифровой экономики могло бы стать платформой для досудебного урегулирования споров, связанных с деятельностью ЦРС.

Национальная политика цифрового суверенитета, активно проводимая рядом государств, включая Россию, напрямую влияет на регулирование деятельности ЦРС. Она проявляется в:

- требованиях к локализации персональных данных на территории страны (ст. 18 Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» [4]);
- обязанностях для иностранных IT-компаний создавать представительства на территории РФ (т.н. «закон о земном воплощении»);
- ограничениях на трансграничную передачу данных.

Соблюдение этих требований иностранными операторами ЦРС создает дополнительные точки контроля и юрисдикционные связи, которые могут быть использованы для привлечения их к деликтной ответственности по российскому законодательству. Факт нарушения законодательства о цифровом суверенитете (например, непредставление данных по запросу Роскомнадзора) может служить в суде доказательством систематической противоправности поведения оператора и основанием для применения более строгих мер ответственности, включая взыскание всех причиненных убытков без их детального доказывания, по аналогии со ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом.

Стремление государств к цифровому суверенитету, проявляющееся в таких мерах, как локализация данных, фильтрация контента, требования к платформам удалять информацию или предоставлять доступ к пользовательским данным, призвано защитить национальные интересы, безопасность граждан и культурные ценности. Однако в контексте трансграничной деликтной ответственности это стремление порождает новые противоречия:

Во-первых, имеет место конфликт юрисдикций и законов в ситуации, когда одна страна требует удаления контента на основании свое-

го законодательства (например, о чести и достоинстве), а другая – запрещает это удаление, ссылаясь на свободу слова. Фактически происходит прямое столкновение суверенитетов. Глобальные платформы оказываются заложниками, вынужденными лавировать между несовместимыми требованиями, что часто приводит к геоблокировке контента или его выборочному удалению [5, с. 46].

Во-вторых, речь идёт о экстерриториальности национального права. Государства все чаще пытаются применять свое национальное законодательство к деятельности, происходящей за их пределами, если она затрагивает их граждан или интересы. Это приводит к «юрисдикционной гонке» и риску «регулятивного империализма», когда доминирующие державы навязывают свои нормы всему миру.

В-третьих, наблюдается суверенный иммунитет платформ. Некоторые страны, стремясь защитить своих цифровых субъектов, могут предоставлять национальным платформам особый правовой статус и невозможность привлечения их к деликтной ответственности за вред, возникший за рубежом. Это создает асимметрию и неравенство в глобальном правовом поле.

Цифровой суверенитет, изначально задуманный как инструмент защиты, парадоксальным образом может стать источником правовой неопределенности и барьером для эффективного возмещения репутационного вреда.

Ключевым звеном в цепочке ответственности за репутационный деликт являются сами трансграничные цифровые платформы. Их роль неоднозначна и постоянно трансформируется.

Во многих юрисдикциях, особенно в США, платформы долгое время пользовались иммунитетом как нейтральные посредники, не несущие ответственности за контент, размещенный пользователями. Однако этот подход все чаще подвергается критике, особенно когда речь идет о злонамеренном, вирусном контенте, наносящем серьезный вред.

Современные платформы не просто хранят контент, они активно его ранжируют, рекомендуют и усиливают через свои алгоритмы. Если алгоритм поощряет распространение клеветы или предвзятой информации, ведущей к репутационному ущербу, имеет место соучастие в совершении правонарушения. Это формирует новую проблему в деликтном праве, требующую изучения вредоносности алгоритмов.

Крупные платформы обладают квазигосударственной властью над информационным потоком, влияя на репутацию миллиардов людей. Однако их правовые обязанности, как правило, определяются национальным законодательством страны их регистрации, которое может не соответствовать этическим или правовым ожиданиям других стран [10, с. 57].

Трансграничные репутационные системы - это не просто нейтральные сети; это активные субъекты, чья архитектура и политика оказывают прямое влияние на возникновение и масштаб деликтной ответственности.

Нынешняя ситуация, характеризующаяся юридическим хаосом и невозможностью эффективной защиты от репутационного вреда в условиях цифрового суверенитета, не может быть устойчивой. Требуются нетривиальные подходы.

Прежде всего, необходим сдвиг от фрагментированного национального регулирования к разработке международных конвенций или унифицированных модельных законов, которые устанавливали бы общие принципы юрисдикции, применимого права и ответственности для цифровых деликтов. Это потребует долгосрочного диалога и компромиссов между государствами с разными правовыми традициями (например, между гражданско-правовой системой и общим правом).

Вместо односторонних решений по цифровому суверенитету, необходимо усилить роль многосторонних механизмов управления интернетом, где участвуют не только государства, но и технологические компании, гражданское общество и академическое сообщество. Это может способствовать выработке общих стандартов для модерации контента и ответственности платформ.

Целесообразно развитие концепции «ответственного хостинга», в рамках которой вместо полного иммунитета или абсолютной ответственности платформы несут ответственность за принятие разумных мер по предотвращению или оперативному удалению вредоносного контента, особенно после уведомления.

Для разрешения конкретных споров и обеспечения выполнения судебных решений необходимы механизмы ускоренного международного правового сотрудничества, обмена информацией и взаимного признания решений по делам о репутационном вреде. Следует реализовывать развитие механизмов «цифровой реабилитации» после доказанного деликта.

Международно-правовой аспект проблемы требует активного поиска компромиссов между принципами цифрового суверенитета и необходимостью трансграничного регулирования. Разработка международных конвенций, унифицирующих коллизионные привязки для цифровых деликтов, и налаживание механизмов межрегионального сотрудничества регуляторов являются неотъемлемыми элементами будущей архитектуры глобального цифрового права.

В философско-правовом измерении цифровые репутационные системы ставят перед обществом фундаментальный вопрос о соотношении эффективности и справедливости, алгоритмической предопределенности и человеческого достоинства. Деликтная ответственность в этом контексте становится не просто инструментом компенсации убытков, а важнейшим механизмом защиты автономии личности от непрозрачных алгоритмических систем, формирующих цифровую идентичность человека.

Перспективы дальнейшего развития видятся в комплексном подходе, сочетающем:

- совершенствование международного законодательства через закрепление специальных составов правонарушений для алгоритмических систем;
- стимулирование саморегулирования бизнеса через внедрение этических принципов разработки искусственного интеллекта (внутреннего комплаенса деятельности ЦРС);

- развитие превентивных механизмов защиты, включая страхование цифровых рисков;
- формирование международных стандартов ответственности для операторов ЦРС.

Только такой многоуровневый подход позволит превратить управление правовыми рисками, связанными с цифровыми репутационными системами, из проблемы выживания в конкурентное преимущество для добросовестных участников цифровой экономики, обеспечивая баланс между технологическим прогрессом и защитой фундаментальных прав личности.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14. 11. 2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (часть 1). - Ст. 3451.
5. Аболонин, В. О. Цифровая трансформация деликтного права: вызовы искусственного интеллекта / В. О. Аболонин // Вестник гражданского права. - 2023. - № 4. - С. 45-67.
6. Батурич, Ю. М. Информационное право: основы практической информатики / Ю. М. Батурич. - М.: Юрист, 2024. - 348 с.
7. Вайпан, В. А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом / В. А. Вайпан // Закон. - 2024. - № 3. - С. 78-95.
8. Егоров, А. В. Цифровые платформы как источник повышенной опасности / А. В. Егоров // Хозяйство и право. - 2023. - № 12. - С. 23-41.
9. Кабанков, И. С. Алгоритмическая дискриминация: проблемы гражданско-правового регулирования / И. С. Кабанков // Российский юридический журнал. - 2024. - № 2. - С. 89-104.
10. Петров, А. Ю. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта / А. Ю. Петров // Московский журнал международного права. - 2024. - № 1. - С. 56-78.
11. Рожкова, М. А. Цифровые доказательства в гражданском процессе / М. А. Рожкова // Законодательство. - 2023. - № 8. - С. 34-52.
12. Тихомиров, Ю. А. Цифровое право: учебное пособие / Ю. А. Тихомиров, К. А. Тихомирова. - М.: Проспект, 2024. - 216 с.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 5. - Art. 410.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 30. - Art. 3012.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 46. - Art. 4532.
4. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (Part 1). - Art. 3451.
5. Abolonin, V. O. Digital Transformation of Tort Law: Challenges of Artificial Intelligence / V. O. Abolonin // Bulletin of Civil Law. - 2023. - No. 4. - Pp. 45-67.
6. Baturin, Yu. M. Information Law: Fundamentals of Practical Informatics / Yu. M. Baturin. - Moscow: Yurist, 2024. - 348 p.
7. Vaypan, V. A. Civil Liability for Damage Caused by Artificial Intelligence / V. A. Vaypan // Law. - 2024. - No. 3. - P. 78-95.
8. Egorov, A. V. Digital platforms as a source of increased danger / A. V. Egorov // Business and law. - 2023. - No. 12. - P. 23-41.
9. Kabankov, I. S. Algorithmic discrimination: problems of civil law regulation / I. S. Kabankov // Russian Law Journal. - 2024. - No. 2. - P. 89-104.
10. Petrov, A. Yu. International legal regulation of artificial intelligence / A. Yu. Petrov // Moscow journal of international law. - 2024. - No. 1. - P. 56-78.
11. Rozhkova, M. A. Digital evidence in civil proceedings / M. A. Rozhkova // Legislation. - 2023. - No. 8. - Pp. 34-52.
12. Tikhomirov, Yu. A. Digital law: a textbook / Yu. A. Tikhomirov, K. A. Tikhomirova. - M.: Prospect, 2024. - 216 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_892

УДК 349.23/24

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ LABOR RELATIONS IN THE AGE OF DIGITALIZATION

ИВАНОВ Артем Алексеевич

доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук
410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского Н. Г., 104.
e-mail: artiom-depeche@yandex.ru

IVANOV Artem Alekseevich

Associate Professor of the Department of Labor Law, Saratov State Law Academy, PhD in law
104 Chernyshevsky St., Saratov, 410056, Russia.
e-mail: artiom-depeche@yandex.ru

Краткая аннотация: В представленной статье анализируется влияние процессов цифровизации на развитие трудовых правоотношений. Изучаются научные подходы к трансформации стандартных трудовых отношений к нетипичным формам занятости. Через призму трудового законодательства и практики его применения рассматривается правовая природа нетипичных трудовых отношений и их отличительные признаки. Сделаны обоснованные выводы о необходимости введения специальной главы в Трудовой кодекс Российской Федерации, посвященной особенностям труда лиц, осуществляющих свои трудовые обязанности с использованием онлайн-платформ.

Abstract: This article analyzes the impact of digitalization processes on the development of labor relations. Scientific approaches to the transformation of standard labor relations to atypical forms of employment are being studied. Through the prism of labor legislation and the practice of its application, the legal nature of atypical labor relations and their distinctive features are considered. Reasonable conclusions have been drawn about the need to introduce a special chapter in the Labor Code of the Russian Federation devoted to the specifics of the work of persons performing their work duties using online platforms.

Ключевые слова: цифровизация, нетипичные трудовые отношения, нетипичная занятость, платформенная занятость, бизнес-агрегаторы, трудовой договор, гражданский договор об оказании услуг, дистанционная работа.

Keywords: digitalization, atypical labor relations, atypical employment, platform employment, business aggregators, employment contract, civil service agreement, remote work.

Статья поступила в редакцию: 11.09.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Во все времена имели место быть такие детерминанты, которые предопределяли общественное развитие в той или иной сфере. Не будет ошибкой полагать, что достижения научно-технического прогресса всегда влияли на развитие отраслей, так и общества и государства в целом. Еще в конце пятидесятих годов двадцатого века были заложены технические основы того, что на сегодняшний день эволюционировало в Интернет и компьютерные технологии, без которых не мыслима жизнь сегодня, – в середине двадцатых годов двадцать первого века. И на сегодняшний день одной из таких детерминант предопределивших общественное развитие, – является цифровизация в различных ее проявлениях. Сегодня трудно представить современного человека без смартфона или иного гаджета: фактически безлимитная мобильная и видео-связь позволяющие связаться людям из любой точки планеты; огромное количество приложений, которые делают нашу жизнь более комфортной (доставка еды, вызов такси, запись на различные услуги и др.); мгновенная передача терабайт информации, – и это далеко не полный перечень того, что дает нам цифровизация и такие ее элементы как искусственный интеллект. Цифровизация и ее инструменты, – это уже не что-то абстрактное и не сфера научной фантастики, – а объективная реальность, – имеют место быть соответствующие нормативные правовые акты, которые на государственном уровне закрепляют важность ее использования в различных сферах жизни общества и государства. Так, заслуживает внимания Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 года, в котором Владимир Владимирович Путин обозначил приоритетную цель, – создание мощной научно-технологической базы, опережающий темп роста производительности труда, прежде всего на основе новых технологий и цифровизации, подготовки современных кадров и формировании конкурентоспособных отраслей [1].

Таким образом, в сегодняшних реалиях, цифровизация и различные ее аспекты, – это те детерминанты, предопределяющие общественное развитие. И она также нашла свое применение и имеет причинно-следственную связь с такой важнейшей сферой современного общества, как труд. Находясь в обозначенной выше причинно-следственной связи труд как основа человеческого общества и цифровизация в различных ее проявлениях, – сегодня являются движущей силой современного общества и происходящих производственных процессов. Однако, с точки зрения правовых и практических позиций, – цифровизация в сфере трудовых правоотношений, – заслуживает своего внимания. Это означает, что сегодня мы становимся свидетелями того, как происходит трансформация уже закрепленных в трудовом законодательстве «классических» трудовых отношений к новым нетипичным трудовым правоотношениям, – появление которых непосредственно связано с внедрением процессов и элементов цифровизации в сферу наемного труда. Это, в свою очередь, требует анализа данного процесса через призму законодательства; оснований его дополнений.

Таким образом, в ходе исследования, в рамках данной статьи, видится верным:

изучить и выявить проблемные аспекты применения цифровизации в сфере наемного труда;

рассмотреть через призму законодательства и доктринальных подходов явление нетипичных трудовых отношений в плоскости цифровизации;

выявить признаки таких отношений с точки зрения закона и практики его применения;

изучить формы проявлений нетипичных трудовых правоотношений;

анализировать их характер и предложить обоснованные рекомендации по их должному правовому регулированию.

Как отмечают исследователи, занятость классифицируется на стандартную (классическую, типичную) и нестандартную (нетипичную) [2]. Стандартная занятость лежит в плоскости, как правило, работы по трудовому договору, и, соответственно, в режиме полного рабочего дня; как правило трудовой договор заключен на неопределенный срок; работник выполняет трудовые обязанности в соответствии с действующими у работодателя правилами внутреннего трудового распорядка [3, с. 12]. В актах Международной Организации Труда также закрепляются признаки классических трудовых правоотношений: выполнение работы лично работником с указаниями, под контролем и в интересах другого лица; работа выполняется в соответствии с определенным графиком или на рабочем месте, которое указывается или согласовывается стороной, заказавшей работу; периодическая выплата вознаграждения работнику; признание прав на еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск и др. [4].

Однако куда больший исследовательский и практический интерес представляет нетипичная занятость. В этой плоскости существует довольно большое количество взглядов ученых на природу нетипичной занятости, нетипичных трудовых правоотношений. Рассмотрим некоторые из них. Так, например, Моцная О.В. понимает под обозначенной категорией: «деятельность граждан, основанную на таком трудовом правоотношении, в котором отсутствует либо видоизменен какой-либо из существенных признаков, присущих традиционному трудовому правоотношению: личный, организационный или имущественный» [5, с. 15]. По мнению Чичиной Е.В., это «трудовые правоотношения, у которых отсутствует хотя бы одна из пяти обязательных черт, характеризующих понятие «стандартная занятость» [6, с. 36]. По мнению Томашевского К.Л. «это такая организация правоотношений, при которой трудящийся выполняет работу не по трудовому договору с неопределенным сроком, иной продолжительности рабочего времени, чем полное рабочее время, с особым режимом рабочего времени или на рабочем месте, удаленном от его места работы» [7, с. 15]. Также стоит обратить внимание, что некоторые исследователи вовсе, – относят к таким нетипичным трудовым отношениям, нетипичным формам занятости, – деятельность граждан на основании трудового договора с видоизмененным одним или более существенным признаком классического трудового правоотношения, а также, – деятельность на условиях гражданских договоров связанных с применением труда, – вторые, как не трудно догадаться, – не регулируются трудовым законодательством [5, с. 10].

Стоит заметить, что в законодательствах некоторых зарубежных стран, для того, чтобы трудовые отношения были отнесены к нетипичным, необходим удовлетворение таких критериев, как: уровень заработной платы, – если ниже 2/3 от средней заработной платы, то уже считается нетипичной занятостью; возможность получения социально-трудовых гарантий [8].

Также имеют место быть традиционные критерии, по которым в доцифровую эпоху определялись нетипичные трудовые отношения (нетипичная занятость): временная занятость; неполная занятость; гибкие графики; укороченная рабочая неделя; занятость на работах с нестандартными рабочими местами и организацией труда [2].

Некоторые исследователи отстаивают точку зрения о том, что «классическая модель полной занятости изжила себя, так же как пожизненная работа на одного работодателя» [9, с. 19]. Другие авторы поддерживая обозначенный выше тезис, предлагают также пересмотреть классические трудовые отношения в условиях цифровизации при применении в работе онлайн-платформ, однако, при этом, – не считают верным распространить на лиц, участвующих в нетипичных трудовых отношениях, – существующее трудовое законодательство, мотивируя это тем, что подобный подход будет находиться в противоречии с концептуальными положениями существующего трудового права [10, с. 76].

По своей природе, так называемые нетипичные трудовые отношения, или как еще они называются в литературе, – нетипичные формы занятости, – лежат в плоскости трудовых отношений, однако отличаются от устоявшихся «классических» трудовых отношений, и, соответственно, – требуют своего специального правового регулирования. В отличие от известной модели устоявшихся трудовых отношений, – нетипичным трудовым отношениям, – не свойственен признак коллективной работы, – очень часто она выполняется индивидуально без непосредственного участия работодателя. Несмотря на то, что нетипичные формы занятости, – явно не вписываются в устоявшуюся правовую картину трудовых отношений, закрепленных в Трудовом кодексе Российской Федерации [11], – однако их нельзя списывать со счетов. Это означает, что с активным внедрением инструментов цифровизации, «классические» трудовые отношения трансформируются в новую форму, – и это объективная современная реальность.

Следует выделить и проанализировать признаки нетипичных трудовых правоотношений, которые позволят отличить их от устоявшихся трудовых правоотношений. С точки зрения теоретических и практических позиций, можно отметить, – имеет место быть большое количество признаков рассматриваемых отношений. Эти признаки можно классифицировать по различным критериям. Можно назвать следующие признаки нетипичных трудовых правоотношений:

- высокая степень гибкости в организации труда;
- отсутствие долгосрочных обязательств между работником и работодателем;
- наличие в трудовых договорах специфических условий;
- высокий риск того, что работник не будет иметь социально-трудовых гарантий;
- использование инструментов цифровизации (различные онлайн-платформы) для выполнения трудовых обязанностей;
- определенная независимость работника от работодателя и отсутствие привязки работника к конкретному работодателю;
- следующий признак имеет причинно-следственную связь с предыдущим, – работник может взаимодействовать сразу с несколькими работниками и первому свойственна самоорганизация;
- и последний признак, – логически вытекает из предыдущего, – нестабильность места выполнения работы.

Пожалуй, целесообразно выделить в качестве сквозного признака то, что нетипичным трудовым правоотношениям свойственно стремление к гибкости и адаптации к динамично меняющимся условиям при которых активно внедряются и используются инструменты цифровизации.

Делая промежуточный вывод, можно полагать, что, казалось бы, несмотря на обозначенные выше довольно привлекательные для

сторон трудового отношения аспекты таких нетипичных трудовых правоотношений, – в них есть, так скажем, – «мертвые зоны» (например, риск не получения тех или иных социально-трудовых гарантий). Нетипичные трудовые отношения, как бы они не вписывались бы в рамки законного понимания классических трудовых отношений, – это сегодняшние объективные реалии, которые вошли в жизнь общества и становятся его неотъемлемой частью. Следовательно, этот факт нужно учитывать, и, соответственно, необходима определенная работа по мониторингу и анализу таких отношений, – с целью выработки специальных законодательных норм для их должного правового регулирования.

Рассмотрим подробно названные признаки нетипичных трудовых правоотношений.

Высокая степень гибкости. Очевидно, при использовании бизнес-агрегаторов на своих мобильных устройствах, работник может выполнять свою работу дистанционно. Следовательно, он может самостоятельно определять свое рабочее время: когда ему начать выполнение своих трудовых обязанностей; когда сделать перерыв для отдыха и приема пищи; когда закончить рабочий день. Например, представители профессий, связанных с ИТ-технологиями могут заключать с работодателями срочные трудовые договоры на время создания того или иного программного продукта. Более того, такой работник может заключить не один такой срочный трудовой договор, – необходимость для работодателей в создании программных продуктов, и, соответственно, потребность в квалифицированном ИТ-специалисте может быть крайне острой. Очевидно, такой работник будет конкурентно способным на рынке труда. Сказанное означает, что, очевидно, работник может быть задействован в нескольких проектах, – и, соответственно, выполнять обязанности по отношению к нескольким работодателям, – явно более двух. Следовательно, в плоскости института рабочего времени такой работник будет самостоятельно определять, – когда и сколько, по времени, ему работать. Следует также заметить, что институт совместительства, закрепленный в ТК РФ, – применительно к рассматриваемым отношениям также следует пересмотреть. Очевидно, у выше приведенного в качестве примера специалиста может быть неограниченное количество трудовых договоров. Однако, исходя из положений ТК РФ о совместительстве, – там довольно строгие требования по продолжительности времени при работе по совместительству и условиям труда по основному месту работы.

Касаемо аспектов рабочего времени граждан занятых в нетипичных трудовых отношениях, – здесь имеют место быть аспекты, которые заслуживают своего внимания с точки зрения правовых и практических позиций. Имеют место быть ситуации, когда работники, выполняющие свои трудовые обязанности удаленно, – вынуждены выполнять такие объемы работ, которые явно выходят за рамки допустимой продолжительности рабочего времени. Порой это бывает связано с тем, что работодатель, исходит из следующей логики, – если работник выполняет свои трудовые обязанности вне территории работодателя удаленно, то следует подбавить ему работы. Такая позиция, с точки зрения закона, – не правомерна, – есть ограничения по продолжительности рабочего времени, – даже если это нетипичные трудовые отношения в формате дистанционной работы или в формате заключенного срочного трудового договора на время создания какого-либо интеллектуального продукта. В противном случае, работник, состоящий в нетипичных трудовых отношениях, рискует перерабатывать, в том числе и в ночное время суток, – без соответствующих компенсаций. Исследователи справедливо отмечают, что в подобных ситуациях работодатель не всегда может контролировать процесс такой удаленной работы и контролирует только результат [12]. Поэтому, видится верным, рекомендовать, – закрепление в трудовых договорах с дистанционными работниками условия о конкретных часах, когда работник и работодатель контактируют через Интернет.

Отсутствие долгосрочных обязательств между сторонами трудовых отношений. Данный признак логически вытекает из предыдущего. Очевидно, тот же ИТ-специалист будет работать ровно столько, – сколько необходимо для создания интеллектуального продукта. Очевидно, в данной плоскости могут использоваться схемы срочных трудовых договоров, а также аутсорсинга. Поэтому, видится верным, предусмотреть специальные правовые механизмы для обеспечения стабильности таких отношений.

Специфические обязанности в трудовых договорах. Кроме закрепленных в ТК РФ обязательных условий, могут иметь место быть, обусловленные объективной реальностью, специфические обязанности сторон таких отношений. Эти обязанности могут лежать в плоскости обеспечения гибкости организации труда. Следовательно, – требуется особое правовое регулирование, цель которого будет состоять в обеспечении оптимального учета интересов сторон и стабильности отношений.

Риск не предоставления работнику предусмотренных законодательством социально-трудовых гарантий. Очевидно, что работники в таких сферах, как, например: доставка еды, перевозка пассажиров и их багажа посредством легкового такси, – используют электронно-цифровые устройства и внедренные в них программные продукты от «Яндекс» (и других компаний) для получения заказов, – то есть, так называемых, бизнес-агрегаторов. Последние выполняют функцию, связанную с тем, чтобы свести того кому необходимо помочь и того, кто эту помощь окажет. В обозначенном выше предложении мы не использовали термины «заказчик» и «исполнитель». Связано это с тем, что бизнес-агрегаторы, установленные в смартфонах и планшетах, – могут использоваться как в непосредственных трудовых отношениях (например, у таксиста, который по трудовому договору работает на таксопарк, однако бизнес-агрегатор в его автомобиле, – это всего лишь орудие труда, разработанное «Яндексом» и выданное работодателем) и в отношениях гражданских. Поэтому, можно полагать, что расширение нетипичных форм занятости на практике обуславливает необходимость осмысления и решения вопроса о разграничении трудовых и гражданских правоотношений. В последнем случае, тот же таксист или доставщик еды могут, например, просто зарегистрироваться в программе бизнес-агрегаторе и выбирать заказы и выполнять их, – не состоя в трудовых правоотношениях. Однако, стоит заметить, – что в обозначенных выше ситуациях можно выделить признаки как классических трудовых правоотношений, так и нетипичных, – ведь можно использовать бизнес-агрегатор будучи работая тем же водителем такси по трудовому договору на таксопарк и установленный в смартфоне водителя бизнес-агрегатор будет считаться орудием труда для выполнения трудовых обязанностей. Или, к сожалению, как часто происходит на практике, вопреки закону 2022 года посвященному правовому регулированию перевозок пассажиров и их багажа посредством легкового такси [13], – любой гражданин, не регистрируясь как индивидуальный предприниматель или как самозанятый, – просто на просто

открывает в смартфоне бизнес-агрегатор и получает заказы и выполняет их. Во втором, описанном в предыдущем предложении, случае, – с точки зрения закона, имеют место быть не только ситуации, связанные с тем, кто и на каких условиях будет нести ответственность за жизнь и здоровье пассажира в случае аварии. Также, – возникает очевидный вопрос о том, – что будет с социально-трудовыми гарантиями для того же водителя. В результате, в последнем случае, граждане, занятые в нетипичных трудовых отношениях, очень часто работают без трудовых договоров. Это означает, что ни оплачиваемых отпусков, выплат пособий по временной нетрудоспособности, взносов на будущую страховую пенсию по старости и других гарантий, лежащих в плоскости труда и социального обеспечения, – у них не будет.

Использование онлайн-платформ. Данный признак был уже раскрыт выше. Однако здесь следует сделать важную оговорку. К великому сожалению, многие граждане, участвующие в нетипичных трудовых отношениях (например, водители такси, доставщики еды и т.д.), – не всегда отдают себе отчет в том, что в каких правовых отношениях они состоят, – то есть, кто для них конкретно является работодателем. Некоторые граждане, например, из числа водителей такси и их клиентов, – ошибочно полагают, – что работодателем является «Яндекс». Данный подход в корне не верный, – как отмечалось в данном исследовании выше, – компания-разработчик бизнес-агрегатора, – не является непосредственным субъектом нетипичных трудовых отношений. Она, как было отмечено, – только лишь разрабатывает программный продукт необходимый для связи тех же водителей и пассажиров и внедряет на рынок программных продуктов свои разработки, которые, впоследствии, используют и работодатели, и отдельные граждане. В качестве подтверждения данного тезиса, – можно обратиться к судебной практике. В правоприменительной практике судов общей юрисдикции имеют место быть случаи, когда в судебное заседание по ходатайству одной из сторон вызывались представители компании-разработчика бизнес-агрегатора. Так, конфликт между пассажиром и водителем такси дошел до суда, – истец (пассажир) была уверена, что работодателем по отношению к водителю является компания «Яндекс». Прибывший в суд представитель компании пояснил, что в данных отношениях «Яндекс» не является работодателем применительно к ответчику (водителю), – последний, всего лишь, использует их программный продукт для того, чтобы водитель и пассажир могли взаимодействовать [14].

Суды общей юрисдикции, как правило, признают выше обозначенные отношения гражданскими. Приведем еще один аналогичный пример. В своем исковом заявлении истец просил суд признать оказываемые им услуги по перевозке пассажиров и их багажа посредством легкового такси, – трудовыми отношениями. В данном случае суд вынес решение в исковых требованиях, – отказать. В ходе рассмотрения данного дела, суд исходил из того, что: между истцом (исполнителем) и онлайн-платформой не было трудового договора о том, что первый выполняет трудовую функцию. В данном случае истец сам принимал решение, – работать ему или нет, – принимать заказы от потенциальных пассажиров через бизнес-агрегатор или нет. Также суд учитывал, что денежные средства за свои услуги истец получал через бизнес-агрегатор, установленный в его смартфоне. То есть после выполнения заказа по перевозке пассажиров и их багажа, на своем личном, кстати, автомобиле, – он получал в электронном виде денежные средства от клиентов, которые автоматически резервировались бизнес-агрегатором и после поездки перечислялись водителю (истцу). Также судом было принято во внимание, что ни трудового, ни гражданского договора об оказании услуг между водителем-истцом и компанией «Яндекс», – не было. Это, в свою очередь, означает, что даже признать по статье 19.1 ТК РФ изначальные гражданские отношения, в которых могли бы быть признаки трудовых, – тоже не возможно. Следовательно, суд принял очевидное верное решение, – в исковых требованиях отказать: отношения между водителем и «Яндекс-такси» являются исключительно гражданско-правовыми без признаков трудовых [15]. Однако, следует заметить, что подобные отношения могли быть признаны трудовыми, пусть даже нетипичными трудовыми (потому что в них задействована онлайн-платформа), – при условии, если они имели бы ряд иных признаков: трудовой договор должен был быть заключен между работником и организацией; в трудовом договоре должно было бы быть условие об использовании онлайн-платформы для выполнения трудовых обязанностей.

Таким образом, можем сделать следующий промежуточный вывод о том, что: онлайн-платформа не имеет работодательской функции по контролю выполнения заданий, следовательно, то, что исполнитель не выполнил тот или иной заказ, который прислал бизнес-агрегатор (то есть онлайн-платформа), – не приведет к применению к исполнителю мер дисциплинарного взыскания в соответствии с положениями ТК РФ, – в самом худшем случае, – аккаунт исполнителя в онлайн-платформе на какое-то время будет, всего лишь, заблокирован; в современных условиях нетипичные трудовые отношения, какими бы они не были, – это объективная реальность, и, соответственно, необходимо переосмысление понятий трудового правоотношения и трудового договора, – нужно заново переизобрести данные институты с учетом цифровизации. Поэтому, видится верным, дополнить действующий ТК РФ специальной главой, которая будет посвящена особенностям правового регулирования труда лиц, осуществляющих свои трудовые обязанности с использованием онлайн-платформ. В данной главе, видится верным, предусмотреть такие аспекты, как: продолжительность рабочего времени; охрану труда; правомерность блокировки аккаунта работника. Таким образом, видится верным, полагать, что необходимо, чтобы на всех работающих, – вне зависимости от форм организации их труда, – распространялись институты трудового права, такие как, – охрана труда, социальное партнерство, социальное страхование. То есть следует модифицировать доктрину трудового права и теорию трудовых правоотношений в плоскости платформенной занятости.

Из выше обозначенных тезисов вытекает следующий, – независимость работника от работодателя. Как было уже отмечено, – работник, выполняющий обязанности по трудовому договору, может самостоятельно определять свой рабочий день, – то есть в данном случае, – правила внутреннего трудового распорядка могут быть для него не актуальны в силу специфики выполняемой работы. В другой ситуации, когда как такового работодателя нет и гражданин, используя бизнес-агрегатор, собирает заказы, – также определяет когда ему работать: включив смартфон, активировав в нем программу бизнес-агрегатор и взяв заказы, начинает их отрабатывать. Однако, во втором случае, – снова возникает сквозной вопрос природы данных отношений, – это нетипичные трудовые или гражданские отношения. Как было отмечено выше, – расширение нетипичных форм занятости на практике обуславливает необходимость осмысления и решения вопроса о разграничении трудовых и гражданских правоотношений.

Так, например, рассмотрим дистанционную работу через призму нетипичных трудовых отношений. Следует отличать дистанционную работу от схожих правовых категорий с точки зрения правовой природы, – от гражданских договоров об оказании услуг. Как известно, в юридической литературе и практике имеют место быть критерии, позволяющие разграничить гражданский договор об оказании услуг и трудовой договор:

гражданским договорам присущ исключительно срочный характер;

денежные средства исполнитель получает только по представлению результата, – то есть тогда, когда работа, как таковая будет выполнена;

отсутствие социально-трудовых гарантий [16].

С точки зрения практических позиций, – работникам бывает крайне сложно доказать в суде, что их отношения с работодателем носили характер трудовых, а не гражданских. Рассмотрим следующий пример из судебной практики. Так, судом города Томска было установлено, что стороны, используя технологии дистанционного взаимодействия, несмотря на наличие гражданского договора об оказании услуг, – состоят в трудовых правоотношениях. В своем решении суд опирался на положения ТК РФ о том, что заключение гражданских договоров об оказании услуг с целью скрыть, по факту, трудовые отношения, – запрещено. И, руководствуясь положениями статьи 19.1 ТК РФ, – суд признал гражданские отношения трудовыми [17]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что целесообразно, с учетом правовой природы дистанционной работы, отграничивать ее от схожих гражданско-правовых договоров.

Несомненно, цифровизация находится в причинно-следственной связи с новыми формами нетипичной занятости, нетипичных трудовых правоотношений. И, конечно же, при всей специфике таких отношений, которые мы рассмотрели выше в ходе данного исследования, имеет свои положительные и отрицательные моменты.

Очевидным положительным моментом является возможность работать дистанционно в комфортных условиях, самостоятельно организовывая свое рабочее время.

Однако, с правовой точки зрения та же дистанционная работа может вызвать для работника сложности в процессе доказывания в суде факта трудовых правоотношений. Выше, в данной статье, мы обращали внимание на факты наличия индивидуальных трудовых споров по данной категории дел. На сегодняшний день нет единообразной судебной практики по вопросам доказывания факта трудовых отношений с использованием технологий для работы удаленно. В результате суды не всегда выносят решение в пользу истцов, – и признают гражданские договоры трудовыми по смыслу норм, предусмотренных в статье 49.1 ТК РФ [18, 19]. Другие суды, наоборот, – приходят к выводу о необходимости заключения трудового договора о дистанционной работе [20].

Стоит заметить, что при всех положительных моментах нетипичных трудовых отношений (гибкий график, самоорганизация и т.д.), есть и определенные негативные моменты. Так, например, в литературе упоминается концепция «договоров ноль часов». Как отмечают исследователи, в условиях цифровизации, – можно скорректировать расписание работников в режиме реального времени, что позволит работодателям контролировать работников за пределами рабочего времени и требовать от них выполнения обязанностей, не входящих в круг трудовых, – например, – лояльность работника в обмен на предсказуемый рабочий график [21]. Такая концепция может являться, своего рода, неформальной мерой дисциплинарного характера в отношении работников. Таким образом, в перспективе развития нетипичных трудовых правоотношений, – есть риск и возможного применения нетрадиционных псевдо-дисциплинарных практик, которые остаются вне правового регулирования трудовых правоотношений. Поэтому, можно полагать, что цифровизация может позволить расширить контроль за работниками, и, при этом, – привести к формированию неустойчивого характера нетипичных трудовых отношений.

Завершая исследование аспектов трудовых отношений в эпоху цифровизации, обозначим следующие выводы.

Несмотря на довольно привлекательные для сторон трудового отношения аспекты таких нетипичных трудовых правоотношений, – в них есть, так скажем, – «мертвые зоны» (например, риск не получения тех или иных социально-трудовых гарантий). Нетипичные трудовые отношения, как бы они не вписывались бы в рамки законного понимания классических трудовых отношений, – это сегодняшние объективные реалии, которые вошли в жизнь общества и становятся его неотъемлемой частью. Следовательно, этот факт нужно учитывать, и, соответственно, необходима определенная работа по мониторингу и анализу таких отношений, – с целью выработки специальных законодательных норм для их должного правового регулирования.

Институт совместительства, закрепленный в ТК РФ, – применительно к нетипичным трудовым отношениям следует пересмотреть.

Видится верным, рекомендовать, – закрепление в трудовых договорах с дистанционными работниками условия о конкретных часах, когда работник и работодатель контактируют через Интернет. Поэтому, необходимы специальные правовые механизмы для обеспечения стабильности таких отношений.

Можно полагать, что расширение нетипичных форм занятости на практике обуславливает необходимость осмысления и решения вопроса о разграничении трудовых и гражданских правоотношений.

Онлайн-платформа не имеет работодательской функции по контролю выполнения заданий, следовательно, то, что исполнитель не выполнил тот или иной заказ, который прислал бизнес-агрегатор (то есть онлайн-платформа), – не приведет к применению к исполнителю мер дисциплинарного взыскания в соответствии с положениями ТК РФ, – в самом худшем случае, – аккаунт исполнителя в онлайн-платформе на какое-то время будет, всего лишь, заблокирован; в современных условиях нетипичные трудовые отношения, какими бы они не были, – это объективная реальность, и, соответственно, необходимо переосмысление понятий трудового правоотношения и трудового договора, – нужно заново переизобрести данные институты с учетом цифровизации. Поэтому, видится верным, дополнить действующий ТК РФ специальной главой, которая будет посвящена

особенностям правового регулирования труда лиц, осуществляющих свои трудовые обязанности с использованием онлайн-платформ. В данной главе, видится верным, предусмотреть такие аспекты, как: продолжительность рабочего времени; охрану труда; правомерность блокировки аккаунта работника. Таким образом, видится верным, полагать, что необходимо, чтобы на всех работающих, – вне зависимости от форм организации их труда, – распространялись институты трудового права, такие как, – охрана труда, социальное партнерство, социальное страхование. То есть следует модифицировать доктрину трудового права и теорию трудовых правоотношений в плоскости платформенной занятости.

Расширение нетипичных форм занятости на практике обуславливает необходимость осмысления и решения вопроса о разграничении трудовых и гражданских правоотношений. Целесообразно, с учетом правовой природы дистанционной работы, отграничивать ее от схожих гражданско-правовых договоров. Цифровизация и ее инструменты, применяемые в сфере наемного труда, направлены на повышение производительности труда; улучшению комфорта и благосостояния работников. Однако, при всех очевидных достоинствах и недостатках внедрения цифровизации, – имеет место быть объективный факт, имеющий большое значение, – с интеграцией процессов и инструментов цифровизации в сферу трудовых правоотношений происходит изменение рынка труда, структуры занятости, меняется концепция трудовых и иных непосредственно связанных с трудовыми отношений.

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // СПС «Консультант Плюс».
2. Киселева Л.А. Разграничение трудовых и гражданско-правовых отношений в условиях нетипичной занятости в государствах-членах ЕАЭС // *Ежеквартальный научно-практический журнал*. 2024. № 1 (49). С. 53-58.
3. Шабанова М.А. Особенности регулирования нетипичных трудовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2008. 25 с.
4. Рекомендация № 198 Международной организации труда «О трудовом правоотношении» (Принята в г. Женеве 15 июня 2006 г. на 95-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «Консультант Плюс».
5. Моцная О.В. Нетипичная трудовая занятость: некоторые проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
6. Чичина Е.В. Отдельные нестандартные формы занятости: правовой аспект: монография. Минск: ИООО «Право и экономика», 2004. 142 с.
7. Томашевский К.Л. Гибкие формы занятости: понятие, формы и анализ рекомендаций // *Промышленно-торговое право*. 2011. № 9. С. 12-15.
8. Заклюжная Н.В. Нетипичные трудовые отношения в условиях глобализации и модернизации экономики // *Вестник Брянского университета*. 2015. № 2. С. 213-215.
9. Одегов Ю.Г. Павлова В.В. Трансформация труда: 6-й технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 4 (206). С. 19-24.
10. Коршунова Т.Ю., Моцная О.В. Влияние платформенной занятости на изменение представлений о работнике и работодателе // *Ежегодник трудового права*. 2022. № 12. С. 76-81.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2025 г. № 306-ФЗ) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
12. Черных Н.В. Влияние нетипичных форм занятости на теоретические представления о трудовом отношении (на примере о дистанционном труде) // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 8. С. 108-117.
13. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (с изм. и доп. от 23 мая 2025 г. № 116-ФЗ) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2023. № 1 (часть I). Ст. 27.
14. Решение Комсомольского районного суда города Тольятти от 15 мая 2020 г. по делу №2-707/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru (дата обращения: 11.08.2025).
15. Решение Тушинского районного суда города Москвы от 26 июня 2019 г. по делу № 22238/19 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru (дата обращения: 11.08.2025).
16. Гурова И.М. Дистанционная работа как тренд времени: результат массового опыта // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2023. Т. 11. № 2. С. 128-147.
17. Решение Ленинского районного суда города Томска от 21 августа 2023 г. № 2-1831/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru (дата обращения: 11.08.2025).
18. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 8 декабря 2017 г. по делу № 33-21442/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru (дата обращения: 11.08.2025).
19. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 11 мая 2017 г. по делу № 33-7310/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru (дата обращения: 11.08.2025).
20. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 августа 2019 г. по делу № 33-36168/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru (дата обращения: 11.08.2025).
21. Мотина Е.В. Расширение хозяйской власти в рамках трудового договора «ноль часов»: постановка проблемы // *Академический юридический журнал*. 2023. Т. 24. № 4. С. 507-513.

References

1. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated February 20, 2019 // SPS Consultant Plus.
2. Kiseleva L.A. Differentiation of labor and civil law relations in conditions of atypical employment in the EAEU Member States // *Ezhe-quarterly Scientific and Practical journal*. 2024. No. 1 (49). Pp. 53-58.
3. Shabanova M.A. Peculiarities of regulation of atypical labor contracts: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Yaroslavl, 2008. 25 p.
4. Recommendation No. 198 of the International Labor Organization "On labor relations" (Adopted in Geneva on June 15, 2006 at the 95th session of the General Conference of the ILO) // SPS Consultant Plus.
5. Motsnaya O.V. Atypical employment: some problems of theory and practice: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. 28 p.
6. Chichina E.V. Individual non-standard forms of employment: a legal aspect: monograph. Minsk: IOOO "Law and Economics", 2004. 142 p.
7. Tomashevsky K.L. Flexible forms of employment: concept, forms and analysis of recommendations // *Industrial and commercial law*. 2011. No. 9. pp. 12-15.
8. Zaklyuzhnaya N.V. Atypical labor relations in the context of globalization and economic modernization // *Bulletin of the Bryansk University*. 2015. No. 2. pp. 213-215.
9. Odegov Yu.G. Pavlova V.V. Labor transformation: the 6th technological order, the digital economy and trends in employment // *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2017. No. 4 (206). pp. 19-24.
10. Korshunova T.Yu., Motsnaya O.V. The influence of platform employment on changing perceptions of an employee and an employer // *Yearbook of Labor Law*. 2022. No. 12. pp. 76-81.
11. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of December 30, 2001 (as amended and supplemented dated July 31, 2025, No. 306-FZ) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (part I). Art. 3.
12. Chernykh N.V. The influence of atypical forms of employment on theoretical concepts of labor relations (on the example of remote labor) // *Actual problems of Russian law*. 2019. No. 8. pp. 108-117.
13. Federal Law No. 580-FZ of December 29, 2022 "On the Organization of Passenger and Baggage Transportation by Passenger Taxi in the Russian Federation, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended and supplemented dated May 23, 2025, No. 116-FZ) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2023. No. 1 (Part I). Article 27.
14. The decision of the Komsomolsk District Court of Tolyatti on May 15, 2020 in case no. 2-707/2020 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: sudact.ru (date of appeal: 08/11/2025).
15. Decision of the Tushinsky District Court of Moscow dated June 26, 2019 in case No. 22238/19 // *Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation*. URL: sudact.ru (date of access: 08/11/2025).
16. Gurova I.M. Remote work as a trend of the time: the result of mass experience // *MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2023. Vol. 11. No. 2. pp. 128-147.
17. Decision of the Leninsky District Court of Tomsk dated August 21, 2023 no. 2-1831/2023 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: sudact.ru (date of appeal: 08/11/2025).
18. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated December 8, 2017 in case no. 33-21442/2017 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: sudact.ru (date of appeal: 08/11/2025).
19. Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated May 11, 2017 in case no. 33-7310/2017 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: sudact.ru (date of request: 08/11/2025).
20. The Moscow City Court's appeal ruling of August 30, 2019 in case no. 33-36168/2019 // *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: sudact.ru (date of reference: 08/11/2025).
21. Motina E.V. Expansion of economic power within the framework of the "zero hours" employment contract: posing a problem // *Academic Law Journal*. 2023. Vol. 24. No. 4. pp. 507-513.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_898

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL FOUNDATIONS, PRACTICE, AND DEVELOPMENT PROSPECTS

КАСНИЦКАЯ Инна Юрьевна

кандидат юридических наук, начальник кафедры организации охраны общественного порядка
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, полковник полиции;
Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, 75
E-mail: kasnitskaya@mail.ru

KASNITSKAYA Inna Y.,

Candidate of Law, Head of the Department of Public Order Organization
at the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel;
Tyumen, Amurskaya str., 75.
E-mail: kasnitskaya@mail.ru

Краткая аннотация: Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности граждан, а также на защиту их законных интересов. Эта деятельность включает в себя широкий спектр функций, таких как профилактика, выявление и пресечение преступлений и правонарушений, привлечение виновных лиц к ответственности и обеспечение исполнения судебных решений. Важной составляющей административно-юрисдикционной деятельности является привлечение виновных лиц к ответственности. Это реализуется путем осуществления административного производства, составления протоколов об административных правонарушениях, а также представления материалов в суд для рассмотрения дел об административных правонарушениях. В статье анализируются основные направления административно-юрисдикционной деятельности ОВД РФ, дается их характеристика, обозначаются проблемные вопросы и делаются соответствующие выводы и предложения. В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, регулируемые административно-правовыми нормами в системе ОВД РФ.

Abstract: The administrative-jurisdictional activity of the internal affairs bodies of the Russian Federation (hereinafter referred to as IAB RF) constitutes a set of measures aimed at ensuring public order and the safety of citizens, as well as at protecting their legitimate interests. This activity encompasses a wide range of functions, including the prevention, detection and suppression of crimes and offences, bringing perpetrators to justice, and ensuring the enforcement of court decisions. A crucial component of administrative-jurisdictional activity is bringing perpetrators to justice. This is implemented through administrative proceedings, drawing up protocols on administrative offences, and submitting materials to court for the consideration of cases involving administrative offences. The article analyses the main directions of the administrative-jurisdictional activity of the IAB RF, provides their characteristics, identifies problematic issues, and offers relevant conclusions and proposals. The object of the study comprises social relations regulated by administrative and legal norms within the IAB RF system.

Ключевые слова: административная-юрисдикционная деятельность, органы внутренних дел, участковый уполномоченный полиции, административное правонарушение, правопорядок.

Keywords: administrative-jurisdictional activity, internal affairs bodies, district police commissioner, administrative offence, law and order.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В качестве одного из основополагающих нормативно-правовых актов, которым определяется вектор развития российского государства является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия), в которой регламентировано, что: «Обеспечению государственной и общественной безопасности способствует реализация мер. Направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, совершенствование единой государственной системы профилактики преступности. Обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления, а также на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности» [1].

Важным элементом вышеуказанной Стратегии в части долгосрочного противостояния противоправной активности является борьба с административными правонарушениями. Ведущая роль в данной деятельности возложена на органы полиции – часть централизованной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

Полиция является частью государственной структуры, которая выполняет ключевую функцию, выражающуюся в обеспечении и поддержании правопорядка, а также стоит на защите интересов законных прав граждан. Эффективность деятельности этого ведомства требует постоянного контакта с населением, поскольку полиция – орган публичной власти, и двустороннее взаимодействие позволяет выявлять проблемы на месте и решать их с наилучшим результатом.

Одной из задач территориальных органов МВД России является выявление и пресечение административных правонарушений. Важно отметить, что между административным правонарушением и преступлением существует неразрывная связь, на что справедливо указывает в своем исследовании Н.Г. Канунникова [2, с. 7]. Оставление безнаказанным факт совершения административного правонарушения зарождает у

правонарушителя чувство вседозволенности, что впоследствии приводит к тяжким последствиям.

На практике акцент все больше смещается на количество дел, которые полиция выявляет и передает в суд. Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [3], ведение дел об административных правонарушениях и исполнение административных наказаний является одним из ключевых направлений работы ведомства. Для выполнения этой функции в территориальных органах МВД России на региональном уровне создан отдел, отвечающий за организацию применения административного законодательства, а на районном уровне – отдел по исполнению административного законодательства (ИАЗ).

Данный вид деятельности отличается сложностью и многогранностью, а ее потенциал в области правоприменения раскрывается через призму законодательства об административных правонарушениях. Кроме того, сотрудники полиции для охраны общественного порядка и обеспечения безопасности в обществе обращаются именно к административно-правовым нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [4].

В настоящее время нормы административного права устанавливают большое число ограничений относительно поведения граждан в общественных местах. Среди таких запретов: распитие алкогольных напитков; потребление наркотических веществ; курение; оскорбительное приставание к гражданам; передвижение в общественном транспорте в пачкающей одежде и другие подобные действия.

Лица, нарушившие вышеуказанные и иные административно-правовые запреты, привлекаются к административной ответственности должностными лицами ОВД РФ. Данные санкции направлены на обеспечение надлежащего поведения граждан и регулирование их поведения в интересах общества и государства.

Профилактика некоторых видов преступлений через предотвращение административных нарушений – известный и бесспорный тезис, который вытекает из самой сути правонарушений, полагает М.В. Костенников [5, с. 437]. И объясняет данный факт тем, что меры административно-профилактического характера скооперированы в контрольно-надзорных и санкционирующих методах, которые, в свою очередь, включены в широкие полномочия органов внутренних дел. В этой связи законодатель опирается на дифференциацию административно-правовых норм, поскольку такая градация позволяет учитывать специфику правонарушений различных категорий и видов, распределять человеческие ресурсы, повышать специализацию сотрудников на конкретных видах правонарушений.

Анализ форм реализации административно-правовых норм ОВД РФ предполагает изучение способов и методов, с помощью которых реализуются на практике административно-правовые нормы. Это умозаключение подтверждает и Н.Ф. Попова, по мнению которой «реализация норм административного права – процесс практического претворения в жизнь субъектами административного права государственной воли, выраженной в нормах этой отрасли права» [6, с. 37].

Реализация административно-правовых норм ОВД РФ осуществляется в различных формах, каждая из которых направлена на обеспечение соблюдения законодательства и поддержание общественного порядка.

Основные формы реализации включают в себя следующие направления деятельности ОВД РФ:

1. правоприменительная деятельность – вынесение постановлений об административных правонарушениях. В данном случае органы внутренних дел применяют такие административные санкции, как административный штраф или предупреждение к нарушителям общественного порядка;
2. контрольно-надзорная деятельность – проведение проверок и инспекций с целью контроля за соблюдением правил дорожного движения, выявлением и пресечением правонарушений;
3. правоохранительная деятельность – патрулирование в общественных местах для обеспечения безопасности граждан;
4. предупредительно-профилактическая деятельность – проведение профилактических бесед и разъяснительной работы с населением, направленной на предупреждение правонарушений.

Реализация административно-правовых норм в деятельности сотрудников ОВД РФ сопряжена с рядом практических проблем, которым требуется свое осмысление.

Изучение работ, посвященных вопросам квалификации административных правонарушений, позволяет выделить несколько ключевых аспектов, которые вызывают сложности в этой сфере [7; 8; 9].

Прежде всего, обращает на себя внимание недостаточная четкость формулировок, описывающих составы административных правонарушений. Зачастую в таких формулировках используются оценочные категории, что затрудняет единообразное применение норм. Это может приводить к различным интерпретациям и, как следствие, к различным вариантам решений в правоприменительной практике. Кроме того, сложности возникают и при применении бланкетных норм, что требует дополнительной интерпретации, поскольку они могут быть неполными без учета дополнительных актов или положений, что также приводит к разночтениям.

Наконец, ошибки, которые совершают правоприменители при установлении фактических обстоятельств дела, часто становятся причиной принятия незаконных и необоснованных процессуальных решений. Неверная оценка фактов или их поверхностная и неполная проверка приводят к неправильной квалификации правонарушений и как следствие, к отмене таких решений. Так, например, ст. 23.3 КоАП РФ определяет конкретные статьи и их части, по которым сотрудники полиции могут составлять протоколы, включая нарушения, связанные с безопасностью дорожного движения, общественным порядком, экологическими нормами и другими сферами государственной и общественной жизни. Такие полномочия позволяют полиции оперативно реагировать на правонарушения и принимать необходимые меры для их пресечения. Всего таких статей более 50, что свидетельствует о широком спектре обязанностей и сфер деятельности органов внутренних дел. Широкий охват полномо-

чий позволяет быстро и эффективно реагировать на разнообразные административные правонарушения.

Анализ судебной практики подтверждает, что некоторая часть материалов по делам об административных правонарушениях, которые поступили для рассмотрения в суды, возвращается судебными органами для доработки или дела прекращаются. Причины такого возврата обусловлены наличием недостатков, имеющих по большей части формальный характер, которые возможно устранить на стадии рассмотрения дела судом по существу. Так, суды могут вернуть материалы по причине того, что лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении не уведомлено о назначенной дате судебного разбирательства надлежащим способом [10;11]. Однако, у сотрудников ОВД РФ отсутствуют правовые основания на обжалование таких требований суда, даже если они неправомерны.

В этом контексте необходимо обратить внимание на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [12], которое касается некоторых вопросов, возникающих у судов при применении положений КоАП РФ. В соответствии с п. 10 вышеуказанного постановления, должностные лица, составляющие протоколы или принимающие процессуальные решения о привлечении к административной ответственности, не являются участниками производства по делам об административных правонарушениях. Следовательно, в отсутствие наличия такого законного процессуального статуса, указанные должностные лица не наделены полномочиями на обжалование судебных решений.

Вынесенное судом определение о возвращении материалов по делу об административном правонарушении для устранения замечаний не касается сути самого административного расследования, являясь лишь промежуточным актом, в котором перечислены необходимые для выполнения действия. Это отличает определения по административным делам от дел гражданских, поскольку по первой категории дел суд может вынести несколько определений на разных этапах для обеспечения прав всех участников процесса. Тот факт, что сотрудники полиции не наделены правом обжалования промежуточных судебных актов, приводит к тому, что они, как должностные лица, выявившие правонарушения, ограничены в своем правовом статусе. Такие ограничения снижают эффективность их деятельности.

В отсутствие возможности обжалования таких актов ведомство сталкивается с необоснованными судебными решениями, которые влияют на его показатели. Это еще раз доказывает необходимость пересмотра и возможного изменения законодательных норм, для обеспечения справедливого и эффективного функционирования системы правосудия и защиту прав сотрудников полиции.

Подготовка дела к рассмотрению имеет большое значение в судебном процессе. На стадии подготовки стороны и судья могут оценить, насколько полно и достаточно представлены документы и доказательства, правильно ли применена административно – правовая норма. Это позволяет выявить и устранить возможные проблемы до начала судебного процесса.

Важно отметить, что после принятия дела к производству судом уже не будет возможности исправить недостатки. По этой причине необходимо чтобы материалы по делам об административных правонарушениях были качественно подготовлены изначально, что будет способствовать своевременному и качественному рассмотрению дел.

Предварительное судебное заседание, предусмотренное ст. 152 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [13], может быть использовано для устранения противоречий в позициях сторон по делу об административных правонарушениях. Это имеет важное значение при рассмотрении дел об административных правонарушениях, так как данная стадия позволяет сторонам и суду качественно подготовиться к основному заседанию, выявить и устранить возможные процессуальные ошибки и недочеты, а также уточнить позиции каждой из сторон.

Процесс подготовки и подачи необходимых документов занимает много времени, что может привести к тому, что срок привлечения к административной ответственности, установленный в ч.ч. 1 и 3 ст. 4.5 КоАП РФ, истечет. Это снижает эффективность привлечения к ответственности и в данном случае требуется пересмотр существующих процедур.

В случае истечения сроков давности, установленных п. 6 ст. 24.5 КоАП РФ, привлечение к административной ответственности лица, исключено. Административное преследование в данном случае прекращается. Без права на возобновление.

Следовательно, сложность состоит в том, что несовершенство законодательных норм, которыми регулируется процесс по привлечению лица к административной ответственности, приводит к прекращению дела и суть правонарушения уже не важна.

Статья 29.1 КоАП РФ не указывает четкого основания, в соответствии с которым суд может вернуть материалы дела об административном правонарушении должностному лицу для устранения недостатков, поэтому при возникновении у должностного лица сомнения в справедливости судебного решения, оно может обратиться в прокуратуру для решения этого вопроса. Однако, как показывает изучение судебной практики, такие правовые возможности сотрудники полиции, как правило, не реализовывают [14, с.93].

Поскольку более 200 статей КоАП РФ находятся в ведении полиции, сотрудники должны быть компетентны в различных сферах деятельности, разбираться в них досконально. Причины ошибок могут быть различны. Ошибки в использовании административно-правовых норм могут быть допущены по причине формального подхода сотрудников к выполнению указаний руководства. Однако зачастую ошибки происходят из-за неправильного толкования закона или из-за недостатков в самом законодательстве.

Данное свидетельствует об актуальности и необходимости регулярного обучения сотрудников полиции практике составления протоколов об административных правонарушениях и расследованию административных правонарушений.

Особенно это касается сотрудников УУП, в чьи служебные обязанности входит реализация профилактических мер бытового насилия, что составляет достаточно большую категорию дел об административных правонарушениях. В соответствии с п. 9.2 Инструкции по исполнению

участковыми уполномоченными полицией своих должностных обязанностей на вверенном административном участке, в обязанности УУП входит выявление административных правонарушений, подпадающих под действие ст. 116, 116.1. Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 6.1.1 КоАП РФ [15], которые имеют смежные составы, что вызывает сложности при квалификации на практике. Так, объективной стороной правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ выступают действия, причиняющие физическую боль, а также иные насильственные действия, последствия которых аналогичны.

Состав правонарушения является материальным, то есть для привлечения к ответственности необходимо наличие указанных последствий. Однако правоприменительная практика в этой области не всегда однозначна, особенно когда речь идет о квалификации однократного удара как побоев. Традиционно побои подразумевают многократное нанесение ударов [16].

Что касается «иных насильственных действий», то законодательство не предоставляет четкого определения, в связи с чем в правовой доктрине такие действия аналогичны физическому воздействию, вызывающего боль или незначительные повреждения, такие как щипание, сечение, использование тупых или острых предметов, а также термическое воздействие.

Как представляется, включение в административно-правовую норму ст. 6.1.1 КоАП РФ уточняющей формулировки о побоях и «иных насильственных действиях» устранил неопределенность в правоприменительной практике и обеспечит единообразный подход судов к таким делам. Однако, как и любая правовая норма, предлагаемая формулировка должна быть проанализирована, с целью устранения пробелов.

Для устранения неопределенности в правоприменительной практике и обеспечении единообразного подхода судов к рассмотрению дел о побоях и «иных насильственных действиях», можно предложить следующую формулировку административно-правовой нормы в ст. 6.1.1 КоАП РФ:

«6.1.1 Побои и иные насильственные действия, не причинившие вреда здоровью, но вызвавшие физическую боль или моральные страдания, а также действия, вызывавшие унижение достоинства человеческой личности и нарушившие общественный порядок, влекут административную ответственность.....».

Предлагаемое определение, во-первых, подчеркнет не уголовный характер данного противоправного деяния, во-вторых, укажет на то, что именно человеческое достоинство подверглось унижению.

Перспективы улучшения правоприменительной практики в контексте обжалования решений суда и подготовки дел об административных правонарушениях предлагают ряд направлений, которые могут значительно повысить эффективность и справедливость административного процесса.

Одним из таких направлений является расширение прав на обжалование. Это может подразумевать законодательные изменения, которые позволят сотрудникам полиции обжаловать решения о возвращении материалов дела для устранения недостатков. Такое право обеспечит должностным лицам возможность своевременно реагировать на возможные ошибки и защищать свои действия в суде.

Не менее важным является укрепление процессуальных гарантий. Введение более четких гарантий позволит сторонам, участвующим в административном процессе, иметь полноценное право на участие и обжалование на всех стадиях производства. Это может включать расширение их прав на представление доказательств и доводов.

Также стоит обратить внимание на использование предварительных судебных заседаний. Усиление их роли, как это предусмотрено в ст. 152 ГПК РФ, в рамках административного производства позволит более тщательно готовиться к основному заседанию, выявлять и исправлять процессуальные ошибки и недочеты на ранних этапах, что в конечном итоге приведет к более качественному рассмотрению дел.

Важную роль в повышении качества правоприменительной практики играет обучение и повышение квалификации сотрудников ОВД РФ. Организация регулярных обучающих семинаров по вопросам правильного оформления дел и процессуального права способствует сокращению числа ошибок и повышению общей компетентности правоприменителей.

Внедрение предлагаемых изменений не только повысит качество службы сотрудников органов внутренних дел, но и укрепит общественный порядок и общественную безопасность в целом.

Таким образом, совершенствование правовой основы административно-деликтного процесса через улучшение норм и процедур не только уменьшит количество ошибок в производстве, но и повысит доверие граждан к системе административной юстиции, обеспечивая более справедливое и эффективное правоприменение

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 года № 27. (часть II). Ст. 5351.
2. Канунникова Н.Г. Актуальные проблемы борьбы с административными правонарушениями // Административное право и процесс. – 2023. – № 4. – С. 5-11.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 года № 7. Ст. 900.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Административная деятельность ОВД: учебник для вузов / М.В. Костенников [и др.]; под редакцией М.В. Костенникова, А.В. Куракина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 579 с.
6. Попова Н.Ф. Административное право: учебник для вузов / Н.Ф. Попова – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 325 с.
7. Гамзина А.В. Борьба полиции с административными правонарушениями: аспект использования оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России». – 2024. – Т. 30. – № 4 (95). – С. 319-325.
8. Ленский В.М., Кочкарев А.И. Проблемы реализации участковыми уполномоченными полицией некоторых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Юридический бюллетень. – 2024. – № 4. – С. 75-86.

9. Байрамов А.А. Проблемы, возникающие при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ «Побои» // Научный портал МВД России. – 2024. – № 1. – С. 53-59.
10. Решение Мытищинского городского суда Московской области от 7 марта 2024 года по делу № 12-203/2024/<https://arbitr.garant.ru/#/document/338809708> (дата обращения 01.10.2025 г.).
11. Решение Волховского городского суда Ленинградской области от 10 января 2025 года по делу № 12-12/2025//<https://arbitr.garant.ru/#/document/344350963> (дата обращения 01.10.2025 г.).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Биряков А.В. Проблемы правового статуса сотрудника полиции по делам об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 91-94.
15. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс] // Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «ЮРИСТ».
16. Постановление Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 22 ноября 2024 г. по делу 5-1703/2024//<https://arbitr.garant.ru/#/document/345233376> (дата обращения 01.10.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 5, 2021, No. 27 (Part II), Art. 5351.
2. Kanunnikova, N. G. Current Issues in Combating Administrative Offenses // Administrative Law and Procedure. – 2023. – No. 4. – P. 5–11.
3. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 "On the Police" // Collection of Legislation of the Russian Federation, February 14, 2011, No. 7, Art. 900.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ [Electronic resource] // Accessed via the legal reference system "ConsultantPlus".
5. Administrative Activities of Internal Affairs Bodies: University Textbook / M. V. Kostennikov et al.; ed. by M. V. Kostennikov, A. V. Kurakin. – 2nd ed., rev. and augm. – Moscow: Yurait Publishing, 2024. – 579 p.
6. Popova, N. F. Administrative Law: University Textbook / N. F. Popova. – 7th ed., rev. and augm. – Moscow: Yurait Publishing, 2025. – 325 p.
7. Gamzina, A. V. Police Combating Administrative Offenses: Aspects of Using Operational-Investigative Activities // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – Vol. 30, No. 4 (95). – P. 319–325.
8. Lenskiy, V. M., Kockarev, A. I. Issues in the Implementation by District Police Officers of Certain Measures to Ensure Proceedings in Cases of Administrative Offenses // Legal Bulletin. – 2024. – No. 4. – P. 75–86.
9. Baimarov, A. A. Problems Arising in Proceedings on Administrative Offenses under Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation "Battery" // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 1. – P. 53–59.
10. Decision of the Mytishchi City Court of the Moscow Region of March 7, 2024, in Case No. 12-203/2024 // (accessed: October 1, 2025).
11. Decision of the Volkhov City Court of the Leningrad Region of January 10, 2025, in Case No. 12-12/2025 // (accessed: October 1, 2025).
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 of March 24, 2005 "On Certain Issues Arising for Courts in Applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" [Electronic resource] // Accessed via the legal reference system "ConsultantPlus".
13. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 [Electronic resource] // Accessed via the legal reference system "ConsultantPlus".
14. Biryakov, A. V. Issues of the Legal Status of a Police Officer in Cases of Administrative Offenses // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. – 2023. – No. 2. – P. 91–94.
15. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 205 of March 29, 2019 "On the Duties of a District Police Officer in the Served Administrative Area and the Organization of This Activity" [Electronic resource] // Accessed via the specialized distributed automated system "YURIST".
16. Decision of the Pushkinsky District Court of St. Petersburg of November 22, 2024, in Case No. 5-1703/2024 // (accessed: October 1, 2025).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РЕКУЛЬТИВАЦИИ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОХРАНЕ ЗЕМЕЛЬ THE LEGAL NATURE OF RECLAMATION AS ONE OF THE FORMS OF LAND CONSERVATION ACTIVITIES

МЕНИС Елена Владимировна

старший преподаватель кафедры земельного и экологического права

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

410056, Россия, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н. Г., 104.

e-mail: ya.menis@yandex.ru

MENIS Elena Vladimirovna

Senior Lecturer at the Department of Land and Environmental Law Saratov State Law Academy.

104 Chernyshevsky St., Saratov, 410056, Russia.

e-mail: ya.menis@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье представлен анализ концептуальных основ и нормативного регулирования рекультивации земель, включающий в себя актуальную информацию изменений законодательства.

Abstract: The article presents an analysis of the conceptual foundations and regulatory framework for land reclamation, including up-to-date information on legislative changes.

Ключевые слова: законодательство, охрана земель, рекультивация.

Keywords: legislation, land protection, reclamation.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Гармонизация национальной политики и законодательства в области охраны окружающей среды, включая земельные ресурсы, загрязненные опасными веществами, всегда является компромиссом между двумя группами интересов: экономическими и экологическими, которые противоположны по своей природе. Их оппозиционный характер усиливается, когда экологические интересы кажутся отдаленными в контексте "экономика – окружающая среда", и наоборот, интересы примиряются перед лицом непосредственной экологической угрозы.

Рекультивация земель является важным и неотъемлемым мероприятием, направленным на восстановление нарушенных земель и инструмент по приведению различных категорий земель, подвергшихся негативному воздействию, в состояние пригодное для их дальнейшего использования. В более широком контексте, рекультивация рассматривается как часть охраны окружающей среды, что подчеркивает ее особую экологическую значимость. Прежде всего, необходимо рассмотреть именно концептуальные основы правового регулирования рекультивации земель, отражающие ее правовую природу.

В научной литературе можно встретить терминологическую вариативность при определении такого понятия, как «рекультивация земель». Прежде всего, различия обусловлены в большей степени междисциплинарным характером данного вопроса. Как правило, в исследованиях рекультивация трактуется как комплекс мероприятий, направленных на восстановление продуктивности нарушенных территорий, при этом отмечается смысловое разграничение с более широким понятием восстановления земель.

Однако, с учетом действующего законодательства, исследователи земельно-правовых отношений по-разному определяют термин «рекультивация земель»: Во-первых, как особую разновидность природоохранных мер, сопряженную с хозяйственной деятельностью[1]; Во-вторых, как особый вид деятельности осуществляемой в сфере обращения с отходами производства и потребления[2]; В-третьих, как самостоятельную хозяйственную деятельность природоохранного назначения[2].

Классический подход ставит акцент на восстановление плодородия почв; также в определение включается деятельность по созданию самоподдерживающихся экосистем.

Н.А. Луганский с соавторами определяет рекультивацию как «восстановление ландшафтов, мезо- и микрорельефа участка, а также воспроизводство естественным, искусственным или комбинированным методами лесных и травяных фитоценозов посредством проведения комплекса инженерных (технических), агротехнических и лесоводственно-биологических мероприятий»[3, с. 53-59].

Э.Э. Аблякимова указывает, что «рекультивация земель представляет собой мероприятия по предотвращению деградации земель и/или восстановлению их плодородия посредством приведения земель в состояние, пригодное для их использования в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием, в том числе путем устранения последствий загрязнения почв, восстановления плодородного слоя почвы, создания защитных лесных насаждений» [4].

Понятие «рекультивация» в настоящее время достаточно технологично и практико ориентированно. Это, например, обусловило определённую позицию к проблеме, в связи с чем, данным термином оперируют и в инженерном подходе, который обращает внимание на стабилизацию грунтов и мелиоративные мероприятия. Так, А.В. Моторина и В.А. Овчинников в работе «Промышленность и рекультивация земель» (1975 год), основываясь на отечественном и зарубежном опыте, дали следующее определение рекультивации: «Рекультивация земель — это комплекс различных работ (инженерных, горнотехнических, мелиоративных, сельскохозяйственных, лесохозяйственных и др.), направленных на восстановление продуктивности нарушенных промышленностью территорий и возвращение их в разные виды использования»[5].

Многие исследователи отмечают необходимость сближения восстановительных мероприятий относительно почв в систему обще-

ственных и хозяйственных отношений. Таким образом, возникает социально-экономический подход к рекультивации земель.

Существует мнение, что «рекультивация земельных участков представляет собой один из механизмов, который мог бы позволить не только восстановить утраченные земельные участки, но и вовлечь их в хозяйственный оборот, в том числе и использовать для развития сельского хозяйства» [6].

Правовой дискурс ориентирован на юридические аспекты, отмечается обязательный характер восстановительных мероприятий для природопользователей.

В правовой доктрине рекультивация земель рассматривается как система нормативного регулирования, направленная на установление обязанностей, процедур и ответственности в сфере восстановления нарушенных земель, что предполагает не добровольную деятельность, а юридическую обязанность лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность, приводящую к нарушению земель. Например, ученые-юристы, такие как О.Л. Дубовик, анализировала понятия рекультивации и консервации с точки зрения их правового регулирования. В целом стоит отметить, что в работах ученых-юристов делается акцент на необходимости четкого законодательного определения этих понятий, установления ответственности за нарушение требований и разработки эффективных механизмов контроля за проведением восстановительных работ. Например, Г.А. Мисник отмечает, что «правовую природу обязанности правообладателя земельного участка по рекультивации необходимо рассматривать в первую очередь с позиций используемого в земельном праве метода правового регулирования земельных отношений, соответственно, обязанность по рекультивации земель следует определять как публичную обязанность правообладателя земельного участка» [7].

В Экологическом словаре под рекультивацией земель понимается «комплекс работ, направленных на восстановление продуктивности и народно-хозяйственной ценности нарушенных земель, а также на улучшение условий окружающей среды» [8].

Правовой основой рекультивации земель являются положения земельного и экологического законодательства, которые закрепляют требования к проведению восстановительных работ. Однако в настоящее время все еще наблюдается недостаточная разработанность нормативной базы, что проявляется в отсутствии единого понимания содержания рекультивации, её соотношения с возмещением вреда, а также четких критериев оценки результатов проведенных работ.

Признавая особую значимость и многоаспектность рекультивации земель 29 мая 2025 года было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 781 «Об утверждении Правил проведения рекультивации и консервации земель» [9], пришедшее на смену Постановлению Правительства Российской Федерации от 10 июля 2018 года № 800 «О проведении рекультивации и консервации земель» [10], чем обозначен новый этап в законодательном регулировании процесса охраны земель. Таким образом, с 1 сентября 2025 года начали действовать новые правила рекультивации и консервации земель.

Кроме того, Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2025 года № 1623 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [11] так же был внесен ряд изменений в ранее действующее законодательство.

Так, изменения коснулись: Постановления Правительства Российской Федерации №87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» [12], Постановления Правительства Российской Федерации №909 «Об утверждении Положения о составе плана мероприятий по предотвращению и ликвидации загрязнения окружающей среды в результате эксплуатации отдельного производственного объекта и требованиях к содержанию такого плана» [13], Постановления Правительства Российской Федерации №2323 «Правил организации ликвидации накопленного вреда окружающей среде» [14].

Постановление Правительства РФ от 29.05.2025 № 781 "Об утверждении Правил проведения рекультивации и консервации земель" содержит такие новеллы, как:

- уточненный список подотчетных сторон, например, таких как арендаторы, правообладатели, пользователи сервитутов, и другие;
- требование уведомлять владельцев до начала проведения работ, что должно снижать вероятность злоупотреблений в дальнейшем;
- необходимость предоставления сертификатов, содержащих исчерпывающие показатели состояния почвы после рекультивации для обеспечения большего контроля за применением мер по охране окружающей среды;
- введение поэтапной рекультивации с возможностью дальнейшей корректировки проектов в процессе непосредственного выполнения работ, что можно оценить как достаточно прогрессивную правовую норму, позволяющую адаптировать необходимые мероприятия под конкретные условия;
- устанавливает более строгую, но прозрачную правовую базу, соответствующую современным экологическим стандартам [15].

Рекультивация земель определяется как «мероприятия по предотвращению деградации земель и (или) восстановлению их плодородия посредством приведения земель в состояние, пригодное для их использования в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием, в том числе путем устранения последствий загрязнения почвы, восстановления плодородного слоя почвы и создания агролесомелиоративных насаждений, агрофитомелиоративных насаждений» [9].

Несмотря на то, что в законодательстве рекультивация рассматривается как «обязанность», ее необходимо рассматривать с позиций метода правового регулирования земельных отношений используемого в земельном праве. Обязанность по рекультивации земель судами одновременно возлагается с обязанностью по возмещению причиненного вреда на субъект, осуществляющий хозяйственную и иную деятельность, повлекшую негативные последствия для окружающей среды [16]. Данная позиция отражает более широкий подход в понимании ее правовой природы и в большей степени характеризует ее как правовую меру охраны земель.

Хотя некоторые высказывают мнение, что обязанность по рекультивации земель может выступать в качестве меры юридической ответственности за совершенные земельные правонарушения, направленной на восстановление нарушенного права [17], современное законода-

тельство трактует рекультивацию земель преимущественно в качестве меры охраны, а не вида юридической ответственности. Правовое закрепление данного механизма в Федеральном законе «Об охране окружающей среды»[18] акцентирует его превентивно-регулятивный характер, устанавливая обязанность проведения восстановительных работ как неотъемлемый элемент хозяйственной деятельности. Такой подход позиционирует рекультивацию в качестве позитивной обязанности правообладателей и пользователей земельных участков, что подчеркивает её предупредительную функцию и позволяет рассматривать её в качестве инструмента охраны земель, а не санкции за уже причиненный вред.

Новое постановление правительства еще более доказательно формулирует соответствующую правовую природу рекультивации.

Таким образом, научное сообщество рассматривает рекультивацию как междисциплинарное понятие, которое охватывает экологические, инженерные, экономические и правовые аспекты. Дискуссии часто ведутся вокруг приоритетов: что важнее — скорейшее восстановление экологического баланса или подготовка земель для их последующего экономического использования. И здесь можно спорить сколько угодно, но факт остается фактом: данные понятия неразделимы, нужно только соблюсти определенный баланс между экономическими и экологическими интересами. Одно направление без другого существовать не могут. Экологический баланс создает благоприятные условия для экономического роста, экономика позволяет реализовывать экологические интересы для будущего роста экономики и жизни страны в целом.

Современный консенсус склоняется к необходимости комплексного подхода, который учитывал бы все эти аспекты для достижения наиболее устойчивого и долгосрочного результата, что и прослеживается в правовой политике государства.

Список литературы

1. Вахаев М.Х. Правовые вопросы, возникающие при рекультивации земель / М.Х. Вахаев // Законодательство и экономика. – 2006. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://center-bereg.ru/1709.html>
2. Тихомирова Л.А. Многоаспектность деятельности по рекультивации нарушенных земель: особенности и проблемы правового регулирования / Л.А. Тихомирова. 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/57623456/>
3. Луганский Н.А. Возврат земель после нефтегазодобычи / Н.А. Луганский, К.И. Лопатин, В.Н. Луганский. - Екатеринбург: УГЛУТУ, 2005. - 61 с.
4. Аблякимова Э.Э. Земельное право / Э.Э. Аблякимова, А.М. Решитов. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – 382 с.
5. Моторина Л.В. Промышленность и рекультивация земель / Л.В. Моторина, В.А. Овчинников. - Москва: Мысль, 1975.
6. Гордиенко И.И. Правовое регулирование рекультивации земель: основные проблемы и перспективы развития / И.И. Гордиенко // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2022. – № 8. – С. 541-546.
7. Мисник Г.А. Организационно-правовое обеспечение рекультивации земель // Экологическое право. 2019. № 4. С. 13 - 16.
8. Голиченков А.К. Экологическое право России: Словарь юридических терминов: Учебное пособие. 3-е изд., доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2016. 544 с.
9. Постановление Правительства РФ от 29.05.2025 № 781 "Об утверждении Правил проведения рекультивации и консервации земель" // Собрание законодательства РФ. 2025. № 22 (Часть I), ст. 2898.
10. Постановление Правительства РФ от 10.07.2018 № 800 (ред. от 07.03.2019) "О проведении рекультивации и консервации земель" (вместе с "Правилами проведения рекультивации и консервации земель") // Собрание законодательства РФ. 2018. № 29, ст. 4441 (утратил силу).
11. Постановление Правительства РФ от 21.10.2025 № 1623 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2025. № 43, ст. 6408.
12. Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 № 87 (ред. от 21.10.2025) "О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию" // Собрание законодательства РФ. 2008. № 8, ст. 744; 2025. № 43, ст. 6408.
13. Постановление Правительства РФ от 02.06.2023 № 909 (ред. от 21.10.2025) "Об утверждении Положения о составе плана мероприятий по предотвращению и ликвидации загрязнения окружающей среды в результате эксплуатации отдельного производственного объекта и требованиях к содержанию такого плана" // Собрание законодательства РФ. 2023. № 23 (Часть II), ст. 4212; 2025. № 43, ст. 6408.
14. Постановление Правительства РФ от 27.12.2023 N 2323 (ред. от 21.10.2025) "Об утверждении Правил организации ликвидации накопленного вреда окружающей среде" // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (часть I), ст. 207; 2025. № 43, ст. 6408.
15. Менис Е.В. Новеллы законодательного регулирования рекультивации и консервации земель / Е. В. Менис // Человек и право – XXI век: альманах Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии. – 2025. – № 3. – С. 69-73.
16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2018 г. № 309-ЭС18-13349 по делу № А50-44934/2017 // СПС «Консультант Плюс».
17. Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Теория и практика юридической ответственности за экологические правонарушения: региональный аспект // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2(1). С.26–38.
18. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "Об охране окружающей среды" // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, Ст. 133; 2024. № 53 (Часть I), ст. 8507.

References

1. Vakhayev M.H. Legal issues arising during land reclamation / M.H. Vakhayev // Legislation and Economics. – 2006. – No. 5. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://center-bereg.ru/1709.html>
2. Tikhomirova L.A. The multidimensional nature of recultivation of disturbed lands: features and problems of legal regulation / L.A. Tikhomirova. 2014. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://base.garant.ru/57623456/>
3. Lugansky N.A. Return of lands after oil and gas production / N.A. Lugansky, K.I. Lopatin, V.N. Lugansky. Yekaterinburg: UGLTU Publ., 2005. 61 p.
4. Abyakimova E.E. Land law / E.E. Abyakimova, A.M. Reshitov. Simferopol: Limited Liability Company Publishing House Printing House Arial, 2020. 382 p
5. Motorina L.V. Industry and land reclamation / L.V. Motorina, V.A. Ovchinnikov. Moscow: Mysl, 1975.
6. Gordienko I.I. Legal regulation of land reclamation: the main problems and prospects of development / I.I. Gordienko // Land management, cadastre and monitoring of lands. - 2022. – No. 8. – pp. 541-546.
7. Misnik G.A. Organizational and legal support of land reclamation // Environmental law. 2019. No. 4. pp. 13-16.
8. Golichenkov A.K. Environmental law of Russia: Dictionary of Legal terms: A textbook. 3rd ed., supplement M.: Publishing House "Gorodets", 2016. 544 p.
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/29/2025 No. 781 "On approval of the Rules for land reclamation and conservation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 22 (Part I), art. 2898.
10. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/10/2018 No. 800 (as amended on 03/07/2019) "On land reclamation and conservation" (together with the "Rules for land reclamation and conservation") // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 29, Article 4441 (expired).
11. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 10/21/2025 No. 1623 "On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 43, art. 6408.
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/16/2008 No. 87 (as amended on 10/21/2025) "On the composition of sections of project documentation and requirements for their content" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 8, Article 744; 2025. No. 43, Article 6408.
13. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/02/2023 No. 909 (as amended on 10/21/2025) "On Approval of the Regulations on the Composition of the action Plan for the prevention and Elimination of Environmental Pollution as a result of the operation of a separate production facility and the Requirements for the content of such a plan" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 23 (Part II), art. 4212; 2025. No. 43, art. 6408.
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/27/2023 N 2323 (as amended on 10/21/2025) "On approval of the Rules for the organization of the elimination of accumulated environmental damage" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 1 (part I), art. 207; 2025. No. 43, art. 6408.
15. Menis E.V. Novelties of legislative regulation of land reclamation and conservation / E. V. Menis // Man and law – the 21st century: almanac of the Institute of the Prosecutor's Office of the Saratov State Law Academy. – 2025. – № 3. – pp. 69-73.
16. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 14, 2018 No. 309-ES18-13349 in case No. A50-44934/2017 // SPC Consultant Plus.
17. Anisimov A.P., Isakova Yu.I., Pratsko G.S. Theory and practice of legal responsibility for environmental offenses: a regional aspect // Legal order and legal values. 2024. No. 2(1). pp. 26-38.
18. Federal Law No. 7-FZ of 10.01.2002 (as amended on 12.26.2024) "On Environmental Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 2, Art. 133; 2024. No. 53 (Part I), art. 8507.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_906

К ВОПРОСУ ОПТИМИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ON THE ISSUE OF OPTIMIZING CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN MODERN RUSSIA

ЖАБИН Илья Юрьевич

старший преподаватель кафедры транспортного права

Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А.Новикова.

196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, 38.

odsi@mail.ru;

ZHABIN Ilya Yurievich,

Senior lecturer, department of transport law,

Saint Petersburg state university of civil aviation named after Chief marshal of aviation A.A. Novikov.

38 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.

odsi@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается проблематика контрольно-надзорной деятельности в сфере государственного управления. Автором делается вывод о том, что в последние годы данный вид деятельности органов государственного управления постоянно подвергался определенной модернизации, реформированию. Подчеркивается, с учетом подведения итогов реализации административной реформы в нашем государстве, что данная деятельность в сфере управления является одной из приоритетных в сфере деятельности органов управления государством.

Abstract. The article deals with the problems of control and supervisory activities in the field of public administration. The author concludes that in recent years this type of activity of public administration has been constantly subjected to certain modernization and reform. It is emphasized, taking into account the summing up of the implementation of the administrative reform in our state, that this activity in the field of management is one of the priorities in the field of activity of state government bodies.

Ключевые слова: право; законность; дисциплина; административный надзор; современная Российская Федерация.

Keywords: law; legality; discipline; administrative supervision; modern Russian Federation.

Статья поступила в редакцию: 25.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Рассматривая проблематику контрольно-надзорной деятельности в сфере государственного управления, следует подчеркнуть, что в последние годы она постоянно подвергалась определенной модернизации, реформированию. Следует подчеркнуть, что данная деятельность в сфере управления является одной из приоритетных в сфере деятельности органов управления государством¹. Данный вывод следует делать, с учетом подведения итогов реализации административной реформы в нашем государстве². По ее результатам оптимизируется система и структура федеральных органов исполнительной власти, которая учитывает вхождение в состав нашего государства новых субъектов³. Существенное влияние на этот процесс оказывает и проведение специальной операции вооруженными силами России на юге нашего государства⁴. Все это оказывает определенное положительное влияние на совершенствование контрольно-надзорных полномочий органов исполнительной власти с учетом сложившейся политико-экономической ситуации в государстве⁵.

Немного историографии. Анализ аналитического доклада по данной проблематике позволяет сделать вывод о том, что в последние годы наблюдается снижение государственного вмешательства в сферу экономики. Вместе с тем данный доклад подчеркивает, что идет планомерное увеличение контрольно-надзорной деятельности государственных органов в сфере управления. При этом в докладе отмечается, что виды контрольно-надзорные полномочия органов исполнительной власти появляются по мере необходимости, а их полномочия в данной сфере общественных отношений содержатся в разнообразных актах управления⁶. В ряде случаев это приводит к дублированию данных полномочий. Как пример-чем только сейчас не занимаются органы Прокуратуры Российской Федерации, дублируя, зачастую полномочия и обязанности органов исполнительной власти и их должностных лиц. При этом сотрудники прокуратуры зачастую не выполняют, или не полностью выполняют, те

¹ Шеншин, В. М. О контроле и надзоре за обеспечением войсками национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 12(341). – С. 24-33. – EDN WTCZPW.

² Назарова, И. С. Тенденция усиления Росгвардийского контроля за оборотом оружия / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4(232). – С. 120-123. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_4_120. – EDN QUAVDP.

³ Шеншин, В. М. О месте и роли Росгвардии в системе осуществления федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 1(306). – С. 123-128. – EDN IENCXI; Дитрих, Д. К. «Регуляторная гильотина» как направление реформирования строительного контроля / Д. К. Дитрих, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 232-235. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_232. – EDN JKAFHA.

⁴ Назарова, И. С. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки / И. С. Назарова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7(223). – С. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_40. – EDN OVKOYM; Шеншин, В. М. О планировании новых гарантий участникам специальной военной операции / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 10(327). – С. 27-31. – EDN MWIQHN; Шеншин, В. М. О некоторых вопросах предоставления льгот, налоговых вычетов для военнослужащих, мобилизованных - участников специальной военной операции, а также военных пенсионеров и ветеранов боевых действий / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 9(326). – С. 50-53. – EDN UFTKTR.

⁵ Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107; Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве//Мир экономики и права. 2015. № 6. С. 83-87; Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) //Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165; Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России//Мир юридической науки. 2013. № 12. С.4-13; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика //монография. Санкт-Петербург, 2011; Шеншин, В. М. Федеральный государственный контроль (надзор) Росгвардии за соблюдением законодательства / В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1(37). – С. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE.

⁶ Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С.227-228; Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007.

⁷ Ковалева, Н. В. Обзор ключевых изменений в правовом режиме промышленной безопасности в связи с «регуляторной гильотиной» контрольно-надзорной деятельности / Н. В. Ковалева, С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 156-162. – DOI 10.24412/2073-0454-2022-1-156-162. – EDN DYRKRA.

полномочия, которые на них возлагает соответствующий закон¹. Поэтому мы наблюдаем увеличение видов государственного контроля и надзора². Согласно данному докладу, в настоящее время Российская Федерация является мировым лидером в данной сфере общественных отношений: в настоящее время в нашем государстве насчитывается на федеральном уровне более 40 государственных органов, обладающих контрольно-надзорными полномочиями. На региональном и муниципальном уровне таких органов около 10 000³.

Вместе с тем, по мнению автора статьи, следует отметить определенное улучшение в сфере надзорно-контрольной деятельности органов государственного управления⁴. Это в первую связано с усилением юридической защиты деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей⁵. Однако, несмотря на принятие данного закона, сама система контрольно-надзорных полномочий органов государственной власти и управления остается достаточно архаичной: в ее основе все так же находятся устаревшие принципы, правила и нормативно-правовое обеспечение⁶. Оптимизировать данный казус, в рамках государства, стараются путем увеличения органов управления, наделенных данными полномочиями, и увеличения данных полномочий⁷. Это приводит к тому, что просто сокращение данных органов управления и оптимизация их контрольно-надзорных полномочий, как это не звучит парадоксально, не приводит к сокращению этих органов управления и их контрольно-надзорных полномочий⁸. И проблема не заключается в том, что отечественный бизнес старается «оптимизировать» свою предпринимательскую деятельность за счет нарушения установленных государством правил и запретов, а в том, что проблемы в данной сфере общественных отношений никак не зависят от количества проведенных контрольно-надзорных мероприятий. Получается парадокс: бизнес тратит большое количество сил и средств для оптимизации такого рода проверок, т.к. их последствия связаны с применением государством мер административного принуждения и административной ответственности. При этом на второй фланг отходят вопросы по повышению безопасности бизнеса, улучшения качества предоставляемых работ и услуг. При этом не надо забывать, что и само государство несет достаточно большие затраты по проведению контрольно-надзорных мероприятий органами государственной власти и их должностными лицами⁹. В следствии этого в 2016 году была принята соответствующая государственная программа, рассчитанная на период с 2016 по 2025 годы¹⁰. Данная программа предусматривает оптимизацию видов государственного контроля (надзора), осуществляемые федеральными органами государственной власти¹¹. Она предусматривает отмену избыточных, устаревших и дублирующих друг друга контрольно-надзорных мероприятий¹². В последующем был принят соответствующий федеральный закон¹³. Идеи данного закона были учтены при принятии 29 сентября 2018 году основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации¹⁴. Данный акт управления предполагает и мероприятия по дальнейшему совершенствованию контрольно-надзорных полномочий органов исполнительной государственной власти и их должностных лиц. Реализуя государственную программу по оптимизации контрольно-надзорной деятельности органов федеральной исполнительной власти, Правительством России 17 января 2019 года было принято распоряжение от 17 января 2019 года № 20-р. Данная программа предусматривает снижение государственных затрат при организации и проведении государственно-надзорной деятельности органов государственного управления¹⁵.

Принятие данных актов управления в рассматриваемой сфере общественных отношений позволило:

1. Сформировать единый подход к государственной политике в сфере государственно-надзорной деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;
2. Закрепление общих вопросов по организации и проведении контрольно-надзорных мероприятий.
3. Установление перечня видов контрольно-надзорных мероприятий¹⁶.

И еще одна проблема в данной сфере общественных отношений – правовое обеспечение контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления. Она затруднена большим количеством актов управления, предусматривающих различные ГОСТы и СНиПы, принятых достаточно давно и не учитывающих современные достижения в науке и технике. Это приводит к недоразу-

¹Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изменением и дополнением на 29.12.2025 г.) // СПС Гарант

²Шеншин, В. М. Об исполнении обязательных требований, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий, иных разрешений, аккредитации осуществляемых Федеральной службой войск национальной гвардии российской Федерации / В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 108-113. – EDN CCZIZG.

³Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Аналитический доклад - 2019 / под ред. С. М. Пласкина. - М.: НИУ ВШЭ, 2020. - С. 65

⁴Назарова, И. С. Актуальные теоретико-прикладные аспекты нормативной регламентации функции Росгвардии по контролю в сфере оборота оружия / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6(222). – С. 41-44. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_6_41. – EDN BAGVNO.

⁵Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС Гарант

⁶Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75. № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.

⁷Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2007. № 9.С.4-5; Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.104-110; Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации // В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48; Ковалева, Н. В. Регламентация контрольно-надзорной деятельности при обеспечении промышленной безопасности в ходе реализации "регуляторной гильотины" / Н. В. Ковалева, С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 1. – С. 113-117. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-1-113-117. – EDN GMRQSC; Шеншин, В. М. Применение механизма "регуляторной гильотины" при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 178-186. – EDN NSTITU.

⁸Арутюнян, Т. И. Официальные интернет-сайты ФСБ России и Росгвардии как инструмент общественного антикоррупционного контроля (сравнительно-правовой анализ) / Т. И. Арутюнян, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 1(270). – С. 32-40. – EDN LYDNCR; Шеншин, В. М. Особенности осуществления государственного контроля и надзора в административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 1(270). – С. 89-96. – EDN UJCGYV.

⁹Летуновский В.В. От сплошного надзора к умному контролю // Государственная служба - 2020. Т. 22. № 3. С. 7

¹⁰Шеншин, В. М. Совершенствование нормативно-правового регулирования контроля, осуществляемого Росгвардией, над деятельностью частных охранных организаций / В. М. Шеншин, Р. Р. Фаисханов // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 52-54. – EDN UPNRQJ.

¹¹Уманская В.П. Современные направления развития законодательства в сфере контроля и надзора // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Мартынов – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019 – С. 117

¹²Гришюков А.А. Административная реформа в Российской Федерации: истоки, современное состояние, перспективы // Труды Института государства и права РАН - 2020 - Т. 15. № 2 - С. 135; Шеншин, В. М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургского юридического академии. – 2020. – № 4(49). – С. 109-114. – EDN YOTAZE; Назарова, И. С. К вопросу нормативно-правового регулирования контроля (надзора) в сфере оборота оружия / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 12(269). – С. 19-25. – EDN AQBJCA.

¹³Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 29.12.2025 года) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС Гарант

¹⁴Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года // СПС Гарант

¹⁵Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 января 2019 г. № 20-р «План мероприятий «Трансформация делового климата» // СПС Гарант

¹⁶Мифтахов Р.Л. Административная реформа контрольно-надзорной деятельности // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия - 2020 - Т. 16 - С. 84

мениям как в предпринимательской деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, так и в ходе проведения контрольно-надзорных мероприятий¹. Дисбаланс в данной сфере деятельности органов исполнительной власти и органов местного управления вносит и большой массив принимаемых органами власти подзаконных актов управления по вопросам контрольно-надзорной деятельности (ежегодный прирост ведомственных актов достигает почти 50%). Ряд административных регламентов, принятые в субъектах Российской Федерации, противоречат федеральному законодательству. Более чем в 25 субъектах Российской Федерации административные регламенты были оспорены. Все это подразумевает создание практики избыточного контроля и надзора, осуществляемого соответствующими органами управления². Вместе с тем, следует отметить, что при достаточно большом массиве региональных актов управления в данной сфере общественных отношений, ведомственные акты, уточняющие контрольно-надзорные мероприятия, принимаются с большим запозданием³. Это накладывает определенный дисбаланс при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий органами государственной власти и местного самоуправления, а в ряде случаев может привести и к нарушению законности при осуществлении этих мероприятий⁴.

Таким образом, в завершении данной статьи следует констатировать, что контрольно-надзорная деятельность является важной функцией государства⁵. Она не отделима от других элементов государственного управления. Все это предполагает дальнейшую оптимизацию данных полномочий органов управления, и в первую очередь правовое обеспечение их контрольно-надзорной деятельности.

Список литературы

1. Шеншин, В. М. О контроле и надзоре за обеспечением войсками национальной гвардии Российской Федерации общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 12(341). – С. 24-33. – EDN WTCZPW.
2. Назарова, И. С. Тенденция усиления Росгвардией контроля за оборотом оружия / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4(232). – С. 120-123. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_4_120. – EDN QUAVDP.
3. Шеншин, В. М. Федеральный государственный контроль (надзор) Росгвардии за соблюдением законодательства / В. М. Шеншин // Теория государства и права. – 2024. – № 2-1(37). – С. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE.
4. Шеншин, В. М. О месте и роли Росгвардии в системе осуществления федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 1(306). – С. 123-128. – EDN IENXCI.
5. Дитрих, Д. К. «Регуляторная гильотина» как направление реформирования строительного контроля / Д. К. Дитрих, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8(224). – С. 232-235. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_232. – EDN JKAFHA.
6. Назарова, И. С. Актуальные теоретико-прикладные аспекты нормативной регламентации функции Росгвардии по контролю в сфере оборота оружия / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6(222). – С. 41-44. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_6_41. – EDN BAGVNO.
7. Гришовец А.А. Административная реформа в Российской Федерации: истоки, современное состояние, перспективы // Труды Института государства и права РАН - 2020 - Т. 15. № 2 - С. 135
8. Гречкина О.В. Модернизация контрольно-надзорной и регуляторной деятельности органов государственной власти: приоритетные направления // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Мартынов – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019 – С. 105
9. Зубарев С.М. О некоторых проблемах правового обеспечения реформы контрольной и надзорной деятельности // Законодательство 2020 - № 8 - С. 39
10. Зырянов С.М. Теоретические проблемы законодательства о контрольно-надзорной деятельности // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Мартынов – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019 – С. 110
11. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2007. № 9. С. 4-5
12. Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021
13. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С. 150-158
14. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 104-110
15. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации // В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48
16. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107
17. Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве // Мир экономики и права. 2015. № 6. С. 83-87
18. Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165
19. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России // Мир юридической науки. 2013. № 12. С. 4-13
20. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика // Монография. Санкт-Петербург, 2011
21. Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С. 227-228
22. Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007
23. Летуновский В.В. От сплошного надзора к умному контролю // Государственная служба - 2020. Т. 22. № 3 - С. 7
24. Мифтахов Р.Л. Административная реформа контрольно-надзорной деятельности // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия - 2020 - Т. 16 - С. 84
25. Уманская В.П. Современные направления развития законодательства в сфере контроля и надзора // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Мартынов – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019 – С. 117
26. Шепелев Д. В. Проблемы повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации в контексте реализации функций государства // Право и государство: теория и практика – 2019 - № 7 - С. 5
27. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Аналитический доклад - 2019 / под ред. С. М. Плаксина. М.: НИУ ВШЭ, 2020 - С. 65
28. Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGG.
29. Ковалева, Н. В. Обзор ключевых изменений в правовом режиме промышленной безопасности в связи с "регуляторной гильотиной" контрольно-надзорной деятельности / Н. В. Ковалева, С. Б. Немченко, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 156-162. – DOI 10.24412/2073-0454-2022-1-156-162. – EDN DYRKRA.
30. Шеншин, В. М. Об исполнении обязательных требований, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий, иных разрешений, аккредитации осуществляемых Федеральной службы войск национальной гвардии российской Федерации / В. М. Шеншин // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 108-113. – EDN CCZIZG.
31. Ковалева, Н.В. Регламентация контрольно-надзорной деятельности при обеспечении промышленной безопасности в ходе реализации "регуляторной гильотины" / Н.В. Ковалева, С.Б. Немченко, В.М. Шеншин // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. – С. 113-117. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-1-113-117. – EDN GMRQSC.
32. Шеншин, В. М. Применение механизма "регуляторной гильотины" при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин //

¹Зубарев С.М. О некоторых проблемах правового обеспечения реформы контрольной и надзорной деятельности в России // Законодательство - 2020 - № 8 - С. 39

²Зырянов С.М. Теоретические проблемы законодательства о контрольно-надзорной деятельности // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Мартынов – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019 – С. 110

³Гречкина О.В. Модернизация контрольно-надзорной и регуляторной деятельности органов государственной власти: приоритетные направления // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Мартынов – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2019 – С. 105

⁴Шепелев Д. В. Проблемы повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации в контексте реализации функций государства // Право и государство: теория и практика – 2019 - № 7 - С. 5

⁵Шеншин, В. М. Правовое регулирование общественного контроля в сфере деятельности войск национальной / В. М. Шеншин // Военное право. – 2020. – № 6(64). – С. 133-139. – EDN YNGNSA.

Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 178-186. – EDN NSTITU.

33. Арутюнян, Т. И. Официальные интернет-сайты ФСБ России и Росгвардии как инструмент общественного антикоррупционного контроля (сравнительно-правовой анализ) / Т. И. Арутюнян, И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 1(270). – С. 32-40. – EDN LYDNCR.

34. Шеншин, В. М. Особенности осуществления государственного контроля и надзора в административно-юрисдикционной деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 1(270). – С. 89-96. – EDN UJCGYV.

35. Шеншин, В. М. Совершенствование нормативно-правового регулирования контроля, осуществляемого Росгвардией, над деятельностью частных охранных организаций / В. М. Шеншин, Р. П. Фаисханов // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 52-54. – EDN UPNRQJ.

36. Шеншин, В. М. Правовое регулирование общественного контроля в сфере деятельности войск национальной / В. М. Шеншин // Военное право. – 2020. – № 6(64). – С. 133-139. – EDN YNGNSA.

37. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 4(49). – С. 109-114. – EDN YOTAZE.

38. Назарова, И. С. К вопросу нормативно-правового регулирования контроля (надзора) в сфере оборота оружия / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 12(269). – С. 19-25. – EDN AQBJCA.

39. Назарова, И. С. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки / И. С. Назарова, К. В. Шевченко, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 7(223). – С. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_40. – EDN OBKOYM.

40. Шеншин, В. М. О планируемых новых гарантиях участникам специальной военной операции / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 10(327). – С. 27-31. – EDN MWIQHN.

41. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах предоставления льгот, налоговых вычетов для военнослужащих, мобилизованных - участников специальной военной операции, а также военных пенсионеров и ветеранов боевых действий / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 9(326). – С. 50-53. – EDN UFTKTR.

References

1. Shenshin, V. M. On the control and supervision of the provision of public security by the troops of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 12(341). – Pp. 24-33. – EDN WTCZPW.

2. Nazarova, I. S. The tendency for the Russian Guard to strengthen control over arms trafficking / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 4(232). – Pp. 120-123. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_4_120. – EDN QUAVDP.

3. Shenshin, V. M. Federal State control (supervision) Rosgvardiya for compliance with legislation / V. M. Shenshin // Theory of the state and law. – 2024. – № 2-1(37). – Pp. 287-298. – DOI 10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_287. – EDN JHCRKE.

4. Shenshin, V. M. On the place and role of the Rosgvardiya in the system of federal state control (supervision) over the activities of security divisions of legal entities with special statutory tasks and departmental security units / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 1(306). – Pp. 123-128. – EDN IEHCXI.

5. Dietrich, D. K. "Regulatory guillotine" as a direction for reforming construction control / D. K. Dietrich, V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 8(224). – Pp. 232-235. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_8_232. – EDN JKAFHA.

6. Nazarova, I. S. Actual theoretical and applied aspects of the regulatory regulation of the Rosgvardiya function for control in the sphere of arms trafficking / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 6(222). – Pp. 41-44. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_6_41. – EDN BAGVNO.

7. Grishkovets A.A. Administrative reform in the Russian Federation: origins, current state, prospects // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences - 2020 - Vol. 15. No. 2 - p. 135

8. Grechkina O.V. Modernization of control, supervisory and regulatory activities of public authorities: priority areas // Actual issues of control and supervision in socially significant spheres of society and the state: materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. by A.V. Martynov – N. Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2019 – p. 105

9. Zubarev S.M. On some problems of legal regulation ensuring the reform of control and supervisory activities in Russia // Legislation - 2020 - No. 8 - p. 39

10. Zyryanov S.M. Theoretical problems of legislation on control and supervisory activities // Actual issues of control and supervision in socially significant spheres of society and the state: materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. by A.V. Martynov – N. Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2019 – p. 110

11. Kainov V.I. The Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of separation of powers: theoretical and legal aspect // History of the State and law. 2007. No. 9. P.4-5

12. Kainov V.I., Safarov R.A. Administrative law of foreign countries. Moscow, 2021

13. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Judicial control over the activities of executive authorities // Legal science: history and modernity. 2019. No. 5. pp.150-158

14. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses // Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. pp.104-110

15. Kainov V.I. Legal acts of the executive authorities of the Russian Federation // In the collection: Hospitable Petersburg-2018. Collection of materials of the International Scientific and practical Conference. 2018. pp. 39-48

16. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Issues of optimization of administrative and legal regulation of the provision of electronic public services // The world of politics and sociology. 2019. No. 7. pp. 97-107

17. Kainov V.I. Development of domestic legislation on administrative proceedings // The world of economics and law. 2015. No. 6. pp. 83-87

18. Kainov V.I., Kapustin A.A. The international aspect of administrative justice (a systematic approach) // The legal field of modern economics. 2015. No. 1. pp. 157-165

19. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some methodological problems of modern jurisprudence in Russia // The world of legal science. 2013. No.12. pp. 4-13

20. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Institute of Banking Secrecy in the Russian Federation: history, theory and practice // monograph. St. Petersburg, 2011

21. Kainov V.I. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (28-2). 2005. pp.227-228

22. Kainov V.I. Administrative responsibility: an album of diagrams-an educational and visual aid. Moscow, 2007

23. Letunovsky V.V. From continuous supervision to smart control // Civil Service - 2020. Vol. 22. No. 3 - p. 7

24. Mitfakhov R.L. Administrative reform of control and supervisory activities // Scientific notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice - 2020 - Vol. 16 - P. 84

25. Umanskaya V.P. Modern trends in the development of legislation in the field of control and supervision // Actual issues of control and supervision in socially significant spheres of society and the state: materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. by A.V. Martynov – N. Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2019 – P. 117

26. Shepelev D. V. Problems of increasing the effectiveness of control and supervisory activities in the Russian Federation in the context of the implementation of state functions // Law and the state: theory and practice - 2019 - No. 7 – p. 5

27. Control and supervisory and licensing activities in the Russian Federation. Analytical Report - 2019 / edited by S. M. Plaksin. Moscow: Higher School of Economics, 2020, p. 65

28. Shenshin, V. M. On the issue of reforming control and supervisory activities in the field of protection of the population and territories from emergencies / V. M. Shenshin // Lex Russica (Russian Law). – 2022. – Vol. 75, No. 8(189). – pp. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.

29. Kovaleva, N. V. Review of key changes in the legal regime of industrial safety in connection with the "regulatory guillotine" of control and supervisory activities / N. V. Kovaleva, S. B. Nemchenko, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1. – pp. 156-162. – DOI 10.24412/2073-0454-2022-1-156-162. – EDN DYKRKA.

30. Shenshin, V. M. On the fulfillment of mandatory requirements, the assessment of compliance with which is carried out within the framework of state control (supervision), bringing to administrative responsibility, granting licenses, other permits, and accreditation of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Legal Science: history and Modernity. – 2022. – No. 12. – pp. 108-113. – EDN CCZIZG.

31. Kovaleva, N. V. Regulation of control and supervisory activities in ensuring industrial safety during the implementation of the "regulatory guillotine" / N. V. Kovaleva, S. B. Nemchenko, V. M. Shenshin // Bulletin of Economic Security. – 2022. – No. 1. – pp. 113-117. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-1-113-117. – EDN GMRQSC.

32. Shenshin, V. M. The use of the "regulatory guillotine" mechanism in reforming the control and supervisory activities of the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2021. – No. 1. – pp. 178-186. – EDN NSTITU.

33. Harutyunyan, T. I. Official websites of the FSB of Russia and Rosgvardiya as a tool of public anti-corruption control (comparative legal analysis) / T. I. Harutyunyan, I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2020. – № 1(270). – Pp. 32-40. – EDN LYDNCR.

34. Shenshin, V. M. Features of state control and supervision in the administrative and jurisdictional activities of the Russian Guard / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2020. – № 1(270). – Pp. 89-96. – EDN UJCGYV.

35. Shenshin, V. M. Improving the regulatory and legal regulation of control carried out by the Rosgvardiya over the activities of private security organizations / V. M. Shenshin, R. R. Faikhanov // Russian Justice. – 2020. – No. 9. – pp. 52-54. – EDN UPNRQJ.

36. Shenshin, V. M. Legal regulation of public control in the sphere of activity of the national troops / V. M. Shenshin // Military law. 2020. – № 6(64). – Pp. 133-139. – EDN YNGNSA.

37. Shenshin, V. M. On some issues of interdepartmental interaction between the Ministry of Internal Affairs of Russia and Rosgvardiya in the implementation of control and supervisory activities over arms trafficking / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. – 2020. – № 4(49). – Pp. 109-114. – EDN YOTAZE.

38. Nazarova, I. S. On the issue of regulatory regulation of control (supervision) in the sphere of arms trafficking / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military legal review. – 2019. – № 12(269). – Pp. 19-25. – EDN AQBJCA.

39. Nazarova, I. S. On an integrated approach to the legal regulation of the provision of state support measures to participants in a special military operation / I. S. Nazarova, K. V. Shevchenko, V. M. Shenshin // Agrarian and Land law. – 2023. – № 7(223). – Pp. 40-42. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_7_40. – EDN OBKOYM.

40. Shenshin, V. M. On planned new guarantees for participants in a special military operation / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 10(327). – Pp. 27-31. – EDN MWIQHN.

41. Shenshin, V. M. On some issues of granting benefits, tax deductions for military personnel, mobilized participants in a special military operation, as well as military pensioners and combat veterans / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 9(326). – Pp. 50-53. – EDN UFTKTR.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_910

УДК 349.3

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

FEATURES OF THE APPLICATION OF LABOR LEGISLATION IN REGULATING THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF CIVIL SERVANTS

ЕРЕМИН Виталий Валентинович,доцент кафедры трудового права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская область, 410056, Россия.

E-mail: eremin.trud@yandex.ru

EREMIN Vitaly Valentinovich,Associate Professor of the Department of Labor Law, Saratov State Law Academy,
Chernyshevsky str., 104, Saratov, Saratov Region, 410056, Russia.

E-mail: eremin.trud@yandex.ru

Краткая аннотация: В теории и практике служебного права часто возникают вопросы субсидиарного применения норм трудового и административного законодательства. Основная цель настоящего исследования – определение возможности и способов применения норм трудового права при регулировании профессиональной служебной деятельности государственных служащих. Анализ соотношения норм трудового и административного отраслей права позволил сделать выводы о необходимости оптимизации правового регулирования служебных правоотношений. Корректное заимствование понятий и четкое обозначение границ применения норм трудового права следует рассматривать продуктивным механизмом достижения поставленной цели.

Abstract: In the theory and practice of service law, there are often issues related to the subsidiary application of labor and administrative legislation. The main goal of this study is to determine the possibility and methods of applying labor law norms in regulating the professional service activities of civil servants. The analysis of the relationship between labor and administrative law norms has led to the conclusion that there is a need to optimize the legal regulation of service relations. The correct borrowing of concepts and the clear definition of the boundaries for the application of labor law norms should be considered as a productive mechanism for achieving this goal.

Ключевые слова: служебное право, государственная служба, служебно-трудовые отношения, государственные служащие, профессиональная служебная деятельность, субсидиарное применение норм права.

Keywords: service law, public service, labor relations, civil servants, professional service activities, and subsidiary application of legal norms.

Статья поступила в редакцию: 24.10.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Следствием объективной потребности применения трудового законодательства в сфере правоотношений профессиональной служебной деятельности государственных служащих (далее – служебная деятельность) стало возникновение служебного права как подотрасли административного права [17] при одновременном влиянии трудового права. Комплексность правового регулирования нормами трудового и административного права является спецификой данных правоотношений, но дискуссионность вопроса о приоритете той или иной отрасли права сохраняет актуальность до настоящего времени [2, с. 229]. Одновременное существование трудовых и административных правоотношений в служебной деятельности (при условии различного характера применяемых отраслей права: административного как публичного и трудового права как частно-публичного) привело к появлению компромиссных понятий «служебно-трудовые отношения», «служебно-трудовая деятельность».

Нормы трудового права применяются не только к трудовым отношениям, но и к другим правоотношениям, предметом которых является применение труда. Статья 11 ТК РФ (ч. 7), определяя сферу действия трудового законодательства, закрепляет положение, позволяющее распространять действие трудового законодательства на государственных служащих с особенностями законодательства о государственной службе. Аналогичный порядок предусмотрен специальными нормативными актами в административном праве, что содержится в основополагающем Законе о системе государственной службы РФ [10, ч. 4 ст. 10] и в ряде других специальных законах в зависимости от видов службы.

Специальное законодательство прежде всего ориентировано на особенности прохождения службы государственными служащими, а нормы трудового законодательства обеспечивают полноту правового регулирования служебной деятельности в установленных случаях. Особенность соотношения норм трудового и административного законодательства проявляется в применении служебным законодательством заимствованных в трудовом праве терминов либо правовых положений в субсидиарном порядке с использованием отсылочных норм. Механизм такого взаимодействия необходимо рассматривать через призму отраслевых понятий, обозначающих отличные друг от друга сферы применения труда.

Один из приемов юридической техники – использование в служебном праве терминов, заимствованных из трудового законодательства – не всегда обоснован. Возможны варианты, когда термины могут не совпадать по смысловому значению вследствие отраслевых различий понятийного содержания или в случаях взаимного использования тождественных понятий. Понятийный аппарат любой отрасли права – это официальные смысловые стандарты, позволяющие сформировать юридический язык конкретной отрасли права. Данное утверждение основывается на следующих системообразующих понятиях.

Трудовое право оперирует понятием «профессиональная деятельность» [18, ст. 15], в административном праве используется понятие «профессиональная служебная деятельность» [10, ст. 4]. При этом, как полагает Э.С. Карпов, «трудовые отношения определяются путем пере-

числения их признаков, относящихся к взаимодействию работника и работодателя (частноправовой аспект), а определение государственной службы выражается через реализацию полномочий публично-правовых образований и государственных органов (публичноправовой аспект)». Однако автор считает очевидным сходство перечисленных признаков трудовых отношений с признаками государственной службы, вследствие чего соглашается с мнением Л.А. Чикановой о тождественности понятий «трудовая деятельность работников» и «профессиональная служебная деятельность государственных служащих» [4, с. 54], что является спорным мнением с точки зрения юридического содержания понятий двух обозначенных отраслей права.

Субъектами трудовых отношений являются работник и работодатель, они же являются сторонами трудового договора [18, ст. 20, ст. 56]; субъектами служебных отношений признаются государственные служащие и наниматель (РФ или субъект РФ), являющиеся сторонами служебного контракта [10, ст. 10].

Не смотря на очевидное различие субъектного состава правоотношений в специальном административном законодательстве работниками могут называться в том числе государственные служащие, а работники выступать в качестве «сотрудников» (термин, преобладающий в административном праве и не используемый трудовым правом). Так, Закон о прокуратуре РФ применяет понятие «трудовые отношения», в которых с прокурорскими работниками заключаются трудовые договоры [9, ст. 40, ч. 3 ст. 40.1.]. Это положение представляется не логичным, так как, по смыслу Закона о системе государственной службы РФ [10, ст. 2], служба в органах и организациях прокуратуры отнесена к иному виду государственной службы. Соответственно прокурорские работники, имеющие статус государственных служащих и состоящих в служебных отношениях, должны заключать служебные контракты. Другой пример: Законом о федеральной службе безопасности определяется порядок комплектации органов федеральной службы безопасности военнослужащими и гражданским персоналом, состоящим из федеральных государственных гражданских служащих и работников. В то же время работники, назначенные на должности военнослужащих, признаются сотрудниками [15, ст. 16]. Обозначение неравнозначных по своему отраслевому содержанию категорий субъектов единым понятием «гражданский персонал», несомненно вызовет вопросы при реализации ряда норм, направленных на установление условий профессиональной деятельности, предоставления мер социальной и иной поддержки (пенсий, пособий, материальной помощи, жилья и т.п.).

Причинами подобных нормативных коллизий является историческое законодательное наследие. Правовой статус советских государственных служащих устанавливался в основном нормами трудового права [6, с. 59]. Естественный процесс размежевания норм трудового и административного права в сфере регулирования профессиональной деятельности привел к конкретизации отраслевых понятий и их разделению. В то же время нормы административного права, регулирующие деятельность государственных служащих и существовавшие до принятия в 2003 году Закона о системе государственной службы РФ [10], в отдельных случаях сохранили прежнее содержание понятий и терминов трудового права и не претерпели изменений в настоящий период, что все же не означает возможность автоматического применения норм трудового права к служебной деятельности. Надо полагать, что приведение в соответствие большей части подзаконных ведомственных актов (в частности органов прокуратуры РФ), оперирующих терминами трудового права для обозначения служебной деятельности, весьма проблематично вследствие их большого количества.

Подобные и иные варианты некорректного заимствования административным правом нормативных терминов из трудового права являются причиной возникновения неразрешимых споров о тождественности трудовых и служебных правоотношений. По мнению Н.В. Кешиковой, «как показывает законодательная и судебная практика, регулирование служебно-трудовых отношений все-таки выходит за рамки предмета трудового права» [5, с. 29], что представляется весьма оправданным.

Другой вариант заимствования связан с применением специальным законодательством тождественных юридических понятий, совпадающие по смысловому содержанию с понятиями трудового права, является неизбежным и оптимальным. Наиболее распространенный пример – включение в перечень дисциплинарных взысканий таких мер наказания, как замечание, выговор и применение отдельных оснований дисциплинарного характера при расторжении контракта (прогула, появления на работе в состоянии алкогольного опьянения, хищения и др.), аналогичные меры, предусмотрены ст. 192 ТК РФ. В подобных случаях при принятии решения, издании приказа, внесении записи в трудовую книжку к государственным служащим применяются специальные нормы, так как основанием ответственности, по мнению специалистов должен рассматриваться не дисциплинарный, а должностной проступок [1, с. 82]. Данные ситуации в науке и в правоприменительной практике могут рассматриваться как коллизии права. По мнению Е.И. Иванова, проводившего сравнительный анализ отдельных положений административных и трудовых норм, «разрешение ... коллизии возможно через определение отраслевой принадлежности норм, регулирующих служебные отношения, их взаимодействия с нормативными предписаниями трудового права». В результате им сделан вывод о том, что «собственно служебные отношения, обладая отличным предметом, подлежат регулированию нормами административного права» [3, с. 136-137], следовательно спор о коллизии норм двух смежных отраслей права в подобных случаях не продуктивен.

Применение норм трудового права при отсутствии норм административного права осуществляется также путем включения *отсылочных норм* в специальное законодательство. Возможность субсидиарного применения норм трудового законодательства при регулировании государственной служебной деятельности не противоречит принципам служебных отношений и обосновывается, в том числе, материалами судебной практики [16]. Специальное законодательство содержит отсылочные нормы обратной направленности по отношению к ст. 11 ТК РФ. Конструктивно такие нормы можно разделить на две группы: указывающие на трудовое законодательство и указывающие в общем на законодательство РФ.

Примерами прямой ссылки на трудовое законодательство являются условия прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел (ОВД), в т.ч. полиции, и сотрудников следственного комитета (СК). Указание о распространении трудового законодательства на сотрудников

полиции в части, не урегулированной законодательством РФ содержится в Законе о полиции [8, ч. 2 ст. 34]; а также в Законе о службе в органах внутренних дел РФ по отдельным вопросам, связанным со службой в ОВД, и на стажера ОВД [12, ч. 2 ст. 3, ч. 4 ст. 24]. К сотрудникам СК применяется трудовое законодательство с особенностями специального закона, в том числе при увольнении [11, ч. 3 ст. 15, ч. 2 ст. 30]. Это можно считать самым эффективным способом комплексного соотношения и применения норм двух отраслей права.

Общая ссылка на «законодательство РФ» не указывает на конкретный вид отраслевого законодательства. Например, общая ссылка используется при установлении права сотрудника таможенного органа на другие отпуска, т.е. кроме основного отпуска [13, ст. 40]; при предоставлении отпуска за ненормированный рабочий день военнослужащему органов ФСБ [15, ч. 4 ст. 16.1.]. Неопределенность правовых границ в подобных случаях позволяет давать необоснованно широкое толкование норм права.

В правилах нормативного регулирования существует юридическая конструкция, при которой отсутствует явно выраженное допущение применения норм трудового права в конкретных служебных правоотношениях в определенных видах государственной службы. Возможно, законодатель ограничивается правилом статьи 11 ТК РФ, не считая необходимым устанавливать правила обратной направленности, как это было рассмотрено в предыдущих примерах.

Так, глава 41. ТК РФ устанавливает особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями, определяя гарантии прав данных лиц при переводе на другую работу беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет; при предоставлении отпусков по беременности и родам, по уходу за ребенком, при усыновлении ребенка; предоставлении перерыва для кормления ребенка и др. Данные нормы могут применяться и в тех случаях, когда нет отсылочных норм в специальном законодательстве, например, Закон о государственной гражданской службе, где указывается лишь условие прохождения гражданским служащим аттестации при нахождении в отпуске по беременности и родам, но не содержится условия о предоставлении такого отпуска [7, ч. 8 ст. 48]. Очевидность реализации права на материнство государственными служащими при отсутствии специальных отсылочных норм не исключает необходимости уточнения с целью недопущения двусмысленности толкования норм права. Согласно ч. 8 ст. 11 ТК РФ «трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, не распространяются на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы». Данное правило не применяется к военнослужащим женского пола, так как Закон о статусе военнослужащих устанавливает для них право на отпуска по беременности и родам, по уходу за ребенком в порядке, определяемом «федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ» [14, 13 ст. 11].

Рассмотренные варианты соотношения норм трудового и специального административного законодательства позволяют сформулировать выводы, имеющие теоретическое и практическое значение.

Применение в служебном праве терминов, заимствованных из трудового права, допустимо при условии сохранения их смыслового юридического содержания. Несоблюдение требования о единообразии применения понятийного аппарата различными отраслями права в определенных случаях неизбежно приводит к возникновению неразрешимых споров. Снижение напряженности противостояния в вопросах приоритета норм той или иной отрасли права в служебных правоотношениях возможно только при условии тождественности используемых терминов и понятий двух отраслей права, имеющих сходные предметы правового регулирования, но отличающихся по сферам применения.

Наиболее эффективным способом субсидиарного применения норм трудового права при регулировании служебной деятельности следует признать точное их указание в специальном законодательстве. Юридическая конструкция, предполагающая использование отсылочных положений, имеющих общее указание на законодательство РФ, в ряде случаев нуждается в конкретизации отраслевой принадлежности норм с целью устранения возникающих и возможных противоречий в правоприменении.

Список литературы:

1. Бобракова Н.В., Сухомлинова Л.А. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих органов управления транспортом // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 1 (59). С. 79-86.
2. Ведашкин С.В., Трынченко Н.А., Лукин А.М. К вопросу о соотношении норм трудового и административного права в сфере регулирования организации и прохождения государственной гражданской службы РФ // В сборнике: Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей X Международной научно-практической конференции : в 2-х ч. 2018. С. 228-232.
3. Иванов Е.И. К вопросу об отраслевой принадлежности норм, регулирующих служебные отношения // В сборнике: Проблемы реформирования российской государственности. Материалы XIII Всероссийской конференции студентов и молодых ученых. 2018. С. 135-138.
4. Карпов Э. С. Вопросы соотношения административного и трудового права в правовом регулировании государственной службы Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3(60). С. 52-57.
5. Кешикова Н.В. Реформирование государственной службы и служебно-трудовые отношения // Глаголь правосудия. 2016. № 1 (11). С. 25-31.
6. Короткова О.А., Соколов И.С. Правовые основы государственной службы в советском государстве // Закон и право. 2019. № 2. С. 57-59.
7. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. ст. 3215; Российская газета. 2025. 3 окт.
8. О полиции: Федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2025. № 14. Ст. 1574.
9. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 2025. № 6. Ст. 408.
10. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; 2025. № 28. Ст. 3852.
11. О Следственном комитете Российской Федерации: Федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15; 2025. № 14. Ст. 1574.
12. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020; 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4954.
13. О службе в таможенных органах Российской Федерации: Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3586; 2023. № 51. Ст. 9167.
14. О статусе военнослужащих: Федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331; 2025. № 28. Ст. 3844.
15. О федеральной службе безопасности: Федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 15. Ст. 1269; 2025. № 14. Ст. 1574.

16. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба): [утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 15 нояб. 2017 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 10.
17. Стариков Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... доктора. юрид. наук. Воронеж, 1996. – 37 с.
18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2025. № 40. Ст. 5819.

References:

1. Bobrakova N.V., Sukhomlinova L.A. Disciplinary Responsibility of State Civil Servants of Transport Management Bodies // Leningrad Law Journal. 2020. No. 1 (59). Pp. 79-86.
2. Vedyashkin S.V., Trichenkov N.A., Lukin A.M. On the Correlation of Labor and Administrative Law Norms in the Regulation of the Organization and Performance of the State Civil Service of the Russian Federation // In the Collection: Fundamental and Applied Scientific Research: Current Issues, Achievements, and Innovations. Collection of Articles from the 10th International Scientific and Practical Conference: in 2 Parts. 2018. Pp. 228-232.
3. Ivanov E.I. On the issue of the sectoral affiliation of the norms regulating official relations // In the collection: Problems of Reforming Russian Statehood. Materials of the XIII All-Russian Conference of Students and Young Scientists. 2018. Pp. 135-138.
4. Karpov E.S. Issues of the Correlation of Administrative and Labor Law in the Legal Regulation of the State Service of the Russian Federation // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2021. No. 3(60). Pp. 52-57.
5. Keshikova N.V. Reforming the Civil Service and Labor Relations // Glagol of Justice. 2016. No. 1 (11). Pp. 25-31.
6. Korotkova O.A., Sokolov I.S. Legal Foundations of Public Service in the Soviet State // Law and Law. 2019. No. 2. Pp. 57-59.
7. About the State Civil Service of the Russian Federation: Feder. Law No. 79-FZ of July 27, 2004 (as amended on 09/29/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 31. art. 3215; Rossiyskaya gazeta. 2025. October 3.
8. About the police: Feder. Law No. 3-FZ of February 7, 2011 (as amended on 07/31/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Article 900; 2025. No. 14. Article 1574.
9. About the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Feder. Law No. 2202-1 of January 17, 1992 (as amended on 02/03/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Article 4472; 2025. No. 6. Article 408.
10. On the System of Public Service in the Russian Federation: Federal Law No. 58-FZ of May 27, 2003 (as amended on July 7, 2025) // Collection of Laws of the Russian Federation. 2003. No. 22. Article 2063; 2025. No. 28. Article 3852.
11. About the Investigative Committee of the Russian Federation: Feder. Law No. 403-FZ of December 28, 2010 (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Article 15; 2025. No. 14. Article 1574.
12. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Feder. Law No. 342-FZ of November 30, 2011 (as amended on December 28, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 49 (Part 1). Article 7020; 2024. No. 33 (Part I). Article 4954.
13. About service in the customs authorities of the Russian Federation: Feder. Law No. 114-FZ of July 21, 1997 (as amended on 02.26.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 30. Art. 3586; 2023. No. 51. Art. 9167.
14. On the status of military personnel: Feder. Law No. 76-FZ of May 27, 1998 (as amended on 07.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 22. Art. 2331; 2025. No. 28. Art. 3844.
15. About the Federal Security Service: Feder. Law No. 40-FZ of April 3, 1995 (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 15. Art. 1269; 2025. No. 14. Art. 1574.
16. Review of the practice of court review of cases on disputes related to the service of federal civil servants (employees of internal affairs bodies, employees of the penal enforcement system, employees of the Investigative Committee of the Russian Federation, employees of other bodies in which federal public service is provided): [approved by the Government of the Russian Federation. The Presidium of the Upper Classes. The court grew. Of the Russian Federation on November 15, 2017] // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 10.
17. Starilov Yu.N. Public service in the Russian Federation: theoretical and legal research: abstract of the dissertation ... The doctors. jurid. sciences. Voronezh, 1996. – 37 p.
18. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on September 29, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Article 3; 2025. No. 40. Article 5819.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС» THE CURRENT ISSUES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT ORGANIZATION IN THE FEDERAL TERRITORY OF SIRIUS

КАН Клим Александрович

аспирант кафедры административного права Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Генеральный директор ООО «АМС Групп»
119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13
E-mail: klim.kan@mail.ru

KAN Klim Alexandrovich,

postgraduate student at the Lomonosov Moscow State University, Law Faculty,
Department of Administrative Law, General Director of AMS Group LLC
1 Leninskie gory st., Moscow, 119991, Russia
E-mail: klim.kan@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу проблем построения системы местного самоуправления в федеральной территории «Сириус». Автор приходит к выводу о наличии пробелов правового регулирования в данной сфере, в частности, отсутствия регламентации отрешения и освобождения от должности главы администрации федеральной территории. Также в статье рассматриваются вопросы участия органов местного самоуправления города-курорта Сочи в управлении федеральной территорией.

Abstract. This article identifies and analyzes the challenges of building a local government system in the Sirius federal territory. The author concludes that there are gaps in legal regulation in this area, specifically the lack of regulations governing the removal and dismissal of the head of the federal territory's administration. The article also examines the participation of local government bodies in the resort city of Sochi in the governance of the federal territory.

Ключевые слова: федеральная территория, местное самоуправление, орган публичной власти, орган местного самоуправления.

Keywords: federal territory, local government, public authority, local government body.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Федеральная территория, как и муниципальное образование, является одним из неотъемлемых, структурообразующих элементов организации публичной власти в России. В свою очередь правильное и эффективное функционирование системы органов публичного управления неизбежно зависит от согласованного и гармоничного взаимодействия всех уровней данной системы.

Определение места федеральной территории в системе публичных управленческих отношений в России невозможно без рассмотрения актуальных вопросов организации местного самоуправления в федеральной территории. В пользу данного утверждения говорят положения статьи 2 Федерального закона «О федеральной территории «Сириус» [1] (далее – Закон о федеральной территории), в соответствии с которыми функции местного самоуправления возложены в целом на органы власти федеральной территории.

А.В. Колесников справедливо отмечает, что между статусом федеральных территорий в России и зарубежных странах есть существенные различия [2, с. 303]. Действительно, если в большинстве зарубежных стран федеральные территории выполняют столичные функции и управляются напрямую центральными органами управления, то в России федеральные территории представляют собой гибрид государственной власти и местного самоуправления. Этим и обусловлен интерес ученых к исследованию статуса федеральных территорий в отечественном законодательстве, наблюдаемый в последние годы.

Анализ действующего законодательства позволяет выявить следующие аспекты разрешения управленческих вопросов местного значения в федеральной территории:

- 1) разрешение вопросов местного значения самими органами федеральной территории;
- 2) разрешение вопросов местного значения в федеральной территории органами муниципального образования город-курорт Сочи;

Разрешение вопросов местного значения органами федеральной территории. Право органов федеральной территории на осуществление полномочий городского округа закреплено в части 5 статьи 8 Закона о федеральной территории. Как известно, право на местное самоуправление является одним из фундаментальных политических прав человека и гражданина. В юридической литературе нашло отражение мнение М.В. Маркина о том, что действующая регламентация деятельности органов федеральной территории ограничивает право на местное самоуправление, поскольку органы федеральной территории подменяют органы местного самоуправления [4, с. 71]. Представляется возможным не согласиться с этим мнением.

Во-первых, граждане, проживающие на федеральной территории, избирают большинство членов Совета федеральной территории – ее представительного органа, который, в свою очередь, назначает главу администрации Сириуса. Таким образом, граждане не лишены возможности принимать участие в формировании органов, осуществляющих местное самоуправление в Сириусе.

Во-вторых, почти все формы участия граждан в местном самоуправлении, отраженные в статье 42 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [5] (далее – Закон о местном самоуправлении), вступающего в силу в полном объеме 1 января 2027 года, нашли нормативно-правовое закрепление в статье 11 Закона о федеральных территориях. Это значит, что граждане имеют возможность участвовать в разрешении вопросов местного значения практически в тех же правовых формах, что и в муниципальных образованиях.

Наконец, право на местное самоуправление не относится к категории абсолютных субъективных прав, не подлежащих ограничению в

соответствии с конституционными положениями. Право на участие в разрешении местных вопросов вполне может быть ограничено федеральным законодателем в связи с необходимостью учета особенностей управления той или иной территорией. В свою очередь эти особенности обусловлены стратегическим значением различных территорий для общества и государства. Примером тому являются особые режимы осуществления местного самоуправления в городах федерального значения, а также в ЗАТО. Однако это полностью не исключает участие граждан в управлении той или иной территорией с особым режимом местного самоуправления.

Создание отдельной системы местного самоуправления в Сириусе не представляется целесообразным с учетом рационального использования управленческих (в том числе кадровых) ресурсов в силу небольшой площади данной федеральной территории. Возможно, если в России в дальнейшем будут созданы другие федеральные территории, которые будут иметь существенно большую площадь, одновременное функционирование органов публичной власти самих федеральных территорий и отдельных систем органов местного самоуправления действительно будет иметь практический смысл.

Одним из важнейших вопросов организации местного самоуправления в федеральной территории является определение статуса ее исполнительно-распорядительного органа, а также главы этого органа. И.Д. Исаев выделяет некоторые проблемы правового регулирования в данной сфере: отсутствие регламентации процедуры избрания Советом федеральной территории главы администрации федеральной территории, а также отнесение должности главы администрации не к муниципальным должностям, а к государственным должностям [6, с. 125].

Нельзя не согласиться с тем, что процедура избрания главы администрации федеральной территории должна быть регламентирована в Законе о федеральной территории. Однако, на наш взгляд, отнесение должности главы администрации к государственным должностям в соответствии с Указом Президента РФ «О государственных должностях Российской Федерации» [7] имеет не менее важное значение для организации местного самоуправления в федеральной территории.

Закон о местном самоуправлении предусматривает правовые формы обеспечения законности в деятельности главы местной администрации, в частности освобождение от занимаемой должности, отрешение, удаление в отставку представительным органом, ежегодные отчеты главы администрации перед представительным органом. Законом о федеральной территории (статья 14) в свою очередь предусмотрены такие основания досрочного прекращения полномочий главы администрации, как отрешение от должности Советом федеральной территории, а также освобождение от должности за нарушение антикоррупционных требований, запретов и ограничений.

При этом эти процедуры не подверглись регламентации, что может существенно затруднить их инициирование и реализацию на практике, если возникнут соответствующие правовые основания для их применения к главе администрации.

По нашему мнению, процедуры отрешения и освобождения от должности главы администрации Сириуса должны быть регламентированы в Законе о федеральной территории. В таком случае будет создана правовая основа для восстановления законности в публичном управлении федеральной территорией в случае нарушения главой администрации Сириуса действующего законодательства.

В рамках исследования разрешения местных вопросов в федеральной территории нельзя обойти вниманием экономические аспекты. Так, на Сириус возложены полномочия собственника муниципального имущества.

При этом сама федеральная территория не является муниципальным образованием, а в Законе о местном самоуправлении (статья 63) под муниципальным имуществом понимается именно имущество муниципальных образований. Таким образом очевидно, что сложилась определенная коллизийная ситуация.

Как известно, согласно конституционным положениям перечень видов собственности не является закрытым. Кроме прямо упомянутых разновидностей собственности уже существуют и иные – например, собственность государственных корпораций. В связи с этим, на наш взгляд, было бы логичным предусмотреть в Законе о федеральной территории собственность самой федеральной территории, а не подменять ее категорией «муниципальная собственность».

Альтернативой этому может служить коррекция определения категории «муниципальное имущество» в Законе о местном самоуправлении с целью закрепления возможности нахождения муниципального имущества в собственности федеральной территории. Однако это потребует внесения во множество иных нормативных правовых актов, в частности, в сфере бюджетного законодательства. Поэтому более рациональным и простым в реализации представляется вариант признания собственности федеральной территории в качестве отдельной разновидности права собственности на законодательном уровне.

Разрешение вопросов местного значения в федеральной территории органами муниципального образования город-курорт Сочи. Компетенция города Сочи в сфере местного самоуправления в федеральной территории имеет производный характер. В соответствии с частью 7 статьи 8 Закона о федеральной территории город-курорт Сочи осуществляет полномочия местного самоуправления в Сириусе только на основании соглашений о передаче полномочий.

На основе анализа соглашений о передаче полномочий между Сочи и Сириусом М.В. Маркин отмечает, что основные полномочия по решению местных вопросов в Сириусе переданы городу-курорту Сочи [5, с. 72]. Не оспаривая это замечание, мы считаем необходимым, в свою очередь, отметить следующее.

Анализ Закона о федеральной территории (в частности, Приложения 1 к нему, в котором обозначены границы Сириуса), а также Устава городского округа город-курорт Сочи [9] (далее – Устав Сочи) позволяет прийти к однозначному заключению о том, что Сириус не входит в состав территории Сочи. Вместе с тем, органы города-курорта Сочи осуществляют местное самоуправление на территории Сириуса.

В то же время из содержания положений статей 14, 15, 16, 17, 17.1, 18 Устава Сочи следует, что основные формы участия граждан в

местном самоуправлении осуществляются только гражданами, постоянно проживающими в Сочи.

Таким образом, формально граждане РФ, проживающие в Сириусе, существенно ограничены в возможности участвовать в деятельности органов местного самоуправления Сочи. Это означает ограничение права на местное самоуправление, поскольку большинство полномочий по разрешению вопросов местного значения в Сириусе передано городу Сочи. Причем это ограничение носит исключительно территориальный характер, что вряд ли можно признать соответствующим духу принципа участия граждан в местном самоуправлении.

На наш взгляд, для полноценного осуществления жителями Сириуса участия в деятельности органов местного самоуправления необходима коррекция правового регулирования.

Можно предложить два варианта решения рассматриваемой проблемы:

1) полное исключение на законодательном уровне возможности передачи полномочий местного самоуправления федеральной территорией «Сириус» городскому округу город-курорт Сочи;

2) внесение в Закон о федеральной территории положения, согласно которому граждане, проживающие в Сириусе, имели бы право на участие в деятельности органов местного самоуправления Сочи.

Первый вариант представляется весьма радикальным. К тому же, он не учитывает реальные социально-экономические связи между Сириусом и Сочи. Неслучайно законодатель предусмотрел возможность передачи федеральной территорией полномочий по решению вопросов местного значения городу Сочи. Вряд ли можно обеспечить эффективное управление стратегически важной для России федеральной территорией, не опираясь на управленческие ресурсы города, с которым эта территория имеет неразрывные экономические отношения.

Второй вариант представляется более предпочтительным, поскольку позволяет, с одной стороны, сохранить управленческие связи между Сочи и Сириусом, а с другой – обеспечить полноценную реализацию жителями Сириуса права на участие в разрешении и тех местных вопросов, которые были переданы городу Сочи. Разумеется, реализация этого варианта обязательно потребует приведения в соответствие с Законом о федеральной территории нормативных правовых актов Краснодарского края и города-курорта Сочи.

Немаловажным аспектом взаимодействия органов местного самоуправления Сочи и Сириуса является их участие в утверждении реализации индивидуальной программы развития федеральной территории, которая утверждается Правительством РФ. Так, статья 43 Закона о федеральной территории позволяет включать в индивидуальную программу мероприятия, связанные с содержанием, развитием, модернизацией инфраструктуры, которая находится за пределами Сириуса (например, в городе Сочи).

Однако включение этих мероприятий в индивидуальную программу должно быть согласовано с органами Сириуса, Сочи и Краснодарского края. В то же время, порядок такого согласования законодателем до сих пор не регламентирован. Представляется, что этот правовой пробел должен быть восполнен на уровне федерального закона.

Проведенный анализ некоторых проблем организации местного самоуправления в федеральной территории показывает, что правовое регулирование в данной сфере нуждается в значительном совершенствовании. Недостатки системы разрешения местных вопросов в федеральной территории во многом обусловлены тем, что российская модель данного института существенно отличается от моделей других стран, федеральный законодатель не пошел по проторенному пути полного заимствования зарубежных правовых институтов. Во многом создание Сириуса стало апробацией метода проб и ошибок в создании института федеральных территорий применительно к реалиям системы публичных управленческих отношений, которые складываются в России. В связи с этим дальнейшее исследование вопросов местного самоуправления в федеральной территории необходимо для того, чтобы в случае возможного учреждения новых федеральных территорий в будущем избежать возникновения тех правовых проблем и пробелов, которые имеют место в настоящее время.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 52 (Часть I). С. 8583.
2. Колесников А.В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационно-правовые аспекты: диссертация ... доктора юридических наук. Саратов, 2022. 589 с.
3. Маркин М.В. Особенности правового положения органов публичной власти, осуществляющих местное самоуправление в границах федеральной территории «Сириус» // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3. С. 67-74.
4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. С. 1200.
5. Исаев И.Д. О некоторых проблемах нормативно-правового регулирования федеральной территории «Сириус» // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 120-130.
6. Указ Президента РФ от 14.11.2024 № 974 «О государственных должностях Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 47. С. 7101.
7. Решение Городского Собрания Сочи Краснодарского края от 29 октября 2020 г. № 44 «О принятии Устава муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края» // Новости Сочи, 21.11.2020, № 161-162.

References

1. Federal Law of 22.12.2020 № 437-FZ "On the Federal Territory "Sirius" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 52 (Part I). P. 8583.
2. Kolesnikov A.V. Local government bodies in a unified system of public authority: organizational and legal aspects: dissertation of Doctor of Law. Saratov, 2022. 589 p.
3. Markin M.V. Specifics of the Legal Status of Public Authorities Exercising Local Self-Government within the Borders of the Federal Territory "Sirius" // Current Issues of Russian Law. 2025. № 3. P. 67-74.
4. Federal Law of 20.03.2025 № 33-FZ "On General Principles of Local Self-Government Organization in a Unified System of Public Authority" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. № 12. P. 1200.
5. Isaev I.D. On Certain Issues of Normative-Legal Regulation of the Federal Territory "Sirius" // Issues of Russian Justice. 2022. № 17. P. 120-130.
6. Decree of the President of the Russian Federation of November 14, 2024, № 974, "On Government Positions of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. № 47. P. 7101.
7. Decision of the Council of the Federal Territory "Sirius" of November 19, 2021, № 1-3/16, "On Approval of the Charter of the Federal Territory "Sirius" // Official website of the federal territory "Sirius". URL: <https://sirius-ft.ru/> (date of access: September 25, 2025).
8. Decision of the City Assembly of Sochi, Krasnodar Territory dated October 29, 2020 № 44 "On the adoption of the Charter of the municipal formation of the urban district of the resort city of Sochi, Krasnodar Territory" // Sochi News, November 21, 2020, № 161-162.

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ЦЕЛИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ MODERN MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION, STAGES OF FORMATION, RESULTS, AND GOALS OF FURTHER DEVELOPMENT

ЕМЕЛЬЯНОВ Валерий Михайлович,

доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук.
625049, Россия, г. Тюмень ул. Амурская, д. 75.
E-mail: nino-tyumen@yandex.ru

EMEL'YANOV Valery Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies
at the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
75 Amurskaya St., Tyumen, 625049, Russia.
E-mail: nino-tyumen@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу формирования изменения и корректировки миграционной политики в Российской Федерации. Рассмотрены цели и результаты ее практического применения, на 2025 год, принципы и задачи ее дальнейшего развития. Миграция населения это сложное многофакторное явление, взаимосвязанное с социальными, экономическими, демографическими, политическими процессами в государстве. Целью современной государственной миграционной политики является создание условий для обеспечения безопасности государства, сохранению межнационального и межконфессионального мира и взаимопонимания, обеспечение сохранности существующей в России культуры, русского языка, исторического наследия многонационального народа. Корректировка миграционной политики направлена на формирование благоприятной среды для привлечения и адаптации иностранных граждан, способных внести позитивный вклад в развитие России.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the formation, changes, and adjustments of migration policy in the Russian Federation. The goals and results of its practical application in 2025, as well as the principles and objectives of its further development, are considered. Population migration is a complex multifactorial phenomenon that is interconnected with social, economic, demographic, and political processes in the country. The goal of modern state migration policy is to create conditions for ensuring the security of the state, preserving interethnic and interfaith peace and understanding, and ensuring the preservation of Russia's existing culture, Russian language, and historical heritage of its multinational people. The adjustment of migration policy is aimed at creating a favorable environment for attracting and adapting foreign citizens who can make a positive contribution to Russia's development.

Ключевые слова: миграция, контрольно-надзорная деятельность, культура, традиции, законы, демография, биометрия.
Key words: migration, control and supervisory activities, culture, traditions, laws, demography, biometrics.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2025
Дата публикации: 30.12.2025

5 марта 2025 г. Президент Российской Федерации, на коллегии МВД России, акцентировал необходимость обеспечения въезда в Россию тех иностранных граждан, кто разделяет и принимает российские традиционные ценности, желающие жить и работать в России на законных основаниях¹.

В связи с этим и со сложившейся мировой геополитической обстановкой перед Россией в 2025 году остро встал насущный вопрос корректировки миграционной политики.

Целью современной государственной миграционной политики является создание условий для обеспечения безопасности государства, сохранению межнационального и межконфессионального мира и взаимопонимания, обеспечение сохранности существующей в России культуры, русского языка, исторического наследия многонационального народа².

Как подчеркивается в Концепции, современные тенденции международной миграции в Российскую Федерацию обусловлены в основном экономическими, социальными и внешнеполитическими факторами³.

Миграция населения это сложное многофакторное явление, взаимосвязанное с социальными, экономическими, демографическими, политическими процессами в государстве.

Существует много определений термина «миграция», под которыми понимаются иногда разные формы перемещения людей.

Как справедливо отмечает Л.Л. Рыбаковский «ни одно понятие не имеет столько различных трактовок, как миграция» [1, С. 57]

Термин миграции рассматривают учеными в широком и узком смыслах.

В широком понимании миграция, по их мнению, представляет собой географическую мобильность населения, перемещения в пространстве. В узком – переселение, связанное со сменой мест жительства на продолжительное время.[2, С. 8- 9]

В.Ю. Леденева. под миграцией понимает «любой вид перемещений населения через государственную границу либо в пределах страны, независимо от их продолжительности, состава и причин, включающий передвижение беженцев, перемещенных лиц, высланных людей и

¹ Путин поручил кардинально обновить подходы к миграционной политике // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru> (обр. 06.09.2025)

² Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы" (с изменениями и дополнениями) ГАРАНТ// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/> (обр. 06.09.2025)

³ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы" (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ// <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/> (обр. 06.09.2025)

экономических мигрантов».[3, С.197]

Регулирование государством эффективного распределения миграционных ресурсов при таком перемещении, создает условия, при которых они приносят пользу принимающей их стране, способствуя ее экономическому росту и решению демографических проблем

Такими образом, миграционная политика это деятельность государства по регулированию миграционных процессов, для реализации наиболее значимых общественных потребностей [4. С. 81]. В центре ее внимания обеспечение безопасности страны и экономического роста [5, С. 78].

Большая российская энциклопедия 2004-2017 г.г. дает определение этой политики как комплекса мер принимаемых государством в целях регулирования миграции населения[6].

О.Д. Воробьева сужает определение, до комплекса законодательных актов, международных соглашений и социальных мер противодействия причинам нелегальной миграции, т.е. сводит только к мерам правового характера, исключая организационные меры [7, С. 8]

А.В. Черняк, напротив, полагает, что это комплекс мероприятий сферы государственного управления включающий процесс принятия решений, урегулированный юридическими нормами, контролируемый и направленный на упорядочение миграционных процессов [8]

В.В.Бобылев, предполагает, что это система принципов, целей и действий, с помощью которых государство и политические условия регулирует потоки переселенцев [9, С. 61].

Л.Л. Рыбаковский считает, что это система общепринятых, на уровне государства, идей и средств, с помощью которых, прежде всего государство и существующие политические институты, на основе соблюдения определённых принципов, предполагают достижение поставленных целей [10, С. 36].

Подводя итог высказанным точкам зрения, необходим вывод, что миграционная политика обязана включать в себя как правовые, так и организационные меры, применяемые государством и общественными институтами.

Политика государства в сфере миграции была определена в 2003 году, в Концепции регулирования миграционных процессов¹, затем в 2018 году она претерпела координационные изменения в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы². Регулирование внутренней и внешней миграции рассматривалось как часть демографической политики государства.

В миграционных процессах должна была возникнуть ситуация позволявшая решать задачи социально-экономического, территориально-пространственного и демографического развития страны. При этом она являлась вспомогательным средством решения этих проблем.

Основным источником восполнения населения Российской Федерации и трудовых ресурсов должно было оставаться самовоспроизводство коренного населения.

Рассматривая решение проблемы демографии внешней миграцией, Е.В.Масленникова, О.А.Антонова, Е.А. Колесник, Е.Н. Елисеева [11, С.262]., поддерживают идею, что государству, несмотря на «старение» ее населения и возникший дефицит трудовых ресурсов, необходимо приложить все возможные усилия для повышения рождаемости, без активного привлечения мигрантов.

В октябре 2025 года Указом Президента РФ № 738 утверждена новая Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы³, которая отметила, что к 2025 году был упрощен порядок получения документов для пребывания, осуществления трудовой деятельности, получения гражданства; введена единая электронная однократная виза для краткосрочных поездок; создан перечень категорий иностранных граждан, подлежащих государственной дактилоскопической регистрации, фотографированию и медицинскому освидетельствованию.

Кроме того, начат эксперимент по биометрии иностранных граждан при пересечении государственной границы Российской Федерации.

Дополнены требования к получению иностранным гражданином, состоящим в браке с гражданином Российской Федерации, разрешения на временное проживание в Российской Федерации; введен режим высылки для иностранцев, незаконно находящихся на территории Российской Федерации.

Органы внутренних дел Российской Федерации наделяются полномочием административного выдворения за пределы Российской Федерации таких лиц.

Разработаны дифференцированные требования к уровню владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации для желающих длительное время пребывать в России, подтверждения владения которыми осуществляется выдачей соответствующего сертификата только государственными органами.

Установлены правила, предусматривающие прием на обучение по общеобразовательным программам, только законно находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан при успешном прохождении ими тестирования на знание русского языка.

Для контроля за въездом в Российскую Федерацию иностранных граждан введены биометрическая идентификация личности и оцифровка сведений о результатах медицинского освидетельствования.

В сфере трудовой деятельности все усилия должны направляться на целевой набор безвизовых иностранных работников, организации их работы у конкретного работодателя, на конкретном рабочем месте, в течение установленного срока, на основании трудового договора и наличии разрешения на работу.

Работодатели, должны стать не просто нанимателями, но и осуществлять правовое и социальное сопровождение иностранных работ-

¹ Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации// https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/ (обр.06.09.2025)

² Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы" (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/> (обр. 06.09.2025)

³ Указ Президента РФ от 05.10.2025 «Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 годы» | ГАРАНТ/<https://base.garant.ru/412850335/> (обр. 10.09.2025)

ников, следить за соблюдением ими правил пребывания в РФ.

Запланированы меры для оптимизации нецелевой нагрузки на бесплатную социальную, медицинскую и иные сферы обслуживания для неработающих и не проходящих обучение членов семей иностранных граждан.

Особое внимание будет обращено на недопущение создания анклавов иностранных граждан на территории страны, формирования изолированных поселений.

Новая миграционная концепция также обращает особое внимание на модернизацию налоговой системы России, улучшение системы налогового контроля за уплатой налога на доходы физических лиц и страховых взносов иностранных работников, введение мониторинга за соблюдением правил социальных отчислений с заработка иностранных специалистов. По оценкам экспертов потенциальные потери бюджета на сегодня составляет до нескольких триллионов рублей ежегодно, из-за значительного числа мигрантов, занятых в теневом секторе экономики¹.

Главная задача усиления контроля - увеличение объема налоговых сборов и активизация участия новых резидентов в экономическом развитии государства.

Концепция миграционной политики 2026-2030 г.г. в свою очередь определяет направления поддержки для отдельных категорий иностранных граждан, представляющих интерес для развития России.

Целью является привлечение лиц, демонстрирующих лояльность и потенциальную пользу для государства.

Приоритетная поддержка будет предоставлена соотечественникам, проживающим за пределами России, включая жителей Донбасса и Новороссии, желающим добровольно переселиться в Российскую Федерацию, иностранным инвесторам, научным работникам и высококвалифицированным профессионалам, чья деятельность способствует развитию российской экономики и науки, а также иностранным гражданам, искренне придерживающимся традиционных российских ценностей и желающих постоянно проживать в России.

Для соотечественников, возвращающихся на историческую родину, предусматривается упрощенная процедура получения гражданства и адаптации в российском обществе. Это включает предоставление информации о доступных программах поддержки, помощь в трудоустройстве и обеспечении жильем, а также содействие в интеграции в культурную и социальную среду.

Иностранные инвесторы, ученые и высококвалифицированные специалисты получают преференции в виде упрощенного порядка получения разрешений на работу и вида на жительство. Для них будут создаваться благоприятные условия для осуществления профессиональной деятельности и ведения бизнеса в России.

Государство заинтересовано в привлечении талантливых и опытных специалистов, способных внести вклад в развитие инновационных отраслей экономики и науки.

Отбор иностранных граждан, разделяющих традиционные российские ценности, предполагает внимательное изучение их мировоззрения и готовности к интеграции в российское общество. Это не означает их дискриминацию по этническому или религиозному признаку, а подразумевает акцент на культурной совместимости и уважительном отношении к российским традициям и обычаям. Для этой категории иностранных граждан будут разрабатываться специальные программы адаптации и обучения русскому языку и культуре.

Таким образом, обновленная миграционная политика направлена на формирование благоприятной среды для привлечения и адаптации иностранных граждан, способных внести позитивный вклад в развитие России. При этом государство стремится обеспечить национальную безопасность и сохранить культурную самобытность страны.

Миграционная политика на 2026–2030 годы нацелена на пресечение нелегальной миграцией, через цифровые инструменты: биометрию, электронные инструменты и создание реестра нарушителей.

Основные цели корректировки государственной миграционной политики Российской Федерации заключаются в преодолении негативных последствий миграционных процессов, регулирование миграционных потоков, создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, обеспечение баланса прав и законных интересов коренного населения.

Как отмечает А.В. Топилин, миграция играет важную роль в поддержании демографического равновесия, внося свой вклад в формирование устойчивого и экономически процветающего общества [12, С.84].

Незаконная миграция - это общественно опасное, динамично развивающееся явление, угрожающее интересам национальной безопасности России. [13, С.93]. Незаконная миграция представляет собой значительную проблему, которая требует комплексного подхода к ее решению.

Современная миграционная политика страны становится все более упорядоченной и гибкой. Она объединяет четкую стратегию с возможностью постоянного развития и обновления. [14, С 74]

Концепция предлагает сбор на единой цифровой платформе всей информации об иностранном гражданине - от биометрии до места жительства и места работы.

Планируется создание реестра привлекаемых к работе иностранных граждан и работодателей, которые имеют право их нанимать. Невовшедшим в реестр, привлекать иностранцев к работе запрещено.

Делается ставка на целевой приток иностранных рабочих под целевые проекты и потребности экономики.

Ставится цель создания центров подготовки иностранцев еще до приезда в РФ. Их будут учить языку, и адаптировать к российским

¹ Миронов оценил потери бюджета от мигрантов в 3 трлн. рублей // <https://runews24.ru/economy/mironov-ocenil-poteri-byudzheta-ot-migrantov-v-3-trln-rublej> (обп.27.09.2025)

духовно-нравственными ценностями.

Разрешение на въезд семьи в страну получают если докажут что она готова к интеграции в российское общество. Не будут допускаться лица, не планирующие работать или обучаться.

Обозначена проблема возможности формирования этнических анклавов на территории страны, поставлена задача, не допускать подобного. Вводится приоритетное трудоустройство граждан Российской Федерации, предусматривается возможность привлечения иностранца к труду только при отсутствии желающих российских граждан.

Таким образом, подводя итог предлагаемых мер, можно сделать следующие выводы.

Совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации позволит установить понятные и реально исполнимые правила для иностранных граждан, отвечающих цели, основным принципам и задачам миграционной политики.

Обеспечение содействия переезда для проживания в Российской Федерации и приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан вносящих вклад в развитие российской экономики, благодаря своим знаниям, умениям и навыкам, профессионального образования, и разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности улучшит демографическую и социальную ситуацию. Создание условий для их адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации; принятие языка, традиций, ценностей и поведения, фундаментальных жизненных интересов и изменение сознания принадлежности снизит межнациональную напряженность с титульным населением. Совершенствование профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, развитие цифровой среды государственного управления и внедрение современных информационных технологий для обеспечения контроля в сфере миграции позволит положительно повлиять на снижение случаев незаконной миграции. В том числе и прохождение иностранными гражданами процедур сбора биометрических персональных данных, медицинского освидетельствования.

Осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами, исходя из реальной потребности российской экономики в иностранной рабочей силе при условии прозрачности привлечения иностранных работников, осуществления контроля за этими процессами и управления ими позволит навести необходимый порядок в этой сфере.

Повышение ответственности работодателей, привлекающих к трудовой деятельности иностранных граждан, ожидаемо положительно повлияет на миграционные процессы в этом направлении. Ограничение возможности пребывания в РФ неработающих и не проходящих обучения членов семей иностранных граждан позволит снизить нагрузку на социальную сферу экономики страны. Обеспечение миграционной безопасности при осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере миграции и его совершенствование в целях решения задач по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, повысит эффективность противодействия криминальной, террористической, диверсионной и экстремистской деятельности мигрантов.

Список литературы:

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. - М.: Экон - Информ, 2008. 287 с.
2. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения - АН СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. - Москва : Наука, 1975. - 231 с.
3. Леденева В.Ю. Миграционная политика в Российской Федерации: Учеб. пособие / М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2023. 201 с.
4. Кононов Л.А., Леденева В.Ю. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России: Моногр. М.: РУДН, 2021. 296 с.
5. Попова С.М., Яник А.А., Карпова С.Ф. Анализ изменчивости правовых основ миграционной политики в России (1990-2023) в контексте эффективности управления миграцией// Право и политика. 2024. № 6. С.66-89.
6. Большая российская энциклопедия электронная версия// <https://old.bigenc.ru/economics/text/>
7. Воробьева О.Д. Миграция населения. Вып. 6: Миграционная политика. М.: Минфедерации России, 2001. 175с.
8. Черняк А.В. Миграционная политика: понятие и сущность. Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации»// <https://web.snauka.ru/>
9. Бобылев В.В. Миграционная политика (сущность, структурное строение, основные типы)// Власть. №6. 2009. с.61- 64.
10. Рыбаковский Л.Л. Демография (статьи XXI века).- Москва, 2009. 245 с.
11. Масленикова Е.В., Антонова О.А., Колесник Е.А., Елисеева Е.Н.// Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: сб. науч. ст. - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. - С.259 - 270
12. Топилин А.В. Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространств. Москва: Экон-Информ, 2020. 479 с.
13. Смирнова В.А. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вестник экономической безопасности МВД России. 2009. № 4. С.92-98.
14. Озеров И. Н., Катаева О. В., Ряпухина И. В. Модернизация миграционной политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 69-74

References:

1. Rybakovskiy L.L. Population migration between regions: problems of methodology and methods of analysis. Moscow: Ekon - Inform, 2008. 287 p.
2. Perevedentsev V. I. Methods of studying population migration - USSR Academy of Sciences, Institute of International Relations. the labor movement. Moscow: Nauka Publ., 1975. 231 p.
3. Ledeneva V.Y. Migration policy in the Russian Federation: Textbook / M.A. Omarov. Moscow: RGGU, 2023. 201 p.
4. Kononov L.A., Ledeneva V.Yu. State and municipal regulation of the processes of adaptation and integration of migrants in modern Russia: Monogr. Moscow: RUDN University, 2021. 296 p.
5. Popova S.M., Yanik A.A., Karpova S.F. Analysis of the variability of the legal foundations of migration policy in Russia (1990-2023) in the context of effective migration management// Law and politics. 2024. No. 6. pp.66-89.
6. Great Russian Encyclopedia electronic version// <https://old.bigenc.ru/economics/text/>
7. Vorobyeva O.D. Migration of the population. Issue 6: Migration policy. Moscow: Ministry of Federation of Russia, 2001. 175c.
8. Bobylev V.V. Migration policy (essence, structural structure, main types)// Power. No.6. 2009. pp.61-64.
9. Rybakovsky L.L. Demography (articles of the 21st century). - Moscow, 2009. 245 p.
10. Chernyak A.V. Migration policy: concept and essence. Electronic scientific and practical journal "Modern scientific research and innovations"// <https://web.snauka.ru>
11. Maslennikova E.V., Antonova O.A., Kolesnik E.A., Eliseeva E.N. // Sustainability of demographic development: determinants and resources: collection of scientific articles - Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2024 - P.259 - 270
12. Topilin A.V. Migration of the population and the formation of labor resources in the USSR and the post-Soviet space. Moscow: Enon-Inform, 2020. 479 p.
13. Smirnova V.A. Illegal migration as a threat to the national security of the Russian Federation // Bulletin of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4. Pp.92-98.
14. Ozerov I. N., Kataeva O. V., Ryapukhina I. V. Modernization of migration policy of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. pp. 69-74

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ FEATURES OF THE ORGANIZATION OF ACTIVITIES ON COUNTERING CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE

ЕЛИСТРАТОВ Денис Валерьевич,

к.в.н., доцент кафедры «Правоохранительная деятельность»,
«Пензенский государственный университет».

440026, Россия, г. Пенза, Красная ул., 40 корп. 1.

stulnikova80@yandex.ru

YELISTRATOV Denis Valerievich,

PhD, Associate Professor of the Department of Law Enforcement, Penza State University.

440026, Russia, Penza, Krasnaya str., 40 building 1.

stulnikova80@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены особенности и проблемы организации деятельности по противодействию преступлениям против военной службы. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования уголовной ответственности за совершение преступлений, посягающих на правовые отношения, возникающие в связи с несением или прохождением военной службы. Защита государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженного нападения, а также выполнение задач в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации составляют существо воинского долга, который обязывает военнослужащего, в том числе строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров (начальников). Проблемой выявления преступлений против военной службы, в частности против уставного порядка взаимоотношений, выступает их латентный характер, на минимизацию которого влияет активная профилактическая работа. С целью эффективного раскрытия преступлений против военной службы необходимо включить военную полицию в число органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также принять правовой акт, регламентирующий проведение следственных действий в боевой обстановке.

Abstract: The article discusses the features and problems of organizing activities to combat crimes against military service. The relevance of the research topic is due to the need to improve criminal liability for crimes that infringe on legal relations arising in connection with military service. The protection of the state sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation, ensuring the security of the state, repelling an armed attack, as well as performing tasks in accordance with the international obligations of the Russian Federation constitute the essence of military duty, which obliges a serviceman, including strictly observing the Constitution of the Russian Federation and the laws of the Russian Federation, the requirements of general military regulations, unquestioningly follow the orders of commanders (chiefs). The problem of detecting crimes against military service, in particular against the statutory order of relations, is their latent nature, which is minimized by active preventive work. In order to effectively solve crimes against military service, it is necessary to include the military police among the bodies carrying out operational investigative activities, as well as to adopt a legal act regulating the conduct of investigative actions in a combat situation.

Ключевые слова: преступления против военной службы, безопасность, воинский долг, профилактическая работа, противодействие, латентный характер, военная полиция, боевая обстановка.

Keywords: crimes against military service, security, military duty, preventive work, counteraction, latent nature, military police, combat situation.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Основной проблемой выявления преступлений, совершаемых военнослужащими против военной службы, а именно против правил уставных взаимоотношений, выступает их высокая латентность.

Согласно данным НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации количество фактически совершаемых преступлений в России более чем в восемь раз превышает количество заявленных в правоохранительные органы [1]. Опираясь на расчеты по методике ученого С.Е. Вицина количество незарегистрированных преступлений в России варьируется около 21-23 миллионов. [2]. При количестве преступлений, о которых сообщено в правоохранительные органы, в 3 миллиона, реальные показатели преступности в стране приравниваются ежегодно к 26 миллионам преступлений. К идентичным показателям пришли ученые при проведении исследований латентной преступности 10 лет назад [3].

Большое количество латентных преступлений против военной службы обусловлено не только общими детерминантами, но и скрытым характером деятельности структурных подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, наличием персональной ответственности командиров за противоправные деяния военнослужащих, совершенных на территории воинской части.

Существуют различные классификации латентной преступности. Так, В.В. Лунеев в зависимости от процесса ее образования выделяет незаявленную, неучтенную и неустановленную [4]. И.М. Мацкевич предлагает естественную, искусственную и пограничную латентность и т. д. [5]. Характерной чертой латентности преступлений, совершаемых на территории воинских формирований выступает общеизвестность факта совершения преступного деяния и намеренное его замалчивание. Зачастую о преступных притязаниях известно сослуживцам, командирам, родственникам жертвы. Имеет место быть фиксация преступных посягательств в постановлениях об отказе в возбуждении уголовных дел, журналах регистрации сообщений о преступлении. Большой проблемой в расследовании преступлений против уставных правил взаимоотношения выступает их сокрытие либо возбуждение спустя продолжительное время после выявления. При этом, число намеренно скрытых руководством воинских частей и в последующем выявленных преступных деяний достаточно мало.

При этом решением проблемы латентности преступлений против военной службы выступает эффективное проведение профилактических мероприятий.

Согласно сведениям правоохранительных органов о преступлениях, связанные с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими обычно заявляют лишь тогда, когда у руководящего состава воинского подразделения отсутствует возможность их скрыть в силу тяжести повлекших такими преступлениями последствий [6].

Преступления против уставных правил взаимоотношений предусмотрены в Уголовном кодексе Российской Федерации в отсутствие квалифицирующих признаков, что позволяет индивидуализировать наказание военнослужащих за действия, не имеющих большой общественной опасности, путем квалификации его как проступка, не влекущего уголовную ответственность [7].

Важным аспектом при расследовании преступлений против военной службы выступают действия дознавателей Вооруженных Сил Российской Федерации по проверке сообщений о преступлении и проведению неотложных следственных действий.

После возбуждения уголовного дела и принятия его к производству дознавателем могут производиться неотложные следственные действия, розыскные или иные необходимые мероприятия [8].

К указанным действиям и мероприятиям относятся: производство освидетельствования, допросы командования воинской частью и сослуживцев, подозреваемого в совершении преступления; допросы родственников, друзей и знакомых по месту жительства военнослужащего; установление и допросы знакомых из числа гражданского населения по месту дислокации части, по месту жительства или иному месту, где может находиться разыскиваемый; сбор характеризующего материала и др.

Согласно положениям статей 149, 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации после производства неотложных следственных действий орган дознания направляет материалы уголовного дела руководителю военно-следственного органа для проведения расследования [9].

Дальнейшие необходимые мероприятия дознавателем выполняются только по поручению следователя военно-следственного органа, которым выступает специальное подразделение Следственного комитета Российской Федерации, а также самостоятельно в соответствии с возложенными полномочиями.

При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство не наделяет действующие на территории воинских формирований и соединений органы на проведение оперативно-розыскных мероприятий в рамках расследования преступлений против военной службы, что представляет собой проблему для эффективного и оперативного сбора доказательной базы.

С целью оперативной поддержки военно-следственных органов представляется необходимым включить военную полицию в число органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В связи с реформированием военно-уголовного законодательства и распространением действия Уголовного кодекса Российской Федерации не только на мирное время, актуальными выступают проблемы расследования преступлений в условиях вооруженного конфликта и боевой обстановки.

Согласно статистике в условиях вооруженного конфликта и боевой обстановки часто совершаемыми преступлениями являются: уклонение от воинской службы; самовольное оставление воинской части; преступления, связанные с насилием в отношении сослуживцев в связи со вспышками агрессии и злобы на фоне эмоциональных переживаний и постоянного стресса; превышение власти или служебных полномочий; принуждение к выполнению незаконного приказа под угрозой применения оружия; взаимоотношения против уставных правил; недоброжелательное отношение военнослужащих к гражданскому населению; хищение оружия и боеприпасов; утрата военнослужащими вооружения; нарушение правил обращения с оружием.

Учитывая особую общественную опасность перечисленных преступлений главной задачей правоохранительных органов выступает расследование преступных деяний и сбор доказательной базы, что в условиях вооруженного конфликта или боевой обстановки выступает серьезной проблемой и существенно усложняют процесс расследования преступных посягательств. Осуществив анализ правоприменительной практики применения уголовного законодательства на территории вооруженного конфликта, представляется возможным выявить закономерности расследования преступлений [10].

Г.М. Григорян к отрицательным факторам, препятствующим расследованию преступлений в условиях боевой обстановки относит неэффективную координационную деятельность следственных оперативных групп; отсутствие квалифицированных кадров, уполномоченных на проведение расследования; отсутствие организованной эффективной работы экспертных учреждений, имеющих важное значение в условиях вооруженного конфликта [11].

Боевая обстановка наделяет все совершенные преступные деяния едиными специфическими признаками, которые непосредственно с ней связаны, а также определяет организацию расследования и методику проведения необходимых следственных действий для результативного расследования [12].

Правильная квалификация преступных деяний, совершаемых на территории вооруженного конфликта, дает правильное определение круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, стратегии, методики и тактики расследования. При одних и тех же внешних обстоятельствах деяния могут быть квалифицированы и как общеуголовное преступление, и как преступление против человечности, и как военное преступление [13].

Главными отличительными признаками расследования преступлений во время военного конфликта являются: место совершения преступления, время, характер скоротечного изменения криминологических следов преступления и др.

Специфическое место совершения преступления не позволяет лицам, проводящим его расследование, длительное время находиться на указанной территории в связи с наличием вероятности возобновления боевых действий. Кроме того, существует риск заминирования территории, являющейся местом совершения преступления, что является дополнительной опасностью для следователей.

В связи с разрушением дорожной инфраструктуры в результате боевых действий доступ правоохранительных органов к месту совершения преступного деяния может быть ограничен или вовсе невозможен.

В случае расследования преступлений в условиях вооруженного конфликта важное значение имеет время проведения следственных действий и сжатые сроки их осуществления в связи с возможным перебросом воинского формирования, военнослужащие которого причастны к совершению преступления, в иную местность с целью выполнения боевых задач.

С целью конспирации и сокрытия своего местоположения противной стороне следственные действия в ночное время необходимо проводить в отсутствие освещения, что существенным образом сказывается на эффективности сбора доказательственного материала.

Кроме того, сжатые сроки проведения осмотра места происшествия обусловлены возможностью кардинального изменения территории в следствие применения боеприпасов противниками либо невозможностью проведения осмотра в связи с захватом территории противной стороной. Причиной сжатых сроков для допроса свидетелей служит высокая вероятность получения ими ранения либо их смерти [14].

Не смотря на очевидные различия проведения следственных действий в условиях боевой обстановки от условий мирного времени, на сегодняшний день действующим законодательством Российской Федерации не предусмотрены принципы, механизм и порядок их проведения на территории вооруженного конфликта. С.В. Маликов предлагает существенное изменение процедуры ряда следственных действий применительно к боевой обстановке [15].

Таким образом, проблемой выявления преступлений против военной службы, в частности против уставного порядка взаимоотношений, выступает их латентный характер, на минимизацию которого влияет активная профилактическая работа. При этом от обстоятельств, в которых совершено преступление, зависит организации и методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими. Боевая обстановка оказывает непосредственное воздействие на организацию и методику проведения расследования в силу необходимости проведения следственных действий в ускоренные сроки, затрудненного доступа следственной группы к месту совершения преступлений, ограничений по применению материального обеспечения. С целью эффективного раскрытия преступлений против военной службы необходимо включить военную полицию в число органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также принять правовой акт, регламентирующий проведение следственных действий в боевой обстановке.

При этом принятие Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», содержащего вопросы уголовного права не отвечает принципу кодификации, в связи с чем представляется возможным его положения включить в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации.

Система преступлений претерпела существенные изменения с момента принятия Федерального закона от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ. Однако на сегодняшний день рядом ученых предлагается усовершенствовать ее дополнительно путем расширения круга субъектов преступлений против военной службы до лиц на кого распространяется статус военнослужащих; введения уголовной ответственности за оставление противнику средств ведения войны, преступное поведение в плену, оставление поля боя, отказ действовать оружием; решения вопроса ответственности за уклонение от мобилизации. Представляется перспективным развитие общеуголовного законодательства путем расширения составов преступлений против личности, собственности, совершаемых должностными лицами, за счет включения квалифицирующих признаков «особых периодов» [16].

Причины совершения преступления против военной службы можно разделить на три группы: общие, реализуемые через условия жизни, воспитания, учебы и работы преступников до призыва на военную службу; специфические обусловленные армейскими условия жизни и быта; индивидуальные воинские детерминанты.

Среди основных причин совершения преступлений против военной службы: неэффективное правовое просвещение, идеологическое, информационное и материальное обеспечение военнослужащих; отсутствие квалифицированной боевой подготовки; недостаточный опыт и знания командиров в вопросах тактики и стратегии ведения боя в условиях вооруженных конфликтов и боевых действий; отсутствие сильной моральной и психологической позиции бойцов, что достигается в том числе путем оказания психологической помощи.

На выявление, пресечение и раскрытие преступлений против военной службы, совершаемых в Вооруженных Силах Российской Федерации, направлена деятельность Главного военного следственного управления, входящего в структуру Следственного комитета Российской Федерации и отвечающего за предварительное следствие рассматриваемых преступлений. На организацию приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, а также производства неотложных следственных действий по уголовным делам по поручению следственного органа направлена деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, входящей в структуру Министерства обороны Российской Федерации. При этом координацию деятельности указанных правоохранительных органов осуществляют органы военной прокуратуры путем проведения координационных совещаний и иных совместных мероприятий, установленных законодательством.

Систему предупреждения преступлений против военной службы можно разделить на традиционное криминологическое и виктимологическое, воздействующее на жертв преступлений, направления.

Система криминологических профилактических мер включает в себя мероприятия проводимые государством, направленные на социально-экономические и политические преобразования; организация военно-социальной работы, направленной на морально-психологическое

обеспечение деятельности военнослужащих, а также на реализацию законов, регламентирующих социальные гарантии военнослужащих; меры воспитательного характера, направленные на формирование морально-политических качеств военнослужащих и правосознания; меры организационного, управленческого содержания, которые выражаются в строгом соблюдении установленных требований в организации жизни, быта и деятельности военнослужащих; мероприятия, направленные на организацию действенного контроля за деятельностью должностных лиц со стороны вышестоящего командования; информационное обеспечение.

С целью предотвращения преступлений против военной службы, совершаемых в условиях боевой обстановки следует заблаговременно проводить квалифицированную боевую подготовку военнослужащих; обучать командиров тактике и стратегии ведения боя.

При этом с целью профилактики и предотвращения рассматриваемого вида преступлений важно принятие указанных мер комплексно.

Проблемой выявления преступлений против военной службы, в частности против уставного порядка взаимоотношений, выступает их латентный характер, на минимизацию которого влияет активная профилактическая работа.

При этом от обстоятельств, в которых совершено преступление, зависит организации и методики расследования преступлений, совершаемых военнослужащими. Боевая обстановка оказывает непосредственное воздействие на организацию и методику проведения расследования в силу необходимости проведения следственных действий в ускоренные сроки, затрудненного доступа следственной группы к месту совершения преступлений, ограничений по применению материального обеспечения. С целью эффективного раскрытия преступлений против военной службы необходимо включить военную полицию в число органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также принять правовой акт, регламентирующий проведение следственных действий в боевой обстановке.

Список литературы:

1. Мацкевич, И. М. Изменение качественных характеристик преступности в условиях глобализации / И. М. Мацкевич // Lex Russica (Русский закон). 2010. Т. 69, № 6. С. 1371.
2. Вицин С.Е. Моделирование в криминологии: Учебное пособие. М.: НИИРПО ВШ МВД СССР, 1973. С. 65.
3. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М., 2008. С. 1.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые региональные и российские тенденции / Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 132.
5. Мацкевич И.М. Некоторые аспекты латентности глумлений и издевательств над военнослужащими («дедовщины») в ВС и других войсках РФ // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в ВС РФ: материалы НПК. М.: ВУ, 1997. С. 53.
6. Моргуленко Е.А. Латентность нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими: сущность, структура, причины и меры по ее нейтрализации // Военно-уголовное право (вкладка к журналу «Право в Вооруженных Силах»). 2002. № 1-2. С. 10.
7. Паршаков А. С. Противодействие преступности среди военнослужащих: история, современность, перспективы развития // Военная мысль. 2018. № 9. С. 89.
8. Стукалин В.Б., Лебедев Н.Ю. Криминалистические и следственные ситуации // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. ст. / Под ред. С.А. Елисева, Л.М. Прокументова, М.К. Свиридова, В.А. Уткина, О.И. Андреевой, Н.С. Дергача. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2013. Ч. 58. С. 164.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
10. Шарипов М.Т. Влияние боевой обстановки на расследование преступлений, совершаемых военнослужащими // Вестник адъюнкта: электронный научный журнал. № 4. 2020. С. 37.
11. Григорян Г.М. Организация расследования и сбора доказательственной информации о военных преступлениях, как часть содержания концепции расследования военных преступлений, совершаемых противоборствующими сторонами вооруженного конфликта // Sciences of Europe. 2016. № 6-3. С. 84.
12. Маликов С.В. Расследование преступлений в районах вооруженного конфликта: монография. М., 2005. С. 18.
13. Антонов А.М. Расследование преступлений в условиях международного вооруженного конфликта (правовое обеспечение, организация, методика): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 40.04.01. Ульяновск, 2023. С. 21.
14. Афоненков М.А., Федюкин И.В. Преступления в зоне вооруженного конфликта и их криминалистическая характеристика // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Гуманитарно-социальный институт. 2015. С. 261.
15. Маликов С.В. Расследование преступлений в районах вооруженного конфликта: монография. М., 2005. С. 234.
16. Данилов П.С., Сенокосова Е.К. Новый период эволюции системы преступлений против военной службы // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 69.

References:

1. Matskevich, I. M. Changing the qualitative characteristics of crime in the context of globalization / I. M. Matskevich // Lex Russica (Russian law). 2010. Vol. 69, No. 6. P. 1371.
2. Vitsin S.E. Modeling in criminology: A textbook. Moscow: NIIRIO Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1973. P. 65.
3. Kondratyuk L.V., Ovchinsky V.S. Criminological dimension. Moscow, 2008. P. 1.
4. Luneev V.V. Crime XX century: Global regional and Russian trends / 2nd Ed., reprint. and additional M.: Walters Kluwer, 2005. p. 132.
5. Matskevich I.M. Some aspects of the latency of mockery and bullying of military personnel ("hazing") in the Armed Forces and other troops of the Russian Federation // Actual problems of combating violations of the statutory rules of relations in the Armed Forces of the Russian Federation: materials of the NPK. Moscow: WU, 1997. p. 53.
6. Morgulenko E.A. Latency of violations of the statutory rules of relations between military personnel: the essence, structure, causes and measures to neutralize it // Military criminal law (tab for the journal "Law in the Armed Forces"). 2002. No. 1-2. p. 10.
7. Parshakov A. S. Countering crime among military personnel: history, modernity, development prospects // Military thought. 2018. No. 9. p. 89.
8. Stukalin V.B., Lebedev N.Yu. Criminalistic and investigative situations // Legal problems of strengthening Russian statehood: Collection of articles / Edited by S.A. Eliseev, L.M. Prozumentov, M.K. Sviridov, V.A. Utkin, O.I. Andreeva, N. With. Twitch. Tomsk: Publishing House Vol. University, 2013. Ch. 58. P. 164.
9. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on 03/23/2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 04/01/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 12/24/2001, No. 52 (Part I), Article 4921.10.
10. Sharipov M.T. The impact of the combat situation on the investigation of crimes committed by military personnel // Bulletin of the Adjunct: electronic Scientific Journal. No. 4. 2020. p. 37.
11. Grigoryan G.M. Organization of investigation and collection of evidentiary information on war crimes as part of the content of the concept of investigation of war crimes committed by the warring parties to an armed conflict // Sciences of Europe. 2016. № 6-3. P. 84.
12. Malikov S.V. Investigation of crimes in areas of armed conflict: monograph. Moscow, 2005. P. 18.
13. Antonov A.M. Investigation of crimes in the context of international armed conflict (legal support, organization, methodology): the abstract. diss. ... kand. jurid. Sciences: 40.04.01. Ulyanovsk, 2023. p. 21.
14. Afonenkov M.A., Fedyukin I.V. Crimes in the zone of armed conflict and their criminalistic characteristics // Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation. Humanitarian and Social Institute. 2015. P. 261.
15. Malikov S.V. Investigation of crimes in areas of armed conflict: monograph. Moscow, 2005. p. 234.
16. Danilov P.S., Senokosova E.K. A new period of evolution of the system of crimes against military service // Legal studies. 2023. No. 7. p. 69.

БАЛАНС КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ОТКРЫТОСТИ КАК ОСНОВА ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА THE BALANCE BETWEEN CONFIDENTIALITY AND OPENNESS AS A BASIS FOR THE LEGAL FRAMEWORK OF DIGITAL SOVEREIGNTY

ГИМАДРИСЛАМОВА Олеся Рамильевна,

доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук,
450532, Россия, Республика Башкортостан, Уфимский район, деревня Николаевка, улица Советская, дом 87
E-mail: giolesya@yandex.ru,

GIMADRISLAMOVA Olesya R.

Associate Professor, Department of Civil Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology,
Candidate of Legal Sciences (Cand. Sci. (Law))
87 Sovetskaya Street, Nikolayevka village, Ufa District, Republic of Bashkortostan, 450532, Russian Federation
E-mail: giolesya@yan.dex.ru,

Краткая аннотация: В статье исследуется согласование режимов конфиденциальности и открытости в условиях цифровой трансформации публичной власти. Обосновывается, что в цифровой среде эти режимы формируют взаимосвязанную систему публичного управления информацией, от согласованности которой зависит устойчивость цифрового суверенитета. Показана ограниченность статичных моделей разграничения доступа в условиях алгоритмизации и трансграничности данных. Предложен риск-ориентированный подход к балансированию конфиденциальности и публичности с учётом экономических, социальных и правовых рисков. Отмечено влияние квантовых технологий и риска отложенной утраты конфиденциальности на необходимость прогнозно-ориентированных регуляторных решений.

Abstract: The article examines the coordination of confidentiality and openness regimes in the context of the digital transformation of public authority. It substantiates that in the digital environment these regimes no longer function as autonomous legal institutions but form an interconnected system of public information governance, the coherence of which determines the sustainability of digital sovereignty. The limitations of static access-differentiation models under conditions of algorithmisation and cross-border data flows are demonstrated. A risk-oriented approach to balancing confidentiality and openness is proposed, taking into account economic, social, and legal risks associated with the use of digital technologies. Particular attention is paid to the impact of quantum technologies and the risk of deferred loss of confidentiality, which necessitate a shift towards predictive and architecture-based regulatory solutions.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; конфиденциальность информации; открытость и прозрачность; публичная власть; цифровая трансформация; управление цифровыми рисками; информационная безопасность; алгоритмическое управление; квантовые технологии.

Keywords: digital sovereignty; information confidentiality; openness and transparency; public authority; digital transformation; digital risk management; information security; algorithmic governance; quantum technologies.

Статья поступила в редакцию: 30.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Цифровая трансформация публичной власти сопровождается не только внедрением технологических решений, но и глубокой перестройкой правовых механизмов управления информацией, данными и цифровыми процессами. Формирование цифрового государства, развитие электронных сервисов, автоматизация административных процедур и использование алгоритмических решений радикально меняют характер осуществления публичной власти. В этих условиях право сталкивается с задачей обеспечения технологической эффективности цифровых процессов при одновременном сохранении устойчивости публичных институтов, доверия общества и конституционных гарантий.

Одной из ключевых правовых проблем цифровой трансформации становится согласование режимов конфиденциальности и открытости [1, с. 34]. В цифровой среде они перестают функционировать как изолированные институты и формируют взаимосвязанную архитектуру публичного управления информацией [ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, ст. 2; ст. 6; ст. 7]. Конфиденциальность обеспечивает защиту данных, имеющих критическое значение для функционирования государства [1, с. 62], устойчивости управления и информационной безопасности [Конституция РФ, ст. 23; ст. 24]. Открытость, в свою очередь, выступает условием легитимности цифровых решений [2, с. 61–62; ср.: 1, с. 76], подотчётности органов власти и реализации права на информацию [Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203]. Нарушение баланса между этими режимами приводит либо к избыточной закрытости, подрывающей доверие к цифровым институтам, либо к чрезмерной открытости, создающей угрозы безопасности и устойчивости цифровой инфраструктуры.

В современной правовой доктрине цифровой суверенитет всё чаще осмысливается как комплексная публично-правовая категория, выходящая за рамки технологической независимости или контроля над цифровой инфраструктурой. Он предполагает способность государства формировать правила функционирования цифровой среды, управлять данными и цифровыми процессами, обеспечивать защиту информации и поддерживать легитимность публичной власти в условиях цифровизации [см.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»]. Устойчивость цифрового суверенитета определяется не столько уровнем технологической автономии, сколько качеством правового управления цифровыми рисками и согласованностью правовых режимов, лежащих в основе цифрового публичного управления. В этом контексте баланс конфиденциальности и открытости приобретает системообразующее значение.

Несмотря на активное развитие нормативного регулирования в сфере цифровизации, проблема согласования конфиденциальности и

открытости остаётся фрагментарно разработанной [5, с. 32 – 36]. Действующие правовые режимы во многом формировались вне логики цифровых процессов и не учитывают алгоритмический характер управления, трансграничность данных и нарастающие технологические риски [3, с. 16]. Это приводит к правовым коллизиям, разрыву между декларативными принципами и практикой цифрового управления, а также снижению предсказуемости правоприменения [4, с. 33]. Особенно остро данные противоречия проявляются в условиях внедрения систем искусственного интеллекта и формирования квантово-ориентированных цифровых инфраструктур, трансформирующих традиционные представления о безопасности информации и допустимости её раскрытия.

В этих условиях баланс конфиденциальности и открытости не может рассматриваться как статичное соотношение двух правовых режимов. Он приобретает динамический характер и требует перехода от формального сопоставления интересов к риск-ориентированным и архитектурным моделям правового регулирования. Необходимость такого перехода обусловлена тем, что современные цифровые отношения не поддаются эффективному регулированию исключительно правовыми средствами и требуют интеграции различных регуляторов в единую модель воздействия [4, с. 33–34]. Подход к согласованию конфиденциальности и открытости через призму управления рисками цифровой безопасности соответствует международным ориентирам, в рамках которых подчеркивается необходимость обеспечения открытой цифровой среды при одновременном учёте экономических, социальных и правовых рисков, связанных с использованием и управлением цифровыми технологиями [Рекомендация Совета ОЭСР по управлению рисками в области цифровой безопасности для экономического и социального процветания, 2015]. Конфиденциальность в цифровой среде приобретает риск-зависимый характер, тогда как открытость выступает инструментом обеспечения доверия к цифровым механизмам управления и защиты информации.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере публичного управления цифровыми процессами и данными. Предмет исследования составляют правовые механизмы согласования режимов конфиденциальности и открытости в условиях цифровой трансформации публичной власти. Цель статьи заключается в формировании целостного публично-правового подхода к пониманию баланса конфиденциальности и открытости как основы правового обеспечения цифрового суверенитета. Научная новизна исследования состоит в обосновании данного баланса как системообразующего принципа архитектуры цифрового суверенитета, а также в выявлении роли квантовых технологических рисков в его трансформации. Рассмотрение указанного баланса требует анализа трансформации механизмов публичного управления в цифровой среде, в которой традиционные юридические конструкции перестают обеспечивать необходимый уровень управляемости и правовой предсказуемости.

В условиях цифровой трансформации государство утрачивает возможность опираться исключительно на традиционные иерархические механизмы управления. Значительная часть публичных функций реализуется через цифровые платформы, автоматизированные процедуры и распределённые информационные системы. Управляемость таких процессов обеспечивается встроенными режимами доступа к информации и правовыми ограничителями обработки данных, что делает цифровой суверенитет неотделимым от механизмов правового управления информацией.

В то же время цифровой суверенитет не может быть обеспечен исключительно через усиление режимов конфиденциальности. Цифровая публичная власть, реализуемая через алгоритмы и автоматизированные решения, нуждается в легитимации, достигаемой за счёт открытости и прозрачности. Открытость в цифровом государстве выступает условием подотчётности цифровых решений и доверия к ним со стороны общества [Конституция РФ, ст. 29 ч. 4]. Отсутствие прозрачности алгоритмов и логики обработки данных подрывает правовые основания цифрового суверенитета.

Особенность цифровой среды заключается в том, что одни и те же массивы данных могут одновременно обладать публичной значимостью и требовать защиты в силу содержащихся в них чувствительных сведений. Государственные реестры, цифровые профили и системы предоставления услуг демонстрируют сложность такого пересечения [ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, ст. 3; ст. 5; ст. 6].

В правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации подчёркивается, что допустимость обработки и распространения информации в подобных ситуациях требует согласования конституционно значимых ценностей и не допускает механического приоритета ни конфиденциальности, ни публичности без учёта целей обработки, публичного интереса и характера затрагиваемых сведений [Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П].

Следовательно, правовое обеспечение цифрового суверенитета предполагает переход от фрагментарного регулирования отдельных информационных режимов к системному подходу, в рамках которого конфиденциальность и открытость согласуются в единой модели публично-го управления цифровой средой [3, с. 39]. Именно в такой модели формируются предпосылки устойчивости цифровой государственности и доверия общества к цифровым формам реализации публичной власти [Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р].

Взаимодействие конфиденциальности и открытости в цифровом публичном управлении проявляется через систему правовых коллизий, возникающих на стыке информационных режимов. В условиях цифровизации данные утрачивают статичный характер и включаются в непрерывные процессы обработки и обмена, что осложняет традиционные модели разграничения доступа и формирует устойчивую зону нормативного напряжения, в которой каждое управленческое решение требует оценки рисков раскрытия и ограничения информации.

Одной из ключевых коллизий является совмещение требований публичной прозрачности с необходимостью защиты информации, используемой для реализации публичных функций. Государственные информационные системы и цифровые платформы ориентированы на обеспечение доступности и проверяемости данных, но одновременно аккумулируют массивы персональной, служебной и технологически чувствительной информации. Это исключает применение унифицированных режимов доступа и требует гибких правовых решений, учитывающих функциональное назначение данных и возможные последствия их раскрытия.

Существенное влияние на обострение данных коллизий оказывает алгоритмический характер цифрового управления. Автоматизированные решения напрямую затрагивают права и обязанности граждан, что усиливает требования к их прозрачности и проверяемости. Одновременно раскрытие логики алгоритмов и параметров их функционирования может затрагивать вопросы безопасности и устойчивости цифровых систем. В результате открытость как условие подотчётности сталкивается с конфиденциальностью как условием защищённости цифровой инфраструктуры.

Указанные противоречия усугубляются фрагментарностью нормативного регулирования. Нормы, регулирующие вопросы открытости, защиты информации и цифровизации публичных услуг, формировались автономно и исходили из различных регуляторных целей. Это приводит к неоднородной правоприменительной практике и снижению предсказуемости регулирования. В данных условиях коллизии между конфиденциальностью и открытостью отражают объективную сложность цифровых публичных процессов и требуют перехода от формального сопоставления правовых режимов к риск-ориентированному управлению цифровыми процессами.

Формирование устойчивого баланса конфиденциальности и открытости предполагает переход от декларативного сопоставления правовых режимов к выстраиванию целостного механизма их согласования в системе публичного управления цифровой средой. Такой механизм должен учитывать контекст использования данных, уровень технологического риска и публичную значимость соответствующих процессов, обеспечивая функциональное взаимодействие конфиденциальности и открытости без сведения их к взаимоисключающим началам. Ключевым элементом данной модели выступает дифференциация режимов доступа к информации, предполагающая отказ от бинарного деления данных на открытые и ограниченные. В цифровой среде одни и те же массивы информации могут одновременно обслуживать задачи публичной прозрачности и требовать защиты в силу содержащихся в них персональных, служебных или технологически чувствительных сведений. В этой связи разграничение доступа приобретает многоуровневый характер и основывается на функциональном назначении данных, уровне потенциального вреда от их раскрытия и публичной значимости соответствующих процессов. Дифференциация доступа дополняется принципом минимизации данных, направленным на ограничение объёмов собираемой и обрабатываемой информации рамками, необходимыми для реализации конкретных публичных функций. В условиях цифрового управления минимизация данных снижает системные риски, связанные с накоплением избыточных массивов информации, и одновременно усиливает прозрачность обработки, поскольку исключает необоснованное использование данных вне заявленных целей. В совокупности данные механизмы формируют риск-ориентированный подход к согласованию конфиденциальности и открытости.

Стремительное развитие квантовых технологий вносит принципиальные коррективы в правовое понимание конфиденциальности и открытости в цифровом публичном управлении. Квантовые вычисления и квантовые коммуникации трансформируют не только технические способы защиты информации, но и сами основания правового баланса между режимами доступа. Квантовая трансформация затрагивает фундаментальные предпосылки криптографической устойчивости цифровых систем, на которых базировались действующие модели защиты данных в публичной сфере.

Особое значение приобретает риск отложенной утраты конфиденциальности, связанный с возможностью последующего раскрытия данных, правомерно собранных и защищённых в условиях классической криптографии. Информация, считавшаяся надёжно защищённой на момент обработки, может утратить этот статус по мере развития квантовых вычислительных возможностей. Для публичного управления данный риск носит системный характер, поскольку затрагивает не только текущие, но и архивные массивы данных, включая сведения о гражданах и параметры функционирования государственных информационных систем.

Отложенная утрата конфиденциальности трансформирует традиционное представление о допустимости хранения и использования данных в публичной сфере. В условиях квантовых угроз конфиденциальность приобретает временное измерение и становится динамической категорией, что требует пересмотра подходов к правовому регулированию хранения, раскрытия и повторного использования информации, а также к определению сроков и условий её допустимой открытости.

В квантовую эпоху открытость приобретает качественно иное содержание, трансформируясь в требование прозрачности принципов построения и функционирования систем защиты информации. Раскрытие архитектурных решений и логики применения криптографических протоколов позволяет обеспечить экспертное и общественное доверие к цифровым инфраструктурам без подрыва их защищённости [6, р. 48].

Для публичного права это означает необходимость перехода от статичных моделей регулирования к прогностно-ориентированным подходам, учитывающим долгосрочные технологические риски. Баланс конфиденциальности и открытости в условиях квантовой трансформации не может быть зафиксирован окончательно и требует постоянного правового мониторинга и адаптации механизмов защиты к изменяющимся технологическим условиям.

В условиях цифровой трансформации публичной власти баланс конфиденциальности и открытости приобретает значение системообразующего элемента правового обеспечения цифрового суверенитета. Он перестаёт быть частным вопросом информационного права и формируется как фундамент публично-правовой модели управления цифровыми рисками. Конфиденциальность и открытость в цифровой среде функционируют как взаимосвязанные элементы единой архитектуры цифрового управления, от согласованности которых зависят устойчивость публичных институтов, легитимность цифровых решений и доверие общества.

Список литературы:

1. Камалова Г. Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13. Москва, 2020. 472 с.

2. СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования / автор-составитель – проф. В. Н. Монахов. М.: ЭКОПРИНТ, 2003. 320 с.
3. Минбалеев А. В. Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий: монография / под общ. ред. д.ю.н., доцента А. В. Минбалеева; Институт государства и права РАН. М.: Саратов: Амрит, 2022. 338 с.
4. Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 31–36.
5. Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Бойченко И. С. Проблемы правового обеспечения информационной безопасности в процессе использования цифровых технологий в глобальной цифровой среде // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3 (52). С. 32–36.
6. Pupillo L., Ferreira A., Lipiäinen V., Polito C. Quantum Technologies and Cybersecurity. Brussels: CEPS, 2023. 103 p.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 44. Ст. 4358.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 23. Ст. 4010.
10. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
11. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
12. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
13. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 35. Ст. 5593.
15. Рекомендация Совета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по управлению рисками в области цифровой безопасности для экономического и социального процветания: принята 17 сентября 2015 г. (отменена 26 сентября 2022 г.) // OECD Legal Instruments. – [Электронный ресурс] URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0479> (дата обращения: 30.12.2025).

References

1. Kamalova G.G. Legal Protection of Information Confidentiality in the Context of the Development of the Information Society. Doctoral Dissertation (Law). Moscow, 2020. 472 p.
2. Mass Media and the Internet: Problems of Legal Regulation. Compiled by Prof. V.N. Monakhov. Moscow: Ecoprint Publ., 2003. 320 p.
3. Minbaleev A.V. Law and Other Regulators in the Development of Digital Technologies. Monograph. Edited by A.V. Minbaleev. Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences. Moscow; Saratov: Amrit Publ., 2022. 338 p.
4. Minbaleev A.V. Transformation of Digital Relations Regulation. Kutafin University Law Review, 2019, No. 12, pp. 31–36.
5. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Boychenko I.S. Problems of Legal Support of Information Security in the Use of Digital Technologies in the Global Digital Environment. Bulletin of the Academy of Law and Administration, 2018, No. 3 (52), pp. 32–36.
6. Pupillo L., Ferreira A., Lipiäinen V., Polito C. Quantum Technologies and Cybersecurity. Brussels: CEPS, 2023. 103 p.
7. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, as amended). Collected Legislation of the Russian Federation, 2014, No. 31, Art. 4398.
8. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 15-P of October 30, 2003 «On the Case Concerning the Verification of the Constitutionality of Certain Provisions of the Federal Law «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referenda of Citizens of the Russian Federation» in Connection with the Request of a Group of Deputies of the State Duma and Complaints of Citizens S.A. Buntman, K.A. Katanyan and K.S. Rozhkov». Collected Legislation of the Russian Federation, 2003, No. 44, Art. 4358.
9. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 22-P of May 25, 2021 «On the Case Concerning the Verification of the Constitutionality of Paragraph 8 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law «On Personal Data» in Connection with the Complaint of MedRating LLC». Collected Legislation of the Russian Federation, 2021, No. 23, Art. 4010.
10. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection». Collected Legislation of the Russian Federation, 2006, No. 31 (Part I), Art. 3448.
11. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 «On Personal Data». Collected Legislation of the Russian Federation, 2006, No. 31 (Part I), Art. 3451.
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030». Collected Legislation of the Russian Federation, 2017, No. 20, Art. 2901.
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation» (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030). Collected Legislation of the Russian Federation, 2019, No. 41, Art. 5700.
14. Order of the Government of the Russian Federation No. 2129-r of August 19, 2020 «On Approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence Technologies and Robotics until 2024». Collected Legislation of the Russian Federation, 2020, No. 35, Art. 5593.
15. OECD Council Recommendation on Digital Security Risk Management for Economic and Social Prosperity (adopted September 17, 2015; repealed September 26, 2022). OECD Legal Instruments. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0479> (accessed 30 December 2025).

СПОРТ КАК КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА И ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ SPORT AS A CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHT AND AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION

ГАЛУЕВА Вероника Олеговна,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет» (г.Владикавказ).
362040, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, д. 37.
mirag.8184@ya.ru

GALUEVA Veronika Olegovna,

associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law
of the Gorsky State Agrarian University (Vladikavkaz).
37 Kirova St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia —Alania, 362040.
mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. В статье проводится комплексный анализ конституционно-правовых основ права на спорт и уголовно-правовых механизмов охраны общественных отношений в данной сфере. Автор исследует содержание права на спорт, закрепленного в статье 41 Конституции РФ, выявляя его многогранную природу. В работе доказывается, что эффективная реализация этого права невозможна без надежной уголовно-правовой защиты. В связи с этим рассматриваются составы преступлений, связанные с обеспечением безопасности жизни и здоровья участников спортивных мероприятий, честности соревнований и противодействием коррупции в спорте. Делается вывод о необходимости системного подхода к правовому регулированию спорта, сочетающего гарантии реализации конституционного права и строгие меры уголовной репрессии.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the constitutional and legal foundations of the right to sports and the criminal law mechanisms for protecting public relations in this area. The author examines the content of the right to sports, which is enshrined in Article 41 of the Constitution of the Russian Federation, and identifies its multifaceted nature. The article argues that the effective implementation of this right is impossible without reliable criminal law protection. Therefore, it examines the criminal offenses related to ensuring the safety of participants in sports events, maintaining the integrity of competitions, and combating corruption in sports. The article concludes that a systematic approach to the legal regulation of sports is necessary, combining guarantees for the implementation of constitutional rights and strict measures of criminal repression.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, правовое регулирование, государственная политика, уголовно-правовая защита, криминогенные виды спорта, спортивные правонарушения, договорные матчи, безопасность на стадионах.

Keywords: physical culture, sports, legal regulation, state policy, criminal law protection, criminal sports, sports offenses, fixed matches, stadium security.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Конституция Российской Федерации в статье 41 гарантирует каждому человеку такое право, как занятие физической культурой и спортом. Право на занятия физической культурой и спортом представляет собой неотъемлемый элемент социальной правовой политики современного государства, обладающий статусом фундаментальной конституционной ценности. Закрепленное в статье 41 Конституции Российской Федерации, оно гарантирует каждому возможность физического развития, укрепления здоровья и доступа к спортивной инфраструктуре, что соответствует общепризнанным международным стандартам в области социальных и культурных прав. Таким образом, данное право формирует основу для формирования здоровой личности и является важным условием для полноценной реализации иных прав и свобод человека.

В современном мире спорт является одним из основных направлений деятельности государства. Помимо федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», который совместно с Конституцией России составляют основу правового регулирования вопросов в сфере спорта, Правительством Российской Федерации разработана и принята Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, реализуется федеральный нацпроект «Спорт – норма жизни», государственная программа «Развитие физической культуры и спорта», федеральный проект «Развитие спорта высших достижений» и другие госпрограммы и нацпроекты.

В первую очередь, все перечисленные федеральные программы содержат положения, направленные на развитие массового любительского и детско-юношеского спорта, в то же время спортивный престиж государства на международной арене поддерживается спортом высших достижений, который в законе о физической культуре и спорте раскрывается как «часть спорта, направленная на достижение спортсменами высоких спортивных результатов на официальных всероссийских спортивных соревнованиях и официальных международных спортивных соревнованиях и мероприятиях». [1]

Помимо спорта высших достижений объектом регулирования федерального закона являются такие виды спорта, как:

- любительский спорт (массовый спорт, в котором задействованы не профессиональные спортсмены, а соревнования проводятся ради так называемого «спортивного интереса», т.е. без цели получения материального обогащения);
- корпоративный спорт (относительно новое понятие в федеральном законе, подразумевает семейно-командные соревнования среди работников, организатором которых является работодатель);
- массовый спорт (вид спорта, который предполагает задействовать самые широкие слои населения для занятий физкультурой и организации спортивных мероприятий);

- профессиональный спорт (в отличие от иных видов спорта представляет собой спортивно-предпринимательскую деятельность, которая приносит коммерческую прибыль организаторам и участникам (спортсменам) за счет своей зрелищности).

Помимо этих видов федеральный закон выделяет также виды спорта, связанные с возрастом участников и местом их учебы. Среди таких видов в законе указаны:

- детско-юношеский спорт (лиц, не достигших 18-летнего возраста, которые являются потенциальным спортивным резервом государства);
- школьный спорт (составная часть детско-юношеского спорта, которая охватывает только детей школьного возраста) и
- студенческий спорт (охватывает обучающихся профессиональных и высших учебных заведений).

Главной целью любого из названных видов спорта является создание условий, которые позволят гражданам государства вести здоровый образ жизни, обеспечат доступность к спортивной инфраструктуре, дадут возможность заниматься физической культурой и спортом, а если речь идет о спорте высших достижений, то еще и повысят конкурентоспособность российского спорта. [2]

Эффективность любого из указанных в федеральном законе видов спорта находится в прямой зависимости от многих факторов, в том числе от состояния защиты от различных противоправных нарушений. Именно эти угрозы могут стать препятствием для достижения целей, ради которых и существует спорт.

Стоит отметить, что при активной реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта их правовая защита находится на недостаточно высоком уровне. На фоне всеобщей коррумпированности и криминализации спорта уголовный закон содержит совсем малое количество статей, предусматривающую ответственность непосредственно за действия в сфере спорта и проведения спортивных соревнований – статьями 184, 230.1 и 230.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации, остальные преступные деяния квалифицируются по иным статьям Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Такая разрозненность не позволяет вести и официальную статистику по преступлениям в сфере физической культуры и спорта, что является одной из криминологических проблем.

Недостаточно исследований на эту тему и в научной среде. В то же время до сих пор существует мнение о целесообразности включения некоторых наиболее опасных деяний, совершаемых в спорте, в ряд преступных деяний. Это связано прежде всего с социально опасным характером некоторых форм поведения человека в спорте.

Профессиональный спорт в настоящее время становится все более коммерциализированным, а спортсмены часто выступают предметом сделок, заключенных с нарушением требований закона.

Учитывая тот факт, что на сегодняшний день не существует особого института ответственности в спорте, все противоправные деяния, совершаемые в этой сфере можно подразделить на несколько групп:

- 1) экономические преступления в сфере физической культуры и спорта;
- 2) преступления, связанные с незаконной спортивной деятельностью;
- 3) преступления против прав и свобод в сфере физической культуры и спорта;
- 4) преступления против общественного порядка и безопасности при проведении спортивных соревнований. [3]

При этом развивающийся профессиональный спорт требует комплексного регулирования всех его сфер, в том числе и уголовно-правовой защиты, так как он становится одним из направлений экономической деятельности государства.

В сфере спортивного бизнеса происходит регулярный оборот денежных средств за счет продажи прав на радио-, телетрансляцию спортивных соревнований, рекламы; продажи входных билетов на спортивные соревнования; изготовления и продажи спортивной атрибутики, товаров; передачи (уступки) прав и объектов интеллектуальной собственности; продажи (уступки) акций (долей) профессиональных спортивных клубов, лиг; трансферов (переходов) профессиональных спортсменов; сдачи в аренду и (или) проката спортивных зданий и сооружений, оборудования; проведения лотерей и т.д. [4]

Во всех названных видах деятельности, связанных с денежным оборотом, очень часто происходят злоупотребления, которые в силу своей общественной вредности должны влечь уголовную ответственность, что российским законодательством пока не урегулировано. Здесь можно назвать небывалые доходы некоторых профессиональных спортсменов, исчисляемые миллионами долларов и скрываемые от налогообложения, предвзятое судейство, договорные матчи, применение допинга и другие.

Все перечисленное дает основание полагать, что действительно, потребность в уголовно-правовой охране профессионального спорта является необходимой. А имеющиеся нормы недостаточны для решения проблем, возникающих в сфере профессионального спорта, которые представляют опасность для общества.

При этом возникает необходимость не в дополнении действующего законодательства, а о создании нового института уголовно-правовой защиты профессионального и иных видов спорта. Стоит отметить, что в современной уголовно-правовой доктрине неоднократно высказывалось мнение относительно необходимости создания норм, специально направленных на защиту уже известных уголовному законодательству общественных отношений (охрана жизни, здоровья и др.), но возникающих непосредственно в области профессионального спорта. [5]

Российское уголовное законодательство предусматривает уголовную ответственность только за один вид преступной деятельности, связанный с влиянием на ход спортивных соревнований (ст.184 УК РФ). При этом большинство противоправных действий связано не с самими соревнованиями, а с так называемой «индустрией профессионального спорта». Это незаконный оборот фармакологических препаратов, покупка

и продажа игроков, нарушения в сфере заключения контрактов, финансирования спортивных мероприятий и оказания спонсорской помощи, осуществление медицинской практики без лицензии и т.д.

Имеются и пробелы в действующем законе, которые, на наш взгляд, необходимо устранить (к примеру, добавив в качестве квалифицирующего признака совершение хулиганских действий или акта вандализма в период проведения спортивных соревнований; криминализовав действия врачей по незаконному использованию допинга в сфере профессионального спорта и т.д.).

Стоит отметить, что в спорте часто применяется спортивно-дисциплинарная ответственность, например, за применение допинга могут быть аннулированы результаты соревнований и дисквалифицированы спортсмены. Однако, практика показывает, что объем этих мер является недостаточным для снижения количества допинговых нарушений, следовательно, возникает необходимость в применении более жесткой ответственности.

Особо хотелось бы остановиться на таком явлении как «спортивное хулиганство», которое часто имеет место быть при проведении различных спортивных мероприятий, особенно в игровых видах спорта. Наиболее заметны в этой деятельности футбольные и хоккейные фанаты, которые образуют фанатские движения командного характера, основываясь на исторических и национальных традициях. В Европе даже создаются даже целые движения футбольных хулиганов. Их действия зачастую носят противозаконный характер, граничащий с экстремизмом.

Бороться с такими действиями призывает Европейская Конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и, в частности, футбольных матчей. Согласно нормам Конвенции, перед проведением матчей наиболее популярными среди фанатов команд принимающая сторона должна провести переговоры с представителями государства команды-соперника и принять соответствующие меры для предотвращения насилия во время проведения и после соревнований.

В России на учете в правоохранительных органах стоят десятки тысяч фанатов, среди них больше всего фанатов футбольных клубов «Спартак», «Динамо», «Зенит» и ЦСК, противостояние между которыми доходит до причинения смерти.

Поднимается в научной литературе также вопрос об отнесении элементов спортивной экипировки к предметам, используемым в качестве оружия, о чем в Постановлении Пленума Верховного Суда ничего не упоминалось.

При этом на практике использование клюшки в качестве оружия в хоккейных драках случаи довольно нередкие, имели место также причинение серьезных телесных повреждений вследствие ударов клюшкой, однако ответственность за такие действия наступает гораздо реже, чем сами драки. Помимо клюшки речь идет также о бейсбольных битах, клюшках для гольфа и других предметах, которые при определенных спортивных навыках могут стать причиной серьезных телесных повреждений.

Справедливости ради стоит отметить, что некоторые векторы в этом направлении уже заданы. Так, Президентом РФ в марте 2022 года был подписан закон, нормы которого направлены на борьбу с противоправным влиянием в сфере физической культуры и спорта. Ими дополнен федеральный закон о физической культуре и спорте в России.

С криминологической точки зрения профессиональные спортсмены обладают определенными характеристиками, которые при определенных сложившихся условиях могут послужить отправной точкой в проявлении их криминогенного потенциала. В особенности это представители спортивных единоборств, пулевой стрельбы, биатлона, силовых видов спорта. «Лихие девяностые» проявили многих представителей этих видов спорта в качестве так называемых «новых русских» и их «крыши», которые были склонны к авантюрам, риску и физически подготовлены к борьбе за «место под солнцем». [6]

Можно выделить также криминогенные виды спорта, которые хоть и являются зрелищными (соответственно приносят прибыль), но осуждаются представителями разумной половины человечества. Примером такого спорта являются женские бои без правил, которые помимо того, что пропагандируют жестокость вообще, еще и противоречат самой природе женщины как матери и посягают на общечеловеческие ценности.

Международное сообщество тоже не остается в стороне от решения проблемы преступного посягательства на спорт как явление. Первым документом в этой сфере можно назвать Европейскую Конвенцию о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и, в частности, футбольных матчей, которая была принята в 1985 году.

Основным документом на сегодняшний день является Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями 2014 года. Основными целями данной Конвенции является признание демократических принципов, уважение прав человека и соблюдение спортивной этики. Конвенция в своих положениях называет манипулирование спортивными соревнованиями глобальной угрозой добросовестному поведению в спорте. [7]

Совершенствование правовой базы является первым и основным шагом к снижению количества злоупотреблений в профессиональном спорте. При этом нет необходимости выделять в уголовном законе самостоятельную главу или раздел, достаточно введения новых норм, регулирующих уголовно-правовую ответственность за противоправные деяния в сфере спорта в действующее законодательство, т.е. за счет дополнения действующих глав и разделов Уголовного Кодекса России отдельными уголовно-правовыми нормами без усложнения в целом всей структуры уголовного законодательства. Молчаливое реагирование на спортивные правонарушения может повлечь за собой еще большее их распространение, а также приведет к росту степени тяжести их последствий, причем как материального, так и социального характера.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон №329-ФЗ (ред. от 24.06.25) [принят Государственной Думой 16 ноября 2007 года; одобрен Советом Федерации 23 ноября 2007 года] // СПС Консультант Плюс

2. Бережная Е.С. Современная государственная политика в области спорта и уголовно-правовая защита от различных противоправных посягательств / Е.С.Бережная, П.О.Мититаниди // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. - №11. – С.191-195
3. Алексеев С.В. Спортивное право России: правовые основы физической культуры и спорта / С.В. Алексеев; под. ред. П.В. Крашенинникова. – М., 2007. – 671 с.
4. Бавсун М.В. Перспективы уголовно-правовой охраны профессионального спорта в России / М.В.Бавсун, В.В.Векленко, В.В.Сараев // Журнал российского права. – 2011. - №3. – С.16
5. Сковрцов А. А. Причинение вреда жизни и здоровью при занятиях спортом: проблемы уголовно-правовой квалификации. М., 2006. С. 22-23; Игнатов А. Спорт и уголовная ответственность // Советская юстиция. - 1989. - № 7. - С. 28
6. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в сфере спорта : монография / Д.А. Безбородов, А.Н. Берестовой, М.Х. Гельдибаев, С.У. Дикаев, И.М. Клейменов, Е.В. Топильская, Е.Н. Рахманова, П.В. Цветков, Н.Ю. Филатова ; Под ред. Е. Н. Рахмановой. – СПб. : Астерион, 2022. – 298 с.– DOI: 10.53115/9785001882541
7. Крупник И.А. Противодействие: международно-правовая регламентация преступлений в сфере спорта // Вестник экономической безопасности. – 2023. - №5. – С.91-95

References

1. The Russian Federation. Laws. On Physical Culture and Sports in the Russian Federation: Federal Law No. 329-FZ (as amended on 06/24/25) [adopted by the State Duma on November 16, 2007; approved by the Federation Council on November 23, 2007] // SPS Consultant Plus
2. Berezhnaya E.S. Modern state policy in the field of sports and criminal law protection from various unlawful acts / E.S.Berezhnaya, P.O.Mititanidi // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2019. - No. 11. – pp.191-195
3. Alekseev S.V. Sports law of Russia: the legal foundations of physical culture and sports / S.V. Alekseev; edited by P.V. Krashennnikov. – M., 2007. – 671 p.
4. Bavsun M.V. Prospects of criminal legal protection of professional sports in Russia / M.V.Bavsun, V.V.Veklenko, V.V.Saraev // Journal of Russian Law. - 2011. - No. 3. – p.16
5. Skvortsov A. A. Harm to life and health during sports: problems of criminal law qualification. Moscow, 2006. pp. 22-23; Ignatov A. Sport and criminal liability // Soviet justice. - 1989. - No. 7. - p. 28
6. Criminal law and criminological problems of countering crime in the field of sports: a monograph / D.A. Bezborodov, A.N. Berestovoy, M.H. Geldibaev, S.U. Dikaev, I.M. Kleimenov, E.V. Topilskaya, E.N. Rakhmanova, P.V. Tsvetkov, N.Y. Filatova; Edited by E. N.. Rakhmanova. – St. Petersburg : Asterion, 2022. – 298 p.– DOI: 10.53115/9785001882541
7. Krupnik I.A. Counteraction: international legal regulation of crimes in the field of sports // Bulletin of Economic Security. – 2023. - No. 5. – pp.91-95

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ДЕЛЕГИРОВАНИЕ В АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: БАЛАНС ЦЕННОСТЕЙ, ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ВЕКТОР РЕФОРМ CONSTITUTIONAL LIMITS AND DELEGATION IN RUSSIA'S ANTI-CORRUPTION POLICY: BALANCE OF VALUES, LAW ENFORCEMENT ISSUES AND THE VECTOR OF REFORMS

ГАДЖИЕВ Алисултан Шамсулаевич

к.ю.н. доцент кафедры конституционного и муниципального права Юридического института,
Дагестанский государственный университет;
Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а;
kafedraconst@mail.ru

ГАВРИЛОВ Адам Соломонович

магистрант Юридического института, Дагестанский государственный университет;
Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; kafedraconst@mail.ru
adam.gavrilov.2002@mail.ru

GADZHIEV Alisultan Shamsulayevich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law at the Law Institute,
Dagestan State University;
43a M. Gadzhieva str., Makhachkala, 367000, Russia;
kafedraconst@mail.ru

GAVRILOV Adam Solomonovich

Graduate student of the Law Institute, Dagestan State University;
43a M. Gadzhiev str., Makhachkala, 367000, Russia; kafedraconst@mail.ru
adam.gavrilov.2002@mail.ru

Краткая аннотация. В статье анализируются конституционные пределы установления и реализации антикоррупционных механизмов в Российской Федерации, а также пределы усмотрения при делегировании нормотворческих полномочий субъектам РФ, органам местного самоуправления и организациям частного сектора. Показывается, что антикоррупционные стандарты по своей природе ограничивают ряд конституционных прав и свобод и потому допустимы лишь при соблюдении критериев части 3 статьи 55 Конституции РФ: законности, конституционно значимых целей и соразмерности. На материале практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, федерального и регионального законодательства, а также сравнительно-правовых примеров обосновывается необходимость переориентации действующей модели с «санкционирования» ограничения прав в подзаконном и региональном регулировании на их четко очерченное «делегирование» с фиксированными критериями. Отдельное внимание уделяется механизму контроля доходов и расходов, публичности сведений, запретам на подарки, а также универсальной обязанности организаций «принимать меры по противодействию коррупции». Предлагается комплекс корректировок: возврат к полноформатной открытости сведений о доходах парламентариев, введение уведомительной модели в отношении подарков с порогами, дифференциация частных антикоррупционных практик по видам организаций и укрепление правовой определенности при распределении полномочий между уровнями публичной власти.

Abstract. The article analyzes the constitutional limits of the establishment and implementation of anti-corruption mechanisms in the Russian Federation, as well as the limits of discretion in delegating rule-making powers to subjects of the Russian Federation, local governments and private sector organizations. It is shown that anti-corruption standards by their nature restrict a number of constitutional rights and freedoms and are therefore permissible only if the criteria of Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation are met: legality, constitutionally significant goals and proportionality. Based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, federal and regional legislation, as well as comparative legal examples, the need to reorient the current model from "sanctioning" restrictions on rights in subordinate and regional regulation to their clearly defined "delegation" with fixed criteria is substantiated. Special attention is paid to the mechanism for controlling income and expenses, publicity of information, prohibitions on gifts, as well as the universal obligation of organizations to "take measures to combat corruption." A set of adjustments is proposed: a return to full-format transparency of information on parliamentarians' incomes, the introduction of a notification model for gifts with thresholds, the differentiation of private anti-corruption practices by type of organization, and the strengthening of legal certainty in the distribution of powers between levels of public authority.

Ключевые слова: конституционные права и свободы; соразмерность; противодействие коррупции; делегирование полномочий; публичные и частные ценности; контроль доходов и расходов; подарки; региональное нормотворчество.

Keywords: constitutional rights and freedoms; proportionality; anti-corruption; delegation of authority; public and private values; control of income and expenses; gifts; regional rulemaking.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Антикоррупционные механизмы неизбежно вторгаются в сферу индивидуальной свободы: они накладывают запреты, вводят обязанности, создают особые режимы ответственности и публичности. Следовательно, их действительность и легитимность зависят от того, выдержан ли конституционный баланс между публичным интересом и частной автономией личности. Российская конституционная модель прямо требует, чтобы всякое ограничение прав и свобод отвечало трем базовым условиям: было установлено федеральным законом, преследовало конституционно значимую цель и соответствовало ей по объему, не задевая «существо» права (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) [1; 8; 16].

Практика показывает, что дискуссия вокруг антикоррупционных инструментов идет в двух измерениях. Во-первых, о «границах» самих ограничений (не чрезмерны ли они и одновременно не недостаточны ли для достижения целей?). Во-вторых, о «границах усмотрения» при пере-

даче регулирования субъектам РФ, органам местного самоуправления и частным организациям: допустимо ли «санкционировать» новые ограничения вне федерального закона, или надлежит строго делегировать конкретные полномочия в заданных конституцией рамках [12; 39; 47; 51]?

Эта статья предлагает целостный конституционно-правовой взгляд на оба измерения и формулирует набор прикладных предложений для коррекции законодательства и практики.

Смысл ограничений прав в демократическом правовом порядке — охрана иных, сопоставимо значимых конституционных ценностей: основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны и безопасности государства [8; 13–16]. При этом само ограничение должно быть федеральным по форме, легитимным по цели и соразмерным по содержанию [1; 8; 16; 18]. Ключевое — не разрушать «ядро» права, не выхолащивать его реальное содержание [8; 9].

В научной литературе сформированы несколько подходов к пониманию «ограничений»: как сужения объема права; изъятия отдельных правомочий; установления пределов реализации через запреты, обязанности и ответственность и т.д. [11]. Для целей антикоррупционной политики уместно говорить о «стандартах», включающих запреты, ограничения, обязанности, требования к поведению, механизмы контроля и меры ответственности — все они способны ограничивать права и потому подлежат проверке на конституционную допустимость [12; 16; 18].

Отдельно подчеркнем двусторонний характер соразмерности. Ограничения не должны быть чрезмерными, но и недостаточными быть не могут: если установленная мера не позволяет достичь конституционно значимой цели, то такое «псевдоограничение» превращается в бессмысленное сужение прав без общественной пользы [16; 17].

Механизм декларирования доходов, имущества и обязательств, а также контроля расходов лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, — один из центральных в антикоррупционном арсенале [19; 20]. Он прямо затрагивает как право на неприкосновенность частной жизни (через обязанность раскрывать персональные и семейные данные), так и право собственности (через специальную гражданско-правовую конфискацию имущества, приобретенного на неподтвержденные законные доходы) [19; 20; 21–23].

Конституционный Суд РФ в ряде дел подтвердил конституционность такой модели в ее конституционно-правовом смысле: допускается обращение в доход государства имущества (или денежного эквивалента), если законность происхождения средств не подтверждена, при процессуальных гарантиях и учете индивидуальных обстоятельств [21–23]. Вместе с тем практика породила и острые вопросы.

Во-первых, предельная широта круга «связанных лиц» в правоприменении иногда приводит к изъятию имущества у субъектов, прямо не охваченных законом (супруги и несовершеннолетние дети), но «связанных» иным образом — что фактически расширяет ограничение права собственности на неопределенный круг лиц [24]. Такая трактовка рискует выйти за пределы допустимого, заданные частью 3 статьи 55 Конституции РФ.

Во-вторых, судебная практика допускает изъятие лишь «доли» стоимости предмета при незначительном превышении расходов над доходами [21; 25]. Однако выбор «промежуточных» сумм при очевидном разрыве между стоимостью и подтвержденными доходами может подрывать достижение цели: борьба с незаконным обогащением превращается в техническое «довыскание» процентов, хотя материальная картина указывает на системную несоразмерность траты и доходов.

В-третьих, с 2022–2023 годов аналогичные подходы распространились и на «подозрительные доходы» (взыскание суммы, законность получения которой не подтверждена) [26]. Здесь велика вероятность воспроизведения прежних проблем: неопределенность круга вовлекаемых лиц и тонкая грань между соразмерностью и недостижением цели.

Вывод: сам механизм оправдан, но нуждается в уточнении пределов: закрепить закрытый перечень «охватываемых» частных лиц, усилив доказательные стандарты, а также исключить ситуации, где «символическое» взыскание делает ограничение недостаточным с точки зрения конституционно значимой цели [16; 18; 21–23; 25].

Публичное размещение сведений о доходах и имуществе — значимое вмешательство в частную жизнь, но оно оправдано конституционно значимой целью — открытостью публичного управления и общественным контролем [12; 28]. На этом фоне корректировки 2023 года, заменившие индивидуально-персонифицированные данные парламентариев на «обобщенную информацию», подрывают эффективность механизма: общество лишается информативности, а значит, ограничение частной жизни перестает достигать заявленной цели [27]. К тому же дифференциация по группам публичных лиц (сохранение полноформатной публикации для одних и «обобщения» для других) выглядит как выборочная модификация объема прав — фактор коррупциогенности по действующим методикам [34].

Предлагаемое решение — вернуться к полным публикациям для всех ключевых категорий публичных должностных лиц при унификации форматов и защиты персональных данных «третьих лиц» (несовершеннолетние и объективно уязвимые категории), что восстановит баланс между частной жизнью и общественным контролем [12; 28; 34].

Действующий запрет на получение подарков и вознаграждений «в связи с выполнением служебных обязанностей» страдает высокой неопределенностью. На практике коррупционные транзакции «маскируются» под обычные житейские поводы; а аргумент «личного дара» оказывается универсальным оправданием [29–31]. Сравнительно-правовые модели демонстрируют более технологичные решения: фиксированные пороги стоимости (Грузия) и обязанность декларировать подарки сверх доли дохода семьи (Монголия) [32; 33].

Рациональной представляется комбинированная уведомительная модель: сохранить общий запрет на подарки, связанные со службой, и ввести обязанность уведомлять о любом подарке выше индивидуального порога (например, среднемесячный семейный доход), с исключением для узкого круга близких родственников — но с повышенным порогом и все равно с уведомлением при его превышении. Уведомления должны запускать служебную проверку по единым правилам (орган — тот же, что ведет контроль за доходами и расходами) [12; 29–33].

Закон о противодействии коррупции допускает установление иных ограничений, запретов, обязанностей и правил поведения законами субъектов РФ и актами муниципального уровня [19, ст. 12.5]. Такая «санкционирующая» формула фактически позволяет регионам вводить дополнительные ограничения прав в чувствительных областях (например, запреты на совместительство для отдельных категорий работников госучреждений; особые обязанности по уведомлению о трудоустройстве после ухода с должности и т.п.) [35–38]. Тем самым возникает конфликт с частью 3 статьи 55 Конституции РФ: ограничение прав допустимо только федеральным законом [39; 44].

Правовые позиции Конституционного Суда РФ устойчиво подчеркивают: законодателю запрещено передавать неопределенные полномочия иного уровня публичной власти — критерии и пределы должны быть четко установлены в федеральном законе; то же касается и полномочий субъектов РФ [48–51]. Следовательно, модель «санкционирования» (общего разрешения вводить «иные» ограничения) нуждается в замене на модель «делегирования»: федеральный закон напрямую закрепляет перечень допустимых видов ограничений и пределы их варьирования на региональном уровне (круг адресатов, процессуальные формы, исключения), исключая возможность «придумывать» новые ограничения [12; 47; 51].

Практический критерий разграничения: субъект РФ вправе расширять объем применения уже установленных федеральным законом ограничений на шире определенный федеральным законом круг лиц и ситуаций, но не вправе вводить иные по природе ограничения (например, превращать учет неснятых и погашенных судимостей или административных проступков в самостоятельные запреты на замещение должностей) [12].

Конституционная реформа 2020 года придала дополнительную определенность, отнеся установление ограничений для замещения государственных и муниципальных должностей к предметам исключительного ведения Российской Федерации (п. «т» ст. 71) — еще один довод в пользу централизации ключевых ограничений и делегирования лишь параметров их реализации [27; 51].

Статья 13.3 Закона № 273-ФЗ установила универсальную обязанность всех организаций, независимо от формы собственности и профиля, принимать меры по предупреждению коррупции, что было конкретизировано методическими материалами Минтруда [19; 53]. Возник «эффект копирования» административно-правовых механизмов госслужбы на частную сферу: запреты на подарки, совместную работу родственников, регламенты уведомления о конфликте интересов и т.д. [53].

Возражения конституционно-правового порядка здесь двусторонние.

Во-первых, частные механизмы иногда обеспечивают не публичный, а корпоративный интерес (разрешение «конфликта интересов» как конфликта между работником и работодателем), а потому ограничивают права (свободу труда, частную жизнь, собственность) в пользу частного интереса — что выходит за модель ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [40; 43].

Во-вторых, универсальная обязанность не дифференцируется по типу организаций, численности, рисковому профилю деятельности. Судебная практика фиксировала казусы, когда к «антикоррупционной бюрократии» принуждались микроорганизации с одним-двумя сотрудниками, где объективные коррупционные риски минимальны [54–57]. Это превращает институт в формальность, размывая доверие к подлинным антикоррупционным практикам.

Решение — умная дифференциация. Для государственных и муниципальных организаций — централизованные (отраслевые) регламенты с учетом миссии (образование, здравоохранение и др.) и реальной применимости отдельных ограничений (например, совместная работа родственников не всегда совместима с природой учреждения) [37; 43]. Для частного сектора — риск-ориентированная обязанность: обязательные антикоррупционные меры для организаций, оказывающих услуги неопределенному кругу лиц, вовлеченных в госзакупки, оборот повышенного публичного интереса и т.п.; для иных — мягкая модель с рекомендуемыми практиками и договорным внедрением, опирающимся на общие нормы трудового права (например, увольнение при утрате доверия — уже действующая правовая опора) [61].

В связи с этим можно считать целесообразным предложить ряд новаций в законодательство, а именно:

Вернуть полноформатную публичность сведений о доходах парламентариев всех уровней при унифицированных форматах и разумной защите данных членов семьи, не участвующих в публичной деятельности [27–28; 34].

Уточнить границы круга лиц при обращении в доход государства имущества (или доходов), законность происхождения которых не подтверждена: закрытый перечень «связанных лиц»; стандарты доказывания бенефициарного владения; недопустимость «символического» взыскания, не обеспечивающего достижения цели [21–26].

Ввести уведомительную модель подарков: общий запрет на «служебные» подарки + обязанность уведомлять о подарках выше индивидуального порога, привязанного к среднемесячному семейному доходу; исключение для узкого круга близких родственников — с повышенным порогом и обязательным уведомлением при превышении [29–33].

Заменить «санкционирование» на «делегирование» в ст. 12.5 Закона № 273-ФЗ: закрепить перечень видов ограничений, допустимых к региональному варьированию, и границы усмотрения (адресаты, процедуры, исключения, сроки), запрет на введение «новых по природе» ограничений [12; 47–51].

Дифференцировать частные антикоррупционные обязанности: обязательные меры — для рискованных отраслей/сегментов; для остальных — рекомендательные стандарты и опора на общие институты трудового права, исключая ограничения прав «под частную цель» [40; 43; 53–57; 61].

Унифицировать пост-служебные ограничения: федерально урегулировать уведомления о трудоустройстве после замещения публичных должностей (единые сроки, адресаты, последствия нарушения) — вместо разношерстного регионального регулирования [37; 52].

Методологически закрепить двустороннюю соразмерность: ограничения не только не должны быть чрезмерными, но и недостаточными — прямое указание в законе и ориентирах правоприменителя [16–18].

Заключение

Проведенное исследование, что антикоррупционная политика — пространство тонких компромиссов. Любая ее мера живет в напряжении между свободой личности и охраной публичных ценностей. Российская Конституция дает ясные ориентиры: только федеральный закон, только конституционно значимые цели, только соразмерность, не разрушающая «ядро» права. Судебная практика дополнила их принципом правовой определенности и запретом на передачу неограниченных и неопределенных полномочий иным уровням власти.

Рассмотренные механизмы — контроль доходов и расходов, публичность сведений, запреты на подарки — способны работать эффективно и конституционно корректно, если выверить их предельные контуры. Вопрос делегирования требует перевода с языка «санкционирования» на язык «делегирования с критериями»: федеральный центр устанавливает «что» и «почему», регион — лишь «как» и «для кого» в строго очерченных рамках. Частный сектор нуждается в риск-ориентированной дифференциации, иначе антикоррупция превращается в формализм.

Предложенный вектор реформ возвращает антикоррупционные стандарты в поле конституции, не сдавая их эффективности. Этот баланс — условие доверия к институтам и самой идее антикоррупционной государственности.

Список литературы

1. Невинский, В. В. Естественные права человека на весах современного конституционализма / В. В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 8. — С. 28-33.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2007 N 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» // Вестник КС РФ. 2007. № 3.
3. Колесников, Е. В. Федеральный закон: проблемы типологии / Е. В. Колесников // Государственная власть и местное самоуправление. — 2020. — № 4. — С. 9-12.
4. Овсепян, Ж. И. Теория федерального закона (обыкновенные, или простые, ординарные федеральные законы) как источника права в России в период глобализации / Ж. И. Овсепян // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 11. — С. 64-74.
5. Андреечев, И. С. Антикоррупционные стандарты в отношении публичных должностных лиц: применение субъектами Российской Федерации опережающего правового регулирования / И. С. Андреечев // Административное и муниципальное право. — 2021. — № 2. — С. 69-85.
6. Ишеков, К. А. Нормативное правовое регулирование антикоррупционной политики: проблемы и перспективы / К. А. Ишеков // Российский следователь. — 2017. — № 24. — С. 28-32.
7. Абакумова Е.Б. Теоретико-правовой анализ ограничений конституционных прав граждан, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации / Е. Б. Абакумова // Современное право. — 2019. — № 10. — С. 29-36.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.
9. Паршенков В.Н. Пределы ограничений субъективного конституционного права как основная гарантия сохранения его ядра // СПС Консультант-Плюс — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=115977#4RJsUzUW5aJlRo871> (дата обращения 13.10.2025)
10. Пирбудагова, Д. Ш. К вопросу о конституционных пределах ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Д. Ш. Пирбудагова // Юридический мир. — 2009. — № 12. — С. 4-19.
11. Кондрашев, А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 7. — С. 40-47.
12. Чаннов, С. Е. Ограничения конституционных прав лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации / С. Е. Чаннов // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 10. — С. 42-47.
13. Карасева, И. А. Конкуренция конституционных ценностей в правоприменительной практике России и зарубежных государств / И. А. Карасева // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 4(101). — С. 75-85.
14. Савчин, М. В. Конституционные ценности, легитимность публичной власти и учредительная легитимность / М. В. Савчин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2013. — № 4(41). — С. 587-595.
15. Сазанова, И. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: монография / И. В. Сазанова. — Южно-Сахалинск: СахГУ, 2009. — 120 с.
16. Сергеев, В. Ю. Конституционные цели и пределы допустимости ограничений прав и свобод человека в демократическом государстве / В. Ю. Сергеев // Государственная власть и местное самоуправление. — 2021. — № 11. — С. 7-12.
17. Должиков, А. В. Стакан наполовину полон или пуст? Вмешательство как форма ограничения конституционных прав / А. В. Должиков // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 1(122). — С. 80-112.
18. Сергеев, В. Ю. Применение категорий "ограничение" и "нарушение" конституционных прав и свобод человека и гражданина в практике Конституционного Суда РФ / В. Ю. Сергеев // Российский судья. — 2021. — № 11. — С. 42-46.
19. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
20. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 10.12.2012. № 50 (часть 4). Ст. 6953.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.2019 № 1-П.
23. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 № 27-П.
24. Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 № 2652-О.
25. «Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
26. Федеральный закон от 06.03.2022 № 44-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 07.03.2022. №10. Ст. 1401
27. Федеральный закон от 06.02.2023 № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 06.12.2023. №6. Ст. 919
28. Леонтьева, А. Ю. Проблемы правового регулирования вопросов, связанных с опубликованием сведений о доходах, представленных лицами, замещающими муниципальные должности / А. Ю. Леонтьева // Законность. — 2019. — № 12(1022). — С. 34-35.
29. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: научно-практическое пособие / Т.С. Глазырин, Т.Л. Козлов, Н.М. Колосова [и др.]: отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. — 224 с.
30. Густова, Л. В. Антикоррупционные запреты, установленные в отношении сотрудников полиции / Л. В. Густова // Административное право и процесс. — 2014. — № 2. — С. 73-75.
31. Губский А., Резник И., Говорун Ю. Крупным планом: Часовые родины // Ведомости. 26.10.2009.
32. Что можно дарить чиновникам за рубежом // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/706907> (дата обращения 13.10.2025)
33. Эрдэнебаатар, П. Особенности государственной службы Монголии / П. Эрдэнебаатар // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2008. — № 3(39). — С. 35-38.
34. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 08.03.2010. № 10. Ст. 1084.
35. Закон Саратовской области от 02.08.2007 г. № 157-ЗСО О некоторых вопросах муниципальной службы в Саратовской области // Саратовская областная газета. 2007. Официальное приложение. - № 58
36. Закон Ульяновской области от 20.07.2012 № 89-ЗО «О противодействии коррупции в Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2012. № 78(23.203).

37. Закон Кировской области от 30.04.2009 № 365-ЗО "О противодействии коррупции в Кировской области" // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2009. № 3(123).
38. Закон Пензенской обл. от 14.11.2006 № 1141-ЗПО «О противодействии коррупции в Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. 2006. № 33, с. 33.
39. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. – Москва: Норма, Инфра-М, 2011. – 1008 с.
40. Пресняков, М. В. Здоровье нации и проблема ограничения конституционных прав человека и гражданина в современном законодательстве / М. В. Пресняков // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 23-27.
41. Пресняков, М. В. Право на ограничение прав: пределы правотворческой компетенции субъектов Российской Федерации / М. В. Пресняков // Современное право. – 2015. – № 6. – С. 36-41.
42. Пресняков, М. В. Близкое родство и свойство как ограничение совместной службы (работы): проблемы нормативного закрепления и практики применения / М. В. Пресняков // Административное право и процесс. – 2019. – № 12. – С. 35-42.
43. Пресняков, М. В. "Частные" механизмы противодействия коррупции: оптимизация и пределы экспансии антикоррупционных практик / М. В. Пресняков // Административное право и процесс. – 2022. – № 9. – С. 20-27.
44. Велиева, Д. С. Регулирование и защита прав человека и гражданина в России: проблема разграничения правотворческих полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами / Д. С. Велиева, М. В. Пресняков // Журнал российского права. – 2017. – № 5(245). – С. 17-27.
45. Велиева, Д. С. Конституционная допустимость передачи полномочий по ограничению прав и свобод человека и гражданина / Д. С. Велиева // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права : Сборник научных статей Межрегионального научного круглого стола с международным участием, Курск, 25 мая 2022 года / Редакция: В.В. Коровин (отв. ред.) [и др.]. Том Выпуск 7. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 16-21.
46. Крусс, В.И. Теория конституционного правопользования / В. И. Крусс – Москва: Норма, 2007. – 752 с.
47. Черепанов, В. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина законами субъектов Российской Федерации: проблемные вопросы и поиск решения / В. А. Черепанов // Конституционное и муниципальное право – 2017 – № 12. – С. 46-51
48. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П.
49. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2008 № 2-П.
50. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.03.2011 № 2-П.
51. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П.
52. Указ Президента РФ от 21.07.2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Закона «О противодействии коррупции»» // СЗ РФ. 26.07.2010. №30. Ст. 4070
53. «Меры по предупреждению коррупции в организациях» (утв. Минтрудом России) // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333706/ (дата обращения 13.10.2025)
54. Трунцевский, Ю. В. Соблюдение организациями требований законодательства о противодействии коррупции: вопросы практики / Ю. В. Трунцевский // Журнал российского права. – 2019. – № 2(266). – С. 169-182.
55. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 08.05.2015 по делу № 33-2947/2015.
56. Решение Смирновского районного суда (Сахалинская обл.) от 01.12.2017 по делу № 2-866/2017.
57. Апелляционное определение Мосгорсуда от 26.12.2016 по делу № 33-50602/2016.
58. Романовская, О. В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования / О. В. Романовская // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 36. – С. 143-154.
59. Петров, Д. А. Правовой статус саморегулируемой организации в сфере предпринимательства: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Петров Д. А. — Санкт-Петербург, 2016. — 58 с.
60. Федеральный закон от 11.06.2003 N 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/ (дата обращения 13.10.2025)
61. Трудовой кодекс Российской Федерации: ФЗ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

References

1. Nevinsky, V. V. Natural human rights on the scales of modern constitutionalism / V. V. Nevinsky // Constitutional and muni-personal law. – 2016. – No. 8. – pp. 28-33.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/21/2007 N 3-P "In the case of checking the constitutionality of a number of provisions of Articles 6 and 15 of the Federal Constitutional Law "On the Referendum of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen V.I. Lakeev. By G. Solovov and V.D. Ulasa" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2007. No. 3.
3. Kolesnikov, E. V. Federal law: a typology of problems / E. V. Kolesnikov // State power and local self-government - 2020. – No. 4. – pp. 9-12.
4. Ovspeyan, J. I. Theory of federal law (ordinary, or simple, ordinary federal laws) as a source of law in Russia in the period of globalization / J. I. Hovsepian // Constitutional and municipal law – 2015. – № 11. – pp. 64-74.
5. Andreechev, I. S. Anti-corruption standards in relation to public positions of persons: an example to the subjects of the Russian Federation of a functioning legal regulation / I. S. Andreechev // Administrative and municipal law – 2021. – No. 2. – pp. 69-85.
6. Ishekov, K. A. Regulatory legal regulation of anti-corruption policy: problems and prospects / To A. Ishekov // Russian Pathfinder, 2017, No. 24, pp. 28-32.
7. Abakumova E.B. Theoretical and legal analysis of restrictions on the constitutional rights of citizens who replace state duties of a subject of the Russian Federation / E. B. Abakumova // Modern law. – 2019. – No. 10. – pp. 29-36.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/20/2018 No. 25-P // SZ RF. 2018. No. 19. Art. 2812.
9. Parshenko V.N. Previous limitations of subjective constitutional law as the main guarantee of preserving its core / / SPS Consulate-tantPlus-URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=115977#4RJsUzUW5aJIRo871> (accessed 13.10.2025)
10. Pribudagova, D. S. On the issue of constitutional prerequisites for the restriction of fundamental human and civil rights and freedoms in the Russian Federation / D. S. Pribudagova // Legal World, 2009, No. 12, pp. 4-19.
11. Kondrashev, A. A. Limitations of constitutional law in the Russian Federation: theoretical approaches and political and legal practice / A. A. Kondrashev // Constitutional and Municipal Law, 2014, No. 7, pp. 40-47.
12. Channov, S.E. Restrictions on the constitutional rights of persons who replace state duties of subjects of the Russian Federation / S.E. Channov // Constitutional and municipal law. – 2015. – No. 10. – pp. 42-47.
13. Karaseva, A. Competition of constitutional prices in the law enforcement practice of Russia and foreign countries / And A. Kara-seva // Comparative Constitutional Review. – 2014. – № 4(101). – Pp. 75-85.
14. Savchin, M. V. Constitutional values, legitimacy of public authority and constituent legitimacy / M. V. Savchin // Journal of International Legislation and Comparative Jurisprudence – 2013. – № 4(41). – Pp. 587-595.
15. Sazanova, V. Abuse of subjective civil law: a monograph / I. V. Sazanova. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhu, 2009. 120 P.
16. Sergeev, V. Y. Constitutional goals and prerequisites for allowing restrictions on human rights and freedoms in a democratic state. Sergeev // State power and local self-government – 2021. – No. 11. – pp. 7-12.
17. Dolzhikov, A.V. Should I fill the glass with fullness or with skin? Interaction as a form of restriction of constitutional rights / A. V. Dolzhikov // Comparative Constitutional Review. – 2018. – № 1(122). – Pp. 80-112.
18. Sergeev, V. Y. Application of the categories "restriction" and "violation" of constitutional human and civil rights and freedoms in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation / V. Y. Sergeev // Russian Judge. – 2021. – No. 11. – pp. 42-46.
19. Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption" // Federal Law of the Russian Federation. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6228.
20. Federal Law No. 230-FZ dated 03.12.2012 "On Control over the Relevant Activities of Persons Performing State Duties and their Present Persons" // Federal Law of the Russian Federation No. 50 (Part 4) dated 10.12.2012. Art. 6953.
21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.11.2016 No. 26-P
22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09.01.2019 No. 1-paragraph
23. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.07.2022 No. 27-P
24. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02.10.2019 No. 2652-O
25. "Review of judicial practice in cases involving statements by prosecutors about participation in the income of the Russian Federation, in connection with which the argument for its application on legitimate income was not presented in connection with anti-corruption legislation" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30.06.2017) // The document was not published. Access from the SPS "ConsultantPlus".
26. Federal Law No. 44-FZ dated 03/06/2022 "On Amendments to Article 26 of the Federal Law "On Banks and Banking Activities" and the Federal Law "On Combating Corruption" // Federal Law of the Russian Federation 07.03.2022. No. 10. Art. 1401
27. Federal Law No. 12-FZ dated 02/06/2023 "On Amendments to the Federal Law "On General Principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Federal Law of the Russian Federation No. 6. Art. 919 dated 12/06/2023
28. Leontieva, A. Y. Problems of legal regulation of issues related to the publication of income information provided by persons filling municipal duties / A. Y. Leontieva // Legality. – 2019. – № 12(1022). – Pp. 34-35.

29. Conflict of interests in the state and municipal service, in the sphere of activity of the organization: berths, precautions, regulation: a scientific and practical guide / T.S. Glazyrin, T.L. Kozlov, N.M. Kolosova [et al.]; ed. by A.F. Nozdachev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2016. 224 p.
30. Gustova, L. V. Anti-corruption bans imposed on police officers / L. V. Gustova // Administrative law and process – 2014. – № 2. – pp. 73-75.
31. Gubsky, Reznik., I say Yu. Close-up: Sentinels of the Motherland // Vedomosti. 26.10.2009.
32. What can officials keep abroad // Kommersant. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/706907> (accessed 13.10.2025)
33. Erdenebaatar, P. Features of the Mongolian Civil Service / P. Erdenebaatar // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2008. – № 3(39). – Pp. 35-38.
34. Resolution of the legislation of the Russian Federation dated 02/26/2010 No. 96 "On anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts" // Federal Law of the Russian Federation 08.03.2010. No. 10. Art. 1084.
35. Law of the Saratov Region of 08/02/2007 No. 157-ZSO On Certain Issues of Municipal Service in the Saratov Region // Saratov Regional Newspaper 2007. The official app. - No. 58
36. The Law of the Ulyanovsk region dated 07/20/2012 No. 89-ZO "On Combating corruption in the Ulyanovsk region" // Ulyanovskaya Pravda. 2012. № 78(23.203).
37. The Law of the Kirov region dated 30.04.2009 No. 365-ZO "On combating corruption in the Kirov region" // Collection of basic regulatory legal acts of state authorities of the Kirov region 2009. No. 3(123).
38. The Law of the Penza region dated 11/14/2006 No. 1141-PO "On Combating corruption in the Penza region" // Penza Provincial Vedomosti. 2006. No. 33, p. 33.
39. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article) / edited by V.D. Zorkin. 2nd ed., revised. Moscow: Norma, Infra-M, 2011. 1008 P.
40. Presnyakov, M. V. The health of the nation and the problem of restrictions on constitutional human and civil rights in modern legislation. Presnyakov // Constitutional and Municipal Law, 2014, No. 10, pp. 23-27.
41. Presnyakov, M. V. The right to restriction of rights: aspects of the law-making competence of the subjects of the Russian Federation / M. V. Presnyakov // Modern law. – 2015. – No. 6. – pp. 36-41.
42. Presnyakov, M. V. Close kinship and property as protection of Soviet service (work): problems of regulatory closure and practical examples / M. V. Presnyakov // Administrative law and process – 2019. – No. 12. – pp. 35-42.
43. Presnyakov, M. V. "Private" anti-corruption mechanisms: optimization and maximum expansion of anti-corruption practices / M. V. Presnyakov // Administrative law and process – 2022. - No. 9. - pp. 20-27.
44. Veliyeva, D. S. Regulation and protection of human and civil rights in Russia: the problem of differentiation of law-making powers between the Russian Federation and its subjects / D. S. Veliyeva, M. V. Presnyakov // Journal of Russian Law. – 2017. – № 5(245). – Pp. 17-27.
45. Veliyeva, D. S. The constitutional assumption of the transfer of powers to restrict human and civil rights and freedoms / D. S. Veliyeva // Actual problems of constitutional, municipal and international law: A collection of scientific articles of the Interregional Scientific Round Table with an international section, Kursk, May 25, 2022 / Editorial Board: V.V. Korovin (editor) [and others]. Volume Issue 7. - Kursk: Southwestern State University, 2022. – Pp. 16-21.
46. Kruss, V.I. Theory of constitutional law and order / V. I. Kruss-Moscow: Norm, 2007. - 752 P.
47. Cherepanov, V. A. Restriction of human and civil rights and freedoms by the laws of the subjects of the Russian Federation: problematic issues and search for solutions / In A. Cherepanov // Constitutional and Municipal Law-2017 - No. 12. – pp.46-51
48. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/06/2004 No. 7-paragraph
49. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Court of the Russian Federation dated 31.01.2008 No. 2-paragraph
50. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.03.2011 No. 2-paragraph
51. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 18.07.2012 No. 19-paragraph
52. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/21/2010 No. 925 "On measures to implement Certain provisions of the Law "On Combating Corruption" // Federal Law of the Russian Federation dated 07/26/2010. No. 30. Art. 4070
53. "Measures to prevent corruption in organizations" (approved by the Ministry of Labor of the Russian Federation) // SPS ConsultantPlus-URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333706/ (accessed 13.10.2025)
54. Truntsevsky, Yu.V. Collecting the requirements of organizations of anti-corruption legislation: issues of practice / Yu. V. Truntsevsky // Journal of Russian Law. – 2019. – № 2(266). – Pp. 169-182.
55. Appeal ruling of the Khabarovsk Regional Court dated 05/08/2015 in case No. 33-2947/2015.
56. Decision of the Smirnykhovsky District Court (Sakhalin region) dated 12/01/2017 in case No. 2-866/2017.
57. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 12/26/2016 in case No. 33-50602/2016.
58. Romanovskaya, V. Delegation of state powers in the system of public legal regulation / About V. Romanovskaya // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2017. No. 36. pp. 143-154.
59. Petrov, D. A. The legal status of a self-regulatory organization in the field of entrepreneurship: abstract of the dissertation... Doctor of Law: 12.00.03 / Petrov D. A.- Saint Petersburg, 2016. 58 p.
60. Federal Law No. 74-FZ of 11.06.2003 (as amended on 31.07.2025) "On peasant (farmer) farming" / / SPS ConsultantPlus-URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/ (date of application 13.10.2025)
61. Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ dated 30.12.2001 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. - No. 1 (part 1). - Art. 3.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СТАВОК ПО НАЛОГУ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ON THE ISSUE OF CHANGING THE RATES OF VALUE-ADDED TAX

РЕВИНА Светлана Николаевна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail.: 29.revina@mail.ru

ГОРБУНОВА Анастасия Алексеевна

студент ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail.: NGorbunova13@yandex.ru

REVINA Svetlana Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor, Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Samara State University of Economics»
141 Sovetskaya Armii str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail.: 29.revina@mail.ru

GORBUNOVA Anastasia Alekseevna

Student Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Samara State University of Economics»
141 Sovetskaya Armii str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail.: NGorbunova13@yandex.ru

Краткая аннотация: в рамках данной научной работы исследуется вопрос о целесообразности изменения общей ставки по налогу на добавленную стоимость (НДС). Рассматривается возможность увеличения доходной части федерального бюджета за счет повышения собираемости налога и улучшения налогового администрирования.

Abstract: within the framework of this scientific work, the issue of the expediency of changing the general rate of value added tax (VAT) is being investigated. The possibility of increasing the revenue side of the federal budget by increasing tax collection and improving tax administration is being considered.

Ключевые слова: государственный бюджет, налог на добавленную стоимость, налоговое администрирование, оптимизация налогообложения.

Keywords: state budget, value added tax, tax administration, tax optimization.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Обострение геополитической ситуации на мировой арене уже не первый год способствует масштабной трансформации экономики нашего государства, что неизменно сопровождается переориентацией ресурсов на новые приоритеты. Если говорить о 2023–2024 гг., то в этот период экономическая политика в основном ориентировалась на перестройку сложившихся хозяйственных связей и достижение национальных целей развития страны. Это прослеживалось, в том числе, за счет реализации национальных проектов и мероприятий посланий Президента Российской Федерации. В 2025 г. был взят курс уже на следующий уровень развития экономики, то есть на нормализацию бюджетной политики и укрепление финансовой системы. Подобная тенденция является долгосрочной и прогнозируется на ближайшие несколько лет. Предполагается, что основой для такого развития станет повышение эффективности и справедливости налоговой системы.

Сфера налогообложения за последнее время претерпела множество изменений, а одним из наиболее обсуждаемых событий стало повышение общей ставки налога на добавленную стоимость (НДС) с 20% до 22% с 01.01.2026 г.

Налоговые поступления по налогу на добавленную стоимость (НДС) за последние года постоянно росли. Например, размер поступлений по оборотным налогам (НДС, акцизы, пошлины) в 2019 г. составил 8 785,4 млрд рублей, в 2023 г. – 13 806 млрд рублей, в 2024 г. – 15 663 млрд рублей [1]. Такой темп экономических показателей прогнозируется и в дальнейшем. Для сравнения, в 2019 г. размер нефтегазовых доходов в федеральный бюджет составил всего лишь 7 924 млрд рублей, а в 2023 г. – 8 822,3 млрд рублей. Именно поэтому в целях значительного увеличения доходной базы федерального бюджета государство активно применяет систему налоговых инструментов.

Однако такие показатели являются далеко не пределом. Налог на добавленную стоимость имеет высокий потенциал «собираемости». Действующий в настоящее время глава Федеральной налоговой службы Российской Федерации – Данил Вячеславович Егоров еще в 2023 г. в своем интервью отмечал, что в этой сфере до сих пор сохраняются ряд негативных факторов, которые в значительной степени уменьшают размер налоговых поступлений в федеральный бюджет, среди них: специальные площадки по НДС, теневой и «серый» сектор, формирование новых схем уклонения от уплаты налогов и т.д. [2]. Несмотря на регулярное внедрение новых инструментов мониторинга и усиление контроля в ранее недостаточно регулируемых областях, проблема остается значимой и требует повышенного внимания. В связи с этим возникает целесообразный вопрос: возможно ли обеспечить поступление средств в федеральный бюджет не путем повышения ставок налога на добавленную стоимость (НДС), а посредством оптимизации механизмов контроля за его администрированием? Такой подход, по нашему мнению, позволит снизить налоговую нагрузку на население и повысить уровень благосостояния граждан.

Администрирование конкретного налога следует рассматривать как понятие, имеющее более узкую направленность, нежели общее налоговое администрирование [3]. Оно представляет собой четко регламентированный и систематизированный процесс управления и модификации функционирующего механизма исчисления и осуществления платежей по определенному виду обязательного платежа, а именно – по конкретно взятому налогу.

Важным и признанным в международной практике индикатором результативности налогового администрирования является коэффициент эффективности налоговой системы [4]. Данный показатель служит для оценки части конечного потребления, подвергающейся эффективному налогообложению, и позволяет определить величину налоговых поступлений, генерируемых каждым процентным пунктом установленной налоговой ставки.

Данные Федерального казначейства Российской Федерации и Росстата показывают, что качество эффективности налогового администрирования НДС в нашем государстве значительно ниже его уровня в других странах. Например, еще в 2008 г. этот показатель в Новой Зеландии составлял 0,98%, а в России – 0,31%.

Одним из факторов, которые приводят к низкой «собираемости» налога на добавленную стоимость (НДС), является возможность, так называемой, налоговой оптимизации через механизм его возмещения.

В современной экономической среде наблюдается негативная динамика, характеризующаяся превышением объемов налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость (НДС) над величиной начисленного налога. Параллельно фиксируется рост возмещения НДС, опережающий суммы, фактически поступающие в бюджет [5]. Нередко неуплаченные налоговые обязательства отдельных хозяйствующих субъектов реинвестируются в экономический оборот, формируя новую налогооблагаемую базу. В целях противодействия подобным неправомерным схемам, налоговые органы предпринимают активные меры. В целях повышения эффективности контроля за НДС, Федеральной налоговой службой (ФНС) России с 01.01.2015 г. внедрена автоматизированная система контроля «НДС-2» (АСК «НДС-2»), основанная на технологиях обработки больших массивов данных (Big Data). Эта система обеспечивает возможность сопоставительного анализа данных о хозяйственных операциях между контрагентами, что позволяет выявлять несоответствия в цепочках поставок и пресекать схемы уклонения от уплаты НДС. Ключевым элементом функциональности АСК «НДС-2» является принцип зеркального отражения информации о приобретениях и продажах у покупателей и поставщиков, соответственно. Десятилетний опыт эксплуатации системы продемонстрировал, что возникающие расхождения могут быть обусловлены как применением противозаконных схем, так и обычными ошибками, допущенными при заполнении отчетности. При возникновении сомнений в достоверности представленных сведений, налоговые органы инициируют запросы на предоставление пояснений. Данные процедуры осуществляются в рамках электронного документооборота, эффективность которого неуклонно возрастает. Несмотря на ощутимые успехи в решении ряда проблем, говорить о достижении абсолютной прозрачности в указанной области преждевременно.

Несмотря на автоматизацию процессов, существенным остается вопрос трудоемкости расчета и перечисления налога на добавленную стоимость (НДС). Эта сложность создает ощутимые трудности как для бухгалтеров организаций, так и для сотрудников налоговых органов и судей арбитражных судов, рассматривающих соответствующие споры [6]. Функционирование сложной системы налогового контроля, а также разрешение споров, связанных с НДС, требует от специалистов высокого уровня квалификации и глубоких знаний в данной области. При этом внутренние процессы, определяющие порядок исчисления и уплаты налога, подвержены значительным вариациям, обусловленным спецификой отрасли деятельности. Кроме того, наблюдается тенденция к увеличению издержек организаций, связанных с представлением деклараций в электронном формате посредством телекоммуникационных каналов связи. Параллельно с этим, непрерывный рост объема обрабатываемой информации закономерно влечет за собой увеличение финансовых затрат со стороны налоговых инспекций. Совокупность перечисленных факторов неизбежно приводит к удорожанию администрирования налога на добавленную стоимость (НДС) как для предприятий, так и для государственного сектора экономики.

Весьма значимым аспектом является вопрос документального подтверждения проявления должной осмотрительности при осуществлении финансовых операций с организациями, в отношении которых имеются основания полагать их «техническими» [7]. Определение Конституционного Суда РФ № 329 от 16.10.2003 г. подчеркивает недопустимость перекладывания ответственности за действия контрагентов на налогоплательщика, что фактически устанавливает презумпцию добросовестности налогоплательщика при участии в сложных экономических цепочках [8]. Кроме того, презумпция невиновности в налоговой сфере закреплена в п. 7 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации [9]. Создается впечатление, что законодательно установлен единый подход к решению этого вопроса. В то же время, согласно Постановлению Пленума ВАС РФ № 53 от 12.10.2006 г., презумпция добросовестности может быть опровергнута. Если будет доказан сговор налогоплательщика с фирмой-однодневкой или установлена недостаточная осмотрительность при выборе контрагента, налогоплательщик понесет негативные налоговые последствия [10].

В целях верификации организации, с которой предполагается установление деловых отношений, целесообразно провести анализ ее бухгалтерской отчетности (доступ к которой предоставляется через открытые ресурсы налоговых органов), а также проверить наличие судебных разбирательств, дел о несостоятельности (банкротстве), исполнительных производств. Полученная информация позволяет оценить фактическое состояние бизнеса. Несмотря на отсутствие формального требования в законодательстве о проведении проверки потенциальных контрагентов, данная процедура вытекает из общепринятой практики, сложившейся в судебной системе.

Одним из путей решения данной проблемы является частичный пересмотр принципов функционирования автоматизированной системы контроля «НДС-2». Необходимо обеспечить оперативное информирование налогоплательщика о статусе его контрагента, поскольку зачастую

такие сведения становятся доступными лишь в ходе налоговой проверки. В целях повышения эффективности налогового администрирования и защиты прав налогоплательщиков, считаем необходимым на законодательном уровне установить обязанность налоговых органов оперативно извещать налогоплательщика о выявлении его контрагента (поставщика или покупателя) в категории высокого налогового риска, именуемой «красной зоной». Указанное извещение должно направляться после представления налоговой декларации и окончания камеральной налоговой проверки. Это позволит налогоплательщику воздержаться от заявления вычета по налогу с операций с данной организацией, тем самым избежав потенциальных негативных последствий. Кроме того, следует рассмотреть возможность законодательного закрепления обязанности по проверке контрагентов перед началом хозяйственной деятельности.

Таким образом, совершенствование администрирования налога на добавленную стоимость (НДС) может способствовать увеличению общего объема поступлений в бюджет, что в долгосрочной перспективе позволит избежать повышения налоговых ставок.

Список литературы:

1. Исполнение Федерального бюджета и бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс].- https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/08/main/Ispolnenie_2024.pdf (дата обращения: 09.12.2025)
2. Данил Егоров подвел итоги налоговых поступлений за семь месяцев 2025 года на встрече с президентом России [Электронный ресурс].- https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16528920/ (дата обращения: 09.12.2025)
3. Брызгалов А.В. Правовые основы налогового администрирования // Хозяйство и право. 2017. №3. С. 3-17.
4. Ногина О.А. Налоговый контроль: вопросы теории. СПб.: Питер, 2022. 160 с.
5. Горюлько И.А. К вопросу о налоговом администрировании крупнейших налогоплательщиков // Налоги. 2018. № 4. С. 18-21.
6. Налоговая политика и налоговое администрирование: учеб. пособие / А.В. Аронов, В.А. Кашин. М.: ИН-ФРА, 2013. 298 с.
7. Кинзебаева Е.В. Разработка сценарных подходов изменения НДС-системы в Российской Федерации // Агропродовольственная политика России. 2022. № 5. С. 68-75.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 N 329-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Экспорт-Сервис" на нарушение конституционных прав и свобод положениями абзаца первого пункта 4 статьи 176 Налогового кодекса Российской Федерации" // «КонсультантПлюс»: справочно-правовая система (дата обращения: 08.12.2025)
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 29.09.2019, с изм. от 31.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019) // «КонсультантПлюс»: справочно-правовая система (дата обращения: 08.12.2025)
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // «КонсультантПлюс»: справочно-правовая система (дата обращения: 08.12.2025)

References:

1. Execution of the Federal Budget and Budgets of the Budget System of the Russian Federation for 2024 [Electronic resource].- https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/08/main/Ispolnenie_2024.pdf (date of access: 09.12.2025)
2. Danil Egorov summed up the results of tax revenues for the first seven months of 2025 at a meeting with the President of Russia [Electronic resource].- https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16528920/ (accessed on 09.12.2025)
3. Bryzgalov, A.V. Legal Foundations of Tax Administration // Economy and Law. 2017. No. 3. Pp. 3-17.
4. Nogina O.A. Tax Control: Issues of Theory. St. Petersburg: Peter, 2022. 160 p.
5. Gorulko I.A. On the Issue of Tax Administration of the Largest Taxpayers // Taxes. 2018. No. 4. Pp. 18-21.
6. Tax Policy and Tax Administration: Textbook. manual / A.V. Aronov, V.A. Kashin. M.: INFRA, 2013. 298 p.
7. Kinzhebaeva E.V. Development of Scenario Approaches for Changing the VAT System in the Russian Federation // AgroFood Policy of Russia. 2022. No. 5. Pp. 68-75.
8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.10.2003 No. 329-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Export-Service LLC on Violation of Constitutional Rights and Freedoms by the Provisions of Paragraph 1 of Article 176 of the Tax Code of the Russian Federation" // "ConsultantPlus": legal reference system (date of reference: 08.12.2025)
9. Tax Code of the Russian Federation (Part one) dated 31.07.1998 No. 146-FZ (as amended on 29.09.2019, as amended. dated 31.10.2019) (with amendments and additions, intro. effective from 29.10.2019) // "ConsultantPlus": reference and legal system (accessed on 08.12.2025)
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12.10.2006 No. 53 "On the Assessment by Arbitration Courts of the Reasonableness of Tax Benefits Obtained by Taxpayers" // "ConsultantPlus": reference and legal system (accessed on 08.12.2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_942

УДК 342.742.3

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS FOR THE REGULATION AND IMPLEMENTATION OF MILITARY DUTY

СОЛЕНОВА Регина Ильинична

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально гуманитарных и правовых дисциплин
 Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Краснодар
 350015, Россия, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1
 E-mail: reginasolenova@mail.ru

ДУДЧЕНКО Анна Владимировна,

Кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления
 ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
 350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
 E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

SOLENOVA R. I.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Jurisprudence
 Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Krasnodar
 168/1 Mitrofan Sedina St., Krasnodar, 350015, Russia
 E-mail: reginasolenova@mail.ru

DUDCHENKO A. V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Corporate and Public Administration
 Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
 350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
 E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

Краткая аннотация. Актуальность исследования механизма реализации конституционной обязанности по защите Отечества обусловлена необходимостью глубокого анализа существующих правовых и организационных механизмов в условиях современных вызовов. Конституционная обязанность защиты Отечества представляет собой важную составляющую национальной безопасности, а её реализация непосредственно влияет на общественное спокойствие и устойчивость государства. В условиях усиления борьбы ведущих мировых держав за реализацию национальных интересов в различных регионах планеты, особую значимость для нашей страны приобретают вопросы нормативно-правового регулирования деятельности органов управления в области территориальной обороны.

Abstract. The relevance of studying the mechanism for implementing the constitutional duty to defend the Fatherland stems from the need for a thorough analysis of existing legal and organizational mechanisms in the face of modern challenges. The constitutional duty to defend the Fatherland is an important component of national security, and its implementation directly impacts public peace and the stability of the state. As the world's leading powers intensify their struggle to realize their national interests in various regions of the planet, issues of legal regulation of the activities of governing bodies in the area of territorial defense are of particular importance to our country.

Ключевые слова: конституционно-правовые модели регулирования воинской обязанности, защита, безопасность, оборона, участие, функция, форма, содействие, сотрудничество, защита Отечества.

Keywords: constitutional and legal models for regulating military service, protection, security, defense, participation, function, form, assistance, cooperation, defense of the Fatherland.

Для цитирования: Соленова Р. И., Дудченко А.В., Конституционно-правовые основы регулирования и реализации воинской обязанности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 942-945. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_942.

For citation: Solenova R.I., Dudchenko A.V. Constitutional and legal basis for the regulation and implementation of military duty // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 942-945. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_942.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Несмотря на значительное внимание к вопросу конституционного строя, в юридической науке отсутствует единый подход к его определению. В одном из наиболее распространенных толкований его сущность связывается с народовластием как основой системы государственной власти. В то же время встречаются интерпретации, в которых конституционный строй характеризуется совокупностью прав и механизмов, гарантирующих их реализацию.

Анализ правовых источников и исследований показывает, что конституционный строй охватывает не только закрепленные в основном законе государства нормы, но и систему принципов, регулирующих взаимоотношения между государством и гражданами [1, с.150].

Поскольку народовластие служит неотъемлемым элементом конституционного строя, активное участие граждан в обеспечении обороны и безопасности государства органично вписывается в его содержание. Государственная защита страны становится не просто обязанностью, а конституционным долгом, имеющим не только юридическую, но и нравственную, духовную и моральную основу.

Именно этот долг рассматривается как ключевой механизм поддержания устойчивости правопорядка, что подтверждается юридической практикой и конституционными нормами.

Вопрос защиты Отечества имеет фундаментальное значение для конституционно-правовой системы Российской Федерации. Государство определяет ключевые параметры оборонной политики, однако нормативно-правовое регулирование данного процесса сталкивается с рядом

сложностей, обусловленных изменяющейся международной обстановкой, внутренними социально-экономическими факторами и развитием правоприменительной практики.

Одной из центральных тем в контексте правового регулирования защиты Отечества является нормативное обеспечение военной службы.

Как указывает В.А. Симаков, вопросы комплектования вооруженных сил Российской Федерации требуют постоянного совершенствования правовой базы, так как в условиях современной гибридной войны эффективность армии определяется не только ее техническим оснащением, но и юридическими механизмами ее формирования и функционирования [2, с.47].

Система военной службы предусматривает как срочный призыв, так и контрактное комплектование вооруженных сил. Однако, как отмечает А.А. Смольяков, реализация конституционной обязанности граждан по защите Отечества через заключение контракта о прохождении военной службы сталкивается с рядом препятствий [3, с.222]. В первую очередь, это касается недостаточной материальной мотивации военнослужащих, а также проблем с социальной адаптацией после увольнения из вооруженных сил.

Анализ представленных данных демонстрирует тенденцию к росту числа контрактников, однако данный рост остается недостаточным для обеспечения качественного обновления личного состава армии. Причинами могут выступать ограниченность социальных гарантий, высокий уровень нагрузок на военнослужащих, а также недостаточный уровень правовой защиты военных кадров.

Нормативно-правовое регулирование защиты Отечества тесно связано с вопросами национальной безопасности [4, с.62]. По мнению Н. Аверьяновой, правовые механизмы обеспечения национальной безопасности в России требуют уточнения, особенно в части противодействия современным угрозам, включая кибератаки, деструктивные информационные кампании и попытки внешнего вмешательства [5, с.110].

Государственное регулирование защиты Отечества охватывает не только правовые механизмы, но и социальные аспекты, определяющие мотивацию граждан к военной службе и исполнению воинской обязанности. Выполнение данной обязанности связано с комплексом факторов, включая уровень социальной поддержки военнослужащих, гарантии социальной адаптации после прохождения службы, а также общественное отношение к военной службе. Рассмотрение данных аспектов позволяет выявить проблемы, требующие правового и организационного решения.

Задача объединения усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации, указанная в пп. «е» п. 21 Военной доктрины РФ, предполагает функционирование военной организации государства, а также взаимодействие с иными государственными органами, обеспечивающими безопасность различных видов, и реализацию полномочий по привлечению граждан и организаций к участию в такой деятельности [6].

Одним из значимых факторов, влияющих на выполнение гражданами обязанностей по защите Отечества, является общественное восприятие военной службы. Военное право России как отрасль права должно учитывать динамику общественных настроений, формируя благоприятные условия для несения военной службы. Социальная поддержка военнослужащих включает материальные льготы, пенсионное обеспечение и программы реабилитации, однако их реализация сталкивается с рядом сложностей.

Уровень общественного доверия к военной службе в Российской Федерации (2020-2024 гг.) представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Уровень общественного доверия к военной службе в Российской Федерации (2021-2024 гг.) [7, с.323]

Год	Доля граждан, положительно оценивающих военную службу, %	Доля граждан, негативно относящихся к военной службе, %
2021	70	12
2022	75	10
2023	78	8
2024	80	5

Анализ данных свидетельствует о постепенном росте положительного отношения граждан к военной службе. Это может быть связано с усилением социальной поддержки военнослужащих, реформированием системы контрактной службы, а также укреплением информационной политики государства.

Прохождение военной службы предполагает не только выполнение обязанностей по защите государства, но и последующую интеграцию в гражданскую жизнь.

Правовой статус граждан, прошедших военную службу, требует дополнительных гарантий для их социальной адаптации, включая трудоустройство, медицинское обслуживание и психологическую поддержку [8, с.137].

Лица, проходящие военную службу, включая тех, кто служит по контракту, осуществляют функции, имеющие фундаментальное значение для правопорядка, что определяет их особый правовой статус и взаимные обязательства с государством. В правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации подчеркивается, что участие граждан в обороне страны неразрывно связано с конституционными принципами, регулирующими отношения между государством и обществом.

Анализ доктринальных взглядов на понятие конституционного строя и судебной практики дает основание утверждать, что исследуемый правовой институт имманентен конституционному строю: участвуя, граждане выполняют легитимирующую функцию по отношению к консти-

туционному строю, государственной власти, т.е. воспроизводят государственную идентичность России, что может выражаться как в активной, так и в пассивной форме [9].

Исследователи рассматривают национальную безопасность как процесс, обеспечивающий стабильное развитие страны в меняющихся внешних и внутренних условиях. Устойчивость государства определяется его способностью сохранять территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость при одновременном обеспечении экономического роста, социальных гарантий и прав граждан. При этом прочность институтов власти и механизмов правового регулирования рассматривается как фактор, формирующий условия для реализации государством своих функций [10, с.100].

Трудоустройство граждан после прохождения военной службы (2021-2024 гг.) представлено в таблице 2.

Таблица 2. Трудоустройство граждан после прохождения военной службы (2021-2024 гг.) [11, с.151]

Год	Доля граждан, трудоустроенных в течение года после службы, %	Доля граждан, столкнувшихся с трудностями при трудоустройстве, %
2021	58	30
2022	62	28
2023	67	25
2024	72	20

Растущая доля трудоустроенных граждан после военной службы может быть объяснена расширением государственных программ по интеграции бывших военнослужащих в гражданские профессии. Однако сохранение определенной части граждан, испытывающих трудности при трудоустройстве, указывает на необходимость дальнейшего совершенствования программ профессиональной адаптации.

Государственная политика в области социальной поддержки военнослужащих предусматривает ряд льгот и гарантий, направленных на улучшение их жизненных условий.

Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации подтверждает необходимость соблюдения социальных гарантий для военнослужащих, особенно в части жилищного обеспечения и медицинского страхования [12, с.15].

Доступность социальных льгот для военнослужащих (2021-2024 гг.) представлена в таблице 3

Таблица 3. Доступность социальных льгот для военнослужащих (2021-2024 гг.)

Вид льгот	Доля военнослужащих, имеющих доступ к льготе, % (2021)	Доля военнослужащих, имеющих доступ к льготе, % (2024)
Жилищное обеспечение	60	75
Медицинское страхование	85	90
Образовательные программы	40	55

Динамика показывает постепенное улучшение доступности социальных льгот, однако остается потребность в дальнейшем развитии программ поддержки, особенно в сфере образования и обеспечения жильем.

Правоприменительная практика [13] свидетельствует о необходимости государственного реагирования на проявления, способные привести к возникновению военных угроз и опасностей и дестабилизации общественной и политической обстановки, в то время как оснований или правовых средств у государственных органов недостаточно. В настоящее время недостаточно превентивных мер, направленных на недопущение не запрещенной законом деятельности организаций по распространению деструктивной информации.

Социальные аспекты выполнения гражданами обязанности по защите Отечества включают широкий спектр факторов, влияющих на мотивацию граждан, их адаптацию после службы и уровень социальной защиты. Современная государственная политика направлена на развитие правовых и социальных механизмов, однако остаются нерешенные вопросы, связанные с трудоустройством бывших военнослужащих, совершенствованием жилищных программ и повышением информированности граждан о военной службе. Решение данных вопросов требует дальнейшего комплексного подхода со стороны законодателей и исполнительных органов власти.

Список литературы:

1. Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики: монография / С.В. Тарадонов [и др.]; под общей редакцией профессора С.В. Тарадонова, доцента Д.И. Самодурова. Москва. Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России. 2024. 370 с. С.150.
2. Симаков В. А. Основы права в обеспечении безопасности государства // Глобальные вызовы, современные перспективы развития Российской Федерации: Сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам научно-практических конференций в апреле 2023 года. Москва. 23 апреля 2023 года. ООО «СКИ». 2023. С. 47-57.
3. Смольяков А. А. К вопросу об этапах конституционного развития России // Российский конституционализм: уроки истории и современность (к 30-летию Конституции Российской Федерации 1993 года): Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 15 декабря 2023 года. Санкт-Петербургский университет МВД РФ. 2023. С. 222-228.
4. Колкарева И.Н. Современные угрозы национальной безопасности // В сборнике: Национальная безопасность: проблемы теории и практики. материалы заседания дискуссионного клуба «Человек. Труд. Общество». 2019. С. 62-65
5. Горлова Е.А., Шаталина А.К., Позднеева Л.В. Цифровое государственное управление//Эпоха науки. 2022. № 32. С. 110-112.
6. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) // Российская газета. 2014. № 298. 30 декабря.

7. Салаев Т. Б. Военно-патриотическое воспитание как средство формирования личностной и этнокультурной идентичности представителей казачьей молодежи // Церковь и казачество: соработничество на благо Отечества: Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Москва. 26 января 2025 года. Издательство Ставропольской духовной семинарии. 2025. С. 323-333.
8. Кудашкин А.В., Кудашнин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 1. С. 137-164.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Францына Валерия Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пункта 4 статьи 32 и пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»: Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2004 г. № 322-О // [Электронный ресурс] режим доступа: URL <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27052021-n-23-p> (дата обращения: 12.11.2025).
10. Гербут Е.А. Перспективы мироустройства и роль информационных технологий в будущем человечества (сценарий российской политической элиты) // В сборнике: Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Сборник научных статей VI Международного научного форума. В 2-х томах. Москва, 2024. С. 100-105.
11. Ионов В. А. Ограничение гражданских прав в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства в период введения военного положения // Актуальные вопросы обучения противодействию современным угрозам: Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. Москва. 16 ноября 2023 года. 2023. С. 151-157.
12. Джиоева Э.Э., Тарадонов С.В. К вопросу о понятии «Война» в современном мире // Научный вестник Гуманитарно-социального института. 2023. № 17. С. 10-18.
13. По делу о проверке конституционности абзаца пятого подпункта «в» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобой гражданки О.Н. Селиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2020 № 26-П // Российская газета. № 120. 2020. 4 июня.

References:

1. Constitutionalization of Military Law in Modern Russia: Theoretical and Practical Issues: Monograph / S.V. Taradonov [et al.]; edited by Professor S.V. Taradonov, Associate Professor D.I. Samodurov. Moscow. Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. 2024. 370 p. P. 150.
2. V. A. Simakov. Fundamentals of Law in Ensuring State Security // Global Challenges, Modern Prospects for the Development of the Russian Federation: Collection of Publications by Teachers and Students Based on the Results of Scientific and Practical Conferences in April 2023. Moscow. April 23, 2023. ООО "SKI". 2023. P. 47-57.
3. Smolyakov A. A. On the Stages of Constitutional Development in Russia // Russian Constitutionalism: Lessons of History and Modernity (on the 30th Anniversary of the 1993 Constitution of the Russian Federation): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg. December 15, 2023. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2023. Pp. 222-228.
4. Kolkareva I. N. Modern Threats to National Security // In the collection: National Security: Problems of Theory and Practice. Proceedings of the Meeting of the Discussion Club "Man. Labor. Society". 2019. Pp. 62-65.
5. Gorlova E. A., Shatalina A. K., Pozdneeva L. V. Digital Public Administration // The Age of Science. 2022. No. 32. Pp. 110-112.
6. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 25.12.2014 N Pr-2976) // Rossiyskaya Gazeta. 2014. No. 298. December 30.
7. Salaev TB Military-patriotic education as a means of forming personal and ethnocultural identity of representatives of the Cossack youth // Church and Cossacks: co-operation for the good of the Fatherland: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference. Moscow. January 26, 2025. Publishing House of the Stavropol Theological Seminary. 2025. pp. 323-333.
8. Kudashkin AV, Kudashnin VV Fundamental and theoretical foundations of military law (paradigmatic genesis of the theory of military law) // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19. No. 1. Pp. 137-164.
9. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valery Vasilyevich Frantsin regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of paragraph 2 of Article 2 of the Federal Law "On the Status of Military Personnel", paragraph 4 of Article 32 and paragraph 11 of Article 38 of the Federal Law "On Military Duty and Military Service": Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 30, 2004 No. 322-O // [Electronic resource] access mode: URL <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27052021-n-23-p> (date of access: 12.11.2025).
10. Gerbut E.A. Prospects for World Order and the Role of Information Technology in the Future of Humanity (a scenario of the Russian political elite) // In the collection: Step into the Future: Artificial Intelligence and the Digital Economy. Collection of scientific articles of the VI International Scientific Forum. In 2 volumes. Moscow, 2024. pp. 100-105.
11. Ionov V. A. Restriction of civil rights in order to ensure national defense and state security during the introduction of martial law // Current issues of training to counter modern threats: Collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow. November 16, 2023. 2023. pp. 151-157.
12. Dzhioeva E.E., Taradonov S.V. On the concept of "War" in the modern world // Scientific Bulletin of the Humanitarian and Social Institute. 2023. No. 17. pp. 10-18.
13. In the case of verifying the constitutionality of paragraph five of subparagraph "c" of paragraph 3 of Article 51 of the Federal Law "On Military Duty and Military Service" in connection with the complaint of citizen O.N. Selina: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2020 No. 26-P // Rossiyskaya Gazeta. No. 120. 2020. June 4.

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГОВОГО ПРАВА НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

INFLUENCE OF THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL TAX LAW ON THE LEGAL REGULATION OF TAX RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ЧЕПКАСОВА Анастасия Олеговна

Аспирант кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова
119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 13
E-mail: nastya.chepkasova@mail.ru

СНЕРКАСОВА Anastasiya Olegovna

Postgraduate student in the Department of Legal Disciplines at the Higher School of Public Audit,
Lomonosov Moscow State University.
119234 Moscow, Leninskie Gory 1, Building 13.
Email: nastya.chepkasova@mail.ru

Краткая аннотация Хотя международное и национальное налоговое право представляют собой самостоятельные правовые системы, их развитие происходит в условиях постоянного взаимодействия и взаимного влияния. В настоящей работе анализируется, каким образом нормы и принципы международного налогового права оказывают воздействие на российскую систему регулирования налоговых отношений. Особое внимание уделяется специфике проявления принципов суверенитета, сотрудничества, недискриминации и справедливости, а также оценке роли международных соглашений и инициатив ОЭСР в формировании и эволюции налоговых правоотношений в Российской Федерации.

Abstract Although international and domestic tax law constitute independent legal systems, their development occurs within a framework of continuous interaction and mutual influence. This study examines the ways in which the norms and principles of international tax law affect the Russian regulatory framework governing tax relations. Particular attention is given to the specific manifestations of the principles of sovereignty, cooperation, non-discrimination, and fairness, as well as to the role of international agreements and OECD initiatives in shaping and transforming tax relations within the Russian Federation.

Ключевые слова: международное налоговое право, международное налогообложение, принципы права, суверенитет.

Keywords: international tax law, international taxation, principles of law, sovereignty.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Современное правовое пространство — как международное, так и национальное — опирается на действие определённых правовых принципов, которые обеспечивают устойчивость и согласованность нормативных систем. Налоговое право различных государств также не существует обособленно: между национальными и международными нормами постоянно возникает обмен подходами и правовыми решениями, что постепенно формирует общий массив правил, влияющих на регулирование налоговых отношений в глобальном масштабе. В связи с этим особую значимость приобретает вопрос о том, каким образом принципы международного налогового права соотносятся с принципами, закреплёнными во внутреннем законодательстве. Можно ли утверждать, что международные подходы определяют содержание национального регулирования? Настоящее исследование посвящено рассмотрению роли указанных принципов в формировании налоговых правоотношений в Российской Федерации.

В условиях глобализации и трансформации международных экономических связей вопрос о соотношении международного и национального налогового права приобретает особую актуальность. Налоги выступают не только инструментом финансовой политики, но и механизмом реализации публичного суверенитета. Принципы международного налогового права формируют нормативно-ценностные ориентиры, определяющие пределы фискальной автономии государств и направленные на обеспечение справедливого распределения налоговых обязательств между участниками мирового экономического оборота.

В научно-экспертной среде еще не сложилось единое понимание места международного налогового права в системе права. Одни исследователи склонны относить его к сфере международного публичного права, рассматривая как одну из его специализированных подотраслей [9, 12, 14, 15]. Другие авторы предлагают более широкое понимание, трактуя международное налоговое право как комплекс норм двух уровней — международного и внутригосударственного, — которые совместно регулируют налогообложение в ситуациях с участием иностранного элемента [13, 17]. выполняют роль базовых регулятивных ориентиров, на основе которых обеспечивается согласование фискальных интересов различных государств и достижение определённой степени согласованности их налоговых систем. Эти принципы формируют концептуально-нормативную платформу, служащую основанием для выработки и реализации наднациональных подходов к регулированию международного налогообложения.

Несмотря на то, что официального или общепризнанного перечня основных принципов международного налогового права не существует [11, с. 25], к числу ключевых принципов традиционно относят: принцип суверенитета, недискриминации, сотрудничества, справедливости и устранения двойного налогообложения. Эти начала нашли отражение в Уставе Организации Объединённых Наций («ООН») [1], Европейской

конвенции о защите прав человека и основных свобод [3], Декларации о принципах международного права [2], Модельной конвенции Организации экономического сотрудничества и развития («ОЭСР») [4], межгосударственных соглашениях об избежании двойного налогообложения. Именно эти принципы формируют ценностный контур налогового регулирования, который постепенно имплементируется в национальные системы. Помимо принципов, перечисленных выше, ряд исследователей выделяет также более функциональные принципы. Например, Гидирим В.А. относит к принципам международного налогового права также принцип принадлежности налога, принцип нейтральности экспорта и импорта капитала, принцип взаимности (реципроцитет) и принцип «вытянутой руки» [10, с. 312].

Высокая сложность в определении принципов международного налогового права выражается в объединении общеправовых принципов с принципами финансового, налогового и международного публичного права. Кроме того, в мировом масштабе отсутствует единый орган, регулирующий международное налогообложение и, как следствие, формирующий единый подход к принципам права. Основным регулятором в международном налогообложении выступают международные организации и форумы. Особое внимание в работе таких организаций уделяется типовым формам документов, таким как налоговые конвенции и комментарии к ним, профильные рекомендации и разъяснения. ОЭСР и ООН активно участвуют в разработке таких документов, обеспечивающих межгосударственное сотрудничество в области налогообложения.

Национальное налоговое право Российской Федерации развивается под воздействием международных норм и обязательств. Часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации закрепляет приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [5]. В статье 7 Налогового кодекса Российской Федерации прямо установлено, что при расхождении норм приоритет отдается международным договорам [6]. Таким образом, происходит институциональная интеграция международных принципов в национальное регулирование.

Особое место на сегодняшний день занимает вопрос о соотношении принципа суверенитета и принципа международного сотрудничества. Как справедливо отмечено в исследовании Солодских Я.И., Родионовой А.А. и Кабанова Н.С. «...самостоятельное определение налогов является собой один из эффективных способов выражения государством своего суверенитета в экономической сфере» [16, с. 188]. Российская Федерация, сохраняя право самостоятельно определять налоговую политику, одновременно участвует в системе международного налогового взаимодействия, заключая соглашения об избежании двойного налогообложения и соглашения о взаимной административной помощи по налоговым делам. Эта двойственность отражает диалектический характер современного налогового права, где государственный суверенитет не исключает, а предполагает сотрудничество.

Рассмотрим на конкретных правовых нормах особенности влияния принципов международного налогового права на правовое регулирование налоговых отношений в Российской Федерации. В первую очередь стоит отметить, что в международных правовых актах приоритизируется принцип сотрудничества государств. Указанный принцип в сфере налогообложения является разновидностью принципа сотрудничества государств в международном праве, который впервые был закреплён в Уставе ООН, статья 1 которого обязывает членов ООН «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера...» [1]. В главе 9 рассматриваемого акта отмечается, что действия всех членов ООН направлены на формирование «...условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов» [1].

В практике Российской Федерации в 2017 году был введен Раздел VII.1 Налогового кодекса («Выполнение международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения и взаимной административной помощи по налоговым делам»), нормами которого регламентируется построение международных отношений в сфере налогообложения [6]. Кроме того, результатом следования международному принципу сотрудничества выступает наличие множества заключенных Российской Федерацией договоров и соглашений о взаимной помощи. Например, в феврале 2025 года было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов об избежании двойного налогообложения.

К числу ключевых положений международного налогового права относится и принцип недискриминации, нормативные основания которого закреплены, в частности, в статье 14 Европейской конвенции о защите прав человека [3], а также в статье 24 Модельной конвенции ОЭСР [4]. Что касается построения и регулирования налоговых отношений по указанному принципу в Российской Федерации, то п. 2 ст. 3 Налогового кодекса устанавливает, что «налоги и сборы не могут иметь дискриминационный характер и различно применяться исходя из социальных, расовых, национальных, религиозных и иных подобных критериев» [6].

В регулировании налоговых отношений в Российской Федерации также активно применяется принцип справедливости, который хоть и не закреплён официально в российском законодательстве, но широко используется в научно-экспертной среде и правоприменительной практике. В сфере международного налогообложения принцип справедливости наполняется особым смыслом, отличным от его традиционного понимания в национальных правовых системах. Справедливость здесь проявляется в таком распределении налоговых прав между государствами, которое отражает реальный вклад каждой юрисдикции в процесс формирования облагаемого дохода. Поэтому ключевым становится вопрос выработки общего, согласованного подхода к определению критериев участия государства в создании прибыли, а также выстраивание устойчивого механизма взаимодействия между странами и международными институтами. Для реализации идеи справедливого перераспределения налоговых прав необходимо формирование унифицированного международного подхода к пониманию принципов резидентства и территориальности, а также определение их взаимного соотношения как основы согласованной налоговой политики на глобальном уровне.

Одной из международных инициатив в данном направлении является утвержденная в 2021 году в рамках проекта BEPS реформа Two

- Pillar Solution [22]. Как известно, Pillar One предполагает перераспределение части прибыли крупнейших и наиболее прибыльных транснациональных корпораций в юрисдикции местонахождения их потребителей. Pillar Two предусматривает введение минимального налога на прибыль глобальных корпораций в размере 15%. Несмотря на то, что данные инициативы ОЭСР напрямую влияют на суверенное право государства регулировать налоговые правоотношения внутри страны, в частности самостоятельно определять налоговые ставки по налогу на прибыль, Министерство финансов Российской Федерации тем не менее инициировало внедрение предложенного в рамках Pillar Two минимального уровня налогообложения для международных групп компаний [19].

Представленная информация указывает на то, что принципы международного налогового права, зафиксированные международными организациями, существенно влияют на регулирование налоговых отношений в Российской Федерации. Ключевые идеи находят свое отражение в международных соглашениях Российской Федерации и имплементируются в нормы Налогового кодекса. Российская Федерация многократно подтверждала готовность следовать принципам международного налогообложения, установленным ОЭСР. Под влиянием международных принципов налогового права, российская налоговая система становится более гибкой и адаптивной к глобальным экономическим процессам. Фактически это формирует условия для развития мировой конкуренции, повышения инвестиционной привлекательности и притока капитала.

Однако процессы «мировой турбулентности», которые имеют место быть в настоящее время, приводят к частичной дестабилизации рассматриваемых в рамках исследования принципов. Так, принцип суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела, который фактически регламентируется нормами Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [8], как показывает практика, в определенных ситуациях может нарушаться.

Например, условиях нарастающей геополитической напряженности и недружественных действий ряда государств в 2023 году был издан Указ Президента РФ от 08.08.2023 № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения», который временно приостановил действие ряда международных соглашений в налоговой сфере [7]. Восстановление международных отношений в этой части будет осуществлено только при соблюдении ряда значимых для Российской Федерации условий в вопросах соблюдения экономических и иных интересов, которые служат основой национальной безопасности России и являются важной составляющей суверенитета.

Политические события также влияют на имплементацию новых принципов, в частности так называемого «принципа участия пользователей», предложенного ОЭСР в рамках Pillar One. В частности, пресс-центр Министерства финансов в декабре 2022 года опубликовал интервью с А.В. Сазановым, курирующим департамент налоговой политики по вопросам имплементации проекта BEPS 2.0. А.В. Сазанов отмечает, что «несмотря на все внешние события, и Pillar One, и Pillar Two с налоговой точки зрения — это очень правильные инициативы, потому что бороться с налоговой оптимизацией со стороны транснациональных гигантов можно только кооперируясь на международном уровне» [21]. В интервью подчеркивалось, что «Министерство финансов по-прежнему поддерживает оба инструмента, но с высокой долей вероятности у Российской Федерации не будет возможности присоединиться к Pillar One» [21]. Помимо этого, на XIX Всероссийском налоговом форуме 2023 г. заместитель руководителя Федеральной налоговой службы Ю.В. Шепелева подчеркнула, что Российская Федерация не планирует в ближайшее время внедрять механизмы Pillar One [20].

Действительно, реализация Pillar One в России на сегодняшний день может столкнуться с целым рядом препятствий. Помимо того, что внедрение новой модели потребует изменений во внутренней системе налогообложения, необходимо подчеркнуть, что на имплементацию Pillar One также влияет политическая и правовая ситуация на международной арене. В первую очередь, реализация механизма Pillar One предполагает постоянный обмен информацией между юрисдикциями. Уже на данном этапе возникают практические проблемы, в частности, связанные с прекращением обмена финансовыми данными с Россией. Помимо этого, санкционная политика и уход крупных международных компаний с российского рынка делает внедрение Pillar One экономически необоснованным для Российской Федерации. Компании не будут перераспределять налог в юрисдикцию, где нет их потребителей. Однако российским компаниям, пользователи которых находятся в других юрисдикциях, придется перераспределять налоговые обязательства за границу. Безусловно, экономический критерий выгоды не должен ложиться в основу принятия решения об имплементации новых принципов налогообложения. Между тем, политика и ограничения, связанные с обменом информацией, существенно затрудняют реализацию проекта в России и явно нарушают принцип равенства и справедливости международного налогообложения.

Таким образом, представленная информация позволяет сделать следующие выводы:

1. Регулирование налоговых отношений и реализация налоговой политики в Российской Федерации осуществляется в условиях имплементации международных принципов в национальное законодательство.
2. Под влиянием международных принципов налогового права, российская налоговая система становится более гибкой и адаптивной к глобальным экономическим процессам. Фактически это формирует условия для развития мировой конкуренции и повышения инвестиционной привлекательности государства.
3. Тем не менее принцип налогового суверенитета превалирует над установленными международными организациями принципами налогообложения. Данный принцип позволяет учитывать политические и экономические интересы Российской Федерации и выбирать, в какой части принципы ОЭСР и другие международные инициативы будут реализованы на территории Российской Федерации.

Несмотря на то, что в настоящее время Российская Федерация попала под влияние множества факторов (санкционные ограничения, общая мировая геополитическая напряженность, социально-экономическая нестабильность и др.), мировые принципы в налоговой сфере остаются важными и значимыми для российской налоговой системы и служат основой ее развития и совершенствования. В условиях приоритетности

одних принципов (например, принципа суверенитета) наблюдается адаптивность налоговой политики, в частности в условиях частичной приостановки следования другим принципам (например, принципу сотрудничества), что продиктовано потребностью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.09.2025).
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 11.11.2025).
3. Европейская конвенция по правам человека // Европейский суд по правам человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 11.11.2025).
4. ОЭСР (2019). Модельная конвенция по налогам на доходы и капитал 2017 года (полная версия) // Официальный сайт ОЭСР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/g2g972ee-en> (дата обращения: 11.09.2025).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/54dd4e1f61e0b8fa47bfff695f0c08b192a95f7a3/ (дата обращения: 11.11.2025).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/0b35b3974001c0b58fa49100098523cae55ac26/ (дата обращения: 11.11.2025).
7. Указ Президента РФ от 08.08.2023 № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454278/ (дата обращения: 11.11.2025).
8. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/d987f8aecdca90060f74c0c6bdfc46d28f528d7e/ (дата обращения: 11.11.2025).
9. Богуславский, М.М. Международное экономическое право. – М., 1986, С. 44.
10. Гидирим, В.А. Основы международного корпоративного налогообложения / В. А. Гидирим — «Автор», 2016, 794 с. – ISBN 978-5-9908572-2-3.
11. Копина А.А., Реут А.В. Международное налоговое право: учебник и практикум для вузов / ответственные редакторы А. А. Копина, А.В. Реут. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 239 с.
12. Кучеров, И.И. Теоретические вопросы международного налогового права и его место в системе налогово-правового регулирования / И.И. Кучеров // Финансовое право. — 2006. — №1. — С.45.
13. Погорлецкий А.И. Принципы международного налогообложения и международного налогового планирования. – СПб.: Из-во С.-Петербург. Гос. Унта, 2005. – С. 30.
14. Ровинский Е.А. Международные финансовые отношения и их правовое регулирование // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 60 - 68;
15. Лисовский В.Н. Международное торговое и финансовое право. М., 1964. С. 134.
16. Солдских Я.И., Родионова А.А., Кабанов Н.С. Основные принципы международного налогового права // Евразийская адвокатура. 2025. №1(72). С. 187-189.
17. Фомина О.И. Международное налоговое право: понятие, основные принципы // Хозяйство и право. 1995. № 5. С. 130.
18. Челпанова М.М. Принципы и система источников международного налогового права // Center for Scientific Cooperation «Interactive plus». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interactive-plus.ru/e-articles/220/Action220-80599.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).
19. Пресс-центр Министерства Финансов Российской Федерации: Минфин России подготовил законопроект для выполнения положений основных направлений налоговой политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39942-minfin_rossii_podgotovil_zakonoproekt_dlya_vypolneniya_polozenii_osnovnykh_napravlenii_nalogovoi_politiki.
20. XIX Всероссийский налоговый форум 2023 г. Международное и российское налоговое регулирование. Тренды и новые задачи [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aso56.ru/wp-content/uploads/2023/10/Programma-meropriyatij-HIX-Vserossijskogo-nalogovogo-foruma-Nalogovaya-politika_vzglyad-biznesa.pdf (дата обращения 16.11.2025).
21. Пресс-центр Министерства Финансов Российской Федерации, Алексей Сазанов: в 2022 году нам удалось сохранить неизменными ключевые параметры налоговой системы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38317-aleksei_sazanov_v_2022_godu_nam_udalos_sokhranit_neizmennymi_klyuchevye_parametry_nalogovoi_sistemy.
22. Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy // Официальный сайт ОЭСР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-issues/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-october-2021.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

References

1. The Charter of the United Nations // The official website of the United Nations. [electronic resource]. Achievement mode: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (date of reference: 09/11/2025).
2. Declaration on the Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Friendship between States in Cooperation with the Charter of the United Nations // UN Official Website. [electronic resource]. Achievement mode: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (date of request: 11.11.2025).
3. European Convention on Human Rights // European Court of Human Rights. [electronic resource]. Achievement mode: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (date of request: 11.11.2025).
4. OECD (2019). Model Convention on Income and Capital Taxes 2017 (full version) // Official website of the OECD. [electronic resource]. Achievement mode: <http://dx.doi.org/10.1787/g2g972ee-en> (date of request: 09/11/2025).
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993, as amended by the All-Russian vote on 07/01/2020) // SPS Consultant Plus. [electronic resource]. Achievement mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/54dd4e1f61e0b8fa47bfff695f0c08b192a95f7a3/ (date of request: 11.11.2025).
6. The Tax Code of the Russian Federation (Part one) dated 07/31/1998 No. 146-FZ (as amended on 11/29/2024, as amended. dated 01/21/2025) // SPS "Consultant Plus". [electronic resource]. Achievement mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/0b35b3974001c0b58fa49100098523cae55ac26/ (date of request: 11.11.2025).
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 08.08.2023 No. 585 "on the termination of certain provisions of international regulatory agreements of the Russian Federation in the Russian Federation" // SPS Consultant Plus. [electronic resource]. Achievement mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454278/ (date of request: 11.11.2025).
8. Federal Law No. 101-FZ of 07/15/1995 (as amended on 12/08/2020) "On the International Arguments of the Russian Federation" // SPS "consultant Plus". [electronic resource]. Achievement mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/d987f8aecdca90060f74c0c6bdfc46d28f528d7e/ (date of request: 11.11.2025).
9. Boguslavsky, M.M. World Economic Law, Moscow, 1986, p. 44.
10. Gidirim, V.A. Fundamentals of International corporate Taxation / In A. Gidirim - Avtotor, 2016, 794 P. – ISBN 978-5-9908572-2-3.
11. Kopina A., Reut A.V. International tax law: textbook and practice for universities / famous editors A. A. Kopina, A.V. Reut. M.: Yurait Publishing House, 2025. 239 P.
12. Kucherov, I.I. Kucherov, Theoretical issues of international tax law and its place in the system of tax and legal regulation, Financial Law. - 2006. — No. 1. — p. 45.
13. Pogorletsky, I. Principles of International Taxation and International Tax Planning – St. Petersburg: St. Petersburg State University. University, 2005. — p. 30
14. Rovinsky E.A. International financial relations and their legal regulation // Soviet State and Law 1965. No. 2. pp. 60-68;
15. Lisovsky V.N. World trade and financial law. Moscow, 1964. pp. 134.
16. Solodskikh Ya.I., Rodionova A.A., Kabanov N.S. Basic principles of international tax law // The Eurasian Legal Profession. 2025. No. 1(72). pp. 187-189.
17. Fomina, I. World tax law: understanding, basic principles // Economy and Law. 1995. No. 5. p. 130.
18. Chelpanova M.M. Principles and system of sources of international tax law // Center for Scientific Cooperation "Interactive plus". [electronic resource]. Achievement mode: <https://interactive-plus.ru/e-articles/220/Action220-80599.pdf> (date of request: 09/11/2025).
19. The Press Center of the Ministry of Finance of the Russian Federation: The Ministry of Finance of Russia has developed a draft law to implement the provisions of the main directions of tax policy [Electronic resource]. Achievement mode: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39942-minfin_rossii_podgotovil_zakonoproekt_dlya_vypolneniya_polozenii_osnovnykh_napravlenii_nalogovoi_politiki.
20. XIX All-Russian Tax Forum 2023 International and Russian tax regulation Trends and new challenges [electronic resource]. Achievement mode: https://aso56.ru/wp-content/uploads/2023/10/Programma-meropriyatij-HIX-Vserossijskogo-nalogovogo-foruma-Nalogovaya-politika_vzglyad-biznesa.pdf (accessed 11/16/2025).
21. Press Center of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Alexey Sazanov: in 2022, we managed to preserve unknown key parameters of the tax system [Electronic resource]. Achievement mode: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38317-aleksei_sazanov_v_2022_godu_nam_udalos_sokhranit_neizmennymi_klyuchevye_parametry_nalogovoi_sistemy.
22. Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy // Official website of the OECD. [electronic resource]. Achievement mode: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-issues/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-october-2021.pdf> (date of request: 09/11/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_950

УДК 340

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA: DEVELOPMENT PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

ЕЛИСТРАТОВА Ольга Васильевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Государственно-правовые дисциплины»

«Пензенский государственный университет», г. Пенза, Россия.

440026, Россия, г. Пенза, Красная ул., 40 корп. 1.

Stulnikova80@yandex.ru

YELISTRATOVA, Olga Vasilyevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law Disciplines

, Penza State University, Penza, Russia.

40 Krasnaya str., building 1, Penza, 440026, Russia.

Stulnikova80@yandex.ru

Краткая аннотация. Актуальность обусловлена необходимостью глубокого понимания правовой базы, регулирующей деятельность ТОС, а также важностью участия граждан в управлении своими территориями. В условиях растущей социальной активности населения и стремления к более эффективному взаимодействию с органами власти, ТОС становятся важным инструментом для реализации местных инициатив и решения актуальных проблем на местах. В рамках данной статьи проанализирована правовая база ТОС, что позволяет понять, какие права и обязанности возложены на граждан, участвующих в ТОС, а также какие механизмы предусмотрены для их участия в управлении территорией. В работе рассмотрены перспективы развития ТОС в России. В условиях изменений в законодательстве и растущей социальной активности граждан, необходимо проанализировать, какие новые возможности открываются для ТОС и как они могут быть использованы для улучшения качества жизни на местах. Таким образом, данная работа направлена на всестороннее исследование правовых основ территориального общественного самоуправления в России, что позволит не только выявить существующие проблемы, но и предложить пути их решения, а также определить перспективы дальнейшего развития этой важной сферы местного управления.

Abstract. The relevance of this article is due to the need for a deep understanding of the legal framework governing the activities of local self-governments, as well as the importance of citizens' participation in the management of their territories. In the context of increasing social activity and the desire for more effective interaction with government authorities, local self-governments have become an important tool for implementing local initiatives and addressing pressing issues on the ground. This article analyzes the legal framework of local self-governments, which allows us to understand the rights and responsibilities of citizens involved in local self-governments, as well as the mechanisms provided for their participation in the management of their territories. The paper examines the prospects for the development of local self-government in Russia. In the context of changes in legislation and growing social activity among citizens, it is necessary to analyze the new opportunities that are opening up for local self-government and how they can be used to improve the quality of life in the local areas. Thus, this work is aimed at a comprehensive study of the legal basis of territorial public self-government in Russia, which will not only identify existing problems, but also suggest ways to solve them, as well as determine the prospects for further development of this important area of local government.

Ключевые слова: реализация местных инициатив, правовая база ТОС, стратегия развития ТОС, перспективы развития территориального общественного самоуправления, функционирование, эффективность ТОС, проблемы реализации прав граждан.

Keywords: implementation of local initiatives, legal framework of TOS, development strategy of TOS, prospects for the development of territorial public self-government, functioning, effectiveness of TOS, problems of the implementation of citizens' rights.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Территориальное общественное самоуправление обеспечивает гражданам возможность активно участвовать в решении вопросов, касающихся их жизни и благосостояния на уровне конкретной территории. Правовой основой его функционирования прежде всего является Конституция Российской Федерации и ст. 50 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», которая определяет принципы организации ТОС и формы взаимодействия органов территориального общественного самоуправления с органами местного самоуправления¹.

Ключевым аспектом работы ТОС является то, что они функционируют на основе самоорганизации граждан, позволяющей принимать участие в решении местных проблем, начиная от благоустройства территорий до организации досуга. Важным моментом является то, что законом предусмотрено множество форм участия граждан, такие как собрания и инициативные группы, позволяющие сообщать о потребностях сообществ и выработать совместные решения².

Конституция РФ непосредственно гарантирует основные права граждан по самостоятельному решению вопросов местного значения путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Согласно Конституции РФ, регулирование деятельности ТОС как составной части местного самоуправления находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Таким образом, роль Конституции состоит в обеспечении права граждан на собрание и объединение для защиты общих интересов, в том числе и права на создание территориального общественного самоуправления по месту жительства.

На федеральном уровне источником правового регулирования общественного самоуправления выступает федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», в котором по территори-

¹ Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ, 24.03.2025. - № 12, ст. 1200

² Иванов С.П. Стратегические направления развития территориального общественного самоуправления в России // Вестник государственной службы. 2020. № 4. С. 31–40.

альным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

В статье 50 названного закона установлена определены территории на которых может создаваться ТОС, закреплены полномочия собрания и органы территориального общественного самоуправления.

Необходимо отметить отсутствие федерального законодательства о ТОС, поэтому в большинстве субъектов Федерации принимаются собственные законы, регулирующие правовые основы организации и осуществления территориального общественного самоуправления в виду необходимости создания правовой базы для органов местного самоуправления и населения по созданию и функционированию органов ТОС.

В законодательных актах субъектов РФ территориальное общественное самоуправление рассматривается как составная часть системы местного самоуправления и включает в себя общие собрания (сходы), конференции граждан и другие территориальные формы непосредственной демократии, а также советы или комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, поселков, сельских населенных пунктов, кварталов, улиц, дворов и других территорий

Важная роль в организации и осуществлении деятельности органов территориального общественного самоуправления на территории муниципального образования принадлежит органам местного самоуправления, которые обязаны обеспечить правовые, социальные и экономические условия для участия всех граждан в ТОС.

В перечне нормативных правовых актов органов местного самоуправления особое значение должно принадлежать уставам муниципальных образований.

В уставе муниципального образования в обязательном порядке должно быть установлено право граждан на осуществление территориального общественного самоуправления и определены гарантии такого права и определение правового статуса органов ТОС.

Отсюда главной задачей органов местного самоуправления является создание нормативной правовой базы, регулирующей порядок организации, основные полномочия и виды деятельности органов территориального общественного самоуправления, их права и гарантии.

В этих целях необходимо разработать и принять на заседании представительного органа местного самоуправления Положение о ТОС.

Необходимость правового регулирования ТОС органами местного самоуправления вызвано с одной стороны требованиями федерального законодательства и законами субъектов РФ, а с другой стороны более полного учета специфики и особенностей, связанных со структурой органов местной власти и территориального устройства муниципального образования, расширение возможностей самостоятельного решения населением вопросов социально-экономического развития соответствующей территории.

Следовательно, устав муниципального образования и нормативные акты органов местного самоуправления составляют важный и необходимый элемент правового регулирования ТОС.

В Уставе ТОС устанавливаются: территория, на которой оно осуществляется; цели, задачи, формы и основные направления деятельности территориального общественного самоуправления; порядок формирования, прекращения полномочий, права и обязанности, срок полномочий органов территориального общественного самоуправления; порядок принятия решений; порядок приобретения имущества, а также порядок пользования и распоряжения указанным имуществом и финансовыми средствами; порядок прекращения осуществления территориального общественного самоуправления. В уставе могут предусматриваться и иные положения, относящиеся к деятельности территориального общественного самоуправления, в соответствии с действующим законодательством.

На уровне субъектов Российской Федерации разработаны свои нормативные акты, закрепляющие положения о ТОС. Например, в одном муниципальных образований Республики Татарстан, были утверждены специальные правила, которые определяют порядок формирования, функционирования и взаимодействия членов ТОС с муниципальными органами власти. Эти документы обеспечивают обоснование и поддержку инициатив местных жителей, делая акценты на необходимости учета их мнения при разработке местных программ и проектов¹.

ТОС обладает основным признаком, свойственным структурным элементам МСУ, - содействует решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Следует отметить, что на практике существует ряд проблем и трудностей, связанных с реализацией принципов ТОС. Одной из таких проблем является недостаточная осведомленность граждан о своих правах и возможностях. Несмотря на наличие правовой базы, многие жители не понимают всего потенциала и роли ТОС в процессе управления местными делами. Уровень вовлеченности граждан в самоуправление зависит от ряда факторов, включая образовательный уровень, наличие традиций участия и доверие к власти.

Таким образом, актуальность вопросов правового регулирования ТОС обусловлена необходимостью создания эффективных механизмов для взаимодействия граждан с представителями власти. Это взаимодействие должно строиться на основе взаимного уважения и учета интересов разных групп населения. Важно также продолжать работу по развитию института ТОС, повышая правовую грамотность жителей и доступ к информации о действующих механизмах².

Развитие территориального общественного самоуправления в России на современном этапе требует постоянного обновления как правовой базы, так и практических подходов к её реализации. Это включает совершенствование процедур, вовлечение большего числа граждан в общественно-полезную деятельность и создание условий для взаимодействия населения и государственных структур. Такая синергия позволит

¹ Нигметзянов А.А. Территориальное общественное самоуправление: мотивирующая роль законодателя // Конституционное и муниципальное право. 2024. №7. С.58-61

² Петрова Н.В. Роль местного самоуправления в осуществлении стратегического планирования на уровне муниципалитетов // Муниципальное право. –2021. № 2. С. 12–22.

не только улучшить качество жизни в населенных пунктах, но и повысить уровень доверия между гражданами и властью.

Граждане, вовлеченные в деятельность территориального общественного самоуправления (ТОС), обладают набором прав и обязанностей, которые формируют основу их участия в управлении местными делами. Ключевым правом является возможность активно участвовать в обсуждениях вопросов, касающихся жизнедеятельности территории, выражать свои предложения и мнения, а также влиять на принимаемые решения на уровне местного самоуправления. Это участие способствует формированию гражданской ответственности и укреплению взаимопонимания в обществе.

Функционирование ТОС направлено на решение актуальных проблем на местах и включает в себя благоустройство территории, организацию общественных мероприятий и взаимодействие с другими институтами власти. Так, граждане могут не только инициировать проекты, но и принимать участие в их реализации. Это взаимодействие между населением и местными властями значительно усиливает общественное участие в управлении и способствует повышению качества жизни населения.

Кроме того, граждане получают возможность создавать инициативные группы и принимать участие в выборах органов ТОС. Отбор представителей определяется на основании общих обсуждений и голосований, что способствует формированию легитимных и представительных структур. В этом контексте важно обеспечить прозрачность процедуры выборов и доступность информации о деятельности органов ТОС.

Права на получение информации о деятельности ТОС также занимают важное место в рамках правовых основ самоуправления. Граждане имеют право знать о планируемых мероприятиях, финансовых аспектах и результатах работы органов ТОС. Это закрепляет принцип открытости и минимизирует риски коррупции и злоупотреблений со стороны ответственных за проведение мероприятий и реализацию проектов.

Обязанности граждан в рамках ТОС включают и инициативность в предложении идей для улучшения жизни на своей территории. Они могут инициировать проекты по благоустройству, охране окружающей среды или социальной помощи. Эта активная позиция дает возможность гражданам не только генерировать идеи, но и находить единомышленников для их реализации, что значительно увеличивает шансы на успех инициатив. Однако, недостаточность финансовых ресурсов проблем затрудняет функционирование ТОС, а также отсутствие квалифицированных кадров для ведения проектов и недостаточная поддержка со стороны местных властей. Устранение этих проблем позволит гражданам более активно участвовать в развитии своих территорий, улучшая качество жизни и обеспечивая устойчивое развитие местных сообществ¹.

Развитие территориального общественного самоуправления зависит от уровня вовлеченности и активности самих граждан, а также от поддержки со стороны государства и местной администрации. Создание условий для активного участия граждан, обеспечение их прав и обязанностей — ключ к успешному функционированию ТОС в будущем.

Эффективное участие граждан в территориальном общественном самоуправлении (ТОС) основывается на различных механизмах, которые обеспечивают возможность активной самоорганизации и принятия решений на местах. Важнейшим из таких механизмов можно считать инициативные группы, которые формируются для реализации конкретных проектов и инициатив. Эти группы могут создавать предложения по улучшению качества жизни на своей территории, включая благоустройство, организацию досуга и другие сферы общественной жизни.

Еще одним значимым инструментом являются непосредственные собрания граждан, на которых участники обсуждают актуальные проблемы и принимают решения. Эти собрания способствуют не только взаимодействию внутри сообщества, но и формированию общественного мнения по важным вопросам. Формирование протоколов таких встреч создает правовую основу для дальнейших действий в рамках ТОС². Коллективные обращения к властям также могут оказаться эффективными, способствуя решению, которое учитывает интересы местного населения.

Необходимо отметить, что качественное информирование граждан о возможностях участия в ТОС является важным условием успешного вовлечения. Недостаток информации приводит к снижению активности населения. Учебные пособия и методические рекомендации могут служить ценным ресурсом для повышения осведомленности жителей, показывая, как именно можно участвовать в управлении своей территорией. Например, в некоторых муниципалитетах успешно применяются программы по обучению граждан основам местного самоуправления, что способствует расширению круга участников ТОС и росту инициативности.

Технологии тоже активно внедряются в механизмы участия. Использование интернет-платформ для сбора предложений и голосования позволяет значительно увеличить доступность участия для всех слоев населения. Это особенно актуально в условиях, когда жители могут находиться на различных этапах профессиональной реализации или семейной нагрузки, что не всегда позволяет им присутствовать на очных встречах.

Важно также учитывать, что успех ТОС зависит от готовности органов власти к взаимодействию с населением. Создание каналов обратной связи между местными администрациями и жителями, готовность властей рассматривать и вносить коррективы в решения на основе предложений граждан — это определяющие факторы эффективности осуществления ТОС. На практике это может проявляться через специальные комитеты и рабочие группы, которые включают представителей граждан и местных органов власти для совместного обсуждения и решения муниципальных проблем.

Таким образом, механизмы участия граждан в ТОС представляют собой комплексное объединение инициативных подходов, требующих активной позиции со стороны как самих членов сообщества, так и представительных организаций местного управления. Каждый из этих механизмов, от встреч до новых технологий, имеет свои преимущества и недостатки, влияя на общую эффективность территориального общественного самоуправления и способность граждан влиять на развитие своих населенных пунктов.

¹ Макарова Е. И. Гражданское общество и его роль в развитии территориального самоуправления // Социологический мониторинг. 2020. № 5. С. 14–24.

² Зайцева Т. Н. Инновационные подходы к развитию территориального самоуправления в условиях современного общества // В мире науки. 2021. № 7. С. 49–63.

Разработка стратегии развития территориального общественного самоуправления до 2030 года основывается на комплексном анализе текущих условий и ожиданий со стороны местных сообществ. Успешная реализация этой стратегии предполагает создание устойчивого механизма взаимодействия между гражданами, органами власти и другими заинтересованными сторонами.

Основное внимание следует уделить повышению уровня вовлеченности граждан в процессы принятия решений на местном уровне. Это означает не только информирование населения о возможностях ТОС, но и активное привлечение его к разработке и реализации местных инициатив. Образовательные программы и семинары помогут формировать у граждан потребность в участии в жизни своего микрорайона.

Существующий опыт показывает, что многие территории уже реализуют достаточно успешные практики взаимодействия в рамках ТОС, что создает основу для масштабируемости подобных инициатив. Важно разработать методические рекомендации для тех территорий, которые еще не смогли наладить активное общественное самоуправление. Применение кейс-методов для обучения активистов и участников ТОС позволит передать ценные практики и избежать распространенных ошибок.

Не менее актуальной задачей является модернизация существующих нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность ТОС. Упрощение процедур регистрации и более четкие критерии для возникновения и работы общественных советов станут важным шагом к развитию общественного самоуправления. Также целесообразно рассмотреть возможность введения дополнительных форм финансовой поддержки для ТОС, что повысит их независимость и профинансирует инициативы на уровне местных сообществ.

Эффективность функционирования территориального общественного самоуправления во многом определяется развитием информационных технологий. Создание единой информационной платформы, где будет размещена актуальная информация о всех инициативах, проектах и успешных практиках, станет важным инструментом не только для обмена опытом, но и для вовлечения новых участников в процесс самоуправления. Использование современных технологий, включая социальные сети и мобильные приложения, позволит значительно улучшить коммуникацию внутри ТОС и с органами власти.

Следующим важным аспектом стратегии является формирование партнерских отношений между ТОС и местными администрациями. Открытость органов власти к инициативам со стороны населения, совместная разработка проектов, направленных на решение актуальных проблем территории, способны создать взаимовыгодные условия для сотрудничества. Поддержка со стороны власти в формировании рабочих групп, которые включали бы как представителей ТОС, так и чиновников, обеспечит более глубокое понимание потребностей и предложений с обеих сторон.

Общественный контроль за исполнением принятых решений станет важным инструментом для повышения ответственности как самих участников ТОС, так и органов власти. Предоставление возможности гражданам влиять на процесс исполнения местных инициатив через публичные слушания и открытые заседания обеспечит более высокую степень прозрачности.

Планомерная работа по популяризации территориального общественного самоуправления выведет эту практику на новый уровень. Проведение форумов, конференций и тематических выставок позволит обмениваться опытом не только между ТОС, но и с организациями гражданского общества и бизнесом. Поддержка со стороны научных учреждений и НПО в исследовательской деятельности поможет формировать устойчивую теоретическую базу для дальнейших шагов по развитию самоуправления.

Изучение международного опыта также может быть интегрировано в стратегию, чтобы выявить лучшие практики и подходы, которые могут быть адаптированы к российским условиям. Анализ успешных моделей общественного самоуправления за границей даст возможность найти новые решения для местных сообществ.

Важно помнить, что стратегия развития ТОС до 2030 года должна основываться на принципах инклюзивности и доступности. Учет интересов всех групп населения, включая молодежь, пенсионеров, людей с ограниченными возможностями, станет залогом успешного функционирования территориального самоуправления. Специальные программы и инициативы, направленные на интеграцию всех слоев общества, помогут создать более устойчивую и разнообразную структуру общественного самоуправления.

Для достижения поставленных целей необходимо непрерывное мониторинг и оценка эффективности внедрения стратегии. Установление четких индикаторов достижения результатов и механизмов их анализа позволит своевременно реагировать на возникающие проблемы и корректировать планы действий по мере необходимости.

Финансирование всех программ и инициатив станет еще одной важной задачей. За счет привлечения частных инвестиций и грантов, а также создания механизмов краудфандинга, можно существенно увеличить ресурсную базу для реализации местных проектов и инициатив.

Соблюдение всех перечисленных аспектов создаст комплексную платформу для углубленного и системного подхода к развитию территориального общественного самоуправления в Российской Федерации, что, в свою очередь, положительно скажется на качестве жизни на местах, укрепит доверие граждан к власти и создаст условия для активного участия населения в решении местных задач.

Таким образом, правовые основы территориального общественного самоуправления в России в 2024 году представляют собой динамичную и развивающуюся систему, которая требует постоянного внимания и поддержки со стороны как граждан, так и органов власти. Успех ТОС зависит от активного участия граждан, их готовности к сотрудничеству и взаимодействию, а также от способности властей создавать условия для этого взаимодействия. В конечном итоге, эффективное функционирование ТОС может стать важным шагом к более демократичному и открытому управлению на местах, что, безусловно, будет способствовать улучшению качества жизни населения и развитию местных сообществ.

Список литературы

1. Иванов С.П. Стратегические направления развития территориального общественного самоуправления в России // Вестник государственной службы. – 2020. – № 4. – С. 31–40.
2. Смирнова Л.Т. Модели участия граждан в управлении территории: опыт России и зарубежных стран // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22. – № 1. – С. 85–98.
3. Петрова Н.В. Роль местного самоуправления в осуществлении стратегического планирования на уровне муниципалитетов // Муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 12–22.
4. Кузнецов А.А. Тенденции развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 56–72.
5. Макарова Е.И. Гражданское общество и его роль в развитии территориального самоуправления // Социологический мониторинг. – 2020. – № 5. – С. 14–24.
6. Федоров В.С. Стратегическое планирование в системе местного самоуправления: подходы и перспективы // Административное право и процесс. – 2021. – № 4. – С. 23–37.
7. Зайцева Т.Н. Инновационные подходы к развитию территориального самоуправления в условиях современного общества // В мире науки. – 2021. – № 7. – С. 49–63.
8. Чистякова М.Г. Участие населения в принятии решений на уровне местного самоуправления: опыт и проблемы // Общество и право. – 2022. – № 1. – С. 33–42.
9. Громов И.Т. Территориальное общественное самоуправление как инструмент развития местного сообщества // Вестник местного самоуправления. – 2020. – № 2. – С. 15–27.
10. Силина А.М. Задачи и перспективы развития территориального самоуправления в России до 2030 года // Политические исследования. – 2023. – № 6. – С. 40–53.

References

1. Ivanov S.P. Strategic actions for the development of territorial public self-government in Russia // Bulletin of the Civil Service. – 2020. No. 4. pp. 31-40.
2. Smirnova L.T. The model of the gradan site in the administrative territory: the experience of Russia and foreign countries // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2019. – Vol. 22. – No. 1. – pp. 85-98.
3. Petrova N.V. The role of local self-government in the development of strategic planning at the municipal level // Municipal law. – 2021. – No. 2. – pp. 12-22.
4. Kuznetsov A.A. Trends in the development of territorial public self-government in the Russian Federation // Regional economics: theory and practice. – 2022. – No. 3. – pp. 56-72.
5. Makarova E.I. Civil society and its role in the development of territorial self-government // Sociological monitoring – 2020. – № 5. – pp. 14-24.
6. Fedorov V.S. Strategic planning in the system of local self-government: moves and prospects // Administrative law and process – 2021. – № 4. – pp. 23-37.
7. Zaitseva T.N. Innovative approaches to the development of territorial self-government in modern society // in the world of science – 2021. – No. 7. - pp. 49-63.
8. Chistyakova M.G. Part of the population in decision-making at the local government level: experience and problems // Society and law. – 2022. – No. 1. pp. 33-42.
9. Gromov.T. Territorial public self-government as a tool for the development of the local community // Bulletin of Local Self-Government – 2020, No. 2, pp. 15-27.
10. Silina.M. Tasks and prospects for the development of territorial self-government in Russia until 2030 // Political studies – 2023. – No. 6. - pp. 40-53.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ МИРОВОГО ПРАВОСУДИЯ В ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE PARTICIPATION OF MAGISTRATES JUSTICE IN OPTIMIZING LAW ENFORCEMENT IN MODERN RUSSIA

ЖАБИН Илья Юрьевич,
старший преподаватель кафедры транспортного права
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А.Новикова.
196210, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Пилотов, 36.
odsi@mail.ru;
ZHABIN Ilya Yurievich,
senior lecturer, department of transport law,
Saint Petersburg state university of civil aviation named after Chief marshal of aviation A.A. Novikov.
36 Pilotov St., Saint Petersburg, Russia, 196210.
vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются историко-правовые аспекты участия мирового правосудия в оптимизации правоохранительной деятельности в современной России. Анализируется роль мирового правосудия в рассмотрении дел об административных правонарушениях. Рассматриваются подходы по совершенствованию деятельности мировых судей субъектов Российской Федерации в данной сфере общественных отношений.

Abstract. This article examines the historical and legal aspects of the participation of magistrates in optimizing law enforcement in modern Russia. It analyzes the role of magistrates in hearing administrative offense cases. Approaches to improving the performance of magistrates in the constituent entities of the Russian Federation in this area of public relations are discussed.

Ключевые слова: мировое правосудие, мировой судья, Российская Федерация, полномочия мировых судей, правоохранительная деятельность, административные правонарушения, оптимизация деятельности мировых судей.

Keywords: magistrates justice, magistrates, Russian Federation, powers of magistrates, law enforcement, administrative offenses, optimization of magistrates performance.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Организация деятельности мировой юстиции и та роль, которую она играет в судебной системе современной России, является весьма актуальной в процессе оптимизации всей системы правоохранительных органов в нашем государстве¹. Это обуславливает определенный интерес для исследования соответствующих этапов становления и совершенствования всей судебной системы Российской Федерации. Работа мирового правосудия в Российской Федерации непосредственно связана с оптимизацией самого производства по делам об административных правонарушениях, т.к. именно на мировые суды возлагается достаточно большие полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Автор отмечает, что становление и совершенствование данного производства имеет достаточно большой путь развития. Исследуя это производство, давая его правовую характеристику, необходимо рассмотреть основные этапы его зарождения, т.е. необходимо исследовать основные этапы историографии становления и развития института мировой юстиции в Российской Федерации².

В дореволюционный период мировое правосудие Российской империи играло достаточно весомую роль в судебной системе государства. Ее деятельность в полной мере обеспечивалась соответствующим законодательным уложением Российской империи. Но вскоре после октября 1917 года, в советский период, вопросы мировой юстиции были возложены на советские органы исполнительной власти, которые функционировали под эгидой партии большевиков. Правовые акты в данной сфере общественных отношений принимались разнообразными органами власти победившего пролетариата: Советом Народных Комиссаров РСФСР, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. В более поздний период полномочия по разработке и принятию соответствующих актов управления были возложены на Совет Министров РСФСР и Всероссийский Центральный Совет Профсоюзов³.

Следующий этап становления административного производства в советском государстве обусловлен с принятием 23 ноября 1980 года Основ законодательства об административных правонарушениях⁴. Данный правовой акт позволил в определенной мере унифицировать процессуальные аспекты в сфере производства по делам об административных правонарушениях. Были сформулированы единые подходы, требования к оформлению протокола об административном правонарушении, а также к постановлению, который выносился органами административной юстиции по результатам рассмотрения дел об административных правонарушениях. Вместе с тем следует отметить, что многие спорные, наиболее

¹ Шеншин, В. М. К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти - Федеральной службы / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 1. – С. 161-165. – DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. – EDN CWFJXW.

² Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2007. № 9. С.4-5; Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С.150-158; Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С.104-110; Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации // В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48; Шеншин, В. М. К вопросу о компетенции Росгвардии и ее должностных лиц, предусмотренной проектом Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2021) и проектом Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2020) / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 4(309). – С. 50-54. – EDN ADVPBV; Назарова, И. С. О некоторых особенностях организации производства по делам об административных правонарушениях в ГИМС МЧС России / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10(226). – С. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_192. – EDN OBTAXC.

³ Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. С. 4

⁴ Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 № 3132-1 (в редакции от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1992. № 36. Ст. 1545

актуальные процессуальные проблемы в данном административном производстве решены не были. Так, такой вид постановления, как постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении, не предусматривалось¹. Однако, по мнению автора статьи, данный правовой акт сделал определенный шаг по разграничению компетенции СССР и сфере законодательства об административной ответственности. В частности, был определен перечень лиц административной юстиции, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях². К ним были отнесены суды, административные комиссии, органы внутренних дел. Вместе с тем, круг дел об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции судов, в данном нормативном акте не был установлен. Были закреплены процессуальные права и обязанности такого важного участника производства по делам об административном правонарушении, как потерпевший. Все это нашло свое закрепление в статье 248 КоАП РСФСР. В данном кодексе был также закреплён административно-правовой статус таких участников производства по делам об административных правонарушениях, как адвоката, законного представителя лица, привлекаемого к административной ответственности, переводчика, эксперта. В статье делается вывод о том, что это был первый правовой акт советского государства, в котором ставилась задача по оптимизации процессуальных вопросов в сфере разрешения дел по привлечению виновных лиц к административной ответственности за совершенное правонарушение.

Третий этап развития законодательства об административных правонарушениях непосредственно связано с принятием в 1984 году первого в РСФСР Кодекса об административных правонарушениях³. В этом кодексе получило дальнейшее продолжение деятельности государства по совершенствованию административного процессуального законодательства России в сфере административной ответственности. Таким образом, вопросы процессуальной части во вновь принятом КоАП РСФСР, были значительно расширены и дополнены новыми новеллами. Так, более широкую трактовку получили требования, которые стали предъявляться к составлению протокола об административном правонарушении⁴. Была законодательно закреплена и классификация постановлений по данной категории дел: они могли приниматься как о наложении взыскания на правонарушителя, так и по вопросам прекращения производства по данной категории дел (ст. 262 КоАП РСФСР). В последующем, по мере необходимости, в КоАП РСФСР были внесены необходимые изменения и дополнения по наиболее актуальным вопросам административно-процессуального права.

В этой связи необходимо отметить и роль Конституционного Суда Российской Федерации по оптимизации российского законодательства в данной сфере общественных отношений. Так, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 11.03.1998 года были признаны неконституционными положения ст. ст. 85 ч. 2, 222 КоАП РСФСР и ст. 226 Трудового Кодекса Российской Федерации, которые допускали конфискацию имущества в рамках производства по делам об административных правонарушениях без судебного рассмотрения дела об административном правонарушении по существу⁵. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 г. были признаны неконституционными положения ст. ст. 266, 267 КоАП РСФСР, которые запрещали институт обжалования принятых судом постановлений по делам об административных правонарушениях⁶. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2001 г. было еще раз подтверждено, что запрет на институт обжалования принятых в ходе производства по делам об административных правонарушениях постановлений противоречит конституционным принципам судебного контроля за деятельностью органов государственной власти и управления⁷. В последующем рассмотренные Конституционным Судом и Верховным Судом Российской Федерации актуальные проблемы производства по делам об административных правонарушениях получили свое отражение в дополнениях и изменениях, которые были внесены в действующий КоАП РСФСР⁸. Данный этап развития российского законодательства в сфере административной ответственности за совершенное административное правонарушение получил свое правовое закрепление в изменениях и дополнениях, внесенных в 1984 году в КоАП РСФСР. Эти изменения и дополнения данного кодекса оптимизировали его процессуальную часть по вопросам привлечения виновного лица к административной ответственности за совершенное противоправное деяние, что вполне соответствовало нормам действующей Конституции государства.

Начало четвертого этапа оптимизации законодательства Российской Федерации об административной ответственности начался с принятием в 2001 году нового по своей сути и содержания Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который является действующим и сегодня. Данный этап совершенствования Российского законодательства о привлечении виновного лица за совершение административного правонарушения к административной ответственности характеризуется дальнейшим соблюдением защиты прав и свобод

¹ Ананьев, Е. В. О необходимости внесения изменений в Перечень должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях / Е. В. Ананьев, Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2024. - № 3(320). - С. 75-78. - EDN EHVFXN; Производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое ФТС России / И. С. Назарова, Д. В. Попков, В. М. Шеншин, А. А. Андреева // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 10(238). - С. 136-140. - DOI 10.47643/1815-1329_2024_10_136. - EDN IHWUYO; Шеншин, В. М. О месте МЧС России в процессуальном порядке производства по делам об административных правонарушениях / В. М. Шеншин // Административное право и процесс. - 2024. - № 3. - С. 50-53. - DOI 10.18572/2071-1166-2024-3-50-53. - EDN BKWDXA.

² Назарова, И. С. К вопросу о закреплении приказом руководителя федерального органа исполнительной власти формы протокола об административном правонарушении / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. - 2022. - № 1. - С. 38-41. - DOI 10.18572/2071-1166-2022-1-38-41. - EDN VINNHR; Шеншин, В. М. Особенности организации и осуществления Росгвардией производства по делам об административных правонарушениях в рамках административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Административное право и процесс. - 2021. - № 10. - С. 51-54. - DOI 10.18572/2071-1166-2021-10-51-54. - EDN RRALLJ; Шеншин, В. М. Оформление протокола об административном правонарушении должностными лицами войск национальной гвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности: вопросы применения / В. М. Шеншин // Российская юстиция. - 2020. - № 2. - С. 22-24. - EDN IYOKHQ; Назарова, И. С. Актуальные проблемы правового регулирования применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. - 2018. - № 7(252). - С. 25-32. - EDN XWCBBB.

³ Основы законодательства об административных правонарушениях от 23.11.1980 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 44, Ст. 909

⁴ Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107; Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве // Мир экономики и права. 2015. № 6. С. 83-87; Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165; Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России // Мир юридической науки. 2013. № 12. С. 4-13; Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика // Монография. Санкт-Петербург, 2011; Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С. 227-228; Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 1998 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ст. 226, ч. 2, ст. 85 и ст. 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях...» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998. № 12. Ст. 1458

⁶ Основы законодательства об административных правонарушениях от 23.11.1980 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 44, Ст. 909

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2001 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 208 ГПК Российской Федерации...» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. № 1 (ч. 2). Ст. 126

⁸ Закон Российской Федерации от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // СПС Гарант

человека, которые получили свое закрепление в Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году. Это, прежде всего, указывает на особую роль суда в данном административном производстве¹. В частности, в этой связи необходимо сослаться на норму статьи 118 Конституции Российской Федерации. Данная статья закрепляет правовую норму, согласно которой судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В этой связи следует отметить, что Конституция Российской Федерации и действующее федеральное законодательство устанавливают достаточно исчерпывающий перечень судов, осуществляющих правосудие в современной России. Так, в соответствии с Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» только суды в современной России являются единственными носителями судебной власти, только они наделяются в конституционном порядке полномочиями по осуществлению правосудия в государстве². В последующем, в целях оптимизации правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, в 1996 году, по поручению Президента Российской Федерации, был разработан и одобрен проект Федерального Конституционного закона «О мировых судьях в Российской Федерации». После достаточно длительного и бурного обсуждения данного законопроекта в 1998 году этот очень важный правовой акт в сфере улучшения административного судопроизводства был принят. В дальнейшем, с учетом наработанной судебной практики, в него были внесены изменения и дополнения по актуальным вопросам рассмотрения дел об административных правонарушениях³. Также были внесены изменения в Федеральный Конституционный закон «О судебной системе в Российской Федерации»: в него были внесены существенные изменения, уточняющие административно-правовой статус мировых судей⁴. Так, данным законом было установлено, что институт мировых судей является судами субъектов Российской Федерации. Вместе с тем в этом Конституционном законе была закреплена правовая норма, согласно которой мировые суды входят в систему судов общей юрисдикции, которую возглавляет Верховный Суд Российской Федерации. А материально-техническое и процессуальное обеспечение работы мировых судей было возложено на федеральный центр и руководство субъектов Российской Федерации. Этим же законом было установлено, что апелляционной инстанцией в отношении постановлений мировых судов являются соответствующие районные суды. Вопросы по созданию и упразднению мирового правосудия возлагались на субъекты Российской Федерации. По мнению автора статьи, создание института мирового правосудия, в виде мировых судей, в субъектах Российской Федерации, позволило оптимизировать решение ряда задач, стоящих перед судебной системой современной России. Данное решение по созданию института мировых судей в субъектах Российской Федерации, которые в настоящее время рассматривают большинство дел об административных правонарушениях, позволило уменьшить нагрузку как на федеральные суды, так и на органы исполнительной власти. Это, в конечном итоге, повысило в целом оперативность и качество рассмотрения уголовных и гражданских дел судьями районных судов. Таким образом, воссоздание института мировых судей в конце 1999 - начале 2000 годов в современной России позволило более эффективно осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина в нашем государстве⁵. Это позволяет сделать вывод о том, что само правосудие в Российской Федерации практически стало более доступнее для граждан современной России, повысило оперативность при рассмотрении дел в районных судах. Дальнейшее совершенствование института мирового правосудия внесет существенный вклад в становление правового, демократического государства в Российской Федерации. Это позволит оптимизировать всю правоохранительную деятельность современной России.

Список литературы

1. Шеншин, В. М. К вопросу о наделении войск национальной гвардии Российской Федерации статусом федерального органа исполнительной власти - Федеральной службы / В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 1. – С. 161-165. – DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. – EDN CWFJXW.
2. Ананьев, Е. В. О необходимости внесения изменений в Перечень должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях / Е. В. Ананьев, Р. Р. Фаисханов, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 3(320). – С. 75-78. – EDN EHVFXN.
3. Производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое ФТС России / И. С. Назарова, Д. В. Попков, В. М. Шеншин, А. А. Андреева // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 10(238). – С. 136-140. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_10_136. – EDN IHWUYO.
4. Шеншин, В. М. О месте МЧС России в процессуальном порядке производства по делам об административных правонарушениях / В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2024. – № 3. – С. 50-53. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-3-50-53. – EDN BKWDXA.
5. Шеншин, В. М. К вопросу о компетенции Росгвардии и ее должностных лиц, предусмотренной проектом Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2021) и проектом Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2020) / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 4(309). – С. 50-54. – EDN ADVPBV.
6. Назарова, И. С. О некоторых особенностях организации производства по делам об административных правонарушениях в ГИМС МЧС России / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10(226). – С. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_192. – EDN OBTAXC.
7. Назарова, И. С. К вопросу о закреплении приказом руководителя федерального органа исполнительной власти формы протокола об административном правонарушении / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2022. – № 1. – С. 38-41. – DOI 10.18572/2071-1166-2022-1-38-41. – EDN VINNR.
8. Шеншин, В. М. Особенности организации и осуществления Росгвардией производства по делам об административных правонарушениях в рамках административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2021. – № 10. – С. 51-54. – DOI 10.18572/2071-1166-2021-10-51-54. – EDN RRALLJ.
9. Шеншин, В. М. Оформление протокола об административном правонарушении должностными лицами войск национальной гвардии при осуществлении ими административно-юрисдикционной деятельности: вопросы применения / В. М. Шеншин // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 22-24. – EDN IYOKHQ.
10. Назарова, И. С. Актуальные проблемы правового регулирования применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях военнослужащими и сотрудниками войск национальной гвардии Российской Федерации / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 7(252). – С. 25-32. – EDN XWCRBV.
12. Глуценко П.П., Жильский Н.Н., Кайнов В.И., Куртяк И.В. Административное право. Краткий курс. (2-е издание) Санкт-Петербург, 2010. 243 С.
13. Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004. С. 4

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2001 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 208 ГПК Российской Федерации...» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. № 1 (ч. 2). Ст. 126

² Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 № 3132-1 (в редакции от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1992. № 36. Ст. 1545

³ Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17.12.1998. № 188-ФЗ (в редакции от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998. № 51. Ст. 6270;

Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2004 №141 (в редакции от 07.06.2025) // СПС Гарант

⁴ Федеральный Конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в редакции от 29.12.2015) //СПС Гарант

⁵ Глуценко П.П., Жильский Н.Н., Кайнов В.И., Куртяк И.В. Административное право. Краткий курс. (2-е издание) Санкт-Петербург, 2010. 243 С.

14. Кайнов В.И. Прокуратура Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект // История государства и права. 2007. № 9. С. 4-5
15. Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Административное право зарубежных стран. М., 2021
16. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Судебный контроль за деятельностью органов исполнительной власти // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С. 150-158
17. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Сущность и значение процессуальных норм, регламентирующих производство об административных правонарушениях // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 104-110
18. Кайнов В.И. Правовые акты органов исполнительной власти Российской Федерации // В сборнике: Гостеприимный Петербург-2018. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 39-48
19. Кайнов В.И., Петров П.А., Сальников С.П. Вопросы оптимизации административно-правового регулирования оказания электронных государственных услуг // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 97-107
20. Кайнов В.И. Развитие отечественного законодательства об административном судопроизводстве // Мир экономики и права. 2015. № 6. С. 83-87
21. Кайнов В.И., Капустин А.А. Международный аспект административной юстиции (системный подход) // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 157-165
22. Кайнов В.И., Капустин А.А. Некоторые методологические проблемы современного правоведения в России // Мир юридической науки. 2013. № 12. С. 4-13
23. Кайнов В.И., Кайнова Ю.В. Институт банковской тайны в Российской Федерации: история, теория и практика // монография. Санкт-Петербург, 2011
24. Кайнов В.И. Реформирование государственной гражданской службы в Российской Федерации: анализ и совершенствование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (28-2). 2005. С. 227-228
25. Кайнов В.И. Административная ответственность: альбом схем-учебно-наглядное пособие. М., 2007
26. Прохорова О.В., Кайнов В.И. Историко-правовой анализ становления и развития государственной службы в России (конец XVII века - начало XX века) // История государства и права, 2007. № 1. С. 29-31

References

1. Shenshin, V. M. On the issue of granting the troops of the National Guard of the Russian Federation the status of a federal executive authority-the Federal Service / In M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 1. – pp. 161-165. – DOI 10.24412/2073-0454-2025-1-161-165. – EDN CWFJXW.
2. Ananyev, E. V. On the need to amend the List of positions of officers of the National Guard of the Russian Federation authorized to draw up protocols on administrative offenses / E. V. Ananyev, R. R. Faikhanov, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2024. – № 3(320). – Pp. 75-78. – EDN EHVFXN.
3. Proceedings on cases of administrative offenses based on the Federal Customs Service of Russia / I. S. Nazarova, D. V. Popkov, V. M. Shenshin, A. A. Andreeva // Agrarian and Land law. – 2024. – № 10(238). – Pp. 136-140. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_10_136. – EDN IHWUYO.
4. Shenshin, V. M. On the place of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the procedural procedure for administrative offenses / In M. Shenshin // Administrative law and Process – 2024. – No. 3. – pp. 50-53. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-3-50-53. – EDN BKWDXA.
5. Shenshin, V. M. On the issue of the competence of the Rosgvardiya and its positions, the draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (2021) and the draft Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (2020) were considered / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 4(309). – Pp. 50-54. – EDN ADVPBV.
6. Nazarova, S. On some features of the organization of proceedings in cases of administrative offenses in the GIMS of the Ministry of Emergency Situations of Russia / And S. Nazarova, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 10(226). – Pp. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_192. – EDN OBTAXC.
7. Nazarova, S. On the issue of closing by order of the governor of the federal executive authority the form of the protocol on administrative offense / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Administrative Law and Process - 2022. – No. 1. – pp. 38-41. – DOI 10.18572/2071-1166-2022-1-38-41. – EDN VINNHR.
8. Shenshin, V. M. Features of the organization and fundamentals of the Rosgvardiya's activities in cases of administrative offenses within the framework of administrative and jurisdictional activities / In M. Shenshin // Administrative law and Process – 2021. – No. 10. – pp. 51-54. – DOI 10.18572/2071-1166-2021-10-51-54. – EDN RRALLJ.
9. Shenshin, V. M. Registration of the protocol on the administrative offense of compulsory military personnel of the National Guard at the establishment of their administrative and jurisdictional activities: issues of application / In M. Shenshin // Russian Justice. – 2020. – No. 2. – pp. 22-24. – EDN IYOKHQ.
10. Nazarova, S. Actual problems of legal regulation include measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses of military personnel and fellow citizens of the National Guard troops of the Russian Federation / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Law in the Military - Military Legal Review – 2018. – № 7(252). – Pp. 25-32. – EDN XWCRBB.
12. Glushchenko P.P., Zhilsky N.N., Kainov V.I., Kurtyak.B. Administrative law. A short course. (2nd edition) St. Petersburg, 2010. 243 P.
13. Doroshkov V.V. Justice of the Peace. Historical, organizational and procedural aspects of activity. Moscow: Norma, 2004. pp.
- 4-14. Kainov V.I. Prosecutor's office of the Russian Federation in the system of separation of powers: theoretical and legal aspect // History of the State and law. 2007. No. 9. pp. 4-5
15. Kainov V.I., Safarov R.A. Administrative law of foreign countries. Moscow, 2021
16. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Judicial control over the activities of executive authorities // Legal science: history and modernity. 2019. No. 5. pp. 150-158
17. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. The essence and significance of procedural norms regulating proceedings on administrative offenses // Legal science: history and modernity. 2019. No. 7. pp. 104-110
18. Kainov V.I. Legal acts of the executive authorities of the Russian Federation // in the collection: Hospitable Petersburg-2018. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference 2018. pp. 39-48
19. Kainov V.I., Petrov P.A., Salnikov S.P. Issues of optimization of administrative and legal regulation of the provision of electronic government services // The world of politics and sociology. 2019. No. 7. pp. 97-107
20. Kainov V.I. Development of domestic legislation on administrative proceedings // The world of economics and law. 2015. No. 6. pp. 83-87
21. Kainov V.I., Kapustin A.A. International aspect of administrative justice // The legal field of modern economics 2015. No. 1. pp. 157-165
22. Kainov V.I., Kapustin A.A. Some methodological problems of modern jurisprudence in Russia // The world of legal science. 2013. No. 12. pp. 4-13
23. Kainov V.I., Kainova Yu.V. Institute of banking in the Russian Federation: history, theory and practice // monograph. St. Petersburg, 2011
24. Kainov V.I. Reforming the state civil service in the Russian Federation: analysis and improvement / Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (28-2). 2005. pp. 227-228
25. Kainov V.I. Administrative affiliation: an album of diagrams-an educational and visual aid. Moscow, 2007
26. Prokhorova.V., Kainov V.I. Historical and legal analysis of the formation and development of the civil service in Russia (the end of the XVII century-the beginning of the XX century) // History of the State and law, 2007. № 1. pp. 29-31

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ «СИРИУС»: ПРАВОВАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ И ВЫЗОВЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ FEDERAL TERRITORY "SIRIUS": LEGAL UNIQUENESS AND CHALLENGES OF PUBLIC GOVERNANCE

ВАСИЛЬКОВА Евгения Андреевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и право
Мариупольского государственного университета имени А.И. Куинджи.

287537, Донецкая Народная Республика, г. Мариуполь, пр-кт Строителей, д. 129А

E-mail: e.a.vasilkova@mail.ru

VASILKOVA Evgeniya Andreevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration and Law
of the Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi.

Stroitelny Avenue 129A, Mariupol, Donetsk People's Republic, 287537, Russia.

E-mail: e.a.vasilkova@mail.ru

Краткая аннотация: В статье определяется правовая природа федеральной территории «Сириус» как особого публично-территориального образования с гибридной моделью власти, сочетающей элементы федерального, регионального управления и местного самоуправления. Проанализированы последние законодательные изменения, расширяющие автономию «Сириуса» в сфере спорта и туризма. Выявлены ключевые преимущества данной модели управления (гибкость, адаптивность, способность к быстрому внедрению инноваций и апробации правовых механизмов), а также затронуты основные проблемы и вызовы.

Abstract: The article defines the legal nature of the federal territory "Sirius" as a special public-territorial entity with a hybrid governance model combining elements of federal and regional administration and local self-government. Recent legislative amendments expanding "Sirius"'s autonomy in the fields of sports and tourism are analyzed. The study identifies the key advantages of this governance model—flexibility, adaptability, and the ability to rapidly implement innovations and test legal mechanisms—while also addressing the main problems and challenges.

Ключевые слова: федеральная территория, публичная власть, правовой статус, органы управления, инновационное развитие, местное самоуправление.

Keywords: federal territory, public authority, legal status, governing bodies, innovative development, local self-government.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Создание федеральной территории «Сириус» в соответствии с частью 1 статьи 67 Конституции Российской Федерации [1] стало значимым шагом в реализации конституционной реформы 2020 года, направленной на повышение эффективности публичной власти и экспериментальное управление территориями с высоким инновационным потенциалом. Федеральная территория «Сириус», представляет собой уникальный правовой феномен, сочетающий элементы федерального, регионального уровней управления и местного самоуправления. Образование такой публично-территориальной единицы с особым статусом представляет собой беспрецедентный эксперимент в российском конституционном и муниципальном праве, направленный на формирование территории с особым правовым режимом для ускоренного инновационного развития, что требует комплексного анализа новой модели публичной власти и критериев оценки ее эффективности.

Федеральная территория «Сириус» была учреждена Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» (далее — ФЗ № 437-ФЗ) [2], который устанавливает ее как особую административно-территориальную единицу, не входящую в состав субъектов Российской Федерации, но интегрированную в федеральную систему. Уникальность правового статуса проявляется в гибридной модели управления: территория обладает автономией в решении локальных вопросов, сохраняя подчинение федеральным органам, при этом местное самоуправление в федеральной территории «Сириус» может осуществляться непосредственно местными жителями, а также через органы публичной власти федеральной территории, осуществляющие в том числе полномочия органов местного самоуправления городского округа, если такие полномочия не переданы для осуществления органам местного самоуправления городского округа Сочи.

Федеральная территория «Сириус» расположена в Имеретинской низменности в междуречье Мзымты и Псоу, окружена Кавказскими горами и уникальным природным заповедником, включает земли Олимпийского парка, научного центра и образовательных учреждений. Границы территории определены статьей 6 ФЗ № 437-ФЗ [2] и устанавливаются в соответствии с Приложениями 1 и 2 к вышеупомянутому закону, с возможностью их изменения путем внесения изменений в ФЗ № 437-ФЗ (статья 7 [2]).

В 2025 году в ФЗ № 437-ФЗ [2] внесен ряд поправок. Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 65-ФЗ [3] расширяет полномочия в сфере физической культуры и спорта: федеральная территория «Сириус» включается в систему спортивного управления наравне с субъектами Российской Федерации; вводится понятие «спортивные сборные команды федеральной территории «Сириус»» и определяется порядок формирования списков кандидатов и самих команд (эти команды формируются для участия в межрегиональных и всероссийских соревнованиях от имени «Сириуса»); органы власти «Сириуса» наделяются исключительными правами и обязанностями в области физической культуры и спорта на своей территории (например, наделяются правом разрабатывать и реализовывать государственные программы развития спорта, организовывать и проводить официальные спортивные мероприятия, учреждать собственные награды и звания, присваивать спортивные разряды и квалификационные категории и др.); вводится новый институт соглашений о сотрудничестве между органами власти «Сириуса» и общероссийскими

спортивными федерациями (федерации, заключившие такие соглашения, получают права и обязанности по развитию своих видов спорта непосредственно на территории «Сириуса», минуя уровень субъекта РФ, они разрабатывают и реализуют программы развития вида спорта в федеральной территории «Сириус»); федеральная территория «Сириус» получает право устанавливать специальное регулирование в области спорта своими нормативными правовыми актами (эти акты не могут устанавливать требования ниже федеральных, но могут вводить более детальные или специфичные нормы).

Все вышеперечисленное позволит федеральной территории «Сириус» самостоятельно и под свою ответственность выстраивать эффективную систему подготовки спортсменов и развития спорта, активно взаимодействуя напрямую с общероссийскими федерациями.

Федеральный закон от 7 июня 2025 г. № 127-ФЗ, вступивший в силу 1 сентября 2025 г. [4], в целях создания благоприятных условий для развития туристской индустрии закрепил проведение эксперимента по предоставлению услуг гостевыми домами и создания механизма специального правового регулирования этой деятельности.

Федеральная территория «Сириус» является полноценным участником эксперимента наравне с другими субъектами РФ. Она обладает собственными органами публичной власти, которые наделены всеми необходимыми полномочиями для реализации положений Федерального закона от 7 июня 2025 г. № 127-ФЗ [4] на своей территории: от принятия решения о старте эксперимента и установления местных правил до контроля и надзора за деятельностью гостевых домов. Это подтверждается ч.2 ст.1 (федеральная территория «Сириус» указана в перечне территорий, на которых проводится эксперимент, наравне с перечисленными субъектами Российской Федерации (Республика Алтай, Краснодарский край и др.)), ч.3 ст. 1 (в числе участников эксперимента названы органы публичной власти федеральной территории «Сириус»), ч.4 ст.1 (для начала эксперимента на федеральной территории «Сириус» необходимо принятие решения Совета. Это решение должно вступить в силу не позднее чем за год до окончания эксперимента (то есть до 31 декабря 2026 года)), ч.2 ст.4 (представительный орган федеральной территории «Сириус» наделен правом устанавливать дополнительные требования к гостевым домам с учетом местных особенностей. Это может касаться, например, даты постройки дома или иных специфических критериев), ч.5 ст.5 (орган публичной власти федеральной территории «Сириус», уполномоченный на осуществление регионального государственного контроля в сфере туристической индустрии, проводит проверки).

Правовой статус федеральной территории «Сириус» закрепленный в федеральном законодательстве дополнен Уставом (утвержден Решением Совета от 2021 г., с изменениями на 2025 г.) [5], который регулирует внутренние процедуры и подлежит согласованию с Правительством РФ (статья 5 ФЗ № 437-ФЗ [2]). Эта модель обеспечивает уникальность, отличающую «Сириус» от других территорий: здесь сочетаются элементы прямого федерального контроля и местного самоуправления, что должно способствовать быстрому внедрению инноваций.

Система органов публичной власти «Сириус» включает Совет федеральной территории, Администрацию и органы местного самоуправления (статья 10 ФЗ № 437-ФЗ [2]).

Совет федеральной территории «Сириус» формируется сроком на пять лет в составе 17 членов, из которых: девять членов избираются на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; три - назначаются Президентом Российской Федерации; три - назначаются Правительством Российской Федерации; один - назначается высшим должностным лицом Краснодарского края; глава администрации федеральной территории «Сириус», который входит в состав Совета федеральной территории «Сириус» по должности. Это обеспечивает баланс представительства и экспертности.

Полномочия органов публичной власти, включающие управление образованием, здравоохранением, туризмом и спортом, с делегированием от федерального центра детализированы в ст. 8 ФЗ № 437-ФЗ [2]. Данные полномочия целесообразно классифицировать следующим образом:

1. Отдельные полномочия Российской Федерации, по предметам ведения РФ и совместного ведения, переданные федеральными законами, указами Президента, постановлениями Правительства РФ по согласованию с Администрацией Президента РФ. Например: реализация федеральных программ (например, в сфере образования, науки, цифровых технологий); управление федеральной собственностью на территории; организация международных мероприятий (конференции, олимпиады, форумы).

2. Отдельные полномочия РФ, переданные субъектам РФ, если федеральные законы предусматривают, что такие полномочия могут передаваться органам местного самоуправления или прямо указано, что они могут осуществляться органами публичной власти «Сириуса». Например: организация приема иностранных граждан в рамках образовательных программ; осуществление отдельных функций в сфере здравоохранения (например, санаторно-курортное обслуживание).

3. Полномочия Краснодарского края по совместному ведению, которые осуществляются, за исключением тех, что прямо исключены законом. Например: образование (в том числе управление школами и колледжами на территории); культура (организация мероприятий, поддержка талантливой молодежи); физическая культура и спорт; охрана окружающей среды (в пределах территории); молодежная политика.

4. Отдельные полномочия Краснодарского края, переданные нормативными актами края. Например: управление землями, переданными в аренду или в пользование; организация местных мероприятий (фестивали, выставки); регулирование тарифов на коммунальные услуги (в рамках установленных законом полномочий).

5. Полномочия органов местного самоуправления. Например: управление муниципальной собственностью; организация уличного освещения, уборки, вывоза мусора; предоставление муниципальных услуг (в т.ч. жилищных, социальных).

6. Полномочия по организации деятельности своих органов. Создание и управление подведомственными организациями, учреждениями, бюджетом, кадрами. Например: формирование собственного бюджета; назначение руководителей учреждений; принятие устава и локаль-

ных нормативных актов.

Ст. 8 ФЗ № 437-ФЗ [2] также исключает ряд полномочий, даже если они относятся к совместному ведению Краснодарского края и Российской Федерации. К ним можно отнести: охрану общественного порядка; противодействие коррупции, в части контроля за должностными лицами; сферу образования в части лицензирования и аккредитации, т.к. это — федеральный уровень; электронное правительство (региональные порталы); социальную защиту, в части назначения пособий по краевым программам; управления музеями, театрами краевого подчинения; утверждения генпланов края; земельные отношения, в части распоряжения землями края, не переданными в «Сириус» и др. Помимо этого, ограничения касаются сферы противодействия терроризму. Исключены такие полномочия как планирование, координация и контроль за деятельностью, связанной с противодействием терроризму, организация мероприятий по обеспечению антитеррористической защищенности, создание и обеспечение функционирования антитеррористических комиссий, проведение антитеррористических учений, взаимодействие с ФСБ, МВД по антитеррористическим вопросам и т.п.

Несомненно, органы власти федеральной территории «Сириус» обладают правоспособностью для реализации подавляющего большинства проанализированных полномочий, особенно тех, что касаются непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, социально-экономического развития и управления своей территорией. Основные ограничения связаны не с сутью полномочий, а с отсутствием статуса «полноценного» субъекта РФ (невозможность проведения региональных выборов в органы власти субъекта, отсутствие представительства в Совете Федерации), отсутствием муниципальных образований в своих границах (исключается группа полномочий по взаимодействию с МО), компактностью территории (что делает нецелесообразным осуществление некоторых «масштабных» полномочий в их классическом виде). Таким образом, модель управления федеральной территорией «Сириус» предполагает концентрацию у органов власти «гибридного» набора функций, сочетающего ключевые полномочия регионального уровня и полномочия местного самоуправления, адаптированные под задачи инновационного развития данной территории.

Оценка публичной власти федеральной территории «Сириус» в научной литературе подчеркивает ее эффективность в инновационных сферах, но выявляет вызовы в координации с федеральным уровнем. Положительная оценка также связана с гибкостью полномочий: органы территории апробируют федеральные нормы на локальном уровне, минимизируя бюрократию, но в тоже время возникает противоречие между необходимостью гибкого управления для достижения стратегических целей и принципами демократичности, подконтрольности и ответственности власти. Помимо этого, критика касается недостаточной финансовой автономии: зависимость от федерального бюджета ограничивает самостоятельность федеральной территории «Сириус». Многие ученые отмечают необходимость усиления местного самоуправления, также остается проблема дублирования полномочий с Краснодарским краем.

Таким образом, федеральная территория «Сириус» выступает эффективной «лабораторией» публичной власти, демонстрируя высокую адаптивность в инновационных сферах и подтверждая потенциал децентрализованных моделей управления в условиях экспериментального правового режима. Однако для устойчивого развития и масштабирования подобного опыта требуется дальнейшая правовая гармонизация, усиление финансовой самостоятельности, развитие институтов местного самоуправления и четкое разграничение полномочий с другими уровнями власти. В перспективе модель федеральной территории «Сириуса» может стать прообразом новой формы публичного управления в России — динамичной, ориентированной на результат и способной сочетать инновационность с правовой определенностью.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993года: [с изменениями, внесенными законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. №7-ФКЗ, от 05 февр. 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 N 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ]. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2025).
2. О федеральной территории «Сириус»: Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ (акт. ред.) : [принят Государственной думой 09 декабря 2020 года : одобрен Советом Федерации 16 декабря 2020 года]. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2025).
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.04.2025 г. № 65-ФЗ (акт. ред.) : [принят Государственной думой 25 марта 2025 года : одобрен Советом Федерации 02 апреля 2025 года]. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2025).
4. О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов: Федеральный закон от 07.06.2025 г. № 127-ФЗ (акт. ред.) : [принят Государственной думой 27 мая 2025 года : одобрен Советом Федерации 04 июня 2025 года]. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». — URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2025).
5. Устав федеральной территории «Сириус» от 19 ноября 2021 г. № 1-3/16. — Текст: электронный // Официальный сайт федеральной территории «Сириус». — URL: <https://sirius-ft.ru/ustav/> (дата обращения: 15.11.2025).

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide voting on December 12, 1993: [with amendments introduced by the Federal Constitutional Laws of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 5, 2014, No. 11-FKZ of July 21, 2014, No. 1-FKZ of March 14, 2020, No. 5-FKZ of October 4, 2022, No. 6-FKZ of October 4, 2022, No. 7-FKZ of October 4, 2022, and No. 8-FKZ of October 4, 2022]. — Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information "State Legal Information System". — URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: November 15, 2025).
2. On the Federal Territory "Sirius": Federal Law of the Russian Federation No. 437-FZ of December 22, 2020 (current version): [adopted by the State Duma on December 9, 2020; approved by the Federation Council on December 16, 2020]. — Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information "State Legal Information System". — URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: November 15, 2025).
3. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 65-FZ of April 7, 2025 (current version): [adopted by the State Duma on March 25, 2025; approved by the Federation Council on April 2, 2025]. — Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information "State Legal Information System". — URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: November 15, 2025).
4. On Conducting an Experiment on Providing Services by Guest Houses: Federal Law of the Russian Federation No. 127-FZ of June 7, 2025 (current version): [adopted by the State Duma on May 27, 2025; approved by the Federation Council on June 4, 2025]. — Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information "State Legal Information System". — URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: November 15, 2025).
5. Charter of the Federal Territory "Sirius", No. 1-3/16 of November 19, 2021. — Text: electronic // Official website of the federal territory "Sirius". — URL: <https://sirius-ft.ru/ustav/> (accessed: November 15, 2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_962

УДК 342.9

К ВОПРОСУ ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ON THE ISSUE OF APPEALING AGAINST THE ACTIONS (INACTION) OF POLICE OFFICERS

АЛЕШИН Сергей Васильевич,доцент кафедры административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института МВД России.

450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

E-mail: aleshins76@gmail.com

ALESHIN Sergey Vasilyevich

Associate professor of the department of administrative and legal disciplines

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450091, Russia.

E-mail: aleshins76@gmail.com

Краткая аннотация: в данной статье автором исследуется право обжалования действий (бездействия) должностных лиц полиции как средство укрепления законности, гарантия защиты конституционных прав, свобод граждан. Анализируется законодательное различие общего и специального права жалобы. Изучается возможность обжалования мер принуждения, применяемых для пресечения административных правонарушений. Подтверждается эффективность использования показаний специальных технических средств при рассмотрении обращений граждан в форме жалоб.

Abstract: in this article, the author examines the right to appeal against the actions (inaction) of police officials as a means of strengthening the rule of law, a guarantee of the protection of constitutional rights and freedoms of citizens. The article analyzes the legislative difference between the general and special law of complaint. The possibility of appealing against coercive measures used to suppress administrative offenses is being studied. The effectiveness of using the indications of special technical means when considering citizens' appeals in the form of complaints is confirmed.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, обращения граждан, обжалование действий (бездействия) сотрудников полиции, пресечение административных правонарушений.

Keywords: law enforcement agencies, police, citizens' appeals, appeals against actions (inaction) of police officers, suppression of administrative offenses.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Организация и функционирование государственного аппарата органов исполнительной власти должны быть четко урегулированы системой государственных норм – законодательством. Правовое регулирование деятельности данных органов должно охватывать всю полноту правоотношений, возникающих в общественной жизни.

Отличительной особенностью деятельности органов внутренних дел (полиции), как элемента структуры органов исполнительной власти, является возможность применения мер государственного принуждения, что предопределяет их административно-правовой статус. Применяя указанные меры принуждения, сотрудники силового ведомства на законных основаниях ограничивают конституционные права и свободы человека.

Здесь необходимо отметить, что от «качественной» характеристики законов, регулирующих полномочия сотрудников органов внутренних дел по применению мер государственного принуждения, напрямую зависит как законность действий сотрудников полиции, так и государственное обеспечение прав и свобод граждан. По этому поводу Д.Н. Бахрах отмечает, что «чем совершеннее юридический инструментарий, тем более дифференцированно регламентируются отдельные стороны общественной жизни. Отсутствие дифференцированной, отражающей реальные обстоятельства регламентации приводят к тому, что органы власти вынуждены по своему усмотрению делать исключения для отдельных лиц, что ведет к необоснованному разнообразию на практике и открывает лазейку для субъективизма и даже злоупотреблений» [1, с. 234].

В свою очередь, наличие возможности ограничения прав граждан должно предусматривать механизм их защиты от противоправных проявлений, в том числе при злоупотреблении полномочиями со стороны должностных лиц органов власти.

Наделяя правоохранительные органы такими властными полномочиями, государство должно обеспечивать гарантии законности действий органов исполнительной власти. Такие гарантии выражаются в форме контроля за деятельностью соответствующих органов, надзора за исполнением законодательства и возможности обжалования действий должностных лиц.

«Административное обжалование отражает неравенство сторон в административном материальном и процессуальном правоотношении. В материально-правовом плане гражданин (организация), права которого были, по его мнению, нарушены или ущемлены, находится в неравном положении относительно публично-властного субъекта, который при реализации своего властного полномочия предположительно совершил указанное нарушение. В процессуально-правовом плане гражданин (организация) – податель жалобы находится в юридической зависимости, но уже от другого публично-властного субъекта, рассматривающего жалобу» [2, с. 8].

Право на подачу жалобы – право граждан, закрепленное в статьях 33, 46 Конституции РФ, является важным средством социального контроля, одной из форм народовластия. Реализуя данное право, гражданин выражает свое отношение не только к определенным должностным лицам, но и к органам государственной власти, к государству в целом.

По мнению Н.В. Павлова и А.М. Останиной «важной особенностью права жалобы является тот факт, что оно выступает не просто как конституционное право гражданина, но одновременно рассматривается и как действенная организационно-правовая гарантия осуществления других прав и свобод, провозглашенных в государстве» [3, с. 34].

Право на подачу жалобы – важный институт защиты конституционных прав и свобод граждан. Механизм реализации данного права должен быть детально урегулирован на законодательном уровне.

Д.М. Лифанов отмечает, что «законодательство позволяет различать общее право жалобы, которым обладают все граждане как таковые, и специальное право жалобы, предоставляемое лицам как участникам гражданского и уголовного процесса, административного и дисциплинарного производства, трудовых споров и т.д.» [4, с.25].

В соответствии Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ жалоба является видом обращения граждан с целью защиты их прав. Ст. 4 данного закона раскрывает понятие данного обращения «жалоба – просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц».

В ст. 53 гл. 10 Федерального закона «О полиции» закреплено в качестве средства, позволяющего укрепить законность в деятельности полиции, обжалование бездействия либо действия сотрудника полиции, выступающее способом самозащиты свобод и прав организациями и гражданами.

Непосредственно в деятельности органов внутренних дел (полиции) порядок рассмотрения обращений граждан регулируется приказом МВД России от 27 ноября 2024 г. № 808.

Жалоба на действия или бездействие сотрудника полиции может рассматриваться в качестве критерия оценки деятельности как отдельно взятого сотрудника, так и подразделения в целом. При этом данный критерий формирует общественное доверие к деятельности полиции, которое также входит в систему оценки деятельности органов внутренних дел.

Вместе с этим, возрастающее количество жалоб можно рассматривать как развития самосознания граждан, повышение уровня доверия к органам государственной власти.

По мнению Д.М. Лифанова «право на специальную жалобу характеризуется наличием специальных норм, устанавливающих особый порядок рассмотрения таких жалоб; специальными основаниями для обжалования; четким определением субъектов и адресатов права жалобы; специальными сроками подачи жалобы; процедурными особенностями производства по жалобе и т.д.» [4, с. 26]. Соглашаясь с мнением вышеуказанного автора, отметим, что примером реализации такой специальной жалобы может являться обжалование постановлений по делу об административном правонарушении. Процедурные особенности обжалования данных постановлений закреплены в главе 30 КоАП РФ. Ст. 30.1 данного Кодекса закрепляет право на обжалование постановления по делу об административном правонарушении. Закрепляется круг лиц, имеющих данное право, порядок подготовки и рассмотрения жалоб, устанавливаются сроки подачи данного вида обращений граждан.

Обжалование постановлений по делу об административном правонарушении является стадией административного производства и является важным средством обеспечения законности, соблюдения прав и свобод граждан при осуществлении полицией данного направления деятельности полиции.

Вместе с этим деятельность полиции по противодействию противоправным проявлениям административного характера включает не только производство, но и выявление, пресечение административных деликтов. При пресечении правонарушений сотрудники полиции наделены правом применения мер принуждения, закрепленных в Федеральном законе «О полиции» и КоАП РФ. При этом законодательно 30 глава Кодекса закрепляет право обжалования исключительно постановлений по делу об административном правонарушении, исключая возможность обжалования мер принуждения для их пресечения.

Следует отметить, что значительное количество жалоб граждан поступают именно на действия сотрудников полиции при пресечении правонарушения, то есть при применении мер обеспечения производства по административному делу. Однако, пресечение административного правонарушения не является стадией производства по делу и, соответственно, может быть обжалована только в общем порядке.

Данное обстоятельство, на наш взгляд, в некоторой степени ограничивает право граждан на подачу жалобы в рамках производства по делу об административном правонарушении.

Таким образом, рассматривая «качественную» составляющую содержания законодательства в рассматриваемой сфере, отметим, что Кодекс об административных правонарушениях закрепляет право граждан на подачу жалобы исключительно на стадии пересмотра постановлений и решений по делу об административном правонарушении, исключая возможность обжалования действий сотрудников полиции при применении мер государственного принуждения, в том числе, мер обеспечения производства по административному делу.

Следующий аспект, на котором хотелось остановиться в рамках нашего исследования, является использование специальных технических средств при рассмотрении обращений граждан в форме жалобы.

Технологический прогресс не обошел стороной и деятельность правоохранительных органов. Внедряемые в деятельность полиции современные технические средства позволяют не только повышать результативность противодействия противоправным проявлениям в обществе, но и осуществлять контроль за деятельностью подразделений и служб полиции.

Показания специальных технических средств являются эффективным способом доказывания вины правонарушителя по делу об административном правонарушении являются, а также правомерности действий (бездействия) сотрудников полиции при поступлении жалоб граждан.

Например, сегодня для того, чтобы вести контроль за несением службы нарядами патрульных служб полиции (ДПС ГИБДД, ППСП), широко применяются такие технические средства контроля, как видеорегистраторы.

Назначением видеорегистратора является фиксация уличной, дорожной обстановки и событий, происходящих в самом салоне автомобиля. Одновременная съемка осуществляется с использованием трех каналов: обстановка сзади, впереди и внутри патрульного автомобиля. Также видеорегистратором ведется аудиозапись. После того, как сотрудники отработают свою смену, цифровые записи сдаются в подразделение, в котором предусмотрено их хранение на протяжении 30 суток. Хранение видео и аудиозаписи осуществляется на протяжении 3-х месяцев в том случае, если видеорегистратором зафиксированы действия, которые связаны с составлением протокола об административном правонарушении, и с проведением действий отстранения от управления водителем транспортным средством, с выявлением нахождения водителя в состоянии алкогольного опьянения, с освидетельствованием водителя на состояние алкогольного опьянения.

В случае необходимости, которая может возникать при рассмотрении заявлений и жалоб граждан, наличии конфликтной ситуации, проведении служебной проверки и пр., архивирование видео и аудиозаписей обеспечивается на срок, который устанавливается соответствующими подзаконными актами [5, с. 87].

Данный видеоматериал, как правило, просматривают, когда поступает заявление либо жалоба на бездействие либо действие сотрудников полиции.

Практика применения специальных технических средств при рассмотрении жалоб граждан на неправомерность действий (бездействия) сотрудников полиции показывает их высокую эффективность. Показания технических средств, например видеосъемка, проводимая при задержании лица, совершившего административное правонарушение, является доказательством правомерности (или неправомерности) действий сотрудников полиции. Также отметим, что наличие технических средств фиксации обстоятельств правонарушения дисциплинируют сотрудника полиции, требуют выполнения установленного законом алгоритма действий при обращении к гражданам.

Таким образом, вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Право обжалования бездействия либо действий сотрудников полиции является административно-правовым средством обеспечения законности в деятельности сотрудников полиции, в том числе при реализации такого направления деятельности полиции, как производство по делам об административных правонарушениях.
2. Законодательство различает общее право жалобы, которым обладают все граждане, и специальное право жалобы, которое может быть реализовано, в том числе, участниками административного производства.
3. В гл. 30 КоАП РФ закрепляется право обжалования постановлений по делу об административном правонарушении, исключая возможность обжалования мер принуждения для их пресечения. Правомерность применения принудительных мер оспариваются в общем порядке.
4. Эффективность использования показаний специальных технических средств при рассмотрении жалоб граждан на правомерность действий (бездействия) сотрудников полиции очевидна, что подтверждается материалами практики правоприменения, в том числе при рассмотрении материалов в судебных инстанциях.

В заключение отметим, что в условиях становления российского правового государства институт обжалования является принципиально важной гарантией защиты конституционных прав, свобод, законных интересов личности. Возможность обжалования действий (бездействия) должностных лиц полиции одновременно выступает эффективным средством укрепления законности в деятельности полиции, формирования общественного доверия и поддержки граждан.

Список литературы:

1. Бахрах Д.Н. Административное право. Учебник для вузов. М., 1996. 368 с.
2. Сергеев С.Л., Алёхина И.С., Соловьева А.К. Право жалобы в процессе получения государственных и муниципальных услуг: правовое регулирование и реализация // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 3. С. 3-26.
3. Павлов Н.В., Останина А.М. Теоретико-правовые проблемы рассмотрения обращения в форме жалобы // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 7. С. 32-39.
4. Лифанов Д.М. Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях в электронной форме: вопросы теории и правоприменительной практики // Российский юридический журнал (электронное приложение). 2022. № 3. С. 23-34.
5. Потокин И. В. Административно-правовой статус федеральных органов административного контроля и административного надзора: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 193 с.

References:

1. Bakhrah D.N. Administrative law. Textbook for universities. Moscow, 1996. 368 p.
2. Sergeev S.L., Alyokhina S., Solovyova A.K. The rights of complaint in the process of receiving state and municipal services: legal regulation and implementation // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2024. No. 3. pp. 3-26.
3. Pavlov N.V., Ostanina A.M. Theoretical and legal problems of considering decisions in the form of complaints // Gaps in Russian legislation. 2024. No. 7. pp. 32-39.
4. Lifanov D.M. Revision of reports on cases of administrative offenses in electronic form: issues of theory and law enforcement practice // Russian Law Journal (electronic supplement). 2022. No. 3. pp. 23-34.
5. Potokin. V. The administrative and legal status of federal bodies of administrative control and administrative supervision: dis. ... kand. jurid. nauch. SPb., 2018. 193 P.

ИНОСТРАННЫЕ СЛОВА И ТЕРМИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ДАНЬ МОДЕ FOREIGN WORDS AND TERMS IN MODERN RUSSIAN: OBJECTIVE NECESSITY OR A FASHION STATEMENT

ГРАМОТЕЕВ Сергей Валерьевич,

старший преподаватель кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений.
Россия.

gramserg@mail.ru

ЖЕЛНИЦКИХ Александр Владимирович,

преподаватель кафедры гражданского уголовного права и процесса Московского международного университета,
125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 17.

Zhelnitikh@mail.ru

GRAMOTEEV Sergey Valerievich,

Senior Lecturer at the Department of Labor Organization of the Internal Affairs Bodies of the Command and Staff Training Center.
Russia.

gramserg@mail.ru

ZHELNITSKIKH Alexander Vladimirovich,

Lecturer at the Department of Civil Criminal Law and Procedure at Moscow International University,
17 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125040, Russia.

Zhelnitikh@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проводится сравнительный анализ некоторых аспектов использования в современном русском языке иностранных слов и терминов, рассматривается данная тенденция с точек зрения реально существующей объективной необходимости или соответствия определенным правилам.

Abstract. The article provides a comparative analysis of some aspects of the use of foreign words and terms in modern Russian, and examines this trend from the point of view of a real objective necessity or compliance with established rules.

Ключевые слова. Иностранные заимствования, иностранные слова, термины, русский язык, родной язык, руководитель, территориальный орган МВД России, система МВД России, должностное лицо, сотрудник полиции, правоохранительная сфера.

Keywords. Foreign borrowings, foreign words, terms, Russian language, native language, head, territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, due person, police officer, law enforcement sphere.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах нашей родины, —
ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!
Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?
Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!
И. С. Тургенев, *Русский язык (Стихотворение в прозе)*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Язык выступает не только средством общения определенных индивидуумов между собой, но и обеспечивает единство общества как социальной системы.

Данный тезис подтверждается наличием государственных языков во всех без исключения странах мира. Не является исключением и Российская Федерация, в которой русский язык является базовой ценностью, консолидирующей многоконфессиональное и многонациональное российское общество.

Язык динамично изменяется, постоянно обогащаясь различными словами и выражениями, отображающими новые явления и процессы, сопровождающие общественное развитие.

Лексический запас должен соответствовать насущным общественным потребностям, что определяет его динамический характер. При этом можно отметить и обратный обогащению процесс, когда из речевого оборота выходят устаревшие слова и выражения за своей ненужностью.

В то же время каждое возникающее явление, событие или процесс влечет за собой потребность своего отображения в лексиконе. В этой связи возникает дилемма: обогащение собственного языкового запаса либо заимствование слов или терминов из других языковых семей.

Толковый словарь Ожегова Сергея Ивановича глагол заимствовать определяет как взять (брать), перенять, усвоить откуда-нибудь [4].

Заимствование также представляет собой процедуру проведения сравнения, поиск сходства с явлениями и процессами современной действительности, упорядочивающую определенные события и делающую речь богаче, понятнее и проще для восприятия и понимания.

Однако излишнее использование и злоупотребление данным явлением, напротив, пагубно сказывается на состоянии родного языка, препятствует эффективному общению, осложняет взаимоотношения людей и превращает приятный процесс диалога в сложную процедуру разгадывания ребусов собеседника, что, в конечном счете, способствует возникновению барьеров между носителем родного языка и человеком, пытающимся использовать модные термины и, тем самым, выглядеть, по его мнению, более интеллектуально.

Следует отметить тот факт, что «заимствования могут быть обоснованными или необоснованными» [1]. Необоснованные – осложняют процесс общения, обоснованные же, напротив, делают русский язык богаче и понятнее для его носителей.

На страницах данной статьи, используя в качестве примера русский язык, рассмотрим всегда ли позитивно сказывается на имидже человека чрезмерное использование им иностранных слов, плотно вошедших в настоящее время в наш словарный запас.

Здесь важен баланс между количественным выражением заимствованных терминов и их качественной составляющей. Бесспорно, что в разные исторические периоды на русский язык постоянно оказывалось определенное воздействие других языков. Более ранние этапы развития нашего государства характеризовались соприкосновением с греческим, тюркским, церковнославянским языками, более поздние – с английским, немецким, французским, латинским и многими другими.

Обозначенное направление не утратило своего развития и сегодня, более того, указанный процесс все сильнее набирает обороты. В настоящее время в речи граждан страны появилось очень много слов, значение которых не всегда может быть понятно не только определенной категории людей, но и, зачастую, самому человеку, употребляющему их в своей профессиональной или повседневной деятельности.

«Употребление иностранных слов стало чуть ли не показателем высокой культуры тех людей, которые эти слова произносят. Хотя дело обстоит как раз наоборот – бездумное употребление иностранных слов свидетельствует о низкой культуре человека» [3].

Так, например, в молодежной среде нередко можно услышать следующие заимствованные из других языков мира слова: ок, фейк, хайп, лакшери, экшн, тинейджер, бойфренд, тренд, дауншифтинг, триггер, идентификация, верификация, авторизация, трейд-ин, треш-ток, аутсайдер и другие.

Взрослые люди с имеющимся практическим жизненным опытом, стараясь выглядеть, возможно, более молодо или, стремясь соответствовать среде, в которой в определенный момент находятся, порой не всегда выглядят адекватно, употребляя в своей речи, кроме перечисленных выше слов, не совсем русскую терминологию, такую как: коуч, праймериз, буллинг, секьюрити, мерчендайзер, кейс, джорнимен, стердаун.

Не исключением является и политическая сфера. Официальные должностные лица, как говорится, не моргнув глазом, озвучивают следующее: спикер, амбассадор, плюрализм, супервайзер, истеблишмент, плюрипотентность, ратификация, урбанизация.

В научной среде также происходит излишнее усложнение иностранными понятиями и без того непостижимых для обычного человека областей знаний. Светила науки не прочь блеснуть знаниями, обогатив свой и без того разнообразный словарный запас доступными не совсем широкой аудитории специальными терминами или определениями: партисипативность, скулшутинг, коворкинг, когнитивный, толерантность, эмерджентность, аутсорсинг, коннотация, гештальт, хронофаг, дефиниция.

И это лишь малая часть примеров, которые используются данными категориями граждан Российской Федерации в своей повседневной деятельности.

Проводя некоторые рассуждения, мы можем утверждать, что умные люди говорят правильным языком с соблюдением всех правил русского языка, не допуская синтаксических и пунктуационных ошибок. Специалисты в определенной области знаний объясняют какие-либо явления и процессы научным и, возможно, многим непонятным языком. И только действительно одаренные и избранные люди, которые многие годы всех себя посвятили изучению родного русского языка, могут изъясняться, несмотря на свои глубочайшие познания, используя простой и понятный абсолютно для всех словарный запас, чрезмерно не употребляя иностранные заимствования. Их воззрения может понять и обычный простой гражданин, далекий от озвучиваемой темы, и специалист в данной области. Такие люди обладают врожденным талантом, который несут во благо общества, и не нуждаются в показной необходимости употребления в своей речи иностранных терминов.

Не исключением является и правоохранительная сфера. Представьте себе руководителя территориального органа МВД России, который не только с подчиненными использует подобные выражения, но и при обращении с гражданами допускает употребление обозначенных терминов. Тем самым данное должностное лицо только дальше отдаляется от населения своей территории обслуживания, во благо которых должен выстраивать всю свою профессиональную деятельность.

Давайте пофантазируем как один из представителей системы МВД России мог бы чрезмерно использовать в своем выступлении перед населением иностранные слова. Например, теоретически предположим, что, отчитываясь перед гражданами о результатах проделанной работы, сотрудник полиции в контексте своего доклада употребляет обороты следующего содержания: «можно предположить, что скулшутинг является следствием недостаточного уровня партисипативности», «плюрализм в поведении тинейджеров характерен для родственников истеблишмента», «дауншифтинг в определенной степени является триггером урбанизации».

Указанные смысловые конструкции, используемые официальными должностными лицами для донесения до граждан определенной информации, станут в результате обычным набором слов с никому не понятным итоговым значением.

Предлагается, чтобы сохранить индивидуальные особенности родного нам с вами русского языка, рассмотреть возможность вместо данных заимствованных терминов использовать слова, словосочетания или предложения, более понятные большинству граждан страны, а именно: партисипативность (причастность), скулшутинг (стрельба в школе), дауншифтинг (жизнь ради себя), коворкинг (сотрудничество), фейк (подделка), коуч (обучающий), праймериз (предварительный), хайп (ажитаж), буллинг (агрессия), лакшери (роскошь), экшн (действие), плюрипотентность (возможность разного развития), когнитивный (познавательный), толерантность (терпимость), плюрализм (многообразие), эмерджентность (возникновение), секьюрити (охрана, безопасность), мерчендайзер (товаровед), ок (да, хорошо), аутсорсинг (передача), истеблишмент (правлящие круги), супервайзер (руководитель в сфере продаж), спикер (председатель), амбассадор (представитель), кейс (дело), тинейджер (подросток), бойфренд (друг), тренд (тенденция), хронофаг (поглотитель времени), ратификация (утверждение), коннотация (сопутствующее

значение), трейд-ин (обмен на), треш-ток (грязная болтовня), аутсайдер (последний), джорнимен (бродяга, путешественник), стердаун (пристальный взгляд), триггер (спусковой крючок), гештальт (незаконченное действие), идентификация (отождествление), верификация (подтверждение соответствия), авторизация (разрешение, уполномочивание), дефиниция (определение), урбанизация (увеличение численности городского населения).

Следует учесть, что предложенный в качестве аналога заимствованным понятиям перечень русских словосочетаний или отдельных слов не является исчерпывающим, а приведен лишь в качестве примера и может быть сокращен или расширен иными словесными конструкциями в зависимости от контекста их употребления.

Подводя итог, обратим внимание на то, что «заимствование – это слово, которое вводится в язык из иностранного языка и используется в нём в качестве синонима для определения того или иного понятия... Заимствование является также одним из самых продуктивных способов терминообразования» [2].

Таким образом, смысл данной статьи не в том, чтобы полностью исключить иностранные заимствования в русском языке, а порассуждать о целесообразности и дозированном характере их использования для обогащения словарного запаса и ясности изложения мыслей для граждан Российской Федерации.

Продолжение следует...

Список литературы:

1. Литвинов Ю.В. Об иностранных заимствованиях в русском языке // МИРС. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-inostrannyh-zaimstvovaniyah-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 26.09.2025).
2. Мусина Г.Ф. Иностранные заимствования в научно-технической терминологии русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №12-3 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-zaimstvovaniya-v-nauchno-tehnicheskoy-terminologii-russkogo-yazyka> (дата обращения: 1.09.2025).
3. Федоровский В.Е. Об иностранных словах в русском языке // Инновационная наука. 2021. №11-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-inostrannyh-slovah-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 18.09.2025).
4. Толковый словарь Ожегова онлайн. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=8222> (дата обращения: 12.09.2025).

References:

1. Litvinov Yu.V. On foreign borrowings in the Russian language // MIRS. 2008. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-inostrannyh-zaimstvovaniyah-v-russkom-yazyke> (date of reference: 09/26/2025).
2. G. Musina.F. Foreign borrowings in the scientific and technical terminology of the Russian language // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2017. No.12-3 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-zaimstvovaniya-v-nauchno-tehnicheskoy-terminologii-russkogo-yazyka> (accessed: 1.09.2025).
3. Fedorovsky V.E. About foreign words in the Russian language // Innovative Science. 2021. No. 11-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-inostrannyh-slovah-v-russkom-yazyke> (date of access: 09/18/2025).
4. Ozhegov's Explanatory Dictionary online. - URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=8222> (date of request: 09/12/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_968

УДК 351, 342

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: INSTITUTIONAL FOUNDATIONS, IMPLEMENTATION MECHANISMS AND PROSPECTS

МУРЗИНА Ирина Александровна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

e-mail: mirgmu@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Светлана Александровна

магистрант кафедры менеджмента и государственного управления

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

e-mail: saksvetik@mail.ru

MURZINA Irina Alexandrovna

Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Department of Management and Public Administration Penza State University.

440026, Russia, Penza region, Penza city, Krasnaya st., 40.

e-mail: mirgmu@mail.ru

KUZNETSOVA Svetlana Alexandrovna

Master's student of the Department of Management and Public Administration Penza State University.

440026, Russia, Penza region, Penza city, Krasnaya st., 40.

e-mail: saksvetik@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется процесс цифровизации государственного управления в Российской Федерации как ключевой национальной приоритет. На основе анализа нормативно-правовой базы, институциональной структуры и операционных данных раскрываются эволюция, текущее состояние и целевые ориентиры цифровой трансформации. Особое внимание уделяется таким инструментам управления, как ведомственные программы цифровой трансформации (ВПЦТ) и создание цифровых платформ для государственных органов.

Abstract: This article examines the digitalization of public administration in the Russian Federation as a key national priority. Based on an analysis of the regulatory framework, institutional structure, and operational data, the evolution, current status, and target benchmarks of digital transformation are revealed. Particular attention is paid to management tools such as departmental digital transformation programs (DDTPs) and the creation of digital platforms for government agencies.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственное управление, национальные цели развития, цифровое государство, платформа обратной связи.

Keywords: digital transformation, public administration, national development goals, digital state, feedback platform.

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

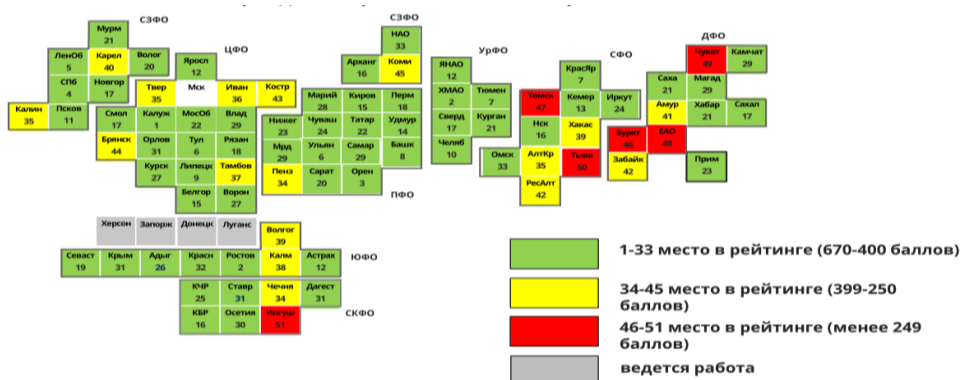
Цифровая трансформация государства представляет собой не просто техническую модернизацию, а фундаментальную перестройку всей системы публичного управления, экономических и социальных отношений [5; 6]. В Российской Федерации этот процесс институционализирован как ключевая национальная цель развития, что подчеркивает его стратегический характер. Эволюция нормативной базы, от Указа Президента РФ № 474 от 21 июля 2020 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2] до Указа Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1], демонстрирует динамичный переход от количественных показателей доступности услуг к качественным параметрам цифровой зрелости, технологического суверенитета и ориентированности на гражданина. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления этого перехода, анализа эффективности применяемых инструментов и идентификации новых вызовов, стоящих перед государством на горизонте до 2036 года.

Отправной точкой современного этапа стал Указ Президента РФ № 474, который закрепил «Цифровую трансформацию» в числе национальных приоритетов. К 2024 году целевые показатели этого документа были успешно достигнуты: доля массовых социально значимых услуг в электронной форме составила 99,98%, широкополосным доступом в интернет были обеспечены 93% домохозяйств, инвестиции в ответственные ИТ-решения выросли втрое по сравнению с 2019 годом, а уровень цифровой зрелости ключевых отраслей достиг 81,42% [7]. Эти результаты, однако, не означают завершения процесса, но, напротив, создали необходимый фундамент для постановки более амбициозных и комплексных задач. Новый Указ № 309 от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» существенно расширил повестку – с четырех до одиннадцати целевых показателей, что свидетельствует о переходе к фазе углубленной и всеобъемлющей трансформации [1].

Центральным координатором этого масштабного процесса выступает Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России). Его функции охватывают весь жизненный цикл управления цифровой трансформацией: от нормативно-правового регулирования и экспертизы ИТ-проектов до мониторинга импортозамещения программного обеспечения и предоставления государственным органам готовых цифровых решений. Ключевым операционным инструментом планирования и контроля на уровне федеральных органов исполнительной власти являются ведомственные программы цифровой трансформации (ВПЦТ). Их внедрение знаменует собой принципиальный сдвиг от управления затратами, характерного для устаревших планов информатизации, к управлению по результатам. Сущность ВПЦТ заключается в жесткой привязке бюджетных ассигнований к достижению конкретных, измеримых и динамичных показателей. Если ведомство ставит задачу радикально сократить срок оказания услуги, то в программе фиксируются поэтапные КРП на каждый год, а финансирование обуславливается их выполнением [3]. Мониторинг реализации 59 действующих ВПЦТ осуществляется через систему рейтингов цифровой трансформации -РЦТ (федеральный и региональный рейтинги, которые включают 30 и 18 показателей соответственно и обновляются с периодичностью 1-2 раза в месяц), что обеспечивает прозрачность и оперативность контроля [7]. Их содержание включает не только вопросы автоматизации, но и оценку технологической зрелости ведомства, включая направления импортозамещения, информационной безопасности и использования искусственного интеллекта. Мониторинг реализации ВПЦТ осуществляется через

Другим важным направлением является формирование экосистемы тиражируемых цифровых платформ и решений для органов власти. Данный подход, в отличие от точечной разработки ведомственных информационных систем, позволяет достичь эффекта масштаба, обеспечивая стандартизацию, снижение совокупной стоимости владения и единый уровень информационной безопасности. Ключевыми элементами этой экосистемы выступают: унифицированная платформа разработки государственных информационных систем «ГосТех», обеспечивающая методологическое и технологическое единство; инфраструктурная основа «ГосОблако», консолидирующая вычислительные ресурсы; система межведомственного электронного документооборота (ГосЭДО), формирующая цифровой контур взаимодействия государственных органов; а также специализированные платформы, такие как платформа контрольной (надзорной) деятельности, направленная на внедрение риск-ориентированного подхода и снижение административной нагрузки на бизнес. Отдельного внимания заслуживают системы, обеспечивающие цифровой суверенитет и безопасность, – информационная система головного удостоверяющего центра, отвечающая за управление средствами электронной подписи, и ФГИС ЕИСУКС (Единая информационная система управления ключевой сертификационной инфраструктурой), гарантирующая устойчивость и доверие в рамках государственной публичной ключевой инфраструктуры [7].

В контексте построения «ориентированного на гражданина» цифрового государства особую значимость приобретают платформы, обеспечивающие каналы прямой коммуникации. Коммуникационный сервис «Среда» и Платформа обратной связи выступают инструментами институционализации диалога между обществом и властью, трансформируя стихийные общественные запросы в управляемые цифровые потоки. Внедрение и активное использование этих сервисов становится индикатором не только технологической, но и управленческой зрелости регионов. Представленные данные рейтинга субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи за период с 1 января по 30 сентября 2025 года предоставляют богатый материал для анализа пространственного неравенства в цифровом развитии (рисунок 1) [4].

ные внешние условия. Наиболее проблемная группа демонстрирует критически низкие результаты, не превышающие 350 баллов, и включает в себя в основном регионы с сложными географическими условиями, низкой плотностью населения и структурными экономическими проблемами. К ним относятся Республика Калмыкия (350), Республика Карелия (330), Амурская область (315), Забайкальский край (300) и, в особенности, Республика Тыва (130) и Республика Ингушетия (125) [4]. Столь значительный разрыв в сотни баллов между лидерами и аутсайдерами является наглядным проявлением феномена «цифрового разрыва», который в российском контексте наслаивается на традиционные социально-экономические диспропорции. Низкие баллы этих субъектов могут быть обусловлены комплексом факторов: дефицитом кадровых компетенций, недостаточным развитием телекоммуникационной инфраструктуры в удаленных населенных пунктах, а также, потенциально, более низким уровнем административного давления и мотивации к формальному выполнению показателей в условиях иных приоритетов развития.

Подчеркнем, что рейтинг внедрения Платформы обратной связи выполняет не только функцию мониторинга, но и функцию мощного стимула для региональных администраций, выстраивая прозрачную и измеримую систему конкуренции. Однако сам по себе факт наличия рейтинга не решает системных проблем, стоящих за низкими показателями отстающих регионов. Преодоление этого разрыва требует адресной государственной политики, включающей не только финансовую и методическую поддержку, но и, возможно, разработку дифференцированных моделей внедрения, учитывающих специфику малодоступных и депрессивных территорий. Успешная реализация проекта «Цифровые платформы и решения для госорганов» в национальном масштабе, следовательно, в значительной степени будет зависеть от способности федерального центра обеспечить не только технологическую унификацию, но и выравнивание институционального и кадрового потенциала на всей территории страны.

Именно в контексте этих вызовов раскрывается полное значение одиннадцати задач, сформулированных в Указе № 309. Стратегические ориентиры можно сгруппировать в несколько взаимосвязанных блоков. Первый блок нацелен на достижение тотальной цифровой зрелости государственного управления, экономики и социальной сферы к 2030 году. Второй, тесно с ним связанный, ориентирован на обеспечение технологического суверенитета. К 2030 году не менее 80% организаций ключевых отраслей и 95% государственных структур должны использовать российское программное обеспечение, а темп роста инвестиций в отечественные ИТ-решения должен устойчиво превышать темп роста ВВП [1]. Это требует не просто формального импортозамещения, но создания конкурентоспособной и инновационной технологической экосистемы. Третий блок задач касается универсальности и доступности. Доля предоставления массовых госуслуг в электронной форме должна достигнуть 99%, а доля домохозяйств с качественным интернетом – 97% к 2030 году и 99% к 2036 году, что напрямую связано с проблемой регионального цифрового разрыва [1]. Четвертый блок сфокусирован на безопасности и доверии, включая формирование эффективной системы противодействия киберпреступлениям и обеспечение сетевого суверенитета. Наконец, пятый блок подчеркивает кадровый и организационный аспект, предусматривая создание современной системы работы с кадрами и повышение удовлетворенности граждан качеством работы госслужащих на 50% [1]. Это указывает на понимание того, что цифровая трансформация – это в первую очередь трансформация человеческих и управленческих практик.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что в Российской Федерации выстроена комплексная и многоуровневая система управления цифровой трансформацией, прошедшая значительную эволюцию за последние годы. От успешного решения инфраструктурных задач страна перешла к этапу качественного преобразования, нацеленного на достижение цифровой зрелости, технологического суверенитета и построения ориентированного на гражданина цифрового государства. Инструменты, такие как ВПЦТ и типовые цифровые платформы, доказали свою действенность, обеспечивая переход от управления затратами к управлению результатами.

Однако новые стратегические ориентиры, закрепленные Указом № 309, обозначают и новые горизонты ответственности. Достижение одиннадцати национальных целей потребует не только продолжения технологических инвестиций, но и системной работы по преодолению регионального неравенства, развитию человеческого капитала, созданию культуры данных и обеспечению реального, а не декларативного технологического суверенитета. Успех цифровой трансформации в конечном счете будет определяться ее способностью повысить качество жизни граждан, эффективность государственного управления и конкурентоспособность российской экономики в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 15.11.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 15.11.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 «О координации и контроле за цифровой трансформацией федеральных органов государственной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения 15.11.2025).
4. Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://digital.gov.ru/documents/rejting-3> (дата обращения 17.11.2025).
5. Ретинская В.Н., Мурзина И.А. Концептуальные основания мониторинга влияния на общество цифровизации деятельности органов государственной власти // Социология. – 2024. – № 10. – С. 107-113
6. Рязанцева М.В. Цифровая трансформация государственного управления // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, №11. С. 6951-6962.
7. Цифровая трансформация. Официальные данные и материалы Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/czifrovaya-transformacziya> (дата обращения 17.11.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024, No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030 and through 2036" [Electronic resource] Accessed from the ConsultantPlus legal reference system. (Accessed November 15, 2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020, No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030" [Electronic resource] Accessed from the ConsultantPlus legal reference system. (Accessed November 15, 2025).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 10.10.2020 No. 1646 "On the coordination and control over the digital transformation of federal government bodies managed by the Government of the Russian Federation, and amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation" [Electronic resource] Accessed from the reference and legal system "ConsultantPlus". (Accessed on 15.11.2025).
4. Ranking of constituent entities of the Russian Federation by the implementation of the Feedback Platform [Electronic resource] Access mode: <https://digital.gov.ru/documents/rejting-3> (Accessed on 17.11.2025).
5. Retinskaya V.N., Murzina I.A. Conceptual foundations for monitoring the impact of digitalization of government bodies on society // Sociology. – 2024. – No. 10. – P. 107-113
6. Ryzantseva M.V. Digital Transformation of Public Administration // Economy, Entrepreneurship and Law. – 2024. – Vol. 14, No. 11. – P. 6951-6962.
7. Digital Transformation. Official data and materials of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation [Electronic resource] Access mode: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/czifrovaya-transformacziya> (date of access 11/17/2025).

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ МЕХАНИЗМАХ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ ON THE GENERAL MECHANISMS OF THE LEGAL REGIME FOR PROTECTING AND USING ANIMALS

ИВАНОВА Елена Александровна,

старший преподаватель кафедры теоретико-правовых дисциплин
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: ivanova.yelena2018@yandex.ru

Ivanova Elena Alexandrovna,

Senior lecturer at the Department of Theoretical and Legal Disciplines
of the Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: ivanova.yelena2018@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье описывается общий механизм, определяющий правовой режим использования, обращения, охраны и защиты животных в РФ. Делается основной тезис о том, что главным образом он зависит от вида (категории) животного и целей его использования человеком. В конце статьи приводятся основные выводы, определяющие главные особенности общего механизма правового режима охраны и использования животных.

Abstract: the article describes the general mechanism that determines the legal regime for the use, handling, protection, and defense of animals in the Russian Federation. The main thesis is that the legal regime primarily depends on the type (category) of animal and the purpose of its use by humans. The article concludes with the main findings that highlight the key features of the general mechanism for the legal regime of animal protection and use.

Ключевые слова: правовой режим, охрана, использование, обращение, животные

Keywords: legal regime, protection, use, treatment, animals

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Составной частью социального регулирования, которое призвано упорядочить наиболее значимые общественные отношения является правовое регулирование. Именно оно при помощи специальных средств воздействия позволяет формировать необходимое, социально желательное поведение у субъектов, для того чтобы стабилизировать и упорядочивать эту группу общественных отношений и поддерживать правовой порядок в обществе.

И если в процессе правового регулирования определяются границы правовой сферы, то конкретные необходимые средства избираются уже в процессе формирования правового режима [2].

Следовательно, термин «правовой режим» является составной частью правового регулирования, а специальные средства в процессе его формирования определяются уже исходя из особенностей среды, субъекта и, главным образом, объекта, по поводу которого возникло общественное отношение [2].

Объекты правовых отношений в целом достаточно многочисленны. Но среди них всегда особым образом выделяются нерукотворные объекты (такие как составные компоненты, формирующие среду нашего обитания) и так называемые, одушевленные объекты – к которым относятся животные. При этом последние именно в силу своей одушевленности составляют совершенно особый, отдельный пласт объектов права, изучение особенностей правового режима которого всегда вызывал и вызывает особый интерес у исследователей.

Начнём с того, что, задавая границы нормативности общественных отношений с участием различных видов животных в РФ первое, что необходимо учитывать – это определение их положения в структуре данных отношений. Потому что несмотря на их одушевленность в объективной реальности, в реальности правовой – субъектами права они выступать не могут. Иное означало бы возможность для животных быть носителями право- и дееспособности, и, в частности, способности нести юридическую ответственность за свои действия и бездействия. Отсюда мы понимаем, что те некоторые западные модели, в которых животные, могут выступать, например, в качестве наследников в гражданских, частно-правовых отношениях – к особенностям установления российского правового режима отношений с участием животных применять не могут.

Второй особенностью является тот факт, что в правовой реальности не существует единого правового отношения с участием животных. Вместо этого, мы вынуждены говорить о том, что животные в зависимости от различных факторов становятся составной частью структуры самых различных и достаточно многочисленных правовых отношений.

Вид правового отношения зависит от вида самого животного. Однако понимание вида (категории) животного правом – это ещё одна особенность правовой режима.

Дело в том, что в отличие от деления животных в рамках биологической систематики, где в основе критериев деления лежат морфологические, физиологические и генетические критерии, для «систематики» правовой имеют значения другие факторы, к которым прежде всего относятся степень их одомашнивания (дикое, домашнее), факт наличия или отсутствия владельца (как, например, у бездомных животных), среда обитания (на воле, вне воли, полувольные условия), цели содержания и использования (потребление в пищу, для эстетических, культурно-

развлекательных целей и пр.), виды хозяйственной, профессиональной или иной социально значимой деятельности, в которых человек использует животных (собака-проводник слепого; служебные животные, верховые животные), степень потенциальной опасности для жизни и здоровья человека.

Поэтому в праве различные животные могут выступать в качестве объектов, предметов и специальных средств в правоотношениях по социальному обеспечению, экологических (природоресурсных), гражданских, административных, уголовных и иных правовых отношениях.

Упомянув биологическую систематику нельзя не отметить, что человек также является представителем царства животных (класс млекопитающие, отряд приматы). Однако при толковании содержания статей нормативно-правовых актов, посвящённых животным (например, ст. 137 «Животные» Гражданского кодекса РФ части первой [1]), человек из этого понятия исключается. Это связано с упомянутой выше особенностью наделять всех субъектов права – правосубъектностью, что невозможно для животных, вследствие неспособности вести осознанную деятельность, оценивать принятые решения и понимать значение своих действий. Поэтому правовой статус человека как представителя царства животных и правовое положение других живых организмов – представителей этого же царства – существенным образом отличаются.

Но несмотря на указанные отличия понимания категории и видов животных в юриспруденции и биологии, установить правильный правовой режим без учёта последней науки невозможно, потому что именно из неё мы черпаем выводы о способности различных животных испытывать чувство боли, страдания и рефлексии, что принципиально необходимо при определении специфики возможностей и способов использования и обращения с различными животными [3] и это также можно отнести к ещё одной особенности их правового режима.

Итак, если говорить коротко, то правовой режим использования животных в РФ зависит от вида (категории) животного и целей его использования человеком. Так, например, если мы говорим об использовании диких животных находящихся на воле, в состоянии естественной свободы, то он будет определяться федеральными законами «О животном мире» [6], «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9], «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [8].

Правовой режим использования домашних (в том числе домашних сельскохозяйственных) животных и безнадзорных животных определяется гражданским законодательством, а также законами «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10], «О племенном животноводстве» [7]. Хотя кроме вышеперечисленных законов особенности правового режима для животных могут прописываться и в других нормативно-правовых актах.

Интересно отметить, что в зависимости от вида используемого животного законодатель использует и различные термины, выражающие суть этой деятельности (например, пользование, использование (применение), обращение). Также как и терминология, применяемая для обозначения деятельности по сохранению, восстановлению и помощи животным – в одном случае будет определяться как «охрана», а в другом как «защита».

Говоря о защите животных нельзя не отметить наличие попыток некоторых исследователей развивать концепцию прав животных. Однако исходя из уже ранее описанной особенности правового положения животных в структуре правовых отношений, думается, что то, что мыслится некоторыми исследователями как «права животных», по сути, есть ни что иное, как «обязанности субъектов» в вопросах использования и обращения с животными. И именно в процессе выстраивания эффективного правового режима должны выстраиваться и рамки, границы дозволенного поведения людей по отношению к ним.

В этой связи сразу хочется отметить один из самых главных принципов в вопросах пользования и обращения с животными – принцип гуманного обращения, противоречащего жестокому обращению, несоблюдение которого может повлечь за собой наступление административной (п. 2 ст. 8.52 Кодекса РФ об административных правонарушениях [4]) или уголовной ответственности (ст. 245 Уголовного кодекса РФ [5]).

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать следующие основные выводы, определяющие главные особенности общего механизма правового режима охраны и использования животных:

1. По законодательству РФ животные не могут выступать в качестве субъектов права.
2. Не существует единого правового отношения с участием животных.
3. К основным видам животных, учитываемых в праве, относятся дикие, домашние, безнадзорные и экспериментальные (лабораторные) животные.
4. Правовое положение животных в правоотношениях – объекты, предметы либо специальные средства.
5. Правовой режим отношений с участием животных подразумевает учёт естественнонаучных знаний относительно возможности животных испытывать чувство боли, страдания и рефлексии.
6. В вопросах использования и обращения с животными необходимо соблюдать принцип гуманного обращения, противоречащего жестокому обращению с животными.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. на 31.07.2025 № 315-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2025. № 31. Ст. 4669.
2. Грозина Е.В. Правовой режим и правовое регулирование // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4 (83). 211-216. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-i-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 26.05.2019).
3. Иванова Е.А. Правовой анализ влияния естественнонаучных (биологических) представлений о животных на регулирование правоотношений с их участием // Научный аспект. 2016. № 4. С. 76-85.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. на 31.07.2025 № 302-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1; 2025. № 31. Ст. 4656.

5. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. на 31.07.2025 № 282-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 31. Ст. 4636.
6. Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 № 52-ФЗ (с изм. на 31.07.2025 № 295-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462; 2025. № 31. Ст. 4649.
7. Федеральный закон «О племенном животноводстве» от 03.08.1995 № 123-ФЗ (с изм. на 08.08.2024 № 232-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 32. Ст. 3199; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928.
8. Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 № 166-ФЗ (с изм. на 30.11.2024 № 439-ФЗ) // СЗ РФ. 2004. № 52 (часть I). Ст. 5270; 2024. № 49 (часть IV). Ст. 7430.
9. Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2009 № 209-ФЗ (с изм. на 13.12.2024 № 460-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735; 2024. № 51. Ст. 7854.
10. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 № 498-ФЗ (с изм. на 08.08.2024 № 232-ФЗ) // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8424; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part 1) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025 No. 315-FZ) // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301; 2025. No. 31. Art. 4669.
2. Gromina E.V. Legal regime and legal regulation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (83). 211-216. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-i-pravovoe-regulirovanie> (date of reference: 26.05.2019).
3. Ivanova E.A. Legal analysis of the influence of natural (biological) representations of animals on the regulation of relations with their site // Scientific aspect 2016. № 4. pp. 76-85.
4. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 12/30/2001 (as amended on 07/31/2025 No. 302-FZ) // SZ RF. 2002. No. 1 (Part I). Art. 1; 2025. No. 31. Art. 4656.
5. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 07/31/2025, No. 282-FZ) // Federal Law of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954; 2025. No. 31. Art. 4636.
6. Federal Law "on the Living World " dated 04/24/1995, No. 52-FZ (as amended on 07/31/2025 No. 295-FZ) // Federal Law OF the Russian Federation. 1995. No. 17. Article 1462; 2025. No. 31. Article 4649.
7. Federal Law "On Livestock Breeding" dated 08/03/1995 No. 123-FZ (as amended on 08/08/2024 No. 232-FZ) // Federal Law of the Russian Federation. 1995. No. 32. Art. 3199; 2024. No. 33 (Part I). Art. 4928.
8. Federal Law "On Fisheries and Protection of Aquatic Biological Resources" dated 12/20/2004, No. 166-FZ (as amended on 11/30/2024, No. 439-FZ) // SZ RF. 2004. No 52 (Part I). Article 5270; 2024. No. 49 (Part IV). Article 7430.
9. Federal Law "On Hunting and on the Protection of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/24/2009 No. 209-FZ (as amended on 12/13/2024 No. 460-FZ) // SZ RF. 2009. № 30. Art. 3735; 2024. № 51 7854.10.
10. Federal Law "On the Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated December 27, 2018, No. 498-FZ (as amended on 08.08.2024, No. 232-FZ) // SZ RF. 2018. No. 53 (Part I). Article 8424; 2024. No. 33 (Part I). Article 4928.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_974

УДК 342.51

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF THE PLENIPOTENTIARY REPRESENTATIVE OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FEDERAL DISTRICT

АЙВАЗЯН Эдвард Давидович

студент аспирантуры, Таганрогский институт управления и экономики.
347900, Россия, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Петровская, д. 45.
p.kameneva@tmei.ru

AYVAZYAN E.D.,

postgraduate student, Taganrog Institute of Management and Economics.
Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov region, 347900, Russia.
p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: в современных условиях, когда взаимоотношения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации стабилизировались, основной массив регионального законодательства приведен в соответствие с федеральным, изначальные роль и предназначение полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах объективно меняются. В связи с этим правовые основы деятельности полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах нуждаются в совершенствовании. В настоящей статье автор анализирует разнонаправленные экспертные оценки перспектив данного института: от предложений о его ликвидации до аргументов в пользу сохранения и модернизации. Автор обращает внимание на тот факт, что будущее института полномочных представителей требует взвешенного подхода, сочетающего нормативное совершенствование (включая принятие профильных федеральных законов) с сохранением баланса между централизацией и самостоятельностью региональных властей. Ключевыми задачами остаются четкое определение правового статуса, оптимизация взаимодействия с органами власти субъектов РФ и разработка прозрачных критериев эффективности деятельности полномочных представителей.

Abstract: in the current conditions, when the relations between the federal state authorities and the state authorities of the constituent entities of the Federation have stabilized, and the main body of regional legislation has been brought into compliance with the federal legislation, the original role and purpose of the Plenipotentiary Representatives of the President of the Russian Federation in the federal districts are objectively changing. In this regard, the legal basis for the activities of the Plenipotentiary Representatives of the President of the Russian Federation in the federal districts needs to be improved. In this article, the author analyzes the diverse expert assessments of the prospects for this institution, ranging from proposals to eliminate it to arguments in favor of its preservation and modernization. The author draws attention to the fact that the future of the institution of plenipotentiary representatives requires a balanced approach that combines regulatory improvement (including the adoption of relevant federal laws) with maintaining a balance between centralization and the autonomy of regional authorities. The key tasks remain the clear definition of the legal status, the optimization of interaction with the authorities of the constituent entities of the Russian Federation, and the development of transparent criteria for the effectiveness of the authorized representatives.

Ключевые слова: полномочные представители Президента РФ, федеральный округ, перспективы развития, ликвидация, сохранение, модернизация.

Key words: plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation, federal district, development prospects, liquidation, preservation, and modernization.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В современных условиях, когда взаимоотношения федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации стабилизировались, основной массив регионального законодательства приведен в соответствие с федеральным, изначальные роль и предназначение полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах объективно меняются. В связи с этим правовые основы деятельности полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах нуждаются в совершенствовании.

В юридической литературе и публичных выступлениях политиков выдвигаются разнородные и порой полярные суждения о траекториях трансформации и долгосрочных перспективах института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах.

Так, например, А.И. Казаков полагает, что «институт полномочных представителей порождает дополнительные сложности для региональных властей» [6]. По его мнению, «прежняя система управления, действовавшая до их введения, демонстрировала более высокую эффективность» [6]. Ученый выступает за возврат к дореформенной модели, считая ее более рациональной по сравнению с аппаратом полномочных представителей.

Полагаем, что упразднение федеральных округов и института полномочных представителей Президента РФ в современных условиях государственного развития представляется не только неоправданным, но и потенциально деструктивным для системы управления.

В настоящее время в Российской Федерации не сформированы институциональные механизмы, способные в полной мере реализовать задачи, делегированные полномочным представителям Президента РФ в федеральных округах, включая пресечение сепаратистских проявлений и противодействие коррупции. Функциональные возможности института полномочных представителей Президента в сфере модернизации государственного управления сохраняют существенный резерв. Однако предположение о временном характере данного института нельзя считать лишены оснований.

По оценке К.С. Бельского, «институт полномочных представителей носит временный характер и рассчитан на краткосрочный период».

Его внедрение повлекло усложнение управленческой структуры государства: возникли дополнительные управленческие звенья, а также произошло расширение штата государственных служащих» [4, с. 103].

Мы разделяем позицию П.М. Кандалова, утверждающего, что «правовой статус института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах требует дальнейшей концептуальной доработки и нормативного совершенствования» [7, с. 7].

Согласно позиции Р.М. Дзидзоева и А.А. Саурина, «институт полномочных представителей Президента РФ подтвердил свою целесообразность, успешно вписавшись в систему российского федерализма и механизмы государственного управления» [5, с. 18]. Авторы констатируют эффективную реализацию возложенных на полномочных представителей функций. «Формирование федеральных округов», – как отмечается, – «обеспечило более тесное взаимодействие центральной власти с субъектами Федерации, а также повысило уровень законности и согласованности их работы» [5, с. 19].

Необходимо подчеркнуть, что инициатива по формированию института федеральных представителей получает все более широкое признание в профессиональных кругах, включая юристов, правоведов, специалистов по конституционному праву и муниципальному управлению.

В частности, она отстаивается в целом ряде диссертационных работ (А.И. Багба [3], Г.О. Матюшкин [8] и др.), авторы которых полагают, что представители Президента должны фактически получить статус представителей Федерации (государства) в округах, одновременно решая задачи и представительства Президента РФ, и территориального государственного управления. Соответственно, предлагается изменить порядок их назначения: они должны назначаться Президентом РФ, но по представлению Правительства РФ и по согласованию с палатами Федерального Собрания.

Исследователи единодушно выступают за сохранение принципа прямого подчинения федеральных представителей Президенту РФ. По их оценке, такая модель служит важным профилактическим механизмом против проявлений сепаратизма в федеральных округах. Аргументация строится на конституционно-правовой логике: согласно ч. 4 ст. 80 Конституции РФ [1], Президент выступает представителем Российской Федерации в целом и олицетворяет федеральный уровень власти. Отсюда следует, что федеральные представители, назначаемые и подотчетные исключительно Президенту, легитимно воплощают федеральную власть на уровне субъектов РФ, не создавая при этом внутреннего противоречия в системе представительства.

При общей поддержке предложенной модели нельзя не указать на проблематичность идеи наделения федерального представителя статусом главы всей системы территориальных органов федеральной власти. Парадоксальность ситуации усугублялась бы двойным подчинением – одновременно каждому профильному министру и Правительству в целом. Подобная конструкция, по нашему убеждению, породила бы системные противоречия в управленческом механизме, дезорганизовав вертикаль исполнительной власти.

Предложение о придании аппаратам полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах статуса территориального органа государственной власти не может быть признано обоснованным. Несмотря на декларируемые цели (прогнозирование межрегиональных связей, развитие инфраструктуры товарных рынков, обеспечение сбалансированности материальных потоков и интересов производителей), реализация данной инициативы, по нашему убеждению, не соответствует текущим задачам государственного управления и несет риски институциональной избыточности.

В данном вопросе мы солидарны с позицией К.В. Черкасова, согласно которой «учреждение правительств федеральных округов и преобразование аппаратов полномочных представителей в администрации с исполнительно-распорядительными функциями несет двоякую угрозу. Во-первых, это нарушило бы конституционный принцип разделения властей и дезорганизовало ведомственную вертикаль исполнительной власти. Во-вторых, подобная институциональная трансформация способна создать предпосылки для роста сепаратистских настроений» [11, с. 202].

Ключевым возражением против предложенной модели выступает ее очевидная неконституционность. Реализация подобных мер неизбежно вступает в противоречие с фундаментальным принципом единства административно-территориального устройства Российской Федерации, закрепленным в Основном законе государства.

В научной дискуссии присутствуют альтернативные подходы к эволюции института полномочных представителей Президента в федеральных округах. И.В. Сыскова полагает, что «по мере достижения оптимального баланса между централизацией и децентрализацией государственного управления функционал полномочных представителей будет постепенно сужаться. В перспективе их деятельность сведется преимущественно к координации общегосударственных программ» [10, с. 77]. Исследователь связывает само возникновение данного института с рядом системных проблем:

- недостаточной эффективностью деятельности отдельных государственных органов;
- дефицитом развитых правовых институтов;
- ограниченным уровнем политического плюрализма в России.

По мере стабилизации государственно-правовой системы и повышения результативности работы властных структур большинство полномочий полномочных представителей, согласно данной концепции, будет передано законодательно закрепленным органам власти.

В трактовке О.В. Перепелицы, «институт полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах представляет собой, прежде всего, механизм антикризисного управления. Многолетняя практика подтвердила его работоспособность и результативность. В период стабильного функционирования государства полномочные представители реализуют следующие задачи:

- обеспечение президентского контроля;

- координация деятельности органов власти;
- кадровый отбор;
- сбор и обработка управленческой информации;
- согласование интересов федеральных и региональных органов власти» [9, с. 33].

В целях совершенствования института полномочных представителей Президента РФ требуется устранить пробелы в нормативном регулировании, обусловленные отсутствием базового федерального закона о статусе полномочных представителей и избыточной опорой на подзаконные нормативные акты, и сформировать единую правовую основу, обеспечивающую четкость полномочий, предсказуемость механизмов взаимодействия с федеральными и региональными органами и прозрачность критериев оценки деятельности.

Ключевой документ, регламентирующий статус и полномочия полномочных представителей Президента РФ, – Указ Президента от 13 мая 2000 года «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [2] – обнаруживает ряд системных недостатков. Его нормативная конструкция не в полной мере отвечает современным требованиям к регулированию межвластных отношений и управленческой практики.

Согласно позиции В.Н. Шарикова, «совершенствование института полномочных представителей Президента РФ предполагает:

- уточнение их правового статуса и компетенции;
- оптимизацию взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ;
- реорганизацию системы территориального управления, включающую сокращение или ликвидацию части управленческих структур федеральных органов на уровне субъектов РФ;
- передачу их функций аппаратам полномочных представителей» [12].

Анализ позиций исследователей показывает: подавляющее большинство экспертов сходится во мнении о необходимости двух законодательных инициатив:

- принятие ФЗ «О федеральных округах в Российской Федерации» для определения правового статуса округов в структуре госуправления и уточнения их роли в административно-территориальном устройстве страны;
- принятие ФЗ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» для регламентации процедур назначения / отстранения полномочных представителей от должности, фиксации требований к кандидатам, детализации функций и задач полномочных представителей, регламентации механизмов взаимодействия с другими государственными органами.

В научной дискуссии доминирует позиция о необходимости расширения автономии полномочных представителей Президента РФ. Речь идет о наделении их полномочиями в сфере организационно-кадрового управления собственным аппаратом, включая:

- самостоятельное принятие решений о структуре подразделений;
 - назначение и освобождение от должности заместителей;
 - распределение функциональных обязанностей внутри аппарата.
- При этом за Администрацией Президента РФ целесообразно сохранить:
- общую координацию деятельности полномочных представителей;
 - организационно-методическое сопровождение;
 - материально-техническую поддержку.

Верховенство в руководстве институтом полномочных представителей должно оставаться за Президентом РФ как единственным субъектом, определяющим стратегические направления их деятельности.

Г.О. Матюшкин предлагает «нормативно закрепить за полномочными представителями функцию способствования реформированию федеративных отношений и обеспечению государственной целостности РФ, которую они, по его мнению, и осуществляют» [8, с. 43]. На наш взгляд, с управленческой точки зрения подобное предложение несостоятельно, т.к. в данной формулировке присутствует не функция, а направление ее реализации.

Следует отметить, что вовлечение полномочных представителей Президента в решение вопросов местного самоуправления создает институциональный диссонанс. Подобная практика вступает в противоречие с конституционно закрепленными принципами разделения властей и самостоятельности органов местного самоуправления.

Это подрывает базовую правовую конструкцию, согласно которой местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти и обладает обособленной компетенцией.

Резюмируя изложенное, отметим следующее. Проведенный анализ позволяет выделить три потенциально реализуемых сценария эволюции института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах.

Сценарий консолидации. Трансформация в полноправный элемент президентской вертикали власти с расширенным объемом полномочий и устойчивыми механизмами взаимодействия с иными уровнями управления.

Сценарий упразднения. Ликвидация института как утратившего актуальность – в случае признания его функций избыточными или дублирующими.

Сценарий трансформации. Переформатирование в качественно новый институт государственной власти посредством постепенного наложения новых функций и задач, меняющих его сущностные характеристики.

Обратим внимание на тот факт, что каждый из сценариев предполагает различную степень институциональной перестройки и требует взвешенной оценки последствий.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами №6-ФКЗ от 30.12.2008, №7-ФКЗ от 30.12.2008, №2-ФКЗ от 5.02.2014, №11-ФКЗ от 21.07.2014, №1-ФКЗ от 14.03.2020, одобренными в ходе всероссийского голосования 01.07.2020, с учетом включения новых субъектов РФ, внесенных федеральными конституционными законами №5-ФКЗ от 04.10.2022, №6-ФКЗ от 04.10.2022, №7-ФКЗ от 04.10.2022, №8-ФКЗ от 04.10.2022). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2023 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 04.11.2025).
2. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 (ред. от 26.06.2023). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2023 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065756> (дата обращения: 04.11.2025).
3. Багба А.И. Разграничение полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами в условиях становления федеральных округов: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.02. – Москва, 2003. – 199 с. – Текст: непосредственный.
4. Бельский К.С. Пропагандистика административного права. Избранные произведения: в 2 т. Том 1: сборник научных трудов / К.С. Бельский. – Москва: РГУП, 2020. – 408 с. – ISBN 978-5-93916-830-4. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1689617> (дата обращения: 04.11.2025). – Режим доступа: по подписке.
5. Дзидзов Р.М. Институт полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе (на опыте Южного федерального округа) / Р.М. Дзидзов, А.А. Саурин; М-во образования и науки Рос. Федерации, Куб. гос. ун-т. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004. – 163 с. – ISBN 5-8209-0348-7. – Текст: непосредственный.
6. Казаков А.И. Сильная Россия – это Федеративная Россия. – Текст: непосредственный // Свободная мысль – XXI: теоретический и политический журнал. – 2004. – № 6 (1544). – С. 13 – 27.
7. Кандалов П.М. Конституционно-правовые основы становления и развития института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: (специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право») / Кандалов Петр Михайлович; [Челябинский государственный университет]. – Челябинск, 2004. – 29 с. – Текст: непосредственный.
8. Матюшкин Г.О. Институционализация федеральных округов в современной России: общеправовой анализ: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01. – Нижний Новгород, 2004. – 246 с. – Текст: непосредственный.
9. Перепелица О.В. Институт полномочного представителя Президента Российской Федерации в условиях реформирования органов государственной власти современной России: на материалах Центрального федерального округа: диссертация кандидата политических наук: 23.00.02. – Орел, 2005. – 207 с. – Текст: непосредственный.
10. Сыслова И.В. Становление, развитие и функциональное содержание института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.02. – Москва, 2004. – 195 с. – Текст: непосредственный.
11. Черкасов К.В. Государственное управление на уровне федерального округа: административно-правовое исследование: диссертация доктора юридических наук: 12.00.14 / Черкасов Константин Валерьевич; [Место защиты: Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ]. – Москва, 2009. – 600 с. – Текст: непосредственный.
12. Шариков В.Н. Полномочный представитель Президента: роль, влияние, перспективы. – Текст: непосредственный // Национальные интересы. – 2021. – №4. – С. 19 – 30.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, subject to the provisions introduced by Laws No. 6-FKZ of 12/30/2008, No. 7-FKZ of 12/30/2008, No. 2-FKZ of 02/5/2014, No. 11-FKZ of 07/21/2014, No. 1-FKZ of 14/03/2020, approved during the All-Russian vote on 07/01/2020, taking into account the inclusion of new subjects of the Russian Federation included in federal constitutional laws No. 5-FKZ dated 04.10.2022, No. 6-FKZ dated 04.10.2022, No. 7-FKZ dated 04.10.2022, No. 8-FKZ dated 04.10.2022). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2023 - URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (date of application: 11/04/2025).
2. On the full representative of the President of the Russian Federation in the Federal District: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2000 No. 849 (as amended, dated 26.06.2023). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2023 - URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065756> (date of request: 11/04/2025).
3. Bagba.I. Limitation of powers and subjects of jurisdiction between the Russian Federation and its subjects in the context of the formation of federal districts: dissertation of the Candidate of Law: 12.00.02. - Moscow, 2003. – 199 P. - Text: unfounded.
4. Belsky K.S. Propaedeutics of administrative law. Selected works: in 2 volumes. Volume 1: collection of scientific papers / K.S. Byalsky. - Moscow: RGUP, 2020. – 408 P. – ISBN 978-5-93916-830-4. - Text: electronic. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1689617> (date of request: 11/04/2025). - Access mode: by subscription.
5. Myasoev R.M. Institute of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District (on the example of the Southern Federal District) / R.M. Myasoev, A.A. Saurin; Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Russian Federation, Cube. state University. Krasnodar: Kuban State University, 2004. 163 p. ISBN 5-8209-0348-7. Text: unfounded.
6. A. Kazakov.I. A strong Russia is a Federal Russia. - Text: contradictory // Free Thought-XXI: theoretical and Political journal. – 2004. – № 6 (1544). – Pp. 13-27.
7. Kandalov P.M. Constitutional and legal foundations of the formation and development of the Institute of the Plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Federal District: abstract. surprise. for the job. learned. step. Candidate of Sciences. jurid. Science: (specialty 12.00.02 "Constitutional law; municipal law") / Peter Mikhailovich Kandalov; [Chelyabinsk State University]. - Chelyabinsk, 2004. – 29 P. - Text: unfounded.
8. Matyushkin G.Yes. Institutionalization of Federal Districts in Modern Russia: a General Legal analysis: dissertation of the Candidate of Sciences in Law: 12.00.01. - Nizhny Novgorod, 2004. – 246 P. - Text: unfounded.
9. The quail.V. The Institution of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the context of the reform of state authorities in modern Russia: based on the materials of the Central Federal District: dissertation of the Candidate of Political Sciences: 23.00.02. - Orel, 2005. – 207 p. - Text: unfounded.
10. Syskova.B. Formation, development and functional Cooperation of the Institute of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District: dissertation of the Candidate of Sciences in Law: 12.00.02. - Moscow, 2004. – 195 P. - Text: unfounded.
11. Cherkasov K.V. Public administration in the territory of the Federal District: administrative and legal research: dissertation of the Doctor of Jurisprudence: 12.00.14 / Cherkasov Konstantin Valerievich; [Place of defense: Russian Academy of Law. Ministry of Justice of the Russian Federation]. - Moscow, 2009. - 600 P. - Text: direct.
12. Sharikov V.N. Presidential Plenipotentiary: role, attraction, prospects - Text: neposedsky // National Interests – 2021. – No. 4. – pp. 19-30.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_978

УДК 343

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА РФ OVERVIEW OF JUDICIAL PRACTICE ON THE USE OF THE STATE EMBLEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

БЕЗРУКОВ Андрей Вадимович,старший преподаватель кафедры Уголовное право Пензенский государственный университет
440034, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40
E-mail: olesia_8013-10@mail.ru**BEZRUKOV Andrey Vadimovich,**Penza State University
440034, Penza, Krasnaya Street, 40
E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу судебной практики по вопросам использования Государственного герба РФ: проанализированы понятия «официальное использование Государственного герба РФ, выраженное в степени смешения», «сходство до степени смешения», «использование Государственного герба РФ с существенными нарушениями». Определено, что Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ вырабатывают правовые положения в сфере регулирования проблем использования герба, а также признают некоторые нормы правовых актов противоречащими Конституции РФ.

Abstract. The article is devoted to the analysis of judicial practice on the use of the State Emblem of the Russian Federation: the concepts of "official use of the State Emblem of the Russian Federation to the extent of confusion," "similarity to the extent of confusion," and "use of the State Emblem of the Russian Federation with significant violations" are analyzed. It is determined that the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation develop legal provisions in the field of regulating the use of the emblem, and also recognize certain legal acts as contradicting the Constitution of the Russian Federation.

Ключевые слова: геральдика, геральдический орган, правовое регулирование, символика, герб, единое геральдическое пространство, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, орган конституционного контроля.

Keywords: heraldry, heraldic authority, legal regulation, symbols, coat of arms, unified heraldic space, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, constitutional control body.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Ряд характеристик использования Государственного герба РФ обозначены в решениях Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ.

Так, орган конституционного контроля разъясняет/уточняет отдельные нормы федерального конституционного закона о гербе; вводит в конституционный оборот новые термины, установил конституционные запреты. В Определении от 20.03.2014 № 511-О [3] Конституционный Суд РФ дает правовую оценку понятию «официальное использование Государственного герба РФ, выраженное в степени смешения». Подробной характеристики данный термин не подвергался, однако Конституционный Суд определил важные конституционно-правовые признаки. В частности, установлен субъектный состав «порядка официального использования» - он ограничен только теми субъектами, которые определены федеральным конституционным законодательством.

Определены, сформулированы, уточнены цели использования Государственного герба РФ. Это:

- отражение принадлежности к государственным органам;
- подтверждение официального статуса в отношениях с внешними субъектами;
- обозначение общегосударственного значения осуществляемой деятельности;

Конституционный Суд РФ уточняет, что для установления «сходства до степени смешения» требуется проведение экспертизы, которая не является обязательной; это проявление дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления судопроизводства.

Верховный Суд РФ конкретизировал содержание степени смешения применительно к геральдическому знаку. В термин заложен следующий правовой смысл: степень смешения включает:

- специальный режим использования государственных символов Российской Федерации, обусловленный их функциональным назначением предполагает как использование лицами при обращении в те или иные органы или к должностным лицам бланков и (или) печатей, содержащих изображение, идентичное изображению Государственного герба РФ, но не указанных в Федеральном конституционном законе «О Государственном гербе Российской Федерации»;
- использование бланков и/или печатей с изображением, схожим по внешнему виду до степени смешения с Государственным гербом Российской Федерации [9].

Позже, в Приказах Министерства экономического развития РФ от 20.07.2015 № 482 и Роспатента от 31.12.2009 № 197 термин «сходство до степени смешения» определено следующим образом:

- обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия [8];

- оценка сходства производится на основе общего впечатления;
- формирование общего впечатления может происходить под воздействием любых особенностей обозначений (в том числе доминирующих словесных или графических элементов, их композиционного и цветографического решения и др.);
- сходство обозначений связано с однородностью [9].

В Определении от 22.01.2014 № 67-О Конституционный Суд РФ установил пределы ответственности за нарушение порядка «официального использования Государственного герба РФ, выраженного в степени смешения» закрепив формулировкой «в соответствии с законодательством Российской Федерации». Целесообразность в установление такой ответственности оправдывается «неукоснительным соблюдением официального порядка использования Государственного герба РФ и защитой тем самым авторитета Российского государства» [2].

Верховный суд РФ в судебных актах (Определениях от 21.01.2003 г. № 72-Г03-1 [5], от 05.09.2007 г. № 16-Г07-24 [6]) правовым смыслом наполнил термины «помещение», «использование», «размещение» Государственного герба РФ и др.

В частности:

- использование, размещение, изображение герба РФ допускается только в определенных Федеральным конституционным законом о гербе случаях; «всякое» принятие по указанному вопросу нормативно-правового акта, противоречащего федеральному законодательству (п. «и» ч. 1 ст. 72 и ч. 5 ст. 76 Конституции РФ) признается недействительным;

- термин помещение Государственного герба применим к «печати», а не «бланкам»;

- «иные» случаи использования Государственного герба РФ устанавливаются только Президентом РФ, в частном порядке.

Верховный Суд РФ в Определении от 19.02.2009 № КАС08-762 правовым содержанием наполнил термин «использование Государственного герба РФ с существенными нарушениями», истолковав его такими характеристиками, как «грубое», «систематическое», «искаженное», «носящее неустранимый характер» использование [7].

Конституционный Суд РФ в Определении от 17.07.2012 № 1343-О [4] разъяснил аспект «недопустимости использования гражданами РФ элементов геральдического символа на личных документах».

Орган конституционного контроля обосновывает:

во-первых, конституционные положения, обозначенные в ч. 1 ст. 70 Конституции РФ указывают на то, что описание и порядок официального использования Государственного герба РФ устанавливаются только федеральным конституционным законом «О Государственном гербе Российской Федерации» [1];

во-вторых, герб служит «средством обозначения актов и документов, исходящих от ее государственных органов и должностных лиц, а также документов органов, организаций и учреждений, деятельность которых имеет общегосударственное значение» [4].

Как видно Конституционный суд РФ однозначно обозначил конституционный запрет на отнесение граждан к числу лиц, имеющих право использовать элементы Государственного герба РФ на бланках и печатях.

Таким образом, в решениях Конституционного, Верховного суда РФ:

- дана правовая оценка юридическим свойствам использования герба РФ: границы такого использования специально оговорены в законодательстве и очерчены рамками официального применения;
- уточнены минимальные требования, определяющие контур некой «идеальной» модели организации процесса использования Государственного герба (что предопределяет определенные гарантии);
- разъяснения, данные органом конституционного контроля позволяют провести некоторую «черту», в пределах которой не нарушается сущность государственного символа;
- имеет место признание возможности использования Государственного герба РФ в иных случаях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года) принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Текст Конституции Российской Федерации с изменениями на 04.10.2022 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022, № 0001202210060013 (дата обращения: 10.09.2025).
2. Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 67-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Горячевой Ангелины Валентиновны на нарушение ее конституционных прав статьей 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 25.09.2025).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 № 511-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 8 Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации» и статьей 17.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-17-ot-20032014-n/> (дата обращения: 06.10.2025).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кузьмичевой Ирины Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав положениями Федерального конституционного закона «О Государственном гербе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 14.07.2025).
5. Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2003 № 72-Г03-1 «Использование Государственного герба Российской Федерации - официального государственного символа Российской Федерации - допускается только в определенных законом случаях, к которым не относится использование его на бланках органов исполнительной власти субъектов РФ». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 05.10.2025).
6. Определение Верховного Суда РФ от 05.09.2007 № 16-Г07-24 «Об оставлении без изменения решения Волгоградского областного суда от 28.06.2007, которым был признан недействующим пункт 3.9 Положения о комитете по физической культуре и спорту администрации Волгоградской области, утвержденного постановлением главы администрации Волгоградской области от 28.07.2006 N 945, в части слов «Государственного герба Российской Федерации». Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 20.08.2025).
7. Определение Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 19.02.2009 г. № КАС08-762. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 07.10.2025).
8. Приказ Министерства экономического развития РФ от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков,

Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/documents/russian_laws/order_mert/prik_mert_482_20072015 (дата обращения: 20.10.2025).

9. Приказ Роспатента от 31.12.2009 г. № 197 «Об утверждении Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rospatenta-ot-31122009-n-197-ob/> (дата обращения: 12.09.2025).

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. - № 4. — апрель. (извлечение).

References

1. The Constitution of the Russian Federation (as amended on October 4, 2022) adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020 // The text of the Constitution of the Russian Federation as amended on 04.10.2022 has been published on the Official Internet Portal of Legal Information. <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022, No. 0001202210060013 (date of appeal: 09/10/2025).
2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 01/22/2014 No. 67-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Goryacheva Angelina Valentinovna for violation of her constitutional rights by Article 17.10 The Code of Administrative Offences of the Russian Federation". The document has not been published. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (date of access: 25.09.2025).
3. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20.03.2014 No. 511-O "On Refusal to Accept the Complaint of Citizen Yuri Aleksandrovich Pavlov for Violation of His Constitutional Rights" (date of appeal: 09/10/2025).
4. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 17, 2012, No. 1343-O, "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Irina Dmitrievna Kuzmicheva, a Citizen, on the Violation of Her Constitutional Rights by the Provisions of the Federal Constitutional Law on the State Emblem of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (accessed on July 14, 2025).
5. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.01.2003 No. 72-G03-1 "The use of the State Emblem of the Russian Federation, the official state symbol of the Russian Federation, is allowed only in cases specified by law, which does not include its use on the forms of executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation." The document was not published. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (date of appeal: 05.10.2025).
6. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.09.2007 No. 16-G07-24 "On leaving unchanged the decision of the Volgograd Regional Court dated 28.06.2007, which declared invalid paragraph 3.9 of the Regulations on the Committee for Physical Culture and Sports of the Administration of the Volgograd Region, approved by the resolution of the Head of the Administration of the Volgograd Region dated 28.07.2006 No. 945, in terms of the words "State Emblem of the Russian Federation." The document was not published. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (accessed on 20.08.2025).
7. Determination of the Cassation Board of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.02.2009 No. KAS08-762. The document was not published. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (accessed on 07.10.2025).
8. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 07/20/2015 No. 482 "On Approval of the Rules for Drafting, Filing and Reviewing Documents that are the Basis for Legally Significant Actions for State Registration of Trademarks, Service Marks, Collective Marks, Requirements for Documents Contained in an Application for State Registration of a Trademark, Service Mark, Collective Mark, and the documents attached to it and their forms, the Procedure for converting an application for state registration of a collective mark into an application for state registration of a trademark, service mark and vice versa, the list of information specified in the form of a trademark (service mark) certificate, the form of a collective mark certificate, the form of a trademark (service mark) certificate, forms of a certificate for a collective mark" [Electronic resource]. — Access mode: https://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/documents/russian_laws/order_mert/p (date of appeal: 09/10/2025).
9. Order of Rospatent dated 31.12.2009 No. 197 "On Approval of Methodological Recommendations for Checking Registered Designations for Identity and Similarity". [Electronic resource]. — Access mode: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rospatenta-ot-31122009-n-197-ob/> (date of access: 12.09.2025).
10. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the third quarter of 2012 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26.12.2012) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2013. - No. 4. — April. (extraction).

ГАРАНТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ GUARANTEES OF INDEPENDENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

БЕТЕЕВА Мадина Майрамовна,

к.и.н., доцент кафедры теоретико-исторических правовых наук

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

362025, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Бутырина, 27.

mirag.8184@ya.ru

BETEeva Madina Mairamovna,

Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor of the Department of theoretical and historical legal sciences of State and Law,

FGBOU VO «North Ossetian State University»

27 Butyrina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia —Alania, 362025.

mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена комплексному анализу гарантий независимости органов местного самоуправления как ключевого условия их эффективного функционирования и обеспечения автономии в решении вопросов местного значения. Рассматривается многоуровневая система гарантий, включающая правовые, экономические, институциональные и процедурные механизмы защиты муниципальной самостоятельности от неправомерного вмешательства вышестоящих уровней власти. В работе особо подчёркивается важность конституционных норм (в частности, ст. 131 Конституции РФ), определяющих сферу компетенции муниципалитетов, включая управление муниципальной собственностью и самостоятельное формирование местного бюджета. Анализируется роль финансовой автономии, обеспеченной правом владения собственными активами и надлежащей компенсацией за переданные государственные полномочия.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the guarantees of independence for local self-government bodies (LSGs) as a key condition for their effective functioning and ensuring autonomy in resolving local issues. It examines a multi-level system of guarantees, including legal, economic, institutional, and procedural mechanisms designed to protect municipal autonomy from unlawful interference by higher levels of government. The study emphasizes the importance of constitutional norms (specifically Article 131 of the Russian Federation Constitution) that define the scope of municipal competence, including the management of municipal property and the independent formation of the local budget. The role of financial autonomy, secured by the right to own assets and proper compensation for delegated state powers, is analyzed.

Ключевые слова: местное самоуправление, независимость органов МСУ, гарантии самостоятельности, муниципальная собственность, финансовая автономия, разграничение полномочий, государственный контроль, судебная защита, вопросы местного значения.

Keywords: local self-government, independence of LSG bodies, guarantees of autonomy, municipal property, financial autonomy, delineation of powers, state control, judicial protection, matters of local significance.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Независимость органов местного самоуправления является одним из ключевых институтов, обеспечивающих реальную автономию муниципалитетов и их способность эффективно решать задачи местного значения. Гарантии этой независимости представляют собой совокупность правовых, экономических, институциональных и процедурных мер, направленных на защиту муниципальной самостоятельности от неправомерного вмешательства со стороны других уровней власти и от внутренних рисков, подрывающих эффективность управления на местах. Эти гарантии не сводятся лишь к декларативным положениям — их практическая реализация зависит от конкретных правовых механизмов, доступных муниципалитетам средств и процедурам защиты в случае посягательств на их компетенцию и ресурсы¹.

Одной из фундаментальных гарантий независимости является правовая регламентация сферы вопросов местного значения и перечня полномочий муниципальных органов в федеральном и региональном законодательстве и в уставах муниципальных образований. Четкое определение предмета компетенции создаёт юридическую границу, за пределы которой органы государственной власти не вправе самостоятельно вмешиваться в муниципальные дела. Практическая значимость этой гарантии проявляется в возможности муниципалитета ссылаться на закон при противодействии попыткам перераспределения функций без соответствующей правовой основы и необходимого финансирования².

Часть 1 статьи 131 Конституции РФ обеспечивает самостоятельность органов местного самоуправления в осуществлении их полномочий, определяя ключевые области их деятельности, соответствующие вопросам местного значения. Первое место в этом списке занимает управление муниципальной собственностью, что подтверждает не только полномочия органов местного самоуправления, но и роль муниципальной собственности для развития местного самоуправления. Местный бюджет — важный элемент самоуправления, обязательный для существования муниципалитета. Органы местного самоуправления самостоятельно утверждают и исполняют его. Следует отметить, что конституционное требование о том, что органы местного самоуправления самостоятельно обеспечивают общественный порядок, пока не полностью выполняется в законодательстве. Однако его значимость нормативная, безусловно, хотя следует учитывать, что полнота прав и самостоятельность органов местного самоуправления в сфере обеспечения общественного порядка отличаются от уровня их самостоятельности в других вопросах местного значения. Часть вторая статьи 131 говорит о возможности передачи муниципальным органам отдельных полномочий государственной власти. По мнению специалистов, при анализе данной конституционной нормы необходимо учитывать, что характер полномочий, передаваемых органам

¹ Жданов С. А. К вопросу о гарантиях местного самоуправления // Проблемы права: теория и практика. — 2018. — № 44. — С. 190-198.

² Дубровин О. В. Конституционно-правовые основы институционализации муниципальной собственности в Российской Федерации // Челябинск. — 2012. С. 45.

местного самоуправления, не должен противоречить сущности и основным задачам самоуправления на местах¹. Полномочия муниципальных органов должны быть направлены на решение локальных вопросов и облегчать выполнение ключевых функций местного управления. Предполагается, что сначала формируются структуры местного самоуправления, а затем уже его органы наделяются отдельными государственными полномочиями². Защиту муниципальной собственности и имущественных прав можно считать самостоятельным направлением гарантий независимости. Муниципальная собственность должна иметь правовой режим, исключающий произвольную передачу, отчуждение или изъятие без соблюдения предусмотренных законом процедур и без надлежащей компенсации. Это обеспечивает устойчивость муниципальных активов как основы финансовой самостоятельности и инструмента реализации местных инициатив.

Финансовая автономия и устойчивость бюджетной базы — ещё одна важная гарантия. Возможность распоряжаться собственными доходами, владение муниципальной собственностью и получение предусмотренных межбюджетных трансфертов позволяет органам местного самоуправления осуществлять возложенные функции без постоянной зависимости от произвольных решений вышестоящей исполнительной власти. Не менее существенным является институт компенсации затрат при передаче дополнительных полномочий со стороны субъектов федерации или федеральных органов: законодательно закреплённое требование о надлежащем финансовом обеспечении переданных задач исключает практику «перекалывания» обязательств на муниципалитеты без денег³.

Защиту муниципальной самостоятельности подкрепляет судебный механизм. Право муниципалитета и его органов оспаривать в суде акты, действия и бездействие государственных органов, противоречащие принципам местного самоуправления, является действенным инструментом восстановления нарушенных прав. Судебная практика формирует прецеденты, уточняющие пределы внешнего контроля и способы его реализации. Помимо обращения в суд, муниципалитеты вправе использовать иные правовые средства защиты — административное обжалование, требования о признании недействительными нормативных актов, а также взыскание убытков, причинённых незаконными действиями органов государственной власти.

Институциональные гарантии выражаются в разграничении полномочий между представительной и исполнительной властью в муниципалитете, что препятствует концентрации власти в одних руках и снижает риск внешнего манипулирования внутренними процессами управления. Механизмы внутреннего контроля и аудита, прозрачность бюджетного процесса, публичные слушания и отчётность перед населением являются не только демократическими инструментами, но и факторами укрепления устойчивости муниципальной власти к давлению извне.

Контроль со стороны государства ограничен рамками закона и направлен на проверку законности, а не на вмешательство в политический выбор и распоряжение ресурсами муниципалитета. Важной гарантией выступает разграничение понятий «контроль» и «надзор»: надзорные функции должны иметь чёткие процессуальные основания, прогнозируемую периодичность и субъективно-объективные критерии для проведения проверок. Законодательное ограничение числа проверок, требований по предоставлению информации и возможность обжалования результатов инспекций уменьшают риск административного давления, что особенно важно для обеспечения стабильной работы муниципальных органов.

Гарантии статуса должностных лиц и выборных органов также важны. Процедуры избрания, отзыва, дисциплинарной ответственности и увольнения муниципальных служащих должны быть прозрачными и соответствовать принципам процессуальной справедливости, чтобы защитить органы местного самоуправления от произвольных смен руководства со стороны вышестоящих органов. В то же время механизмы ответственности обеспечивают баланс — они предотвращают злоупотребления властью на местном уровне и дают возможность населению и правовым органам реагировать на нарушения.

Практическую значимость имеет созданный государством комплекс досудебных процедур урегулирования споров между муниципалитетами и субъектами федерации: межуровневые комиссии, соглашения о взаимодействии, механизмы согласования бюджетных вопросов. Такие институты способствуют разрешению конфликтов в правовом поле и снижают потребность в длительных судебных процессах, что экономит время и ресурсы муниципалитетов.

Особое значение имеет гарантия участия населения в управлении делами муниципалитета: открытые процедуры принятия решений, местные референдумы, право инициативы по вопросам местного значения создают общественную опору для муниципальной самостоятельности. Активное гражданское участие повышает легитимность муниципальных решений и служит барьером против внешнего давления, поскольку вмешательство, не поддерживаемое местным сообществом, будет социально и политически затратным для вмешивающейся стороны.

Тем не менее на практике ряд пробелов остаётся: не всегда надёжно обеспечена компенсация переданных полномочий, иногда наблюдаются чрезмерные интерпретации пределов контроля, недостаточно отрегулированы вопросы частых проверок и административных требований. Поэтому укрепление гарантий независимости требует постоянного совершенствования законодательства, унификации судебной практики и развития институтов взаимодействия между уровнями власти. В перспективе надёжная правовая база, прозрачные процедуры и устоявшиеся практики судебной защиты станут ключевыми факторами, позволяющими органам местного самоуправления действовать эффективно и автономно в интересах своих территориальных сообществ.

¹ Пронина, Д. А. Развитие конституционно-правовых основ местного самоуправления в России // Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан: историко-теоретические и правовые аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тула, 27 февраля 2024 года. — Тула: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2024. — С. 181-184.

² Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления : учебник и практикум для вузов / И. В. Мишуткин [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2024. С. 78.

³ Дубровин О. В. Конституционно-правовые основы институционализации муниципальной собственности в Российской Федерации // Челябинск. — 2012. С. 45.

Список литературы

1. Дубровин О. В. Конституционно-правовые основы институционализации муниципальной собственности в Российской Федерации // Челябинск. – 2012. С. 45.
2. Дубровин О. В. Конституционно-правовые основы институционализации муниципальной собственности в Российской Федерации // Челябинск. – 2012. С. 45.
3. Жданов С. А. К вопросу о гарантиях местного самоуправления // Проблемы права: теория и практика. – 2018. – № 44. – С. 190-198.
4. Пронина Д. А. Развитие конституционно-правовых основ местного самоуправления в России // Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан: историко-теоретические и правовые аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тула, 27 февраля 2024 года. – Тула: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2024. – С. 181-184.
5. Финансово-правовые основы государственного и муниципального управления : учебник и практикум для вузов / И. В. Мишуткин [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2024. С. 78.

References

1. Dubrovin O. V. Constitutional and legal bases of institutionalization of municipal property in the Russian Federation // Chelyabinsk. - 2012. P. 45.
2. Dubrovin O. V. Constitutional and legal bases of institutionalization of municipal property in the Russian Federation // Chelyabinsk. - 2012. P. 45.
3. Zhdanov S. A. On the issue of guarantees of local self-government // Problems of law: theory and practice. - 2018. - No. 44. - pp. 190-198.
4. Pronina D. A. Development of the constitutional and legal foundations of local self-government in Russia // Actual problems of protecting the rights and freedoms of citizens: historical, theoretical and legal aspects: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Tula, February 27, 2024. Tula: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2024. pp. 181-184.
5. Financial and legal foundations of state and municipal management : textbook and workshop for universities / I. V. Mishutkin [et al.]. 2nd ed., revised. and additional M. : Publishing house Yurayt, 2024. p. 78.

РОЛЬ И НАЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ THE ROLE AND PURPOSE OF THE CONSTITUTION IN THE MODERN STATE

ДЗАНАГОВА Маргарита Константиновна,

к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права

ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет»

362040, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, 37.

mirag.8184@ya.ru

DZANAGOVA Margarita Konsantinovna,

candidate of legal sciences, associate professor of the Department of constitutional and administrative law,

FGBOU VO «Gorsky State Agrarian University»

37 Kirova str., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia — Alania, 362040.

mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена анализу роли и назначения Конституции в современном государстве. Автор исследует исторические аспекты принятия Конституции Российской Федерации, её юридические свойства и практическую реализацию. Особое внимание уделяется проблемам взаимодействия юридической и фактической конституции, а также влиянию менталитета и правосознания граждан на эффективность её функционирования. В статье рассматриваются вопросы стабилизации конституционного строя, необходимости соблюдения процедур внесения изменений и формирования правовой культуры общества. Анализируются современные вызовы, такие как низкий уровень правовой грамотности, влияние информационных технологий и необходимость повышения правосознания граждан для построения настоящего правового и демократического государства. Автор подчеркивает важность интеграции образовательных и информационных мер для повышения эффективности реализации конституционных принципов, что способствует укреплению верховенства закона и развитию гражданского общества.

Abstract. This article is dedicated to analyzing the role and purpose of the Constitution in the modern state. The author examines the historical context of the adoption of the Russian Federation's Constitution, its legal properties, and practical implementation. Special attention is paid to the interaction between the legal and factual constitutions, as well as the influence of citizens' mentality and legal consciousness on its effective functioning. The article discusses issues of stabilizing the constitutional order, the importance of procedures for amending the Constitution, and the need to foster a legal culture within society. It also considers contemporary challenges such as low levels of legal literacy, the impact of information technology, and the necessity of increasing citizens' legal awareness to build a genuine legal and democratic state. The author emphasizes the significance of educational and informational measures to enhance the realization of constitutional principles, thereby strengthening the rule of law and the development of civil society.

Ключевые слова: Конституция, роль и назначение, современное государство, правовое государство, гражданское общество, правосознание, юридические свойства, практика реализации, правовая культура, стабильность конституционного строя, правовые реформы, менталитет, общественное развитие.

Keywords: Constitution, role and purpose, modern state, rule of law, civil society, legal consciousness, legal properties, implementation practices, legal culture, stability of the constitutional order, legal reforms, mentality, social development.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Прошло более тридцати лет с момента принятия Конституции Российской Федерации, но вопрос о её полной реализации остаётся открытым в настоящее время. «Российская Конституция - пишет С.М. Шахрай - явилась в трагический момент отечественной истории»¹. Принятие конституции представляет собой важный этап в становлении государства, ведь она не просто формирует правовую основу, но и решает множество сложных задач. В первую очередь, конституция служит краеугольным камнем, на котором строится новый государственный строй. Она содержит систему норм, регулирующих отношения между личностью и публичной властью, определяет права и свободы граждан, создавая тем самым надёжный механизм их защиты. Кроме того, конституция создаёт условия для улучшения экономики, поскольку стабильная правовая база способствует привлечению инвестиций и развитию бизнеса. Особые юридические свойства конституции, такие как её высший статус и специальные правила изменений, подчеркивают её важность как основного элемента правопорядка. Таким образом, принятие конституции — это не только юридический акт, но и значимый шаг к построению справедливого и эффективного государственного устройства².

Фактическая же конституция — это то, что существует в реальности, точнее, как на самом деле складывается развитие общественных отношений, подпадающих под предмет конституционного права. Безусловно, что на развитие государства вообще и, реализацию конституции, оказывают влияние такие факторы как: климатические условия, многонациональность народа, географическое положение, территория, историческое и политическое развитие государства. Менталитет и правосознание являются ключевыми факторами, которые оказывают значительное влияние на процесс реализации конституционных положений. Конституция, как основной закон государства, задаёт рамки и принципы функционирования общества и его институтов. Однако даже самые прогрессивные и справедливые нормы не смогут эффективно работать, если они не поддерживаются соответствующими ментальными установками и правовым сознанием граждан.

Совершенствование правосознания включает в себя понимание и осознание своих прав и обязанностей, уважение к законам и институтам власти, а также активное участие в общественной жизни. Когда граждане осознают значимость своей роли в правовом государстве, они становятся не только пассивными потребителями конституционных прав, но и активными участниками их реализации и защиты.

Менталитет в свою очередь формируется на основе исторического, культурного и социального контекста. В обществах, где преобладает уважение к правам человека и правовому порядку, конституционные положения реализуются более эффективно. Напротив, в сообществах с высоким уровнем коррупции, беззакония или неоправданного недоверия к институтам власти, конституционные нормы часто игнорируются.

В связи с этим, для успешной реализации конституционных положений необходимо работать над изменением менталитета и правосоз-

¹ Шахрай С.М. Незвестная Конституция. Constitutionincognita. М.: ОАО «Красная Звезда», 2013. С. 32.

² Авдеев Д.А. Российское конституционное право [Электронный ресурс]: учебное пособие /Д. А. Авдеев; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт дистанционного образования, Институт государства и права. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. С. 32.

знания общества. Это можно достичь через образовательные программы, правовую пропаганду и активное вовлечение граждан в процесс принятия решений. Важно содействовать формированию у граждан активной гражданской позиции, основанной на понимании своих прав и свобод.

Таким образом, менталитет и правосознание играют важную роль в процессе реализации конституционных положений. Их развитие является необходимым условием для построения правового государства, где права человека и демократические принципы становятся реальностью, а не просто записанными в документах нормами¹.

Это оказывает существенное воздействие на реализацию тех целей и задач, которые указываются в конституции и направлены на обеспечение интересов, прежде всего, прав и свобод человека и гражданина. Так, по мнению Д.А. Авдеева, в основе трансформации конституционной системы организации государственной власти должна лежать «ментальность россиян и потребность повышения уровня правосознания граждан»².

В этой связи, мы считаем, есть взаимная связь между юридической и фактической конституциями. При этом, сама юридическая конституция должна обладать юридической безупречности с точки зрения юридической техники, так и содержания самой конституции. Представляет интерес аналитическая статья Д.А. Авдеева, в которой он подвергает научной критике текст Конституции Российской Федерации, выделяя при этом ряд ее юридических недостатков с позиции формально-юридического подхода и ее содержательной части³.

Критика части 1 статьи 16 Конституции РФ подчеркивает важность соблюдения стабильности основ конституционного строя. Утверждение, что основы конституционного строя не могут быть изменены иначе, чем в порядке, установленном самой Конституцией, поднимает вопрос о том, насколько это положение должно обеспечивать защиту от произвольных изменений. Автор акцентирует внимание на том, что первая глава Конституции, озаглавленная «Основы конституционного строя», на самом деле не допускает существования альтернативных норм, так как содержит фундаментальные принципы, на которых строится вся правовая система.

Конституция должна служить стабильным правовым основанием для функционирования государства, и хотя изменения оказываются возможными, они должны происходить лишь в ответ на объективные обстоятельства, такие как изменения в обществе или угрозы государственному устройству. Процесс внесения поправок должен быть четко регламентирован, чтобы исключить произвольность и поспешность решений. Необходимость строгих процедур защитит основы государства от потенциально опасных или неправомерных изменений, что позволит закрепить демократические принципы и гарантии прав граждан. Таким образом, следует помнить, что стабильность и предсказуемость конституционного права — это важные факторы для долгосрочного развития общества.

Нельзя не привести в качестве примера Конституцию РСФСР 1978 года, когда в период, начиная с 1989 по 1992 годы, в нее было внесено более трехсот поправок. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что сам порядок изменения Конституции настолько «гибкий», что изменения и дополнения в Конституцию вносились как в обычный закон.

Таким образом, юридическое качество конституционного текста, порядок внесения изменений и дополнений в Конституцию, не может не оказывать влияние не только на реализацию заложенных в Конституции положений и норм, но и на формирование правосознания граждан и их отношение к Конституции, к ее роли в государстве и назначению обществе.

Правосознание граждан формируется под воздействием не только юридических документов, таких как Конституция, но и исторических контекстов и традиций. Конституция неприменима в обществе с низким уровнем правовой культуры, который складывается на основе уникальных исторических и культурных факторов. В дореволюционной литературе уже поднимались вопросы о русском менталитете, который влияет на восприятие права и справедливости. Правосознание невозможно отделить от исторической памяти и культурных ценностей, что подчеркивает необходимость интеграции этих аспектов для формирования полноценной правовой системы.

Так, например, А.И. Герцен отмечал, что правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство. Ссылаясь на высказывание А.И. Герцена, мы понимаем, что если власть, которая является гарантом Конституции, пренебрегает прописанными в ней положениями, то у народа не будет желания исполнять положения конституции, что приводит к игнорированию правового порядка.

Соблюдение Конституции и развитие демократических институтов представляют собой важные проблемы для нашей страны. Конкретно, данные Всероссийского центра исследования общественного мнения за 2018 год указывают на то, что более двух третей россиян (69%) имеют общее представление о Конституции РФ. Однако настораживает тот факт, что почти четверть граждан (23%) не знакома с ее статьями. Это подчеркивает необходимость повышения правовой грамотности среди населения. Образование и доступ к информации играют ключевую роль в формировании активного гражданского общества. Быть осведомленным о своих правах и обязанностях — основа для участия в демократических процессах.

Несмотря на то что, в 1994 году Президентом Б.Н. Ельциным был принят Указ «Об изучении Конституции Российской Федерации в образовательных учреждениях», подавляющее большинство граждан не читали и не знают содержание текста Конституции Российской Федерации. В этом нам видится нежелание самих граждан не только читать Конституцию, но и реализовывать ее в повседневной жизни.

Следует добавить, что на момент принятия Конституции в 1993 году не только власть находилась в критическом состоянии и неспособности сохранить государственный строй в рамках прежней системы, но и сами граждане не осознавали прямое назначение смены порядка

¹ Авдеев Д.А. Монархическое правосознание и республиканская форма правления в России // Право и политика. 2010. № 8. С. 1468-1475.

² Авдеев Д.А. Менталитет россиян и отечественная форма государственного правления // Современное право. 2017. № 11. С. 5-9.

³ Авдеев Д.А. Юридическое качество Конституции Российской Федерации // Современное право. 2014. №8. С. 18-25.

организации общественных отношений¹.

Формирование правовой культуры у молодого поколения должно стать приоритетом для общества. С раннего возраста необходимо обучать детей понятию справедливости, а также правам и обязанностям граждан. Это поможет преодолеть существующие стереотипы о неравенстве и несправедливости в отношениях между политической элитой и народом. Полное выполнение норм Конституции возможно лишь при условии, что граждане не только знают свои права и свободы, но и осознают их реальность. Невысокий уровень правосознания является серьезной преградой для демократического наполнения Конституции. Каждый человек должен уметь отстаивать свои права, что станет основой для стабильного и справедливого общества.

Для успешного выполнения конституционных норм необходимо уделять особое внимание образовательному процессу, который включает в себя не только изучение Конституции, но и правоприменительную практику. Важность этого аспекта становится особенно очевидной в свете современных вызовов, таких как влияние средств массовой информации и интернет-телекоммуникаций. В эпоху информационных технологий мы сталкиваемся с феноменом «информационных пузырей», когда алгоритмы, используемые различными платформами, формируют контент, адаптированный к уже существующим мнениям пользователей. Это приводит к ситуации, когда людям показывается лишь та информация, которая подтверждает их взгляды, что создаёт искажённое восприятие реальности.

Здесь важен сбалансированный подход к образовательному процессу. Изучая Конституцию, граждане должны понимать не только её текст, но и контекст, в котором она функционирует. Необходимо критическое восприятие информации, чему также способствуют медиаобразование и правовая грамотность. Важно развивать у пользователей умение анализировать и сопоставлять различные точки зрения, что поможет избежать упрощения сложных вопросов и выхода из информационного вакуума. Таким образом, роль образования в современном обществе становится ключевой для реализации конституционных норм и демократических ценностей.

Алгоритмы социальных медиа, формируя информационное поле, часто поддают контент так, чтобы угодить предпочтениям пользователей, что, в свою очередь, может подавлять критическое восприятие информации. В результате, у людей формируются упрощенные представления о сложных вопросах, в том числе о праве и государственности, что затрудняет развитие правосознания. Для полноценного понимания своих прав и обязанностей необходимо, чтобы граждане активно вовлекались в изучение литературы по праву и государству. Это поможет не только осознать собственные права, но и научиться их отстаивать. Активное использование знаний о праве способствует формированию правовой культуры, что имеет большое значение для соблюдения законов и справедливого разрешения споров. В противном случае, даже самые справедливые нормы могут оставаться невостребованными, и нарушения законодательства будут продолжать оставаться актуальной проблемой для общества.

Таким образом, что проблемы определения роли и назначения конституции в современном государстве во многом зависит не только от юридического качества ее текста, но и уровня правосознания граждан, их готовности реализовывать конституционные нормы и положения в повседневной жизни. Этому во многом будет способствовать не только образовательный процесс, который должен начинаться еще в школе, но использование средств массовых коммуникаций, и положительная динамика правоприменительной практики.

Для того, чтобы Конституция действительно влияла на общественные отношения, важно не только знать свои права и обязанности, но и активно применять их на практике. Это не только укрепляет правосознание граждан, но и способствует улучшению качества их жизни. В современном обществе в России наблюдается необходимость обновления нормативно-правового регулирования, а также методов реализации государственных функций, что позволит значительно повысить эффективность конституционно-правовых механизмов. Конституция является основополагающим документом, который не только стабилизирует политические отношения, но и определяет рамки взаимодействия между гражданами и государством. Важно, чтобы правовые нормы становились доступными и понятными каждому, что позволит простым людям защищать свои интересы и добиваться справедливости. Активное участие граждан в процессе формирования и применения законодательства создаст условия для более демократичного и открытого общества.

Список литературы

1. Авдеев Д.А. Менталитет россиян и отечественная форма государственного правления // Современное право. 2017. № 11.
2. Авдеев Д.А. Монархическое правосознание и республиканская форма правления в России // Право и политика. 2010. № 8.
3. Авдеев Д.А. Российское конституционное право [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д. А. Авдеев; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт дистанционного образования, Институт государства и права. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021.
4. Авдеев Д.А. Юридическое качество Конституции Российской Федерации // Современное право. 2014. №8.
5. Чеботарев Г. Н. Общественная власть как элемент конституционализма // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023.
6. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutioncognita. М.: ОАО «Красная Звезда», 2013.

References

1. Avdeev D.A. The mentality of Russians and the domestic form of government // Modern Law. 2017. No. 11.
2. Avdeev D.A. Monarchical legal consciousness and the republican form of government in Russia // Law and Politics. 2010. No. 8.
3. Avdeev, D. A. Russian Constitutional Law [Electronic resource]: Textbook / D. A. Avdeev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Tyumen State University, Institute of Distance Education, Institute of State and Law. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2021.
4. Avdeev, D. A. The Legal Quality of the Constitution of the Russian Federation // Modern Law. 2014. No. 8.
5. Chebotarev G. N. Public Power as an Element of Constitutionalism // Modern Russian Constitutionalism: On the 85th Anniversary of the Birth of Academician O. E. Kutafin. – Moscow: Prospekt LLC, 2023.
6. Shakhrai S.M. The Unknown Constitution. Constitutioncognita. M.: ОАО Krasnaya Zvezda, 2013.

¹ Чеботарев Г. Н. Общественная власть как элемент конституционализма // Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – С. 28-37.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ LEGAL BASIS FOR COMBATING CORRUPTION IN THE STATE CIVIL SERVICE

САДЫМ Анна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВО "Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина"
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13
E-mail: Annasadym@mail.ru

СОЛЕНОВА Регина Ильинична

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально гуманитарных и правовых дисциплин
Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Краснодар
350015, Россия, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1
E-mail: reginasolenova@mail.ru

ДУДЧЕНКО Анна Владимировна,

Кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

SADYM A. M.,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Public and Municipal Administration
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin"
350044, Russia, Krasnodar, Kalinina St., 13
E-mail: Annasadym@mail.ru

SOLENOVA R. I.,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Jurisprudence
Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Krasnodar
168/1 Mitrofan Sedina St., Krasnodar, 350015, Russia
E-mail: reginasolenova@mail.ru

DUDCHENKO A. V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Corporate and Public Administration
Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

Краткая аннотация. Коррупция в системе государственной гражданской службы представляет серьезную угрозу обществу. Она разрушает доверие граждан к власти, снижает качество государственного управления, приводит к нецелевому расходованию бюджетных средств и тормозит экономический и социальный прогресс. Чтобы создать действенные механизмы борьбы с этим явлением, требуется прежде всего осмыслить его природу. Для этого необходимо выделить и изучить ключевые теоретические подходы, объясняющие причины и формы коррупционного поведения чиновников. Такой анализ позволит сформулировать принципиальные основания для построения целостной и работоспособной системы противодействия. Важно рассматривать теоретические основания не как набор разрозненных идей, а как единую логическую конструкцию. В ней объяснительные модели коррупции должны напрямую определять, какие именно методы, инструменты и принципы борьбы с ней будут выбраны и применены, особенно в специфической среде государственной гражданской службы.

Abstract. Corruption in the civil service system poses a serious threat to society. It undermines public trust in government, undermines the quality of public administration, leads to the misuse of budget funds, and hinders economic and social progress. To create effective mechanisms to combat this phenomenon, it is first necessary to understand its nature. This requires identifying and studying key theoretical approaches that explain the causes and forms of corrupt behavior among officials. Such an analysis will allow us to formulate fundamental foundations for building a coherent and effective countermeasure system. It is important to consider theoretical foundations not as a collection of disparate ideas, but as a unified logical construct. Within this framework, explanatory models of corruption should directly determine the specific methods, tools, and principles for combating it that will be selected and applied, especially in the specific environment of the civil service.

Ключевые слова: коррупция, государственная гражданская служба, теория принципала-агента, противодействие коррупции, конфликт интересов, институциональные основы, прозрачность, подотчетность, антикоррупционная политика.

Keywords: corruption, state civil service, principal-agent theory, anti-corruption, conflict of interest, institutional framework, transparency, accountability, anti-corruption policy.

Для цитирования: Садым А. М., Соленова Р. И., Дудченко А.В. Правовые основы противодействия коррупции в государственной гражданской службе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 987-989. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_987.

For citation: Sadym A.M., Solenova R.I., Dudchenko A.V. Legal basis for combating corruption in the state civil service // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 987-989. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_987.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Эффективность противодействия коррупции в системе государственной службы напрямую зависит от качества и системности ее нормативно-правового обеспечения. В Российской Федерации сформирована обширная правовая база, направленная на профилактику, выявление и пресечение коррупционных правонарушений в сфере публичного управления.

Коррупционные правонарушения представляют собой сложный социальный феномен, развитие которого обусловлено целым комплексом взаимосвязанных причин и условий.

Противодействие коррупции требует комплексного и системного подхода, направленного на одновременное устранение перечисленных условий. Эта работа должна включать создание прозрачных процедур, усиление контрольных механизмов, повышение строгости и неотвратимости наказания, а также целенаправленное формирование в обществе нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Однако, несмотря на принимаемые меры, действующая система противодействия сохраняет ряд существенных недостатков. Совершенствование этой системы через выработку конкретных рекомендаций является насущной задачей, направленной на повышение результативности антикоррупционной политики.

Социологический и криминологический анализ позволяет рассматривать коррупцию как форму социально-нравственной девиации, укоренённую в структурах общества и государства. Коррупция — это не причина, а следствие. Это точный и безжалостный индикатор глубинных дисфункций, которые поразили саму систему государственного управления. Она проявляется там, где механизмы власти дали сбой.

Повышение авторитета власти не сводится к PR-активностям, а представляет собой сложную и длительную задачу по изменению основ принципов работы государственного аппарата, с принципов закрытости и самообслуживания на принципы служения, открытости и диалога.

Без этого фундамента любые антикоррупционные меры будут подобны ремонту фасада ветхого здания. Только власть, которую уважают, а не боятся, может рассчитывать на доверие общества и его поддержку в искоренении коррупции как системной угрозы. Это единственный путь разорвать порочный круг недоверия и создать устойчивый иммунитет государства к коррупции. Это можно осуществить через периодическое опубликование информации на официальных сайтах органов власти и в СМИ, а также через использование современных коммуникационных платформ, что сделает процесс более доступным и понятным для широкой аудитории.

Одной из существенных проблем является наличие сложных и запутанных бюрократических процедур, которые способствуют коррупционным практикам.

В законодательстве России понятие коррупции закреплено и имеет подробное описание. Одним из основных законов, регулирующих эту проблему, является Федеральный закон "О противодействии коррупции", принятый 25 декабря 2008 года.

В соответствии с данным законом, коррупция определяется как злоупотребление служебным положением, предоставление и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп или иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения в ущерб законным интересам общества и государства. Основной целью такого поведения является получение личной выгоды в виде денег, ценностей, имущества, услуг или прав собственности, как для себя, так и для других лиц. Более того, в категорию коррупционных действий включаются случаи незаконного предоставления выгод указанным лицам со стороны других физических или юридических лиц, что значительно расширяет перечень недопустимых действий, признаваемых коррупционными.

Согласно российскому законодательству, коррупция определяется как сложное и многогранное явление. Это определение охватывает разнообразные формы её проявления. Оно включает в себя не только использование служебного положения для личной выгоды, но и предоставление незаконных преимуществ другим лицам или организациям.

Подобная трактовка акцентирует внимание на взаимосвязи различных коррупционных деяний, их участников и объектов посягательства. Существенная деталь данного определения — признание коррупционными как действий конкретного лица, так и деяний, совершаемых от имени

Распределение коррупции на различные типы не только помогает более точно подходить к выявлению и расследованию конкретных случаев, но также облегчает разработку специализированных механизмов предупреждения, учитывающих особенности каждого проявления.

Как социальное явление, коррупция подразделяется на различные категории. В зависимости от инициатора коррупционных отношений выделяются два основных типа: низовая (мелкая, повседневная) и верхушечная (крупная, элитарная) коррупция.

Низовая коррупция представляет собой возникающее на уровне рядовых граждан, малых предприятий и организаций деяние. Она является элементом теневой экономики, в которую вовлечена значительная часть населения, и сопровождается такими проявлениями, как неофициальные платежи, взятки за административные услуги или «решение вопросов». Американский социолог В. Шляпентох характеризует это явление как «корруптированное гражданское общество», отмечая его глубокую укорененность в социальных структурах [1, с. 108].

В отличие от низовой, вершинная коррупция связана с политической властью и проявляется в злоупотреблении государственными полномочиями с целью достижения личных или групповых выгод. Главной причиной ее появления является неспособность разрешать политические противоречия в рамках открытых демократических процедур. Это приводит к тому, что депутаты, партии и политические фракции становятся объектами коррупционных схем для продвижения определенных решений, что разрушает основы правовой системы и подрывает доверие к институтам власти.

Коррупция также разделяется на бюрократическую и политическую. Коррупция на уровне должностных лиц, выполняющих административные обязанности, называется бюрократической коррупцией. Она выражается в злоупотреблении полномочиями, вымогательстве или создании препятствий для достижения интересов частных лиц или организаций. Политическая коррупция включает в себя разнообразные действия, такие как нарушения в финансировании политических кампаний, манипуляции на выборах и использование государственных ресурсов в интересах отдельных групп [2, с. 54].

Крайне важно внедрить эффективные психологические и социальные методы оценки кандидатов, которые способны выявлять потенциальные риски коррупционного поведения на начальных этапах их профессионального пути.

Применение таких подходов поможет избежать назначения на ответственные должности лиц с потенциально высоким риском корруп-

ции, что послужит основой для создания прозрачной и результативной государственной службы.

Очень важным является также укрепление правосознания в обществе и повышение уровня правовой грамотности среди населения. Борьба с коррупцией невозможна без активного участия граждан, и в этой связи одним из ключевых моментов является создание и реализация образовательных инициатив, направленных на улучшение правовой грамотности и правосознания граждан России[3, с. 100].

Однако понятие борьбы с коррупцией должно также охватывать проактивные меры, такие как кампания по выявлению потенциальных взяточников, чтобы пресечь проблему на корню. Крайне важно нацелиться на будущих правонарушителей даже на стадии подготовки.

Кроме того, важно установить обязательное требование для всех государственных служащих сообщать своему непосредственному начальнику о любых случаях предложений или попыток взяточничества.

Также эффективным мероприятием будет установление и использование механизма, позволяющего гражданам сообщать о случаях коррупции через систему электронного обращения, обеспечивая независимость и конфиденциальность.

Уголовная ответственность за коррупционные правонарушения строго регламентируется законодательством Российской Федерации. Уголовный кодекс РФ предусматривает наказание за получение и дачу взятки, что включает как лиц, принимающих взятку, так и тех, кто ее предлагает или передает через посредников. Посредники, участвующие в передаче взятки, также несут ответственность за пособничество[4, с. 10].

Ответственность за коррупцию должна быть адекватной — жесткой, но не чрезмерной. Например, действующее законодательство, в частности ч. 6 ст. 290 УК РФ, предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до 15 лет. Однако такой срок вызывает вопросы, так как степень общественной опасности данного преступления может быть недостаточной для столь длительного лишения свободы. Оптимизация санкций в рамках разумных пределов, например до 10 лет, могла бы способствовать более справедливому подходу к наказанию.

Один из центральных вопросов уголовно-правового регулирования — это необходимость согласования российского законодательства с международными нормами, зафиксированными в антикоррупционных конвенциях. Несмотря на кажущееся сходство, по существу между ними сохраняются серьезные расхождения.

В частности, отечественное право ограничивает круг субъектов коррупционных преступлений, признавая таковыми лишь лиц, занимающих строго определённые должности. Эта позиция вступает в противоречие с принципами Конвенции ООН против коррупции, которая определяет субъект преступления более широко. В соответствии с её положениями публичным должностным лицом является любое лицо, осуществляющее публичные функции, вне зависимости от его статуса или уровня должности.

Отдельной проблемой остается вопрос об уголовной ответственности юридических лиц. Согласно Конвенции ООН против коррупции, государства-участники обязаны предусмотреть такие меры, которые позволяют привлечь к ответственности организации за их участие в коррупционных преступлениях. Однако в российской правовой системе такая практика до сих пор отсутствует, что значительно ограничивает эффективность борьбы с корпоративной коррупцией.

Одной из ключевых проблем является несогласованность норм уголовного закона с используемыми современными формами совершения преступлений коррупционной направленности.

Усовершенствование механизмов противодействия коррупции играет единственную из ключевых ролей в укреплении правопорядка и повышению уровня доверия граждан к госинститутам. Рекомендации по устранению имеющихся пробелов, внедрение современных решений как бы встраивают общество в систему устойчивого развития и делают его защищенным от коррупционных рисков.

Нормативно-правовая база противодействия коррупции в системе государственной службы России представляет собой развитую, но все еще формирующуюся систему. Она содержит все необходимые формальные институты, соответствующие международным стандартам. Однако ее главная проблема — разрыв между «буквой закона» и правоприменительной практикой. Дальнейшее совершенствование должно идти не по пути ужесточения и умножения норм, а по пути повышения их эффективности, обеспечения неотвратимости ответственности, внедрения современных технологий и создания реальных стимулов для добросовестной службы. Только тогда правовые основы станут прочным фундаментом для искоренения коррупции как системной угрозы национальной безопасности и развитию государства.

Список литературы:

1. Грибакина Э.Н. Многообразие форм коррупции. *Kant*. - 2022. - №2 (43). - С. 108.
2. Землин А.И. Правовые основы противодействия коррупции : учебник и практикум для вузов. Москва : Издательство Юрайт, 2024. - С 54.
3. Гербут Е.А. Перспективы мироустройства и роль информационных технологий в будущем человечества (сценарий российской политической элиты) //В сборнике: Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Сборник научных статей VI Международного научного форума. В 2-х томах. Москва, 2024. С. 100-105.
4. Епифанова Е.В., Недилько Ю.В. Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы//Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 1. С. 10-14.

References:

1. Gribakina E.N. The Diversity of Corruption Forms. *Kant*. - 2022. - No. 2 (43). - P. 108.
2. Zemlin A.I. Legal Foundations for Combating Corruption: A Textbook and Workshop for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. - P. 54.
3. Gerbut E.A. Prospects for World Order and the Role of Information Technology in the Future of Humanity (Scenario of the Russian Political Elite) // In the collection: Step into the Future: Artificial Intelligence and the Digital Economy. Collection of scientific articles from the VI International Scientific Forum. In 2 volumes. Moscow, 2024. P. 100-105.
4. Epifanova E.V., Nedilko Yu.V. The Concept of Crime through the Prism of Interpretation of a Criminal Law Norm // Business in Law. Economic and Legal Journal. 2015. No. 1. P. 10-14.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_990

УДК 340

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ СРЕЛЬБ ОБУЧАЮЩИМИСЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS AND FEATURES OF THE ORGANIZATION AND CONDUCTING PRACTICAL SHOOTING BY THE STUDENT SPECIAL LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

ЕЛИСТРАТОВ Денис Валерьевич,

к.в.н., доцент кафедры «Правоохранительная деятельность»

«Пензенский государственный университет».

440026, Россия, г. Пенза, Красная ул., 40 корп. 1.

stulnikova80@yandex.ru

YELISTRATOV Denis Valerievich,

PhD, Associate Professor of the Department of Law Enforcement Penza State University.

40 Krasnaya str., Building 1, Penza, 440026, Russia.

stulnikova80@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены особенности и проблемы организации и проведения практических стрельб в тирах высших учебных заведений студентами специальности правоохранительная деятельность при реализации учебной дисциплины «Огневая подготовка». Проведение практических стрельб со студентами, обучающимися по специальности «Правоохранительная деятельность» позволяет эффективно реализовать практико-ориентированный подход в обучении и привить учащимся основные навыки использования огнестрельного оружия еще до поступления на службу в органы внутренних дел или иную правоохранительную структуру. Автор обращает внимание на ряд проблем, препятствующих эффективной реализации указанной дисциплины, - в частности, лицензионно-разрешительные органы Росгвардии на основании норм Федерального закона «Об оружии» не допускают к практическим стрельбам студентов, не достигших возраста 21 года, старшекурсников, которые уже достигли т.н. «квалифицированного совершеннолетия», обязывают предоставить результаты медицинского освидетельствования, прохождение которого является достаточно дорогостоящим. Кроме того, если говорить непосредственно о проведении стрельб, то здесь следует отметить крайне слабое методическое обеспечение – очевидно, что программа учебной дисциплины «Огневая подготовка» должна составляться и реализовываться при методическом содействии со стороны правоохранительных органов, вместе с тем, такие органы уделяют повышенное внимание огневой подготовке в т.н. «ведомственных вузах», методические потребности общепрофильных вузов зачастую игнорируются.

Abstract: The article discusses the features and problems of organizing and conducting practical shooting in shooting ranges of higher educational institutions by students specializing in law enforcement in the implementation of the discipline "Fire training". Conducting practical shooting with students studying in the specialty "Law Enforcement" makes it possible to effectively implement a practice-oriented approach to training and instill in students the basic skills of using firearms even before joining the internal affairs bodies or other law enforcement structure. The author draws attention to a number of problems that hinder the effective implementation of this discipline, in particular, the licensing and licensing authorities of the Rosgvardiya, based on the norms of the Federal Law "On Weapons", do not allow students under the age of 21 to practice shooting, undergraduates who have already reached the so-called "qualified majority" are required to provide medical results. medical examinations, the passage of which is quite expensive. In addition, if we talk directly about shooting, then it should be noted that there is extremely poor methodological support – it is obvious that the curriculum of the discipline "Fire training" should be compiled and implemented with the methodological assistance of law enforcement agencies, at the same time, such bodies pay increased attention to fire training in the so-called "departmental universities". The methodological needs of general-purpose universities are often ignored.

Ключевые слова: Федеральный закон «Об оружии», огнестрельное оружие, огневая подготовка, практические стрельбы, лицензионно-разрешительная система Росгвардии.

Keywords: Federal Law "On Weapons", firearms, fire training, practical shooting, licensing and licensing system of the Russian Guard.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Проведение практических стрельб со студентами, обучающимися по специальности «Правоохранительная деятельность» позволяет эффективно реализовать практико-ориентированный подход в обучении и привить учащимся основные навыки использования огнестрельного оружия еще до поступления на службу в органы внутренних дел или иную правоохранительную структуру.

Как отмечают исследователи, отсутствие должного опыта обращения с оружием является одной из проблем, с которыми сталкиваются студенты общепрофильных вузов при поступлении на службу.

Если слушатели ведомственных вузов в достаточной степени обучены владению оружием, то студентам общепрофильных вузов при поступлении на службу в полицию или иные силовые структуры приходится тратить дополнительное время на специальную подготовку, тем самым усложняется и без того непростой процесс адаптации молодых сотрудников [2].

Соответственно, необходимо совершенствовать преподавание дисциплины «Огневая подготовка» студентам общепрофильных вузов, обучающихся по специальностям правоохранительной направленности.

Федеральными государственными образовательными стандартами (далее – ФГОС) по специальности «Правоохранительная деятельность» предусмотрено проведение теоретических и практических занятий по огневой подготовке. При этом студентами как правило становятся граждане 17-18 лет, соответственно, с этого возраста возникает необходимость допуска студентов в тир для проведения практических стрельб.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об оружии», право на приобретение гражданского огнестрельного оружия ограниченного поражения, охотничьего оружия, огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия самообороны имеют граждане

Российской Федерации, достигшие возраста 21 года, граждане Российской Федерации, не достигшие возраста 21 года, прошедшие либо проходящие военную службу, а также граждане, проходящие службу в государственных военизированных организациях и имеющие воинские звания либо специальные звания или классные чины юстиции [1].

Иными словами, общим возрастом, с которого гражданин становится полноправным участником правоотношений в сфере владения и использования оружия, является 21 год, законодательством предусмотрены специальные правила снижения данного возраста при наличии ряда условий, которые связаны с прохождением военизированной службы (в том числе в правоохранительных органах), что в целом разумно и объективно обусловлено необходимостью выполнения служебных задач.

При этом прохождение обучения в общепрофильном вузе не относится к условиям, позволяющим снизить «оружейный» возраст – безусловно, здесь могут возникать ситуации, при которых студент такого вуза имеет право владеть оружием и до достижения возраста в 21 год (например, если гражданин прошел срочную службу в армии, после которой в возрасте 19-20 лет поступил в вуз), однако это частные ситуации, не влияющие на суть рассматриваемой в настоящей статье проблем.

Соответственно, возникает противоречие между необходимостью проведения со студентами в возрасте до 21 года практических занятий по огневой подготовке и требованиями лицензионно-разрешительных органов Росгвардии, сотрудники которых не допускают студентов младше указанного возраста в стрелковые тир, в целом обоснованно руководствуясь нормами федерального законодательства.

При этом буквальное толкование законодательства об оружии указывает на то, что возраст допуска к стрельбам даже не зависит от вида используемых патронов – являются ли они боевыми или же холостыми, поскольку речь в законодательстве идет именно об «огнестрельном оружии», к которому, в частности, относятся используемые в тирах Пистолет Макарова и Пистолет ТТ, независимо от вида патронов, которыми ведется стрельба.

С одной стороны, прямого противоречия между нормами ФЗ «Об оружии» и ФГОСами не имеется, поскольку преподавание дисциплины «Огневая подготовка», на первый взгляд, можно выстроить таким образом, что на первых курсах будут изучаться теоретические и нормативно-правовые основы применения огнестрельного оружия, и уже на старших – практические занятия.

Вместе с тем, такой подход существенно снизит результативность огневой подготовки студентов.

При этом даже если усмотреть противоречие между ФЗ «Об оружии» и ФГОСами, приоритетом в любом случае будут обладать именно нормы ФЗ «Об оружии» как федерального закона, поскольку ФГОСы утверждаются подзаконными актами, которые в иерархии нормативных правовых актов расположены ниже федеральных законов и, соответственно, уступают им по юридической силе.

Соответственно, наличие во ФГОСах положений о необходимости проведения со студентами практических стрельб не является основанием для игнорирования положений Федерального закона «Об оружии», и вряд ли в данной ситуации следует высказывать какие-либо претензии сотрудникам Росгвардии.

Представляется, что решить данную проблему можно путем внесения в законодательство об оружии изменений, согласно которым к практическим стрельбам из огнестрельного оружия могут допускаться граждане старше 18-ти лет, обучающиеся по специальности «Правоохранительная деятельность», программой которой предусмотрен курс огневой подготовки.

При этом обязательным условием допуска таких лиц к практическим стрельбам должно быть проведение полномочными сотрудниками Росгвардии проверки знания студентом теоретических основ обращения с огнестрельным оружием.

Иными словами, в любом случае допуск к практическим занятиям по огневой подготовке должен иметь место только в случае, если студент в должной мере овладел теоретическими основами использования огнестрельного оружия.

При этом, безусловно, проверка теоретических знаний сотрудниками Росгвардии по своей правовой природе будет носить не образовательный, а административно-правовой характер, это не часть внутривузовской проверки знаний, а отдельная процедура, в рамках которой не вузом, а уполномоченным органом власти (Росгвардией) принимается решение о допуске студента в стрелковый тир.

Здесь, безусловно, можно говорить и о возможности в целом снижения возраста, с которого допускается владение оружием (в России в настоящее время он один из самых высоких в мире), однако данный вопрос требует отдельного детального обсуждения, поскольку прямо влияет на уровень общественной безопасности, зависит от множества факторов и увязывать его исключительно с необходимостью реализации образовательных программ в корне ошибочно.

Еще одной проблемой является необходимость предоставления студентами медицинского освидетельствования для получения права применять огнестрельное оружие при проведении практических стрельб в тирах. Даже если решить проблему возрастного ценза при доступах в тир, в любом случае студентам потребуется прохождение медицинского освидетельствования и предоставление соответствующего заключения.

Согласно ст. 6.1 ФЗ «Об оружии», медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием включает в себя в том числе психиатрическое освидетельствование, химико-токсикологические исследования наличия в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов.

Иными словами, в рамках такого освидетельствования гражданин проверяется на наличие факторов опасности, которые могут привести к общественной угрозе в случае, если такой гражданин (например, страдающий наркотической зависимостью, неспособный должным образом контролировать свои действия в силу психического заболевания и т.д.) получит право владеть огнестрельным оружием.

При этом стоимость медицинского освидетельствования является значительной, например, в различных медицинских организациях

Пензы она колеблется от 10 до 15 тысяч рублей, и прохождение такого освидетельствования может быть затруднительным для студентов очной формы обучения, которые, как правило, не имеют самостоятельного источника доходов.

Говоря о решении данной проблемы, безусловно, следует учитывать, что полное освобождение обучающихся от медицинского освидетельствования в данном случае недопустимо, вместе с тем, представляется возможным дифференцировать медицинские освидетельствования в зависимости от целей (характера использования оружия) – идет ли речь о постоянном использовании, или же об ограниченном, например, исключительно в рамках образовательного процесса.

Для этого также необходимо внести изменения в законодательство об оружии и предусмотреть такой подвид медицинского освидетельствования, которое предназначено для обучающихся стрельбе, т.е. в том числе для студентов по специальности «Правоохранительная деятельность», программа которой предусматривает огневую подготовку.

Прохождение такого освидетельствования, которое должно носить «усеченный» характер (представляется достаточным предоставить справки из наркологического и психоневрологического диспансера, без сдачи анализов) будет давать право использовать огнестрельное оружие исключительно в ходе учебных занятий в тирах, иных «оружейных» прав такое усеченное медицинское освидетельствование предоставлять не будет.

Иными словами, получается следующая модель – «усеченное» медицинское освидетельствование – «усеченные» возможности по использованию огнестрельного оружия.

С одной стороны, в таком случае может возникнуть ситуация, при которой возможность применения огнестрельного оружия получит студент, который, например, имеет заболевания, препятствующие получению на такое право, иными словами, при «полном» медицинском освидетельствовании положительного заключения получено бы не было.

При этом обоснование запрета на предоставление права на применение оружия лицам, страдающим рядом заболеваний, в первую очередь связано с обеспечением общественной безопасности и в целом справедливо.

Однако, речь все-же идет не о «полном» праве на применение оружия, а об ограниченном – исключительно в стрелковом тире в присутствии руководителя стрельб, соответственно, вряд ли в таком случае возможны опасные последствия, и здесь допустима ограниченная проверка состояния физического и психического здоровья гражданина.

Интересен и вопрос о проведении практических стрельб в случае, если студент имеет неснятую или непогашенную судимость за умышленное преступление – это является препятствием для получения разрешения на оружие и, соответственно, для допуска к стрельбам.

С одной стороны, при наличии судимости студент не сможет в дальнейшем поступить на службу в правоохранительные органы, однако само по себе получение квалификации по данному направлению не обязывает студента поступать на службу в полицию и др., он вполне может работать и в «гражданской» сфере. При этом при наличии судимости прохождение курса практических стрельб невозможно.

Представляется, что такие ситуации следует решать в индивидуальном порядке руководству вузов, возможно, практические стрельбы для данного студента следует просто исключить из программы его подготовки и, соответственно, оценке, особенно с учетом того, что данный гражданин не сможет в дальнейшем поступить на службу в правоохранительные органы, соответственно, особой потребности в прохождении им курса стрельб не имеется.

Также следует обратить внимание на проблему методического обеспечения проведения стрельб - программа учебной дисциплины «Огневая подготовка» должна составляться и реализовываться при методическом содействии со стороны правоохранительных органов, которые должны на основании анализа собственной практики готовить и направлять в вузы методические рекомендации по проведению практических занятий по огневой подготовке.

Однако, правоохранительные органы уделяют должное внимание огневой подготовке в т.н. «ведомственных вузах», методические же потребности общепрофильных вузов зачастую игнорируются.

Иными словами, можно говорить о том, что в настоящее время правоохранительные органы не рассматривают общепрофильные вузы как значимый источник своего комплектования – и такой подход явно является ошибочным.

Очевидно, что объективные кадровые интересы правоохранительных органов прямо связаны с уровнем «специальной» подготовки студентов не только ведомственных, но и общепрофильных вузов, вместе с тем, инициатива методического взаимодействия должна исходить от Министерства науки и высшего образования.

При этом следует учитывать, что методическое сопровождение образовательного процесса со стороны правоохранительных органов в любом случае будет требовать определенной интеграции в вузовские образовательные процессы со стороны преподавательского состава в силу отсутствия по объективным причинам единой методики в самой системе правоохранительных органов.

Здесь следует понимать, что возможное применение огнестрельного оружия каждым отдельным правоохранительным органом (и даже различными службами одного органа) характеризуется существенной спецификой (с точки зрения условий и оснований, целей возможного применения оружия), соответственно, единую методику предложить будет достаточно сложно.

Очевидно, что, например, сотрудники органов внутренних дел решают несколько иные задачи, чем сотрудники службы судебных приставов или уголовно-исполнительной системы, и ситуации, при которых данные сотрудники могут применять оружие, также различны.

Безусловно, с юридической точки зрения основания применения оружия в целом схожи – это защита жизни и здоровья личности, обеспечение общественной безопасности и др.

Однако, в фактической плоскости, несмотря на юридическую общность, оружие применяется сотрудниками правоохранительных органов различным образом, в зависимости от специфики стоящих перед ними служебных задач. Так, например, сотрудники органов внутренних дел как правило применяют огнестрельное оружие при задержании преступников, а также при пресечении преступления.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы могут применить оружие в случае бунта или иных противоправных действий осужденных (например, побега), судебные приставы могут применить оружие при отражении нападения на здание суда и др.

Иными словами, тактика применения оружия в любом случае должна быть дифференцирована в зависимости от конкретного правоохранительного органа, и универсальную методiku в данной ситуации предложить сложно - должны существовать общие правила, сходные для всех правоохранительных структур, однако в конечном итоге, после окончания обучения и поступления на службу студент столкнется с существенными особенностями применения оружия именно в том правоохранительном органе, в котором он будет проходить службу [3].

Таким образом, для совершенствования методического сопровождения тактики огневой подготовки в общепрофильных вузах необходимо анализировать научные труды в данном направлении.

Так, как отмечает А.Н. Луковников, «перспективы развития огневой подготовки обучающихся должны быть связаны с:

- наличием концепции, которая представляет собой целостную систему, включающую в себя цели и задачи огневой подготовки, порядок проведения стрельб, используемые модели и методики подготовки обучающихся и др;
- безопасным обращением с оружием;
- изменением психологии стрельбы;
- использованием при обучении современных технологий и методик стрельбы;
- эффективным взаимодействием с подразделениями, отвечающими за огневую подготовку в правоохранительных органах, для обмена опытом и участия в совместных мероприятиях, проводящихся в рамках совершенствования профессиональной подготовки, с различными спортивными организациями» [4].

Особое внимание следует уделять вопросам безопасности – как самого обучающегося, так и иных лиц, находящихся в тире (иных обучающихся, инструктора и др.), которые могут пострадать от, например, неконтролируемого выстрела.

Как пишет В.Д. Паначев, «студент в ходе выполнения практических стрельб должен соблюдать правила безопасного обращения с оружием. Не относиться к оружию легкомысленно. Необходимо помнить, что правила безопасного обращения с оружием написаны кровью. Ранение при неосторожном обращении с оружием в тирах и на стрельбищах может повлечь за собой цепь других неприятностей: уголовное дело, исключение из образовательной организации и др. Чтобы этого не произошло, необходимо постоянно отрабатывать навыки безопасного обращения с оружием. Взяв в руки оружие, в первую очередь необходимо направить ствол в безопасном направлении, отсоединить магазин и проверить, нет ли патрона в патроннике. Необходимо отметить, что различные краткие правила безопасного обращения с оружием используют многие стрелковые организации» [5].

Например, так выражены правила безопасного обращения с оружием в Кодексе стрелка по практической стрельбе:

- «Я буду всегда обращаться с оружием, как с заряженным;
- Я никогда не направляю оружие туда, куда не хочу стрелять;
- Перед тем как выстрелить, я всегда проверю, что перед мишенью и за ней;
- Я никогда не коснусь пальцем спускового крючка, пока ствол не будет направлен на мишень [6].

Подобные краткие правила безопасного обращения с оружием необходимо заложить в основу нового Курса стрельб из боевого ручного стрелкового оружия для студентов общепрофильных вузов при его разработке. Данные правила также целесообразно в наглядной форме размещать в стрелковых тирах.

Оружие требует к себе уважения и бережного обращения — это еще один из основных аспектов культуры обращения с оружием. Стрелок, который осторожно обращается с оружием, а затем быстро и точно поражает мишени, всегда вызывает восхищение и уважение у окружающих.

Как пишет О.В. Пенин, важную роль при огневой подготовке играет формирование должной психологии стрельбы: «основываясь на статистике применения ручного стрелкового оружия, можно сделать вывод, что знание тактики и техники ближнего боя с оружием является критическим для упреждения действий противника и, соответственно, выживания, т.к. большинство перестрелок происходит на близких дистанциях. Но это не значит, что надо тренироваться стрельбе только на близких дистанциях. При подготовке необходимо учитывать этот факт и, если назревает критическая ситуация, увеличить дистанцию, быть как можно дальше» [7].

Кроме того, в рамках огневой подготовки студентов крайне важно обеспечить их способность эффективно применять оружие в различных ситуациях, с которыми им возможно придется столкнуться в дальнейшем, после поступления на службу в правоохранительные органы.

Так, В.В. Силантьев пишет, что «моделирование типичных и нестандартных ситуаций позволяет сформировать у обучающихся эффективные навыки действий при возникновении конкретной ситуации, вместе с тем, предостерегает от излишнего акцента на доведение действий обучающихся до автоматизма, справедливо отмечая, что в таком случае снижается способность стрелка реагировать на существенные изменения ситуации. Иными словами, излишний автоматизм, которым нередко «грешат» занятия по огневой подготовке, является нежелательным элементом» [8].

Важнейшая научно-методическая задача на современном этапе – глубокая проработка методик, направленных на совершенствование огневой подготовки студентов по специальности «Правоохранительная деятельность» посредством моделирования различных ситуаций, с кото-

рыми они могут столкнуться в служебной деятельности.

Тактические вопросы огневой подготовки будущих сотрудников правоохранительных органов также характеризуются существенной проблематикой.

Как пишет А.Л. Мусатов, «постоянное общение с неизвестными людьми составляет большую часть каждодневной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Трудности могут возникнуть, когда некоторые из этих людей неожиданно превратятся в преступников. С момента, когда это случится, тренировка по выносу оружия и стрельбе из различных положений на близкой дистанции, удержание и контроль оружия, другая требуемая подготовка по бою на ближней дистанции становится решающей.

Кроме того, статистика указывает, что в 60% случаев нападения осуществляется более чем одним нападающим. В то же время необходимо учитывать возможный факт наличия на месте столкновения невинных случайных людей.

Поэтому необходимо учиться развивать феномен «туннельного зрения» и готовиться поражать множественные цели с учетом наличия случайных людей, основываясь на методе стрелковой подготовки «стрелять/не стрелять», что значительно снизит влияние различных помех.

Всегда необходимо быть готовым к тому, что тело испытывает различные психологические ответные реакции во время стрессовых ситуаций.

В критических ситуациях кровь отходит от конечностей и приливает к туловищу, несколько теряется двигательный контроль над пальцами и руками. К сожалению, такие основы точной стрельбы, как правильное произведение спуска, будут одними из первых потерянных.

Не менее важным моментом является надлежащая тактическая коммуникация сотрудников между собой в критический момент.

Необходимо доводить подготовку в группе до такого состояния, когда обучаемые будут глубоко подсознательно контролировать направление ствола своего оружия, понимать необходимость общения, когда необходимо двигаться и перезаряжаться, учитывая то, что обращение с оружием в нетрадиционной и неудобной манере и его контроль особенно важен в любой ситуации.

Также отработка стрелковых упражнений при различных уровнях освещенности и в движении позволит лучше идентифицировать цели и опознавать степень угрозы и необходимость применения оружия» [9].

Соответственно, крайне важно понимать общие тактические приемы стрельбы из пистолета Макарова – основного вида огнестрельного оружия, находящегося в настоящее время на вооружении правоохранительных органов Российской Федерации, реже используется пистолет ТТ. При этом, безусловно, специальные подразделения используют более сложное, автоматическое оружие.

Однако, в рамках образовательного процесса в вузах происходит обучение стрельбе исключительно из пистолета, что в целом разумно и правильно [9].

Кроме того, в рамках практических занятий следует более активно развивать навыки «мобильной» стрельбы, которая осуществляется по движущейся мишени. В настоящее время большинство образовательных программ предусматривают стрельбу из статичного положения по неподвижной мишени, в то время как в практике правоохранительных органов ситуация, при которой сотрудник ведет стрельбу стоя на месте по статичной цели, встречаются крайне редко, в основном стрельба осуществляется в движении.

При этом стрельба при движении самого обучающегося может быть опасной (в силу отсутствия опыта и навыков выстрел может быть произведен в направлении иных обучающихся или инструктора, если стрелок хотя бы на мгновение утратит в движении контроль за своими действиями), однако стрельба из статичного положения по мобильной мишени, вся зона движения которой расположена в безопасном направлении, вполне допустима при обучении студентов.

Обращает на себя внимание и отсутствие эффективной методики практического обучения действиям, которые сотрудник правоохранительных органов должен выполнить после применения огнестрельного оружия в отношении человека.

Такие действия изучаются в рамках теории огневой подготовки, однако этого недостаточно, представляется, что систему действий, которые необходимо совершить при наличии, например, раненого лица, необходимо дополнительно отрабатывать модельным образом, в тире.

Так, например, если сотрудник правоохранительных органов в результате выстрела ранил задерживаемое лицо, он обязан оказать ему первую медицинскую помощь, вместе с тем, необходимо также обеспечивать собственную безопасность в ситуациях, если преступник лишь имитирует тяжелое ранение и потерю сознания, в действительности же готовится атаковать сотрудника полиции в момент, когда тот начнет оказывать ему медицинскую помощь.

Для предупреждения такого нападения, в частности, целесообразно подходить к лежащему на земле преступнику со стороны спины, визуально контролируя при этом его действия, оружие в данной ситуации целесообразно продолжать держать в руках.

В случае легкого ранения желательно зафиксировать руки преступника наручниками, во всех ситуациях также следует осмотреть преступника на предмет наличия у него ножа или огнестрельного оружия.

Может возникнуть ситуация, при которой преступников несколько, и в отношении одного из них сотрудник полиции обоснованно применяет оружие и причиняет ему ранение, второй преступник при этом прекращает сопротивление. Здесь возникает дилемма – как оказать помощь раненому и при этом избежать возможного нападения со стороны второго преступника.

Все такие ситуации следует изучать не только в теории, но и в рамках практических занятий, когда, например, другие обучающиеся имитируют раненых и задерживаемых преступников.

Данные модели следует отрабатывать сразу после окончания стрельбы, при этом руководитель стрельб в обязательном порядке должен убедиться, что используемое при отработке последующих действий оружие (например, навыков оказания первой помощи с пистолетом в

руках) не заряжено.

Кроме того, отдельно в рамках огневой практики необходимо прорабатывать психологические аспекты, направленные на преодоления страха перед огнестрельным оружием, очевидно, что как бы хорошо студент не освоил теоретические аспекты применения оружия, без должной психологической уверенности при практических стрельбах могут наблюдаться панические проявления с опасными для обучающегося и окружающих лиц последствиями, например, совершение неконтролируемого выстрела и др.

Для решения проблем организации и проведения практических стрельб в тире ВУЗа студентами специальности правоохранительная деятельность при реализации учебной дисциплины «Огневая подготовка» необходимо:

– внести в Федеральный закон «Об оружии» изменения, согласно которым к практическим стрельбам из огнестрельного оружия могут допускаться граждане старше 18-ти лет, обучающиеся по специальности «Правоохранительная деятельность», программой которой предусмотрен курс огневой подготовки.

При этом обязательным условием допуска таких лиц к практическим стрельбам должно быть проведение сотрудниками Росгвардии проверки знания студентом теоретических основ обращения с огнестрельным оружием;

– внести изменения в законодательство об оружии и предусмотреть такой подвид медицинского освидетельствования, которое предназначено для обучающихся стрельбе, т.е. в том числе для студентов по специальности «Правоохранительная деятельность», программа которой предусматривает огневую подготовку.

Прохождение такого освидетельствования (представляется достаточным предоставить справки из наркологического и психоневрологического диспансера, без сдачи анализов) будет давать право использовать огнестрельное оружие исключительно в ходе учебных занятий в тирах;

– по инициативе Министерства науки и высшего образования России обеспечить взаимодействие методическое взаимодействие с правоохранительными органами (в первую очередь с органами внутренних дел).

В рамках такого взаимодействия правоохранительные органы должны готовить для общепрофильных вузов методические рекомендации по проведению практических занятий по огневой подготовке студентов.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об оружии» // Российская газета. 1996. № 241.
2. Караваева Е.М. Особенности преподавания дисциплины «Огневая подготовка» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4. С. 95-102.
3. Лоскутов И.Н. Огневая подготовка: концептуальный подход // Вестник Омской юридической академии МВД России. 2023. № 5. С. 46-52.
4. Луковников А.Н. Огневая подготовка: организация и тактика. Владимир. Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2021. 140 с.
5. Мусатов А.Л. Особенности тактико-специальной и огневой подготовки в правоохранительных органах // Вестник РПА Минюста России. 2021. № 4. С. 22-26.
6. Паначев В.Д. Безопасность личности студентов на занятиях по огневой подготовке // Российский журнал спортивной науки: медицина, физиология, тренировка. 2022. № 5. С. 194-199.
7. Пенин О.В. О некоторых аспектах совершенствования огневой подготовки // Современное право. 2020. № 2. С. 165-172.
8. Силантьев В.В. К вопросу о совершенствовании огневой подготовки сотрудников правоохранительных органов // Наука и спорт: современные тенденции. 2022. № 5. С. 13-18.
9. Спиридонов В.А. Тактические особенности огневой подготовки // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 7. С. 84-87.

References:

1. Federal Law No. 150-FZ of December 13, 1996 (as amended on 08.08.2024) "On Weapons" // Rossiyskaya gazeta. 1996. No. 241.
2. Karavaeva.M. Features of teaching the discipline "Fire training" // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2022. No. 4. pp. 95-102.
3. Loskutov.N. Fire training: a conceptual approach // Bulletin of the Omsk Law Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 5. pp. 46-52.
4. Lukovnikov.H. Fire training: organization and tactics. Vladimir. Publishing house of the VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. 140 P.
5. Musatov A.L. Features of tactical-special and fire training in law enforcement agencies // Bulletin of the Russian Ministry of Justice. 2021. No. 4. pp. 22-26.
6. Panachev V.D. Safety of students' personalities in fire training classes // Russian Journal of Sports Science: medicine, Physiology, training 2022. No. 5. pp. 194-199.
7. Penin O.V. On some aspects of improving fire training // Modern law. 2020. No. 2. pp. 165-172.
8. Silantyev V.V. On the issue of modern fire training of law enforcement officials // Science and sport: modern trends. 2022. No. 5. pp. 13-18.
9. Spiridonov V.A. Tactical features of fire support // Problems of law enforcement. 2021. No. 7. pp. 84-87.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_996

УДК 343

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСТИТУЦИЯХ

THE EVOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF THE ECONOMIC SYSTEM IN RUSSIAN CONSTITUTIONS

БЕЗРУКОВА Олеся Владимировна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры Уголовное право Пензенский государственный университет.
440034, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 60.
olesia_8013-10@mail.ru
BEZRUKOVA Olesya Vladimirovna,
Penza State University.
440034, Penza, Krasnaya Street, 60.
E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена историографии конституционных принципов экономической системы в отечественных конституциях. Определено, что вопросы экономического характера имели в разной степени юридическое оформление, что в целом обеспечивало прогрессивное развитие российской социалистической государственности.

Abstract. The article is devoted to the historiography of the constitutional principles of the economic system in Russian constitutions. It is determined that economic issues had varying degrees of legal formalization, which generally ensured the progressive development of the Russian socialist statehood.

Ключевые слова: конституция, общественная собственность, право, социализм, частная собственность, основа экономической системы.

Keywords: constitution, public property, law, socialism, private property, the basis of the economic system.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Конституционному регулированию экономических отношений на всех этапах строительства российского государства придавалось особое значение. Исторический генезис общих начал экономической системы целесообразней начать с характеристики кодифицированных актов, отражающих эволюцию социально-экономического развития.

Так, Конституция 1918 года регламентировала вопросы социально-экономического значения. Конституции 1918 года:

- определяла социализацию частной собственности на землю,
- устанавливала статус земельного, лесного фонда (а), б) п. 3);
- социально-экономические процессы подводились к основной задаче - «...уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах...».

По Декретам от 14 декабря 1917 года и 24 марта 1918 года все недвижимое имущество в городах было сначала изъято из торгового обращения, а затем передано в государственную собственность.

Декрет ВЦИК от 3 февраля 1918 года аннулировал все внутренние долги государства. В апреле 1918 года было запрещено покупать, продавать и сдавать в аренду торговые и промышленные предприятия, в мае 1918 года отменено право наследования. Преследовалась цель - лишение граждан страны прав владения и распоряжения движимым и недвижимым имуществом, что соответственно влекло лишение экономической и политической самостоятельности [1]. Экономическое развитие российского государства укладывалось в режим-необходимость сохранения власти новым политическим режимом [2].

В Конституции (Основном Законе) Союза Советских Социалистических Республик от 31 января 1924 года регулирование всех основных вопросов экономического характера проходило через закрепление предметов ведения верховных органов власти Союза Советских Социалистических Республик (глава I). Представляется, что Конституция СССР определила самостоятельную сферу регулирования - основы экономической деятельности, выраженные в экономических функциях советского государства.

В Конституции 1924 года нашли отражения вопросы:

- установления основ и общего плана всего народного хозяйства Союза (п. «з» ст. 1),
- утверждения единого финансового плана и единого государственного бюджета Союза советских социалистических республик (п. «л» ст. 1),
- установления единой денежной и кредитной системы (п. «м» ст. 1), установления общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории Союза ССР (п. «н» ст. 1). Необходимо отметить, что, несмотря на ярко выраженный идеологический характер основного закона СССР, именно на данный период приходится расцвет новой экономической политики. А именно:
- восстановлена частная собственность на те предприятия, которые были национализированы;
- суть НЭПа сводилась к «оживлению капитализма» [5].

Гражданский кодекс РСФСР 1922 года признавал право каждого гражданина РСФСР организовывать промышленные и торговые предприятия (ст. 5), допускал частную собственность (ст. 52). При этом предметом частной собственности могли быть предприятия, имеющие наемных рабочих, орудия и средства производства, иностранная валюта (ст. 54). Новая политика дала свои результаты. К 1926 году было достигнуто 98 % промышленного производства довоенного уровня. Посевная площадь была восстановлена к 1925 году. Великобритании, например, для восстановления довоенного уровня понадобилось 10 лет [3].

Откат от политики НЭПа стал происходить в конце 20-х, начале 30-х г.г. прошлого столетия. Приоритет стал отдаваться общественной собственности, что прослеживается в выступлении И.В. Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. : «Основой нашего строя является общественная собственность так же, как основой капитализма – собственность частная. Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной, добившись в свое время укрепления капиталистического строя, то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли» [4]. Определенную ясность внесло Постановление VII Съезда Советов СССР от 6 февраля 1935 года «О внесении некоторых изменений в Конституцию Союза ССР». Это выражено в «уточнении социально-экономической основы Конституции в смысле приседания Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР (создание новой социалистической индустрии, разгром кулачества, победа колхозного строя, утверждение социалистической собственности, как основы советского общества и т.п.). (п. «б», ч. 1)». Создание жесткой централизованной экономики, основанной на отрицании рыночных механизмов и свободы предпринимательства, обеспечивалось жесткими репрессиями [6].

Конституция СССР 1936 года (что в последующем было отражено в Конституции РСФСР 1937 года):

- ввела понятие экономической основы СССР;
- определила, что основу экономической основы СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком;
- принцип плановой экономики был конституцирован. Понимание экономики СССР рассматривалось как единого народнохозяйственного комплекса; упоминания о частной собственности в основных документах не было; отраслевое законодательство подчинялось новым принципам.

Конституция СССР 1977 года в части регулирования экономических отношений имела определенные трансформации. Первоочередно Конституция СССР 1977 года в рамках самостоятельной главы устанавливала: «.....Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности (ст. 10)....». В представленной законодателем формулировке видно, что личная собственность не является содержательной стороной экономической системы. Точнее, собственность граждан не рассматривается как основа экономики СССР, она «является производной от социалистической собственности и служит одним из средств удовлетворения потребностей граждан».

В Конституции СССР 1977 года детально прописываются правомочия собственника, отражен целевой характер объекта собственности. Так, статья 13 раскрывает: «.....Основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы. В личной собственности могут находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Личная собственность граждан и право ее наследования охраняются государством. В пользовании граждан могут находиться участки земли, предоставляемые в установленном законом порядке для ведения подсобного хозяйства (включая содержание скота и птицы), садоводства и огородничества, а также для индивидуального жилищного строительства. Граждане обязаны рационально использовать предоставленные им земельные участки. Государство и колхозы оказывают содействие гражданам в ведении подсобного хозяйства. Имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества.....».

Несомненным преимуществом Конституции СССР 1977 года является регламентация понятия «экономика СССР», определяемая как «единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны» (ст. 16). Руководство экономикой осуществлялось на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. При этом активно использовались хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, внесла в научный оборот терминологию, которая вызывает определенный резонанс среди ученых. В настоящее время в научной литературе ученые-юристы апеллируют определенной системой терминов, которая требует своей смысловой оценки. Понятийный аппарат составляют следующие научные юридические конструкции: «экономическая основа конституционного строя», «экономическая система общества», «основы экономической системы государства», «конституционные основы экономических отношений», «экономическая роль государства» и т.д. Данный терминологический ряд имеет единую основу, то есть общие базовые положения, руководящие начала, в процессе толкования которых формируются новые представления о них.

Обобщая, можно сформулировать следующие выводы:

1. Советский опыт регулирования показывает вариативность, обусловленную конкретными историческими условиями. Политика воен-

ного коммунизма основывалась на распределительной системе отношений, огосударствлении экономики, отъему частной собственности. НЭП представил опыт включения рыночных механизмов в социалистический уклад экономики: разрешение частной собственности, иностранных инвестиций, свободу предпринимательства в некоторых областях народного хозяйства. Можно также констатировать периоды как тотального вмешательства государства в экономические процессы, так и либерального отношения к частной инициативе и материальному стимулированию производственных отношений.

2. Принципы регулирования экономики в СССР закреплялись в конституциях уже после их фактического формирования в текущем законодательстве. Регулирование экономических отношений в СССР подвергалось жесткой идеологической оценке. Наличие советской идеологии выстраивало определенную систему принципов взаимоотношений государства и экономики, особенности которой хорошо видны при сравнительном исследовании экономик капиталистических стран.

Список литературы

1. Верещагин С.Г. Политика налогов в СССР в период с 1917 по 1941 года // Право и политика. 2007. № 7.
2. Виноградов О.В. Правовое регулирование использования чрезвычайных мер и ограничений прав личности в первые годы становления советской власти // История государства и права. 2007. № 22.
3. Иванченко В.М. Становление и реформирование экономики России и СССР // Экономическая история СССР / рук. авт. колл. Л.И. Абалкин. М., 2009.
4. Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики советского государства на правосознание сельского населения в период массовой коллективизации сельского хозяйства // История государства и права. 2008. № 8.
5. Ручкина Г.Ф. Предпринимательство сквозь призму веков // Предпринимательское право. 2006. № 2, 3.
6. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) от 7 января 1933 года // Вопросы ленинизма. Изд. одиннадцатое. М., 1946.

References

1. Vereshchagin S.G. The policy of taxes in the USSR in the period from 1917 to 1941 // Law and Politics. 2007. № 7.
2. Vinogradov O.V. Legal regulation of the use of emergency measures and restrictions on individual rights in the early years of the formation of Soviet power // History of the State and law. 2007. № 22.
3. Ivanchenko V.M. Formation and reformation of the economy of Russia and the USSR // Economic history of the USSR / author. Col. L.I. Abalkin, Moscow, 2009.
4. Migushchenko O.N. The influence of the socio-economic policy of the Soviet state on the legal awareness of the rural population during the period of mass collectivization of agriculture // History of the State and law. 2008. No. 8.
5. Ruchkina G.F. Entrepreneurship through the prism of centuries // Business law. 2006. № 2, 3.
6. Stalin I.V. Results of the first five-year plan. Report at the joint plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU(b) on January 7, 1933 // Questions of Leninism. Eleventh edition. Moscow, 1946.

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО И БАЛАНС ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ: РИСКИ, ГАРАНТИИ И ПРАВОВЫЕ РЕШЕНИЯ THE ELECTRONIC STATE AND THE BALANCE OF INDIVIDUAL RIGHTS AND RESPONSIBILITIES: RISKS, GUARANTEES, AND LEGAL SOLUTIONS

БАРАНОВ Владимир Владимирович,

доцент кафедры информационных технологий,
кандидат юридических наук, Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
E-mail: de_la_sergio@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Ирина Николаевна,

кандидат социологических наук, заместитель начальника кафедры
ОД ОВД ЦКШУ Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
E-mail: dinikoll@mail.ru

BARANOV, Vladimir Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Information Technology,
PhD in Law, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8 bldg. 1.
E-mail: de_la_sergio@mail.ru

VASILYEVA Irina Nikolaevna,

Candidate of Sociological Sciences, Deputy Head of the Department
OD OVD SKSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8 bldg. 1.
E-mail: dinikoll@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена исследованию вопросов соотношения прав и обязанностей личности в условиях активного внедрения технологий электронного государства. Рассматриваются перспективы развития электронной демократии, особенности функционирования современных цифровых платформ, обеспечивающих взаимодействие граждан и власти, а также риски нарушения конституционных прав граждан при автоматизации процессов управления. Основное внимание уделено юридическим механизмам, позволяющим минимизировать потенциальные угрозы цифровизации общественных отношений и обеспечить соблюдение прав граждан в новом технологическом ландшафте.

Abstract: the article is devoted to the study of issues related to the correlation between individual rights and obligations in conditions of active implementation of electronic government technologies. The prospects for development of digital democracy are considered, as well as specifics of modern digital platforms that ensure interaction between citizens and authorities. Special attention is paid to legal mechanisms aimed at minimizing potential threats associated with automation of governance processes and ensuring compliance with citizens' constitutional rights in a new technological landscape.

Ключевые слова: электронное правительство; цифровые технологии; гражданско-правовые отношения; информационная безопасность; киберпреступность; государственное управление; автоматизация госуслуг.

Keywords: electronic government, digital technologies, civil law relations, information security, cybercrime, public administration, automation of state services.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

I. Рассматриваемая проблема

Современные процессы глобализации и информатизации привели к масштабному развитию информационно-коммуникационных технологий, оказывающих значительное влияние на развитие институтов гражданского общества и модели государственного управления. Одним из важнейших направлений реформ стало создание так называемого электронного государства (e-Government), призванного упростить доступ граждан к государственным услугам, повысить эффективность административных процедур и способствовать активному участию населения в принятии решений.

Однако, несмотря на очевидные преимущества цифровой трансформации, внедрение новых технологий сопровождается рядом серьезных проблем и рисков. Среди них особо выделяют вопросы, касающиеся сохранения приватности и защищенности персональной информации граждан, роста угроз кибератак и мошенничества, возможности возникновения социальной несправедливости вследствие неравномерного доступа разных слоев населения к цифровым сервисам [1;2;3]. Таким образом, проблема оптимального баланса между правами и обязанностями личности в условиях электронной демократии становится одной из центральных в современном юридическом и социологическом дискурсе.

Объект исследования: баланс прав и обязанностей личности в электронном государстве.

Новизна результатов заключается в анализе возможных юридических механизмов защиты прав граждан и минимизации возникающих рисков в свете нарастающей цифровизации общественных отношений.

Область применения: юриспруденция, социология, экономика, политология и ИТ-отрасль.

II. Теоретико-правовые основы понятия «электронное государство»

Термин «электронное государство» впервые появился в западной литературе конца XX века и стал активно употребляться в связи с

распространением Интернет-технологий и развитием информационных сетей. Изначально понятие использовалось для обозначения процесса интеграции информационных технологий в систему государственного управления, однако впоследствии приобрело статус самостоятельного концепта, определяющего новый способ организации государственно-частных взаимодействий.

Сегодня большинство исследователей сходятся в том, что электронный государственный аппарат представляет собой комплексную автоматизированную систему оказания государственных услуг населению посредством сети Интернет и иных каналов передачи данных. В таком понимании ключевым элементом выступает переход традиционных функций государства в электронную форму, что позволяет гражданам получать необходимые услуги дистанционно, минуя стандартные административные процедуры.

Исторически первые попытки создания электронных государственных структур предприняты в скандинавских странах, где высокий уровень технологического оснащения позволил быстро внедрить инновационные подходы в практику госуправления [5,6]. Впоследствии концепция распространилась практически по всему миру, став одним из приоритетов государственной политики многих стран.

Российская Федерация также взяла курс на формирование собственной модели электронного государства, выразившегося в создании портала Госуслуги.ру, расширении возможностей МФЦ, развитии инфраструктуры телекоммуникационных технологий. В результате произошло существенное сокращение сроков оформления документов, улучшение доступности социальных льгот и медицинских услуг, облегчение предпринимательской деятельности.

Тем не менее, сам факт наличия электронного государства ставит перед обществом ряд сложных правовых вопросов, среди которых: защита персональных данных граждан; ответственность за сохранность конфиденциальной информации; обеспечение равноправия граждан независимо от их технических возможностей; предотвращение злоупотреблений со стороны третьих лиц и киберпреступников.

Кроме того, электронные государственные службы ставят новые задачи перед законодателями и судебными органами, которым предстоит выработать адекватные нормы, регламентирующие порядок сбора, хранения и использования данных гражданами и государственными структурами.

Международный опыт показывает, что успешная реализация проектов e-Government требует комплексного подхода, включающего разработку соответствующих законов, контроль исполнения норм, обучение сотрудников госструктур работе с новыми технологиями, просвещение граждан относительно возможностей и опасностей электронного управления [7].

Таким образом, понятие «электронное государство» становится объектом пристального внимания юристов, социологов, экономистов, политологов и представителей ИТ-отрасли, поскольку от эффективности и надежности его функционирования зависит будущее демократического устройства общества.

III. Электронные государственные сервисы и личные права граждан

Современное общество сталкивается с необходимостью адаптации привычных способов коммуникации с властью к новым условиям существования, обусловленным стремительным ростом информационных технологий. Одновременно появление новых технологических инструментов порождает серьезные вызовы, затрагивающие фундаментальные права граждан. Одной из главных проблем становится нарушение права на частную жизнь и защиту персональных данных. По мере увеличения объема передаваемых сведений возрастает риск несанкционированного доступа к ним злоумышленниками, утечек информации, ошибок при обработке данных, нарушений анонимности граждан [8].

Особенно остро эта проблема проявляется в ситуациях, когда граждане сталкиваются с необоснованными отказами в предоставлении тех или иных услуг, задержками выплат пособий, некорректностью информации, содержащейся в базах данных. В таких случаях нарушаются принципы справедливости и равенства, закрепленные Конституцией РФ и международными нормами [9].

Другой важный вопрос – доступность государственных услуг. Несмотря на значительные усилия, направленные на популяризацию цифровых сервисов, значительная часть населения испытывает трудности при взаимодействии с ними. Это вызвано такими факторами, как отсутствие необходимых устройств, низкая компьютерная грамотность, недоверие к удалённым каналам обслуживания. Следствием становится феномен так называемого «цифрового неравенства», когда отдельные группы граждан остаются вне преимуществ цифрового мира [10].

Ещё одна область риска связана с проблемой идентификации личности в Интернете. Использование биометрических данных, кодов подтверждения и паролей обеспечивает высокую точность проверки подлинности, но одновременно создаёт угрозу массового наблюдения, манипуляций и злоупотреблений [11].

Особых усилий заслуживают судебные органы, занимающиеся разрешением споров, касающихся работы электронных государственных сервисов. Часто встречаются ситуации, когда судебная практика недостаточна для полной защиты прав граждан, возникают неясности в применении норм права и нехватка компенсационного механизма для пострадавших лиц [12].

Таким образом, реализация принципов электронного государства требует глубоких изменений в структуре взаимоотношений граждан и власти, порождая новые проблемы и риски, решение которых нуждается в своевременном реагировании со стороны государства и общества.

IV. Риски реализации концепции электронного государства

Развитие электронного государства открывает широкие перспективы для эффективного администрирования и упрощения взаимодействия граждан с властными институтами. Вместе с тем оно сопряжено с серьезными рисками, угрожающими личным правам и интересам граждан. Рассмотрим наиболее существенные из них:

Нарушение конфиденциальности персональных данных. Одним из ключевых факторов успеха цифровой трансформации является сбор, обработка и хранение больших объемов информации о гражданах. Однако любая ошибка или уязвимость в системе безопасности ведет к

серьезным последствиям, включая потерю контроля над своими данными, распространение недостоверной информации и даже случаи мошенничества. Примером служат многочисленные инциденты взлома крупных веб-порталов и банков, вызвавшие массовые утечки данных клиентов [13].

Правоохранительные органы часто оказываются бессильны против таких преступлений, так как преступники используют международные серверы и зашифрованные каналы связи. Таким образом, защита персональных данных остаётся актуальной задачей, требующей постоянного мониторинга и разработки эффективных мер противодействия угрозам киберпреступности.

Ограниченность доступа к технологиям. Несмотря на активные шаги по созданию условий для повсеместного подключения граждан к цифровым ресурсам, существует значительный разрыв между городским и сельским населением, жителями мегаполисов и периферийных регионов. Многие категории граждан (пенсионеры, лица с ограниченными возможностями здоровья, жители отдалённых районов) испытывают трудности с освоением новых технологий и ощущают себя исключёнными из круга бенефициаров цифрового общества [14]. Эта ситуация создаёт предпосылки для углубления социального расслоения, появления феномена «цифрового разрыва», ухудшающего качество жизни и ограничивающего доступ к благам цивилизации значительной части населения [15].

Недостаточная информированность граждан. Большинство россиян пока недостаточно осведомлены о возможностях электронных государственных сервисов, правилах пользования ими и мерах предосторожности при передаче данных. Люди нередко становятся жертвами фишинга, навязанных платных услуг, финансовых махинаций, поскольку не понимают, каким образом устроены современные цифровые системы и как защитить свои права [16].

Проблема кибербезопасности. Рост зависимости общества от цифровых коммуникаций обостряет проблему безопасности государственных и корпоративных компьютерных сетей. Любые сбои или атаки на инфраструктуру приводят к экономическим потерям, социальным конфликтам, политическим кризисам. Атаки хакеров способны нанести ущерб экономике страны, дестабилизировать политическую ситуацию, нарушить функционирование критически важных объектов инфраструктуры [17].

Государству необходимо предпринимать комплексные меры по укреплению своей кибербезопасности, развивать специализированные подразделения правоохранительных органов, готовить квалифицированные кадры для борьбы с киберпреступностью, создавать резервные копии данных и устанавливать строгие правила обращения с чувствительной информацией [18].

Таким образом, реализация принципов электронного государства неизбежно влечёт за собой глубокие перемены в структуре взаимоотношений между гражданами и властями, порождая целый спектр новых проблем и рисков, требующих скорейшего урегулирования на уровне закона.

V. Гарантии соблюдения прав и свобод личности в рамках электронного правительства

Электронное правительство представляет собой новую форму взаимодействия государства и гражданина посредством цифровых технологий. Этот механизм обеспечивает доступность государственных услуг и повышает прозрачность власти. Однако внедрение электронных сервисов порождает ряд вопросов относительно защиты персональных данных и сохранения конфиденциальности граждан.

Для эффективного функционирования системы электронного правительства необходимо обеспечить соблюдение ряда гарантий:

1. **Право на защиту персональных данных.** Государство обязано гарантировать неприкосновенность частной жизни каждого гражданина путем установления строгих мер контроля над сбором, обработкой и хранением персональной информации [19].

2. **Доступность и открытость информации.** Граждане имеют право получать полную и своевременную информацию о предоставляемых услугах, условиях оказания помощи и механизмах реализации решений [20]. Электронное правительство должно обеспечивать доступ к необходимой информации через удобные и понятные интерфейсы веб-сайтов и мобильных приложений.

3. **Принцип равенства перед законом.** Использование электронной формы предоставления услуг не должно создавать дискриминационных барьеров для отдельных категорий населения [21,22]. Необходимо предусмотреть механизмы поддержки малоподвижных групп населения, пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями здоровья, обеспечивая равноправный доступ ко всем государственным услугам.

4. **Свобода выражения мнения и участие в принятии решений.** Развитие гражданского участия предполагает предоставление гражданам возможности высказывать свое мнение по вопросам формирования и исполнения бюджета, разработки законов и принятия управленческих решений [23].

Таким образом, электронное правительство становится эффективным инструментом повышения качества управления государством лишь при условии соблюдения указанных гарантий. Только при наличии четких механизмов защиты прав и свобод личность сможет реализовать весь потенциал цифровой демократии.

VI. Юридическое регулирование взаимоотношений граждан и органов власти в электронном пространстве

Формирование устойчивого электронного государства требует детального правового регулирования, учитывающего специфику новых видов взаимодействия граждан и власти. Современные реалии предъявляют высокие требования к качеству нормативно-правовой базы, которая призвана гарантировать права граждан, предотвратить злоупотребления и оптимизировать деятельность госорганов.

1. **Международные стандарты цифровой демократии.** Многие государства признают право каждого гражданина на участие в политических процессах, выражаемое через доступ к публичным службам и информации. Развитие технологий привело к формированию стандартов цифровой демократии, принятых ООН, ЕС и другими международными организациями. Такие стандарты предполагают обязательность учёта мнения граждан, обеспечиваемую прозрачностью деятельности власти и возможностью прямого воздействия граждан на принимаемые решения.

Среди ключевых инициатив международной политики в этой области выделяется проект Open Government Partnership (OGP), объединяющий десятки стран, стремящихся повышать открытость, прозрачность и подотчётность государственных органов путём внедрения инновационных цифровых технологий [24].

Эти международные тенденции оказывают непосредственное воздействие на национальную политику большинства стран, в том числе России.

2. Российские законодательные инициативы в области электронной идентификации и документооборота. В России уделяется большое внимание разработке национальной системы электронной идентификации граждан и организаций. Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» регулирует вопросы подписания документов электронными средствами, обеспечивая легитимность совершаемых сделок и операций. Законодательством предусмотрена обязанность госслужащих соблюдать нормы обработки и защиты персональных данных граждан, что обеспечивается Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных». Важным инструментом защиты прав граждан является портал Госуслуги, который функционирует как единое окно для подачи заявлений и обращений граждан в режиме реального времени.

3. Перспективы развития нормативно-правового поля e-governance.

Разработка правовых норм, направленных на регулирование деятельности электронного государства, имеет огромное значение для успешного осуществления преобразований. Современное российское законодательство предусматривает дальнейшую интеграцию цифровых технологий в традиционные институты власти, расширение спектра электронных услуг и сервисов, повышение скорости обработки данных.

Будущие направления развития законодательства в области электронного государства:

создание единой цифровой экосистемы, интегрирующей различные ведомственные системы и платформы; регламентация порядка использования облачных технологий и распределённых вычислений в интересах государства; установление прозрачного порядка распределения полномочий между федеральными и региональными органами власти в сфере цифрового управления.

Перечисленные меры позволят эффективно управлять процессами цифровой трансформации и избежать негативных последствий быстрого расширения сферы электронного взаимодействия граждан и власти [25].

VII. Вывод

Проведённое исследование позволяет утверждать, что современное состояние электронного государства характеризуется глубокими изменениями в отношениях граждан и власти, ускоряя процессы взаимодействия и повышая комфорт и удобство доступа к государственным услугам. Тем не менее, этот процесс несёт с собой серьёзные вызовы, такие как угроза утраты частной жизни, ухудшение информационной безопасности, увеличение социального неравенства и зависимость от технического прогресса [26].

Основной вывод исследования состоит в том, что цифровизация создаёт как позитивные эффекты, так и негативные последствия, которые необходимо учитывать при построении устойчивой системы электронного управления страной.

Предлагаемые меры по совершенствованию законодательства РФ в сфере электронного государства включают:

Усиление ответственности государственных органов за сохранение и обработку персональных данных граждан [27];

Установление чётких рамок использования биометрии и распознавания лиц в целях охраны правопорядка [28];

Регулярное обновление технической инфраструктуры для повышения устойчивости к внешним атакам и внутренним сбоям [29];

Проведение просветительской кампании среди граждан, направленной на повышение уровня осведомлённости о правах и обязанностях в цифровой среде [30];

Организацию специализированных центров поддержки граждан, сталкивающихся с проблемами при использовании электронных сервисов.

Наряду с этими мерами требуются долгосрочные исследования, направленные на изучение роли электронного государства в укреплении демократии, оценку социально-экономических эффектов цифровизации и подготовку рекомендаций по модернизации законодательства [31].

Список литературы:

1. Золотарёва, С.А., Суковатичина, Н.А. Информационная безопасность в условиях цифровизации экономики // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2024. – № 6 (75). Том 3. – С. 190-195.
2. Ныrkov, A.C. Влияние цифровизации на доступность и качество социальных услуг в Российской Федерации / А. С. Ныrkov. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). – С. 522-524
3. Довлатова, А., Иванов, В.Г., Теллов, А.В. Электронное правительство в Российской Федерации: перспективы и вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2025. – № 2. Том 12. – С. 212–224.
4. Морозова, С.С., Смирнова, Ю.Г. Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политико-правовой анализ // Креативная экономика. – 2024. – Том 18. – № 6. – С. 1375–1394.
5. Габуев, С.В. Особенности регулирования и проблемы развития "электронного правительства" в России // Право и политика. – 2017. – №12. С. 49-61.
6. Хохлов, Р.Р., Максименко, А.А., Хламцов, И.И., Карсян Д.В., Павлов, Н.В., Электронное правительство: международный опыт и российские реалии // Индустриальная экономика. – № 6. – 2024. – С. 69-74.
7. Ботнев, В.К. Зарубежный опыт построения электронного правительства // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 26-28.
8. Швец, Л.В. Природа права на персональные данные: цивилистический аспект // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – № 4 (Том 21). – С. 579-595.
9. Овчинников, А.И. права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства// Вестник юридического факультета ЮФУ. – 2021. – № 4 (Том 8). – С. 93–98.
10. Якунина, А.В. Цифровизация предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций органами власти // Социальные новации и социальные науки: [электронный журнал]. – 2022. – № 1. – С. 50–57.
11. Гуляева, Е.Е. Идентичность и идентификация личности в условиях цифровизации // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 4. – С. 37–51.
12. Черепанов, Я.А. Судебная защита прав граждан в информационной сфере // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – № 6 (87). Том 5 ч. 2. – С. 189-194.
- 13.

14. *Стовба, Е.В., Стовба, А.В., Низамов, С.С., Шарафутдинов, А.Г., Арасланбаев, И.В., Поротников, П.А.* Современные угрозы и риски цифрового общества: социально-экономические аспекты // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 12-3. – С. 485-491.
15. *Корнилов, А.Р., Ивлиев, П.В.* Этические последствия цифровизации: проблемы и пути решения // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11(239). – С. 83-85.
16. *Сидоренко, Э.Л., Молчаков, Н.Ю.* Право на доступ к интернету и современные модели цифровой дискриминации // Сравнительная политика. – 2022. – № 4 (Том 13). – С. 8-30.
17. *Рыбаков, О.Ю.* Правовая информационная культура в условиях цифровой трансформации общества и государства // Правосудие/Justice. – 2024. – № 3 (Том 6). – С. 59-74.
18. *Таков, А.З.* Проблемы обеспечения кибербезопасности в современных цифровых системах // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – № 5 (Том 16). – С. 232-236.
19. *Дубень, А.К.* Основы государственной политики российской федерации в области информационной безопасности // Образование и право. – 2023. – № 8. – С. 22-25.
20. *Рябчиков, В.В., Корниенко, Д.О.* Электронное правительство: безопасное информационное взаимодействие государства и граждан // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». – 2021. – № 3. – С. 623-631.
21. *Гарчева, Л.П.* О некоторых рисках нарушения прав человека в условиях цифровизации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – С. 13-19.
22. *Погодина, И.В.* Цифровая инклюзивность в цифровом государстве, Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 10. – С. 43-45.
23. *Деревцова, И.В.* Проблема цифрового неравенства регионов России как угроза экономической безопасности / И.В. Деревцова, Я.А. Внукова, Е.А. Головащенко, Д.Д. Денисевич. // Baikal Research Journal. – 2021. – № 2 (Том 12). – С. 20-31.
24. *Калин, С.А.* Роль гражданской инициативы в процессе развития систем электронного правительства и электронной демократии // Информационная безопасность регионов. – 2015. – № 3(20). – С. 47-52.
25. *Добробаба, М.Б.* Цифровая демократия в России как компонент цифрового государства // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 2 (Том 20). – С. 27-34.
26. *Олейник, С.А., Мельничук, М.А.* Правовые основы деятельности электронного правительства в России и за рубежом и тенденции их развития // Вестник Международного института экономики и права МИЭП. – 2014. – № 2 (15). – С. 26-35.
27. *Моисеева, М.С., Халаев, А.С.* Опасности цифровой эпохи: новый вызов для правоохранительных органов // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2023. – № 5 (62) Том 1. – С. 240-247.
28. *Шабаров, Д.В., Балидин, А.О.* Защита персональных данных в условиях цифровой трансформации государственной службы России // Образование и право. – 2023. – № 12. – С. 548-551.
29. *Тагирова, А.М.* Биометрическая идентификация субъекта правоотношений // Карельский научный журнал. – 2023. – № 1(42) Том 12. – С. 28-32.
30. *Стефанова, Н.А., Климахина, О.И., Ростовская, А.И.* Развитие инфраструктуры электронного правительства в России // Журнал денежной экономики и менеджмента. – 2024. – № 2. – С. 114-120.
31. *Трофимец, И.А.* Информационные права человека в цифровом пространстве (к 75-летию Всеобщей декларации прав человека) // Lex russica. – 2024. – № 4. Том 77. – С. 98-108.
32. *Суязов, В.Н., Суязов, Е.В.* Будущее цифровизации малого и среднего бизнеса: анализ преимуществ и сложностей // Научный результат. Экономические исследования. – 2025. – № 2. Том 11. – С. 124-139.

References:

1. Zolotareva, S.A., Sukovatitsyna, N.A. Information security in the context of digitalization of the economy // International scientific journal "Bulletin of Science". – 2024. – № 6 (75). Volume 3. pp. 190-195.
2. Nyrkov, A.S. The impact of digitalization on prosperity and the quality of social services in the Russian Federation / A S. D. Fernando. - Text: direct // Young scientist. – 2025. – № 20 (571). – Pp. 522-524
3. Dovlatova, A., Ivanov, V.G., Teplov, A.V. Electronic law in the Russian Federation: prospects and challenges // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia Series: State and Municipal Management. – 2025. – № 2. Volume 12. pp. 212-224.
4. Morozova, S.S., Smirnova, Yu.G. Protection of the rights of citizens of modern Russia in the digital age: a political and legal analysis // Creative Economics. – 2024. - Volume 18. – No. 6. – pp. 1375-1394.
5. Gabuev, S.V. Features of regulation and problems of development of "electronic law" in Russia // Law and Politics – 2017. – No. 12. pp. 49-61.
6. Khokhlov, R.R., Maksimenko, A.A., Khramtsov, I.I., Karsyan, D.V., Pavlov, N.V., Electronic law: international experience and Russian realities // Industrial Economics. – No. 6. – 2024. – pp. 69-74.
7. Botnev, V.K. Foreign experience in understanding electronic law // Socio-political sciences. – 2018. – No. 1. – pp. 26-28.
8. Shvets, L.V. Rights to personal data: a civil aspect // Siberian Legal Review. – 2024. – No. 4 (Volume 21). – pp. 579-595.
9. Ovchinnikov, A.I. Human rights in the context of digital transformation of society and the state// Bulletin of the Law Faculty of SFU. – 2021. - No. 4 (Volume 8). – pp. 93-98.
10. Yakunina, A.V. Digitization of the provision of public services and the performance of public functions by authorities // Social sciences and social sciences: [electronic journal]. – 2022. – No. 1. – pp. 50-57.
11. Gulyaeva, E.E. Identification and identity identification in the context of digitalization // Social innovations and social science. – 2024. – № 4. – Pp. 37-51.
12. Cherepanov, Ya.A. Judicial protection of citizens' rights in the information sphere // International scientific journal "Bulletin of Science". – 2025. – № 6 (87). Volume 5, part 2. pp. 189-194.
13. Stovba, E.V., Stovba, A.V., Nizamov, S.S., Sharafutdinov, A.G., Araslanbayev, I.V., Porotnikov, P.A. Modern risks and risks of the digital society: socio-economic aspects // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. - 2023. – No. 12-3. – pp. 485-491.
14. Kornilov, A.R., Ivliev, P.V. Ethical consequences of digitalization: problems and solutions // Law and the State: theory and practice. – 2024. – No. 11(239). – pp. 83-85.
15. Sidorenko, E.L., Molchakov, N.Y. The right to access the Internet and modern models of digital discrimination // Comparative Politics – 2022. - No. 4 (Volume 13). – pp. 8-30.
16. Rybakov, Yu. Legal information culture in the context of digital transformation of society and the state // Justice. – 2024. - No. 3 (Volume 6). – pp. 59-74.
17. Takov, A.Z. Problems of ensuring cybersecurity in modern digital systems // Gaps in Russian legislation. – 2023. - No. 5 (Volume 16). – pp. 232-236.
18. Duben, A.K. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of information security // Education and law – 2023. – No. 8. – pp. 22-25.
19. Ryabchikov, V.V., Komienko, D.Yes. Electronic law: reliable information interaction between states and peoples // Scientific and educational journal for students and teachers "StudNet". – 2021. – No. 3. – pp. 623-631.
20. Garcheva, L.P. On some risks of human rights violations in the context of digitalization // Educational notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2022. – Vol. 8 (74). No. 1. – pp. 13-19.
21. Pogodina, B. Digital inclusivity in a digital State, State power and local self-government. - 2024. – No. 10. – pp. 43-45.
22. Deretsova, V. The problem of digital inequality in Russia's regions as a threat to economic stability. Deretsova, Ya.A. Vnuкова, E.A. Golovashchenko, D.D. Denisovich. // Baikal Research Journal. – 2021. - No. 2 (Volume 12). – pp. 20-31.
23. Kalin, S.A. The role of civil initiative in the development of the system of electronic law and electronic democracy // information security of regions –/ 2015. – № 3(20). – Pp. 47-52.
24. Dobrobaba, M.B. Digital democracy in Russia as a component of the digital state // Actual problems of Russian law – 2025. – No. 2 (Volume 20). – pp. 27-34.
25. Oleinik, S.A. Melnichuk, M.A. The legal foundations of electronic law in Russia and abroad and their development trends // Bulletin of the International Institute of Economics and Law MIEP. – 2014. – № 2 (15). – Pp. 26-35.
26. Moiseeva, M.S., Khalaev, A.S. The Digital Age of Danger: new challenges for law enforcement agencies // International Scientific Journal "Bulletin of Science". – 2023. - No. 5 (62) Vol. 1. – pp. 240-247.
27. Shabarov, D.V., Balandin, A.Yes. Personal data protection in the context of the digital transformation of the Russian civil service // Education and law - 2023. – No. 12. – pp. 548-551.
28. Tagirova, A.M. Biometric identification of the subject of offenses // Karelian Scientific Journal. – 2023. – № 1 (42) Volume 12. – Pp. 28-32.
29. Stefanova, N.A., Klimakhina, D.I., Rostovskaya, A.I. Development of the electronic law infrastructure in Russia // Journal of Monetary Economics and Management - 2024, No. 2, pp. 114-1120.
30. Trofimets, A. Information human rights in the digital space (towards the 75th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights) // Lex russica. – 2024. – No. 4. Volume 77. pp. 98-108.
31. Suyazov, V.N., Suyazov, E.V. There will be digitalization of small and medium-sized businesses: an analysis of continuity and conditions // Scientific result. Economic research. – 2025. – № 2. Volume 11. – pp. 124-139.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1004

УДК 340

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» THEORETICAL FOUNDATIONS OF RESISTANCE TO INFLUENCE RELATED TO EXTREMIST ACTIVITIES IN THE INTERNET INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK

ЕЛИСТРАТОВ Денис Валерьевич,

к.в.н., доцент кафедры «Правоохранительная деятельность»

«Пензенский государственный университет».

440026, Россия, г. Пенза, Красная ул., 40 корп. 1.

stulnikova80@yandex.ru

YELISTRATOV Denis Valerievich,

PhD, Associate Professor of the Department of Law Enforcement, Penza State University.

40 Krasnaya str., Building 1, Penza, 440026, Russia.

stulnikova80@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены особенности и проблемы организационных основ деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремистской деятельности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что наблюдаемый рост преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации, изменение характера и способов их совершения негативно влияет на общий уровень обеспечения порядка и безопасности граждан, общества и российского государства в целом. При этом преступления данной категории зачастую совершаются на площадках социальных сетей сети Интернет. В этой связи вопросы осуществления мер противодействия в отношении данного вида преступности отнесены к числу наиболее значимых в деятельности органов внутренних дел. Реализация комплексных мер, дальнейшее совершенствование системы профилактики и борьбы с преступлениями экстремистской направленности непосредственно влияют на функционирование институтов государственной власти и общества.

Abstract: The article discusses the features and problems of the organizational foundations of the activities of the internal affairs bodies to counter extremist activities in the information and telecommunications network "Internet". The relevance of the chosen research topic is due to the fact that the observed increase in extremist crimes in the Russian Federation, changes in the nature and methods of their commission negatively affect the overall level of order and security of citizens, society and the Russian state as a whole. At the same time, crimes of this category are often committed on the sites of social networks on the Internet. In this regard, the issues of implementing counteraction measures against this type of crime are among the most significant in the activities of law enforcement agencies. The implementation of comprehensive measures and the further improvement of the system of prevention and combating extremist crimes directly affect the functioning of government institutions and society.

Ключевые слова: преступления, экстремистская деятельность, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», правоохранительные органы, электронные носители, цифровизация, информация.

Keywords: crimes, extremist activity, information and telecommunication network "Internet", law enforcement agencies, electronic media, digitalization, information.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Расследование преступлений экстремистской направленности в интернете является одной из ключевых задач современного правоохранительного аппарата. В эпоху цифровизации экстремисты активно используют интернет для пропаганды, рекрутинга и координации своих действий.

Большинство проблем при расследовании экстремистских преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», связано с особенностями указанной сети. Так, сеть Интернет не имеет конкретного правообладателя, обеспечивает доступ к размещенным материалам неограниченному кругу лиц без ограничений по времени; характеризуется широкой географической распространенностью. Информационно-телекоммуникационные сети позволяют публиковать экстремистские материалы анонимно.

Расследование экстремистских преступлений в сети Интернет сталкивается с рядом значительных проблем. Один из них - это правовые ограничения. Законы многих иностранных государств не всегда успевают за быстрым развитием технологий, что создает правовые пробелы и сложности в правоприменении.

Кроме того, экстремисты часто используют шифрование и анонимные сети, что затрудняет их отслеживание. Платформы, такие как Telegram, позволяют пользователям скрывать свою личность и местоположение, что требует от следователей использования передовых технологий для преодоления этих препятствий.

Также проблемой выступает необходимость международного сотрудничества, в связи с действием экстремистских групп из различных стран. Это требует координации действий между различными государствами и международными организациями.

Преступниками зачастую предпринимаются попытки к удалению файлов как с сети Интернет, так и с памяти компьютера, в целях сокрытия преступлений, в том числе с использованием вредоносных программ; с целью сокрытия доступа в сеть Интернет используются ремейлеры (компьютеры, перенаправляющие полученную информацию на адрес, указанный отправителем, с одновременным уничтожением информации об отправителе); применяются при переписке несуществующие электронные адреса адресанта; широкой популярностью пользуются программы-анонимизаторы, позволяющие заменить сведения об отправителе и др. [1].

При раскрытии преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет, важное значение имеет своевременное получение информации, раскрывающей характерологическую особенность психологии личности преступника.

Заблаговременно полученная правоохранными органами информация о готовящемся преступлении дает возможность сотрудникам с минимальными временными потерями осуществить неотложные оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия с целью установления причастных к совершаемому преступлению лиц.

Одним из ключевых методов расследования преступлений экстремистской направленности в сети Интернет является анализ метаданных. Даже если содержание сообщений зашифровано, метаданные, такие как время отправки, местоположение и информация о маршруте передачи данных, могут предоставить важные подсказки для следствия.

Также используются методы социального инжиниринга и внедрения агентов в экстремистские группы. Такие операции могут помочь собрать внутреннюю информацию о планируемых действиях и структуре организации.

Другим важным инструментом является сотрудничество с интернет-компаниями. Платформы, на которых размещаются экстремистские материалы, могут предоставлять информацию о пользователях и их активности по запросу правоохранительных органов. Это требует от последних соблюдения юридических процедур и наличия веских оснований для таких запросов.

Преступления экстремистской направленности характеризуются продолжительной подготовительной работой в форме демонстрации в сети Интернет материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а также материалов, относящихся к преступлениям против здоровья населения, общественной безопасности и нравственности, против основ конституционного строя и безопасности государства, с целью привлечения внимания молодежи и несовершеннолетних для последующего вовлечения этих лиц в преступную деятельность. В отношении обративших внимание на размещенные материалы лиц оказывается психологическое и агитационное воздействие с целью вовлечения к совершению тяжких и особо тяжких преступлений [2].

Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, обладают следующими криминалистическими особенностями: [3]

1. Простое и быстрое преобразование, копирование (размножение) на различные виды машинных носителей и распространение на любые расстояния, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях информации.

2. Информация, размещенная в информационно-телекоммуникационных сетях при изъятии (копировании) может сохраняться в первоисточнике и оставлять свой характерный след.

3. Зачастую информация, в том числе и телекоммуникационная, становится продуктом общественных отношений, имеет определенную цену и является предметом купли-продажи [4].

Вместе с тем, в свете увеличивающегося объема запрещенного контента в сети Интернет, носящего признаки экстремистской деятельности, отсутствие полномочий у нижестоящих прокуроров на предъявление требований о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам не позволяет оперативно реагировать на выявленные нарушения [5].

Приказом Генпрокуратуры России от 26.08.2019 № 596 утверждена Инструкция о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет».

Однако, предусмотренный Инструкцией порядок реагирования на распространение запрещенной законом информации выступает несовершенно и не позволяет оперативно реагировать контролирующим органам на смену ресурса и перенос запрещенного законодательством контента с заблокированного сайта на новый.

Кроме того, в Инструкции используется понятие «общественный резонанс», определение которого законодательство не раскрывает. Учитывая, что наличие общественного резонанса является основанием для направления Генеральной Прокуратурой в Роскомнадзор требования по блокировке Интернет-ресурсов без проведения экспертизы, ненадлежащее раскрытие указанного термина в законодательстве не позволяет эффективно пользоваться указанным положением [6].

После выявления признаков экстремистской деятельности в сети Интернет посредством проведения Интернет-мониторинга, предотвращением совершающегося или совершения нового преступления служит блокирование доступа к определенным интернет-ресурсам.

Следует иметь в виду, что блокирование не обеспечивает ограничение доступа к запрещенной информации, в связи с тем, что при принятии указанных мер не будут считаться нарушением закона действия обладателя сайта, страницы, по переносу размещенной на заблокированном ресурсе информации на иной Интернет-ресурс. Кроме того, с использованием различного программного обеспечения имеется возможность снять блокировку, чем будет обеспечен доступ к информации, носящей экстремистский характер.

Также проблемой выступает то, что изъятие запрещенного материала из сети «Интернет» не всегда представляется возможным в силу отказа владельца сайта или хостинг-провайдер от удаления материала. Нередко обращения органов власти не принимаются к исполнению в случае, если материал располагается на серверах иностранного государства, на территорию которого российское законодательство не распространяется.

На основании изложенного, наиболее целесообразным и эффективным является борьба правоохранительных органов напрямую с авторами экстремистских материалов с применением подходов объективной оценке представленного материала.

Оценке подлежит не только содержание высказывания, но стиль изложения. Должен учитываться контекст высказывания, как общий (политический, исторический и т. п.), так и локальный, включая обстоятельства высказывания и характеристики реальной аудитории. Важно учи-

тывать личность оратора, т. е. насколько он влиятелен, есть ли официальный статус. Большое значение имеет установление умысла на написание текста, установление которого зачастую выступает большой проблемой. Значение для признания информации незаконной имеет вероятность тяжких последствий и степень публичности высказывания.

Актуальным вопросом на сегодняшний день выступает недостаточность специальных знаний и производства исследований эксперта об определении статуса информации, которая распространяется по средствам сети Интернет. Это связано с тем, что не вся информация носит признаки экстремистской.

Для наиболее успешной экспертной работы также важное значение имеет оперативное предоставление специалисту компьютеров и других электронных устройств и технических носителей [7].

На сегодняшний день в связи со стремительным развитием методов совершения преступной деятельности с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», методы воздействия на распространяющиеся экстремистские материалы требуют совершенствования.

Так, в целях пресечения и предупреждения преступлений экстремистской направленности правоохранительными органами возможно проведение такого ОРМ, как «снятие информации с технических каналов связи», которое представляет собой перехват трафика с использованием технических средств и только при участии операторов связи. Кроме того, выявленные экстремистские материалы возможно зафиксировать путем их копирования или скачивания посредством обращения к владельцу хостинга.

С использованием сети Интернет возможно проведение оперативного опроса. Под оперативным интернет-опросом понимается специальная беседа с лицом, которое имеет связь с готовящимся, совершаемым или совершенным преступлением путем внедрения оперативными сотрудниками так называемого «виртуального агента». При этом общение осуществляется в присутствии иных пользователей Интернет-ресурса с использованием специальной тактики, подобранной от личных качеств преступника, его роли и степени вовлеченности в преступное сообщество [8].

Это мероприятие включает использование манипуляций и психологических приемов для получения информации. Примером может служить создание фальшивых аккаунтов, через которые следователи устанавливают контакт с подозреваемыми, чтобы получить доступ к закрытым группам или приватной информации.

Под «виртуальным агентом» предлагается понимать аккаунт в социальной сети, искусственную персону, позволяющую без посредников получить информацию по фактам вербовки, планируемым акциям экстремистского толка, кругу лиц, причастных к деятельности организации, а также дающую возможность выходить на прямой контакт с пользователями закрытых экстремистских сообществ [9].

Инфильтрация экстремистских групп агентами под прикрытием позволяет получить внутреннюю информацию о структуре и планах организации. Это один из наиболее эффективных методов, однако он требует тщательной подготовки и соблюдения мер безопасности для защиты агентов.

Посредством оперативного интернет-опроса возможно установить специфику набираемого преступником текста (автозамены, опечатки), что позволяет определить устройство, используемое в целях коммуникации.

На установление личности по размещенной в социальных сетях информации с помощью автоматизированных средств направлено такое ОРМ, как «отождествление личности». В рамках отождествления личности исследуются размещенные в сети Интернет фото- и видеоматериалы, позволяющие установить преступника и взаимодействующих с ним лиц. К проведению указанного мероприятия могут привлекаться специалисты, лица, обладающие информацией о преступнике, а также лица, обладающие навыком установления личности при помощи словесного портрета.

На сегодняшний день автоматизированная идентификация личности возможна с помощью осуществления поиска по картинке, реализуемого посредством поисковой системы «Яндекс».

С целью раскрытия экстремистских преступлений в сети Интернет применяется такое ОРМ, как исследование предметов и документов в цифровом виде, а также цифрового материала (фото, видео) с привлечением специалистов.

Использование технологий Big Data позволяет обрабатывать и анализировать огромные объемы данных из различных источников. С помощью алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта можно выявлять паттерны поведения и предсказывать возможные угрозы.

В случае выявления признаков экстремистской деятельности в сети Интернет предоставление цифрового материала и сведений о лице его опубликовавшем осуществляется провайдером или администрацией Интернет-ресурса по запросу оперативного сотрудника [10].

Правоохранительные органы могут запрашивать у интернет-компаний данные о пользователях, подозреваемых в экстремистской деятельности. Это может включать личную информацию, историю переписки, логи (специальные текстовые файлы, в которые заносится вся информация о работе сервера или компьютера, о действиях программы или пользователя, ошибках) активности и другие данные.

При этом главным инструментом обработки электронных доказательств с учетом цифровой трансформации общества должно служить соответствующее программное обеспечение. Специализированные программы помогают анализировать социальные сети, выявлять связи между пользователями и отслеживать распространение экстремистских идей. Эти инструменты могут автоматически собирать и анализировать тексты, комментарии и взаимосвязи между аккаунтами.

Некоторые интернет-компании активно сотрудничают с властями, создавая программы для быстрого реагирования на экстремистский

контент. Это может включать автоматическое удаление опасного контента, уведомления о подозрительной активности и предоставление инструментов для правоохранительных органов.

Экстремисты часто используют шифрование для защиты своей коммуникации. Специалисты по цифровой криминалистике разрабатывают методы для расшифровки таких сообщений, что позволяет получить доступ к критически важной информации.

Анонимные сети, такие как Tor, предоставляют пользователям высокую степень конфиденциальности. Следователи используют специальные техники для отслеживания активности в этих сетях, включая анализ трафика, эксплуатацию уязвимостей и взаимодействие с анонимными сервисами.

Основной проблемой при использовании компьютерных программ в рамках расследования преступлений экстремистской направленности выступает их создание иностранными организациями, не учитывающих особенности российского законодательства, что влечет за собой допущение правовых ошибок в уголовном судопроизводстве. Кроме того, подобные программы пишутся техническими специалистами, не имеющими юридического образования, в связи с чем, применение их на практике юристами вызывает сложности.

С учетом изложенного представляется необходимым создать с участием отечественных юристов-правоприменителей алгоритмы взаимодействия следователей с искусственным интеллектом, которые могут быть положены в основу информационных технологий следственной деятельности.

Таким образом, в связи с длительной подготовкой к совершению преступлений экстремистской направленности в сети Интернет, своевременное получение информации о готовящемся преступлении позволяет оперативным сотрудникам подразделений органов внутренних дел эффективно предупредить или пресечь готовящееся или совершающееся преступление. К проводимым оперативно-разыскным мероприятиям и следственным действиям при раскрытии подобных преступлений относят: блокирование доступа к определенным интернет-ресурсам; снятие информации с технических каналов связи; оперативный интернет-опрос; отождествление личности; получение компьютерной информации.

Цифровизация социальной и экономической жизни общества привела к проникновению криминала в цифровую среду.

В январе 2023 года МВД России зафиксировало рекордный рост экстремизма, большая часть которого совершается в интернете.

При этом особое значение для своевременного предотвращения экстремистских преступлений в сети Интернет, учитывая ее экстерриториальный характер, имеет разработка надлежащей нормативно-правовой базы с учетом специфики информационно-телекоммуникационной сети.

Под экстремистскими преступлениями понимаются радикально мотивированные общественно опасные противоправные деяния, направленные на изменение (уничтожение) основ конституционного строя насильственным путем, подрыв суверенитета, нарушение государственной и (или) территориальной целостности посредством следования идеям исключительности, превосходства либо неполноценности, а также возбуждение розни, ненависти или вражды, унижение чести или достоинства личности (группы лиц) в зависимости от принадлежности к конкретной расе, полу, национальности, происхождению, языку, этнической, политической или социально уязвимой группе, от отношения к религии и т.п. [11].

Понятие преступление экстремистской направленности закреплено международными нормами права, однако по настоящее время отсутствует международный механизм противодействия указанной деятельности, учитывая экстерриториальный характер экстремизма. Нормы национального законодательства подстраиваются под складывающуюся реальность, путем введения новых инкриминируемых составов в рассматриваемой сфере, однако этого не всегда достаточно для эффективной борьбы с преступлениями экстремистской направленности.

Экстремистские группы часто действуют на международном уровне, поэтому важным элементом расследования является обмен информацией между правоохранительными органами разных стран. Это включает совместные базы данных, обмен оперативной информацией и проведение совместных операций.

Не смотря на сформированную систему органов, деятельность которых направлена на борьбу с экстремистской деятельностью, на современном этапе с учетом прогрессирующих форм экстремизма, в том числе, с использованием сети Интернет, реформирование нормативно-правовой базы координационной деятельности правоохранительных органов представляет собой первостепенную задачу, решение которой возможно путем внесения изменений, основанных на полученном опыте борьбы с экстремизмом, в том числе, путем составления аналитических данных на основе анализа деятельности каждого правоохранительного органа [12].

Так, в существующих реалиях отсутствует правовой акт по организации взаимодействия между правоохранительными органами на федеральном или региональном уровнях, а существующие ведомственные нормативные акты имеют узконаправленный характер.

Особое внимание заслуживает проблема доступа различных правоохранительных органов к локальным информационным системам, что свидетельствует о необходимости межведомственного объединения информационной базы данных или создания единого реестра с равным доступом всех правоохранительных органов, уполномоченных на осуществление мероприятий по противодействию экстремизму.

Борьба с экстремизмом носит комплексный характер и включает в себя меры профилактического характера, а также меры по выявлению, предупреждению и пресечению преступной деятельности.

Профилактические меры направлены на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе, на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих ее проявлению. В связи с чем при профилактике экстремизма важное значение имеет проведение эффективной молодежной политики, повышение уровня жизни населения, подготовка квалифицированных кадров, наличие надлежащей правовой основы, в том числе регламентирующей деятельность правоохранительных органов в сети Интернет.

Важным аспектом в предотвращении экстремистских проявлений служат меры воспитательного характера, направленные на устранение нигилизма, формирование правосознания, патриотизма, развитие духовно-нравственных и семейных ценностей несовершеннолетних и в молодежной среде.

Предотвращению экстремистской деятельности в сети Интернет также служит ранее выявление социальных стычек правоохранительными органами путем проведения комплексного мониторинга и оценки развития выявленного конфликта, создающего угрозу безопасности общества и государства, а также сформированное доступное информационное пространство для изучения нормативно-правовой системы в области предупреждения экстремизма и противодействия ему.

Под мониторингом сети Интернет в целях оперативно-розыскной деятельности следует понимать систематическую деятельность по наблюдению за объектами, явлениями и процессами в сети Интернет, осуществляемую уполномоченными субъектами оперативно-розыскной деятельности, использующих специальные методы для выполнения задач, поставленных перед правоохранительными органами.

С целью эффективного противодействия экстремизму необходимо на законодательном уровне закрепить понятие оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет, а также на уровне государства создать целостную, иерархически выстроенную систему отслеживания использования сети Интернет (в том числе социальных сетей) в деструктивных целях, что позволит оперативно реагировать на выявленные факты экстремизма.

Представляется необходимым разработка единого программного продукта, включающего в себя функционал, подтвердивший эффективность на практике, нацеленного на поиск признаков преступлений в информационно-телекоммуникационных сетях, позволяющего на основе текстовой информации установить обстоятельства совершения противоправной деятельности и виртуальные профили лиц к ней причастной, а также позволяющего на основании графической информации соотнести изображение человека с реальным лицом.

В связи с длительной подготовкой к совершению преступлений экстремистской направленности в сети Интернет, своевременное получение информации о готовящемся преступлении позволяет оперативным сотрудникам подразделений органов внутренних дел эффективно предупредить или пресечь готовящееся или совершающееся преступление. К проводимым оперативно-розыскным мероприятиям и следственным действиям при раскрытии подобных преступлений относят: блокирование доступа к определенным интернет-ресурсам; снятие информации с технических каналов связи; оперативный интернет-опрос; отождествление личности; получение компьютерной информации.

При этом, не все указанные мероприятия закреплены на законодательном уровне и имеют правовую регламентацию, что также является существенной проблемой при раскрытии преступлений экстремистской направленности в сети Интернет.

Список литературы:

1. Иванцов С. В., Борисов С. В., Узембаева Г. И., Музычук Т. Л., Тищенко Ю. Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 780.
2. Исакова В.С. «Суверенный Рунет» и «Великий китайский файрвол»: сравнительно-правовой анализ // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 2. С. 57.
3. Алескеров В.И. К вопросу о преступлениях, совершаемых в телекоммуникационных сетях // Вестник ВИПК МВД России. 2012. № 3 (23). С. 69.
4. Алескеров В.И., Колокольчикова О.Н. О преступлениях террористического характера и экстремистской направленности, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 59.
5. Трофимов Ю. В., Исаев Е. А. Проблемы и предложения по предупреждению и пресечению деятельности экстремистских организаций в информационном пространстве // Академическая мысль. 2020. №1 (10).
6. Якушкин, А. А. Деятельность органов прокуратуры по противодействию экстремизму в сети «Интернет»: проблемы и пути решения // Издательская группа «Закон». 2020. 26 янв.
7. Максимова В. П. Формы, методы и направления использования специальных знаний в целях выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41). С. 198.
8. Кутузов А.В. Отдельные аспекты проведения оперативного опроса с использованием Интернета в противодействии экстремизму // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 3.
9. Болвачев М.А. Использование социальных сетей при расследовании преступлений экстремистской направленности: автореф. Дис. ... док. юрид. наук. 12.00.12. Калининград. 2022. С. 11.
10. Горбунов А.Н. Оперативно-розыскные мероприятия по выявлению преступлений экстремистской направленности в сети интернет // Вестник КРУ МВД России. 2021. №4 (54).
11. Криштопов С.В., Ермолович Я.Н. Соотношение и разграничение понятий «преступления террористической направленности» и «преступления экстремистской направленности» // Российский следователь. 2022. № 3. С. 37.
12. Санин В.Е., Меркулов С.В. Особенности взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом и пути его совершенствования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. №2 (47).

References:

1. Ivantsov S. V., Borisov S. V., Uzembayeva G. I., Muzychuk T. L., Tishchenko Yu. Y. Actual problems of modern functioning of the system of measures of criminological prevention of consequences of extremist activity related to the use of information and telecommunication networks // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. No. 6. P. 780.
2. Isakova V.S. "The Sovereign Runet" and "The Great Chinese Firewall": a comparative legal analysis // State power and local self-government 2022. No. 2. P. 57.
3. Aleskerov V.I. On the issue of prestige existing in telecommunication networks // Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 3 (23). p. 69.
4. Aleskerov V.I., Kolokolchikova O.N. On the consequences of terrorism and extremist activities related to the use of telecommunications and computer information // The Russian justice system. 2021. No. 3. p. 59.
5. Trofimov Yu. V., Isaev E. A. Problems and proposals for the prevention and suppression of extremist organizations in the information space // Academic Thought 2020. No. 1 (10).
6. Yakushkin, A. A. Activities of the prosecutor's office to counter extremism on the Internet: problems and solutions // Publishing group "The law." 2020. January 26.
7. Maksimova, P. Forms, methods and ways of applying special knowledge in general to identify and transform counteraction to prestige recognition // Legal science and law enforcement practice. 2017. No. 3 (41). p. 198.
8. Kutuzov A.V. Certain aspects of operational intervention using the Internet in the fight against extremism // Legal science and practice 2020. Vol. 16. No. 3.
9. Bolvachev M.A. The use of social networks in describing extremist events: abstract. Surprise. d doc. jurid. scientific 12.00.12. Kaliningrad. 2022. p. 11.
10. A. Gorbunov.H. Operational and secret measures to detect the consequences of extremist activity on the Internet // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. №4 (54).
11. Krishtopov S.V., Ermolovich Ya.N. The connection and differentiation of the concepts of "the influence of a terrorist orientation" and "the influence of an extremist orientation" // The Russian Investigator 2022. No. 3. p. 37.
12. Sanin V.E., Merkulov S.V. Peculiarities of interaction of law enforcement agencies in the fight against extremism and its prevention // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. №2 (47).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ INTERACTION OF STATE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

ЕЛИСТРАТОВА Ольга Васильевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
«Пензенский государственный университет», г. Пенза, Россия.
440026, Россия, г. Пенза, Красная ул., 40 корп. 1.
Stulnikova80@yandex.ru

YELISTRATOVA Olga Vasilyevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State Law Disciplines
Penza State University, Penza, Russia.
40 Krasnaya str., building 1, Penza, 440026, Russia.
Stulnikova80@yandex.ru

Краткая аннотация. Данная научная работа посвящена исследованию проблем взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена необходимостью четкого определения границ полномочий и механизмов координации действий различных уровней власти для эффективного выполнения задач общественного управления. Исследование основано на анализе нормативной базы, судебной практики и экспертных оценок, позволяющих выявить существующие трудности и предложить пути их преодоления. Проблема взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления занимает важное место в теории и практике публичного управления. Эффективность такого взаимодействия напрямую влияет на качество жизни граждан, экономическое развитие территорий и стабильность политического устройства страны. Несмотря на наличие ряда исследований, посвященных данному вопросу, многие аспекты остаются недостаточно изученными и требуют дополнительного рассмотрения.

Abstract: This scientific work is devoted to the study of the problems of interaction between state authorities and local governments in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the need to clearly define the boundaries of authority and mechanisms for coordinating the actions of various levels of government in order to effectively fulfill the tasks of public administration. The study is based on an analysis of the regulatory framework, judicial practice and expert assessments, which make it possible to identify existing difficulties and suggest ways to overcome them. The problem of interaction between public authorities and local governments occupies an important place in the theory and practice of public administration. The effectiveness of such interaction directly affects the quality of life of citizens, the economic development of territories and the stability of the country's political structure. Despite the existence of a number of studies devoted to this issue, many aspects remain insufficiently studied and require additional consideration.

Ключевые слова: муниципальная реформа, единая система публичной власти, местное самоуправление, муниципальные образования, перераспределение полномочий, органы местного самоуправления, проблемы взаимодействия, функции и задачи местного самоуправления.

Keywords: municipal reform, unified system of public authority, local self-government, municipalities, redistribution of powers, local self-government, problems of interaction, functions and tasks of local self-government.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Под взаимодействием органов государственной власти и органов местного самоуправления понимается процесс координации действий, направленный на достижение общих целей и эффективное использование имеющихся ресурсов. Такое взаимодействие осуществляется в рамках правового поля, установленного Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Основные принципы взаимодействия включают:

- четкое распределение полномочий между уровнями власти;
- обеспечение согласованности решений, принимаемых разными уровнями власти;
- предоставление органам местного самоуправления необходимых финансовых и материальных ресурсов;
- контроль исполнения обязательств всеми участниками процесса.

Современные вызовы, связанные с формированием гражданского общества и развитием политических институтов, а также замедление социально-экономического прогресса регионов из-за неопределенности внешних факторов, необходимости управления рисками и поиска баланса между фискальной и монетарной политикой, подчеркивают важность адаптации системы управления и создания оптимальных условий для стабильности, повышения уровня жизни населения и укрепления доверия между государством и обществом.

Конституционные поправки 2020 года, в частности, закрепили принципиальные положения об унифицированной системе публичной власти, предназначенной для оперативного реагирования на внешние угрозы, принятия согласованных стратегических решений и обеспечения эффективного решения социально значимых вопросов населения на соответствующей территории посредством взаимодействия различных уровней власти.

Согласно заключению Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3, органы местного самоуправления, не входящие в систему органов государственной власти по своему конституционно-правовому статусу, тем не менее, являются частью единой системы публичной власти. Это необходимо для обеспечения государственного единства Российской Федерации и применения к местному самоуправлению ключевых

характеристик, закрепленных в Основном Законе.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что самостоятельное решение органами местного самоуправления вопросов местного значения не исключает конструктивное взаимодействие с органами государственной власти и участие органов местного самоуправления в выполнении государственных функций и задач на соответствующей территории, как путем наделения их отдельными государственными полномочиями, так и в иных формах. При этом, самостоятельность местного самоуправления не является абсолютной и определяется пределами, устанавливаемыми действующим законодательством.

Рассмотренные утверждения не предполагают искажения конституционных основ локального управления как звена государственной власти, максимально приближенного к гражданам, и принижения его независимости относительно других ветвей власти в рамках его юрисдикции.

Одновременно с этим, утверждая автономию местного самоуправления как его фундаментальную характеристику и принцип взаимодействия с государственными органами, Основной закон РФ подразумевает, что данная автономия не носит всеобъемлющий характер, а должна ограничиваться рамками, устанавливаемыми текущим законодательством.

За последние два десятилетия реорганизация локального управления в России была объектом оживленной академической дискуссии и институциональных трансформаций. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» оказался определяющим в процессе придания формы и структуры системе местного самоуправления в постсоветской России, тем не менее, по мере развития практики применения обнаружил ряд значительных теоретико-правовых и организационно-управленческих затруднений, обусловивших потребность в его всестороннем пересмотре. За годы действия в данный Федеральный закон было внесено значительное количество изменений и дополнений, что привело к усложнению текста, неоднозначности интерпретаций и раздробленности правового регулирования.

Необходимость преобразований в системе местного самоуправления была обусловлена рядом проблем: недостаточной эффективностью работы муниципалитетов, ограниченными полномочиями в решении локальных вопросов, дисбалансом между возложенными на местные власти обязанностями и имеющимися в их распоряжении ресурсами. Особую остроту представляла слабая финансовая база муниципалитетов, их зависимость от финансовых поступлений из регионального и федерального бюджетов. Дополнительными факторами являлись различия в правовом регулировании на уровне субъектов федерации, низкая степень участия населения в принятии решений, увеличение административных расходов, дефицит квалифицированных кадров и современного информационно-технического обеспечения.

Анализ практики взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления выявляет ряд существенных проблем:

1. Недостаточная ясность разделения полномочий. Нередко возникают ситуации, когда полномочия дублируются или недостаточно определены, что приводит к конфликтам и неэффективному управлению.
2. Финансовое обеспечение местных бюджетов. Недостаточное финансирование местных бюджетов создает трудности в реализации социальных программ и инфраструктурных проектов.
3. Отсутствие эффективной системы контроля. Отсутствие механизмов мониторинга и оценки результатов деятельности органов местного самоуправления снижает качество предоставляемых услуг населению.
4. Низкий уровень квалификации кадров. Недостаточно квалифицированные кадры негативно влияют на эффективность принятия управленческих решений.
5. Недоверие между уровнями власти. Наличие недоверия и недопонимания между органами власти разного уровня препятствует эффективному сотрудничеству.

Изучение проблем и управленческих задач, масштабные подготовительные мероприятия, включавшие сбор и обработку значительного объема аналитической и статистической информации, систематизацию экспертных оценок и практического опыта, консультации с научным сообществом, представителями органов власти и общественными организациями, позволили к концу 2021 года разработать проект Федерального закона N 40361-8 "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти". Законодателям потребовалось свыше четырех лет для детальной проработки и совершенствования правовых норм данного законопроекта. В результате Президент Российской Федерации подписал 20 марта 2025 года Федеральный закон N 33-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти", который заложил новые направления развития местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный закон № 33-ФЗ закрепил основные принципы функционирования унифицированной системы публичной власти, где Президент Российской Федерации координирует слаженное взаимодействие между её элементами. Развивая конституционные положения, данный закон подчеркивает тенденцию к усилению централизации в структуре современного муниципального самоуправления.

Согласно содержанию утвержденного документа, глава муниципального образования, занимающий одновременно государственную должность в субъекте РФ и муниципальную должность, фактически выполняет роль исполнительного элемента в вертикали региональной власти. Он несет ответственность не только перед населением и представительным органом муниципального образования, но и перед высшим должностным лицом субъекта РФ, а также Президентом Российской Федерации.

Укрепление влияния губернатора на организацию местного самоуправления проявляется в его контроле над процессом обновления управленческих кадров. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации получает полномочия по формированию кадрового резерва,

назначению временно исполняющих обязанности глав муниципалитетов и инициированию досрочного прекращения их полномочий, включая отстранение от должности. Основанием для этого могут служить систематическое невыполнение показателей эффективности, установленных Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607, или ненадлежащее исполнение обязанностей, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения. Хотя Конституция Российской Федерации закрепляет понятие "вопросы местного значения", Федеральный закон № 33-ФЗ конкретизирует задачи, находящиеся в исключительной компетенции органов местного самоуправления, и определяет их как вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, добавляя социально-экономическую составляющую.

В связи с установлением особого правового режима в отдельных субъектах Российской Федерации, где отсутствуют органы местного самоуправления, и невозможностью их формирования, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации наделены правом временно передавать исполнительным органам региональной власти отдельные полномочия органов местного самоуправления или возлагать эти полномочия на органы местного самоуправления других муниципальных образований.

Вводится положение о прекращении полномочий главы муниципального образования в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации. Однако закон не предусматривает механизм отзыва населением главы муниципального образования, а также депутата или члена выборного органа местного самоуправления.

Законодательство не регулирует формы участия населения в местном самоуправлении, такие как сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа муниципального образования, правотворческая инициатива граждан, конференция граждан (собрание делегатов) и обращения граждан в органы местного самоуправления. В ряде установленных форм участия возрастной ценз был увеличен с 16 до 18 лет. Несмотря на представленные аргументы, необходимо подчеркнуть, что предложенные меры не должны ущемлять демократическую обоснованность полномочий местного самоуправления и рассматриваться как преграда для непосредственного участия граждан в механизмах контроля. Население по-прежнему обладает возможностью реализовывать свои права в управлении муниципальными делами, используя иные, не запрещенные законодательством способы, которые могут быть зафиксированы в учредительных документах муниципального образования.

Существенным нововведением выступает установленная классификация компетенций органов местного самоуправления, представленная исчерпывающим перечнем полномочий, которые не подлежат переуступке; полномочиями, перераспределяемыми законом субъекта Российской Федерации в пользу органов государственной власти субъекта Российской Федерации и полномочиями, делегируемыми органам местного самоуправления законом субъекта Российской Федерации. Каждая из указанных категорий отличается своими особенностями, правовым статусом и функциональным предназначением. Это позволит провести более четкое разграничение сфер ответственности между органами и уровнями власти, оптимизировать эффективность управления посредством акцентирования внимания на приоритетных направлениях, а также будет способствовать укреплению социальной стабильности и повышению уровня жизни населения за счет оперативного решения наиболее важных вопросов. В рамках утвержденного принципа перераспределения компетенций, государственные органы субъекта Российской Федерации не только должны согласовывать объем делегированных муниципалитетам задач с имеющимися у них ресурсами, но и гарантировать их исполнение преимущественно за счет средств региональных бюджетов. Это налагает на субъекты Федерации повышенную ответственность за соблюдение сроков и достижение намеченных результатов.

Особо следует отметить отсутствие в законодательстве положений о консолидированном бюджете муниципальных образований, что является результатом компромисса между автономией местного самоуправления и усилением централизации и интеграции муниципалитетов в структуру региональной власти. Отказ от объединенной системы обусловлен стремлением сохранить автономию бюджетов муниципалитетов, обеспечить прозрачность финансовых потоков на уровне отдельных территорий, предоставить гибкость в реализации местных задач и предотвратить нежелательное перераспределение полномочий и доходных источников от муниципалитетов к субъекту Федерации.

Переходный период реформирования системы местного самоуправления, обеспечивающий поэтапное внедрение обновленной модели публичной власти в Российской Федерации, приобретает концептуальное значение. Он продлится до 1 февраля 2035 года, и субъекты обязаны привести региональное законодательство в соответствие с Законом N 33-ФЗ до конца 2026 года.

В данном контексте, переходный период рассматривается не просто как технический этап, а как возможность, требующая политической гибкости, экспертной поддержки и систематической обратной связи, для разработки адаптивных и согласованных решений. Эти решения должны повысить прозрачность организационно-распорядительных и управленческих процедур, учитывая специфические особенности регионов, потребности и интересы населения муниципалитетов.

Усиление контрольных функций со стороны субъектов Российской Федерации, сопровождающее перераспределение полномочий, требует разработки унифицированных методик оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Такие методики должны учитывать не только формальные показатели исполнения бюджета, но и фактическое улучшение качества жизни населения, развитие инфраструктуры и создание благоприятного инвестиционного климата в муниципальных образованиях.

Особое внимание в переходный период следует уделить подготовке и переподготовке кадров для органов местного самоуправления. Новая модель управления предъявляет повышенные требования к квалификации муниципальных служащих, их способности к стратегическому планированию, проектному управлению и эффективному взаимодействию с населением. В этой связи, необходимо разработать и реализовать комплексные программы обучения и повышения квалификации, учитывающие специфику каждого региона и потребности конкретных муниципальных образований.

Важным аспектом реформирования системы местного самоуправления является развитие информационных технологий и внедрение

цифровых платформ для обеспечения прозрачности и доступности информации о деятельности органов местного самоуправления. Использование цифровых технологий позволит повысить эффективность взаимодействия органов власти с населением, упростить процедуры получения муниципальных услуг и обеспечить общественный контроль за деятельностью органов местного самоуправления.

Необходимо также учитывать риски, связанные с возможной неготовностью отдельных муниципальных образований к реализации возложенных на них полномочий. Для таких муниципальных образований должны быть предусмотрены механизмы оказания дополнительной финансовой и организационно-методической поддержки со стороны субъектов Российской Федерации. Это позволит обеспечить равномерное развитие всех муниципальных образований и избежать ситуаций, когда отдельные территории оказываются в неблагоприятном положении из-за недостатка ресурсов или квалифицированных кадров.

Таким образом решение указанных проблем возможно путем внедрения комплексных мер, включающих правовые, организационные и финансовые механизмы. Среди возможных направлений улучшения взаимодействия выделяются: четкое разделение полномочий между уровнями власти с использованием принципа субсидиарности; обеспечение финансовой устойчивости муниципальных образований, включая расширение налоговой автономии и повышение доли собственных доходов; создание эффективного механизма контроля, обеспечивающего объективную оценку деятельности органов местного самоуправления; повышение профессионального уровня сотрудников органов власти, внедрение современных методов управления и технологий; формирование атмосферы доверия и партнерства между органами власти различного уровня.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, что положительно скажется на развитии регионов и улучшении качества жизни населения.

Таким образом, взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации представляет собой сложный многоуровневый процесс, характеризующийся наличием значительных проблем и потенциальных возможностей для улучшения. Решение вопросов распределения полномочий, финансового обеспечения и кадровой подготовки является приоритетным направлением развития государственного управления. Дальнейшие исследования в данной области позволяют выработать оптимальные подходы к решению возникающих проблем и формированию условий для устойчивого социально-экономического роста.

Только по завершении переходного периода, в процессе практической реализации новой системы распределения полномочий и формирования устойчивых управленческих практик, станет возможным объективно оценить как положительные последствия реформы, так и выявить аспекты, требующие дальнейшей доработки, корректировки или нормативного уточнения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» № 33-ФЗ // СЗ РФ. - 2025. - № 12. - Ст. 1200.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ // СЗ РФ. - 2003. - № 40. - Ст. 3822. Куулар, Ш. С. Проблемы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2024. — № 17 (516). — С. 197–200.
3. Бабичев, И. В. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: некоторый анализ конституционных новелл // Местное право. — 2020. — № 6. — С. 3–12.
4. Бабун, Р. В. Государственное и муниципальное управление: введение в специальность: учебное пособие / Р. В. Бабун. — Москва: КНОРУС, 2023. — 127 с.
5. Борисов, Н. И. Государственная и муниципальная служба: учебное пособие / Н. И. Борисов. — Москва: КноРус, 2023. — 509 с..
6. Зеленцов, В. В. Проблемы и перспективы совершенствования территориальной организации местного самоуправления (на примере муниципальных образований Республики Тыва) // Управленческое консультирование. — 2023. — № 10. — С. 120–136.
7. Коровин, Д. А. Проблемы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти при реализации законодательства субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях (на примере Краснодарского края) // Научный журнал «Эпомен». — 2020. — № 48. — С. 153–164.

References

1. Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On Public Principles of Organizing Local Self-Government in the Unified System of Public Power" // Federal Law of the Russian Federation - 2025. - № 12. - Article 1200.
2. Federal Law of October 6, 2003 "On General Principles of Organization local self-government in the Russian Federation" No. 131-FZ // Federal Law of the Russian Federation - 2003. - No. 40. - Art. 3822. Kuular, S. Problems of interaction between state authorities and local self-government in the Russian Federation-radio stations // Young scientist — 2024. — № 17 (516). — Pp. 197-200.
3. Babichev, V. V. Local self-government in the unified system of public authority: some analysis of constitutional novels // Local Law 2020. — No. 6. — pp. 3-12.
4. Babun, R. V. State and municipal administration: an introduction to the specialty: textbook / R. V. Babun. Moscow: KNORUS Publ., 2023. 127 p.
5. Borisov, N. I. State and Municipal Service: a textbook / N. I. Borisov. - Moscow: KnoRus, 2023. - 509 P..
6. Zelenstov, V. V. Problems and prospects of development of the territorial organization of local self-government (on the example of municipal formations of the Republic of Tyva) // Management consulting — 2023. — No. 10. — pp. 120-136.
7. Korovin, D. A. Problems of interaction of local governments with public authorities in the implementation of laws-definitions of the subject Of the Russian Federation on administrative offenses (on the example of the Krasnodar Territory) // Scientific journal "Epomen". - 2020. — No. 48. — pp. 153-164.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

ГАЦОЛАЕВА Алефтина Хадзибекировна,

к.ю.н., доцент кафедры публично-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»
362025, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44–46.
mirag.8184@ya.ru

ГАЦОЛАТИ Виктор Эдуардович,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры административного и финансового права юридического института
ФГАОУ ВО «Российский Университет Дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
mirag.8184@ya.ru

GATSOLAEVA Aleftina Khadzibekirovna,

candidate of law, associate professor of the department of public law disciplines,
FGBOU VO « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov»
44-46 Vatutina St., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia —Alania, 362025.
mirag.8184@ya.ru

GATSOLATY Victor Eduardovich,

candidate of law, associate professor of the department of public law disciplines,
FGBOU VO « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov»
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia.
mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются конституционно-правовые основы цифровизации государственного управления в Российской Федерации. Анализируются принципы, закреплённые в Конституции РФ и законодательстве, обеспечивающие развитие электронного правительства, внедрение информационно-коммуникационных технологий и правовые механизмы защиты информационных систем. Раскрываются основные нормативные акты, регулирующие использование ИКТ в госуправлении, такие как Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об электронной подписи», «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и другие. Подчеркивается роль правовых основ в обеспечении информационной безопасности, повышении прозрачности деятельности государственных органов, а также формировании доверия граждан к цифровым сервисам. Особое внимание уделяется проблемам регионального неравенства, недостаточной цифровой грамотности и вопросам кибербезопасности.

Abstract: The article explores the constitutional and legal foundations of digitalization of public administration in the Russian Federation. It analyzes the principles enshrined in the Constitution of the Russian Federation and legislative acts that support the development of e-government, the integration of information and communication technologies (ICT), and legal mechanisms for information systems protection. The main regulatory documents, such as the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Security," "On Electronic Signature," "On the Provision of State and Municipal Services," among others, are discussed. The importance of legal frameworks in ensuring information security, increasing transparency of government activities, and building citizens' trust in digital services is emphasized. Special attention is paid to challenges such as regional disparities, low digital literacy, and cybersecurity issues.

Ключевые слова: федерализм, федеративные отношения, баланс полномочий, асимметрия федерации, региональное развитие, межрегиональное взаимодействие, законодательство, децентрализация, централизация власти, межбюджетные отношения, финансовая автономия, культурное разнообразие.

Keywords: federalism, federal relations, power balance, asymmetry of federation, regional development, interregional cooperation, legislation, decentralization, centralization of power, interbudgetary relations, financial autonomy, cultural diversity.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В последние десятилетия цифровизация стала неотъемлемой частью развития современного общества, трансформируя все сферы общественной жизни, включая государственное управление. В России процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в государственное управление приобретает особое значение в рамках реализации конституционных принципов правового государства, демократии и обеспечения прав и свобод граждан. Политика цифровизации «имеет в своей основе значительную нормативно-правовую базу, что способствует ее тщательной регламентации и четкому разграничению перспективных возможностей. Благодаря широкому кругу регулирующих правовых документов удалось достичь определенных успехов во внедрении цифровых технологий в деятельность органов государственной власти»¹.

Проблематике цифровизации государственного управления, являющейся объектом междисциплинарных исследований, посвящаются много научных исследований, публикаций, монографий. Так, вопросы цифровой трансформации государственного управления исследовались в работах Добролюбова Е.И., Марченко А.Ю., Дмитриевой Н.Е., Васильевой Е.В., Болдыревой В.А, Гумерова И.Р. и др.

Безусловно, от интенсивного развития цифровых технологий и внедрения их в государственное управление очевидны положительные эффекты как для самого государства, так и для общества в целом. Основной целью цифровизации государственного управления является создание условий для более качественного, доступного и эффективного взаимодействия граждан и организаций с государственными структурами.

¹ Аскеров М. И., Корнилов А. Р., Кошелев Б.Е. Нормативно-правовые основы внедрения цифровых технологий в сфере государственного и муниципального управления // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 11(227). – С. 13–15.

В этом контексте решаются задачи повышения прозрачности действий органов власти, уменьшения бюрократических барьеров, ускорения процессов предоставления государственных услуг, а также улучшения контроля за соблюдением законодательства. В рамках реализации этих задач создаются цифровые платформы, электронные сервисы, системы электронного документооборота, базы данных и автоматизированные системы управления.

На федеральном уровне принят ряд законов, регулирующих отношения в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в государственном управлении, среди которых важное место занимают нормативные акты, направленные на формирование единой правовой базы для внедрения цифровых решений, обеспечение безопасности информационных систем государственных органов, а также развитие электронного взаимодействия между гражданами и органами публичной власти.

Одним из ключевых документов является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹, который устанавливает основные принципы правового регулирования в сфере ИКТ, а также определяет параметры защиты информации и ответственности за её нарушение. Этот закон заложил основу для развития информационного законодательства в стране, создав базу для последующих нормативных актов, регулирующих использование ИКТ в различных сегментах государственного сектора.

Следующий значимый нормативный акт – Федеральный закон «Об электронной подписи»², принятый с целью развития электронного документооборота и обеспечения юридической силы электронных документов. Закон закрепил правовые основы использования электронной подписи и электронных документов в государственных и коммерческих отношениях, что значительно повысило эффективность взаимодействия между гражданами, бизнесом и государственными органами. В рамках этого закона также реализуются меры по обеспечению безопасности электронных подписей и защиты данных в процессе обмена информацией.

Кроме того, важным этапом является принятие Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»³, который регламентирует стандарты и процедуры предоставления государственных услуг через интернет-порталы и мобильные приложения. Этот закон направлен на повышение доступности государственных услуг, снижение бюрократической нагрузки и обеспечение прозрачности процессов их получения. Благодаря его реализации значительно расширился спектр услуг, предоставляемых в электронном виде, что в свою очередь способствовало повышению уровня доверия граждан к государственным институтам.

Также необходимо отметить Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁴, принятый для защиты ключевых информационных систем и объектов инфраструктуры, которые обеспечивают жизнедеятельность государства. Закон предусматривает установление требований к обеспечению безопасности таких систем, а также создание специальных органов и механизмов мониторинга, что важно для предотвращения киберугроз, кибератак и обеспечения устойчивости государственных информационных ресурсов.

Кроме указанных нормативных актов, значимую роль играет Федеральный закон «О персональных данных»⁵, целью которого является регулирование обработки и защиты персональных данных граждан при их использовании в государственных информационных системах. В рамках этого закона определены права субъектов персональных данных и обязанности операторов по защите информации, что способствует повышению доверия граждан к электронным услугам и снижению рисков неправомерного использования их личных данных.

Роль федеральных законов в сфере ИКТ в государственном управлении дополнительно усиливается за счёт принятия нормативных актов, регулирующих государственную информационную систему и стандартизацию технологий, а также формирование нормативной базы для внедрения инновационных решений, таких как искусственный интеллект, блокчейн-технологии, big data и облачные сервисы. Важной составляющей этих инициатив является создание условий для развития цифровой экономики и повышения эффективности работы государственных органов. Как справедливо указывает Н.С. Гераскин, использование ИКТ в органах государственной власти, на данном этапе развития, является «одним из ключевых и приоритетных направлений современной политики. Развитие цифровой области в государственных органах обусловлено необходимостью повышения открытости и прозрачности их работы, что способствует и повышению качества предоставления услуг»⁶. Также, развитие данного аспекта обусловлено стремлением улучшить доступность услуг для граждан. Цифровизация государственных сервисов представляет собой значимый этап в развитии концепции электронного правительства, направленного на оптимизацию форм взаимодействия между государственными органами и гражданами посредством внедрения современных информационно-коммуникационных технологий. Реализация данного процесса способствует расширению возможностей автоматизации внутренних механизмов функционирования государственных структур за счёт снижения операционных затрат и повышения эффективности административных процедур. Кроме того, использование ИКТ способствует минимизации ошибок, вызванных человеческим фактором, что в совокупности ведёт к повышению качества предоставляемых публичных услуг.

В реализации цифровых инициатив в государственном управлении активно применяются такие проекты, как «Единый портал государственных услуг» (Портал «Госуслуги»), «Электронное правительство», «Автоматизация государственных функций» и др. Они создают единую информационную инфраструктуру, объединяющую государственные органы различных уровней и ведомства.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. ФЗ от 24.06.2025 № 156-ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

² Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. ФЗ от 21.04.2025 № 94-ФЗ) «Об электронной подписи» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/

³ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. ФЗ от 31.07.2025 № 304-ФЗ) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/

⁴ Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. ФЗ от 07.04.2025 № 58-ФЗ) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. ФЗ от 24.06.2025 № 156-ФЗ) «О персональных данных» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

⁶ Гераскин Н. С. Проблемы и перспективы развития информационно-коммуникационных технологий в органах государственной власти // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 6(56). – С. 910-914.

Развиваются технологии электронных подписей, идентификации граждан, системы контроля за выполнением нормативных актов в электронной среде. Важной составляющей является формирование системы электронного доступа граждан к публичной информации и онлайн-услугам, а также развитие мобильных приложений и порталов.

Не менее важным аспектом является обеспечение информационной безопасности и защиты данных. В этом контексте создаются механизмы шифрования, а также системы мониторинга и предотвращения кибератак. Законодательство предусматривает строгие требования к обработке личных данных и обеспечению их конфиденциальности. Ученые выделяют методы и средства защиты информации¹. Организационно-правовые методы включают правила, инструкции, требования, документы по регламенту к помещению, технике и т.д., где будет размещаться информация. Инженерно-технические методы направлены на обеспечение препятствия физического проникновения на объекты защиты с конфиденциальной информацией, сохранения целостности имеющихся данных при их передаче и хранении, предотвращения прослушивания, перехвата сведений заинтересованными лицами, контроля по использованию информации сотрудниками по открытым каналам и т.д. Реализация этого комплекса мер вносит кардинальные изменения в информационную сферу, где формируются стратегические и текущие задачи в области получения информации и пользования ею.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в административную практику является важным шагом на пути модернизации государственного управления и повышения эффективности работы государственных органов. Однако, несмотря на значительные успехи в этом направлении, данный процесс сталкивается с рядом существенных проблем и препятствий, которые требуют системного подхода и своевременного решения.

Одним из ключевых вопросов, влияющих на развитие цифровой инфраструктуры в стране, является недостаточное обеспечение технологическими средствами в отдельных регионах, особенно в удаленных и сельских зонах. Эти территории сталкиваются с недостаточной пропускной способностью интернет-сигнала, ограниченными возможностями доступа к современным информационным устройствам, а также низким уровнем технического оснащения инфраструктуры. Такое состояние создает значительные барьеры для равноправного предоставления государственных услуг в электронном формате и мешает реализации стратегии формирования цифрового государства, ориентированного на охват всей территории. Вследствие этого жители указанных регионов оказываются лишёнными преимуществ цифровых технологий, что негативно сказывается на уровне их жизнедеятельности и социальной интеграции.

Также следует обратить внимание на низкий уровень цифровой грамотности населения. Особое внимание уделяется пожилым гражданам, для которых освоение современных электронных платформ часто сопряжено с существенными трудностями. Недостаточные навыки в области работы с компьютерами, мобильными устройствами, а также ограниченный доступ к информации о возможностях предоставляемых электронных сервисов способствуют тому, что определённые группы населения оказываются исключёнными из использования важных государственных услуг. Такая ситуация способствует формированию социального неравенства и негативно отражается на эффективности реализуемых государственных программ, направленных на повышение уровня жизни и обеспечение равных возможностей для всех категорий граждан.

Негативные последствия цифровых технологий «заключаются в неконтролируемой передаче данных, которые с легкостью попадают в руки мошенников и используются ими в корыстных целях»². Для «предотвращения печальных последствий необходимо принимать своевременные меры по обеспечению безопасности данных»³.

Обеспечение информационной безопасности представляет собой одну из ключевых задач современной цифровой инфраструктуры. В условиях активного развития электронных сервисов возникает необходимость защиты передаваемых и обрабатываемых данных от несанкционированного доступа и разнообразных киберугроз. В контексте современных информационных технологий нарушения в системах информационной безопасности представляют собой критические угрозы, обладающие потенциалом вызывающего значительные последствия для функционирования государственных и частных структур. В частности, такие нарушения могут привести к несанкционированному раскрытию конфиденциальных данных граждан, что подвергает риску безопасность личной информации и нарушает принципы правовой защиты. Помимо этого, возможна компрометация баз данных, содержащих важные сведения, либо выход из строя автоматизированных систем, что негативно сказывается на надежности оказания электронных услуг, снижающих степень доверия пользователей к цифровым платформам.

В связи с этим актуальной задачей является разработка и внедрение комплексных мер по обеспечению информационной безопасности. Эти мероприятия включают формирование нормативных правовых актов, стандартизацию процессов и установление процедур, направленных на защиту информационных систем от потенциальных угроз. Одним из ключевых аспектов является повышение квалификации и расширение профессиональных компетенций специалистов, отвечающих за техническую поддержку и эксплуатацию информационных систем, особенно в области кибербезопасности. Экспертные и организационные меры, ориентированные на укрепление навыков персонала и их подготовку к реагированию на инциденты, позволяют существенно снизить вероятность возникновения рисков ситуаций, связанных с утечками, повреждениями или искажениями данных.

Эффективное применение указанных мер способствует укреплению устойчивости инфраструктуры информационных систем и обеспечению непрерывности функционирования электронных платформ в условиях постоянного усложнения киберугроз. Постоянное развитие методов защиты и совершенствование нормативно-правового обеспечения позволяют своевременно реагировать на новые вызовы киберсреды, поддерживая высокий уровень информационной безопасности и укрепляя доверие со стороны граждан и организаций к цифровым сервисам.

¹ Сыкеев Д. В., Сыкеева И. Н. Проблемы обеспечения информационной безопасности // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2023. – № 4(100). – С. 45–48.

² Ибрагимов К.Х. Неизбежны ли негативные последствия цифровизации для общества? // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. №9. С. 32–36.

³ Калашикова Е. Б. Влияние цифровизации на развитие общества // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2024. – № 1–2. – С. 570–571.

Значительную роль в реализации программ цифровизации занимает проблема формирования доверия граждан к электронным сервисам. Множество исследователей отмечают, что уровень доверия населения к цифровым платформам определяется рядом факторов, включая опасения относительно утечки личных данных, возможных технических сбоев в функционировании систем, а также недостаточную информированность граждан о преимуществах и особенностях использования цифровых решений¹. Недостаточность доверия приводит к тому, что доля населения, предпочитающая традиционные формы получения государственных услуг, остается высокой, что создает препятствия для достижения целей национальных программ по внедрению цифровых технологий. В свете этого особенно важным является проведение информационно-разъяснительных мероприятий, направленных на ознакомление граждан с выгодами электронных услуг, а также создание эффективных механизмов обратной связи и систем поддержки пользователей, обеспечивающих их безопасность и комфорт при использовании цифровых платформ.

Исследуя конституционно-правовые основы цифровизации государственного управления в России, следует выделить следующие основные тенденции.

Ст.1 Конституции Российской Федерации закрепляет принципы суверенитета и территориальной целостности государства, что подчеркивает необходимость правового регулирования процессов цифровизации. Глава 2 Конституции определяет основные права и свободы человека и гражданина, что требует их учета при формировании правовых основ информационной деятельности, связанной с развитием цифровых технологий. В сфере цифровизации особую актуальность приобретает норма ст. 29 Конституции, провозглашающая право граждан на свободу слова и информации. Эта норма предполагает не только обеспечение свободы обмена информацией, но и гарантирует доступность и прозрачность государственных данных, одновременно соблюдая право граждан на личную тайну и защиту информации. Таким образом, конституционные положения образуют правовую базу, регламентирующую соотношение между свободой информации, приватностью и безопасностью в условиях цифровой трансформации общества.

Ст. 23 Конституции закрепляет право на неприкосновенность частной жизни, что обязывает государство гарантировать защиту личных данных граждан (ст. 6 ФЗ «О персональных данных»). Создается механизм соотношения между необходимостью защиты информации и обеспечением доступа к ней, что является принципиальным для легитимности цифровых технологий в управлении.

Тем не менее, анализ показывает, что в нормативных актах существуют пробелы и коллизионные нормы, например, отсутствие четкого деления полномочий между федеральным центром и регионами в сфере регулирования информационных технологий (ст. 72 Конституции). Это приводит к неравномерности условий внедрения цифровых решений, что противоречит принципам федерализма и равноправия субъектов РФ. Кроме того, недостаточная правовая регламентация вопросов информационной безопасности создает угрозы для стабильности системы.

Таким образом, конституционно-правовая основа цифровизации в России является фундаментом для обеспечения легитимности, устойчивости и эффективности современных информационных процессов, внедряемых в систему государственного управления. В условиях быстроразвивающихся технологий и необходимости адаптации государственных институтов к новым реалиям цифровая правовая база становится важным инструментом регуляции процессов перехода к цифровому обществу, обеспечивающим соблюдение прав и свобод граждан, а также стабильность и безопасность информационной среды страны.

Создание единой правовой базы, регулирующей цифровую сферу, способствует формированию правового пространства, в рамках которого реализуются новые формы взаимодействия между государством и, основанные на цифровых информационных технологиях. Такой подход обеспечивает прозрачность, предсказуемость и единообразие правового регулирования в области цифровых коммуникаций, электронных сервисов, защиты информации и иных аспектов информационной деятельности.

Конституционно-правовые основы цифровизации включают в себя не только федеральные законы, регулирующие вопросы электронной демократии, цифровых прав и свобод, защиты персональных данных, но и соответствующие положения Конституции Российской Федерации. Они закрепляют принципы неотъемлемости информации, недопустимости произвольных ограничений прав граждан, а также гарантий защиты данных и конфиденциальности в цифровом пространстве. Эти нормы дают основания для формирования юридической базы, которая обеспечивает уважение прав человека и гражданина в условиях цифровой трансформации. Создание единой правовой базы способствует укреплению суверенитета государства, так как обеспечивает контроль над информационными потоками, защищает национальные интересы и способствует формированию устойчивого информационного пространства, интегрированного с национальной системой правового регулирования.

Список литературы

1. Аскеров М. И., Корнилов А. Р., Кошелюк Б. Е. Нормативно-правовые основы внедрения цифровых технологий в сфере государственного и муниципального управления // *Аграрное и земельное право*. – 2023. – № 11(227). – С. 13-15.
2. Гераскин Н. С. Проблемы и перспективы развития информационно-коммуникационных технологий в органах государственной власти // *Естественно-гуманитарные исследования*. – 2024. – № 6(56). – С. 910-914.
3. Ибрагимов К.Х. Неизбежны ли негативные последствия цифровизации для общества? // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2023. №9. С. 32-36.
4. Калашникова Е. Б. Влияние цифровизации на развитие общества // *Наука XXI века: актуальные направления развития*. – 2024. – № 1-2. – С. 570-571.
5. Соловьева Т. В. Проблемы информационной безопасности в условиях цифровой трансформации общества // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. – 2019. – № 1(27). – С. 28-30.
6. Сыкеев Д. В., Сыкеева И. Н. Проблемы обеспечения информационной безопасности // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. – 2023. – № 4(100). – С. 45-48.
7. Федоров П. Г. Некоторые вопросы информационной безопасности при цифровизации и цифровой трансформации // *Право и экономика*. – 2025. – № 1(443). – С. 70-76.

¹См.: Соловьева Т. В. Проблемы информационной безопасности в условиях цифровой трансформации общества // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. – 2019. – № 1(27). – С. 28-30; Федоров П. Г. Некоторые вопросы информационной безопасности при цифровизации и цифровой трансформации // *Право и экономика*. – 2025. – № 1(443). – С. 70-76.

References

1. Askerov M. I., Kornilov A. R., Koshelyuk B. E. Regulatory and legal bases for the introduction of digital technologies in the field of state and municipal management // Agrarian and land law. – 2023. – № 11(227). – pp. 13-15.
2. Geraskin N. S. Problems and prospects of information and communication technology development technologies in public authorities // Natural sciences and humanities research. – 2024. – № 6(56). – pp. 910-914.
3. Ibragimov K.H. Are the negative consequences of digitalization inevitable for society? // State power and local self-government. 2023. No. 9. pp. 32-36.
4. Kalashnikova E. B. The impact of digitalization on the development of society // Science of the XXI century: current directions of development. – 2024. – № 1-2. – pp. 570-571.
5. Solovyova T. V. Problems of information security in the context of digital transformation of society // Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University. – 2019. – № 1(27). – Pp. 28-30.
6. Syktyvkar D. V., Syktyvkar I. N. Problems of ensuring information security // Actual problems of humanities and socio-economic sciences. – 2023. – № 4(100). – pp. 45-48.
7. Fedorov P. G. Some issues of information security during digitalization and digital transformation // Law and Economics. – 2025. – № 1(443). – Pp. 70-76.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1018

УДК 349.42

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL REGULATION OF RURAL TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

БУРНАЦЕВА Залина Мурзабековна,кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет», г. Владикавказ.

362040, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, 37.

E-mail: zalina.law@yandex.ru;

BURNATSEVA Zalina Murzabekovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz.

37 Kirova str., Vladikavkaz, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, 362040.

E-mail: zalina.law@yandex.ru

Краткая аннотация: исследуется нормативно-правовая база развития аграрного туризма как специфического сектора туристической отрасли, использующего природные, культурно-исторические, социальные и иные ресурсы сельских территорий для формирования комплексного туристического продукта

Abstract: This article examines the legal framework for the development of agrarian tourism as a specific sector of the tourism industry that uses natural, cultural, historical, social, and other resources of rural areas to create a comprehensive tourism product

Ключевые слова: сельский (аграрный) туризм, сельские территории, горные территории, агротуристы, услуги, государственные субсидии, грант «Агротуризм»

Keywords: rural (agricultural) tourism, rural areas, agritourists, services, subsidies, grant «Agrotourism»

Статья поступила в редакцию: 08.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Целью данного исследования является изучение правовых проблем развития сельского туризма в Российской Федерации на основе диалектического, системно - структурного, функционального, сравнительно-правового, формально – логического методов.

Сельский туризм зародился в Европе в середине XIX века как форма проведения активного досуга горожан в сельской местности. В XX веке происходило активное развитие данного вида отдыха, но особую популярность он приобрел 1990 - 2000-х гг. Особо востребованными оказались регионы Тоскана, Умбрия и Апулия в Италии, где фермеры организуют посещение виноделен с участием гостей в приготовлении вина, экскурсии на сыроварни и мастер-классы по изготовлению различных видов пасты. Агротуристы Франции могут получить практические навыки в традиционном сельском труде непосредственно на фермах. Сельский туризм в Швейцарии в основном представлен отдыхом в сельских домах и деревенских гостиницах с полным набором услуг для релаксации. Деревенский туризм в Финляндии в основном представлен активным отдыхом на берегах водоемов, включая рыбалки и велопоходы.

Зарубежный опыт развития агротуризма сформировал два его основных типа в зависимости от предоставляемых услуг: получение услуг заказчиками внутри усадьбы арендованного жилого помещения, либо самообслуживание клиентов, размещенных на ночлег в сельских домах[1]. При этом существует огромное количество разновидностей сельского туризма: детский, взрослый, приключенческий, спортивный, трудовой, событийный, экологический, этнографический, образовательный, гастрономический, религиозный, оздоровительный, познавательный.

Исследователи [2] отмечают высокий потенциал агротуризма для модернизации сельских территорий и стимулирования экономической деятельности сельчан, повышения уровня их благосостояния и качества жизни, демографии, что способствует устойчивому развитию сельской местности как фундаменту всего российского общества (экономический аспект).

Развитие агротуризма также связывают с решением социокультурных задач: сохранением народных традиций и творческого наследия, природной и историко-культурной среды обитания, архитектурно-исторических объектов, а также улучшением облика сельской местности в общественном представлении (идеологический аспект).

В современных реалиях России историко-культурный потенциал сельских территорий проявляется в возможностях сохранить и приумножить лучшие традиции, менталитет и культурный код многонационального народа страны путем использования объектов культурного наследия. Будучи социальной и культурной данностью, которая аккумулирует общий опыт и коллективную идентичность, сельские территории реализуют разнообразные функции, в числе которых следует особо выделить:

- обеспечение сельскохозяйственным продовольствием и сырьем;
- воспроизводство народонаселения;
- сохранение национальных языков и культур, традиций, обычаев, фольклора, защита памятников природы и культуры, находящихся на селе;
- поддержание природного баланса, заповедных зон, естественных ресурсов;
- благоприятные условия для жизни и отдыха.

В этой связи развитие аграрного туризма и возрождение традиционных промыслов и производств имеет огромное значение не толь-

ко для увеличения благосостояния сельских жителей, но и препятствует деструктивным процессам стандартизации и глобализации, насильственной экспансии западного образа жизни в целях сохранения ментальных связей, вековых традиций и обычаев, народной мудрости, а также материальных объектов культурного и природного происхождения.

Оптимальная модель сельского туризма представлена платными услугами, оказываемыми фермерами или членами их семей, которые, сохраняя свой производственный профиль, получают вознаграждение дополнительно к своему основному доходу. Предполагается, что турист проживает в сельской местности и осваивает сельский образ жизни, знакомится с народными песнями и танцами, местными обычаями. Клиенты в течение определенного времени находятся среди природных ландшафтов, постигают ценности национальной культуры и прикладного искусства, вовлекаются в традиционные сельские работы (сенокос, сбор ягод и грибов, кормление животных, изготовление сельскохозяйственной продукции), а также участвуют в народных праздниках и торжествах.

Легальное определение сельского туризма содержится в статье 1 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»: это туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни и обычаям народов Российской Федерации, ознакомления с объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, связанными с сельским хозяйством, а также ознакомления с сельскохозяйственным производством и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью использования услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг[3].

Поддержка и развитие агротуризма является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере туристической деятельности и важнейшим направлением государственной поддержки развития сельского хозяйства[4]. Это рентабельный и доходный бизнес, стимулирующий развитие транспорта, систем связи, торговли, сферы услуг, сферы культуры в агломерациях.

Практика оказания услуг в сфере сельского туризма стимулирует устойчивое развитие сельских территорий, их поступательное развитие, наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции, диверсификацию сельского хозяйства, рациональное использование и охрану земель, достижение полной занятости сельского населения и увеличение уровня его жизни. Сегодня к этому стремится большинство регионов России, в числе которых Республика Северная Осетия-Алания. Потенциал республики позволяет создавать разнообразные агромаршруты, конструировать станционные объекты и формировать насыщенные программы для клиентов-гостей. Необходимо дать фермерам, селам и деревням возможность заработать с сохранением статуса сельскохозяйственного товаропроизводителя, что позволит им получать все виды государственной поддержки.

Повышенное внимание к проблемам организации и развития агротуризма в РСО-Алания во многом обусловлено специфическими условиями, присущими горным и предгорным территориям, значительно отступающим в социально - экономическом развитии от равнинных территорий. Особые климатические условия, низкая урожайность, разнообразие почв и сложный рельеф, требующие адаптации способов ведения сельского хозяйства, а также неравномерное размещение населенных пунктов определяют стратегию использования ресурсного потенциала гор, в первую очередь, рекреационного, в целях устойчивого развития горных и предгорных территорий и сохранения традиционной среды обитания горцев. В 2023 году бюджет Северной Осетии получил самые большие федеральные субсидии среди регионов России на развитие агротуризма в объеме 83,5 млн. рублей [5].

Министерство сельского хозяйства РСО-Алания проводит консультации предпринимателей, которые имеют желание получить государственную поддержку. Благодаря этому реализуются 9 предпринимательских проектов, в числе которых экодеревни, рыбное хозяйство, гостиничный комплекс при агропромышленном холдинге, туристические объекты гастрономического направления. Агротуризм - качественный и сравнительно недорогой отдых с погружением в деревенскую среду для большого количества семей, не имеющих садово - дачных участков или родственников в сельской местности. Сельский туризм в горной и предгорной местности может стать визитной карточкой Республики Северная Осетия-Алания.

На актуальность развития агротуризма указано в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [6], а также в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [7]. Цель программных документов – создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих оптимизации аграрного сектора туристической отрасли, использующего природные, культурно-исторические, социальные и иные ресурсы сельских территорий для формирования качественного туристического продукта.

Государственные субсидии играют ключевую роль в развитии туризма. Субсидии предоставляются из федерального бюджета регионам для софинансирования расходных обязательств по предоставлению грантов на развитие сельского туризма (грант «Агротуризм») [8].

В соответствии с вышеприведенными нормативными актами грант «Агротуризм» предоставляется заявителю - сельскохозяйственному товаропроизводителю со статусом «малое предприятие» или «микропредприятие», прошедшему конкурсный отбор, организованный региональным министерством сельского хозяйства. Заявитель должен представить на конкурс конкретный проект создания и или развития объекта сельского туризма, составленный по установленной форме[9]. Размеры гранта (от 3 до 10 млн рублей) зависят от объема собственных средств заявителя, вложенных в реализацию проекта. Вместе с денежными средствами заявитель принимает на себя обязательства соблюдать целевое использование средств, предоставлять отчеты за каждый этап реализации проекта и выполнять все условия программы (например создавать рабочие места). Нецелевое расходование средств гранта не допускается.

Рассматривая дела о нецелевом использовании средств грантов, суды ссылаются на статью 306.4 Бюджетного кодекса РФ, при этом

возможно изъятие субсидий у допустившего нарушение получателя. Для решения вопроса о нецелевом использовании бюджетных средств необходимо определить не только факт отклонения от целей финансирования, но и характер данного отклонения (реальный или формальный). Суды мотивируют свои решения тем, что сущность договорных обязательств о гранте заключается именно в специфической цели – безвозмездности передачи денежных средств грантополучателю для использования их на общепользные социально значимые цели (формирование объектов сельского туризма).

Таким образом, грант «Агротуризм» — это денежные средства из бюджета субъекта Российской Федерации физическому или юридическому лицу для софинансирования его затрат на реализацию проекта развития сельского туризма.

В 2021 году фермеры получили возможность заниматься сельским туризмом, но без прав размещать у себя путешествующих клиентов. Благодаря принятию Федерального закона от 22 июня 2024 г. N 160-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» [10] ситуация разрешилась в пользу заинтересованных лиц, появилась возможность расселения путешественников в гостевых домах, построенных на землях, предоставленных для нужд сельского хозяйства (ст. 37 Земельного кодекса РФ).

Так же в 2022 году устранена правовая неопределенность по вопросу регламентации средств размещения агротуристов и оказываемых в них услуг [11]. Нормативные требования к помещениям, используемым для размещения агротуристов, в том числе: гостевые дома, фермерские дома, хижины, избы, юрты, шале, бунгало, дома рыбака, коттеджи, и прилегающей территории, а также требования к обслуживающему персоналу установлены Минэкономразвития России.

Заключение

На сегодняшний день в стране сформирована необходимая нормативно-правовая база развития агротуризма, реализуются государственные программы, которые предусматривают выполнение комплекса мероприятий, позволяющих обеспечить занятость организацией туристических объектов, скорректировано софинансирование расходов бюджетов субъектов РФ на развитие сельского туризма.

При этом считаем целесообразным издание единого законодательного акта, который должен определять цели, задачи, стратегические приоритеты, основные механизмы и показатели развития сельского туризма Российской Федерации как неотъемлемой части туристической отрасли и отрасли АПК.

Список литературы

1. Печерица, Е. В., Шевченко, М. И. Мировой опыт развития агротуризма / Е. В. Печерица, М. И. Шевченко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2012. - № 41. - С. 44-53. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-razvitiya-agroturizma> (дата обращения: 22.09.2025).
2. Линин, В.В. Институциональные факторы стратегического развития сельского агротуризма: европейский опыт/ В.В. Линин // Прогрессивная экономика. - 2023. - № 11. - С. 64-84.
3. Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 23.07.2025 N 260-ФЗ). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (дата обращения: 23.09.2025).
4. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (в ред. от 31.07.2025 N 349-ФЗ). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (дата обращения: 20.09.2025).
5. Министерство сельского хозяйства Республики Северная Осетия - Алания //Официальный сайт. - URL: <https://mcx.alania.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2025).
6. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р (ред. от 29.05.2025) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (дата обращения: 23.09.2025).
7. Распоряжение Правительства от 2 февраля 2015 года N 151-р (с изм. на 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (дата обращения: 23.09.2025).
8. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 (с изм. на 16.09.2025) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (дата обращения: 23.09.2025).
9. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 10 февраля 2022 г. N 68 «Об утверждении порядка проведения конкурсного отбора проектов развития сельского туризма». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (дата обращения: 23.09.2025). - Текст: электронный.
10. Федеральный закон от 22 июня 2024 г. N 160-ФЗ «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (дата обращения: 23.09.2025).
11. Приказ Минэкономразвития России от 11 ноября 2022 г. № 617 «Об утверждении требований к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере сельского туризма в сельской местности». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (дата обращения: 23.09.2025).

References

1. Pecheritsa, E. V., Shevchenko, M. I. World experience in the development of agrotourism / E. V. Pecheritsa, M. I. Shevchenko // National interests: priorities and security. - 2012. - No. 41. - pp. 44-53. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-razvitiya-agroturizma> (accessed: 09/22/2025).
2. Linin, V.V. Institutional factors of strategic development of rural agrotourism: European experience/ V.V. Linin // Progressive economy. - 2023. - No. 11. - pp. 64-84.
3. Federal Law No. 132-FZ of November 24, 1996 "On the Fundamentals of Tourism Activity in the Russian Federation" (as amended dated 07/23/2025 N 260-FZ). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (date of reference: 09/23/2025).
4. Federal Law No. 264-FZ of December 29, 2006 "On the Development of Agriculture" (as amended. dated 07/31/2025 N 349-FZ). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (accessed: 09/20/2025).
5. Ministry of Agriculture of the Republic of North Ossetia - Alania //Official website. - URL: <https://mcx.alania.gov.ru> (date of issue: 09/20/2025).
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/20/2019 N 2129-r (as amended on 05/29/2025) "On approval of the Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation for the period up to 2035". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (accessed: 09/23/2025).
7. Government Decree No. 151-r dated February 2, 2015 (as amended on January 13, 2017) "On Approval of the Strategy for Sustainable Rural Development of the Russian Federation for the period up to 2030". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (date of reference: 09/23/2025).
8. Decree of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 No. 717 (as amended on 09/16/2025) "On the State Program for the Development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (accessed: 09/23/2025).
9. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation No. 68 dated February 10, 2022 "On Approval of the procedure for competitive selection of rural tourism development Projects". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (accessed: 09/23/2025). - Text: electronic.
10. Federal Law No. 160-FZ of June 22, 2024 "On Amendments to Article 19 of the Federal Law "On Peasant (Farmer) Farming" and the Federal Law "On Agricultural Development". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (accessed: 09/23/2025).
11. Order No. 617 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated November 11, 2022 "On Approval of Requirements for accommodation facilities used to provide services in the field of rural tourism in rural areas". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (accessed: 09/23/2025).

ФОРМАЛИЗАЦИЯ СОЛИДАРНОСТИ И СОПРЯЖЕННЫХ КАТЕГОРИЙ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН СНГ FORMALIZATION OF SOLIDARITY AND RELATED CATEGORIES IN THE CONSTITUTIONS OF THE CIS COUNTRIES

БЕЛОЦЕРКОВИЧ Денис Валерьевич

советник при ректорате,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, кандидат юридических наук, доцент,
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: belotserkovich@bsuedu.ru

НОВИКОВА Алевтина Евгеньевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85
e-mail: novikova_a@bsuedu.ru

BELOTSEKOVICH Denis Valerievich

Advisor to the Rector's Office, Candidate of Law, Associate Professor, Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation
e-mail: belotserkovich@bsuedu.ru

NOVIKOVA Alevtina Evgenievna

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law,
Law Institute, Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation
e-mail: novikova_a@bsuedu.ru

Краткая аннотация. Актуальность темы обусловлена глобальными вызовами современности (экономическая нестабильность, трансформация социальных связей, запрос на справедливость), которые активизируют обращение к солидарности как к конституционно-правовой ценности. В странах СНГ эта категория, а также сопряженные с ней «единство» и «согласие», получают новое нормативное выражение, однако их доктринальное различие и системный сравнительный анализ остаются недостаточно разработанными. Цель статьи – выявление подходов к легализации солидарности, единства и согласия в конституциях государств СНГ, а также определение нормативной роли данных категорий в системе конституционных ценностей. В результате исследования установлены три способа формализации: прямое закрепление в качестве принципа, опосредованное через единство и согласие, а также имплицитное присутствие. Выявлено, что единство преимущественно адресовано государству и народу, а Президент легализован как его гарант. Согласие выполняет как ценностную (межэтническое, гражданское согласие), так и процедурную (юридическое разрешение) функции. Зафиксирован тренд на институционализацию солидарности в обновленных текстах конституций.

Abstract. The relevance of the topic is determined by the global challenges of our time (economic instability, transformation of social ties, demand for justice), which activate the appeal to solidarity as a constitutional and legal value. In the CIS countries, this category, as well as the associated «unity» and «consent», receive a new normative expression, but their doctrinal distinction and systematic comparative analysis remain insufficiently developed. The purpose of the article is to identify approaches to the formalization of solidarity, unity and consent in the constitutions of the CIS countries, as well as to determine the normative role of these categories in the system of constitutional values. As a result of the research, three ways of formalization have been established: direct consolidation as a principle, mediated through unity and agreement, as well as implicit presence. It is revealed that unity is mainly addressed to the state and the people, and the President is formalized as its guarantor. Consent performs both value-based (interethnic, civil consent) and procedural (legal resolution) functions. There is a trend towards the institutionalization of solidarity in the updated texts of the constitutions.

Ключевые слова: солидарность, согласие, единство, государство, народ, личность, принцип, ценность.

Keywords: solidarity, accord, unity, state, people, personality, principle, value.

Для цитирования: Белоцеркович Д.В., Новикова А.Е. Формализация солидарности и сопряженных категорий в конституциях стран СНГ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1021-1025. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1021.

For citation: Belotserkovich D.V. Formalization of Solidarity and Related Categories in the Constitutions of THE CIS Countries // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1021-1025. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1021.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Современный этап конституционного развития государств, входящих в Содружество Независимых Государств (далее – СНГ), характеризуется поиском новых ценностных оснований публично-властной организации общества. Глобальные вызовы – экономическая нестабильность, трансформация традиционных социальных связей, рост запроса на социальную справедливость – актуализируют обращение к фундаментальным категориям, способным обеспечить интеграцию в обществе. Одной из таких категорий выступает солидарность, понимаемая не только как этический принцип, но и как конституционно-правовая ценность, требующая, как представляется, формального закрепления и доступных механизмов реализации.

В доктрине конституционного права обоснованно отмечается, что «перед лицом глобальных вызовов и процессов в современной России согласование интересов различных слоев общества приобретает значение категорического императива.... По сути, речь идет о такой базовой ценности ..., как солидарность, проявляющей себя во всех сферах жизнедеятельности людей...» [1, с. 63-68].

Вместе с тем, солидарность в конституционных текстах редко встречается в самостоятельном контексте. Как показывает анализ, она сопрягается с категориями «единство» и «согласие», которые, при всей их смысловой близости, обладают самостоятельным нормативным содержанием. Для целей настоящего исследования мы укажем словарные интерпретации солидарности, единства и согласия.

Итак, солидарность – общность интересов, единодушие [2]; единство – цельность, нераздельность; сплоченность; общность, полное сходство, совпадение [2]; согласие – утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение; единомыслие, единодушие, общность точек зрения [2]. При этом, отметим, что в контексте заявленной тематики именно в интерпретации «единомыслия, единодушия», а не в разрешительном значении, категория согласия используется в конституционно-правовом дискурсе, связанном с солидарностью. Выбор приведенных категорий для сопряженного анализа обусловлен тем, что в конституциях стран СНГ они нередко замещают солидарность либо выступают ее функциональными аналогами, что требует доктринального различия.

Обращение к конституционному опыту стран СНГ считаем методологически оправданным по нескольким причинам. Во-первых, данные государства имеют общее историко-правовое наследие, связанное с советской правовой традицией, что создает предпосылки для унификации подходов. Во-вторых, в последнее десятилетие в конституции ряда стран СНГ были внесены существенные изменения, в рамках которых солидарность и смежные с ней категории получили новое нормативное выражение. В-третьих, сравнительный анализ позволяет выявить как общие закономерности формализации солидарности на постсоветском пространстве, так и государственные особенности, что важно для совершенствования конституционного законодательства. В-четвертых, страны СНГ демонстрируют различные модели соотношения солидарности, единства и согласия, что дает добротный материал для типологизации.

С учетом изложенного цель настоящей статьи заключается в выявлении подходов к закреплению солидарности, единства и согласия в конституциях стран СНГ, а также в определении нормативной роли данных категорий в системе конституционных ценностей.

В современной Конституции России в 2020 г. появились ч. 6 ст. 75, формализующая принцип солидарности поколений и ст. 75.1, согласно которой «в Российской Федерации ... обеспечиваются ... экономическая, политическая и социальная солидарность» [3]. Вместе с тем, установлено упоминание согласия и единства. Об их важности в жизни общества и государства, полагаем говорит тот факт, что они отражены в преамбуле Базового закона: «мир и согласие», «сохранение исторически сложившегося государственного единства». При этом именно Президенту Российской Федерации адресовано полномочие поддерживать «гражданский мир и согласие в стране» (ч. 2 ст. 80) [3] и формировать «Совет Безопасности Российской Федерации в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам ... поддержания гражданского мира и согласия в стране» (п. «ж» ст. 83) [3].

Уточним, что категория единства упомянута применительно государству. В ч. 2 ст. 67.1 включено «исторически сложившееся государственное единство» в контексте преемственности. В самом тексте Конституции, кроме данной разновидности категории единства, предусмотрено единство системы государственной власти в качестве одного из принципов, на которых основано федеративное устройство России (ч. 3 ст. 5).

В ч. 1 ст. 8 Конституции России закреплено единство экономического пространства.

В российской Конституции количественно превалирует упоминание согласия в трактовке позволения и разрешения. В частности, в территориальном аспекте требуется согласие Российской Федерации и субъекта Российской Федерации на изменение статуса субъекта Российской Федерации (ч. 5 ст. 66); взаимное согласие субъектов Российской Федерации на изменение границ между ними (ч. 3 ст. 67).

Что касается конституций стран СНГ, то в них выявлены следующие подходы к легализации солидарности и названных нами смежных по смыслу категорий.

В преамбуле Конституции Узбекистана упомянуты солидарность, мир и согласие, а также межнациональное и межконфессиональное согласие. В ст. 14 данной Конституции солидарность легализована в качестве принципа: «государство осуществляет свою деятельность на принципах ... социальной справедливости и солидарности в целях обеспечения благосостояния человека и устойчивого развития общества» [4].

В рассматриваемых конституциях категория согласия распространена и отображена в следующих ракурсах. В преамбуле Конституции Казахстана обозначена приверженность народа идеалам согласия. В самом тексте Конституции «признаются неконституционными действия, способные нарушить межэтническое и межконфессиональное согласие» (ч. 2 ст. 39) [5]. Конституция Киргизии предписывает государству обеспечение межэтнического и межконфессионального согласия (ч. ст. 21). Кроме того, в ч. 4 ст. 11 данной Конституции согласие позиционируется как принцип, являющийся основой сосуществования Кыргызской Республики с другими государствами [6]. Аналогичен смысл ч. 2 ст. 1 Конституции Казахстана, в соответствии с которой «основополагающими принципами деятельности Республики являются... общественное согласие и политическая стабильность...» [5].

Стремление жить в мире и согласии зафиксировано в преамбулах конституций Киргизии, Молдовы и Туркменистана [7].

Еще одной типичной вербальной конструкцией является «гражданское согласие». Оно в обеспечительном контексте обнаружено в ст. 1 Конституции Армении [8]. Обеспечение гражданского согласия формализовано в преамбуле Конституции Беларуси. Запрет деятельности религиозных организаций, нарушающих гражданское согласие, отражен в ст. 16 данной Конституции [9]. В третий раз категория гражданского согласия встречается в Конституции Беларуси в качестве функции обеспечения, адресованной Всебелорусскому (ст. 89.1).

Далее перейдем к рассмотрению категории единства. В конституциях стран СНГ легализованы разновидности единства народа и единства государственной власти, как правило, в обеспечительном главой государства аспекте. В частности, согласно ст. 79 Конституции Беларуси «Президент олицетворяет единство народа» [9]. В Казахстане «Президент Республики – символ и гарант единства народа и государственной власти» (ч. 2 ст. 40) [5]. В Киргизии «Президент обеспечивает единство народа и государственной власти ...» (ч.ч. 2 и 4 ст. 66) [6]. В соответствии с ч. 2 ст. 77 «Президент Республики Молдова является гарантом единства и территориальной целостности страны» [10]. Кроме того, в тексте присяги Президента этой страны непосредственно отражена клятва защищать «единство и территориальную целостность Молдовы» (ч. 2 ст. 79 Конституции Молдовы). Интересно, что, помимо Президента, в Молдове вооруженные силы гарантируют единство страны (ч. 1 ст. 108). В Конституции Молдовы также формализовано единство народа Республики, составляющее основу государства (ч. 1 ст. 10 Конституции). Норма

данного содержания имеется и в Конституции Азербайджана (ст. 5) [11]. В Таджикистане Президент выступает гарантом единства (ст. 64) без конкретизации его разновидности [12]. Однако, исходя из ст. 7 данной Конституции следует закрепление единства государства, в отношении которого запрещены пропаганда и действия, направленные на разделение.

Национальное единство включено в текст клятвы Президента Армении – «вложить все свои силы в дело укрепления национального единства» (ч. 3 ст. 127) [8].

В Узбекистане, как и в России содержится положения о гарантировании единства экономического пространства (ст. 67).

В числе оригинальных конституционных норм о единстве, назовем п. «с» ст. 66 Конституции Молдовы о полномочии парламента «обеспечивать единство законодательного регулирования на всей территории страны» [10].

Как и в случае с российской конституцией, количественно нормы о согласии как разрешении превышают число нор о согласии как общности. В данном разрезе согласие аффилировано с социальными субъектами (личность) и публичными властными субъектами. Тексты исследованных конституция легализуют согласие личности на:

- сбор, хранение, использование и распространение сведений о личной жизни (ч. III ст. 32 Конституции Азербайджана, ч. 4 ст. 29 Конституции Киргизии, ст. 23 Конституции Таджикистана, ст. 38 Конституции Туркменистана, ч. 1 ст. 24 Конституции России);
- проведение медицинских, научных и других опытов (ч. III ст. 46 Конституции Азербайджана, ч. 4 ст. 25 Конституции Армении, ст. 25 Конституции Беларуси, ч. 6 ст. 56 Конституции Киргизии, ч. 2 ст. 21 Конституции России, ст. 33 Конституции Туркменистана, ст. 26 Конституции Узбекистана);
- рассмотрение дела лица в другом суде (ст. 62 Конституции Азербайджана) / изменение подсудности (п. 3 ч. 3 ст. 77 Конституции Казахстана);

- добросовестную обработку персональных данных (ч. 2 ст. 34 Конституции Армении);
- проникновение или нахождение в жилище или месте пребывания (ч. 1 ст. 29 Конституции Молдовы);
- изъятие личного имущества для общественных нужд государством допускается только (с согласия собственника) при полном возмещении его стоимости (ст. 32 Конституции Таджикистана);
- на возложение обязанностей, не установленных законодательством (ст. 21 Конституции Узбекистана).

Распространено истребование добровольного согласия как основы для заключения брака (ч. II ст. 34 Конституции Азербайджана, ч. 1 ст. 26 Конституции Киргизии, ч. 1 ст. 48 Конституции Молдовы, ст. 40 Конституции Туркменистана, ст. 76 Конституции Узбекистана).

Что касается публичных властных субъектов, то от них типичны согласия

- парламента / палат парламента
- на назначение на должность Премьер-министра (п. 9 ч. I ст. 95 Конституции Азербайджана, п. 6 ст. 84 Конституции Беларуси); Премьер-Министра Республики Казахстан (п. 2, ч. 1 ст. 56); Председателя Кабинета Министров, его заместителей и членов Кабинета Министров (п. 6 ч. 1 ст. 80 Конституции Киргизии);

- на назначение на должность Председателя Конституционного Суда, Председателя Высшего Судебного Совета, Председателя Комитета национальной безопасности (п. 2 ст. 55 Конституции Казахстана); назначение и освобождение председателей Конституционного суда и Верховного суда из числа их судей (п.п. 2, 3 ч. 3 ст. 80 Конституции Киргизии, п. 16 ст. 71 Конституции Туркменистана);

- на назначение на должность и освобождение от должности Генерального прокурора (п. 11 ч. I ст. 95 Конституции Азербайджана, п. 9 ст. 84 Конституции Беларуси, п. 2 ст. 55 Конституции Казахстана, п. 10 ч. 3 ст. 80 Конституции Киргизии, ч. 4 ст. 56 Конституции Таджикистана, п. 16 ст. 71 Конституции Туркменистана);

- на назначение на должность и освобождение от должности Председателя Комитета государственного контроля, Председателя и членов Правления Национального банка (п. 9 ст. 84 Конституции Беларуси, п. 2 ст. 55 Конституции Казахстана);

- на объявление войны и заключение мира Президентом (п. 30 ст. 109 Конституции Азербайджана);

- на объявление Президентом Республики частичной или всеобщей мобилизации (ч. 2 ст. 87 Конституции Молдовы);

- на использование Вооруженных Сил Республики Таджикистан за ее пределами для выполнения международных обязательств Таджикистана (ч. 3 ст. 55);

- на лишение Президента неприкосновенности в случае совершения им государственной измены (ст. 72 Конституции Таджикистана);

- на уголовное преследование в отношении депутата (ч. 1 ст. 78 Конституции Киргизии, ст. 104 Конституции Узбекистана) / «сенаторов» (ст. 102 Конституции Беларуси, ч. 4 ст. 52 Конституции Казахстана), Защитника прав человека и лишение их свободы (ч. 2 ст. 96, ч. 1 ст. 193 Конституции Армении); задержание, арест, обыск депутата (ч. 4 ст. 52 Конституции Казахстана, ч. 3 ст. 70 Конституции Молдовы, ст. 86 Конституции Туркменистана), судьи Конституционного Суда, Генерального прокурора (ч. 5 ст. 71, ч. 3 ст. 83 Конституции Казахстана); привлечение к уголовной ответственности Акыйкатчы (Омбудсмана) (п. 8 ч. 3 ст. 80 Конституции Киргизии, ч. 3 ст. 3-1 Конституции Казахстана);

- на изменение границ территории Горно-Бадахшанской автономной области (ст. 81 Конституции Таджикистана); изменение границ Республики Каракалпакстан, областей, города Ташкента, а также образование или упразднение областей, городов, районов (ст. 84 Конституции Узбекистана). При этом, в ст. 88 предусмотрено согласие Республики Каракалпакстан на изменение ее территории и границ;

- депутатов на истребование от них объяснений и показаний в связи с деятельностью в парламенте, голосовании и высказанных в парламенте мыслях (ст. 91 Конституции Азербайджана);

- депутатов маслихата столицы, маслихатов, расположенных на территории области, маслихата города республиканского значения

требуется при назначении Президентом Республики Казахстан акимов столицы, областей, городов республиканского значения (ч. 4 ст. 87).

Менее распространено согласие Президента. Можем предположить, что глава государства принимает решение по существу с согласия иных органов государственной власти. Однако, исходя из осуществленного анализа, установлено легализованное согласие Президента:

быть членом Совета Республики пожизненно от Президента Республики Беларусь, прекратившего исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки (ст. 91 Конституции Беларуси);

как основание для палаты парламента «на своих заседаниях принимать решения, голосуя в целом за весь внесенный Президентом ... проект или его часть, сохранив лишь те поправки, которые предложены или приняты Президентом ...» (ст. 99 Конституции Беларуси) [9];

на арест, привод, меры административного взыскания, налагаемые в судебном порядке, привлечение к уголовной ответственности судьи (ч. 2 ст. 79 Конституции Казахстана).

Что касается судебной власти, то здесь установлено согласие Конституционного Суда (ч. 3 ст. 164 Конституции Армении) и Высшего судебного совета на уголовное преследование судей соответствующих инстанций (ч. 4 ст. 164 Конституции Армении); судей на продвижение или перевод (ч. 5 ст. 116 Конституции Молдовы). В Киргизии требуется согласие Совета судей на временное отстранение от должности, привлечение судей к уголовной и иной ответственности (ч. 4 ст. 96 Конституции Киргизии). А в Таджикистане предусмотрено согласие органа, избравшего или назначившего судью для ареста и привлечения судьи к уголовной ответственности (ст. 91 Конституции Таджикистана).

Подводя итоги проведенного анализа конституций стран СНГ, констатируем три основных способа легализации солидарности:

прямое закрепление в качестве принципа;

опосредованное закрепление через сопряженные категории единства и согласия (солидарность формализована через ее различные разновидности, а также раскрывается через единство и согласие);

имплицитное присутствие (категории солидарности нет, но ее функции выполняет согласие как ценность).

Выявлено, что в конституциях стран СНГ заявленные категории не являются взаимозаменяемыми, а выполняют различные нормативные функции:

солидарность позиционирована в качестве принципа (Россия, Узбекистан);

единство преимущественно адресовано государству и народу, причем в большинстве конституций гарантом выступает Президент (Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан). Это свидетельствует о сохранении сильной президентской вертикали как инструмента интеграции общества. Исключение – единство экономического пространства (Россия, Узбекистан).

Согласие в контексте солидарности используется в двух значениях:

– как общественное / гражданское / межэтническое / межконфессиональное (ценность, близкая к солидарности) в Армении, Беларуси, Казахстане, Киргизии;

– как юридическое условие (разрешение) – доминирует в процессуальных нормах.

Количественный анализ показал, что согласие в значении разрешения встречается значительно чаще, чем согласие как принцип / ценность. При этом согласие личности требуется в широком спектре ситуаций: обработка персональных данных, проникновение в жилище, изъятие имущества и пр. Согласие публичных властных субъектов (парламента, Президента, судей) типично для назначения высших должностных лиц, изменения границ и привлечения к ответственности носителей иммунитетов. Данная тенденция. На наш взгляд, свидетельствует о формировании в конституциях стран СНГ согласительной модели как инструмента баланса между личностью, обществом и государством.

Обновленные тексты конституций Узбекистана (2023 г.) и России (2020 г.) демонстрируют тренд на институционализацию солидарности. В Казахстане предусмотрено создание специального консультативного органа – Народного Совета, в предмет ведения которого включено укрепление общественного согласия, общенационального единства и солидарности (п. 1 ст. 71). В Узбекистане солидарность возведена в ранг принципа деятельности государства (ст. 14). Российская новелла (ст. 75.1) предусматривает экономическую, политическую и социальную солидарность.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в конституциях стран СНГ сформировалась поливариантная модель формализации солидарности, в рамках которой солидарность может закрепляться прямо, опосредованно через единство и согласие либо подразумеваться имплицитно. При этом единство преимущественно обеспечивается Президентом, а согласие выполняет как ценностную, так и процедурную функции.

Список литературы

1. Цыбулевская О.И. Солидарность в праве в фокусе моральных проблем // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5. С. 63-68.
2. Большой толковый словарь русского языка // <https://gramota.ru/> (дата обращения 29.11.2025 г.).
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №8-ФКЗ) // СЗ РФ. 2022. № 710. Ст. 4398.
4. Конституция Республики Узбекистан от 30 апреля 2023 г. // <https://constitution.uz/ru> (дата обращения 29.11.2025 г.).
5. Конституция Республики Казахстан 30 августа 1995 г. // <https://constitution.kz/?ysclid=m3ii72vr19964606816> (дата обращения 29.11.2025 г.).
6. Конституция Республики Киргизия от 11 апреля 2021 г. // <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=mgnxd7x3iu314497800> (дата обращения 29.11.2025 г.).
7. Конституция Республики Туркменистан от 18 мая 1992 г. // <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-> (дата обращения 29.11.2025 г.).
8. Конституция Республики Армения от 6 декабря 2015 г. // <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (дата обращения 29.11.2025 г.).
9. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. // <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 29.11.2025 г.).
10. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. // <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22036> (дата обращения 29.11.2025 г.).

11. Конституция Республики Азербайджан от 12 ноября 1995 г. // <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution> (дата обращения 29.11.2025 г.).
12. Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 г. // <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=m3iisqmhr957076912> (дата обращения 29.11.2025 г.).

References

1. Tsybulevskaya O.I. Solidarity in law in the focus of moral problems // State and legal research. 2022. № 5. Pp. 63-68.
2. The Great Explanatory Dictionary of the Russian language // <https://gramota.ru/> (accessed 29.11.2025).
3. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments introduced by Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation № 6-FKZ dated December 30, 2008, № 7-FKZ dated December 30, 2008, № 2-FKZ dated February 05, 2014, July 21, 2014, № 11-FKZ dated March 14, 2020, № 1-FKZ dated October 4, 2022, № 6-FKZ dated October 4, 2022, № 7-FKZ dated October 4, 2022 № 8-FKZ) // SZ RF. 2022. № 710. Art. 4398.
4. Constitution of the Republic of Uzbekistan dated April 30, 2023 // <https://constitution.uz/ru> (accessed 29.11.2025).
5. The Constitution of the Republic of Kazakhstan on August 30, 1995 // <https://constitution.kz/?ysclid=m3ii72vr19964606816> (accessed 29.11.2025).
6. The Constitution of the Republic of Kyrgyzstan dated April 11, 2021 // <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=mgnxd7x3iu314497800> (accessed 29.11.2025).
7. Constitution of the Republic of Turkmenistan dated May 18, 1992 // <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya-> (accessed 29.11.2025).
8. Constitution of the Republic of Armenia dated December 6, 2015 // <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (accessed 29.11.2025).
9. The Constitution of the Republic of Belarus of March 15, 1994 // <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (accessed 29.11.2025).
10. Constitution of the Republic of Moldova dated July 29, 1994 // <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22036> (accessed 29.11.2025).
11. Constitution of the Republic of Azerbaijan dated November 12, 1995 // <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution> (accessed 29.11.2025).
12. Constitution of the Republic of Tajikistan dated November 06, 1994 // <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=m3iisqmhr957076912> (accessed 29.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1026

УДК 342.5

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР КАЧЕСТВА ЗАКОНА В КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПАРЛАМЕНТА НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ REGULATORY IMPACT ASSESSMENT AS A NECESSARY FACTOR OF THE QUALITY OF THE LAW IN THE CONTROL FUNCTION OF PARLIAMENT USING THE EXAMPLE OF FRENCH LEGISLATION

БЕЛЬЦЕВА Екатерина Игоревна

адъюнкт кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, старший инспектор УВД по CAO ГУ МВД России по г. Москве.
109028, Россия, г. Москва, Малый Ивановский переулок, 2/4 стр. 2.
e-mail: Amega-007@yandex.ru

BELTSEVA Ekaterina Igorevna

Adjunct of the Department of Constitutional and Municipal Law
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Senior Inspector of the Internal Affairs Directorate for the Northern Administrative District of the Main Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Moscow.
109028, Russia, Moscow, Maly Ivanovsky lane, 2/4 p. 2.
e-mail: Amega-007@yandex.ru

Краткая аннотация: анализируется оценка регулирующего воздействия как обязательный документ к законопроектам с точки зрения требований к качеству закона во французском законодательстве; данный показатель представлен с точки зрения усиления эффективности правового регулирования.

Abstract: The regulatory impact assessment (RIA) as a mandatory document for draft laws is analyzed in terms of the quality requirements of legislation in French law; this indicator is presented in terms of enhancing the effectiveness of legal regulation.

Ключевые слова: ОПВ, качество закона, парламентский контроль за реализацией законов, прогнозирование, моделирование, целеполагание

Keywords: regulatory impact assessment, quality of law, parliamentary control over the implementation of laws, forecasting, modeling, goal-setting.

Статья поступила в редакцию: 19.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Цель исследования состоит в научном переосмыслении оценки регулирующего воздействия как процедуры, применимой в отдельной сфере правоотношений, указанной в действующем российском законодательстве и сравнении с её применением во французском законодательстве.

Научная новизна данной статьи выражается в расширительном толковании сферы применения такой процедуры, как оценка регулирующего воздействия на примере действующего законодательства Франции с точки зрения влияния на качество закона.

Как известно, повышение качества закона – универсальная цель любого закона безотносительно принадлежности к определенной правовой системе. В современной правовой литературе одним из показателей эффективности является оценка регулирующего воздействия, которую часто относят к делиберативным процедурам [1]. И пока качество законов не стало эпицентром исследования юридической науки в целом [2], всё же любопытно отметить разницу в подходах российских и французских законодателей.

Российский законодатель идёт по пути строгой предметности и специализации в отношении такого инструмента, как оценка регулирующего воздействия. Если обратиться к части 1 статьи 1 федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 247-ФЗ, то мы видим, что данная оценка в качестве обязательной процедуры фигурирует только в сегменте тех нормативных правовых актов, которые затрагивают предпринимательскую и иную экономическую деятельность [3]. Однако есть разное восприятие данной процедуры в законодательстве зарубежных стран. Французский законодатель предусматривает оценку регулирующего воздействия в качестве обязательной процедуры для всех без исключения законов [4]. При этом требования носят отнюдь не формальный характер; по структурной составляющей видно, что тщательность отработки каждого элемента важен для всего регулятивного эффекта.

Обязательная часть оценки регулирующего воздействия – введение. Введение позволяет понять общую структуру текста и его основные положения. Оно дает возможность расширить элементы, содержащиеся в пояснительной записке к закону, и включает в себя, в частности, сводную таблицу консультаций. Также там содержатся, сводная таблица мер по реализации и показатели воздействия, позволяющие впоследствии оценить последствия реформы. Данные составляющие можно и лучше всего проиллюстрировать на конкретном примере.

В рамках недавно прошедшей судебной реформы о передаче дел о рассмотрении вопросов об административном выдворении иностранных граждан от судей по свободам и содержанию под стражей (les juges des libertés et de la détention) к судам первой инстанции общей юрисдикции (magistrats du premier grade) нельзя оставить без внимания закон № 2023-1059 от 20.11.2023 года, насчитывающий 29 статей [5]. Поскольку все статьи содержат в себе типовые поправки о замене наименования инстанции, то в таблице приведём номера статей CESEDA в 3-ей колонке:

Законодательная база	цель	Замечания/ссылки на опубликованные декреты
Положения Кодекса CESEDA (ряд статей, связанных с рассмотрением дел с участием судей по свободам и содержанию под стражей)	Передача гражданских полномочий от судьи по свободам и содержанию под стражей мировым судьям по месту нахождения суда, в вопросах контроля мер, лишающих свободы, предусмотренных Кодексом въезда и пребывания иностранцев, и права на убежище (содержание в зоне ожидания; домашний арест; помещение под административный арест).	Декрет № 2024-570 от 20 июня 2024 (извлечение) Статья L 342-1 вносится следующим образом: а) в абзаце первом слово: "одного" заменить словами: "магистрата по месту жительства"; б) исключить все встречающиеся слова: «свободы и задержание»; 2° В статьях L 342-8, 342-10, 733-4 733-6, 733-9, 741-3, 742-1, 742- 2, 743-2, 743-3, с L743-5 до L 743-7, L 743-10, L 743-21, L 744-9 и L 751-1 все появления слов: «судья по свободам и задержанию» заменены словами: «магистрат по месту жительства».

В пояснительной записке (*exposé des motifs*) к данному закону сформулировано обоснование данных изменений: «судебный институт составляет основу нашего общественного договора. Его задачи, выполняемые всеми профессионалами в области правосудия и сотрудниками министерства, несут в себе сильные демократические амбиции, которые должны соответствовать растущим требованиям граждан с точки зрения эффективности, близости и модернизации. Далее в оценке регулирующего воздействия (*étude d'impact*) причины перехода данной категории дел объясняются более подробно (в общем контексте - *cadre général*). Ввиду того, что гарантии судебной защиты прав и свобод иностранцев обусловлены скорейшим вмешательством судьи в возможно скорейшие сроки, чтобы контролировать регулярный, соответствующий, необходимый и соразмерный характер применения меры содержания под стражей рассматривается вопрос о передаче части компетенции судей одного звена к другому.

Как видно из вышесказанного, данная процедура, представляющая собой подробное и логическое обоснование законодательной реформы безотносительно рамок предпринимательской или иной экономической деятельности может охватывать собой любую сферу правового регулирования, при этом данный анализ способствует выработке логической и текстуальной составляющей законодательной реформы, что является неперенным условием качества закона. Вопрос о расширительном применении оценки регулирующего воздействия в российском законодательстве ко всем законам будет требовать ещё неоднократного объективного исследования ученых.

Список литературы:

1. Медоева Б. К. Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) и оценка фактического воздействия (ОФВ) как институты повышения качества и эффективности нормативно-правовых актов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. №4 (18). С. 52.
2. Кожокар И. П. Юридическая методология формирования теории дефектов нормативно-правового регулирования/ Философия права в современной России: некоторые подходы и направления: монография под ред. А. И. Овчинникова, И. П. Кожокаря М. 2023. С. 224.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». - [Электронный ресурс] //СПС Консультант + [Официальный сайт]. - URL: <https://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 18.10.2025).
4. Loi № 2004-1343 du 9 décembre 2004 de simplification du droit.URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000256180/2025-10-18> (дата обращения: 18.10.2025)
5. Loi n° 2023-1059 du 20 novembre 2023 d'orientation et de programmation du ministère de la justice 2023-2027. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT00000085096127/2025-10-18> (дата обращения: 18.10.2025)

References:

1. Medoeva B.K. Normative element for air transport (RET) and actual element of impact (AEI) as institutions for improving quality and efficiency, normative and applied jurisprudence. 2023. No. 4 (18). P. 52.
2. Kozhokar I.P. Legal methodology of the formed theory of defect of normative-legal regulation / Philosophy of law in English Russian: Negotiations and instructions: monogram for the color red. A.I. Ovchinnikova, I.P. Kozhokar M. 2023. P. 224.
3. Federal Law of 31.07.2020 No. 247-FZ "Mandatory requirements in the Russian Federation". - [Electronic resource] // SPS Consultant + [Official website]. - URL: <https://www.consultant.ru/document> (date of notification: 18/10/2025).
4. Law No. 2004-1343 of 9/12/2004 on legislative simplification. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000256180/2025-10-18> (date of notification: 18/10/ 2025)
5. Law No. 2023-1059 of 20 November 2023 on the areas of activity and programming of the Ministry of Justice for 2023–2027. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT00000085096127/2025-10-18> (date of notification: 18/10/2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1028

ОБЩИЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ GENERAL MECHANISMS FOR REGULATING PUBLIC EVENTS IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

ГРИЩЕНКО Тарас Алексеевич

докторант Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова д. 1.
gta_82@inbox.ru

GRISHCHENKO Taras Alekseevich

is a doctoral student at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
gta_82@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье автор анализирует основные тенденции, оказавшие значительное влияние на трансформацию всей концепции публичных мероприятий. Изменения федерального и регионального законодательства, регулирующие механизмы обеспечения права гражданина на проведение публичного мероприятия в контексте административной практики органов внутренних дел. Проводит анализ нормативного регулирования правоприменительной практики в таких аспектах как: субъективный оценочный характер наглядной агитации; размывание субъектов публичного мероприятия организатор/участник; соответствие регионального законодательства конституционным гарантиям закрепленным в 29-й и 31-й статьях Конституции. Обосновывает необходимость централизации (кодификации) законодательства о публичных мероприятиях в интересах обеспечения национальной безопасности.

Abstract: In the article, the author analyzes the main trends that have had a significant impact on the transformation of the entire concept of public events. Changes in federal and regional legislation that regulate the mechanisms for ensuring a citizen's right to hold a public event in the context of the administrative practice of internal affairs bodies. The author analyzes the regulatory framework for law enforcement practices in aspects such as the subjective and evaluative nature of visual propaganda, the blurring of the roles of organizers and participants in public events, and the compliance of regional legislation with the constitutional guarantees enshrined in Articles 29 and 31 of the Constitution. It substantiates the need for centralization (codification) of legislation on public events in the interests of national security.

Ключевые слова: Концепция публичных мероприятий, пикет, митинг, онлайн-митинг, свобода мирных собраний, национальная безопасность, участник и организатор публичного мероприятия, конституционный контроль.

Keywords: Public events concept, picket, rally, online rally, freedom of peaceful assembly, national security, participant and organizer of public event, constitutional control.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В силу того, что право граждан на проведение публичных мероприятий предполагает соблюдение баланса между частным правом граждан выражать свое мнение предусмотренным статьей 31 Конституции Российской Федерации и обязанностью органов публичной власти обеспечить общественный порядок и не допустить пропаганды запрещенной пунктом 2 статьи 29 Конституции – становится очевидным неизбежность государственного регулирования института публичных мероприятий.

Механизмы такого регулирования должны, с одной стороны, соответствовать базовым гарантиям предусмотренным: 20 Всеобщей декларацией прав человека, в ст. 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, в ст.11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а с другой соответствовать всем актуальным трансформациям гражданского общества произошедшим в период цифровизации [3, с.41; 1, с.8].

С развитием социальных сетей широкое освещение получают даже сравнительно небольшие публичные акции. Организаторы и участники публичных акций могут оперативно координировать совместные действия в режиме «онлайн» [2, с.49]. Размываются границы между организатором, участником, и лицом, освещающим публичное событие. Как следствие, большинство политических партий и общественных организаций предпочитают организовать серию одиночных пикетов, активно освещаемых средствами массовой информации и самими организаторами данных акций в сети Интернет.

Организация одиночного пикета не требует согласования, но благодаря освещению в СМИ и сети интернет может получить значительный информационный охват, оказав значительное воздействие на общество. Правоприменительная практика последних лет активно применяет ограничения, предусмотренные для массовых публичных мероприятий и к одиночным пикетам, с точки зрения правоохранительных органов такая позиция выглядит обоснованной, однако с правовой точки зрения позиция неоднозначна.

Также изменились форматы публичных мероприятий, например, в правоприменительной и судебной практике уже пять лет активно используют понятие «цифровой митинг», законодательно данное понятие на данный момент не закреплено [6, с.36]. Суть данного явления - публичное обсуждение общественно-политической повестки в общедоступных приложениях сети Интернет, с активным вовлечением третьих лиц в данное обсуждение. Одной из правовых проблем в оценке цифрового митинга является сложность в классификации его как массового явления, фактически организатор цифровой публичной акции выступает в качестве лица осуществляющего одиночное действие (пикет) к которому добровольно добавляются другие участники, подчас это присоединение к публичной акции не совпадает по времени то есть не перерастает в массовое публичное мероприятие.

Отправной точкой данной практики можно считать май 2020 года, когда сотрудники ОВД вынесли предупреждение жительнице Казани,

за размещение в своём профиле в социальной сети «ВКонтакте» информации о предстоящем онлайн-митинге против самоизоляции. Предупреждение содержит указание на недопущение нарушения требований Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в части подачи уведомления о проведении публичного мероприятия [2, с.112]. Фактически, правоприменительная практика требует от сотрудников полиции рассматривать онлайн-активность граждан как публичное мероприятие, без точной классификации (пикет/митинг).

Регламент одиночных акций (пикетов), наиболее популярных в условиях цифровизации общества и продолжающихся с 2020 года антиковидных ограничений требует дальнейшего совершенствования на уровне регионального законодательства.

Как показывает анализ правоприменительной практики, пик административных правонарушений по статье 20.2 КоАП пришелся 2021-2022 годы, по данной статье по всей России судами рассмотрено 18792 дел в 2021 году и 19233 в 2022 году соответственно. Когда как за период с 2016 по 2020 число правонарушений не превышало 5000 (в среднем 4000). Большая часть резкого роста протестных акций пришлась на города федерального значения, в Москве и Санкт-Петербурге в 2021 году по статье 20.2 КоАП было привлечено к административной ответственности 1427 человека, в 2022 году это количество увеличилось почти на 20% [2, с.11].

В 2023-2025 годах в связи с консолидацией общества в период СВО, продолжающимися антиковидными ограничениями, введением уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил¹ число лиц, привлеченных к административной ответственности, существенно снизилось (в 2023 году судами рассмотрено 1960 дел, в 2024 году 1352)². Данный спад носит временный характер и при снижении уровня национальной опасности, отменой временных ограничений, возвращением в Россию релокантов число нарушений установленного порядка проведения митинга, пикета вернется на уровень 2020 года.

В связи с этим вопрос об абсолютных и относительных пределах реализации права на публичные мероприятия, и соответственно вопрос о допустимых пределах ограничения данного права – становится особенно актуальным.

Ограничение этого конституционного права возможно только в соответствии с федеральным законом, и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Однако Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» представляет лишь общие гарантии, фактический регламент публичных мероприятий детализирован в законодательстве субъектов [10, с.42].

В Постановлении Конституционного Суда №14 указывается, что государство имеет право и обязательство регулировать проведение мирных собраний: «Это необходимо, чтобы сохранить баланс между частными и общественными интересами» [7]. При этом, у граждан должна сохраняться возможность для защиты собственной позиции или выдвижения значимых инициатив, касающихся разных вопросов [5, с.220]. Своими действиями граждане могут влиять на решения, которые принимают представители власти. Наиболее удобной формой такого участия является коллективное обращение граждан или петиция, в рамках обеспечения общественного спокойствия именно органы публичной власти заинтересованы в популяризации данных инструментов.

Крайне проблематичным в условиях цифровизации представляется соблюдения «презумпции публичного мероприятия» [8, с.140], принцип вытекающий из ряда международных актов предполагающий что организатор публичного мероприятия является добросовестным лицом, а само мероприятие не противоречит закону, имеет законные цели, не угрожает правам и интересам других граждан, не нарушает общественный порядок, иными словами, является мирным, а, следовательно, не подлежит преследованию, если обратное не доказано.

О проведении массовой публичной акции необходимо уведомить органы власти (необходимо подать уведомление), которые обязаны обеспечить безопасность и помочь реализовать гражданам данное право. Однако и после получения такого уведомления, органы публичной власти различных уровней могут признать акцию как проводимую с нарушениями и потребовать ее прекращения. В этой связи представляется перспективным применения централизованной модели согласования публичных мероприятий, осуществляемой органов власти непосредственно ответственным за охрану общественного порядка. Такой механизм успешно реализован в Германии, где заявки на проведение публичных мероприятий как одиночных, так и массовых подаются в централизованном порядке для согласования и правовой экспертизы в полицию [9, с.65], а власти Земель в праве ограничить только календарь событий, посредством принятия ландтагами ежегодного законодательного акта.

Уведомление о публичных мероприятиях, общепринятая практика, в большинстве стран ее отнесят к ограничительным инструментам, осуществляемым в интересах соблюдения законности и общественной безопасности.

Рассмотрим общие ограничения для организаторов публичного мероприятия.

Так, организатором публичного мероприятия могут быть: один или несколько граждан Российской Федерации (для демонстраций, шествий и митингов – гражданин Российской Федерации, которому исполнилось 18 лет, а для собраний и митингов – 16 лет), политические партии и иные общественные объединения и религиозные объединения, их региональные отделения и иные структурные подразделения.

Не могут быть организаторами публичного мероприятия:

- 1) недееспособные или ограниченно дееспособные по решению суда – граждане, а также лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы;
- 2) религиозные отделения, политические партии, общественные объединения и пр., ликвидированные в установленном законом по-

¹ Статья УК 207.3

² <https://stat.ani-npecc.pdf/stats/adm/31/s/1>

рядке или те, деятельность которых запрещена или приостановлена.

3) лица, признанные иностранными агентами и иные категории граждан в отношении которых введены ограничительные решения суда;

4) иностранные граждане.

При этом закон не дает четкого определения организатора мероприятия.

Лицо информирующее, о проведении публичного мероприятия, осуществляющее съемку или онлайн-освещение мероприятия, иным путем содействующее распространению информации о проходящем публичном мероприятии, лица участвовавшее в сборе средств на проведение, приглашенный участник.

Фактически, можно говорить о качественном размывании таких субъектов как организатор и участник публичного мероприятия.

Организатор публичного мероприятия не вправе проводить публичное мероприятия, если уведомление о проведении публичного мероприятия не было подано в срок либо если с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения публичного мероприятия.

Это также означает, мероприятие должно проводиться в специально отведенных местах и не представлять угрозы общественному порядку и безопасности. Запрет может быть реализован, если место проведения публичных мероприятий: рядом с объектами обороны; опасными производственными объектами, железнодорожными путями; вблизи высоковольтных линий; рядом с резиденцией Президента России; зданиями, занятыми федеральными судьями; в приграничной зоне; закрытом административно-территориальном образовании и пр.

При проведении массовых акций не допускается привлечение для участия в них экстремистских организаций, использование их символики или атрибутики, а также распространение экстремистских материалов. Экстремистская организация – это общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Экстремистские материалы - это предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В случае обнаружения названных выше обстоятельств организаторы массовой акции или иные лица, ответственные за ее проведение, обязаны незамедлительно принять меры по устранению указанных нарушений.

Несоблюдение данной обязанности влечет за собой прекращение массовой акции по требованию представителей органов внутренних дел Российской Федерации и ответственность ее организаторов по основаниям и в порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации.

Данная норма при всей ее обоснованности, в силу неопределенного статуса участник/организатор создает риски эксцесса исполнителя, когда запрещенная символика намерено применяется для провоцирования правоохранительных органов или дискриминации самого массового мероприятия.

Проведение публичного мероприятия в соответствии со статьей 3 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» должно основываться на указанных в этой статье принципах. Соблюдение принципов проведения публичного мероприятия обязательно для всех организаторов и участников публичного мероприятия, поскольку это является одним из непереносимых условий заявки на проведение публичного мероприятия (пункт 4 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»).

Примечательно, что ограничение в проведении мероприятия может налагаться, например, период действия военного или чрезвычайного положения, пандемий и пр. В связи с этим актуальным становится вопрос о том, как коронавирусная инфекция продолжает оказывать влияние на право граждан РФ на проведение публичных мероприятий, на конец 2025 года в 26 субъектах России на уровне Постановлений правительства субъекта продолжают действовать такие ограничения. Организаторы обязаны учитывать, что превышении допустимого предела участников акции, власти могут потребовать ее прекращения.

Региональное законодательство, оказывает существенное влияние на регулирование механизмов проведения публичных мероприятий, что приводит к значительным отличиям, в правоприменительной практике, поставив реализацию положений статьи 31 Конституции в зависимость от законов и постановлений субъектов России [4, с.585].

Безусловно, будет несправедливо говорить о том что федеральное законодательство не реагирует на новые угрозы.

Так, был значительно сокращен перечень субъектов, которые могут финансировать публичные мероприятия. Так, теперь запрещено финансировать публичные мероприятия из иностранных источников (исключение составляют иностранные лица, проживающие в РФ); за счет анонимных, и не достигших совершеннолетия субъектов-жертвователей и зарегистрированных менее чем за год до дня объявления сбора средств – юридических лиц.

Изменения коснулись и порядка участия журналистов в публичных мероприятиях. Ныне, освещая какие-либо события, журналисты не могут одновременно с этим, выступать в качестве распорядителей мероприятия, участвовать в принятии решений, собирать подписи, использовать в своей деятельности средства наглядной агитации, в частности разного рода символику и другие инструменты, посредством которых граждане выражают мнение; также запрещается скрывать отличительные признаки (знаки) работников СМИ, в частности теле-радио компаний, ра-

диостанций, печатных изданий и пр.

Введен запрет на проведение публичных мероприятий на, прилегающих к зданиям экстренных оперативных служб – территориях. Ограничена агитация к участию в публичном мероприятии.

В Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» была введена обязанность для владельцев соцсетей мониторить и ограничивать доступ к «информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка».

Кроме того, в ч. 1.1 ст. 7 закона о митингах были внесены изменения, которые позволяют квалифицировать пикетную очередь в качестве массового мероприятия. Суд получил возможность признать постфактум пикетную очередь несогласованным публичным мероприятием.

Установлен запрет на проведение митингов на территориях, прилегающих к зданиям экстренных служб (например, МВД и ФСБ), региональные власти, при соответствующем информировании правоохранительными органами, в праве переносить или отменять акции при наличии угрозы чрезвычайной ситуации или теракта.

Таким образом, ограничение этого конституционного права возможно только в соответствии с федеральным законом, и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Кодификатором выступает федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» В Постановлении Конституционного Суда №14 указывается, что государство имеет право и обязательство регулировать проведение мирных собраний. Это необходимо, чтобы сохранить баланс между частными и общественными интересами в интересах национальной безопасности Российской Федерации [3, с.42].

Список литературы:

1. Гаглоев Д. В. Конституционно-правовое регулирование института публичных мероприятий в Российской Федерации и странах Европы на современном этапе: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.
2. Грищенко Т.А. Перспективы правового регулирования права граждан на проведение публичных мероприятий: монография. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. С. 162
3. Грищенко Т.А. Общественная безопасность и личные права – смена приоритетов в конституционном и международном праве в контексте пандемии // Современное общество и право. 2021 №5/2021. С.40-47;
4. Колмаков С. Ю. Особенности законодательства субъектов Российской Федерации о публичных мероприятиях: проблемы перспективы решения // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. № 4. С. 581–590.
5. Колмаков С. Ю. Свобода собраний в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 215–248.
6. Максимов А. А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 2 (123). С. 30–38.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2014 года № 14-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 7 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с жалобой гражданина А. Н. Якимова» // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>. 15.05.2014.
8. Рижкин М. А. О понятии «мирный протест» в практике Европейского суда по правам человека // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 139–142.
9. Саленко А. В. Свобода мирных собраний в России и Германии: сравнительный анализ процедуры уведомления // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2018. № 5. С. 63–72.
10. Симонова С. В. Риски в сфере принятия и реализации норм законодательства о публичных мероприятиях: проблемы выявления и оценки // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 41–46.

References:

1. Gagloev D. V. Constitutional and legal regulation of the institute of public events in the Russian Federation and European countries at the present stage: comparative legal research: Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. nauk. M., 2015. 26 p .
2. Grishchenko T.A. Prospects of legal regulation of citizens' right to hold public events: monograph. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. p. 162
3. Grishchenko T.A. Public safety and personal rights – changing priorities in constitutional and international law in the context of a pandemic // Modern society and law. 2021 No.5/2021. pp.40-47;
4. Kolmakov S. Y. Peculiarities of legislation of the subjects of the Russian Federation on public events: problems and prospects of solution // Bulletin of the Udmurt University. 2018. Vol. 28. No. 4. pp. 581-590.
5. Kolmakov S. Y. Freedom of assembly in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences. 2018. Vol. 22. No. 2. pp. 215-248.
6. Maximov A. A. Online rally as a way to realize political human rights // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 2 (123). pp. 30-38.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 13, 2014 No. 14-P "In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 7 of the Federal Law "On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches and Picketing" in connection with the complaint of citizen A. N. Yakimova" // The official Internet portal of legal information. <http://www.pravo.gov.ru>. 15.05.2014.
8. Riekkinen M. A. On the concept of "peaceful protest" in the practice of the European Court of Human Rights // Theory and Practice of social development. 2017. No. 12. pp. 139-142.
9. Salenko A.V. Freedom of peaceful assembly in Russia and Germany: a comparative analysis of the notification procedure // Electronic appendix to the Russian Law Journal. 2018. No. 5. pp. 63-72.
10. Simonova S. V. Risks in the adoption and implementation of legislation on public events: problems of identification and assessment // Actual problems of Russian law. 2015. No. 8 (57). pp. 41-46.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1032

АДМИНИСТРАТИВНАЯ И СПОРТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИДОПИНГОВЫХ ПРАВИЛ ADMINISTRATIVE AND SPORTS LIABILITY FOR VIOLATING ANTI-DOPING RULES

ДУДАЕВ Анатолий Борисович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.
e-mail: dudaev.anatol@yandex.ru

ДЕМЧЕНКО Николай Викторович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.
e-mail: nvdemchenko@yandex.ru

МОСИНЕЦ Евгений Борисович

заместитель начальника 5 отдела территориального управления № 3 АНО «Ведомственная охрана Правительства Москвы»
129110, Россия, г. Москва, пр-кт Мира, д. 41, стр. 2.
e-mail: nvdemchenko@yandex.ru

DUDAEV Anatoly Borisovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines
of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina
71 Gorky Street, Belgorod, 308024, Russia.
e-mail: dudaev.anatol@yandex.ru

DEMCHENKO Nikolay Viktorovich

candidate of legal sciences, associate professor, deputy head of the department of administrative and legal disciplines
of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina
71 Gorky Street, Belgorod, 308024, Russia.
e-mail: nvdemchenko@yandex.ru

MOSINETS Evgeny Borisovich

Deputy Head of the 5th Department of the Territorial Administration No. 3 of the Moscow Government Departmental Security Service.
41 Mira Ave., building 2, Moscow, 129110, Russia.
e-mail: nvdemchenko@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с применением запрещенных субстанций и запрещенных методов в российском спорте, являющихся допингом. Акцентируется внимание на вопросах реализации административной ответственности за нарушение антидопинговых правил. Проанализированы признаки спортивной ответственности в целях отнесения ее к юридической дисциплинарной ответственности.

Abstract: The article discusses problematic issues related to the use of prohibited substances and prohibited methods in Russian sports, which are considered doping. The focus is on the implementation of administrative liability for violating anti-doping rules. The article analyzes the features of sports liability in order to classify it as legal disciplinary liability.

Ключевые слова: допинг, допинг-контроль, запрещенные субстанции и запрещенные методы, антидопинговые правила, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, спортивная ответственность, спортивные санкции.

Keywords: doping, doping control, prohibited substances and prohibited methods, anti-doping rules, administrative liability, disciplinary liability, sports liability, and sports sanctions.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В настоящее время борьба с допингом в спорте высоких достижений является одной из наиболее актуальных проблем, поскольку допинг-скандалы вредят не только репутации спортсмена и страны, которую он представляет, но и в первую очередь здоровью. Приведем некоторые статистические данные. Согласно опубликованным РУСАДА данным по состоянию на конец октября 2023 года только из-за наличия мельдония, его метаболитов или маркеров в пробе было дисквалифицировано 23 спортсмена.¹ В 2024 году 46 российских спортсменов отбывали дисквалификацию за наличие в пробах мельдония и его метаболитов, сообщается на сайте российского антидопингового агентства (РУСАДА).² В 2022 и 2021 годах за это же нарушение санкции были вынесены 19 и 18 спортсменам соответственно», — говорится в заявлении организации. Основная масса допинг-скандалов, в которые оказались втянуты российские спортсмены, началась в 2000-х годах.

Для того, чтобы разобраться, что представляет собой допинг, обратимся к некоторым источникам. Так в википедии указано, что допинг (англ. *doping*, от англ. *dope* — применять наркотики) в спорте - это употребление запрещенных способов, методов или препаратов (в том числе биологически активных веществ), повышающих спортивные результаты.³

Наиболее полным и точным можно считать определение, которое было сформулировано Международным конгрессом по спортивной медицине в Страсбурге в 1965 году: «Допинг - это введение в организм человека любым путем вещества, чуждого организму, какой-либо физиологической субстанции в ненормальном количестве или какого-либо вещества неестественным путем для того, чтобы искусственно повысить результат спортсмена во время выступления на соревнованиях» [1, с. 76].

¹ РУСАДА: в 2023 году из-за наличия мельдония было дисквалифицировано 23 спортсмена // <https://www.championat.com/>

² <https://rsport.ria.ru/20240424/rusada-1942019325.html>

³ Свободная энциклопедия Википедия // www.ru.wikipedia.org

С целью искусственного повышения работоспособности и достижения наиболее высоких спортивных результатов недобросовестными спортсменами, а также в отдельных случаях тренерами используются запрещенные субстанции и запрещенные методы.

Широкая распространенность применения допинга является основной проблемой, которая формировалась с начала образования профессионального и любительского спорта.

Отмеченные обстоятельства обуславливают актуальность реализации административной ответственности за нарушение антидопингового законодательства, а также определение оснований и процессуального порядка осуществления производства по делам об административных правонарушениях по делам данной категории.

Статья. 6.18 КоАП РФ регламентирует административную ответственность за нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним.

Рассмотрим объективные признаки и характеристику субъектов данного правонарушения.

В качестве объекта данного правонарушения в самом широком смысле можно рассматривать общественные отношения в области физической культуры и спорта в Российской Федерации урегулированные нормами Федерального закона от 4 декабря 2007 года «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹, обеспечивающие нормальное развитие физической культуры и спорта.

Родовым объектом рассматриваемого правонарушения является здоровье населения.

В качестве непосредственного объекта следует рассматривать здоровье спортсмена.

Для правильной квалификации данного состава также имеет значение предмет административного правонарушения, к которому относятся: запрещенная субстанция и запрещенный метод.

Перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте утвержден Приказом Министерства спорта от 5 ноября 2024 года.²

Объективную сторону ст. 6.18 КоАП РФ образуют следующие действия:

использование или попытка использования спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода;

распространение запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода.

Использование может осуществляться путем употребления таблеток, микстур, вдыханием паров веществ через ингалятор, инъекций и иные способы.

Ответственность наступает также за попытку использования указанных препаратов и методов.

Распространением являются любые действия, способствующие использованию запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе советы, указания, предоставление информации, предоставление запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранение препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов.

Не считается правонарушением, если на момент совершения данных действий у спортсмена имелось разрешение на терапевтическое использование (далее ТИ) запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, выданное в соответствии с Международным стандартом по терапевтическому использованию запрещенных субстанций Всемирного антидопингового агентства.

Решение и выдаче разрешения на терапевтическое использование запрещенных субстанций или методов по запросу спортсмена принимают:

в отношении спортсменов национального уровня – комитет по ТИ РУСАДА; в отношении спортсменов международного уровня - своя международная федерация спорта (Если выданное РУСАДА ТИ соответствует критериям, установленным в Международном стандарте по ТИ, оно будет признано международной федерацией действующим и для международного уровня).

Ответственность по ч.1 названной нормы несут специальные субъекты - спортсмены, умышленно нарушившие указанные требования

В соответствии с частью 2 рассматриваемой нормы к ответственности кроме спортсменов могут быть привлечены тренеры, специалисты по спортивной медицине³ или иные специалисты в области физической культуры и спорта, за действия, выражающиеся в распространении запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода.

Производство по привлечению к ответственности по данной статье в обязательном порядке включает в себя этап административного расследования, в связи с тем, что для установления фактических обстоятельств дела требуются значительные временные затраты для получения проб и проведения экспертных исследований.

Таким образом, в ходе административного расследования осуществляется собирание доказательств, подтверждающих или отрицающих использование запрещенных субстанций или методов, а также решается задача установления всех фактических обстоятельств.

Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.18 КоАП РФ составляют полицию по окончании административного расследования.

В соответствии с ч.1 ст. 23.1 КоАП РФ рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.18 КоАП РФ отнесено к компетенции судей. Судьи, в соответствии с ч.1 ст. 4.5 КоАП РФ рассматривают дела данной категории и выносят постановление по делу в срок до девяноста календарных дней со дня совершения административного правонарушения. Течение срока давности по общему прави-

¹ Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 10.12.2007, N 50, ст. 6242.

² Приказ Министерства спорта РФ от 5 ноября 2024 г. № 1083 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.12.2024.

³ П.11.2 ст.2 Федерального закона от 12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 10.12.2007, N 50, ст. 6242.

лу (ч.1.1 ст.4.5 КоАП РФ) начинается со дня совершения административного правонарушения. В части использования запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, (ч.1 ст. 6.18 КоАП РФ) течение срока давности в соответствии с ч.5.1 ст.4.5 КоАП РФ начинает исчисляться со дня получения общероссийской антидопинговой организацией заключения лаборатории, аккредитованной Всемирным антидопинговым агентством, подтверждающего факт использования спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода.

Спортсмены, за использование допинга наряду с административной несут также и спортивную ответственность. В связи с указанным обстоятельством следует определиться, относится ли спортивная ответственность к виду юридической ответственности

В настоящее время высказываются разные мнения по данному вопросу. Так, например, некоторые авторы не относят спортивную ответственность к юридической [2, с. 176]. Такого же мнения придерживаются М.Г. Князькова, М.Л. Кортиев [3, с. 148].

А.В. Чеботарев рассматривает спортивную ответственность как разновидность дисциплинарной, то есть юридической ответственности [4, с. 80].

М.О. Буянова также рассматривает спортивную ответственность в виде ограничения правонарушителя в спортивных правах в качестве дисциплинарной спортивной ответственности [5, с. 87].

Отметим характерные признаки юридической ответственности, на примере административной:

- представляет собой негативную реакцию и негативную оценку совершенного правонарушения со стороны государства;
- устанавливается федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Исключение составляет дисциплинарная ответственность, которая может устанавливаться подзаконными нормативными правовыми актами, например, дисциплинарными уставами;
- исполняется судьями, органами (должностными лицами) исполнительной власти, в отдельных случаях комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также административными комиссиями;
- выражается в применении строго регламентированных законодательством мер государственного принуждения, включающих исчерпывающий перечень санкций.

Спортивная ответственность, в контексте ответственности за нарушения антидопингового законодательства может выражаться в санкциях, предусмотренных Общероссийскими антидопинговыми правилами, такими как аннулирование результатов соответствующего спортивного мероприятия, либо дисквалификация. Названные санкции устанавливают и исполняют спортивные федерации и профессиональные спортивные лиги¹, которые не являются государственными органами, а представляют разновидность общественных организаций. Соответственно, санкции, применяемые к спортсменам за нарушение антидопингового законодательства, не являются мерами государственного принуждения. Эти обстоятельства позволили указанным выше авторам не рассматривать спортивную ответственность в качестве юридической ответственности.

Вместе с тем, ответственность спортсмена за нарушение антидопинговых правил в виде аннулирования результатов соответствующего спортивного мероприятия, либо дисквалификации обладает характерными признаками дисциплинарной (юридической) ответственности. Так спортсмен, выступая в качестве работника, заключает трудовой договор со спортивной федерацией и несет ответственность перед работодателем. Например, дополнительными основаниями прекращения трудового договора со спортсменом в соответствии со ст. 348.11 ТК РФ могут быть спортивная дисквалификация на срок шесть и более месяцев, а также нарушение спортсменом общероссийских антидопинговых правил и (или) антидопинговых правил, утвержденных международными антидопинговыми организациями, признанное нарушением по решению соответствующей антидопинговой организации.

Кроме того, однозначно вопрос о виде рассматриваемой ответственности был разрешен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.11. 2016 г. Так, в соответствии с п.25. Постановления «Предусмотренные статьей 348.11 ТК РФ основания прекращения трудового договора со спортсменом в соответствии с частью второй статьи 192 ТК РФ относятся к дисциплинарным взысканиям².

На основании изложенного считаем целесообразным сделать следующие выводы и предложения. Спортивную ответственность за нарушение антидопинговых правил следует рассматривать в качестве юридической (дисциплинарной) ответственности.

В федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» следует внести уточнения об отнесении спортивных санкций к дисциплинарным взысканиям. В связи с тем, что запрещенные субстанции и запрещенные методы, являющиеся допингом, представляет особую опасность для здоровья несовершеннолетних спортсменов, считаем целесообразным дополнить статью 6.18 КоАП РФ частью 3, диспозицию которой изложить в следующей редакции: «Действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего спортсмена, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного пунктом б части 2 статьи 230.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Список литературы:

1. Деревоедов А.А. Допинг в спорте и борьба с ним // Вестник РМОУ. 2012. №1 (2). С. 76.
2. Амиров И.М. Антидопинговый правовой порядок в России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3. С. 175 - 178.
3. Князькова М.Г., Кортиев М.Л. Спортивная ответственность и спортивные санкции. // Известия Сочинского государственного университета. 2013, № 4-2 (28). С. 146-149.
4. Чеботарев А.В. Юридическая ответственность за нарушение антидопинговых правил в России: проблемы и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 76–97.
5. Буянова М.О. Виды юридической ответственности за спортивные правонарушения. // «Законы России: опыт, анализ, практика», 2024, № 7. С. 83-91.

References:

1. Derevodov A.A. Doping in sports and the fight against it // Bulletin of the RIOU. 2012. No. 1 (2). P. 76.
2. Amirov I.M. The anti-doping rule of law in Russia // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 3. pp. 175-178.
3. Knyazkova M.G., Kortiev M.L. Sports responsibility and sports sanctions. // Proceedings of the Sochi State University. 2013, No. 4-2 (28). pp. 146-149.
4. Chebotarev A.V. Legal liability for anti-doping rule violations in Russia: problems and prospects // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 3. pp. 76-97.
5. Buyanova M.O. Types of legal liability for sports offenses. // "Laws of Russia: experience, analysis, practice", 2024, No. 7. pp. 83-91.

¹ П.1.3.2 Приказа Министерства спорта Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 464 «Об утверждении общероссийских антидопинговых правил. Документ опубликован не был.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2016 г., № 2.

МЕХАНИЗМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЬНОГО И ГОРОДСКОГО НАЗЕМНОГО ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТА, А ТАКЖЕ ДОРОЖНОГО ХОЗЯЙСТВА: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ THE MECHANISM OF FEDERAL STATE CONTROL AND SUPERVISION OVER THE OPERATION OF AUTOMOBILE AND URBAN ELECTRIC TRANSPORT, AS WELL AS ROAD INFRASTRUCTURE: STRUCTURE AND FEATURES

НЕСТЕРОВ Евгений Александрович,

Директор Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», кандидат юридических наук.
127055, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9 стр. 9.

ynesterov@yandex.ru

NESTEROV E. A.

Law Institute Russian University of Transport Moscow, Russian Federation.

Obraztsova str., 9, building 9, Moscow, 127055, Russia.

ynesterov@yandex.ru

Краткая аннотация. Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере автомобильного и городского наземного электрического транспорта, а также дорожного хозяйства представляет собой ключевой механизм обеспечения безопасности и надёжности функционирования наземного транспорта. При этом, совершенствование государственной политики в области контроля и надзора должно основываться на применении современных научных методов и подходов. Организация дорожного движения и автомобильных перевозок регулируется системой нормативно-правовых актов. Настоящее исследование направлено на проведение комплексного анализа основных аспектов государственного контроля (надзора) за автомобильным и городским наземным электрическим транспортом, а также дорожной инфраструктурой. Основное внимание в работе уделяется модели надзора, базирующейся на принципах сорегулирования как инструмента взаимодействия контрольно-надзорных органов и субъектов контроля. Решение поставленных задач достигается с помощью системного, логического, нормативно-ценностного, структурно-функционального и формально-юридического методов. В ходе анализа нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность органов контроля формулируются перспективы развития нормативного правового регулирования в рассматриваемой сфере. Статья может быть полезна специалистам в области транспортного законодательства, а также исследователям, интересующимся проблемами государственного контроля и надзора.

Abstract. Effective management and control of the use of automobile and electric urban transport, as well as the condition of roads, are important elements for ensuring the safety and reliability of land transportation. In this context, it is important that the State policy in the field of control and supervision is based on modern scientific methods and approaches. Traffic management and transport activities are regulated by a variety of laws and regulations. This study is devoted to a comprehensive analysis of key aspects of state control in the field of automobile and electric urban transport, as well as the state of road infrastructure. Special attention is paid to the control model based on the principles of joint work (interaction of control and supervisory authorities and persons subject to control). To achieve these goals, systematic, logical, normative-value, structural-functional and formal-legal methods are used. The analysis of regulatory acts regulating the activities of regulatory authorities allowed us to identify areas for improving legal regulation in this area. This article will be useful to experts in the field of transport, as well as researchers studying issues of state control and supervision.

Ключевые слова: правовое регулирование, безопасность на транспорте, контрольно-надзорная деятельность, федеральный государственный контроль (надзор), автотранспортный надзор, автомобильный транспорт, обязательные требования.

Keywords: legal regulation, transport safety, control and supervisory activities, federal state control (supervision), motor transport supervision, road transport, mandatory requirements.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Деятельность в сфере организации движения по автомобильным дорогам и осуществления перевозки автомобильным транспортом регулируется рядом нормативных актов, важнейшими из которых являются Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»¹ (далее - Закон № 259-ФЗ), Федеральный закон «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² (далее - Закон № 443-ФЗ); Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ (далее - Закон № 257-ФЗ) и другие нормативные правовые акты.

В сфере тематического (автодорожного) контроля определяющее значение на автомобильном транспорте имеет Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения⁴ (далее - Постановление № 1101).

Объекты автодорожного надзора охватывают широкий спектр транспортных операций, включая пассажирские и грузовые перевозки автомобильным и городским наземным электрическим транспортом (за исключением международных автомобильных перевозок). В этот пере-

¹ См.: Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 07.06.2025) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499686&dst=100001#R5FWC1VuYsUovztm> (дата обращения: 31.10.2025).

² См.: Федеральный закон от 29.12.2017 № 443-ФЗ «Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=483240&cacheid=4A7A0440DE803D78B9B93573A55785ED&mode=splus&rnd=Q5yZ2w#cfYxC1VoBKLumRp4> (дата обращения: 31.10.2025).

³ См.: Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510756&dst=1000000001&cacheid=FE7C44929E94B22817AFD37D4AA8C4A2&mode=splus&rnd=Q5yZ2w#1dYjC1V4qBg4RSI6> (дата обращения: 31.10.2025).

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1101 (ред. от 03.11.2023) «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=461312&cacheid=525E44AE61A5E9C65A15C8756B0FB0E&mode=splus&rnd=Q5yZ2w#PoQzC1VSWdqj2l6G> (дата обращения: 31.10.2025).

чень также входят организованные автобусные перевозки групп несовершеннолетних, транспортировка опасных грузов и перевозка пассажиров и грузов для коммерческих нужд юридических лиц. Кроме того, под надзор попадают услуги по перевозке пассажиров и других лиц посредством автобусов и других транспортных средств.¹

В рамках данного надзора осуществляется мониторинг соблюдения нормативно установленных требований в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Особое внимание уделяется вопросам содержания автомобильных дорог, инфраструктурных объектов, железнодорожных переездов и линий городского наземного электрического транспорта, которые имеют непосредственное влияние на уровень безопасности дорожного движения. В сфере автодорожного надзора особое внимание уделяется объектам, представляющим повышенную опасность с точки зрения потенциального причинения вреда. Это требует постоянного мониторинга соблюдения обязательных норм и стандартов, направленных на минимизацию рисков: лицензирования перевозок пассажиров и других лиц автобусами; регламентации транспортировки опасных и скоропортящихся грузов; соблюдения правил движения транспортных средств с разрешённой максимальной массой свыше 12 тонн по федеральным автомобильным дорогам общего пользования; контроля весогабаритных параметров транспортных средств и других аспектов. Важным аспектом контрольно-надзорной деятельности (далее - КНД) на транспорте является снижение смертельных случаев и травматизма на дорогах.²

Анализ мер реагирования на нарушения обязательных требований, обнаруженные в ходе контрольно-надзорных мероприятий, показывает, что такие меры включают предотвращение вреда охраняемым законом интересам, контроль за устранением выявленных нарушений, предотвращение возможного ущерба, рассмотрение вопросов о выдаче рекомендаций по соблюдению обязательных требований и проведение профилактических мероприятий. [2]

В данной области внедрена интегрированная система управления рисками и их предотвращения, ориентированная на снижение потенциального ущерба. Реализация всех компонентов данной системы должна способствовать достижению цели реформы КНД. Одной из основных задач является переход контрольно-надзорных органов от преимущественно контрольных мероприятий к превентивным мерам, что подразумевает акцент на предотвращение нарушений и минимизацию их последствий. Риск-ориентированный подход на автомобильном транспорте не состоит только в соотношении объектов контроля категориям риска, он проявляется также в системе управления рисками со стороны Ространснадзора. Риск наступления потенциальных негативных последствий – это всегда вероятность возникновения и масштаб дорожно-транспортных происшествий, которые могут повлечь за собой причинение вреда или создать угрозы наступления чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. [1]

По данным на 1 июля 2024 года, в Российской Федерации насчитывалось 132 307 субъектов хозяйственной деятельности, которые подлежали государственному и муниципальному контролю в рамках государственного автомобильного и дорожного надзора. По данным Ространснадзора³, в указанном году было проведено следующее количество профилактических мероприятий, представленных в Таблице 1:

№ п/п	Информирование (количество фактов размещения информации на официальном сайте контрольного (надзорного) органа)	5218
1.	Обобщение правоприменительной практики (количество докладов о правоприменительной практике, размещённых на официальном сайте контрольного (надзорного) органа)	1
2.	Объявление предостережения	105857
3.	Консультирование	915813
4.	Профилактический визит, из них:	39188
4.1	профилактический визит	25079
4.2	обязательный профилактический визит	8533
4.3	профилактический визит по заявлению контролируемого лица	5576
5.	ИТОГО:	1066077

Таблица 1. Количество профилактических мероприятий в области автодорожного надзора, проведённых Ространснадзором в 2024 году

Указанные выше КНМ являются классическим набором мер в сфере любого тематического транспортного контроля. Например, профилактический визит в автодорожной отрасли — обязательная процедура контроля для предотвращения рисков при перевозке пассажиров и грузов автомобильным и городским наземным электрическим транспортом. Он применяется к новым участникам этой деятельности, за исключением, осуществляющих международные автоперевозки. Особое внимание уделяется перевозкам организованных групп детей и опасных грузов. Также проверяются перевозки для собственных нужд, кроме транспортировки пассажиров автобусами. Основанием для визита служит профильное положение с индикаторами риска, которые определяют необходимость контроля и оценивают угрозы. Профилактический визит важен для

¹ См.: п. 1 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499669&dst=100001#V5c8H0Vggt9olsbr> (дата обращения: 21.10.2025).

² См.: Приказ Ространснадзора от 21.12.2023 № ББ-429фс (ред. от 16.09.2025) «Об утверждении Методик расчета показателей ведомственного проекта «Совершенствование контрольно-надзорной деятельности в сфере транспорта в Российской Федерации». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=515703&cacheid=E0F9E70BDE8A568EFE2AFBF147618141&mode=splus&rnd=ea1xXQ#NFbQD1V0GR00qwe11> (дата обращения: 31.10.2025).

³ См.: Приказ Ространснадзора от 27.03.2025 № ББ-99фс «Об утверждении доклада о правоприменительной практике федерального государственного контроля (надзора) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве за 2024 год». Доступно: <https://rostransnazor.gov.ru/documents/5540> (дата обращения: 21.10.2025).

превентивного управления рисками, обеспечивая безопасность и эффективность транспортных процессов. То есть профилактический визит в сфере автомобильного транспорта направлен на предупреждение рисков, так как перечисленные виды деятельности являются высокорисковыми, на что также прямо указывают закреплённые в профильном положении о контроле индикаторы.

В автодорожном надзоре применяется система управления рисками и модель саморегулирования, важным элементом которой является механизм самообследования, нормативные основы модели которого задаёт Приказ Ространснадзора от 29.12.2021 № ВБ-1069фс.¹

Но модель саморегулирования при осуществлении контроля (надзора) в автодорожной сфере является лишь частью общей или партнёрской модели взаимодействия, основанной на принципах сорегулирования субъектов контроля и контрольно-надзорных органов. Партнёрская модель построена на стимулировании добросовестности, важным элементом которой является совместная деятельность (сорегулирование) в сфере профилактики рисков причинения вреда объектам в автодорожной сфере. Программа профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении исследуемого вида надзора создаёт основы для реализации данной превентивной или профилактической модели контроля на автомобильном транспорте.

Внедрение парадигмы контроля и надзора, основанной на оценке рисков, значительно снижает административную нагрузку на законных участников транспортной экосистемы. Такой подход не влечет за собой ослабления регулятивного надзора, но, скорее, перестраивает методы контроля, включая целенаправленные правоприменительные действия, направленные на предотвращение и выявление нарушений в сфере пассажирских и грузовых перевозок.[4]

Программа профилактики рисков причинения вреда при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области автомобильного транспорта, городского наземного электрического транспорта и в дорожном хозяйстве на 2025 год² определяет механизм осуществления профилактических мероприятий, направленных на предупреждение нарушений обязательных требований. Предупреждение нарушения есть превенция, поэтому такую модель контроля мы именуем превентивной.

При этом Ежегодный план осуществления КНД составляется только для объектов контроля с высокой категорией риска причинения вреда.³ Таким образом модель контроля (надзора) на транспорте является динамической, соответственно определение необходимости проведения КНМ связано напрямую с эффективностью модели профилактики нарушения обязательных требований.

Региональные власти субъектов Российской Федерации в области использования автомобильных дорог и управления дорожной инфраструктурой применяют модель регионального государственного контроля и надзора за автомобильным транспортом, городским наземным электрическим транспортом и дорожным хозяйством в целом. Эта модель разработана для обеспечения соответствия нормативным требованиям и оптимизации операционной эффективности в этих критически важных областях общественной инфраструктуры.[6] При этом в соответствии с положениями Постановления Правительства Российской Федерации № 336 государственный контроль (надзор) не осуществляется за деятельностью органов государственной власти и должностных лиц субъектов Российской Федерации, а также за деятельностью органов местного самоуправления и их должностных лиц при осуществлении ими полномочий, касающихся контроля в транспортном и инфраструктурном секторах.⁴ Одновременно установлено, что до 2030 года в планы проведения КНМ при реализации государственного контроля (надзора) за органами власти субъектов и органами местного самоуправления, будут включены только такие КНМ, которые относятся к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, опасным производственным объектам II класса опасности, гидротехническим сооружениям II класса. Таким образом, в отношении объектов контроля от низкого риска до среднего будет до 2030 года реализовываться партнёрская (профилактическая) модель, основанная на механизмах сорегулирования и саморегулирования.

Необходимо отметить, что существующая нормативно-правовая база, регулирующая систему организации публичной власти на уровне субъектов Российской Федерации⁵ и муниципальных образований⁶, не содержит требований к категоризации уровней рисков для указанных органов. Это создает определенные сложности для Ространснадзора при выполнении своих функций в данной сфере. Для устранения данной проблемы целесообразно исключить соответствующие положения из Постановления № 336 и рассмотреть возможность внесения изменений в Федеральный закон № 259-ФЗ. Также рекомендуется Правительству Российской Федерации разработать и принять отдельный нормативный акт, регламентирующий порядок осуществления государственного контроля (надзора) за реализацией полномочий органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в сфере автомобильного транспорта, городского наземного электрического транспорта и дорожного хозяйства.

В контексте формирования механизма саморегулирования и реализации федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью, связанной с перевозкой пассажиров и грузов автомобильным и городским наземным электрическим транспортом, важное место

¹ См.: Приказ Ространснадзора от 29.12.2021 № ВБ-1069фс «Об утверждении форм проверочных листов (списков контрольных вопросов, ответы на которые свидетельствуют о соблюдении или несоблюдении контролируемым лицом обязательных требований), применяемых Федеральной службой по надзору в сфере транспорта и ее территориальными органами при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=409840#OstBD1VIVuzevUo1> (дата обращения: 31.10.2025).

² См.: Приказ Ространснадзора от 18.12.2024 № ВБ-453фс «Об утверждении программ профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям на 2025 год». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=493816&cacheid=4F9130650B0EAC05D27BB79F38F26469&mode=splus&md=Q5yZ2w#4NLD1V2Huffv9ih1> (дата обращения: 31.10.2025).

³ См.: План проведения плановых контрольных надзорных мероприятий в области Госавтодорожного надзора на 2025 год. Доступно: <https://rostransnazor.gov.ru/documents/5399?ysclid=mr7777qccoc145101278> (дата обращения: 31.10.2025).

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 28.12.2024) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=495209&dst=100001#LFSHD1VsBaZr1N1> (дата обращения: 31.10.2025).

⁵ См.: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499774&cacheid=339921AC7D29BCDBF1F434DCC3DB5313&mode=splus&md=Q5yZ2w#YHAMD1VMTU4AAMV6> (дата обращения: 31.10.2025).

⁶ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=501480&dst=1000000001&cacheid=339921AC7D29BCDBF1F434DCC3DB5313&mode=splus&md=Q5yZ2w#DK6ND1VgP647StDv1> (дата обращения: 31.10.2025), Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=501319&cacheid=339921AC7D29BCDBF1F434DCC3DB5313&mode=splus&md=Q5yZ2w#TrVND1VW53qe9ZsE> (дата обращения: 31.10.2025).

занимают проверочные листы, или чек-листы. Этот инструмент представляет собой систематизированные перечни контрольных вопросов и критериев, направленных на оценку соответствия деятельности перевозчиков установленным нормативным требованиям и стандартам безопасности. [6] Это важная часть методики оценки выполнения обязательных требований, так как определено, что в результате положительной самооценки КНМ при оценке рисков не выше среднего не проводятся, а проводятся лишь в отношении высоких и значительных рисков. Таким образом выполнение требований инспектора и необходимая самооценка в модели саморегулирования даёт возможность понизить риск в отношении объекта контроля на одну ступень, что является важным достижением выстроенной на автомобильном транспорте динамической модели контроля (надзора).

Важно отметить, что в соответствии со спецификой деятельности автомобильного транспорта, в том числе, в местах массового соединения транспортных потоков и скопления пассажиров, характерной чертой применяемого надзора в автодорожной сфере является специальный режим постоянного рейда, порядок применения которого установлен профильным положением по контролю (надзору) в обозначенной сфере. Напомним, что в рамках правовой регламентации, касающейся автомобильных дорог и дорожной деятельности, а также административных правонарушений на территории субъектов Российской Федерации, установлены обязательные требования, которые находят свое отражение в региональных законах и нормативных правовых актах.¹ Эти требования также охватывают сферу государственного контроля (надзора) за перевозками пассажиров и багажа легковым такси, где проводятся регулярные рейды, порядок проведения которых регламентируется положениями, утверждаемыми высшими исполнительными органами субъектов РФ.

Муниципальные акты, регулирующие отношения, связанные с использованием автомобильных дорог и дорожной деятельностью, устанавливают обязательные требования к процессам установления, изменения и отмены муниципальных маршрутов регулярных перевозок. Они также регламентируют организацию регулярных перевозок по регулируемым и нерегулируемым тарифам, изменение видов регулярных перевозок, а также предъявляют требования к остановочным пунктам, входящим в состав муниципальных маршрутов. Кроме того, эти акты определяют порядок оформления, переоформления, прекращения и приостановления действия свидетельств об осуществлении перевозок по маршруту регулярных перевозок и карт маршрутов.

Таким образом, комплексная правовая база, включающая региональные и муниципальные нормативные акты, обеспечивает всестороннее регулирование и контроль в сфере автомобильных перевозок, способствуя повышению эффективности и безопасности дорожного движения.[5]

В рамках правового регулирования в исследуемой сфере при анализе юридического состава с формулой «нарушение обязательных требований» необходимо учитывать разнообразные перечни таких требований. Одним из них является Руководство по соблюдению обязательных требований норм режима труда и отдыха водителей (в части времени управления транспортным средством и времени отдыха).²

При этом содержание обязательных требований должно быть ясным и доступным для всех субъектов контроля. Оно не должно вызывать противоречий при применении и должно соответствовать целям и принципам правового регулирования конкретной сферы и правовой системы в целом. Обязательные требования должны быть системно взаимосвязаны, что исключает их дублирование и противоречия между ними. Проблема дублирования нормативных требований и полномочий надзорных органов неоднократно обсуждалась в научной литературе.[3]

Информирование на автомобильном транспорте об обязательных требованиях субъектов перевозочной деятельности имеет важное значение в связи с повышенным риском данной деятельности, так как причинение вреда физическим лицам составляет более значительный риск по сравнению с причинением ущерба транспортной инфраструктуре и транспортным средствам. Но указанное выше Руководство применяется в добровольном порядке. В нормативных перечнях (руководствах) в области автомобильного транспорта установлены лишь определённые запреты, например, запрет на перевозку пассажиров и багажа по заказу на условиях, предусматривающих предоставление права проезда в транспортном средстве за плату неопределённому кругу лиц, а также распространение информации о перевозках пассажиров и багажа по заказу на указанных условиях, ответственность за несоблюдение которого установлена административным законодательством.³

При этом, напомним, что в правовой доктрине традиционно выделяют три основных способа правового регулирования: запрет, дозволение (уполномочивание) и обязывание (предписание). Этим методам соответствуют три формы реализации правовых норм: соблюдение, использование и исполнение. Дозволительный метод предоставляет субъектам права возможность использования предоставленных им правомочий или отказа от такового. Ограничительный подход в рамках запретительного метода, в свою очередь, заключается в установлении необходимости воздержания от совершения определённых действий, что требует строгого следования установленным правовым предписаниям в форме соблюдения, которое предполагает именно воздержание субъекта от совершения запрещённых действий и таким образом направлено на предотвращение противоправных деяний. Обязывающий же метод предполагает активное выполнение субъектами права установленных требований. В сфере автомобильного транспорта исполнение таких обязанностей играет ключевую роль, так как оно предшествует соблюдению. То есть, при сопоставлении способов правового регулирования и форм реализации правовых норм, формальная логика позволяет проводить определённую аналогию между обязыванием (как способом правового регулирования) и исполнением (как формой реализации правовых норм). При

¹ См. например: Постановление правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 августа 2014 г. № 642-П "Об утверждении Порядка проведения оценки уровня содержания автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения Ямало-Ненецкого автономного округа". Доступно: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=163191295&backlink=1&nd=163038567&rdk=0&refoid=163191302> (дата обращения: 31.10.2025)

² См.: Руководство по соблюдению обязательных требований норм режима труда и отдыха водителей (в части времени управления транспортным средством и времени отдыха) (утв. Ространснадзором 03.04.2023). Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=444304&cacheid=0A73388A1FBAFD79EFEBDF65BAD752ED&mode=splus&rnd=vW6rSQ#oAHJ11V6NeP6JyG> (дата обращения: 31.10.2025)

³ См.: ч. 3 ст. 11.14.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступно: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=510751&dst=1000000001&cacheid=BEED4E867E0F00DEE9CD91599C798120&mode=splus&rnd=vW6rSQ#oAHJ11V6NeP6JyG> (дата обращения: 31.10.2025)

этом те нормы, которые содержат обязательные требования в отдельных нормативных правовых актах могут быть выражены как через прямые запреты, так и через соответствующие условия и ограничения. Однако большинство норм, содержащих обязательные требования в сфере автомобильного транспорта, сформулированы через возложение обязанностей (обязан, должен, необходимо).

Таким образом реализации обязательных требований, как и общих предписаний, происходит путём именно их активного исполнения в то время как соблюдение характеризуется пассивным характером реализации запретов, установленных соответствующими правовыми нормами. Однако, законодатель ограничивается упоминанием лишь одной формы реализации обязательных требований — соблюдения, что вызывает определённые теоретические и практические вопросы и очевидно предполагает необходимость дальнейших исследований элементов системы контрольно-надзорной деятельности с целью выработки предложений по совершенствованию нормативного правового регулирования с использованием соответствующих приёмов юридической техники.

Список литературы:

1. Абашева Н.С., Верещагин М.В. Практика применения системы риск-ориентированного подхода при осуществлении транспортного контроля и надзора // Вектор экономики. - 2021. - №5 (59).
2. Антонов С.Н., Баканов К.С. Развитие учения И.И.Веремеенко о соотношении контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности в области дорожного движения // Административное право и процесс. - 2023. - № 3. - С. 31-35. DOI:10.18572/2071-1166-2023-3-31-35
3. Исаев М.М. Проблема дублирования полномочий органов, осуществляющих надзор за соблюдением обязательных требований при перевозках пассажиров автобусами // Вестник Московского университета МВД России. - 2023. - № 5. - С. 93-97. DOI 10.24412/2073-0454-2023-5-93-97
4. Махарадзе Д.Р. Результаты применения Федерального закона от 13 июля 2015 г. №246-ФЗ в деятельности управления государственного автомобильного и дорожного надзора // Транспортное право и безопасность. - 2020. - № 2 (34). - С. 147-153.
5. Нарутто С.В., Ряшин М.П. Роль муниципального контроля в развитии комфортной городской среды: монография / отв. ред. С.В. Нарутто. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 204 с.
6. Олимпиев А. В. Государственное регулирование в сфере транспорта / А. В. Олимпиев, С. В. Олимпиева, А. В. Сугоровский. – Екатеринбург : Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения», 2023. – 148 с. – ISBN 978-5-0060-9028-6.

References:

1. Abasheva, N. S., & Vereshchagin, M. V. (2021). The practice of applying a risk-based approach system in the implementation of transport control and supervision. Vector of Economics, (5 (59)).(in Russian)
2. Antonov, S. N., & Bakanov, K. S. (2023). The development of the teachings of I. I. Veremeenko on the correlation of control and supervisory and administrative-jurisdictional activities in the field of traffic. Administrative law and process, (3), 31-35. doi:10.18572/2071-1166-2023-3-31-35. (in Russian)
3. Isaev, M. M. (2023). The problem of duplication of powers of bodies overseeing compliance with mandatory requirements for passenger transportation by buses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (5), 93-97. doi:10.24412/2073-0454-2023-5-93-97 (in Russian)
4. Makharadze, D. R. (2020). Results of the application of Federal Law No. 246-FZ dated July 13, 2015 in the activities of the State Automobile and Road Supervision Department. Transport Law and Safety, (2 (34)), 147-153.(in Russian)
5. Naruto, S. V., & Ryashin, M. P. (2024). The role of municipal control in the development of a comfortable urban environment: a monograph. Edited by S. V. Naruto. Moscow: NORMA, INFRA-M.(in Russian)
6. Olimpiev, A. V., Olimpieva, S. V., & Sugorovsky, A. V. (2023). State regulation in the field of transport. Yekaterinburg, Izdatelskie resheniya Publ, 148 p. (in Russian)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1040

УДК 342

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ THE IMPACT OF SANCTIONS ON RUSSIA'S ECONOMIC DEVELOPMENT AND ECONOMIC AND LEGAL MEANS OF OVERCOMING THEM

ДАШИН Павел Павлович

выпускник Университета Рейнхард, штат Джорджия
выпускник Южного университета Эдвардсвилля, штат Иллинойс
студент Чарлстонского Колледжа, штат Южная Каролина США.
штат Южная Каролина США
avdashin@mail.ru

ФРУСЛОВ Иван Геннадьевич

руководитель Краснодарского регионального отделения НОК «Российская семья»,
руководитель направления Федерального центра по вопросам научного, аналитического,
информационно-ресурсного и экспертного сопровождения молодежной политики
Управления сетевых и партнёрских проектов государственной политики РАНХиГС
119606, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 84 стр. 1.
avdashin@mail.ru

DASHIN Pavel Pavlovich

graduate of Reinhard University, Georgia
graduate of Southern University of Edwardsville, Illinois student of Charleston College, South Carolina USA
South Carolina USA
avdashin@mail.ru

FRUSLOV Ivan Gennadievich

Head of the Krasnodar Regional Branch of the Russian Family Research and Development Organization,
Head of the Federal Center for Scientific, Analytical, Information, Resource and Expert Support for Youth Policy at the RANEPa
Office of Network and Partner Projects of Public Policy.
119606, Russia, Moscow, prospekt Vernadskogo, 84 p. 1.
avdashin@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается формирование и развитие системы экономико-правовых средств противодействия санкциям в Российской Федерации в контексте обострения геополитической конъюнктуры после 2022 г. Авторами анализируются нормативно-правовую базу, институциональные структуры и ключевые инструменты контрсанкционной политики – от национальной платежной системы «Мир» и дедолларизации до параллельного импорта и налогового-таможенных мер. Подчеркивается переход от тактической реакции к стратегической, проактивной парадигме, сочетая государственное стратегическое управление с рыночными механизмами. Особое внимание уделено вызовам, связанным с правоприменением и структурной устойчивостью экономики, а также перспективам участия России в формировании многополярной финансово-экономической архитектуры.

Abstract: The article examines the formation and development of a system of economic and legal means of countering sanctions in the Russian Federation in the context of the worsening geopolitical situation after 2022. The authors analyze the regulatory framework, institutional structures and key instruments of counter-sanctions policy - from the national payment system Mir and de-dollarization to parallel imports and tax and customs measures. The transition from a tactical reaction to a strategic, proactive paradigm is emphasized, combining state strategic management with market mechanisms. Special attention is paid to the challenges related to law enforcement and the structural stability of the economy, as well as the prospects for Russia's participation in the formation of a multipolar financial and economic architecture.

Ключевые слова: санкционное противодействие, экономико-правовые средства, национальная платежная система, дедолларизация, контрсанкции, финансовая безопасность, мобилизационная экономика.

Keywords: sanctions counteraction, economic and legal means, national payment system, de-dollarization, counter-sanctions, financial security, mobilization economy.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Современная геополитическая обстановка превратила санкции в инструмент гибридной экономической войны, особенно после 2022 г., когда давление «коллективного Запада» на Россию приобрело беспрецедентный масштаб и координацию. Так, в отношении Российской Федерации (далее по тексту – РФ) в период с 22 февраля 2022 г. по 24 ноября 2025 г. со стороны недружественных государств было принято 19 пакетов санкций, направленные на ограничение доступа РФ к международному капиталу, подрыв стабильности финансовой системы, ограничение экспорта, отключение ведущих банков от системы SWIFT и пр. Отправной точкой для введения масштабного пакета внешнеэкономических ограничений в отношении РФ стало 23 февраля 2022 г. Первоначальные санкционные действия Европейского союза были сфокусированы на точечном воздействии, включив в санкционные списки 357 депутатов Государственной Думы, а также 27 физических и юридических лиц, задействованных в ключевых промышленных секторах.

В последующий период наблюдалась стремительная эскалация ограничительного режима. Первоначальные точечные меры трансформировались в комплексную систему запретов и лимитов, оказавших дестабилизирующее воздействие на традиционные цепочки международной торговли. Ограничениям подверглись такие стратегические области, как финансовый сектор, энергетика, транспортная логистика, машиностроение, высокотехнологичная промышленность и сфера высоких технологий. Фактически, был инициирован беспрецедентный прессинг на

всю систему внешнеэкономических связей страны.

Наиболее деструктивное воздействие на реальный сектор экономики Российской Федерации оказало целенаправленное технологическое эмбарго, сфокусированное на критических сегментах высоких технологий, таких как производство полупроводников, поставки специализированного IT-оборудования и сложного промышленного оборудования. Данные ограничения экспонировали структурную уязвимость отечественных отраслей, исторически зависящих от импорта данных категорий товаров и решений. Параллельно санкционное давление резко обострило проблему логистической связанности российской экономики с глобальными цепочками создания стоимости. Блокировка традиционных, наиболее коротких и экономически эффективных транспортных коридоров вынудила субъектов внешнеэкономической деятельности активно осваивать более протяженные и дорогостоящие маршруты. Переориентация грузопотоков через страны Ближнего Востока, Центральной Азии и акваторию Каспийского моря, наряду с развитием Северного морского пути, хотя и смягчила остроту транспортной блокады, однако существенно увеличила продолжительность операционных циклов и наложила дополнительное бремя на себестоимость импортируемых товаров и экспортируемых сырьевых ресурсов, дополнительно сужая маржинальность несырьевого экспорта.

Таким образом, в условиях нарастания экзогенных шоков и искусственного сужения доступа к критическим импортным ресурсам, технологиям и финансовым рынкам, перед национальной экономикой возникла объективная необходимость в выработке соответствующих политических, экономических и правовых мер. Стратегическим ответом на эти вызовы стал курс на форсированную адаптацию внутреннего рынка, диверсификацию внешнеторговых потоков и ускоренную реализацию политики импортозамещения, направленной на укрепление экономического суверенитета и устойчивости.

В этих условиях формирование и развитие комплексной системы экономико-правовых мер противодействия становится ключевым условием обеспечения национального суверенитета, финансово-технологической независимости и устойчивости социально-экономической системы РФ.

В статье применялся системно-институциональный подход, позволивший рассмотреть объект исследования как целостный, сложноорганизованный феномен, функционирующий в рамках конкретных институциональных условий. Был проведен анализ нормативно-правовой базы, выражаемый в систематическом изучении и интерпретации нормативно-правовых актов, формирующих основу противодействия санкциям.

Метод институционального анализа позволил проанализировать структуру, функций и взаимодействия государственных органов и организаций, ответственных за выработку и реализацию политики противодействия санкциям. сравнительно-правовой метод заключается в сопоставлении российской правовой модели противодействия санкциям с подходами, используемыми другими государствами, а также с практикой введения санкций со стороны западных стран.

Кроме того, в работе использовался метод статистического и экономико-математического анализа (количественная оценка влияния санкций и контрмер на ключевые макроэкономические показатели: ВВП, инфляцию, курс рубля, объемы торговли, инвестиции). Использование данного метода позволило обеспечить эмпирическую основу для выводов, позволяя перейти от качественных описаний к количественным оценкам эффективности тех или иных экономико-правовых средств.

Современная геополитическая конъюнктура обусловила трансформацию санкционных инструментов из эпизодических мер давления в системный элемент международного экономического взаимодействия, приобретающий характер гибридной экономической войны. В условиях, когда санкционное давление со стороны стран так называемого «коллективного Запада» приобрело беспрецедентный по масштабу, глубине и скоординированности характер, Российская Федерация была вынуждена перейти от тактической реакции к формированию комплексной системы экономико-правовых средств противодействия, направленной на обеспечение национального суверенитета, финансово-технологической независимости и устойчивости социально-экономической системы. Данная система представляет собой многоуровневую, институционально устойчивую и динамически адаптивную совокупность нормативно-правовых, институциональных, организационных и операционных механизмов, функционирующих в рамках единого стратегического замысла.

Сущностная основа противодействия санкциям в российской правовой традиции закреплена в конституционном приоритете обеспечения прав и свобод человека как высшей ценности, а также в императиве защиты национального суверенитета и экономической безопасности. Нормативно-правовой каркас формировался поэтапно, начиная с 2014 года, однако окончательное оформление получил после февраля 2022 года, когда были приняты ключевые акты: Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [1], Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» [2], а также целый ряд указов Президента Российской Федерации (№ 560 от 06.08.2014 [3], № 79 от 28.02.2022 [4], № 100 от 08.03.2022 [5] и др.), определивших как рамочные принципы, так и конкретные инструменты ответных действий. Важно подчеркнуть, что законодательная модель РФ в отличие от западных аналогов, где санкции зачастую носят характер автономных актов исполнительной власти, строится на принципе строгой иерархии источников права и парламентского контроля, что повышает ее легитимность и устойчивость к судебным оспариваниям.

Институциональное обеспечение противодействия реализуется в виде вертикально интегрированной структуры, возглавляемой Президентом Российской Федерации [6] как гарантом конституционного строя и суверенитета. Стратегическое планирование и координация осуществляются Советом Безопасности Российской Федерации, оперативное управление — Правительством РФ, а специализированное исполнение — Министерством финансов (в части финансовых ограничений и блокирования активов), Министерством экономического развития (в части внешнеэкономических мер) и Банком России (в области валютного регулирования, платежных систем и надзора за финансовыми институтами).

Данная модель позволяет сочетать централизованное принятие решений с децентрализованной реализацией, минимизируя издержки координации и повышая скорость реакции на внешние вызовы [7].

Среди ключевых экономико-правовых инструментов первостепенное значение приобретают:

— создание и развитие национальной платежной системы «Мир», а также интеграция ее с платежными системами дружественных государств, что обеспечивает технологический суверенитет в сфере платежей. Однако в настоящее время существуют связанные с этим риски реализации основных направлений развития национальной платежной системы. В особенности, связанные с геополитической обстановкой, макроэкономической ситуацией, монополизацией технологий. Для минимизации рисков Банк России совместно с Правительством России обеспечивает реализацию основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики [8].

— дедолларизация внешнеторговых и инвестиционных расчетов через расширение использования национальных валют (в первую очередь рубля, юаня [8], дирхама) и создание двусторонних механизмов клиринга;

— формализация режима контрсанкций в виде запретов и ограничений на импорт/экспорт, инвестиции, госзакупки в отношении недружественных юрисдикций, причем с постепенным переходом от секторальных ограничений к персонализированным мерам в отношении конкретных юридических и физических лиц [9];

— развитие института параллельного импорта и «зеркального» ответного воздействия, позволяющего легализовать поставки товаров, ранее закупавшихся через западные дистрибуторские сети;

— совершенствование системы налогового и таможенного администрирования в целях противодействия трансфертному ценообразанию и «серым» схемам реэкспорта, в том числе через усиление международного административного сотрудничества в рамках ЕАЭС, БРИКС, ШОС.

Одновременно наблюдается трансформация идеологического и концептуального основания санкционного противостояния. Санкционное давление ускорило переход от либерально-открытой модели экономики к мобилизационной, ориентированной на внутренние ресурсы, импортозамещение и технологическую автономию. Однако в отличие от классических мобилизационных моделей XX в., новая российская парадигма основывается не на тотальном государственном контроле, а на синергии государственного стратегического планирования и рыночных механизмов, где государство выступает в роли архитектора и гаранта, а частный сектор — ключевым оператором реализации. Эта тенденция проявляется в расширении практики государственно-частного партнерства, создании особых экономических зон, а также в активизации российско-арабского и российско-азиатского экономического сотрудничества, включая создание зон свободной торговли с ЕАЭС на базе взаимных интересов и взаимных выгод.

Значительный потенциал содержится в участии России в альтернативных международных финансовых институтах, таких как Новый банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, которые, будучи менее подвержены политическому влиянию западных держав, открывают доступ к новым источникам финансирования и обеспечивают институциональную опору для формирования многополярной финансовой архитектуры.

Тем не менее, существуют и системные вызовы. Отсутствие четкого правового механизма ответственности за неисполнение контрсанкционных мер, а также дефицит специализированных органов по контролю их исполнения ослабляют практическую эффективность законодательной базы. Кроме того, как показывает опыт Беларуси [10], длительное санкционное давление порождает структурные дисбалансы: «эффект вытеснения» частных инвестиций государственными, дефицит «длинных» денег, низкая финансовая глубина и зависимость от бюджетного стимулирования — все это требует от российской экономической политики не только краткосрочных антикризисных мер, но и долгосрочной модернизации финансовой инфраструктуры [11], включая развитие фондового рынка, пенсионных накоплений и долгосрочного инвестирования [12].

Таким образом, экономико-правовые средства противодействия санкциям в Российской Федерации представляют собой целостную, эволюционирующую систему, отвечающую на внешние вызовы через внутреннюю трансформацию. Ее эффективность определяется не столько полнотой репрессивного потенциала, сколько способностью обеспечить устойчивость, адаптивность и развитие национальной экономики в условиях внешней изоляции и давления. Перспективное направление дальнейшего развития — переход от защитной парадигмы к проактивной: нейтрализация угроз, формирование новых глобальных экономических коалиций, институтов и правил, в которых Россия будет выступать как субъект конструирования новой международной финансово-экономической реальности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // Российская газета. 2007. № 1 (от 10 января). Ст. 44; Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44.
2. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 24. Ст. 3394.
3. Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (в ред. от 24.11.2025) // Российская газета. 2014. № 176 (от 7 августа).
4. Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1465.
5. Указ Президента РФ от 8 марта 2022 г. № 100 «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1671.
6. Петров, И. В. Развитие внешней торговли России товарами в условиях импортозамещения / И. В. Петров, В. А. Иванова // Вестник экономики и права. — 2024. — № 95. — С. 61-75. — EDN OPKZPJ.
7. Полинская, М. В. Основные направления налоговой политики РФ в условиях санкций / М. В. Полинская, П. А. Кондрашова, А. А. Пономарева // Эпомен. — 2024. — № 87. — С. 6-13. — EDN GXSLND.

8. Тебекин, А. В. Тенденции и проблемы развития валютной системы Российской Федерации в условиях санкций / А. В. Тебекин, В. С. Петров, О. В. Петрова // Вестник экономики и права. – 2024. – № 95. – С. 40-60. – EDN DZLKKQ.
9. Тебекин, А. В. Проблемы адаптации развития ТЭК к влиянию санкционных факторов и потенциальные пути их решения / А. В. Тебекин, И. А. Лукиных // Вестник экономики и права. – 2025. – № 100. – С. 8-21. – EDN CTIOIG.
10. Курляничик, В. С. Экономические санкции: правовые основы и инструменты противодействия им в Российской Федерации и Республике Беларусь / В. С. Курляничик // Вестник экономики и права. – 2025. – № 101. – С. 45-58. – EDN IFBHNU.
11. Дашин, А. В. Особенности правового регулирования предпринимательских отношений в России в условиях санкционного режима / А. В. Дашин, И. И. Чернышов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8(236). – С. 66-68. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_66. – EDN KIEHZD.
12. Дашин, А. В. Особенности гражданско-правовой ответственности в предпринимательских отношениях / А. В. Дашин, В. С. Клякина // Актуальные проблемы правоведения. – 2025. – № 1(85). – С. 8-12. – EDN WUBVEP.

References:

1. Federal Law No. 281-FZ of December 30, 2006 "On Special Economic Measures and Coercive Measures" // Rossiyskaya Gazeta. 2007. No. 1 (dated January 10). 44; Collection of legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1 (Part I). Article 44.
2. Federal Law No. 127-FZ of June 4, 2018 "On Measures to Influence (counteract) Unfriendly Actions of the United States of America and other Foreign States" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 24. St. 3394.
3. Decree of the President of the Russian Federation of August 6, 2014 No. 560 "On the Application of Certain Special Economic Measures to ensure the Security of the Russian Federation" (as amended dated 11/24/2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2014. No. 176 (dated August 7).
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 79 dated February 28, 2022 "On the application of special economic measures in connection with the Unfriendly actions of the United States of America and Foreign States and International organizations that have joined them" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 10. Article 1465.
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 100 dated March 8, 2022 "On the application of special economic measures in the field of foreign economic activity in order to ensure the Security of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 11. Art. 1671.
6. Petrov, I. V. Development of Russia's foreign trade in goods in the context of import substitution / I. V. Petrov, V. A. Ivanova // Bulletin of Economics and Law. – 2024. – No. 95. – pp. 61-75. – EDN OPKZFJ.
7. Polinskaya, M. V. The main directions of the tax policy of the Russian Federation in the context of sanctions / M. V. Polinskaya, P. A. Kondrashova, A. A. Ponomareva // Epom. – 2024. – No. 87. – pp. 6-13. – EDN GXSLND.
8. Tebekin, A.V. Trends and problems of the development of the monetary system of the Russian Federation in the context of sanctions / A.V. Tebekin, V. S. Petrov, O. V. Petrova // Bulletin of Economics and Law. - 2024. – No. 95. – pp. 40-60. – EDN DZLKKQ.
9. Tebekin, A.V. Problems of adaptation of fuel and energy sector development to the influence of sanctions factors and potential solutions / A.V. Tebekin, I. A. Lukinykh // Bulletin of Economics and Law. – 2025. – No. 100. – pp. 8-21. – EDN CTIOIG.
10. Kurlyanchik, V. S. Economic sanctions: legal bases and tools for countering them in the Russian Federation and the Republic of Belarus / V. S. Kurlyanchik // Bulletin of Economics and Law. – 2025. – No. 101. – pp. 45-58. – EDN IFBHNU.
11. Dashin, A.V. Features of legal regulation of business relations in Russia under the sanctions regime / A.V. Dashin, I. I. Chernyshov // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 8(236). – Pp. 66-68. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_66. – EDN KIEHD.
12. Dashin, A.V. Features of civil liability in business relations / A.V. Dashin, V. S. Klyakina // Actual problems of jurisprudence. – 2025. – № 1(85). – Pp. 8-12. – EDN WUBVEP.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1044

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ НОВЫХ РЕГИОНОВ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ CONSTITUTIONAL MECHANISMS FOR THE INTEGRATION OF NEW REGIONS INTO THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

КОНОПЛЯНКО Александр Анатольевич,
старший преподаватель кафедры Государственно-правовых дисциплин
Мелитопольского государственного университета.
272312, Россия, г. Мелитополь, пр. Богдана Хмельницкого, 18.
E-mail: a.konoplyanko63@mail.ru

KONOPLYANKO Alexander Anatolyevich,
Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of Melitopol State University.
272312, Russia, Melitopol, Bogdan Khmel'nitsky Ave., 18.
E-mail: a.konoplyanko63@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проводится комплексное исследование конституционно-правовых механизмов, обеспечивающих интеграцию новых субъектов в правовую систему Российской Федерации, детально исследуются особенности переходного периода как важнейшего элемента конституционного механизма интеграции, обеспечивающего постепенную адаптацию правовых систем новых территорий к российскому конституционному правопорядку.

Abstract. The article provides a comprehensive study of the constitutional and legal mechanisms that ensure the integration of new entities into the legal system of the Russian Federation, and examines in detail the features of the transition period as the most important element of the constitutional mechanism of integration, ensuring the gradual adaptation of the legal systems of new territories to the Russian constitutional legal order.

Ключевые слова: новые субъекты Российской Федерации, интеграция территорий, переходной период, конституционно-правовые механизмы, правовая система.

Keywords: new subjects of the Russian Federation, integration of territories, transition period, constitutional and legal mechanisms, legal system.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Территориальные изменения государства представляют собой сложный конституционно-правовой процесс, требующий особых механизмов интеграции новых территорий в правовую систему страны. События последних лет, связанные с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и города федерального значения Севастополя в 2014 году, а также Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в 2022 году, возобновили научную и практическую значимость исследования конституционных механизмов интеграции новых регионов.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, интеграция новых субъектов в состав федеративного государства представляет собой не одномоментный акт, а длительный процесс, требующий комплексного конституционно-правового регулирования, обеспечивающего адаптацию правовых систем этих территорий к федеральному конституционному правопорядку [1].

Вопросы конституционных механизмов интеграции имеют особую актуальность в контексте обеспечения единства правового пространства Российской Федерации, защиты конституционных прав и свобод граждан на новых территориях, а также сохранения суверенитета и территориальной целостности государства. Научное осмысление данных механизмов необходимо для совершенствования правового регулирования интеграционных процессов и развития конституционной доктрины территориальных изменений.

Конституция Российской Федерации закрепляет основы федеративного устройства государства и принципиальную возможность изменения его субъектного состава. Согласно части 2 статьи 65 Конституции России, принятие в Российскую Федерацию и образование в её составе нового субъекта осуществляются в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Данное положение создает конституционную основу для процедуры территориальных изменений федеративного государства и, как отмечает С.А. Авакян, является одной из форм реализации конституционного принципа государственной целостности [2].

По мнению В.Д. Зорькина, существующий конституционный механизм обеспечивает баланс между суверенитетом государства и необходимостью соблюдения международного права при территориальных изменениях [3]. Согласно позиции В.Е. Чиркина, ФКЗ № 6 отличается отсутствием исчерпывающих норм по всем вопросам интеграции. Вследствие этого его положения нуждаются в развитии и дополнении специальными федеральными конституционными законами, адаптированными для каждого отдельного случая [4].

Анализ конституционных основ принятия в Российскую Федерацию новых субъектов позволяет выделить следующие принципы интеграции:

- добровольность (на основе волеизъявления иностранного государства или его части);
- суверенность (решение принимается в контексте государственного суверенитета России);
- конституционность (соответствие процедур Конституции РФ);
- федерализм (новые территории приобретают статус субъектов федерации);

-единство правового пространства (интеграция в единую правовую систему).

Центральным элементом конституционного механизма интеграции новых регионов являются специальные федеральные конституционные законы, принимаемые в отношении конкретных территорий. Как полагает Ю.А. Тихомиров, назначение таких законов состоит в том, чтобы придать конституционно-правовую легитимность переменам в территориальной организации государства и создать необходимые предпосылки для будущей унификации законодательства [5].

Анализ содержания указанных законов позволяет выделить следующие общие элементы конституционного механизма интеграции:

- 1) Определение конституционно-правового статуса новых субъектов Российской Федерации, включая наименование, границы и административно-территориальное устройство.
- 2) Установление переходного периода для интеграции нового субъекта в правовую систему России (до 1 января 2015 года – для Крыма и Севастополя, до 1 января 2026 года – для новых субъектов, принятых в 2022 году).
- 3) Регулирование вопросов гражданства Российской Федерации для жителей новых субъектов.
- 4) Определение порядка формирования органов государственной власти, новых субъектов.
- 5) Регулирование вопросов интеграции новых субъектов в финансовую, экономическую и правовую системы Российской Федерации.
- 6) Установление правил действия нормативных правовых актов Российской Федерации, а также актов, ранее действовавших на территориях новых субъектов.
- 7) Регулирование вопросов защиты имущественных прав, включая вопросы собственности, земельных отношений и иных имущественных отношений.

Как подчеркивает М.В. Баглай, федеральные конституционные законы, регулирующие принятие новых субъектов, обладают природой уникального источника конституционного права. Их отличительными чертами являются комплексный характер и установление специального правового режима для данных территорий [6]. Эти законы не только определяют конституционно-правовые основы интеграции, но и содержат нормы различных отраслей права: административного, гражданского, земельного, финансового и других.

Важнейшим элементом конституционного механизма интеграции новых регионов является установление переходного периода. С точки зрения Н.М. Добрынина, переходный период — это имеющий правовые рамки временной этап, предназначенный для плавной адаптации правопорядка нового субъекта Российской Федерации к общефедеральным конституционным принципам и нормам [7].

Анализ федеральных конституционных законов о принятии новых субъектов позволяет выделить следующие особенности переходного периода:

- 1) временный характер – переходный период имеет четко определенные временные рамки.
- 2) комплексный характер – в рамках переходного периода происходит интеграция во всех сферах: конституционно-правовой, финансово-экономической, социальной.
- 3) гибкость регулирования – в переходный период допускается действие законов и иных нормативных правовых актов, действовавших на территориях новых субъектов до их принятия в Российскую Федерацию, в части, не противоречащей Конституции России и федеральному законодательству.
- 4) поэтапная трансформация органов публичной власти – в рамках переходного периода происходит формирование органов государственной власти новых субъектов в соответствии с федеральным законодательством и законодательством новых субъектов.
- 5) постепенное включение в общероссийское правовое пространство – предусматривается постепенное распространение действия российского законодательства на территории новых субъектов.
- 6) адаптационный характер – создаются специальные механизмы адаптации правовых систем новых субъектов к российской правовой системе.

И.А. Кравец определяет переходный период как неотъемлемый компонент конституционной модели интеграции. Его ключевая задача состоит в согласовании двух целей: ускоренного включения новых территорий в российское конституционно-правовое поле и обеспечения постепенной трансформации их правовых систем, что позволяет избежать правовой неопределённости и гарантировать соблюдение прав граждан [8].

Важной особенностью переходного периода является действие принципа правовой последовательности, который предполагает преемственность правоотношений и юридических фактов, возникших до интеграции территорий в состав России. Так, федеральные конституционные законы о принятии новых субъектов устанавливают, что документы, выданные государственными и иными официальными органами, действовавшими на территориях новых субъектов до их принятия в Российскую Федерацию, признаются действительными без ограничения срока их действия и без подтверждения со стороны государственных органов Российской Федерации.

Однако принцип правового континуитета в рамках переходного периода не является абсолютным и ограничивается требованием непротиворечия правовых норм бывших юрисдикций Конституции Российской Федерации и основам конституционного строя России. Данное ограничение является необходимым условием обеспечения единства конституционно-правового пространства Российской Федерации.

Особую роль в конституционном механизме интеграции новых регионов играет Конституционный Суд Российской Федерации. В соответствии с ФКЗ № 6 обязательным элементом процедуры принятия нового субъекта является проверка Конституционным Судом соответствия Конституции России международного договора о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта. Участие Конституционного Суда в проце-

дуре принятия новых субъектов обеспечивает конституционализацию интеграционных процессов и является важнейшей конституционной гарантией соблюдения Основного закона при территориальных изменениях.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» сформулировал ряд принципиальных правовых позиций, имеющих значение для всех последующих случаев интеграции новых территорий.

В частности, Конституционный Суд указал:

- 1) Российская Федерация, в соответствии с общепризнанными принципами международного права, может принять в свой состав иностранное государство или его часть по взаимному согласию;
- 2) Условием принятия в Российскую Федерацию нового субъекта является свободное и добровольное волеизъявление народа, проживающего на соответствующей территории;
- 3) Принятие в Российскую Федерацию нового субъекта осуществляется в интересах защиты прав и свобод человека и гражданина;
- 4) Федеральный конституционный закон о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта должен обеспечивать интеграцию нового субъекта в правовую систему России с учетом его особенностей.

В своих последующих решениях Конституционный Суд РФ развивал эти позиции, обеспечивая единство конституционно-правового подхода к интеграции новых регионов. Как отмечает В.Д. Зорькин, роль Конституционного Суда заключается в том, чтобы выступать гарантом соблюдения конституционных норм как в ходе процедуры принятия новых территорий, так и в процессе их дальнейшей интеграции в правовую систему России [9].

Важную роль в конституционализации интеграционных процессов играют и решения Конституционного Суда по вопросам, связанным с применением законодательства на территориях новых субъектов в переходный период. Так, в Постановлении от 9 января 2019 г. № 1-П Конституционный Суд рассмотрел вопрос о применении норм уголовного законодательства в Республике Крым и городе Севастополе, а в Постановлении от 19 ноября 2021 г. № 49-П – вопрос о признании права собственности на земельный участок в Республике Крым.

Одним из ключевых моментов конституционных механизмов интеграции новых регионов является обеспечение конституционных прав и свобод граждан на территориях новых субъектов.

Анализ федеральных конституционных законов о принятии новых субъектов позволяет выделить следующие особенности обеспечения конституционных прав граждан в процессе интеграции:

- 1) Вопросы гражданства. Федеральные конституционные законы устанавливают, что со дня принятия новых субъектов граждане Украины и лица без гражданства, постоянно проживающие на их территориях, признаются гражданами Российской Федерации, если в течение установленного срока не заявят о желании сохранить гражданство Украины или остаться лицами без гражданства.
- 2) Защита имущественных прав. Законы о принятии новых субъектов предусматривают признание права собственности и иных вещных прав на недвижимое имущество, возникших до принятия территорий в состав России. При этом документы, подтверждающие право собственности, выданные государственными и иными официальными органами, действовавшими на территориях новых субъектов, признаются действительными без ограничения срока их действия и без подтверждения.
- 3) Обеспечение социальных прав. Федеральные конституционные законы устанавливают, что на территориях новых субъектов обеспечивается осуществление выплаты пенсий и социальных пособий в соответствии с законодательством Российской Федерации.
- 4) Право на судебную защиту. Законы о принятии новых субъектов предусматривают создание на их территориях судов Российской Федерации и определяют порядок рассмотрения дел, находящихся в производстве судов, действовавших на территориях новых субъектов.
- 5) Гарантии трудовых прав. Федеральные конституционные законы устанавливают, что лица, замещающие должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления, действующих на территориях новых субъектов, продолжают исполнять свои полномочия до формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Особое значение приобретает деятельность Конституционного Суда РФ и других судов по защите конституционных прав граждан в переходный период. Суды должны применять на территориях новых субъектов только те нормы ранее действовавшего законодательства, которые не противоречат Конституции России и основам конституционного строя.

Анализ практики применения конституционных механизмов интеграции новых регионов позволяет выявить ряд проблем и противоречий:

- 1) Недостаточная детализация процедуры принятия в Российскую Федерацию нового субъекта в ФКЗ № 6. По замечанию С.А. Авакьяна, базовый закон о принятии новых субъектов ограничивается общими принципами, не уделяя внимания конкретике интеграционных процессов. Данное обстоятельство делает необходимым издание специальных законов, адаптированных под особенности каждой интегрируемой территории [2].
- 2) Длительность переходного периода и неопределенность его содержания. В федеральных конституционных законах о принятии новых субъектов в 2022 году установлен переходный период до 1 января 2026 года, однако содержание и этапы этого периода детально не определены.

3) Сложности в обеспечении единства правового пространства в условиях действия разных правовых систем. Согласно позиции Н.М. Добрынина, одновременное использование российских правовых актов и нормативной базы, существовавшей до интеграции, создает прямую угрозу правовой определенности, проявляющуюся в неясности правовых предписаний и их столкновении друг с другом [10].

4) Проблемы адаптации организационной структуры государственной власти новых субъектов к российской модели. Различия в организации публичной власти требуют значительного времени для изменения системы органов государственной власти и местного самоуправления.

5) Сложности в обеспечении конституционных прав граждан в условиях военных действий на территориях некоторых новых субъектов. Военно-политическая обстановка на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей создает объективные препятствия для полноценной реализации конституционных механизмов интеграции.

6) Недостаточное правовое регулирование вопросов собственности и иных имущественных отношений на территориях новых субъектов. Как подчеркивает Г.А. Гаджиев, в процессе интеграции новых территорий именно сфера правоотношений собственности порождает наиболее острые и сложные правовые коллизии [11].

Для решения указанных проблем необходимо совершенствование конституционных механизмов интеграции новых регионов. По мнению Т.Я. Хабриевой, необходима выработка всеобъемлющей концепции конституционной интеграции, способной адаптироваться к особенностям различных моделей территориальных изменений [12].

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования конституционных механизмов интеграции новых регионов:

1) Развитие базового федерального конституционного закона о порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта. Целесообразно дополнить ФКЗ № 6 положениями, детализирующими процедуры интеграции новых субъектов, механизмы переходного периода, принципы адаптации правовых систем.

2) Разработка доктрины конституционной интеграции, которая могла бы стать теоретической основой для совершенствования законодательства и должна основываться на принципах конституционализма, федерализма, защиты прав человека и обеспечения государственного суверенитета.

3) Целесообразно создание федерального органа, ответственного за координацию интеграционных процессов, а также специальных комиссий по отдельным направлениям интеграции.

4) Развитие судебной практики по вопросам применения законодательства на территориях новых субъектов. Необходимы разъяснения высших судебных инстанций о применении различных отраслей законодательства на территориях новых субъектов в переходный период.

5) Совершенствование механизмов мониторинга процессов интеграции и оценки их эффективности, позволяющих своевременно выявлять проблемы и корректировать правовое регулирование.

6) Расширение участия органов конституционного контроля в процессах интеграции. Целесообразно законодательно закрепить возможности обращения, всех заинтересованных лиц, в Конституционный Суд РФ по вопросам конституционности применения законодательства на территориях новых субъектов в переходный период.

7) Необходимо разработать специальные процедуры восстановления нарушенных прав граждан, в том числе права собственности, с учетом особенностей переходного периода.

8) Требуется принятие специальных законов, регулирующих вопросы признания ранее возникших прав собственности, восстановления нарушенных имущественных прав, регистрации прав на недвижимое имущество.

В качестве одного из перспективных направлений развития конституционных механизмов интеграции можно рассматривать разработку и принятие Федерального конституционного закона «Об основах интеграции новых субъектов в правовую систему Российской Федерации». Данный закон мог бы установить общие принципы и механизмы интеграции, применимые ко всем случаям принятия новых субъектов, и стать основой для специальных законов, принимаемых в отношении конкретных территорий.

Выводы. Проведенное исследование конституционных механизмов интеграции новых регионов в правовую систему Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы:

Конституционные механизмы интеграции новых регионов представляют собой сложную систему конституционно-правовых норм, процедур и институтов, обеспечивающих включение новых территорий в конституционно-правовое пространство России, адаптацию их правовых систем к федеральному конституционному правопорядку и защиту конституционных прав граждан в процессе интеграции.

Особую роль в конституционных механизмах интеграции играет Конституционный Суд РФ, который не только проверяет конституционность международных договоров о принятии новых субъектов, но и формирует правовые позиции по вопросам применения законодательства на территориях новых субъектов в переходный период.

Существующие конституционные механизмы интеграции имеют ряд проблем и противоречий, связанных с недостаточной детализацией процедур интеграции, сложностями обеспечения единства правового пространства, адаптацией институциональной структуры государственной власти, обеспечением конституционных прав граждан в условиях военных действий на некоторых территориях.

Совершенствование конституционных механизмов интеграции требует развития базового законодательства, разработки доктрины конституционной интеграции, формирования специальных институциональных механизмов, развития судебной практики, совершенствования защиты конституционных прав граждан и правового регулирования имущественных отношений.

Таким образом, конституционные механизмы интеграции новых регионов представляют собой динамично развивающуюся систему, требующую постоянного совершенствования с учетом практического опыта интеграции Республики Крым, города Севастополя, Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей. Формирование эффективных конституционных механизмов интеграции имеет важнейшее значение для обеспечения единства правового пространства России, защиты конституционных прав граждан и укрепления государственного суверенитета.

Список литературы:

1. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. – М.: Наука РАН, 2021. – 320 с.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2022. – Т. 1. – 864 с.
3. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 720 с.
4. Чиркин В.Е. Сравнительное государственное устройство. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 448 с.
5. Тихомиров Ю.А. Государство: преемственность и новизна. – М.: Юриспруденция, 2021. – 320 с.
6. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 14-е изд., изм. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 768 с.
7. Добрынин Н.М. Федерализм: историко-методологические аспекты. – Новосибирск: Наука, 2021. – 368 с.
8. Кравец И.А. Конституционное правосудие: теория и практика. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. – 404 с.
9. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 256 с.
10. Добрынин Н.М. Конституционно-правовые аспекты бюджетного федерализма в России и США: сравнительно-правовой анализ // Государство и право. 2022. – № 3. – С. 119-128.
11. Гаджиев Г.А. Онтология права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 320 с.
12. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 9. – М.: Наука РАН, 2021. – 560 с.

References:

1. Khabrieva T.Ya. (2021) *Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire* [Constitutional Reform in the Modern World]. – Moskva: Nauka RAN. – 320 p.
2. Avak'yan S.A. (2022) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Uchebnyi kurs: v 2 t. 6-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma, T. 1. – 864 p.
3. Zor'kin V.D. (2021) *Konstitutsionno-pravovoe razvitiye Rossii* [Constitutional and Legal Development of Russia]. – Moskva: Norma: INFRA-M. – 720 p.
4. Chirkin V.E. (2021) *Sravnitel'noe gosudarstvovedenie* [Comparative Government Studies]. – Moskva: Norma: INFRA-M. – 448 p.
5. Tikhomirov Yu.A. (2021) *Gosudarstvo: preemstvennost' i novizna* [State: Continuity and Novelty]. – Moskva: Yurisprudentsiya. – 320 p.
6. Baglai M.V. (2022) *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation]. 14-e izd., izm. i dop. – Moskva: Norma: INFRA-M. – 768 p.
7. Dobrynin N.M. (2021) *Federalizm: istoriko-metodologicheskie aspekty* [Federalism: Historical and Methodological Aspects]. – Novosibirsk: Nauka. – 368 p.
8. Kravets I.A. (2022) *Konstitutsionnoe pravosudie: teoriya i praktika* [Constitutional Justice: Theory and Practice]. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU. – 404 p.
9. Zor'kin V.D. (2022) *Pravo v tsifrovom mire* [Law in the Digital World]. Moskva: – Norma: INFRA-M. – 256 p.
10. Gadzhiev G.A. (2021) *Ontologiya prava* [Ontology of Law]. – Moskva: Norma: INFRA-M. – 320 p.
11. Dobrynin N.M. (2022) *Konstitutsionno-pravovye aspekty byudzhethnogo federalizma v Rossii i SShA: sravnitel'no-pravovoi analiz* [Constitutional and Legal Aspects of Fiscal Federalism in Russia and the USA: Comparative Legal Analysis] // *Gosudarstvo i pravo*. – № 3. – pp. 119-128.
12. Khabrieva T.Ya. (2021) *Izbrannye trudy: v 10 t. T. 9.* – Moskva: Nauka RAN. – 560 p.

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СВЕТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ ON THE ISSUE OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE LIGHT OF NEW CHALLENGES

СМАГИНА Тамара Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская область, 410056, Россия
E-mail: ta-smagina@mail.ru;

ЗАРИЧНАЯ Ильмира Ивановна

секретарь судебного заседания Советского районного суда Саратовской области
Ул. 50 лет Победы, 45, Саратовская область, пгт. Степное, 413210, Россия
E-mail: izary78@mail.ru;

SMAGINA Tamara A.,

Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
st. Chernyshevsky, 104, Saratov, Saratov region, 410056, Russia
E-mail: ta-smagina@mail.ru

ZARICHNAYA Ilmira I.,

court secretary Sovetsky District Court of the Saratov Region
St. 50 let Pobedy, 45, Saratov region, town. Stepnoe, 413210, Russia
E-mail: izary78@mail.ru

Краткая аннотация: Рассматривается вопрос о пресечении распространения экстремистской и террористической идеологии в деятельности молодежных некоммерческих организаций. Судебный контроль направлен на ограничение или запрет деятельности некоммерческой организации-общественного объединения, но требуется также установление норм, профилирующих антиэкстремистское поведение лиц, входящих в его состав.

Abstract: The issue of preventing the spread of extremist and terrorist ideology in the activities of youth non-profit organizations is being considered. Judicial review is aimed at restricting or prohibiting the activities of a non-profit organization-public association, but it also requires establishing standards to prevent anti-extremist behavior among its members.

Ключевые слова: некоммерческие организации, молодежные общественные объединения, судебный контроль, Минюст РФ, экстремизм, терроризм.

Keywords: non-profit organizations, youth public associations, judicial control, Ministry of Justice of the Russian Federation, extremism, terrorism.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Стратегия национальной безопасности РФ отмечает повышенное внимание со стороны государства к некоммерческим организациям, деструктивная деятельность которых направлена на вовлечение молодежи России в террористическую деятельность¹. Все это предполагает необходимость от лица государственных структур проявлять заботу о становлении у современной молодежи устойчивой государственности, где на первый план должна выходить профилактика противоправных идей и мнений деструктивного характера.

Некоммерческий сектор сегодня – значимый, во многом незаменимый участник социальной политики государства². Взаимодействие между некоммерческими организациями и государственными структурами в современный период становится необходимым элементом государственной политики, связанной с возрождением и укреплением российских духовно-нравственных ценностей. В центре внимания государственной политики находятся молодежный сектор [1; С.101; 2; С.400], в частности, молодежные некоммерческие организации, роль которых в развитии потенциала страны весьма велика³. При этом, развитие молодежных инициатив от имени некоммерческих организаций, не имеющих правового статуса юридических лиц, ставит перед государством новые вызовы. Так, в соответствии с национальным стандартом РФ, под организацией можно понимать лицо или группу людей, связанных определенными отношениями, имеющих ответственность, полномочия и выполняющих свои функции для достижения их целей⁴. Следовательно, усиление роли государства как гаранта безопасности личности и общества в целом, требуется как в рамках обеспечения национальной безопасности страны, так и в рамках обеспечения личной безопасности, в частности, молодого населения. Из-за бесконтрольности деятельности отдельных видов общественных объединений, внутри молодежных коллективов возможно развитие экстремистских проявлений, что напрямую связано с дестабилизацией в обществе [3; С.202].

Так, по данным Министерства юстиции РФ, в перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими, включены в разные годы молодежные организации. Таковыми признаны, например, Автономная некоммерческая организация патриотического воспитания молодежи «Рубеж Севера» (решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 23.11.2016 и определение

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

² Путин назвал НКО незаменимыми участниками социальной политики // URL://https://ria.ru/20251031/putin-2052058464.html (дата обращения: 01.11. 2025)

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 октября 2025 г. N 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в РФ до 2028 г.» // СПС Гарант.

⁴ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 апреля 2016 г. № 285-ст «Об утверждении национального стандарта» // Стандартинформ. Москва. 2016.

Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 03.04.2017) (дата размещения сведений: 26.05.2017); Карельское региональное отделение межрегиональной молодежной общественной благотворительной организации «Молодежная правозащитная группа (МПГ)» (решение Верховного Суда Республики Карелия от 18.12.2014) (дата размещения сведений: 02.11.2018); Неформальное молодежное объединение «Н.О.Р.Д. /Народное объединение русского движения» (решение Первомайского районного суда г. Омска от 19.04.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Омского областного суда от 27.07.2022) (дата размещения сведений: 19.08.2022); Межрегиональное общественное движение «Молодежное Демократическое Движение «Весна» (другое используемое наименование – общественно-политическая организация «Молодежное Демократическое Движение «Весна») (решение Санкт-Петербургского городского суда от 06.12.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 17.05.2023) (дата размещения сведений: 29.06.2023)¹. На себя обращает внимание тот факт, что названия указанных организаций показывают, что они распространяли свою деятельность на организацию патриотического воспитания молодежи, благотворительность и политику, то есть проникая в наиболее уязвимые сферы общественной жизни страны.

Уточним, что в отношении последней, молодежной общественно-политической организации, внесенной в перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими, в средствах массовой информации отмечаются следующие позиции: в 2023 году в Омске задержан 18-летний З., который, по данным правоохранительных органов, является создателем ультраправого интернет-сообщества «Омское славянское объединение». Юноша продвигал ультраправую идеологию и вовлекал в сообщество новых членов. В феврале 2025 года З. признан виновным, ему вынесен приговор на 1,5 года колонии общего режима с ограничением свободы на 1 год. Также суд лишил его права в течение 2 лет заниматься администрированием сайтов и страниц в соцсетях. 12 августа 2025 года неформальная молодежная организация «Омское славянское объединение» было добавлено в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму². Вопрос о том, сможет ли вынесенный приговор искоренить у субъекта приверженность к распространению преступной идеологии, которой была подчинена его жизнь на протяжении нескольких лет, остается открытым³.

Все обозначенные выше судебные акты приняты в результате судебного контроля в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)⁴. Государством тщательно отслеживаются влияние организаторов запрещенных некоммерческих организаций на умы подрастающего поколения, в том числе через судебную власть, реализующую в рамках административного судопроизводства судебный контроль. Целью административного судопроизводства, по мнению О.В. Гречкиной, является государственно-властная деятельность судебных органов по рассмотрению административно-правовых конфликтов, при разрешении которых выявляется незаконность нарушения субъективных публичных прав и обязанностей и принимаются меры по восстановлению законности и нарушенных прав [4; С.12]. Ю. Н. Стариков отмечает, что «административное судопроизводство с логических правовых позиций учреждается для контроля, проверки, оценки ...» [5; С.11].

Важной конституционной предпосылкой реализации судебного контроля является провозглашение судебной власти независимой ветвью государственной власти, что обеспечивает судам возможность объективно и беспристрастно рассматривать административные дела, избегая политического или ведомственного влияния на принятие судебных решений.

Эффективность судебного контроля обеспечивается также институциональными гарантиями, такими как открытость судебного разбирательства, публичность принимаемых решений, обязательность их исполнения, а также возможность их обжалования в судах вышестоящих инстанций. Важным направлением совершенствования судебного контроля является дальнейшее развитие цифровизации судебной деятельности, позволяющей оперативно размещать судебные акты в открытом доступе и обеспечивать доступность правосудия для граждан и коллективных субъектов, что существенно повышает уровень доверия к судебной системе в целом и способствует упрочению принципа верховенства права в Российской Федерации, а также позволяет ученым-правоведам проводить анализ опубликованного материала.

При этом, исходя из изученных материалов судебной практики о судебном контроле, обращает на себя внимание масштаб и период деятельности религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и входящих в ее структуру 395 местных религиозных организаций. В течение семи лет до момента ликвидации, уполномоченными органами устанавливались факты экстремистской деятельности указанной организации и ее структурными подразделениями. Ранее, в рамках противодействия экстремистской деятельности, предпринимались меры прокурорского реагирования, внеплановые проверки деятельности этой религиозной организации, а также организационные мероприятия самой религиозной организации. При этом, и после реагирования уполномоченных должностных лиц, деятельность, имеющая признаки экстремизма, продолжалась⁵. Отметим, что ликвидация организации является мерой публично-правовой ответственности, применяемой в порядке административного судопроизводства. Закономерен вопрос: возможно ли без разобщения всех лиц, входящих в данную организацию, сохранить антиэкстремистский характер решения суда?

Учитывая, что общественные объединения, в соответствии с диспозитивным характером норм о государственной регистрации, могут иметь два правовых статуса: общественные объединения, зарегистрированные в установленном порядке в государственных структурах и незарегистрированные общественные объединения, следует говорить о правовой регламентации деятельности последних. Не менее важным является идентичная диспозитивность норм для религиозных групп, численность и идеология которых может заставлять беспокоиться о сохранении статуса светского государства.

¹ Министерство юстиции Российской Федерации. Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими // URL: // <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 01.11.2025)

² Омск вынесен приговор по уголовному делу о создании ультраправого интернет-сообщества URL: // <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2023/10/d48834/> (дата обращения: 01.11.2025)

³ Рецидив экстремизма жительница Ханты-Мансийска будет лечить трудом и деньгами // <https://news-surgut.ru/incident/2025/10/27/60205.html> (дата обращения: 01.11.2025)

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391; 2025. № 31, ст. 4642.

⁵ Извлечение из решения Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 года № АКПИ17-238 «Об удовлетворении заявления о ликвидации Религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» // СПС «Гарант».

В рамках административного судебного процесса осуществляется проверка представленных по административному делу доказательств факта наличия противоправных действий (бездействий). К таковым КАС РФ относит объяснения лиц, участвующих в деле; показания свидетелей (в том числе по средствам видео-конференц-связи); письменные и вещественные доказательства; аудио- и видеозаписи; заключения экспертов; электронные документы. Вместе с тем, сохраняется необходимость разработки более прозрачных и понятных процессуальных критериев в части разработки формулы доказывания не соблюдения административных стандартов не обязанным регистрироваться организационно-правовым формам общественных объединений. Следовательно, в федеральном законодательстве, регламентирующем деятельность таковых, необходимо изложить алгоритм их создания и последующей деятельности, отчетности перед государством, не прибегая к отсылкам к подзаконным актам.

В актуальном законодательстве отсутствуют нормы о превенции противоправного антиэкстремистского поведения руководящего состава, работников, членов или участников некоммерческой организации-общественного объединения, хотя это напрямую связано с обеспечением национальной безопасности государства. На наш взгляд, недопустима пролонгация идей не только руководителей, но и в целом её состава, включая работников, членов или (и) участников некоммерческой организации-общественного объединения, внесенной в перечень запрещенных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистским. Так, законодатель установил запрет для руководителя или лица из состава руководящего органа общественного или религиозного объединения либо иной некоммерческой организации во вновь создаваемом общественном объединении, если судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по признакам экстремистской направленности, а также при включении лица в перечень причастных к экстремистской деятельности, не возможность стать вновь учредителем общественного объединения в течение десяти лет со дня вступления в законную силу соответствующего решения суда¹. Но данная норма оговаривает лишь правовое положение руководителя и членов, входящих в состав руководящего органа, но не тех, кто был или может стать участником, а вполне возможно, и исполнителем каких-либо поручений руководителя.

Проводимая проверка документов и персональных данных лиц-организаторов и лиц, входящих в состав, во время фиксации создания некоммерческих организаций-общественных объединений в органах юстиции, позволяет выявить недостатки и несоответствия при государственной регистрации. В целях выявления лиц, ранее участвовавших в ликвидированных организациях, предлагается выявлять указанных субъектов посредством использования автоматизированных информационных систем, учитывающих коллективы всех некоммерческих организаций, вне зависимости от государственной регистрации. Следовательно, требуется норма-императив, направленная на установление обязанности для членов и участников при создании новой некоммерческой организации-общественного объединения, фиксации личности в органах юстиции (вне зависимости от организационно-правовой формы и если государственная регистрация не предусмотрена действующим законодательством) в перечне членов и в перечне участников в течение 1 месяца с момента создания некоммерческой организации-общественного объединения. Такой срок целесообразен для учета в органах юстиции. Посредством внесения дополнения в нормы федерального законодательства об общественных объединениях в части обязательной передачи списка членов и участников создаваемой некоммерческой организации-общественного объединения, не требующей государственной регистрации для проверки персональных данных, а также недопущение получения разрешения для начала деятельности незарегистрированной некоммерческой организации-общественного объединения при выявлении принадлежности кого-то из них к ликвидированному ранее общественному объединению, в том числе и молодежного, даже если данный субъект уже вышел из несовершеннолетнего возраста.

Назрела необходимость моделирования норм о полномочиях членов и участников некоммерческих организаций-общественных объединений в части расширения запретов для реализации ими каких-либо идей, посягающих на основы конституционного строя, прав и законных интересов граждан во вновь создаваемой организации в том объеме, который не будет ограничивать их конституционные права на создание и участие в общественном объединении. Судебный контроль за соответствием федеральному законодательству деятельности некоммерческих организаций-общественных объединений, в том числе и не подлежащих государственной регистрации, лежит в основе предупреждения обеспечения национальной безопасности государства.

Список литературы:

1. Щанина Е.В., Нарбекова Л.Ш. Молодежные общественные объединения и их роль в молодежной среде (на примере Пензенской области) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11. № 2. <http://esj.pnzgu.ru>.
2. Смагина Т.А., Дробышева Л.В. Некоторые аспекты противодействия и профилактики информационного экстремизма в молодежной среде // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы : Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 04 декабря 2020 года / Отв. редактор Ю.В. Соболева. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. 400-405.
3. Ревягин А.В., Бойко В.П. Природа молодежного экстремизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 3(90). С. 202–207.
4. Гречкина О.В. Административное судопроизводство как самостоятельная форма судебной власти и направление научных исследований // Публичная власть: реальность и перспективы : сб. науч. тр. по материалам V Ежегодных Саратовских административно-правовых чтений (Международ. научно-практ. конф.) (Саратов, 20–21 сентября 2019 г.); сост.: А.Ю. Соколов, Ю.В. Соболева ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». — Саратов : ИП Коваль Ю.В., 2019. С. 11-14.
5. Стариков Ю. Н. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации — важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 2 (21). С. 9-15.

References:

1. Shchanina E.V., Narbekova L.Sh. Youth public associations and their role in the youth environment (on the example of the Penza region) // Electronic scientific journal "Science. Society. State". 2023. T. 11. No. 2. <http://esj.pnzgu.ru>.
2. Smagina, T.A., Drobysheva, L.V. Some Aspects of Counteracting and Preventing Information Extremism Among Youth // Public Power in Modern Russia: Problems and Prospects: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, December 4, 2020 / Editor-in-Chief Yu.V. Soboleva. – Saratov: Saratov State Law Academy, 2020. – 400-405.
3. Revyagin A.V., Boyko V.P. The nature of youth extremism // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. T. 29. No. 3(90). pp. 202–207.
4. Grechkina O.V. Administrative legal proceedings as an independent form of judicial power and direction of scientific research // Current problems and prospects of administrative law and administrative procedural law: Collection of scientific articles. - M.: RGUP, 2019. P.174.
5. Starikov Yu. N. Adoption of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation - the most important stage of judicial reform and modernization of administrative procedural legislation // Bulletin of Voronezh State University. Series "Law". 2015. No. 2 (21). P. 11.

¹ См.: Ст.19 Федерального закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21 ст. 1930; 2025. № 31, ст. 4658.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1052

УДК 34.03

НЕОБОСНОВАННОЕ РАСТОРЖЕНИЕ КОНТРАКТОВ ПО СОГЛАШЕНИЮ СТОРОН КАК СИСТЕМНАЯ ПРОБЛЕМА КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ТИПОЛОГИЯ РИСКОВ И НАПРАВЛЕНИЯ НОРМАТИВНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ UNJUSTIFIED TERMINATION OF CONTRACTS BY MUTUAL AGREEMENT AS A SYSTEMIC PROBLEM OF THE CONTRACT SYSTEM: LEGAL NATURE, RISK TYPOLOGY, AND DIRECTIONS OF REGULATORY REFORM

ЛОМБЕРГ Антон Георгиевич,

Руководитель регионального исполкома Народного Фронта в городе Севастополе.

299011, Россия, г. Севастополь, Большая Морская ул., д. 8.

E-mail: anton.sev@mail.ru;

LOMBERG A.G.,

The head of the regional executive office of the National Front in Sevastopol

8 Bolshaya Morskaya St., Sevastopol, Russia, 299011.

E-mail: anton.sev@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию правовой природы и коррупциогенных рисков необоснованного расторжения государственных и муниципальных контрактов по соглашению сторон, являющегося наиболее распространённым способом прекращения обязательств в системе публичных закупок Российской Федерации. На основе статистических данных выявлены правовые, организационные и системные дефекты действующего регулирования. Обоснована необходимость реформирования законодательства в части установления обязанности указывать причины расторжения контракта по соглашению сторон; документального подтверждения обстоятельств, послуживших основанием для соглашения; ограничения возможности применения соглашения сторон в случаях нулевого исполнения обязательств.

Abstract. The article is devoted to the study of the legal nature and corruption-related risks of unjustified termination of state and municipal contracts by agreement of the parties, which is the most common way to terminate obligations in the public procurement system of the Russian Federation. Based on statistical data, legal, organizational and systemic defects of the current regulation have been identified. The necessity of reforming legislation regarding the establishment of the obligation to indicate the reasons for termination of the contract by agreement of the parties is substantiated.; documentary evidence of the circumstances that served as the basis for the agreement; limitations on the possibility of applying the agreement of the parties in cases of zero fulfillment of obligations.

Ключевые слова: государственный контракт; расторжение контракта; соглашение сторон; публичные закупки; коррупционные риски; нулевое исполнение; контрактная система; ответственность поставщика.

Keywords: public contract; contract termination; mutual agreement; public procurement; corruption risks; zero performance; contract system; supplier liability.

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Современная контрактная система Российской Федерации, регулируемая Федеральным законом № 44-ФЗ (далее – 44-ФЗ) [1], представляет собой сложный публично-правовой механизм, направленный на обеспечение эффективного, прозрачного и подотчётного функционирования закупочной деятельности, являющейся неотъемлемой составляющей государственного управления. В условиях, когда ежегодный объём закупок достигает значительных значений, особую важность приобретает нормативно обеспеченная устойчивость обязательственных связей между заказчиками и поставщиками.

Цель исследования заключается в выявлении правовой природы и системных причин необоснованного использования соглашения сторон как инструмента прекращения обязательств, в оценке его влияния на публичные интересы, механизмы ответственности поставщиков и устойчивость контрактной системы.

Методология исследования основана на комплексном сочетании общенаучных и специально-юридических методов. Формально-юридический метод применён при анализе норм ГК РФ и 44-ФЗ. Сравнительно-правовой метод использован при сопоставлении механизмов расторжения по соглашению сторон и по статье 451 ГК РФ. Статистический метод использован при интерпретации данных мониторинга Министерства финансов России за 2020–2024 гг. Системный метод позволил выявить институциональные взаимосвязи между механизмами прекращения обязательств и функциями контроля. Диалектический и логический методы применены для исследования причинно-следственных связей между массовостью расторжений, недостатками регулирования и коррупциогенными рисками. Социолого-правовой метод использован при оценке влияния массового необоснованного расторжения контрактов на доверие общества к закупочной системе. В совокупности указанная методология позволила обеспечить многомерность анализа и научную обоснованность выводов.

Расторжение государственного или муниципального контракта по соглашению сторон закреплено в части 8 статьи 95 Федерального закона № 44-ФЗ, что делает применимыми положения статьи 450 Гражданского кодекса РФ [2], формирующие общую гражданско-правовую основу для прекращения обязательств по взаимному волеизъявлению. Как справедливо отмечает А.М. Бронников [3], гражданско-правовая природа соглашения сторон предполагает баланс интересов, согласованность воли и исключение конфликта как контекста для прекращения обязательств.

Однако прямое перенесение гражданско-правового механизма в сферу публичных закупок, регулируемых императивными нормами и

основанных на строгой регламентации процедур, приводит к искажению целей публичного регулирования. Отсутствие в 44-ФЗ обязанности указывать причины расторжения контракта по соглашению сторон создаёт нормативный пробел, который существенно снижает прозрачность закупочной деятельности и, как отмечают А.М. Бронников [3] и А.Я. Геллер [4], формирует предпосылки для злоупотреблений.

Особенность государственного контракта как гибридного правового института, сочетающего признаки гражданско-правового договора и публично-правового обязательства, требует повышенного уровня прозрачности при его досрочном прекращении. Отсутствие нормативной конкретизации мотивов соглашения сторон нарушает принцип открытости закупок, препятствует эффективному контролю и искажает правоприменение.

Мониторинговые данные Министерства финансов России показывают, что в период с 2020 по 2024 г. ежегодно расторгается от 774 до 901 тыс. контрактов, что составляет от 24,6 до 27 % их общего числа. Анализ статистики свидетельствует, что от 95,5 до 97,6 % расторжений приходится именно на соглашение сторон, тогда как односторонний отказ и решения суда применяются в совокупности не более чем в пяти процентах случаев (Рис.1¹) [7].

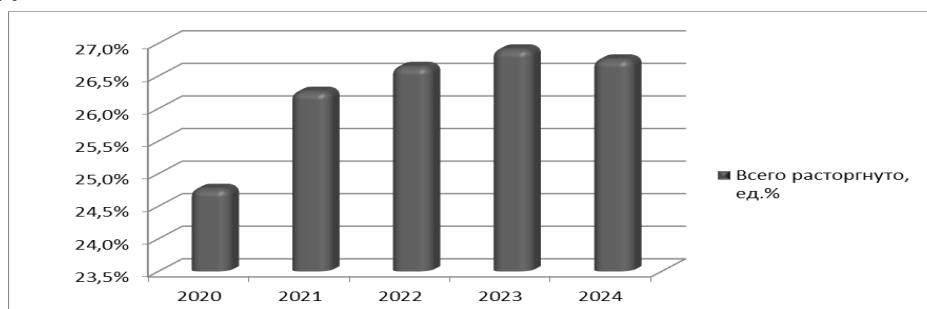

Рис.1. Сравнительный анализ количества расторгнутых контрактов за период 2020-2024гг. (разработано автором по [7]).

Финансовый объём расторгнутых контрактов также демонстрирует устойчивый рост – от 1,9 трлн. руб. в 2020 г. до 2,97 трлн. руб. в 2024 г., причём 86–89 % этой суммы приходится на соглашения сторон (Рис.2²). Это указывает на широкое использование механизма прекращения обязательств к крупным и значимым контрактам.

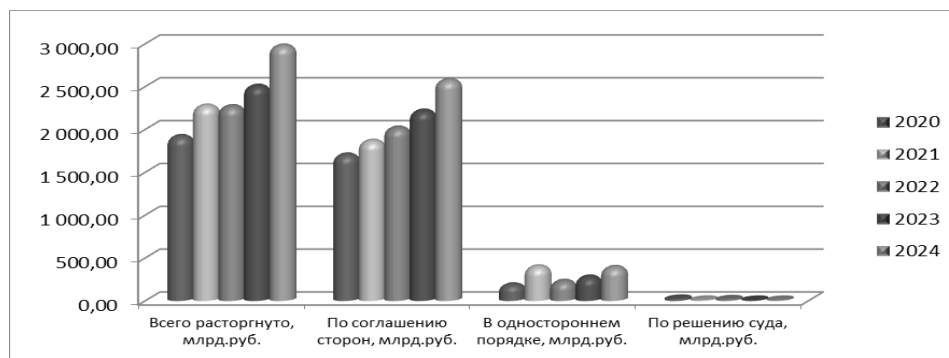

Рис.2. Финансовый объём расторгнутых контрактов за период 2020-2024гг. (разработано автором по [7]).

Особую опасность представляет выявленный в ходе анализа сведений, размещенных в единой информационной системе в сфере закупок (ЕИС), феномен нулевого исполнения. Технические средства ЕИС не позволяют автоматически фильтровать такие случаи, однако последовательный анализ сведений о расторгнутых контрактах показывает, что примерно каждый десятый контракт, расторгнутый по соглашению сторон, характеризуется отсутствием исполнения обязательств поставщиком. Это означает, что соглашение сторон используется как инструмент уклонения от ответственности, предусмотренной механизмом одностороннего отказа, что подтверждается исследованиями А.Я. Геллера [4], Л. А. Кузнецова и Н.А. Морозова [6].

Применение соглашения сторон в ситуациях отсутствия фактического исполнения приводит к существенным нарушениям принципов ответственности, эффективности и добросовестной конкуренции. Если бы заказчик использовал предусмотренный законом механизм одностороннего отказа, к поставщику могли бы быть применены санкции, в том числе внесение в реестр недобросовестных поставщиков, а обеспечение исполнения контракта могло бы быть взыскано в пользу заказчика.

¹ Разработано автором по Официальным мониторинговым данным Минфина России о расторжении контрактов (2020–2024 гг.). URL: https://zakupki.gov.ru/epz/legalacts/report/search/results.html?morphology=on&informationStatusType_0=on&informationStatusType_1=on®ulationLevelType_0=on®ulationLevelType_1=on®ulationLevelType_2=on®ulationLevelType_3=on&customerOrg=272394387%3АМИНИСТЕРСТВО+ФИНАНСОВ+РОССИЙСКОЙ+ФЕДЕРАЦИИ&zZ01731000001zZ708724zZ621511zZ7710168360zZz771001001zZ1037739085636&sortBy=UPDATE_DATE&pageNumber=1&sortDirection=false&recordsPerPage=_10&showLotsInfoHidden=false (дата обращения: 06.12.2025)

² Там же

Однако при соглашении сторон такие последствия не наступают. Поставщик избегает ответственности, заказчик лишается возможности минимизировать ущерб, а на практике фиксируются случаи, когда повторная закупка приводит к заключению контракта на менее выгодных условиях. Нельзя не согласиться с выводами А.М. Бронникова [3] и Д.С. Щекурова [11] о том, что данные обстоятельства исследователи характеризуют как коррупциогенный фактор, обусловленный возможностью должностных лиц заказчика принимать решения в интересах поставщика.

Институт существенного изменения обстоятельств, закреплённый в статье 451 ГК РФ, требует доказательности, документальной подтвержденности и соответствия ряду строгих условий. На необходимости введения таких критериев справедливо указывают в своих исследованиях Заря А.А. [5], Морозов Н. А., Кузнецов Л. А. [6].

Анализ статистических данных случаев расторжений по соглашению сторон показывает, что в подавляющем большинстве случаев данный механизм используется не в ситуациях объективного изменения обстоятельств, а в случаях субъективного нежелания поставщика исполнять обязательства.

Таким образом, можно сделать вывод: соглашение сторон подменяет собой механизм статьи 451 ГК РФ, что приводит к размыванию правовых гарантий устойчивости гражданского оборота, а в публичной сфере – к снижению эффективности расходования бюджетных средств, и проявлению дополнительных коррупциогенных факторов на государственной гражданской службе, что, как отмечают Росенко М.И. и Кузнецов Г.Г., составляет сложное явление, лежащее в правовой, социальной и этической плоскостях [8].

Массовое применение соглашений сторон оказывает деструктивное влияние на конкуренцию, поскольку поставщики, систематически не исполняющие обязательства, не подвергаются ограничениям, установленным в отношении недобросовестных исполнителей. Это приводит к искажению рыночной среды, снижению качества закупок и увеличению вероятности повторных нарушений.

Для бюджетной системы массовые расторжения создают дополнительные финансовые издержки, связанные с повторным проведением закупок и повышением цены повторных контрактов. Исследования правоприменительной практики демонстрируют, что в ряде случаев расторжение контракта по соглашению сторон предшествует заключению нового контракта по более высокой цене. На такую динамику обращают внимание Геллер А.Я. [4] и Таганова А.В. [10].

С точки зрения публичного контроля массовое расторжение контрактов при отсутствии раскрытия причин создаёт эффект непрозрачности, препятствует выявлению системных проблем и снижает уровень доверия к закупочной системе.

Таким образом:

на основании норм законодательства, регламентирующего правоотношения в сфере реализации закупок для государственных и муниципальных нужд, в частности Федерального закона "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Гражданского Кодекса РФ, анализа мониторинговых данных Министерства финансов России за 2020–2024 гг., демонстрирующих, что более четверти всех заключённых контрактов ежегодно прекращается, причём до 97 % – по соглашению сторон, выявлена тенденция увеличения расторжения количества контрактов по соглашению сторон при нулевом исполнении обязательств поставщиком, что исключает наступление ответственности, предусмотренной законодательством о контрактной системе. Правоприменительная практика показывает, что маскируя соглашениями сторон несостоятельность или нежелание поставщиков выполнять условие контракта, заказчик лишается возможности минимизировать материальный ущерб, упущенные возможности, репутационные и другие риски;

отмечено, что применение соглашения сторон в ситуациях отсутствия фактического исполнения приводит к существенным нарушениям принципов ответственности, эффективности и добросовестной конкуренции, появлению новых коррупциогенных факторов и способствует повышению коррупционных рисков в закупочной деятельности.

Выводы. По результатам исследования выявлен системный характер необоснованного применения соглашений сторон, демонстрирующего институциональную несостоятельность регулирования и формирующего устойчивые коррупциогенные риски. На основе комплексного анализа статистических данных, нормативных актов и результатов научных исследований, обоснована необходимость реформирования законодательства в части:

- установления обязанности указывать причины расторжения контракта по соглашению сторон;
- документального подтверждения обстоятельств, послуживших основанием для соглашения;
- ограничения возможности применения соглашения сторон в случаях нулевого исполнения обязательств.

Эти предложения соответствуют принципам прозрачности, эффективности и добросовестной конкуренции в закупках и направлены на укрепление контрактной дисциплины.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 № 44-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 06.12.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.12.2025).
3. Бронников А.М. Коррупционные риски при расторжении государственного (муниципального) контракта по соглашению сторон // Юридическая наука. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsionnye-riski-pri-rastorzhenie-gosudarstvennogo-munitsipalnogo-kontrakta-po-soglaseniyu-storon> (дата обращения: 06.12.2025).
4. Геллер А.Я. Анализ причин расторжения контрактов в системе государственных и муниципальных закупок Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-rastorzheniya-kontraktov-v-sisteme-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 06.12.2025).
5. Заря А.А. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вопросы российской юстиции. 2021. №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-i-rastorzhenie-dogovora-v-svyazi-s-suschestvennym-izmeneniem-obstoyatelstv> (дата обращения: 06.12.2025).
6. Морозов Н. А., Кузнецов Л. А. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник права. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-i-rastorzhenie-dogovora-v-svyazi-s-suschestvennym-izmeneniem-obstoyatelstv-1> (дата обращения: 06.12.2025).

7. Официальные мониторинговые данные Минфина России о расторжении контрактов (2020–2024 гг.). URL: https://zakupki.gov.ru/epz/legalacts/report/search/results.html?morphology=on&informationStatusType_0=on&informationStatusType=0®ulationLevelType_0=on®ulationLevelType_1=on®ulationLevelType_2=on®ulationLevelType=0%2C1%2C2&customeridOrg=272394387%3АМИНИСТЕРСТВО+ФИНАНСОВ+РОССИЙСКОЙ+ФЕДЕРАЦИИ&z01731000001zZ708724zZ621511zZ7710168360zZz771001001zZ1037739085636&sortBy=UPDATE_DATE&pageNumber=1&sortDirection=false&recordsPerPage=_10&showLotsInfoHidden=false (дата обращения: 06.12.2025).
8. Росенко М.И., Кузнецов Г.Г. О подходах к определению коррупции на государственной службе в российской федерации в контексте правового, социального и этического явления. Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 2. № 10. С. 144-150.
9. Соменков С.А. Некоторые аспекты расторжения и изменения договора по соглашению сторон // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. №10 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-rastorzheniya-i-izmeneniya-dogovora-po-soglasheniyu-storon> (дата обращения: 06.12.2025).
10. Таганова А.В. Расторжение муниципальных контрактов, заключенных по Федеральному Закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в судебном порядке // Вестник Университета «Кластер». 2022. №4 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rastorzhenie-munitsipalnyh-kontraktov-zaklyuchennyh-po-federalnomu-zakonu-o-kontraktnoy-sisteme-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-uslug> (дата обращения: 06.12.2025).
11. Щуриков Д.С. Злоупотребления правом заказчика при расторжении государственных контрактов, заключенных в нарушение 44-ФЗ // Право и государство: теория и практика. 2018. №6 (162). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotrebleniya-pravom-zakazchika-pri-rastorzhenii-gosudarstvennyh-kontraktov-zaklyuchennyh-v-narushenie-44-fz> (дата обращения: 06.12.2025).

References:

1. Federal Law "On the Contract System in the field of procurement of goods, works, and services for State and Municipal Needs" dated 05.04.2013 No. 44-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (date of reference: 06.12.2025).
2. The Civil Code of the Russian Federation. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 12/06/2025).
3. Bronnikov A.M. Corruption risks in case of termination of a state (municipal) contract by agreement of the parties // Legal Science. 2022. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiyonnye-riski-pri-rastorzhenii-gosudarstvennogo-munitsipalnogo-kontrakta-po-soglasheniyu-storon> (date of request: 06.12.2025).
4. Geller A.Ya. Analysis of the reasons for termination of contracts in the system of state and municipal procurement of the Russian Federation // Bulletin of GUU. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichin-rastorzheniya-kontraktov-v-sisteme-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-zakupok-rossiyskoy-federatsii> (date of request: 06.12.2025).
5. Zarya A.A. Modification and termination of the contract due to a significant change in circumstances // Issues of Russian Justice. 2021. No. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniye-i-rastorzheniye-dogovora-v-svyazi-s-suschestvennym-izmeneniem-obstoyatelstv> (date of application: 12/06/2025).
6. Morozov N. A., Kuznetsov L. A. Amendment and termination of the contract due to a significant change in circumstances // Bulletin of Law. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniye-i-rastorzheniye-dogovora-v-svyazi-s-suschestvennym-izmeneniem-obstoyatelstv-1> (date of request: 06.12.2025).
7. Official monitoring data of the Ministry of Finance of the Russian Federation on the termination of contracts (2020-2024). URL: https://zakupki.gov.ru/epz/legalacts/report/search/results.html?morphology=on&informationStatusType_0=on&informationStatusType=0®ulationLevelType_0=on®ulationLevelType_1=on®ulationLevelType_2=on®ulationLevelType=0%2C1%2C2&customeridOrg=272394387%3АМИНИСТЕРСТВО+ФИНАНСОВ+РОССИЙСКОЙ+ФЕДЕРАЦИИ&z01731000001zZ708724zZ621511zZ7710168360zZz771001001zZ1037739085636&sortBy=UPDATE_DATE&pageNumber=1&sortDirection=false&recordsPerPage=_10&showLotsInfoHidden=false (date of request: 06.12.2025).
8. Rosenko M.I., Kuznetsov G.G. On approaches to the definition of corruption in public service in the Russian Federation in the context of a legal, social and ethical phenomenon. Journal of Applied Research. 2022. Vol. 2. No. 10. pp. 144-150.
9. Somenkov S.A. Some aspects of termination and amendment of the contract by agreement of the parties // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2016. No. 10 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-rastorzheniya-i-izmeneniya-dogovora-po-soglasheniyu-storon> (date of request: 06.12.2025).
10. Taganova A.V. Termination of municipal contracts concluded under the Federal Law "On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs" in court // Bulletin of the University "Cluster". 2022. No. 4 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rastorzhenie-munitsipalnyh-kontraktov-zaklyuchennyh-po-federalnomu-zakonu-o-kontraktnoy-sisteme-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-uslug> (date of request: 06.12.2025).
11. Shchekurov D.S. Abuse of the customer's right to terminate government contracts concluded in violation of 44-FZ // Law and the State: theory and practice. 2018. No. 6 (162). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotrebleniya-pravom-zakazchika-pri-rastorzhenii-gosudarstvennyh-kontraktov-zaklyuchennyh-v-narushenie-44-fz> (date of request: 06.12.2025).

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION OF INSURANCE PENSION PROVISION IN THE RUSSIAN FEDERATION

ГУЛАКОВА Виолетта Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Северо-Западный институт управления — филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43
E-mail: gsv26@mail.ru

GULAKOVA Violetta Yuryevna

Candidate of Law, Associate Professor Northwest Institute of Management is a branch
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: gsv26@mail.ru

Краткая аннотация: в статье проводится анализ результатов реформирования отечественного законодательства в сфере страхового пенсионного обеспечения. Автором обозначен ряд проблем, существующих в сфере правового регулирования пенсионного страхования, предложены пути их преодоления как теоретического, так и законодательного характера.

Abstract: This article analyzes the results of reforming domestic legislation in the area of pension insurance. The author identifies a number of problems in the legal regulation of pension insurance and proposes both theoretical and legislative solutions to overcome them.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, страховая пенсия, правовое регулирование, пенсионер, пенсионный возраст, страховой стаж, законодательство.

Key words: pension provision, insurance pension, legal regulation, pensioner, retirement age, insurance period, legislation.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Развитие Российской Федерации как социального государства направлено на создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст.7 Конституции Российской Федерации). В связи с этим, особое значение приобретает вопрос обеспечения гарантий достижения данной цели для граждан, утративших трудоспособность в силу наступление старости, потери кормильца, инвалидности.

С этой целью создается и корректируется с учетом реалий развития государства и общества страховое пенсионное обеспечение как наиболее разработанный и апробированный временем механизм защиты прав пенсионеров, как самой многочисленной социальной группой по сравнению с такими группами как молодёжь и лица среднего возраста в настоящее время.

Так, по данным Росстата, доля пенсионеров сейчас составляет 28,19 % от общего числа населения страны, а к 2046 году она возрастет до 29,6 % населения [6]. Получается, что решение проблем финансовой обеспеченности лиц пенсионного возраста, напрямую влияет как на современные экономические отношения, так и на достижение социальных приоритетов долгосрочного развития России, обозначенных указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 в качестве национальных целей развития России до 2036 года.

Указанное заставляет государство интенсивно реформировать страховое пенсионное обеспечение, что находит свое отражение в российском законодательстве. Следствием этого является неуклонный рост количества обращений граждан за защитой своих нарушенных социальных и пенсионных прав.

Как правило, указанное предопределяется:

во-первых, проблемами теоретического характера, связанными с совершенствованием понятийного аппарата страхового пенсионного обеспечения. Так, например, такие понятия как «страховой стаж» и «пенсионный возраст», по-прежнему, вызывают научные дискуссии в научной среде и проблемы правоприменителей. Появляются и новые термины, такие как «возраст дожития», способные поменять саму концепцию страхового пенсионного обеспечения. Показала свое несовершенство и юридическая конструкция конституционной нормы об индексации пенсий;

во-вторых, поиском оптимальной модели финансирования (обязательное пенсионное страхование) и софинансирования страховых пенсионных выплат (программы долгосрочных сбережений). Как следствие актуализируется поиск новых источников финансирования и повышение эффективности использования имеющихся ресурсов, а также институциональных механизмов, осуществляющих управление и контроль устойчивости пенсионной системы.

Так, для достижения этих целей с 1 января 2023 в России в результате слияния Пенсионного фонда и Фонда социального страхования начала функционировать новая организация – Фонд пенсионного и социального страхования РФ (далее – СФР). Вместе с тем, как отмечают специалисты, проведенная «механическая» реорганизация не может служить «цели повышению уровня пенсионного обеспечения за счет оптимизации»[2].

В связи с этим, страховое пенсионное законодательство России, несмотря на длительную историю своего формирования, остается, по-прежнему, нестабильным, противоречивым, непоследовательным, создаваемым без должной концептуальной основы.

В современных условиях в Российской Федерации совершенствование системы страхового пенсионного обеспечения становится все более актуальным вопросом. Однако необходимо учесть, что реформирование данной сферы должно выходить за рамки простого изменения системы расчета и формирования пенсионных накоплений или повышения пенсионного возраста. Это должно происходить в рамках комплексных мероприятий, направленных на устранение факторов, задерживающих полноценное развитие пенсионных реформ.

Анализ реформируемого в настоящее время пенсионного законодательства позволяет определить основные механизмы и правовые меры, способствующие обеспечению достойного уровня жизни пенсионеров. Считаем, что в основе такого анализа лежит постулат о невозможности определения универсального и справедливого распределения доходов в обществе как некоего международного стандарта. Это объясняется, прежде всего, разнообразием социально-экономических и идеологических условий развития государств.

Вместе с тем, как отмечает А.В. Пудовкин [3], в последние десятилетия (особенно в период с 2009 по 2013 года), наметилась общемировая тенденция реформирования национальных пенсионных систем. Она обусловлена нестабильностью финансовых, экономических и политических систем государств, интенсификацией процессов старения населения и изменением рынка труда.

Как следствие, набор правовых и организационных инструментов типичен для многих стран. Он включает, в основном, меры, как ограничивающие права граждан на пенсионное обеспечение (например, ужесточение условий досрочного выхода на пенсию), так и направленные на его отсрочку (например, повышение пенсионного возраста, увеличение трудового стажа), в результате чего снижается ответственность государства за его реализацию.

Как известно, применяемая в нашей стране до 2002 г. распределительная модель системы пенсионного обеспечения была заменена так называемой комбинированной пенсионной системой. Она отразила изменение структуры, пенсионной системы в соответствии с мировыми тенденциями. Оценка же эффективности происходящих трансформаций пенсионного обеспечения возможна на основе анализа правового регулирования системы страхового пенсионного обеспечения.

Как показывает исследование, итогом правового регулирования является современная структура российской системы страхового пенсионного обеспечения, включающая следующие уровни:

1) минимальное государственное обязательное страховое пенсионное обеспечение, которое предусматривает получение прожиточного минимума при потере трудоспособности: базовые пенсии и минимальные (при наличии минимального количества пенсионных баллов и трудового стажа).

Значимым показателем эффективности страхового пенсионного обеспечения является коэффициент замещения, под которым понимают соотношение пенсии и зарплат. По данным Росстата в 2024 году он упал до минимума за последние 10 лет и составил 25%. В тоже время его размер в Чехии составляет 43% а в Канаде -39% [6].

В тоже время, по мнению М.А. Филиной, пенсии в России в ближайшие два десятилетия будут расти медленнее, чем зарплаты [10]. Поэтому к 2040 г. отношение средней пенсии к средней зарплате достигнет значения ниже 23%.

Как показывает статистика, минимальная страховая пенсия в России не достигает заявленного целевого значения – 40% уровня средней зарплаты с 2002 года. Данный дисбаланс вынудил законодателя закрепить за неработающим пенсионером право на получение федеральной или региональной социальной доплаты к пенсии, если общая сумма его материального обеспечения меньше прожиточного минимума пенсионера в регионе его проживания.

Для этого с 2021 г. размер ПМ определяется как его соотношение (44,2%) от размера медианного среднедушевого дохода (ранее – от соотношения к стоимости условной потребительской корзины). Результатом этого является соответствие минимального страхового пенсионного обеспечения в России прожиточному минимуму пенсионера.

2) Второй уровень включает страховую пенсию (сверх минимальной), которая включает страховые взносы и фиксированную часть.

В настоящее время в основе страховой пенсии лежит система расчета пенсионных баллов. Для этого количество пенсионных баллов, накопленных работником за трудовой период, умножается на стоимость одного балла. К полученному результату добавляется, как мы отмечали ранее, фиксированная выплата к страховой пенсии. По сути, размер страховой пенсии поставлен в зависимость от размера заработка.

Одновременно законодатель ограничил максимальную величину годового балла. Так, с 2021 г. – 10 баллов (6,25 баллов для тех, кто будет направлять 6 % тарифа на накопительную пенсию) [9]. Нормами Закона №400 предусмотрено ежегодное увеличение стоимости одного пенсионного бала по принципу запрета установления его размера менее индекса роста потребительских цен за прошедший год. При этом стоимость пенсионного балла, по-прежнему, зависит от финансовых резервов СФР, которые, демонстрируют отрицательную динамику в отношении роста цен, по итогам 2024 года дефицит в данной сфере составил 147, 4 млрд. руб.[5].

Механизм расчета стоимости пенсионного балла предусматривает выявление соотношения суммы страховых взносов на страховые пенсии и трансфертов из федерального бюджета к общей величине пенсионных баллов получателей страховых пенсий. Законом № 400 установлена защита пенсий от инфляции путем определения минимального порога стоимости пенсионного балла – не менее индекса роста потребительских цен за прошедший год (п. 21 ст. 15).

По сути, речь идет об индексации страховых пенсий не реже одного раза в год (ч. 6 ст. 75 Конституции РФ). Как отмечают специалисты [7], явным недостатком юридической конструкции указанной нормы является отсутствие указания на норму индексации.

Как показывает статистика, в последние годы, заработные платы в стране растут с явным опережением роста индексации страховых пенсий [7].

Согласно бюджету на 2025 год, предусматривается индексация страховой пенсии в 2026 - 2027 гг. два раза в год. С 1 февраля индексация страховой пенсии и фиксированной выплаты к ней за прошедший год определена в 2026 г. – 4,5%, в 2027 г. – 4,0% [1].

Вместе с тем, как отмечают специалисты, существующий механизм индексации пенсии далек от выполнения ею основной цели – сохранение пенсионных накоплений не ниже уровня инфляции. Более того, индексация рассматривается как метод сокращения государственных пенсионных обязательств [8]. Размеры и сроки индексации пенсий и других социальных выплат на 2024 – 2027 гг. определены на основании параметров прогноза Минэкономразвития России.

Требуется внимания и учет такого фактора, как размер так называемой «наблюдаемой» инфляции. Она определяется по итогам социального опроса и составила 15,3 % против официальной в 9, 3% на 1 января 2025 г.

В отношении обязательного накопительного компонента отметим, что его размер с 2002 года (2% от заработной платы ежемесячно для женщин, родившихся в 1957 г. и позже, и мужчин, родившихся в 1953 г. и позже) был через три года увеличен до 6 %. Сама же пенсия стала формироваться только для граждан, родившихся в 1967 г. и позже. При этом указанные средства граждане самостоятельно могут формировать либо в СФР, либо в НПФ. Как известно, этот вид страховой пенсии в настоящее время с 2014 года заморожен.

Указанное ставит вопрос о реформировании системы обязательного пенсионного страхования в такую форму, которая бы учитывала не только общественные интересы, но и частные. К сожалению, в настоящее время этот вопрос, по-прежнему не решен;

3) негосударственные пенсии в рамках ДПС, которые аккумулируются в НПФ. В основе их формирования лежат добровольные взносы граждан или организаций-работодателей, а также полученного от их размещения инвестиционного дохода. Однако системой добровольного пенсионного обеспечения охвачены всего лишь 3,4 % пенсионеров.

Таким образом, реформа отечественной структуры пенсионной системы в настоящее время продолжается. Продолжается и поиск эффективных механизмов в сфере страхового пенсионного обеспечения с целью улучшения материальной основы жизнедеятельности граждан, имеющих право на выплату страховых пенсий различного вида.

Проблемы практического характера пенсионного законодательства связаны, прежде всего, поиском оптимальной модели финансирования (обязательное пенсионное страхование) и софинансирования страховых пенсионных выплат (программа долгосрочных сбережений).

Особого внимания заслуживает вопрос внедрения программы долгосрочных сбережений (ПДС), реализация которой началось в 2024 году. При использовании данного нового продукта в пенсионном обеспечении существующий в настоящее время порядок начисления в ОПС сохраняется до исчерпания таких средств. При этом застрахованным лицам предоставлено право либо перевода своих пенсионных накоплений в новый пенсионный продукт, либо направлять их, по-прежнему, в СФР или в НПФ до времени реализации права на пенсию, либо вносить добровольные взносы.

Программа гарантирована механизмом софинансирования накоплений со стороны государства для граждан, которые заключат договор долгосрочных сбережений с НПФ в период с 2024 по 2026 год и оплативших взносы на сумму не менее 2000 рублей в год. Оно осуществляется из средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) и резервов СФР. Срок участия в ПДС – 15 лет.

В настоящее время уже можно положительно оценить первые результаты ПДС. Так, ее доходность в 2024 году превысила в два-три раза инфляцию (39% доходности, а уровень инфляции – 9,3%), а превышение доходности пенсионных накоплений в системе обязательного пенсионного страхования – в несколько раз [4]. Такие результаты свидетельствуют об огромном потенциале данного пенсионного продукта и перспективе повышения эффективности страхового пенсионного обеспечения.

Оценивая правовые основы страхового пенсионного обеспечения, можно отметить, что на современном этапе сформированы его контуры, универсальность которых позволяет оперативно реагировать на социально-экономические вызовы. Вместе с тем, в правовом регулировании страховых пенсий существует ряд проблем следующего содержания:

1. Законодательно определено понятие страховой пенсии и ее видов, а также условий их назначения. К таковым относятся: страховая пенсия по старости; страховая пенсия по инвалидности и страховая пенсия по потере кормильца. Вместе с тем, понятийный аппарат Закона о страховых пенсиях имеет ряд недостатков:

– отсутствует понятие каждого вида страховой пенсии, что нарушает логику данного закона. Применение же по аналогии легального понятия страховой пенсии к ее видам невозможно, так как понятие пенсии как вида компенсации утраченного заработка и иных выплат не соответствует назначению пенсии в социальном праве – материальное обеспечение человека при наступлении страхового случая.

Считаем, что для устранения данной проблемы необходимо разработать легальное понятие страховой пенсии для лица при наступлении старости или инвалидности или потери кормильца как страховых случаев. Она должна быть видом компенсации не только утраченного заработка и иных выплат, но и потери (полностью или частично) материального обеспечения, а именно: невозможности получения прежнего заработка и увеличения дохода из-за снижения его трудовой конкурентоспособности, а также увеличения затратного механизма поддержания жизненного уровня лица (например, покупка лекарств);

– отсутствие закрепления критериев утраты трудоспособности лица как основания для получения страховых пенсионных выплат. Вместе с тем, международный правовой опыт к ним относит невозможность человека эффективно трудиться либо существенное ухудшение характера его заболеваний и инвалидности, либо наличие безработицы постоянного характера. Для выявления указанных критериев необходимо применить освидетельствование аналогичное освидетельствованию для получения страховой пенсии по инвалидности. В целях снижения затратного механизма можно использовать специально созданные для этого компьютерные программы, в том числе с применением цифровизации или

роботизации;

– отсутствие обоснования наступления пенсионного возраста по старости (отсутствие законодательно установленных критериев старости), что позволяет говорить о пенсии по возрасту. В результате появляется индивидуальное страхование «своего личного дожития» до возраста выхода на пенсию, который установлен законодательно. Появляется и новый термин – «возраст дожития», который уже сейчас наполняем содержанием, что меняет саму концепцию обязательного страхового пенсионного обеспечения. Считаем, что законодатель должен уточнить критерии пенсионного возраста на основе международного опыта;

– повышение пенсионного возраста спровоцировало нарушение системности правового регулирования пенсионного страхования. Так, было рассинхронизировано время выхода на страховую пенсию по старости и на накопительную пенсию с разницей в пять лет при наличии одинакового основания – наступление старости. Итогом является разночтение такого термина пенсионного обеспечения как старость. Считаем необходимым установить одинаковый возраст как условие выхода на пенсию по старости и накопительную пенсию.

2. Законодательно установлена защита пенсий от инфляции путем определения минимального порога стоимости пенсионного балла – не менее индекса роста потребительских цен за прошедший год. По сути, речь идет об индексации страховых пенсий не реже одного раза в год, предусмотренного нормами Конституции РФ. Вместе с тем, явным недостатком юридической конструкции указанной нормы является отсутствие указания на норму индексации.

Устранение данной проблемы возможно путем проведения индексации двух видов: 1) ситуативной (учитывает резкие подъемы заработной платы на рынке труда) и 2) опережающей (учитывает темпы роста различных секторов экономики, что неизбежно окажет влияние на потребительские цены).

3. Нормативно установленная эффективность страхового пенсионного обеспечения напрямую зависит от эффективности коэффициента замещения пенсий. Он должен быть не менее 40 % от средней заработной платы, в то время как в 2024 году он составил менее 25%

Считаем, повышение коэффициента замещения пенсий возможно как путем расширения количества плательщиков (за счет самозанятых и фрилансеров), так и путем введения в законодательный спектр понятия «пенсионный профиль потребительской корзины». Последнее позволит расширить ее наполняемость расходами на лекарственные средства и бытовую химию и др.

4. В целях обеспечения гарантии формирования и сбережения пенсионных накоплений, необходимо предусмотреть механизм ответственности государства за неисполнение своей обязанности по обеспечению достойного уровня жизни граждан, имеющих правовой статус пенсионера в рамках ОПС.

Изложенное позволяет выделить следующие направления совершенствования правового регулирования страхового пенсионного обеспечения в России:

– разработка инвестиционных программ, предусматривающих использование пенсионных накоплений с целью получения доходов, опережающих инфляционные процессы, а также определения критериев норматива индексации на уровне Конституции РФ;

– принятие рамочного федерального закона о пенсионном статусе граждан в Российской Федерации, а также закона о профессиональных пенсиях Их принятие позволит повысить эффективность пенсионного законодательства;

– синхронизация пенсионного страхового законодательства как внутри системы, так и со смежным законодательством.

Таким образом, совершенствование правового регулирования страхового пенсионного обеспечения в России требует системного подхода, включающего как унификацию его понятийного аппарата, так и поиск оптимальной модели его финансовой составляющей.

Список литературы

1. Бюджет СФР на 2025 г. и плановый период 2026 - 2027 гг. URL: <https://storage.consultant.ru>. (дата обращения 08.10.2025).
2. Орещенкова Ю.А. Трансформация институтов обязательного пенсионного и социального страхования в России // Социальное и пенсионное право. 2023. № 4. С. 46.
3. Пудовкин А.В. Мировой опыт формирования пенсионных систем и возможности его использования в России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2017. С. 53.
4. РБК: НПФ заработали россиянам до 39% по программе долгосрочных сбережений// URL: <http://www.rbk.ru>.
5. Сайт Социального фонда России// URL: <http://www.sfr.gov.ru>. (дата обращения: 12.01.2025).
6. Сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: <http://www.rosstat.gov.ru/folder/13877>. (дата обращения: 12.10.2025).
7. Сафонов А.Л., Некипелова Д.В. Оценка эффективности реализации мер по повышению материального содержания российских пенсионеров и разработка альтернативных мер их социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2023. № 2. С. 29.
8. Соловьев А.К., Орещенкова Ю.А. Индексация страховых пенсий как фактор повышения уровня жизни пенсионеров // Социальное и пенсионное право. 2024. № 4. С. 25.
9. Терентьева И.В. Современный этап реформирования пенсионной системы: оценка результатов и перспективы// Вестник НГУЭУ. 2018. № 4. С.256.
10. Филина, М. А. Основные вызовы устойчивости системы обязательного пенсионного страхования в России// Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 4. №11. С. 21.

References

1. The budget of the SFR for 2025 and the planning period 2026-2027. URL: <https://storage.consultant.ru>. (accessed 08.10.2025).
2. Oreshchenkova Yu.A. Transformation of institutions of compulsory pension and social insurance in Russia // Social and pension law. 2023. No. 4. p. 46.
3. Pudovkin A.V. The world experience of pension system formation and the possibility of its use in Russia: dis. ... Candidate of Economic Sciences. Moscow, 2017. p. 53.
4. RBC: NPFs earned Russians up to 39% under the long-term savings program// URL: <http://www.rbk.ru>.
5. Website of the Social Fund of Russia// URL: <http://www.sfr.gov.ru>. (date of access: 12.01.2025).
6. Website of the Federal State Statistics Service // URL: <http://www.rosstat.gov.ru/folder/13877>. (date of request: 12.10.2025).
7. Safonov A.L., Nekipelova D.V. Evaluation of the effectiveness of measures to increase the financial support of Russian pensioners and the development of alternative measures for their social security // Social and pension law. 2023. No. 2. p. 29.
8. Soloviev A.K., Oreshchenkova Yu.A. Indexation of insurance pensions as a factor in improving the standard of living of pensioners // Social and pension law. 2024. No. 4. p. 25.
9. Terentyeva I.V. The current stage of pension system reform: assessment of results and prospects// Bulletin of the NGUEA. 2018. No. 4. p.256.
10. Filina, M. A. The main challenges to the sustainability of the compulsory pension insurance system in Russia. Economics and management: problems, solutions. 2020. Vol. 4. No. 11. P. 21.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1060

УДК 342.6

КЛАССИФИКАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК УЧАСТНИКОВ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИХ ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ ФУНКЦИЙ CLASSIFICATION OF FEDERAL EXECUTIVE BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS PARTICIPANTS IN THE LEGISLATIVE PROCESS AND THE SPECIFICS OF LEGAL REGULATION OF THEIR LEGISLATIVE FUNCTIONS

ПОЛЕВЩИКОВА Алена Сергеевна

Старший научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
alenagkl@yandex.ru

POLEVSHCHIKOVA Alena Sergeevna

Senior Researcher Research Center Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8 building 1.
alenagkl@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется роль федеральных органов исполнительной власти в подготовке законопроектов, автор проводит дифференциацию ведомств по объёму и характеру законопроектных полномочий, анализирует правовые основания их участия в подготовке нормативных актов. Особое внимание уделено механизмам взаимодействия органов исполнительной власти с законодательной ветвью, а также специфике правовой регламентации их законопроектной деятельности. На основе анализа нормативных правовых актов выявлены ключевые модели участия министерств и служб в законотворчестве, систематизированы виды законопроектных функций, рассмотрены проблемные аспекты их правового регулирования.

Abstract. The article examines the role of federal executive bodies in drafting bills. The author differentiates agencies according to the scope and nature of their legislative powers and analyses the legal grounds for their participation in the preparation of regulatory acts. Special attention is given to the mechanisms of interaction between executive bodies and the legislative branch, as well as to the specifics of legal regulation of their legislative activities.

Ключевые слова: федеральные органы исполнительной власти, законотворческий процесс, законопроектная деятельность, правовая регламентация, дифференциация полномочий.

Key words: federal executive bodies, legislative process, legislative activity, legal regulation, differentiation of functions.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Правовое регулирование общественных отношений – сложный системный процесс со множеством субъектов, внутренних вероятностей и взаимозависимостей. Так как любая социальная система изменчива и слабо предсказуема, задача государства – предпринять попытку обеспечения правопорядка, единого и закономерного регулирования, стабильности межличностного взаимодействия. Это достигается посредством принятия нормативных правовых актов разной юридической силы.

Правообразование, как любое «образование» (глаг.), имеет определенный жизненный цикл, вопрос о его начале и завершении является в юридической науке дискуссионным. Значительная часть мнений по данному предмету объединяется в конструкцию стадий законотворческого процесса, включающую стадии законотворческой инициативы, рассмотрения проекта в нижней палате законодательного органа, одобрения и промульгации закона [1 - 3].

В рамках первой стадии (законотворческой инициативы) также выделяются «этапы»: зарождение идеи, разработка проекта, внесение проекта в законодательный орган в установленном порядке [4, с. 13]. В этой связи формирование идеи, подготовку законопроекта и сопутствующую этому работу справедливо также считать частью законотворческого процесса.

В то же время следует отметить, что крайне редко возникают такие общественные отношения, которые ранее не были в той или иной форме или степени урегулированы правом. Если таковые и встречаются, то можно предположить, что для них началом процесса правового регулирования будет признание компетентным органом накопленной критической массы отношений, нуждающихся не в каком-либо ином, а непременно в правовом регулировании.

В случаях, когда отношения уже в той или иной степени урегулированы, дальнейшие корректировки являются лишь новым законосозидательным «витком», потому что любое принятое решение является лишь логическим продолжением накопленного опыта, не существующее в отрыве от действующего регулирования. Проводить мониторинг эффективности действующего законодательного регулирования и инициировать его корректировку от имени государства могут осуществлять многочисленные субъекты, этот список не сводится к перечню субъектов права законодательной инициативы.

Настоящая статья предметом своего внимания имеет государственные органы, не имеющие права законодательной инициативы –

федеральные органы исполнительной власти. Помимо федеральных органов исполнительной власти к числу участников законотворческого процесса, не имеющих права законодательной инициативы, можно отнести и Прокуратуру, Центральный избирательный комитет, Уполномоченного по правам человека, Центральный банк, Нотариальную палату, Общественную палату и иных. В настоящее время правила участия этих субъектов в законотворческом процессе в качестве авторов, разработчиков или экспертов регламентированы разномасштабно и недостаточно основательно, многие из названных участников в принципе не имеют закрепленной процедуры осуществления законопроектных функций.

В то же время деятельность федеральных органов исполнительной власти урегулирована достаточно подробно. Уникальность данного участника состоит в значимости представленных ему законоподготовительных полномочий, а также в широком спектре регулируемых общественных отношений, которые им охватываются в ходе законопроектной работы.

Вспоминая упомянутую выше классификацию этапов законотворческого процесса, можно отметить, что федеральные органы исполнительной власти активно участвуют в каждом из них. В связи с такой широтой полномочий в науке деятельность таких субъектов иногда разделяют на регулируемые правом «законотворческие процедуры» и нерегулируемые «законотворческие действия», в которые можно включать не только предпроектную деятельность, не урегулированную правом, а вообще любую деятельность участников законотворческого процесса, направленную на создание закона [4].

Однако категория «федеральные органы исполнительной власти» организационно неоднородна, ее необходимо дифференцировать и рассмотреть с позиции осуществления именно законопроектных функций.

В указе Президента Российской Федерации «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [5] в первую очередь обозначается следующее деление:

федеральные министерства (и подведомственные им федеральные службы и агентства), федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации;

федеральные министерства (и подведомственные им федеральные службы и федеральные агентства), руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации;

федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации.

Хотя данное деление является основополагающим с точки зрения организационного построения системы федеральных органов исполнительной власти, оно требует некоторой доработки с позиции самостоятельности их законоподготовительных полномочий.

С позиции осуществления законопроектных функций можно выделить три варианта классификации.

По общему правилу, изложенному в указе Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (2004 года) [6], функцией по самостоятельному нормативно-правовому регулированию в соответствующей сфере наделены только федеральные министерства, а федеральные службы и федеральные агентства не вправе осуществлять нормативно-правовое регулирование, *кроме случаев, устанавливаемых указами Президента Российской Федерации или постановлениями Правительства Российской Федерации*.

Основываясь на вышеприведенном общем правиле, с позиции самостоятельности функций по выработке нормативного регулирования в профильной сфере федеральные органы исполнительной власти логично было бы в таком случае подразделить на:

- федеральные министерства;
- федеральные службы и федеральные агентства.

Однако упомянутых выше исключительных случаев, установленных указами Президента Российской Федерации или постановлениями Правительства Российской Федерации, настолько много, классификация утрачивает свою научную целостность и требует конкретизации.

Можно при этом отметить, что в полном соответствии с указанным признаком классифицируются лишь министерства и подведомственные им федеральные службы и агентства, подотчетные Правительству Российской Федерации (16 министерств, наделенных правом разрабатывать и представлять в Правительство Российской Федерации проекты в федеральных законах, а также 25 федеральных служб и агентств, осуществляющих законоподготовительные полномочия через соответствующие министерства).

Федеральные службы и федеральные агентства с прямой подчиненностью Правительству Российской Федерации с позиции законоподготовительных полномочий фактически приравнены к министерствам. Группа федеральных органов исполнительной власти, подчиненных Президенту Российской Федерации, также более чем на половину не укладывается в общее правило.

Таким образом, федеральные органы исполнительной власти подразделяются на осуществляющих законопроектные функции самостоятельно или опосредованно, однако эта тенденция с видом ведомства корреляции не имеет. Устойчивой тенденцией является критерий прямой подчиненности субъекту права законодательной инициативы: вне зависимости от вида ведомства, в случае если руководство им осуществляется напрямую, то оно будет наделено самостоятельными законотворческими полномочиями (за двумя исключениями).

Исключениями являются Федеральная служба по техническому и экспортному контролю, которая хоть и подведомственная Минобороны России, наделена полномочием разрабатывать и вносить в установленном порядке Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации проекты законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам своей деятельности, а также Управление делами Президента Российской Федерации (федеральное агентство), которое несмотря на прямую подчиненность Президенту Российской Федерации не имеет самостоятельных законоподготовительных полномочий.

Таким образом, после доработки классификации, по критерию самостоятельности функций по выработке нормативного регулирования в профильной сфере федеральные органы исполнительной власти можно подразделить на:

- федеральные органы исполнительной власти прямой подчиненности субъекту права законодательной инициативы (наделены самостоятельностью, с единственным исключением - Управление делами Президента Российской Федерации);
- федеральные органы исполнительной власти, не имеющие прямой подчиненности субъекту права законодательной инициативы (не наделены самостоятельностью, с единственным исключением - Федеральная служба по техническому и экспортному контролю).

Следующей можно рассмотреть классификацию ведомств в зависимости от субъекта права законодательной инициативы, который осуществляет руководство их деятельностью:

- федеральные органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации;
- федеральные органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации.

В юридической литературе обращается внимание на специфику деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство которыми осуществляет Президента, причины и последствия отнесения к названной группе [3, 8] (как правило - в связи с особой значимостью осуществляемых ими функций). К подотчетным главе государства относят структуры «силового блока» и межгосударственного сотрудничества (всего 19 органов).

Логично сделать вывод, что выработка и реализация данными органами государственной политики и нормативное правовое регулирование в соответствующих сферах должно осуществляться под руководством именно Президента [7] (как самостоятельного субъекта права законодательной инициативы - в Администрации Президента для этих целей существуют специальные структурные подразделения [9]).

Тем не менее, сопоставляя законоподготовительные полномочия у ведомств, находящихся в подчинении Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации, единственным, хоть и немаловажным, различием является то, что службы по линии главы государства уполномочены разрабатывать и представлять проекты законодательных актов как в Правительство Российской Федерации, так и Президенту Российской Федерации.

Хотя данная классификация в некоторой степени дает представление о направлениях законоподготовительной работы ведомств, является достаточно поверхностной и не в полной мере отражает многочисленные особенности законопроектных полномочий разных федеральных органов исполнительной власти.

В этой связи полноценно отразить законоподготовительный функционал федеральных органов исполнительной власти можно только через комбинированную двухуровневую классификацию (по самостоятельности законопроектных функций и с учетом подчиненности, а также ряда исключительных полномочий):

- федеральные органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации: наделены полномочиями по самостоятельному нормативно-правовому регулированию в установленной сфере (13 министерств, федеральных служб и федеральных агентств прямого подчинения, 1 федеральная служба – находящаяся в ведении министерства) не наделены полномочиями по самостоятельному нормативно-правовому регулированию в установленной сфере (3 – находящиеся в ведении министерств, 1 – подчиняется напрямую главе государства).
- федеральные органы исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации: наделены особыми полномочиями (Минюст России).

наделены полномочиями по самостоятельному нормативно-правовому регулированию в установленной сфере (24 министерства, федеральные службы и федеральных агентства – все прямого подчинения);

не наделены полномочиями по самостоятельному нормативно-правовому регулированию в установленной сфере (25 федеральных служб и федеральных агентств – все находящиеся в ведении министерств);

наделены особыми полномочиями (Минфин России).

Разработанная классификация позволяет в достаточной степени дифференцировать федеральные органы исполнительной власти с позиции их законоподготовительных полномочий и сделать ряд выводов.

В первую очередь обращает на себя внимание бессистемность правового регулирования данных отношений. Так, определить уровень самостоятельности федеральных служб и федеральных агентств при осуществлении ими законоподготовительной работы возможно только после дополнительного анализа и принимая во внимания ряд исключений, сделать вывод о наделении законопроектными функциями без дополнительного изучения Положения не получится.

Во-вторых, в Положениях о федеральных органах исполнительной власти законопроектная работа представлена не единообразно:

- 1) относится или к функциям, или к полномочиям ведомства;
- 2) терминология варьируется: «разрабатывает и представляет проекты законов», «вносит проекты федеральных законов», «подготавливает предложения по совершенствованию законов», «участвует в разработке проектов» и пр.
- 3) в направлениях деятельности руководителя подготовка законопроектных предложений указывается не всегда (даже в случаях самостоятельности ведомства).

Представляется, что устранение данных юридико-технических неточностей будет способствовать более качественной дальнейшей подготовке подзаконных нормативных правовых актов ведомств, единообразию правового регулирования и более системному подходу к законоподготовительным полномочиям федеральных органов исполнительной власти.

Список литературы:

1. Орехова Н. Л. Законотворчество: теоретико-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8.
2. Фадеев В. И. Конституционное право. М., 2013. С. 217.
3. Дмитриева Л. И. Участие Президента Российской Федерации в законодательном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 34.
4. Фомичева О. А. Законотворческий процесс в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2022. С. 13.
5. Указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2025).
6. Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.11.2025).
7. Полевщикова А.С. Конституционно-правовые основы участия МВД России в законотворческом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 25.
8. Тарасов А. М. Теоретические аспекты принципов президентского контроля за деятельностью правоохранительных органов // Труды Академии управления МВД России. 2018. №1 (45). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-printsipov-prezidentskogo-kontrolya-za-deyatelnostyu-pravoohranitelnyh-organov> (дата обращения: 05.11.2025).
9. Об утверждении Положения о Государственно-правовом управлении Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 28.05.2004 № 699 (в действ. ред.) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 05.11.2025).
10. Статья: Актуальные проблемы внутрисистемного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти (Ибрагимов О.А.) («Государственная власть и местное самоуправление», 2024, № 5) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 05.11.2025).

References:

1. Orekhova N. L. Lawmaking: theoretical and legal aspects: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. M., 2003. p. 8.
2. Fadeev V. I. Constitutional law. M., 2013. P. 217.
3. Dmitrieva L. I. Participation of the President of the Russian Federation in the legislative process: dis. ... kand. jurid. M., 2005. p. 34.
4. Fomicheva O. A. The legislative process in the Russian Federation: constitutional and legal research: dis. ... doct. jurid. sciences'. Omsk, 2022. p. 13.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/11/2024 No. 326 "On the structure of federal executive authorities" // Official Internet portal of Legal Information. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (date of application: 05.11.2025).
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.03.2004 No. 314 (as amended on 27.03.2023) "On the system and structure of federal executive authorities" // SPS ConsultantPlus (date of application 05.11.2025).
7. Polevshchikova A.S. Constitutional and legal bases of the participation of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the legislative process: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2019. p. 25.
8. Tarasov A.M. Theoretical aspects of the principles of presidential control over the activities of law enforcement agencies // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №1 (45). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-printsipov-prezidentskogo-kontrolya-za-deyatelnostyu-pravoohranitelnyh-organov> (date of request: 05.11.2025).
9. On approval of the Regulations on the State Legal Administration of the President of the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/28/2004 No. 699 (in effect) // Official Internet portal of Legal Information. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal 05.11.2025).
10. Article: Actual problems of intra-system interaction of federal executive authorities (Ibragimov O.A.) ("State Power and Local Self-government", 2024, No. 5) // SPS ConsultantPlus (date of appeal 05.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1064

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ И ВРЕМЯ ОТДЫХА КАК ЭЛЕМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА WORKING TIME AND REST TIME AS AN ELEMENT OF OCCUPATIONAL SAFETY

СЕРГЕЕНКО Юлия Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

Россия, 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского Н.Г., д. 104.

E-mail: iulya.sergeenko@yandex.ru

ORCID 0000-0001-7701-6885

SERGEENKO Yulia Sergeevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Labor Law

Saratov State Law Academy.

Russia, Saratov, 410056, Chernyshevsky str., 104.

E-mail: iulya.sergeenko@yandex.ru

ORCID 0000-0001-7701-6885

Краткая аннотация: в статье анализируются рабочее время и время отдыха как элементы безопасности труда. По мнению автора, и правильное распределение рабочего времени, и достаточное время для отдыха выступают важными факторами сохранения высокого качества трудовых ресурсов и составляют одни из ключевых потребностей общества. Приведен ряд исследований российских и зарубежных ученых по обозначенной теме. Предложены рекомендации по совершенствованию регулирования рабочего времени и времени отдыха для повышения состояния защищенности работников.

Abstract: the article analyzes working time and rest time as an element of occupational safety. According to the author, both working time and rest time are one of the main needs of society at the moment. A number of studies conducted by Russian and foreign scientists have been presented. Recommendations have been developed to improve the regulation of working hours and rest periods in order to enhance the security of employees.

Ключевые слова: рабочее время; время отдыха; безопасность труда; потребности общества; трудовые ресурсы.

Keywords: working hours; rest time; occupational safety; society's needs; labor resources.

Для цитирования: Сергеев Ю. С. Рабочее время и время отдыха как элементы обеспечения безопасности труда // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1064-1067. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1064.

For citation: Sergeenko Yu. S. Working time and rest time as an element of occupational safety // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1064-1067. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1064.

Статья поступила в редакцию: 24.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение

Более века назад, в 1917 г., был принят Декрет Совета Народных Комиссаров «О восьмичасовом рабочем дне»¹. Это событие положило начало «правовому регулированию рабочего времени и времени отдыха работников»². В разное время оно изменялось в зависимости от политической и экономической обстановки в стране, но, как правило, в приоритете у государства всегда было здоровье населения. Устанавливая продолжительность рабочего времени и времени отдыха, необходимо было руководствоваться именно этим критерием, так как чрезмерная нагрузка на работников привела бы к ухудшению их здоровья и снижению производительности труда.

Одним из основополагающих прав человека, закрепленных и в Конституции РФ (ст. 37), и в трудовом законодательстве (п. 5 ч. 1 ст. 21 ТК РФ³), является право на отдых. Реализация права на отдых невозможна без ограничения продолжительности рабочего времени.

Как и в предыдущие исторические эпохи, сегодня значительная часть трудоспособного населения работает за пределами нормальной продолжительности рабочего времени, потому что трудовая деятельность для основной массы людей – главный источник средств к существованию. В связи с этим большую часть времени они проводят на работе, что предопределяет необходимость в соблюдении баланса рабочего времени и времени отдыха в целях сохранения их жизни и здоровья.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Международной организации труда (МОТ), существует 19 опасных производственных факторов, негативно отражающихся на состоянии здоровья работника и продолжительности его жизни. При этом ключевым фактором риска, которым «обусловлено примерно 750 000 случаев смерти»⁴, оказалась именно чрезмерная продолжительность рабочего времени. Для сравнения: «такой фактор, как загрязнение воздуха (твердыми взвешенными частицами, газами и выхлопами), на рабочем месте вызвал 450 000 случаев смерти»⁵.

В последнее десятилетие наблюдается систематическое увеличение продолжительности рабочего времени. Так, по данным Росстата, количество занятых в различных видах экономической деятельности составило 73 636 тыс. человек, при этом фактическая продолжительность рабочей недели у 2 537 тыс. человек составила от 41 до 50 часов в неделю, а у 709 тыс. человек – 51 час в неделю и более⁶. Совместно проведенное ВОЗ и МОТ исследование позволило признать сверхурочную работу «наиболее значимым опасным фактором, вызывающим наибольшее

¹ Декрет СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне» // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 2. 30 окт.

² История правового регулирования хозяйства и труда в СССР: учебное пособие: в 3 т. М.: Проспект, 2023. Т. 1. Хозяйство и труд в условиях становления социалистического общества. С. 550.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 29 сентября 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2025. № 40, ст. 5819.

⁴ По данным ВОЗ и МОТ, производственные факторы ежегодно уносят жизни двух миллионов человек // Совместный пресс-релиз Всемирной организации здравоохранения и Международной организации труда (Женева, 17 сентября 2021 г.). URL: <https://www.who.int/ru/news/item/16-09-2021-who-ilo-almost-2-million-people-die-from-work-related-causes-each-year> (дата обращения: 10.10.2025).

⁵ Там же.

⁶ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики. 2024. URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

бремя болезней, обусловленных трудовой деятельностью»¹.

Необходимо отметить, что увеличение продолжительности рабочего времени влечет за собой снижение производительности труда, негативно влияя на качество выполняемой работы. Следует стремиться к балансу рабочего времени и времени отдыха путем сопоставления их продолжительности. Баланс всегда предполагает равновесие, которое обеспечивает безопасность, в данном случае условий труда. В условиях чрезмерной нагрузки на работников в XXI веке вопросам безопасности труда требуется уделять особое внимание. К балансу рабочего времени и времени отдыха важно стремиться не только с точки зрения правового регулирования, но и с позиции фактической реализации в процессе трудовой деятельности².

Основная часть

По словам вице-премьера Татьяны Голиковой³, одним из актуальных вопросов, непосредственно связанных с демографией, является задача сохранения здоровья. Решение данной задачи без включения в этот процесс норм трудового законодательства не представляется возможным. Соблюдение трудового законодательства работодателем в отношении своих работников, включая соблюдение продолжительности рабочего времени и времени отдыха, оказывает непосредственное влияние на их здоровье и качество выполнения ими трудовых обязанностей.

Так, широкий общественный резонанс получил трагический случай, произошедший чуть более года назад в Санкт-Петербурге, когда водитель автобуса не справился с управлением, в результате чего транспортное средство с пассажирами упало в реку. Одной из причин трагедии стало нарушение режима рабочего времени: водитель, отработавший смену, на следующий день был снова привлечен к работе. В результате падения автобуса пострадал сам водитель, семь человек погибли⁴.

Продолжительность рабочего времени напрямую влияет и на здоровье работников, и на качество их жизни, в том числе на личную жизнь. Кроме того, «...негативные последствия для здоровья от постоянной работы в течение длительного времени широко известны, и все чаще становятся очевидными трудности совмещения длинных рабочих дней с общественной и семейной жизнью»⁵. Надлежит строго придерживаться трудового законодательства в трудовых отношениях, в особенности на тех видах работ, где имеется дополнительная возможность регулировать режим труда и устанавливать сокращенную продолжительность рабочего времени, неполную рабочую неделю. Это будет соответствовать рекомендациям МОТ, содержащимся в докладе⁶.

На государственном уровне не раз высказывались мнения о необходимости сокращения рабочего дня и недели (до четырех рабочих дней). Впервые об этом сказал Дмитрий Медведев на пленарном заседании 108-й сессии Международной организации труда в июне 2019 г. По его мнению, «...постоянная погоня за успехом оборачивается системной усталостью, хроническим стрессом, люди подчас просто сгорают на работе. Всё это приводит к снижению производительности труда»⁷. Однако до настоящего времени обсуждаемые изменения не нашли своего отражения в трудовом законодательстве. Одной из причин такого положения дел представляется дефицит на рынке труда, который не позволяет решить вопрос о сокращении продолжительности рабочего времени, что негативно сказывается не только на здоровье работников, но и на производительности труда в конкретной организации, а в масштабах страны в целом замедляет темпы экономического развития.

На федеральном уровне за последнее время было предложено несколько законопроектов, касающихся продолжительности рабочего времени. Так, следует выделить законопроект № 638001-8⁸ о сокращении продолжительности рабочего дня в условиях повышенной температуры воздуха. Проект закона, к сожалению, был отклонен в связи с действующим постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 2, утвердившим Санитарные правила и нормы СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» (в ред. от 17 марта 2025 г.)⁹, которые закрепляют показатели, характеризующие микроклимат на рабочих местах¹⁰. Представляется, что в целях обеспечения безопасности труда установление правил сокращения рабочего времени при работе в условиях повышенных температур должно быть закреплено в Трудовом кодексе РФ, поскольку указанные требования имеют универсальный характер. Раздел II Санитарных правил посвящен химическим и биологическим факторам производственной среды, при этом он включает перечень предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в воздухе рабочей зоны, состоящий более чем из 2 400 позиций. Раздел V определяет физические факторы (за исключением ионизирующего излучения) и предельно допустимые уровни физических факторов на рабочих местах. Так, закреплено, что при температуре воздуха на рабочих местах +25 °С и выше должны соблюдаться максимально допустимые величины относительной влажности воздуха, а также то, что при температуре воздуха +26...+28 °С скорость движения воздуха должна соответствовать определенным диапазонам, однако не оговорены случаи, когда данные условия труда не могут быть обеспечены или температура воздуха и влажность будут превышать предельно допустимые нормативы.

Несмотря на то, что, согласно п. 3 ст. 39 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (в ред. от 26 декабря 2024 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.), соблюдение санитарных правил является

¹ По данным ВОЗ и МОТ, производственные факторы ежегодно уносят жизни двух миллионов человек // Совместный пресс-релиз Всемирной организации здравоохранения и Международной организации труда (Женева, 17 сентября 2021 г.). URL: <https://www.who.int/ru/news/item/16-09-2021-who-ilo-almost-2-million-people-die-from-work-related-causes-each-ye> (дата обращения: 10.10.2025).

² См.: Сергеев Ю.С. Конституционно-правовая политика в сфере защиты трудовых прав граждан // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 1. С. 21–26. DOI 10.18522/2313-6138-2023-10-1-2. EDN DNIYUO.

³ См.: Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам (6 июня 2025 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77115> (дата обращения: 11.10.2025).

⁴ См.: Неправильный график работы привел в колонию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8180707> (дата обращения: 11.10.2025).

⁵ Реализация трудовых прав: примеры. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/about/topics/labour> (дата обращения: 12.10.2025).

⁶ См.: Рабочее время и баланс между работой и личной жизнью во всем мире https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_864222/lang-en/index.htm (дата обращения: 14.10.2025).

⁷ Четырехдневная рабочая неделя в России в 2025 году // Сайт газеты «Комсомольская правда». URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/lichnye-finansy/chetyrehdnevnyaya-rabochaya-nedelya/?ysclid=mdagvlfkdx56950305> (дата обращения: 15.10.2025).

⁸ См.: Законопроект № 638001-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638001-8> (дата обращения: 16.10.2025).

⁹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 03.02.2021.

¹⁰ См.: Заключение на проект федерального закона № 638001-8 «О внесении изменения в статью 92 Трудового кодекса Российской Федерации» (первое чтение) <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638001-8> (дата обращения: 16.10.2025).

обязательным для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, их применение малым и микробизнесом при отсутствии у них специалистов в области охраны труда существенно затруднено. При этом работа в условиях, отклоняющихся от нормальных, оказывает негативное влияние на организм работников. Следовательно, время, проведенное работниками в таких условиях, должно отличаться от времени работников, осуществляющих трудовую деятельность в оптимальных и допустимых условиях труда. В связи с этим в целях предупреждения причинения вреда жизни и здоровью продолжительность как рабочего времени, так и времени отдыха работников должна находиться в прямой зависимости от условий труда на рабочем месте¹, в частности от температурного режима.

Следует подчеркнуть, что нормы рабочего времени следует пересмотреть и внести изменения с учетом складывающейся практики переработки, а также условий труда на рабочем месте, так как это позволит сохранить безопасность труда работников.

По мнению В.Ф. Потуданской и А.В. Батуевой, «в современных условиях сокращение продолжительности рабочей недели... неоправданно, речь должна идти, скорее, об эффективном использовании законодательно установленного рабочего времени»². Другими словами, устанавливая рабочее время, работодатель должен прежде всего сам его соблюдать, не допуская увеличения его продолжительности и не привлекая работников к выполнению трудовых функций за пределами рабочего времени, то есть к сверхурочной работе. Тем не менее анализ судебной практики демонстрирует злостное нарушение работодателем норм, касающихся продолжительности рабочего времени и времени отдыха. Например, при расследовании несчастного случая на производстве, который произошел с работником С., были выявлены следующие причины произошедшего: во-первых, работник непрерывно выполнял свои обязанности в течение пяти недель без выходных дней; во-вторых, он был допущен к выполнению трудовых функций без предварительного прохождения обязательного медицинского осмотра, что противоречит ст. 76, 213 Трудового кодекса РФ³.

Безусловно, подобные нарушения норм трудового законодательства негативно влияют на обеспечение безопасности труда работников, а следовательно, на их здоровье.

Выводы

Рабочее время и время отдыха являются элементами безопасности труда. Продолжительность рабочего времени, предусмотренная трудовым законодательством, минимизирует такие негативные факторы, как выгорание, профессиональные заболевания, а также преждевременная смертность от повышенного объема работы. Кроме того, у работника появляется возможность проводить больше времени с семьей, уделять внимание личной жизни, что способствует улучшению демографической ситуации в стране. Забота о здоровье и безопасности работников и юридическая грамотность работодателя позволят сохранить баланс рабочего времени и времени отдыха. Знание негативных последствий для работников систематических переработок и их влияния на здоровье позволит работодателю строго соблюдать нормы трудового законодательства.

Вместе с тем следует отметить, что нарушения, допускаемые работодателем в отношении продолжительности рабочего времени и времени отдыха, это не всегда осознанные действия с его стороны. В условиях динамично изменяющегося трудового законодательства стороны трудовых отношений (то есть речь в данном случае идет не только о работнике, но и о работодателе) порой не успевают отслеживать подобные изменения, что потенциально создает основу для нарушений.

По мнению Ю.В. Иванчиной, правовая информированность – это одно из условий предотвращения правонарушений. Говоря о правовой информированности, полагает ученый, следует обратить внимание на ресурсы, имеющиеся на портале Роструда «Онлайнинспекция.рф», которые призваны помочь сторонам трудовых отношений получить полную, достоверную и актуальную информацию о льготах и гарантиях, полагающихся работникам в области рабочего времени и времени отдыха, особенно в условиях активных преобразований действующего законодательства⁴.

Следуя рекомендациям МОТ, целесообразно в тех организациях, работа в которых не связана с жизнеобеспечением страны и где имеется такая возможность, частично переводить работников на дистанционный режим работы (например, из пяти рабочих дней два дня дистанционно, три – на рабочем месте)⁵.

Совершенствование регулирования рабочего времени и времени отдыха (анализ действующего законодательства, внесенных в него изменений, касающихся урегулирования рабочего времени) позволит повысить уровень защищенности работников, и, как следствие, будет достигнута одна из главных целей государственной политики – народосбережение, а также развитие страны в целом.

Работник – один из основных субъектов трудового права, и от того, какими условиями труда он будет обеспечен, зависит не только состояние его защищенности в процессе исполнения трудовых обязанностей, но и качество его жизни, гармония в семейных отношениях, что отвечает современной направленности политики государства на улучшение демографической ситуации и сбережение традиционных ценностей. А это все обуславливает безопасность труда работника.

¹ См.: Иванчина Ю.В., Истомина Е.В. Жизнь и здоровье работников: защита временем как надежный способ профилактики развития профессиональных заболеваний работников // Право.by. 2025. № 3. С. 40.

² Потуданская В.Ф., Батуева А.В. Продолжительность рабочего времени: отечественный и зарубежный опыт // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 2 (35). С. 59–65. URL: <https://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/235/article-235-1611.pdf>

³ См. подробнее: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июля 2024 г. № 88-КГ24-6-К8 (УИД 70RS0010-01-2022-001128-60) // СПС «Гарант».

⁴ См.: Иванчина Ю.В. Сервисы на портале «Онлайнинспекция.рф» для урегулирования разногласий между работниками и работодателями // Кадровик. 2025. № 11. С. 80.

⁵ См. подробнее: Рабочее время и баланс между работой и личной жизнью во всем мире. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_864222/lang-en/index.htm (дата обращения: 14.10.2025).

Список литературы

1. Декрет СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне» // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 2. 30 окт.
2. История правового регулирования хозяйства и труда в СССР: учебное пособие: в 3 т. М.: Проспект, 2023. Т. 1. Хозяйство и труд в условиях становления социалистического общества. С. 550.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 29 сентября 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2025. № 40, ст. 5819.
4. По данным ВОЗ и МОТ, производственные факторы ежегодно уносят жизни двух миллионов человек // Совместный пресс-релиз Всемирной организации здравоохранения и Международной организации труда (Женева, 17 сентября 2021 г.). URL: <https://www.who.int/ru/news/item/16-09-2021-who-ilo-almost-2-million-people-die-from-work-related-causes-each-year> (дата обращения: 10.10.2025).
5. Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики. 2024. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 10.10.2025).
6. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам (6 июня 2025 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77115> (дата обращения: 11.10.2025).
7. Неправильный график работы привел в колонию // Сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8180707> (дата обращения: 11.10.2025).
8. Реализация трудовых прав: примеры. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/about/topics/labour> (дата обращения: 12.10.2025).
9. Рабочее время и баланс между работой и личной жизнью во всем мире. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_864222/lang-en/index.htm (дата обращения: 14.10.2025).
10. Четырехдневная рабочая неделя в России в 2025 году // Сайт газеты «Комсомольская правда». URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/lichnye-finansy/chetyrekhdnevnyaya-rabochaya-nedelya/?ysclid=mdagvlfkdx56950305> (дата обращения: 15.10.2025).
11. Законопроект № 638001-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638001-8> (дата обращения: 16.10.2025).
12. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 2 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» (вместе с «СанПиН 1.2.3685-21. Санитарные правила и нормы...») (в ред. от 17 марта 2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 03.02.2021.
13. Заключение на проект федерального закона № 638001-8 «О внесении изменения в статью 92 Трудового кодекса Российской Федерации» (первое чтение) <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638001-8> (дата обращения: 16.10.2025).
14. Иванчина Ю.В., Истомина Е.В. Жизнь и здоровье работников: защита временем как надежный способ профилактики развития профессиональных заболеваний работников // Право.by. 2025. № 3. С. 40.
15. Потуданская В.Ф., Батуева А.В. Продолжительность рабочего времени: отечественный и зарубежный опыт // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 2 (35). С. 59–65. URL: <https://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/235/article-235-1611.pdf>
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июля 2024 г. № 88-КГ24-6-К8 (УИД 70RS0010-01-2022-001128-60) // СПС «Гарант».
17. Иванчина Ю.В. Сервисы на портале «Онлайнинспекция.рф» для урегулирования разногласий между работниками и работодателями // Кадровик. 2025. № 11. С. 77–86.
18. Рабочее время и баланс между работой и личной жизнью во всем мире. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_864222/lang-en/index.htm (дата обращения: 14.10.2025).
19. Сергеев Ю.С. Конституционно-правовая политика в сфере защиты трудовых прав граждан // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 1. С. 21–26. DOI 10.18522/2313-6138-2023-10-1-2. EDN DNIYIO.

References

1. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 29, 1917, "On the Eight-Hour Workday" // Newspaper of the Provisional Workers' and Peasants' Government. 1917. No. 2. October 30.
2. History of Legal Regulation of Economy and Labor in the USSR: A Textbook: in 3 volumes. Vol. 1. Economy and Labor in the Conditions of the Formation of a Socialist Society. Moscow: Prospect, 2023. P. 550.
3. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on April 7, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1, Part 1, Art. 3.
4. According to the WHO and ILO, production factors claim the lives of two million people annually // Joint press release of the World Health Organization and the International Labour Organization (Geneva, 17 September 2021). URL: <https://www.who.int/ru/news/item/16-09-2021-who-ilo-almost-2-million-people-die-from-work-related-causes-each-year> (accessed: 11.10.2025).
5. Labor force, employment and unemployment in Russia. Federal State Statistics Service. 2024. P. 114 http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (accessed: 11.10.2025).
6. Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects (6 June 2025). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77115> (accessed: 11.10.2025).
7. An incorrect work schedule led to prison <https://www.kommersant.ru/doc/8180707> (accessed: 11.10.2025).
8. Implementation of labor rights: examples. URL: <https://www.ungeneva.org/ru/about/topics/labour> (accessed: 12.10.2025).
9. Working hours and work-life balance around the world. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_864222/lang-en/index.htm (accessed: 14.10.2025).
10. A four-day workweek in Russia in 2025 // Website of the Komsomolskaya Pravda newspaper. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/lichnye-finansy/chetyrekhdnevnyaya-rabochaya-nedelya/?ysclid=mdagvlfkdx56950305> (accessed: 15.10.2025).
11. Bill No. 638001-8 // System for Ensuring Legislative Activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638001-8> (accessed: 16.10.2025).
12. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of January 28, 2021 No. 2 (as amended on March 17, 2025) "On approval of sanitary rules and regulations SanPiN 1.2.3685-21 "Hygienic standards and requirements for ensuring the safety and (or) harmlessness of environmental factors for humans" (together with "SanPiN 1.2.3685-21. Sanitary rules and regulations...") // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>, 03.02.2021.
13. Conclusion on draft federal law No. 638001-8 "On amending Article 92 of the Labor Code" Code of the Russian Federation" (first reading) <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638001-8> (date of access 16.10.2025)
14. Ivanchina Yu.V., Istomina E.V. Life and health of workers: time protection as a reliable way to prevent the development of occupational diseases of workers // Pravo.by. 2025. No. 3. P. 40.
15. Potudanskaya V.F., Batueva A.V. Duration of working hours: domestic and foreign experience // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2016. No. 2 (35). P. 59–65. URL: <https://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/235/article-235-1611.pdf>
16. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 22, 2024, No. 88-KG24-6-K8 (UID 70RS0010-01-2022-001128-60) // SPS "Garant".
17. Ivanchina Yu.V. Services on the Onlineinspection.rf portal for resolving disagreements between employees and employers // Kadrovik. 2025. No. 11. Pp. 77–86.
18. Working Hours and Work-Life Balance Around the World. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_864222/lang-en/index.htm (accessed: 14.10.2025).
19. Sergienko Yu.S. Constitutional and Legal Policy in the Sphere of Labor Rights Protection citizens // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2023. Vol. 10, No. 1. P. 21–26. DOI 10.18522/2313-6138-2023-10-1-2. EDN DNIYIO.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1068

УДК 346.1

ОСНОВНЫЕ НЕДОСТАТКИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ И ИХ ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ THE MAIN SHORTCOMINGS OF TAX ADMINISTRATION IN THE DIGITAL AGE AND THEIR INTERDEPENDENCE

МУЛЬКО Даниил Олегович

Аспирант, кафедра правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет),
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, д.1, с.13, г. Москва, 119234, Российская Федерация
AuthorID: 1231240

E-mail: herodanko@gmail.com

MULKO Daniil Olegovich

PhD student Department of Legal Disciplines of the Higher School of Public Audit (Faculty),
Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, Building 13, Moscow, 119234, Russian Federation
AuthorID: 1231240

E-mail: herodanko@gmail.com

Краткая аннотация. С 2019 года Федеральная Налоговая Служба Российской Федерации поставила перед собой цель осуществить цифровое преобразование. Указанное преобразование является несомненным благом, поскольку позволяет оптимизировать и, как следствие, облегчить налоговое администрирование для всех сторон правоотношений, возникающих в ходе его осуществления. Вместе с этим достаточно часто отмечается наличие ряда недостатков в цифровой трансформации не только налогового, но и государственного администрирования в целом. Автор данной статьи анализирует происхождение и последствия возникновения и проявления наиболее релевантных проблем цифрового налогового администрирования, а также проводит их классификацию для выявления наиболее острых проблем, обобщения причин их возникновения. В результате проведенной классификации возможно выявить наиболее существенные недостатки, а также на основе анализа их причин предложить пути решения, или, по крайней мере, минимизации последствий реализации таких недостатков.

Abstract. Since 2019, the Federal Tax Service of the Russian Federation has set the goal of undertaking digital transformation. This transformation is undoubtedly beneficial, as it enables optimization and, consequently, simplification of tax administration for all parties involved in related legal relations. At the same time, there are frequently noted a number of shortcomings in the digital transformation not only of the tax system but also of public administration as a whole. The author of this article analyzes the origin and consequences of the most relevant problems arising from and manifesting in digital tax administration, as well as carries out their classification to identify the most acute issues and summarize the causes of their occurrence. As a result of this classification, it is possible to identify the most significant shortcomings and, based on an analysis of their causes, propose ways to resolve or at least mitigate the consequences of such shortcomings.

Ключевые слова. Эффективность налогового администрирования, цифровая трансформация, технический сбой, риск-ориентированный подход, общедминистративный.

Keywords. Tax administration efficiency, digital transformation, technical failure, risk-oriented approach, general administration.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Как известно, шотландский экономист и один из основателей экономической науки Адам Смит выделял четыре принципа – максимы – налогообложения: принцип справедливости (равномерности), принцип определенности (известности), принцип удобства и принцип эффективности [9, 226]. Данные принципы лежат в основе налоговых систем большинства современных развитых стран. Так, например, мы находим отражение принципов справедливости и определенности уже в статье 3 НК РФ. Принцип же удобства, как представляется, является не столько обязательным требованием, предъявляемым к законодателю при введении нового налога, сколько ориентиром, идеалом, который практически недостижим, но заслуживает того, чтобы к нему стремиться, в связи с чем он необязательно закрепляется в позитивном праве.

Подобно принципу удобства обстоят дела и с принципом эффективности. Принцип эффективности, который может быть также назван принципом экономности, выступает ориентиром для государства при установлении новых налогов и сборов. Принцип эффективности налогообложения заключается не только в том, что государство должно наиболее эффективно использовать регулирующую функцию налогообложения, но и в том, что издержки государства на взимание налогов должны быть минимальными в сравнении с налоговыми доходами бюджета.

Как представляется, стремление финансовых ведомств Российской Федерации осуществить максимальную цифровизацию налогового администрирования вызвано исключительно следованием принципу эффективности. Нельзя не упомянуть и то обстоятельство, что цифровизация государственного управления во многом является и следствием цифровизации экономических отношений. Как указывает Организация экономического сотрудничества и развития, «цифровая экономика всё больше становится экономикой как таковой, что усложняет или даже делает невозможным её выделение для целей налогообложения» [13]. Вместе с этим, как это всегда происходит при реформировании той или иной части общественной жизни или государственного управления ею, при попытках государства изменить формы администрирования налогов и сборов неминуемо возникают различные проблемы и недостатки.

Проблемы цифровизации налогообложения, как демонстрируется далее, неоднократно становились предметом исследования ученых, и по результатам такого анализа было обнаружено и описано достаточно значительное количество таких проблем. В этой связи представляется необходимым осуществить определенную их систематизацию, которая помогла бы более точно идентифицировать причины возникновения соответствующих проблем и недостатков, с тем, чтобы в дальнейшем с большей достоверностью возможно было представить возможные пути их

решения. Таким образом, перед нами стоит цель классификации основных, выделяемых в доктрине недостатков цифровой трансформации налогового администрирования, и объектом исследования выступают указанные недостатки в их взаимосвязи. Новизна же заключается в том, что далее мы предпринимаем попытку анализа и систематизации указанных недостатков исходя из причин их возникновения, что, как представляется, позволит выработать подход к их решению или же, как минимум, минимизации.

Исходя из этого, полагаем, что в политико-правовых реалиях Российской Федерации возможно выделить две группы указанных проблем, которые мы предлагаем обозначить как общеадминистративные проблемы и проблемы собственно налоговые.

Под первыми мы предлагаем понимать те аспекты, которые в том или ином виде свойственны не только сфере налогового администрирования, но и иным, поскольку основание таких проблем находится за пределами собственно налоговой политики. Второй вид проблем, как следует из его названия, существует исключительно в связи с цифровизацией налогового администрирования.

Более понятной предлагаемая классификация станет после экзemplификации. Таким образом, предлагаем обратиться к первой группе проблем, возникающих за пределами собственно налогового администрирования, но влияющих и на него. Так, в существенной части государственный (муниципальный) контроль и надзор в Российской Федерации основывается на риск-ориентированном подходе, предусматривающем подразделение подконтрольных субъектов или объектов на определенное количество групп в соответствии с категорией риска, присваиваемой таким субъектам [1]. Аналогичным образом риск-ориентированный подход применяется и в рамках налогового контроля – так, система управления рисками «СУР АСК НДС-2» в автоматическом режиме распределяет налогоплательщиков-организаций по трём группам риска на основании предоставленных такими налогоплательщиками деклараций по налогу на добавленную стоимость [2]. При этом, налогоплательщики, как правило, не имеют ни доступа к системам, осуществляющим группировку по рискам, ни понимания того, как эти системы работают, из-за чего возникают налоговые споры. Как обращают внимание исследователи, анализирующие соответствующую статистику, увеличение налоговых поступлений, если оно наблюдается, обеспечивается прежде всего за счет улучшения администрирования [8, 42]. Это предопределяется общей проблемой российской системы риск-ориентированного контроля, на которую также уже обращали внимание исследователи [10, 58]. Эта проблема выражается в том, что названная система, говоря словами Таласова К.А., «избыточно смещена в сторону охранительной функции и это смещение выражается в правовой неопределенности для подконтрольных лиц и сохранении широкой дискреции у контролирующих органов».

Таким образом, как видно, проблема, свойственная всей системе риск-ориентированного подхода, распространяется и на риск-ориентированный подход в рамках налогового контроля. С цифровой трансформацией эта проблема связана постольку, поскольку именно цифровая трансформация позволяет наиболее широко применять риск-ориентированный подход. В связи с этим мы относим указанную проблему в группу проблем, возникающих за пределами собственно налогового администрирования.

Краеугольной, непосредственно связанной с каждой из описываемых нами является неизбежно возникающая проблема технических сбоев. Мы также вернемся к ней в контексте рассмотрения проблемы отставания правового регулирования от де-факто складывающихся общественных отношений. Вместе с этим, полагаем, что в случае, если бы при применении цифровых технологий не возникало сбоев или технических ошибок, остальные указанные нами проблемы также были бы нивелированы. Проблема отсутствия доступа и понимания функционирования программных комплексов у налогоплательщика была бы нивелирована безошибочностью работы таких комплексов, проблема смещения риск-ориентированной модели в сторону охранительной функции также не имела бы такого большого значения, как и проблема отставания правового регулирования от соответствующих фактических общественных отношений, которая будет рассмотрена далее. Вместе с этим и каждый из авторов, на труды которых мы ссылаемся, также обращал внимание на важнейший и неизбежный, как было сказано, недостаток в виде технических сбоев в работе используемых налоговыми – и другими – органами программных комплексов. При этом, на что также обращается внимание в литературе, применение цифровых технологий приводит лишь к увеличению количества контрольных мероприятий, а увеличение их количества, как также несложно понять, по теории вероятности приводит и к увеличению количества технических сбоев и ошибок в работе программных комплексов [11, 47]. И поскольку данная проблема на настоящем этапе представляется нерешаемой (так как технические сбои являются непременным следствием применения технически сложных систем и устройств), полагаем, что её последствия можно минимизировать посредством борьбы с другими недостатками. Главным образом представляется необходимым совершенствование правового регулирования посредством включения в налоговое законодательство соответствующих категорий, связанных с несовершенством работы программных комплексов, что также уже не раз предлагалось в литературе [6, 27].

Вместе с этим проблему технических сбоев мы относим к общеадминистративным проблемам, поскольку, как было указано, она онтологически проистекает из самого факта использования цифровых технологий, и полноценное её решение находится за гранью юриспруденции, в дискреции специалистов в области информационных технологий, а юристы в данном случае могут лишь предлагать способы компенсации (но не полного предотвращения) того ущерба, который причиняется сторонам соответствующих правоотношений вследствие технических сбоев.

Также, как видно, в обоих случаях преобладает следование принципу эффективности налогообложения в ущерб принципу определенности. Указанное выражается в том, что попытки оптимизировать процесс сбора налогов и сборов в обоих описанных нами случаях не сопровождаются обеспечением определенности для налогоплательщика в вопросах понимания механизмов работы применяемых налоговыми органами программных комплексов и обеспечением правовых гарантий соответствующих компенсаций в случае, если налогоплательщик столкнется с последствиями ошибок и сбоев в работе применяемых налоговыми органами программных комплексов.

Таким образом, дисбаланс принципов налогообложения приводит к дисбалансу частных и публичных интересов. Также указанные общеадминистративные, как мы их охарактеризовали, проблемы очень тесно взаимосвязаны с проблемами собственно налогового администриро-

вания, речь о которых пойдет далее.

Налоговые органы и налогоплательщики постоянно взаимодействуют. Как обращали внимание исследователи, действующее законодательство о налогах и сборах выражает тенденцию смены приоритетных способов коммуникации налогоплательщиков и налоговых органов – так в перспективе предлагается отдать преимущество электронной форме сообщения информации через личный кабинет налогоплательщика вместо бумажной, причем, как в случае с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, так и в случае с физическими лицами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность [7, 133]. Нетрудно понять, что установление электронного способа взаимодействия в качестве единственно возможного, в сущности, является вменением налогоплательщику обязанности использовать информационно-телекоммуникационные технологии. И, хотя зона покрытия сотовой связью в Российской Федерации, разумеется, лишь увеличивается [12], нам, тем не менее, кажется преждевременным вменение использования цифровых технологий всем гражданам.

Другой проблемой, относящейся к той же группе, как представляется, можно назвать отставание правового регулирования от де-факто существующих или складывающихся общественных отношений. Как известно, специфика финансового и, в частности, налогового правового регулирования заключается в том, что соответствующие общественные отношения возникают не до, а после установления государством соответствующих норм и правил. То есть, вначале государство указывает на то, как и какие платежи в его, государства, пользу следует осуществлять его гражданам или подданным, а потом налогоплательщики и осуществляют соответствующие платежи. При этом, применительно к развитию применения в налоговом администрировании новых цифровых технологий можно заметить, что введение таких новых технологий далеко не всегда сопровождалось введением надлежащего правового обеспечения. Это выражалось в отсутствии в НК РФ специальных норм, обеспечивающих баланс интересов частных и публичных субъектов в связи с применением новых технологий. По мнению И.И. Кучерова и Н.А. Поветкиной, данная проблема обуславливалась прежде всего, во-первых, различиями в темпах развития законодательства информационного (особенно в части персональных данных) и законодательства о налогах и сборах, и, во-вторых, замедленностью процедуры внесения изменений в законодательство о налогах и сборах в сравнении с другими отраслями законодательства [7, 136], что, конечно же, также является одним из механизмов обеспечения баланса частных и публичных интересов.

Указанные авторы, вместе с тем, говорят об этой проблеме применительно к ранее вводимым проектам, предусматривавшим изменение форм налогового администрирования в том или ином виде. Однако, как представляется, данная проблематика не утратила своего значения и в настоящий момент, когда применение соответствующих технологий в сфере налогового администрирования достигает своего пика. Наиболее существенна она в настоящий момент в аспекте отсутствия гарантий налогоплательщика в случаях возникновения или допущения ошибок в работе программных комплексов, применяемых налоговыми органами. Поскольку сегодня «технический сбой» или «ошибка информационной системы» являются объективно существующими фактами, влекущими юридические последствия (в виде доначислений [3], отказов в предоставлении льгот или субсидий [4], если условием предоставления последних является отсутствие у получателя задолженности по налогам и сборам), то возможно говорить об определенном изменении правоспособности как налоговых органов, так и налогоплательщиков. В данном случае имеется в виду то, что в правоспособность налогоплательщика включается право на признание ошибок в работе программных комплексов налоговых органов в качестве обстоятельства, исключающего или смягчающего налоговую ответственность, а правоспособность налоговых органов дополняется ответственностью за возникающие ошибки в работе программных комплексов. Отметим также, что модель такой ответственности – это несколько другой вопрос, и высказываются самые разные предложения о том, каким образом данная ответственность может быть реализована.

Тем не менее, о выделении таких прав и ответственности де-факто можно говорить ввиду того, что в рамках судебных разбирательств, на которые мы ссылались выше, суды склонны принимать решение об удовлетворении или отказе в удовлетворении иска исходя из понимания названных обстоятельств как неразрывно связанных с деятельностью налоговых органов и их взаимодействием с налогоплательщиком.

При этом законодательством о налогах и сборах в настоящий момент не предусматривается каких-либо положений об указанных изменениях в правоспособности названных участников налоговых правоотношений. Ввиду этого возникает противоречащая основам финансового законодательства ситуация, когда общественные отношения, возникающие в связи с взиманием налогов с применением цифровых технологий, перестают быть правоотношениями, а являются именно что просто общественными отношениями.

Следует отметить, что наличие всех описанных недостатков имеет не только свои причины, обусловленные как налоговой, так и общей политико-правовой спецификой, но и последствия, выражающиеся уже в исключительно налоговой сфере. Одним из таких последствий является снижение интереса и доверия налогоплательщика к налоговым органам и программным комплексам, которые применяют последние в связи со столкновением с техническими ошибками в работе таких программных комплексов [5, 10].

Вместе с этим заслуживает упоминания и проблема увеличения расходов бюджета в связи с техническими ошибками в работе программных комплексов налоговых органов. Решения судов, на которые мы ссылались, выносились по итогам рассмотрения дел, в которых налогоплательщики сумели доказать несправедливость и необоснованность вменяемых им налоговыми органами правонарушений, основанных главным образом на выводах, полученных в результате работы программных комплексов. Победа налогоплательщика означает взыскание – как минимум – судебных расходов с налогового органа, в результате чего не только не увеличиваются налоговые доходы бюджета, но и возрастают его расходы.

Таким образом, нами были рассмотрены и разделены на две категории основные проблемы, возникающие в связи с цифровизацией налогового администрирования. К проблемам общего характера, проистекающим не из налогового-правовой сферы, мы относим проблему смеще-

ния акцента на охранительную функцию риск-ориентированной модели государственного контроля в Российской Федерации, а также неизбежность технических сбоев в работе программных комплексов в случае их применения. К проблемам, возникающим в связи с особенностями налогово-правовой сферы, как представляется, возможно отнести проблему отставания правового регулирования от де-факто сложившихся налоговых общественных отношений, а также проблему фактического вменения в обязанность налогоплательщика использования цифровых технологий и сети «Интернет» для уплаты налогов и сборов и обеспечения информационного взаимодействия с налоговыми органами.

При этом, такая классификация позволяет сконцентрироваться на источниках возникновения каждой из названных проблем и, как следствие, выработать предложения по их минимизации. Исходя из того, что, как было продемонстрировано, проблема технических сбоев является имманентной, поскольку онтологически проистекает из факта использования программных комплексов (поэтому она и отнесена к общеадминистративным), в настоящий момент её не представляется возможным решить. Вместе с этим возможна минимизация последствий её реализации: такая минимизация осуществима за счет решения других описанных нами проблем – особенно тех, что были отнесены в группу собственно налоговых проблем цифровой трансформации.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 N 806 "О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" – СЗ РФ – 2016 – ст.5326
2. <Письмо> ФНС России от 03.06.2016 N ЕД-4-15/9933@ "Об оценке признаков риска СУР"// Документ опубликован не был
3. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 30.08.2021 г. по делу № А78-10549/2020. Доступ из системы kad.arbitr URL: [https://kad.arbitr.ru/Card/07783b22-1dcb-46be-8fdc-86501fb0ff6a] (дата обращения: 03.10.2025)
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.12.2021 г. по делу № А56-10882/2021 Доступ из системы kad.arbitr URL: [https://kad.arbitr.ru/Card/da518505-e352-468c-ac55-06b4c421061d] (дата обращения: 03.10.2025)
5. Домов Р.Г. Цифровизация взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками: проблемный комментарий к статье 11.2 Налогового кодекса РФ// *Налоги*. 2020. № 1. С.10-14
6. Крохина Ю.А. Ошибки цифровых технологий в налоговом контроле: юридические последствия для бюджетной системы. *Финансовое право*, 2022, №9
7. Кучеров И.И., Поветкина Н.А. «Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее: монография», «ИЗиСП», «Юриспруденция», 2022, 272 с.
8. Поветкина Н.А. «Цифровые» права налогоплательщика/ Н.А. Поветкина, А.А. Копина// *Налоги*. 2020. №5, С.40-44, С.42
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Пер. с англ. М.: Эксмо; 2016. 1056 с.
10. Таласов К.А. Правовые проблемы российской Концепции риск-ориентированного подхода в налоговой сфере// *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 4, с 55-61
11. Шаститко А.Е., Морозов А.Н. Амбивалентность цифровой трансформации в налоговом администрировании. *Закон*, 2021, №4
12. Публикация на официальном сайте ИА «Известия» «В России увеличилась зона покрытия сотовой связью» URL: [https://iz.ru/1635072/valerii-kodachigov/karta-bity-v-rossii-vyrosla-zona-pokrytiia-sotovoi-svaziu] (дата обращения: 03.10.2025)
13. OECD (2015) Addressing the tax Challenges of the Digital Economy, Action 1 – 2015 Final Report, OECD/ G20 Base Erosion and profit Shifting Project, OECD Publishing, Paris. URL: [https://doi.org/ 10.1787/9789264241046-en] (дата обращения: 05.10.2025).

References:

1. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 806 dated August 17, 2016 "On the application of a risk-oriented approach in the organization of certain types of state control (supervision) and amendments to some acts of the Government of the Russian Federation" – Collection of Legislation of the Russian Federation – 2016 – Art. 5326.
2. Letter of the Federal Tax Service of Russia No. ЕД-4-15/9933@ dated June 03, 2016 "On the assessment of risk indicators of the Unified Risk Management System (SUR)" // The document was not published.
3. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated August 30, 2021, case No. А78-10549/2020 Accessed via the kad.arbitr system URL: https://kad.arbitr.ru/Card/07783b22-1dcb-46be-8fdc-86501fb0ff6a (accessed October 3, 2025).
4. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated December 15, 2021, case No. А56-10882/2021 Accessed via the kad.arbitr system URL: https://kad.arbitr.ru/Card/da518505-e352-468c-ac55-06b4c421061d (accessed October 3, 2025).
5. Domov R.G. Digitalization of Interaction between Tax Authorities and Taxpayers: A Problematic Commentary on Article 11.2 of the Tax Code of the Russian Federation. *Nalogi*, 2020, No. 1, pp. 10-14.
6. Krokhina Yu.A. Errors of Digital Technologies in Tax Control: Legal Consequences for the Budgetary System. *Financial Law*, 2022, No. 9.
7. Kuchero I.I., Povetkina N.A. Digital Essence of Financial Law: Past, Present, Future: Monograph. *IZISP, Jurisprudence*, 2022, 272 p.
8. Povetkina N.A., Kopina A.A. "Digital" Rights of the Taxpayer. *Nalogi*, 2020, No. 5, pp. 40-44, p. 42.
9. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Translated from English. Moscow: Eksmo; 2016. 1056 p.
10. Talasov K.A. Legal Issues of the Russian Concept of the Risk-Oriented Approach in the Tax Sphere. *Current Issues of Russian Law*, 2019, No. 4, pp. 55-61.
11. Shastitko A.E., Morozov A.N. Ambivalence of Digital Transformation in Tax Administration. *Law*, 2021, No. 4.
12. Publication on the official website of IA Izvestia "The cellular coverage area in Russia increased". URL: https://iz.ru/1635072/valerii-kodachigov/karta-bity-v-rossii-vyrosla-zona-pokrytiia-sotovoi-svaziu (accessed October 3, 2025).
13. OECD (2015). Addressing the Tax Challenges of the Digital Economy, Action 1 – 2015 Final Report, OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, OECD Publishing, Paris. URL: https://doi.org/10.1787/9789264241046-en (accessed October 5, 2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1072

УДК 342.84:004

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ REMOTE ELECTRONIC VOTING IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL FRAMEWORK AND DEVELOPMENT PROSPECTS

МОРОЗОВ Виталий Евгеньевич

старший преподаватель, высшая школа публичного права,
Тихоокеанский государственный университет
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
myself007@mail.ru

КИРИЛЛОВ Николай Аркадьевич

студент, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
2023108038@togudv.ru

АВАКЯН Руссо Суренович

студент, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
2023100474@togudv.ru

MOROZOV Vitaliy E.

Senior Lecturer, Higher School of Public Law, Pacific National University
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
myself007@mail.ru

KIRILLOV Nikolay A.

student, Pacific National University (Khabarovsk)
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
2023108038@togudv.ru

AVAKYAN Russo S.

student, Pacific National University (Khabarovsk)
136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
2023100474@togudv.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются теоретико-правовые и организационные аспекты развития дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в Российской Федерации. Анализируются ключевые нормативные положения федерального законодательства, регулирующие проведение ДЭГ, а также практика его применения на выборах различного уровня. Особое внимание уделено преимуществам и рискам данного института в контексте обеспечения конституционных избирательных прав граждан. На основе сравнительно-правового анализа отечественного и зарубежного опыта сформулированы предложения по совершенствованию нормативного регулирования и технической организации ДЭГ.

Abstract: This article examines the theoretical, legal, and organizational aspects of the development of remote electronic voting (REV) in the Russian Federation. It analyzes key federal legislative provisions governing REV, as well as its practical application in elections at various levels. Particular attention is paid to the advantages and risks of this institution in the context of ensuring citizens' constitutional electoral rights. Based on a comparative legal analysis of domestic and international experience, proposals are formulated for improving the regulatory framework and technical organization of REV.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, избирательное право, цифровизация, выборы, кибербезопасность, электронная демократия.

Keywords: remote electronic voting, electoral law, digitalization, elections, cybersecurity, e-democracy.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В условиях стремительной цифровизации общества и растущего спроса на повышение прозрачности, доступности и эффективности избирательных процессов дистанционное электронное голосование (ДЭГ) становится всё более актуальным инструментом реализации избирательных прав граждан в Российской Федерации. За последние годы в России были предприняты значительные шаги по внедрению и масштабированию системы дистанционного электронного голосования — от пилотных проектов на региональном уровне до её применения на выборах федерального масштаба. Однако, несмотря на очевидные преимущества, такие как удобство для избирателей, сокращение расходов и ускорение подсчёта голосов, ДЭГ сталкивается с рядом правовых, технических и организационных проблем, вызывающих дискуссии в научном, экспертном и общественном сообществах.

Актуальность темы обусловлена необходимостью сбалансировать внедрение цифровых инноваций в избирательный процесс с обеспечением конституционных гарантий избирательных прав, а также требований к безопасности, конфиденциальности и достоверности голосования. В исследовании анализируются правовые основы дистанционного электронного голосования в Российской Федерации, действующие нормативно-правовые акты, выявляются пробелы и противоречия в законодательстве, а также обозначаются перспективы развития института ДЭГ с учётом как отечественного опыта, так и международных практик. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения законности, надёжности и доверия к результатам электронного голосования в условиях растущей цифровизации общества, когда защита тайны голосования и предотвращение внешнего вмешательства становятся одновременно и технической, и правовой задачей.

В последние годы цифровизация стала стратегическим направлением развития государственного управления в Российской Федерации. Государственные органы все чаще внедряют технологии, направленные на повышение прозрачности, эффективности и доступности административных процессов. Одним из наиболее заметных направлений цифровой трансформации является дистанционное электронное голосование (ДЭГ) — новая форма реализации избирательных прав граждан с использованием современных информационно-коммуникационных технологий [9, с.1390].

Развитие ДЭГ отражает общемировую тенденцию перехода демократических институтов в цифровое пространство. Однако, в отличие от традиционных реформ, затрагивающих процедуры голосования или подсчёта голосов, электронное голосование представляет собой качественно новый феномен, затрагивающий одновременно правовую, техническую и социальную плоскости.

Целью исследования является анализ правового регулирования и практики применения дистанционного электронного голосования в Российской Федерации, выявление проблемных аспектов и определение направлений его дальнейшего развития.

В Российской Федерации дистанционное электронное голосование (ДЭГ) представляет собой специальную процедуру реализации гражданами своего конституционного права избирать и быть избранными (статья 32 Конституции РФ), осуществляемую с использованием информационно-телекоммуникационных технологий без необходимости личного посещения помещений для голосования. ДЭГ характеризуется следующими признаками: использование специальной информационной системы, обеспечивающей автоматизированную обработку данных; идентификация участника через единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА); возможность голосования с любого устройства, имеющего доступ в интернет; обеспечение конфиденциальности волеизъявления криптографическими методами. Институт ДЭГ развивает гарантии доступности выборов, закреплённые в статье 3 Конституции РФ, позволяя реализовать избирательные права гражданам с ограниченной мобильностью, жителям отдалённых территорий и находящимся за пределами своего избирательного округа. При этом сохраняется конституционный баланс между внедрением цифровых инноваций и соблюдением основных принципов свободных выборов, поскольку ДЭГ должен обеспечивать равные условия для всех участников избирательного процесса, достоверность установления результатов волеизъявления и общественное доверие к институту выборов [1].

Дистанционное электронное голосование в российской правовой системе рассматривается как разновидность избирательных процедур, основанных на применении цифровых технологий. Согласно Федеральному закону № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ДЭГ — это форма голосования, при которой избиратель имеет возможность проголосовать вне помещения для голосования посредством сети Интернет [3].

Главное отличие ДЭГ от других форм голосования заключается в способе реализации избирательного права — оно осуществляется с использованием государственных информационных систем, в частности, Единого портала государственных и муниципальных услуг («Госуслуги»), что обеспечивает идентификацию личности и учёт поданных голосов [4].

Исторически становление института ДЭГ в России проходило поэтапно. Первые пилотные проекты были реализованы в 2012–2014 годах на уровне муниципальных выборов. Последующий этап, начиная с 2019 года, характеризуется активным участием Центральной избирательной комиссии в разработке технологических стандартов и правового регулирования [7]. Наибольшее развитие система получила в 2020 году при проведении голосования по внесению поправок в Конституцию РФ, а также на выборах депутатов Московской городской Думы [5].

Международный опыт показывает, что внедрение ДЭГ имеет значительный потенциал, но требует строгого соблюдения принципов прозрачности и независимого контроля. Наиболее успешным примером считается Эстония, где электронное голосование функционирует с 2005 года и признано одним из самых надёжных в Европе. Швейцария и Канада также проводили эксперименты, однако ограничили использование ДЭГ из-за рисков безопасности [11, с. 489].

Мировая практика демонстрирует, что дистанционное электронное голосование (ДЭГ) активно развивается во многих странах, стремящихся повысить доступность и прозрачность избирательного процесса. Однако опыт внедрения ДЭГ за рубежом показывает, что технологические решения должны сопровождаться чёткой правовой регламентацией, многоуровневым контролем и прозрачностью процедур, без чего система не способна обеспечить доверие общества к результатам выборов.

Наиболее успешным примером внедрения электронного голосования считается Эстония, где данная система используется с 2005 года. Электронное голосование проводится на основе цифровых удостоверений личности (ID-карт), которые позволяют не только идентифицировать избирателя, но и подписывать голос с использованием электронной подписи. Особенностью эстонской модели является возможность многократного голосования — избиратель может изменить свой выбор до закрытия участков, при этом в итоговом подсчёте учитывается только последний поданный электронный бюллетень. Это повышает уровень доверия, поскольку гражданин сохраняет контроль над своим выбором.

Система прошла несколько независимых аудитов и проверок безопасности, результаты которых публикуются в открытом доступе. Согласно данным Национальной избирательной комиссии Эстонии, доля электронных голосов в 2023 году превысила 50 % от общего числа избирателей.

Другие европейские государства внедряли ДЭГ в экспериментальном порядке. Так, Швейцария в 2000–2019 гг. проводила пилотные электронные голосования на федеральных и кантональных выборах, однако впоследствии проект был приостановлен из-за выявленных уязвимостей в системе шифрования. Аналогичная ситуация наблюдалась в Норвегии: после тестирования в 2011–2013 гг. правительство отказалось от использования ДЭГ, сославшись на недостаточный уровень общественного доверия.

В Канаде электронное голосование применяется на муниципальном уровне в ряде провинций, а в США используются электронные машины для подсчёта голосов, однако дистанционное интернет-голосование практически не применяется по соображениям безопасности.

Опыт зарубежных государств позволяет сделать вывод, что успешное функционирование ДЭГ возможно при сочетании трёх ключевых факторов: правовой определённости процедур и статуса электронного бюллетеня, технологической защищённости систем голосования, прозрачность и общественный контроль на всех этапах избирательного процесса.

Особое внимание заслуживает вопрос контроля и проверки результатов электронного голосования. В зарубежной практике существует несколько подходов к обеспечению прозрачности.

В Эстонии реализован механизм верификации голоса: избиратель может при помощи специального мобильного приложения проверить, что его голос учтён именно в том виде, в котором он был подан. В некоторых странах применяется принцип открытого исходного кода программного обеспечения, что позволяет независимым экспертам анализировать систему на предмет уязвимостей и вмешательств.

В российской практике, напротив, проблема общественного контроля остаётся одной из наиболее обсуждаемых. Действующее законодательство и регламенты ЦИК РФ предусматривают технический надзор за системой ДЭГ, но фактически участие независимых наблюдателей в процессе расшифровки и подсчёта голосов ограничено. Доступ к исходным кодам и криптографическим ключам имеют только разработчики и операторы системы, что снижает прозрачность итогов голосования. Разрабатываются механизмы блокчейн-верификации и независимого технического аудита, а также формируется институт общественных наблюдателей при ЦИК РФ, имеющих расширенные полномочия по контролю за процедурой ДЭГ.

Вместе с тем, полноценное доверие к системе может быть достигнуто лишь при обеспечении многоуровневого контроля: технического, юридического и общественного. Важно внедрить нормативные требования к открытости алгоритмов шифрования, к публикации технических отчётов и аудитов, а также к обязательному присутствию представителей независимых наблюдательных организаций при всех ключевых этапах процедуры — от регистрации избирателей до публикации итогов.

Таким образом, зарубежный опыт показывает, что дистанционное электронное голосование способно эффективно функционировать только при условии сочетания правовой прозрачности, технологической надёжности и общественного контроля. Российская модель ДЭГ постепенно движется в этом направлении, однако для достижения международных стандартов требуется дальнейшая правовая детализация, институционализация независимого аудита и формирование культуры цифрового доверия в обществе.

Практика применения дистанционного электронного голосования в России демонстрирует постепенный переход от экспериментальных форм к полноценной интеграции в избирательный процесс. Период 2012–2019 гг. стал временем апробации технологий и проверки готовности инфраструктуры. Уже в 2020 году ДЭГ было применено на выборах разного уровня в Москве, Нижегородской области и других регионах [8, с. 40].

Результаты показали, что ДЭГ способствует увеличению явки среди молодёжи и граждан, проживающих за пределами своих регионов. В то же время были зафиксированы технические проблемы, связанные с высокой нагрузкой на серверы, а также отдельные случаи затруднений при авторизации пользователей.

В 2023 году система была модернизирована: внедрена технология распределённого хранения данных и двухуровневой криптографической защиты бюллетеней. Согласно официальным данным, количество технических сбоев снизилось почти вдвое, а общее число участников ДЭГ превысило 3,5 млн человек. Несмотря на положительные тенденции, остаются нерешёнными вопросы общественного контроля и проверки итогов голосования. Общественные наблюдатели не имеют прямого доступа к программному обеспечению, а процесс расшифровки голосов контролируется ограниченным кругом технических специалистов.

Таким образом, практика показывает устойчивый рост популярности дистанционного голосования, но требует дальнейшего совершенствования процедур прозрачности и обеспечения доверия избирателей.

Внедрение дистанционного электронного голосования демонстрирует значительный положительный эффект, подтверждаемый объективными статистическими показателями. Наиболее наглядно это проявляется в существенном росте электоральной активности, что иллюстрируется примером муниципальных выборов в Москве 2022 года, где явка достигла 33,9%, превысив более чем в два раза аналогичный показатель 2017 года. Ключевым преимуществом новой системы становится привлечение к избирательному процессу социально активных групп населения, особенно молодёжи, что способствует повышению легитимности итогов голосования. Технологическое решение значительно повышает доступность выборов для маломобильных граждан, жителей труднодоступных регионов и соотечественников, находящихся за рубежом. Организационно-экономические преимущества включают существенное снижение затрат на функционирование избирательных комиссий, аренду помещений, транспортные расходы и канцелярские принадлежности. Оптимизация процедуры подсчёта голосов позволяет минимизировать временные затраты на обработку результатов и их передачу в вышестоящие инстанции. Важным аспектом является также снижение традиционных электоральных рисков, включая возможное давление на членов комиссий, фальсификации и манипуляции с бумажными бюллетенями [10, с. 158].

В то же время, система ДЭГ связана с рядом существенных рисков. Система дистанционного электронного голосования сопряжена с комплексом специфических рисков, выходящих за рамки традиционных электоральных угроз. Ключевой проблемой остаются технологические уязвимости, включающие не только потенциальные хакерские атаки на централизованные серверы, но и риски компрометации на уровне передачи данных между устройствами избирателей и системами обработки результатов. Особую опасность представляют распределённые атаки на инфраструктуру интернет-провайдеров в день голосования, способные парализовать работу системы в отдельных регионах. Существенной про-

блемой является отсутствие механизмов независимой верификации результатов - в отличие от физических бюллетеней, электронные голоса не допускают пересчета традиционными методами, что создает правовой вакуум при оспаривании итогов голосования. Анализ судебной практики показывает системные сложности доказывания нарушений в работе ДЭГ - из всех жалоб, поданных в 2024 году только 20 % были удовлетворены частично.

Новые формы электорального давления включают возможности скрытого принуждения при удаленном голосовании, риски массового вброса учетных записей ЕСИА и целевого манипулирования через микротаргетинг в социальных сетях. Инфраструктурные ограничения особенно актуальны для удаленных регионов, где многие населенные пункты не имеют стабильного интернет-соединения, а граждане, которые старше 60 лет не обладают достаточной цифровой грамотностью для участия в ДЭГ, что нарушает конституционный принцип всеобщности избирательного права. Правовые коллизии проявляются в отсутствии четкого регулирования ответственности за технические сбои, процедур переголосования при системных отказах и стандартов обеспечения равенства условий при параллельном использовании разных форм голосования. Международные риски охватывают возможность целенаправленных кибератак и кампаний по дезинформации о работе системы ДЭГ. Минимизация указанных угроз требует создания многоуровневой системы защиты, включающей отечественные криптографические решения, независимый аудит программного кода и законодательное закрепление прозрачных процедур верификации результатов на всех этапах голосования.

Для полноценного функционирования системы ДЭГ требуется дальнейшее совершенствование правовой базы. В первую очередь, необходимо кодифицировать нормы об электронном голосовании в избирательное законодательство, четко определить юридический статус электронного бюллетеня, процедуры проверки и пересчета голосов [6].

Одним из направлений является введение обязательного независимого аудита программно-технических комплексов, участвующих в организации выборов. Подобная практика применяется в Эстонии и обеспечивает высокий уровень общественного доверия.

Также актуальной задачей является повышение цифровой грамотности избирателей. Только при условии информированности и технической компетентности граждан можно говорить о равном доступе к электронным избирательным процедурам. ЦИК РФ уже реализует образовательные проекты и тренинги, направленные на повышение осведомленности о механизмах ДЭГ.

В перспективе возможно использование блокчейн-технологий, обеспечивающих прозрачность и невозможность изменения данных. Применение технологии блокчейн в системе дистанционного электронного голосования (ДЭГ) представляет собой инновационное направление цифровизации избирательного процесса, способное кардинально повысить уровень доверия к результатам голосования. Децентрализованная природа распределенного реестра позволяет создать систему, в которой каждый голос фиксируется криптографическими методами и становится частью неизменяемой цепочки данных. Ключевое преимущество блокчейн-решения заключается в обеспечении полной транспарентности процесса при сохранении конфиденциальности волеизъявления - любой участник может верифицировать правильность учета своего голоса, не имея доступа к персональным данным других избирателей. Техническая реализация предполагает использование смарт-контрактов для автоматизации подсчета результатов и многоуровневой системы шифрования, обеспечивающей безопасность передачи данных. Особое значение имеет решение проблемы "двойного голосования" через создание уникальных цифровых токенов для каждого зарегистрированного участника. В контексте российского законодательства внедрение блокчейн-технологий требует разработки специальных нормативных актов, регламентирующих статус цифровых подписей и порядок криптографической защиты персональных данных. Международный опыт демонстрирует успешные примеры реализации таких систем в Швейцарии и Эстонии, где блокчейн используется как дополнительный механизм верификации результатов электронного голосования. Для Российской Федерации наиболее целесообразным представляется поэтапное внедрение технологии - starting с муниципальных выборов и с последующим масштабированием на федеральный уровень, что позволит отработать технические и правовые аспекты системы. Перспективным направлением развития является интеграция блокчейн-платформы с единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА) при сохранении принципа децентрализованного хранения данных голосования. Важно также разработать механизмы общественного и парламентского контроля, позволяющие гражданам и наблюдательным организациям участвовать в мониторинге избирательного процесса в реальном времени.

Дистанционное электронное голосование является одной из наиболее значимых инноваций в избирательной системе России. Его развитие соответствует глобальным тенденциям цифровой демократии и способствует расширению участия граждан в управлении государством.

В то же время, успешная реализация данной формы голосования возможна только при строгом соблюдении правовых гарантий и надёжной защите информации. Необходим системный подход к развитию законодательства, повышению цифровой грамотности и внедрению инструментов независимого контроля.

Таким образом, будущее дистанционного электронного голосования в России зависит от способности государства обеспечить баланс между технологическим прогрессом и соблюдением конституционных принципов избирательного права. Практика последних лет демонстрирует активное внедрение цифровых решений в электоральный процесс, что требует научного осмысления и нормативного совершенствования.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что дистанционное электронное голосование (ДЭГ) в Российской Федерации оформилось как самостоятельный институт избирательного права, выражающий конституционный принцип народовластия в условиях цифровой трансформации общества. Анализ действующей нормативно-правовой базы свидетельствует о постепенном формировании целостной системы регулирования ДЭГ, в которой гармонично сочетаются развитие конституционных гарантий избирательных прав граждан и внедрение современных цифровых технологий.

Среди ключевых результатов внедрения ДЭГ можно выделить: значительное расширение доступности выборов для маломобильных

групп населения и россиян, проживающих за пределами страны; рост участия молодежи в голосовании; снижение организационных и финансовых издержек избирательного процесса; а также уменьшение рисков традиционных нарушений, таких как вброс бюллетеней или давление на членов комиссий. Вместе с тем сохраняются серьезные проблемы, требующие дальнейшего правового и институционального решения: необходимость повышения прозрачности процедуры, обеспечение возможности независимой проверки результатов, развитие механизмов общественного контроля, унификация требований в области кибербезопасности и преодоление цифрового неравенства между различными категориями избирателей.

К выборам в Государственную Думу 2026 года дистанционное электронное голосование (ДЭГ) планируется масштабировать на все регионы России с созданием единой федеральной платформы. Особое внимание уделят обеспечению голосования в труднодоступных регионах через мобильные пункты и спутниковую связь. Такая форма ожидаемо станет одним из ключевых механизмов волеизъявления граждан. [2].

Перспективы развития ДЭГ связаны с обеспечением согласованности технологических решений с основополагающими принципами избирательного права. Для этого необходимо законодательно закрепить ряд мер: обязательный независимый аудит программного обеспечения, расширение прав наблюдателей на всех этапах электронного голосования, а также установление специальных процедур оспаривания и перепроверки результатов ДЭГ. Дальнейшая научная дискуссия должна быть направлена на поиск оптимального баланса между цифровизацией избирательного процесса и сохранением демократических стандартов проведения выборов, в том числе посредством сравнительно-правового анализа международного опыта применения электронных форм голосования.

Таким образом, дистанционное электронное голосование является логичным и закономерным этапом эволюции избирательной системы России. Его потенциал может быть реализован в полной мере только при условии последовательного совершенствования законодательства, обеспечивающего соответствие цифровых форматов голосования базовым конституционным ценностям — свободе, честности, равенству и достоверности выборов.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru>
2. Федеральный закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" от 22.02.2014 N 20-ФЗ (последняя редакция) // "Собрание законодательства РФ", 24.02.2014, N 8, ст. 740.
3. Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67-ФЗ (последняя редакция) // "Собрание законодательства РФ", 17.06.2002, N 24, ст. 2253.
4. Федеральный закон "О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве" от 23.05.2020 N 152-ФЗ (последняя редакция) // "Собрание законодательства РФ", 25.05.2020, N 21, ст. 3231.
5. Федеральный закон "О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва" от 29.05.2019 N 103-ФЗ (последняя редакция) // "Собрание законодательства РФ", 03.06.2019, N 22, ст. 2659.
6. Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225-8 (ред. от 03.09.2021) "О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года" // «Вестник ЦИК России» №13, 2021 г.
7. Постановление ЦИК России от 08.06.2022 N 86/715-8 (ред. от 23.07.2025) "О Требованиях к проведению дистанционного электронного голосования" // «Вестник ЦИК России» №5, 2022 г.
8. Биндер А.Е. Проблема дистанционного электронного голосования по вопросам местного значения на примере нижегородской области. Актуальные вопросы публичного права // Материалы XX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 17 - 18 ноября 2022 г.) Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, 2022. С. 38-47.
9. Куликова Ю.А., Пулькина Д.В., Суров А.О. Дистанционное электронное голосование в применении к конституционному праву гражданина избирать и быть избранным. Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. // Сборник научных трудов II Ежегодной международной научно-практической конференции и Международных научно-практических конференций. Московский психолого-социальный университет - 2024 С. 1387 - 1392.
10. Подзорнов Р.А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе российской Федерации // Регион: системы, экономика, управление. - 2023 №2. С. 154 - 160. EDN: VLJANG
11. Худолей Д. М., Худолей К. М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 489.

References:

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // <http://pravo.gov.ru>
2. Federal Law "On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" dated 22.02.2014 N 20-FZ (latest edition) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 24.02.2014, N 8, art. 740.
3. Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral rights and the right of Citizens of the Russian Federation to participate in a Referendum" dated 12.06.2002 No. 67-FZ (last edition) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 17.06.2002, No. 24, art. 2253.
4. Federal Law "On conducting an experiment on the organization and implementation of remote electronic voting in the city of federal significance of Moscow" dated 05/23/2020 N 152-FZ (latest edition) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05/25/2020, N 21, art. 3231.
5. Federal Law "On conducting an experiment on the organization and implementation of remote electronic voting in the elections of Deputies of the Moscow City Duma of the seventh convocation" dated 05/29/2019 N 103-FZ (latest edition) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 06/03/2019, N 22, art. 2659.
6. Resolution of the Central Election Commission of Russia dated 07/20/2021 N 26/225-8 (as amended on 09/03/2021) "On the Procedure for remote electronic voting in the elections scheduled for September 19, 2021" // Bulletin of the Central Election Commission of Russia No. 13, 2021
7. Resolution of the CEC of Russia dated 06/08/2022 N 86/715-8 (as amended on 07/23/2025) "On the Requirements for remote electronic voting" // Bulletin of the CEC of Russia No. 5, 2022.
8. Binder A.E. The problem of remote electronic voting on issues of local importance on the example of the Nizhny Novgorod region. Actual issues of public law // Proceedings of the XX All-Russian Scientific Conference of Students and Young Scientists (Yekaterinburg, November 17-18, 2022) Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, 2022. pp. 38-47.
9. Kulikova Yu.A., Pulkina D.V., Surov A.O. Remote electronic voting as applied to the constitutional right of a citizen to elect and be elected. Current problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law. // Collection of scientific papers of the II Annual International Scientific and Practical Conference and International scientific and practical conferences. Moscow University of Psychology and Social Sciences - 2024 С. 1387-1392.
10. Podzorov R.A. Analysis of the practice of using remote electronic voting in the electoral process of the Russian Federation // Region: systems, economics, management. - 2023 No. 2. pp. 154-160. EDN: VLJANG
11. Khudolei D. M., Khudolei K. M. Electronic voting in Russia and abroad // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. Issue 57. С. 489.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ И АРКТИЧЕСКОЙ ПОДМОДЕЛЕЙ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ REGIONALIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE CASE OF NORTH CAUCASIAN AND ARCTIC SUB-MODELS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

ТРОФИМОВ Максим Сергеевич,

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
355017, Россия, г.Ставрополь, ул. Пушкина, д.1,
sim-pai@mail.ru,
ORCID 0000-0001-85841-6563

TROFIMOV Maksim Sergeevich,

Candidate of Law, Associate Professor, associate Professor,
Department of administrative and financial law North Caucasus Federal University (Stavropol),
Pushkina Street, Stavropol, 355017,
e-mail: sim-pai@mail.ru,
ORCID 0000-0001-8584-6563

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу регионализации местного самоуправления в РФ на примере северокавказской и арктической подмоделей. Цель исследования состояла в изучении их адаптации к новым условиям в контексте концепции единой системы публичной власти (Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ). Выявлены общие черты и фундаментальные различия, обусловленные социально-политическими и природно-климатическими факторами. Основной тренд - централизация управления при формальном учете региональной специфики, что может ограничить гибкость, необходимую для данных территорий.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the regionalization of local self-government in the Russian Federation, using the North Caucasian and Arctic sub-models as examples. The aim of the research was to study their adaptation to new conditions within the context of the concept of a unified system of public authority (Federal Law No. 33-FZ dated 20 March 2025). Common features and fundamental differences, determined by socio-political and natural-climatic factors, are identified. The main trend is the centralization of governance while formally accounting for regional specifics, which may limit the flexibility required for these territories.

Ключевые слова: местное самоуправление, регионализация, Арктическая зона РФ, АЗРФ, Северный Кавказ, публичная власть.

Keywords: local self-government, regionalization, Arctic Zone of the Russian Federation, North Caucasus, public authority.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Проблема природы местного самоуправления, несмотря на кажущуюся надуманность, является довольно важной и дискуссионной в науке муниципального права. Как известно институт местного самоуправления представляет собой сложное политико-правовое и социальное явление, имеющее множество граней и неподдающееся детальному рассмотрению только под каким-либо одним углом зрения.

Местное самоуправление уникально в своих проявлениях и не существует одинаковых моделей местного самоуправления не только в мире, но и даже в двух муниципальных образованиях, всегда будут иметь место особенности, влияющие на процессы, процедуры и результаты.

Относительно природы местного самоуправления можно говорить о политико-правовой природе местного самоуправления и эволюционной природе местного самоуправления. [5]

Вопрос о политико-правовой природе местного самоуправления в настоящее время является дискуссионным в теории муниципально-го права. Дело в том, что среди ученых нет единства по поводу того, что лежит в основе местного самоуправления: публичное или частное? [9, с.49; 10, с.18; 1, с.136; 2, с.351; 8, с.375; 7, 11]

Местное самоуправление необходимо рассматривать именно как низовой (первый) уровень публичной власти в государстве, при этом, местная власть в осуществлении своих полномочий не выходит за очерченные законом рамки и своей деятельностью не противоречит государственной власти.

Доказательством того, что местная власть не противопоставлена государственной и должна рассматриваться как один из уровней публичной власти в государстве является то, что именно на уровне местного самоуправления происходит предоставление населению различных публичных услуг (экономических, социальных, культурных, бытовых, услуг по защите личности и т.д.), которые в первую очередь гарантируются властью государственной. Кроме того, местное самоуправление не может рассматриваться в отрыве от государства, так как банально не может существовать без последнего. Собственно, что и было закреплено в ч.4 ст.1 Федерального закона от 20.03.2025 №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».¹

Косвенное подтверждение сказанного выше можно было найти в самом понятии местного самоуправления, которое закреплялось в действовавшем ранее Федеральном законе от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

¹ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс» [электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 01.12.2025)

Федерации» (ч.2 ст.1).¹

Соответственно местное самоуправление есть форма самоорганизации и народовластия, осуществление которой возможно в пределах, очерченных национальным законодательством.

Принятие Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» необходимо рассматривать как очередной этап административной реформы в России, направленный на повышение эффективности государственного управления. И с этой точки зрения отход от идеализации местного самоуправления, обширных прав и свобод в сфере местного самоуправления, многообразия форм реализации местного самоуправления, широких гарантий местного самоуправления как то было указано в Федеральном законе от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах реализации местного самоуправления в Российской Федерации», выглядит не столь неожиданным, как может показаться на первый взгляд.

Вхождение в единую систему публичной власти является принципиально новой концепцией организации местного самоуправления, стирающей жесткую границу между государственной и муниципальной властью. Органы местного самоуправления становятся элементом общей системы управления под эгидой Президента РФ.

Политико-правовая природа местного самоуправления как сложного политико-правового и социального института, исходит непосредственно от населения и находится в неразрывной связи и взаимодействии с государственной властью в системе единой публичной власти. Природа института местного самоуправления под влиянием эволюции, приведшей его к сегодняшнему виду, не меняется.

Важное значение имеет подход к концепции местного самоуправления в смысле Закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ для таких региональных подмоделей местного самоуправления как подмодель Северного Кавказа и подмодель Арктической зоны России.

Северо-Кавказский федеральный округ - федеральный округ Российской Федерации на юге европейской части России, в центральной и восточной части Северного Кавказа. В состав округа входят семь субъектов федерации Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край), с площадью 170 439 км², что составляет 0,99% от общей площади территории России, и населением 10 251 083 чел. (по состоянию на 24 марта 2024 г.). [6]

СКФО рассматривается как регион, требующий особого внимания с точки зрения обеспечения стабильности и безопасности. Это приводит к более активному вмешательству федерального центра и полномочного представителя Президента Российской Федерации в дела местного самоуправления.

Под Арктической зоной Российской Федерации (АЗРФ) понимается часть территории России, определенная официальными документами и включающая в себя как сухопутные территории, так и морские пространства.²

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» к таковым территориям относятся:

- Мурманская область (полностью), Ненецкий автономный округ (полностью), Чукотский автономный округ (полностью), Ямало-Ненецкий автономный округ (полностью);
- муниципальные образования «Беломорский муниципальный район», «Лоухский муниципальный район» и «Кемский муниципальный район» Республики Карелия;
- территория муниципального образования городского округа «Воркута» (Республика Коми);
- муниципальные образования Республики Саха (Якутия): Аллаховский, Абынский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский улусы, Жиганский национальный эвенкийский район, Момский район, Нижнеколымский район, Оленекский эвенкийский национальный район, Среднеколымский улус, Усть-Янский улус, Эвено-Бытантайский национальный улус;
- территории Красноярского края: городской округ город Норильск, Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Туруханский район;
- территории Архангельской области: муниципальные образования «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск».

Так же в п.9 названного выше указа Президента РФ к сухопутным территориям АЗРФ отнесены земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15.04.1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР. Это острова и архипелаги в Северном Ледовитом океане (например, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, Северная Земля, Новосибирские острова, остров Врангеля).

Площадь АЗРФ составляет около 3,0 - 3,1 км², что составляет чуть менее 20% от всей территории России, при численности населения около 2,3 - 2,5 млн. человек.

Арктическая зона Российской Федерации — это не просто географическое понятие, а законодательно закрепленная территория особого государственного внимания, включающая северные регионы России с их населением, инфраструктурой, а также огромные морские акватории

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 01.12.2025) (утратил силу)

² Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 01.12.2025)

и континентальный шельф, имеющие критическое экономическое, геополитическое и стратегическое значение для страны.

В АЗРФ существуют законодательно закреплённые особенности организации местного самоуправления. Они связаны с экстремальными условиями, низкой плотностью населения, укладом жизни коренных народов и особой стратегической значимостью региона.

Как отмечается в научных работах, посвящённых проблематике государственного управления арктическими территориями России, «разнообразные юридические конструкции закрепления состава субъектов Арктической зоны РФ, их прав на управление принадлежащими им ресурсами, различия в иных регуляциях государственного устройства и организации местного самоуправления порождают серьёзные трудности при конструировании государственного управления в Арктической зоне России». [3, с.135] А также «Проблема государственного управления и, соответственно, формирования комплексного административно-правового режима Арктической зоны РФ осложняется вхождением в нее территорий субъектов РФ целиком и части территорий субъектов РФ, территорий «вложенных» или «сложносоставных» субъектов РФ; вхождения арктических субъектов РФ в состав четырех федеральных округов (Северо-Западного, Уральского, Сибирского, Дальневосточного); а также высокого уровня территориальной вариативности природных, инфраструктурных, социально-культурных условий проживания и ведения хозяйственной деятельности». [4, с.7]

Между вариантами организации местного самоуправления на Северном Кавказе и в Арктической зоне России существуют как некоторые общие черты, так и фундаментальные различия.

Их объединяет то, что оба региона являются территориями со специальным конституционно-правовым статусом, требующим адаптации общих принципов местного самоуправления к уникальным условиям. Однако причины, содержание и механизмы этой адаптации - разные.

В течение длительного периода реализации той модели местного самоуправления, которая была предложена Законом №131-ФЗ от 06.10.2003 г., в субъектах СКФО и на территориях АЗРФ сложилась противоречивая практика. Очевидным стал целый ряд проблем.

Предложенная федеральным законодательством и воспринятая региональными законами двухуровневая модель реализации местного самоуправления оказалась труднореализуемой на практике. Четкое разделение полномочий между поселенческим и муниципальным районным уровнями на практике часто оказывалось размытым.

Подавляющее большинство муниципалитетов в СКФО и на территориях АЗРФ являются высокодотационными. Их бюджетная обеспеченность составляет менее 10-20%. Это делает их крайне зависимыми от решений федеральных и региональных властей и лишает реальной финансовой самостоятельности. Поселения (в особенности сельские) часто вынуждены были добровольно передавать свои полномочия на уровень муниципального района из-за отсутствия финансовых средств и кадровых возможностей для их реализации.

В течение последних лет все явственнее прослеживалась тенденция на повышение влияния органов государственной власти субъектов РФ на органы местного самоуправления и принимаемые ими решения. Главы субъектов СКФО РФ и субъектов, входящих в АЗРФ, как правило, обладают очень сильной властью и активно влияют на кадровую политику на муниципальном уровне. Фактически, назначение или поддержка "сверху" часто являлась решающим фактором для избрания главы муниципального образования. Это связано как с административным ресурсом, так и с традициями консенсусного принятия политических решений.

В обоих случаях законодатель допускает отклонения от стандартных моделей местного самоуправления. Можно сказать, что основная цель такого отклонения - сделать управление на местах более эффективным в непривычных, порой экстремальных условиях.

Для северокавказской подмодели местного самоуправления характерно следующее:

- высокая плотность населения, полиэтничность, сложные исторические межнациональные отношения, вплетение традиционных общественных институтов (тейпы, джамааты) в общественное самоуправление, риски дестабилизации политической обстановки;
- высокая плотность населения и постоянный его прирост, преобладание сельского расселения, малые и средние города, традиционные сельские общества;
- преимущественно аграрное производство и иные производства с ним связанные, большой удельный вес малого бизнеса и самозанятости, высокая безработица;
- этническая идентичность и клановые связи как основа социальной организации, они влияют на формирование властных элит на местном уровне, зачастую вне формальных рамок закона;
- явный акцент на учет этнокультурных особенностей при формировании органов власти, политико-административные договоренности между элитами, особое внимание к вопросам земли, собственности и использованию природных ресурсов в густонаселенной местности региона;
- необходимость решения основной задачи: обеспечения стабильности и межнационального согласия на всей территории СКФО.

Для арктической подмодели местного самоуправления характерно следующее:

- экстремальная природно-климатическая среда и сложность логистики (удаленность, суровый климат, вечная мерзлота, хрупкая экология);
- низкая плотность населения, очаговый характер расселения, наличие моногородов и поселков при предприятиях, проблемы миграционного оттока;
- крупные промышленные предприятия, градообразующие корпорации, ограниченное развитие сельского хозяйства;
- правовой статус коренных малочисленных народов Севера и территорий их традиционного природопользования напрямую влияет на систему местного самоуправления;
- используется делегирование полномочий вверх (субъекту РФ) из-за слабости муниципалитетов; создание межселенных территорий,

используются особые формы управления для малых поселений (старосты);

- органы местного самоуправления вынуждены решать задачу обеспечения выживания и жизнеобеспечения в экстремальных условиях Севера, осуществляя взаимодействие с крупными корпорациями и защищая права коренных малочисленных народов.

В соответствии со ст.86 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» законодательством (федеральным и субъектов РФ) могут быть установлены особенности организации местного самоуправления в муниципальных образованиях, территории которых относятся к Арктической зоне Российской Федерации. Эта норма означает, что законодатель может вводить различные «модели распределения компетенции в сфере местного самоуправления по уровням публичной власти...» и «введение нормативных правил организации местного самоуправления на когерентных территориях, объективная специфика которых допускает специальное правовое регулирование соответствующих муниципальных отношений в целях обеспечения необходимого уровня гарантирования баланса местных и общественных интересов – установление тех самых особенностей организации местного самоуправления».¹

Нужно констатировать, что на сегодняшний день правовое регулирование местного самоуправления в субъектах СКФО и на территориях АЗРФ находится в состоянии глубокой модернизации, движущей силой которой является федеральный центр. Основным трендом – это централизация и унификация при формальном учете региональной специфики. Целями являются повышение управляемости, эффективности расходования средств и укрепление единой системы публичной власти в стратегически важном, но сложном в социально-экономическом и этнополитическом плане регионе.

Вхождение в «единую систему публичной власти» является принципиально новой концепцией организации местного самоуправления, стирающей жесткую границу между государственной и муниципальной властью. Органы местного самоуправления становятся элементом общей системы управления под эгидой Президента РФ.

При этом вероятная потеря «гибкости» моделей местного самоуправления может сыграть негативную роль в развитии самоуправления на территориях Северного Кавказа и в Арктической зоне Российской Федерации. Понимание этой проблемы толкает законодателя к дальнейшему развитию законодательства о местном самоуправлении.

Список литературы:

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. 741 с.
2. Безуглов А.А., Солдатов С.А. Конституционное право России. Учебник. В 3 т. Т. 1. М., 2001. 797с.
3. Кузнецов В.И. Административно-правовой режим Арктической зоны // Журнал российского права. № 11. 2015. С.130-141
4. Куликовская Д.Ю. Административно-правовые режимы Арктической зоны Российской Федерации // Дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2019. 210 с.
5. Трофимов М.С. К вопросу о природе местного самоуправления в Российской Федерации // Правовая система и вызовы современности. Материалы III Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 4-8 декабря 2006г. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 298 с.
6. Федеральная служба государственной статистики // Электронный ресурс / Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 05.12.2025)
7. Холодова А.В., Митрофанова Я.С. Понятие, сущность и публично-правовая природа местного самоуправления // «Экономика и социум», №6(109)-2 2023, С.1085-1090
8. Чиркин В.Е. Государствоведение. М., 1999. 398 с.
9. Шеремет К.Ф. Становление правовой базы местного самоуправления в Российской Федерации. Местное самоуправление: современный российский опыт. Учебное пособие. М., 1998. 216 с.
10. Шугрина Е.С. Муниципальное право. Учебник. М., 1999. 496 с.
11. Яблонский И.В., Харитонов И.К. К вопросу о правовой природе местного самоуправления в контексте реформы местного самоуправления в Российской Федерации // Право и практика. Научный журнал НИИ Истории, экономики и права и Кубанской коллегии адвокатов адвокатской палаты Краснодарского края - М.: НИИ ИЭП, 2025. № 4. С.102-106

References:

1. Baglay, M.V. (1999). Konstitutsionnoye pravo Rossiyskoy Federatsii [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow. 741 p. (In Russian)
2. Bezuglov, A.A., Soldatov, S.A. (2001). Konstitutsionnoye pravo Rossii. Uchebnik. V 3 t. T. 1. [Constitutional Law of Russia. Textbook. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow. 797 p. (In Russian)
3. Chirkin, V.E. (1999). Gosudarstvovedeniye [The Study of the State]. Moscow. 398 p. (In Russian)
4. Federal State Statistics Service (Rosstat). Retrieved December 5, 2025, from <https://rosstat.gov.ru/> (In Russian)
5. Kholodova, A.V., Mitrofanova, Ya.S. (2023). Ponyatiye, sushchnost' i pублично-pravovaya priroda mestnogo samoupravleniya [Concept, Essence and Public-Legal Nature of Local Self-Government]. Ekonomika i sotsium, (6(109)-2), pp. 1085-1090. (In Russian)
6. Kulikovskaya, D.Yu. (2019). Administrativno-pravovyye rezhimy Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Administrative-Legal Regimes of the Arctic Zone of the Russian Federation]. Candidate of Legal Sciences Dissertation. Nizhny Novgorod. 210 p. (In Russian)
7. Kuznetsov, V.I. (2015). Administrativno-pravovoy rezhim Arkticheskoy zony [Administrative-Legal Regime of the Arctic Zone]. Zhurnal rossiyskogo prava, (11), pp. 130-141. (In Russian)
8. Sheremet, K.F. (1998). Stanovleniye pravovoy bazy mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii [Formation of the Legal Framework for Local Self-Government in the Russian Federation]. In: Mestnoye samoupravleniye: sovremennyy rossiyskiy opyt. Uchebnoye posobiye [Local Self-Government: Modern Russian Experience. Study Guide]. Moscow. 216 p. (In Russian)
9. Shugrina, E.S. (1999). Municipal'noye pravo. Uchebnik [Municipal Law. Textbook]. Moscow. 496 p. (In Russian)
10. Trofimov, M.S. (2006). K voprosu o prirode mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii [On the Question of the Nature of Local Self-Government in the Russian Federation]. In: "Pravovaya sistema i vyzovy sovremenности. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh 4-8 dekabrya 2006 g." [The Legal System and the Challenges of Modernity. Proceedings of the III International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, December 4-8, 2006]. Ufa: RIO BashGU, pp. [Page range for the specific article is needed]. 298 p. (In Russian)
11. Yablonskiy, I.V., Kharitonov, I.K. (2025). K voprosu o pravovoy prirode mestnogo samoupravleniya v kontekste reformy mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii [On the Question of the Legal Nature of Local Self-Government in the Context of Local Self-Government Reform in the Russian Federation]. Pravo i praktika. Nauchnyy zhurnal NIИ Istorii, ekonomiki i prava i Kubanskoй kollegii advokatoв advokatskoй palaty Krasnodarskogo kraя, (4), pp. 102-106. (In Russian)

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 N 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области "Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс» [электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/ (Дата обращения: 05.12.2025)

К ВОПРОСУ О КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ, ЕЁ ОПРЕДЕЛЕНИИ И ОСПАРИВАНИИ ON THE ISSUE OF THE CADASTRAL VALUE OF A REAL ESTATE OBJECT, ITS DEFINITION AND CONTESTATION

СМАГИНА Тамара Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская область, 410056, Россия
E-mail: ta-smagina@mail.ru;

ЗЕЙНАЛОВ Канан Искандерович

Саратовская региональная общественная организация по защите прав потребителей «АСКЕТ», Председатель
Ул. Большая Затонская, 97, г. Саратов, 410031, Россия
E-mail: zeinalov.kanan@mail.ru

SMAGINA Tamara A.,

Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law,
Saratov State Law Academy, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
st. Chernyshevsky, 104, Saratov, Saratov region, 410056, Russia
E-mail: ta-smagina@mail.ru

ZEYNALOV Kanan I.,

Saratov regional public organization for Consumer Rights Protection «ASKET», Chairman
St. Bolshaya Zatonskaya, 97, Saratov, 410031, Russia
E-mail: zeinalov.kanan@mail.ru

Краткая аннотация: Рассматривается вопрос о понятии кадастровой стоимости недвижимости, о её установлении кадастровыми инженерами, по результатам деятельности которых выявляются причины, влекущие её необоснованное завышение. Учеными отмечается влияние публично-правового института кадастровой стоимости недвижимости на управление имуществом и налоговые ставки. Авторами делаются выводы, имеющие практико-ориентированное значение.

Abstract: The issue of the concept of the cadastral value of real estate is considered, about its establishment by cadastral engineers, based on the results of whose activities the reasons leading to its unjustified overestimation are identified. Scientists have noted the influence of the public law institute of cadastral value of real estate on property management and tax rates. The authors draw conclusions of practical importance.

Ключевые слова: кадастр; кадастровая стоимость, кадастровый инженер, Росреестр; оспаривание результата определения кадастровой стоимости; налог.

Keywords: cadastre; cadastral value, cadastral engineer, Rosreestr; dispute over the results of determining the cadastral value; tax.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Обязанность каждого проживающего в России платить законно установленные налоги и сборы, закрепленная в статье 57 Конституции Российской Федерации, всегда должна соотноситься с соответствующими возможностями собственника недвижимости, выступающего также и налогоплательщиком. Одним из объектов налогообложения выступает кадастр недвижимости.

В целях тщательного разбора правовой сущности заявленного объекта научного исследования, рассмотрим энциклопедические взгляды на термин «кадастр». В соответствии с этимологическим словарем русского языка, «кадастр» означает «учет земельной площади и налогообложения» (и происходит от франц. Cadastre), в большом толковом словаре русского языка «кадастр» – «опись чего-либо, свод сведений о чём-либо; Совокупность данных о количественном и качественном состоянии каких-либо природных ресурсов, их экономическая, экологическая и тому подобная оценка», а в словаре живого великорусского языка «кадастр» указан как «оценка сельских имений, по различию их, соображая все местные их отношения; расценка» [1; 2; 3]. Обозначенное указывает на структурность данного понятия, имеющего свои составные элементы, так как каждая из представленных характеристик говорит об учете, описи или оценке как конечном результате кадастра. Учитывая, что кадастр составляется по учёту объектов недвижимости, отметим, что такими объектами выступает земельный участок и всё, что может на нём находиться: от сооружений, жилых и нежилых зданий и помещений, в том числе строительство которых не завершено, до недвижимых имущественных комплексов (стоянки для транспортных средств, предприятия).

А.В. Анисимов, подчеркивает, что «порядок установления кадастровой стоимости объектов недвижимости является комплексным правовым институтом, объединяющим нормы земельного, градостроительного, гражданского, налогового и административного права, и характеризуется строгой формализацией и межведомственным характером» [4; С.45].

Рассматривая вопрос об определении кадастровой стоимости объектов недвижимости, отметим, что любая деятельность органов публичной власти – это общественные административно-правовые отношения, структура которого состоит из совокупности элементов. Структурными элементами рассматриваемого правоотношения выступают: нормативное правовое регулирование, включающее как законодательные так и подзаконные акты межотраслевой направленности; органы и учреждения, в полномочия которых входит деятельность по проведению учета,

формированию описи и последующей оценке объекта кадастра, которые выступают одним из субъектов правовых отношений в сфере кадастра; и субъекты, на которых распространяются полномочия властных структур – физические или юридические лица, владельцы (арендаторы) кадастрового объекта недвижимости и в отношении которых периодически проводится государственная кадастровая оценка.

Государство уделяет институту кадастровой стоимости недвижимости должное внимание посредством нормотворческой деятельности, функционального контроля и своевременного оказания государственных услуг. Так, Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» (далее – ФЗ № 237-ФЗ)¹ установлено понятие основного объекта деятельности уполномоченных структур государства – кадастровой стоимости объекта недвижимости (или недвижимого комплекса объектов недвижимости) и административных процедур, в совокупности представляющих собой государственную деятельность по определению кадастровой стоимости, а также совокупность субъектов, участвующих в административных процедурах по ее определению.

Уполномоченный в сфере государственной регистрации, кадастра и картографии орган (далее – Росреестр)² реализует в соответствии с административными регламентами и методическими рекомендациями административные процедуры³. Росреестр не только ведёт кадастровый учет и Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН), но и осуществляет полномочия по надзору за деятельностью саморегулируемых организаций кадастровых инженеров, а также за национальным объединением саморегулируемых организаций кадастровых инженеров, регистрации прав на недвижимое имущество и иной деятельности в сфере геодезии и картографии. Государственные гражданские служащие Росреестра предварительно проводят анализ поступивших материалов, которые представляют кадастровые инженеры, входящие в саморегулируемую организацию кадастровых инженеров, зарегистрированную в Росреестре. Их деятельность основана не только на нормативных правилах, но и на технической документации, а вся актуальная информация аккумулируется на официальных интернет-площадках⁴, где публикуется как новостная лента, так и предостережения совершения типовых ошибок при подготовке документации, которая впоследствии становится основанием для формирования налогового бремени. Соответственно, не всегда граждане и юридические лица остаются удовлетворены оценкой кадастровой стоимости. Как отмечает С.К. Минин, «следует обеспечить баланс между эффективностью процесса массовой оценки и защитой прав собственников от необоснованного завышения стоимости их имущества» [5; С. 120].

По сообщению из Комитета Совета Федерации по экономической политике, «существуют многочисленные факты превышения кадастровой стоимости над рыночной стоимостью земельных участков. В связи с чем, участились обращения налогоплательщиков как в Комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости земель, так и в суды, а также случаи неуплаты земельного налога из-за его значительного завышения. При этом, снижение кадастровой стоимости по отдельным земельным участкам в границах одного квартала, по решению Комиссии или суда приводит к несоблюдению принципа «всеобщности и равенства налогообложения»⁵.

В любых видах административно-правовых отношений приоритетным выступает административный порядок их защиты, реализуемый органами власти в целях снижения нагрузки на судебную систему. Для удовлетворения потребности в оспаривании решения, принятого кадастровым инженером, территориальными управлениями Росреестра создаются комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости. Полномочия же по контролю за деятельностью кадастровых инженеров осуществляет саморегулируемая организация кадастровых инженеров, в которую он входит. Следовательно, в соответствии с указанными полномочиями, обращение о неудовлетворительном качестве работ кадастрового инженера, может быть сразу направлено в саморегулируемую организацию.

При этом, безусловную важность приобретают нормы главы 25 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)⁶, устанавливающие процессуальные гарантии для граждан и юридических лиц, выступающих административными истцами, обращающимися в целях оспаривания уже определенной уполномоченными лицами кадастровой стоимости недвижимости. Судебный контроль реализуется в соответствии с установленными в КАС РФ сроками и подсудностью, когда в качестве суда первой инстанции административные дела об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости и связанные с этим иные вопросы, рассматриваются в Верховном суде республики, или в краевом, областном суде, или в суде города федерального значения, или в судах автономной области, автономного округа.

Современные тенденции развития правового государства нацелены на перспективное развитие и характеризуются повсеместным внедрением цифровых технологий и автоматизированных систем, созданием единых информационных платформ и внедрением искусственного интеллекта в процесс анализа полученных данных во многих отраслях государственного управления. В части же определения кадастровой стоимости, помимо обозначенного, требуется разработка унифицированных методик кадастровой оценки недвижимости и совершенствование механизмов контроля качества и подготовки кадастровых инженеров. Процесс усовершенствования процедуры оценки кадастровой стоимости требует системного подхода и включает регулярный мониторинг рынка недвижимости, корректировку методик оценки с учетом изменений рыночной конъюнктуры, обновление баз данных ценообразующих факторов и пересмотр результатов оценки при выявлении существенных расхождений. Особое внимание уделяется вопросам информационного обеспечения процесса, которое включает формирование и ведение баз данных объектов недвижимости, сбор и анализ рыночной информации, систематизацию сведений о ценообразующих факторах и обеспечение доступа к информации заинтересованных лиц.

¹ Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (часть I). Ст. 4170; 2025. № 30 (часть II). Ст. 4392.

² Постановление Правительства РФ от 1 июня 2009 г. № 457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 25. Ст. 3052; 2024. № 51. Ст. 8057.

³ Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 4 августа 2021 г. № П/0336 (в ред. от 11.09.2024) «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 20 декабря 2021 г.

⁴ См. например: Гильдия кадастровых инженеров // URL: <https://kadastrsro.ru/index.php/reestr> (дата обращения: 10.10.2025)

⁵ О проблемах кадастровой оценки объектов недвижимости» (совместно с Комитетом Совета Федерации по экономической политике) // URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/99148/> (дата обращения: 10.10.2025)

⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391; 2025. № 31. Ст. 4642.

Перспективы развития института оспаривания кадастровой стоимости связаны с дальнейшим совершенствованием законодательства и практики его применения, которые определены в ФЗ № 237-ФЗ. Так, с 2026 года планируется полный переход на новый порядок оспаривания кадастровой стоимости посредством создания бюджетных комиссий при учреждениях, осуществляющих кадастровую оценку, что позволит повысить оперативность рассмотрения споров и снизить нагрузку на судебную систему.

В центре внимания государства находится цифровизация, в том числе и процесса оспаривания кадастровой стоимости. Подача жалобы либо административного искового заявления в электронной форме, использование информационных систем для сбора и анализа данных о рыночной стоимости объектов недвижимости, позволит сделать процедуру оспаривания оптимально доступной.

Эффективность судебной защиты прав и законных интересов собственников недвижимости возможно обеспечить при отсутствии разнотечий в судебной системе, посредством формирования единообразия судебных решений. Обозначенное укрепит и повысит в гражданском обществе доверие к институту государственной кадастровой оценки как к важному элементу системы имущественного налогообложения в России.

Список литературы:

1. Этимологический словарь русского языка // <https://vasmer.slovaronline.com/search?s=кадастр> (дата обращения 11.11.2025)
2. Большой толковый словарь русского языка // <https://gramota.ru/poisk?query=кадастр&mode=slovari&dicts=42> (дата обращения 11.11.2025)
3. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. – М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 2. И-О. К. 70-233 с.
4. Анисимов А.В. Правовые проблемы кадастровой оценки объектов недвижимости в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. М., 2018. – 194 с.
5. Минин С.К. Кадастровая стоимость как правовая категория: проблемы теории и практики // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 112-125.

References:

1. Etymological dictionary of the Russian language // <https://vasmer.slovaronline.com/search?s=cadastre> (accessed: 11.11.2025)
2. A large explanatory dictionary of the Russian language // <https://gramota.ru/poisk?query=cadastre&mode=slovari&dicts=42> (accessed: 11.11.2025)
3. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes / Dahl V.I. – M.: RIPOL classic, 2006. / Volume 2. And-O. K. 70-233 p.
4. Anisimov A.V. Legal problems of cadastral valuation of real estate in the Russian Federation: dis. kand. jurid. nauk. M., 2018. – 194 p.
5. Minin S.K. Cadastral value as a legal category: problems of theory and practice // Journal of Russian Law. – 2022. – № 3. – pp. 112-125.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФИЛЬНЫХ КОМИССИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON THE ACTIVITIES OF THE RELEVANT COMMISSIONS OF THE STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION

ГРИГОНИС Валериус Пранович

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы
МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, кандидат юридических наук, доцент.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: valgrigonis@mail.ru

GRIGORIS Valerijus Pranovich

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law St. Petersburg University of the State Fire Service
EMERCOM of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev, Candidate of Law, Associate Professor.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: valgrigonis@mail.ru

Краткая аннотация: В представленном исследовании продолжается раскрытие особенностей деятельности Государственного Совета. Акцентируется внимание на таких направлениях функционирования Государственного Совета, как, кадры, международная кооперация и экспорт, поддержка ветеранов боевых действий – участников СВО и членов их семей, Севморпуть и Арктика, туризм, экологическое благополучие, экономика и финансы.

Abstract: The presented study continues to reveal the specifics of the activities of the State Council. Attention is focused on such areas of functioning of the State Council as personnel, international cooperation and exports, support for veterans of military operations—participants of the SVR and their families, the Northern Sea Route and the Arctic, tourism, environmental well-being, economics and finance.

Ключевые слова: Государственный Совет Российской Федерации, профильные комиссии, государственное управление.

Key words: The State Council of the Russian Federation, specialized commissions, public administration.

Статья поступила в редакцию: 20.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В продолжение дискуссии о деятельности Государственного Совета Российской Федерации следует остановиться на сессии Государственного Совета¹ по кадрам, которая показала, что страна входит в этап системной перенастройки рынка труда.

Помощник Президента Российской Федерации, секретарь Госсовета А. Дюмин дал четкий сигнал: связи между гражданским и оборонным сектором меняются местами, и сегодня именно гражданские компетенции становятся фундаментом технологической безопасности.

Задачи достижения технологического лидерства, поставленные Президентом, освоение новых технологий, которые приходят в нашу жизнь, требуют большого человеческого потенциала.

Кадровое обеспечение – вопрос комплексный. Он затрагивает не только развитие экономики, но и обороноспособность страны. Если раньше всё лучшее в гражданский сектор приходило из разработок военных лабораторий и конструкторских бюро, то сейчас происходит наоборот. Разработки высокотехнологичных гражданских компаний активно внедряются в Минобороны и других силовых структурах, в их исследовательские лаборатории приходят гражданские специалисты. Их компетенции используются для создания оружия будущего.

Задача Госсовета – определить лучшие практики, которые уже применяются, новые подходы, управленческие механизмы и на заседании Госсовета представить их на решение главы государства.

Заместитель администрации Президента РФ М. Орешкин предложил трехуровневую модель кадровой политики: в краткосрочной перспективе – устранение острого дефицита специалистов, в среднесрочной – адаптация системы образования под требования непрерывного профессионального развития, в долгосрочной – трансформация рынка труда в ответ на вызовы, связанные с искусственным интеллектом, автономными системами и платформенными технологиями.

На этом фоне особенно показателен опыт Тульской области, где Д. Милев (возглавляет комиссию в Государственном Совете Физическая культура и спорт) выступил не участником дискуссии, а ее модератором по ключевому треку – роли работодателя в развитии кадров, в том числе ветеранов СВО. Это важный нюанс: Милев не говорит о «поддержке бизнеса», он фактически реформирует роль предприятий в системе подготовки специалистов. Работодатель становится соавтором образовательных программ, инвестором инфраструктуры и гарантом трудоустройства. Региональная модель – это уже работающий механизм: инженерная школа на базе ТулГУ, развитие «Профессионалитета», масштабирование СПО через удвоение кластеров.

Пожалуй, самое технологичное решение – проект «Герой 71». Это система, где участник СВО проходит путь от обучения до работы с цифровым сопровождением, а предприятие становится частью единой платформы с обратной связью.

Плюс – формализованные стандарты: кадровый, демографический, стандарты поддержки участников СВО. Это признак зрелости модели – когда решения не разовые, а закреплены нормативно и институционально.

То, что эти практики готовы масштабировать, – сигнал, что федеральная рамка постепенно будет опираться именно на такие региональные конструкции.

¹ Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39–44. – EDN KEVNXE.

Министр труда и социальной защиты А. Котляков (возглавляет комиссию Госсовета «Технологическое лидерство») сообщил, что уровень безработицы в стране составляет 2,2 процента, а до 2032 года экономике ежегодно потребуется привлечь порядка 1,7 млн человек. Ключевыми задачами он назвал точное прогнозирование потребности в кадрах, качественную профориентацию и развитие дополнительного образования.

Глава комиссии Госсовета «Кадры» В. Шапша заявил, что: «Решение кадрового дефицита требует перехода к стратегическому управлению». По его мнению, дефицит кадров как один из ключевых вызовов для развития регионов и достижения национальных целей. Проявлениями этой проблемы стали рекордно низкий уровень безработицы, нехватка рабочих рук при избытке офисных специалистов, а также распространение «теневой» занятости.

Чтобы улучшить ситуацию и обеспечить экономику трудовыми ресурсами, необходимы проактивные меры и системные решения. Требуется переход от ситуационного реагирования на текущие вызовы к стратегическому управлению кадровым потенциалом.

Глава комиссии Госсовета «Кадры» выделил ключевые направления работы:

- ликвидация структурных и региональных дисбалансов на рынке труда;
- корректировка системы образования и профориентации;
- стимулирование трудовой мобильности, включая интеграцию иммигрантов.

В. Федорищев возглавляющий комиссию Госсовета «Промышленность» подчеркнул, что есть системный запрос промышленности на квалифицированные кадры, он хорошо сегментирован по квалификациям, по регионам и мерам дополнительной господдержки профессионального образования. Губернатор особо отметил востребованность таких инструментов, как «Профессионалитет», и программ поддержки высшего образования по линии науки.

Президент Российского союза промышленников и предпринимателей А. Шохин, озвучил ключевые предложения и направления работы в обеспечении кадрами промышленного сектора экономики:

- необходимость системного мониторинга, оценки и прогнозирования перспективных потребностей экономики;
- совершенствование системы независимой оценки квалификаций. Необходимо объединить государственную итоговую аттестацию с независимой оценкой, чтобы выпускники образовательных учреждений вместе с дипломом получали и сертификат, подтверждающий их профессиональную компетенцию и квалификацию;
- дальнейшее развитие системы целевого обучения, которая позволяет «сблизиться с потребностями работодателей и возможностями образовательной системы».

При этом, по словам президента РСПП, необходимо расширить перечень организаций-заказчиков, включив в него системообразующие предприятия реального сектора экономики, как на федеральном, так и на региональном уровне.

На заседании президиума комиссии Госсовета по направлению «Международная кооперация и экспорт» участники обсудили ход исполнения перечня поручений Президента России, утвержденного по итогам расширенного заседания президиума Госсовета 25 сентября 2024 года.

Перечень включает подготовку плана развития межрегионального сотрудничества с опорными странами (значимыми импортерами российской продукции из недружественных государств), с механизмами мониторинга и актуализации. Принято решение о расширении зарубежной инфраструктуры поддержки экспорта, координация транспортно-логистических планов с РЖД и Российским экспортным центром, а также повышение эффективности участия в зарубежных выставках¹.

Комиссия под руководством Цыбульского координирует работу с Правительством, РЭЦ и регионами для реализации нацпроекта «Международная кооперация и экспорт» до 2030 года, фокусируясь на структурной трансформации внешнеэкономической модели. Обсуждались барьеры на внешних рынках, роль Минэкономразвития в межправкомиссиях и опыт регионов по зарубежной инфраструктуре.

И. Бабушкин, губернатор Астраханской области, глава комиссии Госсовета РФ по поддержке ветеранов боевых действий – участников СВО и членов их семей² на встрече с Президентом Российской Федерации отметил, что в настоящее время поступило более 500 обращений, половина – предложения по улучшению эффективности работы государства по этому направлению.

На сегодняшний день:

сформированы 3 рабочие группы по направлениям совершенствования мер социальной поддержки и жизнеустройства ветеранов, членов их семей, совершенствования медицинской, психологической помощи и повышения эффективности межведомственного взаимодействия по всему комплексу вопросов данной сферы;

проведены 4 заседания комиссии, 7 заседаний рабочих групп;

в адрес комиссии поступило более 500 обращений, половина - предложения по улучшению эффективности работы государства по этому направлению.

Ряд проблем, которые рассмотрены комиссией, уже решены в рабочем порядке. Например, Правительство приняло решение продлить на 2026–2027 гг. программы Социального фонда по медицинской реабилитации и санаторно-курортному лечению; унифицированы правила адаптации жилых помещений для инвалидов; выработаны эффективные варианты решения вопросов по программе стимулирования предпринимательской деятельности среди ветеранов с использованием механизма социального контракта.

¹ Бешенцев, И. Д. Проблемы нормативно-правового регулирования обеспечения безопасности на конечных станциях общественного транспорта / И. Д. Бешенцев, В. М. Шеншин // *Аграрное и земельное право*. – 2025. – № 8. – С. 214-216. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_8_214. – EDN YYQIDN; Шеншин, В. М. Эволюция научных подходов к становлению и развитию институтов гражданского общества в сфере обеспечения общественной безопасности / В. М. Шеншин // *Транспортное право и безопасность*. – 2025. – № 3(55). – С. 181-189. – EDN WBXFSV.

² Назарова, И. С. Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по законодательству России / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // *Аграрное и земельное право*. – 2024. – № 1(229). – С. 111-114. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_111. – EDN PBHVSX.

Комиссия подготовила ещё ряд предложений:

по совершенствованию обмена данными о ветеранах и участниках СВО и членах их семей¹ между органами власти, фондом «Защитники Отечества»;

по оказанию медицинской помощи и реабилитации военнослужащих²;

по повышению доступности психологической и психотерапевтической помощи участникам СВО в период прохождения диспансеризации;

по разработке и внедрению рекомендаций для оказания психологической помощи семьям погибших и пропавших без вести³;

по совершенствованию механизма приёма ветеранов боевых действий – участников СВО на государственную и муниципальную службу⁴;

по приёму в вузы и средние учебные заведения сверх установленных контрольных цифр и обучению по нескольким квалификациям, в том числе по индивидуальному учебному плану;

по созданию условий для занятий адаптивным спортом в учебных заведениях;

по проекту базового стандарта оказания мер социальной поддержки участникам СВО и членам их семей.

Возглавляемая А. Чибисом им комиссия Госсовета «Севморпуть и Арктика» продолжает формировать долгосрочную арктическую стратегию России⁵. За время работы бюджетные лимиты на северный завоз будут увеличены в три раза, с 10 до 30 млрд рублей.

Комиссия продолжает работу по реализации поручений Президента Российской Федерации по итогам Международного арктического форума, которые сама и разрабатывала. Глобально – это, прежде всего, обновление стратегических документов комплексного развития Арктической зоны и Трансарктического транспортного коридора (ТТК), разработка их организационной и финансово-экономической модели.

Важно, что особый акцент делается не только на транспортной инфраструктуре, но и на развитии северных городов. Мастер-планы опорных арктических агломераций призваны сделать эти территории не просто транзитными, а привлекательными для жизни: с современной инфраструктурой, доступным жильём, рабочими местами и поддержкой специалистов.

Со слов министра развития Дальнего Востока и Арктики А. Чекунова «Предусмотрены более 500 проектов строительства и реконструкции дорог, аэропортов, объектов ЖКХ, здравоохранения, культуры, спорта и досуга. На эти цели будет направлено 2,9 трлн рублей, из которых 60% средств – из внебюджетных источников».

Губернатор Вологодской области Георгий Филимонов, выступая на расширенном заседании комиссии Госсовета РФ по направлению «Туризм» в рамках XXI съезда Российского союза туристической индустрии на площадке Национального центра «Россия» представил комплекс инициатив для роста экспорта туристических сервисов.

По прогнозам, поставки туристических услуг могут достичь 4,62 миллиарда долларов в 2025 году, 5,81 миллиарда – в 2026, и 7,01 миллиарда – в 2027 году.

Г. Филимонов сообщил о реализованных мерах: срок действия электронной визы увеличен до 120 дней с возможностью пребывания до 30 суток; запущен сайт национального туристического бренда Discover Russia с участием 53 регионов; создан сервис «одного окна» VisitRussia в виде мобильного приложения, которое станет доступно уже в декабре.

Губернатор призвал субъекты активизировать работу в ключевых сферах, включая создание представительств по туризму за границей, разработку федерального проекта по экспорту туристических услуг и устранение административных препон на границах.

«За первые 9 месяцев этого года число иностранных гостей, проживающих в отелях, увеличилось в целом по стране на 11,7%. В Вологодской области этот показатель достиг 34%».

В числе приоритетных задач также – развитие альтернативных платёжных систем, поддержка карт UnionPay, запуск «Электронной карты туриста» и расширение международных авиасообщений. Губернатор подчеркнул значимость участия в международных мероприятиях и организации информационных туров для зарубежных журналистов и туроператоров.

Г. Никитин на заседании экспертного совета комиссии Госсовета «Экологическое благополучие» сказал о том, что «результаты нашей работы смогут дать новый виток развития «зелёной» экономики в России». Экспертный совет занимается разработкой моделей и эффективных инструментов управления экологической устойчивостью, экосистемными услугами и природным капиталом, что соответствует целям и задачам нацпроекта «Экологическое благополучие». Создание такого сообщества позволит решать стратегические задачи и формировать основы для управления природным капиталом на всех уровнях: сегодня нужны работающие экономические мотивы для хозяйствующих субъектов в сохранении и приумножении природных богатств нашей страны. Всё это требует абсолютно новой методологии, основанной на рыночных механизмах, и детальной проработки.

Мы отвечаем на вызовы европейской системы углеродного регулирования и находимся в позиции, когда вынуждены соответствовать требованиям внешнего мира. Это всё влияет на нашу макроэкономическую ситуацию. Поэтому у нас и появилась инициатива разработать свою инновационную программу, которую мы смогли бы апробировать внутри страны и уже транслировать во внешней среде. Это позволит стимулировать экономическое развитие нашей страны. Появление экспертного совета – это возможность усилить такую работу, используя инструменты комиссии Госсовета по экологии.

¹ Шеншин, В. М. О планируемых новых гарантиях участникам специальной военной операции / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 10(327). – С. 27-31. – EDN MWIQHN.

² Шеншин, В. М. О правовом регулировании обеспечения безопасности / В. М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 7. С. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.

³ Назарова, И. С. Проблемы регламентации ответственности за кибербуллинг в Российской Федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 5. – С. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_5_51. – EDN DBXZKJ; Шеншина, Л. А. Международно-правовое регулирование защиты прав детей / Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.

⁴ Назарова, И. С. О правовом регулировании предоставления социальных гарантий гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 2(307). – С. 57-67. – EDN HZCCTM.

⁵ Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией стабильной системы безопасности в Арктике / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2023. – № 1. – С. 5-7. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-1-5-7. – EDN FGEFUW.

Председатель комиссии Госсовета РФ «Экономика и финансы» А. Текслер на площадке Госдумы, на которой состоялось пленарное заседание Межфракционной конференции «Приоритеты социально-экономического развития России» сказал: «экономике нужны «ЗД-деньги»: длинные, дешёвые и доступные».

Цель заседания – выработать рекомендации по переходу к новой модели развития экономики России на принципах суверенитета, импортонезависимости, опережающего роста и повышения качества жизни граждан.

А. Текслер подчеркнул, что все ключевые приоритеты развития определены Президентом России в Майском указе «О национальных целях развития». Ряд предложений комиссии легли в основу реализации нацпроектов: повышение производительности труда с акцентом на промышленную роботизацию и снижение разрыва бюджетной обеспеченности регионов.

Переходя к содержанию экономических приоритетов, губернатор обозначил их последовательность и взаимосвязь:

во-первых, инвестиции, которые формируют результат. Всё, что мы производим сегодня, – это результат инвестиций, которые были произведены вчера. Если мы хотим идти вперёд, нужно наращивать инвестиции;

во-вторых, качество этих инвестиций должно обеспечивать технологическое развитие;

в-третьих, демография – базовый приоритет, определяющий устойчивость рынка труда и долгосрочную конкурентоспособность страны. Демография тесно связана с экономикой. Это основной ресурс любой страны. Мы должны вкладываться в будущее в самом широком смысле этого слова, инвестировать в качество жизни, поддерживать наши семьи с детьми. Тогда у людей будет уверенность в завтрашнем дне. Это один из важнейших факторов, влияющих на демографию. А вопрос демографии напрямую влияет на рынок труда в будущем, и на производительность труда».

В свою очередь, рост производительности труда – ключевая задача с точки зрения конкурентоспособности страны, важнейшая часть экономического суверенитета. Для достижения роста был предложен ряд финансовых инструментов. Одним из них может стать инвестиционный цифровой рубль – целевые средства, движение которых возможно ограничить критериями расходования.

Сегодня основным источником инвестиций остаются собственные средства предприятий, но для ускоренного развития необходимо кредитное плечо, тонко настроенное по отраслям. Это поможет запустить и ускорить создание необходимой стране промышленной продукции.

А. Текслер предложил запустить пилотный проект по применению инвестиционного цифрового рубля в высокотехнологичных отраслях, прежде всего в промышленной робототехнике. Такой формат позволит гарантированно направлять ресурсы на конкретные инвестиционные задачи и минимизировать влияние на инфляцию. Количество промышленных роботов в ближайшие годы в нашей стране должно вырасти минимум в 10 раз. Это тоже «указная» задача, которую поставил Президент.

Мы целевым образом будем направлять цифровой инвестиционный рубль на решение подобных задач, и, повышая производительность труда, будем влиять на факторы, которые снижают инфляцию. При тех задачах, которые перед нами стоят, только бюджетного рычага недостаточно. Нужно находить более гибкий вариант. Таким образом, деятельность профильных комиссий Государственного Совета Российской Федерации носит всесторонний, всеобъемлющий характер. Разносторонняя динамика показывает сложность и многозначность выбранного направления развития России.

Список литературы:

1. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
2. Бешенцев, И. Д. Проблемы нормативно-правового регулирования обеспечения безопасности на конечных станциях общественного транспорта / И. Д. Бешенцев, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 8. – С. 214-216. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_8_214. – EDN YYQIDN.
3. Шеншин, В. М. Эволюция научных подходов к становлению и развитию институтов гражданского общества в сфере обеспечения общественной безопасности / В. М. Шеншин // Транспортное право и безопасность. – 2025. – № 3(55). – С. 181-189. – EDN WBXFSV.
4. Назарова, И. С. Система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей по законодательству России / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 111-114. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_111. – EDN PBHVSX.
5. Шеншин, В. М. О планируемых новых гарантиях участникам специальной военной операции / В. М. Шеншин, Д. В. Попков // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 10(327). – С. 27-31. – EDN MWIQHN.
6. Шеншин, В. М. О правовом регулировании обеспечения безопасности / В. М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 7. – С. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.
7. Назарова, И. С. Проблемы регламентации ответственности за кибербуллинг в Российской Федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 5. – С. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_5_51. – EDN DBXZKJ.
8. Шеншина, Л. А. Международно-правовое регулирование защиты прав детей / Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.
9. Назарова, И. С. О правовом регулировании предоставления социальных гарантий гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 2(307). – С. 57-67. – EDN HZCCTM.
10. Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией стабильной системы безопасности в Арктике / В. М. Шеншин // Миграционное право. – 2023. – № 1. – С. 5-7. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-1-5-7. – EDN FGEFUW.

References:

1. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
2. Beshentsev, I. D. Problems of regulatory regulation of safety at the terminal stations of public transportation / I. D. Beshentsev, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2025. – No. 8. – pp. 214-216. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_8_214. – EDN YYQIDN.
3. Shenshin, V. M. Evolution of scientific approaches to the formation and development of civil society institutions in the field of public safety / V. M. Shenshin // Transport law and security. – 2025. – № 3(55). – Pp. 181-189. – EDN WBXFSV.
4. Nazarova, I. S. The system of social protection of orphaned children and children left without parental care under Russian law / I. S. Nazarova, L. A. Shenshina // Agrarian and land law. – 2024. – № 1(229). – Pp. 111-114. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_111. – EDN PBHVSX.
5. Shenshin, V. M. On planned new guarantees for participants in a special military operation / V. M. Shenshin, D. V. Popkov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 10(327). – Pp. 27-31. – EDN MWIQHN.
6. Shenshin, V. M. On the legal regulation of security / V. M. Shenshin // Constitutional and municipal law. – 2025. – No. 7. – pp. 32-36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. – EDN GDSZRT.
7. Nazarova, I. S. Problems of regulation of responsibility for cyberbullying in the Russian Federation / I. S. Nazarova, L. A. Shenshina // Agrarian and land law. – 2025. – No. 5. – pp. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_5_51. – EDN DBXZKJ.
8. Shenshina, L. A. International legal regulation of the protection of children's rights / L. A. Shenshina // Agrarian and land law. – 2025. – No. 6. – pp. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.
9. Nazarova, I. S. On the legal regulation of the provision of social guarantees to citizens of the Russian Federation called up for military service in the Armed Forces of the Russian Federation / I. S. Nazarova, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 2(307). – Pp. 57-67. – EDN HZCCTM.
10. Shenshin, V. M. On ensuring the Rosgvardiya stable security system in the Arctic / V. M. Shenshin // Migration law. – 2023. – No. 1. – pp. 5-7. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-1-5-7. – EDN FGEFUW.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE EFFICIENCY OF STATE FINANCIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

СУРКОВА Ольга Егоровна

к.ю.н., доцент кафедры теории права и публично правовых дисциплин
ФГАОУ ВО «Самарский Государственный Экономический Университет»
443066, Россия, г. Самара, ул. Антонова – Овсенко, д.8.
E-mail: surkova.olga2011@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8562-8822

ЧУМАКОВА Юлия Михайловна

магистрант ФГАОУ ВО «Самарский Государственный Экономический Университет»
Россия, Самарская область, Волжский район, п. Черновский, ул. Специалистов, д. 4А.
E-mail: yulia.chumakova.02@mail.ru

SURKOVA O.E.

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
of the Samara State University of Economic»
443066, Samara, st. Antonova-Ovseenko, 81 -3
E-mail: surkova.olga2011@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8562-8822

CHUMAKOVA Y.M.

Master's student at Samara State University of Economics
Samara Region, Volzhsky District, Chernovsky settlement, Specialists Street, Building 4A, Apt. 2
E-mail: yulia.chumakova.02@mail.ru

Краткая аннотация: внутренний государственный финансовый контроль является неотъемлемым элементом системы государственного управления, который обеспечивает органы исполнительной власти необходимыми данными для принятия взвешенных и результативных управленческих решений. В условиях стремительной цифровизации экономики Российской Федерации и повсеместного внедрения информационных технологий, рассмотрение возможностей и вызовов, связанных с использованием IT-инструментов в данной области, становится крайне значимым.

Abstract: Internal state financial control is a critically important function in the public administration system, ensuring the adoption of sound and effective management decisions by executive authorities. In the context of the dynamic development of information technology and the digital economy of the Russian Federation, the study of the prospects and problems of implementing IT solutions in this area is becoming particularly relevant.

Ключевые слова: цифровизация, IT-технологии, блокчейн, государственный финансовый контроль.
Keywords: digitalization, IT technologies, blockchain, state financial control.

Статья поступила в редакцию: 21.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Эффективное развитие любой области деятельности критически зависит от качества системы управления и контроля. Этот постулат обосновывается тем, что ресурсы каждого экономического субъекта по определению ограничены. Учитывая безграничность потребностей, оптимальное распределение этих ресурсов, а, следовательно, и принятие экономических решений, достижимо только посредством формирования комплексной и адекватной системы управления, включающей действенный контроль за использованием ресурсов.

Функция управления играет ключевую роль в достижении намеченных целей при минимизации издержек и оптимальном использовании располагаемых ресурсов. В научном сообществе выделяют различные типы контрольных механизмов, предназначенных для регулирования деятельности как отдельных экономических субъектов, так и государства в целом [5, с. 55].

Безусловно, ведущая роль в системе контрольных мер отводится контролю над финансовыми операциями, причем наивысший уровень значимости и масштабы этот контроль приобретает на уровне государственного регулирования.

Государственный финансовый контроль выполняет важнейшую задачу – обеспечивает надзор за соблюдением норм бюджетного законодательства Российской Федерации. Для поддержания эффективности и результативности в этой области требуется непрерывный учет специфики и динамики развития национальной экономики [6].

Переход от «традиционной» экономики к цифровой осуществлялся постепенно, шаг за шагом. Особое внимание в этом процессе заслуживает программа «Цифровая экономика Российской Федерации», реализованная в рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. [2]. Основной целью данной стратегии было увеличение ключевых экономических показателей, включая рост внутреннего валового продукта (ВВП) на 4,1–8,9 трлн рублей [4]. Достижение этих целевых показателей предполагалось за счет комплексной автоматизации экономических процессов посредством внедрения передовых технологий.

Цифровизация оказала существенное влияние на государственный финансовый контроль, в первую очередь, за счет автоматизации внутренних процессов. Счетная палата Российской Федерации провела масштабную модернизацию программного обеспечения, успешно интегрировавшись с системой «Единая проектная среда». Данное обновление существенно расширило возможности архивирования, обработки и

систематизации больших объемов данных.

В условиях постоянного роста входящей информации от подконтрольных объектов применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) приобретает особое значение. В частности, разработан специализированный ИИ-инструмент, предназначенный для повышения результативности контрольной деятельности в сфере государственных закупок, который позволяет оперативно выявлять нарушения и расхождения в документации. Параллельно развивается технология анализа бухгалтерской отчетности, предназначенная для анализа фактов хозяйственной жизни подконтрольных объектов.

Помимо использования ИИ, Счетная палата Российской Федерации активно внедряет цифровые продукты и решения, используемые в контрольных и аналитических мероприятиях для повышения эффективности и прозрачности деятельности. Вся деятельность в этой области строго соответствует принципам цифровизации, информатизации и автоматизации, установленным Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.02.2020 г. № 95.

В настоящее время Счетная палата Российской Федерации является активным пользователем и оператором информационных систем, что обусловлено, в частности, активным внедрением цифровых активов. Обнаружение нарушений в сфере оборота цифровых активов настоятельно требует внедрения специализированных цифровых контрольных механизмов.

По мере совершенствования этих механизмов, закономерно снижаются риски, связанные с неправомерным использованием криптовалют, как ключевого вида цифровых активов [8]. Транзакции с криптовалютой используют технологию блокчейн (децентрализованная база данных), что предполагает распределенное хранение информации на отдельных блоках, минимизируя риски, связанные с кибербезопасностью и потерей данных, так как информация хранится на различных электронных носителях [1].

Внедрение технологии блокчейн ощутимо оптимизирует процессы межведомственного взаимодействия за счет устранения посредников и упрощения процедуры обмена информацией между государственными органами. Ключевыми преимуществами цифровых инструментов являются скорость, оперативность и безопасность. Блокчейн обеспечивает государственным структурам возможность обмениваться проверенной, надежной и актуальной информацией [9, с. 447-454].

Как указывает заместитель руководителя Федерального казначейства Исаев Э.А., процесс цифровизации способствует снижению числа выездных проверок, а также освобождает государственные органы от части монотонной и однообразной работы [7]. Работа с большими объемами данных представляет собой одно из приоритетных направлений в рамках цифровой трансформации. Однако, для дальнейшего развития этой сферы ключевым условием является переход государственных органов на российское программное обеспечение. Федеральное казначейство Российской Федерации ведет работу в этом направлении, полный переход на отечественные серверы намечен на 2027 г. [3].

Несмотря на неоспоримые преимущества цифровизации, процесс внедрения и долгосрочной эксплуатации цифровых инструментов сопряжен с рядом проблем.

Во-первых, сохраняется высокий уровень риска в сфере кибербезопасности, обусловленный концентрацией персональных данных в цифровой среде и недостаточной эффективностью мер защиты.

Во-вторых, констатируется дефицит квалифицированных кадров, обладающих необходимым набором компетенций, что является следствием отсутствия унифицированных стандартов в сфере подготовки IT-специалистов.

В-третьих, разнородность информационных систем, используемых различными ведомствами, препятствует эффективному межведомственному взаимодействию.

Перспективным направлением решения указанных проблем является расширение применения технологии блокчейн не только в Федеральном казначействе Российской Федерации, но и в других органах государственной власти. Внедрение такой системы позволит существенно сократить сроки обработки транзакций и повысить уровень защиты персональных данных от несанкционированного доступа [10].

В Российской Федерации функционирует блокчейн-платформа «Мастерчейн», разработанная Ассоциацией «ФинТех» и Банком России, начиная с 2016 года. Эта система, основанная на модифицированном протоколе Ethereum (изначально разработанном канадским программистом российского происхождения Виталиком Бутериным), активно используется в различных проектах. В частности, на базе «Мастерчейн» реализованы: «Цифровые банковские гарантии», «Децентрализованная депозитарная система для учета закладных», сервис KYC (Know Your Customer) для обмена информацией о клиентах между банками в целях снижения мошенничества, а также проект «Распределённый реестр цифровых банковских гарантий», переводящий банковские гарантии в электронный формат и сокращающий объем бумажной документации.

Для решения проблем кадрового обеспечения необходимо развивать системы дистанционного образования на государственном уровне, в том числе, путем создания новых институтов и курсов, а также разработки единых стандартов обучения в этой сфере.

Для повышения эффективности государственного управления необходимо осуществить горизонтальную интеграцию информационных систем, используемых различными государственными органами, что позволит создать единую информационную среду. Этот подход обеспечит формирование современного IT-комплекса, способного оперативно реагировать на изменения экономической ситуации и принимать управленческие решения. Интеграция бизнес-процессов как в вертикальной структуре власти, так и внутри бизнес-сообщества является ключевым этапом этого процесса.

Внедрение цифровых технологий в государственный сектор требует не только технического обновления, но и разработки механизмов превентивного контроля. Для достижения поставленных целей необходимо обеспечить координацию усилий всех участников бюджетного процесса и совершенствование нормативно-правового регулирования. Цифровая трансформация выступает одновременно как стимул к развитию и

возможность создания более продуктивной и устойчивой системы, обладающей необходимыми ресурсами для преодоления трудностей и реализации своего потенциала.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/74451466/> (дата обращения: 10.12.2025)
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363. (дата обращения: 08.12.2025)
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2015 № 658 «О государственной интеграционной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182473. (дата обращения: 09.12.2025)
4. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756. (дата обращения: 10.12.2025)
5. Бурцев В.В. Построение современной системы государственного финансового контроля в свете необходимости укрепления Российской государственности. - М.: Корпоративный менеджмент. - 2018. - С. 55.
6. Гусев А. Внутренний финансовый контроль и внутренний финансовый аудит // Силовые министерства и ведомства: бухгалтерский учет и налогообложение. - 2019. - № 3.
7. Исаев Э.А. Курс на цифровизацию аналитических полномочий Казначейства России [Электронный ресурс]. URL: <https://roskazna.gov.ru/100letKRO/publikatsii/stati-100letkro/1605975/?ysclid=m81nb7rmiv508259057> (дата обращения: 10.12.2025).
8. Петров М. О цифровой трансформации Счётной палаты РФ в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/o-cifrovoj-transformacii-schjotnoj-palaty-rf-v-2022-godu.html> (дата обращения: 05.12.2025).
9. Храменко А.А. Анализ бюджетного инвестирования/ Храменко А.А., Вакуленко А.А., Салова А.А.//Вестник Академии знаний. 2020. № 5 (40). С. 447-454.
10. Информационные технологии в Счетной палате РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 06.12.2025).

References:

1. Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/74451466/> (date of request: 10.12.2025)
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030". [Electronic resource] - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363. (accessed: 12/08/2025)
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.06.2015 No. 658 "On the State Integration Information System for Public Finance Management "Electronic Budget". Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182473. (date of request: 09.12.2025)
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 N 1632-r "On approval of the program "Digital Economy of the Russian Federation". Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756. (date of request: 10.12.2025)
5. Burtsev V.V. Building a modern system of state financial control in the light of the need to strengthen the Russian state. Moscow: Corporate Management, 2018, p. 55.
6. Gusev A. Internal financial control and internal financial audit // Law enforcement ministries and departments: accounting and taxation. - 2019. - № 3.
7. Isaev E.A. Course on digitalization of analytical powers of the Treasury of Russia [Electronic resource]. URL: <https://roskazna.gov.ru/100letKRO/publikatsii/stati-100letkro/1605975/?ysclid=m81nb7rmiv508259057> (date of request: 10.12.2025).
8. Petrov M. On the digital transformation of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2022 [Electronic resource]. URL: <https://d-russia.ru/o-cifrovoj-transformacii-schjotnoj-palaty-rf-v-2022-godu.html> (date of reference: 05.12.2025).
9. Khramchenko A.A. Analysis of budget investment/ Khramchenko A.A., Vakulenko A.A., Salova A.A.//Bulletin of the Academy of Knowledge. 2020. No. 5 (40). pp. 447-454.
10. Information technologies in the Accounts Chamber of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (date of request: 12/06/2025).

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЛАН СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ THE FOURTH PLAN TO PROMOTE THE DEVELOPMENT OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE SAKHALIN REGION: RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

СЛЕПЦОВ Анатолий Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридического факультета,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

E-mail: uyandi@mail.ru.

SLEPTCOV Anatolii Nikolaevich,

PhD in Law Head of Department Faculty of Law M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, ul. Belinsky, 58.

E-mail: uyandi@mail.ru.

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию реализации четвертого Плана содействия развитию коренных народов Сахалинской области 2021-2025 годы. В работе рассматриваются вопросы реализации права свободного, предварительного и осознанного согласия, закрепленного в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 года, идеи устойчивого развития малочисленных народов России. Отмечена необходимость использования цифровой платформы, что позволит не только оптимизировать процесс подачи заявок на гранты, но и сделать его более прозрачным.

Abstract. The article is devoted to the study of the implementation of the fourth Plan for the Promotion of the Indigenous Peoples of the Sakhalin Region in 2021-2025. The paper examines the issues of the implementation of the right of free, prior and informed consent, enshrined in the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples of 2007, and the idea of sustainable development of the small peoples of Russia. The need to use a digital platform was noted, which will not only optimize the grant application process, but also make it more transparent.

Ключевые слова: Сахалин, коренные малочисленные народы, свободное, предварительное осознанное согласие, устойчивое развитие, партнерство промышленных компаний и коренных народов.

Keywords: Sakhalin, indigenous peoples, free, prior informed consent, sustainable development, partnership of industrial companies and indigenous peoples.

Статья поступила в редакцию: 29.09.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение

В июле 2021 г. Указом Президента Российской Федерации принята обновленная стратегия национальной безопасности, которая определяет защиту страны от каких-либо угроз, обеспечение прав и свобод граждан, достойный уровень жизни населения. В данной стратегии отмечено, что в настоящее время в России растет осознание необходимости защиты традиционных ценностей – культурное и историческое наследие страны.

Кроме того, из документа следует, что составной важной частью многонационального народа России являются коренные малочисленные народы Севера (далее КМНС), которые проживают на территориях традиционного природопользования своих предков, сохраняющие их образ жизни, обычаи и традиции, промыслы и хозяйствование [3].

Удивительный по красоте остров Сахалин уже не одно столетие является территорией контактов различных культур... В результате ассимиляции малочисленных народов, культура тунгусоязычных оленеводов и морских рыболовов ороков / орочёнов, которые теперь все чаще называют себя уйльта, претерпела кардинальные изменения. Практически исчез этнический язык, оленеводство сохраняется лишь у северной группы уйльта (с. Вал Ногликского района) и лишь в мизерных масштабах. Основная часть этой этнической группы стала горожанами или жителями крупных поселков с вытекающими из этого изменениями в социальном статусе людей. Сходная ситуация у сахалинских эвенков и нанайцев. Несмотря на свою относительную многочисленность (на фоне остальных аборигенных этнических групп Сахалина) нивхи также не избежали резких изменений образа жизни: исчезли элементы этнической культуры, возможности практиковать традиционное природопользование из-за отсутствия земельных и рыболовных участков, практически вышел из употребления этнический язык [2].

С начала своей деятельности ООО «Сахалинская Энергия» (Сахалинская Энергия или компания), оператор комплексного нефтегазового проекта «Сахалин-2», стремится быть социально ответственной компанией [4]. Начиная с 2006 года важной частью этой деятельности стала подготовка серии Планов содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области. Они стали результатом совместной работы, которая началась с учреждения *партнерства* оператора проекта «Сахалин-2» в лице ООО «Сахалинская Энергия», Регионального совета уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области и Правительства Сахалинской области.

В рамках четвертого Плана содействия (2021–2025 годы) предусмотрена реализация грантовой и образовательной программ, проведение обучающих семинаров, Матрицы мер по снижению воздействия на природу и экологию, общественных встреч и консультаций. С целью эффективного и своевременного урегулирования потенциальных проблем, жалоб, возникающих в связи с реализацией программы, действует специальная Процедура рассмотрения жалоб, связанных с Планом содействия.

Все представители четырех основных официально признанных этнических групп КМНС Сахалинской области в количестве 4376 человек¹ — нивхи, нанайцы, уйльта (ороки), эвенки, проживающие в Сахалинской области, — входят в сферу действия четвертого Плана содействия.

В настоящее время КМНС Сахалинской области занимаются основными видами традиционной хозяйственной деятельности — рыболовством, сбором дикоросов, художественными промыслами и народными ремеслами.

В Управлении министерства юстиции РФ по Сахалинской области зарегистрировано 89 родовых хозяйств и общин, 8 общественных объединений КМНС Сахалинской области, из них четыре местные общественные организации и четыре — региональные.

Реализация права свободного, предварительного и осознанного согласия

Право свободного, предварительного и осознанного согласия закреплено в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 года и является неотъемлемой частью права на самоопределение народов.

Следует особо отметить отлаженный механизм реализации права свободного, предварительного и осознанного согласия (СПОС) КМНС при формировании четвертого Плана содействия.

Это создание равноправной рабочей группы партнеров, проведение двух раундов консультаций КМНС, анкетирование районов проживания КМНС, независимая оценка экспертов, размещение проекта четвертого Плана содействия на интернет-сайте Плана и распространение в районах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС Сахалинской области информации о деятельности ООО «Сахалинская Энергия» для рассмотрения и комментирования населением из числа КМНС.

Завершающий этап, проведение специальной конференции КМНС Сахалинской области по вопросам реализации права СПОС. В результате общественных обсуждений и консультаций КМНС было подписано Заявление о свободном, предварительном и осознанном согласии на реализацию четвертого Плана содействия и подписано трехстороннее Соглашение между партнерами Плана содействия.

Партнеры четвертого Плана содействия определили главные цели.

1. Вклад в устойчивое развитие и сохранение традиционных знаний. Повышение качества жизни КМНС Сахалинской области путем реализации актуальных и общественно значимых проектов, разработанных с учетом культурных особенностей.

2. Развитие потенциала. Активное участие КМНС Сахалинской области в управлении своей деятельностью, укрепление культурного и этнического самосознания путем реализации проектов, направленных на развитие лидерских, технических и других навыков, а также посредством привлечения к проектной деятельности для решения общественно значимых проблем.

3. Содействие КМНС Сахалинской области в подготовке к возможному созданию независимого фонда развития КМНС.

4. Информирование о реализации проекта «Сахалин-2». Предоставление сообществу КМНС Сахалинской области своевременной информации о реализации проекта «Сахалин-2», включая возможности трудоустройства, фактическое и (или) потенциальное воздействие проекта на окружающую среду и меры, принимаемые для его предотвращения и (или) минимизации, экологические программы.

Четвертый План содействия включает проведение независимой внешней оценки реализации программы, которая соответствует международным стандартам и требованиям законодательства Российской Федерации.

Полевая экспедиция внешней оценки четвертого Плана содействия проводилась в период с 3 – 19 июня 2025 года. В ходе экспедиции посещено 12 населенных пунктов в семи муниципалитетах, которые официально утверждены Правительством Сахалинской области как районы традиционного проживания коренных народов малочисленных острова: г. Южно-Сахалинск, Поронайск, пгт Смирных, г. Александровск-Сахалинский, с. Виахту, с. Тымовское, с. Чир-Унвд, с. Вал, пгт Ноглики, с. Венское, г. Оха, с. Некрасовка.

В ходе экспедиции состоялись очные встречи с членами координирующих органов Плана содействия, представителями культурных и образовательных учреждений, а также с представителями КМНС, принимающими участие в «Плане содействия», родовых общин и некоммерческих общественных организаций.

Всего за время экспедиции проведено 86 встреч, опросов и интервью, было охвачено более 100 участников. Встречи проходили на высоком уровне доверия, так как респонденты воспринимали эксперта КМНС как своего собрата и сородича. Просили консультации по вопросам своей жизнедеятельности, спрашивали, как решаются те или иные проблемы рыболовства, оленеводства и охотничьего промысла в других регионах ДФО. Спрашивали совета в сфере защиты прав КМНС на традиционное природопользование.

Хотелось бы отметить высокий профессионализм сотрудников отдела социальной деятельности по работе с КМНС ООО «Сахалинская Энергия» и координатора Плана содействия, которые оперативно представили экспертам основные документы.

Настоящее исследование содержит материалы социологического опроса 2025 года среди коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области проведенный в рамках реализации Плана содействия, а также информацию о рассмотрении жалоб во время реализации четвертого Плана содействия. Также информацию о взаимодействии компании с коренными народами которая размещена на сайте компании «Сахалинская Энергия» <https://www.sakhalinenergy.ru/ru/media/esg/>.

В ходе опросов и интервью была задача выяснить мнение КМНС о вкладе четвертого Плана содействия в устойчивое развитие и повышение качества жизни КМНС Сахалинской области путем реализации актуальных и общественно значимых проектов в сфере образования, культуры, родных языков, спорта и охраны здоровья, традиционной хозяйственной деятельности.

Почти все респонденты считают, что поддержка образования молодежи, включенная в План содействия, стимулировала активность по

¹ Данные Правительства Сахалинской области <https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=598>

получению образования.

Студенты и их родители, получившие гранты на оплату высшего и среднего профессионального образования, отметили, что стипендии позволили существенно снизить финансовую нагрузку на их родителей, что, в свою очередь, вызвало в них чувство уважения к Плану содействия КМНС.

Студенты, обучающиеся в высших и средних учебных заведениях на платной основе, откровенно говорили о том, что без помощи Плана содействия они не смогли бы получить доступ к платным услугам профессионального образования из-за высокой стоимости обучения в передовых вузах страны.

Наряду с положительными отзывами некоторые респонденты обратили внимание на недостаточное, по их мнению, распространение информации о программах стипендий. Некоторые из них узнали о программе совершенно случайным образом, а другим, по их собственным словам, пришлось приложить немалые усилия, чтобы наконец получить информацию о компоненте, о том, к кому следует обращаться по этому вопросу на районном уровне и какие шаги предпринимать для получения социальной поддержки.

Некоторые респонденты обратили внимание на то, что выпускники высших и средних образовательных учреждений практически все остались работать в гг. Москве и Санкт-Петербурге, в других городах центральной России и не планируют возвращаться на малую родину - Сахалин. В связи с этим у них возникли справедливые вопросы, может следует в рамках Плана содействия разработать трехсторонние Соглашения об обучении с тем, чтобы студенты могли иметь гарантированные рабочие места на предприятиях и учреждениях региона по окончании учебы.

В ходе реализации План содействия развитию традиционной хозяйственной деятельности КМНС в 2022 году было выдано 39 грантов через общины КМНС на общую сумму 23 149 491 рублей.

В 2023 году было выдано 29 грантов через общины КМНС на общую сумму 16 310 052 рубля.

В 2024 году было выдано 26 грантов через общины КМНС на общую сумму 17 450 136 рублей.

В 2025 году был выдан 31 грант через общины КМНС на общую сумму 19 275 000 рублей.

Учитывая, что средняя община КМНС относительно немногочисленна, можно предположить, что в рамках данного компонента улучшили свои экономические положения несколько сотен человек, занимающихся в основном традиционным рыболовством.

Оценивая влияние четвертого Плана содействия на жизнь и благополучие сообщества КМНС, респонденты выражали разные мнения — от полностью позитивных до крайне негативных.

Многие респонденты, которые отметили, что любая материальная поддержка КМНС оказывает положительное воздействие, поскольку «качество жизни людей, участвующих в проектах Плана содействия, улучшается».

Наряду с позитивными оценками высказывались и критические замечания в отношении влияния четвертого Плана содействия на экономическое благополучие КМНС.

Респонденты, выражающие сомнения, отмечают необходимость финансирования большего числа соискателей, членов общин КМНС, занимающихся традиционным хозяйством. Данная критика имеет под собой весомые основания, поскольку за пять лет реализации Плана финансовую поддержку получили примерно 25 % аборигенов от общего числа КМНС.

К сожалению, в мероприятиях четвертого Плана содействия не достаточное количество проектов по развитию оленеводства и сохранению родных языков, традиционных знаний КМНС Сахалина. Ведь это - основы сохранения малочисленных и исчезающих народов, так как оленеводство единственная среда где КМНС использует родные языки и обычаи предков, нет родных языков нет народа.

В этой связи следует заметить, также во время экспедиции в национальном селе Вал эксперты во время опроса выявили эвенкийскую молодежь, которая желает реализовать проект по возрождению домашнего оленеводства и этнотуризма. Эти примеры говорят, что со стороны молодежи аборигенов Сахалина есть запрос на возрождение оленеводства и развития этнотуризма помимо традиционного рыболовства.

Во время экспедиции у экспертов была уникальная возможность встретиться с легендарным нивхским писателем и публицистом, автором нивхского алфавита Владимиром Михайловичем Санги. В свои 90 лет он продолжает трудиться на ниве сохранения родного языка и литературы.

В ходе интервью он высказал свою главную боль и сожаление о том, что нивхский язык практически вымер. По его словам, в настоящее время он единственный человек на Сахалине, знающий в совершенстве нивхский язык и еще две-три женщины знают немного разговорный нивхский язык. Такая же ситуация и с другими родными языками коренных народов Сахалина.

И в этой связи, следует отметить тот факт, что План содействия – это единственная Программа, которая последовательно реализует проекты по сохранению бесценного культурного и языкового наследия нивхского и других коренных малочисленных народов Сахалина путем поддержки проектов по изданию книг и национальной литературы на языках народов Сахалина.

Судя по всему, спектру имеющихся материалов, противоречия и конфликты по поводу реализации программы основаны не только на разном понимании устойчивости у представителей коренных народов и компании. Под устойчивым развитием хозяйственной деятельности в подобных программах развития зачастую понимается включение коренных народов в рыночные отношения и стимулирование между ними конкуренции. При этом в отсутствие земельных прав и права на самоуправление представители коренных народов Сахалина вынуждены особенно опираться на то, что они сами определяют как «традиции», с их помощью противопоставляя себя доминирующей группе и нефтегазовым корпорациям.

Безусловно, разделение традиционное/современное весьма условно, не всегда приносит пользу самим представителям коренным народам и поэтому легко подвергается критике, но в некоторых контекстах, например, нефтегазового освоения, именно оно позволяет выстраи-

вать границы и защищать свои права в ситуации этнического и социального неравенства [2].

На основании результатов экспедиции, эксперты предлагают следующие рекомендации, адресованные Рабочей группе, подготавливающей проект пятого Плана Содействия, и сообществу КМНС.

Продолжить реализацию Плана развития коренных народов, основанной на принципах свободного, предварительного и осознанного согласия (СПОС) и положениях стратегических документов по устойчивому развитию малочисленных народов, Дальнего Востока и Арктики [1].

Расширить использование цифровой платформы грантового конкурса и других цифровых технологий, что позволит сделать реализацию Плана содействия КМНС более прозрачным и доступным.

На сайте Плана содействия желательно разместить информацию обо всех его выгодоприобретателях Плана содействия. Информация должна включать данные выгодоприобретателя (или наименование юридического лица), год получения гранта, компонент Плана содействия, сумму, назначение и результаты проекта с учетом защиты персональных данных и письменного согласия выгодоприобретателя.

Список литературы

1. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 апреля 1999 № 82-ФЗ; принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 апр. 1999 г.; одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22 апр. 1999 г. // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18. Ст. 2208. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период 2036 года., утв. распоряжением Правительства РФ от 08 мая 2025 г. № 1161-п.
2. Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина / Под редакцией Д. А. Функа. М.: ООО «Издательство «Демос», 2015. 272 с.
3. Слепцов А.Н. Родовая община коренных малочисленных народов Севера в системе управления традиционным природопользованием // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11. № 4. С. 568–581. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-568-581.
4. Sleptsov Anatolii and Petrova Aitalina. Ethnological Expertise in Yakutia: The Local Experience of Assessing the Impact of Industrial Activities on the Northern Indigenous Peoples. Resources 2019, 8, 123. Burtseva Evdokia, and Bysyina Anna. Damage Compensation for Indigenous Peoples in the Conditions of Industrial Development of Territories on the Example of the Arctic Zone of the Sakha Republic // Resources 2019. – vol. 8 - Number 55. - P. 14.

References

1. On guarantees of the rights of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation: feder. The law grew. Federal Law of the Russian Federation No. 82-FZ dated April 30, 1999; adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The collection grew. Federation on April 16, 1999; approved by the Federation Council of the Federation. The collection grew. Of the Russian Federation on April 22, 1999 // Sobr. The legislation Grew. Federation. 1999. No. 18. Art. 2208. The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation dated December 19, 2012 No. 1666 // Collection of the Russian Federation laws. 2012.No. 52. St.7477. The Concept of Sustainable development of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation for the period 2036, approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated May 08, 2025. No. 1161-p.
2. Culture and resources. The experience of an ethnological survey of the current situation of the peoples of the Sakhalin North / Edited by D. A. Funka. Moscow: Demos Publishing House, 2015. 272 p.
3. Sleptsov A.N. The tribal community of the indigenous small-numbered peoples of the North in the management system of traditional nature management // Arctic: ecology and economics. 2021. Vol. 11. No. 4. pp. 568-581. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-4-568-581.
4. Sleptsov Anatolii and Petrova Aitalina. Ethnological Expertise in Yakutia: The Local Experience of Assessing the Impact of Industrial Activities on the Northern Indigenous Peoples. Resources 2019, 8, 123. Burtseva Evdokia, and Bysyina Anna. Damage Compensation for Indigenous Peoples in the Conditions of Industrial Development of Territories on the Example of the Arctic Zone of the Sakha Republic // Resources 2019. – vol. 8 - Number 55. - P. 14.

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ В МЕХАНИЗМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ON THE ISSUE OF THE INSTITUTION OF CONSULTATIVE DEMOCRACY IN THE MECHANISM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

ОЧИР-ГАРЯЕВА Ирина Калиновна,

к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова»

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.

E-mail: kalinovna7@yandex.ru;

МУЧАЕВА Дарима Геннадьевна,

Ассистент ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова»

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.

E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

НЕМКЕЕВА Эльзята Тавыновна,

магистрант направления «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова»

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.

E-mail: elzunya22@yandex.ru;

САРАНГАЕВА Галина Александровна,

студентка направления «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова»

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.

E-mail: gsarangaeva@list.ru;

ИВАНОВА Заяна Хонгоровна,

студентка направления «Юриспруденция»

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова»

358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11.

E-mail: ivanova.zayana@mail.ru

OCHIR-GARYAEVA Irina Kalinovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Kalmyk State University named after B.B.Gorodovikov, A.S. Pushkin str.,

11, Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.

E-mail: kalinovna7@yandex.ru ;

MUCHAEVA Darima Gennadievna,

Assistant at B.B.Gorodovikov Kalmyk State University

Elista, A.S. Pushkin str., 11, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.

E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

NEMKEEVA Elzyata Tavynovna,

Master's student in Law B.B.Gorodovikov Kalmyk State University

11 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.

E-mail: elzunya22@yandex.ru;

SARANGAEVA Galina Alexandrovna,

student of the field of Law B.B.Gorodovikov Kalmyk State University

Elista, A.S. Pushkin str., 11, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.

E-mail: gsarangaeva@list.ru;

IVANOVA Zayana Khongorovna,

Law student B.B.Gorodovikov Kalmyk State University

Elista, A.S. Pushkin str., 11, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.

E-mail: ivanova.zayana@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются вопросы реформирования законодательства о местном самоуправлении, в связи с чем проведен анализ тенденции развития консультативной демократии на муниципальном уровне. Реформирование законодательства о местном самоуправлении окажет влияние на институты муниципальной демократии, гарантии реализации прав граждан на участие в управлении делами муниципальных образований. Очевидно, что указанные изменения потребуют от законодателя и правоприменительных органов приведения имеющейся нормативной базы в соответствие с нововведениями.

Abstract: This article examines the reform of local government legislation and, in connection with this, analyzes the development of consultative democracy at the municipal level. Reforming local government legislation will impact the institutions of municipal democracy and guarantees for citizens' rights to participate in the governance of municipalities. Clearly, these changes will require legislators and law enforcement agencies to align existing regulations with these new developments.

Ключевые слова: Местное самоуправление, консультативная демократия, органы местного самоуправления, взаимодействие власти и населения, публичная власть.

Key words: Local government, consultative democracy, local government bodies, interaction between government and the population, public authority.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Развитие демократического государства напрямую зависит от степени эффективности организации системы власти, как государственной, так и местной. Именно эффективное существование и развитие местного самоуправления определяет степень доверия населения ко всей

системе власти, поскольку является самым приближенным к населению уровнем, что не может не накладывать большую меру ответственности за осуществление своей деятельности при решении вопросов местного значения.

Актуальным на сегодняшний день является вопрос правового регулирования осуществления местного самоуправления в связи с реформированием законодательства.

В декабре 2021 г. на рассмотрение в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹. Законопроект последовательно развивает положения о единой системе публичной власти и местном самоуправлении как элементе этой системы, внесенные в Конституцию в 2020 г. Он предполагает кардинальные изменения в системе местного самоуправления: отказ от двухуровневой системы самоуправления в пользу одноуровневой (будет упразднен поселенческий уровень), сокращение видового разнообразия муниципальных образований – останутся лишь три вида, сокращение депутатского корпуса, пересмотр полномочий по решению вопросов местного значения, закрепленных за органами местного самоуправления, и пр.

Все это дает возможность говорить о начале нового этапа в развитии отечественного самоуправления и в совокупности с анализом предыдущих этапов проанализировать общую траекторию развития этого института и отдельных элементов.

На каждом этапе важной частью институциональной организации местного самоуправления оказывались различные формы его осуществления, воспроизводящие элементы прямой демократии и институционально закрепляющие возможные формы политического участия на местном уровне. В каждом из упомянутых федеральных законов, так же, как и в новом законопроекте, формам осуществления местного самоуправления была посвящена отдельная глава. В то же время перечень конкретных институтов и их трактовка от закона к закону претерпевали определенные изменения. Кроме этого, менялась их реальная востребованность со стороны населения и власти, а, соответственно, менялась их распространенность.

Институциональная организация местного самоуправления может быть представлена как мера сочетания институтов непосредственного и опосредованного участия населения в местном самоуправлении. А изменения в институциональной организации местного самоуправления могут рассматриваться с точки зрения сужения или расширения поля прямой демократии, а также перераспределения соотношения между группами властных и консультативных институтов.

Можно выделить две основные тенденции, которые определяют развитие института самоуправления в последние два десятилетия. Во-первых, это тенденция к огосударствлению самоуправления, потеря им институциональной автономии², сохранение административной и финансовой зависимости³, технократизация⁴. Во-вторых, это тенденция к его последовательной унификации, что проявляется и в унификации системы местного самоуправления в масштабах всей страны и в унификации наряду с другими уровнями управленческой вертикали (в частности с региональным уровнем)⁵. Все эти процессы наиболее ярко проявились при создании единой системы публичной власти, в которую органы местного самоуправления включаются наряду с органами государственной власти в качестве нижнего (третьего) уровня управления.

При анализе форм политического участия в постсоветской России исследователи выделяют несколько тенденций. Для политического пространства России характерно преобладание двух уровней власти – федерального и регионального. На местном уровне политическое участие и его различные формы находятся в стадии формирования и не имеют сильного значения⁶. При этом новые формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления первоначально возникают на региональном и местном уровнях, то есть представляют собой инициативу снизу. И уже потом они кодифицируются и при необходимости могут подвергаться коррекции на уровне федерального законодательства⁷.

А. Е. Помазанский отмечает, что в ходе развития отечественного самоуправления сформировалась отчетливая тенденция уменьшения форм участия, связанных с принятием обязательно властных решений, и увеличения консультативных форм участия⁸.

Все исследователи отмечают связь между развитием форм политического участия и особенностями территориальной организации самоуправления. Крупные территориальные образования выгодны, прежде всего, региональной власти, в то время как население в условиях крупных муниципалитетов не может наладить взаимодействие и обмен информацией.

Также надо учитывать, что принятые на местном уровне формы политического участия имеют традиционный характер и связаны с культурой политического участия и обладают региональной и локальной спецификой. С такой точки зрения имеющая место унификация территориальной организации и укрупнение муниципальных образований может вести к выхолащиванию традиционных форм политического участия и институтов прямой демократии⁹.

В целом можно утверждать, что преобладание государственного принципа в общественной жизни определяет малую эффективность практик политического участия на местном уровне. В России вопросы территориальных основ самоуправления, т. е. где оно осуществляется, и организационных форм самоуправления, т. е. как оно осуществляется, традиционно определялись не местным сообществом, а региональной или федеральной властью.

И, тем не менее, институт народовластия представляет собой достаточно сложный механизм реализации воли населения и их пред-

¹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/6268B5D1-CTDB-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 30.10.2022)

² Нечаев В. Д. Основные тенденции в институциональной организации местного самоуправления в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и социологии политики). 2006. № 4. С. 22–44.

³ Лексин В. И. Что происходит с местным самоуправлением в России? // Федерализм. 2016. № 1(81). С. 65–76.

⁴ Зикеев В. А. Технократизация местного самоуправления // Вопросы местного самоуправления: стратегия и практика муниципального развития. 2022. № 1 (97). С. 74–77.

⁵ Зазулина М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер.: Полит., социол. и экон. науки. 2022. Т. 7. № 3. С. 275–284.

⁶ Великая Н. М. Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении // Социол. исслед. 2003. № 8. С. 45–49.

⁷ Помазанский А. Е. Соотношение традиционных и новых форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления // Журн. рос. права. 2019. № 11. С. 58–68.

⁸ Там же.

⁹ Нечаев В. Д. Основные тенденции в институциональной организации местного самоуправления в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и социологии политики). 2006. № 4. С. 22–44.

ставителей по осуществлению публичной власти в государстве. Законодательно закреплена возможность осуществления публичной власти населением, исключая посредников в виде органа власти, что является одним из главных признаков подлинной демократии.

С.А. Авакян, например, среди институтов непосредственной демократии выделяет такие, как выборы, референдум, отзыв депутатов и выборных должностных лиц, всенародные обсуждения, опрос, публичные слушания, коллективные обращения граждан по вопросам общественного значения (петиции), народная правотворческая инициатива, наказы избирателей, собрания, сходы граждан по месту жительства¹. Определить эффективность данных институтов можно оценивая достижение целей государственного и общественного управления, соответствующих воле и интересам народа². Институты непосредственной демократии классифицируются в зависимости от обязательного или рекомендательного характера исполнения воли населения, участвовавшего в процедурах муниципальной демократии.

Так, императивные институты муниципальной демократии (выборы, муниципальный референдум, голосование по вопросам, предусмотренным законодательством и т.д.) характеризуются обязательным исполнением воли населения в ходе данных процедур. Консультативные институты муниципальной демократии (народная правотворческая инициатива, подача петиций, обращения граждан, публичные слушания, опрос граждан), характеризуются больше выявлением мнения населения по определенным вопросам, чем обязательностью учета его результата.

Существующая тенденция перехода к одноуровневой модели организации местного самоуправления требует серьезного подхода к изучению опосредованных форм участия населения в осуществлении муниципального управления в городских и сельских населенных пунктах.

Законодательное закрепление на федеральном и региональном уровне реализации права населения на участие в управлении делами местных территорий, а именно городских и сельских населенных пунктов, характеризуется неоднозначностью и наличием пробелов.

Из-за несовершенства законодательного регулирования не представляется возможным использовать на практике некоторые процедуры учета мнения населения, проживающего в городских и сельских населенных пунктах, касательно важнейших вопросов развития территорий. А тем временем право и возможность населения принимать участие в решении важнейших вопросов местного значения, оказывает влияние на уровень политической активности либо пассивности населения, что в свою очередь отражает степень доверия народа к публичной власти в целом.

Безусловно, наметившаяся тенденция укрупнения и реформирования муниципальных образований потребует серьезной и детальной проработки законодательного регулирования местного самоуправления, поскольку есть опасения по сохранению обратной связи населения с органами публичной власти, особенно с органами местного самоуправления. Данный факт оставляет открытым вопрос о возможности использования муниципальных демократических процедур на низовом уровне территориальной организации, а это является определяющим фактором развития института муниципальной демократии.

Таким образом, нельзя не отметить, что, скорее всего, переход к одноуровневому формату муниципальной территориальной организации будет способствовать появлению нового института муниципальной демократии, посредством которого население городских населенных пунктов, будет взаимодействовать с органами местного самоуправления городского или муниципального округа.

На период до принятия нового федерального закона и властные, и консультативные формы участия продолжали оставаться результатом инициативы сверху и административного принуждения. Институты политического участия в связи с этим развивались в сторону большей регламентации и формализации, выступая одновременно средством принудительной демократизации сверху в условиях неразвитой культуры политического участия и позволяя при необходимости ограничить сферу распространения и применения конкретных форм гражданской активности.

Необходимо подчеркнуть, что реформирование законодательства о местном самоуправлении окажет влияние на институты муниципальной демократии, гарантии реализации прав граждан на участие в управлении делами муниципальных образований. Очевидным является также и то, что указанные изменения потребуют от законодателя и правоприменительных органов приведения имеющейся нормативно-правовой базы в соответствие с нововведениями.

Список литературы:

1. Нечаев В. Д. Основные тенденции в институциональной организации местного самоуправления в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и социологии политики). 2006. № 4. С. 22–44.
2. Лексин В. Н. Что происходит с местным самоуправлением в России? // Федерализм. 2016. № 1(81). С. 65–76.
3. Зикеев В. А. Технократизация местного самоуправления // Вопросы местного самоуправления: стратегия и практика муниципального развития. 2022. № 1 (97). С. 74–77.
4. Зазулина М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер.: Полит., социол. и экон. науки. 2022. Т. 7. № 3. С. 275–284.
5. Великая Н. М. Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении // Социол. исслед. 2003. № 8. С. 45–49.
6. Помазанский А. Е. Соотношение традиционных и новых форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления // Журн. рос. права. 2019. № 11. С. 58–68.
7. Авакян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 389–392.
8. Уваров А.А. Эффективность народовластия в соотношении с формами прямого волеизъявления граждан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 32–35.

References:

1. Nechaev V. D. The main trends in the institutional organization of local self-government in modern Russia // Politia: Analiz. The chronicle. Forecast (Journal of Political Science philosophy and sociology of politics). 2006. No. 4. pp. 22–44.
2. Leksin V. N. What is happening with local self-government in Russia? // Federalism. 2016. No. 1(81). pp. 65–76.
3. Zikeev V. A. Technocratization of local government // Issues of local self-government: strategy and practice of municipal development. 2022. No. 1 (97). pp. 74–77.
4. Zazulina M. R. To integrate into the system: local self-government in the context of the new federal reform // Vestn. Kemer State University. Ser.: Political, social and Economic sciences. 2022. Vol. 7. No. 3. pp. 275–284.
5. Velikaya N. M. The main trends of political participation in local government // Sociol. research. 2003. No. 8. pp. 45–49.
6. Pomazansky A. E. The ratio of traditional and new forms of citizen participation in the implementation of local self-government. Ross. rights. 2019. No. 11. pp. 58–68.
7. Avakian S.A. Constitutional Law of Russia. Training course. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. pp. 389–392.
8. Uvarov A.A. The effectiveness of democracy in relation to the forms of direct expression of the will of citizens // Constitutional and municipal law. 2018. No. 3. pp. 32–35.

¹ Авакян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 389–392.

² Уваров А.А. Эффективность народовластия в соотношении с формами прямого волеизъявления граждан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 32–35.

ВЛИЯНИЕ МИРОВОЙ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЦИФРОВИЗАЦИЮ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ THE IMPACT OF THE GLOBAL TREND TOWARDS DIGITALISATION OF HIGHER EDUCATION SYSTEMS ON THE DIGITALISATION OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

ХАСАНОВ Эльнур Расимович

старший преподаватель кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий»
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49
e-mail: hasanov.elnur@mail.ru

KHASANOV Elnur Rasimovich

Senior Lecturer Department of Private and Public Law
FSBEI IHE «Russian State University of Social Technologies»
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia.
e-mail: hasanov.elnur@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются глобальные тенденции цифровизации в высшем образовании и их влияние на российскую систему высшего образования. Проанализированы приёмы и модели цифровой трансформации высших учебных заведений за рубежом, выявлены проблемы и вызовы, с которыми столкнулась Россия при внедрении цифровых технологий, а также определены ключевые направления для дальнейшего развития. Особое внимание уделяется вопросам цифровой грамотности преподавателей и студентов, инфраструктуры, качества онлайн обучения и гибридных форматов. Статья будет полезна специалистам в сфере образования, менеджерам вузов, политическим деятелям, занимающимся образовательной политикой, и исследователям в области цифровых технологий и образовательной трансформации.

Abstract: This article examines global trends in digitalization in higher education and their impact on the Russian higher education system. It analyzes the methods and models of digital transformation in higher education institutions abroad, identifies the problems and challenges that Russia has faced in implementing digital technologies, and defines key areas for further development. Particular attention is paid to the issues of digital literacy of teachers and students, infrastructure, the quality of online learning, and hybrid formats. The article will be useful for education specialists, university managers, politicians involved in education policy, and researchers in the field of digital technologies and educational transformation.

Ключевые слова: цифровизация образования, высшее образование, онлайн и гибридное обучение, цифровая трансформация, цифровая грамотность, международный опыт, инфраструктура, качество образования, образовательные технологии

Keywords: digitization of education, higher education, online and hybrid learning, digital transformation, digital literacy, international experience, infrastructure, quality of education, educational technologies.

Статья поступила в редакцию: 20.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В последние десятилетия цифровизация становится одним из ключевых факторов трансформации высшего образования во многих странах мира. Появление онлайн-платформ, дистанционных и гибридных форм обучения, внедрение цифровых образовательных ресурсов (OER), адаптивных технологий, автоматизированных систем оценки знаний и прочих EdTech-инноваций, меняют традиционную структуру высшей школы и её методологию. Глобальные тенденции, такие как Education 5.0, цифровые кампусы, micro-credentials, смешанное обучение, показывают, что цифровизация уже не просто вспомогательный элемент, а необходимое условие устойчивого развития образовательной системы.

Россия, с одной стороны, активно участвует в этой трансформации, реализуя национальные проекты, программы цифровой трансформации, онлайн-курсы и внедрение LMS-систем. С другой стороны, российской системе образования приходится сталкиваться с множеством специфических проблем: от технической оснащённости и кадровой подготовки до нормативно-правовой базы и методических решений.

Цель данной статьи - исследовать, как мировые тенденции цифровизации высшей школы влияют на российскую систему, какие проблемы и ограничения проявляются, а также определить перспективы и возможные пути развития.

Когда мы рассматриваем мировые тенденции цифровизации высшего образования, полезно не только перечислять, *что делают за рубежом*, но и понимать, почему и как это работает - а также какие условия позволяют этим практикам приносить эффект. Это важно, потому что Россия и её вузовская система имеют свои особенности: география, масштаб, кадровый состав, ресурсная база [3].

Например, в странах Европы и Северной Америки крупные университеты внедряют смешанное обучение (гибридный формат), где часть занятий проводится онлайн, часть - очно. Это не просто удобство - смешанные форматы позволяют увеличить охват студентов, дать гибкость тем, кто живёт далеко, работает, или сталкивается с другими ограничениями. Они используют виртуальные семинары, записи лекций, форумы, что повышает вовлечённость и адаптивность обучения.

Другой пример - micro-credentials (или микро-сертификаты). В США, Великобритании и некоторых странах Азии курсы, которые дают небольшие, но конкретные навыки, становятся всё более признанными работодателями и образовательными учреждениями. Они позволяют студентам адаптироваться к изменениям рынка труда быстрее, чем если они ждали окончания полного курса. Это особенно актуально для профессиональной переподготовки или расширения компетенций [7].

Также заметна роль ассистивных технологий и доступности. Там, где законодательство требует, чтобы онлайн-платформы, веб-сайты университетов и LMS-системы были доступны для людей с инвалидностью (например, соответствовали стандартам Web Content Accessibility Guidelines - WCAG), внедрение дистанционного обучения часто сопровождается меньшим числом жалоб и больше удовлетворения среди студентов, включая с ограниченными возможностями.

В России цифровизация высшего образования ускорилась особенно в последние несколько лет - пандемия COVID-19 стала своего рода катализатором. Исследование «Digitalization of Higher Education in 2021 - Challenges for University Students in Russia» показывает, что государство использовало стратегию цифрового образования для повышения конкурентоспособности вузов на международной арене.

Например, ведущие вузы (НИУ ВШЭ, СПбПУ, Московские университеты) активно разворачивали онлайн-курсы, LMS-платформы, дистанционные семинары. В высших учебных заведениях увеличилось использование комбинированного формата обучения, что позволяет студентам совмещать очное и онлайн-обучение [10].

Также растёт число преподавателей, которые до пандемии практически не использовали цифровые ресурсы, но затем были вынуждены быстро адаптироваться. Исследование HSE показывает: доля преподавателей, использовавших онлайн-ресурсы время от времени, до массового перехода была около 64 %, после - около 85 %, при этом среди тех, кто раньше не работал по цифровым форматам, почти три четверти начали это делать. Это ярко показывает, что глобальная тенденция цифровизации напрямую влияет на практику в России.

Однако влияние мировых тенденций наталкивается на множество препятствий. Во-первых, качество онлайн-обучения в российских вузах нередко критикуется: например, в исследовании студентов большие жалобы на слабую методическую подготовку преподавателей, недостаточную интерактивность, слабую обратную связь [1].

Также есть технические ограничения: плохое интернет-соединение в ряде регионов, слабое оснащение аудитории, недостаток мощностей, оборудования, стабильных LMS-систем. Всё это мешает реализации форматов, которые в мировой практике считаются стандартными.

Немаловажный момент - регулирование и правовая база. В мире существуют аккредитации, стандарты качества, стандарты цифровой доступности, системы оценки и мониторинга качества онлайн-образования (например, через международные агентства, стандарты вроде ISO/IEC JTC 1 SC-36, EAHEA и др.). В России такие стандарты пока развиваются менее последовательно.

Наконец, существуют социальные и психологические барьеры: для некоторых преподавателей приверженность традиционным методам, недостаточная мотивация к инновациям; для студентов - сложности с самоорганизацией, мотивацией, изоляция при дистанционном обучении. Исследование показывает, что студенты первокурсников и из малых городов столкнулись с наибольшими трудностями при переходе на онлайн форму [2].

Исходя из международного опыта и российских реалий, можно видеть направления, в которых Россия может развиваться. Например, принимать стандарты международных агентств по аккредитации онлайн-курсов (как EAHEA, IACDE) для вузов в России, чтобы повысить доверие к онлайн-образованию и гармонизировать стандарты. Также внедрять зрелые модели оценки качества образовательных платформ (например, maturity models, как eQETIC) для оценки зрелости и надёжности образовательных цифровых решений [4].

Другой путь - усиление нормативных требований к цифровой доступности и лицензированию онлайн-курсов, чтобы потребитель (студент) мог быть уверен в качестве и ответственности учреждения. Также важно развивать инфраструктуру в регионах, чтобы студенты вне крупных центров жили в условиях, близких к идеальным для онлайн-обучения.

Предложения по совершенствованию цифровизации высшего образования в России:

1. Разработка национальной стратегии цифрового высшего образования. Необходим единый стратегический документ, регламентирующий цели, этапы, стандарты и контрольные показатели цифровизации в вузах. В рамках этой стратегии должно быть предусмотрено развитие как инфраструктуры, так и методической, кадровой и правовой базы. Аналогичные стратегии успешно реализованы в ряде стран ЕС (Digital Education Action Plan – 2021–2027).
2. Создание и внедрение системы независимой оценки качества онлайн-обучения. Следует разработать и ввести систему национальной аккредитации онлайн-курсов и дистанционных программ, включая критерии качества, цифровой доступности, соответствия образовательным стандартам. Эта система позволит исключить неэффективные и формальные курсы, обеспечит доверие к дистанционному образованию.
3. Укрепление региональной цифровой инфраструктуры вузов. Требуется адресное финансирование вузов в регионах на развитие высокоскоростного интернета, серверных мощностей, технической базы (включая компьютеры, видеотехнику, цифровые платформы). Это обеспечит равные условия доступа к онлайн-обучению вне зависимости от географии.
4. Разработка стандартов цифровой педагогики. Необходимо внедрение обязательной методической подготовки преподавателей по цифровому обучению: от проектирования онлайн-курсов до работы с цифровыми платформами и мониторинга активности студентов. Предложения по созданию модулей «Цифровая дидактика» и «Интерактивное преподавание в онлайн» могут быть включены в программы переподготовки.
5. Расширение межвузовского сотрудничества в цифровой сфере. Предлагается создание консорциумов вузов (по типу «Университет 20.35»), обмен цифровыми ресурсами, совместное создание онлайн-программ, что позволит избежать дублирования, повысит качество и снизит издержки.
6. Признание результатов обучения, полученных на внешних цифровых платформах. Рекомендуется законодательное за-

крепление механизмов зачёта результатов обучения, полученного через международные платформы (Coursera, EdX, Udemu и др.), при условии соответствия содержанию ФГОС и прохождения формализованной аттестации.

7. Создание «цифрового портфолио» обучающегося. Ввести возможность формирования цифрового профиля и портфолио учащегося с интеграцией в государственные платформы (например, «Госуслуги», «Цифровой университет»), что позволит учитывать все курсы, сертификаты, достижения - и повысит индивидуализацию траектории обучения.

8. Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс. Следует развивать пилотные проекты по внедрению ИИ для адаптации контента, автоматизированной проверки заданий, анализа успеваемости и поведенческих метрик, что позволит своевременно реагировать на риски отсева и повысит эффективность преподавания.

9. Государственная поддержка разработчиков отечественных EdTech-решений. Необходимо субсидировать создание отечественных платформ, LMS-систем, виртуальных лабораторий, обучающих ИИ, что позволит снизить зависимость от зарубежного ПО и обеспечит соответствие требованиям безопасности и локализации [9].

10. Расширение международного академического взаимодействия. Рекомендуется активное участие российских вузов в международных проектах в сфере цифровизации образования (например, Erasmus+ Digital Education, UNESCO's Global Education Coalition), что откроет доступ к лучшим практикам и инновационным технологиям.

Таким образом, влияние мировой тенденции цифровизации на систему высшего образования России носит двойственный характер: с одной стороны - это мощный стимул для реформ и качественных изменений, с другой - набор вызовов, которые необходимо преодолевать, чтобы цифровизация была устойчивой и справедливой.

Во-первых, мировые практики показывают, что цифровизация (гибридные форматы, микро-квалификации, ассистивная технология, стандарты качества) может существенно расширять доступ к образованию, устранять географические и социальные барьеры. Россия уже частично идёт по этому пути, особенно после пандемии.

Во-вторых, сильные стороны российского опыта - наличие национальных программ, устойчивого интереса, растущей компетенции преподавателей и инфраструктурное усиление - являются хорошей платформой. Но этих усилий пока недостаточно, особенно если смотреть на разницу между регионами и крупными городами.

В-третьих, ключевые проблемы - нормативно-правовые пробелы, неравномерность ресурсов, методические трудности, отсутствие надёжных систем контроля качества и оценки - остаются критичными. Без их решения цифровизация может усилить лишь части образовательной системы, но не стать средством повышения общей доступности и качества.

В-четвёртых, перспективы есть, и они зависят от системного подхода: сочетания усилий государства, вузов, преподавателей, технологических компаний и студентов. Если будет усилена нормотворческая деятельность (стандарты, регламенты, защита прав, цифровая доступность), развита инфраструктура и образовательные практики, Россия сможет не просто «догнать», но и формировать собственные модели цифрового высшего образования, адаптированные к своим реалиям.

В-пятую, в перспективе цифровизация может стать драйвером равных возможностей, не только в крупных городах, но и в малых территориях, обеспечивая качественное образование вне зависимости от места проживания. Это также способствует инновациям, международной конкуренции, повышению качества образовательных услуг.

Список литературы

1. Абакумова И.В. Цифровая трансформация высшего образования: вызовы и стратегии / И.В. Абакумова, П.В. Сысоев // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 6. С. 23-35.
2. Болотов В.А. Цифровизация образования: риски и возможности / В.А. Болотов, И.М. Реморенко // Педагогика. 2020. № 4. С. 13-22.
3. Каракозов, С.Д. Цифровая трансформация образования: проблемы и перспективы / С.Д. Каракозов, М.В. Шишкина // Образовательные технологии и общество. 2021. Т. 24, № 1. С. 124-135.
4. Мартиросян Л.П. Тенденции цифровизации высшего образования в России и за рубежом / Л.П. Мартиросян // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 3. С. 44-58.
5. Официальный сайт Минпросвещения России «edu.gov.ru». Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» (в рамках национального проекта «Образование»). – Текст: электронный // Интернет-ресурс www.edu.gov.ru: [сайт]. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 01.10.2025).
6. Патаракин Е.Д. Сетевые сообщества и обучение. М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. 328 с.
7. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты). М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2020. 398 с.
8. Соловьев М.А. Цифровая дидактика: новые возможности для преподавания и обучения // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1, № 2 (85). С. 124-141.
9. Фрумин И.Д. Университет 4.0: цифровой поворот / И.Д. Фрумин К.А. Добрынин // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 8-39.
10. Хусьяинов Т.М. Электронное обучение и дистанционные образовательные технологии: опыт, проблемы и перспективы // ЦИТИСЭ. 2020. № 4(26). С. 502-512.

References

1. Abakumova I.V. Digital transformation of higher education: challenges and strategies / I.V. Abakumova, P.V. Sysoev // Higher education in Russia. 2021. Vol. 30, No. 6. pp. 23-35.
2. Bolotov V.A. Digitalization of education: risks and opportunities / V.A. Bolotov, I.M. Remorenko // Pedagogy. 2020. No. 4. pp. 13-22.
3. Karakozov, S.D. Digital transformation of education: problems and prospects / S.D. Karakozov, M.V. Shishkina // Educational technologies and society. 2021. Vol. 24, No. 1. pp. 124-135.
4. Martirosyan L.P. Trends in the digitalization of higher education in Russia and abroad / L.P. Martirosyan // Higher education in Russia. 2022. Vol. 31, No. 3. pp. 44-58.
5. Official website of the Ministry of Education of Russia "edu.gov.ru". The federal project "Digital Educational Environment" (within the framework of the national project "Education"). – Text: electronic // Online resource www.edu.gov.ru : [website]. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/> (date of access: 01.10.2025).
6. Patarakin E.D. Network communities and training. Moscow: HSE Publishing House, 2022. 328 p.
7. Robert I.V. Theory and methodology of informatization of education (psychological, pedagogical and technological aspects). Moscow: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2020. 398 p.
8. Soloviev M.A. Digital didactics: new opportunities for teaching and learning // Domestic and foreign pedagogy. 2023. Vol. 1, No. 2 (85). pp. 124-141.
9. Frumin I.D. University 4.0: digital turn / I.D. Frumin K.A. Dobrynin // Questions of education. 2021. No. 1. pp. 8-39.
10. Khushayinov T.M. E-learning and distance learning technologies: experience, problems and prospects // CITISE. 2020. No. 4 (26). pp. 502-512.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ОЦЕНКИ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ CERTAIN ISSUES OF ANTI-CORRUPTION ASSESSMENT OF INCOME AND EXPENSES

САДОВАЯ Анастасия Александровна,

заведующий отделом государственной службы и кадровой работы,
Дальневосточный юридический институт (филиал) ФГУОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».
ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Приморский край, 690091, Россия
E-mail: sadovaya.aa007@gmail.com;

ВОКИНА Наталья Александровна,

старший научный сотрудник отдела государственной службы и кадровой работы,
Дальневосточный юридический институт (филиал) ФГУОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».
ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Приморский край, 690091, Россия
E-mail: natta24@yandex.ru;

ТЕЛЕГИНА Елена Николаевна,

научный сотрудник отдела государственной службы и кадровой работы,
Дальневосточный юридический институт (филиал) ФГУОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».
ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Приморский край, 690091, Россия
E-mail: praslova.en@mail.ru;

SADOVAYA Anastasiya Alexandrovna,

head of the department of civil service and personnel work,
Far Eastern Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Sukhanova str., 8, Vladivostok, 690091, Primorye Territory, Russia
E-mail: sadovaya.aa007@gmail.com;

VOKINA Nataliya Alexandrovna,

senior researcher of the department of civil service and personnel work
Far Eastern Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Sukhanova str., 8, Vladivostok, 690091, Primorye Territory, Russia
E-mail: sadovaya.aa007@gmail.com;

TELEGINA Elena Nikolaevna,

researcher of the department of civil service and personnel work,
Far Eastern Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Sukhanova str., 8, Vladivostok, 690091, Primorye Territory, Russia
E-mail: sadovaya.aa007@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с дополнением категорий сделок, расходы на которые являются предметом контроля. Предлагается отнести к их числу расходы на поездки за пределы Российской Федерации по частным делам, обучение детей в иностранных образовательных организациях, расположенных за пределами Российской Федерации. Вносятся предложения по корректировке законодательства.

Abstract. The article examines issues related to the addition of categories of transactions, the expenses of which are subject to control. It is proposed to include among them expenses for trips outside the Russian Federation on private business, education of children in foreign educational institutions located outside the Russian Federation. Proposals are being made to amend the legislation.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, правонарушения, государственная служба, контроль за расходами, оценка доходов.

Key words: corruption, anti-corruption, offenses, public service, control over expenses, income assessment.

Статья поступила в редакцию: 22.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Коррупция представляет собой серьезную угрозу всем сферам общественных правоотношений, подрывает основы государственного строя, дискредитируя роль государственных и муниципальных органов и государство в целом. Между тем, восприятие коррупции гражданами постепенно эволюционирует. Она перестала отождествляться исключительно с уголовными преступлениями и осознается в целом как негативное социально-правовое явление, отрицательно влияющее на экономическую, социальную и политическую жизнь общества. Мероприятия по профилактике, противодействию коррупции включают целый спектр инструментов: от антикоррупционной экспертизы нормативных актов до раскрытия доходов, расходов и имущества для определенных категорий лиц, деятельность которых наиболее подвержена коррупционным воздействиям.

К базовым элементам механизма противодействия коррупции, несомненно, относятся анализ сведений о доходах, имуществе, контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам, оценка достоверности и полноты представляемых ими сведений.

В настоящей статье обращаем внимание как на достигнутые позитивные изменения в правоприменительной практике, так и отдельные вопросы соблюдения антикоррупционных стандартов, которые пока выглядят дискуссионными.

Внедрение эффективных методов контроля не только над доходами, но и над расходами лиц, замещающих должности государственной и муниципальной службы, иных лиц позволяет значительно повысить результативность антикоррупционных мер государства и создает дополнительные препятствия для легализации неправомерно полученных благ.

Статьей 13 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон № 273-ФЗ) [1] предусмотрены различные виды ответственности за совершение коррупционных правонарушений, включая гражданско-правовую.

Процедура контроля за расходами зачастую приводит к привлечению чиновников, включая бывших, к гражданской ответственности с конфискацией имущества, денежных средств в пользу государства.

В системе контроля за расходами важную роль играют органы прокуратуры. Значимым итогом проделанной ими за последнее пятилетие работы является выработанная судами позиция относительно неприменения срока, ограничивающего возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества, приобретенного вследствие нарушения должностным лицом требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, что нашло отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П [5].

Органы прокуратуры с каждым годом все более активно принимают меры по привлечению чиновников, включая бывших, к данной форме ответственности. Предъявлению исков прокурора предшествует масштабная работа по сбору и анализу информации, направленная на выявление объектов недвижимости и других ценностей, приобретенных на незаконно полученные средства. При этом важно уделять внимание не только вопросам использования недвижимого имущества, находящегося в собственности, но и оформления имущества на неподконтрольных лиц, установлению финансовых интересов членов семьи и окружения служащих, а также фактам пользования объектами дорогостоящего имущества, принадлежащими третьим лицам.

В этой связи многими исследователями обращается внимание, что фактически в практике органов прокуратуры и суда уже многократно реализовано осуществление процедур контроля за расходами лиц, которые формально не включены в перечень, обозначенный частью первой статьи 2 Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Закон № 230-ФЗ) [2]. Однако их упоминание в части второй статьи 10 Закона № 273-ФЗ, посвященной понятиям конфликта интересов и личной заинтересованности, включая лиц, состоящих с подконтрольными субъектами в имущественных, корпоративных или иных близких отношениях, предполагает правомерность проверочных и контрольных мероприятий в отношении таковых [9]. Т.е. это круг лиц, начиная от родителей служащего и «гражданских» супруг (супругов) [11] до аффилированных юридических лиц [10].

Статьей 3 Закона № 230-ФЗ в перечень расходов чиновников (их супругов и несовершеннолетних детей), подлежащих контролю, включены расходы по каждой сделке по приобретению земельных участков, объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, долей участия в уставных капиталах организаций, цифровых финансовых активов и цифровой валюты, совершенной ими в течение года, предшествующего отчетному. Обязательным условием осуществления контроля является превышение общего дохода проверяемого лица и его супруги(а) за три года, предшествующих отчетному периоду, над суммой, потраченной на указанные сделки.

Считаем важным на уровне закона расширить перечень сделок, подлежащих оценке соответствия расходов должностных лиц их доходам, это позволит более эффективно устанавливать факты неправомерного обогащения.

В практике органов прокуратуры при рассмотрении исков об обращении в доход государства имущества, приобретенного на доходы, законность которых не может быть подтверждена, анализируется информация не только об отраженных в Законе № 230-ФЗ сделках, но и о расходах, понесенных в люксовых ресторанах, оплате дорогостоящих строительных и ремонтных работ, вложениях в предметы искусства, антиквариат, драгоценности, иные предметы роскоши, данные о стоимости поездок, совершаемых чиновниками и лицами, связанными с ними близкими отношениями.

Вопреки позиции Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, определяющей, что при расчете общего дохода служащего, используемого для сопоставления с расходами, произведенными в отчетный период, не вычитаются иные расходы, связанные с отпуском, оплатой жилищно-коммунальных услуг [6] и т.п., считаем, что затраты на поездки за границу в личных целях не могут рассматриваться как стандартные текущие расходы ввиду их несопоставимости со стоимостью жилищно-коммунальных услуг или предметов первой необходимости.

Так, в решении Никулинского районного суда г. Москвы от 01.12.2017, вынесенном по иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации к бывшему полковнику МВД России З. и его близким лицам о взыскании с них имущества стоимостью свыше 9 млрд. руб., отражено, что З. неоднократно выезжал за границу, тратя на путешествия суммы, существенно превышающие уровень его официального дохода. В период 2007 – 2014 гг. он посетил Австрию, Германию, Швейцарию, Египет, США и иные зарубежные страны [8].

Совокупность экономических, геополитических и логистических факторов, с которыми столкнулась Россия после 2020 года на фоне глобальной пандемии и международных конфликтов, остановка авиасообщений по многим направлениям, другие ограничения и многократный рост цен на отдых за рубежом привели к тому, что отдых за границей для наших граждан приобрел оттенок недоступной роскоши. Учитывая существующие реалии, включение поездок за пределы Российской Федерации для отдыха, оздоровления и т.п. в перечень сделок, подлежащих контролю, позволит получить более полную картину о структуре расходов подконтрольного лица и выявить случаи несоответствия затрат доходам.

К таким расходам следует относить расходы на оплату билетов, гостиниц, услуг туристических организаций, сопутствующие затраты (питание, развлечения, медицинские услуги и т.д.).

Таким образом, при проведении проверок соблюдения антикоррупционных стандартов подконтрольными лицами в предмет надзора следует включать изучение вопросов выезда этих лиц и их близких родственников за пределы Российской Федерации, цели поездок, их продолжительность и другие обстоятельства, позволяющие установить несоответствие понесенных расходов полученным доходам. Исследование этих же вопросов имеет важное значение на досудебных стадиях уголовного процесса при проверке прокурорами материалов уголовных дел коррупционной направленности с целью сбора данных, которые в дальнейшем будут использованы в качестве основания для предъявления исков об обращении в доход государства имущества, приобретенного на доходы, законность которых не может быть подтверждена.

По схожим причинам к числу сделок, в отношении которых могут быть применены нормы законодательства о контроле за расходами, предлагается отнести договоры с иностранными образовательными организациями, учитывая, что обучение в зарубежных вузах по стоимости существенно превышает соответствующие расходы на обучение в России. Распространяющаяся практика обучения за границей детей чиновников требует оценивающего подхода финансового обеспечения учебного процесса.

К числу предложений по корректировке законодательства «на перспективу», которые, на наш взгляд, усовершенствуют механизм надзорных проверок соблюдения законодательства о расходах и последующее обращение прокуроров с исками об обращении в доход Российской Федерации имущества, приобретенного вследствие нарушения антикоррупционных требований, предлагаем внедрение в России практики, уже апробированной в отдельных западных странах, такой как установление запрета на совершение налоговыми резидентами сделок, допускающих оплату наличными денежными средствами, по приобретению товаров и услуг на лимитированную сумму. Размер этой суммы, условия расчета также следует законодательно регламентировать.

Также считаем неоднозначным действующее правовое регулирование в части права служащих получать доход от сдачи в аренду (наем) жилых помещений.

Исследователи, в числе которых Савинов К.А., Лаврентьев А.Р. [12], отмечают коллизию при взаимодействии норм антикоррупционного законодательства и института самозанятых лиц. Разрешить ее они предлагают, в том числе, путем отмены оговорки из п. 4 ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ [3]. Безусловно, исключение указанного положения из закона позволило бы снизить коррупционные риски.

На практике кадровые службы сталкиваются с множественными случаями владения служащими несколькими квартирами, домами, в том числе с фактами приобретения объектов недвижимости в период прохождения службы.

При декларировании данных об обладании несколькими объектами недвижимости, которые не находятся в непосредственном использовании служащего, членов его семьи, и отсутствии в справке информации о полученных доходах от их аренды, иного использования, у кадровых работников, проводящих анализ представленных сведений о доходах и расходах, крайне ограничены полномочия по выяснению реальной картины фактического применения таких объектов.

В настоящее время отсутствует действенный механизм контроля использования жилых помещений, находящихся в собственности служащего.

Поскольку в рамках анализа полномочия работников кадровых служб ограничены, возникают сложности в оценке указанного вопроса, возможности истребования документов, направленных на установление фактических обстоятельств использования недвижимого имущества, в том числе подтверждающих извлечение дохода от использования такого имущества.

К примеру, подтвердить факт пользования жилыми помещениями третьими лицами (что могло свидетельствовать о предоставлении им жилья на праве аренды) возможно при получении доступа к сведениям, аккумулируемым управляющими организациями, товариществами собственников жилья, ресурсоснабжающими организациями и прочими, – о начислениях и оплате коммунальных и иных услуг.

Направление поручений в органы внутренних дел для установления факта проживания в жилом помещении (опрос соседей и т.д.) также недоступно в ходе анализа сведений кадровым подразделением, равно как и руководителям государственных, муниципальных органов – представителям нанимателя (работодателям) служащих, в силу ограниченных полномочий.

При этом, сам служащий в ходе анализа может отказаться от дачи полных пояснений, предоставления документов, подтверждающих его позицию о неиспользовании приобретенных объектов недвижимости, например, сведений из лицевого счета квартиры, квитанций о начислении платежей за анализируемый период.

Для обеспечения возможности проводить анализ сведений о доходах полно и качественно полагаем необходимым наделить кадровые службы дополнительными полномочиями по анализу фактов использования служащими объектов недвижимого имущества в целях извлечения доходов от его использования.

Сам по себе факт владения на основании договоров купли – продажи множеством жилых помещений может ставить под сомнение соблюдение запрета на осуществление предпринимательской деятельности.

В настоящее время законодатель количественно не ограничивает служащих в праве приобретения жилья. Однако, возникает вопрос, не будет ли нарушено законодательство, если служащий приобрел более одного помещения и сдает их в аренду, регулярно получая доход.

Представляет интерес подход судейского сообщества, отраженный в заключении Комиссии Совета судей РФ по этике от 29.04.2022 № 6-КЭ «О праве пребывающего в отставке судьи получать доход от сдачи в аренду принадлежащего ему жилого помещения» [7], в котором обра-

щено внимание на право судьи в отставке сдавать в аренду исключительно единственное принадлежащее ему жилое помещение, временно не используемое им самим как собственником, поскольку в такой ситуации достаточно очевидно, что жилое помещение приобретено для личных нужд, а не для последующей сдачи в аренду.

Полагаем, что законодательно надлежит установить возможность приобретения служащим объектов недвижимого имущества только для личных, семейных нужд, без последующего их использования в качестве источника дохода. Соответственно, по общему правилу, не должны сдаваться в аренду, наем и жилые помещения, полученные в результате наследования, безвозмездной сделки, либо приобретенные до поступления на государственную, муниципальную службу.

В итоге запрет на занятие предпринимательской деятельностью не должен приводить к невозможности приобретать и распоряжаться имуществом. Однако для контроля соблюдения служащими антикоррупционных требований раздел 3 формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 23.06.2014 № 460, полагаем правильным дополнить новой графой, в которой служащий декларирует, каким образом используются имеющиеся у него объекты недвижимости (для собственных нужд, сдачи в аренду или наем, передачи в безвозмездное пользование третьим лицам).

Указанная мера позволит поставить служащего в ответственное положение за использование недвижимого имущество.

Предлагаемые изменения нормативного регулирования потребуют корректировки целого ряда законов о противодействии коррупции, государственной, муниципальной службе и так далее, а также формы утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23.06.2014 № 460 справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера [4].

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
2. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. 10.12.2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.
3. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства РФ. 03.12.2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7494.
4. Указ Президента РФ от 23.06.2014 № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть II). Ст. 3520.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства РФ. 11.11.2024. № 46. ст. 7029.
6. Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27.12.2024 № 28-7/10/В-22992 «О Методических рекомендациях по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2025 году (за отчетный 2024 год)» // Режим доступа: URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/anticorruption/Methods/13/> / Дата обращения: 14.10.2025.
7. Заключение Комиссии Совета судей Российской Федерации по этике от 29.04.2022 № 6-КЭ «О праве пребывающего в отставке судьи получать доход от сдачи в аренду принадлежащего ему жилого помещения» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 01.12.2017 по делу 2-6770/17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/cases/docs/content/14c85d21-5998-4d55-80ad-a773ed5006d0>. Дата обращения: 14.10.2025.
9. Багаутдинов Ф.Н. Контроль за соответствием расходов государственных служащих их доходам: вопросы совершенствования законодательного механизма и практики применения // Законность. 2023. № 6. С. 24 – 31.
10. Бочкарев С.А. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Законность. 2021. № 3. С. 3 - 8.
11. Жилияков К.Ю. Обращение имущества должностных лиц в доход государства в результате контроля за их расходами: актуальные проблемы правоприменения // Законность. 2022. № 8. С. 3 - 6.
12. Савинов К.А., Лаврентьев А.Р. Налог на профессиональный доход: первые итоги двухлетнего эксперимента // Финансовое право. 2021. № 6. С. 26 - 30.

References:

1. Federal law «On Countering Corruption» No. 273-FZ of December 25, 2008 // Collection of legislation of the Russian Federation. 29.12.2008. No. 52 (Part 1). Art. 6228.
2. Federal law «On control over compliance of expenses of persons holding government positions and other persons with their income» No. 230-FZ of December 3, 2012 // Collection of legislation of the Russian Federation. 10.12.2012. No. 50 (Part 4). Art. 6953.
3. Federal law «On the implementation of an experiment to establish a special tax regime «Tax on professional income» No. 422-FZ of November 27, 2018 // Collection of legislation of the Russian Federation. 03.12.2018. No. 49 (Part 1). Art. 7494.
4. Decree of the President of the Russian Federation «On approval of the form of a certificate of income, expenses, property and property liabilities and amendments to certain acts of the President of the Russian Federation» No. 460 of June 23, 2014 // Collection of legislation of the Russian Federation. 30.06.2014. No. 26 (Part 2). Art. 3520.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P «In case of verifying the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and the second paragraph of paragraph 2 of Article 200, the second paragraph of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court» // Collection of legislation of the Russian Federation. 11.11.2024. No. 46. Art. 7029.
6. Letter from the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of December 27, 2024 No. 28-7/10/B-22992 «On the Methodological Recommendations on the Submission of Information on Income, Expenses, Property and Property Liabilities and Completion of the Corresponding Certificate Form in 2025 (for the 2024 Reporting Year)» // Access mode: URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/anticorruption/Methods/13/> (date of access: 14.10.2025).
7. Conclusion of the Commission of the Council of Judges of the Russian Federation on Ethics dated April 29, 2022 No. 6-KE «On the right of a retired judge to receive income from renting out residential premises owned by him» // SPS «ConsultantPlus».
8. Decision of the Nikulinsky District Court of Moscow dated 01.12.2017 in case 2-6770/17 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/cases/docs/content/14c85d21-5998-4d55-80ad-a773ed5006d0> (date of access: 14.10.2025).
9. Bagautdinov F.N. Control over correspondence of expenditures of public servants with their income: the issues of improvement of the legislative mechanism and enforcement practice // Legality. 2023. No. 6. Pp. 24-31.
10. Bochkarev S.A. The subjects of civil responsibility for corruption // Legality. 2021. No. 3. Pp. 3-8.
11. Zhilyakov K.Y. Reversion of the property of officials to the state resulting from control over expenses: topical issues of the law enforcement // Legality. 2022. No. 8. Pp. 3-6.
12. Savinov K.A., Lavrentyev A.R. Self-Employed: The first results of a two-year experiment // Financial Law. 2021. No. 6. Pp. 26-30.

МЕСТО ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ) THE ROLE OF EXECUTIVE BODIES IN PROTECTING CITIZENS' RIGHTS AND FREEDOMS (ON THE EXAMPLE OF THE KRASNODAR REGION)

ЮШКИНА Татьяна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Ставропольская ул., д. 149.

E-mail: 3838888@rambler.ru

ВАСИЛЬЕВА Алина Алексеевна,

магистрант Краснодарского кооперативного института (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»

350015, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1.

E-mail: vas2000@mail.ru

ГЕНЦ Екатерина Валерьевна,

магистрант Краснодарского кооперативного института (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»

350015, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1.

E-mail: henzev@mail.ru

YUSHKINA Tatiana Viktorovna,

associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Kuban State University

350040, Russia, Krasnodar, Stavropolskaya St., 149.

E-mail: 3838888@rambler.ru

VASILYEVA Alina Alekseevna,

Master's student of the Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the "Russian University of Cooperation"

350015, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Mitrofan Sedin Street, 168/1.

E-mail: vas2000@mail.ru

GENTZ Ekaterina Valeryevna,

Master's student of the Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the "Russian University of Cooperation"

350015, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Mitrofan Sedin Street, 168/1.

E-mail: henzev@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проанализирована деятельность системы органов исполнительной власти, органов государственной власти в Краснодарском крае в области соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. На примере деятельности отдельных региональных государственных органов рассмотрена их правозащитная деятельность. В статье делается вывод, что имеется наличие потенциальных угроз информационной безопасности граждан в процессе электронного взаимодействия при предоставлении публичных услуг. Предлагается сформулировать некоторые гарантии и закрепить в законодательстве принципы взаимодействия в процессе предоставления публичных услуг.

Abstract. The article analyzes the activities of the system of executive authorities in the Krasnodar Territory in the field of observance and protection of human and civil rights and freedoms. The article examines the human rights activities of individual regional state bodies. The article concludes that there are potential threats to the information security of citizens in the process of electronic interaction in the provision of public services. The article proposes to formulate certain guarantees and to enshrine in legislation the principles of interaction in the process of providing public services.

Ключевые слова: публичная власть, органы публичной власти, государственная власть, исполнительная власть, права и свободы, защита прав и свобод, губернатор, администрация, Уполномоченный по правам человека.

Keywords: public authority, public authorities, state authority, executive authority, rights and freedoms, protection of rights and freedoms, governor, administration, Human Rights Commissioner.

Для цитирования: Юшкина Т.В., Васильева А.А., Генц Е.В. Место органов исполнительной власти в сфере защиты прав и свобод граждан (на примере Краснодарского края) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1105-1107. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1105.

For citation: Yushkina T.V., Vasilyeva A.A., Gents E.V. The role of executive authorities in protecting the rights and freedoms of citizens (based on the Krasnodar Territory) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1105-1107. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1105.

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Конституционная реформа 2020 г. привела к нормативному закреплению положения – принципа единой системы публичной власти в России, включающей в себя местное самоуправление наряду с федеральной и региональной властью [1, с. 12].

В соответствии с Конституцией РФ публичная власть основана на принципах разделения власти как по горизонтали (законодательная, исполнительная и судебная), так и по вертикали (органы федеральной власти, региональной (на уровне субъекта РФ) и органы муниципальной власти). Б.З. Кушхова определяет публичную власть как «власть, осуществляемая государственными либо муниципальными органами или населением непосредственно, основанная на законе и поддерживаемая силой принуждения, осуществляемая в пределах определенной территории и выражающая интересы большинства населения данной территории» [2, с. 184].

В субъектах РФ органы исполнительной власти реализуют свои полномочия, предусмотренные Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон 414-ФЗ) [3] и иными нормативными актами, с целью проведения единой государственной политики, обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина и охраны

общественного порядка по предметам ведения РФ, субъектов РФ или совместного ведения.

В Краснодарском крае исполнительная власть представлена деятельностью

Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края, региональных министерств, департаментов.

Деятельность органов исполнительной власти в Краснодарском крае в сфере защиты прав человека представляет собой многоуровневую систему, сочетающую общероссийские практики и региональную специфику. Указанная деятельность осуществляется в соответствии с Конституцией РФ, Законом 414-ФЗ, Уставом Краснодарского края, Законом Краснодарского края от 21 октября 2015 года № 3255-КЗ «О системе исполнительных органов государственной власти Краснодарского края и структуре высшего исполнительного органа государственной власти Краснодарского края – администрации Краснодарского края» [4] и иными федеральными и региональными источниками права.

На основе анализа указанных выше нормативно-правовых актов в Краснодарском крае выстроена вертикаль, соответствующая федеральной структуре, но с адаптацией под региональные особенности.

1. Высшим должностным лицом является Губернатор Краснодарского края, который формирует высший исполнительный орган государственной власти края, обнародует законы, определяет основные направления политики края, в том числе в сфере прав человека.

2. Высшим исполнительным органом является Администрация Краснодарского края. В ее структуре ключевую роль играют профильные министерства, департаменты и управления.

3. В Краснодарском крае действуют 14 региональных министерств, 15 департаментов, Постоянное представительство администрации Краснодарского края при Правительстве РФ, Управление ЗАГС Краснодарского края, Государственная жилищная инспекция Краснодарского края.

Рассмотрим далее ключевые структуры, которые непосредственно занимаются защитой прав и свобод человека и гражданина в Краснодарском крае.

В соответствии со статьей 40 Устава Краснодарского края администрация Краснодарского края разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению комплексного социально-экономического развития края; осуществляет в пределах своих полномочий меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью, меры по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств; предотвращению ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности и др. полномочия [5].

Нельзя не отметить деятельность ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Управление обеспечивает совместно с органами исполнительной власти Краснодарского края, органами местного самоуправления безопасность граждан и общественный порядок в общественных местах на территории Краснодарского края.

Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Краснодарскому краю как территориальный орган Министерства юстиции России также осуществляет определенные задачи в сфере защиты прав и свобод: осуществляет контрол и надзор в сфере адвокатуры и нотариата, а также в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния; обеспечивает права и законные интересы личности, общества; контролирует соблюдение законодательства, регистрацию НКО, оказывает бесплатную юридическую помощь и др.

Прокуратура Краснодарского края является одним из главных надзорных органов и осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами публичной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, органами контроля, их должностными лицами, а также иными органами управления и руководителями государственных, муниципальных, коммерческих и некоммерческих организаций и структур. Прокуратура координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, посягающими на жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности. Деятельность прокуратуры Краснодарского края в сфере защиты прав человека носит комплексный характер, сочетая надзорную, координирующую, правозащитную и просветительскую функции. Акцент делается на наиболее социально-значимые для региона сферы: курортно-туристическую, миграционную, трудовые и жилищные отношения.

Также следует отметить деятельность государственных органов Краснодарского края, таких как: Уполномоченный по правам человека в Краснодарском крае, Уполномоченный по правам ребенка в Краснодарском крае, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Краснодарском крае. Данные единоначальные органы не входят в систему краевых исполнительных органов власти, но являются государственными, независимыми и тесно взаимодействуют с исполнительной властью.

С 10 июля 2013 года Уполномоченным по правам человека в Краснодарском крае стал Сергей Валентинович Мышак. Так же в 2013 году был назначен на государственную должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Краснодарском крае Якимчик Игорь Иванович.

Краснодарский край одним из первых в России основал институт Уполномоченный по правам ребенка в Краснодарском крае. 26 июня 2002 года депутаты Законодательного Собрания Краснодарского края приняли Закон «Об Уполномоченном по правам ребенка в Краснодарском крае» (№ 498-КЗ). С 10 июня 2015 года указанную должность занимает Ковалева Татьяна Федоровна. Уполномоченный по правам ребенка не подменяет, а дополняет деятельность существующих органов государственной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Таким образом, указанные выше Уполномоченные в сфере защиты прав рассматривают жалобы граждан, проводят проверки, выступают с законодательными инициативами,

Рассмотрим конкретные направления деятельности и примеры с акцв сфере защиты прав и свобод в Краснодарском крае с акцентом на исполнительную власть).

Защита социально-экономических прав является одним из самых заметных направлений в деятельности краевой администрации. От-

ветственной структурой в этой области является Министерство труда и социального развития Краснодарского края.

Так, в сфере реализации и защиты трудовых прав органы исполнительной власти занимаются реализацией программ занятости населения, поддержка молодых специалистов, квотирование рабочих мест для людей с инвалидностью.

В сфере реализации и защиты жилищных прав реализуются программы для молодых семей, переселение из аварийного жилья, поддержка отдельных категорий граждан (например, детей-сирот). В соответствии с Положением о государственной жилищной инспекции Краснодарского края, утвержденным постановлением главы администрации Краснодарского края от 5 октября 2006 г. № 861, государственная жилищная инспекция Краснодарского края (далее – госжилиньспекция края, Инспекция) является органом исполнительной власти Краснодарского края, уполномоченным осуществлять региональный государственный жилищный надзор, лицензирование деятельности по управлению многоквартирными домами и региональный государственный лицензионный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами на территории Краснодарского края.

Деятельность администрации края направлена и на развитие сети медучреждений, включая в сельской местности. Например, строительство и модернизация перинатальных центров, онкодиспансера, которые являются объектами краевого значения. В регионе осуществляются краевые выплаты при рождении ребенка, поддержка многодетных семей, организация отдыха и оздоровления, например, программа «Курортный кэшбэк» для детей, позволяющая семьям отдохнуть на черноморском побережье, Санаторная программа «Серебряный возраст» разработана специально для людей возрастом от 55 лет действует с 2009 года и практикуется в лечебницах Краснодарского края.

Законом Краснодарского края от 26 декабря 2014 г. №3087 «Об утверждении перечня социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг на территории Краснодарского края» утвержден перечень социально-реабилитационных услуг, предоставляемых комплексными центрами реабилитации инвалидов (социально-средовые, социально-психологические, социально-педагогические, социокультурные, социально-бытовые). На основании указанного закона и других нормативных правовых актов создается доступная среда, осуществляется обеспечение техническими средствами реабилитации, поддержка занятости инвалидов.

Вопросы миграции являются не менее актуальными для Краснодарского края. Управление по миграционным вопросам администрации Краснодарского края реализует государственную миграционную политику на территории Краснодарского края и оказывает содействие главе администрации (губернатору) Краснодарского края в пределах своей компетенции в реализации его полномочий по вопросам миграции.

Нами были выявлены проблемы и предложены пути оптимизации обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина органами исполнительной власти, а именно: наличие потенциальных угроз информационной безопасности граждан в процессе электронного взаимодействия при предоставлении публичных услуг.

Предлагается сформулировать гарантии и закрепить в законодательстве принципы цифрового взаимодействия в процессе предоставления публичных услуг:

- принцип информационной безопасности и верховенства закона, который предполагает обеспечение информационной безопасности используемых технологий для защиты личной информации с учетом требований законодательства;
- принцип уважения человеческого достоинства, гарантирующий отсутствие дискриминации и предвзятости при предоставлении услуг в электронном виде, уважение различных интересов;
- принцип прозрачности и надежности используемых технологий, согласно которому использование цифровых технологий при предоставлении услуг должно быть понятным, объяснимым и проверенным.

Таким образом, деятельность органов исполнительной власти Краснодарского края в сфере прав человека носит преимущественно социально-обеспечительный характер. Наиболее сильные стороны – защита социально-экономических прав (в сфере труда, медицины, социальная поддержка населения), что соответствует общероссийскому тренду и особенностям края как аграрно-туристического региона с высокой плотностью населения. Эффективность работы органов исполнительной власти во многом зависит от слаженности взаимодействия между самой исполнительной властью, представительными органами, надзорными органами, Уполномоченным по правам человека, правозащитными организациями и др.

Список литературы:

1. Попондопуло В.Ф. Организация публичной власти как гарантия прав и свобод человека // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 10. – С. 11 - 19.
2. Кушхова Б.З. Понятие и сущность публичной власти // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 1.
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Справочная правовая система (СПС) КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 01.12.2025).
4. О системе исполнительных органов государственной власти Краснодарского края и структуре высшего исполнительного органа государственной власти Краснодарского края – администрации Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 21 октября 2015 г. № 3255-КЗ (ред. от 07.11.2025) // Система ГАРАНТ <https://base.garant.ru/23937048/> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края // <https://admkrasnodar.ru/content/1243/> (дата обращения: 18.12.2025).

References:

1. Popondopulo V.F. The Organization of Public Power as a Guarantee of Human Rights and Freedoms // Constitutional and Municipal Law. – 2022. – No. 10. – Pp. 11-19.
2. Kushkhova B.Z. The Concept and Essence of Public Power // Leningrad Law Journal. – 2009. – No. 1.
3. On the general principles of the Organization of public Authority in the Subjects of the Russian Federation: Federal Law No. 414-FZ dated 12/21/2021 (as amended on 07/31/2025) // Legal Reference System (SPS) ConsultantPlus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (date of application: 12/01/2025).
4. About the system of executive bodies of state power of the Krasnodar Territory and the structure of the supreme executive body of the state the authorities of the Krasnodar Territory – the administrations of the Krasnodar Territory: The Law of the Krasnodar Territory dated October 21, 2015 No. 3255-KZ (as amended on 11/07/2025) // The GARANT System <https://base.garant.ru/23937048/> (accessed on 01.12.2025).
5. Official website of the Governor of the Krasnodar Territory and the Administration of the Krasnodar Territory // <https://admkrasnodar.ru/content/1243/> (accessed on 18.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1108

УДК 34.01

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. PECULIARITIES OF TAXATION IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

БОЙКО Наталья Николаевна,

доцент кафедры публичного и частного права Стерлитамакского филиала
Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: amulet-str@yandex.ru

BOYKO Natalia Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Public and Private Law of the Sterlitamak Branch
of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: amulet-str@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются особенности налогообложения XVIII–XIX веков в форме подушной подати. Введение подушной подати в России было осуществлено императором Петром I в 1724 г., когда она стала обязательным платежом для всех представителей мужского пола, достигших установленного возрастного порога.

Abstract. The article examines the peculiarities of taxation of the XVIII–XIX centuries in the form of a poll tax. The introduction of the poll tax in Russia was carried out by Emperor Peter I in 1724, when it became a mandatory payment for all males who reached the established age threshold.

Ключевые слова: налоговое бремя, подушная подать, барщина, оброк, землепользование, земельная собственность, крестьяне.

Keywords: tax burden, poll tax, corvée, rent, land use, land ownership, peasants.

Для цитирования: Бойко Н.Н. Особенности налогообложения в Российской империи в XVIII – начала XIX вв // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1108–1110. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1108.

For citation: Boyko N.N. Peculiarities of taxation in the Russian empire in the XVIII – early XIX centuries // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1108–1110. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1108.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Специфической особенностью социально-экономической динамики развития экономических процессов в России конца XVIII – начала XIX века стало формирование элементов капиталистического уклада внутри господствовавшей феодальной системы с крепостническими отношениями. Образование капиталистических отношений сопровождалось укреплением крепостничества и распространением его институтов на вновь присоединяемые территории и социальные группы. Несмотря на сохранение преимущественно феодального характера земельных платежей, процесс перехода от натурального хозяйства к денежной форме оплаты – оброку и барщине – активно развивался в указанный период, демонстрируя эволюционные тенденции аграрных отношений [1, с. 21].

Подушная подать представляет собой форму прямого налогообложения, характеризующегося равномерностью распределения налоговой нагрузки среди мужской части населения определенной возрастной группы вне зависимости от уровня дохода либо материального состояния налогоплательщика [1; 7].

Подушная подать классифицировалась как личный прямой налог. Определение данного налога как прямого обусловлено непосредственным характером взыскания средств исключительно с физических лиц, минуя промежуточные этапы товарооборота либо проведения сделок. Подобный тип налогов характеризуется воздействием на доход налогоплательщика напрямую, без посредничества третьих субъектов экономических правоотношений.

Подушная подать устанавливалась индивидуально каждому взрослому мужчине (преимущественно мужского пола), исходя из принципа равного начисления фиксированной суммы взноса, невзирая на индивидуальные различия в уровне доходов и материального состояния [2, с. 19–22]. Сочетание указанных признаков обусловило название рассматриваемого налогового института как личного прямого налога.

По мнению профессора С.М. Троицкого развитие капитализма в России шло значительно медленнее, нежели в передовых странах Западной Европы, отличаясь неравномерностью («зигзагообразностью») и тесным взаимодействием формирующихся буржуазных форм производства с традиционными феодальными структурами [8, с. 3]. Тем не менее, устойчивое расширение капиталистических элементов привело к формированию к середине-концу XVIII – началу XIX веков в российской экономике отчетливого капиталистического уклада, сопровождающегося углубляющимся разложением устаревшей феодально-крепостнической хозяйственной модели. И как следствие обязательности перестройки налоговой государственной политики.

Значимой проблемой, препятствовавшей развитию аграрных отношений в Российской империи, являлось несовершенство системы землевладения и правоприменительной практики субъектов сельского хозяйства. Данная ситуация оказывала непосредственное влияние на формирование земельных арендных платежей и распределение земельной ренты, что было тесно связано с особенностями налогообложения крестьян того периода.

Историческое отсутствие развитых форм частного землевладения и индивидуального хозяйствования среди российского крестьянства вступило в противоречие с концепциями классиков экономической науки, существенно замедляя экономический рост страны относительно западноевропейских держав. В указанный период в России отсутствовало ясное юридическое и экономическое понимание природы земельной ренты, обусловленное спецификой исторического формирования института государственной земельной собственности и особенностями тяглого налогообложения. Например, большинство русских переселенцев, обосновавшихся в Зауральском регионе, получили статус государственных крестьян, обязанных вносить подушную подать аналогично закрепощенным категориям населения (70 копеек с души) и уплачивать дополнительно 40 копеек оброчной платы [6, с. 87].

Исполнение оброчного обязательства первоначально осуществлялось путем обработки установленной нормы земельного надела (десятины ржи и десятины овса на каждый двор), однако впоследствии данная форма повинности была преобразована в натуральный налог зерновыми культурами (три четверти плюс шесть четвериков ржи и эквивалентное количество овса с каждого двора). Отведенный объем хлеба распределялся самими крестьянами пропорционально благосостоянию хозяйств, подлежал доставке в государственные продовольственные хранилища и в государственные хлебные магазины, для «прокорма», в первую очередь, армии.

Хозяйственный уклад России конца XVIII – начала XIX века характеризовался преобладанием крепостнических отношений, определяемых абсолютным доминированием принудительного труда. Незрелость правового регулирования и недостаточность экономических оснований для налогообложения участников аграрных отношений препятствовали формированию земельной ренты согласно классическим экономическим принципам.

Основным источником пополнения бюджета Российской империи в рассматриваемый исторический период выступали архаичные формы фискального обременения – барщина и оброк, утратившие свое значение в качестве основного дохода государства в Европе в рассматриваемый период. Согласно официальной оценке правительства 1724 года, размер денежного оброка составлял около 40 копеек с каждой мужской души. Однако начиная с периода 1762–1763 годов, Сенатом установлено, что владельцы имений получают минимум 1 рубль с душевого состава крестьянского населения. Согласно расчетам графа В.Н. Татищева, каждая экономически активная единица («тягло») способна внести сумму порядка 10 рублей без существенного ущерба для собственного благополучия [11, с. 34].

Во второй половине XVIII столетия большинство крепостных крестьян (около 53,7%) выполняли барщинные обязанности, тогда как меньшая доля (примерно 46,3%) выплачивала денежные платежи. В регионах Черноземного Центра, расположенных южнее реки Ока, а также в зоне Среднего Поволжья, помещиками распространялась практика перевода почти всех крепостных работников (до 90%) на выполнение барщины. Продолжительность обязательной отработки была значительной – чаще всего она составляла три-четыре дня еженедельно, иногда увеличиваясь до шести дней. Некоторые категории крестьян привлекались дворянами к месячной службе, при которой лишённые индивидуальных наделов работники трудились полный рабочий цикл, обеспечивая своё существование натуральным довольствием, предоставляемым владельцем на протяжении месяца. Отдельные группы крестьян подверглись превращению в прислугу, занимающую должности домашнего персонала.

Советский исследователь В.В. Мавродин подчеркивает, что система оброка преимущественно использовалась в северных нечерноземных областях и на Урале, где доля земель, обрабатываемых владельцами лично, не превышала 20–25%. Для указанных регионов характерен значительный рост размера оброка в течение 1760–1790-х годов, увеличение происходило многократно (примерно в четыре-пять раз), достигнув значений от 5 до 10 рублей с одной мужской души [17, с. 25]. Наряду с денежными выплатами крестьяне обязаны были поставлять продукты питания («столовое запасование»), включая мясо, молочные изделия, мёд, а также выполнять разнообразные дополнительные работы – заниматься пряжей, тканьем, обслуживанием садов и огородов, строительством объектов недвижимости на территории владений. Историк Н.А. Рожков утверждает, что в XVIII столетии барщина и общая структура крепостнического хозяйства отражали интересы не только дворян-землевладельцев, но и самих крепостных крестьян [6, с. 87].

В условиях начальной фазы становления денежной экономики происходила трансформация прежних экономических взаимосвязей, и социально уязвимая категория крестьян нуждалась в поддержке со стороны помещиков для выживания. Одновременно дефицит финансовых ресурсов способствовал предпочтительности барщины перед денежными формами повинностей.

Для эффективного функционирования феодальной модели производства помещикам приходилось выделять крестьянам земельные участки, гарантируя, таким образом, минимально необходимые условия жизнеобеспечения последних. Выделенная земля выступала ключевым фактором, обеспечивающим эксплуатацию трудового ресурса крестьян посредством исполнения ими барщинных обязанностей или выплаты натуральных продуктов и денежных взносов. Несмотря на фактический доступ крестьян к земле, юридически собственником оставалась исключительно привилегированная прослойка – помещик. Параллельно с указанными явлениями процессы формирования полноценной арендной инфраструктуры проявлялись слабо, демонстрируя лишь ограниченное распространение практик договорных взаимоотношений, основанных на аренде земельных угодий. Специфичность эволюционного пути русской феодальной земельной собственности заключалась в её уникальном характере. Преимущественно сформировавшаяся частная земельная собственность принадлежала дворянскому сословию, однако верховенство права владения землей сохранялось за государственным аппаратом. Земельные угодья передавались дворянам условно, будучи связаны обязанностью службы монарху.

Таким образом, крестьяне фактически становились держателями участков земли, не имея полного права собственности, при этом обязывались нести ряд обязательств перед государством, включающих выплату налогов, исполнение натуральных повинностей и внесение оброка. Использование подобной структуры обладало рядом значительных недостатков. Во-первых, равномерное налогообложение приводило к возрастанию нагрузки на беднейшие слои населения, в то время как финансово благополучные граждане оставались практически не задетыми. Во-вторых, сбор податей сопровождался высокими административными расходами, масштабными злоупотреблениями должностных лиц и низким

уровнем эффективности управления системой учёта плательщиков налогов.

Отказ от подушной подати стал постепенным процессом, стартовавшим в 1887 году и завершившимся к концу XIX века, конкретно в 1899 году. Эта реформа ознаменовалась переходом к принципиально новым схемам налогообложения, основанным на дифференцированных подходах, учитывающих действительное финансовое состояние отдельных граждан. Введение прогрессивных моделей налогообложения позволило повысить степень справедливости распределения налогового бремени и значительно увеличить общую эффективность отечественной финансовой системы.

Список литературы:

1. Адер А.В. Предпосылки аграрных отношений и развития земельной собственности в Российской империи в конце XVIII-начала XIX вв. // Аграрное и земельное право. 2024. № 10(238). С. 19-23. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_10_19.
2. Адер А.В. Историографические аспекты вопросов реформирования земельных правоотношений в Российской империи в конце XVIII - начала XIX вв // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 100-104. DOI 10.47643/1815-1337_2025_3_100.
3. Адер А.В. Предпосылки экономико-правового регулирования земельной ренты в Российской империи в конце XVIII - начала XIX вв. // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 46-49. DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_46.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909.
5. Дектярев И.В. К истории заселения местности по среднему течению реки Миасс // Краеведческие записки. Челябинск, 1969. Вып. 2. С. 13-14.
6. Дитятин И.И. Екатерининская комиссия 1767 г. Ростов-на-Дону: Электро-печатня А. Тер-Абрамиан, 1905. С. 66-67.
7. Дружинин Н.М. Купчие земли крепостных крестьян. Вопросы социально-экономической истории и источноковедения периода феодализма в России. Сб.ст. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
8. Законодательство Екатерины II. (сборник в 2-х томах) / Отв. ред. Чистяков О.И., Новицкая П.Е.; Исторический очерк А.А. Преображенский, с 9-45. М.: Юридическая литература, 2000. 567 с.
9. Князьков С. Как сложилось и пало крепостное право: Исторический очерк / Под ред. Кизеветтера А.А. СПб., 1900.
10. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX-XIX ст. Исторический очерк. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1910. С. 123.
11. Rogozina A.V. Реформирование аграрных отношений в Российской империи в конце XVIII - начале XIX в. (на материалах Оренбургской губернии): специальность 08.00.01 "Экономическая теория": диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Оренбург, 2007. 167 с.
12. Рожков Н.А. Город и деревня. СПб.: «Книжный склад «Земля»», 1913.
13. Рычков П.И. Ответы на экономические вопросы по Оренбургской губернии. «Труды Вольного Экономического общества». СПб., 1767. Ч. VII.
14. Рычков П.И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды ВЭО. Ч. 7. СПб, 1767.
15. Рычков, П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. 245с.
16. Ремезов Н.В. Землевладение в Уфимской губернии. Краткий исторический обзор образования, дробления и распределения в ней поземельной собственности // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 6. СПб., 1889. С. 653.
17. Риккардо Д. Начала политической экономики и налогового обложения. М.: Политиздат, 1955. Т. I.
18. Rogozina A.V. Особенности землепользования в условиях аграрных реформ второй половины VIII - нач. XIX вв. (на материалах Оренбургской губернии) // Вестник ОГУ. 2007. № 8. С. 24-29.
19. Селентмен Б. Основные течения современной экономической мысли: Пер. с англ. М., 1968.
20. Сельская община в России (XVII - нач. XIX вв.) / В.А. Александров: АН СССР Институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М.: «Наука», 1976. С. 113.
21. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: «Наука», 1966.

References:

1. Ader, A. V. Prerequisites of agrarian relations and the development of land ownership in the Russian Empire at the end of the XVIII-beginning of the XIX centuries / A.V. Ader, L. S. Stukolova, S. L. Yamshchikova // Agrarian and land law. – 2024. – № 10(238). – Pp. 19-23. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_10_19. – EDN PPXRPZ.
2. Ader, A.V. Features of Catherine II's National Policy in the Development of the Orenburg Region / A.V. Ader, M. V. Rogozin // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. – 2017. - Yeah. 3. - Pp. 15-22. - EDN ZCDGFX.
3. Vladimirsky-Budanov, M. F. Overview of the History of Russian Law. St. Petersburg, 1909. P. 233.
4. Dektyarev, I. V. On The History of the Settlement of the Area along the Middle Course of the Miass River. "In the book: Local History Notes" / I. V. Dektyarev. - Chel-yabinsk, 1969. vol. 2. Pp. 13-14.
5. Dityatin, I. I. Ekaterinskaya Komissiya 1767 g./I. I. Dityatin. - Rostov-on-Don: Electro-pechatnya A. Ter-Abramian, 1905. - Pp.66-67.
6. Druzhinin, N. M. Kupchie Zemli Krepostnykh Krestyan. Voprosy Sotsialno-Ekonomicheskoi Istarii I Istochnik
7. Legislation of Catherine II. (collection in 2 volumes). /Ed. Chistyakov O.I., Novitskaya P.E.; Historical essay by A.A. Preobrazhensky, pp. 9-45. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2000– 567 p.
8. Knyazkov, S. How serfdom developed and fell: A historical essay / Edited by Kiesewetter, A.A. – St. Petersburg, 1900. – p.123.
9. Kiesewetter, A.A. Local self-government in Russia. IX-XIX centuries. Historical essay. Moscow: Printing House of the Imperial Moscow University, 1910, p. 123.
10. Rogozina, A.V. The reform of agrarian relations in the Russian Empire at the end of the XVIII - beginning of the XIX century. (based on the materials of the Orenburg province) : specialty 08.00.01 "Economic theory" : dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Rogozina Anna Vladimirovna. Orenburg, 2007. 167 p. - EDN QDXQVZ.
11. Rozhkov, N.A. City and village. St. Petersburg: "Zemlya Book Warehouse". 1913. P.83.
12. Rychkov, P.I. Answers to economic questions in the Orenburg province. "Proceedings of the Free Economic Society". St. Petersburg, 1767, part VII, p.118.
13. Rychkov, P.I. On ways to increase agriculture in the Orenburg province – "Proceedings of the VEO", part 7. St. Petersburg, 1767. – with
14. Rychkov, P.I. The Orenburg history after the establishment of the Orenburg province. Orenburg. 1896. – 245s.
15. Remezov, N.V. Land ownership in the Ufa province. A brief historical overview of the formation, fragmentation and distribution of land ownership in it. – In: Notes of the Imperial Russian Geographical Society, vol. 6, St. Petersburg, 1889. C-653.
16. Riccardo, D. The beginnings of political economy and taxation //Soch. – М.:Politizdat, 1955. Vol.I
17. Rogozina A.V. Peculiarities of land use in the conditions of agrarian reforms of the second half of the VIII – early XX century. XIX century (based on the materials of the Orenburg province). /Rogozina A.V.// Bulletin of OSU, August 2007, No. 8, pp.24-29.
18. Selengmen, B. The main trends of modern Economic Thought: Translated from English– Moscow, 1968.
19. Rural community in Russia (XVII – early XIX century)/V.A. Alexandrov: N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, Moscow: Nau-ka Publ., 1976. C-113.
20. Troitsky, S.M. Financial policy of Russian absolutism in the XVIII century. Moscow: Nauka, 1966.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ THE CONCEPT AND TYPES OF SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

ГОЛИКОВ Александр Сергеевич,

аспирант Таганрогского института управления и экономики
Россия, Ростовская область, Таганрог, Петровская улица, 45
p.kameneva@tmei.ru

GOLIKOV Alexander Sergeevich,

Postgraduate Student of the Taganrog Institute of Management and Economics
Russia, Rostov region, Taganrog, Petrovskaya street, 45
p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты субъектного состава административных правонарушений в сфере дорожного движения в соответствии с положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Анализируются признаки физического, должностного и юридического лица как субъектов ответственности, включая возрастную и психическую вменяемость, а также специфику статуса водителя и владельца транспортного средства. Особое внимание уделено дискуссионному вопросу привлечения лиц к ответственности за нарушения, зафиксированные автоматическими техническими средствами.

Abstract: the article examines the key aspects of the subject composition of administrative offenses in the field of road traffic in accordance with the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It analyzes the characteristics of individuals, officials, and legal entities as subjects of liability, including age and mental competence, as well as the specifics of the status of drivers and vehicle owners. Special attention is given to the controversial issue of holding individuals accountable for violations recorded by automatic technical devices.

Ключевые слова: административная ответственность, безопасность дорожного движения, правонарушения, субъекты, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Key words: administrative liability, road safety, offenses, subjects, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Субъектом административного правонарушения признается физическое, должностное или юридическое лицо, на котором лежит юридическая ответственность за совершенное противоправное деяние, посягающее на установленный правопорядок в той или иной сфере общественных отношений, при наличии в его действиях состава правонарушения, определенного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2].

Физическое лицо подлежит привлечению к административной ответственности только при условии, что на момент совершения правонарушения оно достигло возраста 16 лет и обладало вменяемостью, то есть способностью осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) и управлять ими. Отсутствие одного из этих условий исключает возможность наступления ответственности, поскольку административное правонарушение предполагает наличие вины в форме умысла или неосторожности, а вменяемость и достижение установленного возраста являются необходимыми признаками субъекта правонарушения.

Физическое лицо, выступающее субъектом административного правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, характеризуется совокупностью общих, родовых и специальных признаков, определяющих его правовое положение в момент совершения противоправного деяния.

К общим признакам административной деликтоспособности физического лица относятся достижение установленного законом возраста и психическая вменяемость на момент совершения противоправного деяния. Согласно ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ, «административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет» [2].

Под невменяемостью понимается «юридически значимое состояние лица, при котором оно в момент совершения противоправного деяния не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (или бездействия), а также не способно было руководить своим поведением в силу стойкого или временного нарушения психической деятельности» [6, с. 49]. Такое состояние может быть вызвано хроническим или острым психическим расстройством, слабоумием, выраженным расстройством сознания, а также иным патологическим состоянием психики, установленным на основании судебно-психиатрической экспертизы. Ключевым критерием невменяемости является не просто наличие психического заболевания, а его прямое влияние на способность лица осознавать противоправность поступка или контролировать свои действия – так называемый «патологический порок воли». При этом юридическое значение имеет именно психическое состояние в момент совершения деяния, а не до или после него. Признание лица невменяемым исключает наступление административной ответственности, поскольку отсутствие вины как обязательного элемента правонарушения делает применение мер ответственности необоснованным с точки зрения принципов справедливости и законности.

Родовыми признаками обладают лица, совершающие административные правонарушения в сфере дорожного движения, регулируемые главой 12 КоАП РФ [2], и их объединяет не просто формальное присутствие на дороге, а активное участие в качестве субъекта дорожного

движения либо выполнение функций, связанных с организацией, регулированием или обеспечением безопасности транспортных процессов. Отличительной чертой данной категории субъектов является наличие у них определенных юридически закрепленных прав и обязанностей, вытекающих из Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД РФ) [3] и нормативных актов в области транспорта. Именно эти обязанности формируют основу для привлечения к ответственности при их нарушении. Таким образом, родовые признаки субъекта в данной сфере определяются не только его ролью в движении, но и наличием юридически значимой связи с системой правового регулирования дорожного транспорта, что делает их обязательным элементом при квалификации административного правонарушения.

Согласно примечанию к статье 2.4 КоАП РФ [2], должностным лицом признается лицо, которое в установленном законом порядке наделено полномочиями по осуществлению функций государственной или иной публичной власти, включая распорядительные и контрольные действия в отношении граждан и организаций, не находящихся с ним в трудовых или служебных отношениях. Такое лицо может исполнять свои обязанности на постоянной, временной или разовой основе по специальному уполномочию, вытекающему из закона, акта назначения, избрания или иного правового основания. К числу должностных лиц относятся представители органов исполнительной, законодательной и судебной власти, руководители и иные работники государственных и муниципальных учреждений, а также лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в структурах, подведомственных государству, включая Вооруженные Силы Российской Федерации, иные войска и воинские формирования.

Особенности административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств закреплены в статье 2.6.1 КоАП РФ [2] и носят характер субсидиарной ответственности, при которой владелец может быть привлечен к ответственности за правонарушение, совершенное при эксплуатации его транспортного средства в случае, если невозможно установить лицо, непосредственно осуществлявшее управление им в момент нарушения.

Иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица, совершившие на территории Российской Федерации административные правонарушения, подлежат административной ответственности на общих основаниях (ч. 1 ст. 2.6 КоАП РФ [2]), за исключением случаев, указанных в ч. 2 и 3 названной статьи.

Определение общего понятия водителя дается в пункте 1.2 Правил дорожного движения Российской Федерации [3] как лица, управляющего каким-либо транспортным средством. Статус водителя указанный пункт распространяет также на погонщика, ведущего по дороге вьючных, верховых животных или стадо, и на лицо, обучающее вождению [].

Примечание к статье 12.1 КоАП РФ [2] относит к водителям лиц, управляющих автомобилем с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания более 50 кубических сантиметров или максимальной мощностью электродвигателя более 4 киловатт и максимальной конструктивной скоростью более 50 километров в час, а также прицепом к нему, подлежащим государственной регистрации, а также тракторами, самоходными дорожно-строительными и иными самоходными машинами, транспортными средствами, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право. Как можно заметить, велосипедист, наездник на лошади, возчик и погонщик вьючных животных действующим законодательством об административных правонарушениях водителями не признаются. Они несут ответственность по статьям главы 12 КоАП РФ [2] наравне с пешеходами.

Необходимо подчеркнуть, что термин «водитель» в контексте правонарушений в области дорожного движения не тождественен «лицу, имеющему водительское удостоверение». Во-первых, потому что водителем как субъектом соответствующих административных правонарушений может быть любое вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет и взявшееся за управление каким-либо из перечисленных в предыдущем абзаце транспортных средств. При этом если водитель не имел права управления транспортными средствами либо был лишен такого права, то это действие само по себе образует состав административного правонарушения (ч. 1 или 2 ст. 12.7 КоАП РФ [2]). Если же он совершил еще и другие правонарушения в области дорожного движения, то его привлекают к ответственности дополнительно по соответствующим статьям главы 12 КоАП РФ [2]. Когда же указанное лицо управляло транспортным средством в состоянии опьянения либо не выполнило законное требование сотрудника полиции о прохождении медицинского освидетельствования, его действия подлежат квалификации, соответственно, по ч. 3 ст. 12.8 либо по ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ [2].

В рамках теории административного права набирает обороты позиция, подчеркивающая необходимость признания юридических лиц в качестве потенциальных субъектов административной ответственности при совершении определенных правонарушений, указанных в КоАП РФ [2]. В частности, речь идет о таких составах, как ч. 1 ст. 2.6., ч. 2 ст. 12.37, ч. 1 – 6 ст. 12.21.1, а также статья 12.21.3. Возможность привлечения юридического лица к административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения следует из системного анализа норм административного и гражданского законодательства

Так, из содержания ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] следует, что владельцем транспортного средства (в данной статье указывается такая категория, как источник повышенной опасности, под которую подпадает и транспортное средство) может быть физическое или юридическое лицо, которое владеет транспортным средством (на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, или ином законном основании).

Анализируя положения административного законодательства, в частности, положения ст. 12.37 КоАП РФ [2], в которой указывается на «владельца транспортного средства» (собственник или лицо, которое владеет транспортным средством на законных основаниях), можно сделать вывод, что юридическое лицо также является субъектом административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения.

В правовой науке, однако, превалирует противоположная точка зрения, исключающая возможность применения санкций к юридическим лицам за административные проступки в сфере дорожного движения. Обоснованием этой позиции служит тезис о том, что организации могут привлекаться к административной ответственности лишь при явном указании на это в диспозиции нормы Особенной части КоАП РФ [2].

В настоящее время данный вопрос остается дискуссионным. Особенно остро встает данный вопрос при рассмотрении случая привлечения к административной ответственности за правонарушения, зафиксированные специальными техническими средствами, которые работают в автоматическом режиме.

Для разрешения вышеуказанного противоречия возможно применение нескольких подходов. Одним из них является дополнение статьи 2.6.1 КоАП РФ [2] примечанием следующего характера: «если юридическое лицо является собственником (владельцем) транспортного средства, то к административной ответственности должно привлекаться физическое лицо, которое управляло транспортным средством в силу исполнения своих служебных или трудовых обязанностей, в том числе на основании трудового или гражданско-правового договора с собственником или иным владельцем транспортного средства».

Указанный формальный подход подвергся критике в юридической науке, поскольку противоречит системным нормам законодательства, определяющим правовой статус владельца транспортного средства как субъекта, наделенного не только правом собственности, но и обязанностями по контролю за его безопасной эксплуатацией.

С учетом теоретической неоднозначности вопроса ключевое значение приобретает правоприменительная практика, демонстрирующая реальное толкование и реализацию ответственности юридических лиц при нарушениях в сфере дорожного движения.

В этой связи обращает на себя внимание позиция судьи Конституционного Суда РФ Князева С.Д. Исходя из содержания статей 1.5 и 2.1 КоАП РФ [2], он делает вывод, что «субъект подлежит административной ответственности за те правонарушения, за которые четко установлена его вина. Основанием считать юридическое лицо виновным в совершении административного правонарушения является установление факта о наличии возможности соблюдения юридическим лицом положений закона, но лицо не предприняло все зависящие от него меры по соблюдению положений законодательства» [4].

Князев С.Д. считает, что, «исходя из содержания статьи 2.10 КоАП РФ, юридические лица подлежат административной ответственности только в том случае, если положениями закона предусмотрена административная ответственность юридических лиц за совершение конкретного правонарушения; в ином случае ответственности подлежат только физические лица» [4].

«Исходя из содержания статьи 2.1 КоАП РФ, если назначено наказание юридическому лицу, то к административной ответственности может быть также привлечено и физическое лицо, и наоборот, если к ответственности (уголовной или административной) привлечено физическое лицо, это не освобождает от ответственности за это же правонарушение юридического лица».

Исходя из содержания статьи 2.1 КоАП РФ, административным правонарушением признается противоправное, виновное действие или бездействие физического, или юридического лица, за которое КоАП РФ либо иным нормативным актом предусмотрена административная ответственность.

Исходя из содержания статей 1.5, 2.6.1, 4.1 и 28.6 КоАП РФ, ответственность собственника транспортного средства является отступлением от принципа презумпции невиновности, а именно: лицо, которое привлекается к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, не распространяется на административные правонарушения в области дорожного движения в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи» [4].

Таким образом, согласно позиции судьи С.Д. Князева, при фиксации административного правонарушения в сфере дорожного движения с помощью автоматических технических средств – видеорекамера, радаров и других устройств – субъектом ответственности должно признаваться исключительно физическое лицо, непосредственно осуществлявшее управление транспортным средством в момент совершения нарушения, поскольку именно водитель обладает возможностью мгновенно реагировать на дорожную обстановку и несет прямую функциональную ответственность за соблюдение ПДД [4].

Впоследствии Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» закрепило положение, согласно которому «если административное правонарушение в области дорожного движения было зафиксировано техническим средством, который работал в автоматическом режиме, субъектом такого правонарушения является собственник (владелец) транспортного средства независимо от того, является он физическим либо юридическим лицом (ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ)» [5].

Если собственник транспортного средства не согласен с постановлением об административном наказании, вынесенным на основании фиксации нарушения техническими средствами, работающими в автоматическом режиме, он вправе обжаловать его и быть освобожденным от ответственности, если в ходе рассмотрения жалобы подтвердится, что в момент правонарушения транспортное средство находилось во владении, пользовании или распоряжении другого лица либо было утрачено вследствие противоправных действий (ч. 2 ст. 2.6.1, примечание к ст. 1.5 КоАП РФ [2]), при этом обязан доказать свою непричастность. Для окончательного урегулирования данного вопроса необходимо внесение уточнения законодательства по вопросу того, кто привлекается к административной ответственности за правонарушения в случае, если собственником транспортного средства является юридическое лицо, а водитель – физическое лицо.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [принят Государственной Думой 22.12.1995]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276> (дата обращения: 07.12.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025) [принят Государственной Думой 20.12.2001, одобрен Советом Федерации 26.12.2001]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (дата обращения: 07.12.2025).
3. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102026836> (дата обращения: 07.12.2025).
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Коммерческий банк «Транспортный» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 2.6.1 и частью 2 статьи 12.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1286-О. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=601027812> (дата обращения: 07.12.2025).
5. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (дата обращения: 07.12.2025).
6. Россинский Б.В. Административная ответственность: учебное пособие / отв. ред. Б.В. Россинский. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 248 с. – ISBN 978-5-00156-080-7. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2221486> (дата обращения: 07.12.2025). – Режим доступа: по подписке.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on April 24, 2025) [adopted by the State Duma on December 22, 1995]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276> (date of request: 07.12.2025).
2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 12/30/2001 (as amended on 11/28/2025) [adopted by the State Duma on 12/20/2001, approved by the Federation Council on 12/26/2001]. – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (date of request: 07.12.2025).
3. On the Rules of the Road (together with the "Basic provisions on the admission of vehicles to operation and the duties of officials to ensure road safety"): Decree of the Government of the Russian Federation dated 10/23/1993 No. 1090 (as amended on 07/16/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025). – Text: electronic // The State system of legal information: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102026836> (date of request: 07.12.2025).
4. On the refusal to accept for consideration the complaint of the limited Liability Company Commercial Bank Transportny for violation of constitutional rights and freedoms by Part 1 of Article 2.6.1 and Part 2 of Article 12.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.07.2012 No. 1286-O. – Text: electronic // State Legal information system: The official Internet portal of legal information. 2005-2025 – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=601027812> (date of request: 07.12.2025).
5. On some issues that arise in judicial practice when considering cases of administrative offenses provided for in Chapter 12 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/25/2019 No. 20. – Text: electronic // State Legal Information System: Official Internet Portal of Legal Information. 2005-2025 – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (date of request: 07.12.2025).
6. Rossinsky B.V. Administrative responsibility: a textbook / ed. by B.V. Rossinsky. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. – 248 p. – ISBN 978-5-00156-080-7. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2221486> (date of request: 07.12.2025). – Access mode: by subscription.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС» THE CONCEPT AND CONTENT OF THE CATEGORY "CIVIL PROCESS"

АГЕЕВА Галина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
43090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: galinaageeva@mail.ru

AGEEVA Galina Evgenievna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Arbitration Procedure,
Samara State University of Economics
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 43090, Russia.
E-mail: galinaageeva@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию фундаментальной юридической категории «цивилистический процесс». Автор отмечает обилие научных дискуссий, которые, в целом, не отличаются единством подходов к пониманию смыслового наполнения объекта. Связано это, как отмечает автор, в том числе с несогласованным правовым регулированием, которое вместо установления унифицированных подходов к регламентации смежных категорий устанавливает некоторую дифференциацию. Актуальность исследования объясняется необходимостью обеспечения в современных условиях единого понимания отношений для выстраивания эффективности правоприменения.

Abstract: The article is devoted to the study of the fundamental legal category "civil process". The author notes the abundance of scientific discussions, which, in general, do not differ in the unity of approaches to understanding the semantic content of the object. According to the author, this is due, among other things, to uncoordinated legal regulation, which, instead of establishing unified approaches to regulating related categories, establishes some differentiation. The relevance of the study is explained by the need to ensure a common understanding of relations in modern conditions in order to build the effectiveness of law enforcement.

Ключевые слова: цивилистический процесс; гражданский процесс; арбитражный процесс; административное судопроизводство; процессуальное право.

Keywords: civil procedure; civil procedure; arbitration; administrative proceedings; procedural law.

Статья поступила в редакцию: 13.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Сущности фундаментальной категории современной юридической науки «цивилистический процесс» посвящено множество исследований. Однако и в настоящее время дискуссии о содержательном наполнении данной категории продолжаются. Традиционным считается отождествление терминов «гражданский» и «цивилистический». Объясняется подобное уравнивание этимологией слова – посредством обращения к латинскому термину «civil», который переводится как «гражданский». То есть дословно: цивилистический – это гражданский (подчеркнем заранее: не арбитражный и не административный).

Регламентация гражданского процесса в нашей стране реализуется через предписания Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГПК РФ). Терминологическая сложность, прежде всего, возникала с отделением процесса арбитражного по правилам регулирования Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – АПК РФ) (внимание ученых к этой проблеме было особым до выделения в Конституции РФ [3] в качестве самостоятельного вида судопроизводства такого, как арбитражный).

Кроме того, выделение самостоятельного Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [4] (далее – КАС РФ) из, по сути, одной главы ГПК РФ породило новый виток дискуссии: ведь раньше публичное производство законодательно закреплялось в нормативном массиве гражданского процессуального права.

Сообразно подобному буквальному толкованию и нормативному пониманию возник резонный вопрос, который не утихает до сих пор: административное – теперь не «civil» или все же административные процедуры могут быть отнесены к цивилистике? Так, в процессе обсуждения проекта КАС РФ в научных кругах [5, с. 9-10] высказывались опасения, удастся ли четко и понятно разграничить два самостоятельных вида судопроизводства: исковое и публичное.

Профессор О.В. Исаенкова [6, с. 9], рассуждая об основных тенденциях развития российского цивилистического процесса, высказывается о необходимости унификации цивилистического процесса за счет выбора лучших достижений правоприменительного механизма в гражданском и арбитражном процессах и научно взвешенного разграничения искового и публичного.

Размышляя о понимании цивилистического процесса, М.Р. Загидуллин отмечает отсутствие его нормативно закрепленной дефиниции, недостаток теоретической проработки, а также то важное обстоятельство, что наша правовая реальность с учетом изменений каждый раз стирает или размывает границы цивилистического [7, с. 121]. В числе последнего указанный автор, например, выделяет:

- законодательное реформирование в виде выделения из массива ГПК РФ самостоятельного КАС РФ;
- различные проводимые изменения законодательного материала, раскрывающие реализацию тенденции унификации;
- реформу третейского разбирательства и иных способов урегулирования и др.

М.Р. Загидуллин начинает свое исследование с утверждения о тождественности категорий гражданский и цивилистический процесс, ссылаясь на дискуссию о необходимости использования для объединения различных видов судопроизводства термина «судебное процессуальное право» [8]. Уходя от размышлений о конкретных видах производства в сторону структурного дополнения иными отношениями, ученый высказывает солидарность с авторами, относящими к цивилистическому процессу также систему исполнительного производства, систему отношений по урегулированию споров на разных стадиях (как до суда, так и «во время», а порой и после), нотариальные отношения и некоторые досудебные действия.

Впоследствии М.Р. Загидуллин отмечает, что цивилистический процесс – это гражданский, арбитражный и, в целом, административный по КАС РФ (отнесение сюда же, в целом, и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [9] (далее – КоАП) – также возможно). Кроме того, это и различные процедуры, имеющие отношение или схожие с судебным процессом: медиация, иное примирение; нотариат; система принудительного исполнения; третейское разбирательство и др.

«Мы полагаем, что цивилистический процесс – куда более объемное понятие, чем совокупность двух (или даже трех) видов судопроизводства. Если исходить из последних достижений отечественной юриспруденции, учитывая в том числе теорию широкого понимания процесса, процессуального права и юридической деятельности, то цивилистический включает, помимо судебного, нотариального и исполнительного права, и ряд традиционно материально-правовых процедур, например, деятельность в сферах трудового, семейного и др. видов права» [10, с. 101].

Хочется отдельно указать в качестве аргумента к высказанному тезису то обстоятельство, что, например, примирительные процедуры – это, почти общепризнанно, цивилистический процесс. Причем совершенно неважно, осуществляются ли они в комнате примирения в здании суда, или вне его, или даже до суда (при удачном раскладе – вместо него). Примирительные процедуры в настоящее время могут реализовываться в порядке судебного примирения, медиативных процедур и в иных формах.

Изучая институт примирительных процедур, можно прийти к выводу, что это разновидность цивилистического процесса. Более того, существование в КАС РФ нескольких статей, регулирующих возможность использования примирительного механизма (ст. 137–137.7 КАС РФ), наталкивает на мысль о процессуальном единстве бесспорно цивилистических видов судопроизводства (гражданского и арбитражного) и административного. Хотя, конечно же, справедливости ради следует подчеркнуть, что в порядке разрешения административных дел примирительные процедуры судами используются значительно реже (сложно представить, например, что налоговая инспекция пойдет на определенные примирительные уступки с субъектом, имеющим недоимку по обязательным налогам и сборам).

Разновидностью примирительных процедур выступает и направление претензии в рамках договорных отношений, осуществляемое до обращения в суд. Судебный процесс еще не начат, однако примирительные процедуры запущены. А значит – цивилистический процесс, по нашему мнению, реализуется, поскольку досудебная юридическая деятельность – также часть процесса [11, с. 258].

Размышляя о понимании цивилистического процесса, подчеркивая отсутствие его нормативно закрепленной дефиниции, недостаточность теоретической проработки, подчеркнем то важное обстоятельство, что наша правовая реальность с учетом изменений каждый раз стирает или размывает границы цивилистического. Отмечая солидарность с И.Н. Спициным в том, что «цивилистическое процессуальное право – это гражданское и арбитражное процессуальное право» [12, с. 11], мы полагаем, что к цивилистическому можно также отнести некоторые институты административного судопроизводства (в частности, институт судебного представительства).

По нашему мнению, цивилистический процесс, отделение его от иных видов процессуальной деятельности и включение в его систему различных элементов должно ориентироваться на цели. Г.А. Жилин в данном смысле использует категорию «целевые установки» [13, с. 37-38].

Главная цель права – это человек, его права, свободы и законные интересы. Сообразно этому, процессуальное право, как разновидность права, в целом, также направлено на гарантированность интересов субъектов, как коллективных, включая публичные интересы, так и индивидуальных. Как справедливо отмечал Рудольф фон Иеринг, «цели всего человеческого существования распадаются на две большие группы: цели индивида и цели общества» [14, с. 46].

В связи с вышеизложенным, мы полагаем, что цивилистический процесс представляет собой систему различных видов процессуальной деятельности, целью которой выступает отстаивание гражданских интересов, однако не с точки зрения их отнесения к массиву гражданских прав, сколько к гражданину, как индивидуальному субъекту.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 31.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2025).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 01.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2025).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2025).
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (с изм. и доп. от 07.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2025).
5. Алексеева Н.В. Реформирование публичного судопроизводства / Н.В. Алексеева // Совершенствование цивилистического процессуального законодательства и законодательства об исполнительном производстве: теория и практика : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 апреля 2014 года. – Санкт-Петербург: СЗФ РПА Минюста России, 2014. – С. 9-12.
6. Исаенкова О.В. Цивилистический процесс в России – основные тенденции / О.В. Исаенкова // Вестник ТГУ. 2016. № 1 (5). С. 5-11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilisticheskiy-protsess-v-rossii-osnovnyye-tendentsii/viewer> (дата обращения: 15.10.2025).
7. Загидуллин Р.М. О содержании понятия «цивилистический процесс» / Р.М. Загидуллин // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 120-130.
8. Потапенко С.В. От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» Гражданского процессуального кодекса / С.В. Потапенко // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 2–5.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2025).

10. Агеева Г.Е., Малинин С.С. Правовая конструкция представительства в цивилистическом процессе // Устойчивое развитие России – 2022 : сб. ст. II Всерос. науч.-практ. конф. (12 дек. 2022 г.). Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2022. С. 98–102.
11. Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2022. 502 с.
12. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / В. В. Ярков, Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий [и др.]. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2021. – 460 с. – ISBN 978-5-8354-1734-6.
13. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 36–47.
14. Иеринг, Рудольф фон. Цель в праве. Санкт-Петербург : Н.В. Муравьев, 1881. - 412 с.

References:

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138- FZ (as amended and supplemented dated 07/31/2025). Access from the help.-legal system "ConsultantPlus" (date of application: 10/15/2025).
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ (as amended and supplemented dated 04/01/2025). Access from the help.-legal system "ConsultantPlus" (date of application: 10/15/2025).
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the Parliament by vote on 12.12.1993; with amendments approved during the general meeting. voting on 07/01/2020). Access from the help.-legal system "ConsultantPlus" (date of application: 10/15/2025).
4. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 03/08/2015 No. 21-FZ (as amended and supplemented dated 07.07.2025). Access from the help.-legal system "ConsultantPlus" (date of application: 10/15/2025).
5. Alekseeva N.V. Reforming public legal proceedings / N.V. Alekseeva // Improvement of civil procedure legislation and legislation on enforcement proceedings: theory and practice : Proceedings of the International Scientific and practical Conference, St. Petersburg, April 24, 2014. – St. Petersburg: NWF RPA of the Ministry of Justice of Russia, 2014. – pp. 9-12.
6. Isaenkova O.V. The civil process in Russia – the main trends / O.V. Isaenkova // Bulletin of TSU. 2016. No. 1 (5). pp. 5-11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilisticheskiy-protsess-v-rossii-osnovnye-tendentsii/viewer> (date of application: 10/15/2025).
7. Zagidullin R.M. On the content of the concept of "civil process" / R.M. Zagidullin // Journal of Russian Law. 2020. No. 5. pp. 120-130.
8. Potapenko S.V. From the concept of a unified science of procedural law to the creation of a new "unified" Code of Civil Procedure / S.V. Potapenko // Russian Justice. 2014. No. 9. pp. 2-5.
9. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended and supplemented, intro. effective from 09/06/2025). Access from the help.-legal system "ConsultantPlus" (date of reference: 10/15/2025).
10. Ageeva G.E., Malinin S.S. The legal structure of representation in the civil process // Sustainable development of Russia – 2022 : collection of art. II All-Russian Scientific and Practical Conference (Dec 12, 2022). Petrozavodsk : ICNP "New Science", 2022. pp. 98-102.
11. Lang P.P. Legal activity: axiological and ideological foundations : dis. ...Dr. Jurid. sciences'. Samara, 2022. 502 p.
12. Actual problems of civil and administrative proceedings / V. V. Yarkov, D. B. Abushenko, K. L. Branovitsky [et al.]. – Moscow : ООО "Publishing House "STATUTE", 2021. – 460 p. – ISBN 978-5-8354-1734-6.
13. Zhilin G.A. Justice in civil cases: current issues. Moscow, 2010. Pp. 36-47.
14. Iering, Rudolf von. The goal is in the right. St. Petersburg : N.V. Muravyov, 1881. - 412 p.

О ПОСЛЕДСТВИЯХ ОТКАЗА ОТ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА CONSEQUENCES OF RENUNCIATION OF PROPERTY RIGHTS

АНИКИН Александр Сергеевич

Доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.23.
E-mail: aas@list.ru

ANIKIN Alexander Sergeevich

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law, Ph.D. (Law), Associate Professor.
National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky,
603022, 23 Gagarina Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia,
E-mail: aas@list.ru

Краткая аннотация. В статье отказ от права рассмотрен как односторонний акт управомоченного, основным правовым последствием которого является приведение правоотношения в правопрекращающую стадию и активация специального механизма прекращения права. Отказ от права является элементом такого механизма. На примере отдельных видов имущественных прав показано влияние отказа от права на процесс осуществления права, исполнения корреспондирующей данному обязанности. Указывается на установление отказом от права между сторонами основного правоотношения иных правовых отношений, что также является одним из последствий отказа от права.

Abstract: In the article, the waiver of a right is considered as a unilateral act of a legal entity. The Waiver of the right has the main legal consequence of bringing the legal relationship to the final stage. It activates the mechanism of termination of the right. Waiver of the right is an element of such a mechanism. Using the example of certain types of property rights, the influence of Waiver of the right on the process of exercising the right, as well as the fulfillment of a corresponding obligation, is shown. It is indicated that the waiver of the right has established other legal relations between the parties to the basic legal relationship. This is also a consequence of the waiver of the right.

Ключевые слова. Субъективное гражданское право; имущественное право; распоряжение правом; осуществление права; отказ от права; механизм прекращения права.

Keywords. Subjective civil right, property right, disposal of right, exercise of the right, waiver of the right, mechanism of termination of the right.

Статья поступила в редакцию: 21.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Применительно к актам распоряжения субъективными имущественными правами необходимо различать правовые формы – отказ от права и отказ от осуществления права. В доктрине данные явления дифференцированы достаточно отчетливо [1; 2; 3] на основании целевой направленности действий управомоченного лица. Отказ от права совершается с целью прекращения такого права, при отказе от осуществления права управомоченный не желает прекращения своего права, но осознает факт его неосуществления.

Как видится, научный интерес представляет не только определение свойств упомянутых правовых форм и их дифференциация, но и исследование создаваемых такими отказами юридических последствий. Необходимо определить также как это сопрягается с существованием субъективного права, с исполнением корреспондирующей ему обязанности (влияние на состояние основного правоотношения), а также на установление других правоотношений между сторонами основного правоотношения и с другими лицами.

Отказ от права в качестве юридического последствия предполагает прекращение права, что, однако, происходит в результате активации и функционирования *особого механизма прекращения права*. Совершением действия по отказу от права в некоторых случаях можно сразу прекратить существование права, и тогда такой механизм является *простым*. Так, уведомление об отказе от договора (ст. 450.1 ГК РФ) [4] по общему правилу влечет прекращение договора в связи с получением контрагентом такого уведомления; заявление о выходе участника из общества с ограниченной ответственностью, являющегося кредитной организацией, прекращает корпоративные права участника с момента получения обществом такого заявления (п. 2 ст. 94 ГК РФ).

Но в большинстве случаев правопрекращающий механизм является *сложным*, и кроме акта отказа от права включает и другие подлежащие квалификации обстоятельства: истечение срока (так, заявление участника о выходе из товарищества по общему правилу совершается за шесть месяцев до прекращения корпоративных прав (ст. 77 ГК РФ)); завладение «отказной» вещью другим лицом (п. 2 ст. 226 ГК РФ); совершение актов государственной регистрации прекращения права (например, в случае с земельным участком – п. 2 ст. 52 Земельного кодекса РФ [5], п. 4 ст. 56 Закона «О государственной регистрации недвижимости» [6]); вступление в силу судебного акта (право собственности прекращается в случае приобретения права собственности на бесхозяйную вещь и это осуществляется в судебном порядке в случаях, указанных в пп. 3-6 ст. 225, абз. 2 п. 2 ст. 226 ГК РФ). Точнее будет сказать, что прямым юридическим последствием действий по отказу от права является активация правопрекращающего механизма, но состоится или нет прекращение субъективного права зависит от того, как «сработает» данный механизм. Нужно также учитывать, что такой отказ может быть «отозван». Так, заявление об отказе от права постоянного (бессрочного) пользования не может быть удовлетворено без согласия учредителя соответствующего юридического лица (п. 3 ст. 53 Земельного кодекса РФ), поэтому сам по себе отказ от права не приведет к прекращению права. П. 3 ст. 225 ГК РФ прямо предусматривает, что после отказа от права собственности, но до того, как суд признал вещь поступившей в муниципальную собственность, собственник может вновь принять вещь во владение, пользование,

распоряжение, т.е. совершить отмену (отзыв) такого отказа от права.

После совершения отказа от права, которое выступает элементом гражданского правоотношения, оно приводится в *особое состояние* (учение о состояниях в гражданском правоотношении в современной цивилистической науке наиболее обстоятельно разработано проф. Л.А. Чеговадзе [7]), которое можно именовать как правопрекращающая стадия развития правоотношения. До момента своего прекращения право продолжает существовать, как и продолжает существовать корреспондирующая ему юридическая обязанность. Однако, упомянутое состояние правоотношения, возникающее в связи с действиями по отказу от права, предполагает особенности в осуществлении такого права и, соответственно, исполнении обязанности. Так, обладатель вещного права, совершивший отказ от него (ст. 236 ГК РФ), если и не сможет осуществлять свое право посредством пользования вещью, то только потому, что не имеет фактической возможности для этого в результате оставления вещи. Юридически его право продолжает существовать, в том числе не усматривается каких-либо оснований для ограничения распоряжения вещью, в том числе посредством ее продажи. И если, к примеру, заключить договор купли-продажи возможно в отношении передачи «будущей» вещи, не принадлежащей продавцу на вещном праве на момент заключения договора (п. 2 ст. 455 ГК РФ), то и в случае с отказом от права это тем более допустимо.

Более того, поскольку в момент оставления вещи право собственника не прекращено, собственник должен нести бремя ее содержания и ответственность за вред, причиненный данной вещью другим лицам. Эти должностования собственника прекращаются в момент обращения вещи в собственность другим лицом. Имеется практика, когда суды отказывают в требованиях к администрациям муниципальных образований обеспечить содержание бесхозной недвижимой вещи до приобретения вещи в муниципальную собственность в порядке п. 3 ст. 225 ГК РФ, и напротив, констатируют такую обязанность за собственником, отказавшимся от права [8; 9].

Нормы закона в большинстве случаев не устанавливают каких-либо препятствий для осуществления корпоративных прав после заявления отказа от них и до момента их прекращения. В случае заявления о выходе участника из кооператива, товарищества, общества (ст. 77, 94 ГК РФ, статья 26 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [10]), пока корпоративные права сохраняются, такой участник беспрепятственно способен их осуществлять (например, голосовать на общем собрании). Однако, при отказе от корпоративных прав посредством заявления акционера о выкупе акций акционерным обществом (ст. 75 ГК РФ) акционер, заявивший обществу требование о выкупе акций не вправе ими распоряжаться (абз. 3 ч. 3 ст. 76 Закона «Об акционерных обществах» [11]).

В случае же с прекращением обязательств зачетом можно наблюдать установление пределов или ограничений на осуществление права на зачет. К примеру, сторона обязательства заявила о зачете встречных требований, но обязательства прекратятся позже - не совпадают моменты заявления о зачете и прекращения требования. И если до прекращения требования зачетом заявитель совершит уступку своего требования, такой cedent нарушит условия уступки, предписанные в абз. 5 п.2 ст. 390 ГК РФ, и будет нести ответственность перед цессионарием. Такие условия уступки и есть ограничения для осуществления заявленного к зачету права требования.

Следует отметить, что общий принцип добросовестного осуществления гражданских прав (п. 3 ст. 1 ГК РФ) должен применяться и в период с момента отказа от права до момента его прекращения. Поэтому, например, проявит недобросовестность собственник, если сначала оставит вещь с очевидным для других лиц намерением отказаться от права на нее, потом передумает и вновь завладеет вещью, а впоследствии заявит требования к другим лицам о возмещении какого-либо вреда, нанесенного вещи в «отказной» промежуток времени.

Таким образом, совершение действий по отказу от права может создать юридические последствия в виде *установления ограничений и пределов в осуществлении права*, которые могут вытекать как из специальных предписаний законодательства применительно к отдельным видам имущественных прав, так и из общего начала гражданского права о необходимости действовать добросовестно (п.3, 4 ст. 1 ГК РФ).

Поскольку в системе правоотношения субъективное право корреспондирует юридической обязанности, отказ от осуществления права неизбежно порождает последствия для состояния юридической обязанности в правоотношении. Юридическая обязанность после совершения отказа от права до момента его прекращения также существует и подлежит исполнению. В случае с зачетом, к примеру, это проявляется в том, что если наступил срок исполнения активного требования, но отсутствуют условия для досрочного исполнения пассивного требования, должник по активному требованию вправе исполнить свое обязательство (абз. 3 п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 "О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств" [12]).

Еще одним последствием отказа от права, хоть и менее распространенным, является установление между сторонами основного правоотношения (в системе которого осуществляется отказ от права) дополнительных правоотношений. Если отказ от прав предусматривает и отказ от исполнения своих обязанностей (в договорных обязательствах), то такой управомоченный может присуждаться к обязанности компенсировать потери другой стороне. Так, отказ от договора может создавать обязательство по возмещению другой стороны расходов, иных убытков (ст. 717, 782, 806, п.п. 2, 3 ст. 978 ГК РФ и др. [13]). Данный эффект примечателен тем, что установление таких обязательств имеет синаллагматическую связь с поведением управомоченного – лишь отказавшись от права или его осуществления, и при его поведении, соответствующем такому отказу, он приобретает право требования (или же наступает обязанность) в таком дополнительном обязательстве.

Таким образом, основным последствием отказа от права является прекращение права через активацию специального правопрекращающего механизма. Но в предусмотренных законом случаях до момента прекращения могут быть установлены пределы и ограничения в осуществлении права. Юридическая обязанность, корреспондирующая такому праву, после совершения отказа от права до момента его прекращения также существует и подлежит исполнению. Кроме того, в случаях, предусмотренных договором или законом, отказ от права способен создавать дополнительные правоотношения между сторонами основного правоотношения (выплата вознаграждения, возмещение убытков и иных

расходов).

Список литературы

1. Саркисян А.В., Новоселов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 4. — С. 93 – 131.
2. Власова Е.Д. Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правовых системах // Ленинградский юридический журнал. — 2018. — № 1. — С. 85 – 97.
3. Бойко Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон. — 2012. — № 3. — С. 133–145.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
6. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (часть I). — Ст. 4344.
7. Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. — М.: «Статут», 2004. — 542 с.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.01.2018 № Ф08-9390/2017 по делу № А61-1423/2017. — Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.10.2025);
9. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.02.2019 № Ф01-6767/2018 по делу № А82-17705/2017. — Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.10.2025)
11. Федеральный закон от 08 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
12. Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. Ст. 1.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 года № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. — 2020. — № 136.
14. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. Ст. 410.

References

1. Sarkisyan A.V., Novoselov D.A. About the waiver of the right and its consequences // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. — 2017. — No. 4. — pp. 93-131.
2. Vlasova E.D. Institute of renunciation of law: application in Russian law and in foreign legal systems // Leningrad Law Journal. — 2018. — No. 1. — pp. 85-97.
3. Boyko T.S. Renunciation of law and abstinence from exercising law: Russian and Anglo-American approaches // Law. — 2012. — No. 3. — pp. 133-145.
4. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.
5. The Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001, No. 136-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 44. — Art. 4147.
6. Federal Law No. 218-FZ of July 13, 2015 "On State Registration of Real Estate" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2015. — No. 29 (part I). — 4344.7.
7. Chegovadze L.A. The structure and state of civil law relations, Moscow: Statute, 2004, 542 p.
8. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated 25.01.2018 No. F08-9390/2017 in case No. A61-1423/2017. — Text : electronic // SPS "ConsultantPlus" : [website]. — URL: <https://www.consultant.ru> (date of request: 08.10.2025);
9. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 12.02.2019 No. F01-6767/2018 in case No. A82-17705/2017. — Text : electronic // SPS "ConsultantPlus" : [website]. — URL: <https://www.consultant.ru> (date of request: 08.10.2025)
11. Federal Law No. 14-FZ of February 08, 1998 "On Limited Liability Companies" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1998. — № 7. — Art. 785.
12. Federal Law No. 208-FZ of December 26, 1995 "On Joint-Stock Companies" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 1. Art. 1.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 11, 2020 No. 6 "On certain issues of the Application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on termination of obligations" // Rossiyskaya Gazeta. — 2020. — № 136.
14. "The Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" dated January 26, 1996, No. 14-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 5. St. 410.

КОЛЛАБОРАЦИИ БРЕНДОВ И КОБРЕНДИНГ: ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ BRAND COLLABORATIONS & CO-BRANDING: LEGAL BARRIERS AND SOLUTIONS

АНУФРИЕВА Анастасия Евгеньевна

Государственный эксперт по интеллектуальной собственности 2 категории;
Федеральное государственное бюджетное учреждение Федеральный институт промышленной собственности,
Бережковская наб., д. 30, корп. 1, Москва, Г-59, ГСП-3, 125993, РФ;
e-mail: anastasiia.anufrieva@rupto.ru,

ANUFRIEVA Anastasia Evgenievna

State Expert on Intellectual Property Category 2; Federal State Budgetary Institution Federal Institute of Industrial Property,
Berezhkovskaya Nab., 30, Bldg. 1, Moscow, G-59, GSP-3, 125993, RF;
e-mail: anastasiia.anufrieva@rupto.ru

Краткая аннотация Коллаборации брендов, включая кобрендинг, представляют собой динамичный инструмент современной экономики, однако коммерческая привлекательность коллабораций маскирует комплекс серьезных правовых вызовов в сфере интеллектуальной собственности. Актуальность темы обусловлена дисбалансом между скоростью рыночных инноваций и консервативностью правового регулирования. В статье проводится комплексный анализ правовых аспектов совместного использования товарных знаков в Российской Федерации и за рубежом, включая проблемы регистрации, разграничения прав, разрешения конфликтов и перспективы развития регулирования. Выявлены системные противоречия в правовом регулировании множественности субъектов на стороне правообладателя товарного знака в Российской Федерации, обусловленные догматическим принципом неделимости исключительного права.

Abstract: Brand collaborations, including co-branding, represent a dynamic tool in the modern economy. However, the commercial appeal of collaborations masks a complex set of serious legal challenges in the realm of intellectual property. The relevance of this topic is driven by the imbalance between the speed of market innovation and the conservatism of legal regulation. This article provides a comprehensive analysis of the legal aspects of joint trademark use in the Russian Federation and abroad, including issues of registration, rights demarcation, conflict resolution, and prospects for regulatory development. Systemic contradictions have been identified in the legal regulation of multiple parties on the trademark owner's side in the Russian Federation, stemming from the dogmatic principle of the indivisibility of exclusive rights.

Ключевые слова: товарный знак, интеллектуальная собственность, коллаборация брендов, кобрендинг, совладение товарным знаком.

Keywords: trademark, intellectual property (IP), brand collaboration, co-branding, joint proprietorship of a trademark.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение

В современных условиях цифровизации, глобализации и усиления брендинговых коммуникаций товарный знак всё чаще рассматривается не просто как средство индивидуализации, а как сложный экономико-правовой актив, способный объединять интересы нескольких участников рыночных отношений.

Развитие рыночных механизмов взаимодействия между компаниями, в частности, коллабораций и кобрендинговых проектов, приводит к тому, что товарный знак всё чаще используется несколькими участниками совместно. В результате создаются продукты, несущие в себе объединённую символику и ценности нескольких брендов, что усиливает их маркетинговую привлекательность и экономическую эффективность. Вместе с тем коллаборации порождают и новые правовые риски, связанные с определением объёма правомочий, управлением качеством продукции, защитой репутации и урегулированием вопросов совместного владения исключительными правами.

Статья направлена на всестороннее рассмотрение правовых аспектов совместного владения товарными знаками в контексте коллабораций и кобрендинга, анализ действующих норм российского и зарубежного законодательства, а также выявление направлений их возможной гармонизации в целях развития национального правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности.

Основной текст

В настоящее время товарный знак не только обозначение, способное индивидуализировать товары, как указано в ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], но также может рассматриваться в качестве комплексного актива нескольких производителей.

В литературе выделяют такие функции товарного знака, как различительная, гарантийная, рекламная и охранная [3]. Но в рамках коллабораций происходит трансформация функциональности товарного знака и на первый план выходит репутационная функция, так как совместный продукт объединяет и транслирует потребителю весь имидж и доверие, созданные каждым из партнеров по отдельности. Потребительская ценность такого продукта вырастает за счет объединения нематериальных активов участников коллаборации, но вместе с тем вырастает риск репутационных потерь при неудачной реализации проекта.

Такая трансформация **коммуникативную функцию** за счет объединения партнерских аудиторий и усложняет **гарантийную функцию**, поскольку необходимо обеспечивать единые стандарты качества уже нескольким независимым субъектам.

Кобрендинг представляет собой специализированную форму коллаборации, ориентированную на совместное использование брендов для достижения взаимовыгодных результатов. Легальное определение Минэкономразвития РФ в Приказе от 29.09.2016 № 612, как «размещение

в рекламном поле двух или более брендов» критикуется в доктрине за ограниченность. Научные подходы предлагают расширительные трактовки: от «совместного размещения товарных знаков» до «формы стратегического сотрудничества марок» [3].

Основным правовым инструментом регулирования кобрендинговых проектов выступает лицензионный договор (ст. 1489 ГК РФ), дополняемый при необходимости соглашением о простом товариществе (гл. 55 ГК РФ).

Ключевая проблема, с которой сталкиваются российские коллаборации, заключается в том, что хотя п. 2 ст. 1229 ГК РФ и устанавливает возможность совладения исключительными правами несколькими лицами, на практике эта норма не применяется в отношении товарных знаков.

Впервые на возможность совладения товарным знаком указал Суд по интеллектуальным правам в Определении от 2 октября 2015 года № СИП-248/2014 по делу о досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков по иску ЗАО «Конде Наст» и «Ле Публикасьон Конде Наст С.А.» к ОАО «Синергия капитал» (далее – Истцы) [4]. Во время судебного процесса стороны заключили мировое соглашение об установлении режима совладения товарными знаками «VOGUE» и «VOGUE EUROPE» на основании ст. 1229 ГК РФ.

Однако в последующем Роспатент отказал в отчуждении половины исключительных прав на товарные знаки, что стало предметом судебного разбирательства в Арбитражном суде города Москвы (дело № А40-210165/16-91-1920). Суд первой инстанции в Решении от 17 апреля 2017 года поддержал решение Роспатента, дополнительно отметив неприменимость положений о долевой собственности к интеллектуальным правам [5].

Истцы не согласились с данным решением и обратились в апелляционную инстанцию, где Суд по интеллектуальным правам при пересмотре дела отменил судебные акты нижестоящих инстанций, указав, что п. 2 ст. 1229 ГК РФ допускает совместное владение правами на средства индивидуализации, подкрепив свои доводы ссылками на международные договоры (п. (3) ст. 5 С Парижской конвенции, ст. 11 Сингапурского договора о законах по товарным знакам), предусматривающими возможность совладения товарными знаками.

Впоследствии Верховный суд РФ в своем Определении от 3 июля 2018 года № 305-КГ18-2488 прямо указал на невозможность возникновения исключительного права на товарный знак у нескольких лиц по причине того, что такой знак утрачивает свою индивидуализирующую функцию [6]. А также указал, что международные договоры «не предписывают странам-участницам предоставлять правовую охрану товарным знакам на имя нескольких лиц одновременно», подчеркнув приоритет национального законодательства в соответствии со статьей 6 Парижской конвенции. Единственной допустимой формой совместного использования, согласно позиции Верховного суда, является коллективный знак (ст. 1510 – 1511 ГК РФ).

Однако, сама конструкция коллективного знака делает его непригодным для динамичных коллабораций. Это выражается в следующем:

1. Несовместимость субъектного состава – правообладателем коллективного знака выступает одно лицо (ассоциация или союз);
2. Ограниченная оборотоспособность – коллективный знак нельзя отчуждать и выдавать на него лицензии третьим лицам, чем блокируется его коммерциализация;
3. Административная сложность – необходима разработка и представление в Роспатент устава коллективного знака, регламентирующего перечень участников и единые стандарты качества, что избыточно для разовых или среднесрочных проектов.

Анализ зарубежного опыта регулирования совместного владения товарными знаками представляет значительный интерес для разработки путей совершенствования российского законодательства. Сравнительное исследование позволяет выявить как преимущества различных моделей, так и их системные недостатки, что особенно актуально в контексте развития коллаборационных проектов и кобрендинга.

Американская модель совместного владения. Законодательство США (§ 5 Lanham Act) предусматривает возможность совместного владения товарным знаком (joint ownership) при условии осуществления совладельцами совместного контроля над качеством товаров и услуг [7]. Однако судебная практика выявила существенные недостатки данной модели. В частности, прецедентное дело *Reed v. Marshall* [8] установило, что совладельцы не могут предъявлять друг другу иски о нарушении прав на товарный знак, поскольку использование знака между собой не считается несанкционированным. Это создает правовой вакуум в разрешении внутренних конфликтов между совладельцами.

Европейский подход к регулированию. Регламент ЕС 2017/1001 допускает регистрацию товарного знака Европейского союза на нескольких лиц [9]. Особенностью регулирования является двухуровневая система: наднациональные нормы устанавливают возможность совместного владения, а конкретный порядок реализации прав определяется национальным законодательством государства, указанного заявителем.

Международно-правовые аспекты. Мадридская система международной регистрации знаков предусматривает возможность подачи заявок от имени нескольких лиц [10]. Это создает правовую коллизию, при которой иностранные заявители получают преимущество перед российскими правообладателями, поскольку национальное законодательство России блокирует такую возможность. Данное противоречие подчеркивает необходимость гармонизации российского законодательства с международными стандартами.

Сравнительный анализ показывает, что ни одна из существующих зарубежных моделей не является идеальной, однако их изучение позволяет выделить ключевые элементы, которые могут быть использованы при разработке российской модели регулирования совместного владения товарными знаками.

Современная правоприменительная практика в области совместного владения товарными знаками демонстрирует формирование различных моделей регулирования соответствующих правоотношений. В контексте дела *East West Tea Co., LLC v. Puri* [11] предметом судебного

рассмотрения стал вопрос о правомочиях отдельных совладельцев по распоряжению совместным объектом интеллектуальной собственности. Судом была подтверждена правомерность выдачи лицензии одним из правообладателей без необходимости получения согласия прочих участников долевой собственности. Принципиальное значение имеет позиция суда относительно отсутствия обязанности лицензиара осуществлять распределение лицензионных платежей в пользу остальных совладельцев. Сформированная в рамках данного прецедента правовая модель предоставляет значительную степень автономии каждому из правообладателей, однако создает риск того, что один из совладельцев, действуя формально правомерно, может нанести ущерб экономическим интересам остальных партнеров.

В отличие от указанного подхода, прецедент по делу *Zioness Movement, Inc. v. The Lawfare Project, Inc.* [12] имеет определяющее значение для понимания механизма возникновения права совместной собственности в юрисдикциях, где установление прав на средства индивидуализации обусловлено фактическим использованием. Судебным решением была признана правомерность возникновения режима совместного владения при доказанности соучастия нескольких лиц в процессе создания и последующего развития бренда, включая использование общих ресурсов и осуществление скоординированных действий в рамках партнерского взаимодействия, даже при отсутствии надлежащим образом оформленного соглашения. Особую актуальность данный подход приобретает применительно к правоотношениям, складывающимся в процессе осуществления коллаборационных проектов, поскольку обеспечивает защиту интересов всех участников, внесших существенный вклад в формирование бренда, против потенциальных попыток односторонней регистрации одним из партнеров.

Заключение

Совокупный анализ представленных судебных решений позволяет выделить две ключевые проблемные области: во-первых, сложности, связанные с определением объема правомочий отдельных совладельцев в процессе осуществления правомочий по распоряжению совместным объектом интеллектуальной собственности; во-вторых, проблемы доказывания самого факта возникновения права совместной собственности в отсутствие формализованных договоренностей. Выявленные правовые противоречия подчеркивают необходимость разработки детализированного договорного регулирования соответствующих отношений на стадии инициирования коллаборационного взаимодействия [13].

Введение института долевой собственности на средства индивидуализации, а именно закрепление в ГК РФ возможности регистрации товарного знака на имя двух и более лиц с определением долей в исключительном праве, находит поддержку в научной доктрине, а также в проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» № 479514-8 [14, 15]. В случае внесения изменений в ГК РФ потребуется разработка методических рекомендаций, разъясняющих порядок регистрации коллаборативных обозначений, типовые условия договоров и подходы экспертизы. Помимо этого, предлагается разработать формы соглашений для коллабораций и кобрендинга, включающие условия о контроле качества, распределении доходов, порядке разрешения споров и судьбе прав после прекращения договора, с последующей регистрацией таких договоров и внесением их в реестр Роспатента, по аналогии с лицензионными договорами.

Коллаборация брендов и кобрендинг представляют собой перспективный инструмент развития бизнеса, однако их потенциал в России существенно ограничен существующими правовыми барьерами. Сравнительно-правовой анализ подтверждает, что зарубежные юрисдикции обладают более гибкими моделями совместного владения.

Проведенный анализ демонстрирует, что действующее правовое регулирование не соответствует потребностям современных рыночных отношений. Внедрение модели долевой собственности на товарные знаки, дополненное четкими методическими рекомендациями и типовыми договорами, создаст стабильную правовую среду, минимизирует риски участников и будет стимулировать развитие инновационных форматов взаимодействия, таких как кобрендинг и коллаборации.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1), ст. 5496; 2023. № 31, ч. 3, ст. 5765.
2. Белобородов, М. В. Понятие и правовая природа товарного знака в современном гражданском праве / М. В. Белобородов, Д. И. Гряськин // Закон и право. – 2021. – № 4. – С. 34-36.
3. Ореткина, С. Кобрендинг как направление брендинга в России: понятие и правовые аспекты / С. Ореткина // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Сборник материалов XIII Международного юридического форума (IP Форума). В 2-х томах, Москва, 14–15 февраля 2025 года. – Москва: Издательский центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – С. 284-287.
4. Определение Суда по интеллектуальным правам от 02 октября 2015 года № СИП-248/2014 // СПС «Консультант Плюс».
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 17 апреля 2017 года по делу № А40-210165/16-91-1920 // СПС «Консультант Плюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.07.2018 N 305-КГ18-2488 по делу N A40-210165/2016 // СПС «Консультант Плюс».
7. Trademark Act of 1946 (Lanham Act) [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21469> (дата обращения: 16.10.2025).
8. Reed v. Marshall, 5th Circuit, 2025. FindLaw Caselaw [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/gov.uscourts.txsd.1853114> (дата обращения: 13.10.2025).
9. Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18298> (дата обращения: 16.10.2025).
10. World Intellectual Property Organization. Madrid System: Practical Guide. - Geneva: WIPO, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-455-2022-ru-guide-to-the-madrid-system-international-registration-of-marks-under-the-madrid-protocol.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).
11. East West Tea Co., LLC v. Puri, No. 3:11-CV-01358-HZ, 2022 WL 900539 (D. Or. March 28, 2022) [Электронный ресурс] URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/6246e464342cca047dbcf28> (дата обращения: 13.10.2025).
12. Zioness Movement, Inc. v. The Lawfare Project, Inc., 746 F.Supp.3d 125 (S.D.N.Y. Mar. 27, 2024) [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/gov.uscourts.nysd.566113> (дата обращения: 13.10.2025).
13. Spiridonova, N. B. Trademark Co-ownership: Balancing the Single-Source Doctrine and Property Rights in the American Context / N. B. Spiridonova // Digital Law Journal. – 2024. – Vol. 5, No. 3. – P. 8-18.
14. Рожнова Д. А. Урегулирование вопроса совладения товарными знаками в российском законодательстве // Рынок интеллектуальной собственности как основа инновационного сценария развития экономики России: доклады научно-практической конференции Роспатента. / под ред. А. А. Ломакиной. Москва, 2024. С. 43-48.

15. Проект Федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» № 479514-8. [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 09.10.2025).

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on July 24, 2023) // SZ RF. 2006. No. 52 (Part 1), Art. 5496; 2023. No. 31, Part 3, Art. 5765.
2. Beloborodov, M. V. The Concept and Legal Nature of a Trademark in Modern Civil Law / M. V. Beloborodov, D. I. Gryaskin // Zakon i Pravo. – 2021. – No. 4. – P. 34-36.
3. Orgetkina, S. Cobranding as a Direction of Branding in Russia: Concept and Legal Aspects / S. Orgetkina // Legal Protection of Intellectual Property: Problems of Theory and Practice: Collection of Materials of the XIII International Legal Forum (IP Forum). In 2 volumes, Moscow, February 14–15, 2025. – Moscow: Publishing Center of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 2025. – P. 284-287.
4. Ruling of the Court for Intellectual Property Rights of October 02, 2015, No. SIP-248/2014 // SPS "ConsultantPlus".
5. Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow of April 17, 2017, in Case No. A40-210165/16-91-1920 // SPS "ConsultantPlus".
6. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.07.2018 N 305-KG18-2488 in Case N A40-210165/2016 // SPS "ConsultantPlus".
7. Trademark Act of 1946 (Lanham Act) [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21469> (дата обращения: 16.10.2025).
8. Reed v. Marshall, 5th Circuit, 2025. FindLaw Caselaw [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/gov.uscourts.txsd.1853114> (дата обращения: 13.10.2025).
9. Regulation (EU) 2017/1001 of the European Parliament and of the Council [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18298> (дата обращения: 16.10.2025).
10. World Intellectual Property Organization. Madrid System: Practical Guide. - Geneva: WIPO, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-455-2022-ru-guide-to-the-madrid-system-international-registration-of-marks-under-the-madrid-protocol.pdf> (дата обращения: 13.10.2025).
11. East West Tea Co., LLC v. Puri, No. 3:11-CV-01358-HZ, 2022 WL 900539 (D. Or. March 28, 2022) [Электронный ресурс] URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/6246e464342cca047dbcf28> (дата обращения: 13.10.2025).
12. Zioness Movement, Inc. v. The Lawfare Project, Inc., 746 F.Supp.3d 125 (S.D.N.Y. Mar. 27, 2024) [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/gov.uscourts.nysd.566113> (дата обращения: 13.10.2025).
13. Spiridonova, N. B. Trademark Co-ownership: Balancing the Single-Source Doctrine and Property Rights in the American Context / N. B. Spiridonova // Digital Law Journal. – 2024. – Vol. 5, No. 3. – P. 8-18.
14. Rozhnova, D. A. Regulation of Trademark Co-ownership in Russian Legislation // Intellectual Property Market as the Basis for an Innovative Scenario of Russia's Economic Development: Reports of the Rospatent Scientific and Practical Conference. / ed. by A. A. Lomakina. Moscow, 2024. P. 43-48.
15. Draft Federal Law "On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" No. 479514-8. [Electronic Resource] URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (accessed: 09.10.2025).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ DIGITALIZATION OF JUSTICE IN RUSSIA: THEORETICAL AND ORGANIZATIONAL-LEGAL PROBLEMS

БОКОВА Алёна Олеговна

студентка юридического факультета Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж)
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69.

E-mail: a.o.bokova@gmail.com

КОСТИКОВА Галина Викентьевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж)
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69.

E-mail: algol5@mail.ru

МАНУКОВСКАЯ Алевтина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж)
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69.

E-mail: man-an@mail.ru

BOKOVA Alena Olegovna

student at the Law Faculty of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh)

117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya St., 69.

E-mail: a.o.bokova@gmail.com

KOSTIKOVA Galina Vikentievna

candidate of Law, associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education

«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh)

117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya St., 69.

E-mail: algol5@mail.ru

MANUKOVSKAYA Alevtina Nikolaevna

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education

«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh)

117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya St., 69.

E-mail: man-an@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются теоретические и организационно-правовые аспекты цифровизации правосудия в Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу ключевых направлений цифровой трансформации судебной системы. В исследовании отмечаются основные проблемы и риски, сопровождающие процесс цифровизации, а также предлагаются конкретные меры прикладного характера, направленные на устранение выявленных проблем.

Abstract: The article examines the theoretical and organizational-legal aspects of the digitalization of justice in the Russian Federation. Special attention is paid to the analysis of the key directions of the digital transformation of the judicial system. The study highlights the main problems and risks accompanying the digitalization process, as well as suggests specific measures of an applied nature aimed at eliminating the identified problems.

Ключевые слова: цифровизация, судебная система, правосудие, «ГАС Правосудие», искусственный интеллект, автоматизация судопроизводства.

Keywords: digitalization, judicial system, justice, «GAS Justice», artificial intelligence, automation of judicial proceedings.

Для цитирования: Бокова А.О., Костикова Г.В., Мануковская А.Н. Цифровизация правосудия в России: теоретические и организационно-правовые проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1125-1128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1125.

For citation: Bokova A.O., Kostikova G.V., Manukovskaya A.N. Digitalization of justice in Russia: theoretical and organizational-legal problems // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1125-1128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1125.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В настоящее время цифровизация судебной системы представляет собой одно из ключевых направлений государственной политики по модернизации механизмов осуществления правосудия в Российской Федерации, поскольку внедрение цифровых технологий в сферу правосудия способствует не только повышению эффективности и оперативности судопроизводства, но и обеспечивает реализацию принципов открытости, прозрачности и доступности судебной деятельности. Использование электронных сервисов подачи документов в суд, различных дистанционных форм участия в судебных заседаниях, электронного документооборота и автоматизированных систем обработки информации значительно упрощает взаимодействие между участниками процесса, минимизирует влияние человеческого фактора на судебную деятельность и снижает нагрузку на сотрудников аппарата судов. Однако, вместе с этим, цифровая трансформация судебной деятельности сопряжена и с рядом

рисков, требующих системного научного осмысления. К числу основных из них следует отнести проблемы обеспечения кибербезопасности судебной инфраструктуры, дискуссионность вопросов ответственности за функционирование и возможные сбои цифровых систем, неопределенность, связанную с внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в судебную систему, различные эτικο-правовые аспекты цифровизации правосудия, связанные с риском утраты человеческого начала в осуществлении правосудия, и так далее. Вследствие указанных обстоятельств представляется возможным заключить, что тема исследования актуальна.

Целью настоящей статьи является проведение всестороннего анализа цифровизации правосудия на современном этапе, а также выявление теоретических и организационно-правовых проблем, связанных с данным процессом на современном этапе развития общества. В рамках достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: определить понятие цифровизации правосудия; изучить основные направления цифровизации правосудия на современном этапе; проанализировать теоретические и организационно-правовые проблемы, возникающие в данной связи, и предложить пути их решения.

Говоря о понятии цифровизации правосудия, можно отметить, что данный вопрос в современной правовой науке является дискуссионным, и в настоящее время относительно данного термина не существует единого определения.

Так, А.Т. Карасев отмечает: «цифровизация правосудия» – это средство обеспечения перехода к системе электронной подачи обращений в суд и автоматизированного распределения дел между судьями; внедрения средств информатизации судебного разбирательства (от использования видеоконференцсвязи и электронных доказательств до применения искусственного интеллекта в оценке доказательств и вынесения решений); а также онлайн-взаимодействия и электронного оборота между всеми участниками судебного судопроизводства на базе личных кабинетов (судьи, стороны и иные участники судебного процесса) [6, с. 72].

По мнению К.А. Волкова, в содержание понятия цифровизации правосудия «следует включать преобразование правосудия в новые формы судопроизводства, которые основаны на использовании информационных технологий» [4, с. 5].

Ганюшкина Е.Р. указывает: «Цифровизация правосудия – внедрение цифровых технологий в судебную систему для повышения качества осуществления развития правосудия» [5, с. 98].

В целом, на основании приведенных определений можно заключить, что цифровизация правосудия может быть определена как системное внедрение цифровых технологий в деятельность судебной власти, направленное на трансформацию процессуальных форм и организационных процедур судопроизводства в целях обеспечения доступности, эффективности и прозрачности правосудия посредством автоматизации и использования интеллектуальных систем обработки информации.

Кроме того, на основании данного определения представляется возможным выделить основные направления цифровизации правосудия в Российской Федерации, которые отражают стратегические ориентиры развития судебной системы в условиях цифровой трансформации общества.

Так, прежде всего, ключевым направлением в данной связи выступает внедрение электронного документооборота, обеспечивающего полный цикл движения процессуальных документов в цифровом формате – от их подачи участниками процесса до хранения и публикации судебных актов, что позволяет существенно сократить временные и материальные издержки по созданию и содержанию в надлежащем виде тех или иных документов, устранить дублирование бумажных носителей, повысить оперативность обмена информацией между судом и участниками процесса.

Вторым важным направлением цифровизации правосудия является развитие электронного судопроизводства. Оно включает возможность подачи исковых заявлений, ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов через специализированные онлайн-платформы, а также участие в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи.

Третьим направлением цифровизации следует признать автоматизацию организационно-процессуальных процедур, в частности – автоматическое распределение судебных дел между судьями. При этом, считаем необходимым отметить, что этот инструмент не только ускоряет процесс рассмотрения дел, но и способствует укреплению принципа независимости суда, исключая возможность вмешательства в процесс распределения дел со стороны администрации суда или иных лиц.

Четвертым направлением цифровизации правосудия на современном этапе является формирование единого информационного пространства судебной системы, реализуемое посредством функционирования Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие») [1, с. 48]. Данная система обеспечивает интеграцию судебных баз данных, ведение электронных архивов, публикацию судебных актов в открытом доступе, а также взаимодействие с иными государственными информационными системами. Также стоит отметить, что в последние годы активно набирает популярность такое направление цифровизации правосудия как внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность.

Однако, несмотря на всю перспективность данных направлений, необходимо отметить, что каждое из них сопряжено с рядом рисков, способных не только оказать негативное воздействие на стабильность функционирования судебной системы, но и повлиять на доверие граждан к ней. Прежде всего, к числу наиболее значимых угроз относится высокая уязвимость цифровой инфраструктуры судебной власти перед внешними кибератаками. Центральная роль Государственной автоматизированной системы «Правосудие» в обеспечении информационного взаимодействия судов делает ее потенциально привлекательным объектом для злоумышленников. Масштабный инцидент 2024 года, когда из-за хакерской атаки функционирование системы было фактически парализовано, стал наглядным примером системного риска. В результате сбоя оказались заблокированы ключевые цифровые сервисы – от электронного документооборота до публикации судебных актов, что привело к суще-

ственным затруднениям в работе судов по всей стране.

Кроме того, не менее острой проблемой в данной связи остается и техническая неравномерность уровня цифровизации судов, особенно на уровне районных судов. Несмотря на нормативное закрепление возможности участия в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи (ВКС), фактически далеко не все суды обладают необходимым оборудованием и устойчивым интернет-соединением для реализации данной формы процессуального взаимодействия, в результате чего цифровизация правосудия реализуется крайне фрагментарно [2, с. 15].

Также стоит отметить, что особого внимания в данной связи заслуживает и вопрос о правовой и технической ответственности при внедрении искусственного интеллекта в судебную деятельность. В настоящее время использование ИИ открывает широкие перспективы для автоматизации анализа доказательств, подготовки проектов судебных решений и систематизации судебной практики, однако сопряжено с рядом нерешенных этических-правовых и организационных проблем. Так, прежде всего, остается неясным, кто именно должен нести ответственность за ошибки алгоритма или сбой в работе интеллектуальной системы: судья, полагающийся на рекомендации ИИ; разработчик программного обеспечения; либо государственный орган, внедривший технологию. Кроме того, внедрение и использование ИИ в судебной системе также сложно технически.

Создание, адаптация и постоянное обновление интеллектуальных систем требуют значительных материальных затрат и привлечения высококвалифицированных специалистов в области программной инженерии, в результате чего подобные расходы могут оказаться экономически нецелесообразными.

И, наконец, в данной связи нельзя не отметить риск чрезмерной технологизации судебного процесса, поскольку упор на цифровые решения может привести к ослаблению роли человека в осуществлении правосудия, что потенциально может привести к потере авторитета судебной власти в обществе.

Для решения указанных проблем, по нашему мнению, необходимо принять ряд мер технического и организационно-правового характера, способных существенно снизить влияние описываемых проблем на цифровизацию правосудия в Российской Федерации.

На наш взгляд, в первую очередь необходима фундаментальная модернизация централизованной системы «ГАС Правосудие» путем перехода на распределенную архитектуру хранения и обработки данных, что позволит исключить зависимость всей судебной системы от единого центра обработки информации. В рамках реализации данной меры следует обеспечить создание резервных серверов и зеркальных дата-центров в различных федеральных округах, а также внедрить механизмы автоматического резервного копирования и мгновенного переключения между узлами сети при возникновении сбоев или кибератак.

Также не менее важным направлением решения выявленных проблем является и создание единой государственной программы по техническому переоснащению судов, особенно – районных судов, где наблюдается наибольший дефицит современных средств проведения видеоконференцсвязи. Для этого целесообразно предусмотреть целевое финансирование за счет федерального бюджета, предположительно – в виде Федеральной целевой программы.

Что касается внедрения систем искусственного интеллекта в деятельность судебной власти, то в данной связи, по нашему мнению, необходимо формировать данное направление поэтапно, начиная с вспомогательных функций – например, автоматической сортировки документов, формирования судебной статистики, анализа судебных актов и выявления противоречий в практике, и так далее. Это позволит снизить нагрузку на работников аппарата судов, при этом не затрагивая ключевые вопросы судебной деятельности.

Для обеспечения правовой определенности в сфере использования ИИ в судопроизводстве требуется закрепить на законодательном уровне правовой статус систем искусственного интеллекта, определить субъект ответственности за их функционирование и установить обязательные механизмы верификации их решений человеком – судьей. Оптимальным решением в данной связи представляется принятие специального федерального закона, который определит правовую природу систем искусственного интеллекта, их функциональное назначение в судопроизводстве, а также установит круг субъектов, несущих ответственность за разработку, внедрение, эксплуатацию и последствия функционирования таких систем. В данном законе также представляется целесообразным закрепить фундаментальные принципы применения ИИ в судебной деятельности, такие как принцип приоритета решения судьи над рекомендациями алгоритма, принцип прозрачности и объяснимости решений искусственного интеллекта, принцип недопустимости автономного вынесения процессуальных решений без участия человека, а также принцип обязательной юридической верификации всех действий системы ИИ.

На основе указанного федерального закона могут быть разработаны и утверждены подзаконные нормативные акты, в частности, приказы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, такие как «Об использовании систем искусственного интеллекта в судебном делопроизводстве» или «О порядке верификации результатов функционирования интеллектуальных систем судьей». Эти акты должны содержать конкретные процедурные механизмы, регламентирующие порядок использования ИИ в рамках подготовки судебных актов, распределения дел, анализа судебной статистики, а также взаимодействия с информационными сервисами ГАС «Правосудие».

В названном направлении уже ведется законодательная работа, а именно в 2019 году принят Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», заложивший основы государственной политики в этой сфере.

Помимо этого, в рамках данного подхода представляется возможным предложить создание специального государственного центра сертификации и аккредитации алгоритмов, применяемых в судебной деятельности, где будут проводиться проверки на предмет их допустимости использования.

В заключение следует отметить, что цифровизация правосудия в Российской Федерации в настоящий момент представляет собой

сложный процесс, направленный на модернизацию судебной деятельности, повышение ее эффективности, прозрачности и доступности для всех участников процесса. На сегодняшний день цифровизация судебной системы осуществляется по фундаментальным направлениям; однако, вместе с тем, активное внедрение цифровых технологий сопровождается целым рядом проблем, связанных с различными, детально проанализированными в работе, факторами. Решением данных проблем, способных, по нашему мнению, существенно ускорить цифровизацию правосудия в Российской Федерации, представляется техническое переоснащение судов, создание децентрализованной цифровой судебной инфраструктуры, нормативного закрепления ответственности за использование ИИ и иные, предложенные в исследовании, меры.

Список литературы:

1. Бокова А.О. ГАС «Правосудие»: возможности, технологии, проблемы / А.О. Бокова // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, 10 июня 2021 года. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2021. – С. 48–50.
2. Бокова А.О. Проблемы организации видеоконференцсвязи в суде / А.О. Бокова // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, 11 июня 2020 года. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2020. – С. 13–16.
3. Бокова А.О. Развёртывание отказоустойчивого сервера видеоконференцсвязи для судебной системы на основе виртуализации / О.И. Бокова, Н.С. Хохлов, А.О. Бокова // Вестник Дагестанского технического университета. – 2022. – Т. 49. – № 4. – С. 45–51.
4. Волков К.А. Цифровизация правосудия Российской Федерации / К.А. Волков // Цифровизация и ее влияние на различные сферы правового регулирования общественных отношений: Материалы круглого стола со студенческим участием, Хабаровск, 17 января 2025 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2025. – С. 3–6.
5. Ганюшкина Е.Р. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / Е.Р. Ганюшкина, С.В. Тарадонов // Цифровая трансформация как новая реальность развития России : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 10 декабря 2021 года / Под общей редакцией Ф.Л. Шарова. – Москва: Международный институт экономики и права, 2021. – С. 98–102.
6. Карасев А.Т. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / А.Т. Карасев, А.В. Савоскин, В.А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 2(30). – С. 71–77.

References:

1. Bokova A.O. GAS "Justice": opportunities, technologies, problems / A.O. Bokova // Current issues of the operation of security systems and secure telecommunication systems : collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, June 10, 2021. Voronezh : Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, pp. 48-50.
2. Bokova A.O. Problems of videoconferencing in court / A.O. Bokova // Current issues of the operation of security systems and secure telecommunication systems : collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, June 11, 2020. Voronezh : Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. pp. 13-16.
3. Bokova A.O. Deployment of a fault-tolerant videoconferencing server for a virtualization-based judicial system / O.I. Bokova, N.S. Khokhlov, A.O. Bokova // Bulletin of Dagestan Technical University. – 2022. – Vol. 49. – No. 4. – pp. 45-51.
4. Volkov K.A. Digitalization of justice in the Russian Federation / K.A. Volkov // Digitalization and its impact on various spheres of legal regulation of public relations: Materials of a round table with student participation, Khabarovsk, January 17, 2025. Khabarovsk: Pacific State University, 2025, pp. 3-6.
5. Ganyushkina E.R. Digitalization of justice in the Russian Federation / E.R. Ganyushkina, S.V. Taradonov // Digital transformation as a new reality of Russia's development : Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference, Moscow, December 10, 2021 / Under the general editorship of F.L. Sharov. Moscow: International Institute of Economics and Law, 2021. pp. 98-102.
6. Karasev A.T. Digitalization of justice in the Russian Federation / A.T. Karasev, A.V. Savoskin, V.A. Meshcheryagina // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 2(30). – Pp. 71-77.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF MEDICAL ACTIVITIES

САВОЩИКОВА Евгения Васильевна

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий»
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.
E-mail: savoshchikova@rgust.ru

АНДРИАНОВА Валерия Валерьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и таможенного права
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140000, Россия, Московская область, г. Люберцы,
E-mail: v.andrianova@customs-academy.ru

АСТАШКИНА Мария Александровна,

ординатор, ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России.
127473, Россия, г. Москва, ул. Делегатская, д. 20, стр. 1.
E-mail: lera3108@bk.ru

SAVOSHIKOVA Evgeniya Vasilyevna

Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
FGBOU IVO «Russian State University of Social Technologies»
Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150, Russia
E-mail: savoshchikova@mggu.ru

ANDRIANOVA Valeria Valeryevna

Associate Professor of the Department of Administrative and Customs Law, Candidate of Law,
Russian Customs Academy
Lyubertsy, 140000, Russia, Moscow region,
E-mail: v.andrianova@customs-academy.ru

ASTASHKINA Maria Alexandrovna,

resident, FGBOU DPO RMANPO of the Ministry of Health of the Russian Federation.
127473, Russia, Moscow, Delegatskaya str., 20, p. 1.
E-mail: lera3108@bk.ru

Краткая аннотация: В исследовании авторами медицины как области государственного управления рассмотрены такие аспекты медицинской деятельности как: отсутствие фактически единого документа, комплексно регулирующего все аспекты медицинской деятельности, что усугубляется интенсивным правотворчеством и наличием множества источников правового регулирования, отсутствие четкой вертикали административного управления в системе медицинской деятельности. Статья содержит перечень основной проблематики в правовом регулировании медицинской деятельности в целом. Так же исследователи ставят вопросы о том, что акты, принимаемые для решения проблем низкого качества медпомощи, не всегда учитывают фундаментальные причины. Поднимаются проблемы кадрового и ресурсного обеспечения, административно-правовых аспектов управления медицинской деятельностью. Проблемы квалификации и защиты прав: недостаточное внимание уделяется вопросам повышения квалификации медиков и защите их прав в системе правового регулирования.

Abstract: In the study, the authors considered such aspects of medical activity as: the lack of a single document that comprehensively regulates all aspects of medical activity, which is aggravated by intensive law-making and the presence of many sources of legal regulation, the lack of a clear vertical of administrative management in the system of medical activity. The article contains a list of the main issues in the legal regulation of medical activity in general, as well as researchers raise questions about the fact that acts adopted to solve problems of poor quality of medical care do not always take into account the fundamental causes. The problems of personnel and resource provision, administrative and legal aspects of medical management are being raised. Problems of qualification and protection of rights: insufficient attention is paid to the issues of advanced training of physicians and the protection of their rights in the legal regulation system.

Ключевые слова: медицинская деятельность, административное управление в медицине, медицинский работник, лицензирование, новые технологии в медицине, пациент, методы лечения, контроль.

Keywords: medical activity, medical worker, new technologies in medicine, patient, treatment methods, control, licensing, administrative management in medicine.

Статья поступила в редакцию: 09.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В Российской Федерации правовое регулирование медицинской деятельности сталкивается с рядом проблем, которые могут оказывать влияние на качество и доступность здравоохранения. Основные из них затрагивают не только правовое регулирование, но и содержательную часть медицинской деятельности и включают такие аспекты как:

- Недостаточная унификация нормативных актов. Разрозненность нормативных документов, их частые изменения, что затрудняет их понимание и применение на практике. Неоднородность и противоречивость законодательства. Противоречия между различными нормативными правовыми актами, что создает правовые «лазейки» и неопределенность при разрешении практических коллизий. Частые изменения законодательства без должного анализа их последствий.

- Недостаточная регламентация новых технологий и методов лечения. Быстрое развитие медтехнологий и фармрынка без своевременного обновления нормативной базы.

- Проблемы в сфере лицензирования и контроля. Сложности и бюрократическая тяжесть процедур получения и продления лицензий. Недостаточный контроль за выполнением требований и нарушение стандартов.

- Правовые проблемы в сфере прав пациента и информирования.
- Недостаточное регулирование вопросов информированного согласия, защиты персональных данных, права на бесплатную и качественную медпомощь.
- Проблемы связанности с юридической ответственностью всех участников медицинской деятельности. Неоднозначность правил, определяющих ответственность медицинских работников за ошибки или неправильное лечение.
- Недостаточно четкое регулирование ответственности медицинских организаций.
- Недостаточная правовая культура и компетентность участников системы отношений в области медицинской помощи и «около медицинских» отношений[7].
- Недостаточная подготовка медработников и юристов к применению сложных правовых норм.
- Недостаточный уровень правовой информированности пациентов.
- Юридическая неопределенность в сфере телемедицины и дистанционного обслуживания. Отсутствие четких правил регулирования такого вида деятельности, что вызывает сложности в легитимности и защите прав участников.

Недостаточная регламентация новых технологий и методов лечения в сфере медицинской деятельности в РФ является одной из ключевых проблем правового регулирования. Детально это проявляется в следующих аспектах:

1. Основные причины и проявления проблемы:

1.1 Быстрый технологический прогресс.

1.2 Разработка новых методов диагностики, лечения, использование искусственного интеллекта, телемедицины и генетических технологий развиваются быстрее, чем успевает обновляться законодательство.

2 Отсутствие нормативных актов для новых технологий. Не все инновации имеют четкое правовое регулирование, что создаёт неопределенность для медицинских организаций, врачей и пациентов. В результате внедрение новых методов часто задерживается или происходит без достаточной юридической базы.

3 Отсутствие стандартов и протоколов или недостаточная проработка разработанных национальных стандартов или клинических протоколов для новых технологий, что усложняет их легитимное применение [7].

4 Лицензирование и сертификация. Не всегда есть четкие процедуры лицензирования или сертификации для использования новейших технологий, что может тормозить их внедрение и создавать правовые риски для медиков.

5 Юридическая неясность в вопросах безопасности и ответственности. Не определены четкие правила ответственности за использование новых методов и технологий, что вызывает опасения у врачей и страховых компаний.

Последствия ситуации:

Медицинские учреждения и врачи могут сталкиваться с юридической неопределенностью при внедрении инноваций.

Повышается риск ошибок или неправомерного использования новых технологий, поскольку правовая база не предусматривает их регулирование. Пациенты могут столкнуться с недостаточной информацией о новых методах или отсутствием защитных механизмов.

Возможные меры решения:

Адекватное и своевременное обновление законодательства, включающее регулирование инновационных технологий.

Разработка национальных стандартов и клинических протоколов для новых методов лечения.

Введение специальных правил лицензирования и сертификации для новых технологий.

Создание правовых механизмов ответственности и защиты при использовании инновационных методов.

Итог существующей ситуации:

Недостаточная регламентация новых технологий тормозит их внедрение и подрывает безопасность и права пациентов, а также создает неопределенность для медработников. Решение этой проблемы требует системного подхода, включающего оперативное обновление нормативной базы и формирование стандартов. Например, Федеральный закон №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (2011 г.) требует обновления и формирования полноценных глав, касающиеся внедрения современных методов диагностики и лечения, принципов лицензирования и контроля медицинской деятельности [1].

Приказы Минздрава РФ о клинических рекомендациях и протоколах проходят сейчас процедуру определенного обновления. Например, Приказ Минздрава РФ от 1 декабря 2020 г. №1361н «Об утверждении правил разработки и использования клинических рекомендаций и протоколов» [5] будет обновлен и уже есть Проект Приказа Минздрава России «Об утверждении порядка применения клинических рекомендаций» (по состоянию на 29.07.2025) (подготовлен Минздравом России, ID проекта 01/02/07-25/00158780) [6]. Данный акт регулирует создание стандартов для внедрения новых методов лечения, поэтому вопрос следования за тенденциями развития этого направления медицины требует и обновления базы подзаконных актов, что, к счастью, в данном направлении и происходит. Федеральный закон №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» важен для регулирования медицинских информационных систем и телемедицины, в том числе ИИ в медицине [2]. Федеральный закон №323-ФЗ и Постановления Правительства РФ по лицензированию медицинской деятельности включают требования к лицензированию и оснащению медучреждений, необходимые для ввода инновационных технологий. Приказ Минздрава России «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» от 11.04.2025 № 193н можно рассматривать как обновление законодательства, поскольку он пришел на смену приказу Министерства здравоохранения Российской

ской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» [4] и произошло это не по формальному, а по содержательному признаку урегулирования отношений. Регламентируется им применение новой технологии – дистанционной медицинской помощи. В России был принят Федеральный закон № 323-ФЗ от 8 августа 2024 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования отрасли здравоохранения и социальной защиты» [3], который вступил в силу с 1 сентября 2024 года. Он внес поправки в действующее законодательство, касающееся сфер здравоохранения и социальной защиты, ввел нормы о применении современных медицинских технологий, рекомендации по внедрению новых технологий в медицину, уделяя внимание разработке и утверждению локальных стандартов и протоколов. Так же, медицинские учреждения должны создавать внутренние протоколы лечения с применением новых технологий на основе общих клинических рекомендаций. Каждое учреждение должно создать собственные, детализированные внутренние протоколы, которые учитывают эти общие рекомендации, но также адаптированы под конкретные условия и возможности данного медицинского учреждения, включая применение новых технологий.

Обучение и повышение квалификации персонала еще одна сторона медицинской деятельности, требующая постоянного внимания. Обеспечить подготовку врачей и медработников с учетом новых методов и техники с обязательной правовой грамотностью, на наш взгляд, основная задача современной системы высшего образования в рассматриваемой сфере.

Проведение пилотных проектов и клинических исследований –направление, включающее как научные изыскания, так и этическую подоплеку [7]. Вроде бы понятно и частично регламентировано, что перед массовым внедрением необходимо тестирование инноваций с целью оценки безопасности и эффективности, необходимо создание специализированных комитетов и экспертных советов для оценки и мониторинга новых технологий с участием юристов и специалистов по безопасности. Однако, факты злоупотребления в этой сфере абсолютно не единичные и связаны с большими финансовыми потоками. Статистика злоупотреблений при клинических исследованиях (включая фальсификацию данных, несоблюдение протоколов и неэтичное поведение) является серьезной проблемой, но точные общие цифры привести сложно, поскольку такие данные в основном собираются регуляторными органами, и не всегда публикуются в открытом доступе. Однако, исследования показывают, что значительная часть клинических разработок не завершается успехом, что может быть связано не только с недостаточной эффективностью, но и с нарушениями в ходе испытаний. Примеры злоупотреблений включают: подтасовку данных, отбор пациентов с нарушениями этических норм, утаивание информации о побочных эффектах, а также коммерческий интерес, который может привести к попыткам искусственно улучшить результаты.

Обеспечение защиты данных и информированного согласия пациентов требует того, чтобы внедрялись современные протоколы по информированию пациентов и защищались их персональные данные в соответствии с законом.

Согласование с контролирующими органами- еще одно направление, требующее совершенствования механизмов реализации права и здесь проблематика состоит в необходимости получать предусмотренные лицензии и одобрения, особенно для нового оборудования или нестандартных методов лечения [8].

Разработка правовых механизмов ответственности требует того, чтобы четко были определены вопросы юридической ответственности медиков (как бы обывательски это не звучало) и медицинских организаций при использовании новых методов и технологий, предполагающих тонкую грань между научным поиском и нарушением прав человека-пациента.

Список литературы:

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448.
3. Федеральный закон от 8 августа 2024г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования отрасли здравоохранения и социальной защиты» // publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080124.
4. Приказ Минздрава России от 11.04.2025 № 193н «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // pravo.gov.ru 15.05.2025, № 0001202505150033.
5. Приказ Минздрава РФ от 1 декабря 2020 г. №1361н «Об утверждении правил разработки и использования клинических рекомендаций и протоколов» // www.pravo.gov.ru 08.05.2019.
6. Проект Приказа Минздрава России «Об утверждении порядка применения клинических рекомендаций» (по состоянию на 29.07.2025) // подготовлен Минздравом РФ проекта 01/02/07-25/00158780.
7. Савошкова Е.В., Асташкина М.А., Андрианова В.В. Проблемы медицинской этики в контексте общей системы социального регулирования медицинской деятельности как база для формирования правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 110-112.
8. Савошкова Е.В. Правовые основы защиты геномной информации при реализации медицинской деятельности. Этико-правовые стандарты медицинской // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12 (240). С. 172-174.

References:

1. Federal Law "On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation" dated November 21, 2011, No. 323-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated November 28, 2011, No. 48, Article 6724.
2. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated July 27, 2006 No. 149-FZ // Sbornik zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii of July 31, 2006 No. 31 (part I) art. 3448.
3. Federal Law No. 323-FZ of August 8, 2024 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the Regulation of the Healthcare and Social Protection Industry" // publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080124
4. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 04/11/2025 No. 193n "On Approval of the Procedure for the Organization and Provision of medical care using Telemedicine Technologies" // pravo.gov.ru 05/15/2025, No. 0001202505150033.
5. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated December 1, 2020 No. 1361n "On approval of the Rules for the development and use of clinical guidelines and protocols" // www.pravo.gov.ru 05/08/2019.
6. Draft Order of the Ministry of Health of the Russian Federation "On approval of the procedure for the application of clinical recommendations" (as of 07/29/2025) // prepared by the Ministry of Health of the Russian Federation, ID project 01/02/07-25/00158780.
7. Savoshnikova E.V., Astashkina M.A., Andrianova V.V. Problems of medical ethics in the context of the general system of social regulation of medical activity as a basis for the formation of legal regulation // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 12 (240). pp. 110-112.
8. Savoshnikova E.V. The legal basis for the protection of genomic information in the implementation of medical activities. Ethical and legal standards of medicine // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 12 (240). pp. 172-174.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1132

УДК 343.95

ОРГАНИЗАЦИЯ И ЭТАПЫ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДЕЛАХ О СПОРАХ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ ПО ВОПРОСАМ ВОСПИТАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЁНКА ORGANIZATION AND STAGES OF FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXPERTISE IN CASES OF DISPUTES BETWEEN PARENTS OVER CHILD REARING AND DETERMINATION OF THE CHILD'S RESIDENCE

ГАРЕЕВА Эльвира Рифовна

старший преподаватель кафедры уголовного права и процессуальных дисциплин
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: e.r.gareeva@struust.ru

ЦАРЁВ Сергей Александрович

доцент кафедры психолого-педагогического образования
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат педагогических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.
E-mail: s.a.carev@struust.ru

ШАГИЕВА Зухра Хайдаровна

судья Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан, кандидат юридических наук
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: kaf_kmp@struust.ru

GAREEVA Elvira Rifovna,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedural Disciplines
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: e.r.gareeva@struust.ru

TSARYOV Sergey Aleksandrovich

Associate Professor of the Department of Psychological and Pedagogical Education of the Sterlitamak branch
of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 49 Lenina Ave.
E-mail: s.a.carev@struust.ru

SHAGIEVA Zukhra Khaidarovna

Judge of the Sterlitamak City Court of the Republic of Bashkortostan, Candidate of Law
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: kaf_kmp@struust.ru

Краткая аннотация: в статье исследуется проблема высококонфликтных разводов и их деструктивного влияния на психоэмоциональное состояние несовершеннолетних. Определяется роль и содержание судебной психологической экспертизы как инструмента выявления интересов ребенка в спорах между родителями. Представлена трехэтапная модель экспертного исследования, направленная на комплексную диагностику индивидуально-психологических особенностей членов семьи, характера детско-родительских отношений и прогноза рисков для развития ребенка. Сделан вывод о том, что реализация данной модели способствует вынесению судом объективных решений, в полной мере соответствующих интересам несовершеннолетнего.

Abstract: The article explores the problem of highly conflictual divorces and their destructive impact on the psychoemotional state of minors. It defines the role and content of forensic psychological expertise as a tool for identifying the interests of a child in disputes between parents. The article presents a three-stage model of expert research aimed at a comprehensive diagnosis of the individual psychological characteristics of family members, the nature of parent-child relationships, and the prediction of risks for the child's development. The article concludes that the implementation of this model contributes to the court's making objective decisions that fully align with the interests of the minor.

Ключевые слова: психолого-педагогическое исследование, судебная психологическая экспертиза, эксперт, психологическое состояние ребёнка, психоэмоциональный вред, негативное воздействие.

Keywords: psychological and pedagogical research, forensic psychological examination, expert, psychological state of the child, psychoemotional harm, negative impact.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Согласно статистическим данным, в России на десять браков приходится восемь разводов, что выводит страну на третье место в мире по числу расторжений зарегистрированных брачных союзов. Эта устойчивая диспропорция наглядно иллюстрируется цифрами за 2024 год: было зарегистрировано 880 тысяч браков против 644,5 тысячи разводов[1]. При этом в качестве основной причины расторжения брака респонденты часто указывают расплывчатую формулировку «не сошлись характерами», что может свидетельствовать о комплексном характере проблем, включающих психологическую несовместимость, неудовлетворенность качеством отношений и неспособность к конструктивному разрешению конфликтов.

На протяжении последнего десятилетия в России наблюдается тенденция к снижению числа браков при одновременном росте количества разводов, приближающемся к рекордным показателям. Так, если в 2006 году соотношение браков и разводов составляло 1,5:1, то в 2023–

2024 годах оно сохранилось на уровне 1,4:1 [1]. Для удобства статистического учёта относительное количество браков и разводов рассчитывается на 10 000 человек населения.

К причинам разводов относят финансовые трудности, отсутствие трудоустройства у одного из супругов, вредные привычки и зависимости, супружескую неверность, а также необдуманное вступление в брак. Совокупность этих факторов способствует эскалации конфликтных ситуаций в семье.

Конфликты являются неизбежным элементом семейных отношений, включая внешне благополучные семьи. Более того, они могут выполнять конструктивную функцию, стимулируя развитие отношений и личностный рост супругов, способствуя формированию новых семейных целей, норм и ценностей. В противоположном случае конфликты приводят к взаимным обидам, психологической травме, разрушению отношений и распаду семьи. Исход конфликта определяется преимущественно избираемыми стратегиями его разрешения.

В психологии конфликта принято дихотомически выделять конструктивные и неконструктивные стратегии их разрешения. Конструктивное поведение, относящееся к категории кооперативных стратегий, предполагает достижение договорённостей через сотрудничество и направлено на предотвращение эскалации противостояния, поскольку его целью является удовлетворение интересов всех сторон. Неконструктивные тактики, напротив, коренятся в деструктивных моделях поведения и характеризуются биполярностью: они проявляются либо в доминирующей ригидной настойчивости на своей позиции (соперничество), либо в избегающей чрезмерной уступчивости в ущерб собственным интересам (избегание, приспособление).

Таким образом, в рамках современных подходов (например, модели двойной заинтересованности) наиболее эффективной признаётся не жёсткая приверженность одной стратегии, а именно гибкая, адаптивная комбинация различных тактик, где компромисс, уступчивость и настойчивость динамически применяются в зависимости от специфики ситуации и стратегических целей.

Семейные конфликты оказывают значительное влияние на психологическое состояние детей. К их потенциальным последствиям относятся:

- 1) снижение самооценки, повышение уровня тревожности, возникновение страхов (что негативно сказывается на успеваемости);
- 2) чувство незащищённости и недоверия к миру, проявляющееся в социальных взаимодействиях;
- 3) агрессивное поведение, упрямство, истерики, непослушание [2].

Ребёнок может неосознанно пытаться привлечь внимание родителей к своим проблемам, что объединяет их вокруг «проблемного» поведения и отвлекает от собственного конфликта. Стремление избежать наблюдения за унижением одного родителя другим может провоцировать уходы из дома и склонность к бродяжничеству.

У мальчиков, являющихся свидетелями родительских ссор, нередко формируется чувство вины, трансформирующееся в аутоагрессию или агрессию, направленную на сверстников. У девочек подобный опыт может в будущем проявляться в бессознательном стремлении к доминированию в отношениях с партнёром как форме мести отцу за мать. Детские психотравмы оказывают долгосрочное воздействие на взрослую жизнь, повышая риск одиночества и формирования избегающей модели поведения.

В наиболее тяжёлых случаях хронический семейный стресс приводит к развитию психосоматических заболеваний (энурез, аллергия, астма, желудочно-кишечные расстройства), когда психика ребёнка не справляется с нагрузкой, и проблема «переходит» на соматический уровень [2].

Основная опасность неконструктивных способов разрешения конфликтов заключается в их сопровождении повышением тона, психологическим давлением, унижениями и иными негативными проявлениями. Погружённость взрослых во взаимные оскорбления и стремление причинить вред друг другу блокирует возможность решения первоначальной проблемы. Подобные поведенческие паттерны деструктивно влияют не только на самих супругов, приводя к разводу, но и на детей, становящихся невольными участниками конфликта.

Развод представляет собой сложное испытание для всех членов семьи. Для ребёнка, не участвовавшего в принятии решения о расторжении брака, это событие является глубоким потрясением, разрушающим привычный мир. Ситуация развода неизбежно затрагивает интересы несовершеннолетних и отражается на их психическом состоянии и развитии. В последние годы наблюдается увеличение числа судебных споров между родителями, не достигшими соглашения по вопросам определения места жительства детей и порядка общения с отдельно проживающим родителем.

Согласно данным судебной статистики, в 2010 году было окончено производством 24 281 дело, связанное со спорами о воспитании детей (для сравнения: в 2009 году – 20 531 дело, в 2008 году – 17 014 дел). Около 25% дел в 2010 году были прекращены, решения вынесены по 67% окончанных производством дел, при этом 86,2% решений были вынесены в пользу заявителей [3].

Структура судебных решений по этим спорам также представляет интерес: в 2010 году около 25% дел были прекращены производством, что может указывать на достижение сторонами мировых соглашений или отказ истцов от требований. По 67% окончанных производством дел судами были вынесены решения, при этом подавляющее большинство из них – 86,2% – были удовлетворены, что подчеркивает обоснованность заявляемых требований и повышенное внимание судов к защите интересов ребенка.

Современная статистика продолжает фиксировать высокий уровень подобной судебной активности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022–2023 годах ежегодно рассматривалось свыше 30 тысяч дел, связанных с определением места жительства детей и порядком осуществления родительских прав [3]. Это позволяет утверждать, что проблема не только не утратила своей актуальности, но и усугубилась, требуя дальнейшего совершенствования как правовых механизмов, так и практики назначения судебно-психологических экспертиз

для вынесения объективных решений.

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ), родители обладают равными правами и обязанностями в отношении своих детей [4]. Место жительства ребёнка при раздельном проживании родителей устанавливается судом «исходя из интересов ребёнка и с учётом мнения детей». Право отдельно проживающего родителя на общение с ребёнком может быть ограничено, если такое общение причиняет вред физическому и психическому здоровью ребёнка, его нравственному развитию. Таким образом, центральным понятием в правовом регулировании семейных споров выступает «интересы ребёнка».

Согласно статье 38 Конституции Российской Федерации, материнство, детство и семья находятся под защитой государства [5]. Забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. Данная норма имеет фундаментальное значение, поскольку устанавливает базовый принцип семейной политики государства и служит основой для всего последующего отраслевого законодательства, в первую очередь – Семейного кодекса РФ.

Раскрывая содержание этой конституционной обязанности, в той же статье закреплено, что забота о детях, их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. Этот принцип равенства прав и обязанностей имеет двоякую природу. С одной стороны, он гарантирует каждому из родителей возможность активно участвовать в жизни и развитии своего ребёнка, независимо от факта совместного или раздельного проживания.

С другой – возлагает на них одинаковую ответственность за создание условий для полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития несовершеннолетнего. Именно данное конституционное предписание служит краеугольным камнем при разрешении судами споров между родителями о месте жительства ребенка и порядке осуществления родительских прав, направляя правоприменителя на первоочередный учёт интересов несовершеннолетнего.

СК РФ предусматривает различные механизмы выявления судом интересов ребёнка: непосредственное выяснение его мнения, опрос родителей и свидетелей, заключение органа опеки и попечительства. Необходимость установления не только материально-бытовых условий, но и психологических, а также клинично-психологических обстоятельств (мотивов поведения, особенностей межличностных отношений, индивидуально-психологических и патопсихологических особенностей членов семьи) обуславливает целесообразность привлечения к участию в судебных спорах специалистов – психологов и психиатров. До окончания судебного разбирательства суд вправе временно определить место жительства ребёнка.

Судебная психологическая экспертиза по делам о спорах между родителями предоставляет суду информацию о психологических аспектах конфликтной ситуации, необходимую для всестороннего рассмотрения дела с участием несовершеннолетних. Назначение экспертизы, привлечение квалифицированных экспертов и грамотная формулировка вопросов способствуют повышению обоснованности судебных решений об определении места жительства ребёнка.

Основными этапами психолого-педагогического исследования являются:

1. Этап индивидуальной диагностики членов семьи. В рамках данного этапа осуществляется:

- изучение индивидуально-психологических особенностей каждого из родителей (и иных фактических воспитателей), выявление или исключение психических особенностей, негативно влияющих на воспитание и развитие ребёнка;
- определение индивидуально-психологических и клинично-психологических особенностей ребёнка, уровня и специфики возрастного психического развития, включая признаки задержанного или дисгармоничного развития; установление влияния семейного конфликта на психическое состояние, а также психических расстройств, но связанных со стрессом;
- диагностика способности ребёнка к выработке и принятию самостоятельных решений;
- ретроспективный анализ психического развития участников процесса и актуальная клинично-психологическая оценка их личностных, эмоционально-волевых, мотивационных, интеллектуальных особенностей в условиях высокой эмоциональной напряжённости.

На данном этапе ключевое значение имеет выявление признаков эмоциональных нарушений (сниженное настроение, подавленность, фиксация на судебной ситуации, в отдельных случаях достигающие выраженности депрессивного эпизода), отражающих как стабильные личностные черты, так и ситуационно обусловленные реакции.

2. Этап ситуационной диагностики семейных отношений. Включает:

- определение психологического отношения каждого из родителей (и иных воспитателей) к ребёнку;
- определение психологического отношения (привязанности) ребёнка к каждому из родителей и иным членам семьи (сibasам, фактическим воспитателям);

– ретроспективную и актуальную диагностику внутрисемейных психологических отношений;

3. Этап прогностической клинично-психологической оценки психического развития ребёнка. Предполагает:

- диагностику потенциального негативного влияния индивидуально-психологических качеств матери;
- диагностику потенциального негативного влияния индивидуально-психологических качеств отца и иных воспитателей;
- выявление патологических стилей воспитания и их воздействия на психическое состояние и развитие ребёнка.

СК РФ содержит комплекс норм, регулирующих вопросы воспитания детей и защиты их интересов (ст. 24, 65, 66, 68, 73, 76, 140–141).

Споры, связанные с воспитанием детей при раздельном проживании родителей (ст. 24, 65 СК РФ), являются одним из основных объектов судебного психологического экспертного исследования.

При этом следует выделить два значимых обстоятельства. Во-первых, при проведении данного вида экспертизы важна не только актуальная, но и ретроспективная и прогностическая диагностика и оценка исследуемых явлений. Во-вторых, рассматриваемая экспертиза в гражданском процессе носит не только диагностический, но и ситуационный характер. Её отнесение к классу диагностических экспертиз в судебной экспертологии обусловлено задачей установления юридически значимых признаков отдельных объектов – психологических особенностей участников спорного правоотношения. Одновременно она является ситуационной, поскольку имеет комплексный характер и направлена на установление совокупности психологических особенностей родителей и ребёнка, их поведения и взаимоотношений, что в итоге позволяет сформировать целостную психологическую картину семейной ситуации.

Таким образом, проведённый анализ подтверждает, что судебная психологическая экспертиза выступает ключевым инструментом в разрешении высококонфликтных споров о месте жительства ребёнка и порядке общения с ним. Предложенная трёхэтапная модель экспертного исследования позволяет всесторонне оценить психологические особенности всех участников семейного конфликта, их взаимоотношения и потенциальные риски для развития несовершеннолетнего. Реализация данного подхода на практике способствует переходу от формального установления юридически значимых фактов к вынесению судебных решений, в полной мере соответствующих интересам ребёнка, что является основной целью семейно-правового регулирования.

Предложенная трёхэтапная модель судебной психологической экспертизы представляет собой системный инструмент для всестороннего и объективного исследования обстоятельств дел, связанных с определением места жительства ребенка и порядка общения с ним. Ее реализация позволяет перейти от формального установления юридически значимых фактов к глубокому психологическому анализу семейной ситуации, что является необходимым условием для вынесения судом справедливого решения, в максимальной степени соответствующего интересам и потребностям несовершеннолетнего. Дальнейшее совершенствование практики назначения и проведения подобных экспертиз видится важным направлением повышения эффективности правосудия по данной категории дел.

Список литературы:

1. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/>
2. Задоренко Л.Н. Влияние конфликтов в семье на психику ребёнка [Электронный ресурс] // Социальная сеть работников образования «Наша сеть». URL: <https://nsportal.ru/zavodenko-lyubov-nikolaevna>.
3. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

References:

1. EMISS. State statistics [Electronic resource]. URL: <https://fedstat.ru/>
2. Zadorenko L.N. The influence of conflicts in the family on the child's psyche [Electronic resource] // Social network of educational workers "Our network". URL: <https://nsportal.ru/zavodenko-lyubov-nikolaevna>.
3. Review of the practice of court resolution of disputes related to the upbringing of children [Electronic resource]: ed. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 07/20/2011. Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".
4. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on 11/23/2024, as amended, dated 10/30/2025).
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020).
6. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 07/31/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1136

УДК 347.985

О ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ВЫБОР ПОДСУДНОСТИ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ НЕНОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ, ДЕЙСТВИЙ И БЕЗДЕЙСТВИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ON THE PROBLEM OF EXERCISING THE RIGHT TO CHOOSE JURISDICTION IN CASES ON CHALLENGING NON-NORMATIVE LEGAL ACTS AND ACTIONS AND INACTION OF GOVERNMENT AGENCIES AND OFFICIALS

ЛЕВОЧКО Валентина Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета

СВФУ им. М.К. Аммосова,

677000, Россия, Республика Саха (Якутия), г Якутск, ул.Белинского, д. 58

E-mail: heartval@inbox.ru

LEVOCHKO Valentina Vyacheslavovna

Candidate of Juridical Sciences,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,

677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Belinsky st., 58

E-mail: heartval@inbox.ru

Краткая аннотация Статья посвящена вопросу о подсудности дел об оспаривании решений, действий и бездействий в административном и арбитражном судопроизводстве. Проведенное исследование показывает отсутствие единообразия судебной практики по данному вопросу, несмотря на уже почти десятилетнюю историю действия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, и последнее разъяснение Верховного Суда РФ.

Abstract The article is devoted to the issue of jurisdiction in cases of challenging decisions, actions, and inactions in administrative and arbitration proceedings. The conducted research shows that there is no uniformity in judicial practice on this issue, despite the almost ten-year history of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the latest clarification by the Supreme Court of the Russian Federation.

Ключевые слова: подсудность, административное судопроизводство, арбитражное судопроизводство, решение, действия, государственные органы, процессуальное право.

Keywords: jurisdiction, administrative proceedings, arbitration proceedings, decision, actions, state body, procedural law.

Для цитирования: Левочки В.В. О проблеме реализации права на выбор подсудности по делам об оспаривании ненормативно-правовых актов, действий и бездействий государственных органов, должностных лиц // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1136-1140. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1136.

For citation: Levochko V.V. On the problem of exercising the right to choose jurisdiction in cases on challenging non-normative legal acts and actions and inaction of government agencies and officials // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1136-1140. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1136.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Принцип доступности правосудия является одним из главных конституционных принципов российского правового государства и имеет особую актуальность в силу территориальных особенностей страны.

Указанный принцип обеспечивается различными средствами, в том числе и процессуальными нормами права, которые создают возможность гражданам и организациям принимать личное участие в судебных разбирательствах в суде по месту своего нахождения или месту исполнения, действия оспариваемого решения, действия государственного органа, расположение которого территориально удалено от областного, краевого, республиканского или федерального центра.

Специальные правила для данной категории дел в главе 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее АПК РФ) [1], главе 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [2] (далее КАС РФ) обусловлены необходимостью реализации конституционной гарантии о признании государством приоритета прав и свобод человека и гражданина, их защите, в том числе от неправомерных актов, действий и бездействий должностных лиц, государственных, муниципальных органов.

Особенность этого производства заключается в возложении бремени доказывания законности действий (бездействий), решений на орган, должностное лицо как более сильную сторону материально-правовых отношений, а также в повышенном стандарте судебного контроля.

Право выбора подсудности по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, действий и бездействий государственных (муниципальных) органов, должностных лиц было закреплено в КАС РФ (ч.2 ст.22, ч.3 ст.24).

АПК РФ содержит только общее правило о подсудности по месту нахождения ответчика, и специальных норм о подсудности по данной категории дел не содержит. Поэтому Верховный Суд РФ в целях сближения правил судопроизводства по делам данной категории прямо указал на применение аналогии закона по правилам подсудности (ст.3 АПК РФ).

Закрепление в процессуальном законе данного процессуального права административного истца, заявителя является существенным шагом в создание доступного и справедливого правосудия для граждан, организаций.

Однако, проблемы определения правильной подсудности по данной категории дел подтверждаются отсутствием единообразной судебной практики.

В литературе проблемам преодоления нарушений правил о подведомственности и подсудности уделено существенное внимание [3, 4, 5, 7], тем не менее сложности на практике для граждан и организаций, а также самих судей не уменьшаются.

Некоторые ученые отмечают, что право выбора подсудности по указанной категории дел процессуальный закон не предусматривает. Авторы вполне обосновано исходят из буквального толкования норм права. Положения ч. 2 ст. 22 КАС РФ определяются как императивное правило подсудности дел суда района по месту распространения полномочий должностного лица, которое расположено вне места его нахождения, и никак иначе [7, с. 76].

Действительно формулировка ч. 2 ст. 22 КАС РФ содержит в себе императив за счет слов «подается в суд района», где действуют полномочия органа или исполняют обязанности должностное лицо, служащий, если это место территориально не совпадает с местом нахождения органа, должностного лица.

В таком случае следует заключить, что при нарушении императивного правила подсудности (ч.2 ст.22 КАС РФ) и подаче административного искового заявления по месту нахождения органа (ч.1 ст.22 КАС РФ), суд должен заявление возвратить как не подсудное суду.

Однако, на практике суды апелляционной инстанции трактует этот вариант подсудности как право административного истца обратиться по месту исполнения акта, а не обязанность.

Например, гражданин обратился с административным иском к Управлению Росреестра об отказе в государственной регистрации прав на земельный участок в суд по адресу самого Управления, а не территориального органа, принявшего решение, и не по месту исполнения, т.е. месту нахождения земельного участка. Суд первой инстанции возвратил иск, однако апелляционный суд удовлетворил частную жалобу, и направил дело на рассмотрение в суд первой инстанции с указанием на то, что это право истца обращаться с иском по месту исполнения (место нахождения земельного участка), и он не может быть лишен права обратиться по месту нахождения самого Управления Росреестра на основании ч.1 ст.22 КАС РФ (Апелляционное определение Московского городского суда от 11.08.2025 по делу № 33а-5934/2025).

В литературе неоднократно отмечали проблемы соблюдения юридической техники при подготовке КАС РФ [6], что и является основной причиной отсутствия единообразия судебной практики даже по элементарным правилам подсудности.

Так, сама ст. 22 КАС РФ, которая в части 1 содержит общее правило о подсудности по адресу ответчика, называется «подача административного искового заявления по месту жительства, адресу административного ответчика». Это так называемое общее правило, из которого есть исключения.

Однако, одновременно в части 2 той же статьи процессуальный закон указал исключение из этого правила. В случае несовпадения места нахождения органа, должностного лица и места исполнения решения, действия (бездействия) органа, должностного лица, заявление подается в суд района по месту исполнения, действия, а не по месту нахождения органа, т.е. не так как называется сама ст. 22 КАС РФ.

Получается процессуальный закон напрямую, т.е. буквально, право выбора административному истцу, заявителю не предоставил в этой статье, и в специальной норме права (ст. 24 КАС РФ), которая так и называется «подсудность по выбору административного истца».

Тем не менее, исходя из ч. 3 ст. 24 КАС РФ гражданам предоставлена процессуальное право на выбор подсудности по такой категории дел как оспаривание решений, действий, бездействий государственных органов, должностных лиц, в том числе по месту своего жительства или по месту нахождения органа (ч.1 ст.22 КАС РФ) или месту исполнения действия, решения (ч.2 ст.22 КАС РФ).

Однако, ч.3 ст.24 КАС РФ для организаций такого права на подачу по своему месту нахождения не предоставил. Тем не менее ч.3 ст.24 КАС РФ указала на возможность альтернативной подсудности для организаций по таким делам в случаях, прямо предусмотренных КАС РФ. Причем сразу следует отметить, что глава 22 КАС РФ не содержит таких случаев для организаций.

Согласно ч.2 ст.24 КАС РФ организациям и гражданам допускается обращаться в суд по месту нахождения территориального органа федерального государственного органа, если оспариваемое действие вытекает из действий и полномочий территориального органа. При этом исходя из ч.4 ст. 24 КАС РФ следует, что право выбора принадлежит административному истцу. Полагаем, что данную норму следует использовать организациям в связи с ч.3 ст.24 КАС РФ для защиты своих прав вне места нахождения центральных аппаратов федеральных органов.

Верховный Суд РФ в пункте 14 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 №21 "О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" [8] (далее Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2022 №21) связал между собой положения ч. 3 ст. 24 КАС РФ и ч. 2 ст. 22 КАС РФ.

Верховный Суд РФ разъяснил, что в этом и заключается право организации на выбор подсудности по данной категории дел, так как использовал диспозитивную формулировку «может быть подано» по месту исполнения, т.е. месту действия правовых последствий принятого акта.

Условия для применения правила об альтернативной подсудности на основании ч. 2 ст.22 КАС РФ связаны со следующим.

Субъективные условия гипотезы данной нормы права заключаются в том, что орган или должностное лицо должны иметь в целом полномочия, которые действуют на широкой территории вне места нахождения органа, должностного лица. При этом уровень широты распространения полномочий органа, должностного лица весьма различный от нескольких районов населенного пункта до всей территории Российской Федерации.

Верховный Суд РФ перечислил следующие варианты широты распространения: несколько районного или весь населенный пункт, либо на территории всего субъекта Российской Федерации, либо несколько субъектов Российской Федерации, либо на всей территории Российской Федерации.

Федерации.

Объективные условия гипотезы нормы права, связаны с непосредственным действием правовых последствий принятого решения, которые возникли или должны возникнуть только в одном определенном месте вне места нахождения органа, должностного лица.

Полагаем, что это место действия правовых последствий возможно обособить из всей территории, на которую распространяются полномочия такого органа, должностного лица.

Например, в одном районе из нескольких районов населенного пункта, на которые в целом действуют полномочия органа, должностного лица, либо в одном субъекте Российской Федерации, из всей территории Российской Федерации, на которую распространены полномочия органа или должностного лица.

Верховный Суд РФ для наглядности нижестоящим судам привел примеры применения указанной нормы права об альтернативной подсудности.

Так, лицо может выбрать обращаться с заявлением в суд по месту нахождения службы судебных приставов исполнителей либо по месту совершения исполнительных действий или принудительных мер.

Другой приведенный пример связан с оспариванием акта органа государственного (муниципального) контроля (надзора). При этом имеется ввиду не акт проверки, который не может быть предметом самостоятельного оспаривания. В данном случае лицо вправе обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов по месту устранения допущенного нарушения законодательства.

Особенно важным примером является указание на использование данной нормы ч. 2 ст. 22 КАС РФ относительно бездействия. Так, Верховный Суд РФ разъяснил, что административное исковое заявление (заявление) об оспаривании бездействия в части непринятия мер по обеспечению безопасности дорожного движения, по ликвидации несанкционированной свалки, по очистке от сорной растительности может подаваться в суд по месту совершения необходимых действий.

Эти примеры наглядно подчеркивают, что правовые последствия бездействия хоть и возникают непосредственно у самого органа, должностного лица по месту его нахождения (в кабинетах), но правила ч. 2 ст. 22 КАС РФ обосновывают именно место фактического исполнения актов в реальной действительности на месте несанкционированной свалки, на месте необходимости установки знака дорожного движения и т.д.

Безусловно, это неограниченное число возможных случаев для использования права на альтернативную подсудность на основании ч. 2 ст. 22 КАС РФ.

Однако несмотря на подробное разъяснение суда высшей инстанции, сложившаяся судебная практика весьма противоречива, поскольку органам, должностным лицам «удобнее» принимать участие в судебном процессе по месту своего нахождения, поэтому последние ходатайствуют о передаче по подсудности по месту нахождения органа.

Такая позиция обосновывается абз. 5 п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 №21, согласно которому Верховный Суд РФ подчеркнул невозможность применения правила об альтернативной подсудности ч. 2 ст.22 КАС РФ, если правовые последствия оспариваемого акта, действия (бездействия) распространяются на территории нескольких районов населенного пункта (территории всего населенного пункта), территории субъекта Российской Федерации, нескольких субъектов Российской Федерации или всей территории Российской Федерации.

Такое разъяснение используется в искаженном виде и приводит к нелогичным выводам многих судов.

Так, по делу об оспаривании решений Роснедра об отказе в предоставлении права пользования участками недр, расположенными в одном муниципальном районе Республики Саха (Якутия), организация предъявила требования в Арбитражный суд Республики Саха (Якутия), т.е. по месту исполнения действия полномочий Роснедра – месту нахождения участков недр (объектов недвижимости). По ходатайству федерального органа дело было передано в Арбитражный суд г.Москвы на том основании, что Роснедра находятся в г. Москва и правовые последствия возникают именно для федерального органа, который принимает такое решение и оформляет выдачу лицензии через территориальный орган в г. Якутске. При этом суд первой инстанции проигнорировал ч. 2 ст.22 КАС РФ, ст.3 АПК РФ (Определение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 29.09.2023 дело №А58-6147/2023), а суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что правовые последствия рассмотрения судебного спора затрагивают как федеральный орган, так и территориальный орган, поэтому ч.2 ст.22 КАС РФ не применяются в силу разъяснений в абз. 5 п.14 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 №21 (Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда РФ от 20.10.2023 №А58-6147/2023).

В другом деле об оспаривании решения Роснедра о прекращении права пользования участком недр, расположенном в Республике Тыва, суд первой и апелляционной инстанции также сделали вывод о том, что правовые последствия возникают как для недропользователя на самом участке недр по проведению консервации горных выработок, так и для федерального орган (в кабинетах), которому надо совершать действия по внесению сведений в реестр лицензии о прекращении права пользования недрами и в последующем организовывать действия по предоставлению права пользования участком недр новому недропользователю, поэтому часть 2 ст. 22 КАС РФ не применяется, а дело должно рассматриваться в Арбитражном суде г. Москва (Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.10.2024 по делу № А69-2635/2024).

Так же, в другом деле об оспаривании приказа Департамента по недропользованию по Поволжскому федеральному округу об изъятии земельного участка для государственных нужд с целью проведения геологоразведочных работ, суд передал дело из Арбитражного суда Оренбургской области (место нахождения земельного участка) в Арбитражный суд Нижегородской области (место нахождения Департамента) с указанием, что правовые последствия возникают не только по месту нахождения земельного участка, но и по месту нахождения Департамента, кото-

рый издал такой приказ (Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2024 № 01АП-136/2024 по делу № А43-20677/2023).

Приведенная правовая позиция судов о неприменении положений ч.2 ст.22, ч.3 ст.24 КАС РФ, ст.3 АПК РФ строится только на том основании, что правовые последствия оспариваемого акта имеют место быть как вне места нахождения органа, так и по месту нахождения органа, должностного лица, который принял решения и/или его отмена влияет на сам орган, поэтому применяются разъяснение абзаца 5 пункта 14 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 №21 о распространении правовых последствий на несколько субъектов РФ.

Однако, с такой позицией нельзя согласиться, поскольку такая трактовка нивелирует указанную норму права ч.2 ст.22, ч.3 ст. 24 КАС РФ, ибо правовые последствия априори возникают для участников правоотношений вне зависимости от места их нахождения.

Это показывает ошибочность выводов судов, которые рассматривали субъективные права и обязанности участников правоотношений для оценки места действия правовых последствий. Однако, очевидно, что фактическое место исполнения указанных актов – это место нахождения недвижимого объекта.

По мнению автора, для органа, чье решение, действие (бездействие) оспаривается в порядке 22 КАС РФ, главы 24 АПК РФ, в любом случае имеются правовые последствия принятия оспариваемого акта и признания его незаконным. Поэтому применение абз. 5 п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 №21, в перечисленных примерах ошибочно, потому что не может быть только на том основании, что орган находится в другом месте и для него в таком случае возникают правовые последствия, ибо это само собой разумеющееся.

Совсем немногие арбитражные суды делают логичный вывод из анализа положений процессуального закона. Приведем положительные примеры применения данных норм права.

В другом деле, определение Арбитражного суда Сахалинской области о передаче дела по заявлению Администрации г. Корсакова на незаконное бездействие УФАС РФ, АО "Единая электронная торговая площадка" в Арбитражный суд г. Москвы было отменено Постановлением Пятого арбитражного апелляционного суда от 27.11.2024 № 05АП-6789/2024 по делу № А59-3539/2024 по той причине, что суд первой инстанции неправильно определил действие правовых последствий. Апелляционная инстанция отметила, что торги касаются непосредственного конкретно-земельного участка, расположенного в Корсаковском районе, поэтому ч.2 ст.22 КАС РФ подлежит применению.

Так, при спорах с ФАС РФ, суды делают правильный вывод о правовых последствиях принимаемых приказов, не взирая на то, что ФАС РФ находится в г. Москва. Так, например, при оспаривании приказа об отмене решения о тарифах на питьевую воду и водоотведения, суды обратили внимание, что тарифы распространяются на определенные два населенных пункта в Кировской области, поэтому отказали ФАС РФ в передаче дела в Арбитражный суд г. Москвы (Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 28.01.2025 № 02АП-390/2025 по делу № А28-13958/2024).

Судами подчеркивается, что правовые последствия для органа, принявшего решения, выдавшего предписание неизбежны во всех случаях, что не является основанием для отказа в реализации процессуального права на выбор подсудности (Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2025 № 05АП-752/2025 по делу № А24-6241/2024, Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2023 № 12АП-4718/2023 по делу № А12-2413/2023, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2023 № 13АП-88/2023 по делу № А21-13440/2022).

По мнению автора, в данных судебных актах, суды руководствовались не только нормой права, разъяснениями Верховного Суда РФ, но и целью правового регулирования и формальной логикой.

Законодатель, предусматривая правила подсудности по месту действия полномочия органа, должностного лица, руководствовался интересам заявителей, которые исполняют решение, действующее в конкретном одном территориально обособленном месте, и не имеет значения то, что одновременно орган, должностные лица совершают действия у себя в кабинетах.

По мнению автора, применение исследуемого правила о подсудности по месту реализации полномочий особенно актуально для правового режима объектов недвижимости, включая участки недр, земельные участки.

Гипотеза автора, коррелируется с действующим в гражданском процессе правилом о подсудности по месту нахождения недвижимости, которое достаточно обоснованно теорией и практикой. При этом в гражданском процессе это исключительная подсудность, а не альтернативная.

Дополнительно необходимо подчеркнуть, что положительным эффектом применения ч. 2 ст.22 КАС РФ является разгрузка судебных органов г. Москвы, где сосредоточены центральные аппараты федеральных органов власти, в том числе Роснедра, ФАС и другие, распространяющие свои полномочия на всю территорию Российской Федерации.

Для исключения противоречивой судебной практики, положения КАС РФ и АПК РФ необходимо скорректировать в соответствии с правилами юридической техники для создания правовой определенности, в частности рекомендуется ч. 2 ст. 22 КАС РФ сформулировать диспозитивно и прямо обозначить исключение из общего правила при наличии воли административного истца воспользоваться им.

Рекомендуется рассмотреть возможность раскрытия понятия «место исполнения полномочия» как конкретной территории фактической реализации действий (бездействий) в объективной реальности, которую возможно обособить территориально, что необходимо для защиты конституционного права граждан и организаций на законный суд, что составляет право на судебную защиту и одновременно - гарантию независимости, беспристрастности и доступности правосудия.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета, № 137, 27.07.2002.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета, № 49, 11.03.2015.
3. Войтович Л.В. Некоторые проблемы механизма устранения нарушений правил о подсудности в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ // В сборнике: Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства. Сборник статей научно-практической конференции. Хабаровский государственный университет экономики и права. 2019. С. 108-111.
4. Боженов М.А. Институт подсудности в административном судопроизводстве РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1 (75). С.33-37.
5. Давыдов К.В. Подведомственность и подсудность административных дел в Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021.- №3.-164-175.
6. Берлизов М.П. К вопросу о юридической технике при подготовке и написании Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // №В: Административное право и практика администрирования. – 2019. – № 4. – С. 12 – 16.
7. Носова Ю.Б. Некоторые проблемы определения подсудности административных дел // Журнал административного судопроизводства. – 2016. – С. 73-78.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 №21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2022.

References:

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 07/24/2002// Rossiyskaya Gazeta, No. 137, 07/27/2002.
2. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated 03/08/2015 // Rossiyskaya Gazeta, No. 49, 11.03.2015.
3. Voitovich L.V. Some problems of the mechanism for eliminating violations of the rules of jurisdiction in the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the APC of the Russian Federation and the CAS of the Russian Federation // In the collection: Practice and problems of implementing the constitutional foundations of Russian legislation. Collection of articles of the scientific and practical conference. Khabarovsk State University of Economics and Law. 2019. pp. 108-111.
4. Bozhenov M.A. Institute of jurisdiction in administrative proceedings of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. № 12-1 (75). pp.33-37.
5. Davydov K.V. Jurisdiction and jurisdiction of administrative cases in the Russian Federation // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2021.- №3.-164-175.
6. Berlizov M.P. On the issue of legal technique in the preparation and writing of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation // No. B: Administrative Law and Practice of Administration. – 2019. – No. 4. – pp. 12-16.
7. Nosova Yu.B. Some problems of determining the jurisdiction of administrative cases // Journal of Administrative Proceedings. 2016. pp. 73-78.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2022 No. 21 "On certain issues of the application by courts of the provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 9, September, 2022.

«ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ» В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ «VISUAL CONTENT» IN THE ERA OF DIGITAL TECHNOLOGY: NATIONAL STANDARDS FOR PROTECTING RIGHTS

ГРИГОРЬЕВА Ирина Михайловна

к.ю.н., Арбитражный суд г. Москвы, судья.
ул. Большая Тульская 17, г. Москва 115191.
E-mail : login8@mail.ru

GRIGORIEVA Irina Mikhailovna

candidate of Law, Arbitration Court of Moscow, Judge.
17 Bolshaya Tulsckaya Street, Moscow 115191.
E-mail : login8@mail.ru

Краткая аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу правовой защиты визуального контента в условиях цифровой трансформации общества. Актуальность тематики обусловлена развитием технологий искусственного интеллекта и deepfake, которые порождают новые вызовы для традиционных правовых режимов. Результаты сравнительно-правового исследования позволили констатировать наличие фундаментальных различий в подходах к регулированию данной области в европейской, американской и китайской правовых системах. Исследование демонстрирует ограниченную эффективность действующих правовых механизмов в противодействии новым видам технологических рисков. В качестве решения предлагается сочетание юридических мер и технологических инструментов защиты. Исследование вносит вклад в развитие доктрины цифрового права и может быть использовано для разработки механизмов трансграничной защиты прав в интернет-пространстве.

Abstract. This study focuses on the legal protection of visual content in the context of the digital transformation of society. The relevance of this topic is driven by the development of artificial intelligence and deepfake technologies, which pose new challenges to traditional legal regimes. A comparative legal analysis reveals fundamental differences in the approaches to regulating this area in European, American, and Chinese legal systems. The study highlights the limited effectiveness of existing legal mechanisms in addressing new types of technological risks. As a solution, it proposes a combination of legal measures and technological protection tools. The study contributes to the development of the digital law doctrine and can be used to develop mechanisms for cross-border protection of rights in the Internet space.

Ключевые слова: цифровизация, визуальный контент, правовая защита, информация, публичные лица, частная жизнь, изображение.

Keywords: digitalization, visual content, legal protection, information, public figures, privacy, image.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Современная цифровая эпоха характеризуется беспрецедентными возможностями создания, обработки и распространения визуального контента, что порождает комплекс правовых проблем в области защиты изображения граждан [1, с. 166-171].

Глобализация информационных процессов и трансграничный характер интернет-коммуникаций обуславливают необходимость сравнительно-правового исследования подходов к регулированию данного вопроса в различных правовых системах [2]. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, включая генеративные нейросети и deepfake, которые создают новые вызовы для традиционных механизмов правовой защиты.

В международной практике сложились различные модели регулирования права на изображение, отражающие фундаментальные различия в правовых традициях и ценностных приоритетах [3]. Если в странах романо-германской правовой семьи доминирует концепция защиты частной жизни, то в англосаксонской системе приоритет отдается свободе слова и информации. Особый интерес представляет анализ китайской модели, сочетающей элементы защиты персональных данных с жестким государственным контролем над цифровым пространством.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ зарубежного опыта правового регулирования защиты изображения граждан, выявление системных проблем и разработка предложений по совершенствованию правовых механизмов с учетом современных технологических реалий.

Что касается Европейского подхода к защите права на изображение, то он характеризуется высокой степенью гармонизации законодательства, что обусловлено действием Общего регламента по защите данных (GDPR) [4]. В соответствии со ст. 4 GDPR фотографические изображения признаются персональными данными, что влечет применение всего комплекса защитных механизмов, предусмотренных данным нормативным актом. Ключевым принципом является необходимость получения явного, информированного и однозначного согласия субъекта данных на обработку его изображения, за исключением случаев, предусмотренных статьей 6 GDPR.

Национальные законодательства стран-членов ЕС развивают и конкретизируют положения GDPR. Так, в Германии защита изображения регламентируется Законом об авторском праве на произведения изобразительного искусства и фотографии (Kunsturhebergesetz) [5, с.21], § 22 которого устанавливает общее правило о необходимости получения согласия изображенного лица, а так же Федеральный закон о защите данных (Bundesdatenschutzgesetz, BDSG) [6], устанавливающий правила использования и обработки персональных данных и в том числе фотографии. Согласно общему правилу, проведение фотосъемки требует предварительного согласия людей, которые могут быть запечатлены на снимках. Однако из этого правила есть исключения. В немецкой судебной практике реализуется дифференцированный подход к публичным

лицам, допуская более широкое использование их изображений в общественных интересах. Так, если съемка касается человека, представляющего общественный интерес, и происходит в публичном месте, его согласие не требуется. Также допускается фотографирование участников массовых мероприятий, таких как митинги или шествия, при условии, что съемка не фокусируется на отдельных лицах. Если же конкретные люди выделяются в кадре, необходимо их разрешение.

Во Франции охрана фотографий регулируется нормами авторского права, права собственности и права на неприкосновенность частной жизни. Эти положения применяются в различных случаях, включая использование снимков чужой собственности или публикацию фотографий людей в частной обстановке. Французская правовая система, опираясь на ст. 9 Гражданского кодекса [7, с.7], предоставляет особенно сильную защиту частной жизни, признавая право на изображение составной частью права на уважение частной жизни. Примечательно, что французское законодательство предусматривает уголовную ответственность за нарушение данного права по ст. 226-1 Уголовного кодекса [8]. Французское законодательство предусматривает ряд исключений: разрешено публиковать фото участников общественно значимого события без их согласия; можно свободно использовать изображения публичных лиц, сделанные во время профессиональной деятельности, но на съемку в личной жизни требуется разрешение; допустимо распространять фото в общественных местах, если снимок не фокусируется на конкретном узнаваемом человеке и не нарушает его приватность [9]. Особое внимание уделяется распространению в интернете визуального контента детей их родителями. На законодательном уровне закреплено: запрет на размещение фотографий детей без их согласия; совместную ответственность родителей за публикацию изображений с ребенком – если один из родителей против размещения фотографий, суд может запретить второму родителю выставлять контент с детьми в публичный доступ; в крайних случаях (если законные представители опубликовали изображение, которое «серьезно затрагивает достоинство или моральную неприкосновенность ребенка») судья может «принудительно делегировать родительские права по размещению фото с детьми», то есть наделить ими третье лицо [10].

Американская модель защиты изображения существенно отличается от европейской, что обусловлено конституционным приоритетом Первой поправки [11], гарантирующей свободу слова и прессы. В американском праве сформировались два основных механизма защиты: право на публичность (right of publicity) и право на приватность (right to privacy). Право на публичность, развитое преимущественно в законодательстве отдельных штатов, защищает коммерческие интересы личности от несанкционированного использования ее образа в рекламных или иных коммерческих целях. Право на приватность, впервые сформулированное в знаменитом деле *Roberson v. Rochester Folding Box Co* [12], защищает личность от нежелательного вторжения в частную жизнь. Однако американские суды традиционно признают приоритет свободы прессы и широко трактуют понятие «новостной ценности», что существенно ограничивает возможности запрета публикации изображений. Так, например, в 2017 году федеральный суд штата Вирджиния рассмотрел дело *Brammer v. Violent Hues Productions, LLC* и постановил, что фотографии, взятые из открытых интернет-источников, могут использоваться на коммерческих сайтах без согласия автора при определенных условиях [13]. Суд установил, что владельцы сайта не извлекли прямой и существенной выгоды именно за счет этих изображений, поэтому их применение было признано добросовестным. Это решение подтвердило допустимость подобного использования в рамках доктрины добросовестного использования. Необходимо отметить, что в США действует так называемая «доктрина третьей стороны», согласно которой человек, добровольно передающий свои персональные данные коммерческим организациям (например, банкам, интернет-провайдерам или почтовым сервисам), лишается права на конфиденциальность этой информации [14]. Данный принцип закреплён в правоприменительной практике на основании Четвертой поправки к Конституции США [15], которая не защищает сведения, раскрытые третьим лицам. Таким образом, если пользователь сам предоставил информацию компаниям, он не может в дальнейшем требовать ее защиты от доступа правоохранительных или других органов.

Уникальный подход к регулированию цифрового пространства демонстрирует китайская правовая система. Он сочетает в себе элементы защиты персональных данных с жестким государственным контролем. В Китае право на изображение является личным неимущественным правом, закрепленным за физическими лицами (ст. 1018 ГК КНР) [16]. Оно включает возможность создавать, использовать, публиковать или разрешать другим лицам использовать собственное изображение, зафиксированное в любой форме (фото, видео, скульптура и т. д.). При этом запрещено искажать, очернять или подделывать изображение с помощью технологий, а также использовать его без согласия правообладателя, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (ст. 1019). В ст. 1020 закрепляются исключения, когда согласие не требуется: использование изображения в образовательных, научных, художественных целях (п. 1), новостных репортажах (п. 2), государственной деятельности (п. 3), публичном пространстве (п. 4) или в общественных интересах (п. 5). Однако такие случаи должны быть «разумными» и «необходимыми», что допускает гибкость в судебной практике. В 2021 году в КНР был принят Закон о защите персональных данных (PIPL) [17], который установил строгие требования к обработке биометрической информации, включая необходимость получения отдельного согласия на сбор и использование данных о лице. Однако в том же году Судебный комитет Верховного народного суда КНР выпустил разъяснение, уточняющее случаи, когда обработчик персональных данных освобождается от гражданской ответственности. В частности, исключения применяются, если обработка изображений лиц осуществляется в целях реагирования на чрезвычайные ситуации (например, в сфере здравоохранения) или для защиты жизни, здоровья и имущества граждан в экстренных обстоятельствах [18]. Таким образом, закон и судебное разъяснение совместно регулируют баланс между защитой персональных данных и общественными интересами.

Особенностью китайской модели является активное использование технологических решений для контроля за соблюдением законодательства, включая систему социального кредита и обязательную верификацию пользователей интернет-платформ. Государственные органы Китая обладают широкими полномочиями по требованию удаления контента, что создает эффективный, но спорный с точки зрения прав человека механизм защиты изображений.

Одной из наиболее сложных проблем современного регулирования является конфликт юрисдикций, обусловленный трансграничным характером интернет-коммуникаций. Техническая инфраструктура цифровых платформ часто распределена между несколькими странами, а контент, размещенный с нарушением законодательства одного государства, может физически находиться на серверах другого государства с более либеральным регулированием. Яркой иллюстрацией данной проблемы стало дело *Google Spain SL v. AEPD and Mario Costeja González* [19], в котором Суд Европейского Союза постановил, что поисковые системы обязаны удалять нерелевантные или более неактуальные персональные данные по запросу пользователя («право на забвение»). Однако исполнение таких решений за пределами ЕС остается проблематичным, особенно когда речь идет о компаниях, зарегистрированных в США.

Серьезную правовую неопределенность создают различия в трактовке понятия «публичный интерес» в различных правовых системах. Европейские суды, как правило, исходят из презумпции защиты частной жизни и требуют тщательного обоснования общественной значимости публикации изображения. В отличие от этого, американская судебная практика, начиная с знакового дела *New York Times Co. v. Sullivan* [20], устанавливает высокий стандарт доказывания для ограничения свободы прессы. Такие расхождения создают значительные сложности, препятствуя унификации международных стандартов защиты изображения. Это в свою очередь провоцирует ситуации, когда контент, законный в одной стране, блокируется в другой.

Современные технологии создания и обработки изображений создают новые вызовы для традиционных правовых механизмов. Развитие *deepfake*-технологий и генеративного искусственного интеллекта стирает границу между реальными и синтезированными изображениями, что требует переосмысления традиционных подходов к защите права на изображение. Особую сложность представляет установление ответственности за распространение *deepfake*-контента, учитывая децентрализованный характер многих платформ и возможность анонимного создания подобных материалов [21]. Социальные сети, будучи основными каналами распространения визуального контента, часто демонстрируют недостаточную оперативность в реагировании на запросы об удалении незаконных материалов, особенно когда загрузка осуществляется через VPN или другие средства анонимизации.

Гармонизация международных стандартов защиты изображения представляется наиболее перспективным направлением решения обозначенных проблем. Опыт Европейского Союза демонстрирует эффективность региональной унификации законодательства в данной сфере. В глобальном масштабе возможно развитие международных соглашений под эгидой ООН или Совета Европы, устанавливающих минимальные стандарты защиты изображения при уважении национальных особенностей правовых систем. Особое внимание следует уделить созданию эффективных механизмов трансграничного исполнения решений о защите цифрового контента, возможно, через развитие системы взаимного признания судебных решений в данной сфере.

Технологические решения могут существенно дополнить правовые механизмы защиты. Внедрение блокчейн-технологий для сертификации изображений позволяет создавать надежные системы учета прав и согласий на использование визуального контента. Искусственный интеллект может быть использован для автоматического выявления нарушений, включая несанкционированное использование изображений и *deepfake*-контент. Перспективным направлением является разработка стандартов цифровых водяных знаков и метаданных, позволяющих идентифицировать автора и условия использования изображения на протяжении всего его жизненного цикла в цифровой среде.

Повышение ответственности интернет-платформ за распространение контента является необходимым условием эффективной защиты прав. Европейский опыт применения GDPR демонстрирует, что система значительных штрафов (до 4% глобального оборота компании) может служить действенным стимулом для создания эффективных систем модерации контента [22]. Одновременно следует развивать механизмы внесудебного урегулирования споров, такие как создание специализированных арбитражных центров при крупных платформах. Введение обязательной идентификации пользователей при обеспечении сбалансированного подхода к вопросам безопасности и защиты приватности способно минимизировать распространенность анонимных правонарушений.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о значительной дифференциации правовых режимов защиты визуального контента, обусловленной фундаментальными принципами национальных правовых культур. Романо-германская модель, основанная на приоритете защиты персональных данных, формирует эффективные механизмы обеспечения конфиденциальности, однако сталкивается с трудностями в трансграничной реализации защитных мер. Англосаксонский подход, акцентирующий примат свободы самовыражения, создает предпосылки для свободного обращения информации, но потенциально ограничивает возможности защиты частных интересов. Восточноазиатская регуляторная модель демонстрирует результативность жесткого государственного контроля над цифровым пространством, однако порождает дискуссии относительно соответствия международным стандартам в области прав человека.

Современные технологические вызовы, включая развитие *deepfake* и генеративного ИИ, требуют переосмысления традиционных правовых конструкций и разработки новых механизмов защиты. Наиболее перспективным направлением представляется сочетание международной гармонизации законодательства с развитием технологических средств защиты и повышением ответственности цифровых платформ. Особое значение приобретает поиск баланса между защитой частной жизни, свободой информации и технологическим развитием, что требует продолжения междисциплинарных исследований и международного сотрудничества в данной сфере.

Список литературы:

1. Соломонов Е.В. Охрана прав на фотографию в эпоху цифрового права // Закон и право. 2025. № 3. С. 166-171.
2. Сидорова А.В. Правонарушения в интернет-пространстве: классификация, характерные особенности и субъекты // Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Социальное поведение молодежи в Интернете: новые тренды в эпоху глобализации». – Самара, 2015. С. 296-303.

3. Ходырева Е. Право на изображение гражданина: проблемы осуществления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 2. С. 164-189.
4. GDPR [электронный ресурс]. URL: <https://ogdpr.eu/ru> (дата обращения 25.07.2025).
5. Германские законы в области права интеллектуальной собственности = Deutsche Gesetze zum geistigen Eigentum; пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 548 с.
6. Bundesdatenschutzgesetz (BDSG) | Datenschutz 2025 [электронный ресурс]. URL: <https://www.datenschutz.org/bdsg/> (дата обращения 25.07.2025).
7. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. [Захватаева В.Н.] – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с.
8. Уголовный кодекс Франции [электронный ресурс]. URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения 25.07.2025).
9. Евсеева О. В. Фотография как объект авторского права во Франции (вторая половина XIX — начало XXI в.) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 3. С. 117-128.
10. Zakon.kz [электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/mir/6387706-vo-frantsii-nekotorym-roditelyam-zapretyat-publikovat-foto-svoikh-detey-v-sotssetyakh.html> (дата обращения 25.07.2025).
11. First Amendment | Contents, Freedoms, Rights, & Facts. Britannica [электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/First-Amendment> (дата обращения 25.07.2025).
12. Roberson v. rochester folding box co [электронный ресурс]. URL: https://orientation.law.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs5351/files/2023-08/roberson_v_rochester_-_morrison.pdf (дата обращения 25.07.2025).
13. MEMORANDUM OPINION for Brammer v. Violent Hues Productions, LLC: Justia Dockets & Filings [электронный ресурс]. URL: <https://docs.justia.com/cases/federal/district-courts/virginia/vaedce/1:2017cv01009/373154/69> (дата обращения 25.07.2025).
14. Особенности регулирования вопросов, связанных с защитой персональных данных в сети «Интернет» в Российской Федерации и в США. Сравнительно-правовой анализ [электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2024/03/26/osobennosti_regulirovaniya_voprosov_svyazannyh_s_zaschitoj_personalnyh_dannyh_v_seti_internet_v_ross (дата обращения 25.07.2025).
15. U.S. Constitution - Fourth Amendment | Resources | Constitution Annotated | Congress.gov | Library of Congress [электронный ресурс]. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-4/> (дата обращения 25.07.2025).
16. Civil Code of the People's Republic of China (Adopted at the Third Session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020) [электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Civil_Code_of_the_People%27s_Republic_of_China (дата обращения 25.07.2025).
17. China's New National Privacy Law: The PIP Law [электронный ресурс]. URL: <https://www.cooley.com/news/insight/2021/2021-11-30-china-new-national-privacy-law> (дата обращения 25.07.2025).
18. Цзя Ш., Чжан Ц. Правовая защита права гражданина на изображение лица при применении технологии распознавания лиц в законодательстве Китая // Правоведение. 2024. Т. 68, № 2. С. 271–283. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.210>.
19. Google Spain SL, Google Inc v. Agencia Espanola de Proteccion de Datos es Mario Costeja Gonzalez ECLI:EU:C:2014:317 [Case Number C-131/12] [электронный ресурс]. URL: <https://www.legalbites.in/case-study-google-spain-v-aepd-and-mario-costeja-gonzalez> (дата обращения 25.07.2025).
20. New York Times Co. v. Sullivan. 376 U.S. 254 (1964) [электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (дата обращения 25.07.2025).
21. Архиреев Н.В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2 (80). С. 22-30.
22. GDPR: надежный щит для данных или тяжкие кандалы для инноваций [электронный ресурс]. URL: <https://securitymedia.org/info/gdpr-nadezhnyy-shchit-dlya-dannykh-ili-tyazhkie-kandaly-dlya-innovatsiy.html> (дата обращения 25.07.2025).

References

1. Solomonov E.V. Protection of the Rights to Photography in the Era of Digital Law // Law and Law. 2025. No. 3. Pp. 166-171.
2. Sidorova A.V. Offenses in the Internet Space: Classification, Characteristics, and Subjects // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduate Students, and Young Scientists «Social Behavior of Youth on the Internet: New Trends in the Era of Globalization». – Samara, 2015. Pp. 296-303.
3. Khodyreva E. The Right to the Image of a Citizen: Problems of Implementation // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 2. Pp. 164-189.
4. GDPR [electronic resource]. URL: <https://ogdpr.eu/ru> (accessed 25.07.2025).
5. German laws in the field of intellectual property law = Deutsche Gesetze zum geistigen Eigentum; translated from German. / [In. Bergmann, introduction, comp.]; scientific editorship by T.F. Yakovlev. – Moscow: Infotropik Media, 2017. – 548 p.
6. Bundesdatenschutzgesetz (BDSG) | Datenschutz 2025 [electronic resource]. URL: <https://www.datenschutz.org/bdsg/> (accessed 25.07.2025).
7. The French Civil Code (the Napoleonic Code) = Code civil des Français (Code Napoleon) / translated from French [V.N. Grabaeva]. – Moscow: Infotropik Media, 2012. – 624 p.
8. The Criminal Code of France [electronic resource]. URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (accessed 25.07.2025).
9. Evseeva O. V. Photography as an Object of Copyright in France (Second Half of the 19th Century — Early 21st Century) // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2013. No. 3. Pp. 117-128.
10. Zakon.kz [electronic resource]. URL: <https://www.zakon.kz/mir/6387706-vo-frantsii-nekotorym-roditelyam-zapretyat-publikovat-foto-svoikh-detey-v-sotssetyakh.html> (accessed 25.07.2025).
11. First Amendment | Contents, Freedoms, Rights, & Facts. Britannica [electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/First-Amendment> (accessed 25.07.2025).
12. Roberson v. rochester folding box co [electronic resource]. URL: https://orientation.law.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs5351/files/2023-08/roberson_v_rochester_-_morrison.pdf (accessed 25.07.2025).
13. MEMORANDUM OPINION for Brammer v. Violent Hues Productions, LLC: Justia Dockets & Filings [electronic resource]. URL: <https://docs.justia.com/cases/federal/district-courts/virginia/vaedce/1:2017cv01009/373154/69> (accessed 25.07.2025).
14. Features of Regulation of Issues Related to the Protection of Personal Data on the Internet in the Russian Federation and the United States. Comparative Legal Analysis [electronic resource]. URL: https://zakon.ru/blog/2024/03/26/osobennosti_regulirovaniya_voprosov_svyazannyh_s_zaschitoj_personalnyh_dannyh_v_seti_internet_v_ross (accessed 25.07.2025).
15. U.S. Constitution - Fourth Amendment | Resources | Constitution Annotated | Congress.gov | Library of Congress [electronic resource]. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-4/> (accessed 25.07.2025).
16. Civil Code of the People's Republic of China (Adopted at the Third Session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020) [electronic resource]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Civil_Code_of_the_People%27s_Republic_of_China (accessed 25.07.2025).
17. China's New National Privacy Law: The PIP Law [electronic resource]. URL: <https://www.cooley.com/news/insight/2021/2021-11-30-china-new-national-privacy-law> (accessed 25.07.2025).
18. Jia Sh., Zhang C. Legal Protection of a Citizen's Right to a Facial Image in the Application of Facial Recognition Technology in Chinese Legislation // Jurisprudence. 2024. Vol. 68, No. 2. Pp. 271–283. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.210>.
19. Google Spain SL, Google Inc v. Agencia Espanola de Proteccion de Datos es Mario Costeja Gonzalez ECLI:EU:C:2014:317 [Case Number C-131/12] [electronic resource]. URL: <https://www.legalbites.in/case-study-google-spain-v-aepd-and-mario-costeja-gonzalez> (accessed 25.07.2025).
20. New York Times Co. v. Sullivan. 376 U.S. 254 (1964) [electronic resource]. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (accessed 25.07.2025).
21. Arhireev N.V. Legal Regulation of the Creation and Use of Deepfakes // Legal State: Theory and Practice. 2025. No. 2 (80). Pp. 22-30.
22. GDPR: надежный щит для данных или тяжкие кандалы для инноваций [electronic resource]. URL: <https://securitymedia.org/info/gdpr-nadezhnyy-shchit-dlya-dannykh-ili-tyazhkie-kandaly-dlya-innovatsiy.html> (accessed 25.07.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PRIVATE LAW: ISSUES AND SOLUTIONS

ДАНЕЛИЯ Омари Шотович,

аспирант юридического факультета

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

"Российский государственный гуманитарный университет".

125047, Россия, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6.

E-mail: omari.daneliya@gmail.com

DANELIYA Omari Shotovich,

Postgraduate student of Russian State University for the Humanities

Miuskaya Square, 6с6, Moscow, 125047

E-mail: omari.daneliya@gmail.com

Краткая аннотация. Исследование посвящено правовому регулированию искусственного интеллекта (ИИ) в частноправовых отношениях. Цель - выявление проблем применения действующего законодательства к отношениям с использованием ИИ и разработка рекомендаций по их решению. Методология включает общенаучные, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. Выявлены ключевые проблемы: неопределенность правового статуса ИИ, сложности определения субъекта ответственности за вред, отсутствие критериев качества работы систем ИИ и механизмов защиты прав потребителей. Результаты применимы в законотворческой деятельности и правоприменительной практике. Новизна состоит в комплексном анализе проблем и разработке предложений по модернизации законодательства. Предложены решения: закрепление особого статуса систем ИИ, создание многоуровневой системы ответственности, разработка стандартов качества и механизмов защиты прав потребителей услуг ИИ.

Abstract. This scholarly investigation centers on the legal governance of artificial intelligence (AI) within private law domains. The core objective is to pinpoint the challenges inherent in applying extant legislation to relationships involving AI, and to devise ameliorative recommendations. The methodological approach encompasses general scientific inquiry, formal-legal analysis, and comparative-legal research. Key areas of concern include the ambiguous legal standing of AI, complexities in ascribing liability for harm, the dearth of quality criteria for AI systems, and the paucity of consumer protection safeguards. The implications of the findings extend to legislative activities and law enforcement practices. The innovative aspect of this work lies in its holistic examination of these issues and the development of proposals to modernize the legal framework. The proposed solutions entail establishing a specialized legal status for AI systems, implementing a multi-tiered liability system, and formulating quality standards alongside mechanisms to safeguard consumer interests in AI-based services.

Ключевые слова: искусственный интеллект, частное право, правовое регулирование, юридическая ответственность, защита прав потребителей, цифровые технологии, правовой статус.

Keywords: artificial intelligence, private law, legal regulation, legal liability, consumer protection, digital technologies, legal status.

Статья поступила в редакцию: 25.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта порождает широкий спектр сложных проблем в сфере частного права, настоятельно требующих всестороннего анализа и правового регулирования. Рассмотрим ключевые проблемные аспекты и существующие подходы к их решению.

Комплекс проблем, связанных с внедрением ИИ в частноправовую сферу, охватывает несколько основных направлений. Одно из них - вопросы определения правосубъектности искусственного интеллекта. Современные ИИ-системы способны к автономному принятию решений, заключению сделок и взаимодействию с контрагентами, что актуализирует проблему их правового статуса. Неопределенность в данном вопросе создает трудности при установлении ответственности за действия ИИ и защите прав участников правоотношений.

Вторая ключевая проблематика касается установления ответственности за вред, причиненный автономными системами искусственного интеллекта. Здесь возникает вопрос о том, кто должен нести ответственность: разработчик ИИ-технологии, владелец или оператор такой системы, либо сама автономная система. Особые сложности представляют ситуации, когда решения ИИ основаны на процессах самообучения и не могут быть полностью предсказаны его создателями. [1]

Третий блок проблем связан с защитой прав потребителей услуг, оказываемых с использованием технологий искусственного интеллекта. Отсутствие четких стандартов качества функционирования ИИ-систем и надлежащих механизмов защиты прав пользователей создает риски для потребителей подобных сервисов.

Для преодоления спектра обозначенных проблем в мировой юридической практике сформировались разнообразные подходы к регулированию применения технологий искусственного интеллекта в частноправовой сфере. Рассмотрим основные из них.

Финансово-стратегический подход акцентирует приоритет на обеспечении экономической эффективности и конкурентоспособности ИИ-технологий. В рамках данной концепции основное внимание уделяется созданию благоприятных условий для развития и коммерциализации искусственного интеллекта. Такой подход характеризуется минимальным регулированием и максимальной свободой для инноваций, что, однако, может порождать определенные риски для защиты прав участников соответствующих правоотношений.

Этический подход позиционирует в качестве основного приоритета соблюдение моральных принципов и защиту прав человека при ис-

пользовании технологий искусственного интеллекта. В рамках данной концепции разрабатываются этические нормативы применения ИИ, создаются механизмы контроля за обеспечением прав и свобод личности. Ключевым аспектом здесь выступает обеспечение транспарентности функционирования ИИ-систем и их подотчетности социуму.

Условно-регулирующий подход представляет собой попытку достижения баланса между развитием технологий и необходимостью их правового регулирования. Он предполагает формирование гибкой системы правовых норм, адаптируемых к быстро меняющимся технологическим реалиям. В рамках этого направления разрабатываются специальные правовые режимы для систем искусственного интеллекта, устанавливаются критерии их качества и безопасности. [5]

Следует отметить, что в современной прикладной практике широко применяется комбинированный подход, объединяющий элементы различных концептуальных направлений. Это позволяет учесть многообразие аспектов использования технологий искусственного интеллекта и сформировать эффективную систему их нормативно-правового регулирования.

Для успешного разрешения проблематики применения ИИ в частноправовой сфере необходимо развитие законодательства по нескольким ключевым векторам. В первую очередь, требуется четкое определение правового статуса систем искусственного интеллекта и установление критериев их классификации. Кроме того, необходимо создание многоуровневой системы ответственности, учитывающей специфику функционирования ИИ и возможные сценарии причинения вреда.

Особое внимание следует уделить разработке стандартов качества работы систем ИИ и механизмов защиты прав потребителей. Это включает требования к прозрачности алгоритмов, надежности систем и защите персональных данных. Важным аспектом является также создание эффективных механизмов разрешения споров, связанных с использованием ИИ.

Анализ действующего российского законодательства в сфере регулирования искусственного интеллекта показывает, что правовая база находится в стадии формирования. Основопологающим документом является Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта". Однако данный закон имеет экспериментальный характер и ограниченную сферу применения.

В гражданском законодательстве отсутствуют специальные нормы, регулирующие правовой статус ИИ. Согласно ст. 128 ГК РФ, системы ИИ могут рассматриваться как имущество или как результаты интеллектуальной деятельности, но такой подход не учитывает их специфику как автономных систем, способных к принятию решений.

Профессор В.А. Лаптев отмечает необходимость введения в гражданское законодательство понятия "электронное лицо" для определения правового статуса систем ИИ. Эта позиция находит поддержку в работах М.А. Рожковой, которая предлагает рассматривать ИИ как особый объект гражданских прав. [8]

В сфере договорного права актуальной проблемой является определение правовой природы сделок, совершаемых с участием ИИ. Согласно ст. 153 ГК РФ, сделкой признаются действия граждан и юридических лиц. Однако, как отмечает П.М. Морхат, современные системы ИИ способны самостоятельно заключать договоры, что требует адаптации существующих норм.

Вопросы ответственности за вред, причиненный системами ИИ, регулируются общими положениями главы 59 ГК РФ. Однако, как указывает А.В. Незнамов, применение традиционных механизмов деликтной ответственности к случаям причинения вреда ИИ вызывает значительные сложности.

В области защиты прав потребителей действует Закон РФ "О защите прав потребителей", но его положения не учитывают специфику услуг, оказываемых с использованием ИИ. Профессор Л.К. Терещенко предлагает дополнить законодательство специальными нормами о защите прав потребителей при использовании систем ИИ.

Рассматривая концепции правового регулирования ИИ в отраслях частного права, можно выделить несколько основных подходов, предлагаемых учеными-юристами.

Концепция "электронного лица", разрабатываемая В.А. Лаптевым и поддерживаемая рядом других ученых, предполагает наделение систем ИИ особым правовым статусом. Согласно данной концепции, ИИ должен рассматриваться как самостоятельный субъект права с ограниченной правоспособностью. [3]

Профессор И.В. Понкин предлагает концепцию "гибридного регулирования", сочетающую элементы публично-правового и частноправового регулирования. Эта концепция предусматривает создание специальных правовых режимов для различных типов систем ИИ.

А.В. Незнамов развивает концепцию "распределенной ответственности", согласно которой ответственность за действия ИИ должна распределяться между различными субъектами (разработчиками, операторами, пользователями) в зависимости от их роли и степени контроля над системой [5].

М.А. Рожкова предлагает концепцию "технологической нейтральности" правового регулирования, согласно которой правовые нормы должны быть достаточно гибкими, чтобы охватывать новые технологические решения без необходимости постоянного изменения законодательства. [8]

Для совершенствования правового регулирования ИИ в частном праве необходимо:

- Внести изменения в ГК РФ, определяющие правовой статус систем ИИ и особенности их участия в гражданском обороте.
- Разработать специальные нормы об ответственности за вред, причиненный системами ИИ.
- Дополнить законодательство о защите прав потребителей положениями об особенностях оказания услуг с использованием ИИ.

- Создать механизмы обязательного страхования рисков, связанных с использованием ИИ.

Таким образом, совершенствование правового регулирования ИИ в частном праве требует комплексного подхода, учитывающего как существующие теоретические концепции, так и практические потребности участников правоотношений. При этом важно обеспечить баланс между инновационным развитием и защитой прав и законных интересов субъектов частного права. [5]

Анализ зарубежного опыта правового регулирования искусственного интеллекта в частном праве демонстрирует различные подходы к решению данного вопроса в разных правовых системах.

Европейский Союз занимает лидирующие позиции в формировании комплексного правового регулирования ИИ. В 2021 году Европейская Комиссия представила проект Регламента об искусственном интеллекте (AI Act), который устанавливает единые правила для разработки, внедрения и использования систем ИИ в странах ЕС. Документ вводит риск-ориентированный подход, классифицируя системы ИИ по уровням риска и устанавливая соответствующие требования к их регулированию.

Особое внимание в европейском законодательстве уделяется защите прав потребителей. Директива 2019/770/EU о цифровом контенте и цифровых услугах устанавливает требования к качеству услуг, предоставляемых с использованием ИИ, и механизмы защиты прав потребителей.

В США регулирование ИИ в частном праве осуществляется преимущественно на уровне штатов. Калифорния, как лидер в области технологий, приняла California Consumer Privacy Act (CCPA) и California Privacy Rights Act (CPRA), которые устанавливают требования к обработке персональных данных системами ИИ и права потребителей в отношении автоматизированных решений. [2]

Профессор Райан Кало (Ryan Calo) из Вашингтонского университета подчеркивает необходимость создания федерального законодательства об ИИ. В 2022 году был представлен проект AI Bill of Rights, содержащий основные принципы развития и применения ИИ, включая защиту от алгоритмической дискриминации и право на человеческое участие в важных решениях [11].

Китай демонстрирует активное развитие законодательства об ИИ. В 2021 году вступил в силу закон Personal Information Protection Law (PIPL), устанавливающий требования к обработке персональных данных системами ИИ. Кроме того, действуют Administrative Provisions on Deep Synthesis Internet Information Services, регулирующие использование технологий глубокого синтеза и генеративного ИИ.

Особый интерес представляет опыт Южной Кореи, где действует Framework Act on Intelligent Robots Development and Distribution. Закон создает правовую основу для развития робототехники и ИИ, включая вопросы ответственности и защиты прав потребителей.

В Японии действует AI Strategy 2019, определяющая основные направления развития ИИ, включая вопросы частного права. Японский подход характеризуется акцентом на этические аспекты применения ИИ и защиту прав человека. Society 5.0 Initiative предлагает концепцию интеграции ИИ в различные сферы общественной жизни. [1]

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить следующие основные тенденции:

- Переход от общего к специальному регулированию ИИ с учетом отраслевой специфики.
- Развитие риск-ориентированного подхода к регулированию различных типов ИИ-систем.
- Усиление защиты прав потребителей при использовании систем ИИ.
- Формирование механизмов ответственности за вред, причиненный ИИ.
- Развитие саморегулирования и отраслевых стандартов.

Заслуживает внимания опыт создания специализированных институтов по развитию и регулированию ИИ. Например, в ЕС действует European AI Alliance, в Великобритании - Office for AI, в Японии - AI Research Center. Эти организации способствуют развитию диалога между государством, бизнесом и обществом по вопросам регулирования ИИ.

Важным аспектом является международное сотрудничество в сфере регулирования ИИ. ОЭСР разработала Principles on Artificial Intelligence, которые служат ориентиром для национальных законодателей. Профессор Иэн Уолден (Ian Walden) подчеркивает необходимость гармонизации правового регулирования ИИ на международном уровне. [12]

Определение юридической природы и тенденций исполнения предпринимательских обязательств является в настоящее время наиболее дискуссионным и принципиальным вопросом, имеющим значение для правоприменительной договорной деятельности, в особенности применительно к предпринимательским обязательствам [14, 15, 16]. В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основано на договорных отношениях, в том числе имеющих предпринимательский характер [17].

Таким образом, зарубежный опыт правового регулирования ИИ в частном праве демонстрирует разнообразие подходов и решений, которые могут быть использованы при совершенствовании российского законодательства. При этом важно учитывать национальную специфику и обеспечивать баланс между развитием инноваций и защитой прав участников правоотношений.

Список литературы

1. Арзуманян Анна Борисовна Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. №3.
2. Богдановская И., Васякина Е., Волос А., Данилов Н., Егорова Е., Калятин В., Карпенко О., Салихов Д. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. №4.
3. Голубцова Д. Д. О некоторых особенностях правового регулирования интеллектуальной собственности в международном частном праве. Роль искусственного интеллекта и проблемы его использования в контексте защиты интеллектуальных прав // Вестник науки. 2023. №7 (64).
4. Липчанская М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. №11.

5. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102.
6. Незнамов А.В. Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве: первый опыт и первые выводы // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. ГАРАНТ
7. Рыжкова Екатерина Александровна, Рыжкова Евгения Константиновна Искусственный интеллект как элемент цифрового отношения // Юридические исследования. 2022. №8.
8. М.А. Рожкова Д-р юрид. наук, г.н.с. Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, член Экспертного совета Комитета Государственной думы по информационной политике, информационным технологиям и связи, эксперт РАН, президент IP CLUB.
9. Савина В. С. Развития права интеллектуальной собственности в современном информационном обществе // Пермский юридический альманах. 2019. №2.
10. Трохов М.С., Колоскова О.А., Глазов И.Д. Гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации // Юридические исследования. 2023. №3.
11. Professor Ryan Calo Speaks Before U.S. Senate | UW School of Law.
12. AI Interrogator: The Legal Challenges and Considerations of AI Development with Lorna Woods.
13. Why Tech Law is the Hot New LL.M. Focus in an AI Era | LLM GUIDE.
14. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. N 6. С. 15.
15. Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: Учебник. М.: Проспект, 2021. С. 126.
16. Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. N 2. С. 151.
17. Левушкин А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 8. С. 31.

References

1. Arzumanyan, Anna B. (2021). "Artificial Intelligence: Issues of International Legal Regulation." North Caucasus Legal Bulletin, No. 3.
2. Bogdanovskaya, I., Vasyakina, E., Volos, A., Danilov, N., Egorova, E., Kalyatin, V., Karpenko, O., & Salikhov, D. (2024). "Artificial Intelligence and Law." Law Journal of the Higher School of Economics, No. 4.
3. Golubtsova, D. D. (2023). "On Some Features of Legal Regulation of Intellectual Property in Private International Law: The Role of Artificial Intelligence and Problems of Its Use in the Context of Intellectual Property Rights Protection." Science Bulletin, No. 7(64).
4. Lipchanskaya, Maria A., & Zametina, Tamara V. (2020). "Social Rights of Citizens in the Context of Artificial Intelligence Use: Legal Framework and Legislative Gaps in Russia." Journal of Russian Law, No. 11.
5. Laptev V.A. (2019) Artificial Intelligence and Liability for its Work. Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki, no 2, pp. 79–102.
6. Neznamov The use of artificial intelligence in judicial proceedings: first experience and first conclusions (Al.V. NeznamovA, N.V. Neznamov, Journal of Russian Law: Education, Practice, Science, No. 3, May-June 2020) | GARANT.
7. M.A. Rozhkova, Doctor of Law. PhD, PhD, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, member of the Expert Council of the State Duma Committee on Information Policy, Information Technologies and Communications, expert of the Russian Academy of Sciences, President of the IP CLUB.
8. Ryzhkova, Ekaterina A., & Ryzhkova, Evgeniya K. (2022). "Artificial Intelligence as an Element of Digital Relationship." Legal Studies, No. 8.
9. Savina, V. S. (2019). "Development of Intellectual Property Law in Modern Information Society." Perm Legal Almanac, No. 2.
10. Trokhov, Maxim S., Koloskova, Olga A., & Glazov, Ilya D. (2023). "Civil Law Regulation of Artificial Intelligence in the Russian Federation." Legal Studies, No. 3.
11. Professor Ryan Calo Speaks Before U.S. Senate | UW School of Law.
12. AI Interrogator: The Legal Challenges and Considerations of AI Development with Lorna Woods.
13. Why Tech Law is the Hot New LL.M. Focus in an AI Era | LLM GUIDE.
14. Levushkin A.N. Ensuring the balance of interests of majority and minority shareholders in corporate legal relations // Civil law. 2022. N 6. P. 15.
15. Levushkin A.N. Contracts in entrepreneurial activity: Textbook. Moscow: Prospekt, 2021. P. 126.
16. Levushkin A.N., Kuzmina I.K. Trends in the fulfillment of entrepreneurial obligations in law enforcement activities // Modern lawyer. 2020. N 2. P. 151.
17. Levushkin A.N. Organizational business contracts in the system of norms of law of obligations and judicial practice // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. N 8. P. 31.

ПРАВОВОЙ СТАТУС САМОЗАНЯТОГО ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ LEGAL STATUS OF A SELF-EMPLOYED CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE, TRENDS, AND PROSPECTS

БУРБИНА Юлия Владимировна,

доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Академии ФСИН России, к.ю.н.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная 1.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru

BURBINA Yulia Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Faculty
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law.

390000, Ryazan, Sennaya Street 1.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье исследуется правовая природа статуса самозанятого. Автор рассматривает ключевые преимущества правового режима, ограничения, вопросы социальных гарантий и перспективы развития.

Abstract: The article explores the legal nature of the self-employed status. The author examines the key advantages of the legal regime, limitations, social security issues, and development prospects.

Ключевые слова: самозанятость, налоговый режим, правовой статус, гибкая занятость, социальное обеспечение.

Keywords: self-employment, tax regime, legal status, flexible employment, social security.

Статья поступила в редакцию: 07.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Актуальность исследования определяется стремительным ростом числа самозанятых граждан в РФ как формы адаптации рынка труда к цифровой экономике. По данным Федеральной налоговой службой (ФНС) России, на начало 2025 года статус самозанятого получили более 12 миллионов человек [2]. В соответствии с Федеральным законом от 27.11.2018 N 422-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"[1] с целью легализации теневых доходов и создания комфортных условий для малого бизнеса и фрилансеров, государство, вводит новый вид налога, тем самым создает специальную группу налогоплательщиков, так называемых, самозанятых. Цель статьи — выявить специфику правового положения данных налогоплательщиков, проанализировать эволюцию режима налога на профессиональную деятельность (специальный налоговый режим) и обозначить зоны, требующие дальнейшего законодательного внимания и уточнения.

Самозанятость как форма экономической активности получила широкое распространение во всем мире. В отличие от России, где статус самозанятого был введен недавно как специальный налоговый режим, во многих зарубежных странах соответствующие правовые институты формировались десятилетиями. В большинстве стран отсутствует единый закон о «самозанятости». Статус обычно возникает de facto, когда лицо самостоятельно оказывает услуги или ведет бизнес, не будучи наемным работником. Подобные институты существуют в Германия, Франция, Великобритания, США. Японии, Беларуси и многих других странах.

Специальный налоговый режим формируется в рамках эксперимента с 2019 года в соответствии с вышеуказанным федеральным законом. Полагаясь на его нормы, можем определить, что самозанятый — это отдельная категория налогоплательщиков, физических лиц (в том числе включающая категорию индивидуальный предприниматель), которые самостоятельно осуществляет деятельность для извлечения прибыли без образования юридического лица, не привлекающих работников, с установленным лимитом дохода, который не превышает 2,4 миллиона рублей в год по состоянию на 2025 г. [3] Использовать специальный налоговый режим запрошено лицам, чья деятельность подлежит лицензированию или требует иного специального регулирования, например, нотариусы, оценщики, арбитражные управляющие и другие.

Уточним предусмотренные ограничения и лимиты для данной категории налогоплательщиков. Область деятельности лиц, имеющих возможность применить специальный налоговый режим, ограничена сферой работ и услуг, допускается наличие собственного производства, а также реализация имущественных прав, если не нарушены иные предусмотренные требования. Самозанятым запрещено привлекать наемных работников по трудовым договорам, так же установлены квоты и особенности в возможностях заключения договоров оказания услуг и выполнения подряда с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

Ключевой принцип, примененный при введении специального налогового режима — уведомительный характер регистрации через мобильное приложение «Мой налог». Налог рассчитывается и уплачивается автоматически через приложение после получения оплаты. Режим характеризуется предельно простой системой налогообложения: 4% — с дохода, полученного от физических лиц, и 6% — с дохода, полученного от индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Допускается совместная деятельность членов семьи (супругов, родителей, детей) с распределением общего дохода. В приложении «Мой налог» предусмотрена возможность внесения добровольных страховых взносов: на пенсионное (22%) и медицинское (5.1%) страхование через приложение. С 2024 года период уплаты таких взносов засчитывается в страховой стаж.

Отметим, отсутствие необходимости сдавать декларацию, вести сложный учет, платить страховые взносы (которые носят добровольный характер). Основные преимущества самозанятости: легализация доходов и защита от проверок ФНС, свобода в продвижении своих услуг для роста клиентской базы, а также упрощённое получение подтверждённых данных о заработке для любых официальных целей. Это главный стимул для обретения исследуемого статуса.

Несмотря на обозначенные преимущества, укажем ряд уязвимых моментов. Наличие специального налогового режима и соответственно статуса самозанятого провоцирует возникновение так называемой «серой зоны» трудовых отношений, в виду возможности переквалификации договоров между компанией и самозанятым в трудовые отношения с соответствующими требованиями об уплате налога на доходы физических лиц и страховых взносов со стороны работодателя.

Следующий спорный момент, ограниченность социальной защиты. Добровольный характер взносов ставит самозанятых в менее защищенное положение по сравнению с наемными работниками в вопросах оплаты больничных, отпусков, получения пособий. Проблема социальной защиты самозанятых — одна из самых острых в глобальном масштабе. В отличие от наемных работников, их доступ к пособиям по безработице, болезни или производственному травматизму крайне ограничен. В Германии, Франции США, Великобритании уплата взносов в пенсионные и социальные фонды является обязательной частью налогового бремени самозанятого, базовые пенсионные системы финансируются через обязательные взносы. При этом в США самозанятые могут самостоятельно формировать свою пенсию. Так как у многих самозанятых доходы нерегулярны и невысоки, их возможности делать пенсионные взносы ограничена, что снижает заинтересованность в участии в таких системах. Однако, существует риск, что введение обязательных взносов может подтолкнуть самозанятых обратно в теневой сектор. Решение этого вопроса остается пока открытым.

Есть вопросы и к установленному «потолку» доходов, он становится барьером для роста успешных практик, вынуждая переходить в статус юридического лица, что усложняет администрирование, однако стимулирует к росту бизнеса. Налоговые системы зарубежных стран по-иному подходят к решению данного вопроса. В отличие от плоской низкой ставки, применяемой в России (4-6%) за рубежом идут по пути сложных прогрессивных шкал и обязательных социальных взносов. Так, в США федеральная ставка колеблется от 10% до 37% [4], в Великобритании — от 20% до 45% [5], в Японии — от 5% до 45% [6]. Считаем возможным применение прогрессивного подоходного налога, который применяется во многих странах. Установление, такого вида налога позволило бы сохранить применяемый режим и упростить администрирование.

В завершении статьи отметим, режим для самозанятых доказал свою эффективность как инструмент легализации и стимулирования малого предпринимательства. Его эволюция показывает курс государства на интеграцию гибких форм занятости в правовое поле. Ключевыми направлениями развития должны стать:

1. Поэтапное повышение лимита по годовому доходу для сохранения успешных практик в режиме.
2. Разработка гибридных моделей социального обеспечения, сочетающих добровольность с базовыми гарантиями.
3. Четкое законодательное разграничение самозанятости и трудовых отношений для снижения правовых рисков.

Статус самозанятого в России превратился из эксперимента в полноценный институт современной экономики. Его дальнейшее совершенствование будет способствовать достижению баланса между интересами государства, гибкостью рынка труда и необходимостью обеспечения социальной защиты растущей категории самозанятых. На первый план выходят задачи по предотвращению злоупотреблений со стороны работодателей, разработке гибких механизмов пенсионных накоплений для нестабильных доходов и адаптации трудового законодательства к новым реалиям экономики.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.11.2018 №422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход» («Российская газета», №270, 30.11.2018).
2. Официальные данные Федеральной налоговой службы РФ (ФНС России) <https://www.gosnadzor.ru/news/67/12574/> (дата обращения 20.10.2025)
3. Аналитические отчеты Министерства экономического развития РФ по мониторингу самозанятости (2024-2025 гг.). https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_sa_mozanyatyh/?ysclid=mui9kr3uoq525373491 (дата обращения 20.11.2025).
4. Налоги в США. Топ штатов США с самыми низкими и высокими налогами. <https://realting.com/ru/news/states-with-the-highest-and-lowest-tax-rates> (дата обращения 20.10.2025).
5. Ставка процента Великобритании. <https://ru.tradingeconomics.com/united-kingdom/interest-rate> (дата обращения 20.10.2025).
6. Полное руководство по налогу на доходы в Японии <https://easytravel.jp/полное-руководство-по-налогу-на-доход/> (дата обращения 20.10.2025).

References:

1. Federal Law No. 422-FZ of 11.27.2018 "On conducting an experiment to establish a special tax regime "Tax on Professional Income" (Rossiyskaya Gazeta", №270, 30.11.2018).
2. Official data of the Federal Tax Service of the Russian Federation (FTS of Russia) <https://www.gosnadzor.ru/news/67/12574/> (accessed 20.10.2025)
3. Analytical reports of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on self-employment monitoring (2024-2025). https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_sa_mozanyatyh/?ysclid=mui9kr3uoq525373491 (accessed 11/20/2025).
4. Taxes in the USA. Top US states with the lowest and highest taxes. <https://realting.com/ru/news/states-with-the-highest-and-lowest-tax-rates> (accessed 20.10.2025).
5. The UK interest rate. <https://ru.tradingeconomics.com/united-kingdom/interest-rate> (accessed 10/20/2025).
6. The Complete Guide to Income Tax in Japan <https://easytravel.jp/полное-руководство-по-налогу-на-доход/> (accessed 20.10.2025).

РЕФОРМА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ: НЕЗАВИСИМОСТЬ И ПРОЗРАЧНОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВОСУДИЯ JUDICIAL REFORM: INDEPENDENCE AND TRANSPARENCY AS FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF JUSTICE

ТОМБУЛОВА Елена Георгиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции
Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, г. Краснодар
350015, Россия, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1
E-mail: e.g.tombulova@ruc.su

ДУДЧЕНКО Анна Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Краснодарский филиал
350002, Россия, г. Краснодар, ул. Садовая, 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

TOMBULOVA E. G.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence
Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Krasnodar
168/1 Mitrofan Sedina St., Krasnodar, 350015, Russia
E-mail: e.g.tombulova@ruc.su

DUDCHENKO A. V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Corporate and Public Administration
Krasnodar branch of G.V. Plekhanov Russian University of economics.
350002, Russia, Krasnodar, Sadovaya st., 23
E-mail: A-dyd4enko@yandex.ru

Краткая аннотация. Принцип независимости играет ключевую роль в формировании доверия общества к судебной системе и обеспечивает эффективное функционирование правового государства. Российская законодательная система, подкрепленная опытом Конституционного и Верховного Судов, формирует всестороннюю систему обеспечений, которая служит ориентиром для новых субъектов Федерации, вступающих в общероссийское правовое пространство. Развитие этого принципа отражает развитие судебной системы в сторону более зрелого и стабильного состояния, что подразумевает дальнейшее усиление его материальных, процессуальных и этических основ.

Abstract. The principle of independence plays a key role in fostering public trust in the judicial system and ensures the effective functioning of the rule of law. The Russian legislative system, reinforced by the experience of the Constitutional and Supreme Courts, creates a comprehensive framework of provisions that serves as a guide for new constituent entities of the Federation entering the pan-Russian legal space. The development of this principle reflects the judicial system's evolution toward a more mature and stable state, which implies further strengthening of its substantive, procedural, and ethical foundations.

Ключевые слова: судебная система, принципы правосудия, независимость, верховенства права, судебная власть.

Keywords: judicial system, principles of justice, independence, rule of law, judicial power.

Для цитирования: Томбулова Е.Г., Дудченко А.В., Реформа судебной системы: независимость и прозрачность как основополагающие принципы правосудия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1151-1153. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1151.

For citation: Tombulova E. G., Dudchenko A. V. Judicial reform: independence and transparency as fundamental principles of justice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1151-1153. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1151.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Принцип независимости судей и судов закреплён в статье 120 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой судьи подчиняются только Конституции и федеральному закону. Данная норма формирует концептуальное основание всего судебного устройства, обеспечивая реальную возможность беспристрастного рассмотрения дел. Независимость судей выступает не столько декларативным постулатом, сколько практическим инструментом защиты личности, общества и государства от произвольных действий иных ветвей власти. Как отмечает Л. А. Давиденко, независимость судебной власти есть институциональное проявление верховенства права, без которого невозможно говорить о справедливом судопроизводстве [1, с.14].

В научной литературе категория независимости трактуется как совокупность правовых, организационных и социальных гарантий, включающих внешнее воздействие на процесс принятия судебных решений. А. Ф. Изварина рассматривает её как состояние функциональной автономии суда, при котором судья сохраняет свободу внутреннего убеждения при применении закона [2, с.45].

В отечественной традиции закреплён дуализм данного принципа: он одновременно относится и к отдельному судье, и к судебной системе в целом. Первая составляющая выражает личную независимость судьи, охватывающую его статусные гарантии, несменяемость, неприкосновенность и защищённость от административного давления. Вторая — институциональную независимость судов, предполагающую структурную изолированность судебной ветви власти и организационное самоуправление судебного корпуса.

Гарантии независимости судей в Российской Федерации представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Гарантии независимости судей в Российской Федерации

Уровень гарантии	Содержание	Нормативное закрепление
Конституционный	Судьи подчиняются только Конституции и федеральному закону	Конституция РФ, ст. 120
Институциональный	Организационное отделение судебной власти от исполнительной и законодательной	ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»
Персональный	Несменяемость, неприкосновенность и материальное обеспечение судей	ФКЗ «О статусе судей в Российской Федерации»
Процессуальный	Запрет вмешательства в осуществление правосудия, обеспечение тайны совещательной комнаты	ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»

Анализ данных таблицы показывает, что система гарантий имеет многоуровневый характер и предполагает не только правовую, но и институциональную основу. Наличие комплексных механизмов защиты автономии судебной власти свидетельствует о стремлении законодателя к формированию устойчивого контура правовой безопасности, в пределах которого судья способен действовать свободно, руководствуясь только законом и внутренним убеждением. Однако, как подчёркивает В. А. Скорев, формальное наличие гарантий не исключает необходимости их фактического обеспечения в условиях политических и социальных вызовов [3, с.63].

Современная практика применения принципа независимости демонстрирует, что он нуждается в постоянном укреплении через развитие института судейского самоуправления и совершенствование механизмов ответственности за вмешательство в правосудие. В обзоре практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2024 год отмечено, что любое давление на судью, включая административное воздействие со стороны руководства суда, должно рассматриваться как угроза конституционному строю [4]. Подобная позиция подтверждает, что независимость не может быть сведена к формальной норме, она должна проявляться в конкретных действиях судебной власти по защите собственных полномочий.

И. Т. Агулова и Е. А. Аполский указывают, что исторически развитие принципа независимости в России проходило в условиях смены государственных формаций и политических идеологий, что неоднократно приводило к ослаблению доверия к судебной системе [5, с.5]. В этом контексте независимость судей становится показателем зрелости правовой культуры общества. Там, где суд воспринимается как служба по исполнению указаний власти, исчезает правовая защищённость граждан. Судебная реформа последних лет направлена на изменение этого восприятия, закрепляя институты внутреннего и внешнего контроля за соблюдением норм профессиональной этики судей.

Исследования Е. А. Наумовой и В. А. Тепляковой показывают, что введение специализированных судов также способствует укреплению независимости, поскольку разграничивает компетенцию и снижает вероятность административного давления [6, с.42]. Такая специализация обеспечивает более высокий уровень профессиональной автономии судей, работающих в узких отраслях права. В то же время А. А. Титова и О. А. Грачева отмечают, что независимость не означает полной изоляции суда от общества; напротив, прозрачность судебных процедур и открытость решений усиливают доверие граждан и стабилизируют восприятие судейского корпуса [7, с.57].

Отдельного внимания заслуживает проблема соотношения независимости и ответственности судей. Безусловная автономия может породить риски произвольного толкования закона, что требует совершенствования механизмов дисциплинарного производства. В отечественной доктрине это соотношение рассматривается как баланс двух начал — свободы профессионального решения и подотчётности судей перед обществом.

Судебное сообщество, по мнению Т. А. Малихиной, должно выступать внутренним регулятором этических стандартов и охранителем независимости судебной власти [8, с.148].

Необходимо отметить, что обеспечение независимости не сводится только к защите судей от внешних воздействий. Важной составляющей является создание условий, исключающих внутренние зависимости, например, влияние председателя суда или неформальных структур. Как указывает сборник «Становление единой системы судебной власти в России», современная организация судов требует внедрения прозрачных процедур назначения на административные должности и ротации кадров, что предотвращает концентрацию власти внутри судебной системы [9, с.148]. Независимость судьи в этом случае выступает результатом целостного механизма саморегуляции судебной власти.

Прозрачность судебной деятельности является неотъемлемым элементом демократического устройства и отражает степень доверия общества к институтам власти. Конституция Российской Федерации закрепляет принцип открытости судебного разбирательства, указывая, что разбирательство дел во всех судах открытое, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

Данная норма формирует правовую основу для реализации публичного контроля и доступа граждан к информации о работе судов. Открытость судебной системы не является самоцелью, а представляет собой форму общественной коммуникации, позволяющую гражданам видеть, как реализуется справедливость на практике.

В российской юридической доктрине понятие прозрачности правосудия охватывает комплекс условий, при которых деятельность судов становится понятной и доступной для общества, а принимаемые решения поддаются внешней оценке с точки зрения законности и обоснованности.

И. С. Жеребцов отмечает, что прозрачность должна восприниматься как результат реализации принципа публичности судебной власти, обеспечивающего доверие граждан и легитимность судебных актов [10, с.12].

Участие средств массовой информации, правозащитных организаций и общественных советов делает процесс правосудия более открытым и воспринимаемым как публичная деятельность, а не закрытая институциональная сфера.

Проблема прозрачности судебной власти имеет и содержательное измерение — это не только доступ к информации, но и её качество. Открытые данные о судебных делах должны представляться в удобной для граждан форме, исключающей юридическую избыточность и обеспечивающей ясность изложения. Без этого формальная открытость теряет смысл, превращаясь в имитацию доступности. Эффективная прозрачность подразумевает способность граждан понимать принятые решения и видеть их соответствие закону.

Отдельного внимания заслуживает вопрос участия судейского сообщества в формировании стандартов открытости. Судейское сообщество несёт ответственность не только за соблюдение принципа независимости, но и за поддержание доверия общества через открытое взаимодействие с гражданами. Введение практики ежегодных докладов судов, проведение общественных слушаний и развитие программ профессиональной этики формируют новую культуру прозрачности, основанную на саморегуляции и профессиональной ответственности.

Важным направлением становится совершенствование коммуникационной среды судов. А. В. Орлов указывает, что расширение юрисдикции Российской Федерации на новые территории потребовало унификации стандартов открытости, чтобы граждане могли получать информацию о судебных решениях в едином формате [11, с.42]. Это усилило значение федеральных информационных систем как инструмента интеграции судебной практики. В совокупности такие меры формируют единое цифровое пространство правосудия, где публичность становится частью институциональной архитектуры государства.

Следует признать, что достижение реальной прозрачности возможно лишь при условии комплексного подхода, объединяющего нормативное регулирование, организационные решения и развитие гражданского общества, что без правовой культуры и высокого уровня правосознания открытость судебных процедур может быть воспринята поверхностно и привести к росту недоверия. Поэтому прозрачность правосудия должна сочетаться с просветительской деятельностью, формирующей уважение к суду как институту, действующему на основании закона.

Современная судебная реформа направлена на системное внедрение цифровых технологий, расширение общественного контроля и обеспечение единого стандарта публикации судебных актов. Это подтверждается анализом обзоров судебной практики Верховного Суда РФ, в которых прослеживается тенденция к унификации форм отчетности и к доступности статистических данных [12]. Данный процесс нельзя рассматривать как временную административную меру — он представляет собой трансформацию правосознания и административной культуры судебной системы.

Обобщая вышесказанное, прозрачность правосудия становится индикатором зрелости демократического государства. Она отражает уровень доверия граждан к суду, степень открытости власти и её готовность к диалогу с обществом. Российская судебная система постепенно переходит от декларативного провозглашения открытости к её практической реализации, формируя правовую среду, в которой публичность становится естественным элементом функционирования правосудия, а не исключением. Этот процесс служит основой укрепления законности, правопорядка и общественной стабильности в стране.

Список литературы:

1. Давиденко, Л. А. Судебная практика и судебный прецедент в системе права России / Л. А. Давиденко, Т. А. Зайцева // Политика и право: Ученые записки. — Благовещенск: Амурский государственный университет, 2023. — С. 14
2. Изварина, А. Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования / А. Ф. Изварина. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Прспект», 2023. — С. 45
3. Скорев, В. А. Судебная система Российской Федерации: учебное пособие для вузов / В. А. Скорев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — С. 63
4. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за 2024 год // Режим доступа: https://www.ksrf.ru/ru/Decision_2024.pdf (дата обращения: 11.11.2025)
5. Агумава, И. Т. История становления и развитие судебной системы России с древнейших времён / И. Т. Агумава, Е. А. Аполский // Студенческий вестник. — 2023. — № 44-4(283). — С. 5
6. Наумова, Е. А. Специализированные суды России: реформирование государственной судебной системы / Е. А. Наумова, В. А. Теплякова. — Москва: Саратовский источник, 2025. — С. 42
7. Организация судебной деятельности: учебное пособие для вузов / А. А. Титова, О. А. Грачева, К. А. Оркина, В. А. Телегина. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — С. 57
8. Малихина, Т. А. Значение деятельности судейского сообщества в судебной системе России / Т. А. Малихина // Судебная власть в условиях новых вызовов. — Москва: Российский государственный университет правосудия, 2024. — С. 148
9. Малихина, Т. А. Значение деятельности судейского сообщества в судебной системе России / Т. А. Малихина // Судебная власть в условиях новых вызовов. — Москва: Российский государственный университет правосудия, 2024. — С. 148
10. Жеребцов, И. С. Историческое развитие судебной системы в России (часть 1) / И. С. Жеребцов // Юридические науки: актуальные вопросы теории и практики. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. — С. 12
11. Орлов, А. В. Судебная система России и новые территории: исторический аспект / А. В. Орлов // Российский судья. — 2024. — № 12. — С. 32
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024) // Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2024 г.

References:

1. Davidenko, L. A. Judicial practice and judicial precedent in the legal system of Russia / L. A. Davidenko, T. A. Zaitseva // Politics and law: Scientific notes. - Blagoveshchensk: Amur State University, 2023. - P. 14
2. Izvarina, A. F. The judicial system of Russia: conceptual foundations of organization, development and improvement / A. F. Izvarina. - Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2023. - P. 45
3. Skorev, V. A. The judicial system of the Russian Federation: a textbook for universities / V. A. Skorev. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: URAYT Publishing House, 2025. - P. 63
4. Review of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation for 2024 // Access mode: https://www.ksrf.ru/ru/Decision_2024.pdf (date of access: 11.11.2025)
5. Agumava, I. T. History of the formation and development of the judicial system of Russia from ancient times / I. T. Agumava, E. A. Apolsky // Student Bulletin. - 2023. - No. 44-4 (283). - P. 5
6. Naumova, E. A. Specialized courts of Russia: reforming the state judicial system / E. A. Naumova, V. A. Teplyakova. - Moscow: Saratov source, 2025. - p. 42
7. Organization of judicial activity: a textbook for universities / A. A. Titova, O. A. Gracheva, K. A. Orkina, V. A. Telegina. - Moscow: Izdatelstvo Yurait, 2025. - p. 57
8. Malykhina, T. A. The importance of the activities of the judicial community in the judicial system of Russia / T. A. Malykhina // Judicial power in the context of new challenges. - Moscow: Russian State University of Justice, 2024. - P. 148
9. Malykhina, T. A. The importance of the activities of the judicial community in the judicial system of Russia / T. A. Malykhina // Judicial power in the context of new challenges. — Moscow: Russian State University of Justice, 2024. — P. 148
10. Zherebtsov, I. S. Historical development of the judicial system in Russia (part 1) / I. S. Zherebtsov // Legal sciences: current issues of theory and practice. — Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. — P. 12
11. Orlov, A. V. The judicial system of Russia and new territories: historical aspect / A. V. Orlov // Russian judge. — 2024. — No. 12. — P. 32
12. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2, 3 (2024) // Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 27, 2024.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1154

УДК 347

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ STATE SUPPORT FOR ECONOMIC ENTITIES UNDER SANCTIONS

КРИКУНОВА Виктория Игоревна,

Судья Арбитражного суда г. Москвы
115225, Россия, г. Москва, ул. Большая Тульская, д. 17,
E-mail: northstar20001@gmail.com

KRIKUNOVA Victoria Igorevna,

Judge of the Moscow Arbitration Court
17 Bolshaya Tulkaya str., Moscow, 115225,
E-mail: northstar20001@gmail.com

Краткая аннотация: Поддержка российских участников международных коммерческих сделок со стороны государства реализуется посредством нормативных актов различного уровня, направленных на создание комфортных условий для ведения бизнеса в условиях ограничительных мер, установленных иностранными государствами и их союзниками. В представленной статье определены основные меры государственной поддержки российских участников международных коммерческих сделок в условиях введения санкционных ограничений, автором сформулированы отдельные выводы и предложения.

Abstract: Government support for Russian participants in international commercial transactions is implemented through regulations at various levels aimed at creating comfortable business conditions under restrictive measures imposed by foreign states and their allies. The presented article identifies the main measures of state support for Russian participants in international commercial transactions in the context of the imposition of sanctions restrictions, and the author formulates some conclusions and suggestions.

Ключевые слова: санкции, государственная поддержка, защита прав, предпринимательские отношения, международные коммерческие сделки, санкционные ограничения.

Keywords: sanctions, government support, protection of rights, business relations, international commercial transactions, sanctions restrictions.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В 2022 году в ответ на усиление санкционного давления российские власти оперативно сформировали пакет антикризисных мер, призванных обеспечить поступательное развитие национальной экономики¹. Параллельно с этим была создана Правительственная комиссия, основной функцией которой стало повышение устойчивости экономики страны к внешним ограничительным мерам. В рамках своей деятельности комиссия обеспечивает согласованное взаимодействие между федеральными и региональными органами власти, а также институтами развития, сосредоточив усилия на реализации комплексных мер по стабилизации финансового сектора, поддержанию занятости населения и обеспечению устойчивого функционирования стратегически важных отраслей². Так, например, в соответствии с Указом Президента РФ № 81, был установлен особый порядок осуществления сделок по предоставлению кредитов и займов лицам из недружественных стран, а также сделки, влекущие за собой право собственности на ценные бумаги и недвижимое имущество. Теперь такие сделки могут осуществляться только с разрешения, выданного Правительственной комиссией³.

Государственная поддержка предоставляется не всем участникам рынка, а носит целенаправленный характер. Для того чтобы охватить всех нуждающихся субъектов и учитывать различия в регулировании в зависимости от сфер деятельности и отраслей, предлагается разделить меры поддержки по следующим критериям.

Государственные меры поддержки предпринимателей можно классифицировать по трем основным критериям:

1) По целевому назначению:

– Компенсационные меры, которые предназначены для субъектов, уже подвергшихся иностранным санкциям, с целью восстановления их правового статуса;

– Превентивные меры, которые направлены на минимизацию риска потенциальных ограничений путем защиты прав предпринимателей от возможных нарушений.

2) По адресности применения:

– Общие меры, распространяющиеся на всех российских предпринимателей;

– Специальные меры, касающиеся исключительно тех субъектов хозяйственной деятельности, в отношении которых введены ограничительные меры.

3) По сферам государственного регулирования предпринимательской деятельности, где применяются меры господдержки:

1. В сфере налогового регулирования: физические лица, являющиеся иностранными налоговыми резидентами и подвергшие-

¹ План первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления // URL: <https://plan.nso.ru/measures/federal?ysclid=levn16phl26187601#plan1> (дата обращения: 01.12.2025).

² Постановление Правительства РФ от 21.01.2022 № 25-2 «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1485.

³ Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1466.

ся ограничительным мерам (санкциям) в соответствующем налоговом периоде, не признаются налоговыми резидентами Российской Федерации в целях недопущения двойного налогообложения¹;

2. В сфере валютного регулирования: резиденты освобождаются от административной ответственности за отдельные нарушения валютного законодательства, если такие нарушения обусловлены применением иностранных ограничительных мер и относятся к правоотношениям, возникшим в период с 23 февраля 2022 года по 31 декабря 2023 года²;

3. В сфере раскрытия информации: юридическим лицам, зарегистрированным на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а также субъектам предпринимательской деятельности, в отношении которых применяются иностранные ограничительные меры, предоставлено законное право не размещать в ЕГРЮЛ отдельные категории сведений, включая информацию об учредителях (участниках), проводимых процедурах реорганизации и полученных разрешительных документах³. Параллельно кредитные организации⁴ и эмитенты ценных бумаг⁵ получили законодательно закрепленную возможность ограничивать объем предоставляемой информации в случаях введения в отношении них санкционных ограничений иностранными государствами. Законодательство предусматривает исключения для ООО: в случаях, когда контрагентом выступает российское юрлицо, находящееся под санкциями иностранных государств или международных объединений, общество освобождается от обязанности раскрывать данные о крупных сделках и сделках с заинтересованностью⁶;

4. Совершенствование механизмов судебной защиты: в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации⁷ (далее – АПК РФ) были внесены существенные изменения, а именно статьей 248.1, закрепляющей исключительную подсудность споров с участием лиц, в отношении которых введены иностранные ограничительные меры, а также споров, связанных с применением таких мер, арбитражным судам Российской Федерации, и статьей 248.2 АПК РФ, предусматривающей право указанных лиц обращаться в российские суды с заявлениями о запрете инициирования или продолжения разбирательств в иностранных судебных органах и международных коммерческих арбитражах за пределами территории Российской Федерации;

5. В области государственных закупок (если введение санкций повлекло невозможность исполнения поставщиком контракта и, как следствие, расторжение с ним контракта и направление заказчиком в уполномоченный орган обращения о включении информации в РНП, такому поставщику дано право принять участие в заседании комиссии уполномоченного органа с представлением информации и документов, подтверждающих, что исполнение контракта оказалось невозможным в связи с введением санкций: «К такой информации и документам могут быть отнесены любые информация и документы, содержание которых позволяет определить причинно-следственную связь между санкциями и невозможностью надлежащего исполнения контракта (то есть, последовательно развивающиеся события между введением таких санкций до невозможности надлежащего исполнения контракта)»⁸;

6. В сфере исполнения обязательств: сформирован особый правовой режим, допускающий временную корректировку ключевых параметров контрактных отношений в сфере государственных и муниципальных заказов на выполнение строительных работ, объектов капитального строительства и работ по капитальному ремонту. Данный механизм предусматривает возможность оперативного пересмотра существенных условий контрактов в условиях экономической нестабильности⁹.

В настоящее время в судебной практике наблюдается формирование правоприменительного кластера: благодаря судебным решениям сформированы дополнительные определения ограничительных мер, а также сформулированы принципы их применения.

Например, в решении Арбитражного суда города Москвы указано: «Смысл антисанкционного регулирования <...> свидетельствуют о том, что законодатель стремится наиболее полно защитить права лиц, которые несправедливо оказались под санкционным давлением со стороны иностранного государства, а поэтому в некоторых случаях иностранный элемент в процессуальном смысле исключается из состава лиц, участвующих в деле, с целью своевременной и наиболее эффективной защиты прав и законных интересов этих лиц»¹⁰. Следовательно, защита прав и интересов российских лиц, подверженных санкциям иностранных государств, является целью антисанкционного регулирования.

Наличие формирующейся классификации видов ограничительных мер в совокупности с обширными источниками нормативно-правового регулирования данного направления свидетельствует о формирующейся отрасли законодательства Российской Федерации – антисанкционного регулирования. Данная отрасль находит свое выражение в сфере государственного регулирования предпринимательской (хозяйственной) деятельности и зарубежного инвестирования.

Далее представляется необходимым определить влияние санкций на международные контракты.

В доктрине профессор А.Н. Левушкин обоснованно определяет, что в рамках частноправовых отношений защита законных прав и интересов участников экономической деятельности в условиях санкций осуществляется с использованием тех же механизмов, что и для любого другого

¹ Федеральный закон от 03.04.2017 № 58-ФЗ «О внесении изменений в главу 23 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 15 (ч. I). Ст. 2133.

² Примечание 10 к ст. 15.25 КоАП РФ // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 1.

³ Постановление Правительства РФ от 06.06.2019 № 729 «Об определении случаев, в которых доступ к содержащимся в едином государственном реестре юридических лиц сведениям (документам, содержащим сведения) о юридическом лице может быть ограничен» // СЗ РФ. 2019. № 24. Ст. 3089.

⁴ Постановление Правительства РФ от 23.11.2018 №1403 «Об особенностях раскрытия небанковскими кредитными организациями информации, подлежащей раскрытию в соответствии с требованиями Федерального закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)"» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. VI). Ст. 7608.

⁵ Постановление Правительства РФ от 04.04.2019 № 400 «Об особенностях раскрытия и предоставления информации, подлежащей раскрытию и предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона "Об акционерных обществах" и Федерального закона "О рынке ценных бумаг"» // СЗ РФ. 2019. № 15 (ч. IV). Ст. 1767.

⁶ Постановление Правительства РФ от 15.01.2018 №10 «Об определении случаев освобождения акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью от обязанности раскрывать и (или) предоставлять информацию, касающуюся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СЗ РФ. 2018. № 4. Ст. 628.

⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁸ Информационное письмо Минфина России от 08.04.2022 № 24-01-09/29768 «О направлении информации о применении постановления Правительства Российской Федерации от 21 марта 2022 № 417» // Вестник ценообразования и сметного нормирования. 2022. Выпуск 4.

⁹ Постановление Правительства РФ от 16.04.2022 № 680 «Об установлении порядка и случаев изменения существенных условий государственных и муниципальных контрактов, предметом которых является выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства, проведение работ по сохранению объектов культурного наследия» // СЗ РФ. 2022. № 17. Ст. 2894.

¹⁰ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.12.2022 по делу №А40-240297/22-98-1833 // СПС «Консультант Плюс».

субъективного гражданского права, но с учетом специфики жестких международных ограничительных мер санкционного давления [2, с. 7].

В современных реалиях беспрецедентного санкционного давления со стороны недружественных стран, под угрозой оказались ранее заключенные или только планируемые к заключению трансграничные коммерческие контракты, где одной из сторон является российский контрагент. В связи с этим российские участники трансграничных коммерческих сделок пытаются найти для себя способы минимизации санкционных рисков. Можно проследить возникновение следующих тенденций способствующих минимизации рисков:

- 1) Отказ от применения права недружественных стран и выбор российского либо нейтрального права;
- 2) Включение в контракты санкционных оговорок;
- 3) Проведение санкционного комплаенса перед заключением контракта;
- 4) Применение механизма освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств,

которое было вызвано введением санкций (оговорки о форс-мажоре и оговорки о затруднениях).

Способы защиты прав участников экономических отношений, закрепленные в гражданском законодательстве, имеют весьма эффективную форму реализации. Их применение способствует оптимальному использованию финансовых ресурсов компании и преодолению возможных препятствий для ведения бизнеса в рамках корпорации при санкционном давлении [2, с. 8]. Рассмотрим данные способы подробнее. Санкционный комплаенс является одним из наиболее эффективных и применимых механизмов минимизации санкционных рисков, он предусматривает совершение российскими контрагентами следующих действий:

- 1) Принятие политики санкционного комплаенса внутри компании, которая предусматривает обеспечение соответствия деятельности компании требованиям, налагаемым на нее российским и зарубежным санкционным законодательством, а также создание в компании механизмов выявления, анализа и оценки рисков нарушения соответствующего законодательства [6]. Сейчас лишь небольшое количество компаний приняло политику в отношении санкций. Среди них, например, — ООО «Новомосковский хлор» (группа «Еврохим»), согласно их санкционной политике, в случае обнаружения факта того, что компания является стороной контракта, подпадающего под санкции, ее руководство должно незамедлительно уведомить об этом комплаенс-офицера и приложить все усилия по устранению нарушения (включая приостановку, замораживание, расторжение контракта). Также, Политику Компаний Группы по соблюдению санкционных ограничений приняла компания «Газпром ЭП Интернэшл Б. В.»¹ и ООО «ЕвроХим — Белореченские Минудобрения»².

- 2) Осуществление проверки своего контрагента и предмета контракта на предмет наличия его в следующих санкционных списках (due diligence):

- перечень физических и юридических лиц, в отношении которых введены санкции США (список SDN);
- перечень юридических лиц, в отношении которых введены секторальные санкции США, что предполагает запрет сотрудничества с соответствующими лицами в указанных сферах экономики (список SSI);
- списки лиц, подпадающих под финансовые санкции ЕС (The Consolidated List of Persons, Groups and Entities Subject to EU Financial Sanctions) [1].

Если компания обнаружит своего контрагента в одном из указанных списков, то стоит рассмотреть вопрос о целесообразности продолжения деловых отношений с ним. Помимо проверки самой компании-контрагента необходимо провести проверку ее руководителей, учредителей, бенефициаров и дочерних компаний. При такой проверке используется правило «50% + 1», согласно которому в случае принадлежности лицу, находящемуся под санкциями, свыше 50% уставного или акционерного капитала компания также считается подсанкционной.

В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основаны на договорных отношениях, в том числе носящих предпринимательский характер [3, с. 15] [4, с. 31]. Любой договор — это, конечно, разновидность сделки. В свою очередь, сделка, в соответствии со ст. 153 ГК РФ, это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Одним из действенных способов снижения рисков, связанных с санкциями, является добавление в договор санкционной оговорки. Включенная в международный контракт санкционная оговорка позволяет участникам заранее установить порядок действий в случае негативного влияния санкций на выполнение обязательств, а также предусматривает возможность расторжения соглашения и освобождения сторон от ответственности за невыполнение или ненадлежащее исполнение условий. Такие оговорки обычно подразделяются на два типа в зависимости от последствий введения санкций для участников — санкционные и антисанкционные условия.

В случае объективной невозможности исполнения обязательств по контракту эффективным способом защиты сторон будет включение в текст контракта оговорки о форс-мажоре. При включении такой оговорки в контракт встает вопрос о признании санкций форс-мажором и ответом будет то, как стороны сформулируют соответствующую оговорку. В случае же, если стороны по какой-то причине не включили в свой контракт условие о форс-мажоре или ограничились его общим описанием, то критерии форс-мажора и его понятие будет зависеть от того, каким образом они закреплены в применимом праве.

Квалификация введенных иностранным государством ограничительных мер в судебных спорах о неисполнении обязательств может осуществляться несколькими способами. В зависимости от выбранного подхода сторонам потребуется доказывать различные обстоятельства, что влечёт и разные правовые последствия — от приостановления до полного прекращения обязательств:

¹ Политика Компаний Группы «Газпром ЭП Интернэшл Б. В.» по соблюдению санкционных ограничений // URL: <https://international.gazprom.ru/d/textpage/a7/167/politika-po-soblyudeniyu-sanktsionnykh-ogranichenij.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).

² Политика Общества с ограниченной ответственностью «ЕвроХим — Белореченские Минудобрения» в области санкций // URL: <https://www.eurochemgroup.com/wp-content/uploads/2019/07/БМУ-Политика-в-отношении-санкций.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).

- обстоятельство непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ);
- существенное изменение обстоятельств (ст. 451 ГК РФ);
- обстоятельство, за которое ни одна из сторон не отвечает ввиду невозможности исполнения (ст. 417 ГК РФ);
- обычного предпринимательского риска, который не является основанием для защиты стороны, не исполнившей обязатель-

ство.

Ключевое значение имеет правильный выбор правовой квалификации, поскольку именно он определяет круг фактов, подлежащих доказыванию, а также возможные процессуальные последствия (изменение условий договора, освобождение от ответственности или полное прекращение обязательств).

Таким образом, на сегодняшний день существует несколько способов защиты законных прав и интересов российских участников международных коммерческих сделок. Каждый из описанных выше способов применим на практике, однако не может обеспечить стопроцентную защиту стороны от санкционных рисков. Именно поэтому компании заблаговременно должны продумать основания для одностороннего внесудебного расторжения контракта, дабы избежать излишних финансовых и временных затрат в последующем. Также крайне действенным способом будет являться выстраивание политики санкционного комплаенса внутри компании.

На сегодняшний день можно выделить ряд проблем, которые встают перед участниками трансграничных коммерческих отношений в связи с введением экономических санкций. Первостепенно стоит выделить следующие:

- 1) Блокировка счетов подсанкционных лиц;
- 2) Невозможность совершения сделок в связи с секторальными санкциями;
- 3) Введение ограничений на совершение валютных операций со стороны РФ, а также необходимость получения разрешений Правительственной комиссии на совершение отдельных сделок;
- 4) Отказ контрагентов от исполнения своих обязательств; и т.д.

В трансграничных экономических отношениях между контрагентами особенно актуальным является вопрос о роли санкционных оговорок во внешнеэкономических контрактах. Юридическое сообщество всерьез озадачено поиском способов защиты российских контрагентов трансграничных коммерческих отношений. Представляется важным определить необходимость такой оговорки в контракте, каким образом её интерпретируют суды, и в чём заключается разница между этой оговоркой и условием о форс-мажорных обстоятельствах.

Санкционная оговорка является лишь одной из множества видов оговорок в международных коммерческих контрактах, и стоит наряду с арбитражной оговоркой, оговоркой о применимом праве, форс-мажорной и валютной оговоркой. Очевидно, что подробно сформулированные положения о санкциях важны для компаний, участвующих в международной торговле, поскольку это поможет им управлять санкционными рисками, а также позволит и дальше вести бизнес, соблюдая различные режимы санкций.

В чатноправовой науке обоснованно определено, что современное гражданское и предпринимательское законодательство направлены на создание и обеспечение равных экономических условий и возможностей для всех участников корпораций, обеспечение баланса их интересов, на защиту частных притязаний лиц и организаций с учетом публичных потребностей в сфере корпоративных отношений [5, с. 32].

Таким образом, совершенно очевидно, что сфера антисанкционного регулирования является динамичной. Это означает, что со временем перечень мер будет расширяться, сами меры будут видоизменяться, как будет изменяться и политическая ситуация в мире.

Список литературы:

1. Бутакова Я. Санкционные риски и договор: как обезопасить компанию // Юрист компании. 2022. URL: <https://www.law.ru/article/22599-sanktsionnye-riski-i-dogovor> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Левушкин А.Н. Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6-11.
3. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 – 18.
4. Левушкин А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 31.
5. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29 - 36;
6. Хасанова Э. Инструменты санкционного комплаенса для бизнеса // URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/instrumenty-sanktsionnogo-komplaensa-dlya-biznesa/> (дата обращения: 20.11.2025).

References:

1. Butaova Ya. Sanctions risks and the contract: how to secure the company // Lawyer of the company. 2022. URL: <https://www.law.ru/article/22599-sanktsionnye-riski-i-dogovor> (date of appeal: 11/20/2025).
2. Levushkin A.N. Application of certain methods of protecting corporate rights // Law and business. 2025. No. 3. pp. 6-11.
3. Levushkin A.N. Ensuring a balance of interests of majority and minority shareholders in corporate legal relations // Civil law. 2022. No. 6. pp. 14-18.
4. Levushkin A.N. Organizational business contracts in the system of norms of law of obligations and judicial practice // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 8. p. 31.
5. Levushkin A.N. Ensuring a balance of interests of citizens, entrepreneurs and public law entities as participants in investment legal relations in the securities market // Lawyer. 2022. No. 6. pp. 29-36;
6. Khasanova E. Tools of sanctions compliance for business // URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/instrumenty-sanktsionnogo-komplaensa-dlya-biznesa/> (date of access: 11/20/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1158

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПАТЕНТНЫМ ТРОЛЛИНГОМ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ CURRENT ISSUES OF PATENT TROLLING CONTROL: A GLOBAL CHALLENGE AND RUSSIAN REALITIES

КЛИМОВА Анна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедры гражданско-правовых дисциплин РГУ имени С.А. Есенина
390000, Россия, г. Рязань, ул. Семинарская, д.15.
E-mail: annaklimovva@mail.ru

ШЕРХОВ Рустам Русланович,

кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

KLIMOVA Anna Nikolaevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines
Ryazan State University named after S.A. Esenin
390000, Russia, Ryazan, Seminarskaya Street, 15.
E-mail: annaklimovva@mail.ru

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,

Candidate of Law
Russia, Moscow.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится комплексный анализ актуальной проблемы патентного троллинга как глобального вызова для инновационных экономик. Автор исследует сущность явления, заключающегося в злоупотреблении патентным правом с целью извлечения доходов через агрессивные судебные иски, а не разработку технологий. Основное внимание уделено сравнительному обзору стратегий и правовых механизмов противодействия, сложившихся в ключевых юрисдикциях: США, Европейском союзе и странах Азии. Выделены характерные особенности каждого подхода: административные процедуры пересмотра патентов и судебные реформы, превентивная политика и высокие стандарты экспертизы в, прагматичная защита производителей. Цель исследования сфокусирована на специфике и современных тенденциях борьбы с патентным троллингом в Российской Федерации. Анализируются эволюция судебной практики, законодательные инициативы последних лет, а также роль Роспатента в повышении качества экспертизы. Отдельно рассматриваются актуальные проблемы, такие как медлительность судебных процедур и вызовы, связанные с патентованием цифровых технологий. В заключении делается вывод о необходимости комплексного и адаптивного подхода, сочетающего ужесточение требований к патентоспособности, совершенствование процедур оспаривания и формирование судебной практики, пресекающей злоупотребления. Подчеркивается, что эффективное противодействие данному явлению является критически важным условием для развития здоровой конкурентной и инновационной среды в России.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the current problem of patent trolling as a global challenge for innovative economies. The author explores the essence of the phenomenon, which involves the abuse of patent law for the purpose of generating revenue through aggressive legal actions rather than the development of technologies. The article focuses on a comparative review of the strategies and legal mechanisms used to counter this phenomenon in key jurisdictions, including the United States, the European Union, and Asian countries. The article highlights the distinctive features of each approach, including administrative procedures for patent review and judicial reforms, preventive policies, and high standards of expertise, as well as the pragmatic protection of manufacturers. The purpose of the study is focused on the specifics and current trends of the fight against patent trolling in the Russian Federation. The evolution of judicial practice, legislative initiatives of recent years, and the role of Rospatent in improving the quality of expertise are analyzed. The article also addresses current issues such as the slowness of judicial procedures and the challenges associated with the patenting of digital technologies. The article concludes with a call for a comprehensive and adaptive approach that combines stricter requirements for patentability, improved procedures for challenging patents, and the development of judicial practices that prevent abuse. The article emphasizes that effectively addressing these issues is crucial for fostering a healthy competitive and innovative environment in Russia.

Ключевые слова: гражданское законодательство, патентный троллинг, судебные решения, патентное право, авторство, цифровизация.

Keywords: civil law, patent trolling, court decisions, patent law, authorship, digitalization.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. Вопросы использования фирменных наименований, логотипов и иных средств, индивидуализирующих товары, работы и услуги сегодня становятся проблемой не только местного масштаба. Несколько изменяет структуру подобных проблем изменения законодательной базы, которая узаконила новые виды объектов гражданских прав, в том числе касающихся интеллектуальной собственности. [1, с. 16]

Патентный троллинг (англ. «patenttrolling»), или деятельность недобросовестных патентных поверенных (Non-Practicing Entities – NPEs), представляет собой одну из наиболее острых и дискуссионных проблем современного интеллектуального права. В классическом понимании, патентный тролль — это лицо (чаще всего компания), которое не производит товары и не предоставляет услуги на основе принадлежащих ему патентов, а основным бизнесом которого является агрессивное предъявление исков о нарушении патентных прав, часто к добросовестным производителям. Цель — не защита инноваций, а извлечение прибыли через судебные разбирательства или досудебные угрозы, рассчитывая на то, что ответчику дешевле заплатить, чем вести длительную и дорогую тяжбу.

Целью исследования является выявление и анализ новейших тенденций в развитии авторского и патентного права России с учетом цифровизации гражданско-правовых отношений.

Методы. В исследовании применялись сравнительный метод, метод анализа действующего законодательства и другие.

Актуальность борьбы с патентным троллингом обусловлена его прямым негативным воздействием на инновационную экономику: он повышает транзакционные издержки, подавляет конкуренцию, отвлекает ресурсы на непродуктивные судебные споры и создает атмосферу правовой неопределенности. Подходы к решению этой проблемы в России и за рубежом существенно различаются, отражая уровень развития правовых институтов, судебной системы и национальные приоритеты.

Глобальный контекст борьбы с этим явлением составляет опыт США, Европы и Азии.

США исторически считались «раем» для патентных троллей. Этому способствовали особенности системы: широкие патентные формулы, практика выдачи патентов на программное обеспечение и бизнес-методы, а также правила о территориальности (разбирательство по патентным спорам может быть инициировано в любом федеральном округе, где продается продукт). Это привело к появлению «патентно-дружественных» округов, таких как Восточный округ Техаса, известных быстрыми сроками рассмотрения и высокой вероятностью решения в пользу истца.

Ключевые меры борьбы:

- Акт Америки («America Invents Act», AIA) 2011 г. ввел процедуры пост-грантового пересмотра (Inter Partes Review – IPR) в Патентном ведомстве США (USPTO). Это позволило оспаривать недействительность патента в административном порядке, что быстрее и дешевле суда. Это означает, в случае, когда конкурент считает выдачу патента на основе предыдущего уровня технической заинтересованности, то можно подать ходатайство для рассмотрения его недействительности. [2]

- Судебная практика Верховного суда США представила серию решений (например, Alice Corp. v. CLS Bank Int'l (2014)) ужесточила критерии патентоспособности абстрактных идей и программного обеспечения, сократив почву для злоупотреблений.[3]

- Реформа 2020-х годов продолжает дискуссию о законодательном ограничении практики, включая введение «английского правила» о возмещении судебных издержек проигравшей стороной, что является мощным сдерживающим фактором для NPEs.

Европейский Союз, в свою очередь, предлагает превентивный и сбалансированный подход. В Европе проблема стоит менее остро благодаря более строгим критериям патентоспособности (особенно для ПО), отсутствию единого патента ЕС (хотя Единый патентный суд (UPC) начинает работу) и практике возмещения значительных судебных издержек проигравшей стороной («costs follow the event»).

Ключевые меры борьбы сегодня состоят из следующих направлений.

Во-первых, это Директива о защите коммерческой тайны и практика «защитных писем». Компании активно используют превентивные меры, уведомляя суды о потенциальных исках троллей до их подачи.[4]

Во-вторых, направленность фокуса на качество патентов. Европейское патентное ведомство (EPO) известно тщательной экспертизой, что снижает количество «сомнительных» патентов.

В-третьих, действующий Единый патентный суд (UPC). Его создание несет как риски (единая точка атаки для троллей), так и возможности (унификация практики и повышение предсказуемости).

Что же касается Азиатского региона, то он несет в себе прагматизм и защиту производителей.

Китай ведет свое развитие в данном направлении, напоминая, что его патентная система исторически ориентирована на защиту национальных производителей. Китайские суды редко присуждают высокие компенсации по искам NPEs. При этом, активно развивается практика «патентных радаров» и создание собственных патентных портфелей компаниями в оборонительных целях.

Япония приняла ряд законодательных поправок, упрощающих для ответчиков сбор доказательств своей невиновности и оспаривание патентов. Активно поощряются мировые соглашения и досудебное урегулирование.

Российская специфика: становление механизмов противодействия несколько отличается, и, вместе с тем, старается вобрать в себя лучшие проявления мирового опыта в сфере борьбы с данным направлением правонарушений.

В России проблема патентного троллинга приобрела значимые масштабы в последнее десятилетие, особенно в сферах ПО, дизайна и утилитарных моделей. Российские «тролли» часто действуют по схожим схемам: регистрируют патент на очевидное решение или незначительное улучшение, выжидают его внедрения крупным игроком рынка, а затем предъявляют претензии.[5, с.2108]

Актуальные вопросы и меры борьбы в РФ:

1. Совершенствование патентной экспертизы. Главный вопрос — повышение качества выдачи патентов. Роспатент работает над ужесточением проверок на соответствие условиям патентоспособности («новизна», «изобретательский уровень», «промышленная применимость»). Критически важно исключить выдачу патентов на известные решения.

2. Судебная практика и проблема «презумпции действительности патента». Согласно ГК РФ, патент предполагается действительным до его оспаривания. Это дает троллям сильный козырь. Однако, арбитражные суды и Суд по интеллектуальным правам постепенно формируют практику, учитывающую злоупотребление правом.

Требование доказательства использования патента в собственном производстве для взыскания компенсации (хотя это прямо не закреплено в законе, суды все чаще учитывают этот фактор).

Применение ст. 10 ГК РФ о запрете злоупотребления правом к действиям, имеющим единственной целью причинение вреда другому лицу.

Снижение размера компенсаций в случаях, если суд усматривает признаки недобросовестности патентовладельца.

Однако, существующие примеры практики позволяют усомниться в действенности данных способов. Так, одному из предприятий г. Ря-

зани был предъявлен многомиллионный иск за использование патентованных наименований кондитерских изделий, которые предприятие выпускало в течение нескольких десятилетий. Оспорить иски требования не получилось.

3. Законодательные инициативы. В 2022-2023 гг. обсуждались и частично были приняты поправки, направленные на:

- упрощение процедуры досрочного прекращения патента за неуплату пошлин, чтобы «мертвые» патенты не могли использоваться для шантажа.

- введение ускоренных и более дешевых процедур оспаривания патентов в Роспатенте (аналог американского IPR).

- детализацию критерия «изобретательский уровень» для исключения патентования очевидных технических решений.

4. Оборонный патентный пул и кооперация бизнеса. Крупные российские IT-компании и производители начинают создавать общие оборонительные патентные портфели и делиться информацией о действиях известных троллей, что является эффективной мерой снижения рисков.

Несмотря на прогресс, ряд вопросов остаются открытыми проблемы, связанные со скоростью и стоимостью судебных разбирательств. Процесс оспаривания патента все еще долг и дорог, что играет на руку троллям.

Патентование в области цифровых технологий не решен на нужном авторам уровне. Быстрая эволюция сферы IoT, AI, Big Data требует постоянной адаптации подходов к экспертизе.

Российские компании, выходящие на глобальные рынки, сталкиваются с троллями за рубежом, и наоборот. Необходим обмен опытом и гармонизация подходов в рамках ЕАЭС и других интеграционных объединений.

Борьба с патентным троллингом — это комплексная задача, требующая синхронных усилий законодателя, патентного ведомства, судов и бизнес-сообщества. Мировой тренд движется от пассивной защиты к активному созданию среды, в которой злоупотребление патентным правом становится невыгодным и юридически рискованным. России необходимо продолжать адаптировать лучшие международные практики (как административные, так и судебные), сохраняя при этом баланс между защитой добросовестных правообладателей и недопущением подавления инновационной деятельности. Успех в этой борьбе станет одним из индикаторов зрелости национальной инновационной экосистемы и ее привлекательности для инвестиций.

Список литературы:

1. Ананьева Е.О., Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Гражданско-правовое регулирование вопросов цифровизации общества // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 14-18.
2. How the America Invents Act Changed Patent Law | PatentPC/ - [Электронный ресурс]. – URL: <https://patentpc.com/blog/how-the-america-invents-act-changed-patent-law> (дата обращения 04.12.2025).
3. Alice Corp. v. CLS Bank International – Wikipedia. - [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alice_Corp._v._CLS_Bank_International (дата обращения 04.12.2025).
4. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/943 от 08.06.2016 о защите конфиденциальных ноу-хау и деловой информации (коммерческой тайны) от незаконного приобретения, использования и раскрытия | ГАРАНТ. - [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/71615160/> (дата обращения 04.12.2025).
5. Ананьева Е.О. К вопросу патентного троллинга // Научный аспект. 2024. Т. 16. № 4. С. 2107-2111.

References:

1. Ananyeva E.O., Bondarenko A.V., Lukiyanov M.Yu. Civil Law Regulation of the Issues of Digitalization of Society // Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). Pp. 14-18.
2. How the America Invents Act Changed Patent Law | PatentPC/ - [Electronic resource]. – URL: <https://patentpc.com/blog/how-the-america-invents-act-changed-patent-law> (accessed on 04.12.2025).
3. Alice Corp. v. CLS Bank International – Wikipedia. - [Electronic resource]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alice_Corp._v._CLS_Bank_International (accessed on 04.12.2025).
4. Directive 2016/943 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on the protection of confidential know-how and business information (trade secrets) from unlawful acquisition, use and disclosure | GARANT. - [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/71615160/> (accessed on 04.12.2025).
5. Ananyeva E.O. On the issue of patent trolling // Scientific Aspect. 2024. Vol. 16. No. 4. Pp. 2107-2111.

К ПОНЯТИЮ ОБЪЕКТА ТОРГОВОГО ПРАВА TOWARDS THE CONCEPT OF AN OBJECT OF COMMERCIAL LAW

ПАНТЕЛЕЕВ Илья Леонидович,

соискатель кафедры коммерческого права и основ правоведения

Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.

ilp@grsc.ru

PANTELEEV Ilya Leonidovich,

Candidate of the Department of Commercial Law and Fundamentals of Jurisprudence

Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.

ilp@grsc.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме объекта торгового права. Сделаны выводы о том, что объектом торгового оборота является имущественное право (право требования добавленной стоимости). Рассмотрено соотношение объекта торгового права и объекта торгового оборота.

Abstract. This article is devoted to the problem of the object of commercial law. Conclusions are drawn that the object of trade turnover is property law (the right to claim added value). The relationship between the object of commercial law and the object of trade turnover is considered.

Ключевые слова: объект торгового права, объект торгового оборота, имущественное право, право требования добавленной стоимости.

Keywords: object of trade law, object of trade turnover, property law, the right to claim added value.

Для цитирования: Пантелеев И.Л. К понятию объекта торгового права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1161-1165. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1161.

For citation: Panteleev I.L. Towards the concept of an object of commercial law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1161-1165. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1161.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Эволюция частного права показала, что понятие объекта гражданских прав не может ограничиваться только вещами, так, помимо концепции «объект - вещь» появилась концепция «объект – действие». Активное развитие общества и экономики привело к тому, что всё чаще можно видеть попытки сформулировать универсальное понятие объекта гражданских прав через призму экономики [21], философии [19]. Однако, в случае с торговым правом мы видим, что до сих пор в учебной литературе основным объектом называют товар [15]. Казалось бы, наука торгового права должна быть «в первых рядах» тех, кто отказывается от концепции «объекта-вещи», но современные коммерциалисты будто до сих пор «весьма бережно обходят понятие объекта прав, избегая вовсе касаться его, или касаясь его лишь вскользь» [7]. Поэтому понятие основного объекта торгового права, понятие товара и по настоящее время схоже с теми, что выработал еще Н.И. Персесов («res corporales, как обособленные части внешнего материального мира») [18], А.Х. Гольмстен («в широком смысле - движимые вещи, включая ценные бумаги, предназначенные для продажи, а в узком смысле - движимые вещи, не включая ценные бумаги») [8], А.П. Башилов (движимые вещи, причем (а) имеющие рыночную ценность, (б) способные быть передаваемыми и (в) приобретаемые торговцем для перепродажи) [3]. А ведь еще Д.И. Азаревич пришел к выводу, что предметом торговли «могут быть как вещи телесные, так и бестелесные, права» [1]. Затем А.И. Каминка писал, что объектами торговым сделок является «все то, что имеет меновую стоимость, следовательно, и нематериальные блага, как например, кредит, фирма, права изобретателя» [13]. В определенном смысле компромиссное решение можно найти в трудах Г.Ф. Шершеневича, согласно которому «слово "товар" имеет двоякое значение, более широкое и более узкое: а) в первом случае под этим именем понимается все, что только способно быть предметом торговых сделок, следовательно не только движимые вещи, но и ценные бумаги, труд; б) во втором значении товаром называются материальные предметы торговых сделок, в противоположность другим объектам, особенно ценным бумагам» [25].

Признавая дуализм частного права [12], космополитизм [23] торгового права и его авангардный характер [9], мы полагаем, что подходы к пониманию основного объекта торгового права не просто устарели, но и не в полной мере являются верными.

Во-первых, еще Р. Саватье указывал: «реальные вещи выступают в юридической жизни только через посредство прав ... Имущество – это не реальное имущество, а имущественные права» [22], а В.М. Хвостов приходит к выводу, что под словом «res» в Древнем Риме понимались не сами вещи, а права на вещи [24]. В таком случае даже если речь идет об обороте товаров, то это в действительности означает, что объектом все же являются *права на товар*. Более того, поскольку торговые отношения – очевидно отношения имущественные, связанные с извлечением прибыли, то можно говорить, что *под правом на товар понимается имущественное право*.

В части правовой природы такого имущественного права отметим следующее. Коммерсант не заинтересован ни во владении, ни в пользовании товаром, поскольку целью для коммерсанта является перепродажа, а не извлечение полезных свойств. Очевидно, что коммерсант будет стремиться избежать любых рисков и бремени, связанных с товаром. Даже в случае с товарораспорядительными документами речь идет о распоряжении товаром, а вопрос владения товаром и извлечения из него полезных свойств вторичны. Встает вопрос о необходимости коммерсанту правомочия и по распоряжению. Так, при продаже будущей вещи продается право требования, а вещи в объективном смысле еще не существует, поэтому формально говоря нет и правомочия собственника, а значит и распоряжение такой вещью не происходит. Более того, торго-

вый оборот не обнимает и распорядительные сделки: товар может находиться на судне в море, но права на него передаются посредством вручения коносамента.

Для возможности ведения коммерческой деятельности важно лишь, чтобы у коммерсанта было имущественное право и была возможность его осуществлять и им распоряжаться. При этом такое имущественное право может быть еще не созревшим. В литературе существует многолетняя дискуссия о существовании права на право¹.

Во-вторых, в науке торгового права принято считать, что товар – это вещь, имеющая потребительскую и меновую стоимости. В свою очередь такие стоимости раскрываются через понятие блага или экономического блага. Соответственно, под первым понимается «лишь то, что обеспечивает полноту индивидуального или общественного бытия» [6], а под вторым – «такие блага², доступное распоряжению количество которых меньше надобности в них» [17]. Помимо концепции «объекта – вещи» существует ее в некотором смысле модификация: «объект – благо», когда объектом права является всякий субстрат – носитель стоимости, т.е. любая субстанция, служащая целям удовлетворения человеческих потребностей и интересов [4].

Приведенные рассуждения на данном этапе позволяют нам прийти к выводу, что в основе объекта торгового права должно лежать понятие блага, но благо – не обязательно вещь [5].

Таким образом, если и исходить из того, что объект торгового права – не более, чем разновидность объекта гражданского права, имеющего меновую стоимость, то ограничивать объект торгового права товарами (движимыми вещами, имеющими родовые признаки) будет неверно.

Из сказанного выше следует, что если на место товара поставить нечто иное, что является благом (экономическим благом), имеет меновую стоимость и что может быть пригодно для торгового оборота, то это нечто вполне может являться объектом торгового оборота. Формально, уж если наука торгового права «позаимствовала» у гражданского права вещь в качестве своего объекта, адаптировав ее для своих нужд, то с таким же успехом она могла бы и «позаимствовать» иные объекты гражданского права. Полагаем, что препятствий для этого не имеется, а польза от этого в первом приближении видится очевидной, поскольку позволяет расширить торговый оборот, более полно соответствовать реалиям.

Вместе с тем, описанное «заимствование» может привести к ограничению развития торгового права. Так, в работах А.В. Лапача и С.Ю. Филипповой, Н.В. Козловой можно найти подход, согласно которому явления реального мира могут являться объектами гражданских прав в том случае, если таковые допущены законом [14]. И если такое «патерналистское» ограничение вполне обосновано для гражданского права, то для торгового права целесообразно посмотреть на вопрос объектов права шире. Так, предполагается, что коммерсант является профессиональным участником торгового оборота, то есть его правам специальная (патерналистская) защита по общему правилу не требуется.

Еще не так давно торговля кислородом или углекислым газом казалась лишенной всякого смысла, однако, развитие медицины и пищевых производств обнаружили потребность в указанных объектах. После этого торговля воздухом казалась чем-то абсурдным. Но уже сейчас существует оборот углеродных единиц³. Представляется, что объектами торгового права могут быть любые имущественные права, кроме тех, которые обладают элементами, запрещенными или ограниченными публичным правопорядком.

Проиллюстрируем эту гипотезу на примерах.

Полагаем, что нет сомнений в том, что «движение» пастеризованного молока в потребительской таре от изготовителя к дистрибьютору, а далее – в розничную торговую сеть и затем к потребителю – это есть торговый оборот. А если заменить пакеты молока на учебник или на компакт-диск с записью какого-либо фильма (который не перешел в общественное достояние и права на которые не исчерпаны)? Очевидно, что и в таком случае будет иметь место торговый оборот, а значит, такие учебник или съемный носитель информации будут объектом торгового права. Однако, в случае с пакетом молока потребительская и меновая стоимости состоят непосредственно в молоке (пакете молока), то есть в вещи; в ситуации же с остальными примерами потребительская ценность состоит уже не в материальном носителе (если речь не идет о коллекционном издании). Учебник или компакт-диск не съешь, не оденешь, но меновая стоимость все также состоит в том, в чем объективирован во вне соответствующий результат интеллектуальной деятельности. Как известно, научно-технический прогресс не стоит на месте и все чаще издательства издают книги в электронном виде. Аналогичная ситуация и с фильмами. При этом в распространении книг в электронном виде продолжает участвовать торговый посредник. И если с книгами такой посредник, как правило, один, то в случае с фильмами их несколько (глобальный дистрибьютор и так называемый «онлайн-кинотеатр»). В терминологии торгового права во всех описанных случаях имеется изготовитель, один или несколько торговых посредников и потребитель. Где в таком случае границы торгового оборота? Если в них входит предоставление неисключительной лицензии, то следует признать, что натурально-вещественная форма существует не в течение всего «жизненного цикла» товара.

Как мы показали выше, одним из свойств объекта торгового права является наличие меновой стоимости, при этом потребительская ценность (стоимость) для коммерсанта значения не имеет, так как коммерсант не планирует «потреблять» товар, а равно не планирует каким-либо образом извлекать полезные свойства товара или удовлетворять посредством товара свои потребности (если не считать наличие меновой стоимости). Однако, в экономической теории сформировался несколько иной подход: «товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности» [16], то есть следовало бы признать наличие потребительской стоимости для товара обязательным свойством.

¹ См., например, Эннекерус Л. Курс Германского гражданского права. Т. I. Полутон I. М., 1949; Груздев В.В. Институт вещных прав и концепция "право на имущественное право" // Законодательство и экономика. 2006. N 12. С. 31; Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М.: Статут, 2005. С. 19

² то, посредством чего удовлетворяются потребности человека.

³ например, см. ст. 11 Федерального закона от 02.07.2021 N 296-ФЗ "Об ограничении выбросов парниковых газов"

Вместе с тем, немецкие классики, применимо к имуществу (то есть скорее к объекту гражданского права) давали следующие определения: «круг юридической власти известного лица на блага, имеющие денежную цену» [20] и «совокупность имеющих денежную ценность прав лица» [11]. То есть меновая стоимость может быть присуща и объектам гражданского права.

Указанное наводит нас на мысль, что потребительская и (или) меновая стоимости не могут быть квалифицирующими признаками для объекта торгового права, и, как следствие, это приводит к стиранию границ между объектами торгового и гражданского права.

Означает ли это отсутствие границ между объектом гражданского права и объектом торгового права. Для ответа на этот вопрос мы полагаем необходимым обратиться к предмету посреднических и реализационных договоров, формирующих основу торгового оборота.

Что является объектом при рассмотрении коммерческой комиссии? Если предположить, что это товар, то стоит отметить, что комиссионер не только никогда не является собственником товара, но и при признании теории распорядительных сделок – не распоряжается товаром, а лишь совершает обязательственную сделку. В таком случае в торговом обороте появляется посредник, которому индифферентна меновая стоимость объекта торгового права. Его интерес состоит исключительно в разнице между ценой приобретения и ценой продажи товара или в своем вознаграждении.

В случае же договора поставки коммерсант-поставщик вправе требовать исполнения денежного обязательства, а коммерсант-покупатель – передачи ему чего-либо. Очевидно, что в первом случае размер денежного обязательства содержит выгоду (прибыль) коммерсанта, а во втором случае – коммерсант будет стремиться к тому, чтобы к моменту, когда у него возникнет право требования передачи ему объекта права, либо когда наступит срок исполнения его денежного обязательства, то он имел бы встречное денежное обязательство уже своего покупателя за передачу такому покупателю того же самого объекта прав... либо, чтобы он имел право в одностороннем порядке отказаться от своей обязанности. Так, ст. 310 ГК РФ предусматривает, что коммерсант в случае, когда это предусмотрено договором, вправе в одностороннем и внесудебном порядке отказаться от исполнения обязательства с выплатой своему контрагенту – коммерсанту денежной суммы или без таковой. При этом предполагается, что базово, такое положение является нормальным¹. Полагаем, что в таком случае изначальное право требования «очищается» и остается только право на прибыль (добавленная стоимость).

Описанное выше показывает, что цельное обязательство (под которым понимается собственно обязательство по передаче вещи и прав требования добавленной стоимости) в реализационных и посреднических договорах для коммерсанта не представляет интерес. Обычно, коммерсант планирует свои сделки таким образом, чтобы по ним получить прибыль (превышение доходов над расходами). По смыслу ст. 15 ГК РФ защите подлежит и право исправного кредитора на упущенную выгоду, под которой помимо прочего понимается неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было². Здесь можно было бы возразить, что понятие упущенной выгоды не включает прибыль (несмотря на то, что российскому законодательству термин «прибыль» знаком – см. ст. 50 ГК РФ), а доходом являются любые поступления денежных средств (даже при ненадлежащем исполнении обязательств). Однако же сам по себе термин «упущенная выгода» предполагает наличие именно выгоды. Таким образом, у коммерсанта есть возможность выбора защиты своего права: понуждать своего контрагента к исполнению договора или сразу требовать только лишь «конечный» результат от реализации договора.

Указанное позволяет нам прийти к выводу, что в коммерческих правоотношениях право требования является составным: помимо собственно действия имеется также и право требования прибыли. И, принимая во внимание, что законный интерес коммерсанта направлен на получение прибыли, можно предположить, что объектом торгового права в реализационных и посреднических договорах является только право требования прибыли, а точнее добавленной стоимости. При этом добавленная стоимость – есть внешний по отношению к правоотношению элемент. В данном случае значение для квалификации сделки как относящейся к торговому обороту имеет не количественная оценка добавленной стоимости или механика ее расчета, а воля субъекта на ее получение. Предложенный подход позволяет отринуть сугубо экономические вопросы о порядке образования прибыли и ее размере.

Вместе с тем, в практике мы нередко наблюдали случаи, когда в результате исполнения конкретной сделки право требования добавленной стоимости не наблюдалось. Например, товар реализуется перед истечением срока по цене приобретения, чтобы хотя бы таким образом избежать убытков. В связи с этим отметим следующее. Поскольку целью деятельности коммерсанта является извлечение прибыли, то и сама прибыль определяется по субъекту в целом, а не по отдельной сделке или по совокупности сделок между одними и теми же субъектами. При этом следует признать, что ожидаемым поведением добросовестного и разумного коммерсанта было бы стремление к совершению максимального количества сделок, когда каждая из них является прибыльной; отступление же является исключением и во всяком случае должно быть экономически обоснованным. Однако, здесь можно выявить следующую проблему: можно ли считать коммерческой деятельностью коммерсанта, когда он с целью выхода на новые рынки или работы с определенными контрагентами в маркетинговых целях длительное время совершает заведомо убыточные сделки, ожидая, что это позволит в перспективе достичь ему своей цели? Полагаем, что обоснованным является следующее решение: убыточные сделки допустимы до того момента, пока коммерсант не начинает обладать признаками объективного банкротства, при условии предварительного наличия бизнес-плана, обосновывающего получение коммерсантом прибыли ранее возникновения у него указанных признаков банкротства. Также могут существовать ситуации, когда государство различными механизмами осуществляет регулирование цен, в результате чего деятельность коммерсанта заведомо не может быть прибыльной. Однако, поскольку торговое право – есть подотрасль права частного, для которого характерны свобода договора и автономия воли, то заведомо убыточные сделки, предписанные коммерсанту публичным

¹ п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54

² п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25

правопорядком, не могут входить в торговый оборот, а поэтому их регулирование совершается по иным правилам.

Отсутствие права требования добавленной стоимости по конкретной торговой сделке может быть обусловлено следующим:

а) вторжение публичного правопорядка в частноправовые отношения путем субсидирования изготовителя, посредника или потребителя, что в действительности не исключает наличие добавленной стоимости,

б) вторжение публичного правопорядка в частноправовые отношения путем регулирования цен на отдельные товары, но тогда такие отношения перестают быть торговыми, так как отсутствует автономия воли участников. Но даже в таком случае, как указывал В.М. Гордон, такое вторжение затрагивает лишь отдельные правоотношения [9],

в) регулирование цен на все товары (например, в коммунистическом обществе). В таком случае следует признать отсутствие торгового оборота (оборот существует, но не торговый), а поэтому и вопрос объекта торгового права не может иметь никакого значения.

Рассмотрим соотношение объекта торгового права и объекта торгового оборота.

Современная наука торгового права исходит из того, что деятельность коммерсанта обнимает не только собственно торговый оборот, но и обеспечение деятельности коммерсанта, а отсюда объект торгового права обнимает объект торгового оборота и иные объекты, полностью заимствованные из гражданского права (работы, услуги).

Поскольку целью деятельности коммерсанта является извлечение прибыли, то достижению такой цели могут служить только реализационные и посреднические договоры, так как посредством таких договоров формируется доход коммерсанта, иные же договоры опосредуют его расходы. Вместе с тем, торговое право обнимает также и договоры, содействующие торговле, организационные договоры. В связи с этим возникает вопрос: подобно тому, как один и тот же реализационный договор для продавца опосредует доходы, а для покупателя – расходы, то и, например, договор страхования или договор хранения для страховщика и хранителя опосредует доходы. Вместе с тем, правоотношения, основанные на таких договорах, не входят в торговый оборот в силу существа торгового оборота (но обнимаются торговым правом).

Из сказанного следует, что торговый оборот основывается только на реализационных и посреднических договорах. Иные же договоры (то есть договоры, содействующие торговле, организационные договоры) в торговый оборот не входят, но, как было указано выше, обнимаются торговым правом. Отсюда мы также можем прийти к выводу, что сделанный нами ранее вывод следует конкретизировать, определив, что право требования добавленной стоимости является объектом торгового оборота, а не торгового права в целом.

Таким образом, следует выделять объект торгового оборота и объект торгового права, причем второй обнимает первый. При этом под объектом торгового оборота правильнее понимать не товар, а имущественное право (причем то, на что направлено такое имущественное право значения не имеет), более того – право требования добавленной стоимости. Такое понимание объекта торгового права позволяет избежать ситуаций, когда право «не успевает» за динамично развивающимся миром, что влечет за собой правовую неопределенность, сдерживание развитие бизнеса, а также риски признания незаключенными договоров в отношении так называемых новых объектов.

Список литературы:

1. Азаревич Д.И. Очерки по торговому праву. Выпуск 1.- Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1897
2. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М.: Статут, 2005
3. Башилов А. П. Русское торговое право. Выпуск I (практический курс по лекциям). - С.-Петербург, типография А. С. Суворина, 1887
4. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: Содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2024
6. Ветютнев Ю. Ю. Идея блага и ее отражение в современном праве // Правоведение. 2012. № 6
7. Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник права: Журнал Санкт-Петербургского юрид. об-ва, 1905
8. Гольмстен А. Х. Очерки по русскому торговому праву. Выпуск 1. - С.-Петербург, типография Д. В. Чичипадзе, 1895
9. Гордон В.М. Дух законов торговых. Харьков, 1924
10. Груздев В.В. Институт вещных прав и концепция "право на имущественное право" // Законодательство и экономика. 2006. N 12
11. Дерибург Г. Пандекты. Т. 1. Общая часть. М.: Университет. тип., 1906
12. Заичева В.В. Общая характеристика источников гражданского и торгового права капиталистических государств. М., 1973
13. Каминка А.И. Очерки торгового права. 1911
14. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Основы гражданских прав: основы авторской концепции. М.: Статут, 2025
15. Коммерческое право: учебник для вузов / под общей редакцией Е. А. Абросимовой, В. А. Белова, Б. И. Пугинского. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025
16. Маркс К. Капитал. – М.: АСТ, 2024
17. Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005
18. Нерсесов Н.О. Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву. — Посмертное изд., испр. и доп. А.Г. Гусаковым. - Москва: Типография «Рассвет», 1896
19. Объекты гражданских прав: учебник для вузов / А. О. Иншакова [и др.]; ответственные редакторы А. О. Иншакова, А. Я. Рыженков. — М.: Юрайт, 2025
20. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1897
21. Рыбалов А.О. Экономические блага и гражданский оборот // Объекты гражданского оборота: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. докт. юрид. наук М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007
22. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. М.: Прогресс, 1972
23. Удинцев В.А. История обособления торгового права / / [Соч.] Проф. В.А. Удинцева. — Киев : тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1900
24. Хвостов В.М. Система римского права. М.: Спарк, 1996
25. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года). М.: Спарк, 1994
26. Эннексерус Л. Курс Германского гражданского права. Т. I. Полутом I. М., 1949

References:

1. Azarevich D.I. Essays on trade law. Issue 1. Warsaw: Printing House of the Warsaw Educational District, 1897
2. Baibak V.V. Mandatory requirement as an object of civil turnover. Moscow: Statute, 2005
3. Bashilov A. P. Russian commercial law. Issue I (practical course on lectures). - St. Petersburg, printing house of A. S. Suvorin, 1887
4. Belov V.A. The object of subjective civil law, the object of civil law relations and the object of civil turnover: The content and correlation of concepts // Objects of civil turnover: A collection of articles / Author's col. and ed. of the doctor. jurid. Sciences M.A. Rozhkova. – M.: Statute, 2007
5. Baudrillard J. Consumer Society. Moscow: AST, 2024

6. Vetyutnev Yu. The idea of the good and its reflection in modern law // Jurisprudence. 2012. № 6
7. Grimm D.D. On the doctrine of objects of rights // Bulletin of Law: Journal of St. Petersburg Law. the region, 1905
8. Golmsten A. H. Essays on Russian commercial law. Issue 1. St. Petersburg, printing house of D. V. Chichipadze, 1895
9. Gordon V.M. The spirit of trade laws. Kharkov, 1924
10. Gruzdev V.V. Institute of property rights and the concept of "the right to property law" // Legislation and Economics. 2006. N 12
11. Dernburg, Pandekty. Vol. 1. General part. Moscow: University. type., 1906
12. Zaitseva V.V. General characteristics of the sources of civil and commercial law of capitalist states. Moscow, 1973
13. Kaminka A.I. Essays on commercial law. 1911
14. Kozlova N.V., Filippova S.Y. Fundamentals of civil rights: fundamentals of the author's concept. Moscow: Statute, 2025
15. Commercial law: a textbook for universities / edited by E. A. Abrosimova, V. A. Belov, B. I. Puginsky. — 7th ed., revised and additional — M.: Yurait, 2025
16. K. Marx. Kapital. Moscow: AST, 2024
17. Menger K. Foundations of political economy // K. Menger. Selected works. Moscow: Territory of the Future, 2005
18. Nersesov N.O. A short course of lectures on trade and promissory note law. Posthumous ed., ispr. and add. by A.G. Gusakov. M.: Printing house "Rassvet", 1896
19. Objects of civil rights: a textbook for universities / A. O. Inshakova [et al.]; responsible editors A. O. Inshakova, A. Ya. Ryzhenkov. Moscow: Yurait, 2025
20. Regelsberger F. The general doctrine of law. Moscow: Type. I.D. Sytina, 1897
21. Rybalov A.O. Economic benefits and civil turnover // Objects of civil turnover: Collection of articles / Author's col. and editor's ed. doc. jurid. Sciences M.A. Rozhko-
va. — M.: Statute, 2007
22. Savatier R. Theory of obligations. A legal and economic essay. Moscow: Progress, 1972
23. Udintsev V.A. The history of the separation of commercial law // [Soch.] Prof. Vs.A. Udintseva. — Kiev : type. Imp. St. Vladimir N.T. Korchak-Novitsky University,
1900
24. Khvostov V.M. The system of Roman law. Moscow: Spark, 1996
25. Shereshenevich G.F. Textbook of commercial law (based on the 1914 edition). Moscow: Spark, 1994
26. Ennekzerus L. Course of German civil law. Vol. I. Polutom I. M., 1949

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ ДЛЯ НУЖД УИС STATE PURCHASES FOR THE NEEDS OF THE EXECUTIVE OFFICE

КУРБАТОВА Галина Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

KURBATOVA Galina Vasilievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.

E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье раскрываются особенности процедуры государственных закупок для нужд уголовно-исполнительной системы РФ, рассматриваются свойственные данной процедуре проблемные аспекты, недостатки и сложности, снижающие эффективность закупочной деятельности, анализируются возможные направления совершенствования государственных закупок, формулируются предложения, направленные на решение имеющихся проблем.

Abstract: The article reveals the specifics of the public procurement procedure for the needs of the penal system of the Russian Federation, examines the problematic aspects inherent in this procedure, shortcomings and difficulties that reduce the effectiveness of procurement activities, analyzes possible areas for improving public procurement, and formulates proposals aimed at solving existing problems.

Ключевые слова: государственные закупки, контракты, уголовно-исполнительная система, эффективность, проблемы, перспективы.

Key words: government procurement, contracts, penal system, efficiency, problems, prospects.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации (далее по тексту – УИС РФ) выполняет ряд важнейших функций и заслуженно занимает одно из фундаментальных мест в системе органов государственной власти. Одной из первостепенных задач УИС РФ является ресоциализация осужденных. Чтобы выполнять возложенные функции, эффективно и полноценно решать поставленные государством и обществом задачи УИС РФ должна своевременно и в полной мере получать необходимое материально-техническое обеспечение. В условиях современной социально-правовой действительности основным механизмом получения необходимых товаров, работ и услуг для органов и организаций подобного типа являются государственные закупки.

Государственные закупки для нужд УИС РФ — это сложный и многоуровневый процесс, требующий особого подхода к планированию, организации и контролю исполнения контрактов. Рамочное федеральное законодательство, а также ведомственные регламенты и инструкции формируют нормативную базу закупочной деятельности, обеспечивая прозрачность, открытость и справедливую конкуренцию среди поставщиков. В то же время, закупки для учреждений УИС РФ имеют свои специфические особенности, обусловленные особым правовым статусом, требованиями безопасности, необходимостью учёта режима содержания осужденных и особенностей внутренней производственной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования государственных закупок в системе УИС для повышения их эффективности, минимизации коррупционных рисков и обеспечения оптимального расходования бюджетных средств. Анализ специфики закупочных процедур, выявление проблем и поиск путей их решения позволяют повысить качество снабжения пенитенциарных учреждений, обеспечить бесперебойную работу, соблюдение социальных стандартов и защиту интересов государства.

Цель исследования. Проанализировать правовые, организационные и экономические аспекты государственных закупок для нужд УИС РФ, выявить основные проблемы и сформулировать предложения, направленные на оптимизацию закупочных процедур с учетом современных требований к прозрачности, эффективности и безопасности.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся описательный метод и метод анализа. Посредством метода анализа изучались проблемы, свойственные закупочной деятельности для нужд УИС РФ на современном этапе развития. А посредством описательного метода были изучены основные меры совершенствования государственных закупок для нужд УИС РФ и перспективы развития данной сферы деятельности.

Государственные закупки для нужд УИС РФ регулируются обширной системой федеральных законов и иных нормативных актов. Ключевыми законами, определяющими правила закупочной деятельности, являются Федеральный закон №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и Федеральный закон №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Помимо них, деятельность УИС РФ основана на ведомственных инструкциях и приказах ФСИН РФ, устанавливающих порядок взаимодействия между структурными подразделениями, требования к безопасности, контролю и организации снабжения. Важную роль играют подзаконные акты, актуализированные в зависимости от изменений законодательства и возникающих особенностей функционирования учреждений.

Согласно имеющимся сведениям, УИС РФ на протяжении длительного периода времени входит в десятку крупнейших федеральных заказчиков [2, с. 414]. Государственные закупки для нужд УИС РФ отличаются от закупок для иных категорий государственных заказчиков рядом

особенностей. Во-первых, УИС РФ является системой с особыми режимными объектами, что диктует повышенные требования к безопасности при выборе поставщиков, организации поставок и контроле над перемещением товаров и персонала на территорию учреждений. Во-вторых, перечень закупаемых товаров и услуг для УИС РФ включает широкий спектр позиций: продукты питания, медикаменты, спецодежду, оборудование для производственных цехов, материально-технические ресурсы, а также услуги по содержанию и ремонту инфраструктуры. Закупочные процедуры для учреждений УИС РФ нередко сопровождаются строгими ограничениями, связанными с необходимостью соблюдения режима секретности, недопустимостью контактов с неблагонадежными поставщиками, и действием так называемой «черной метки» для организаций, нарушивших требования федерального законодательства. Кроме того, специфика снабжения связана с учетом внутреннего производства, осуществляемого в исправительных учреждениях с привлечением труда осужденных, что требует особого подхода к планированию и учёту. Все вышеизложенные обстоятельства и особенности существенным образом осложняют и без того непростую и многоступенчатую процедуру государственных закупок.

В процессе обеспечения нужд УИС РФ регламентируется не только сама процедура проведения закупки, а также ее нормирование, правовой статус участников, с учетом ведомственной специфики, порядок заключения, исполнения и расторжения государственных контрактов, способы защиты, обеспечения добросовестной конкуренции и оценки объектов закупки, формирования доходов и осуществления расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и др. Процесс организации и проведения государственных закупок для учреждений УИС РФ включает несколько этапов: определение потребности, формирование и утверждение плана закупок, подготовка конкурсной документации, выбор способа закупки (конкурентные и неконкурентные процедуры), анализ рыночных предложений, проведение торгов (аукционы, конкурсы и др.), заключение и исполнение контракта, контроль качества поставленных товаров и оказания услуг. Особое внимание в УИС РФ уделяется организации коллективной работы с заявками: учет лимитов бюджетных обязательств, согласование планов с руководством ФСИН РФ, экспертиза технических заданий. Подразделения УИС РФ обязаны обеспечивать прозрачность, своевременность и обоснованность закупок, что достигается за счет автоматизации процедур, стандартизации документации, а также строгого внутреннего и внешнего контроля [1, с. 98].

На сегодняшний день в области закупочной деятельности в учреждениях УИС РФ имеется множество проблемных вопросов. Одним из них является недостаточное планирование и прогнозирование потребностей. В учреждениях УИС РФ нередко отсутствуют современные аналитические инструменты и стандартизированные процессы анализа статистики прошлых периодов и прогнозирования потребностей. Отсутствие четкого и долгосрочного планирования закупок приводит к неэффективному использованию бюджетных средств, закупке ненужных товаров и услуг, а также к срыву сроков выполнения работ. Недостаточное прогнозирование потребностей, особенно в условиях меняющейся демографической ситуации и реформирования УИС РФ, приводит к дефициту необходимых ресурсов.

Другой проблемой являются риски коррупционных проявлений, связанные с предвзятостью в отборе поставщиков и завышением стоимости товаров и услуг, несмотря на наличие электронных торговых площадок. Фактически коррупционные риски в закупочной деятельности заключаются в том, что ответственные должностные лица могут использовать свои полномочия в личных или корыстных интересах вместо того, чтобы действовать максимально эффективно и прозрачно в интересах государства и нужд учреждений УИС РФ. Размытые или чрезмерно специфичные требования к участникам, прописанные под конкретного поставщика, позволяют отсеять недорогих и более эффективных претендентов. Такие риски приводят к нарушению законности, появлению неэффективных расходов, потере доверия общества и снижению качества функционирования системы.

Сложность и излишняя бюрократизация процедур также является серьезной проблемой. Бюрократизация закупочных процедур выражается в излишней сложности, формализме, многоступенчатости и затянутости процесса подготовки, согласования и проведения закупок. В результате требуется чрезмерное количество документов, согласований, проверок и взаимодействий между различными подразделениями и органами власти. Это зачастую приводит к замедлению закупочного процесса, снижению гибкости и затруднениям в оперативном реагировании на реально возникающие нужды учреждений УИС РФ. Увеличение рисков личной ответственности за любые нарушения в закупочной деятельности вынуждает сотрудников «перестраховываться» и максимально формализовывать процесс.

Во многих учреждениях УИС РФ до сих пор отсутствует автоматизация и цифровизация, что связано с необходимостью составлять, хранить и пересылать большое количество бумажных документов. Данная проблема влияет не только на излишний рост бюрократии, увеличение сроков обработки и подписания документов, но и на эффективность контроля над исполнением контрактов, отслеживание факта поставки на находящиеся под охраной объекты. Ввиду недостаточности автоматизации, уследить и проконтролировать ход и этапы исполнения контрактов достаточно сложно. Для достижения эффективности контроля должны быть созданы соответствующие условия, отвечающие современным реалиям.

Не стоит забывать, что для организации эффективной закупочной деятельности для нужд УИС РФ в современных реалиях требуются не только технические средства, инструменты и автоматизация, но и квалифицированные кадры. В настоящий момент в этом отношении наблюдается существенный дефицит и кадровый голод. Квалифицированный специалист по закупочной деятельности должен обладать знаниями в области законодательства, экономики и специфики деятельности УИС РФ, знать особенности организации и осуществления закупочной деятельности в пенитенциарной системе. Найти подобного специалиста на рынке труда крайне сложно. Ввиду отсутствия подходящих кандидатов, зачастую данную должность занимают неподготовленные сотрудники, что приводит к ошибкам при проведении закупок, несоблюдению требований законодательства, нарушению прав поставщиков, неэффективному использованию бюджетных средств и прочим негативным последствиям [3, с. 288].

Помимо вышеизложенного, существует также проблема ограниченного круга поставщиков, следствием которой является проблема низкого качества поставляемой продукции. Несмотря на наличие различных предложений на рынке поставщиков, далеко не все из них готовы работать с учреждениями УИС РФ по различным причинам, одной из которых является сложная процедура заключения и исполнения контрактных обязательств, обусловленная спецификой деятельности УИС РФ. Ограниченный круг поставщиков приводит к снижению конкуренции, которая обуславливает повышение цен и ухудшение качества поставляемых товаров, работ и услуг. Поэтому даже в условиях надлежащего контроля в сфере закупочной деятельности в отдельных учреждениях УИС РФ приходится иметь дело с негативными последствиями низкой конкуренции на рынке поставщиков и довольствоваться теми, кто согласен работать с УИС РФ.

Применительно к некоторым из описанных выше проблем наблюдается положительная динамика в сторону позитивных изменений. В последние годы наблюдается активное внедрение цифровых технологий в процессы организации и сопровождения государственных закупок, что не миновало и УИС РФ. Применение Единой информационной системы (ЕИС), электронных торговых площадок, интеграция систем управления с внутренними учетными платформами ФСИН позволяет повысить прозрачность и подконтрольность закупочных процедур, ускорить обработку заявок и согласование планов закупок, рационализировать расходование бюджетных средств с помощью автоматизированное сравнение ценовых предложений и статистический анализ, наладить и структурировать процессы планирования, контроля и отчетности за исполнением государственных контрактов.

Безусловно, все вышеуказанные изменения наблюдаются не повсеместно, а в отдельных учреждениях УИС РФ, как правило, приближенных к федеральному центру и обеспеченных стабильным финансированием. Поэтому аналогичные процессы следует развивать совокупно во всех пенитенциарных учреждениях. Помимо финансирования для этого требуется дополнительное обучение и подготовка персонала (возможно путем создания специального направления образовательной деятельности в профильных учебных заведениях ФСИН РФ), обеспечение защиты информации, техническое переоснащение и модернизация ряда пенитенциарных учреждений, находящихся в удаленных регионах.

Кроме того, следует задуматься о повышении привлекательности заключения государственных контрактов с учреждениями УИС РФ для поставщиков с целью расширения их круга и повышения конкуренции. Сделать это можно посредством снижения бюрократии, упрощения процедуры, создания дополнительных преимуществ и привилегий со стороны государства. Не стоит забывать о необходимости повышения прозрачности и контроля за закупочной деятельностью. Наиболее верным решением, на наш взгляд, является создание независимого органа контроля за закупками. Этот орган должен обладать полномочиями для проведения проверок и привлечения к ответственности за нарушения. Как отмечается, «осуществление закупки: планирование, проведение экспертизы НМЦК и проверки документации, определение поставщика (подрядчика, исполнителя) дает полное представление о деятельности заказчиков в сфере закупок». Таким образом, наличие такого органа позволит более эффективно контролировать все этапы закупок – от планирования до выбора исполнителя.

Заключение. Проведенное исследование позволило подтвердить тезис о том, что закупочная деятельность для нужд УИС РФ – крайне важная сфера, от процесса организации и осуществления которой зависит эффективность функционирования пенитенциарных учреждений, достижение поставленных перед УИС РФ целей, в том числе – ресоциализация осужденных. В процессе анализа был выявлен ряд проблем, однако их общее количество не исчерпывается рамками настоящего исследования. Решение современных проблем при осуществлении закупок в учреждениях УИС РФ требует комплексного и системного подхода. Основные направления совершенствования и решения накопившихся проблем лежат в плоскости изменения действующего законодательства, снижения коррупционных рисков, повышения качества и изменения подхода к контрольно-надзорной деятельности, подготовки квалифицированных кадров, внедрения современных технологий и автоматизации закупочной деятельности, развития конкуренции среди поставщиков, обеспечения прозрачности, совершенствования инфраструктуры, повышения и стабильности финансирования. Важно помнить, что эффективная система закупок является ключевым фактором стабильного функционирования уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

1. Кабирова Г.И., Хайдаров А.И. Участие учреждений и предприятий уголовно-исполнительной системы в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // *Аграрное и земельное право*. 2023. № 10(226). С. 97-100.
2. Шкиль Н.А. Проблемные вопросы закупочной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // *Экономика и социум*. 2022. № 1 (92)-2. С. 413-422.
3. Якименко Т.Н. Современные проблемы при осуществлении закупок в органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Вестник науки*. 2025. № 10 (91). С. 285-293.

References:

1. Kabirova G.I., Khaidarov A.I. Participation of Institutions and Enterprises of the Penal System in the Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs // *Agrarian and Land Law*. 2023. No. 10 (226). Pp. 97-100.
2. Shkil N.A. Problematic Issues of Procurement Activities in Institutions of the Penal System // *Economy and Society*. 2022. No. 1 (92)-2. Pp. 413-422.
3. Yakimenko T.N. Current Problems in Procurement in the Institutions of the Penal System of the Russian Federation // *Science Herald*. 2025. No. 10 (91). Pp. 285-293.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ТОРГОВО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ON THE LEGAL STATUS OF TRADE AND LOGISTICS CENTERS

МУТАЛИЕВА Аза Абукаровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.
677013, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 48.
mutalievaaza@mail.ru

MUTALIEVA Aza Abukarovna,

PhD in Law, associate professor of Department of civil law and civil process, North-Eastern Federal University, Yakutsk.
48 Kulakovskiy str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677013, Russia.
mutalievaaza@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена анализу правового положения торгово-логистических центров (ТЛЦ) в Арктической зоне Российской Федерации. Автор констатирует стратегическую роль ТЛЦ в обеспечении продовольственной безопасности и устойчивого развития арктических территорий, что подтверждается положениями ключевых стратегических документов на федеральном и региональном уровнях, в частности, на примере Республики Саха (Якутия). В работе выявлены существенные пробелы и противоречия в современном нормативно-правовом регулировании. Основное внимание уделяется отсутствию легального определения ТЛЦ в Федеральном законе «О северном завозе», а также правовой неопределенности, связанной с их включением в опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры. Отдельно рассматривается проблема отсутствия правового статуса уполномоченного наземного оператора северного завоза. На основе сравнительного анализа с правовым регулированием единого морского оператора автор формулирует конкретные предложения по совершенствованию законодательства, включающие введение понятий «торгово-логистический центр» и «единый наземный оператор», разработку типового положения о ТЛЦ и закрепление мер государственной поддержки. Цель предлагаемых мер – создание единого правового поля для эффективного функционирования сети ТЛЦ в Арктике.

Abstract: The article analyzes the legal status of trade and logistics centers (TLCs) in the Arctic Zone of the Russian Federation. The author emphasizes the strategic role of TLCs in ensuring food security and the sustainable development of Arctic territories, which is confirmed by the provisions of key strategic documents at the federal and regional levels, using the Republic of Sakha (Yakutia) as an example. The study identifies significant gaps and contradictions in the current regulatory framework. The primary focus is on the absence of a legal definition of TLCs in the Federal Law "On Northern Delivery" and the legal uncertainty regarding their inclusion in the core network of northern delivery transport and logistics infrastructure. The problem of the lack of a legal status for an authorized land operator of northern delivery is separately examined. Based on a comparative analysis with the legal regulation of the unified maritime operator, the author formulates specific proposals for improving legislation. These include introducing the concepts of "trade and logistics center" and "unified land operator," developing a model regulation on TLCs, and establishing measures for state support. The proposed measures aim to create a unified legal framework for the effective operation of the TLC network in the Arctic.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, северный завоз, торгово-логистические центры, объекты транспортно-логистической инфраструктуры, единый морской оператор северного завоза, единый наземный оператор северного завоза

Keywords: Arctic Zone of the Russian Federation, Northern delivery, Trade and logistics centers, Transport and logistics infrastructure facilities, Unified maritime operator of northern delivery, Unified land operator of northern delivery

Финансирование: Работа выполнена в рамках НИР «Совершенствование нормативно-правового регулирования обеспечения продовольственными товарами в Арктической зоне Республики Саха (Якутия)» по государственному контракту № 16-ОК от 18.08.2025 г., Заказчик Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия)

Funding: Research was carried out as part of the research project "Improvement of Legal Regulation for the Supply of Food Products in the Arctic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia)" under State Contract No. 16-OK dated August 18, 2025. The Customer is the Ministry for the Development of the Arctic and Affairs of the Peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia).

Статья поступила в редакцию: 09.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Арктическая зона Российской Федерации представляет собой стратегически важный регион, играющий ключевую роль в обеспечении национальной безопасности и продовольственной устойчивости страны. Экстремальные климатические условия, высокая удаленность населенных пунктов и ограниченные транспортные возможности определяют особую значимость вопросов продовольственного снабжения.

В этих условиях создание и развитие торгово-логистических центров (далее - ТЛЦ) становится одной из ключевых задач государственной политики в сфере продовольственного обеспечения Арктики. ТЛЦ обеспечивают формирование и хранение продовольственных запасов, их доставку и распределение по труднодоступным территориям, а также позволяют оптимизировать процессы северного завоза. Эффективная реализация этих задач требует комплексного и четкого нормативно-правового регулирования.

1. В первую очередь необходимо отметить, что на сегодняшний день, действующее российское законодательство, в том числе Федеральный закон от 04.08.2023 N 411-ФЗ «О северном завозе» (далее – Закон № 411-ФЗ) не содержит легального определения понятия торгово-логистических центров [1].

При этом, правовой базой для формирования торгово-логистической инфраструктуры в Арктике на федеральном уровне служит «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», утвержденная Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645 [2].

В Стратегии закреплён дифференцированный подход к развитию арктических территорий, что предполагает адаптацию её положений в стратегиях и программах конкретных субъектов РФ и муниципальных образований.

На примере Республики Саха (Якутия) реализации положений Стратегии выразилась в том, что создание сети торгово-логистических центров определено как одно из практических направлений реализации государственной стратегии на региональном уровне, функциональное

назначение которых сводится к решению критически важной задачи бесперебойного завоза ("северного завоза") топливно-энергетических ресурсов, продовольствия и иных жизненно важных товаров в изолированные и труднодоступные населённые пункты.

Таким образом на федеральном уровне правовое регулирование создает стратегическую и институциональную основу, а реализация механизмов осуществляется через региональные программы.

Так, Указом Главы Республики Саха (Якутия) от 14.08.2020 N 1377 утверждена «Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года» (далее – Стратегия) [3].

Координатором исполнения Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года определено Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия).

Согласно Стратегии, пространственное развитие АЗ РС(Я) осложнено очаговым расселением, значительной удаленностью населенных пунктов и неэффективной инфраструктурой. В связи с чем, создание (строительство) сети торгово-логистических центров определено в Стратегии как одна из первоочередных задач пространственного развития и ключевое практическое направление для обеспечения северного завоза.

Конкретные функции торгово-логистических центров в рамках Стратегии раскрываются через специальные мероприятия и флагманские проекты.

Так, мероприятие 3-2.5.5 определяет их роль как создание эффективной товаропроводящей инфраструктуры для полноценного обеспечения населения качественными и безопасными товарами.

Практическая реализация этой функции раскрывается во флагманском Проекте 3 «Торгово-логистический центр», который предполагает создание (строительство) современной складской инфраструктуры, включая овоще- и картофелехранилища, специально предназначенной для хранения северного завоза потребительских товаров, посредством реализации инвестиционных проектов.

Во исполнение Стратегии Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 18.07.2022 N 431 утверждена государственная программа «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», в соответствии с которой также определена первоочередная задача строительство торгово-логистических центров, способствующих оптимальной организации северного завоза, развитию традиционных отраслей Севера [4].

В соответствии с указанной государственной программой в целях совершенствования логистической системы завоза продовольственных товаров в арктические районы планируется создать 13 торгово-логистических центров во всех 13 арктических районах Республики Саха (Якутия):

N	Муниципальный район	Населенный пункт
1	Абыйский улус (район)	п. Белая Гора
2	Аллайховский улус (район)	п. Чокурдах
3	Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)	с. Саскылах
4	Булунский улус	п. Тикси
5	Верхнеколымский улус (район)	п. Зырянка
6	Верхоянский район	п. Батагай
7	Жиганский национальный эвенкийский район	с. Жиганск
8	Момский район	с. Хонуу
9	Нижнеколымский район	п. Черский
10	Оленекский эвенкийский национальный район	с. Оленек
11	Среднеколымский улус (район)	г. Среднеколымск
12	Усть-Янский улус (район)	п. Усть-Куйга
13	Эвено-Бытантайский национальный улус (район)	с. Батагай-Алыта

В период с 2021 по 2023 годы введены восемь торгово-логистических центров в п. Белая Гора Абыйского улуса (района), п. Усть-Куйга Усть-Янского улуса (района), с. Саскылах Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района), п. Черский Нижнеколымского района, п. Зырянка Верхнеколымского улуса (района), г. Среднеколымск Среднеколымского улуса (района), с. Жиганск Жиганского национального эвенкийского района, п. Тикси Булунского улуса. В 2024 году завершено строительство 2 торгово-логистических центров в п. Батагай Верхоянского района, с. Хонуу Момского района. Таким образом, по итогам 2024 года в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) функционируют десять торгово-логистических центров.

Стоит отметить, что несмотря на наличие федеральной и региональной правовой базы, действующая система нормативного обеспечения торгово-логистических центров в Арктике сталкивается с проблемой отсутствия нормативного регулирования правового статуса и требований к функционированию торгово-логистических центров.

Федеральный закон от 04.08.2023 N 411-ФЗ «О северном завозе» закрепляет понятие **опорной сети объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза**, под которой понимается совокупность объектов транспортно-логистической инфраструкту-

ры, в том числе необщего пользования, необходимых для обеспечения регулярного, бесперебойного снабжения населения территорий северного завоза грузами северного завоза (за исключением транспортных средств и контейнеров).

Анализ законодательного определения объектов транспортно-логистической инфраструктуры позволяет отнести к ним и транспортно-логистический центры.

Так согласно п. 10 ст. 2 Закона № 411-ФЗ под объектами транспортно-логистической инфраструктуры понимаются технические устройства, здания, сооружения, автомобильные дороги, железнодорожные пути, инфраструктура внутреннего водного, морского и воздушного транспорта, транспортные средства и контейнеры для всех видов транспорта, предназначенные для обеспечения функционального единства транспортной системы в процессе перемещения грузов, их приема, накопления, обработки, отправления и выдачи.

При этом, в соответствии с п. 1 ст. 15 Закона № 411-ФЗ перечень объектов транспортно-логистической инфраструктуры, составляющих опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза на территории субъекта Российской Федерации, определяется Правительством Российской Федерации по предложению высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, согласованному с собственниками объектов транспортно-логистической инфраструктуры.

Распоряжением Правительства РФ от 09.02.2024 N 286-р утвержден «Перечень объектов транспортно-логистической инфраструктуры, составляющих опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза», в который транспортно-логистические центры субъектов РФ – **не включены** [5].

Исходя из указанного перечня, преобладающую часть объектов транспортно-логистической инфраструктуры составляют автомобильные дороги, железнодорожные станции, морские и речные порты и реки, находящиеся на территориях Арктической зоны РФ.

При этом в соответствии со ст. 5 Закона № 411-ФЗ к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ в сфере осуществления северного завоза относятся подготовка предложений о включении объектов транспортно-логистической инфраструктуры, расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, в перечень объектов транспортно-логистической инфраструктуры, составляющих опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза.

Такой разрешительный, а не правоустанавливающий подход создаёт правовую неопределённость, поскольку правовой статус объекта и вытекающие из него последствия зависят не от его объективных характеристик и функций, а от дискреционного решения органа исполнительной власти.

Таким образом, ключевой проблемой правового регулирования транспортно-логистических центров в Арктике является то, что даже при наличии формального соответствия законодательному определению, фактическое признание объекта частью инфраструктуры северного завоза носит исключительный характер и зависит от его включения в перечень, утверждаемый Правительством РФ.

2. Помимо отсутствия законодательного закрепления правового статуса транспортно-логистических центров, не урегулированным остается и правовой статус **оператора наземного северного завоза**.

Функционирование торгово-логистических центров напрямую связано с процессом **северного завоза** (комплекс организационных, транспортно-логистических мероприятий по регулярному, бесперебойному снабжению грузами северного завоза населения территорий северного завоза, а также финансовых механизмов обеспечения такого снабжения).

Согласно ст. 2 Закона № 411-ФЗ к участникам северного завоза отнесены органы государственной власти, органы местного самоуправления, юридические лица, в том числе единый морской оператор северного завоза, индивидуальные предприниматели, выполняющие функции и (или) осуществляющие деятельность в сфере осуществления северного завоза.

Действующее законодательство не закрепляет возможность признания специализированной организации уполномоченным оператором (наземного оператора северного завоза) без проведения ежегодных торгов.

Для решения указанной проблемы стоит обратить внимание на действующее правовое регулирование единого морского оператора северного завоза.

В соответствии с п. 7 ст. 2 Закона № 411-ФЗ единым морским оператором северного завоза признается уполномоченное Правительством Российской Федерации юридическое лицо, осуществляющее регулярные каботажные перевозки грузов северного завоза между морскими портами.

Согласно ст. 11 Закона № 411-ФЗ единый морской оператор северного завоза определяется Правительством Российской Федерации сроком на пятнадцать лет.

Распоряжением Правительства РФ от 13.03.2025 N 589-р единым морским оператором северного завоза определено акционерное общество «Росатом Арктика».

Всестороннее правовое регулирование деятельности оператора, включая его функции, порядок взаимодействия с участниками северного завоза, а также особенности организации перевозок (разработку маршрута и графика движения судов), осуществляется посредством отдельного Положения, утверждаемого Правительством РФ (п. 2 ст. 11).

Так, с 01.01.2026 вступает в силу Постановление Правительства РФ от 13.03.2025 N 306 «Об утверждении Положения о едином морском операторе северного завоза» [6].

Оператор осуществляет регулярные каботажные перевозки грузов как самостоятельно, так и с привлечением третьих лиц. При этом маршрут и график движения судов, разрабатываемые оператором на основе утвержденного плана северного завоза, подлежат утверждению

федеральным координатором северного завоза (п. п. 3-4 ст. 11).

Государственное регулирование цен (тарифов) на услуги оператора производится в специальном порядке, устанавливаемом Правительством РФ (п. 5 ст. 11). Кроме того, в целях финансовой поддержки оператора законодательством предусмотрена возможность предоставления ему субсидий для возмещения недополученных доходов в соответствии с бюджетным законодательством (п. 6 ст. 11).

3. На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы:

- установить легальное определение понятия «торгово-логистический центр»;
- установить легальное определение понятия «наземный оператор северного завоза» по аналогии с единым морским оператором северного завоза;
- разработать Положение о торгово-логистическом центре в Арктической зоне.
- закрепить на законодательном уровне меры государственной поддержки для вышеуказанных субъектов.

Реализация предложенных мер позволит преодолеть фрагментарность правового регулирования, создать единое правовое поле для формирования сети торгово-логистических центров в Арктике и обеспечить их эффективное функционирование как ключевого элемента комплексной системы продовольственной безопасности и устойчивого развития арктических территорий Российской Федерации.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 04.08.2023 N 411-ФЗ «О северном завозе» // СЗ РФ, 07.08.2023, N 32 (Часть I), ст. 6143,
2. Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СЗ РФ, 02.11.2020, N 44, ст. 6970.
3. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 14.08.2020 N 1377 «Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.08.2020
4. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18.07.2022 N 431 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 22.07.2022.
5. Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2024 N 286-р «Об утверждении перечня объектов транспортно-логистической инфраструктуры, составляющих опорную сеть объектов транспортно-логистической инфраструктуры северного завоза» // СЗ РФ, 19.02.2024, N 8, ст. 1146.
6. Постановление Правительства РФ от 13.03.2025 N 306 «Об утверждении Положения о едином морском операторе северного завоза» // СЗ РФ, 24.03.2025, N 12, ст. 1296.

References:

1. Federal Law No. 411-FZ dated 08/04/2023 "On Northern Import" // Federal Law of the Russian Federation, 08/07/2023, No. 32 (Part I), art. 6143,
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 10/26/2020 No. 645 "On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the period up to 2035" // Federal Law of the Russian Federation, 02.11.2020, No. 44, Article 6970.
3. Decree of the Head of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 08/14/2020 No. 1377 "Strategy of socio-economic development of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia)" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 08/17/2020
4. Resolution of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 07/18/2022 No. 431 "On the State Program of the Republic of Sakha (Yakutia) "Development of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) and the indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 07/22/2022.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/09/2024 N 286-r "On approval of the list of transport and logistics infrastructure Facilities that make up the backbone network of transport facilities-logistics infrastructure of the northern delivery" // NW RF, 02/19/2024, No. 8, art. 1146.
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 306 dated 03/13/2025 "On Approval of the Regulations on the Unified Maritime Operator of the Northern Delivery" // CP RF, 03/24/2025, No. 12, art. 1296.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ РИСКОВ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ЭКСПЛУАТАЦИИ БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ PROBLEMS OF DETERMINING CIVIL LAW RISKS AND LIABILITY WHEN OPERATING UNMANNED VEHICLES

НАЗАРЕНКО Богдан Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Юриспруденции» АНОВО «Московский международный университет».
125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17.

E-mail: b-nazarenko@yandex.ru;

МАРЬИНА Анастасия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
АНОВО «Московский гуманитарный университет», доцент кафедры «Юриспруденции»
АНОВО «Московский международный университет».

125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17.

E-mail: marina.a.a@inbox.ru;

NAZARENKO Bogdan Anatolyevich,

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Jurisprudence ANOVO «Moscow International University».
125040, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.

E-mail: b-nazarenko@yandex.ru;

MARIANA Anastasia Alexandrovna,

PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law ANOVO «Moscow University for the Humanities»,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence ANOVO «Moscow International University».
125040, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.

E-mail: marina.a.a@inbox.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются проблемы определения гражданско-правовых рисков и ответственности по смыслу ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации при эксплуатации беспилотных транспортных средств (высокоавтоматизированных транспортных средств). Авторы приходят к выводу, что бремя указанной ответственности наряду с владельцами упомянутых объектов должны нести: разработчик искусственного интеллекта – конкретного программного обеспечения и компьютерных методов, встроенных в конструкцию высокоавтоматизированного транспортного средства; лица, отвечающие за надежное функционирование спутниковой системы навигации; организации, осуществляющие строительство, ремонт, реконструкцию автодорог (транспортной инфраструктуры в целом) и органы публичной власти их курирующие.

Abstract: The article discusses the problems of determining liability under Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation and civil liability risks associated with the operation of unmanned vehicles (highly automated vehicles). The authors conclude that the burden of this liability should be shared by the owners of the aforementioned objects, as well as by the developer of artificial intelligence, the specific software and computer methods embedded in the design of the highly automated vehicle, the individuals responsible for the reliable functioning of the satellite navigation system, and the organizations responsible for the construction, repair, and reconstruction of roads (and the transportation infrastructure as a whole), as well as the public authorities that oversee them.

Ключевые слова: беспилотное транспортное средство, высокоавтоматизированное транспортное средство, источники повышенной ответственности, автоматизированная система движения, искусственный интеллект, экспериментальный правовой режим.

Keywords: unmanned vehicle, highly automated vehicle, sources of increased responsibility, automated traffic system, artificial intelligence, experimental legal regime.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Люди с давних времен грезили возможностью перемещаться в пространстве посредством автономных, не зависящих от манипуляций человека, механизмов, что нашло отражение, в частности, в русском фольклоре («ковер-самолет» из произведения «Вещий сон», самодвижущаяся печь из сказки «По щучьему велению» и т.д.) [9].

Цифровая революция, развитие спутниковой системы навигации, компьютеризация классических технологий, разработка программ искусственного интеллекта создали условия для претворения в жизнь идей о самостоятельном или относительно самостоятельном (беспилотном) передвижении транспортных средств (сухопутных, водных, воздушных и т.д.).

В настоящее время государство, реагируя на актуальные тренды, вызванные научно-техническим прогрессом, предпринимает решительные шаги по формированию нормативной правовой базы, регламентирующей порядок использования беспилотных транспортных средств (в т.ч. автомобильных)¹, и проведению правовых экспериментов. Так, на основании постановления Правительства Российской Федерации от 26.11.2018 № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»² в период с 1 декабря 2018 г. по 1 июля 2022 г. предусматривалось тестирование высокоавтоматизированных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования (в частности, на территориях г. Москвы, Московской, Владимирской, Ле-

¹ В октябре 2025 г. заместитель Председателя Правительства Российской Федерации В.Г. Савельев поручил Минтрансу России разработать законопроект, регламентирующий движение беспилотных автотранспортных средств (URL: <https://ria.ru/20251014/savelev-2048159818.html> (дата обращения: 20.10.2025)).

² СЗ РФ, 03.12.2018, № 49 (часть VI), ст. 7619.

нинградской, Новгородской областей и др. регионов).

В числе действующих нормативных правовых актов, содержащих предписания в области использования беспилотных транспортных средств, представляется возможным назвать: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 258-ФЗ), распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.03.2020 № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования»² (далее – Концепция), постановление Правительства Российской Федерации от 09.03.2022 № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» (далее – Программа № 309)³, постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации»⁴ (далее – Программа № 2495) и др.

В Программах № 309 и № 2495 понятие *“беспилотное транспортное средство”* не употребляется. Высший орган исполнительной власти в Российской Федерации предлагает использовать термин *“высокоавтоматизированное транспортное средство”* (далее – ВАС) – транспортное средство (далее – ТС) (колёсное), оснащенное (при изготовлении или путем внесения изменений в его конструкцию) *автоматизированной системой управления* (далее – АСУ) и прошедшее, в установленном законом порядке, сертификацию. При этом ВАС характеризуется именно наличием в его составе АСУ – программно-аппаратных средств, которые фактически им управляют, без физического воздействия со стороны водителя-испытателя.

Более того, во введении Концепции отмечается, что согласно резолюции о внедрении в практику автоматизированных (высоко – и полностью) транспортных средств, принятой на Глобальном форуме по безопасности дорожного движения (Женева, март 2019 г.), термин *“беспилотное транспортное средство”* не является точным, т.к., например, отсутствие водителя (пилота) в транспортном средстве не означает, что такое транспортное средство не управляется дистанционно (удаленно).

Следует также отметить, что в п. 2 Программ № 309 и № 2495 различают ВАС двух категорий. *ВАС 1 категории* предусматривают нахождение в кабине *водителя-испытателя*, а в салоне *ВАС 2 категории* водитель-испытатель отсутствует, но при этом их движение реализуется под контролем *оператора*, который осуществляет маршрутизацию и диспетчеризацию (определяет маршрут движения, вносит в него изменения, активирует и деактивирует ВАС 2 категории).

В то же время в Приложении к Концепции указывается, что в современное время выделяют *пять уровней автоматизации ТС* по критерию возможностей АСУ самостоятельно справляться с задачами *динамического управления* (например, выбор направления (боковое или продольное) перемещения ТС, реагирование на дорожно-транспортную ситуацию и т.д.), а также обеспечивать *безопасное и бесперебойное движение* в транспортном потоке. Первые два уровня автоматизации ТС содействуют водителю, а остальные три – относятся к автоматизированным (очевидно, высоко или полностью) системам вождения.

Однако, несмотря на значительное число документов, в которых содержатся дефиниции автономных транспортных средств (см., например, подп. 2.1.1. п. 2 ГОСТ Р 56122-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования»⁵), универсальное и емкое понятие беспилотного (автономного) транспортного средства отсутствует в отечественных нормативных правовых актах, а также не выработано российской правовой доктриной.

Вместе с тем опыт правовой регламентации рассматриваемого явления в иностранных государствах позволяет расширить знания. Так, например, Е.В. Вавилин, анализируя зарубежное законодательство в сфере эксплуатации автономных транспортных средств, приводит заслуживающее внимания определение анализируемого объекта. В соответствии с положениями Билля № 511 штата Невада Соединенных Штатов Америки «...под автономным транспортным средством понимается транспортное средство, использующее искусственный интеллект, датчики и координаты глобальной системы позиционирования для самостоятельного управления без активного вмешательства человека-оператора...», а «...искусственным интеллектом считается вычислительная техника и оборудование, способное имитировать деятельность человека» [4]. Таким образом, особо подчеркивается *роль искусственного интеллекта* (и, как представляется, косвенное значение разработчиков соответствующих программно-аппаратных средств и приложений) в автоматизации процессов при управлении ТС.

Программы № 309 и № 2495 действуют в соответствии с Федеральным законом № 258-ФЗ. Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 258-ФЗ экспериментальный правовой режим (далее – ЭПР) в сфере цифровых и технологических инноваций, устанавливается в т.ч. в части проектирования, производства и эксплуатации ВАС, аттестации их операторов, предоставления транспортных и логистических услуг, а также организации транспортного обслуживания.

ЭПР нельзя рассматривать как полноценное нормативное правовое регулирование соответствующей сферы общественных отношений. Правовой эксперимент – это «...организованная уполномоченным на то органом государственной власти, местного самоуправления, организации апробация предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе с целью проверки их полезности и эффективности,

¹ Российская газета, № 173, 06.08.2020.

² СЗ РФ, 30.03.2020, № 13, ст. 1995.

³ СЗ РФ, 21.03.2022, № 12, ст. 1817.

⁴ СЗ РФ, 02.01.2023, N 1 (часть II), ст. 300.

⁵ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200113342?marker=7E60KD§ion=text> (дата обращения: 22.10.2025).

а также выработки соответствующих механизмов на практике» [10].

Вместе с тем уже в границах правового эксперимента закрепляется ответственность некоторых его участников. Так, Программы № 309 (абз. 2 и 3 п. 28) и № 2495 (абз. 2 и 3 п. 31) ответственными лицами за причинение вреда жизни и здоровью пассажира (участников дорожно-транспортного происшествия) при эксплуатации ВАТС 2 категории названы *оператор* (в связи с недостатками при выполнении маршрутизации и диспетчеризации), а также *единоличный исполнительный орган субъекта ЭПР* или иное лицо, которые ответственны за его техническое состояние. Однако в указанных документах «...отдельно не рассмотрены, – как справедливо отмечает Иванова Т.Н., – вопросы ответственности при причинении вреда высокоавтоматизированным транспортным средством первой категории» [8].

Проблемы гражданско-правовой ответственности при эксплуатации ВАТС (беспилотных транспортных средств) требуют серьезного осмысления, т.к. их масштабное использование неизбежно породит необходимость выработки однозначных подходов к определению границ указанного вида юридической ответственности в случаях возникновения дорожно-транспортных происшествий с участием ВАТС (беспилотных транспортных средств).

В соответствии с п. 1 ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (в т.ч. посредством эксплуатации транспортных средств), обязаны возместить вред, причиненный таким источником, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

При этом согласно абз. 1 п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1) источник повышенной опасности должен принадлежать гражданину или юридическому лицу на праве собственности (хозяйственного ведения или оперативного управления) либо на других законных основаниях (например, по договору проката, аренды, по доверенности на право управления ТС и т.д.). Кроме того, по смыслу ст. 1068, 1079 ГК РФ ответственным лицом не признается то лицо, которое управляет источником повышенной опасности в связи с исполнением им своих трудовых, должностных или служебных обязанностей на основании соответствующего соглашения (трудового или гражданско-правового договора, служебного контракта) с его владельцем.

В этой связи следует напомнить, что согласно Программам № 309 и № 2495 ответственным лицом за причинение вреда жизни и здоровью пассажира (участников дорожно-транспортного происшествия) при эксплуатации ВАТС 2 категории назван в т.ч. *оператор* (в связи с недостатками при выполнении маршрутизации и диспетчеризации), который, очевидно, исполняет свои обязанности на основании гражданско-правового или трудового соглашения. Однако возникает вопрос: насколько такое положение соответствует устоявшимся представлениям в сфере гражданско-правовой ответственности при использовании источников повышенной опасности (транспортных средств)?

Несомненно, гражданин или юридическое лицо, возместившие вред, причиненный их работником при исполнении трудовых (должностных, служебных) обязанностей, вправе предъявить требования в порядке регресса к такому работнику – фактическому причинителю вреда в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом (п. 1 ст. 1081 ГК РФ) (абз. 3 п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1)). Однако, это положение не снимает первоначальной ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина (пассажира, иных участников дорожно-транспортного происшествия), с владельца источника повышенной опасности.

Кроме того, признавая ВАТС 1 и 2 категории источниками повышенной опасности следует признать, что их проектирование, производство и эксплуатация сопряжено с внедрением в их конструкцию цифровых и технологических инноваций (АСУ – программно-аппаратных средств). В этой связи ВАТС необходимо рассматривать как сложную вещь («...совокупность различных вещей, которые соединены таким образом, который предполагает их использование по общему назначению...» [7]). Так, например, классический автомобиль как техническая система состоит из следующих подсистем: двигатель, трансмиссия, подвеска, тормозная и электрическая системы, корпус и кузов [3]. Однако АСУ (автоматизированная система вождения), которая встраивается в транспортное средство и обеспечивает его функционирование в автономном (беспилотном) режиме, придает ему иные качественные характеристики. Более того, сама по себе АСУ является сложной с технологической и информационной точек зрения конструкцией, которая, очевидно, предполагает также использование *искусственного интеллекта*.

Согласно пп. «а» п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490, искусственный интеллект – это «...комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Вместе с тем искусственный интеллект как продукт, компьютерная программа – это результат человеческой деятельности и имеет своего разработчика (наряду с аппаратурой, благодаря которой он функционирует). Кроме того, в научной литературе высказывается справедливое мнение о причислении искусственного интеллекта к источникам повышенной опасности [1; 2]. Следовательно, *бремя гражданско-правовой ответственности при эксплуатации ВАТС* по смыслу ст. 1079 ГК РФ, как представляется, наряду с его владельцем должен нести создатель искусственного интеллекта – конкретных программного обеспечения и компьютерных методов.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что бесперебойное и безопасное движение ВАТС зависит не только от его исправного технического состояния, безошибочной работы искусственного интеллекта (АСУ в широком смысле), являющегося его неотъемлемой частью, но и от взаимодействия беспилотного транспортного средства со спутниковой системой навигации и, следовательно, от её надежного функционирования.

Кроме того, в п. 5 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2025), утв. Президиумом ВС РФ 18.06.2025, указано, что по смыслу ст. 1079 ГК РФ строительство автомобильной дороги может быть признано деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих. Так, соответствие реальной информации о дорожных знаках и дорожной разметке, качестве дорожного полотна и т.п. сведениям, которыми оперирует АСУ, может напрямую повлиять на безопасность дорожного движения с участием БАТС. В этой связи необходимо отметить, что ответственными лицами в силу ст. 1079 ГК РФ должны быть признаны также организации осуществляющее строительство, ремонт, реконструкцию автодорог и органы публичной власти их курирующие. Аналогичный подход можно встретить в научной литературе. К примеру, Е.В. Вавилин, анализируя гл. II Концепции отмечает, что «...в нормативных правовых актах должны содержаться нормы об ответственности должностных лиц и организаций, обязанных обеспечить соответствующее качество дорожно-транспортной инфраструктуры» [5].

Следует также отметить, что «...важным условием стабильности и способом охраны законных интересов участников гражданско-правовых отношений...» [6] в сфере эксплуатации БАТС является страхование (дополнительное страхование) гражданской ответственности участниками ЭПР (п. 10, п. 62 Программы № 309, подп. «б» п. 20, п. 75 Программы № 2495).

Более того, в п. 4 Обзора судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды, утв. Президиумом ВС РФ 24.06.2022, указано, что использование источника повышенной опасности налагает на его владельца такие обременения как необходимость инвестирования дополнительных средств в предупреждение вреда (который может быть причинен в т.ч. случайно) и проявление повышенных стандартов заботливости и осмотрительности. Это положение справедливо и в отношении деятельности, связанной с таким источником повышенной опасности как БАТС.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. БАТС – это уже реальность и их масштабная эксплуатация лишь вопрос времени, а актуальные проблемы правового регулирования проектирования, производства и использования БАТС – требуют комплексного научного осмысления.
2. Следует уточнить содержание понятия «высокоавтоматизированное транспортное средство». В частности, акцентировать внимание на том, что АСУ включает в себя программы искусственного интеллекта и взаимодействует с системами спутниковой навигации.
3. Бремя ответственности по смыслу ст. 1079 ГК РФ и гражданско-правовых рисков при эксплуатации БАТС наряду с его владельцем должны нести: разработчик искусственного интеллекта – конкретных программного обеспечения и компьютерных методов, встроенных в конструкцию БАТС; лица, отвечающие за надежное функционирование спутниковой системы навигации; организации, осуществляющие строительство, ремонт, реконструкцию автодорог (транспортной инфраструктуры в целом) и органы публичной власти их курирующие.
4. Эксплуатация БАТС как источника повышенной опасности налагает на его владельца такие обременения как необходимость инвестирования дополнительных средств (в виде участия в формировании фондов страхования (дополнительного страхования)) в предупреждение вреда (который может быть причинен в т.ч. случайно) и проявление повышенных стандартов заботливости и осмотрительности.

Список литературы:

1. Антонов А.А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69 – 74.
2. Бубновская Т.А. Гражданско-правовая ответственность при использовании беспилотных автомобилей // Транспортное право. 2019. № 3. С. 6 – 9.
3. Баранов Е.Н., Дураков В.В., Топычанов Д.Г. Автомобиль как техническая система // Актуальные исследования. 2024. №45 (227). Ч.1. С. 6-8 (URL: <https://apni.ru/article/10438-avtomobil-kak-tehnicheskaya-sistema> (дата обращения: 25.10.2025)).
4. Вавилин Е.В. Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 3 – 21 // СПС «Консультант Плюс».
5. Вавилин Е.В. Ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством // Хозяйство и право. 2023. № 10. С. 3 – 12 // СПС «Консультант Плюс».
6. Вавилин Е.В. Безопасное использование высокоавтоматизированных (беспилотных) транспортных средств: правовые гарантии // Хозяйство и право. 2024. № 1. С. 3 – 15 // СПС «Консультант Плюс».
7. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. Москва: Статут, 2023. С. 296.
8. Иванова Т.Н. Основания освобождения от ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством // Гражданское право. 2025. № 1. С. 34.
9. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica. 2019. № 2. С. 10.
10. Черепанова Е.В. Правовой эксперимент как механизм апробации технологий электронной торговли // Международное публичное и частное право. 2020. № 6. С. 38 – 41 // СПС «Консультант Плюс».

References:

1. Antonov A.A. Artificial Intelligence as a Source of Increased Danger // Yurist. 2020. No. 7. Pp. 69 – 74.
2. Bubnovskaya T.A. Civil Liability for the Use of Unmanned Vehicles // Transport Law. 2019. No. 3. Pp. 6 – 9.
3. Baranov E.N., Durakov V.V., Topychkanov D.G. A Vehicle as a Technical System // Actual Research. 2024. No. 45 (227). Part I. Pp. 6-8 (URL: <https://apni.ru/article/10438-avtomobil-kak-tehnicheskaya-sistema> (date of access: 25.10.2025)).
4. Vavilin E.V. Unmanned Vehicles: From Terminology to New Legal Regimes // Economy and Law. 2023. No. 8. Pp. 3 – 21 // SPS Consultant Plus.
5. Vavilin E.V. Liability for Damage Caused by an Unmanned Vehicle // Economy and Law. 2023. No. 10. Pp. 3 – 12 // SPS Consultant Plus.
6. Vavilin E.V. Safe Use of Highly Automated (Unmanned) Vehicles: Legal Guarantees // Economy and Law. 2024. No. 1. Pp. 3 – 15 // SPS Consultant Plus.
7. Civil Law: Textbook: in 2 vols. / ed. by B.M. Gongalo. Vol. 1. Moscow: Statute, 2023. P. 296.
8. Ivanova T.N. Grounds for Exemption from Liability for Damage Caused by a Highly Automated Vehicle // Civil Law. 2025. No. 1. P. 34.
9. Korobeyev A.I., Chuchayev A.I. Unmanned Vehicles: New Challenges to Public Security // Lex russica. 2019. No. 2. P. 10.
10. Cherepanova E.V. Legal Experiment as a Mechanism for Testing E-Commerce Technologies // International Public and Private Law. 2020. No. 6. P. 38 – 41 // SPS Consultant Plus.

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ В РОССИЙСКОМ НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ ON THE INSTITUTE OF CO-WILLING IN RUSSIAN INHERITANCE LAW

КУЛИКОВ Олег Петрович,

магистрант кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
Московского гуманитарно-экономического университета,
Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Якиманка, пр-кт Ленинский, дом 8, строение 16.
E-mail: olezhkakulikov2001@gmail.com

МОКЕЕВА Елена Юрьевна,

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Московского международного университета.
125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 17.
E-mail: rainbah77@yandex.ru

ЦЫЦЫЛИНА Татьяна Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Московского гуманитарно-экономического университета,
Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Якиманка, пр-кт Ленинский, дом 8, строение 16.
E-mail: meteorain@yandex.ru

KULIKOV Oleg Petrovich,

Master's student of the Department of Civil Law Disciplines at the Faculty of Law of the Moscow University for the Humanities and Economics,
Moscow, Leninsky Prospekt 8, Building 16, Municipal District Yakimanka.
E-mail: olezhkakulikov2001@gmail.com

МОКЕЕВА Elena Yurievna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Law at the Moscow International University.
125040, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.
E-mail: rainbah77@yandex.ru

TSYTSYLINA Tatyana Leonidovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines
at the Moscow University for the Humanities and Economics,
8 Leninsky Prospekt, Building 16, Moscow, Russia.
E-mail: meteorain@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются институт совместного завещания супругов в России, его особенностей, а также преимущества и недостатки. Совместное завещание супругов - относительно новый институт в российском наследственном праве, введенный Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ и действующий с 1 июня 2019 года. Этот правовой инструмент позволяет супругам совместно распорядиться своим имуществом на случай смерти, что существенно расширяет возможности граждан в реализации принципа свободы завещания.

Abstract: The article analyzes the institution of joint wills of spouses in Russia, its features, as well as its advantages and disadvantages. Joint wills of spouses are a relatively new institution in Russian inheritance law, introduced by Federal Law No. 217-FZ of July 19, 2018, and effective since June 1, 2019. This legal tool allows spouses to jointly dispose of their property in the event of death, significantly expanding the opportunities for citizens to exercise the principle of freedom of will.

Ключевые слова: наследство, совместное завещание, совместное имущество.

Keywords: inheritance, will, spouses, joint property.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Регулирование наследственных отношений является предметом изучения гражданского права, в соответствии с которым такие правоотношения представляют собой абсолютные правоотношения, возникновение которых обусловлено наступлением определенных юридических фактов. К числу таких фактов относится открытие наследства. Прекращение названных правоотношений происходит в период деления наследства, при этом такие же права, как у наследодателя возникают и у наследников.

Под наследованием по закону следует понимать определенный порядок перехода имущества и денежных средств умершего к его наследникам, с учетом норм закона [2]. Такой вид наследования имеет определенные отличительные признаки, представленные на рисунке 1 [составлено авторами на основе 8].

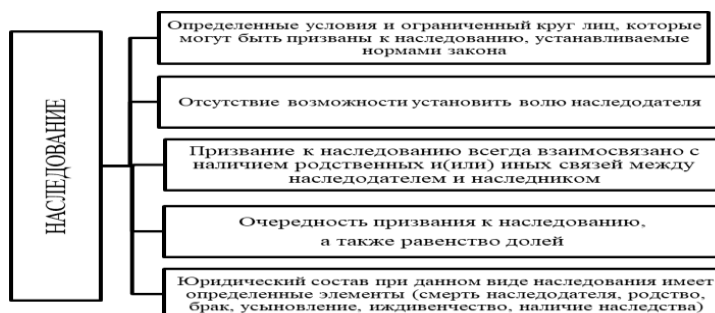

Рисунок 1 - Отличительные признаки наследования по закону

Актуальность обращения к теме наследования объясняется тем фактом, что лишь небольшое количество граждан принимают решения воспользоваться правом составления завещания. К примеру, по итогам восьми месяцев 2024 года нотариусы удостоверили 389,8 тыс. завещаний, что на 8 процентов превышает аналогичный показатель 2023 года [13]. Помимо завещаний, составленных лично, растет популярность совместных завещаний супругов. По данным ФНП, число таких документов за восемь месяцев 2024 года увеличилось на 14 процентов [13].

Совместное завещание и совместный договор супругов представляет собой особый институт наследованного права, введенный с 01 июня 2019 года в Гражданский кодекс РФ (статья 1118).

Значимость исследования данного института обусловлена как его новизной для российской правовой системы, так и наличием многочисленных проблем правоприменения, требующих научного осмысления и законодательного решения. Такое завещание может быть составлено только лицами, состоящими в зарегистрированном браке, и содержит взаимосвязанные распоряжения обоих супругов относительно судьбы их имущества на случай смерти.

В отличие от традиционного завещания, являющегося односторонней сделкой, совместное завещание обладает признаками двустороннего соглашения, что вызывает дискуссии о его правовой природе.

Особенностью совместного завещания является возможность определения имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов. Это позволяет супругам гибко распределить активы между наследниками. Например, они могут предусмотреть, что бизнес войдет в наследственную массу мужа, а недвижимость в наследственную массу жены, и завещать соответствующие активы выбранным наследникам. Важно отметить, что переход имущества от одного супруга к другому или изменение размера их долей в совместном имуществе вследствие отнесения имущества одного супруга в наследственную массу другого не являются наследованием. Это специальный механизм, позволяющий супругам перераспределить имущественные права без налоговых последствий наследования [5].

Совместное завещание может иметь [11] *взаимный* (супруги назначают наследниками друг друга и определяют лиц, к которым перейдет имущество после смерти пережившего супруга) и *невзаимный* (супруги сразу назначают наследников своего имущества, которые получают его как после первого, так и после второго супруга) характер.

Следует отметить, что *ключевыми признаками совместного завещания супругов*, является субъектный состав, совместный характер волеизъявления, содержание, порядок совершения завещания:

субъектный состав - совместное завещание могут составить только лица, состоящие в зарегистрированном браке на момент его совершения (п. 4 ст. 1118 ГК РФ). Это отличает российский подход от законодательства некоторых зарубежных стран (например, Швеции и Дании), где совместное завещание могут составить и другие лица, находящиеся в близких отношениях;

совместный характер волеизъявления - документ отражает согласованную волю обоих супругов относительно распоряжения их имуществом на случай смерти. При этом завещание может содержать как общие распоряжения супругов, так и индивидуальные распоряжения каждого из них;

специфика содержания - супруги вправе определить, какое имущество (совместное или личное каждого из них) войдет в наследственную массу после смерти каждого из них, что является принципиально новой возможностью по сравнению с традиционным завещанием;

особый порядок совершения - совместное завещание требует обязательного нотариального удостоверения с видеофиксацией процедуры (если супруги не заявили возражение против этого), не может быть закрытым или составленным в чрезвычайных обстоятельствах.

Правовая природа совместного завещания вызывает дискуссии в научной среде. С одной стороны, п. 5 ст. 1118 ГК РФ по-прежнему определяет завещание как одностороннюю сделку, что создает терминологическое противоречие. С другой стороны, как справедливо отмечает О.Е. Блинков, совместное завещание по своей сути является соглашением супругов, что сближает его с договорной природой. Видится, что совместное завещание представляет собой особый вид завещания, сочетающий черты как односторонней, так и двусторонней сделки [4].

Несмотря на очевидные преимущества, институт совместного завещания супругов в России сталкивается с рядом существенных проблем, связанных как с несовершенством законодательного регулирования, так и со сложностями правоприменения [3]:

неопределенность правовой природы - законодательное определение завещания как односторонней сделки (п. 5 ст. 1118 ГК РФ) вступает в противоречие с двусторонним характером совместного завещания. Это создает теоретические и практические сложности при определении режима такого завещания;

возможность односторонней отмены - согласно п. 4 ст. 1118 ГК РФ, каждый из супругов может в любое время, в том числе после смерти другого супруга, совершить последующее завещание, отменив совместное. Это положение подвергается обоснованной критике в доктрине, так как позволяет пережившему супругу в одностороннем порядке изменить согласованные ранее условия, что противоречит самой сути совместного завещания;

проблемы защиты прав третьих лиц - при определении имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, могут быть нарушены права кредиторов или обязательных наследников. Например, если супруги относят все имущество к наследственной массе одного из них, кредиторы другого супруга могут остаться без удовлетворения своих требований;

сложности с уведомлением об отмене - закон требует, чтобы супруг, отменяющий совместное завещание, уведомил об этом другого супруга через нотариуса. Однако нотариус не имеет доступа к информации о ранее составленных завещаниях живых людей, что делает этот механизм малоэффективным;

ограничения по форме - запрет на закрытые совместные завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах существенно ограничивает применение этого института в некоторых ситуациях;

проблемы тайны завещания - после смерти одного из супругов раскрываются только относящиеся к нему сведения, но технически сложно обеспечить конфиденциальность части текста завещания;

неопределенность с «взаимозависимыми» распоряжениями - законодательство не содержит четких правил на случай, если распоряжения супругов в совместном завещании взаимосвязаны, а один из супругов впоследствии изменяет свою волю;

отсутствие судебной практики - новизна института и небольшой срок его существования не позволили еще сформировать устойчивую судебную практику по спорам, связанным с совместными завещаниями.

Особую озабоченность вызывает положение, позволяющее пережившему супругу отменить или изменить совместное завещание после смерти второго супруга. Как справедливо отмечает Р.И. Темир-Булатов, это создает риск злоупотреблений, когда «наследники покойного супруга могут утратить свои права на наследство» [11]. Такое регулирование существенно снижает предсказуемость и надежность данного инструмента наследственного планирования.

В отношении анализируемой новеллы наследственного права авторитетные авторы предлагают следующие меры по совершенствованию их правового регулирования: предоставить пережившему супругу право вносить ограниченные изменения в совместное завещание [3]; установить специальные основания и порядок оспаривания совместных завещаний [12]; ввести обязательное нотариальное разъяснение последствий совместного завещания при его удостоверении [10].

В целом, правовой институт совместного завещания супругов, введенный в российское законодательство в 2019 году, представляет собой важный шаг в развитии наследственного права, расширяющий возможности граждан по распоряжению имуществом на случай смерти. Этот инструмент особенно востребован для семей, владеющих бизнесом или значительными активами, так как позволяет согласованно определить судьбу общего имущества и минимизировать риски наследственных споров. Перспективы развития института совместного завещания супругов в России связаны с поиском разумного баланса между свободой завещательных распоряжений и защитой имущественных прав участников наследственных правоотношений. Дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере должно осуществляться с учетом накопленной правоприменительной практики и лучших зарубежных аналогов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 01.11.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3 (ГК РФ ч.3) 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 01.11.2025).
3. Аюшеева И. З. Особенности наследования отдельных видов имущества: монография. - М.: Проспект, 2019. - С. 72.
4. Блинков О.Е. О совместном завещании супругов в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. 2023. № 2. - С. 47.
5. Малетина К. А., Соколова А. Г. Институт совместного завещания супругов в России и ряде зарубежных стран // Legal Bulletin. - 2023. - № 4. - С. 116.
6. Меркуль С. Е., Шмачкова К. Т. Институт совместного завещания супругов в России // Молодой ученый. - 2020. - № 18 (308). - С. 287.
7. Миронова В. А., Ананьева Е. О. Особенности правового регулирования института наследования по закону и по завещанию // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2021. - № 21. - С. 129-134.
8. Орлова Т. С. Правовое регулирование наследования по закону в России и других государствах / Т. С. Орлова // Вестник магистратуры. - 2022. - № 10-1(133). - С. 84-87. - EDN KAFDDI.
9. Павлова Д. А. Совместное завещание супругов как новый институт российского наследственного права // Вопросы российской юстиции. - 2025. - № 37. - С. 191.
10. Родионова О. М. Гражданско-правовая сущность совместного завещания супругов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2019. - № 5 (130). - С. 101.
11. Торчкова И. А., Ананьева Е. О. Институт совместного завещания супругов, как новелла в российском законодательстве: особенности, преимущества и недостатки // Аграрное и земельное право. - 2023. - №6 (222). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sovmestnogo-zaveshchaniya-suprugov-kak-novella-v-rossijskom-zakonodatelstve-osobennosti-preimushchestva-i-nedostatki> (дата обращения: 02.11.2025).
12. Цыбульская А. Д. Актуальные проблемы совместных завещаний супругов // Молодой ученый. - 2020. - № 18 (308). - С. 341-343.
13. Костромская областная нотариальная палата. URL: <https://44.notariat.ru/ru-ru/news/v-rossii-suprugi-vse-chashe-sostavlyayut-sovmestnye-zaveshaniya-2407> (дата обращения: 02.11.2025).

References:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (data obrashchenia: 01.11.2025).
2. Grazhdanskij Codex Rossijskoj Federacii chast ' 3 (GK RF ch.3) November 26, 2001 goda No. 146-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (data obrashchenia: 01.11.2025).
3. Ayusheeva I. Z. Osobennosti nasledovaniya otdel'nykh vidov imushchestva: monograph. - M.: Prospektus, 2019. - S. 72.
4. Blinkov O. E. O sovmestnom zaveshchaniy suprugov v rossijskom nasledstvennom prave: byt' ili ne byt'? // Nasredstvennoe pravo. - 2023. - № 2. - S. 47.
5. Maletina K. A., Sokolova A. G. Institut sovmestnogo zaveshchaniya suprugov v Rossii i ryade zarubezhnykh stran // Legal Bulletin. - 2023. - № 4. - S. 116.
6. Merkul ' S. E., Schmachkova K. T. Institut sovmestnogo zaveshchaniya suprugov v Rossii // Molodoy uchenyj. - 2020. - № 18 (308). - S. 287.
7. Mironova V. A., Anan'eva E. O. Osobennosti pravovogo regulirovaniya instituta nasledovaniya po zakonu i po zaveshchaniyu // Vestnik obshchestvennoy nauchno-issledovatel'skoj laboratorii "Vzaimodejstvie ugovolno-ispolnitel'noj s sistemami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodolo. 2021. - № 21. - S. 129-134.
8. Orlova T. S. Pravovoe regulirovanie nasledovaniya po zakonu V Rossii i drugih gosudarstvkh / T. S. Orlova // Vestnik magistratury. - 2022. - № 10-1(133). - S. 84-87. - EDN KAFDDI.
9. Pavlova D. A. Sovmestnoe zaveshchanie suprugov kak novyj institut rossijskogo nasledstvennogo prava // Voprosy rossijskoj yusticii. - 2025. - № 37. - S. 191.
10. Rodionova O. M. Grazhdansko-pravovaya sushchnost' sovmestnogo zaveshchaniya suprugov // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. - 2019. - № 5 (130). - S. 101.
11. Torchikova I. A., Anan'eva E. O. Institut sovmestnogo zaveshchaniya suprugov, kak novella v rossijskom zakonodatel'stve: osobennosti, preimushchestva i nedostatki // Agrarnoe i zemel'noe pravo. - 2023. - №6 (222). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-sovmestnogo-zaveshchaniya-suprugov-kak-novella-v-rossijskom-zakonodatelstve-osobennosti-preimushchestva-i-nedostatki> (data obrashchenia: 02.11.2025).
12. Cybul'skaya A. D. Aktual'nye problemy sovmestnykh zaveshchaniy suprugov // Molodoy uchenyj. - 2020. - № 18 (308). - S. 341-343.
13. Kostromskaya oblastnaya notarial'naya palata. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/v-rossii-suprugi-vse-chashe-sostavlyayut-sovmestnye-zaveshaniya-2407> (data obrashchenia: 02.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1180

УДК 347.91/.95

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА INSTITUTIONAL PRINCIPLES AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF CIVIL PROCEDURAL LAW

ПЛЕШАНОВ Александр Геннадьевич,

доцент кафедры гражданского процесса

Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук

620142 Россия, г. Екатеринбург, ул. Белинского, д. 154.

algenp0911@gmail.com

PLESHANOV Aleksandr G.,

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Candidate of Law

620142, Ekaterinburg, Belinsky st., 154.

algenp0911@gmail.com

Краткая аннотация: Статья посвящена проблеме институциональных принципов как самостоятельного элемента системы принципов гражданского процессуального права. Автором выделяются предпосылки существования таких принципов, анализируется их роль в развитии гражданского процессуального права. Предпринимается попытка систематизировать существующие институциональные принципы, обосновываются критерии систематизации, ее значение.

Abstract: The object of the study in the article is problem of institutional principles as an element of the system of principles of civil procedural law. The author identifies the premise of existence of institutional principles and analyse the role of these principles in development of civil procedural law. The article attempts to systematize the institutional principles. Besides the author substantiates criteria of systematization and its meaning.

Ключевые слова: принципы гражданского процессуального права, институциональные принципы, система принципов гражданского процессуального права, принципы судебного примирения, принципы судебного доказывания, принципы института компетенции.

Keywords: principles of civil procedural law, institutional principles, system of principles, principles of judicial reconciliation, principles of proving, principles of jurisdiction.

Для цитирования: Плешанов А.Г. Институциональные принципы как элемент системы принципов гражданского процессуального права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1180-1186. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1180.

For citation: Pleshanov A.G. Institutional principles as an element of the system of principles of civil procedural law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1180-1186. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1180.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Одним из наиболее дискуссионных вопросов теории принципов гражданского процессуального права уже длительное время остается вопрос об институциональных принципах гражданского процесса.

Со времен, когда данный вопрос был впервые поставлен в литературе¹, прошло уже более полувека, российское гражданское судопроизводство пережило несколько крупных трансформаций, и есть все основания для того, чтобы попытаться заново осмыслить современное состояние доктрины, законодательства и практики по данному вопросу.

Примечательно, что в фокусе научной дискуссии по проблеме институциональных принципов неизменно продолжает оставаться лишь один вопрос — могут ли считаться принципами права начала, действие которых ограничено рамками относительно небольших по объему правовых образований, каковыми являются правовые институты, имея в виду, что одной из ключевых характеристик принципов права традиционно признается способность охватывать своим действием *все нормы и институты* отрасли, в частности гражданского процессуального права², то есть своего рода всеохватность. Иными словами, принцип права имеет определяющее значение для всей системы процессуальных институтов³, а значит начало, которое имеет определяющее значение только для одного института отрасли не может претендовать на статус принципа отрасли⁴.

Не оспаривая логическую стройность приведенной позиции, нельзя не отметить, что при ближайшем рассмотрении она вызывает серьезные возражения. Прежде всего, необходимо констатировать, что проблема институциональных принципов обычно рассматривается процессуальной наукой в контексте вопроса о классификации принципов гражданского процессуального права по критерию сферы действия. Вне всякого сомнения, классификация как логическая операция, позволяющая рассмотреть изучаемый объект под различными углами зрения, имеет важное познавательное значение. Однако, применительно к институциональным принципам эффект классификации оказался скорее негативным, чем позитивным, говоря более конкретно, этот эффект привел значительную часть исследователей к отрицанию самого существования таких

¹ Первыми, кто выдвинул и обосновал в процессуальной доктрине идею институциональных принципов гражданского процессуального права, были В.М. Семенов и К.С. Юдельсон. Принципы отдельных институтов рассматривались ими как один из видов принципов гражданского процессуального права в рамках их классификации по сфере действия. См.: Семенов В.М. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права // Сборник научных трудов Свердловского юридического института. Свердловск, 1964. вып. 2. С. 221; Гражданский процесс: учебник / Под ред. К.С. Юдельсона. М., 1972. С. 35.

² Советский гражданский процесс. М., 1975. С. 16—17.

³ Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М., 2009. С. 7.

⁴ Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданского процессуального права. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 10.

принципов. В этой связи автору настоящей статьи представляется необходимым сменить парадигму, в которой рассматриваются институциональные принципы, взглянув на проблему с позиции системы принципов, а не их классификации.

Кроме того, обращает на себя внимание проблема верификации всеохватности как признака, имманентно присущего любому принципу права: как определить, имеет ли принцип отношение *ко всем институтам и нормам процессуального права*. Между тем, исходя из буквального смысла рассматриваемого признака, действие любого принципа гражданского процессуального права должно проследиваться во всех без исключения нормах и институтах гражданского процессуального права. Однако, это не соответствует реальному положению вещей.

Так, процессуальная доктрина не ставит под сомнение статус диспозитивности, гласности и независимости судей как принципов, присущих отрасли в целом. А между тем, нельзя не отметить, что степень интегрированности указанных принципов в нормы и институты гражданского процессуального права не одинакова. Наиболее широким является охват институтов, характерный для принципа диспозитивности, ведь распоряжаемость, как свойство материальных и процессуальных прав, лежащая в основе диспозитивности, уже сама по себе предполагает влияние данного принципа на реализацию многочисленных процессуальных прав участников процесса, которые, в свою очередь, возникают в недрах различных институтов процессуального права. Относительно независимости судей говорить о таком же охвате институтов, как у диспозитивности, уже не приходится: несмотря на широчайший спектр гарантий данного принципа, процессуальное ядро судейской независимости все-таки ограничено рамками трех институтов — отводов, доказательств и судебного решения. Наконец, принцип гласности, хотя и действует преимущественно в стадии судебного разбирательства, отражает открытость как одно из базовых условий деятельности суда по отправлению правосудия и по этой причине имеет прямое закрепление в Конституции.

Еще одно возражение в связи с абсолютизацией признака всеохватности принципа — неочевидный, сложный характер корреляции между всеохватностью принципов и их системностью. Системность означает, что только через объективные связи между отдельными принципами, их обусловленность, взаимозависимость и внутреннюю согласованность между собой возможно эффективное воздействие принципов на право, а значит, и воздействие права на регулируемые им общественные отношения. В литературе справедливо отмечается, что значение каждого принципа определяется его взаимодействием с остальными и влиянием всех вместе принципов в системе на все стадии и институты. Именно связь принципов по содержанию, их взаимообусловленность и взаимодействие лежат в основе системы принципов. Иными словами, системность является по сути выражением способа существования принципов отрасли права.

Согласно преобладающей в науке точке зрения, системность присуща только принципам отрасли права в целом, поскольку производится от системного построения отрасли: именно за счет интегрированности принципа отрасли в ее систему он начинает взаимодействовать с другими принципами отрасли и тем самым оказывать влияние на все институты и все стадии судебной деятельности¹, а значит, охватывать своим действием отрасль в целом, деятельность суда, осуществляемую по правилам процессуального права.

По нашему мнению, системность нельзя рассматривать как свойство, однозначно исключающее существование институциональных принципов права вообще и цивилистического процессуального права в частности.

Дело в том, что институциональные принципы, как и отраслевые, интегрируются в систему отрасли, но если отраслевые интегрируются в нее напрямую, как начала в которых раскрываются сущностные черты судопроизводства в целом, то интеграция институциональных принципов осуществляется опосредованно - через нормы того института, сущностные аспекты которого такими принципами раскрываются.

Ярким примером такой интеграции является принцип свободной оценки доказательств. Определяющее значение этот принцип, безусловно, имеет для института доказательств и доказывания, но в системе с другими принципами и прежде всего с такими, как независимость судей, судейское руководство процессом, состязательность, юридическая истина, принцип свободной оценки доказательств оказывает серьезное влияние на весь строй гражданского судопроизводства, на все институты гражданского процессуального права.

Другой пример - принцип полного или частичного возмещения судебных расходов стороне в зависимости от исхода дела (принцип пропорционального возмещения судебных расходов), действие и значение которого ограничено рамками института судебных расходов.

Наконец, возражение против всеохватности, как неперемennого свойства принципа права, вызывает и такой фактор, как существование сложной системы связей между разноуровневыми принципами цивилистического процесса.

В этой связи нельзя не согласиться с Т.В. Сахновой в том, что главное в системе принципов — связи между отдельными принципами, а систематизация принципов есть не что иное, как сведение принципов к внутренне согласованному единству или, иными словами, деятельность по упорядочению принципов, приведению их в систему².

По нашему мнению, в системе принципов объективно существуют связи трех типов, а именно: между отраслевыми принципами, между отраслевыми и институциональными принципами и наконец, между институциональными принципами. Существование многочисленных связей между различными отраслевыми принципами, в частности между состязательностью и диспозитивностью, состязательностью и процессуальным равноправием сторон, судейским руководством процессом и установлением истины, отмечается рядом ученых, которые указывают на связи как основу системы принципов в отличие от классификации, которая основывается на специально выделяемых критериях³.

Не менее значимыми, на наш взгляд, являются связи между отраслевыми и институциональными принципами. О справедливости вышесказанного соображения свидетельствует нормативное закрепление принципов примирительных процедур, состоявшееся в 2019 г., одним из

¹ Чечина Н.А. Принципы гражданского процессуального права // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л., 1979. С. 54-56; Гражданский процесс / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М., 1996. С. 30.

² Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. С. 86.

³ Автором настоящей статьи данный вопрос был рассмотрен в работе: Плешанов А.Г. К вопросу о системе принципов цивилистического процессуального права // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11. С. 306-307.

которых является принцип добровольности. Связь данного специального принципа с общеотраслевым принципом диспозитивности видится бесспорной. По существу, свобода применения той или иной примирительной процедуры, выраженная в данном принципе, является частным проявлением свободы выбора заинтересованным в деле лицом варианта поведения в процессе защиты своего права в суде.

Связи третьего типа — между принципами различных институтов — объективно обусловлены связями между отдельными институтами, которые являются сферой действия соответствующих институциональных принципов. Ярким примером связей такого типа являются связи между принципами доказывания и принципами судебного разбирательства. Указанные институты органически связаны между собой: два важнейших этапа судебного доказывания — исследование и оценка доказательств — протекают в стадии судебного разбирательства. Выстраивается следующая взаимозависимость: принцип непосредственности, с одной стороны, предопределяет способы исследования отдельных видов доказательств, а с другой — характеризует базовое условие оценки доказательств, в основе которой лежат принципы непредустановленности и свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи.

Изложенное дает основание для следующего вывода: для институциональных принципов характерно своеобразное сквозное (объединительное, системное) действие, в рамках которого каждый из них отвечает за конкретный, значимый с точки зрения достижения целей правосудия, «участок» (сегмент) правового регулирования процессуальных правоотношений. Однако, значение институционального принципа не исчерпывается действием в рамках какого-либо одного института, а напротив, определяется его взаимодействием с остальными принципами и влиянием всей системы принципов в целом на течение, алгоритм гражданского судопроизводства¹. Оказывая непосредственное влияние на одну критически значимую сторону процесса, институциональный принцип оказывает опосредованное действие на нормы и институты, регулирующие другие важные стороны судопроизводства. Так, прямое действие принципов устности и непосредственности сконцентрировано на стадии судебного разбирательства. Однако опосредованное влияние указанных принципов прослеживается в нормах института судебных доказательств, органически связанного с институтом судебного разбирательства. Таким образом, достигается своеобразный синергетический эффект: действие системы отрасли права усиливает действие системы принципов, тем самым придавая каждому из принципов свойство всеобщности в рамках данной конкретной отрасли права.

Итак, институциональные принципы составляют неотъемлемый элемент системы принципов цивилистического процессуального права и одновременно сами эти принципы, находясь во взаимосвязях и взаимозависимостях с принципами отрасли в целом, образуют систему, но уже на своем уровне.

Что представляет собой система институциональных принципов?

Прежде всего хотелось бы выдвинуть два базовых тезиса. Во-первых, система институциональных принципов является довольно динамичным образованием, находится в состоянии активного эволюционирования.

Во-вторых, существование правового института как неотъемлемого элемента системы отрасли гражданского процессуального права представляет собой основу, своего рода фундамент, «питательную среду» для возникновения и развития принципов, выражающих сущность и значимость института для развития отрасли.

Означает ли сказанное, что во всех без исключения правовых институтах должны существовать свои принципы? Представляется, что на этот вопрос необходимо дать отрицательный ответ. Все-таки жизнеспособность института не находится в жесткой зависимости от наличия в его основе принципов. Здесь видится иная зависимость: институциональные принципы формируются лишь в недрах тех институтов, которые способны оказывать влияние на развитие отрасли в целом. В этой связи, не случайными представляются предпринимавшиеся в разное время в отечественной литературе попытки обоснования принципов таких институтов, как подведомственность², судебное доказывание³. Значение этих институтов для развития цивилистического процессуального права является фундаментальным: принципы компетенции определяют границы применимости судебной формы защиты, что крайне важно как с точки зрения нормального функционирования судебной системы, так и с точки зрения реализации права на судебную защиту; принципы доказывания напрямую обеспечивают и модель, и задачи судопроизводства по гражданским делам.

Однако, речь не идет о застывшем, не подверженном каким-либо изменениям положении вещей. Как и любой живой организм, отрасль претерпевает трансформации в процессе своего развития, в связи с чем могут появляться новые институты, а значимость существующих институтов может повышаться или, наоборот, понижаться. В этой связи неизбежны корректировки и в системе институциональных принципов.

Важную роль в развитии системы институциональных принципов, как представляется, имеет ценностный (аксиологический) фактор. Вводя тот или иной институт в процессуальное законодательство в ответ на возникшую в обществе потребность, законодатель имеет все основания для того, чтобы в рамках формируемой им совокупности норм нового института выделить норму, определяющую состав принципов этого института, а также некоторое количество норм, раскрывающих содержание зафиксированных этой нормой принципов. При этом важно, чтобы формируемая совокупность принципов нового института вписалась (интегрировалась) в систему уже существующих принципов отрасли, то есть, как минимум, не вступала в диссонанс с ними, а, как максимум, служила своего рода продолжением признанных отраслевых принципов, усиливая уже существующие элементы их содержания и пополняя круг известных сложившихся проявлений принципов отрасли за счет закрепления новых

¹ Сахнова Т.В. Указ. соч. С. 87.

² Осипов Ю.К. Принципы процессуально-правового института подведомственности юридических дел // проблемы применения норм гражданского процессуального права. Свердловск, 1986. С. 7-8, 12-13; Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. М., 1999. С. 129; Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. СПб., 2004. С. 75-106.

³ Фокина М.А. Принципы доказывания в гражданском судопроизводстве // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1998. С. 115; Решетникова И.В. Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве. Автореф. Докл. юрид. Наук. Екатеринбург, 1997. С. 22-24; Салмандина А.С. Принципы судебного доказывания в гражданском процессе. Дисс. ... к.ю.н. Саратов, 2022. С. 56-60.

элементов.

Особенно ярко данный тезис подтверждается на примере принципов примирения, получивших закрепление одновременно с выделением в системе отрасли одноименного института, нормы которого были объединены в гл. 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» (ч. 2 ст. 153.1 ГПК). До этого вопросы примирения ставились в отечественной процессуальной науке преимущественно в контексте мирового соглашения как распорядительного акта, выражающего двустороннее волеизъявление сторон на урегулирование спора, как правило, на основе взаимных уступок. Придание примирительным процедурам статуса самостоятельного процессуального института стало результатом переосмысления законодателем ценности примирения как способа урегулирования возникшего гражданско-правового спора. Совершенно очевидно, что, закрепляя нормы о примирительных процедурах в отдельной главе кодифицированного акта, законодатель стремился повысить интерес сторон к примирению. При таком подходе для достижения целей правового регулирования важно, чтобы в основе деятельности, направленной на примирение, лежала логически стройная система ясных и в то же время выверенных в доктринальном и практическом плане идей.

Сформировавшаяся на данный момент система институциональных принципов цивилистического процессуального права представляет собой соединение отличающихся взаимосвязанностью на функциональной основе принципов отдельных институтов (выступающих в качестве элементов системы) в единое целое.

Рассмотрим их более подробно.

Принципы института компетенции.

Изменившиеся подходы к правовому регулированию подведомственности привели к исключению термина «подведомственность» из нормативной ткани процессуального законодательства. В результате возникла ситуация, когда в ГПК, АПК и КАС существует глава, объединяющая в себе нормы о подведомственности и о подсудности (в ее обновленном понимании), а именно: нормы о договорной подведомственности (ст. 22.1 ГПК, ст. 33 АПК); нормы, посвященные разграничению подсудности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами (нормы о межсистемной подсудности); нормы, определяющие подсудность различных судов общей юрисдикции по уровню суда и по территориальному критерию (нормы о внутрисистемной подсудности). Думается, что оптимальным для обозначения всей совокупности норм данного института (с терминологической точки зрения) было бы использование в ГПК термина «компетенция» в качестве родового понятия, как это имеет место в АПК (гл. 4).

Значимость вопросов компетенции для цивилистического процесса, уже сама по себе, по нашему мнению, предполагает выстраивание данного института на прочной идеологической основе в виде институциональных принципов, в которых выражаются ценностные ориентиры развития как самого института компетенции, так и цивилистического процессуального права, неотъемлемой частью которого он является.

На сегодняшний день, по нашему мнению, есть все основания говорить о трех исторически сложившихся принципах института компетенции. Это: принцип универсальной подсудности гражданских дел судам общей юрисдикции¹, принцип отрицательной арбитрабельности и принцип относительной некомпетентности суда общей юрисдикции при наличии арбитражного соглашения.

Так, принцип универсальной подсудности гражданских дел судам общей юрисдикции, будучи институциональным, тем не менее, связан по своему функциональному предназначению со многими принципами гражданского процессуального права и, прежде всего, конечно же, с диспозитивностью и доступностью правосудия, а потому влияние его не ограничено рамками одного лишь института компетенции, но распространяется на все гражданское процессуальное право.

Соответственно и статус принципа универсальной подсудности гражданских дел судам общей юрисдикции как институционального не вступает в противоречие с его значимостью как принципа гражданского процессуального права.

Принципы института доказательств и доказывания.

Для принципов доказывания, по нашему мнению, характерна самая высокая степень интеграции в систему принципов цивилистического процессуального права. И это объяснимо, ведь именно ключевые параметры деятельности по доказыванию (прежде всего, роль сторон и суда в доказывании) имеют решающее значение для определения модели судопроизводства как следственной, состязательной или смешанной.

Действующее законодательство дает основания для выделения следующих институциональных принципов доказывания: содействие суда сторонам в собирании доказательств, непредустановленность доказательств (свободная оценка доказательств), допустимость доказательств².

Все три указанных принципа интегрированы в систему принципов цивилистического процессуального права благодаря тем глубинным связям, которые существуют между ними и тремя принципами процесса, обуславливающими базовые характеристики смешанной модели судопроизводства — принципами состязательности, установления истины и судейского руководства процессом. Так, принцип содействия суда сторонам в собирании доказательств органически связан с принципом состязательности, поскольку определяет механизм реализации восполнительной роль суда в доказывании, которая является ключевой характеристикой смешанной модели судопроизводства. Непредустановленность доказательств коррелирует преимущественно с принципом установления истины, поскольку подчеркивает ключевую роль суда в оценке доказательств и одновременно особенности судебного познания, в частности стоящую перед ним цель — установление истины в объеме, необходимом для вынесения законного и обоснованного акта правосудия. Принцип допустимости доказательств находится во взаимодействии с принципом судейского руководства процессом: властное положение суда в процессе и его роль в достижении целей правосудия предполагают ответ-

¹ Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. СПб., 2004. С. 89-106.

² Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам : автореферат дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2011. С. 10; Салмандина А.С. Принципы судебного доказывания в гражданском процессе. Дисс. ... к.ю.н. Саратов, 2022.

ственное решение им вопроса о допустимости каждого конкретного доказательства по делу, что служит одной из главных предпосылок для выполнения задач гражданского судопроизводства — правильного и своевременного разрешения гражданского дела.

Принципы института судебного разбирательства.

В основе выделения принципов судебного разбирательства лежит сопряжение двух важных факторов — сферы действия (институт гражданского процессуального права) и центральной, основной стадии процесса в суде первой инстанции. Однако, никакого противоречия в такого рода сопряжении по существу нет, так как в качестве объекта регулирующего воздействия норм правового института может выступать не только отдельный вид деятельности в рамках судопроизводства, как например, доказывание, но и стадия процесса. А важность стадии с точки зрения реализации задач судопроизводства в целом лишь дополнительно подчеркивает целесообразность и значимость выделения принципов в качестве ее основополагающих начал.

К числу институциональных принципов судебного разбирательства относятся принципы непосредственности, устности, руководящей роли председательствующего в судебном заседании и жесткой связанности суда и других участников процесса регламентом судебного разбирательства (принцип алгоритмичности). Эти принципы, с одной стороны, подчеркивают отдельные наиболее значимые отличительные черты судебного разбирательства как стадии гражданского процесса, а, другой стороны, находятся в тесной взаимосвязи как с институциональными принципами доказывания, так и важнейшими принципами гражданского процесса в целом, такими как состязательность, установление истины и судебное руководство процессом.

Принципы института примирения.

Современное процессуальное законодательство России закрепляет четыре принципа примирения - добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности. Принадлежность указанных принципов к системе принципов гражданского процессуального права в силу своей неочевидности нуждается в более обстоятельном рассмотрении. С одной стороны, факт прямого нормативного закрепления красноречиво свидетельствует о законодательном признании указанных идей как наиболее значимых для примирения как особого вида деятельности. С другой стороны, означает ли интеграция примирения в процесс, что деятельность по примирению обрела процессуально-правовую природу? А это важно хотя бы с той точки зрения, что принципами процессуального права признаются основополагающие начала, выражающие сущностные черты именно процессуальной деятельности и процессуальных правоотношений, в рамках которых она осуществляется. Представляется, что по поводу примирения складываются отношения двоякого рода: отношения между нейтральным лицом, осуществляющим функцию примирения, и сторонами спора, и отношения по поводу применения примирительной процедуры по конкретному делу, которые возникают и развиваются между судом и сторонами спора. Перечисленные принципы примирения в большей степени относятся к первому типу отношений, которые не имеют процессуально-правовой природы. Особняком, пожалуй, стоит принцип добровольности, который предельно четко определяет механизм применения примирительных процедур в рамках судебного процесса. В конечном счете оба вида правоотношений имеют общую направленность на примирение как итог производства по делу в суде, а значит принципы, обеспечивающие эффективное примирение, могут и должны рассматриваться как институциональные принципы процессуального права.

Принципы института проверки и пересмотра судебных актов.

Говоря о принципах проверки и пересмотра судебных актов, нельзя не отметить определенное сходство в логике выделения данной разновидности институциональных принципов и принципов судебного разбирательства. В обоих случаях прослеживается «привязка» принципов к стадиям процесса, однако имеется и различие. Проверка и пересмотр, как целостный правовой институт, охватывает собой несколько способов оспаривания судебных актов и принципы, которые характерны для проверки и пересмотра судебных актов, в этом смысле имеют сквозное действие, являясь выражением сущностных характеристик системы проверки и пересмотра судебных актов в целом. Иначе говоря, применительно к проверке и пересмотру судебных актов речь идет о выделении принципов одного института, но действующих одновременно в нескольких стадиях процесса. Главное в обеих обозначенных группах институциональных принципов — объект регулирующего воздействия, принадлежность к которому служит основой для отнесения соответствующих норм к определенному институту (для института судебного разбирательства это деятельность по разрешению спора, для института проверки и пересмотра судебных актов деятельность вышестоящих судов по выявлению и устранению ошибок, допущенных нижестоящими судами).

Важность института проверки и пересмотра судебных актов для гражданского процесса и гражданского процессуального права трудно переоценить, поскольку в данном институте находят концентрированное выражение задачи судопроизводства и без него невозможна полномасштабная реализация права на судебную защиту. В этой связи вполне оправданным представляется возникновение в недрах данного института специальных принципов, призванных обеспечить его нормальное функционирование. Именно такой статус, по нашему мнению, имеют принципы последовательного обжалования судебных актов¹, многообразия форм проверки и пересмотра судебных актов (принцип многоформия, или полиформизма, в оспаривания судебных актов) и девальютивности.

Дальнейшее развитие системы институциональных принципов, без сомнения, будет определяться запросом общества на совершенствование законодательства в области гражданского процесса, а также новыми вызовами, возникающими в ходе его развития².

Так, современное процессуальное законодательство позволяет говорить о формировании нового института гражданского процес-

¹ Об основаниях выделения и необходимости нормативного признания принципа последовательного обжалования судебных актов см., в частности: Федорова А.П. Последовательное обжалование судебных постановлений как принцип гражданского процессуального права России и условия его реализации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. С. 10-11, 19-20.

² О необходимости модернизации принципов гражданского судопроизводства и приоритетных направлениях совершенствования процессуального законодательства, в рамках которых она должна осуществляться, см., в частности: Соловьева Т.В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 8-13.

суального права - института электронного правосудия, фундаментальную основу которого, с высокой степенью вероятности, составят институциональные принципы электронного правосудия¹.

Подводя итоги, хотелось бы сделать некоторые выводы.

Институциональные принципы гражданского процессуального права необходимо рассматривать как элемент системы принципов, а не как вид принципов, который выделяется по критерию сферы действия наряду с общеправовыми, отраслевыми и межотраслевыми. Поэтому рассмотрение институциональных принципов сквозь призму всеохватности представляется некорректным. Свое предназначение и статус принципов институциональные принципы обретают не благодаря всеохватности, а благодаря системности, являющейся выражением способа существования принципов права и в то же время неперенным условием их эффективного воздействия на право, а значит, и воздействия права на регулируемые им общественные отношения. Именно в системе (через объективные связи между отдельными принципами, их обусловленность, взаимозависимость и внутреннюю согласованность между собой) полностью раскрывается механизм действия каждого отдельно взятого институционального принципа, его значение для характеристики гражданского процессуального права как самостоятельной отрасли российского права.

Отсюда с логической неизбежностью следует, что значение каждого институционального принципа не исчерпывается действием в рамках какого-либо одного института, а определяться его взаимодействием с остальными принципами и влиянием всей системы принципов в целом на течение, алгоритм гражданского судопроизводства. Иными словами, о каком бы институциональном принципе ни шла речь, он вносит свою «лепту» в реализацию задач гражданского судопроизводства не автономно, а посредством своих многочисленных связей и взаимосвязей с другими принципами, т.е. будучи встроенным в систему принципов, согласованным, взаимно увязанным со всеми остальными элементами системы — принципами гражданского процессуального права.

Институциональные принципы имеют много общего с принципами отрасли, но при этом характеризуются и рядом черт, подчеркивающих их своеобразие. Прежде всего, институциональные принципы - явление более динамичное, нежели принципы, которые позиционируются как принципы права вообще или конкретной отрасли права. Они более «отзывчивы» к потребностям, порождаемым самой жизнью в различных сферах правоотношений, в частности в сфере отправления правосудия по гражданским делам, и ходом развития отрасли как правового образования. При поверхностном взгляде в этом можно усмотреть некоторую конъюнктурность, сиюминутность институциональных принципов: появляется новый институт, а вместе с ним и некий набор принципов данного института, как своего рода принадлежность вещи, неразрывно с ней связанная. Но это ложное впечатление рассеивается при более пристальном рассмотрении. Институциональные принципы обеспечивают эффективное применение института, нормами которого он закрепляется и одновременно придают устойчивость этому институту, а значит и системе отрасли в целом. Кроме того, в корреляции с принципами права принципы паровых институтов дают своего рода синергетический эффект, обеспечивая более разностороннее и последовательное действие принципа права, в генетической связи с которым находится институциональный принцип.

Динамичность институциональных принципов во многом объясняется другой их отличительной чертой: объекты регулирующего воздействия институциональных принципов имеют иной, нежели у принципов права, масштаб. Иными словами, институциональный принцип всегда отвечает на вопрос более частного характера по сравнению с вопросом, на который отвечает принцип права.

Однако, ограниченность масштаба непосредственного объекта регулирующего воздействия не делает институциональные принципы малозначимым явлением второго или третьего ряда в системе принципов права, просто их влияние на цивилистический процесс и цивилистическое процессуальное право, в отличие от влияния, оказываемого принципами права, является опосредованным. В то же время это влияние носит объективный характер, поскольку в его основе лежат объективные связи между отраслью в целом и составляющими ее институтами.

Список литературы

1. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018.
2. Вукот М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России. М., 1999.
3. Гражданский процесс: учебник / Под ред. К.С. Юдельсона. М., 1972.
4. Гражданский процесс / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М., 1996.
5. Осипов Ю.К. Принципы процессуально-правового института подведомственности юридических дел // Проблемы применения норм гражданского процессуального права. Свердловск, 1986. С. 4-14.
6. Плешанов А.Г. К вопросу о системе принципов гражданского процессуального права // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11. С. 305-307.
7. Решетникова И.В. Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1997.
8. Салмандина А.С. Принципы судебного доказывания в гражданском процессе. Дисс. ... к.ю.н. Саратов, 2022.
9. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008.
10. Семенов В.М. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Свердловск, 1964. Вып. 2. С. 179-239.
11. Советский гражданский процесс. М., 1975.
12. Соловьева Т.В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 8-13.
13. Федорова А.П. Последовательное обжалование судебных постановлений как принцип гражданского процессуального права России и условия его реализации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025.
14. Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданского процессуального права. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989.
15. Фокина М.А. Принципы доказывания в гражданском судопроизводстве // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1998. С. 114-129.
16. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
17. Фурсов Д.А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М., 2009.
18. Чечина Н.А. Принципы гражданского процессуального права // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л., 1979. С. 36-60.
19. Чудиновских К.А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. СПб., 2004.

¹ Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. С. 59-62.

References

1. Vasilkova S.V. Electronic justice in the civil process. Diss. ... kand. jurid. Nauk. SPb., 2018.
2. Vikut M.A., Zaitsev I.M. The civil process of Russia. Moscow, 1999.
3. The civil process: textbook / Edited by K.S. Yudel'son, Moscow, 1972.
4. Civil procedure / Edited by V.A. Musin, N.A. Chechina, D.M. Chechota, M., 1996.
5. Osipov Yu.K. Principles of the procedural law institute of jurisdiction of legal affairs // Problems of application of norms of civil procedural law. Sverdlovsk, 1986. pp. 4-14.
6. Pleshanov A.G. On the issue of the system of principles of civil procedural law // Law and the State: theory and practice. 2021. No. 11. pp. 305-307.
7. Reshetnikova I.V. Evidentiary law in Russian civil proceedings. Abstract of the dissertation.. doct. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 1997.
8. Salmanidina A.S. Principles of judicial evidence in civil proceedings. Dissertation ... Candidate of Law Saratov, 2022.
9. Sakhnova T. V. The course of civil procedure: theoretical principles and basic institutions. Moscow, 2008.
10. Semenov V.M. The concept and system of principles of Soviet civil procedural law // Collection of scientific papers of the Sverdlovsk Law Institute. Sverdlovsk, 1964. Issue. 2. Pp. 179-239.
11. Soviet civil procedure. Moscow, 1975.
12. Solovyova T.V. Modernization of the principles of civil proceedings in the light of the reform of the judicial system // Arbitration and Civil Proceedings. 2019. № 6. pp. 8-13.
13. Fedorova A.P. Consistent appeal of court rulings as a principle of the civil procedural law of Russia and the conditions for its implementation: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2025.
14. Ferens-Sorotsky A.A. Axioms and principles of civil procedural law. Abstract of the dissertation of the candidate. jurid. nauk. L., 1989.
15. Fokina M.A. Principles of evidence in civil proceedings // Theoretical and applied problems of civil law reform. Yekaterinburg, 1998. pp. 114-129.
16. Fokina M.A. The mechanism of evidence in civil cases. Abstract of the dissertation.. doct. jurid. Sciences. Moscow, 2011.
17. Fursov D.A. Modern understanding of the principles of civil and arbitration process. Moscow, 2009.
18. Chechina N.A. Principles of civil procedural law // Actual problems of the theory and practice of civil procedure. L., 1979. pp. 36-60.
19. Chudinovskikh K.A. Subordination in the system of civil and arbitration procedural law. St. Petersburg, 2004.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ COMPARATIVE ANALYSIS OF DISTANCE LEARNING LEGISLATION

ИВАНЦОВА Галина Анатольевна,

заведующая кафедрой теоретико-правовых дисциплин

Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.

453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.

E-mail: ivancgalina@gmail.com

ГАЙФУЛЛИНА Милляуша Фаниловна,

доцент кафедры дошкольного и начального образования

Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат филологических наук.

453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.

E-mail: m.f.gayfullina@struust.ru

IVANTSOVA Galina Anatolievna,

Head of the Department of Theoretical and Legal Disciplines

of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.

E-mail: ivancgalina@gmail.com

GAYFULLINA Milyausha Fanilovna,

Associate Professor of the Department of Preschool and Primary Education

of the Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Philological Sciences.

453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 49 Lenina Ave.

E-mail: m.f.gayfullina@struust.ru

Краткая аннотация: В статье приводится сравнительный анализ законодательства о дистанционном обучении в России, США, странах Европейского Союза и Китая, уделяя внимание различиям в правовой регламентации и выделяя общие проблемы. Анализ подчеркивает несовершенство и дисбаланс в части защиты прав участников дистанционного обучения и необходимость совершенствования законодательства на основе зарубежного опыта.

Abstract: This article provides a comparative analysis of distance learning legislation in Russia, the United States, the European Union, and China, focusing on differences in legal frameworks and highlighting common problems. The analysis highlights the shortcomings and imbalances in protecting the rights of distance learning participants and the need to improve legislation based on international experience.

Ключевые слова: цифровизация, дистанционное образование, сравнительно-правовой анализ, Интернет, защита информации, персональные данные.

Key words: digitalization, distance education, comparative legal analysis, Internet, information security, personal data.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В условиях пост-пандемии общепризнанным трендом является цифровизация, что не могло не затронуть и образовательную сферу. Стремительно развивается дистанционное образование. Однако это развитие сопровождается множественными правовыми вызовами, которые требуют комплексного анализа и регулирования. Разные страны имеют свои подходы к регулированию дистанционного образования, с учетом собственных традиций, образовательных систем и технологической готовности [1]. Сравнительно-правовой анализ законодательства о дистанционном обучении позволяет выделить основные тенденции развития нормативного регулирования дистанционного обучения и ключевые правовые проблемы, такие как защита данных и кибербезопасность, качество и контроль знаний.

В России правовое регулирование дистанционного обучения базируется на Федеральном законе №273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", особенно статье 16, которая определяет электронное обучение и дистанционные образовательные технологии [2]. Закон проводит четкое разграничение между электронным обучением (использование информационных технологий и баз данных) и дистанционными образовательными технологиями (взаимодействие на расстоянии через телекоммуникационные сети). Однако российское законодательство характеризуется рамочным подходом, при котором многие вопросы делегируются образовательным организациям для локального регулирования. Это создает определенные пробелы в нормативном регулировании, особенно в части обеспечения качества и академической честности.

Американская система регулирования дистанционного образования основана на федерально-штатной модели с несколькими ключевыми законодательными актами:

FERPA (Family Educational Rights and Privacy Act) – защищает конфиденциальность образовательных записей студентов.

COPPA (Children's Online Privacy Protection Act) – регулирует защиту данных детей до 13 лет.

NC-SARA (National Council for State Authorization Reciprocity Agreements) – обеспечивает взаимное признание программ дистанционного обучения между штатами.

Спецификой американской модели дистанционного обучения является отсутствие единого федерального закона, многие нормы устанавливаются штатами и частными аккредитационными организациями. Основной упор делается на защиту данных учащихся (FERPA). Регулируется работа онлайн-платформ, стандарты качества варьируются, также особенностью американской системы является требование государ-

ственного разрешения для предоставления дистанционного образования студентам из других штатов, что создает сложную регулятивную среду для образовательных провайдеров [3].

ЕС применяет унифицированный подход к регулированию дистанционного образования, основанный на: GDPR (General Data Protection Regulation) – самом строгом в мире законе о защите персональных данных, директивах по кибербезопасности и защите критической инфраструктуры, едином цифровом пространстве, направленном на создание бесшовной образовательной среды. GDPR устанавливает восемь фундаментальных принципов обработки данных и предоставляет пользователям обширные права, включая право на информацию, доступ, исправление, удаление данных и отзыв согласия [4]. В ЕС разрабатываются директивы, направленные на гармонизацию дистанционного образования среди стран-членов: стремятся обеспечить совместимость образовательных систем и взаимопризнание квалификаций; при этом особое внимание уделяется поддержке инклюзивного образования

Китайская модель характеризуется централизованным государственным регулированием с жесткими ограничениями. В 2021-2022 годах власти Китая ввели "Руководящие принципы дальнейшего сокращения академической нагрузки", которые запрещают найм иностранных преподавателей, проживающих за пределами Китая, устанавливают предельные цены за обучение (не более 5000 юаней за курс), ограничивают время проведения онлайн-занятий (до 21:00), запрещают преподавание неакадемических предметов в учебные часы [5]. Кроме того, в КНР установлен жесткий государственный контроль над контентом дистанционного обучения, обязательное лицензирование образовательных платформ

Синхронный функциональный анализ дает основания обозначить следующие подходы к дистанционному образованию: в России – официальное признание с регулированием лицензионных требований; в США – гибкие стандарты, акцент на саморегуляцию образовательных платформ; в ЕС, в частности, в ФРГ – строгое регулирование, акцент на защите данных и стандартах качества; в Китае – активное развитие дистанционного обучения с государственным контролем.

Общей проблемой развития правового регулирования дистанционного образования во всех странах, независимо от государственно-правовых моделей является защита данных. Сбор и хранение большого объема персональной информации студентов порождает сложные вопросы в области защиты данных. Законодатели сталкиваются с необходимостью обеспечения цифровой безопасности и установление ответственности за утечки и неправомерное использование данных.

Несмотря на развитие технологий, остается проблема объективной оценки знаний и качества обучения в дистанционном формате – стандарты аттестации и аккредитации курсов, трудности контроля усвоения материала, использование цифровых материалов и авторские права. Серьезным препятствием на пути реализации дистанционных технологий остается цифровое неравенство – неравный доступ к интернету и платформам.

Таким образом, дистанционное обучение стало неотъемлемой частью современной образовательной системы. В связи с быстрым развитием технологий и необходимостью обеспечить доступ к образованию в условиях пандемии и других ограничений, многие государства активно развивают законодательство, регулирующее данный формат обучения. Однако такое регламентирование сталкивается с рядом правовых вызовов, связанных с качеством образования, защитой прав участников образовательного процесса, а также техническими и этическими аспектами. В связи с этим сравнение законодательства разных государств раскрывает специфику регулирования прав обучающихся, обязанности образовательных организаций и требования к электронным образовательным средам, осваивать успешные зарубежные практики и учитывать их при реформировании национального законодательства. Использование такого анализа помогает совершенствовать нормативно-правовую базу, предупреждать риски и вырабатывать оптимальные решения для образовательных учреждений всех уровней [6].

Следовательно, сравнительно-правовой анализ законодательства о дистанционном обучении является ключевым для эффективного развития образовательной системы и её адаптации к быстро меняющимся технологическим условиям. Этот анализ позволяет выявить лучшие практики и недостатки в разных странах, а также определить оптимальные пути модернизации законодательства и внедрения новых технологий в образовательный процесс.

Список литературы:

1. Виртуальные технологии в образовании: проблемы нормативно-правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/599440233.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Дистанционное обучение в США: возможности, программы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://dukedocument.com/distanczionnoe-obuchenie-v-ssha-vozmozhnosti-programmy-i-perspektivy/> (дата обращения: 20.09.2025).
4. Панфилов П.О. Правовое регулирование деятельности онлайн-платформ на едином цифровом рынке ЕС: возможности для ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-onlayn-platform-na-edinom-tsifrovom-rynke-es-vozmozhnosti-dlya-eaes> (дата обращения: 20.09.2025).
5. Китайские учёные исследовали эффективность разных форматов обучения в вузах [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/kitayskie-uchenyeye-issledovali-effektivnost-raznykh-formatov-obucheniya-v-vuzakh/> (дата обращения: 20.09.2025).
6. Современное сравнительное правоведение: традиции, новации, перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dipacademy.ru/documents/7755/kongress-sravnitel'nogo-pravovedeniya-202301-programma.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

References:

1. Virtual technologies in education: problems of regulatory regulation [Electronic resource]. URL: <https://core.ac.uk/download/599440233.pdf> (date of reference: 09/20/2025).
2. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 12/29/2012 N 273-FZ // SPS "ConsultantPlus".
3. Distance learning in the USA: opportunities, programs and prospects [Electronic resource]. URL: <https://dukedocument.com/distanczionnoe-obuchenie-v-ssha-vozmozhnosti-programmy-i-perspektivy/> (date of access: 09/20/2025).
4. Panfilov P.O. Legal regulation of online platforms in the EU single digital market: opportunities for the EAEU [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-onlayn-platform-na-edinom-tsifrovom-rynke-es-vozmozhnosti-dlya-eaes> (date of access: 09/20/2025).
5. Chinese scientists have studied the effectiveness of different formats of education in universities [Electronic resource]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/kitayskie-uchenyeye-issledovali-effektivnost-raznykh-formatov-obucheniya-v-vuzakh/> (date of access: 09/20/2025).
6. Modern comparative jurisprudence: traditions, innovations, prospects [Electronic resource]. URL: <https://www.dipacademy.ru/documents/7755/kongress-sravnitel'nogo-pravovedeniya-202301-programma.pdf> (date of request: 20.09.2025).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ LEGAL ASPECTS OF COPYRIGHT PROTECTION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

ТЕНЕТКО Алексей Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий»
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49, корп. 1
НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1
E-mail: docentchel@mail.ru;

ПОДКИДЫШЕВА Юлия Константиновна

студентка педиатрического факультета,
ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
117513, Россия, г. Москва, ул. Островитянова, дом 1, строение 6
E-mail: mn-zh-64-zh@mail.ru
SPIN-код: 9367-0577,
AuthorID: 1266114

БЕЗРУКОВА Анастасия Александровна,

кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин,
НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия».
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а
E-mail: bezrukovanatia@yahoo.com

TENETKO Alexey Alekseevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Russian State University of Social Technologies.
Losinoostrovskaya str., 49, building 1, Moscow, 107150, Russia
Non-governmental educational private institution of higher education «Moscow Financial and Industrial University «Synergy».
9/14 Meshchanskaya str., building 1, Moscow, 129090, Russia.
E-mail: docentchel@mail.ru

BEZRUKOVA Anastasia Aleksandrovna,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines,
Non-governmental educational private institution of higher education «Moscow Financial and Industrial University «Synergy».
55a Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279
E-mail: bezrukovanatia@yahoo.com

Краткая аннотация. В статье рассматриваются ключевые правовые аспекты охраны авторских прав в условиях цифровизации, характеризующейся стремительным развитием технологий создания, распространения и использования произведений. Анализируются изменения в традиционных категориях авторского права под воздействием цифровой среды, особенности применения части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, а также проблемы, связанные с интернет-пиратством и эффективностью антипиратского законодательства. Особое внимание уделяется вызовам, возникающим в связи с развитием искусственного интеллекта, создающего контент без непосредственного участия человека, и отсутствием правового механизма признания таких результатов объектами авторского права. В работе обоснована необходимость совершенствования российского законодательства с учётом международных стандартов и современных технологических реалий, включая разработку правового режима для цифровых произведений и внедрение инструментов подтверждения авторства в сети. Сделан вывод о необходимости сохранения баланса между интересами авторов, общества и государства при формировании современной системы защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху.

Abstract. The article examines the key legal aspects of copyright protection in the context of digitalization, characterized by the rapid development of technologies for creating, distributing, and using works. It analyzes the transformation of traditional copyright concepts under the influence of the digital environment, the specifics of applying Part IV of the Civil Code of the Russian Federation, and the challenges associated with Internet piracy and the effectiveness of anti-piracy legislation. Special attention is given to the rise of artificial intelligence capable of generating creative content without direct human involvement and the lack of a legal framework recognizing such results as copyrightable works. The study substantiates the need to improve Russian copyright law in accordance with international standards and technological realities, including the establishment of a legal regime for digital works and the introduction of authorship verification tools in the online environment. The article concludes that maintaining a balance between the interests of authors, society, and the state is essential for building an effective system of intellectual property protection in the digital age.

Ключевые слова: авторское право; цифровизация; интеллектуальная собственность; искусственный интеллект; Интернет; антипиратское законодательство; охрана авторских прав; цифровые произведения; правовое регулирование.

Keywords: copyright; digitalization; intellectual property; artificial intelligence; Internet; anti-piracy law; copyright protection; digital works; legal regulation.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Современное общество переживает период глубокой цифровой трансформации, затрагивающей практически все сферы человеческой деятельности. Одной из наиболее чувствительных для правового регулирования областей стала сфера интеллектуальной собственности, в особенности авторское право. Цифровизация производства, распространения и потребления культурного и информационного контента существенно изменила механизмы создания и оборота произведений, породив как новые возможности, так и угрозы для их правовой охраны [1].

Цифровая среда характеризуется принципиально новыми способами воспроизведения и распространения произведений. Если ранее охрана авторских прав базировалась на физической фиксации произведения - печатной, аналоговой или материальной форме - то в цифровом

пространстве эти границы стерлись. Электронные копии произведений могут быть созданы, переданы и воспроизведены мгновенно, без потери качества и без контроля со стороны правообладателя. В связи с этим традиционные механизмы защиты, основанные на контроле за материальными носителями, оказались недостаточными [2].

Классическая концепция авторского права предполагает наличие исключительных прав автора на использование произведения в различных формах - воспроизведение, распространение, публичный показ, сообщение для всеобщего сведения и др. Однако цифровизация разрушила традиционные способы разграничения этих форм. Например, публикация произведения в сети Интернет одновременно включает в себя воспроизведение (создание цифровой копии), распространение (предоставление доступа пользователям) и сообщение для всеобщего сведения [3].

Это породило необходимость переосмысления правовых категорий, заложенных в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г. [4], а также в Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. [5] и договорах Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 1996 года - Договоре ВОИС по авторскому праву [6] и Договоре ВОИС по исполнению и фонограммам [7]. Эти документы впервые закрепили права на цифровое воспроизведение и доведение до всеобщего сведения посредством сетей, в том числе Интернета.

В российском праве ключевое значение имеет часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации, введенная в действие в 2008 году. Она во многом гармонизирована с международными стандартами, однако не была изначально рассчитана на интенсивное развитие цифровых технологий, таких как искусственный интеллект или генеративные системы контента [21].

Гражданский кодекс закрепляет за автором исключительное право на использование произведения в любой форме и любым не противоречащим закону способом. Данное положение обладает открытой формулировкой, что позволяет применять его к новым видам использования, возникающим с развитием технологий. Вместе с тем на практике возникают трудности в квалификации действий пользователей в цифровой среде. Например, скачивание произведения в облачное хранилище может быть одновременно и воспроизведением, и созданием копии для личного пользования, и распространением, если доступ к хранилищу открыт третьим лицам.

Деятельность нотариуса играет важную роль в защите авторских прав, поскольку позволяет обеспечить достоверное подтверждение времени создания произведения и закрепить авторство на момент обращения. Одним из наиболее доступных инструментов является удостоверение времени предъявления документов, что позволяет зафиксировать существование произведения на определенную дату. Более надежным способом считается представление нотариусу оригинала произведения: нотариус исследует документ, оформляет удостоверительную надпись на двух экземплярах и фиксирует необходимую информацию о произведении и его авторе. Один экземпляр остается у автора, а второй хранится у нотариуса, что обеспечивает дополнительную защиту. В случае нарушения авторских прав нотариально удостоверенный экземпляр служит весомым доказательством как на досудебной стадии, нередко позволяя урегулировать конфликт мирным путем, так и в судебном процессе, где нотариальная фиксация имеет высокую доказательственную силу [8].

Особое внимание заслуживает статья 1270 ГК РФ, устанавливающая исключительное право автора на доведение произведения до всеобщего сведения. Именно эта норма сегодня является ключевой в сфере Интернет-распространения, охватывая публикацию в социальных сетях, на видеохостингах, стриминговых платформах и сайтах. Однако практика применения данной статьи показывает, что правоохранительные органы и суды нередко сталкиваются с трудностями в определении субъекта ответственности, особенно в случаях, когда контент загружается анонимно или с использованием иностранных платформ.

В сфере авторского права особенности защиты прав и законных интересов группы лиц в арбитражном процессе приобретают всё большее значение из-за массового характера цифровых нарушений. Арбитражный процесс позволяет объединять требования нескольких правообладателей, пострадавших от одного и того же нарушения, что повышает эффективность рассмотрения дела и снижает судебные издержки [22]. Групповые требования особенно востребованы при незаконном использовании произведений организациями или онлайн-платформами, где нарушение затрагивает сразу множество авторов. Такой механизм способствует более комплексному восстановлению нарушенных прав и усиливает превентивное значение ответственности нарушителей [12].

Цифровая эпоха поставила перед правоприменением проблему массового нарушения авторских прав, в том числе в форме интернет-пиратства. По оценкам исследователей, значительная часть контента, распространяемого в сети, используется без разрешения правообладателей. В России одним из инструментов борьбы с пиратством стал так называемый «антипиратский закон» - Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ, внесший изменения в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс РФ [9].

Данный закон ввел механизм блокировки сайтов, на которых размещается контент с нарушением авторских прав, а также возможность постоянной блокировки при повторных нарушениях. В последующем нормы были расширены и распространены не только на фильмы и телепродукцию, но и на музыкальные произведения, книги, программное обеспечение и другие виды контента.

Тем не менее практика применения данных мер выявила ряд недостатков. Блокировка сайтов часто оказывается неэффективной, поскольку нарушители оперативно создают зеркала и альтернативные домены. Кроме того, существует риск чрезмерного ограничения свободы информации, что вызывает необходимость поиска баланса между защитой прав авторов и правом общества на доступ к знаниям и информации.

Одним из наиболее острых вопросов современного права является проблема признания авторства в отношении произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. Традиционно автором признаётся физическое лицо, творческим трудом которого создано

произведение. Однако современные информационные системы способны создавать изображения, музыку и видеоконтент, не требуя непосредственного творческого участия человека [10].

Российское законодательство не предусматривает возможности признания искусственного интеллекта субъектом авторского права. Следовательно, произведения, созданные цифровой системой, не подпадают под правовую охрану как объекты авторского права. Вместе с тем остаётся открытым вопрос: кому принадлежат имущественные права на такие результаты - разработчику цифровой платформы, пользователю, инициировавшему создание контента, либо компании-владельцу алгоритма. В зарубежной практике наблюдаются различные подходы. Суды в США склонны занимать сторону разработчиков ИИ-продуктов - в июне было принято два прецедентных решения. В деле *Bartz v. Anthropic* [11] суд постановил, что технологическая компания Anthropic правомерно использовала для обучения ИИ-модели тексты книг, принадлежащих другим правообладателям, в рамках доктрины добросовестного использования. А в деле *Kadrey* [23] суд принял аналогичное решение, рассмотрев вопрос использования литературных произведений для тренировки нейросети по спору между правообладателями и технологическим гигантом [13]. В Великобритании действует положение о том, что автором считается лицо, осуществившее «организацию и контроль за созданием произведения с помощью компьютера» [14].

Для российской правовой системы назрела необходимость научной дискуссии о допустимости и пределах правовой охраны подобных результатов. Возможным направлением развития законодательства может стать введение особого режима смежных прав на результаты, созданные с использованием искусственного интеллекта, аналогичного охране баз данных или фонограмм [15].

Ключевым принципом авторского права всегда оставалось сочетание защиты прав создателя произведения и обеспечения доступа общества к культурным благам. В условиях цифровизации этот баланс становится особенно уязвимым. С одной стороны, чрезмерное ужесточение охраны может препятствовать инновациям, свободному обмену информацией и развитию науки. С другой стороны, отсутствие эффективных механизмов защиты лишает авторов мотивации к творчеству [16].

Инструменты открытых лицензий (Creative Commons [17], GNU GPL [18] и др.) и модели «открытого доступа» (Open Access) [19] предлагают гибкий подход, позволяющий авторам самостоятельно определять границы использования их произведений. Однако российское законодательство пока не обеспечивает полноценной интеграции этих институтов, ограничиваясь лишь возможностью заключения лицензионных договоров с упрощёнными условиями.

Совершенствование правового регулирования авторских прав в условиях цифровизации представляет собой комплексное направление, требующее системного подхода и гармонизации норм национального законодательства с современными международными стандартами [20]. Одним из ключевых аспектов является необходимость разработки специального правового режима для цифровых произведений, а также для результатов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. Появление новых форм творческой деятельности, не всегда связанных с непосредственным участием человека, делает актуальным создание юридических механизмов, способных учитывать особенности генерируемого алгоритмами контента и обеспечивать его надлежащую правовую охрану.

Наряду с этим особое значение приобретает укрепление международного сотрудничества в сфере защиты авторских прав в Интернете. Эффективное взаимодействие с такими организациями, как Всемирная организация интеллектуальной собственности, Всемирная торговая организация и ЮНЕСКО, способствует формированию унифицированных подходов к регулированию трансграничных цифровых процессов. Международная координация усилий позволяет создать согласованные механизмы пресечения нарушений авторских прав и облегчить процедуру признания прав в различных юрисдикциях.

Не менее значимой задачей остаётся гармонизация российского законодательства с европейскими тенденциями, прежде всего с положениями Директивы (ЕС) 2019/790 о цифровом едином рынке. Данная директива направлена на установление баланса между защитой прав интеллектуальной собственности и поощрением инноваций, обеспечивая правовую определённость при использовании произведений в цифровой среде. Приведение отечественных норм в соответствие с международной практикой позволит России эффективно участвовать в формировании глобального правового пространства и повысит уровень защиты отечественных авторов в условиях цифровой экономики.

Таким образом, совершенствование правового регулирования авторских прав в цифровую эпоху должно носить комплексный характер, соединяя технологические новации с гибкими правовыми механизмами, способными обеспечить устойчивое развитие интеллектуальной деятельности и справедливое распределение прав и обязанностей между авторами, пользователями и государством.

Список литературы

1. Сырбо В.А., Крапивина Д.А. Трансформации институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1 (33). С. 161-172.
2. Рахматулина Р.Ш. Объекты авторского права в цифровом пространстве и формы их выражения // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. №1. С. 77-82.
3. Моргунова Е.А. Порядок использования объектов авторских прав, размещенных в сети Интернет // Журнал юридических исследований. 2021. Т. 6, № 2. С. 158-162.
4. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений* от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Официальный сайт федеральной службы по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. - URL: <https://rospatent.gov.ru/documents/bernskaya-konvenciya-ob-ohrane-literaturnyh-i-hudozhestvennyh-proizvedeniy> (дата обращения: 14.11.2025).
5. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. // Официальный сайт федеральной службы по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. - URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/trips> (дата обращения: 14.11.2025).
6. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20 декабря 1996 года // Официальный сайт федеральной службы по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. - URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/dogovor-vois-po-avtorskomu-pravu> (дата обращения: 14.11.2025).
7. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 года // Официальный сайт федеральной службы по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. - URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/dogovor-vois-po-ispolnitiyam-i-fonogrammam> (дата обращения: 14.11.2025).

8. Подкидышев С.К. Некоторые правовые аспекты нотариальной деятельности в Российской Федерации // *Via Scientiarum - Дорога знаний*. 2023. № 1. С. 53-57.
9. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // *Российская газета*. 10.07.2013. № 148.
10. Галлямова А.А. Авторское право на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта // *Образование и право*. 2023. №4. С. 240-248.
11. Официальный сайт Российского агентства правовой и судебной информации [Электронный ресурс]. - URL: https://rapsinews.ru/international_news/20250625/310977122.html (дата обращения: 14.11.2025).
12. Подкидышев С.К. Сравнительный анализ групповых и коллективных исков в российском и зарубежном законодательстве // *Via Scientiarum - Дорога знаний*. 2025. № 2. С. 35-42.
13. Официальный сайт справочно-правовой системы «Право.ру» [Электронный ресурс]. - URL: <https://pravo.ru/story/259757/> (дата обращения: 14.11.2025).
14. Грудцына Л.Ю. Искусственный интеллект и авторское право в Великобритании: к вопросу использования человеком искусственного интеллекта в творчестве // *Цифровое право*. 2025. №3. С. 30-33.
15. Медведев А.И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2022. №4(38). С. 48-63.
16. Коляса В.С. Авторское право и цифровизация в российской федерации - актуальные механизмы защиты авторских прав в цифровой среде // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2021. №10. С. 171-175.
17. Арутюнян В.А. Лицензии creative commons в России // *Экономика, предпринимательство и право*. 2019. №4. С. 617-628.
18. Онтужев В.В., Пузанова Г.А., Антамошкин О.А. Особенности применения программ, распространяемых по лицензии GNU/GPL в российских организациях // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2012. №8. С. 401-402.
19. Яночкина Ю.В. Модели открытого доступа российских научных журналов // *Управление наукой: теория и практика*. 2024. №2. С. 188-202.
20. Сосорин К.Д. Развитие системы регулирования института защиты авторских прав в условиях цифровой трансформации // *Юридическая наука*. 2024. №11. С. 271-275.
21. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч.4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // *Российская газета*. 22.12.2006. №289.
22. Подкидышев С. К., Подкидышева Ю. К. Особенности защиты прав и законных интересов группы лиц в арбитражном процессе // *Научные исследования 2024: актуальные теории и концепции: Сборник материалов XLIX-ой международной очно-заочной научно-практической конференции*. В 3-х томах, Москва, 08 мая 2024 года. Москва: Научно-издательский центр «Империум», 2024. С. 112-115.
23. Официальный сайт советской и российской ежедневной общественно-политической газеты с усиленным деловым блоком «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7835046> (дата обращения: 14.11.2025).

References

1. Syrbo V.A., Krapivina D.A. Transformations of copyright and related law institutions in the context of digitalization // *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2025. No. 1 (33). pp. 161-172.
2. Rakhmatulina R.Sh. Objects of copyright in the digital space and the forms of their expression // *The law of the future: Intellectual property, innovation, the Internet*. 2018. No. 1. pp. 77-82.
3. Morgunova E.A. The procedure for using copyright objects posted on the Internet // *Journal of Legal Research*. 2021. Vol. 6, No. 2. pp. 158-162.
4. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works" dated 09.09.1886 (as amended on 28.09.1979) // Official website of the Federal Service for Intellectual Property [Electronic resource]. - URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/bernskaya-konvenciya-ob-ohrane-literaturnyh-i-hudozhestvennyh-proizvedeniy> (date of request: 14.11.2025).
5. Agreement on Trade-related Aspects of Intellectual Property Rights 1994 // Official website of the Federal Service for Intellectual Property [Electronic resource]. - URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/trips> (date of request: 11/14/2025).
6. The Agreement of the World Intellectual Property Organization on Copyright dated December 20, 1996 // Official website of the Federal Service for Intellectual Property [Electronic resource]. - URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/dogovor-vois-po-avtorskomu-pravu> (date of conversion: 11/14/2025).
7. The Agreement of the World Intellectual Property Organization on Performances and Phonograms dated December 20, 1996 // Official website of the Federal Service for Intellectual Property [Electronic resource]. - URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/dogovor-vois-po-ispolnitelnyam-i-fonogrammam> (date of request: 11/14/2025).
8. Podkidyshev S.K. Some legal aspects of notarial activity in the Russian Federation // *Via Scientiarum - The Road of Knowledge*. 2023. No. 1. pp. 53-57.
9. Federal Law No. 187-FZ dated 07/02/2013 (as amended on 03/12/2014) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Property Rights in Information and Telecommunication Networks" // *Rossiyskaya Gazeta*. 07/10/2013. No. 148.
10. Gallyamova A.A. Copyright in works created using artificial intelligence technologies // *Education and Law*. 2023. No. 4. pp. 240-248.
11. The official website of the Russian Agency for Legal and Judicial Information [Electronic resource]. - URL: https://rapsinews.ru/international_news/20250625/310977122.html (date of request: 11/14/2025).
12. Podkidyshev S.K. Comparative analysis of group and collective lawsuits in Russian and foreign legislation // *Via Scientiarum - The Road of Knowledge*. 2025. No. 2. pp. 35-42.
13. Official website of the legal reference system "Pravo.ru" [Electronic resource]. - URL: <https://pravo.ru/story/259757/> (date of request: 14.11.2025).
14. Grudtsyna L.Y. Artificial intelligence and copyright in the UK: on the issue of human use of artificial intelligence in creativity // *Digital law*. 2025. No. 3. pp. 30-33.
15. Medvedev A.I. Legal aspects of artificial intelligence and related technologies // *Journal of the Court of Intellectual Property Rights*. 2022. No. 4(38). pp. 48-63.
16. Kolyasa V.S. Copyright and digitalization in the Russian Federation - current mechanisms of copyright protection in the digital environment // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2021. No. 10. pp. 171-175.
17. Harutyunyan V.A. Creative commons licenses in Russia // *Economics, entrepreneurship and law*. 2019. No. 4. pp. 617-628.
18. Ontuzhev V.V., Puzanova G.A., Antamoshkin O.A. Features of the use of programs distributed under the GNU/GPL license in Russian organizations // *Actual problems of aviation and cosmonautics*. 2012. No. 8. pp. 401-402.
19. Yanochkina Yu.V. Models of open access of Russian scientific journals // *Management of science: theory and practice*. 2024. No. 2. pp. 188-202.
20. Sosorin K.D. Development of the system of regulation of the Institute of copyright protection in the context of digital transformation // *Legal Science*. 2024. No. 11. pp. 271-275.
21. The Civil Code of the Russian Federation Part 4 (Civil Code of the Russian Federation part4) dated 12/18/2006 No. 230-FZ (as amended on 07/23/2025) // *Rossiyskaya Gazeta*. 22.12.2006. №289.
22. Podkidyshev S. K., Podkidysheva Yu.K. Features of protecting the rights and legitimate interests of a group of persons in the arbitration process // *Scientific research 2024: current theories and concepts: Proceedings of the XLIX-th international correspondence scientific and practical conference*. In 3 volumes, Moscow, May 08, 2024. Moscow: Scientific Publishing Center "Empire", 2024. pp. 112-115.
23. The official website of the Soviet and Russian daily socio-political newspaper with a reinforced business block "Kommersant" [Electronic resource]. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7835046> (date of request: 14.11.2025).

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРНОЙ, ПРЕТЕНЗИОННОЙ И СУДЕБНО-ИСКОВОЙ РАБОТЫ В УИС РФ ORGANIZING CONTRACTUAL, CLAIMS, AND LITIGATION WORK IN THE CRIMINAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

ПОМОЩНИКОВА Надежда Владимировна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, Сенная ул., д. 1.
e-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

ЧЕЧЕНОВА Ляна Залимовна

научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Университета ФСИН России
196602, Россия, г. Пушкин, ул. Саперная д. 34.
e-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

POMOSHCHIKOVA Nadezhda Vladimirovna

candidate of law, senior lecturer in the department of civil law and procedure of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan Oblast, Ryazan, Sennaya str., 1.
e-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

CHENCHENOVA Lyana Zalimovna

research associate, organizational, scientific, and editorial and publishing department, University of the Federal Penitentiary Service of Russia
196602, Russia, Pushkin, Sapernaya st., 34.
e-mail: nadia.pomoshchikova@mail.ru

Краткая аннотация. Представленная статья посвящена анализу нормативно-правовых основ и организации правовой работы в УИС. Авторами раскрывается понятие, цели и этапы договорной работы; исследуется организация претензионной работы как инструмента защиты интересов УИС, определяется роль юридической службы в ведении судебно-исковой работы и представлении учреждений и органов ФСИН России в судах. Особое внимание уделено проблемам повышения эффективности судебной защиты интересов УИС РФ. Авторами высказывается предложение о внедрении автоматизированной системы учета результатов договорной, претензионной и судебно-исковой работы с возможностью проведения регулярного анализа типичных нарушений и о необходимости разработки регламента, определяющего порядок действия работников в рамках исполнения приказа ФСИН России от 19 января 2024 г. № 26.

Abstract. This article analyzes the legal framework and organization of legal work in the Penitentiary System. The authors explain the concept, goals, and stages of contractual work; examine the organization of claims processing as a tool for protecting the interests of the Penitentiary System; and define the role of the legal service in conducting litigation and representing agencies and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in court. Particular attention is paid to improving the effectiveness of judicial protection of the interests of the Penitentiary System of the Russian Federation. The authors propose the implementation of an automated system for recording the results of contractual, claims, and litigation work, with the ability to regularly analyze typical violations, and the need to develop regulations governing the actions of employees in implementing Order No. 26 of the Federal Penitentiary Service of Russia dated January 19, 2024.

Ключевые слова: договорная работа, претензия, иск, представительство, защита прав и законных интересов учреждений и органов УИС.

Keywords: contractual work, claim, claim, representation, protection of the rights and legitimate interests of institutions and bodies of the Criminal Justice system.

Статья поступила в редакцию: 01.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Организация договорной, претензионной и судебно-исковой работы в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) России представляет собой многогранный процесс, направленный на правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН, защиту их интересов и укрепление законности. Данная работа регулируется комплексом нормативных правовых актов, ключевым из которых является Приказ ФСИН России от 19 января 2024 г. № 26 «Об организации договорной, претензионной и судебно-исковой работы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и ее правовом обеспечении» (далее – Приказ № 26).

Как справедливо отмечают В.О. Бабова, О.А. Владимирова, обеспечение деятельности учреждений УИС РФ сопряжено с большим количеством гражданско-правовых отношений, связанных с договорными обязательствами, вопросами возмещения вреда и т. д. Вследствие этого учреждения УИС часто выступают в качестве участников арбитражного или гражданского процесса [1, с. 93]. Из этого следует, что эффективная организация договорной, претензионной и судебно-исковой работы является необходимым условием для нормального функционирования УИС, защиты имущественных прав и интересов, а также обеспечения экономической безопасности в условиях развития общества и государства.

Как нами было отмечено ранее основные правила организации и ведения договорной, претензионной и судебно-исковой работы в УИС определяются Приказом № 26. В соответствии с названным нормативно-правовым актом договорная работа в учреждениях и органах УИС направлена на недопущение нарушений законодательства Российской Федерации и интересов УИС при заключении письменных соглашений об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Основным содержанием договорной работы является обеспечение установленного порядка подготовки, согласования и проведения правовой экспертизы проектов договоров, а также обеспечение контроля за их исполнением. Организационное сопровождение договорной работы осуществляется подразделением учреждения, органа УИС, в чьих интересах заключается контракт (договор).

Договорная работа предусматривает следующие этапы:

1. сбор и анализ сведений о контрагенте;
2. проверка контрагента;
3. подготовка обоснования заключения договора, оферты и проекта договора;
4. согласование и правовая экспертиза проекта договора;
5. заключение договора;
6. исполнение договора.

Правовая экспертиза осуществляется сотрудниками юридического подразделения учреждения или органа УИС. Основанием для ее проведения выступает необходимость проверки соответствия формы и содержания проекта договора требованиям законодательства РФ, наличия существенных условий договора и всех приложений, являющихся неотъемлемыми частями договора.

Существенную роль в урегулировании разногласий играет досудебный претензионный порядок. В практической деятельности претензионная работа направлена на предварительное разрешение гражданско-правового спора. Претензионная работа проводится в тесном взаимодействии отделов (подразделений) учреждений и органов УИС с юридическим и финансово-экономическим подразделениями.

Легальное толкование досудебного урегулирования спора дает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18. Так, под досудебным урегулированием следует понимать деятельность сторон спора до обращения в суд, осуществляемую ими самостоятельно (переговоры, претензионный порядок) либо с привлечением третьих лиц (например, медиаторов, финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг), а также посредством обращения к уполномоченному органу публичной власти для разрешения спора в административном порядке¹. Претензионная работа учреждений и органов УИС представляет собой работу подразделений учреждений и органов УИС по урегулированию спорных вопросов с контрагентами и иными лицами с использованием досудебных процедур.

В судопроизводстве с участием учреждений и органов УИС досудебный порядок является обязательным по спорам:

1. о заключении договора в обязательном порядке;
2. об изменении и о расторжении договора;
3. о заключении государственного или муниципального контракта;
4. о заключении договора поставки товаров для государственных или муниципальных нужд;
5. о расторжении договора аренды, проката, аренды транспортных средств, аренды зданий и сооружений, аренды предприятий, финансовой аренды;
6. о расторжении договора перевозки груза, пассажира, багажа, а также возмещении ущерба, причиненного при перевозке пассажира и багажа;
7. о расторжении договора банковского счета.

Претензионный порядок предполагает урегулирование споров путем предъявления должнику требования об исполнении возложенной на него обязанности. Срок направления этих требований составляет 30 дней с момента неисполнения контрагентом своих обязательств. Претензионные требования излагаются в форме письменного документа (претензии), в котором указываются требования учреждения или органа УИС, а также сумма претензии и ее обоснованный расчет, обстоятельства, на которых основываются требования, и доказательства, их подтверждающие, перечень прилагаемых к претензии доказательств и иные сведения, необходимые для урегулирования спора. Приказ № 26 предусматривает возможность информирования контрагента о претензионных требованиях по электронной почте. При этом, требования должны включать срок для дачи ответа на претензию должником, который, как правило, не превышает одного месяца. В случае полного или частичного отказа в удовлетворении претензии или неполучения на нее ответа в установленный срок, подразделениями учреждения или органа УИС организуется подготовка к разрешению спора в суде.

Судебно-исковая работа учреждения или органа УИС представляет собой работу подразделений по урегулированию спорных вопросов в судебных органах в порядке конституционного, гражданского (в том числе судопроизводства в арбитражных судах), административного, уголовного судопроизводства, а также представлению интересов учреждения или органа УИС (как потерпевшего) в следственных органах.

Целями судебно-исковой работы являются:

1. защита нарушенных, или оспариваемых прав и законных интересов РФ, учреждений или органов УИС;
2. обеспечение договорной дисциплины в правоотношениях с участием учреждений или органов УИС, законности при исполнении договорных и внедоговорных обязательств;
3. устранение и предупреждение нарушений, повлекших привлечение ФСИН России, учреждения или органа УИС к участию в делах, рассматриваемых судебными органами;
4. исполнение вступивших в законную силу судебных постановлений.

Судебно-исковая работа с участием учреждений или органов УИС, в арбитражных судах и судах общей юрисдикции осуществляются юридическим подразделением учреждения или органа УИС и строится на общих принципах и нормах гражданско-процессуального и арбитражного законодательства.

Анализ судебной практики за 2023-2024 г.г. позволяет сделать вывод о том, что основную категорию дел, рассматриваемых арбитраж-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // «Российская газета», № 144, 02.07.2021.

ными судами с участием учреждений и органов УИС, составили:

- иски ресурсоснабжаемых организаций о взыскании задолженности по заключенным контрактам;
- иски о привлечении ФСИН России к субсидиарной ответственности (взыскании убытков) в рамках рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) федеральных государственных унитарных предприятий;
- иски по неисполнению обязательств перед поставщиками в результате осуществления учреждениями УИС собственной производственной деятельности в целях исполнения требований уголовно-исполнительного законодательства РФ об обязательном привлечении осужденных к труду;
- иски по ненадлежащему исполнению обязательств по договорам и государственным контрактам со стороны контрагентов;
- споры о взыскании с поставщиков (исполнителей, подрядчиков) неустоек (пени, штрафы).

В качестве ответчика учреждения и органы УИС чаще всего выступали в спорах:

1. о возмещении вреда (убытков), причиненного неправомерными действиями подозреваемых, обвиняемых и осужденных. По указанной категории споров отмечается увеличение сумм денежных средств, взысканных с подозреваемых, обвиняемых и осужденных в связи с совершением ими неправомерных действий,
2. о возмещении вреда (убытков), причиненного учреждению или органу УИС работниками УИС.

В порядке административного судопроизводства значительную категорию дел составили иски осужденных о взыскании компенсации в порядке статьи 227.1 КАС РФ по нарушениям условий содержания лиц, содержащихся под стражей, в части ненадлежащего коммунально-бытового обеспечения лиц, содержащихся под стражей, а именно: нарушение санитарной нормы жилой площади и отсутствие спального места, а также нарушения, допущенные при привлечении осужденных к дисциплинарной ответственности. К распространенной категории дел, рассматриваемой судами общей юрисдикции, относятся трудовые споры.

При определении эффективности договорной, претензионной и судебно-исковой работы заслуживают внимания предложения, высказанные Э.С. Карповым, А.Л. Сердюком, а именно: предложено систематизировать основные принципы работы путем введения стандарта согласования договоров, библиотеки шаблонов и банка стандартных положений. Кроме этого, предлагается разработать локальный документ, закрепляющий все процессы договорной работы, адаптированный под конкретное учреждение (орган). В этом же локальном акте можно зафиксировать, конкретизировать и определить функционал сотрудников, задействованных на любом из этапов договорной работе, утвердить ответственных должностных лиц, а также определить сроки согласования договора и иные необходимые сроки [2, с. 7].

В литературе высказывались и иные мнения о повышении эффективности организации договорной, претензионной и судебно-исковой работы [3, с. 85]:

- превентивное направление - более тщательная проверка контрагентом перед заключением различных договоров и контрактов. Это позволяет снизить количество судебных разбирательств с участием учреждений УИС;
- привлечение сторонних профессиональных представителей - юристов, которые не состоят на службе в УИС, адвокатов, коммерческих организаций.

Небезынтересным выступают предложения по внедрению программ для управления договорной работой, документооборотом, претензионной и судебной деятельностью, которые представляют собой электронную базу данных для учета договоров, дополнительных соглашений и коммерческих условий к ним в различных вариантах и для различных видов деятельности. Такие программы позволяют сократить временные затраты на подготовку однотипных документов и обеспечивают их высокую точность и соответствие юридическим требованиям путем создания и использования собственных шаблонов, автоматической подготовки юридических документов по системным или собственным шаблонам, формирование единой базы знаний¹. На наш взгляд, для повышения качества организации договорной, претензионной и судебно-исковой работы в УИС РФ целесообразно внедрить автоматизированную систему учета результатов данной работы с возможностью проведения регулярного анализа типичных нарушений и разработать регламент, определяющий порядок действия работников в рамках исполнения приказа ФСИН России от 19 января 2024 г. № 26 «Об организации договорной, претензионной и судебно-исковой работы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и ее правовом обеспечении».

Список литературы:

1. Владимирова, О. А. Вопросы осуществления защиты интересов учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в судах / О. А. Владимирова, В. О. Бабова // Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2024. – С. 93-96.
3. Карпов, Э.С., Сердюк, А.Л. Организация и техника договорной, претензионной и судебно-исковой работы : учебное пособие. – Санкт-Петербург : Университет ФСИН России, 2022. – 48 с.
4. Бураков, И. С. Реализация принципа судебной защиты гражданских прав в деятельности учреждений УИС / И. С. Бураков, Д. А. Пасковин // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : Материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием. В 3-х частях, Самара, 23 апреля 2021 года. Том Часть 1. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 84-87.

References:

1. Vladimirova, O. A. Issues of Implementing the Protection of the Interests of Institutions of the Penal System of the Russian Federation in the Courts / O. A. Vladimirova, V. O. Babova // Legal Science and Practice: Almanac of Scientific Works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2024. - Pp. 93-96.
3. Karpov, E. S., Serdyuk, A. L. Organization and Technology of Contractual, Claim, and Litigation Work: A Study Guide. - St. Petersburg: University of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. - 48 p.
4. Burakov, I. S. Implementation of the principle of judicial protection of civil rights in the activities of penal institutions / I. S. Burakov, D. A. Praskov'in // Problems and prospects for the development of the penal system of Russia at the present stage: Proceedings of the All-Russian scientific conference of adjuncts, graduate students, cadets and students with international participation. In 3 parts, Samara, April 23, 2021. Volume Part 1. - Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. - P. 84-87.

¹ Справочно: например, Программа для управления договорной работой, документооборотом, претензионной и судебной деятельностью предприятия. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016612004 Российская Федерация: заявл. 17.12.2015 : опубл. 16.02.2016 / Д. С. Ерусов, Н. А. Фалин, О. М. Циций [и др.] : заявитель ООО «Максима Логистик». ДЭЛТА.DOC - сервис автоматизации договорной и судебно-претензионной работы, версия 2.0. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024687356 Российская Федерация: № 2024686450 : заявл. 06.11.2024 : опубл. 18.11.2024 / А. Г. Новичихина, Е. В. Новичихин ; заявитель ООО «Дельта консалтинг групп».

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1196

УДК 347.1

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ БЛОКИРОВКЕ КАРТОЧКИ ТОВАРА НА MARKETПЛЕЙСЕ WILDBERRIES JUDICIAL PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS WHEN THE PRODUCT CARD IS BLOCKED ON THE WILDBERRIES MARKETPLACE

МАЛЫШКИН Павел Владимирович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (СПБУТУиЭ), Санкт-Петербург
193315, Россия, г. Санкт-Петербург, А/Я 11
E-mail: law_spb_ru@mail.ru

MALYSHKIN Pavel Vladimirovich,
postgraduate student Department of Civil law and process
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE), Saint-Petersburg
193315, Russia, St. Petersburg, A/Z 11
E-mail: law_spb_ru@mail.ru

Научный руководитель:

ГЕЛЬДИБАЕВ Мовлад Хасиевич
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (СПБУТУиЭ), Санкт-Петербург.
193315, Россия, г. Санкт-Петербург, А/Я 11
E-mail: law_spb_ru@mail.ru

GELDIBAEV Movlad Khasievich
Doctor of Law, Professor Department of Civil Law and Procedure
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE), Saint Petersburg.
193315, Russia, St. Petersburg, A/Z 11
E-mail: law_spb_ru@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена комплексному анализу вопросу судебной защиты прав предпринимателей в случае блокировки карточки товара на маркетплейсе Wildberries. Проводится исследование правовой природы агентских отношений между продавцом и площадкой, выявляя системные дисбалансы. На основе обзора практики арбитражных судов Российской Федерации демонстрируется отсутствие единообразных подходов к разрешению таких споров. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации процессуальной модели защиты, основанной на анализе успешной судебной практики по делам против маркетплейса. В работе детально раскрыта тактика формирования доказательственной базы и правовой позиции, убедительной для суда, а также сформулированы практические рекомендации для предпринимателей и предложения по совершенствованию законодательства. Статья будет полезна юристам практикам, а также предпринимателям, которые сотрудничают с маркетплейсами.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the issue of judicial protection of entrepreneurs' rights in the event of blocking a product card on the Wildberries marketplace. The article examines the legal nature of the agency relationship between the seller and the marketplace, identifying systemic imbalances. Based on a review of arbitration practice, the article demonstrates the lack of uniform approaches to resolving these disputes. The scientific novelty of the study lies in the presentation of a successfully tested protection model developed based on personal experience in winning cases against the marketplace. The paper provides a detailed description of the tactics used to form an evidence base and a legal position that is convincing to the court, as well as practical recommendations for entrepreneurs and suggestions for improving legislation. This article will be useful for practicing lawyers and entrepreneurs who work with marketplaces.

Ключевые слова: маркетплейс, Wildberries, блокировка карточки товара, защита прав предпринимателей, арбитражная практика, практика арбитражных судов, агентский договор, злоупотребление правом, судебная защита.

Key words: marketplace, Wildberries, blocking of product cards, protection of entrepreneurs' rights, arbitration practice, agency agreement, abuse of rights, judicial protection.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Формирование цифровой экономики и стремительная экспансия платформенных бизнес-моделей обуславливают трансформацию традиционных правоотношений в сфере торговли. В Российской Федерации доминирующее положение на рынке электронной коммерции занимает маркетплейс Wildberries, который для сотен тысяч субъектов малого и среднего предпринимательства стал ключевым, а зачастую и единственным, каналом сбыта [1]. Однако интеграция в экосистему цифровой платформы сопряжена для предпринимателей с системными правовыми рисками, наиболее существенным из которых является возможность односторонней блокировки карточки товара. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена критической зависимостью бизнеса от стабильности работы на маркетплейсе, где блокировка карточки товара равносильна приостановке всей хозяйственной деятельности, связанной с конкретной товарной единицей [2]. Масштаб проблемы подтверждается значительным количеством соответствующих судебных споров. При этом правовое регулирование отношений между продавцом и маркетплейсом остается фрагментарным, а условия заключаемых договоров присоединения зачастую содержат дисбаланс прав и обязанностей в пользу площадки. Сложившаяся практика арбитражных судов Российской Федерации отличается противоречивостью и отсутствием единообразного подхода к защите прав предпринимателей, что свидетельствует о наличии значительной научной проблемы. Сформулированная научная проблема заключается в существующем противоречии между критической зависимостью субъектов малого и среднего предпринимательства от цифровых платформ (на примере маркетплейса Wildberries) и отсутствием эффективных, унифицированных механизмов их судебной защиты в

случае одностороннего блокирования карточки товара. Указанное противоречие усугубляется рядом факторов. Во-первых, это дисбаланс прав и обязанностей в договорах присоединения, которые предоставляют маркетплейсу широкий спектр полномочий. Во-вторых, фрагментарность и коллизийность правового регулирования отношений «продавец-маркетплейс». Не малое влияние оказывает сложившаяся негативная практика арбитражных судов, в которой суды, в спорных и неоднозначных обстоятельствах, как правило, занимают сторону маркетплейса, ссылаясь на свободу договора и возлагая на предпринимателя практически неисполнимое бремя доказывания. Таким образом, проблема заключается в неразработанности научно обоснованной и практически применимой процессуальной модели защиты прав предпринимателей, способной преодолеть информационную и процедурную асимметрию в спорах с доминирующими цифровыми платформами.

Необходимо отметить, что в статье используется практикоориентированная лексика и терминология, что продиктовано саморегулированием деятельности маркетплейсов и спецификой предмета исследования. Такой подход позволяет анализировать действительные правовые пробелы, а не только абстрактные теории.

Анализ заключаемого договора между маркетплейсом Wildberries и предпринимателями позволяет определить текущий статус карточки товара как информационного объекта, используемого для реализации товара на маркетплейсе. Для сохранения актуальности настоящего исследования анализируется версия оферты, действовавшая на момент проведения исследования. Так, маркетплейс Wildberries (текущий оператор маркетплейса ООО «РВБ»: ИНН 9714053621, ОГРН 1247700471919) закрепляет в договоре следующую дефиницию: «карточка товара – это совокупность информации о Товаре, размещенной Продавцом на Портале, включая: наименование и описание, технические характеристики, страну изготовления, изготовителя, нанесенные на Товар объекты интеллектуальной собственности, фотографии и видеоизображения, за исключением информации о цене Товара» [3]. Представляется, что приведенная дефиниция, несмотря на ее нормативное закрепление в договоре, является устаревшей и не отражает комплексную функциональную нагрузку карточки товара в экосистеме маркетплейса. Помимо указанного в договоре, карточка товара также агрегирует отзывы и вопросы покупателей, собирает и хранит данные о продажах в базе данных маркетплейса, а также обобщает иные сведения, которые влияют на положение карточки товара в поисковой выдаче по запросам потребителей. При этом действующее законодательство не содержит легального определения понятия карточки товара. Несмотря на то, что в принятом в 2025 году федеральном законе «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее – федеральный закон; ФЗ № 289) впервые официально закрепили понятие карточки товара, но на момент исследования, данный правовой акт еще не вступил в силу [4]. Таким образом, предлагается отталкиваться от термина, закрепленного в оферте маркетплейса.

При этом, стоит отметить, что вышеуказанный федеральный закон регламентирует в статье 13 такие действия со стороны оператора цифровой платформы (маркетплейса) как «ограничение размещения карточки товара» и «прекращение размещения карточки товара», в том числе устанавливая порядок такого ограничения или прекращения размещения, а также возможность оспаривания соответствующих действий оператора. С правовой точки зрения, принципиальных различий подходы оферты в сравнении с положениями федерального закона, не содержат. Представляется возможным установить, что принятое государственное регулирование, фактически закрепляет сложившийся многолетний порядок взаимодействия между сторонами правоотношений, внося точечные корректировки, например, в части сроков ответа при обжаловании. С учетом того, что описанные правовые механизмы не претерпевают принципиальных изменений, актуальность настоящего исследования сохраняется и после вступления в силу (01.10.2026 года) федерального закона. Ранее указывалось, что в исследовании используется терминология оферты маркетплейса, помимо прочего, учитывая ретроспективный взгляд на отношения между участниками рынка, а также анализ разрешения споров в арбитражных судах, то исследование акцентировано именно на сложившихся договорных отношениях между маркетплейсом и продавцами. Такой подход обеспечивает объективный взгляд на практику арбитражных судов в контексте исследования.

Карточка товара, как объект активного воздействия со стороны предпринимателей, может быть создана при непосредственном доступе к portalу маркетплейса Wildberries для поставщиков, путем предоставления лицензии, в момент принятия оферты. Также договор закрепляет, что сам маркетплейс не имеет права вносить какие-либо изменения в карточку товара. Следовательно, как изучаемый объект, карточка товара строго относима к конкретному предпринимателю через его личный кабинет на портале маркетплейса. Относительно карточек товаров, маркетплейсом создано большое количество инструкций по заполнению, а также правил и ограничений. При создании карточки товара, предприниматель берет на себя ряд закрепленных в оферте обязательств, несоблюдение которых квалифицируется маркетплейсом как нарушение. В случае выявления подобных нарушений, маркетплейс в одностороннем порядке вправе заблокировать карточку товара, например, в таких случаях как: нарушение авторских прав; продажа запрещенных товаров; создание дублирующих карточек; использование запрещенных маркетинговых фраз; размещение контактных данных предпринимателя. Данный перечень не является исчерпывающим, перечислены одни из самых часто встречающихся причин блокировки карточки товара. Также карточка товара может быть заблокирована маркетплейсом по обращению правообладателя, через специальный функционал «Цифровой арбитраж» в тех случаях, если предприниматель незаконно использовал контент в оформлении карточки товара, либо в случаях оставления обращения без ответа в установленных маркетплейсом срок.

Анализ договора маркетплейса Wildberries показал, что блокировка карточки товара непосредственно выступает мерой договорной ответственности за нарушение взятых на себя обязательств. Однако, предлагаемая к заключению оферта не содержит в себе закрепленного описания того, что из себя представляет блокировка карточки товара. Практический опыт правозащитной деятельности и участие в экономических спорах между предпринимателями и маркетплейсами позволяет определить, что блокировка карточки товара — это программное действие маркетплейса направленное на скрытие карточки товара из каталога товара, а также из поисковой выдачи на сайте маркетплейса, а также в приложении для смартфонов и иных мобильных устройств. Таким образом, заблокированная карточка товара скрыта от потенциальных покупателей из

неограниченного числа неограниченного посетителей сайта и приложения маркетплейса Wildberries, и недоступна для совершения сделки купли-продажи. Даже если такая карточка была добавлена покупателем в список избранных товаров, перейти на индивидуальную страницу товара в момент блокировки не получится, а на экране устройства потенциального покупателя будет отображено уведомление о том, что искомым товар найти не удалось.

Определив то, как выглядят последствия блокировки карточки товара в практической плоскости, необходимо квалифицировать данные обстоятельства с точки зрения права. Учитывая сущность маркетплейса, как информационного посредника, который отображает на своем интернет-ресурсе предложение к приобретению товара, а также агента, который от лица своего принципала совершает и исполняется сделки купли-продажи, фактически, предприниматели при блокировке карточки товара сталкиваются с приостановкой исполнения обязательств со стороны маркетплейса.

По мнению Н.В. Южанина, такие меры разумно вписываются в современное обязательственное право, как правозащитные инструменты самостоятельного одностороннего воздействия на контрагента, что подчеркивает их принадлежность к институту самозащиты прав [5, с.61]. Такая мера действительно является оправданной и достаточно эффективной в случае, если блокировка карточки товара является законной и обоснованной, а все процедуры и процессуальные требования соблюдены.

В современной правовой доктрине, отношения «продавец — маркетплейс» все чаще анализируются через призму концепций, выходящих за рамки классического договорного права. В частности, получила распространение теория о платформе как частном регуляторе (И.В. Ершова), устанавливающим собственный правопорядок в цифровой экосистеме. Действия такого регулятора должны соответствовать принципам процедурной справедливости (А.Я. Курбатов). Экономическая и информационная зависимость продавца формирует ситуацию локальной монополии платформы (К.Ю. Тотьев), что оправдывает усиление судебного контроля за ее односторонними действиями [6-8]. Кроме того, блокировка карточки товара затрагивает вопрос о правовой природе цифрового актива, созданного усилиями предпринимателя, изучение которого обладает широкой перспективой.

Проведенный анализ картотеки арбитражных дел (КАД «Электронной правосудие») позволяет утверждать, что среди более 7000 судебных решений, вынесенных судами первой инстанции, с участием маркетплейса Wildberries в качестве ответчика, возможно выделить как отдельную категорию споров с маркетплейсом – споры в связи с блокировкой карточки (карточек) товаров [9]. Такой вывод показывает, что в текущей хозяйственной деятельности маркетплейса имеют место факты незаконных блокировок карточек товаров. Незаконность блокировки видится исключительно в том, что маркетплейс избегает обязанности предоставить документы о совершенных предпринимателями нарушениях, при том, что такая обязанность закреплена в договоре. Такие блокировки несут за собой экономические последствия для субъектов предпринимательской деятельности, так как товары перестают быть доступны для заказа покупателями. Более того, блокировки карточек товаров могут принести предпринимателям убытки, которые выражаются в штрафах от маркетплейса, а также в необходимости оплачивать услуги логистики маркетплейса, так как «заблокированный» товар не может находиться на складах маркетплейса для дальнейшего хранения, и должен быть принудительно возвращен предпринимателю. Такой возврат является возмездной услугой несмотря на то, что волеизъявление продавца отсутствует – последний просто принимает установленный алгоритм действий маркетплейса, при акцептировании оферты.

Ретроспективный анализ сложившейся практики арбитражных судов позволяет констатировать доминирование решений, в которых суды отказывали в удовлетворении исковых требований предпринимателей, оспаривавших блокировку карточек товаров, несмотря на то что документы, подтверждающие нарушение правил маркетплейса, самим маркетплейсом не предоставляются. С формированием устойчивой отрицательной практики, предприниматели стали меньше прибегать к включению в исковые заявления требований неимущественного характера, связанных с обязанием маркетплейса разблокировать карточки товара, ограничиваясь попытками взыскать убытки, возникшие в результате блокировки карточек товаров, а также взыскания упущенной выгоды. Суды в подобных спорах последовательно занимают позицию маркетплейса Wildberries. Это связано со следующими ключевыми факторами: 1) приоритет договорных условий – суды последовательно указывают, что, присоединяясь к оферте, продавец добровольно согласился со всеми ее условиями, включая право маркетплейса на одностороннюю блокировку товаров. Суды признают эти условия правомерными, если они не противоречат закону; 2) свобода договора и право маркетплейса определять правила сотрудничества – суды подчеркивают, что маркетплейс как организатор цифровой платформы вправе устанавливать собственные правила для поддержания порядка и качества услуг на своей площадке; 3) бремя доказывания лежит на истце – факт блокировки, ее незаконность, причинно-следственную связь между блокировкой и убытками, в том числе в виде упущенной выгоды; 4) отказ в удовлетворении требований о взыскании убытков в виде упущенной выгоды – убытки должны быть доказаны с разумной степенью достоверности, в связи с этим прогнозные расчеты продавцов не принимались. Кроме того, от решения к решению прослеживается определенный вывод судов, касательно сложности конструкции упущенной выгоды в разрезе предпринимательской деятельности на маркетплейсах: наличие факта продаж зависит не только от факта размещения карточки товара на маркетплейсе, но и от множества других факторов, например, таких как спрос, сезонность, конкуренция и прочие.

Таким образом, можно сделать вывод, что практика споров в арбитражных судах по вопросу блокировки карточек товаров на маркетплейсе Wildberries практически единогласна в защите права маркетплейса на блокировку. Однако, стоит отметить, что среди большого количества изученных судебных актов в рамках настоящего исследования, на общем фоне выделяются судебные акты по делам № А41-108417/23, № А41-3945/24, № А41-63228/2024 [10-12]. Особенность данных дел обусловлена тем, что на данный момент они являются единственными в практике арбитражных споров, когда решение суда было вынесено в пользу истцов-предпринимателей, а не в пользу маркетплейса. Уникальность

данных дел также подтверждается тем, что в их основе лежит единая правовая позиция, построенная на системных процедурных нарушениях со стороны ответчика. Успешная реализация данной позиции подтверждается вынесенными положительными судебными актами.

В качестве репрезентативного примера, демонстрирующего эффективность выработанной стратегии защиты, рассмотрим дело № А41-108417/23, в котором впервые была успешно применена стратегия, нарушившая единство сложившейся судебной практики. Данный случай наглядно иллюстрирует, как системная правовая позиция, построенная на процессуальных нарушениях со стороны маркетплейса и нормах о добросовестности, позволяет добиться положительного результата. В качестве ключевых аргументов защиты использовались следующие аргументы: 1) указывалось, что действия маркетплейса по блокировке и начислению штрафов носили произвольный характер, что отягчалось доминирующим положением маркетплейса; 2) несоблюдение установленной договором процедуры привлечения к ответственности. Маркетплейс при выявлении каких-либо нарушений, должен был составить соответствующий акт, и предоставить его нарушителю, и лишь после этого применять штрафные санкции; 3) подробное разяснение позиции с опорой на положения договора позволило перераспределить бремя доказывания, чего не удавалось предпринимателям и их судебным представителям в других дела. Был сделан акцент на том, что бремя доказывания факта нарушения и обоснованности штрафа лежит на маркетплейсе.

Решающее значение для вопроса разблокировки карточки товара имеют процедурные нарушения, то есть несоблюдение маркетплейсом собственных процедур фиксации, что и стало одним из самых весомых аргументов в суде, а грамотно выстроенная позиция позволяет переложить бремя доказывания обоснованности действий на маркетплейс, которые зачастую не готов предоставить в суд относимые и допустимые доказательства. Данное дело стало первым положительным судебным актом в Российской Федерации, в котором суд обязал маркетплейс разблокировать 8 спорных карточек товаров.

Для формирования целостной картины и выявления универсальных элементов успешной защиты прав предпринимателей представляет целесообразным провести сравнительный анализ второго успешного дела № А41-3945/24 с ранее рассмотренным делом № А41-108417/23. В основе обоих исков лежала единая стратегия, которая позволила выявить как типовые, так и уникальные аспекты изучаемых судебных споров с маркетплейсом.

Анализ дел № А41-108417/23 и № А41-3945/24 выявляет общую, системную для Wildberries проблематику: 1) основание для блокировки: обоих случаях карточки товаров были заблокированы по расплывчатому основанию «запрещенные товары» без какой-либо конкретики и отсылки к пункту перечня запрещенных товаров; 2) ключевое процессуальное нарушение: в обоих делах Ответчик грубо нарушил установленную собственной офертой процедуру, не направив Истцу акты о фиксации нарушений, что лишило продавца возможности устранить предполагаемые недостатки; 3) В основе обоих исков лежала триада доводов: 1) злоупотребление правом и недобросовестное поведение Ответчика (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации); 2) невыполнение Ответчиком бремени доказывания факта нарушения (часть 1 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации); 3) несоблюдение договорной процедуры применения мер договорной ответственности.

Третье дело № А41-63228/2024 позволило окончательно закрепить сформированную правовую позицию, которая на тот момент была подтверждена двумя положительными судебными актами. Особенностью данного дела, выводящего его на качественно новый уровень сложности спора стало то, что неправомерная блокировка стала катализатором для последующих финансовых потерь предпринимателя. Правовая позиция по делу была построена на тех же ключевых принципах, что и в предыдущих делах, но адаптирована под новые обстоятельства: 1) процессуальные нарушения как основание для отмены всех последующих действий: указывалось, что поскольку первоначальная блокировка была незаконной (отсутствовали акты, уведомления, конкретные основания), то все производные от нее действия Ответчика также являются неправомерными. Возврат товара на ПВЗ, начисление платы за этот возврат и последующая утилизация – прямые последствия первоначального нарушения; 2) расширение предмета доказывания для Ответчика: бремя доказывания было распространено не только на обоснованность блокировки, но и на правомерность начисления логистических расходов и законность процедуры утилизации. Ответчик не представил документов, подтверждающих стоимость оказанных логистических услуг, а также актов утилизации товара.

Стоит отметить, что в контексте разрешения споров, вытекающих из договоров с цифровыми платформами, где традиционно наблюдается значительная информационная и процедурная асимметрия, суды вынуждены изучать новые договорные конструкции, а также, в целом, ознакомливаться и осваивать большие объемы договоренностей между сторонами. В таких условиях классические методы юридической аргументации зачастую оказываются недостаточно эффективными для наглядной демонстрации сущности нарушения. Для преодоления информационной асимметрии в исследовании предлагается и апробируется на практике инновационный метод — стратегическая визуализация правовой позиции. Его применение направлено на преодоление когнитивной перегрузки, возникающей у суда при анализе сложных, многоуровневых и зачастую намеренно запутанных процедур, установленных внутренними регламентами маркетплейсов.

Сущность данного метода заключается в графическом противопоставлении императивной процедуры, закрепленной в договоре, и реальных действий ответчика, осуществленных с отступлением от этой процедуры. В материалы дела были включены две схемы: первая – «Императивная процедура привлечения к ответственности», которая в виде блок-схемы представляла предусмотренный п. 9.8.2 Оферты алгоритм, включающий такие обязательные стадии, как фиксация нарушения, составление акта, его направление продавцу и лишь затем – применение санкций. Вторая схема – «Реальные действия ответчика» – представляла собой редуцированный до одного элемента алгоритм, где единственным действием была блокировка карточки товара. Подобное визуальное противопоставление позволило перевести сложную договорную конструкцию и ее нарушение из вербальной, трудно верифицируемой плоскости в наглядную и легко воспринимаемую форму, сделав факт грубого

процессуального нарушения ответчика очевидным.

Метод визуализации выполняет несколько фундаментальных функций в процессе доказывания. Во-первых, это когнитивно-коммуникативная функция, когда минимизируются риски неверной интерпретации судом сложной договорной логики, обеспечивая адекватное и единообразное понимание фактических обстоятельств всеми участниками процесса. Во-вторых, доказательственная функция, когда схема, будучи приложением к исковому заявлению, сама по себе становится элементом системы доказательств, структурирующим и связывающим иные доказательства (переписку, скриншоты личного кабинета) в единую, логически завершенную систему. В-третьих, доказательная функция, когда визуализация выступает мощным инструментом акцентирования внимания на злоупотреблении правом, демонстрируя не просто техническое нарушение, а системный отход от принципов добросовестности и соразмерности.

Значимым результатом применения метода стратегической визуализации стала его последующая адаптация процессуальными оппонентами - представителями маркетплейса Wildberries, которые начали активно использовать графические схемы в своих процессуальных документах. Данная заимствование свидетельствует о возможном формировании нового стандарта аргументации в судебных спорах, где сложные договорные конструкции требуют наглядной репрезентации для адекватного восприятия судом.

Таким образом, синтез практики по трем делам позволяет сформулировать универсальную формулу успешной судебной защиты прав предпринимателей по делам связанной с блокировкой карточки товара. Ее ядро составляет совокупность следующих обстоятельств: нарушение ответчиком собственных процедур, смещение на него бремени доказывания и комплексный характер требований, сочетающий понуждение к совершению действия с взысканием реально понесенного ущерба. Дополнительными усилителями эффективности выступают тактика визуализации нарушений и обязательное заявление требования о судебной неустойке. Представленный анализ доказывает, что, несмотря на дисбаланс сил в отношениях с доминирующей цифровой платформой, существующий спектр гражданско-правовых и процессуальных средств при их грамотном и системном применении позволяет обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов предпринимателей.

Список литературы:

1. Малышкин П. В., Якубовская В. А. Трансформация субъектов малого и среднего предпринимательства в электронной коммерции: маркетплейсы, риск и адаптация. Трансформация бизнеса и общественных институтов в условиях цифровизации экономики: сб. науч. тр. VII Национальной (российской) научно-практ. конф., СПб, 17–18 апреля 2025 года: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2025. С. 75-78.
2. Зиянгирова Л. Р., Овчинников А. В. Wildberries - платформа для малого и среднего бизнеса: вызовы и перспективы. Управление экономикой, системами, процессами: Сб. ст. VIII Межд. научно-практ. конф., Пенза, 14–15 октября 2024 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2024. С. 183-186.
3. Публичная оферта маркетплейса Wildberries. Версия № 82. Дата вступления в силу 24.09.2025. Портал ООО РВБ. <https://seller.wildberries.ru/terms/ru> (дата обращения 22.09.2025).
4. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации" // СПС Консультант Плюс.
5. Южанин Н. В. Приостановление исполнения обязательств как односторонняя правозащитная мера. Вестник экономической безопасности, № 2, 2020, С. 56-61.
6. Ершова И.В. Саморегулирование цифровых платформ: новая правовая реальность // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 119–131.
7. Курбатов А.Я. Обеспечение баланса частных и публичных интересов – основная задача права на современном этапе // Хозяйство и право. 2001. № 6. С. 88-97.
8. Тотьев К.Ю. Доминирующее положение хозяйствующих субъектов на рынке // Закон. – 2019. – № 7. – С. 67–80.
9. Карточка арбитражных дел. Электронное правосудие. – URL : <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения 06.10.2025). – Режим доступа : свободный
10. Карточка дела № А41-108417/23. Карточка арбитражных дел. Электронное правосудие. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Card?number=A41-108417/2023> (дата обращения 06.10.2025). – Режим доступа : свободный
11. Карточка дела № А41-3945/24. Карточка арбитражных дел. Электронное правосудие. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Card?number=A41-3945/2024> (дата обращения 06.10.2025). – Режим доступа : свободный
12. Карточка дела № А41-63228/2024. Карточка арбитражных дел. Электронное правосудие. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Card/dff87501-5d76-4c50-8dc4-edc10492f17d> (дата обращения 06.10.2025). – Режим доступа : свободный
13. Рожкова М.А. Цифровые права. Теория и практика. – М.: Статут, 2021. – 398 с.

References:

1. Malyshekin P. V., Yakubovskaya V. A. Transformation of small and medium-sized businesses in e-commerce: marketplaces, risk and adaptation. Transformation of business and public institutions in the context of the digitalization of the economy: collection of scientific papers of the VII National (Russian) Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 17-18, 2025: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2025. pp. 75-78.
2. Ziyangirova L. R., Ovchinnikov A.V. Wildberries - a platform for small and medium-sized businesses: challenges and prospects. Management of economy, systems, processes: Collection of Articles VIII of the International Scientific and Practical Conference, Penza, October 14-15, 2024. Penza: Penza State Agrarian University, 2024. pp. 183-186.
3. Public offer of the Wildberries marketplace. Version No. 82. Effective date 24.09.2025. Portal of RVB LLC. <https://seller.wildberries.ru/terms/ru> (accessed 22.09.2025).
4. Federal Law No. 289-FZ dated 07/31/2025 "On Certain issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
5. Yuzhanin N. V. Suspension of fulfillment of obligations as a unilateral human rights measure. Bulletin of Economic Security, No. 2, 2020, pp. 56-61.
6. Yershova I.V. Self-regulation of digital platforms: a new legal reality // State and Law. – 2021. – No. 9. – pp. 119-131.
7. Kurbatov A.Ya. Ensuring a balance of private and public interests is the main task of law at the present stage // Economy and Law. 2001. No. 6. pp. 88-97.
8. Totyev K.Y. The dominant position of economic entities in the market // Law. – 2019. – No. 7. – pp. 67-80.
9. File of arbitration cases. Electronic justice. – URL : <https://kad.arbitr.ru> (accessed 06.10.2025). – Access mode : free
10. Case card no. A41-108417/23. File of arbitration cases. Electronic justice. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Card?number=A41-108417/2023> (accessed 06.10.2025). – Access mode : free
11. Case card no. A41-3945/24. File of arbitration cases. Electronic justice. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Card?number=A41-3945/2024> (accessed 06.10.2025). – Access mode : free
12. Case card no. A41-63228/2024. The file of arbitration cases. Electronic justice. – URL : <https://kad.arbitr.ru/Card/dff87501-5d76-4c50-8dc4-edc10492f17d> (accessed 06.10.2025). – Access mode : free
13. Rozhkova M.A. Digital rights. Theory and practice. – M.: Statute, 2021. – 398 p.

К ВОПРОСУ О НЕДОБРОСОВЕСТНОМ ПОВЕДЕНИИ ДОЛЖНИКА В БАНКРОТСТВЕ ON THE ISSUE OF THE DEBTOR'S BAD-CONDUCT BEHAVIOR IN BANKRUPTCY

ПОРОШКИНА Юлия Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции

Московского международного университета.

125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 17.

E-mail: 5310889@mail.ru

МОКЕЕВА Елена Юрьевна,

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции

Московского международного университета.

125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 17.

E-mail: rainbah77@yandex.ru

POROSHKINA Yulia Olegovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law at the Moscow International University.

125040, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.

E-mail: 5310889@mail.ru

МОКЕЕВА Elena Yurievna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Law at the Moscow International University.

125040, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.

E-mail: rainbah77@yandex.ru

Краткая аннотация: статья посвящена исследованию вопросов проявления недобросовестного поведения гражданами-должниками в рамках рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве). В частности, анализируются правовые нормы и решения высших судебных органов, касающиеся возможности освобождения гражданина от исполнения обязательств по окончании процедур банкротства.

Abstract: This article is devoted to the study of issues related to the manifestation of bad faith behavior by individual debtors during the process of considering insolvency (bankruptcy) cases. In particular, the article analyzes legal norms and decisions of the highest judicial bodies regarding the possibility of releasing a citizen from fulfilling obligations upon completion of bankruptcy proceedings.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) граждан; недобросовестное поведение граждан-должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве).

Keywords: Insolvency (bankruptcy) of citizens; unfair behavior of individual debtors in insolvency (bankruptcy) cases.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

С 1 октября 2015 года российское законодательство было дополнено институтом банкротства физических лиц. Эффективный инструмент защиты гражданских прав позволил гражданам освободиться от непосильного долгового бремени и начать новую финансовую жизнь.

При этом нормы законодательства о несостоятельности граждан призваны защищать также интересы и других участников процесса (в том числе кредиторов). Однако, несмотря на очевидную позитивную социально-реабилитационную направленность института несостоятельности граждан, за десять лет действия новелл о «потребительском» банкротстве были выявлены серьезные злоупотребления со стороны участников данным правом. Прежде всего, это относится к случаям недобросовестного поведения должников-граждан, умышленно искажающих свое финансовое положение, скрывая имущество, иные активы, вводя кредиторов в заблуждение либо используют механизм потребительского банкротства для освобождения от обязательств с нарушением законодательных норм.

Указанные обстоятельства определили актуальность темы исследования. Вопросы поведения должника в банкротстве в различных аспектах рассмотрены в трудах Алеваловой Е.А., Герусовой С.Ю., Затонова Р.Ю., Карелиной С.А., Марковой Н.Г., Петрящовой А.А., Порошкиной Ю.О. и других [2-8, 11].

Суть понятия «недобросовестное поведение должника» заключается в поведении должника-гражданина, не отвечающее принципам добросовестности (достаточно неопределённом понятии в российском правовом поле) [3, 4]. В статье 10 Гражданского кодекса РФ презумпция добросовестности и разумности участников гражданского оборота выступает базовым гражданско-правовой принципом, вместе с тем не раскрывается конкретно смысл понятия «добросовестность» и его взаимосвязь с понятием «разумности» [4].

При разработке законодательных норм о банкротстве граждан данный терминологический пробел был в определенной степени устранин. В частности, статья 213.28 Федерального закона №127-ФЗ определяет случаи, при которых должнику-гражданину может быть отказано в освобождении от обязательств граждан. В соответствии с этим недобросовестное поведение может включать в себя действия, направленные на сокрытие имущества, предоставление заведомо ложных или недостоверных сведений, мошенничество при получении кредитов, злостное уклонение от исполнения обязательств [3], а также в совершении действий, создающих препятствия проведению процедуры банкротства, к коим законодатель относит отказ сотрудничать с арбитражным управляющим или судебными органами [1, 6]. Важно отметить различие между недобросовестностью (осознанное введение кредитора в заблуждение или использование противоправных методов) и простой финансовой неграмот-

ностью или рискованным принятием обязательств (не служит причиной отказа в освобождении от долгов).

Верховный Суд неоднократно указывал на необходимость более тщательной проверки фактов, необходимых для квалификации поведения должника как недобросовестного. Особое внимание среди них следует уделять предоставлению неверных сведений о доходах, имуществе или существующих долгах; уклонению от сотрудничества с финансовым управляющим; осуществлению скрытых операций с активами, тенденция которых направлена на создание препятствий исполнению обязательств для принятия обоснованных решений в рамках каждого конкретного случая [1, 5].

Также недобросовестным поведением должника является наращивание задолженности в короткий срок в преддверии банкротства и не может объясняться его финансовой неграмотностью (неосмотрительностью). При этом должник имеющиеся у него денежные средства на исполнение имеющихся у него обязательств перед кредиторами по иным кредитным договорам не направляет. Последовательное принятие должником заведомо неисполнимых обязательств квалифицировано судом в качестве недобросовестного поведения [7].

Чрезвычайная важность решения вопроса о наличии либо отсутствии признаков недобросовестного поведения должника–физического лица обусловлена самой сутью и главной целью существования института банкротства как такового, которая заключается в достижении наиболее грамотного и «экологичного» баланса интересов всех участников и заинтересованных лиц: должника, которому важно по возможности восстановить платежеспособность и освободиться от непосильного бремени долгов; кредиторам, чьи имущественные требования должны быть пропорционально по возможности удовлетворены и государству в целом.

С более конкретной – процедурной точки зрения от решения вопроса о наличии либо отсутствии признаков недобросовестного поведения гражданина-должника зависит его дальнейшая судьба. В статье 213.28 (п.2) Закона указано, что после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении процедур реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества должника-гражданина [1].

Однако поскольку «освобождение должника от исполнения обязательств не является правовой целью банкротства граждан» [10], в пп. 3 и 4 указанной выше статьи Закона [1] конкретизируются условия, запрещающие освобождение должника-гражданина от обязательств (случаи привлечения гражданина к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве; обстоятельства, указывающие на то, что при возникновении или исполнении обязательств должник-гражданин действовал незаконно).

В данном контексте совершенно справедливо умозаключение ряда цивилистов касательно прямой связи указанной нормы с принципом добросовестности [4]. Подобный подход находит подтверждение в правовой позиции, изложенной в Постановлении [12]: «согласно пункту 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве освобождение гражданина от обязательств невозможно, если при возникновении или исполнении обязательств перед кредиторами он проявил недобросовестность».

Таким образом, вопрос о возможности освобождения гражданина от дальнейшего исполнения обязательств по общему правилу решается судом при вынесении определения о завершении процедуры реализации имущества должника и зависит напрямую от добросовестности гражданина-должника [6].

Практическое применение норм о недобросовестности сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, проблема заключается в установлении четких границ между ошибочным или неумелым поступком и умышленным обманом. Например, предоставление неполных сведений о текущих обязательствах может произойти случайно вследствие забывчивости или незнания юридической значимости тех или иных данных. В таком случае оценка требует особого внимания, чтобы исключить излишнюю суровость подхода к гражданину.

Во-вторых, существует сложность в доказывании наличия злого умысла. Кредиторы часто сталкиваются с ситуацией, когда невозможно однозначно подтвердить осведомленность должника о последствиях своих действий. Без подтверждения виновности должника суды вынуждены отказываться от ограничения свободы от долгов, что создает риски злоупотребления институтом банкротства.

Анализ судебной практики последних лет показывает, что судьи при принятии решений вопроса о наличии/отсутствии признаков недобросовестного поведения гражданина-должника и соответственно о возможности/невозможности освобождения такого гражданина от обязательств по завершению процедуры несостоятельности, стали уделять повышенное внимание качеству доказательств. Иными словами, можно констатировать тенденцию к ужесточению подхода судов при оценке добросовестности граждан-банкротов.

Наиболее важной, на наш взгляд, вехой и поворотным моментом в данном отношении стало Определение Судебной коллегии [10], где было признано, что граждане действительно нередко ошибаются в оценке своего финансового состояния и перспектив, в результате чего берут на себя долговые обязательства (включая банковские кредиты), которые оказываются для них неподъемными. Однако такое поведение не может служить причиной для отказа в освобождении должников от таких долгов. Особо в упомянутом судебном Определении отмечалось, что сама по себе необдуманность действий физического лица (в отличие от недобросовестности) не является препятствием для предоставления такой защиты. Для квалификации нужны прямые доказательства умышленных действий, направленных на нарушение прав кредиторов. Практика также подтверждает, что суды тщательно проверяют операции с имуществом должника, педантично анализируют финансовую документацию и поведение должника в предбанкротный период [9].

Вместе с тем, совершенно очевидно стремление судебных органов подходить к рассмотрению каждого конкретного случая, детально анализируя все аспекты и обстоятельства, включая мотивы и цели должника, а также степень возможной вины кредитора в создании неблагоприятной ситуации. Так, показательным можно назвать одно из дел, рассмотренных Верховным Судом РФ, где отказ должника от подписания мирового соглашения стал поводом для предположения недобросовестности, однако итоговое решение подтвердило невиновность гражданина,

учитывая реальные последствия сделки для него и членов его семьи [9].

Аналогично по примеру из судебной практики по налогам и сборам, указанному в [14], суд установил наличие у должника задолженности перед ИФНС, вместе с тем служба не сослалась на конкретный судебный акт, принятый в рамках дела о банкротстве должника, которым подтверждалось бы его недобросовестное поведение, равно как и нарушение им требований Федерального закона № 127-ФЗ либо вывод денежных средств. Доводы ИФНС о намерении должника погашать обязательства отсутствовали.

Проведенное исследование позволяет с уверенностью констатировать тот факт, что проблематика выявления и пресечения недобросовестного поведения граждан-должников остается актуальной и сложной темой российского права. Не оспаривая постулат о том, что процедура банкротства граждан представляет собой сложный правовой инструмент, призванный защитить граждан, оказавшихся в затруднительных обстоятельствах, и одновременно обеспечить справедливые механизмы возмещения ущерба кредиторам, мы считаем важным подчеркнуть, что выявление и пресечение случаев недобросовестного поведения должника — это один из ключевых элементов успешного функционирования этого механизма. Действительно законодательство стремится создать баланс между защитой интересов кредиторов и возможностью начала нового жизненного этапа для граждан, попавших в сложную ситуацию. Однако практика показывает, что каждый случай индивидуален и требует детального анализа всех аспектов, включая мотивы и цели должника, а также степень вины кредитора в создании неблагоприятной ситуации.

В результате исследования было выявлено, что основным фактором затруднения при решении вопроса выявления и пресечения недобросовестного поведения граждан-должников выступает сложность различия между обычными финансовыми трудностями и умышленными действиями, направленными на обход закона и манипуляции процедурой банкротства.

В целом можно констатировать, что современное законодательство о банкротстве устанавливает понятный стандарт добросовестности, позволяя освободиться от долгов только честному гражданину-должнику, который неумышленно попал в затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовыми субъектами и судом и оказывавшему им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности, а также соразмерном удовлетворении требований кредиторов.

Неисполнение данной обязанности, с одной стороны, не позволяет оказать гражданину действенную и эффективную помощь в выходе из кризисной ситуации через процедуру реструктуризации долгов, а с другой — создает препятствия для максимально полного удовлетворения требований кредиторов, а также свидетельствует о намерении получить не вытекающую из закона выгоду за счет освобождения от обязательств перед кредиторами.

Вместе с тем нельзя не отметить необходимость дальнейшего усовершенствования законодательной базы и подходов судов к рассмотрению дел о банкротстве в контексте более углубленной детализации понятий и разработки более точных формулировок, определяющих понятие недобросовестного поведения [3, 5].

Кроме того представляется необходимым усилить контроль за качеством принимаемых решений и обеспечением открытости судебных разбирательств по делам о банкротстве граждан. Весьма конструктивными в данном отношении можно назвать меры, направленные на повышение правовой грамотности населения.

В заключении, подчеркивая важность правильного понимания сущности недобросовестного поведения должника в рамках дел о несостоятельности граждан и способов борьбы с ним, полагаем необходимым еще раз резюмировать, что дальнейшее совершенствование законодательства и практики правоприменения станет залогом эффективности института банкротства граждан и восстановления доверия к нему среди участников гражданского оборота.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. 31.07.2025 № 352-ФЗ) «О несостоятельности (банкротстве)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 25.10.2025)
2. Алевалова Е.А. Российская модель института несостоятельности (банкротства): эволюция Закона о несостоятельности 2002 г. // Предпринимательское право. — 2018. — № 3. — С. 16–20.
3. Герусова С.Ю. Добросовестность гражданина должника как условие освобождения от обязательств в деле о банкротстве. // Право и политика. — 2018. — № 2. — С. 52–58.
4. Затов Р.Ю. Добросовестность и разумность при освобождении граждан от долгов в процедуре банкротства (постановка проблемы) // Юридические исследования. — 2023. — №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrosovestnost-i-razumnost-pri-osvobozhdenii-grazhdan-ot-dolgov-v-protsedure-bankrotstva-postanovka-problemy> (дата обращения: 28.10.2025)
5. Карелина С.А. Институт несостоятельности (банкротства) граждан как средство защиты прав в условиях рыночной экономики // Вестник Московского университета. — 2016. — № 6 (11). — С. 85–93.
6. Лобан С.О. Недобросовестное поведение должника в деле о банкротстве: проблемы соблюдения баланса интересов // Вестник науки. — 2024. — №2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedobrosovestnoe-povedenie-dolzhnika-v-dele-o-bankrotstve-problemy-soblyudeniya-balansa-interesov>.1 (дата обращения: 28.10.2025)
7. Маркова Н.Г., Петряцова А.А. Актуальные вопросы судебной практики по делам, связанным с применением правил об освобождении граждан от дальнейшего исполнения требований кредиторов при завершении процедуры реализации имущества // Арбитражные споры. — 2023. — №4 (104). URL: <https://arbspor.ru/articles/1852/?ysclid=mhaeu7y1eb283720227> (дата обращения: 28.10.2025)
8. Мельник Е.А., Плахов А.В. Недействительность сделок, направленных на искусственное формирование задолженности перед контролирующими должника лицами // Вестник арбитражной практики. — 2022. — №4 URL: <https://arbspor.ru/articles/1852/?ysclid=mhaeu7y1eb283720227> (дата обращения: 27.10.2025)
9. «Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения: 25.10.2025)
10. Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС18-26429 от 3 июня 2025 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164642/?ysclid=mhaeu86bt809224698> (дата обращения: 28.10.2025)
11. Порошкина Ю.О., Марына А.А., Починалина Л.Н. Некоторые аспекты проблематики баланса интересов должника и кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве) граждан // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 2 (230). — С. 334–337.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2022 № Ф05-28434/2021 по делу № А40-80585/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=402702#F8OpU0VYVjIuxnEH4> (дата обращения: 27.10.2025)
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/ (дата обращения: 27.10.2025)

14. Судебная практика по налоговым и финансовым спорам. 2023 год (под ред. А.В. Брызгалова) // *Налоги и финансовое право*. – 2024. – № 4 https://www.consultant.ru/law/podborki/nedobrosovestnoe_povedenie_dolzhnika_v_bankrotstve/#link-to-assistant

References:

1. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. 31.07.2025 № 352-FZ) «О несостоятельности (банкротстве)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (data obrashheniya: 25.10.2025)
2. Apevalova E.A. Rossijskaya model' instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva): e'voluciya Zakona o nesostoyatel'nosti 2002 g. // *Predprinimatel'skoe pravo*. – 2018. – № 3. – С. 16–20.
3. Gerusova S.Yu. Dobrosovestnost' grazhdanina dolzhnika kak uslovie osvobodzheniya ot obyazatel'stv v dele o bankrotstve. // *Pravo i politika*. – 2018. – № 2. – С. 52–58.
4. Zatonov R.Yu. Dobrosovestnost' i razumnost' pri osvobodzhenii grazhdan ot dolgov v procedure bankrotstva (postanovka problemy) // *Yuridicheskie issledovaniya*. – 2023. – № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrosovestnost-i-razumnost-pri-osvobodzhenii-grazhdan-ot-dolgov-v-protsedure-bankrotstva-postanovka-problemy> (data obrashheniya: 28.10.2025)
5. Karelina S.A. Institut nesostoyatel'nosti (bankrotstva) grazhdan kak sredstvo zashchity prav v usloviyax ry'nochnoj e'konomiki // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. – 2016. – № 6 (11). – С. 85–93.
6. Loban S.O. Nedobrosovestnoe povedenie dolzhnika v dele o bankrotstve: problemy soblyudeniya balansa interesov // *Vestnik nauki*. – 2024. – № 2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedobrosovestnoe-povedenie-dolzhnika-v-dele-o-bankrotstve-problemy-soblyudeniya-balansa-interesov.1> (data obrashheniya: 28.10.2025)
7. Markova N.G., Petryashova A.A. Aktual'ny'e voprosy' sudebnoj praktiki po delam, svyazanny'm s primeneniem pravil ob osvobodzhenii grazhdanina ot dal'nejshego ispolneniya trebovanij kreditorov pri zavershenii procedury realizacii imushhestva // *Arbitrazhny'e spory*. – 2023. – № 4 (104). URL: <https://arbspor.ru/articles/1852/?ysclid=mhaeu7y1eb283720227> (data obrashheniya: 28.10.2025)
8. Mel'nik E.A., Plaxov A.V. Nedejstvitel'nost' sdelok, napravenny'x na iskusstvennoe formirovanie zadolzhennosti pered kontroliruyushimi dolzhnika liczami // *Vestnik arbitrazhnoj praktiki*. – 2022. – № 4 URL: <https://arbspor.ru/articles/1852/?ysclid=mhaeu7y1eb283720227> (data obrashheniya: 27.10.2025)
9. «Obzor sudebnoj praktiki po delam o bankrotstve grazhdan» (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 18.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (data obrashheniya: 25.10.2025)
10. Opredelenie Verxovnogo Suda RF № 305-E'S18-26429 ot 3 iyunya 2025 g. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164642/?ysclid=mhaeu86bt809224698> (data obrashheniya: 28.10.2025)
11. Poroshkina Yu.O., Mar'ina A.A., Pochinalina L.N. Nekotory'e aspekty' problematiki balansa interesov dolzhnika i kreditorov v dele o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) grazhdan // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. – 2024. – № 2 (230). – С. 334–337.
12. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 21.02.2022 № F05-28434/2021 po delu № A40-80585/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=402702#F8Opu0VYVjuxnEH4> (data obrashheniya: 27.10.2025)
13. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13.10.2015g. № 45 «О некотory'x voprosax, svyazanny'x s vvedeniem v dejstvie procedur, primenyaemy'x v delax o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) grazhdan». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/ (data obrashheniya: 27.10.2025)
14. Судебная практика по налоговым и финансовым спорам. 2023 год (под ред. А.В. Брызгалова) // *Налоги и финансовое право*. – 2024. – № 4 https://www.consultant.ru/law/podborki/nedobrosovestnoe_povedenie_dolzhnika_v_bankrotstve/#link-to-assistant

ПРИОБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ: КАК СТАТЬ СОБСТВЕННИКОМ НЕ БУДУЧИ ИМ* ACQUISITIVE PRESCRIPTION: HOW TO BECOME AN OWNER WITHOUT BEING ONE

РЯБОВА Евгения Васильевна

к.философ.н., доцент, доцент
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»,
430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
e-mail: riabova-e@rambler.ru

ПАУЛОВА Юлия Евгеньевна

к.юрид.н., доцент, доцент ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»,
430034, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
e-mail: paulova79@yandex.ru

БЕСЬКАЕВА Валерия Александровна

студентка факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»,
430000, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
e-mail: beskaevavaleria@gmail.com

ЗАХАРОВА Екатерина Александровна

студентка факультета истории и права
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»,
430000, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,
e-mail: ekaterinazaharova068@gmail.com

RYABOVA Evgenia Vasilevna

the candidate of science of philosophy, Departments of Law and Philosophy
FGBOU VO «Mordovian state pedagogical University named after M. E. Evseyev»,
430034, Republic of Mordovia, Saransk
e-mail: riabova-e@rambler.ru

PAULOVA Yulia Evgenevna

candidate of legal sciences, Departments of Law and Philosophy
FGBOU VO «Mordovian state pedagogical University named after M. E. Evseyev»,
430034, Republic of Mordovia, Saransk
e-mail: paulova79@yandex.ru

BESKAIEVA Valeria Alexandrovna

student of the Faculty of History and Law of the Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseyev,
430000, Republic of Mordovia, Saransk
e-mail: beskaevavaleria@gmail.com

ZAKHAROVA Ekaterina Alexandrovna

student of the Faculty of History and Law of the Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseyev,
430000, Republic of Mordovia, Saransk
e-mail: ekaterinazaharova068@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматривается институт приобретательной давности как основание возникновения права собственности в соответствии со ст. 234 ГК РФ. Анализируются условия применения данного института: сроки владения (15 лет для недвижимости, 5 лет для движимого имущества), добросовестность, открытость, непрерывность владения и бездействие титульного собственника. Особое внимание уделяется судебной практике, процедуре доказывания и особенностям распространения приобретательной давности на объекты незавершенного строительства. Приводятся примеры из судебных решений, иллюстрирующие успешное применение норм о приобретательной давности.

Abstract: This article examines the principle of acquisitive prescription as the basis for the emergence of property rights under Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation. It analyzes the conditions for its application, including the period of ownership (15 years for real estate, 5 years for movable property), good faith, transparency, continuity of ownership, and the inaction of the title owner. Particular attention is given to judicial practice, the proof procedure, and the specifics of extending acquisitive prescription to unfinished construction projects. Examples from court decisions illustrating the successful application of acquisitive prescription rules are provided.

Ключевые слова: приобретательная давность, право собственности, добросовестное владение, непрерывность владения, недвижимое имущество, движимое имущество, срок владения, основания приобретения права собственности.

Keywords: acquisitive prescription, right of ownership, good faith possession, continuity of possession, immovable property, movable property, period of ownership, grounds for acquisition of ownership.

Статья поступила в редакцию: 17.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Согласно статье 234 ГК РФ, право собственности может возникнуть на таком самостоятельном основании, как приобретательская давность. Ее суть состоит в том, что лицо, не являющееся формальным собственником, но при этом длительно, открыто и добросовестно владеющее имуществом, по истечении установленного срока получает на него право собственности. Этот правовой институт узаконивает фактическое

*Статья написана в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (УГПУ имени И. Н. Ульянова и МГПУ имени М. Е. Евсевьева) по теме «Формирование правовой компетентности будущих педагогов современной школы»

владение, превращая его в полноценное право [1].

Для возникновения права собственности в силу приобретательной давности решающее значение имеет совокупность установленных законом критериев, центральным из которых является срок владения. Гражданский кодекс РФ дифференцирует его продолжительность в зависимости от категории имущества: для недвижимого имущества, куда относятся квартиры, жилые дома, земельные участки, гаражи установлен пятнадцатилетний срок, тогда как для движимых вещей он сокращен до пяти лет. Принципиально важно, что обратиться в суд с соответствующим иском можно лишь после полного истечения этого срока, даже если фактическое владение продолжается и дальше, например, двадцать лет. Исчисление давностного срока начинается с момента, когда владение стало осуществляться открыто [4, с. 117]. Ключевой особенностью является правило правопреемства: к периоду своего владения лицо вправе присоединить весь срок, в течение которого этим имуществом владело лицо, чьим правопреемником оно является. Типичной иллюстрацией служит ситуация, когда сын, унаследовав фактическое владение домом от отца, может суммировать время пользования обоим, начиная отсчет с момента вселения отца.

Помимо временного фактора, владение должно характеризоваться целым рядом качественных признаков. Обязательным признаком является непрерывность, означающая, что владение должно осуществляться на протяжении всего пятнадцатилетнего срока без перерывов; если лицо, обрабатывавшее земельный участок, забросило его на несколько лет, а затем возобновило деятельность, течение срока начинается заново.

Владение также должно быть добросовестным, что выражается в использовании имущества по назначению и заботе о нем – проведении ремонта в жилом помещении, обработке земельного участка, посадке растений. Ключевое правило заключается в том, что нужно относиться к имуществу как к своему. Это коренным образом отличает такой вариант от ситуаций, когда есть законное основание для владения. К примеру, если вы живете в квартире по договору аренды, вы изначально не считаете ее своей. Но если вы вселяетесь без договора, сами платите за свет и отопление, делаете ремонт – ваши действия показывают, что вы ведете себя как полноправный хозяин [5, с. 574].

Наконец, необходимым фоном для всего процесса служит бездействие титульного собственника, который самоустранился от владения имуществом и не исполняет обязанностей по его содержанию, причем от него не требуется какого-либо официального заявления об отказе от права собственности.

Следует особо подчеркнуть, что режим приобретательной давности ни при каких обстоятельствах не распространяется на объекты, изъятые из гражданского оборота, такие как оружие, наркотические средства и другие запрещенные законом предметы.

Путь к оформлению собственности по приобретательной давности неизбежно лежит через суд. Алгоритм действий для давностного владельца выглядит следующим образом. На первом, досудебном этапе, необходимо собрать все возможные доказательства, которые могут подтвердить факт длительного, открытого и заботливого владения имуществом. Это могут быть как письменные доказательства (чеки об оплате коммунальных услуг, налоговые квитанции, договоры подряда на ремонт), так и показания свидетелей или фото-/видеоматериалы. Собрав убедительный комплект документов, нужно подготовить и направить иск в суд (общей юрисдикции или арбитражный). В ходе заседаний основная задача – доказать суду, что все условия закона соблюдены. Финальными шагами являются получение решения суда и последующая регистрация вновь возникшего права в Росреестре.

При разрешении дел о приобретательной давности судебные инстанции проводят многофакторную оценку, вынося на первое место не формальные признаки, а реальное положение дел. Центральными аспектами для доказывания становятся: характер владения (фактический и непрерывный), его квалифицирующие признаки (добросовестность и открытость), а также поведение иных возможных претендентов на имущество и его правовой режим. Эта практика находит отражение в конкретных прецедентах: так, право собственности было подтверждено лицу, которое на протяжении 15 лет открыто использовало участок в условиях пассивности прежнего владельца. И напротив, в удовлетворении иска было отказано по причине отсутствия неопровержимых доказательств непрерывности владения, что подчеркивает высокий стандарт доказывания по данной категории дел.

Институт приобретательной давности распространяется на объекты незавершенного строительства при непременном соблюдении ключевого критерия: такое имущество должно обладать не только юридическими, но и физическими признаками недвижимой вещи, будучи реально используемым в соответствующем качестве. Необходимым условием для начала течения срока является фактическое владение и эксплуатация объекта, например, для хозяйственных нужд.

Досудебный порядок напрямую законом не предусмотрен, но такие попытки могут серьезно повысить шансы на успех. Для этого стоит написать официальное письмо прежнему хозяину, если известно его местонахождение, попробовать договориться через переговоры или оформить соглашение у нотариуса, а если речь идет о земле – обратиться за помощью в местную администрацию. Однако могут возникнуть и трудности, с которыми можно столкнуться в суде. Самое главное – если имущество использовалось по договору аренды, суд не признает это владением «как своим». Кроме того, если срок владения прерывался, например, из-за судебного решения, то отсчет лет начинается заново.

С начала 2000-х годов в России сформировалась обширная судебная практика, позволяющая узаконить права на недвижимость через институт приобретательной давности. Реальное применение этой нормы иллюстрирует дело, рассмотренное Шадким районным судом Рязанской области в конце 2022 года, где иск гражданки к муниципальной администрации был удовлетворен. Суд признал право собственности за истцом, поскольку её действия на протяжении 20 лет – оплата коммунальных счетов, ремонт дома, обработка земли и поддержание на ней порядка – в своей совокупности недвусмысленно свидетельствовали о добросовестном, открытом и непрерывном владении имуществом как своим собственным [3].

В итоге, приобретательная давность – это полезный инструмент, чтобы узаконить ситуацию, когда вы давно и по-хозяйски пользуетесь имуществом. Чтобы успешно им воспользоваться, нужно всего три вещи: получить грамотную юридическую консультацию, собрать все возможные доказательства и понимать, как обычно складывается практика по таким делам в судах.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.01.2006) – доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст : электронный
2. Капаев, М. А. Факторы, оказывающие влияние на формирование правового сознания обучающихся / М.А. Капаев, Е.В. Рябова, А.В. Юденков // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 11(239). – С. 76-79.
3. Постановление Шацкого районного суда Рязанской области от 29 декабря 2022 года по делу № 2-593/2022. – Текст : электронный// Судебные и нормативные акты РФ : интернет-ресурс. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YFF0O8se1goO/?ysclid=mhuvdx4ecs439798615>
4. Разумовская, Е. В. Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для вузов / Е. В. Разумовская. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 190 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20754-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].
5. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве : учебник для вузов / К. И. Скловский. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 1016 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13090-4. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 01/3/2006) – access from the ConsultantPlus legal reference system. – Text : electronic
2. Kapayev, M. A. Factors influencing the formation of legal consciousness of students / M.A. Kapayev, E.V. Ryabova, A.V. Yudenkov // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 11(239). – Pp. 76-79.
3. Resolution of the Shatsky District Court of the Ryazan region dated December 29, 2022 in case No. 2-593/2022. – Text : electronic// Judicial and regulatory acts of the Russian Federation : an online resource. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YFF0O8se1goO/?ysclid=mhuvdx4ecs439798615>
4. Razumovskaya, E. V. Civil law. General part : textbook and workshop for universities / E. V. Razumovskaya. – 8th ed., revised Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 190 p. (Higher education). – ISBN 978-5-534-20754-5. – Text : electronic // Educational platform Yurayt [website].
5. Sklovsky, K. I. Property in civil law : a textbook for universities / K. I. Sklovsky. – 5th ed., revised and add. – Moscow : Yurait Publishing House, 2025. – 1016 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-13090-4. – Text : electronic // Educational platform Yurayt [website].

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1208

УДК 347

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ДЕФИНИЦИИ, ПРИНЦИПЫ И ЗАДАЧИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

INDEPENDENT CIVIL LAW NORMS: CIVIL LAW DEFINITIONS, PRINCIPLES AND OBJECTIVES OF CIVIL LAW

СУЛТАНОВА Марина Арслановна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право»,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства
367008, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Джамалутдина Атаева, 5.
Sul_5ur@mail.ru

ДЖАФАРОВ Абуталиб Артурович,
Следователь ОРПОТ №1, СУ УМВД РОССИИ по г. Махачкала
367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Максима Горького, 10.
Sul_5ur@mail.ru

SULTANOVA Marina Arslanovna,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law,
Dagestan State University of National Economy
Jamalutdin Ataev str., 5, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russia.
Sul_5ur@mail.ru

JAFAROV Abutalib Arturovich,
Investigator ORPOT No. 1, SU of the Ministry of Internal Affairs of RUSSIA in Makhachkala.
Maxim Gorky str., 10, Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russia.
Sul_5ur@mail.ru

Краткая аннотация. Гражданское право — это обширная и сложная система, в которой каждый элемент играет важную роль. В данной статье мы сосредоточимся на исследовании одного из ключевых аспектов этой системы — гражданско-правовой нормы. Авторы подробно анализируют сущность и значение этой нормы в контексте построения отраслевой системы гражданского права. Авторы делают вывод, что гражданско-правовая норма не существует в вакууме, а взаимодействует с другими элементами системы гражданского права. Ее роль заключается в обеспечении согласованности и последовательности нормативных актов, способствуя эффективному функционированию правовой системы в целом.

Abstract. Civil law is an extensive and complex system in which every element plays an important role. In this article, we will focus on the study of one of the key aspects of this system — civil law norms. The authors analyze in detail the essence and significance of this rule in the context of building a branch system of civil law. The authors conclude that the civil law norm does not exist in a vacuum, but interacts with other elements of the civil law system. Its role is to ensure the consistency and consistency of regulations, contributing to the effective functioning of the legal system as a whole.

Ключевые слова: норма, элемент, гражданское право, структура, система, целостность.
Keywords: norm, element, civil law, structure, system, integrity.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2025
Дата публикации: 30.12.2025

Гражданско-правовые нормы играют ключевую роль в системе гражданского права, однако этот аспект остается недостаточно исследованным в цивилистической научной литературе. Отсутствие должного внимания к анализу сущности и значения этих норм препятствует построению целостной и непротиворечивой системы гражданского права.

Для достижения более глубокого понимания гражданско-правовых норм нами сделана попытка всесторонне исследовать их роль в формировании правовой системы. Только через такой анализ можно развить концепцию систематизации и упорядочения гражданского права на основе его нормативных оснований. Проблемы соотношения государства, общества и права нуждаются в глубоком научном исследовании и анализе с учетом взглядов консервативных и либеральных представителей философско-правовой и юридической науки [8, с. 88]

Различные точки зрения существуют относительно определения нормы права. Кто-то утверждает, что норма права представляет собой общеобязательное, формально-определенное предписание, исходящее от государства и защищаемое им [2]. Другие полагают, что норма — это общее правило регулирования общественных отношений [10]. Здесь все зависит от особенностей мышления, от проблем, которые прочно засели в мыслях, или же просто от желания поподробнее узнать о какой-либо части нашего безграничного мира [4, с. 47].

Научные выводы по данному вопросу разнообразны и неоднозначны. В цивилистической литературе и диссертационных исследованиях представлены разные точки зрения. Например, С.С. Алексеев определяет гражданско-правовые нормы как правила поведения, распространяющиеся на широкий круг лиц и поддерживаемые государством [3].

Поведение участников экономического оборота является ключевым моментом для обеспечения позитивного развития этого процесса. По мнению С.И. Карповой, норма гражданского права представляет собой установленную и санкционированную государством типизированную модель поведения, содержащую конкретные права и обязанности [5]. Социальная значимость данной нормы заключается в том, что она направлена на содействие участникам рыночных отношений в их взаимодействии.

Обеспечение позитивного развития экономического оборота предполагает наличие четких правил, которые регулируют деятельность участников. Согласно исследованиям С.И. Карповой, норма гражданского права является неотъемлемой частью этой системы правил. Она пред-

ставляет собой логическую модель поведения, ориентированную на поддержание стабильности и развитие экономических отношений [5].

Изучение и учет норм гражданского права необходимы для формирования эффективной стратегии ведения бизнеса и обеспечения устойчивости экономического оборота. С.И. Карпова подчеркивает, что эти правила являются основой для взаимодействия участников рынка и способствуют созданию благоприятной среды для развития бизнеса и экономики в целом [5].

Начнем с того, что вопрос о том, можно ли определить «норму гражданского права» только через призму понятий «правило поведения» или «правило регулирования», вызывает много противоречий и дискуссий. Некоторые ученые считают, что идея «правила поведения» не способна охватить всю разнообразность форм регулирования юридическими нормами различных общественных отношений. В этом контексте также предлагается рассматривать правовую норму как обязательное, формально определенное предписание или веление.

В современной юридической литературе часто поднимается вопрос о том, что понятие «правило поведения» не является исчерпывающим для объяснения сущности нормы гражданского права. Многие ученые приходят к выводу, что оно не способно охватить всю сложность регулирования правовыми нормами разнообразных социальных отношений. Таким образом, предложение рассматривать правило, как общеобязательное формально-определенное веление или предписание становится более актуальным и перспективным в контексте современного правоведения. Представляется необходимым учитывать разнообразие форм и механизмов регулирования общественных отношений, чтобы понять сущность и значение правовых норм в современном обществе.

Исследование сущности правовой категории «норма права» находится в центре внимания из-за разнообразия подходов к ее определению. При более глубоком изучении этой темы, необходимо обратить внимание на эволюцию понятий «норма», «правило», «веление» и «предписание». Например, в авторитетных толковых словарях термин «норма» интерпретируется как «узаконненное установление» или «общее правило, которому следует следовать во всех подобных случаях; образец или пример».

Проанализировав различные точки зрения на сущность нормы права, становится ясно, что важно учитывать исторические, социокультурные и правовые контексты при ее рассмотрении. Это позволит более глубоко понять сущность и функции данного понятия в общественной жизни.

При изучении понятия «норма права» следует также обратить внимание на ее роль в обеспечении правопорядка и регулировании поведения граждан в рамках общественной жизни, норма права является неотъемлемой частью правовой системы и играет ключевую роль в обеспечении стабильности и справедливости в обществе.

Гражданское право является одной из наиболее разветвленных и динамичных отраслей права. Оно регулирует все аспекты жизни человека, связанные с его имущественными интересами, такие как сделки, договоры, наследство и другие [7, с. 204]. Гражданское право включает в себя множество терминов и понятий, требующих точного понимания и толкования. Одним из таких терминов является узаконненное установление, которое представляет собой законные нормы, придаваемые особой юридической силе. Важно отметить, что слово «правило» в данном контексте означает не просто инструкцию или норму, а предписание, устанавливающее порядок исполнения определенных действий.

Следует также обратить внимание на понятия «веление» и «предписание», которые, хотя и считаются синонимами, имеют различные оттенки значения. Веление может быть понято как приказание, в то время как предписание скорее всего ассоциируется с более формальным предписанием. Однако их сущностное значение в контексте гражданского права требует более детального рассмотрения.

Именно поэтому важно учитывать не только этимологический анализ терминов, но и их внутреннее логическое содержание при исследовании гражданского права. Каждый термин имеет свою значимость и применение, которые необходимо учитывать при разработке и применении законодательства. В конечном итоге, понимание сущности гражданского права требует глубокого анализа и интерпретации терминов и понятий, их природу, чтобы обеспечить правовую ясность и справедливость. Недостаточная определенность самой сущности влияет на природу ответственности.

Например, «...институт заверения нуждается в глубоком реформировании. Не определена законом сама природа ответственности, которая может наступить в результате предоставления контрагенту ложной информации о фактах, имеющих для сделки существенное значение» [9, с. 327].

В поисках понимания сути «нормы права» важным является рассмотрение взаимосвязи между «правилом поведения» и «предписанием». Отношения между этими понятиями часто служат отправной точкой для формулирования четкого определения «нормы права». В контексте юридической теории и практики исследование взаимосвязи «правила поведения» и «предписания» может пролить свет на сущность и функции норм права. Поэтому анализ этих категорий позволяет приблизиться к глубокому пониманию нормативной сферы общественных отношений.

В основе определения нормы права лежит использование понятия «правила поведения», что вызывает одобрение, поскольку такой подход позволяет связать правило с конкретным поведением субъектов гражданского права. Это исключительно важно, поскольку правило в данном контексте определяет объект направленности, регулируя права и обязанности участников. Правовые нормы, содержащие правила поведения, называемые нормами-правилами, непосредственно регулируют поведение участников и являются ключевыми элементами в обсуждении данного вопроса. Рассмотрим более детально, как такой подход способствует более эффективному регулированию правовых отношений в обществе.

Понятие правового предписания обладает уникальной сущностной природой, которая проявляется уже в самом определении этого термина. Изначально слово «предписание» толкуется как указание или распоряжение, что подчеркивает его обязательный характер. Объяснение

этимологии понятия позволяет понять, что предписание предполагает соблюдение определенных правил или установление порядка. Однако в контексте общей гибкости гражданско-правового регулирования возникают сомнения относительно использования термина «предписание».

Содержание гражданско-правовых предписаний, дефиниций, принципов и задач требует абсолютной четкости и определенности. Нельзя допускать произвольного толкования или применения данных правил, даже если стороны согласны на это. Однако, при всей диспозитивной природе гражданского права, невозможно представить, чтобы стороны могли договориться об отказе от принципов законности и свободы договора. Гражданское право требует точности и ясности в своем применении, чтобы обеспечить справедливость и защиту интересов всех участников правоотношений.

В контексте научных исследований, правовые предписания часто называются «нормативными предписаниями». Эти термины, хотя и имеют определенные различия, в рамках нашего анализа можно рассматривать как синонимы. Согласно мнению А.В. Мицкевича, правовое предписание представляет собой законченное положение, явно сформулированное в тексте документа государственного органа и обязывающее всех его субъектов [6]. Это, по сути, основная единица нормативного акта.

Следует отметить, что правовые предписания обладают не только формальным, но и содержательным аспектом. Они направлены на обеспечение порядка, справедливости и законности в обществе, что делает их важным инструментом правового регулирования.

Исследуемый вопрос о нормативном предписании, поднятый А.Л. Парфентьевым, представляет собой нечто более глубокое, чем просто элемент акта законодательства. По мнению ученого, нормативное предписание обладает двойственной природой: с одной стороны, оно является частью внешней структуры акта и содержится непосредственно в тексте, а с другой – выступает как составная часть содержания акта. [11]. Этот двойственный характер дает основание рассматривать предписание как средство выражения общего правила поведения и как первичный элемент системы законодательства.

Существует возможность рассмотрения правового предписания не только как отдельной нормы, но и как структурного элемента правовой нормы в целом. Такой подход позволяет более глубоко понять роль и значение нормативных предписаний в системе права и их влияние на формирование общественных отношений. С точки зрения теории права, норма права представляет собой сложную структуру, включающую гипотезу, диспозицию и санкцию.

Однако, при более детальном рассмотрении гражданско-правовых предписаний, выраженных в различных формах, таких как нормы-дефиниции, нормы-функции и нормы-описания, становится очевидным, что все они могут быть рассмотрены как самостоятельные нормы гражданского права. Такой подход позволяет более глубоко понять сущность и значение данных норм, их влияние на регулирование гражданских отношений. В итоге, подчеркивая важность изучения гражданско-правовых предписаний как норм права, мы приходим к выводу, что это имеет решающее значение для правоприменительной практики и обеспечения соблюдения законности в гражданском обществе.

Существует мнение в научной литературе о том, что любая норма права включает в себя два ключевых элемента - диспозицию и санкцию. Однако существует и альтернативная точка зрения, которая предлагает рассматривать гипотезу и диспозицию как независимые нормы права. По нашему мнению, гражданско-правовые предписания заслуживают особого внимания и могут быть рассмотрены как самостоятельные нормы. Имеется убеждение, что гражданско-правовые предписания обладают уникальной сущностью, позволяющей отойти от устоявшихся теоретических взглядов на структуру правовой нормы. Это позволяет признать их гражданско-правовыми нормами, акцентируя внимание на неделимости данной правовой конструкции.

Рассмотрим точку зрения В.К. Бабаева о том, что нет необходимости искать в исходных нормах гипотезу, диспозицию и санкцию [1]. Однако, согласно общим теоретическим знаниям, гипотеза указывает на фактические обстоятельства, которые приводят норму в действие. Диспозиция определяет возможные варианты поведения, а санкция устанавливает вид и степень юридической ответственности. Важно понимать, что объединение этих элементов в одной гражданско-правовой норме может привести к потере ее общности и неэффективности.

Изучение гражданско-правового предписания с точки зрения его потенциального разделения на диспозицию, гипотезу и санкцию или на гипотезу и санкцию, необходимо для полного понимания его сути. Такой подход может пролить свет на различные аспекты данного предписания и помочь выявить его основные составляющие. Таким образом, рассмотрение возможности разделения гражданско-правового предписания на составные части представляет собой важный этап анализа данного юридического инструмента.

Изучая гражданско-правовые предписания, мы можем заметить, что их главной особенностью является отсутствие внутренней структуры, включающей гипотезу, диспозицию и санкцию. В.К. Бабаев предложил идею о том, что к структурным элементам юридической нормы следует относить «признаки правового понятия, явления, принципа, общественно-политической ситуации». Однако такой подход, если применять его к общим гражданско-правовым нормам, может привести к опасным последствиям, поскольку это свело бы их к простому описанию признаков правовых явлений.

Гражданско-правовое предписание — это нечто большее, чем просто признак правового явления. Оно представляет собой определенное целостное явление, которое играет ключевую роль в формировании базовой основы для правового регулирования. Это предписание не должно дробиться на отдельные элементы, так как это не только не разрушает общую правовую норму, но и способствует достижению поставленных перед ней задач. Таким образом, существует важная взаимосвязь между гражданско-правовыми предписаниями и общими правовыми нормами, которая определяется двумя взаимодополняющими положениями.

Таким образом, правовые нормы и гражданско-правовые предписания взаимосвязаны и важны для правового регулирования. Они образуют основу, на которой строится система права, и их взаимодействие определяется двумя взаимодополняющими положениями, что подчер-

кивает их важность и значимость в общем правовом контексте.

Гражданско-правовые предписания необходимо рассматривать с учетом их базового содержания, которое не требует внутреннего структурирования. Отсутствие этой структуры не является преградой для применения общих положений гражданского права. Однако, важно учитывать, что «расчленение» этих предписаний не приносит никакой положительной пользы ни для законотворческой техники, ни для практического применения этих норм.

Следовательно, наша позиция заключается в том, что целесообразно придавать гражданско-правовым предписаниям статус особой нормы гражданского права. Такой подход позволит укрепить их роль и значимость в правовом регулировании. В конечном итоге, это способствует более четкому и эффективному применению гражданско-правовых норм в различных сферах жизни общества.

Гражданско-правовая норма является краеугольным камнем системы гражданского права, что подтверждается рассмотренными аргументами. Она представляет собой основополагающее правило поведения, устанавливаемое государством или санкционируемое им, обладающее обязательным характером и защищаемое от нарушений как мерами государства, так и самозащитой субъектов гражданского оборота.

Изучив вышеизложенное, приходим к выводу о том, что гражданско-правовая норма проявляется не только в правилах поведения, но и в основополагающих принципах, которые играют ключевую роль в обеспечении логической целостности правовой системы.

Таким образом, гражданско-правовая норма несет на себе ответственность за регулирование отношений между субъектами гражданского оборота, являясь неотъемлемой частью правовой системы и обеспечивая стабильность и защиту интересов участников правовых отношений.

Система гражданского права строится на основе фундаментальных гражданско-правовых норм, которые играют решающую роль в формировании структуры этой системы. Дальнейшее исследование сущности гражданско-правовых норм позволит выявить их уникальные особенности и важность.

Список литературы:

1. Бабаев В.К. Норма права как истинное суждение // Правоведение. - 1976. - №2. - С. 30 - 37.
2. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правосопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. - М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. - С. 208.
3. Гражданское право в вопросах и ответах. 2-е изд., перераб. и доп.: учебное пособие / под ред. С.С. Алексеева. - М.: Статут, 2010.
4. Далгатова, А. О. Сравнительно-правовой анализ определений «право» и «государство» / А. О. Далгатова, М. А. Мусалов // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 10(202). – С. 46-48. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_10_46. – EDN KAHBQF.
5. Карпова С.И. Нормы гражданского права (юридико-технический аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. – С. 7.
6. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. - М., 1967. - С. 34.
7. Мусалов, М. А. Коллизии в гражданском праве / М. А. Мусалов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3(231). – С. 204-207. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_204. – EDN TUKOOV.
8. Мусалов, М. А. Актуальные вопросы соотношения государства и права / М. А. Мусалов // НОРМА. Закон. Законодательство. Право : сборник статей Международной научно-практической конференции, Казань, 26 августа 2017 года. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. – С. 87-89. – EDN ZDYJXP.
9. Мусалов, М. А. Актуальные проблемы использования заверений в практике договорной работы / М. А. Мусалов // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2020. – № 4. – С. 326-337. – DOI 10.37691/2311-5351-2020-0-4-326-337. – EDN JBUSEE.
10. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. - М.: Норма, 2004. - С. 391.
11. Парфентьев А.Л. Нормативное предписание и норма права // Проблемы совершенствования советского законодательства. - Вып. 13. - М., 1978.

References

1. Babaev V.K. Norm of law as a true judgment // Jurisprudence. - 1976. - No. 2. - pp. 30-37.
2. Baitin M.I. The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries). 2nd ed., supplement. - Moscow: Publishing House «Law and the State», 2005. - p. 208.
3. Civil law in matters of and the answers. 2nd ed., revised and add.: textbook / edited by S.S. Alekseev. - M.: Statute, 2010.
4. Dalgatova, A. O. Comparative legal analysis of the definitions of «law» and «state» / A. O. Dalgatova, M. A. Musalov // Law and the state: theory and practice. – 2021. – № 10(202). – Pp. 46-48. – DOI 10.47643/1815-1337_2021_10_46. – EDN KAHBQF.
5. Karpova S.I. Norms of civil law (legal and technical aspect). Dis. ... kand. jurid. M., 2005. - S. 7.
6. Mickiewicz A.V. Acts of the supreme bodies of the Soviet state. The legal nature of the normative acts of the supreme bodies of state power and administration of the USSR. Moscow, 1967, p. 34.
7. Musalov, M. A. Collisions in civil law / M. A. Musalov // Agrarian and land law. – 2024. – № 3(231). – Pp. 204-207. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_204. – EDN TUKOOV.
8. Musalov, M. A. Actual issues of the relationship between the state and law / M. A. Musalov // NORM. Law. Legislation. Law : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, August 26, 2017. Kazan: Aeterna Limited Liability Company, 2017. pp. 87-89. EDN ZDYJXP.
9. Musalov, M. A. Actual problems of using assurances in the practice of contractual work / M. A. Musalov // Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. – 2020. – No. 4. – pp. 326-337. – DOI 10.37691/2311-5351-2020-0-4-326-337. – EDN JBUSEE.
10. Nersesyan V.S. General theory of law and the state: textbook for universities. Moscow: Norma, 2004, p. 391.
11. Parfentiev A.L. Normative prescription and the rule of law // Problems of improving Soviet legislation. - Vol. 13. Moscow, 1978.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_1212

УДК 347.73:339.186

АУТСОРСИНГ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ГОСЗАКАЗА ФСИН OUTSOURCING FOR FTSN GOVERNMENT CONTRACTS

ПУГАЧЕВ Владислав Эдуардович

преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
Академии ФСИН России

390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, Сенная ул., д. 1.

e-mail: pugachevvlad1994@mail.ru

PUGACHEV Vladislav Eduardovich

Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

390000, Russia, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya Street, 1.

e-mail: pugachevvlad1994@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проводится комплексный анализ применения аутсорсинга в системе государственного заказа Федеральной службы исполнения наказаний. Исследуются правовые основы и практические аспекты привлечения сторонних исполнителей для обеспечения нужд уголовно-исполнительной системы. Особое внимание уделяется специфике договоров о предоставлении рабочей силы из числа осужденных. Выявляются системные проблемы в организации закупочной деятельности ФСИН, включая низкую эффективность процедур, кадровый дефицит и правовые риски. На основе проведенного анализа разработаны практические рекомендации по совершенствованию нормативной базы, оптимизации управления контрактами и развитию государственно-частного партнерства. Предложены меры по внедрению цифровых технологий в управление аутсорсингом.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the application of outsourcing in the public procurement system of the Federal Penitentiary Service. It examines the legal basis and practical aspects of attracting third-party contractors to meet the needs of the penal system. Special attention is given to the specifics of contracts for the provision of labor from among convicts. The article identifies systemic problems in the organization of procurement activities by the Federal Penitentiary Service, including low efficiency of procedures, staff shortages, and legal risks. Based on the analysis, practical recommendations are developed to improve the regulatory framework, optimize contract management, and develop public-private partnerships. Measures have been proposed to introduce digital technologies into outsourcing management.

Ключевые слова: ФСИН, аутсорсинг, государственный заказ, контрактная система, аутстаффинг, осужденные, государственно-частное партнерство, уголовно-исполнительная система, закупки, эффективность.

Keywords: FSIN, outsourcing, government order, contract system, outstaffing, convicts, public-private partnership, penal enforcement system, procurement, efficiency.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Деятельность Федеральной службы исполнения наказаний (Далее-ФСИН) России как участника контрактной системы характеризуется значительной спецификой, обусловленной сочетанием правоохранительных, режимных и хозяйственных функций. Правовое регулирование закупок для нужд уголовно-исполнительной системы осуществляется в рамках общего законодательства о контрактной системе, регулируемого Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013г. (Далее - № 44-ФЗ), а также специальных нормативных правовых актов, учитывающих особенности деятельности ФСИН.

Анализ практики закупок ФСИН показывает, что аутсорсинг применяется преимущественно в сфере хозяйственного обеспечения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Речь идет о передаче на основании гражданско-правовых договоров таких функций, как техническое обслуживание и ремонт инженерных систем, обеспечение питания, медицинское обслуживание, транспортные услуги, услуги связи и другие виды деятельности, не связанные непосредственно с выполнением правоохранительных и режимных функций.

Особенностью правового статуса ФСИН как заказчика является то, что значительная часть закупок осуществляется для объектов, имеющих режимный характер, что накладывает дополнительные требования к подрядчикам и исполнителям. В частности, при выполнении работ на территории исправительных учреждений подрядных организаций должен соответствовать определенным критериям безопасности и надежности, проходить специальные проверки и соблюдать установленный режим [9.с.3].

Следует отметить, что наряду с базовым нормативным актом, регулирующим закупки для государственных нужд, отдельные аспекты аутсорсинга уголовно-исполнительной системы (когда речь идет о закупках подведомственными ФСИН федеральными государственными унитарными предприятиями) регламентированы Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18 июля 2011г. №223-ФЗ.

Важным аспектом правового режима закупок ФСИН является его тесная связь с требованиями государственного оборонного заказа (Далее - ГОЗ), поскольку многие объекты уголовно-исполнительной системы имеют стратегическое значение. В этой части на отношения сторон распространяется действие Федерального закона «О государственном оборонном заказе» от 29 декабря 2012 г. №275-ФЗ, устанавливающего специальные требования к ценообразованию, контролю и отчетности.

В системе аутсорсинга, используемой ФСИН, особое место занимает договор о предоставлении персонала (аутстаффинг), который представляет собой гражданско-правовой договор, по которому одна сторона (исполнитель) обязуется предоставить другой стороне (заказчику) своих работников для выполнения ими определенных трудовых функций в интересах, под управлением и контролем заказчика.

Правовое регулирование аутстаффинга в Российской Федерации претерпело значительные изменения в последние годы. До 2016 года данная сфера фактически находилась в правовом вакууме, что порождало многочисленные злоупотребления. С принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ в Трудовой кодекс РФ была введена глава 53.1, установившая правовые основы регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала).

Для ФСИН использование аутстаффинга имеет особую значимость в контексте привлечения квалифицированных специалистов для выполнения работ, требующих специальных знаний и навыков, которыми не располагает штатный персонал учреждений. Это может касаться, например, обслуживания сложного медицинского оборудования, проведения специализированных строительно-монтажных работ, IT-обслуживания и других направлений.

Законодательство устанавливает существенные ограничения на использование труда временно направленных работников [10.]. В частности, запрещена забастовка работников в период временной работы у принимающей стороны, установлены ограничения по срокам направления (не более 9 месяцев), а также предусмотрена возможность досрочного расторжения договора о предоставлении труда работников в случае нарушения требований трудового законодательства.

Особенностью данных правоотношений является распределение ответственности между исполнителем и заказчиком. Согласно статье 341.4 Трудового кодекса РФ, заказчик несет ответственность за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, допущенное в отношении временно направленного работника, если оно произошло по его вине. При этом работодатель (исполнитель) и заказчик несут солидарную ответственность за невыплату или неполную выплату сумм, причитающихся работнику [11. С.48].

Уникальностью аутсорсинга в системе ФСИН является возможность использования труда осужденных через специальные договорные механизмы. Правовой основой для этого служит Уголовно-исполнительный кодекс РФ (Далее – УИК), который предусматривает возможность привлечения осужденных к труду в качестве одного из основных средств исправительного воздействия.

Согласно статье 103 УИК РФ, администрация исправительного учреждения обязана привлекать осужденных к общественно полезному труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности. Труд осужденных организуется на предприятиях исправительных учреждений, в хозяйственных обслугах исправительных учреждений, федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы, а также на объектах организаций любых организационно-правовых форм [12 с.77].

Именно последний вариант представляет особый интерес в контексте аутсорсинга. Заключение договоров между учреждениями ФСИН и сторонними организациями о предоставлении рабочей силы из числа осужденных позволяет решать одновременно ряд задач: обеспечение занятости осужденных, их профессиональная реабилитация и получение дополнительных доходов в бюджет.

Анализ судебной практики показывает, что такие договоры порождают сложные правоотношения. В частности, Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.08.2023 по делу № А20-523/2022 демонстрирует, что споры возникают вокруг определения объема фактически выполненных работ и качества предоставляемых услуг. Суды при рассмотрении таких дел учитывают специфику привлечения труда осужденных, включая ограничения, связанные с режимом содержания.

Еще более сложным является вопрос распределения ответственности за безопасность условий труда. Как показывает Апелляционное определение Тюменского областного суда от 02.09.2024, при возникновении несчастных случаев с осужденными, работающими у стороннего заказчика, ответственность может возлагаться как на администрацию исправительного учреждения (за обеспечение надлежащего состояния рабочих мест), так и на организацию-заказчика (за соблюдение правил охраны труда в процессе работы).

Важной проблемой правового регулирования в данной сфере является отсутствие единообразного подхода к квалификации договоров о предоставлении рабочей силы из числа осужденных. В одних случаях они рассматриваются как разновидность договора возмездного оказания услуг, в других - как особый вид договора, не имеющий прямых аналогов в гражданском законодательстве. Это создает правовую неопределенность и затрудняет правоприменительную практику.

Таким образом, нормативно-правовая основа аутсорсинга в системе государственного заказа ФСИН представляет собой сложный комплекс положений общего и специального законодательства, требующий дальнейшего совершенствования и унификации. Многообразие форм аутсорсинга, используемых ФСИН, от классического аутстаффинга до уникальных механизмов привлечения труда осужденных, демонстрирует необходимость разработки специальных подходов к правовому регулированию данной сферы с учетом специфики деятельности уголовно-исполнительной системы.

Современная практика аутсорсинга в Федеральной службе исполнения наказаний характеризуется разнообразием форм и направлений. Анализ данных о закупках ФСИН за последние три года позволяет выделить несколько ключевых сегментов, где аутсорсинг применяется наиболее активно.

Техническое обслуживание и ремонт инженерно-технических средств охраны представляет собой одно из наиболее значимых направлений аутсорсинга. Согласно отчетам ФСИН, износ основных средств уголовно-исполнительной системы составляет более 60%, при этом потребность в современной аппаратуре удовлетворена лишь на 19%. Это создает объективную необходимость привлечения сторонних организаций для обслуживания и ремонта существующих технических систем. В частности, только в 2023 году было заключено более 1 200 контрактов на техническое обслуживание систем видеонаблюдения, охранной сигнализации и средств связи на общую сумму свыше 3,5 млрд рублей.

Особенностью данного направления является высокая степень фрагментации рынка подрядчиков. Если в столичных регионах присутствуют крупные специализированные организации, обладающие необходимыми компетенциями, то в удаленных территориальных органах ФСИН часто приходится работать с местными подрядчиками, чей профессиональный уровень не всегда соответствует предъявляемым требованиям. Это приводит к неравномерности качества предоставляемых услуг.

Строительство и капитальный ремонт объектов уголовно-исполнительной системы - еще одно перспективное направление аутсорсинга. В рамках федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы на 2023-2025 годы» планируется построить и реконструировать 87 объектов, при этом значительный объем работ передается сторонним подрядным организациям. Особенностью является активное использование труда осужденных в качестве вспомогательной силы при выполнении строительных работ, что регулируется специальными договорами о предоставлении рабочей силы.

Анализ практики показывает, что в строительной сфере наиболее эффективно зарекомендовала себя модель комплексного аутсорсинга, когда одна организация-подрядчик отвечает за полный цикл работ - от проектирования до сдачи объекта в эксплуатацию. Это позволяет избежать проблем взаимодействия между множеством специализированных подрядчиков и обеспечить единство ответственности за конечный результат.

Организация питания и медицинского обслуживания в учреждениях ФСИН представляет собой специфическое направление аутсорсинга, требующее учета особых условий функционирования пенитенциарных учреждений. В отличие от других сфер, здесь аутсорсинг развит недостаточно активно - лишь около 15% учреждений передают эти функции сторонним организациям. Основными причинами являются жесткие санитарно-эпидемиологические требования, необходимость обеспечения безопасности и сохранения режимного характера учреждений.

Практика применения аутсорсинга в ФСИН выявила ряд системных проблем, снижающих эффективность данной модели взаимодействия с бизнес-сообществом.

Проблема низкой эффективности закупочных процедур остается одной из наиболее острых. Несмотря на переход от утратившего силу Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005г. № 94-ФЗ к современному №44-ФЗ, многие системные недостатки сохранились. Как отмечалось на высшем государственном уровне, существующая система закупок часто создает ситуацию выбора "между жуликом и квалифицированным поставщиком", когда добросовестные участники не могут конкурировать с недобросовестными компаниями, предлагающими заведомо нереальные условия [13.с.31].

В контексте ФСИН эта проблема усугубляется тем, что многие закупки носят закрытый характер в связи с режимностью объектов, что ограничивает конкурентную среду. Анализ данных Единой информационной системы в сфере закупок показывает, что доля закупок у единственного поставщика в ФСИН составляет около 35%, что значительно превышает средние показатели

Кадровый дефицит проявляется на двух уровнях. С одной стороны, в самой ФСИН наблюдается нехватка квалифицированных специалистов, способных готовить технические задания и осуществлять контроль за выполнением контрактов, особенно когда речь идет о сложных технических системах. С другой стороны, на рынке подрядных услуг существует ограниченное число организаций, обладающих необходимыми компетенциями и допусками для работы на объектах уголовно-исполнительной системы.

Особенно остро эта проблема проявляется в регионах, где зачастую единственным потенциальным подрядчиком оказывается организация, ранее уже демонстрировавшая неудовлетворительные результаты работы. Это создает ситуацию искусственной монополии и снижает качество предоставляемых услуг.

Правовые риски при использовании труда осужденных составляют отдельную группу проблем. Договоры о предоставлении рабочей силы из числа осужденных порождают сложные правоотношения между тремя сторонами: учреждением ФСИН, организацией-заказчиком и осужденным-работником. Распределение ответственности между этими субъектами часто становится предметом судебных разбирательств.

Как показывает анализ судебной практики, наиболее сложными являются вопросы, связанные с:

- Определением объема фактически выполненных работ
- Качеством предоставляемых услуг
- Ответственностью за несчастные случаи
- Соблюдением трудовых прав осужденных

Отсутствие единообразной практики применения законодательства в этой сфере создает правовую неопределенность и повышает риски для всех участников соответствующих правоотношений.

Различные направления деятельности ФСИН демонстрируют существенные различия в подходах к организации аутсорсинга и возникающих при этом проблемах.

В сфере *IT-аутсорсинга* основной проблемой является необходимость обеспечения информационной безопасности и совместимости новых решений с существующими при управлении учреждениями. Многие исправительные учреждения используют устаревшее программное обеспечение, модернизация которого требует значительных затрат и специальных компетенций. При этом передача функций по технической поддержке и развитию IT-инфраструктуры сторонним организациям осложняется требованиями защиты государственной тайны и персональных данных.

В области *медицинского аутсорсинга* ключевой особенностью является необходимость совмещения общих стандартов оказания ме-

дицинской помощи со специальными требованиями пенитенциарных учреждений. Привлечение сторонних медицинских организаций для оказания специализированной помощи осужденным требует разработки сложных организационных механизмов, обеспечивающих как качество медицинских услуг, так и соблюдение режимных требований.

Особого внимания заслуживает практика *промышленного аутсорсинга* на производственных объектах ФСИН. Создание совместных производственных площадок с частными компаниями, где используется труд осужденных, требует балансирования между экономической эффективностью, производственной безопасностью и исправительной функцией наказания. Успешные примеры такого сотрудничества демонстрируют значительный потенциал данной модели, однако ее широкому распространению мешают административные барьеры и ограничения, связанные с режимом содержания осужденных.

Анализ практики применения аутсорсинга в территориальных органах ФСИН выявляет существенные региональные различия, обусловленные как объективными факторами (экономическое развитие региона, наличие квалифицированных подрядчиков, географические особенности), так и субъективными (позиция руководства территориального органа, сложившаяся практика взаимодействия с бизнес-сообществом).

В центральных регионах с развитой рыночной инфраструктурой отмечается более активное и разнообразное использование аутсорсинговых моделей. Здесь преобладают конкурентные процедуры закупок, выше качество предоставляемых услуг, шире спектр привлекаемых подрядчиков. В частности, в Московском регионе доля конкурентных закупок достигает 75%, а среднее количество участников на одну закупку составляет 4,2 организации.

В удаленных регионах ситуация принципиально иная. Ограниченное число потенциальных подрядчиков, высокая транспортная составляющая в стоимости контрактов, кадровый дефицит - все эти факторы приводят к тому, что аутсорсинг развит слабо, а качество предоставляемых услуг остается неудовлетворительным. В некоторых территориальных органах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов доля закупок у единственного поставщика превышает 50%, а среднее количество участников не достигает двух.

Существуют и региональные особенности в использовании труда осужденных. В регионах с развитой промышленностью (Урал, Поволжье) широко практикуется предоставление рабочей силы осужденных промышленным предприятиям, тогда как в аграрных регионах основными заказчиками являются сельскохозяйственные организации. Это порождает различные правовые и организационные модели взаимодействия, требующие дифференцированного подхода к регулированию.

Таким образом, практика аутсорсинга в ФСИН характеризуется значительным разнообразием форм и направлений, наличием системных проблем нормативно-правового и организационного характера, а также существенными региональными различиями. Выявление и анализ этих особенностей позволяет перейти к разработке конкретных мер по совершенствованию механизмов аутсорсинга, которые составят предмет следующей главы исследования.

Анализ практики аутсорсинга в системе ФСИН выявил необходимость системного совершенствования нормативной правовой базы. Первоочередной мерой должна стать разработка ведомственного нормативного акта - Приказа ФСИН России «Об организации аутсорсинга в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», который бы унифицировал подходы к применению аутсорсинговых моделей и установил четкие критерии выбора направлений для передачи сторонним организациям.

Особого внимания требует совершенствование регулирования договоров о предоставлении рабочей силы из числа осужденных. Целесообразно разработать и внедрить типовую форму такого договора, предусматривающую:

- четкое распределение ответственности между учреждением ФСИН и организацией-заказчиком;
- механизмы страхования профессиональных рисков;
- порядок разрешения споров о качестве выполненных работ;
- условия обеспечения безопасности осужденных при выполнении работ.

Для повышения эффективности закупочных процедур необходимо внести изменения в Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ в части установления специальных требований к участникам закупок для нужд ФСИН. В частности, следует предусмотреть возможность установления дополнительных квалификационных требований к подрядчикам, связанных с наличием опыта работы на режимных объектах и специальных допусков персонала.

Совершенствование контрактной системы ФСИН требует внедрения современных методов управления жизненным циклом контрактов. Предлагается реализовать поэтапную модель управления контрактами, включающую:

1. *Прединвестиционную фазу* - проведение детального анализа целесообразности применения аутсорсинга для конкретного направления деятельности с оценкой рисков и потенциального экономического эффекта.
2. *Фазу планирования* - разработку детальных технических заданий с учетом отраслевой специфики и режимных требований. Особое внимание следует уделять установлению четких критериев оценки результатов работ.
3. *Фазу реализации* - внедрение системы мониторинга исполнения контрактов с использованием цифровых технологий, включая систему ключевых показателей эффективности (KPI) для подрядчиков.
4. *Фазу завершения* - проведение комплексного аудита результатов контракта с оценкой достижения целевых показателей.

Для территориальных органов ФСИН в удаленных регионах предлагается создать централизованную систему управления закупками, которая позволит консолидировать потребности нескольких учреждений и проводить совместные закупки, повышая тем самым конкурентность

процедур.

Перспективным направлением совершенствования аутсорсинга в ФСИН является развитие моделей государственно-частного партнерства (Далее - ГЧП). В отличие от традиционного аутсорсинга, предполагающего простое делегирование отдельных функций, ГЧП позволяет организовать долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество с бизнес-сообществом.

Наиболее перспективными формами ГЧП для ФСИН представляются:

1. *Создание производственных кластеров* на базе исправительных учреждений с привлечением частных инвестиций в модернизацию производственной инфраструктуры. Такая модель уже успешно апробирована в ряде регионов и показала свою эффективность.
2. *Реализация инфраструктурных проектов* по схеме «строительство-эксплуатация-передача», позволяющая привлекать частные инвестиции для создания объектов социальной и производственной инфраструктуры учреждений ФСИН.
3. *Развитие системы профессиональной реабилитации осужденных* через создание совместных учебно-производственных центров с бизнес-структурами.

Для стимулирования участия частных компаний в проектах ГЧП с ФСИН необходимо разработать систему мер государственной поддержки, включая налоговые льготы, предоставление государственных гарантий и компенсацию части затрат на создание инфраструктуры.

Цифровизация процессов управления аутсорсингом представляет значительный резерв повышения эффективности [14.с.15]. Предлагается создать единую информационную систему управления аутсорсингом в ФСИН, интегрированную с Единой информационной системой (ЕИС) в сфере закупок и содержащую следующие модули:

- базу данных надежных подрядчиков с системой рейтинговой оценки;
- систему мониторинга исполнения контрактов в режиме реального времени;
- аналитический модуль для оценки эффективности аутсорсинговых проектов;
- систему электронного документооборота с контрагентами.

Дополнительным преимуществом внедрения цифровых технологий станет повышение прозрачности закупочных процедур и создание механизмов общественного контроля за использованием бюджетных средств.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 2. - Ст. 198.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 14. - Ст. 1652.
4. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 30. - Ст. 4571.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ "О государственном оборонном заказе" // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 53 (ч. 1). - Ст. 7600.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 3.
7. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.08.2023 по делу № А20-523/2022 // Документ опубликован не был. СПС "КонсультантПлюс".
8. Апелляционное определение Тюменского областного суда от 02.09.2024 по делу № 33-4854/2024 // Документ опубликован не был. СПС "КонсультантПлюс".
9. Авакян А.А. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной системе: монография. - М.: Юрист, 2022. - 256 с.
10. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (постатейный). - М.: Юстицинформ, 2023. - 384 с.
11. Глазырин И.В. Аутсорсинг в государственном секторе: проблемы и перспективы // Государственная служба. - 2023. - № 2. - С. 45-52.
12. Колесников Е.В. Правовое регулирование труда осужденных в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2022. - 218 с.
13. Лаптев В.А. Совершенствование механизмов государственного заказа в уголовно-исполнительной системе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2023. - № 3. - С. 28-35.
14. Петров С.М. Цифровая трансформация государственных закупок: вызовы и возможности // Финансовое право. - 2024. - № 1. - С. 12-19.
15. Федоров И.В. Экономика пенитенциарных учреждений: учебное пособие. - Рязань: Академия ФСИН России, 2023. - 192 с.
16. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний [Электронный ресурс]. - URL: <http://фсин.рф> (дата обращения: 15.10.2025).
17. Единая информационная система в сфере закупок [Электронный ресурс]. - URL: <http://zakupki.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2025).
18. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. - URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2025).

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 31. - Art. 4398.
2. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1997. - No. 2. - Art. 198.
3. Federal Law No. 44-FZ dated 05.04.2013 "On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2013. - No. 14. - Art. 1652.
4. Federal Law No. 223-FZ dated July 18, 2011 "On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal entities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 30. - Art. 4571.
5. Federal Law No. 275-FZ dated December 29, 2012 "On the State Defense Order" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2012. - No. 53 (part 1). - Art. 7600.
6. Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 197-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1 (part 1). - Art. 3.
7. The decision of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal dated 08/31/2023 in case no. A20-523/2022 // The document was not published. SPS "ConsultantPlus".
8. The appeal ruling of the Tyumen Regional Court dated 02.09.2024 in case no. 33-4854/2024 // The document has not been published. SPS "ConsultantPlus".
9. Avakyan A.A. Public-private partnership in the penitentiary system: a monograph. Moscow: Lawyer, 2022. 256 p.
10. Borisov A.N. Commentary to Federal Law No. 44-FZ dated April 5, 2013 "On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for State and municipal Needs" (article-by-article). Moscow: Justicinform, 2023. 384 p.
11. Glazyrin I.V. Outsourcing in the public sector: problems and prospects // Civil service. - 2023. - No. 2. - pp. 45-52.
12. Kolesnikov E.V. Legal regulation of labor of convicts in the Russian Federation: dis. ... kand. jurid. Sciences. - M., 2022. - 218 p.
13. Laptev V.A. Improving the mechanisms of state order in the penal system // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. - 2023. - No. 3. - pp. 28-35.
14. Petrov S.M. Digital transformation of public procurement: challenges and opportunities // Financial Law. - 2024. - No. 1. - pp. 12-19.
15. Fedorov I.V. Economics of penitentiary institutions: a textbook. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. 192 p.
16. The official website of the Federal Penitentiary Service [Electronic resource]. - URL: <http://фсин.рф> (date of request: 10/15/2025).
17. Unified information system in the field of procurement [Electronic resource]. - URL: <http://zakupki.gov.ru> (date of access: 10/15/2025).
18. The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. - URL: <http://pravo.gov.ru> (date of request: 10/15/2025).

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕССИОННЫХ ДОГОВОРОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ PROBLEMS ARISING IN THE CONTEXT OF CONCESSION AGREEMENTS IN THE PENAL SYSTEM

РАДЧЕНКО Елена Павловна,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник НИЦ-1 федерального казенного учреждения
«Научно-исследовательский институт»
Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации» (ФКУ НИИ ФСИН России),
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская 15А,
e-mail: helenr2003@mail.ru.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования
деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1.
E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

RADCHENKO Elena Pavlovna,

Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute» of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation»
(Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian),
15A Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation.
E-mail: helenr2003@mail.ru

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System
of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences
in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
125130, Russia, Moscow, Narvskaya str., 15A, p. 1.
E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

Краткая аннотация: в контексте рассмотрения вопроса о распоряжении землями сельскохозяйственного назначения государственными учреждениями необходимо провести анализ текущей ситуации и определить пути ее оптимизации. Существует ряд проблем, связанных с взаимодействием государства с бюджетными организациями, которым предоставлены сельскохозяйственные земли на условиях постоянного бессрочного пользования. Земельные участки, предназначенные для сельскохозяйственного использования, представляют собой стратегический ресурс, который служит основой для экономического и экологического благополучия государства. В работе авторы предлагают рассмотреть инструменты государственно-частного партнерства в форме концессий, в рамках которого частный сектор привлекается к эффективному управлению государственной собственностью или оказанию услуг, которые обычно предоставляются государством, на взаимовыгодных условиях. Выбор конкретной формы соглашения зависит от возможностей публичной стороны, включая экономические, организационные и политические аспекты. Авторы отмечают, что так как производство сельскохозяйственной продукции не является основной целью деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в связи с этим необходимо пересмотреть федеральные законы, приказы и распоряжения, регулирующие данное направление.

Abstract: in the context of considering the issue of agricultural land management by government agencies, it is necessary to analyze the current situation and identify ways to optimize it. Since there are a number of problems related to the interaction of the state with budgetary organizations that are provided with agricultural land on permanent indefinite use. Land plots intended for agricultural use represent a strategic resource that serves as the basis for the economic and environmental well-being of the State. In the paper, the authors propose to consider the tools of public-private partnership in the form of concessions, in which the private sector is involved in the effective management of state property or the provision of services that are usually provided by the state on mutually beneficial terms. The choice of a specific form of agreement depends on the capabilities of the public party, including economic, organizational and political aspects. The authors note that since the production of agricultural products is not the main purpose of the activity of the penal enforcement system of the Russian Federation, in this regard, it is necessary to review the federal laws, orders and orders regulating this area.

Ключевые слова: финансы, экономика, концессия, земля, частные инвестиции, уголовно-исполнительная система.

Keywords: finance, economics, concession, land, private investment, penal system.

Для цитирования: Радченко Е.П., Бажанов С.А. Проблемы, возникающие в контексте концессионных договоров в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1217-1220. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1217.

For citation: Radchenko E.P., Bazhanov S.A. Problems arising in the context of concession agreements in the penal system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1217-1220. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1217.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Отношения государства с частным сектором в контексте использования земельных ресурсов представляют собой предмет тщательного анализа и практического применения, включая и финансовую поддержку со стороны государства. Тем не менее, существует ряд проблем, связанных с взаимодействием государства с бюджетными организациями, которым предоставлены сельскохозяйственные земли на условиях постоянного бессрочного пользования. Земельные участки, предназначенные для сельскохозяйственного использования, представляют собой стратегический ресурс, который служит основой для экономического и экологического благополучия государства [1].

По состоянию на 2021 год, площадь земель сельскохозяйственного назначения, выбывших из оборота за период с 2015 по 2020 годы,

превысила 18 миллионов гектаров [2]. Кроме того, наблюдается тенденция к выбытию неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения, площадь которых на указанную дату составляет примерно 44 миллиона гектаров.

В отчетах Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний представлены данные, касающиеся состояния земель сельскохозяйственного назначения [3, 4]. В частности, в период с 2014 по 2020 год из производственного цикла уголовно-исполнительной системы Российской Федерации было выведено более 28 тысяч гектаров земель сельскохозяйственного назначения, и эта тенденция сохраняется [5].

В случае неиспользования или ненадлежащего использования земельных участков, относящихся к категории земель сельскохозяйственного назначения, как юридическими лицами, так и физическими лицами, а также при нарушении плодородного слоя почвы и зарастании участков древесно-кустарниковой и сорной травянистой растительностью, виновные лица подлежат привлечению к административной ответственности в соответствии с законодательством. В соответствии с требованиями земельного законодательства, арендаторы земельных участков обязаны принимать меры по восстановлению плодородия почв, а также разрабатывать проект рекультивации земель сельскохозяйственного назначения [1].

В контексте рассмотрения вопроса о распоряжении землями сельскохозяйственного назначения государственными учреждениями необходимо провести анализ текущей ситуации и определить пути ее оптимизации. Производство сельскохозяйственной продукции не является основной целью деятельности государственных учреждений, и их возможности в этой области ограничены. В связи с этим необходимо пересмотреть федеральные законы, приказы и распоряжения, регулирующие данную сферу.

Одним из таких документов является Федеральный закон от 29.12.2006 года № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» [6], который определяет условия предоставления государственной поддержки предприятиям, имеющим более 70 % собственной сельскохозяйственной продукции в своем обороте [6]. Одним из возможных способов решения данной проблемы можно предложить концессионную модель, которая позволит привлечь частные инвестиции для рекультивации земель сельскохозяйственного назначения УИС, особенно в условиях их деградации и зарастания. Для этого рассмотрим, что представляет концессия и концессионное соглашение.

Концессия представляет собой особую форму взаимодействия государства и бизнеса, которая имеет глубокие исторические корни и считается одной из старейших форм договорных отношений. Историческим предшественником концессии, известной как откуп, был механизм, при котором государство передавало право взимания налогов и других государственных доходов за определённую плату и на определенных условиях.

Концессия представляет собой соглашение, в рамках которого правообладатель предоставляет другому лицу исключительные права на использование определенного объекта на определенный срок или бессрочно за вознаграждение.

Объектом концессионного соглашения могут быть различные права, такие как права на эксплуатацию природных ресурсов, использование предприятий и оборудования, а также права на фирменные наименования, коммерческие обозначения, охраняемую коммерческую информацию, товарные знаки и знаки обслуживания.

Концессия представляет собой форму государственно-частного партнёрства, в рамках которой частный сектор привлекается к эффективному управлению государственной собственностью или оказанию услуг, традиционно предоставляемых государством, на условиях взаимовыгодного сотрудничества.

В качестве концедента, представляющего интересы Российской Федерации, может выступать Правительство Российской Федерации или уполномоченный им федеральный орган исполнительной власти, а также субъект Российской Федерации, представленный соответствующим региональным органом государственной власти. В некоторых случаях права и обязанности концедента могут быть переданы уполномоченным им лицам [7, 8].

Концессионером может быть индивидуальный предприниматель, российское или иностранное юридическое лицо, либо группа юридических лиц, действующих без создания юридического лица на основании договора о совместной деятельности.

В концессионном соглашении участвуют две стороны: публичный партнер (концедент) и частный партнер (концессионер).

Публичным партнером может выступать:

- Российская Федерация;
- субъект Российской Федерации;
- муниципальное образование.

Концедент может быть представлен только одним публично-правовым образованием. Имущество, которое становится объектом концессионного соглашения, может находиться в собственности государственного или муниципального унитарного предприятия на праве хозяйственного ведения.

Объектом концессионного соглашения может быть как недвижимое имущество, так и комплекс из недвижимого и движимого имущества, технологически связанных друг с другом и предназначенных для осуществления деятельности, определенной в соглашении.

В соответствии с Законом о концессионных соглашениях, существует исчерпывающий перечень объектов, в отношении которых возможно заключение таких соглашений. Эти объекты перечислены в части 1 статьи 4 [7].

Концессионное соглашение представляет собой документ, который заключается в результате проведения конкурса и определяет концессионера [9]. Исключением являются случаи, когда речь идет о ЧКИ. Соглашение может включать в себя элементы различных гражданско-

правовых договоров и оформляется в свободной письменной форме. При этом необходимо соблюдать положения Федерального закона «О концессионных соглашениях», Гражданского кодекса Российской Федерации и других нормативных правовых актов [7, 10]. Концессионное соглашение может быть заключено только по результатам конкурса, проведенного в строгом соответствии с установленными процедурами. Исключением является процедура заключения концессионного соглашения по частной инициативе, которая регулируется Федеральным законом «О концессионных соглашениях».

Выбор конкретной формы соглашения зависит от возможностей публичной стороны, включая экономические, организационные и политические аспекты. Также учитываются приоритеты, установленные публичной стороной в текущей ситуации. Статья 17.1 Федерального закона от 26.07.2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» устанавливает особенности заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества [11, 12].

В связи с чем, в отношении заключения концессионного соглашения с учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации могут возникнуть некоторые проблемы:

- Ограничения в управлении государственным имуществом. Существующие нормы не позволяют исправительным учреждениям в полной мере распоряжаться своими активами и предоставлять их в пользование коммерческим структурам.
- Сложности с размещением государственных и муниципальных заказов. В частности, отсутствует квотирование в размере 15% от общего годового объема закупок заказчиков.
- Задержки в обеспечении бесперебойного производственного процесса. Это обусловлено длительными сроками проведения конкурентных процедур по закупке горюче-смазочных материалов и запасных частей.
- Отсутствие возможности передавать объекты недвижимого имущества коммерческим организациям без проведения конкурсов или аукционов.

Несоблюдение предписаний влечет за собой административную ответственность в соответствии с положениями статьи 7.32.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [13]. Данная статья предусматривает ответственность за несоблюдение процедуры проведения обязательных торгов и порядка заключения договоров по результатам таких торгов, которые регламентируются законодательством Российской Федерации.

Согласно законодательству Российской Федерации, земельный участок может быть передан концессионеру в двух случаях:

1. Для осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением.
2. Если на данном участке расположен объект, являющийся предметом концессионного соглашения.

Земельные участки, предоставляемые концессионеру, могут быть арендованы, переданы в субаренду или использованы на ином законном основании в соответствии с земельным, лесным, водным законодательством и законодательством Российской Федерации о недрах [1]. Срок аренды или иного законного использования должен быть определен в концессионном соглашении в соответствии с указанными специальными законами и не может превышать срок действия концессии.

Одним из ключевых аспектов концессионного соглашения является определение порядка предоставления земельных участков концессионеру для осуществления деятельности, предусмотренной условиями соглашения. В соглашении также устанавливаются сроки заключения договоров аренды этих участков и размер арендной платы [7].

В соответствии с положениями статьи 26 Земельного кодекса Российской Федерации, договор аренды земельного участка, заключенный в рамках концессионного соглашения, подлежит обязательной государственной регистрации, а также регистрации подлежит право собственности на данный участок [1]. Концессионер не имеет права передавать свои права по договору аренды третьим лицам или передавать участок в субаренду, если иное не предусмотрено условиями самого договора аренды.

Решение о заключении концессионного соглашения принимается органом государственной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления в случае, если объект, на который распространяются концессионные права, находится в собственности муниципального образования. Как правило, такое решение оформляется в виде постановления. Необходимо отметить, что в связи с долгосрочным характером концессионных отношений, бюджетное законодательство предусматривает возможность предоставления финансовой поддержки проекту на протяжении всего срока действия соглашения, даже если этот срок выходит за рамки бюджетного планирования (статья 78.1 Бюджетного кодекса) [14].

В качестве критериев оценки могут выступать следующие показатели:

1. Сроки реализации проекта по строительству и/или реконструкции объекта концессионного соглашения.
2. Срок, в течение которого объект достигнет установленных технико-экономических характеристик после подписания соглашения.
3. Техничко-экономические параметры объекта.
4. Объем производства товаров, выполнения работ и оказания услуг в рамках деятельности, предусмотренной концессионным соглашением.
5. Срок, в течение которого концессионер должен начать производство товаров, выполнение работ и оказание услуг в полном объеме, указанном в соглашении, после его заключения.
6. Размер концессионной платы.
7. Максимально допустимые цены (тарифы) на производимые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги, а также надбавки

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ DIGITAL SPACE AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION

МАНСУРОВ Гафур Закирович,

д.ю.н., доцент, Уральский государственный экономический университет, доцент кафедры гражданского права
620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, улица 8 Марта, 62.

E-mail: mansuroff@yandex.ru

МИННЕГАЛИЕВА Лариса Ильинична,

к.ю.н., Уральский государственный экономический университет, доцент кафедры гражданского права
620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, улица 8 Марта, 62.

E-mail: larissa5@mail.ru

MANSUROV Gafur Zakirovich

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Ural State University of Economics Yekaterinburg, Russia.

620144, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 8 Marta street, 62.

E-mail mansuroff@yandex.ru

MINNEGALIEVA Larisa Ilinichna

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Ural State University of Economics Yekaterinburg, Russia.

620144, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, 8 Marta street, 62.

E-mail: larissa5@mail.ru

Краткая аннотация. Цифровое пространство занимает важную часть современного общества. На законодательном уровне отсутствует легальное определение данного термина. Авторами выделяются объекты правовой охраны цифрового пространства, перечисляются принципы регулирования, характерные для нашей страны. Отмечается важность международного сотрудничества в этом направлении.

Abstract: Digital space occupies an important part of modern society. At the legislative level, there is no legal definition of this term. The authors highlight the objects of legal protection of the digital space, list the principles of regulation characteristic of our country. The importance of international cooperation in this direction is noted.

Ключевые слова: цифровое пространство, информация, защита информации, киберпреступления, принцип безопасности, конфиденциальность.

Keywords: digital space, information, information protection, cybercrime, security, privacy.

Для цитирования: Мансуров Г.З., Миннегалиева Л.И. Цифровое пространство как объект правовой охраны // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1221-1222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1221.

For citation: Mansurov G.Z., Minnegaliev L.I. Digital space as an object of legal protection // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1221-1222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1221.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Цифровое пространство – это неотъемлемая часть современной жизни, оказывающая влияние на все сферы человеческой деятельности. Оно представляет собой среду, в которой происходит обмен информацией, осуществление транзакций, предоставление услуг и многое другое. В связи с этим возникает необходимость в правовой охране цифрового пространства, чтобы защитить интересы участников этого процесса и предотвратить возможные злоупотребления.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует понятие цифрового пространства. Цифровое пространство можно определить как виртуальную среду, созданную с помощью информационных и коммуникационных технологий, где осуществляется обмен данными, взаимодействие людей и машин, а также предоставляются различные услуги. Оно включает в себя интернет, мобильные сети, облачные хранилища, социальные сети и другие платформы, обеспечивающие возможность передачи и обработки информации. Особо стоит отметить, что цифровое пространство выступает средством для реализации большого числа разнообразных гражданско-правовых отношений [1, с. 79].

Среди объектов правовой охраны в цифровом пространстве можно выделить:

1. Информация и данные.

Это и персональные данные, коммерческая тайна, интеллектуальная собственность и другая конфиденциальная информация. Правовая охрана направлена на предотвращение несанкционированного доступа, копирования, распространения и модификации такой информации.

2. Интеллектуальная собственность.

В цифровом пространстве широко используется контент, созданный авторами, художниками, музыкантами и другими творческими личностями. Правовая охрана интеллектуальной собственности обеспечивает защиту авторских прав, патентов, торговых марок и других форм интеллектуальной собственности от незаконного использования и плагиата.

3. Программное обеспечение и технологии.

Правовая охрана защищает разработчиков от пиратства и нелегального копирования их программных продуктов. Это касается как коммерческих продуктов, так и открытых исходных кодов.

4. Электронные сервисы и платформы.

К ним относятся онлайн-магазины, банковские приложения, социальные сети и мессенджеры, также нуждаются в правовой охране. Это связано с необходимостью защиты пользователей от мошенничества, фишинга и других видов киберпреступлений.

5. Инфраструктура.

К этому объекту относятся энергетические сети, транспортные системы, системы управления. Их правовая охрана направлена на пре-

дотвращение кибератак, которые могут привести к серьезным последствиям для общества и экономики страны в целом.

С точки зрения гражданского права цифровое пространство характеризуется расширением круга участников за счет включения нетрадиционных субъектов, в частности участие электронных юридических лиц, виртуальных субъектов [2, с. 46]. В связи с чем законодателю необходимо вводить их в число субъектов гражданских правоотношений и определять их правовой статус.

Цифровые пространства стали важной частью нашей жизни, объединяя людей и предоставляя безграничные возможности для обмена информацией [3, с. 53]. Для них характерны принципы, связанные с технологическими, социальными, правовыми и этическими аспектами. Принципы цифрового пространства – это основополагающие начала, выраженные в правовых нормах, направленных на обеспечение безопасности, стабильности, законности и защиты прав субъектов. Они отражают особенности функционирования цифровой среды, связанные с использованием цифровых технологий, взаимодействием пользователей и регулированием отношений в цифровом пространстве.

Для России характерны следующие принципы правовой охраны цифрового пространства:

1. Принцип законности, который означает, что осуществление любых действий в цифровом пространстве, а также их охрана и регулирование должны осуществляться в рамках установленных государством правовых норм.
2. Принцип доступности, который означает, что все участники цифрового пространства должны иметь равные возможности для использования его ресурсов. Правовая охрана должна обеспечивать свободный доступ к информации и услугам, исключая дискриминацию по каким-либо признакам.
3. Принцип конфиденциальности – это защита личной информации и данных пользователей от несанкционированного доступа и использования третьими лицами. Правовая охрана должна гарантировать, что личные данные будут использоваться только с согласия владельца и в соответствии с установленными нормами действующего законодательства.
4. Принцип целостности, включающий в себя защиту информации от несанкционированных изменений и повреждений, в том числе разработку мер по предотвращению искажения данных и обеспечению их достоверности на всех уровнях, начиная от простого гражданина до масштабов страны в целом.
5. Принцип безопасности, устанавливающий защиту цифрового пространства от различных угроз (как внешних, так и внутренних), таких как вирусы, хакерские атаки и другие виды киберпреступлений. В рамках данного принципа на уровне государства устанавливаются стандарты и требования к обеспечению безопасности информационных систем и сетей.
6. Принцип прозрачности, означающий открытость и доступность информации о правилах и процедурах, применяемых в цифровом пространстве. Пользователи должны знать, какие данные собираются о них, как они используются, кто несет ответственность за их защиту, куда обращаться в случае их нарушения.

На национальном и международном уровнях существует множество нормативных актов, регулирующих деятельность в цифровом пространстве. Они включают в себя законы о защите информации, персональных данных, авторском праве, кибербезопасности и другие. В частности, в нашей стране принят Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который подробно регулирует отношения при реализации права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применении информационных технологий, устанавливает гарантии обеспечения защиты информации. Важно, чтобы законодательство в этой сфере систематически совершенствовалось, было адаптировано к быстро меняющимся условиям, новым технологиям [4, с. 75].

Для обеспечения правовой охраны цифрового пространства применяются различные технические средства, такие как шифрование данных, антивирусные программы, системы обнаружения вторжений и другие инструменты кибербезопасности.

Ввиду глобальной природы цифрового пространства, важное значение имеет международное сотрудничество в этой области. Оно включает в себя заключение международных договоров, обмен опытом и совместные проекты по борьбе с киберпреступностью между различными странами. При этом государства должны взаимодействовать в рамках принципа киберсуверенитета, то есть сотрудничать в цифровом пространстве на основе равенства и взаимной выгоды [5, с. 20].

Однако виртуальная природа цифрового пространства делает сложным определение юрисдикции в случае конфликтов и правонарушений. В связи с чем странам необходимо прилагать усилия для совместной разработки эффективных механизмов для урегулирования споров и привлечения виновных лиц к ответственности.

Таким образом, цифровое пространство играет ключевую роль в современном мире. Для его безопасного функционирования необходимо вырабатывать правовые механизмы не только на уровне отдельно взятого государства, но и в рамках международного сотрудничества.

Список литературы:

1. Моргунова Е.А., Шахназаров Б.А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2023. 152 с.
2. Довгань К.Е., Коваленко Н.Е. Человек в цифровом праве: проблемы сохранения антропоцентризма в гражданско-правовой сфере // Хозяйство и право. 2025. N 10. С. 38 - 47.
3. Чистяков К.В. Кибербуллинг как фактор подростковой преступности: международный опыт противодействия // Безопасность бизнеса. 2025. N 3. С. 52 - 56.
4. Юркова О.А., Соболева А.А. Административная ответственность за правонарушения, совершаемые в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: проблемы и пути решений // Современное право. 2024. N 9. С. 74 - 76.
5. Егорова М.А. Китайская концепция киберсуверенитета и ее значение для правового регулирования искусственного интеллекта и обеспечения информационно-психологической безопасности в условиях защиты конкуренции // Предпринимательское право. 2024. N 3. С. 17 - 26.

References:

1. Morgunova E.A., Shakhnazarov B.A. Intellectual property law in the context of the development of new technologies: monograph. Moscow: Norma, INFRA-M, 2023. 152 s.
2. Dovgan K.E., Kovalenko N.E. Man in digital law: problems of preserving anthropocentrism in the civil law sphere // Economy and law. 2025. N 10. S. 38-47.
3. Chistyakov K.V. Cyberbullying as a factor in juvenile delinquency: international experience in countering // Business safety. 2025. N 3. S. 52-56.
4. Yurkova O.A., Soboleva A.A. Administrative responsibility for offenses committed in the information and telecommunication network Internet: problems and solutions // Modern law. 2024. N 9. S. 74-76.
5. Egorova M.A. The Chinese concept of cyber sovereignty and its significance for the legal regulation of artificial intelligence and ensuring information and psychological security in the context of protecting competition // Business law. 2024. N 3. S. 17-26.

ЦИТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: СОБЛЮДЕНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ АВТОРОВ И ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ QUOTING AS A WAY OF FREE USE WORKS OF ART: BALANCING THE INTERESTS OF THE AUTHORS AND USERS OF INFORMATION

ГРОМОЗДИНА Мария Владимировна,

к.ю.н, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ).
630099, Россия, г. Новосибирск, Ядринцевская ул., 53.

E-mail: gromlaws@mail.ru

ХОЛМОВА Елена Геннадьевна,

к.ю.н, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ).
630099, Россия, г. Новосибирск, Ядринцевская ул., 53.

E-mail: gromlaws@mail.ru

GROMOZDINA Maria Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management.
630099, Russia, Novosibirsk, Yadrintsevskaya str., 53.

E-mail: gromlaws@mail.ru

KHOLMOVA Elena Gennadievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (NINH).
630099, Russia, Novosibirsk, Yadrintsevskaya str., 53.

E-mail: gromlaws@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена комплексному анализу цитирования как способа свободного использования произведений в контексте российского и международного авторского права. Рассматриваются понятие, цели и условия правомерного цитирования, его объекты (включая текстовые, изобразительные, музыкальные, аудиовизуальные произведения, видеоигры и цифровой контент). Особое внимание уделяется балансу интересов авторов, правообладателей и общества в условиях цифровизации.

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of citation as a way of free use of works in the context of Russian and international copyright law. The concept, goals and conditions of legitimate advertising, its objects (including text, visual, musical, audiovisual works, video games and digital content) are considered. Special attention is paid to the balance of interests of authors, copyright holders and society in the context of digitalization.

Ключевые слова: авторское право, баланс интересов, воспроизведение, гармонизация авторского права, свободное использование произведений, цитирование.

Keywords: copyright, balance of interests, reproduction, harmonization of copyright, free use of works, citation.

Для цитирования: Громоздина М.В., Холмова Е.Г. Цитирование как способ свободного использования произведений: соблюдение баланса интересов авторов и пользователей информации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1223-1226. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1223.

For citation: Gromozdina M.V., Kholmova E.G. Quoting as a way of free use works of art: balancing the interests of the authors and users of information // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 1223-1226. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_1223.

Статья поступила в редакцию: 06.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Цитирование представляет собой процесс воспроизведения произведений других авторов (или отрывков из них) с целью их анализа, критики или иллюстрации своих собственных аргументов. В основе цитирования лежит принцип уважения к интеллектуальной собственности и признания вклада авторов в развитие соответствующей области знаний. Являясь одной из ключевых практик в научной, литературной и художественной деятельности, цитирование обеспечивает свободный обмен знаниями и идеями. Одновременно оно важный инструмент научной, литературной и художественной деятельности.

Устоявшееся и бесспорное определение цитирования отсутствует не только в юриспруденции, но и в филологии¹. Доктринальное определение может быть сформулировано следующим образом: цитирование – это использование фрагментов чужого произведения в собственном произведении при соблюдении установленных законом условий. Есть и более краткие определения².

По своей правовой природе цитирование является исключением из исключительного права на воспроизведение.

Разграничение цитирования со смежными понятиями:

- в отличие от плагиата имеется указание на подлинного автора;
- в отличие от переработки сохраняется аутентичный вид цитаты;
- в отличие от компиляции автор создаёт собственный оригинальный текст, а не сборник чужих.

Возможно также смешение понятия цитирование и создания пародий³, однако пародия, в отличие от цитирования, предполагает изменение исходного произведения и его фрагментов.

Нормативное регулирование цитирования в России осуществляется, в первую очередь, ст. 1274 ГК РФ и связанными с ней нормами; для этих норм характерна строгая формализация, императивно ограниченные цели. На уровне зарубежного и международного регулирования

¹ Бетуганова Л. А. Цитация: границы понятия // Говор: альманах. 2023. № 5. С. 70–72.

² Кусякин А.А. Проблема цитирования в авторском праве: цели, содержание, предельные объемы // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 342–348.

³ Тупичинский А.С. Пародия как производное или оригинальное произведение: казнить нельзя помиловать // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Декабрь. № 4 (46). С. 41–52.

следует упомянуть:

- Бернскую конвенцию 1971 г. (ст. 10), допускающую цитирование, если оно оправдано целью, и устанавливающую «трехступенчатый тест» свободного использования;
- Директиву 2001/29/EC (ст. 5(3)(d)), которая допускает цитирование в целях критики, обзора, науки;
- в США: Fair use (17 U.S.C. § 107), «добросовестное использование», характеризующееся гибкостью, но и вытекающей из нее высокой неопределенностью.

Объекты цитирования охватывают широкий спектр произведений, которые могут быть использованы для иллюстрации, критики или анализа в различных областях знаний. Прежде всего, классическими и бесспорными объектами цитирования являются текстовые произведения, начиная с монографий, статей и других научных трудов. Цитирование в данном контексте служит не только для подтверждения информации, но и для обоснования собственных выводов и гипотез. Сущность цитирования текстов заключается в создании межтекстового диалога, который способствует развитию науки и культуры. В художественной литературе цитация может выполнять эстетическую функцию или служить средством для анализа текста; прозаические и поэтические тексты используются как примеры стилистических приемов или культурных аллюзий.

Изобразительные произведения: фото, картины, графика, – менее очевидные объекты цитирования. Менее 10 лет тому назад (например, в 2017 году) суды могли не признавать даже теоретическую возможность цитирования фотографий¹. В этом же ключе высказывались и ученые². Сейчас вопрос такой возможности положительно решен на уровне Верховного суда РФ³, что отразилось и в практике нижестоящих судов. Ученые также стали высказываться о цитировании изображений в более положительном ключе, хотя и не без попыток ограничить цитирование таких объектов дополнительными требованиями.⁴ Цитирование произведений изобразительного искусства может быть представлено в виде репродукций или описаний элементов композиции. Оно вполне органично и совершенно необходимо, например, в критических статьях, в касающихся искусства новостных обзорах, в учебной литературе.

В музыкальной сфере возможно цитирование как текстов песен, так и мелодий или ритмических структур. Такие объекты часто используются в образовательных целях или при проведении сравнительного анализа различных стилей и направлений. Как правило, цитатами становятся короткие музыкальные отрывки, но если само произведение имеет очень небольшой объем, то, как и в случаях с другими сферами, возможно цитирование произведения целиком. Цитирование музыкального отрывка в другом произведении, исполняемом публично, порождает практическую проблему – нахождение технического способа сослаться на автора и источник цитаты.

В электронном формате часто цитируются аудиовизуальные произведения⁵: видеоролики, клипы, сцены из фильмов, видеофрагменты в обзорах. В этом же формате – компьютерные игры и вообще все видеоигры, причем здесь объектами могут выступать и аудиовизуальные фрагменты («ролики»), и тексты, в особенности – диалоги персонажей в RPG, и изобразительные (скриншоты) и специфические – геймплей, элементы кода. Цитирование геймплея видеоигр является обоснованным, например, при анализе игровой индустрии.

Применительно к видеоиграм и другим сложным и составным объектам авторских прав очевидна одна практическая проблема, гипотетически способная стать проблемой правоприменения – автор конкретного цитируемого элемента может быть неизвестен пользователям. Так, информацию о правообладателе игры Fallout – RPG с почти тридцатилетней историей, найти легко, а вот узнать, кто является автором или авторами часто воспроизводимых фраз и диалогов из этой игры, для рядового пользователя вряд ли возможно.

Программный код может быть процитирован в научных и учебных публикациях, для анализа алгоритмов. Включение же фрагмента чужого кода в свой код цитированием не является по сути, не только из-за невозможности правильно соблюсти требования об указании автора и источника, но и потому, что в таком случае неосуществимы надлежащие цели цитирования.

Новые современные объекты: мемы, посты из соцсетей, специфические виды цифрового контента на данном этапе существуют в поле правовой неопределенности – в той мере, в какой их невозможно соотносить с классическими объектами авторских прав. О связанных с ними проблемах будет сказано далее.

Таким образом, объекты цитирования включают в себя разнообразные формы выражения интеллектуальной деятельности человека – от научных трудов до художественных шедевров и сиюминутного контента. Их использование в рамках цитирования позволяет обогащать собственные исследования новыми смыслами и углублять понимание изучаемых явлений без нарушения авторских прав.

Цитирование является правомерным при соблюдении ряда условий, закрепленных как на международном, так и на национальном уровне.

Первое условие – определенные цели. Российское законодательство содержит императивное указание целей: научных, полемических, критических, информационных, учебных, а также целей раскрытия творческого замысла автора. В Бернской конвенции подобного перечня нет. В праве европейских стран в качестве целей указываются наука, критика, обзор, информация, полемика.

Второе условие – правомерное обнародование; использовать цитаты можно только из произведений, доведенных до всеобщего сведения автором или, после его смерти – правопреемниками.

Третье условие – указание автора и источника. Применение данного правила также не вполне однозначно, в частности, в случаях, когда в

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.04.2017 N 305-3С16-18302 по делу N А40-142345/2015 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042017-n-305-es16-18302-po-delu-n-a40-1423452015/?ysclid=mfqyfb5aq389548758>. Дата обращения 19.09.2025.

² Рожкова М. А. О «цитировании» фотографий, открытом доступе и подмене понятий // Хозяйство и право. 2017. № 1 (480). С. 31–41.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации", подпункт «а» п. 98, прямо указывающий на возможность цитирования любого произведения при условии соблюдения норм ГК РФ. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ Дата обращения 19.09.2025.

⁴ Витко В. Судебная практика об информационной цели и допустимом объеме цитирования фотографий //

Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 5. С. 41–46.

⁵ См., например: Копылов А. Ю. Некоторые вопросы цитирования аудиовизуальных произведений // В сборнике: Интеллектуальные права: вызовы XXI века. сборник докладов V Международной научно-практической конференции. Томск, 2023. С. 167–170.

источнике цитирования автор не указан. Бернская конвенция, в отличие от отечественного законодательства, содержит для этой ситуации исключение: в соответствии с п. 3 ст. 10 Конвенции обязанность указать имя автора есть при условии, что оно обозначено в источнике цитирования.

Четвертое условие – обоснованный объем заимствования, т.е. объем, минимально необходимый для достижения цели. Согласно российскому законодательству, объем цитирования должен быть оправдан его целью. Судебное толкование этой нормы носит казуальный характер, о чем будет подробнее сказано далее. В России и ЕС для определения обоснованности применяется принцип соразмерности: цитируемая часть должна быть соразмерной поставленной цели и не должна превышать разумные пределы. В США оценка обоснованности производится через категорию *fair use*.

Следующее условие – недопустимость искажения. Цитата должна быть точной и не менять смысла оригинала; данное условие вытекает не из текста ст. 1274 ГК РФ, а из связанных с ней норм.

Бернская конвенция содержит еще одно условие: цитирование должно осуществляться в рамках добросовестного использования (*fair use*). В российском праве термин «*fair use*» не применяется, и это представляется благом, ввиду абсолютной неопределенности и неоднозначности данной категории. Добросовестность же является одним из основополагающих принципов российского гражданского права, в связи с чем не нуждается в упоминании применительно к отдельным ситуациям.

Названные выше условия создают правовую основу для обеспечения справедливого баланса между интересами авторов и пользователей информации. Их соблюдение способствует развитию науки и культуры через возможность свободного обмена знаниями при сохранении уважения к интеллектуальной собственности авторов.

В основе проблем, связанных с цитированием, лежит необходимость балансирования между защитой интересов правообладателей и обеспечением свободы научного, литературного и художественного обмена.

Для начала рассмотрим несколько проблемных вопросов международного масштаба. Среди них, во-первых, следует отметить неоднозначность трактовки категории "цитирование" в законодательстве разных стран. Например, Бернская конвенция (ст. 10) предоставляет возможность цитирования при условии добросовестного использования, но не конкретизирует четкие критерии для определения объемов допустимого заимствования. Это приводит к вариативности интерпретаций на национальном уровне, что затрудняет единообразное правоприменение.

Во-вторых, различны подходы к определению границ добросовестного использования. В США концепция *fair use* позволяет более гибко подходить к вопросу цитирования, учитывая такие факторы, как цель и характер использования, природа произведения, объем использованной части и влияние на потенциальный рынок. Однако в странах континентальной Европы подходы могут быть более строгими и формализованными, что создает дополнительные барьеры для исследователей и творческих работников.

Еще одной проблемой является отсутствие унифицированных стандартов для цифрового контента. С развитием интернет-технологий вопросы цитирования стали еще более сложными из-за легкости копирования и скорости распространения информации. Европейская директива о защите авторских прав в цифровую эпоху (Directive on Copyright in the Digital Single Market) стремится адаптировать законодательство к современным реалиям¹, однако вызывает критику за возможное ограничение свободного обмена информацией, в том числе из-за применения все того же принципа *fair use*.

Э.Р. Вальдес-Мартинес предлагает сделать обязательным для российских судов использование при рассмотрении дел, связанных с цитированием, предусмотренного Бернской конвенцией «трехступенчатого теста», включающего выяснение, что в данном конкретном случае цитирование:

- используется в определенных особых случаях;
- не наносит ущерба нормальному использованию произведения;
- не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора.²

Такое требование, при всей красоте отсылки к международному регулированию, представляется совершенно избыточным. Цитирование уже, в рамках законодательной конструкции прошло этот тест: это особый, предусмотренный законом случай, научные и прочие цели цитирования, указанные в законе, исключают ущерб использованию произведения и правам автора. Трехступенчатый тест следует применять в случаях, когда в конкретном случае не является очевидным сам вопрос: имеет ли место цитирование или незаконное использование произведения.

Цифровая среда в целом создала и продолжает создавать проблемы и вызовы как для правоприменителей во всем мире, так и для исследователей. Классические нормы об «обоснованности» и «целях цитирования» формировались применительно к научным публикациям и печатным изданиям; однако в блогах, постах в соцсетях цитаты используются иначе, часто – как иллюстрация, шутка, элемент визуального контента, без прямой исследовательской или критической цели. Такие случаи могут не попадать под ни под доктрину *fair use*, ни под «свободное использование» по отечественному законодательству, а квалифицироваться как нарушение авторских прав. Ниже будет рассмотрена еще одна связанная с этим проблема – установление практикой дополнительных критериев правомерности цитирования как ответ на участвовавшие нарушения.

В отношении мемов, давно ставших неотъемлемой и привычной частью «сетевой» жизни, имеет место правовая неопределенность и связанное с ней отсутствие устоявшейся практики. Это обусловлено тем, что мемы в одних случаях представляют собой трансформацию (пародию, карикатуру), в других (по-видимому, не частых) – цитирование, а в остальных – простое воспроизведение или переработку произведения без разрешения.

¹ Мотовилова Д.А. Ключевые положения Директивы (ЕС) N 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке // <https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729025/?ysclid=mfgr0jve7mb216093690> Дата обращения – 19.09.2025.

² Вальдес-Мартинес Э.Р. Особенности применения судами критериев правомерного цитирования при рассмотрении дел // Цифровая экономика: интеллектуальная собственность и право : сборник статей к юбилею Марины Максимовны Карелиной : монография / отв. за вып. Н. В. Бузовой. - Москва : ИОП РГУП, 2023. - 296 с. - ISBN 978-5-00209-070-9. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2151294> (дата обращения: 19.09.2025). – Режим доступа: по подписке. С. 125.

Добавляют проблем и технологии искусственного интеллекта (AI). Оставляя в стороне набившую оскомину проблему «авторства ИИ» (она, к счастью, выходит за рамки предмета настоящего исследования), отметим следующее:

- алгоритмы могут автоматически вставлять фрагменты произведений, например, при генерации новостей, дайджестов или справочных материалов, не оформляя эти фрагменты как цитаты и не всегда приводя источник цитирования;
- AI не может «оценить» обоснованность и пропорциональность цитирования;
- вышеотмеченное порождает риски массовых нарушений.

Вопрос об ответственном лице при этом не имеет окончательного решения. Виновным может быть разработчик алгоритма, пользователь или сама платформа. На практике проще всего привлечь к ответственности «последнее звено» – пользователя, для которого, по сути, возникает ситуация «объективного вменения», аналогичная ситуации актуального владельца при виндикации вещи.

Гипотетически, в будущем будет введено регулирование автоматизированного использования контента, включая обязательные механизмы фильтрации и учета, но пока в мире нет примеров успешного регулирования таких правоотношений.

Следующая проблема не связана с цифровыми технологиями, возникла очень давно, но окончательного решения не имеет. Эта проблема – объем цитирования. В соответствии с российским законодательством он должен быть «оправдан целями цитирования», в законодательстве других стран используются либо похожие формулировки, либо отсылка к концепции *fair use*. Численных критериев нет – ни процента текста, ни числа строк/секунд и т.д. На наш взгляд, их и не может быть, «оправданность целями» всегда будет и должна оцениваться ситуативно. Субъективное толкование неизбежно и необходимо, и логике правоприменения не противоречит тот факт, что в одной ситуации 20% процитированного чужого текста могут быть признаны допустимыми, в другой – нарушением. Цитирование произведения в полном объеме, как правило, не может считаться оправданным, за исключением случаев, когда это диктуется самой целью (например, цитирование короткого стихотворения целиком для его анализа).

В учебном, образовательном процессе цитирование как таковое, соответствующее подпункту 1 п. 1 ст. 1274, тесно смыкается с использованием в изданиях, передачах, записях учебного характера по подпункту 2 п. 1 ст. 1274. По сути, в подпункте 2 речь идет тоже о цитировании, но есть два принципиальных отличия: иллюстративная цель и учебный характер. По подпункту 1, т. е. вне учебного характера издания, передачи или записи, иллюстративная цель недопустима.

Таким образом, главный вызов для права относительно цитирования — это адаптация традиционного института цитирования к цифровой, сетевой и автоматизированной среде, где привычные категории («обоснованный объем», «цель исследования») нуждаются в уточнении и новых правовых инструментах. Соответственно, требуются согласование и выработка универсальных стандартов цифрового цитирования, особенно для образовательных и научных проектов в интернете.

Эффективное регулирование цитирования требует комплексного подхода с учетом интересов всех заинтересованных сторон: авторов, правообладателей, пользователей контента, общества в целом.

Список литературы:

1. Бетуганова Л. А. Цитация: границы понятия // Говор: альманах. 2023. № 5. С. 70–72.
2. Вальдес-Мартинес Э.Р. Особенности применения судами критериев правомерного цитирования при рассмотрении дел // Цифровая экономика: интеллектуальная собственность и право: сборник статей к юбилею Марины Максимовны Карелиной: монография / отв. за вып. Н. В. Бузовой. - Москва: ИОП РГУП, 2023. - 296 с. - ISBN 978-5-00209-070-9. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2151294> (дата обращения: 19.09.2025). – Режим доступа: по подписке. С. 125.
3. Витко В. Судебная практика об информационной цели и допустимом объеме цитирования фотографий // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 5. С. 41–46.
4. Копылов А. Ю. Некоторые вопросы цитирования аудиовизуальных произведений // В сборнике: Интеллектуальные права: вызовы XXI века. сборник докладов V Международной научно-практической конференции. Томск, 2023. С. 167–170.
5. Куракин А.А. Проблема цитирования в авторском праве: цели, содержание, предельные объемы // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 342–348.
6. Мотовилова Д.А. Ключевые положения Директивы (ЕС) N 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке // <https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729025/?ysclid=mfr0jve7mb216093690> Дата обращения – 19.09.2025.
7. Рожкова М. А. О “цитировании” фотографий, открытом доступе и подмене понятий // Хозяйство и право. 2017. № 1 (480). С. 31–41.
8. Тупичинский А.С. Пародия как производное или оригинальное произведение: казнить нельзя помиловать // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Декабрь. № 4 (46). С. 41–52.

References:

1. Betuganova L. A. Citation: the boundaries of the concept // Govor: almanac. 2023. No. 5. pp. 70-72.
2. Valdez-Martinez E.R. Features of the application by courts of criteria for lawful citation when considering cases // Digital economics: intellectual property and law: collection of articles dedicated to the anniversary of Marina Maksimovna Karelinina: monograph / ed. by N. V. Buzova. - Moscow: IOP RGUP, 2023. - 296 p. - ISBN 978-5-00209-070-9. - Text: electronic. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2151294> (date of request: 09/19/2025). – Access mode: by subscription. p. 125.
3. Vitko V. Judicial practice on the informational purpose and the permissible volume of quoting photographs // Intellectual property. Copyright and related rights. 2019. No. 5. pp. 41-46.
4. Kopylov A. Y. Some issues of quoting audiovisual works // In the collection: Intellectual property rights: challenges of the 21st century. collection of reports of the V International Scientific and Practical Conference. Tomsk, 2023. pp. 167-170.
5. Kusakina A.A. The problem of citation in copyright: goals, content, limits // Issues of Russian Justice. 2022. No. 17. pp. 342-348.
6. Motovilova D.A. Key provisions of the Directive (EU) N 2019/790 on copyright and related rights in the single digital market // <https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1729025/?ysclid=mfr0jve7mb216093690> Date of access – 09/19/2025.
7. Rozhkova M. A. About "quoting" photos, open access and substitution of concepts // Economy and law. 2017. No. 1 (480). pp. 31-41.
8. Tupichinsky A.S. Parody as a derivative or original work: execution cannot be pardoned // Journal of the Court of Intellectual Rights. 2024. December. No. 4 (46). pp. 41-52.